

Андрей Платонов СОЧИНЕНИЯ

Андрей Платонов

IV-2

**Российская академия наук
Институт мировой литературы им. А.М. Горького**

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

СОЧИНЕНИЯ

Научное издание

Главный редактор Н.В. КОРНИЕНКО

Редакционная коллегия:

Е.В. АНТОНОВА, Т.М. ГОРЯЕВА, А.Б. КУДЕЛИН, А.М. МАРТЫНЕНКО,
Д.С. МОСКОВСКАЯ, Т.А. НИКОНОВА, В.В. ПОЛОНСКИЙ,
Н.Н. СКАТОВ, Т.С. ЦАРЬКОВА, Р. ЧАНДЛЕР, Е.Д. ШУБИНА

Москва
ИМЛИ РАН
2020

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

СОЧИНЕНИЯ

Том четвертый

1928–1932

Книга вторая

**РАССКАЗЫ
ПЬЕСЫ
СЦЕНАРИИ
СТАТЬИ**

Москва
ИМЛИ РАН
2020

*Подготовлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
исследовательский проект «Научное собрание сочинений
А.П. Платонова»*

Подготовка текста и комментарии
Е.В. АНТОНОВОЙ, Б. ДООГЕ, Н.И. ДУЖИНОЙ, Р.Е. КЛЕМЕНТЬЕВА,
Н.В. КОРНИЕНКО, Д.С. МОСКОВСКОЙ, М.В. ОСИПЕНКО
(БОГОМОЛОВОЙ), Е.А. РОЖЕНЦЕВОЙ, Н.В. УМРЮХИНОЙ

Редактор тома
Н.И. ДУЖИНА

РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ

ОБЛАСТНЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ФИЛОСОФСКИЕ ОЧЕРКИ

Пишут, что хорошо выезжать из Москвы, потому что, дескать, сразу окунаешься в травяную русскую природу и в советские массы. Я того не чувствовал — мне отовсюду грустно уезжать, — везде, на любом географическом месте, в жизнь и в людей ввязываешься сердцем и отвязываться нет желаний.

Поезд шел на юг, на Северный Кавказ, в нем ехали люди на отдых, некоторые же — на хлебозаготовки, на контроль строительства обводнительных каналов в тамошних республиках и на другие государственные дела. Смутили меня те, которым необходим отдых, — это были не рабочие и не средние служащие, а явный бюрократический актив, умеющий пластическим путем фильтроваться сквозь государственные трущобы в страны, не для него завоеванные. Целиком возможно, что это лишь правда моего вагона, а не всеобщая горестная истина. Но не нужно увлекаться той правдой, о которой можно сказать, что она существует лишь «в общем и целом», а руками и очами ее проверить нельзя. «Общая и целая» — это среднеарифметическая правда, меня же интересует исключительно насущная и конкретная.

Похудевший за эти месяцы хлебозаготовитель ничего пока не говорил: он отмалчивался, чтобы говорить в служебных местах — на ссыпных пунктах; безошибочно можно сказать, что у него в душе лежит тяжесть, равная весу заготовленного им хлеба. После я с ним познакомился — на основе транспортного братства — и косвенно узнал, что этот человек — тот самый гражданин и председатель райсоюза потребиловки, который, будучи вызван замнаркомторгом для надлежащего подтягивания, дошел до вагона начальства, взялся за поручни и только здесь ужаснулся, а ужаснувшись — пригнулся к земле и исчез в неполотых просыяных полях, где и пробыл трое суток, не пивши, не евши. Его, наверное, искали сельские милиционеры, но разве сыщут кого эти самые кроткие люди из всех попечителей благочиния на земле? Ясно — нет: и предрайсоюза возвратился домой, съел две корчажки сметаны с хлебом и пошел в свое правление, а вагон замнаркомторга отбыл вдаль по своему расписанию.

Я пожалел худого хлебозаготовителя и подумал, что хлебозаготовки можно усилить и другим быстрым средством, а именно — перестать кормить хотя бы бюрократический актив, не трогая

пока пассива, одновременно же прекратив его перевозку на юг для наращивания пластических сил. Мне показалось, что это способствует вывозу хлеба и ввозу машин из-за границы, а также и тому, что кооператору-хлебозаготовителю реже придется убежать со столбовой дороги социализма в просо.

В Рязске в вагон сел грустный человек; он развернул бумагу с колбасой и начал закусывать, безотчетно рассматривая чуждых ему спутников. Напитавшись, он зорко уставился в окно и не отрываясь от зрелища великорусских пространств верст сто.

— Никак не вижу межи! — сказал он с огорчением, больше всего обращая ко мне. — Говорят, здесь сразу кончаются суглинки и подзолы и начинается сплошная чернота почвы, то будто и есть че-че-о.

— Какая че-че-о?

— Ну, стало быть, черноземная область: говорят — она больше Англии и чуть меньше европейских держав, а вот межи никак не видно, а на плане я сам видел ровную черту. Как же так?

— Вы куда едете-то? — спросил я грустящего человека.

— В Воронеж — куда ж больше.

— А там что?

— Там, люди говорят, новые корпуса строят для организаций, десять тысяч служащих, говорят, набирать будут, а я — человек сокращенный.

— Откуда? — все более сочувственно узнавал я.

— Откуда — из учреждения: мы всю жизнь служим. Десять лет в уездной архивной комиссии беспорочно состоял, а теперь свалили все документы в подвал статбюро, а в городе хорошего крысомора нету — теперь звери всю бумагу поедят. А сколько трудов на те документы положили — уму непостижимо: — как же! — все остатки революции в них, больше их нигде нету.

Архивариус, когда говорил, держал в руке кружок колбасы и, по мере речи, исходил слюной от аппетита, — поэтому он прекратил свое слово и сладостно обнял губами отрезок колбаски.

— Думаете в Воронеже службу найти?

— Непременно, непременно, — управлялся с колбасой архивариус. — А вы тоже туда?

— Тоже, — согласился я, не прочь, в сущности, послужить родному черноземному краю.

Солнце освещало мир, как электричество служебную залу, где люди, по убеждению рязского архивариуса, должны находиться в служебном состоянии. Он глядел на огороды — там земледельцы сидели на корточках и что-то быстро перебирали руками, словно листовали дело в канцелярии, — архивариус же едет в тоске в Воронеж, сокращенный из обихода служащего человечества.

Поездной машинист, поскучав на ненужных стоянках, гнал поезд по равномерным равнинам к той узловой станции, где предстоит смена паровозной бригады. По сторонам пути стояли сигналы уклонов и подъемов, пикетажные столбики и прочие ориентировочные знаки, но никакой машинист сроду не справлялся с этими указаниями: он чувствовал ногами работу паровозной тележки и в настороженную душу безошибочно улавливал координату работы машины, скорости, времени, расписания, тяжести поезда и состояния тормозов. Поэтому старые паровозные машинисты по виду небрежны, и если б пассажиры смотрели на машиниста, как он рассеянно ведет поезд и, не глядя, шурует рычагами, то пассажиры оставили бы поезд на любом разъезде, чтобы избежать своей близкой и безусловной гибели. То же самое с шоферами: тот шофер, который чувствует себя за рулем сложнее, чем на телеге, тот наверняка изувечит машину: это я переживал по собственному опыту. С машиной надо держать себя просто, искренно и самому быть не глупее ее; машина не терпит к себе неопределенных любительских отношений, она не бывает любовницей.

Под колесами поезда проскакивали границы губерний, уездов, райвиков, распространения власти сельсоветов, районы тяготения к ссыпным пунктам и элеваторам, сферы уполномоченных по расширению площади посевов сахарной свеклы, наконец, различные профсоюзные линии, разграничивающие скрещивающиеся влияния райкомов, райуполномоченных, разъездных инструкторов и прочих деятелей, организующих труд; однако многое необходимое, что пересекал на ходу паровоз, могло быть из памяти упущено: следовало бы издать генеральную карту организационного устройства СССР, чтобы любой путешественник мог свободно узнавать, под чьим непосредственным воздействием он находится в данную минуту жизненного состояния.

Посчитав в уме, я, однако, отказался от карты генерального организационного размежевания — для этого потребовался бы бумажный планшет, равный по площади как раз территории СССР; иначе невозможно будет четким образом уместить все линии прямых и косвенных соподчинений, планирующих увязок, инструктирующего обслуживания и прочих обязательных функций, — линии могут совпасть, наложиться одна на другую, и получится сплошное слитное пространство тьмы, в которой не видно, кто кем руководит: кто умнейший актив и кто отсталая масса, подлежащая срочной культурной революции.

Ежесекундно колеса паровоза надавливали на толстые и тонкие линии организационных устройств, на различные пункты облегченных связей и на жирные черты неразлучного прочного

подчинения; каждый квадратный сантиметр земли, если посмотреть на него чистыми государственными глазами, был занят линиями продуманных схем, траве же негде поместиться, и ее фактически не должно быть.

Архивариус вытер красным платком поработавший над колбасой рот, затем почистил тот же платок клочком газеты и, сложив его в осьмушку, спрятал во внутренний карман пиджака: там он будет сохранней. Сокращенному архивариусу дорого было войти точкой в схему госаппарата, чтобы есть колбасу не только в поезде — на людях, когда совестно есть хлеб, — но и дома ежедневно, или хотя бы через день. Схему полного ээсеровского оргустройства потому и нельзя вычертить, потому и не хватит на это бумаги, что сам СССР есть схема в натуре. И вот этот бывший архивариус — он не пойдет на надел землю пахать или кирпичи делать в соответствующем тресте, а неминуемо старается заполнить собою какую-то государственную связь, как будто чувствуя в ней роковой пробел за своим отсутствием.

Тормоза втугачку схватили разыгравшиеся колеса; под вагоном чувствовались стрелки и крестовины большой станции. Также втугачку хотел и хочет бюрократизм зажать колеса революции, чтобы до социализма доехать немного позже того момента, когда сам паровоз, ведущий историю, сгорит от форсированной работы — тащить поезд волокитой на зажатых тормозах.

В Козлове мы стояли больше по регламенту, чем по необходимости; прицепили свежий паровоз, люди с вагонных крыши добавили воды в уборные, служба технического осмотра проверила рессорные тележки и простукала бандажи, а поезд не шел — единственно из-за того, чтобы отстоять свое время ради точности расписания. Пассажиры поели, попили, прочитали журналы, в которых писатели пишут о том, о чем их не просят, а поезд тихо ожидал своей минуты отбытия. В наш вагон пришли новые пассажиры, — вероятно, люди дела, едущие с портфелями на близкие расстояния. Эти люди, оказывается, строили в черноземных краях новый мир — Центрально-Черноземную область — и сразу взялись за обсуждение своей коренной темы. Кооператор, архивариус и я затихли, в ожидании лучшей жизни, которую пришедшие люди ехали делать изо всех сил.

Все трое ехали из Тамбова в Воронеж — в оргбюро ЦЧО. Несмотря на утомление дороги и пересадки, административная ярость была резко начертана на всех трех лицах.

— Позвольте, Иван Сергеевич, куда ж это годится? — говорил средний человек, утирая бредовой пот со лба прямо ладонью. — Как можно делить организационно и исторически неделимое, скажите мне пожалуйста? Тамбовский край, это же издавна

определенно сложившаяся естественная, культурная и экономическая единица! Уже при Гаврииле Романовиче Державине, когда покойный был Тамбовским губернатором, уже тогда тамбовский край был государственным понятием, а теперь, извольте видеть, северный кусок природного поценского края отходит от Тамбова в другой округ! Извините, мы тоже пока еще губерния, — у нас есть ВЦИК, извините! Воронеж — это еще не Москва, это лишь губерния, и даже не из важных!..

Другой тамбовец был из Кирсанова и имел свое мнение насчет Тамбова: он считал, что Кирсанов по торговле важнее Тамбова и Воронежа; до войны Кирсанов имел могучее хлебоэкспортное дело, затем одиннадцать лет чах, а теперь помаленьку становится на ноги — недавно первый общественный колодезь устроили, отопление жилищ предположено перевести с кизяков на торф и так далее. А что Тамбов? — Тургеневское дворянское гнездо в вишневых садах — больше ничего! А что Воронеж? — Раньше там хоть Петр Первый флот строил, а теперь попробуй построй его, когда кругом одни леса местного значения!

Этот человек мне наиболее понравился, у него и патриотической ярости на лице было меньше, поскольку дело не касалось Кирсанова.

Поезд вышел в степь — здесь уже пахло по-другому и явно чувствовалось, что скоро это будут не простые губернские поля, а областные, тогда рожь, по подсчетам областных организаторов, должна расти гуще.

— Крой Воронеж всюю, — сказал собеседнику кирсановский человек, — теперь ведь можно сверху донизу, снизу доверху: полса самокритики пошла, нашего брата массы в плюшку жмут...

Полный москвич, ехавший на Кавказ и всю ночь промолчавший, вдруг улыбнулся и позволил себе замечание.

— Не совсем так, товарищ, не совсем. Мы никак не привыкнем к равновесию... Я бы сейчас главным лозунгом объявил равновесие мероприятий. А то посмотрите, что выходит — не самокритика, а самобичевание...

Здесь москвич, как опытный демагог, всем соседям предложил папиросы — «Герцеговину Флору».

— Сделайте одолжение, — сытым голосом убеждал он нас, как своих приспешников.

Кооператор поинтересовался: сколько же стоит одна такая папироса.

— Пустяки: копейки три, — сообщил москвич.

— У нас на три копейки можно пучок купырей купить, можно полбуханки хлеба съесть, можно стакан молока выпить, за пятак тебе лапоть сплетут, а другой на дороге найдешь, — выводил

товарную стоимость трех копеек кооператор. — А в Москве — это одна папироса!

— Это же и есть равновесие, — конкретно увязал москвич. — Я, допустим, зарабатываю четыреста-пятьсот, а вы сто, но вы живете зато не в Москве, и мои четыреста, если посчитаешь, равны вашим семидесяти рублям...

— Значит, мои папиросы «Бокс» по вкусу, что и ваши, либо даже лучше? — с логической точностью определил кооператор.

— Одни папиросы брать не следует, — мягко поправил кооператора москвич. — Вы берите всю массу товарной продукции и учитывайте по среднему...

— Не учтешь! — усомнился кирсановец. — У нас в одной волости пять лет подряд двадцать тысяч десятин без обложения налогом существовали, а говорят, город Лондон меньше этой площади. Значит, у нас город Лондон вроде бы стоял, а мы его и не видели... А найди виноватого! Учесть виноватого еще труднее, чем пропавшую площадь: та хоть травой зарастает, отговорка есть...

— Равновесия нет, — опять положил свою резолюцию на все беды москвич. — Вы раньше сказали о самокритике, что масса на учреждения давит: вот вам и результат! Разве это требуется? Никакое учреждение при таких условиях работать не может, потому что учреждение должно руководить. Не правда ли? А иначе придет какой-нибудь кузнец в правление синдиката и скажет: вас я сокращаю, а себя сажаю, ступайте в молотобойцы. Ну, и что же будет? Будет хуже: будет кузнец, только и всего. Нет, надо самокритику ввести в здоровое русло — придать энергии народа плавный темп...

— Русло тоже дело ненадежное, — высказался кооператор, имея в виду речные берега. — Русло вода может свободно размыть.

Тамбовец доказывал своим спутникам, что вообще с областью явно поспешили: границы округов определены наспех, губернские и уездные работники далеко не все получили назначения на областные посты, и вообще, в целом, будущее рисуется далеко не в четких перспективах.

— Да ведь крестьяне-то пахать будут, рабочие-то не бросят работать оттого, что границы округов не уточнены, — ввязался я в чужой разговор. — Ваше дело не строить, а руководить.

Кооператор и архивариус остались нейтральными, а прочие люди внятно объяснили мне значение правильного руководства и точной организации в нашей крестьянской стране — среди беспокойной стихии единоличников. Я молчал, как благодарный, не разубеждаясь в том, что настоящее руководство может быть

помощью, а бюрократическое — всегда будет эксплуатацией, садизмом и вредительством. То руководство, которое обращается за помощью к массам, само, следовательно, способно помочь рабочему и крестьянину выбраться, раздавить живой силой затруднения и выпрямить кривую революции. В этом весь смысл самокритики.

*

Воронеж, это степная колыбель русского флота; это, еще ранее, крепость против татарских всадников на высшей точке водораздела меж реками Доном и Воронежем. С того места, где ныне стоит Митрофаньевский монастырь, открывается воздушное прозрачное пространство в дальнюю заречную степь, с расстоянием до горизонта верст на тридцать, на сорок. Тут и была некогда крепость и деревянная башня с дежурным наблюдателем. Отсюда же, в годы перемирий, видно было, как везли товары русские купцы к византийцам и грекам по Калмиюсской сакме — татарской дороге по обочине Дона. И тогда наблюдатель слезал по крутой лесенке с башни и шел к девушкам на посиделки — песни петь и угощаться.

Затем в Воронеже и его окрестностях появились святые угодники — по существу, колонизаторы девственных равнин и охранители мира на торговых путях. Они из укрепленного военного поста создали коммерческую базу и вспомогательный ямщицкий поселок для транзитных операций среднерусских княжеств с юго-востоком.

Позднее через Воронеж шло несколько чумацких солевозных трактов, затем они заросли травой, и само направление их было забыто, а впоследствии — распаханы.

Вслед за последними угодниками — Митрофанием Воронежским и Тихоном Задонским — явился Петр Первый, угодник европейской технической цивилизации. Митрофанию Петр был современником, и я в детстве видел золотую карету, хранимую монастырем, в которой царь и святой ездили вместе на воронежскую кораблестроительную верфь. В раннем же детстве я жил в Задонске и слышал от деда, через мать, что некогда в Задонск приезжал Достоевский — посмотреть на знаменитый монастырь, где жил Тихон Задонский, сокровище души Достоевского, как он сам об этом потом писал. Дед был золотых дел мастером, работал на монастырскую ризницу, издавна был связан с монастырем, и, наверное, слух о посещении Задонска Достоевским имеет некоторые основания. Возможно, Достоевский переписывался с настоятелем монастыря, чтобы получить сведения о жизни Тихона, когда думал о написании «Братьев Карамазовых». Черты Тихона Задонского,

как известно, запечатлены Достоевским в старце Зосиме и отчасти в Алеше.

Петр Первый превратил Воронеж в русский Амстердам, — выписал сюда гвардию голландских, английских и немецких инженеров и здесь же задумал прорыть канал на соединение Дона с Окой, начал его строить, но не закончил*. Этот канал был отцом современного Волго-Дона, а город Воронеж послужил источником технических сил, опыта и снаряжения для Доно-Окского Водногохода. Так что судостроительный, гидротехнический Воронеж является дедушкой Волго-Дона и будет со временем пользоваться трудами своего внука.

Петр, говорят, обездолил леса всего края на постройки верфей, шлюзов и кораблей. Петр знал толк в материалах и требовал, как истый первоклассный инженер, лес высшего качества даже для постройки вспомогательной лодки. После Петра леса начали вырождаться и в наши дни превратились в так называемые леса местного значения, то есть мелкие полукустарниковые породы. Петр, стало быть, бессознательно сыграл роль родоначальника лесов местного значения.

Еще задолго до царской войны, несмотря на плодородие почвы, крестьянство Воронежской губернии, и соседних с нею, начало быстро беднеть и поставлять отходников в города и в Донбасс. Сельское хозяйство области, в силу царской аграрной политики, зашло в тупик и требовало крупной социальной и технической реорганизации. Столыпин дал исход деревенской верхушке на хутора, а остальное крестьянство нашло себе выход в революции. Социально-производственная форма организации крестьянства теперь найдена — коллективы; в сущности — это коммуны 19–20 года, но без многих недостатков и преувеличений их. К сожалению, мне было невозможно близко взглянуть хоть один коллектив, но надо заочно считать, что от удачи этого опыта зависит спасение деревни и уничтожение того трагического положения, которое в деревне есть сейчас. Коллективы в деревнях нам сейчас дороже Днепростроя; неудачи коллективов заставят спасаться крестьянство в одиночку, то есть толкнуть его на кулацкий путь. В государственном содействии коллективному устройству крестьян страшно одно: чтобы это содействие не обратилось в обыкновенное буксование государственного колеса на бумажной подстилке. Уже есть Колхозцентр, кроме него, все местные и центральные органы тоже стараются влипнуть в колхозное строительство; здесь беда в том, что все хотят поруководиться, дать указания, «проин-

* До 1910 года сохранялись в Тульской губернии остатки этого канала — под именем «Епифаньевских шлюзов».

структурировать», согласовать «темп колхозостроительства» с общим народно-хозяйственным планом губернии и прочая громкая чепуха. Между тем главное руководство должно заключаться лишь в том, чтобы не мешать органическому влечению крестьян к устройству своей хозяйственной судьбы через коллективы. Всем же известно, что всякая такая «руководящая» работа больше продельвается для очистки бюрократической совести, а не из стремления к практическому социализму.

По прошлой своей работе в провинции, а также из теперешней поездки я убедился, что в деревне, кроме коллективов, нужны в первую очередь землеустройство, мелиорация и огнестойкое строительство. Агропомощь, по-моему, относится ко второй очереди, если понимать под агропомощью агротехнику, а не ту организационно-универсальную работу, какую ведет сейчас на деревне участковый агроном. Прочие агрономы, выше участкового, собственно, заняты межведомственным обслуживанием и к крестьянству не относятся.

Уже на платформе вокзала чувствовалось некое напряжение, явно сверх губернского масштаба. Ничего еще не было видно, дома стояли прежние, площадь двух колосьев не давала трех, а люди уже авансом тратили свою энергию, надеясь на увеличение урожая от слияния четырех губерний в монолитное тело области. Ничего еще не было, а уж организационная сила была.

Губернско-областные чиновники расходились по домам на обед. Их страстные убежденные лица имели какую-то областную особенность, которую я сразу не мог заметить, живя в губгороде Москве. Заметил я эту особенность только вечером, когда областные работники шли на заседания: на их лицах были бакенбарды, — в этом и заключался областной придаток наружности; от таких личностей веяло каким-то пушкинским духом, но вместе с тем это придавало физиономии более санитарный вид и скрытую задумчивость.

Я купил местную газету, чтобы проверить — нет ли там лозунга о бакенбардах от Губздравотдела и Губоблсовета Физкультуры; например, лозунги могли быть в таком смысле: «За советскую бакенбарду!» или с мотивировкой — «Опрятность наружности есть символ идеологической устойчивости: физкультурник, отпускай баки, будь впереди! За новую наружность, за нового человека!»

В газете лозунгов таких не было. Но были снимки зданий будущих облисполкома, облпрофсовета и прочих емких помещений. Я взгляделся в фотографии: может быть, в камнях есть областная архитектурная стройность либо отпечатки ума и организационного умения. Затем шли портреты туземно-областных вождей,

карта области и заметка об арженской фабрике грубых сукон (в Тамбовской губернии), чтобы газета больше походила на областной орган и не страдала губернской ограниченностью. В хронике отмечалось выступление тов. Терентьева в споре с архиереем. Тов. Терентьева я помнил — это значительный и энергичный деятель, выполняющий в местном масштабе то, что Вольтер делал во всемирном, а тов. Ярославский — во всесоюзном. В остальном содержании газета занималась всемирно-историческими вопросами, словно ей было мало той территории — больше Британского Королевства, — превращению которой в социалистический кусок она призвана помогать. О бакенбардах не было упоминаний, следовательно, они были стихийными растениями на почве области, так как губернские работники бакенбард не носили, это я помню безошибочно, они, наоборот, брились до младенческого состояния щек. Но нынче, на пути к областному масштабу, бритые были усугублены устройством правильно спланированных бакенбард на лице.

По городу ходило 11 или 13 штук трамваев. Город едва ли испытывал особо острые затруднения с переброской масс населения из одного конца города в другой. Но я отлично понимал, что если есть трамвай в Курске и Орле — будущих окружных центрах, то в областном городе трамвай должен быть с непреложностью движения светил. У посадок в трамвай публика создавала искусственную суету, а затем вагон шел не слишком набитым. Значение этой нарочной суеты публики я понял несколько позднее. В воронежском трамвае я почувствовал себя как в Москве: те же надписи, наклейки и те же правила езды; разница лишь в одной букве: вместо «МКХ» всюду «ВКХ». Еще есть разница техническая: воронежские трамваи останавливаются тормозами Кунце-Кнорра, а не устарелыми, но испытанными вестингаузами.

На 11–13 трамваев и на три, кажется, маршрута имеется 27 человек контролеров, из них 9 человек от ГЖД, остальные от Горсовета. В каждом вагоне едет не менее 2 контролеров, затем кондуктор и — обязательно — милиционер, как бесплатный пассажир, помогающий контролерам и кондуктору, в благодарность за провоз, управиться с иным злостным пассажиром. Из нескольких поездок на воронежском трамвае я полностью убедился, что со стороны управления ГЖД, Горсовета, Адмтдела ГИКа и прочих организаций, вмешивающихся в трамвайное движение, сделано, в сущности, все, чтобы сделать поездки людей жизнеопасными и чреватými экономическими и социальными последствиями, то есть вождением в милицию, штрафами и прочими ущербами для личности. Московские трамвайные распорядки усвоены Воронежем в кровь, но так как в Москве жителей больше в 25 раз, а трамва-

ев — в 100 раз, а административная энергия, приложенная к урегулированию трамвайного движения в Воронеже, количественно равна той же московской энергии, то число ежедневно наказуемых пассажиров в Воронеже равно тому же числу в Москве; иначе говоря, очень редко можно проехать в Воронеже на трамвае, не получив добавочно к билету особой квитанции об уплате штрафа, либо милицейского протокола, либо нравственного оскорбления. Все это делается ради того, чтобы «наши были не хуже ваших», чтобы разница между Москвой и Воронежем была лишь в букве, но не в разумном существе. Публика, говорят, сверх тройного надзора за собой еще сама помогает контролерам вылавливать из своей среды пассажиров-вредителей и добровольно устраивает давки на остановках трамваев. Я не уверен, что этим занимается вся публика, но многие люди явно и жестко стоят на страже трамвайной законности.

Это все оправданно: современная служащая провинция резко перерождена бюрократизмом; человек ведет себя и на воле, как на службе: он недоверчив, он одинок, хищен и непрерывно занимается самоспасанием; с ним трудно жить, с ним трудно ехать в трамвае, мы замучили друг друга, и становится стыдно существовать. Я думаю о жене мелкого бюрократа — того, который сам, быть может, ничему не вредит, но у которого душа повреждена бюрократизмом. У него тоже есть жена и дети, они не знают, какое бытие настроило сердце их мужа и отца, но они чувствуют на себе всю гнетущую, мрачную, иссушающую силу этого родного сердца.

Бюрократизм учреждений когда-нибудь будет уничтожен, потому что даже горы выдуваются слабым ветром, но как нам быть с тем бюрократизмом, который стал содержанием крови целого слоя людей? И кто будет в ответе за изуродование этих некогда доверчивых, свежих и здоровых людей? Ведь бюрократизм стал уже биологическим признаком целой породы людей — он вышел за стены учреждений, он отнимает у нас друзей и сподвижников, он стал нашей безотчетной скорбью.

Я ходил по городу, читал вывески и думал о том немощёном адовом дне, по которому сейчас, босая и шагом, идет революция. Все вывески, где есть какой-либо «Губ» (губернский), уже перемалеваны на «Обл». И мне казалось, что мы слишком любим идти по легкому пути, но не по трудному — к социализму. Всякое организационное дело, в условиях пролетарской диктатуры, есть дело второстепенное и обслуживающее. Первостепенным остается изготовление вещей, ослабление губительных действий природы и поиски путей друг к другу; в последнем — в дружестве — и заключается коммунизм: он есть как бы напряженное сочувствие между людьми.

И всюду, или во многом, в этой «Чечео» видно подражание Москве, Харькову и подобие республиканским центрам. А окружные города, вероятно, равняются по областному городу, а районные села — по округу и т. д. — вплоть до сельсовета.

Это похоже на детское разъемное деревянное яйцо: яичко вложено в яичко, одно другого незначительней, но все одинаковые.

*

Меня интересовали люди, а не учреждения, поэтому я учреждений не посещал, чтобы не раздражаться и не быть обманутым гулом мероприятий. Люди мне доверялись, потому что это были мои старинные знакомые, мои неменяющиеся друзья, а я для них был прежним электромонтером. Я пошел в дом, где, ради общего свидания, собралось человек шесть мастеровых и для усиления искренности организована слабая выпивка.

Радио — этот всесоюзный дьячок — хриплым голосом служило коммунизму на окне рабочего жилища в провинции. Рядом с рупором росли крошечные цветы, по виду известные мне с детства, а названий их я никогда не знал.

Мастеровой в наши дни стал более скрытным, более углубленным и задумчивым человеком, — это или страдание, или развитие личности. В старое время общая безнадежность делала рабочих людей в своем кругу веселыми и самозабвенными собеседниками. Теперь есть надежда и есть какая-то смутная неуверенность в ней.

— Федор Федорович, — спросил я пожилого опытного слесаря, с которым десять лет знаком и два года работал. — Одна область лучше четырех губерний?

Федор Федорович сначала попросил хозяина выключить радио.

— Филя, заглуши ты этого хрипатога дьявола — мы не к обедне пришли, а к тебе.

Федор Федорович говорил, как многие русские люди: иносказательно, но — точно. Фразы его, если их записать, были бы краткими и бессвязными: дело в том, чтобы понимать Федора Федоровича, надо глядеть ему в рот и сочувствовать ему, тогда его затруднения речи имеют проясняющее значение. Пришел гость с гармонией и перебил наш разговор игрой. Мы заслушались, разволновались, а хозяин — Филя не знал, чем бы получше угостить гармониста; рабочий человек глубоко понимает, что ведер и паровозов можно наделать сколько нужно, а песню и волнение чувств сделать нарочно нельзя, — искусство дороже вещей, потому что оно приближает человека к человеку, а это труднее и нужнее всего.

Федор Федорович и Филипп Павлович растроганно пили водку, еле сдерживая свои жалостные и героические чувства. Худой гармонист сохранял серьезность и глядел на слушателей неизвестно о чем думающими глазами. Под конец он сыграл шимми, — трудящиеся и шимми прослушали с волнением; в сущности, это искренняя тонкая пьеса — автор сочинил ее для людей, а не для тех фильдеперсовых ног и бесполох тел, которые из этой музыки сделали провокацию акта размножения. Никто из присутствующих не видел этого танца, когда европейки с монгольскими лицами обнимают равнодушных воров, — зато тем глубже трогала их какая-то нежная и энергичная тоска шимми, грусть безымянного близкого человека, заблудившегося в сложном устройстве мира, среди людей, холодных, как сооружения. И вот мечется человек — в пиджаке, в кепке, взволнованный и хороший — новый Каин буржуазии, Агасфер земного шара, интернациональный пролетарий.

Гармонист кончил играть и выпил для подтягивания утомившейся души. Возможно, что и революция, и всякая искренняя страстная деятельность человека сделана по модели любви, поэтому можно любое искусство сделать тактом объятий и бессмысленных наслаждений, то есть пустить музыку не туда, куда ее направил художник, а в ту исходную тьму, откуда она, быть может, вышла.

— Вот, видишь, — сказал Федор Федорович, — чем надо людей смазывать... А ты говоришь — организация: то, понимаешь ты, как мучной клей. Помнишь, им газеты к заборам приклеивали, и ни черта не держалось...

Я понял. Кто у нас только не работает над объединением и склеиванием пролетариата? Громадные, дорогие, многочисленные организации. И многие из них, вместо горячего клея, употребляют остуженный кисель, либо мучную пыль на воде.

— Нравоучительность куда-то из нас пропала, — непонятно определил ослабевший от вина помощник машиниста с водокачки.

— В газетах пишут, что наша губерния вся запаршивела и оскудела, — вспомнил Федор Федорович. — А по-моему, она не оскудела, а ее объели...

— А во мне сердечность оскудела, — проговорил помощник машиниста. — Раньше ты мне дорог был, — без определенного личного направления сказал помощник, — а теперь и умрешь — все равно... Филя, налеп мне еще чашечку, да я к старухе пойду...

В учреждениях, наверное, сейчас уже кончили передвижку столов и распланировку отделов под областные органы: завтра служащие люди будут сидеть иначе, для них наступит новый режим писчего дня.

Помощник выпил чашечку и ушел на покой к старухе. Остальные завели полуночное собеседование. Я слушал, потому что говорившие люди по опыту были умнее меня и они чувствовали неощутимые для меня вещи.

— Например, так, — высказывался оживший от друзей Федор Федорович. — Он — человек молодой, а я уже почти старик. Он приходит в цех, ему дают работу. Но ведь я тридцать лет мастеровой, я не грубо знаю дело, а он — мальчик... Ну, кого послать, скажем, в организацию? Посылаем его — нам он не нужен, работать он не научился, а таких, как я, — я это по душам говорю, положила руку на сердце, — таких у нас во всех мастерских двадцать человек. Вот он там и делает власть за нас, а что он понимает?!

Федор Федорович хотел сказать, что, дескать, старых опытных мастеровых отпустить с производства никак нельзя — работать некому будет, да и мало у нас людей первой руки. А юноши, только попавшие в цех, никому не дороги, да и им самим тоже не дорого работать за станком — ими и затыкают всякие выборные должности, а потом они сами делаются профессиональными руководителями, без всяких прочных, товарищеских связей с мастерами. Больше того, многие молодые рабочие на завод смотрят лишь как на исходную точку своей будущей общественной карьеры, как на временное, бросовое ремесло. Он поработает год, много — два, по всем документам он уже рабочий и тогда начинает идти во всякие высокие двери проф-парт и сов-организаций; а где дверь заперта для него, он уже сумеет ее толкнуть. Там, наверху, в руководящих сферах, молодому человеку представляется теплота обеспеченной жизни, почетность положения и сладострастное занятие властью. И некоторые получают эту сумму благ взамен равнодушия мастеровых, оставшихся где-то в подземельях труда. Оставшиеся знают, что эти единоличники спасутся (в смысле материального достатка и всякого наваждения в пустой голове), но всем же нельзя этим путем спастись. И отсюда — некоторая скрытность и погруженная задумчивость современного советского рабочего человека.

Федор Федорович показал мне рисунок в газете: два огромных пролетарских сапога хотят растоптать попа и толстого лавочника.

— Что? — спросил я, не понимая.

— Как что? Не видишь? Поп — ну какой он нам нынче враг? — соринка! Лавочник, — да его и давить-то нечего: открой лишний кооператив, и лавочнику — гробик еловый! Другие враги теперь родились: вон, на Шахтах, еще в прочих губерниях... А то и такие, может, есть, которых и сейчас не видно...

— Ты нам то объясни, — обратился ко мне Филипп Захарович. — Почему это все в массы швыряют, — прямо как кирпичи летят. Книгу, пишут, — в массы, автомобиль — в массы, культуру — тоже туда, к одному месту, дьячка этого (он на радио показал) — тоже к нам, критику — опять-таки давай сюда... От таких швырков тело заболит...

— Радио же вон дошвырнули!

— Радио — это да, и то никто не швырял, я сам сделал. А вот другие вещи на нас не падают, они от трения на воздухе сгорают: как, я читал, звезды — небесные кирпичи...

— Зашвыряли массы, — согласился Федор Федорович, — прожевать некогда. А ведь это сверху кажется — внизу масса, а тут — отдельные люди живут.

Гармонист сыграл на прощание «На сопках Маньчжурии», мы обнялись и расстались — наверное, на годы.

— Федор Федорович, а Область-то нужна все-таки, или нет?

— Отчего нет? Все вторичное нужно, когда первая необходимость есть.

— А это что?

— Это — как тебе сказать? — когда мне и тебе отлично, и ребенка пустить к людям не страшно. А второе — будет тебе хлеб с закуской, а третье — Область твоя...

— А отчего мне и тебе станет отлично?

Федор Федорович стал в тупик.

— От хороших людей, наверное. Или нет?.. Наделать всего побольше, чтоб никто не серчал, — богачей же у нас нету, никто не отымет...

Над областью лежала тьма, а в столах учреждений покоились сложные планы и бумаги для проработки и вдумчивого исполнения.

Отпустить бы всех людей из учреждений на свободу, чтобы они наделали побольше съедобных, носильных и жилищных вещей, дабы никто не серчал от нужды и дабы сами они перестали поедать чужие мягкие вещи.

*

Выехал я из ЦЧО вечерней зарей. На севере, как горы, находились мощные тучи. Там тысяча человек спасала десятерых спутников Нобиле, а у нас сотни тысяч, миллионы пролетариев спасаются от сотен бюрократов. Я не верю в отвлеченный бюрократизм — тогда бы пришлось воевать с письменными столами и чернильницами, а надо всюду предпочитать людей предметам. Объяснить бюрократизм одной некультурностью рабочего класса и крестьянства тоже нельзя, потому что этот же рабочий класс недавно сделал революцию — чрезвычайно культурное дело.

Поезд вышел за черту облгорода и начал поспешно проезжать леса местного значения, колхозы, совхозы, дворы единоличников и природную зелень. Одна треть пассажиров поезда ехала с юга из отпусков и нуждалась в высадке на первой станции, чтобы быть отправленной кем-то в деревню на уборку урожая и для выделки кирпичей новой огнестойкой деревне. Я думал, что так и должно случиться, но пришел контролер, кого нужно было высадить — не тронул, и я заснул от разочарования.

<Июнь 1928 г.>

ГРИГОРИЙ С УМСТВЕННОГО ХУТОРА

(Эпизод)

Двое производителей работ ехали с постройки большой плотины в сухой и дальней степи. Один из них был я, а другой — Сергей Дмитриевич Гуцев, ранее работавший по осушению плавней в пойме Амазонки в Бразилии. Мы ехали на старой машине заслуженной итальянской марки «Лянчия»; дорога разрыхлилась от бывшего дождя, ее брала только вторая и третья скорость, — и у нас часто кипел радиатор, который мы пробовали охладить переводом мотора на прямое сцепление с карданом, но нам не удавалось.

Вдруг в моторе что-то резко и часто забилося, словно в камеры цилиндров попало металлическое трепещущее существо. Конус, тормоз, — и мы вышли смотреть повреждение. Отняв гайки, мы попробовали поднять блок цилиндров, но силы в нас оказалось меньше тяжести, а энтузиазма не было. Прохожий человек стоял и судил нас:

— Вы маломочны и беретесь не так. Лучше ступайте на Самодельные хутора — отсюда версты две будет, и того нет. Возьмите оттуда Гришку — он вам один машину зарядит. А так вы замучаетесь — вы люди не те.

Мы подождали из уважения к себе перед прохожим, но затем сообразили, что без того Григория с хутора и без лошадей нам не обойтись, и вечерело уже. Я пошел на хутор. В ложине существовали четыре закопченных двора, из каждой трубы шел какой-то нефтяной дым, и всюду в этом поселении гремели молотки. Хутор был похож не на деревню, а на группу придорожных кузниц; дома, когда я подошел ближе, были вовсе не жилищами, а мастерскими, и там горел огонь труда над металлом.

Хутор назывался Спартак, и находился он в бывшем Богучарском уезде Воронежской области. Опустелые поля окружали эту индустрию — видно, что хуторяне не пахали и не сеяли, а занимались железным делом какого-то машинного мастерства. Резкая воздушная волна ударила мне в глаза горячим песком, снесенным с почвы, и вслед раздался пушечный удар. От неожиданного страха я присел за лопух и слегка обождал. Голый человек, черный и обгорелый — не на солнце, а близ огня, — вышел из хаты-мастерской и поднял позади меня огромный деревянный кляп.

Этот человек оказался необходимым нам Григорием. Он только что испробовал железную трубу, посредством выстрела из нее деревянной пробкой; железная труба лежала в горне, имея воду внутри, и работала как паровой котел — на давление, пока не вышибла кляпа из отверстия.

Григорий пошел со мной и поступил с лянчией просто: он выбрал начинку из двух цилиндров, в виде рассыпавшихся вкладышей, и запустил мотор на двух цилиндрах.

— Ехать можно, — сказал нам Григорий. — Только в двух холостых цилиндрах теперь живот болит — там газ и масло гоняются непостижимо как.

Мы поехали на Спартак. Хутор этот живет уже лет двести, и всегда в нем было не более четырех дворов. В свое, отошедшее в древность, время хутор был ремонтной мастерской чумацких телег, арб и чиновничьих экипажей, а теперь на хуторе поселились бывшие партизаны и демобилизованные красноармейцы, происхождением из шахтеров, московских холодных сапожников и деревенских часовых мастеров, делавших за недостатком заказов девичьи бусы.

— Вы ездили на автомобилях? — спросил у Григория Сергей Дмитриевич.

— Кто мне давал его?! — с вопросительной обидой произнес Григорий, правивший машиной.

— А как же вы едете так прилично?

— А я же еду и думаю, — объяснил Григорий. — Машина же сама говорит, что ей симпатично, а я ее слушаю и норовлю.

В Спартаке мы ночевали, потому что Григорий обещал поделаться вкладыши из металла, который никогда не лопнет и не раскрошится.

Мы с товарищем Гущевым легли на ночлег близ сарая, где хранился кузнечный уголь и брак продукции. Едва мы углубились в прохладу сна на свежем воздухе, как нас разбудил гром аплодисментов и длительные овации. Вокруг ничего не существовало, кроме тихой и порожней степи, а в одном строении хутора гремел восторг масс и трезво дребезжало стекло открытого окна. Я встал в раздражении испорченного сна, но со счастьем любопытства.

— Неопределенных возгласов не хватает, — услышал я рассуждение Григория в тишине кончившейся овации. — Люди всегда работают сразу — и в ладоши, и в голос крика! Иначе не бывает. Когда рад, то все члены организма начинают передачу.

Я не понимал. На полу жилья стоял станок, похожий на тот, что точит ножи и всякие лезвия, но с особым значительным ящиком и разными мелкими деталями. Привод станка в действие — явно был ножной. Весь этот аплодирующий автомат был изготов-

лен спартаковцами для петропавловского драмкружка, которому нужны были по ходу одной пьесы приветствующие массы за сценой. Здесь пришел другой мастеровой — Павел, по прозвищу Прынцип; он принес кусок блестящего металла в руке.

— Это что? — спросил я у Григория.

— Это мы детекторы из него крошим.

— И много вам заказывают?

— Тыщи. Наши деревни музыку обожают, а слободы — еще более. Я думаю, что дальше в степь радио и не проходит; у нас в округе антенн гуще, чем деревьев, вся волна тут оседает.

Дальше спартакоские мастеровые сошлись ужинать; их было семь человек, и все они слегка походили друг на друга, таково, вероятно, интернациональное братское свойство труда. Стол находился под кущей закоптевшего единственного дерева — в конце двора; над столом, подвешенная к дереву, горела чугунная люстра из десяти пятисвечевых электрических лампочек, а самое электрическое питание лампам подавал аккумулятор с чердака. На столе имелись для аппетита полевые цветы в банке и две стальные гравюры, изображавшие любовь.

После сытного ужина, рассчитанного на утоление мощных туловищ спартакоских степных мастеровых, состоялось чтение газеты вслух. Читал Григорий, а остальные серьезно слушали и отвечали искренними чувствами.

— «Нашей погранохраной задержан польский шпион Злучковский...» — читал Григорий.

— К ногтю! — решали слушатели про того шпиона.

— «В Баку открыт новый мощный завод смазочных масел».

— Машинам необходимы жиры. Это первейшая нужда, — одобряли такое дело мастеровые, сочувствуя машинам.

— «Камчатская пушная экспедиция Госторга шлет приветствие пролетариату Советского Союза».

И все слушатели молча наклоняли головы в ответном приветствии.

— «Близ Ашхабада наблюдались слабые толчки почвы, в ауле Исмидие разрушен один дом».

— Зря! Люди работают, а посторонняя сила лезет.

Спартакосцы — это очень серьезные люди. Было заметно, что они не слушают происшествия, а чувствуют их, не созерцают, а изучают, и в легкой работе ума отдыхают тяжелым телом.

После ужина Григорий принялся за изделие вкладышей для автомобильного мотора. По его системе вкладыши должны получиться прочнее, потому что он их делал не из целого куска бронзы, а из частей.

— Ты видел литые дома из одного цельного камня? — спросил Григорий у меня.

— Нет, — по справедливости сообщил я.

— Оттого они и стоят по сту лет, оттого и держат бури, жару, дожди и сотрясения. Часть — великое дело, а сплошной массив — хрупкая опасность. Я тебе вкладыши сварю из крупинок и частей, как кирпичный дом. Будешь ездить сильно! Митрий, порть мне бронзу на мелочь!

Дмитрий начал рубить кусок бронзы.

— Брось! — догадался Григорий. — Бронза стоит государству средств и организации. Руби мне ее из старых вкладышей.

И так было поступлено.

Еще не успел сварить и отформовать Григорий вкладыши, как из степной ночи предстал перед мастерской таинственный, озадаченный всадник. То был друг Григория — комсомолец из недалекой слободы.

— Гриша! К нам бог вступает, поп и бабы ему иже херуим хором поют, на голове у него свет горит!.. Едем со мной на лошадином заду!

— Заводи машину! — сказал Григорий мне.

Через минуту мы помчались с хутора на паре цилиндров бороться с пришествием бога в слободу, а позади нас попевал комсомолец на коне.

Мы приехали быстрее бога: он еще не дошел до слободы, а медленно двигался по горизонту, окруженный старым народом, и над головой его действительно светился нимб беловатого огня. Мы дали газ в мотор и с перебоями в цилиндрах достигли бога и верующих в него.

Шел старик по земле, одетый в рядно, босой и торжественный. Борода, ясные очи и благодушные пожилого лица служили определенными признаками бога-отца. Вокруг косматых головных волос светилось ровное озарение. Увидев автомобиль, бог-отец выпустил из рук чернохвостого голубя, означавшего духа святого; голубь не хотел было улетать от кормильца, но Григорий дал воющий сигнал — и птица понеслась боком вдаль. За это мы получили из толпы камень, разбивший стекло в правой фаре.

Григорий тогда встал на шоферское сидение.

— Господа старики и старухи! (В южных слободах любят это почтительно-отжившее обращение.) Господь устал от тягости грехов народа и пешего хода по земному пространству. Мы приехали сюда на машине, чтобы заставить дьявола послужить господу... Садись, бог!

— Охотно, голубчик! — согласился близко созерцавший нас бог-отец.

Он был усажен в пассажирское заднее отделение, и рядом с ним сел Григорий, а я повел машину — с такой скоростью, чтобы старики и старухи поспедали сзади бежать.

Ночь продолжалась над нами; глубокая звездная природа существовала вокруг нас, не замечая местного людского происшествия. В слободе заметили приближение того, кто явился во второй раз в мир человечества, и сторож зазвонил в главный колокол с малыми подголосками, произнося на них пасхальную службу.

Шоферское боковое зеркало все время отражало свет заднего бога, и вдруг оно погасло; я не мог обернуться, потому что впереди машины неслись собаки: их можно было подавить, но зеркало опять заблестело божьим сиянием, и я успокоился.

У входа в храм лежал ниц поп и так же повалены были все те, кто и раньше ходил под богом. В стороне стояла группа комсомольцев, трактористов и молодых слобожан, они бесстрашно улыбались накануне светопреставления. Один крестьянин, уже положительного возраста, подошел ко мне в сомнении:

— Либо, товарищ, правда, бог где-то был, а теперь явился, когда не нужен?

Я не разубеждал его словом, поскольку бог-отец почти фактически был.

Здесь божий свет снова потух. Поп поднял очи:

— Где же свет господень, что я видел во мгновении времени?

— Сейчас, — ответил бог. Но свет вокруг его главы не происходил.

— Давай, я зажгу, — предложил Григорий, — ты будешь копаться, должность потеряешь.

Он заголил богу рядом, как юбку, пошарил по его груди, и свет засиял.

— У тебя зажимы на батарее ослабли, — тихо сообщил Григорий богу.

— Знаю, — сказал господь, — туда бы нужны болтики и гаечки, а разве их обнаружишь где в степи!

После посещения храма мы повезли бога в избу-читальню. Так пожелал Григорий, а бог согласился. У Григория был замысел: в этой зажиточной слободе почти никто не верил в радио, а считали его граммофоном, — Григорий вез бога в техническое доказательство.

В избе-читальне собралось народу порядочно, тем более что прибывал бог.

В громкоговорителе же ослаб аккумулятор, и про то знал Григорий, а у бога вокруг груди висела свежая батарея элементов. Григорий поставил бога близ громкоговорителя и прицепил его

проводами к аппарату. Радио, получив усиленное питание, зазвучало четким басом, но зато свет вокруг головы бога припотух.

— Верите ли вы теперь в радио? — спросил Григорий собрание во время перерыва для подготовки оркестра в Москве.

— Верим, — ответило собрание. — Верим господу и в шумную машину!

— А во что не верите? — испытывал Григорий.

— В граммофон теперь не верим, — сообщило собрание.

— Вот тебе раз, — раздражился Григорий. — А если мы вам граммофон сделаем, тогда поверите?

— Послушаем. Слушать будем, а верить обождем.

— А если я вас бога сейчас лишу?

Собрание и тому не особо удивилось:

— Ну-к что ж, — ответил за всех неимущий мужик Евсей, читатель центральных газет. — Вместо одного бога за нами десять безбожников ухажорствовать будут. Чем, Гриш, меньше веришь, тем оно к тебе внимания и доходу больше.

В полночь настала пора расходиться. Но вышло горе: никто не брал бога ужинать и ночевать в свою хату. Слобожане требовали, чтобы сельсовет назначил подворную очередь на содержание бога, а неорганизованно иметь бога не желали.

— Да возьми хоть ты его, Степан, — сказал Евсей соседу. — У тебя новая хата порожня, как-нибудь уляжешься.

— Чего ты, — обиделся Степан. — Я третьего дня бревна на мост по самообложению возил!

Бог уже захотел есть и озяб от свежей ночи, проникавшей в окна избы-читальни.

Наконец над ним сжалился комсомолец, который приезжал за нами на хутор, и позвал старика в свою хату, где существовала одна его бедная мать.

Григорий озлобился на такую религию и увез бога на хутор как старика. Там бог поел, выспался и наутро остался трудиться второстепенным кузнецом. Он оказался безработным кочегаром астраханской электростанции, тронувшимся в путь в виде богатоца для проповеди коллективной жизни и для подыскания работы в колхозе.

— Я тебя поймаю — ушибу! — пообещал Григорий. — Живи здесь и работай на производстве. Проповедуй молотком, а не ртом.

Довольный бог остался: все же в нем жила душа кочегара и пролетария, жила и думала; кулак или другой полубуржуй не сумел бы стать богом — он, невежда, не знает электротехники.

До конца ночи Григорий не спал, заготовляя вкладыши на коленчатый вал мотора. А утром пришла женщина-почтальон

пешком из волости с пакетом, запечатанным сургучом и заштопанным ниткой. В пакете имелась бумага для Григория:

«Гр. Гр. Степ. Пакуркину. На хутор Спартак, он же Умственный и Самодельный. Ввиду надобности выдвинутых естественно-одаренных пролетарских граждан на посты просвещения, означенным самородком являетесь вы и вам препровождается место на рабфак по разверстке волполитпросвета... Предволрика Газов, секретарь Подобашев».

Григорий к полудню оставил хутор, руководимый им для пользы межселенной технической службы. Этот хутор сыграл прекрасное значение: его мастера могли делать любые металлические предметы — от подковы, через поршень для локомотива, до починки амортизатора на аэроплане, некогда снизившемся в районе волости для показа себя.

И с тех пор, со дня получения Григорием талона на образование, я утратил его надолго. Уже Волховстрой был пущен, сама волость, где жил Григорий, облицевалась шоссевым трактом и построила восемь детских школ, а Григорий учился и не возвращался. Он мне сказал при прощании, что едет найти фантазию науки, и вот искал ее, тратя жизнь и терпение.

Получив в высшей школе смысл для своего ума, Григорий объявился выдвинутым на должности изобретателя в одном малом учреждении. Григорий никогда не сомневался, его живой доверчивый ум критиковал лишь природу, а не людей, и лишь со стороны природы и техники подходил к людям. В учреждении директором был крайне досужий человек: прочитав в газете о пользе составления пятилетних планов личной жизни, он предложил Григорию Пакуркину составить предварительные формы таких планов, и Григорий составил потребную исчерпывающую форму в половину рабочего дня.

Но эти формы личных пятилеток никем не были приобретены, а РКИ сделало указание директору на чрезмерность его руководства. После первой нагрузки Григорий получил другое задание.

— Товарищ Пакуркин! — сказал ему директор. — Улучшь что-нибудь в учреждении: какую-нибудь функцию обобщества, какую-нибудь отсеки, а процессы механизмируй, чтобы люди не разматывали своих сил в междуособии, а целиком работали на пролетарскую сторону.

— Ладно, — ответил Григорий и начал переделывать учреждение на завод.

В первую очередь он ввел облегчающие улучшения в труд уборщиц, которые разливали чай и разносили завтраки. Григорий изобрел автоматические намазыватели масла на булки, приспособил

к кипяtilьнику «Титан» особый регулятор, сам собой закрывающий кипяток — после наполнения стакана — и вновь пускающий его через четыре секунды, с тем чтобы женщина управилась подвинуть очередной пустой стакан.

Затем Григорий переименовал все отделы, обозначив их цехами, например — машинописное бюро стало механическим цехом, а машинистки механиками. И еще многое исправил Григорий, и люди из других учреждений приходили к нему и смотрели на него.

Уже повсюду в своем ведомстве Григорий завел горячие воздуходувки вместо пресс-папье, установил электрические сигнализаторы, определяющие темп и содержание работы каждой комнаты, и привез электромотор в сорок лошадиных сил со специальным прессом — для отжима влаги из исходящих бумаг, чтобы вес их был меньше и дешевле причиталось наклеивать марок. Но тут, среди производства, Григорий заинтересовался неким старичком, спрехвала и закусывая заведовавшим регистрацией отношений. Если Григорий жил ради фантазии науки, ради томительной Евдокии познания, то этот кормившийся старичок существовал ради неизвестного в культурной среде Евдокима.

И Григорий улучшил старика. Он понес конскую мочу на исследование и получил бюллетень на неделю, по болезни почек. Выиграв время свободы, Григорий сделал механического медночугунного регистратора, работающего от штепселя. Через канцелярию Григорий протащил этого получеловека-полуслужащего за чугунную руку и усадил его на регистрационное место раньше прихода старика. Усердное, автоматическое существо сейчас же принялось за дело предварительного учета бумаг, закончив всю дневную нагрузку старика через час, — с расходом одного гектоватт-часа, иначе говоря — двух копеек.

Старик явился, но заметив внезапного соперника — ушел жаловаться в местком. Между тем уборщица принесла чугунному регистратору сразу два стакана чая, обычную норму старика, и новый регистратор их выпил, наделенный Григорием всеми функциями его предшественника. Однако, чтобы вещество не пропало, Григорий устроил превращение воды в чернила внутри автомата, и то чернило выливалось время от времени изо рта чугунного регистратора в чернильницу. Тех барышень, что носили бумаги по этажам и цехам, прошлый старик слегка пощипывал от скуки службы, и барышни, помня шестой разряд старика, помноженный на безутешный возраст, пессимистически дулись. Ту же игру совершал и чугун, тратя энергию от штепселя, и барышни не меняли к нему своего пессимизма.

И вдруг, любуясь четкостью работы механизма, Григорий увидел появление у стола точного регистратора того пожилого кочегара, которого он некогда захватил в качестве бога и обратил в кузнеца.

— Ты кто? — спросил его Григорий.

— Я прогульщик, — без манкированья сообщил кочегар, потому что уже твердо надеялся на получение пособия в этом учреждении. — А теперь подаюсь на деревню.

Григорий посмотрел бумагу в руках прогульщика. Там излагалось сообщение о беспомощности подателя сего, а в углу имелась отметка регистрации и какая-то палочка, напоминавшая краткую подпись директора.

Чугунный регистратор ошибся: палочку он ставить не должен. Прогульщик отошел от Григория и показал бумагу живому служащему, тот увидел палочку и сказал: «В бухгалтерию».

В бухгалтерии прогульщик прошел добавочные нисходящие инстанции и получил деньги, а Григорий следовал за ним, ожидая результата.

— Я целую неделю ходил сюда, — пожаловался Григорию бывший кочегар. — У вас бюрократизм.

— Врешь, — отверг Григорий. — Ты в первый раз пришел и сразу получил, что тебе не полагается. Отдавай деньги обратно иль вноси в депозит.

— Лучше в депозит, — сказал прогульщик.

— Товарищ Пакуркин! — зычно позвал издали директор, мощно шагая по коридору, чем вызывалось дрожание в установленном для съемок праздно гуляющих фотоавтомате.

Григорий был приглашен на производственное совещание у директора, туда же пришел и прогульщик. Красивые люди в обмотках на ногах и с трубками в зубах сидели вокруг стола заседаний. Кроме них еще находился некий мрачный и плохо одетый человек; он начал говорить:

— Товарищи! Обследовательская группа РКИ закончила свои работы и нашла, что организация бюрократизма почти закончена в вашем учреждении. Осталось еще ввести единообразные карты для всех служащих, чтобы под их базой было видно одинаковое сознание, и затем сделать чугунного регистратора дешевым начальником. Отсюда сюжет пойдет уже на свое изжитие, а именно: из некоторого села, где нет еще налаженной культпросветработы, приходит бумажка с просьбой разрешить явиться богу. Чугунный администратор кладет одну из трех присущих ему резолюций: «согласен», «отказать» или «подработать и доложить»; в данном случае он напишет «согласен». Богом мы пошлем лицо, играющее здесь штатного прогульщика, и в деревне его встретят

симфонией Бортнянского «Иже Херувимы» в музыкальном сценарии. Но что сделают с богом в деревне, я не знаю.

— Я знаю, — сказал Григорий.

— Отлично, — согласился человек из РКИ. — Пустим и дальше наши съемки естественным порядком, жизнь сама закончит наш сюжет. Будем, как и прежде, хранить наше дело в секрете, дабы соблюсти натуральность и непосредственность будущей кинопоэмы об извращениях...

— Какой кинопоэмы? — испугался живой директор.

— Такой, — объяснил инспектор РКИ. — Наша следственная группа нашла, что ваше учреждение можно искупить только тем, что реорганизовать его в киноателье и пригласить сюда режиссерскую киногруппу, — что я и сделал. А затем заснять ваше учреждение как картину против бюрократизма, чтобы окупить убытки вашей деятельности...

— Чтобы кончить правильно, — указал Григорий мрачному человеку, — надо назначить металлического регистратора режиссером, вместо живого.

— Почему? — слегка удивился рабочий инспектор.

— Потому что это выйдет обман. В жизни живут лучше, в ней нет бюрократизма... Я могу все изобрести, только пользе жизни не обучен...

— Так, — сказал серьезный человек. — Но почему же в жизни, вы говорите, нет извращений, а вот здесь они налицо?

— А как же я из кузнеца стал инженером? — защищался Григорий, у которого уже побледнело сознание от сложности обстоятельств.

Но инспектор хладнокровно нашел выход:

— Отлично. Вы и будете концом фильма. Доигрывайте жизнь, товарищ Пакуркин! Вам достанется счастье, кинорежиссеру — гонорар, а здешние бюрократы обратятся в типажи, мы превратим их жизнь в прекрасное искусство...

*

В последний раз я виделся с Григорием Пакуркиным опять в провинции. Он работал главным инженером на опытном совхозе, где устранил тракторы и разрыхлял почву взрывным способом, применяя жидкий воздух.

Этот человек, вероятно, сумеет выйти и других выведет на свежий воздух социализма; пользе жизни он научится и вместо изобретения чугунного регистратора сам станет живым и оживляющим вождем.

<Конец 1928 — начало 1929 г.>

В ПОИСКАХ БУДУЩЕГО

(Путешествие на Каменскую писчебумажную фабрику)

В нашей стране любят предъявлять документы; это не только остаток тех прошлых лет, когда мы по метрикам и всеми способами делили людей на врагов и товарищей: полный подробный документ — есть рабочая биография, где записано трудовое сочинение целой жизни. Это сочинение дорого потому, что труд — безымянный: на кирпичах и на писчей бумаге нет фамилии работника, и нет ему славы, кроме документа. Особенно такая вещь дорога для бродячего рабочего, который сроду живет без семьи и знает фамилии заведующих биржами труда от Ленинграда до Свердловска.

Матвей Семенович Лазенков был именно из таких. Он остановился передо мной в сосновом лесу, где я сидел для наблюдения Каменской писчебумажной фабрики. Наставала весна — на меня что-то капало с деревьев и кругом пахло сырым теплом. По обеим сторонам лесной реки стояла фабрика, оттуда изредка доплывал сюда острый мертвящий газ серной кислоты. На станции Кувшиново серьезным голосом прогудел паровоз, и одновременно у него зарычал паровой предохранительный клапан: паровоз ухнул в трудный подъем с предельным давлением в котле.

В природе было хорошо, но как-то тревожно. Очевидно, весна есть эпоха трудностей и для живого мира; быть может, ежегодно растения и звери тратят на свое создание и обновление столько же сил, сколько людям потребно на устройство социализма. Но ведь природа все же устраивается однажды в год, значит, и мы сумеем устроиться раз в век.

Здесь предстал невдалеке Матвей Семенович. Я думал, что он сейчас вынет из кармана музыкальный инструмент и сыграет мне за плату, или — покажет фокусы с картами и кольцом, — такую профессию обозначало его острое приветливое лицо походного артиста. Но он предъявил мне свои долголетние документы, и я с уважением прочитал про восемнадцать профессий гражданина Лазенкова. Матвей Семенович следил за мной, пока я читал, и лицо его принимало форму высшего превосходства и трогательного чувства к самому себе — за многообразие своего рабочего искусства; он мог делать бетон наравне с производством челноков для швеймашин. Я оплошал перед ним и выразил ему свое почтение.

Он сразу ослаб от своих благородных чувств и вытер слезы на бледных глазах универсального рабочего. Но это было лишь введение в еще большие человеческие чувства, а именно: Матвей Семенович Лазенков достал из своего мешка две бутылки водки на одну сухую рыбу. И мы слегка выпили с ним под весенним солнцем, уже уверенные в своей дружбе.

Немного погодя Матвей Семенович уже произносил беспокойную речь — лесу и мне:

— Я — резервная сила эсэсера! Дайте мне чертеж социализма и сырье, — я вам в одну смену сделаю и облицую его... Что там в газетах пишут — тут уклон, там перекося! Раз уклон — катись под откос, нервная стерва! Царап его — и ваших нет, а наши тут!..

Матвей Семенович говорил ртом из внутренних чувств, а голова его сидела на плечах и больше слушала, чем думала.

— Ты слушай дальше! Была у меня баба в Москве, а я в пекарне тогда помаленьку тесто жег. Пристала ко мне баба: принеси, говорит, мне углей мешок, я чай пить привыкла. Привыкла — так пей: несу я ей углей, а у трамвая стоит хороший народ, стоит — и ждет. Вдруг у меня удар в сердце, и я — царап! — да здравствует оппозиция!.. Еду я дальше — стою уже на передней площадке с угольным мешком, как депутат какой. Доезжаю до Лубянки и иду в монолитный дом. А там барышня сидит и меня спрашивает: с какой стороны вы чувствуете оппозицию? — С задней, говорю, — потому что революция вождь отсталости и смерть измене! — Ах, с задней, — говорит мне барышня, — ну, тогда идите отсюда к шутам! — Не пойду, говорю, мне ехать не на что, а я человек утомленный! — Барышня мне вынимает гривенник и дает. — Не хватает, предупреждаю я, — еще копейку давай — мне полторы станции ехать! И она мне еще пятак без сдачи дает. А угли мои внизу лежат. Как бы, думаю, стражники там самовар не начали ставить: пожгут угли, моя баба с ума сойдет. Оказывается, нет — угли целы и даже запечатаны как судебное вещество. Приехал я домой и стал пить кипяток из новых углей, а на другой день взял и ушел из пекарей в кочегары...

Кругом стало скучнее — испарения земли застали солнце, — и ветер начал работать на лесных вершинах, поскрипывая терпеливой древесиной. Матвей Семенович несколько угомонился — он занял рот рыбой.

— Говорят, Карл Маркс рыбу любил, — произнес Матвей Семенович.

— Любил, — сказал я.

— И я люблю, — сообщил Матвей Семенович. — Говорят, в Москве теперь все по карточкам дают, а у меня в документах паспорта не хватает. Паспорт дадут без карточки, иль нет?

— Дадут, — сказал я, и закурил.

— Говорят, кто пепел на папиросе целиком в Москву доставит, тому рубль дают...

— Нет, — ответил я.

Оплошность у меня проходила: передо мной сидел явный лодырь, сочинитель, профессиональный безработный и артист устного слова; в Москве Лазенков никогда не был и профессий накопил потому, что его отовсюду увольняли, а он поступал дальше на новые предприятия. Свое несчастье он выдал мне за личное квалифицированное достоинство и высоко увлекся передо мной, забыв, что он уже отсох от рабочего класса.

— Ты врешь, — сказал я ему. — Ты ничего делать не умеешь, накопил отметки и ходишь хвастаешь, — ты не рабочий...

Матвей Семенович со злобой затосковал: видно, что ему тоже трудно; сам про себя он знал, кто он такой — неумелый, слабый и ненужный.

— Значит, я дурак? — спросил он у меня.

— Нет, ты не один дурак, — ответил я ему. — Ты еще, воторых, вредный.

— А зачем тогда наша республика дураков рождает? — перехитрил меня Лазенков. — Какая ж это тогда республика, мать твою в эсэсер?!

— Ты — не республика, — отклонил я Лазенкова от своего отечества. — Республика у нас рабочая, а ты не рабочий. Тебя республика никогда не рожала, ты живешь одному себе на потеху, а рабочим — для лишних расходов.

С быстротой слабохарактерного человека, Лазенков потерял свое прежнее настроение и захотел быть искренним.

— Значит, я — эгоист, и больше ничего! Убивать таких надо рабочей рукой...

Лазенков растрогался, втайне ожидая моего сочувствия.

— Придется убивать, — сообщил я.

Здесь Матвей Семенович образумился: он рассчитал, что мир велик и меня можно потерять навсегда и без убытка, напрасно он тратил свое вино на меня. Лазенков спокойно собрал остатки рыбы и встал.

— Будь здоров! — сказал я Матвею Семеновичу.

— Не к чему: таких убивать надо, — и Лазенков тронулся дорогой на Ржев.

*

После Лазенкова я вошел на Каменскую писчебумажную фабрику. А Матвей Семенович шел сейчас где-то по лесной дороге в город Ржев, хотя ему было мало смысла достигать этого Ржева.

Его путь не имел значения на своем конце, но он будет идти всю жизнь в поисках легкой пищи и развлечения, пока не упадет в межевую яму от смертельного утомления. Хорошая жизнь делается трудно: я видел, с каким терпеливым напряжением рабочий засовывает еловые деревья в патрон рубильной машины и та машина со зверской энергией электрического привода рубит дерево в мелкую щепу. Рабочий человек не шел по лесной дороге, он стоял на месте и заставлял идти вперед по движущейся ленте изрубленный лес. Где-то на конце фабрики лес окончательно превращался в бумагу и тетради, бумага и тетради исчезали за ограду фабрики и возвращались к рабочему рубильного патрона в виде книг и грамотных детей, корябающих свои первые лозунги на отцовской чистой тетради. Отец лишь вырабатывал чистое место для помещения ума маленького нового человека. Бумага, конечно, делается не из одного искрошенного дерева. К этому основному материалу прибавляются химические вещества, гарпиус (клей), глинозем и др. Производство бумаги требует много пара, воды и энергии. Один пионер, ходивший по фабрике с экскурсией, заметил, что лучше б было пустить повсюду воды побольше, а химии поменьше.

— Почему? — спросил пионера фабричный специалист.

— Потому что вода течет в речке, а кислота — нет.

— Ну, и что же?

— А то же, что тетрадка стоит пятак: ее враз испишешь, а отец потом дает три копейки — говорит, денег нету. Может, и нету — отчета дома не ведут, проверить не по чем...

Специалист и я почувствовали какое-то угрызение совести и свою общую отсталость перед этим юным будущим человеком.

— Если б в реке текла химия, тогда б надо воды поменьше, — заключал пионер свои указания с обратного конца.

В целлюлозном отделе фабрики стояли большие бутылки с какой-то желто-красноватой жидкостью, называемой селеном. Раньше эту жидкость, как побочный продукт, ненужный сам по себе для производства бумаги, спускали по канавке вон из фабрики. Еще до указания пионера, селен начали собирать в посуду, сосчитав, что этот селен может дать фабрике около полумиллиона в год добавочного дохода. Селен представляет собой ценное вещество для электротехнической и химической промышленности и стоит 2–3 тысячи рублей за один килограмм. Каменская же фабрика в год дает около 200 килограммов этого селена; теперь дело стоит за тем, чтобы этот селен перевести из бесформенного состояния в кристаллическое, и тогда он будет иметь свою полную рыночную стоимость. Селен отходит из нашего уральского колчедана, и надо подумать вообще — нельзя ли поставить его незави-

симое прямое производство, кроме обязательного сбора на всех советских бумажных фабриках. Селен, вероятно, может стать и предметом вывоза за границу.

Детское указание пионера — воды побольше, а химии поменьше — получило, кроме дела с селеном, еще и прямое исполнение в том отделении Каменской фабрики, где производят клей-гарпиус. Каменские химики-бумажники прочитали однажды во французском журнале о новом, экономном способе приготовления гарпиуса. В журнале, понятно, была помещена лишь осведомительная заметка: инженер такой-то делает опыты там-то, чтобы проклейка бумаги стала дешевле. Трое специалистов Каменской фабрики составляют собственный проект, делают опытную варочную установку и терпят полный успех предприятия. Именно: новый способ дает экономию гарпиуса на 40%; иначе говоря, наименьшее сбережение фабрики на клее равняется 100 тыс. руб. в год, и школьник уже сможет получать тетрадь за 4 коп. вместо 5. Эта каменская копейка сделает лишние тысячи людей грамотными и равноценна ежегодной постройке двух-трех десятков хороших школ. Если же помножить каменскую копейку на всю советскую бумажную промышленность, то эта копейка станет целым колесом культурной революции.

Для самих рабочих новый способ производства клея также выгоден: он требует меньшего трудового напряжения и допускает применимость низкой квалификации.

В ролловом отделении в одной из машин каменцы увеличили число работающих планок, и ролловая машина стала работать экономней на 9 тыс. руб. в год. Но это было не очень удивительно, поскольку в русском рабочем всегда было много ума, не хватало лишь средств; теперь ему дали средства в виде целого государства — и он действует. Гораздо загадочнее была гидравлическая вымывка целлюлозы, вместо ручной, потому что новый способ вымывки нисколько не влиял на производительность труда. Почему же этот способ тогда ввели? Дело в том, что у нас машина дороже человека; с машиной нельзя плохо обращаться — она перестанет работать, а с человеком можно — он перетерпит за счет лишнего расхода своего тела и своей жизни. Однако не всюду так. На Каменской фабрике вводят и такие улучшения, которые полезны не для машин и производительности труда, а для самого рабочего: здесь уже человек получил социалистическую оценку, фабрику начинают устраивать так, чтобы она лучше отвечала душе и настроению рабочего и не тратила его нервов, бдительности и мускулов. Только для этой цели введена гидравлическая вымывка целлюлозы на смену ручной. И все же здесь еще мало отличий от других наших лучших предприятий.

Кругом Каменской фабрики росли леса и жили деревни, в деревнях существовали крестьяне, которые пахали, сеяли и жали среди обычного среднерусского пейзажа. И было непонятно, почему здесь рабочий производит бумагу вдесятеро дешевле, чем на Сясьской фабрике: природа и люди там едва ли хуже. Я проходил по фабрике и рассматривал рабочих; они попадались лишь изредка среди ущелий предприятия.

Пожилой бумажный мастер стоял у вращающихся барабанов и глядел на них с некоторым сомнением: он не был уверен, что их нельзя заставить вращаться еще быстрее. Однажды он это уже сделал. Он сел среди сменившейся бригады старых рабочих и сказал им: рабочий человек может стать и мухой, и слоном, чем захочет; с мухой и паук управится, а слон сам деревья корчует. Фабрикант Кувшинов в Америку ездил, чтобы не ослабеть в производстве, но загодя утонул на корабле «Титанике», а нам в Америку ездить дорого, нам приходится по дешевке самим думать...

Бригада молча слушала мастера: она уже кое-что понимала.

— Барабаны идут тихо, — говорил мастер. — Сменив шкив на электромоторе, дадим барабанам настоящий ход — нам бумага нужна скорее. У нас сейчас год недостатков, вы знаете, — я не учу, а разговариваю. Лучше разговора будет гнать машины... Страшно вам или так себе?

Мастеровые не испугались. Отчего не испугались — было непонятно: лишний труд всегда влечет сокращение жизни, он заменяет самоубийство. Но у бригады имелся свой расчет: год недостатков сейчас можно превратить в близкий век благополучия, если истратить этот год на труд у более скорых машин. И еще было нечто у этой бригады, что не оплачивается и пока неизвестно.

Барабаны пустили быстрее, бумаги с них стало получаться на 20% больше. Другие бригады подравнялись к этой передовой бригаде, потому что сочли для себя позором тихий ход машин.

«Нас везут в социализм машины: дадим машинам полный ход!»

Этот каменский лозунг исполнили сами каменцы.

— Отчего вы — умные и честные, а на Сяси дураки? — был спрошен один рабочий-каменец.

— Дураку виднее, у него спроси, — ответил каменец. — Разница идет не от умного, а от глупого: мы ее не чувствуем.

Вечером я читал планы и расчеты фабрики. В расчете стоимости одной тонны бумаги за первую четверть 1928/9 года сказано, что Каменская фабрика произвела бумаги на 3,8% больше задания и на 28 рублей дешевле за тонну.

Фабрика работает день и ночь — под солнцем и под луной. От этого и ночью не хотелось спать: близко находятся люди, которые бодрствуют и трудятся среди жары машин.

Обеспокоенный окружающей энергией, я вышел в поселок на поиски истины высокого производительного труда, — истины, утраченной на многих хорошо оборудованных предприятиях.

Каменские изобретения еще не выделяют каменскую фабрику изо всех других фабрик: рабочий у нас всюду изобретает; в изобретательстве есть самозащита рабочего от страдания труда, — тем, что труд делается похожим на искусство, и тем, что в изобретениях есть обещание обогнать потребление производством — и вырваться из порочного круга вечной работы.

Я искал не изобретения, не умелых администраторов, а среднего каменского рабочего, чтобы перенять его качества для других.

Кругом лежали тощие, тверские почвы. Землю здесь не обожают — за ее безответность; тверская земля не отвечает человеку плодом и урожаем на его труд, — и крестьянин, живущий земледелием, ходит гол, бос и зол. Душа крестьянина тоже пуста — землю ему любить не за что, а больше — некого. Другие люди счастливей его: у них есть труд, это средство соприкосновения с миром и людьми, — и люди и мир их кормят за труд; и самое место труда делается любимым и священным, как любимая земля в черноземных губерниях. Человек же без труда, без узла жизни, связавшего его с человечеством и природой, делается сухой былинкой, колеблемой ветром нужды и теснотой одиночества.

Георгий Никанорович Свешников почувствовал себя ненужной тряпкой, когда Каменскую фабрику хотели закрыть семь-восемь лет назад. Юношей, разрушив веру в Бога, он так же потерял связь с миром и думал о преждевременной смерти, но у него не было оружия для смерти, а позже он начал читать Кропоткина, Бебеля, Маркса и постепенно увязался с людьми новым прочным способом.

На Каменской фабрике он стоял за ролловой машиной, и вдруг — его почти попросили оставить место и идти домой. А хата его находилась среди бесплодных болот, фабрика была его кормилицей, он уже успел снять с земли свою душевную привязанность к ней и направил ее на фабрику; если его отправят в деревню, Свешников выйдет с мертвой душой, — вместе с номером у него отнимут в проходной будке чувство смысла жизни из сердца, последний способ сообщения с людьми. Он вновь очутится среди сырой голодной природы, как в юности очутился без Бога и покоя. Тогда Свешников взял и заплакал; вместе с ним плакал весь рабочий Каменский район.

Здесь рабочие ясно разгадали, что индустрия — их кормилица, и притом — единственная, а где хлеб — там и любовь и прочие лучшие чувства.

Фабрику оставили работать. Мастеровые в нее вцепились, как крестьяне в землю. Там, где половина рабочих оставила тридцать лет самой благородной поры своей жизни, там дело не только в зарплате, — там дело в хозяйском чувстве к фабрике и в полном праве на нее.

Лет пять назад Георгий Никанорович Свешников потерял в деревне всякий причал — он продал по дешевке усадьбу замужней сестре и переселился в фабричный поселок, словно окончательно женился на фабрике. Около половины каменцев также навсегда утратили свою родину — деревню, а остальные желают того же.

— А как у вас в фабкоме и ячейке? — спросил я у Свешникова. — Там у вас бюрократизм, или вообще слабо? Бумаги для планов и резолюций им хватает?

Свешников не понял формы вопроса — он жил наивно в обетованной земле.

— Там же мы сидим: выбираем и меняемся, мы почти по очереди должности несем.

— Ах, так, — понял я с облегчением. — Так просто?

— А еще чего тебе? Мы просто рабочий класс, нам некогда суетиться.

— Кто у вас инженеры? — спросил я дальше.

— Один есть рабочий с высшим образованием по технике, а другие — более пожилые.

— Как работают пожилые?

— Так же, как и рабочий. Инженеры, — у них ум искусственный, они знают больше.

— Почему больше, вы же работаете тридцать лет, вы знаете по бумажному делу все.

— У них весь кругозор в голове, а у меня одна фабрика. Он знает, отчего колчедан в горах растет, он что и к бумаге не касается, может сюда же для пользы присоединить.

После я был у инженера. Инженер имел спокойное, удовлетворенное лицо, работал он без спешки, но непрерывно.

— На чем у вас основаны отношения с рабочими? — был задан вопрос специалисту.

— На производственном уважении. Работать с опытными рабочими можно, только имея тоже опыт в голове и практику в руках. Плохой инженер будет здесь на другой же день изолирован и сам уедет.

— Трудно вам?

— Нет. Мы мало администрируем, мы больше улучшаем машины и условия труда. Это заменяет управление. Главным образом, я лично считаю, надо постоянно облегчать условия труда — постепенно делать труд бытовым, нормальным чувством. Вы видели гидравлическую вымывку целлюлозы?

— Видел. Почему вы говорите, что сделать труд бытом — это главное?

— Потому что половиной успеха всякого предприятия всегда было и будет психология рабочего: у человека есть сердце, ум и настроение — вот в чем дело; остальная половина успеха — машины, сырье, организация и т. д. С машинами легче — у них нет настроения, у них есть только конструкция и состояние... А вообще-то говоря — сейчас трудно. Все время чувствуешь под собой рабочий подпор и сам должен подниматься, а когда поднимешься — труднее удержаться и легче слететь... Это слегка страшно, но интересно...

— У вас твердые кадры рабочих?

— Да. Основной состав мастеровых почти не меняется.

Раз так, то молодежь из ФЗУ на Каменке, наверное, плохо себя чувствует: у нее нет хороших профессиональных перспектив; при очень слабой текучести рабочего состава трудно получить работу и трудно продвигаться по лестнице квалификации. Такое мнение о ФЗУ Каменской фабрики — ошибка. Молодежь там учится с доверчивой яростью, потому что она молодежь и слабо боится завтрашнего дня. Это бесстрашие не бессознательное. Фабзавучи уже знают о беспорядках на Сяси, о том, что на «Соколе» и на Балахне хуже, чем на их фабрике. И ученики ФЗУ имеют свой разумный, государственный проект: на Сяси и на другие новые фабрики послать с их фабрики группы опытных рабочих, чтобы они там «орабочили» и «раскрестьянили» свеженабранную рабочую силу. Один ученик так нечаянно и сказал: «На Сяси мало рабочих, там одна рабочая сила». Уехавшие каменские рабочие получают на новых фабриках повышение, а на самой Каменской фабрике получится передвижка снизу вверх и освободятся места для окончивших фабзавучей. Если дать такую перспективу Каменскому ФЗУ, то само ФЗУ тоже, как и фабрика, станет образцовым, потому что настроение учеников, как и рабочих, есть половина успеха их занятий. Кроме того, новые фабрики получают настоящее рабочее ядро из лучшего советского питомника мастеровых-бумажников. Пролетариат должен расширяться и воспитываться за счет освоения выходцев-крестьян лучшими рабочими. Многие каменцы совершенно разделяют мысль о живой помощи новым бумажным фабрикам. «В середине рабочего сословия мы полные хозяева, а жить все равно где», — сказал один мастеровой.

А затем добавил для полноты: «Хотя мы и наружи тоже хозяева помаленьку».

Свешников глядел поверх очков в газету, не доверяя стеклу; его сын, фабзавучник, говорил мне о том, что на севере, на Сяси, природа хороша — он туда обязательно поедет потом на работу. Еще ему нравился город Монреаль — за свою тайну и отдаленность, но поехать туда придется не раньше мировой революции: и сын Свешникова вздыхал — такой город пропадает без него. За окном жила ночная лунная тишина. Лишь иногда пройдет рабочий на смену или тревожно попросит далекий паровоз тремя свистками тормозов на уклоне. В районе Каменской фабрики не знают хулиганства и никто не помнит, когда было последнее убийство. Настоящий, социалистический труд, органическое отношение к производству — уже сами по себе образуют бытовую культуру.

Близ станции Кувшиново, Белорусской дороги, революция так сумела использовать природные и исторические условия, что создался высокий образец рабочего человека — с чувством труда, как телесной надобности, и с отношением к фабрике, как к своему двору, средству связи коллектива и драгоценному источнику жизни, взамен бесплодного земельного надела. Страна строится заново — создаются не только новые заводы, но и не существовавшие люди, способные понять, что мы бедны от великих затрат на социализм, способные заплатить годами за века, и — работать с напряжением ревности друг к другу и со страхом за судьбу всего пролетарского дела.

<Май 1929 г.>

УСОМНИВШИЙСЯ МАКАР

Среди прочих трудящихся масс жили два члена государства: нормальный мужик Макар Ганушкин и более выдающийся — товарищ Лев Чумовой, который был наиболее умнейшим на селе и, благодаря уму, руководил движением народа вперед — по прямой линии к общему благу. За то все население деревни говорило про Льва Чумового, когда он шел где-либо мимо:

— Вон наш вождь шагом куда-то пошел, — завтра жди какого-нибудь принятия мер... Умная голова, только руки пустые — голым умом живет...

Макар же, как любой мужик, больше любил промыслы, чем пахоту, и заботился не о хлебе, а о зрелищах, потому что у него была, по заключению товарища Чумового, порожняя голова.

Не взяв разрешения у товарища Чумового, Макар организовал однажды зрелище — народную карусель, гонимую кругом себя мощностью ветра. Народ собрался вокруг Макаровой карусели сплошной тучей и ожидал бури, которая могла бы стронуть карусель с места. Но буря что-то опаздывала, народ стоял без делов, а тем временем жеребенок Чумового сбежал в луга и там заблудился в мокрых местах. Если б народ был на покое, то он сразу поймал бы жеребенка Чумового и не позволил бы Чумовому терпеть убыток, но Макар отвлек народ от покоя и тем помог Чумовому потерпеть ущерб.

Чумовой сам не погнался за жеребенком, а подошел к Макару, молча тосковавшему по буре, и сказал:

— Ты народ здесь отвлекаешь, а у меня за жеребенком погнаться некому...

Макар очнулся от задумчивости, потому что догадался. Думать он не мог, имея порожнюю голову над умными руками, но зато он мог сразу догадываться.

— Не горюй, — сказал Макар товарищу Чумовому, — я тебе сделаю самоход.

— Как? — спросил Чумовой, потому что не знал, как своими пустыми руками сделать самоход.

— Из обручей и веревок, — ответил Макар, не думая, а ощущая тяговую силу и вращение в тех будущих веревках и обручах.

— Тогда делай скорее, — сказал Чумовой, — а то я тебя привлеку к законной ответственности за незаконные зрелища.

Но Макар думал не о штрафе — думать он не мог, — а вспоминал, где он видел железо, и не вспомнил, потому что вся деревня была сделана из поверхностных материалов: глины, соломы, дерева и пеньки.

Бури не случилось, карусель не шла, и Макар вернулся ко двору.

Дома Макар выпил от тоски воды и почувствовал вяжущий вкус той воды.

«Должно быть, оттого и железа нету, — догадался Макар, — что мы его с водой выпиваем».

Ночью Макар полез в сухой, заглохший колодезь и прожил в нем сутки, ища железа под сырым песком. На вторые сутки Макара вытащили мужики под командой Чумового, который боялся, что погибнет гражданин помимо фронта социалистического строительства. Макар был неподъемен, — у него в руках оказались коричневые глыбы железной руды. Мужики его вытащили и прокляли за тяжесть, а товарищ Чумовой пообещал дополнительно оштрафовать Макара за общественное беспокойство.

Однако Макар ему не внял и через неделю сделал из руды железо в печке, после того как его баба испекла там хлебы. Как он отжигал руду в печке, никому не известно, потому что Макар действовал своими умными руками и безмолвной головой. Еще через день Макар сделал железное колесо, а затем еще одно колесо, но ни одно колесо само не поехало: их нужно было катить руками.

Пришел к Макару Чумовой и спрашивает:

— Сделал самоход вместо жеребенка?

— Нет, — говорит Макар, — я догадывался, что они бы должны сами покатиться, а они — нет.

— Чего же ты обманул меня, стихийная твоя голова! — служебно воскликнул Чумовой. — Делай тогда жеребенка!

— Мяса нет, а то бы я сделал, — отказался Макар.

— А как же ты железо из глины сделал? — вспомнил Чумовой.

— Не знаю, — ответил Макар, — у меня памяти нет.

Чумовой тут обиделся.

— Ты что же, открытие народнохозяйственного значения скрываешь, индивид-дьявол! Ты не человек, ты единоличник! Я тебя сейчас кругом оштрафую, чтобы ты знал, как думать!

Макар покорился:

— А я ж не думаю, товарищ Чумовой. Я человек пустой.

— Тогда руки укороти, не делай, чего не сознаешь, — упрекнул Макара товарищ Чумовой.

— Ежели бы мне, товарищ Чумовой, твою голову, тогда бы я тоже думал, — сознался Макар.

— Вот именно! — подтвердил Чумовой. — Но такая голова одна на все село, и ты должен мне подчиниться.

И здесь Чумовой кругом оштрафовал Макара, так что Макару пришлось отправиться на промысел в Москву, чтобы оплатить тот штраф, оставив карусель и хозяйство под рачительным попечением товарища Чумового.

*

Макар ездил в поездах девять лет тому назад, в девятнадцатом году. Тогда его везли задаром, потому что Макар был сразу похож на батрака, и у него даже документов не спрашивали. «Езжай далее, — говорила ему бывало пролетарская стража, — ты нам мил, раз ты гол».

Нынче Макар, так же как и девять лет тому назад, сел в поезд не спросясь, удивившись малолюдью и открытым дверям. Но все-таки Макар сел не в середине вагона, а на сцепках, чтобы смотреть, как действуют колеса на ходу. Колеса начали действовать, и поезд поехал в середину государства — в Москву.

Поезд ехал быстрее любой полукровки. Степи бежали навстречу поезду и никак не кончались. «Замучают они машину, — жалел колеса Макар. — Действительно, чего только в мире нет, раз он просторен и пуст».

Руки Макара находились в покое, их свободная умная сила пошла в его порожнюю емкую голову — и он стал думать. Макар сидел на сцепках и думал, что мог. Однако долго Макар не просидел. Пошел стражник без оружия и спросил у него билет. Билета у Макара с собой не было, так как по его предположению была советская твердая власть, которая теперь и вовсе задаром возит всех нуждающихся. Стражник-контролер сказал Макару, чтобы он слезал от греха на первом полустанке, где есть буфет, дабы Макар не умер с голоду на глухом перегоне. Макар увидел, что о нем власть заботится, раз не просто гонит, а предлагает буфет, и поблагодарил начальника поездов.

На полустанке Макар все-таки не слез, хотя поезд остановился сгружать конверты и открытки из почтового вагона. Макар вспомнил одно техническое соображение и остался на поезде, чтобы помогать ему ехать дальше... «Чем вещь тяжелее, — сравнительно представлял себе Макар камень и пух, — тем оно далее летит, когда его бросишь; так и я на поезде еду лишним кирпичом, чтобы поезд мог домчаться до Москвы».

Не желая обижать поездного стражника, Макар залез в глубину механизма под вагон и там лег на отдых, слушая волнующуюся

скорость колес. От покоя и зрелища путевого песка Макар глухо заснул и увидел во сне, будто он отрывается от земли и летит по холодному ветру. От этого роскошного чувства он пожалел оставшихся на земле людей.

— Сережка, что же ты шейки горячими бросаешь! — Макар проснулся от этих слов и взял себя за шею: цело ли его тело и вся внутренняя жизнь?

— Ничего, — крикнул издали Сережка, — до Москвы недалеко: не сгорит!

Поезд стоял на станции. Мастерские пробовали вагонные оси и тихо ругались.

Макар вылез из-под вагона и увидел вдалеке центр всего государства — главный город Москву.

«Теперь я и пешком дойду! — сообразил Макар. — Авось поезд домчится и без добавочной тяжести!»

И Макар тронулся в направлении башен, церквей и грозных сооружений — в город чудес науки и техники, чтобы добывать себе жизнь умелыми руками под золотыми головами храмов и вождей.

*

Сгрузив себя с поезда, Макар пошел на видимую Москву, интересуясь этим центральным городом. Чтобы не сбиться, Макар шагал около рельсов и удивлялся частым станционным платформам. Близ платформы росли сосновые и еловые леса, а в лесах стояли деревянные домики. Деревья росли жидкие, под ними валялись конфетные бумажки, винные бутылки, колбасные шкурки и прочее испорченное добро. Трава под гнетом человека здесь не росла, а деревья тоже больше мучились и мало росли. Макар понимал такую природу неотчетливо: «Не то тут особые негодяи живут, что даже растения от них дохнут! Ведь это весьма печально: человек живет и рождает близ себя пустыню! Где ж тут наука и техника?»

Погладив грудь от сожаления, Макар пошел дальше. На станционной платформе выгружали из вагона пустые молочные бидоны, а с молоком ставили в вагон. Макар остановился от своей мысли:

— Опять техники нет! — вслух определил Макар такое положение. — С молоком посуду везут — это правильно: в городе тоже живут дети и молоко ожидают. Но пустые бидоны зачем возить на машине? Ведь только технику зря тратят, а посуда объемистая!

Макар подошел к молочному начальнику, который заведовал бидонами, и посоветовал ему построить отсюда и вплоть до Мо-

сквы молочную трубу, чтобы не гонять вагонов с пустой молочной посудой.

Молочный начальник Макара выслушал — он уважал людей из масс, — однако посоветовал Макару обратиться в Москву: там сидят умнейшие люди, и они заведуют всеми починками.

Макар осерчал:

— Так ведь ты же возишь молоко, а не они! Они его только пьют, им лишних расходов техники не видно!

Начальник объяснил:

— Мое дело наряжать грузы: я — исполнитель, а не выдумщик труб.

Тогда Макар от него отстал и пошел, усомнившись, вплоть до Москвы. В Москве было позднее утро. Десятки тысяч людей неслись по улицам, словно крестьяне на уборку урожая.

«Чего же они делать будут? — стоял и думал Макар в гуще сплошных людей. — Наверно, здесь могучие фабрики стоят, что одевают и обувают весь далекий деревенский народ!»

Макар посмотрел на свои сапоги и сказал бегущим людям «спасибо!» — без них он жил бы разутым и раздетым. Почти у всех людей имелись под мышками кожаные мешки, где, вероятно, лежали сапожные гвозди и дратва.

«Только чего же они бегут — силы тратят? — озадачился Макар. — Пускай бы лучше дома работали, а харчи можно по дворам гужом развозить!»

Но люди бежали, лезли в трамваи до полного сжатия рессор и не жалели своего тела ради пользы труда. Этим Макар вполне удовлетворился. «Хорошие люди, — думал он, — трудно им до своих мастерских дорваться, а — охота!»

Трамваи Макару понравились, потому что они сами едут и машинист сидит в переднем вагоне очень легко, будто он ничего не везет. Макар тоже влез в вагон без всякого усилия, так как его туда втокнули задние спешные люди. Вагон пошел плавно, под полом рычала невидимая сила машины, и Макар слушал ее и сочувствовал ей.

«Бедная работница! — думал Макар о машине. — Везет и тужится. Зато полезных людей к одному месту несет, — живые ноги бережет!»

Женщина — трамвайная хозяйка — давала людям квитанции, но Макар, чтобы не затруднять хозяйку, отказался от квитанции:

— Я так! — сказал Макар и прошел мимо.

Хозяйке кричали, чтоб она чего-то дала по требованию, и хозяйка соглашалась. Макар, чтобы проверить, чего здесь дают, тоже сказал:

— Хозяйка, дай и мне чего-нибудь по требованию!

Хозяйка дернула веревку, и трамвай скоро окоротился на месте.

— Вылазь, — тебе по требованию, — сказали граждане Макару и вытолкнули его своим напором.

Макар вышел на воздух.

Воздух был столичный: пахло возбужденным газом машин и чугунной пылью трамвайных тормозов.

— А где же тут самый центр государства? — спросил Макар нечаянного человека.

Человек показал рукой и бросил папиросу в уличное помойное ведро. Макар подошел к ведру и тоже плюнул туда, чтобы иметь право всем в городе пользоваться.

Дома стояли настолько грузные и высокие, что Макар пожалел советскую власть: трудно ей держать в целости такую жилищную снасть.

На перекрестке милиционер поднял торцом вверх красную палку, а из левой руки сделал кулак для подводчика, везшего ржаную муку.

«Ржаную муку здесь не уважают, — заключил в уме Макар, — здесь белыми жамками кормятся».

— Где здесь есть центр? — спросил Макар у милиционера.

Милиционер показал Макару под гору и сообщил:

— У Большого театра, в логу.

Макар сошел под гору и очутился среди двух цветочных лужаек. С одного бока площади стояла стена, а с другого — дом со столбами. Столбы те держали наверху четверку чугунных лошадей, и можно бы столбы сделать потоньше, потому что четверка была не столь тяжела.

Макар стал искать на площади какую-либо жердь с красным флагом, которая бы означала середину центрального города и центр всего государства, но такой жерди нигде не было, а стоял камень с надписью. Макар оперся на камень, чтобы постоять в самом центре и проникнуться уважением к самому себе и к своему государству. Макар счастливо вздохнул и почувствовал голод. Тогда он пошел к реке и увидел постройку неимоверного дома.

— Что здесь строят? — спросил он у прохожего.

— Вечный дом из железа, бетона, стали и светлого стекла! — ответил прохожий.

Макар решил туда наведаться, чтобы поработать на постройке и покушать.

В воротах стояла стража. Стражник спросил:

— Тебе чего, жлоб?

— Мне бы поработать чего-нибудь, а то я отощал, — заявил Макар.

Теперь слышите продолжение рассказа о походе бригады для вывоза
мощности из здания Макара Прохорова. Макара привезли в Москву в конце
и помешал работы на стройке большого дома, вот какие события произошли
дальше.

На ~~своем~~ ^{Королевском} доме в Москве, который назывался восточный человек
зачем, Макара уехали. Сначала он работал черной и платочной кашей в
рабочем бараке, а потом начал свои занятия строительный труд. Действи-
тельно земля была вокруг порожня пшени, являл суеверия, называя неизвест-
ного извращения, а близости ~~туда~~ овал и грунт, боковые края сноватком из
по яоткам и прочие трудовые события - оже происходили на глазах. Видно,
что дом строился, - хотя неизвестно для кого. Макара и не интересовался,
что кому достанется, - он негосударственный человек, или ~~вспомнил~~ ^{дел} ~~делом~~
для всех людей. Имязники Макара по родному яву - ~~Макара~~ ^{Макара},
тест-бы, конечно, илюбарат, аэвтаросовал ~~или~~ ^{или} распределении якой про-
води к будущим дома, и на культурной онойной близкой, но у Макара были
только золотые руки, а голова пустая, поэтому он только и думал, как
он чего сделать.

Макара обвел все постройку и увидел, что работы идет быстро и бла-
гополучно. Однако, что-то случилось случилось в Мандре - пока ~~каким-то~~
что. Он ~~знал~~ ^{на} ~~своей~~ ^{на} ~~работе~~ ^{на} и описал общую картину труда своим ~~взгля-
дом~~ <sup>взгля-
дом</sup>: явно ~~каким-то~~ ^{каким-то} ~~видеоматериалом~~ ^{видеоматериалом} на постройку, что-то было устроено, но
что - неизвестно, только в речи у Макара росла какая-то ~~самостоятельная~~
рабочая ~~форма~~. Он ~~почувствовал~~ ^и ~~оттого~~, что ~~сидя~~ ^{сидя} ~~в~~ ^в ~~Макара~~ ^{Макара} ~~видел~~ ^{видел} ~~какую-то~~ ^{какую-то}
запятую место и там ~~отходил~~ ^{отходил} ~~ко~~ ^{ко} ~~спи~~. Но ~~она~~ ^{она} ~~Макара~~ ^{Макара} ~~видел~~ ^{видел} ~~какую-то~~ ^{какую-то}
одежду ~~роду~~, а что нужно, что ~~на~~ ^{на} ~~видел~~ ^{видел} ~~ни~~ ^{ни} ~~подойти~~ ^{подойти} - того Макара
не увидел. Тогда Макара ~~прислушаясь~~ ^{прислушаясь} ~~к~~ ^к ~~шуму~~ ^{шуму} ~~какой-то~~ ^{какой-то}
постройки: рабочие ~~заготавливали~~ ^{заготавливали} ~~бетон~~ ^{бетон} ~~в~~ ^в ~~каменном~~ ^{каменном} ~~кармане~~ ^{кармане}, чтобы ~~получилась~~ ^{получилась} ~~стена~~.
Но ~~это-же~~ ^{это-же} ~~не~~ ^{не} ~~техника~~, а ~~черная~~ ^{черная} ~~работа~~! Чтобы ~~получилась~~ ^{получилась} ~~техника~~, надо
бетон ~~поддавать~~ ^{поддавать} ~~изнутри~~ ^{изнутри} ~~трубкой~~, а рабочий ~~будет~~ ^{будет} ~~только~~ ^{только} ~~держать~~ ^{держать} ~~шланг~~ ^{шланг} ~~или~~
не ~~устанавливать~~ ^{устанавливать} ~~эти~~ ^{эти} ~~самые~~ ^{самые} ~~не~~ ^{не} ~~используемые~~ ^{используемые} ~~трубы~~ ^{трубы}
~~и~~ ^и ~~сидеть~~ ^{сидеть} ~~у~~ ^у ~~ма~~ ^{ма} ~~в~~ ^в ~~перископных~~ ^{перископных} ~~руках~~.

Макара ~~сейчас-то~~ ^{сейчас-то} ~~попытался~~ ^{попытался} ~~использовать~~ ^{использовать} ~~московскую~~ ^{московскую} ~~техническую~~ ^{техническую} ~~ин-~~
~~струкцию~~ ^{струкцию}: такая ~~какая-то~~ ^{какая-то} ~~помышляла~~ ^{помышляла} ~~в~~ ^в ~~прочном~~ ^{прочном} ~~использовании~~ ^{использовании} ~~бетонных~~ ^{бетонных}
элементов ~~чем~~ ^{чем} ~~одного~~ ^{одного} ~~из~~ ^{из} ~~того~~ ^{того} ~~у~~ ^у ~~дверей~~ ^{дверей} ~~и~~ ^и ~~сказал~~ ^{сказал} ~~тому~~ ^{тому} ~~что~~ ^{что} ~~он~~ ^{он} ~~использовал~~ ^{использовал} ~~строитель-~~
~~ную~~ ^{ную} ~~технику~~. ~~Видно~~ ^{Видно} ~~его~~ ^{его} ~~выслушав~~ ^{выслушав} ~~и~~ ^и ~~явно~~ ^{явно} ~~разговорив~~ ^{разговорив} ~~с~~ ^с ~~тем~~, ~~что~~ ^{что} ~~Макара~~ ^{Макара} ~~сам~~ ^{сам} ~~на~~

Рассказ «Усомнившийся Макара». Сводная рукопись. ИМЛИ

— Чего ж ты будешь здесь работать, когда ты пришел без всякого талона? — грустно проговорил стражник.

Здесь подошел каменщик и заслушался Макара.

— Иди в наш барак к общему котлу, — там ребята тебя покормят, — помог Макару каменщик. — А поступить ты к нам сразу не можешь, ты живешь на воле, а стало быть, никто. Тебе надо сначала в союз рабочих записаться, сквозь классовый надзор пройти.

И Макар пошел в барак кушать из котла, чтобы поддержать в себе жизнь для дальнейшей лучшей судьбы.

*

На постройке того дома в Москве, который назвал встречный человек вечным, Макар ужился. Сначала он наелся черной и питательной каши в рабочем бараке, а потом пошел осматривать строительный труд. Действительно, земля была всюду поражена ямами, народ суетился, машины неизвестного названия забивали сваи в грунт, бетонная каша самотеком шла по лоткам, и прочие трудовые события тоже происходили на глазах. Видно, что дом строился, — хотя неизвестно для кого. Макар и не интересовался, что кому достанется, — он интересовался техникой как будущим благом для всех людей. Начальник Макара по родному селу — товарищ Лев Чумовой, тот бы, конечно, наоборот, заинтересовался распределением жилой площади в будущем доме, а не чугунной свайной бабкой, но у Макара были только грамотные руки, а голова — нет, поэтому он только и думал, как бы чего сделать.

Макар обошел всю постройку и увидел, что работа идет быстро и благополучно. Однако что-то заунывно томилось в Макаре — пока неизвестно что. Он вышел на середину работ и окинул общую картину труда своим взглядом: явно чего-то недоставало на постройке, что-то было утрачено, но что — неизвестно, только в груди у Макара росла какая-то совестливая рабочая тоска. От печали и от того, что сытно покушал, Макар нашел тихое место и там отошел ко сну. Во сне Макар видел озеро, птиц, забытую сельскую рощу, а что нужно, чего не хватает на постройке, — того Макар не увидел. Тогда Макар проснулся и вдруг открыл недостаток постройки: рабочие запаковывали бетон в железные каркасы, чтобы получилась стена. Но это же не техника, а черная работа! Чтобы получилась техника, надо бетон подавать наверх трубами, а рабочий будет только держать трубу и не уставать, — этим самым не позволяя переходить красной силе ума в чернорабочие руки.

Макар сейчас же пошел искать главную московскую научно-техническую контору. Такая контора помещалась в прочном не-

сгораемом помещении в одном городском овраге. Макар нашел там одного малого у дверей и сказал ему, что он изобрел строительную кишку. Малый его выслушал и даже расспросил о том, чего Макар сам не знал, а потом отправил Макара на лестницу к главному писцу. Писец этот был ученым инженером, однако он решил почему-то писать на бумаге, не касаясь руками строительного дела. Макар и ему рассказал про кишку.

— Дома надо не строить, а отливать, — сказал Макар ученому писцу.

Писец прослушал и заключил:

— А чем вы докажете, товарищ изобретатель, что ваша кишка дешевле обычной бетонировки?

— А тем, что я это ясно чувствую, — доказал Макар.

Писец подумал что-то втайне и послал Макара в конец коридора:

— Там дают неимущим изобретателям по рублю на харчи и обратный билет по железной дороге.

Макар получил рубль, но отказался от билета, так как он решил жить вперед и безвозвратно.

В другой комнате Макару дали бумагу в профсоюз, дабы он получил там усиленную поддержку как человек из массы и изобретатель кишки. Макар подумал, что в профсоюзе ему сегодня же должны дать денег на устройство кишки, и радостно пошел туда.

Профсоюз помещался в еще более громадном доме, чем техническая контора. Часа два бродил Макар по ущельям того профсоюзного дома в поисках начальника массовых людей, что был написан на бумаге, но начальника не оказалось на служебном месте, он где-то заботился о прочих трудящихся. В сумерки начальник пришел, съел яичницу и прочитал бумажку Макара через посредство своей помощницы — довольно миловидной и передовой девицы с большой косой. Девица та сходила в кассу и принесла Макару новый рубль, а Макар расписался в получении его как безработный батрак. Бумагу Макару отдали обратно. На ней в числе прочих букв теперь значилось: «Товарищ Лопин, помоги члену нашего союза устроить его изобретение кишки по промышленной линии».

Макар остался доволен и на другой день пошел искать промышленную линию, чтобы увидеть на ней товарища Лопина. Ни милиционер, ни прохожие не знали такой линии, и Макар решил ее найти самостоятельно. На улицах висели плакаты и красный сатин с надписью того учреждения, которое и нужно было Макару. На плакатах ясно указывалось, что весь пролетариат должен твердо стоять на линии развития промышленности. Это сразу вразумило

Макара: нужно сначала отыскать пролетариат, а под ним будет линия и где-нибудь рядом товарищ Лопин.

— Товарищ милиционер, — обратился Макар, — укажи мне дорогу на пролетариат.

Милиционер достал книжку, отыскал там адрес пролетариата и сказал тот адрес благодарному Макару.

*

Макар шел по Москве к пролетариату и удивлялся силе города, бегущей в автобусах, трамваях и на живых ногах толпы.

«Много харчей надо, чтобы питать такое телодвижение!» — рассуждал Макар в своей голове, умевшей думать, когда руки были не заняты.

Озабоченный и загоревавший Макар наконец достиг того дома, местоположение которого ему указал постовой. Дом тот оказался ночлежным приютом, где бедный класс в ночное время преклонял свою голову. Раньше, в дореволюционную бытность, бедный класс преклонял свою голову на простую землю — и над той головою шли дожди, светил месяц, брели звезды, дули ветры, а голова та лежала, стыла и спала, потому что она была усталая. Нынче же голова бедного класса отдыхала на подушке под потолком и железным покровом крыши, а ночной ветер природы уже не беспокоил волос на голове бедняка, некогда лежавшего прямо на поверхности земного шара.

Макар увидел несколько новых чистоплотных домов и остался доволен советской властью.

«Ничего себе властишка! — оценил Макар. — Только надо, чтобы она не избаловалась, потому что она наша!»

В ночлежном доме была контора, как во всех московских жилых домах. Без конторы, оказывается, сейчас же началось бы всюду светопреставление, а писцы давали всей жизни хотя и медленный, но правильный ход. Макар и писцов уважал.

«Пусть живут! — решил про них Макар. — Они же думают чего-нибудь, раз жалованье получают, а раз они от должности думают, то, наверное, станут умными людьми, а их нам и надобно!»

— Тебе чего? — спросил Макара комендант ночлега.

— Мне бы нужен был пролетариат, — сообщил Макар.

— Какой слой? — узнавал комендант.

Макар не стал задумываться — он знал вперед, что ему нужно.

— Нижний, — сказал Макар. — Он погуще, там людей больше, там самая масса!

— Ага, — понял комендант. — Тогда тебе надо вечера ждать: кого больше придет, с теми и ночевать пойдешь: либо с нищими, либо с сезонниками...

— Мне бы с теми, кто самый социализм строит, — попросил Макар.

— Ага! — снова понял комендант. — Так тебе нужен, кто новые дома строит?

Макар здесь усомнился.

— Так дома же и раньше строили, когда Ленина не было. Какой же тебе социализм в пустом доме?

Комендант тоже задумался, тем более что он сам точно не знал, в каком виде должен представиться социализм, — будет ли в социализме удивительная радость, и какая?

— Дома-то строили раньше, — согласился комендант. — Только в них тогда жили негодяи, а теперь я тебе талон даю на ночевку в новый дом.

— Верно, — обрадовался Макар. — Значит, ты правильный помощник советской власти.

Макар взял талон и сел на груду кирпича, оставшегося беспризорным от постройки.

«Тоже, — рассуждал Макар, — лежит кирпич подо мной, а пролетариат тот кирпич делал и мучился: мала советская власть — своего имущества не видит!»

Досидел Макар на кирпиче до вечера и проследил поочередно, как солнце угасло, как огни зажглись, как воробьи исчезли с навоза на покой.

Стали наконец являться пролетарии — кто с хлебом, кто без него, кто больной, кто уставший, но все милovidные от долгого труда и добрые той добротой, которая происходит от измождения.

Макар подождал, пока пролетариат разлежся на государственных койках и перевел дыхание от дневного строительства. Тогда Макар смело вошел в ночлежную залу и объявил, став посреди пола:

— Товарищи работники труда! Вы живете в родном городе Москве, в центральной силе государства, а в нем непорядки и утраты ценностей...

Пролетариат пошевелился на койках.

— Митрий! — глухо произнес чей-то широкий голос. — Двинь его слегка, чтоб он стал нормальным...

Макар не обиделся, потому что перед ним лежал пролетариат, а не враждебная сила.

— У вас не все выдумали, — говорил Макар. — Молочные банки из-под молока на ценных машинах везут, а они порожние, — их выпили. Тут бы трубы достаточно было и поршневого насоса... То же и в строительстве домов и сараев — их надо из кишки отливать, а вы их по мелочам строите... Я ту кишку

придумал и вам ее даром даю, чтобы социализм и прочее благоустройство наступило скорей...

— Какую кишку? — произнес тот же глухой голос невидимого пролетария.

— Свою кишку, — подтвердил Макар.

Пролетариат сначала помолчал, а потом чей-то ясный голос прокричал из дальнего угла некие слова, и Макар их услышал, как ветер:

— Нам сила не дорога, — мы и по мелочи дома поставим, — нам душа дорога. Раз ты человек, то дело не в домах, а в сердце. Мы здесь все на расчетах работаем, на охране труда живем, на профсоюзах стоим, на клубах увлекаемся, а друг на друга не обращаем внимания — друг друга закону поручили... Даешь душу, раз ты изобретатель!

Макар сразу пал духом. Он изобретал всякие вещи, но души не касался, а это оказалось для здешнего народа главным изобретением. Макар лег на государственную койку и затих от сомнения, что всю жизнь занимался непролетарским делом.

Спал Макар недолго, потому что он во сне начал страдать. И страдание его перешло в сновидение: он увидел во сне гору или возвышенность, и на той горе стоял научный человек. А Макар лежал под той горой, как сонный дурак, и глядел на научного человека, ожидая от него либо слова, либо дела. Но человек тот стоял и молчал, не видя горящего Макара и думая лишь о целостном масштабе, но не о частном Макаре. Лицо ученого человека было освещено заревом дальней массовой жизни, что расстилалась под ним вдаль, а глаза были страшны и мертвы от нахождения на высоте и слишком далекого взора. Научный молчал, а Макар лежал во сне и тосковал.

— Что мне делать в жизни, чтоб я себе и другим был нужен? — спросил Макар и затих от ужаса.

Научный человек молчал по-прежнему без ответа, и миллионы живых жизней отражались в его мертвых очах.

Тогда Макар в удивлении пополз на высоту по мертвой каменистой почве. Три раза в него входил страх перед неподвижно-научным, и три раза страх изгонялся любопытством. Если бы Макар был умным человеком, то он не полез бы на ту высоту, но он был отсталым человеком, имея лишь любопытные руки под неощутимой головой. И силой своей любопытной глупости Макар долез до образованнейшего и тронул слегка его толстое, громадное тело. От прикосновения неизвестное тело шевельнулось, как живое, и сразу рухнуло на Макара, потому что оно было мертвое.

Макар проснулся от удара и увидел над собой ночлежного надзирателя, который коснулся его чайником по голове, чтобы Макар проснулся.

Макар сел на койку и увидел рябого пролетария, умывшегося из блюдца без потери капли воды. Макар удивился способу начисто умываться горстью воды и спросил рябого:

— Все ушли на работу, чего же ты один стоишь и умываешься?

Рябой промокнул мокрое лицо о подушку, высох и ответил:

— Работающих пролетариев много, а думающих мало, — я наметил себе думать за всех. Понял ты меня или молчишь от дурости и угнетенья?

— От горя и сомнения, — ответил Макар.

— Ага, тогда пойдем, стало быть, со мной и будем думать за всех, — соображая, высказался рябой.

И Макар поднялся, чтобы идти с рябым человеком, по названию Петр, чтобы найти свое назначение.

*

Навстречу Макару и Петру шло большое многообразие женщин, одетых в тугую одежду, указывающую, что женщины желали бы быть голыми; также много было мужчин, но они укрывались более свободно для тела. Великие тысячи других женщин и мужчин, жалея свои туловища, ехали в автомобилях и фэтонах, а также в еле влекущихся трамваях, которые скрежетали от живого веса людей, но терпели. Едущие и пешие стремились вперед, имея научное выражение лиц, чем в корне походили на того великого и мощного человека, которого Макар неприкосновенно созерцал во сне. От наблюдения сплошных научно-грамотных личностей Макару сделалось жутко во внутреннем чувстве. Для помощи он поглядел на Петра: не есть ли и тот лишь научный человек со взглядом в даль?

— Ты, небось, знаешь все науки и видишь слишком далеко? — робко спросил Макар.

Петр сосредоточил свое сознание.

— Я-то? Я надуваюсь существовать вроде Ильича-Ленина: я гляжу и вдаль, и вблизи, и вширку, и вглубь, и вверх.

— Да то-то! — успокоился Макар. — А то я намеренно видел громадного научного человека: так он в одну даль глядит, а около него — сажени две будет — лежит один отдельный человек и мучается без помощи.

— Еще бы! — умно произнес Петр! — Он на уклоне стоит, ему и кажется, что все вдалеке, а вблизи нет ни дьявола! А другой только под ноги себе глядит — как бы на комок не споткнуться и не удариться насмерть — и считать себя правым, а массам жить на тихом ходу скучно. Мы, брат, комков почвы не боимся!

— У нас народ теперь обутый! — подтвердил Макар.

Но Петр держал свое размышление вперед, не отлучаясь ни на что.

— Ты видел когда-нибудь коммунистическую партию?

— Нет, товарищ Петр, мне ее не показывали! Я в деревне товарища Чумового видел!

— Чумовых товарищей и здесь находится полное количество. А я говорю тебе про чистую партию, у которой четкий взор в точную точку. Когда я нахожусь на сходе среди партии, всегда себя дураком чувствую.

— Отчего ж так, товарищ Петр? Ты ведь по наружности почти научный.

— Потому что у меня ум тело поедает. Мне яства хочется, а партия говорит: вперед заводы построим, — без железа хлеб растет слабо. Понял ты меня, — какой здесь ход в самый раз?!

— Понял, — ответил Макар.

Кто строит машины и заводы, тех он понимал сразу, словно ученый. Макар с самого рождения наблюдал глиносоломенные деревни и нисколько не верил в их участь без огневых машин.

— Вот, — сообщил Петр. — А ты говоришь: человек тебе наемни не понравился! Он и партии и мне не нравится: его ведь дурак-капитализм произвел, а мы таковых подобных постепенно под уклон спускаем!

— Я тоже что-то чувствую, только не знаю что! — высказался Макар.

— А раз ты не знаешь — что, то следуй в жизни под моим руководством; иначе ты с тонкой линии неминуемо треснешься вниз.

Макар отвлекся взором на московский народ и подумал: «Люди здесь сытые, лица у всех чистоплотные, живут они обильно, — они бы размножаться должны, а детей незаметно».

Про это Макар сообщил Петру.

— Здесь не природа, а культура, — объяснил Петр. — Здесь люди живут семьями без размножения, тут кушают без производства труда...

— А как же? — удивился Макар.

— А так, — сообщил знающий Петр. — Иной одну мысль напишет на квитанции, — за это его с семейством целых полтора года кормят... А другой и не пишет ничего — просто живет для назидания другим.

Ходили Макар и Петр до вечера; осмотрели Москву-реку, улицы, лавки, где продавался трикотаж, и захотели есть.

— Пойдем в милицию обедать, — сказал Петр.

Макар пошел — он сообразил, что в милиции кормят.

— Я буду говорить, а ты молчи и отчасти мучайся, — заранее предупредил Макара Петр.

В милиционном отделении сидели грабители, бездомные, люди-звери и неизвестные несчастные. А против всех сидел дежурный надзиратель и принимал народ в живой затылок. Иных он отправлял в арестный дом, иных в больницу, иных устранил прочь обратно.

Когда дошла очередь до Петра и Макара, то Петр сказал:

— Товарищ начальник, я вам психа на улице поймал и за руку привел.

— Какой же он псих? — спрашивал дежурный по отделению. — Чего ж он нарушил в общественном месте?

— А ничего, — открыто сказал Петр. — Он ходит и волнуется, а потом возьмет и убьет: суди его тогда. А лучшая борьба с преступностью — это предупреждение ее. Вот я и предупредил преступление.

— Резон, — согласился начальник. — Я сейчас его направлю в институт психопатов — на общее исследование...

Милиционер написал бумажку и загоревал:

— Не с кем вас препроводить — все люди в разгоне...

— Давай я его сведу, — предложил Петр. — Я человек нормальный, это он — псих.

— Вали! — обрадовался милиционер и дал Петру бумажку.

В институт душевноболящих Петр и Макар пришли через час. Петр сказал, что он приставлен милицией к опасному дураку и не может его оставить ни на минуту, а дурак ничего не ел и сейчас начнет бушевать.

— Идите на кухню, вам там дадут покушать, — указала добрая сестра-посиделка.

— Он ест много, — отказался Петр. — Ему надо шей чугуна и каши два чугуна. Пусть принесут сюда, а то он еще харкнет в общий котел.

Сестра распорядилась. Макару принесли тройную порцию вкусной еды, и Петр насытился заодно с Макаром.

В скором времени Макара принял доктор и начал спрашивать у Макара такие обстоятельные мысли, что Макар по невежеству своей жизни отвечал на эти докторские вопросы, как сумасшедший. Здесь доктор ощупал Макара и нашел, что в его сердце бурлит лишняя кровь.

— Надо его оставить на испытание, — заключил про Макара доктор.

И Макар с Петром остались ночевать в душевной больнице. Вечером они пошли в читальную комнату и Петр начал читать Макару книжки Ленина вслух:

— Наши учреждения — дерьмо, — читал Ленина Петр, а Макар слушал и удивлялся точности ума Ленина. — Наши законы —

дерьмо. Мы умеем предписывать и не умеем исполнять. В наших учреждениях стоят враждебные нам люди, а иные наши товарищи стали сановниками и работают, как дураки...

Другие больные душой тоже заслушались Ленина, — они не знали раньше, что Ленин знал все.

— Правильно! — поддакивали больные душой рабочие и крестьяне.

— Побольше надо в наши учреждения рабочих и крестьян, — читал дальше рябой Петр. — Социализм надо строить руками массового человека, а не чиновничьи бумажками наших учреждений. И я не теряю надежды, что нас за это когда-нибудь поделом повесят...

— Видал? — спросил Макара Петр. — Ленина и то могли замучить учреждения, а мы ходим и лежим. Вот она тебе, вся революция, написана живьем... Книгу я эту отсюда украду, потому что здесь учреждение, а завтра мы с тобой пойдем в любую контору и скажем, что мы рабочие и крестьяне. Сядем с тобой в учреждение и будем думать для государства...

После чтения Макар и Петр легли спать, чтобы отдохнуть от дневных забот в безумном доме. Тем более что завтра обоим предстояло идти бороться за ленинское и общебедняцкое дело.

*

Петр знал, куда надо идти — в РКИ, там любят жалобщиков и всяких удрученных. Приоткрыв первую дверь в верхнем коридоре РКИ, они увидели там отсутствие людей. Над второй же дверью висел краткий плакат «Кто кого?» — и Петр с Макаром вошли туда. В комнате не было никого, кроме тов. Льва Чумового, который сидел и чем-то заведовал, оставив свою деревню на произвол бедняков.

Макар не испугался Чумового и сказал Петру:

— Раз говорится — кто кого, — то давай мы его...

— Нет, — отверг опытный Петр, — у нас государство, а не лапша. Идем выше.

Выше их приняли, потому что там была тоска по людям и по низовому действительному уму.

— Мы классовые члены, — сказал Петр высшему начальнику, — у нас ум накопился, дай нам власти над гнетущей писчей стервой...

— Берите, она ваша, — сказал высший и дал им власть в руки.

С тех пор Макар и Петр сели за столы против Льва Чумового и стали говорить с бедным приходящим народом, решая все дела в уме — на базе сочувствия неимущим. Скоро и народ перестал

ходить в учреждение Макара и Петра, потому что они думали настолько просто, что и сами бедные могли думать и решать так же, и трудящиеся стали думать сами за себя на квартирах.

Лев Чумовой остался один в учреждении, поскольку его никто письменно не отзывал оттуда. И присутствовал он там до тех пор, пока не была назначена комиссия по делам ликвидации государства. В ней товарищ Чумовой проработал 44 года и умер среди забвения и канцелярских дел, в которых был помещен его организационный гос-ум.

<Конец 1928 г., середина 1929 г.>

<РАССКАЗЫ ПРО НАСЕЛЕНИЕ В СЕЛЬСКИХ МЕСТНОСТЯХ>

ВОСЬМЕРО НЕИМУЩИХ

В деревне Крохово одна баба постоянно была своего мужика. Мужик ходил на нее жаловаться в совет, но там ему сказали:

— Если бы ты ее бил, тогда б ты был контрреволюционер, а она — нет, она мягкое существо.

— Тогда я выскажусь против советской власти! — заявил мужик. — Раз баба меня мучает, а расправы нету, то пусть государство без меня обходится. Может, она и не женщина, а лишь прочее существо, скажем, зверь в секрете.

— Звериным делом заведует ветеринар, — сказали в сельсовете, — дойди до него.

Мужик пошел к ветеринару.

— Дай, — говорит, — настойки какой-нибудь против женской гадости.

— На, — сказал ветеринар, — это против желудка, все начинается с него. Человек — четверть лошади. Дашь ей половину поллитровки. Меру-то знаешь?

— Еще бы! Всю французскую систему благодаря бутылкам постиг!

Начал мужик лечить свою бабу. Баба похудела, посинела, но еще более начала крыть рукой и словом своего мужа, точно в ней теперь вместо крови стал течь гной.

— Лекарство ей не поможет, — сказал секретарь сельсовета мужику той бабы. — Тебя могут к ответственности привлечь за насильное измождение второстепенного пола.

— А что ж мне делать-то? — спросил мужик. — Вчерашний день она меня кадкой по голове треснула, а была б здорова, так передком телеги ляпнула бы! Я от таких ударов жизни думать не могу!

— Ну-к что ж! — ответил секретарь. — Твое дело — временное. Тебе надо ждать.

— Чего же ждать-то? Аль что случится?

— Культурная революция случится, — сообщил секретарь. — Тогда твое тело никто не тронет.

— А когда ж она будет-то?

— Через пять лет! — сказал секретарь. — Один год уже прошел, — считай, четыре года тебе осталось терпеть.

— Это я вытерплю, — обрадовался мужик. — У меня кости каменные.

И он стал терпеть, отрывая ежедневно листок календаря.

— Баба, — обращался он к жене, — ты теперь драться спеша, тебе тысяча четыреста дней осталось, а завтра будет на одни сутки меньше.

Боль от побоев стала теперь слабее, потому что этот семейный мужик чувствовал смысл своей жизни и терпения — культурную революцию.

Тем временем секретарь сельсовета составил особый список жителей села, которые попали после революции в угнетенное положение. Это были вечные мученики жизни: у кого баба была лиха, стало быть, в семье есть нехватка культуры; кто горел через год, словно он жил не в деревне, а на огнедышащей горе; кто дошел до такой нищеты, что рвал питательные растения среди бурьяна, никогда не имея нивы.

Собрал таких удрученных секретарь и сказал им:

— Через пять лет, считай — через четыре, потому что год миновал на подготовку, — через пять лет вы ждите себе блага. Вам его даст наше правительство по пятилетнему плану, потому что после революции остался еще народ в стране, вроде вас, который живет как лебеда в просе.

— А нам ничего не надо делать? — спросил один крестьянин, что всю жизнь терпел пожары. — Может, помочь надо чем-нибудь?

— Нет, — ответил секретарь. — Живите неподвижно. Благо произойдет от крупного строительства, от механизма, а вы терпите молча, у вас механизма нету.

— Это мы приветствуем! — воскликнул другой односельчанин, питавшийся из бурьяна. — Нам благо вот как нужно, без него мочи нету жить! Раньше хоть в бога можно верить — все же таки были в уме покой и вещество, а теперь вера — дело безумное, а в жизни утехы нету.

— Вот вам и утехы, вот вам и смысл жизни, — четко объяснял председатель совета. — Через пять лет половина социализма будет готова, и вам там будет уготовано светлое место!

— Половинка только?! — со скорбью отозвался один слушатель. — А когда ж мы его целиком получим? Половинки нам не хватит! Там тесно будет!

— Хватит, — уверял секретарь. — Можно и в половину верить, а целиком получишь на старости лет.

— Давай хоть половинку! — согласился тот мужик, которого баба била. — Тут и четвертушку возьмешь, когда так жалобно живется. И половинка — вроде религии.

— Нет, не вроде, — разъяснил секретарь. — Социализм уже есть, и еще больше его будет, а бога как не было, так и нет до сих пор. А теперь надо нам понять, кому что достанется. Ты чем, товарищ Аркин, обижен?

— Еды мало, — ответил Аркин. — Иные дни одним купырем кормлюсь.

— Ага, — сообщил секретарь. — Тебе, значит, будет полагаться минеральное удобрение. А ты отчего горюешь, товарищ Агапкин?

— Баба мордует.

— Культурную революцию получишь. А ты, Сгонников?

— Горю дважды в пятилетний план.

— Ладно. Железный дом из индустриализации будешь иметь.

— Спасибо, — сказал Сгонников. — Буду ждать, теперь уж я вижу.

— А теперь, кто хочет через пять лет, считай — через четыре, социализм полнком иметь?

— Я! — ответило собрание, как одна личность.

— Тогда тащите завтра хаты по частям на пустое место! — разъяснил секретарь. — У нас за лугами есть дальняя земля, и она хороша для хлеба и коллективного труда! Кто в колхозе пять лет, считай — четыре, перетерпит, тот через пять отрывных календарей в коммунизм дойдет!

— С хатами идти будет тяжело! — усомнился Агапкин. — Мы порожние туда двинемся!

— Коммунизм — хозяйство и быт, это имущественное место, а не пустой бродяга-человек, — еще раз ясно объяснил секретарь.

— Ну тогда так! — согласилось собрание. — Хаты все равно через пять лет, считай, через четыре, погорят, — лучше их унести.

И вот через месяц восемь дворов переселились из деревни в степь, чтоб вышел колхоз. Но секретарь совета не велел на новом месте собирать каждую хату отдельно, а указал построить из общего матерьяла один дом и один большой двор. Коллективистам было все равно, они жили слишком безумно на своих дворах, — и они сделали один дом и один двор.

Мужчины и женщины имели дом пополам — каждый пол свою половину. Агапкин был доволен, его баба теперь занялась с другими женщинами и с ним не имела доступа драться.

После получения трактора голодающий Аркин сел трактористом.

— Это, — сказал он, — я могу. Я пахать лошадью не люблю —

боюсь мучить скотину, хоть у меня ее и нету, а машина — дело железное, и мне — сидеть, а не ходить.

Однажды дом колхоза загорелся. Сгонников, который и в деревне постоянно горел, не удивился — он знал, что пожар при нем будет. Но секретарь совета еще при постройке дома повесил в нем два огнетушителя, и пожар был потушен в момент.

— Вот это да! — сказал тогда Сгонников. — Вот это коммунизм! Теперь я его вижу!

Все коллективисты стали жить благополучно и сами удивлялись тому:

— Как же так! — произносили они вслух. — Неужели беда была, что каждый на своем дворе томился, а стали жить дружкой — и полегчало! Не может быть! Ведь мы думали, что нам ни один черт не сумеет помочь, а теперь вышло, что раньше пяти лет, считай — четырех, мы свое получили! Наверное, кто-нибудь в этом виноват, — только мы его не знаем!

<Вторая половина 1929 г.>

АВТОДОР В ДЕРЕВНЕ УВЯЗКЕ

В деревне Увязка — семеро крестьян сидели на четырех дубках и вели обсуждение.

— Мужики! — сказал седой Григорий Евдокимович, прозванный красноармейцем ради его погибшего сына. — В Зиновьевском Логу грунт в пучину валится — как будем ездить осенью: скучно подумать.

— Чего ж скучать? — отозвался Петр Леонидович, наименованный летчиком за то, что он не сел в аэроплан, который садился близ деревни и катал всех бесплатно в воздух. — Чего ж тебе скучать? Мы канат через Лог направим и будем тяжести на весу таскать.

— Канат не выдержит, — отверг Кормушин, недавно переменявший свою фамилию на женину — Клавоторова, и оттого названный бабой навсегда. — Канат треснет посередине, и ты утонешь в мочежине, не дожив до смерти.

— Пускай кто-нибудь едет в уезд леса просить, — посоветовал Егоров, славный тем, что его кулак привязывал к мельничному крылу и Егоров крутился от ветра по полчаса за буханку хлеба. — Пускай леса дадут, а я мост почию, я древесное дело знаю.

Так и решили, а сельсовет подписал. Поехал в город тот же Егоров, а через три дня вернулся.

— Ну что? Ну как? — спрашивают его односельчане. — Дали тебе стволья?

— Нет, обождали с лесом, — сообщил Егоров. — Говорят, что у нас транспорт без механизма действует, а раз так, то он для грязи и без моста подходящ. Мы, говорят, для автомобилей и тракторов не поспеваем мосты строить, а телеги и так проедут!

— Как же так?

— А так. Поезжайте, говорят, еле-еле, вы, говорят, стремитесь — потихоньку, раз под колесом вязко.

— А если нельзя, то как же нам быть-то? Если колесо — оно чувствует нечистоту?

— Тогда, говорят, вам автодор нужен. Если б у нас автомобиль был, тогда б нам леса дали неминуемо! Меня там просили: бери, сказывали, старый автомобиль, чини и езди, а от него дорога лучше станет.

— Чего ж ты не взял? Все равно тебе на мельнице кататься!

— А я треска боюсь!

— Отсталый ты член! Взял бы автомобиль — всем бы веселей стало.

— Возьму, — согласился Егоров. — Пусть мне чья-нибудь баба вынесет хлеба на дорогу, я сейчас же наоборот пойду.

Одна душевная гражданка подала Егорову пятьсот граммов хлеба, и Егоров тронулся за автомобилем. Долго его не было в деревне — целых восемнадцать дней, — наверно, думали земляки, его машиной ушибло. Напрасно погиб человек — у одного его по всей деревне был такой топор, что гвозди можно им рубить, но топор он унес и с ним умер.

И вдруг, среди ночи, на порожней улице, под мрачным небом тьмы, раздался мертвящий голос машины. Все жители проснулись и отчаялись, а потом увидели, что едет Егоров на автомобиле, один в целой повозке. Оказывается, Егорову починили в городе машину, обучили езде и вот прислали делать переворот в технике. Когда событие обтерпелось, крестьяне одумались.

— Что же, — сказал один наиболее разумный крестьянин. — Неужели мы будем железо, медь и бензин на езду тратить, а шаги на что?

— И верно! — воскликнули все. — Нам машина нужна, чтобы лес и льготы дали, а если ездить на ней, то сломаешь, и ничего потом не дадут.

Машину отобрали от Егорова и дали в неприкосновенное сбережение самому скупому мужику, — Карпову, который уже загнал в гроб жену, а машину сохранит с точностью.

Вся деревня после того вступила в Автодор и внесла членские взносы из средств самообложения.

— Вы отсталость! — сказали деревенским представителям в городе, при получении книжек Автодора. — Вы бы могли за эти членские взносы свой мост через Зиновьевский Лог починить.

— Ну, тогда давай деньги обратно, мы вычеркиваемся, — сообразили граждане из деревни Увязки.

— Натe, — сказал уездный Автодор. — Один свежий мост дороже мысленного сочувствия дорогам.

— Еще бы! — согласились увязковцы. — По мосту пойдет езда, а голова только членом может быть, она на всяком человеке растет сама.

Благодаря этой неудаче, мост в деревне Увязке был построен, но зато явилась новая забота — крестьяне не знали, что делать с автомобилем, поскольку беречь его было бессмысленно. Егоров совместно с кузнецом Громковым пристроили автомобиль для откачки воды из колодца, но вышло так, что вода обходилась так же дорого, как водка. Многие мужики вдрызг истратились на эту воду из любопытства. Тогда автомобиль поставили вырабатывать электричество. Посветили в трех хатах одну неделю и прекратили, потому что дешевле б было тучи из пушек разгонять, чем светить автомобилем.

Но однажды Егоров сел и поехал на автомобиле. За ним неслась вся деревня:

— Куда ты? Чего ты механизм тратишь — ведь ты его не делаешь.

Но Егоров исчез в степи. А затем привез из города товар для потребиловки. В следующий раз он повез в город молоко, а обратно — пустых баб, что ходили в город продавать пешком ягоду. Дальше — больше, и все узнали, что на автомобиле надо только ездить и возить грузы.

От этой догадки всем полегчало, и в деревне Увязке снова был организован Автодор, чтобы дали вторую машину, так как одной оказалось мало.

Егоров же ездил шофером и прекратил вертеться на крыле кулацкой мельницы ради килограмма хлеба.

<Не позднее начала ноября 1929 г.>

СЛУЖЕБНО-СОЧУВСТВУЮЩИЙ

Гражданин Рокотов проживал в деревне и служил одно время секретарем сельсовета. На этот пост он был выдвинут в свое золотое время массаами, потому что население не знало церковно-

славянского языка, на котором пишутся казенные бумаги, а Рокотов знал.

Однако, после новых выборов, Рокотова уволили с его должности — за обман волостного центра сельским благополучием. Рокотов на любой вопрос волостных главнотруководящих лиц всегда сообщал, что в ихнем селе все обстоит активно, начеку и все директивы давно выполнены — народ сидит без нагрузки. За эту благодать населения Рокотова удалили, тем более что наступила переизборная кампания. Тогда Рокотов написал в волысполком, а копии Губисполкому, заявление.

«Граждане — руководители и выборно-начальствующие! Заявляю вам, что мое сочувствие советской власти с сего числа бесспорно прекратилось. Согласно соответствующих статей и примечаний Гражданского Уложения, прошу считать территорию моей усадьбы неприкосновенным убежищем. К сему удостоверяюсь собственноручно — Рокотов Козьма».

Из волысполкома заявление Рокотова возвратилось, но не к Рокотову, а в сельсовет. На заявлении было написано: «Отмежевать усадьбу гражданина Рокотова вон из советского подданства. А самого Рокотова взять под словесную пропаганду, ибо мы не должны убыточно расходовать сельактива».

Сельсовет остолбил двор Рокотова, как некое частное государство, а самому Рокотову было предложено являться ежедневно в сельсовет для заслушивания пропаганды. Рокотов на это согласился:

— В начале природы бе слово! — сказал он. — А теперь оно бывает в начале должности. Буду ходить слушать.

И стал ходить.

— Рокотов! — обратились к нему в сельсовете. — Прояви в чем-нибудь активность или усердие, мы тебя на хутор уполномоченным пошлем, будешь в ведомости состоять!

— Я всегда рад существовать! — произнес Рокотов. — Что-нибудь сегодня же осуществлю для сдвига республики!

— Крой! — согласился сельсовет. — Что ж ты будешь без службы состоять, тем более что культурная революция сейчас нужна до зарезу — директивы шлют целыми сумками.

— Займись! Сегодня же брошу культуру в массы!

— Бросай! — сказал сельсовет всем составом.

— Собирайте сход! — указал Рокотов.

И вот собрался сход.

— Вы знаете, что в начале было слово? — спросил у всех Рокотов.

— Нет, а что? — спросили крестьяне.

— А то, что вы оттого почти что не существуете! — Оттого вы бедны и несчастны с самого сотворения мира!

— А что ж теперь нам делать-то? — спросил передний хлебопашец.

— Как что? Надо обучиться устному и письменному слову, а заодно и цифре, — вот тогда вы начнете действительно и социально существовать. А что вы жили до сих пор — то не в счет. Кроме же того, грамотному человеку какая-нибудь льгота полагается...

— Тогда дели нас на дураков и умных: умным — жизнь, а дуракам — ученье, — согласилось население.

С того же вечера Рокотов отобрал из деревни всех неграмотных, посадил их в залу сельсовета и начал читать вслух Уголовный Кодекс.

На другой день сельсовет назначил Рокотова на жалование и на должность культурного революционера, а Рокотов, не откладывая, написал заявление в волисполком, что он искренно и бессрочно сочувствует советской власти, а свой двор прибавляет к государству.

Неграмотное население тем временем ежедневно слушало законы из уст Рокотова и постигало начало и происхождение общей жизни.

Но через неделю приехал один человек из уезда и спросил: есть в деревне культурные достижения?

— Есть, — сказал сельсовет. — Вот Рокотов — наше достижение.

Человек из уезда поглядел на Рокотова и произнес:

— В каком порядке вы учите население грамоте?

— В порядке сотворения нового мира, а также в ожидании льгот будущим просвещенным людям! — четко ответил Рокотов.

— Так вы за жалование их учите?

— Воистину, — произнес Рокотов. — Каждый грамотный найдет службу и тем улучшит благосостояние масс на единицу личности!

Человек из уезда подумал в течение дня и устранил Рокотова с должности культурного революционера, как человека узкого ума, а Рокотов в ту же ночь подал новое заявление — о прекращении своего сочувствия советской власти.

Но в этот раз госорган не принял заявления Рокотова и возвратил его обратно, так как бумага не имела гербовой марки.

Эта надлежащая точность заставила Рокотова навсегда полюбить советскую власть, и он написал прошение о зачислении его в государственные резервы — на предмет какой-нибудь экстренной надобности в штатах.

<Не позднее начала ноября 1929 г.>

ПОСЛУШАЙТЕ РАССКАЗ О ТОМ, КАК ЖИЛИ-БЫЛИ 52 ЛОДЫРЯ-КУЛАКА В ОДНОЙ НЕБОЛЬШОЙ ДЕРЕВНЕ

В деревню под названием Годовалое пришел пожилой плотник. Он целый год работал в городе, а теперь вернулся ко двору. Пришли к нему в хату односельчане и стали пытаться у плотника, что такое новая жизнь.

Деревня Годовалое была дальняя, жила в стороне от всех трактов и железных дорог, поэтому только еще готовилась к новой жизни, но не успела приступить к ней.

— Мы здесь живем, — сказали земляки плотнику, — ни слуха не слышим, ни духа не чуем. Расскажи нам, что в нашем государстве случилось самого лучшего?

Плотник надолго задумался, а потом сказал:

— Расскажу я вам притчу, а вы слушайте меня сознательно. Была земля, а на земле стояла бедная деревня, а над деревней висело небо, и больше нет ничего. В той деревне жили 52 двора, а в каждом дворе существовало по одному семейству, а в семействе — по семь душ. Шесть душ работали, а седьмой человек считался важным хозяином и круглый год ничего не делал. Ну, бывало иногда, что одна из работающих душ вдруг запьянствует или устанет, вдарится оземь и отдохнет. А кроме того, деревню объедали двенадцать помещиков. И вот выходило, что рабочей, будней душе почти ничего не оставалось из еды или одежды, оставался только сон, и то в ночное время. Потому что все поедал и пропищал свой дворовый кулак, да еще двенадцать уездных помещиков ему помогали. Оттого деревня жила и почти не дышала от нужды, а только вздыхала и видела сны счастья по ночам. А теперь пусть я вас спрошу: кто такие эти семейные кулаки, кто — домашние лодыри и кто — двенадцать помещиков?

Односельчане задумались.

— Мало ли кто? Так кто-нибудь!

— Осталец дореволюционного строя...

— Какой тебе осталец? — возразил плотник. — Они и теперь живут еще!

— Тогда это нам неизвестно.

— У нас ведь понятия мало — мы отсталые.

— Разве догадаешься? Вон Егорка на третьей женщине женился, а и она уйдет.

— Почему ж уйдет?

— А он от отсталости своей стал слабосилен и детей рожать не может. У него все тело отстало.

— Кулак в семействе — это едущий старик!

— При чем тут старик? Старик разве кулак: он — дело немощное.

— А помещик не иначе как штрафной служащий из уезда!

— Дурак: служащий тоже слаботрующийся!

— Нет, — сказали плотнику все собеседники, — не можем понять: старый строй-стервец от ума нас отучил. Говори сам!

— Сам я не скажу, — произнес плотник, — вы сами догадайтесь: больше убедительности будет!

— Давай я выражусь, — объявился один парень-пастух. — Не то так, не то нет!

— Говори, Фома, — сказали все. — Твое пастушье дело не хитро: сидишь в поле и соображаешь, что тебя не касается.

— Глупый человек по разу в год умным бывает: в нем жизнь скопляется!

Пастух Фома помолчал от смущения и унижения, а затем провозгласил:

— Двенадцать помещиков, должно быть, двенадцать годовых праздников: потому что в них пьют брагу и проедают скотину с имуществом, а бабы плачут. Кулак в семидушном семействе, наверно, — воскресенье. Шесть будней-батраков трудятся, а в воскресенье жируют, и все шесть дней погибают почти что напрасно. А вот те лодыри и объедалы из будней — то, наверно, разные праздники среди года и поперек недели... А может, и не так — я ведь говорю слабо!

— Так, Фома, — сказал плотник. — Ты всю истину разгадал, тебе пора в авангард записываться!.. И вот теперь слушайте: 52 да 12, это тебе будет 64, да еще праздничной мелочи набегит дён 10, а всего 74 дня в году шли прахом и объедали остальные будни, как буржуазия. А теперь советская власть заставила работать всех бывших кулаков и помещиков — все праздники, чтоб гуще пошел продукт в рот и в тело любого трудящегося...

— А где ж отдых? Ведь народ лопнет от сплошного труда...

— Народу отдых будет прежний, и даже больше. Одни машины и принадлежности не будут отдыхать...

Собеседники помолчали, чтобы успеть подумать, а потом сказали:

— Вот это справедливо! Это нам вполне в пользу: мертвый инвентарь всегда должен на живого работать. А кроме того, не только посреди людей, но и поперек календаря не полагается быть кулакам и буржуазным остаткам. День — великое дело, он

год может кормить. А 74 дня — тем более. Праздники — это убыток...

— Про это я и хотел сказать, — заключил плотник. — Тут и есть самое великое дело советской власти за нынешний год.

— Ну, тогда тебе спасибо, — поблагодарили все. — Теперь у нас полегчало в груди.

И тем кончилась беседа и кончается наш рассказ.

<Начало ноября 1929 г.>

ОТМЕЖЕВАВШИЙСЯ МАКАР

После долговременного отсутствия в учреждениях Макару было скучно присутствовать в деревне. Старый секретарь сельсовета товарищ Лев Чумовой в деревне уже не находился — некому теперь было тревожить Макара, и от этого становилось еще грустней на уме. Макар познал в городе пользу научного противоречия, когда среди счастья обязательно организуется небольшое горе. Но в деревне было вполне спокойно, потому что началась достойная жизнь. Самой деревни, в смысле ее царского устройства, уже не существовало: в ней произошел колхоз.

Старшие люди по колхозу пожелали было вовлечь Макара в актив, но Макар решил пока что организовать себе систематический отдых и отказался.

С утра, уничтожив свою долю пищи, Макар выходил в природу и наблюдал все, что было видно. Слабый свет исходил с неба, но Макар знал, что наука с негодованием отвергает небо, и не стал глядеть вверх.

Вон вышел трактор из базы и пошел лущить землю. Машина гулко трудилась и со взрывами вышибала непереженный черный газ.

Макар почел такое руководство машиной бюрократизмом. Он сейчас же достиг механизма и прекратил его действие.

— Ты, товарищ, сволочь, а не пролетарий, — сказал Макар трактористу. — Разве же допустимо таким керосином без подогрева топить мотор!

— Нет, товарищ Ганушкин, — ответил тракторист, — сорт керосина тяжел, в цилиндрах загар, работать им недопустимо!..

— Так что ж ты работаешь, неразумный член? Клади руль на задние градусы: я тебе подогреватель сделаю.

Пришедши на базу, Макар сделал в два часа особый бак, в котором керосин предварительно подогревался исходящими горячими газами машины, от этого керосин делался жиже и полезней сгорал в моторе.

Трактор снова вышел в поле и начал трудиться с чистым газом на коллективной земле.

— Ну вот, — определил Макар, — так будет гораздо научней!

Над головой Макара летали какие-то неорганизованные птицы. Ввиду того, что будущее все более наступало, воздушные птицы были как-то мало уместны: они бросали тень на светлую землю.

— Надо поесть этих мчащихся чертей, — решил Макар, но потом передумал: — Тогда граждан сгрызут комары и прочая мелочь. Но какой же здесь будет идеологический выход? Неизвестно!

И Макар вздохнул от слабости своей мысли, шагая дальше по культурной почве, на которой уже давно закончился агроминимум.

Женщины-коллективистки, согнувшись, собирали корнеплоды в ведра, а Макар шел между, горюя за мучающееся в труде туловище человека.

— Что ж ты все ходишь? — обратилась к Макару одна женщины. — Приехал — и кушает, а работает одной походкой!

Макар ответил ей:

— Ты, баба, еще маломочна мне указывать. Я действую умом в тишине — тебе незаметно.

— У нас был такой товарищ — Лев Чумовой: он тоже все умом действовал, а хлеб ел из наших рук, и уехал — ума не оставил.

Макар вспыхнул лицом от классового стыда: что же он делает, ведь городской пролетариат просил его душу изобрести, а он разлагается.

Но, ослабев от выдвигенческой деятельности, Макар не мог ничего выдумать, сколько ни надувался. Тогда он решил обнаружить готовую душу, а потом размножить ее техническим способом.

Он спросил:

— Баба, у тебя есть душа внутри?

— Да то будто нет!

— Покажь мне ее наружу!

Но та баба была культурработница и сама организовала местную культурную революцию, поэтому она могла научно понимать и выражаться.

— Ты чин имел большой, а дурак! Как же я тебе душу покажу, когда она — общественное отношение?!

Макар, однако, тоже имел перспективу и благодаря ей нигде не мог заблудиться: он сразу же дал бабе дальнейший вопрос:

— Значит, душа, по-твоему, лишь пустая доброта, а вещества в ней нету? Как же так, — бог и то был телом, хотя и нарочным, а человек ведь насущней бога!

— Ты бога не поминай: он отвергнут научным противоречием!

— Каким, сознательница? Говори мне теоретически!

— А таким! Бог-отец — это тебе положение, бог-сын — противоположение, бог-дух святой — соединение первых двух, а по-научному — диаволектический свинтус, или сцепление двух гадов в узком месте! Понял?

— Нет, — сознался Макар. — Но я убеждаюсь: деваться все одно некуда, как только в кучу масс!

— Значит, бога нет, — пояснила женщина. — А душа есть не предмет, а отношение людей среди коммунизма!

— А где ж коммунизм?

— Насыпай овощ в ведро, тогда узнаешь. Ты трактор починил сегодня — значит, тоже душу готовишь. А ты думал — надо ходить да выдумывать, разве так ты узнаешь смысл жизни? Мелкобуржуазный, подкулацкий ты человек: правду говорил вождь товарищ Авербах.

Макар отошел от нее, залез в чулан и горевал целые сутки, что внутри его постоянно живет ошибка, а затем заснул и, увидев во сне ужас своей отсталости, к рассвету отмежевался от своего единоличия.

На следующее утро он пошел рыть овощ вместе с бабами, чтобы чувствовать себя явным членом будущего человечества, которое выкормится этим овощем и образует душу внутри себя и между собой.

Так Макар осознал себя социальным условием — и с тем смирился среди теплоты трудящихся масс.

А впоследствии он умер от слабости сердца, не перенесши настигшего его организованного счастья, и вослед его худому равнодушному телу шла печальная тракторная колонна, вернувшаяся с межселенной пахоты, ибо все же Макар был член, и за то ему полагалась механическая честь во время смерти.

— Одним темным врагом стало меньше, он не выдержал темпа счастья, — сказала знакомая Макару сознательница на его могиле, и всем ее слушателям стало легче и лучше. А вечером эта женщина написала открытку тов. Авербаху, что Макар мертв и перспектива гораздо видней.

<Конец 1929 – начало 1930 г.>

«ПЕРВЫЙ ИВАН»

(Заметки о техническом творчестве трудящихся людей)

— Здравствуй, товарищ Первоиванов!

— Здравствуй, приезжий!.. Чего прибыл в осеннее время? — Чужого ума ищешь учиться, иль просто хлеб ходьбой зарабатываешь?

— Чужого ума ищу.

— А свой принес?

— Своего мне мало.

— Ага! Ну, раз — мало, то живи с нами: у нас тоже ума не хватает, может — от твоей малости что прибавится!

Этот разговор был произнесен на юге Уральской области, в земледельческом коллективе имени Исаака Ньютона, где Первоиванов и его два помощника были членами и механиками. Механик же в колхозе — это весьма возвышенное лицо, это — естествоиспытатель, командир огнедышащего инвентаря и человек науки-техники; лучшие снаружи девушки состоят во многих колхозах невестами механиков. Так приблизительно обстояло дело и в коллективе «Ньютона»; но Первоиванов еще не додумал всех своих мыслей, еще не сделал из стихийной природы искусственного советского творения, поэтому заставлял невесту постоянно терпеть и страдать без обручения. И когда он виделся с невестой, что было редко, то, вероятно, больше размышлял о странности стихийной природы, чем любовался женским присутствующим существом.

Я остался в «Ньютоне». Мне было важно изучить труд ума и рук Первоиванова, — предметы новой техники, о которых он мне писал дважды, предлагая выслать из Москвы гвозди, провода, полый медный шар, водяной насос высокого сжатия, манометр и многое прочее. Что мог, я отыскивал на Мясницкой и отправлял наложенным платежом в степную мастерскую Первоиванова.

В тот день Первоиванов пришел отдыхать в общий дом коллектива поздно ночью, но мы стали разговаривать о научной судьбе советского государства, и тов. Первоиванов променял сон на увлечение технической беседой. Я сидел с молчаливым сочувствием, а Первоиванов говорил предо мною, как великий безвестный эконом и ключник природы. Он имел низшее техническое образование, и, прожив жизнь в глуши, где пахло конским навозом монгольских всадников, где на все четыре страны света не

возвышалось ни одного технического устройства, — Первоиванов умножил свое знание, совершил научно-технические открытия и выполнил прекрасные изобретения. Он, полусамочка, изучил несколько сот технических книг, поэтому мысль его была точна, а разговор прост и интеллигентен. Он рассуждал, как европейский инженер, с сознанием скромности своего тщательного ума, без превосходства прирожденного невежды. Этот нестарый мастеровой был истинный интеллигент: он знал и чувствовал теорию, как инженер, он пережил практику, как рядовой рабочий.

Я достаточно сильно удивлялся ему. Изобретателей-кустарей я видел, видел вечные двигатели, работающие моченым и сухим песком, но еще не наблюдал мастерового, ставшего, ради изобретательства, совершенным техническим интеллигентом, и притом личными усилиями.

Вблизи нас спали мужчины-коллективисты на раскладных кроватях. Горела лампа, дверь на балкон была открыта для воздуха, за балконом лежала мрачная мировая косность, привычная до неощутимости и примирения с нею.

Первоиванов говорил, а мы, три человека — два тракториста и я, — слушали его.

— Сахара, Гоби, песчаные реки Азии — это экскременты неразумных культур, легших в уготованные самими себе песчаные могилы. Что такое вся Средняя Азия? Это пески и люди!

«Верно ведь!» — думали все мы и молчали дальше. А Первоиванов говорил с жадностью и скупостью настоящего разума, воображая весь мир своим двором, в котором, однако, еще царствует хищная, смертная бесхозяйственность.

— Основной капитал человечества — плодородие земли, поэтому он не должен расхищаться и истребляться, а должен лишь использоваться, сохраняя абсолютную величину постоянной.

Современные способы эксплуатации почвы, конечно, есть причины образования пустынь. Современная система сельского хозяйства есть хищничество по существу и разрушение производительных сил земли, а не хозяйство в нравоучительном смысле. Хозяйство есть такая система трансформации элементарных производительных сил, где абсолютная величина производительных сил, участвующих в процессе трансформации, постоянна, а, так сказать, чистая прибыль, продукт, прибавочная ценность образуются за счет солнечной энергии, участвующей в хозяйстве как элементарная производительная сила, — энергии, практически неубывающей. За счет солнца же должно происходить восстановление органических потерь и нарушений почвенных элементарных производительных сил, — потерь благодаря трансформации. Этот частичный ремонт почвы возможен, конечно, лишь при участии

посредников (системы чередования растений, удобрений и пр.), искусственно вводимых человеком, которых также можно рассматривать как трансформаторов солнечной энергии.

Земля должна быть цела и девственна, а вся пышная жизнь человечества пусть идет целиком за счет солнца. В этом, по сути, конечная цель агрономической техники.

Я сейчас коснусь лишь способа ликвидации одного, и главнейшего, пустынообразователя — поверхностного стока вод. Весеннее таяние снега и ливни дают в результате мощные потоки воды, которые с большими скоростями сбегают в реки, выгребая из почвы те вещества, которые питают растения. Ежегодно уносит вода такие богатства, которые не исчислишь, которые не восполнишь никакими удобрениями. Значит, стихийный поверхностный скат воды есть причина истощения почвы, есть сосун ее плодородия. Это одно. Второе — мы теряем воду, которая сама по себе необходима растению и от недостатка которой мы бедствуем постоянно и пока неизлечимо. Ведь 50–60 процентов всех осадков уходит безвозвратно. Это два. Кроме того, стихийный поверхностный сток воды творит овраги, увеличивая площадь неудобных земель и умыкая поля; он заносит реки продуктами размыва почвы, заставляя блуждать их русла и плодя болота; он, этот сток воды, дробит организм почвы, вода делает неорганический песок, а этот песок, обрабатываясь ветром, образует холмы и барханы, заносит плодородные черные земли — и уже дышит пустыня. Это три. Этого достаточно.

Надо уничтожить главного пустынообразователя — поверхностный сток воды. Но как это сделать?

Мы здесь, в колхозе, разработали особый проект «реконструкции рельефа», суть которого — в создании водозадерживающих валиков по горизонталям поверхности. Валики должны охватывать как можно большую площадь (тем действительней будет их эффект). Теоретически этим достигалось почти полное прекращение поверхностного стока. Последний таким образом превращался во внутренний сток. Горизонтальное скольжение воды заменялось вертикальным ее поглощением почвой. Почва выходила из весны в лето жирно насыщенной влагой. Благодаря такому переустройству естественного рельефа дожди и ливни также лучше использовались почвой. Вообще этим достигалось увлажнение почвы и ликвидация всех ненаучных бед. В условиях нашего края, в широком массовом крестьянском масштабе только и применим этот способ непосредственной и поражающей борьбы с засухой. Все остальные способы — паллиативы и не могут иметь такого великого всестороннего значения, как ликвидация поверхностного стока воды. Увлажнительная мелиорация, полное усвоение почвой

зимнего урожая воды — вот основная и победная позиция над засухой. Борьба с засухой есть лишь часть более общего вопроса об одолении пустыни. Увлажнение же есть не только мелиоративное мероприятие, но также и агрикультурное.

Увлажнение у нас вышло вполне выгодно: на гектар у нас упал расход (если считать при ручном способе земляных работ) в 20–25 рублей, а при машинном способе у нас вышло 15–18 рублей. Здесь мы работали силой реконструктора. Это такой механизм, — завтра ты его увидишь, — существенная часть которого — быстро вращающийся лежачий барабан с зубьями, насыпающий валик параллельно движению реконструктора. Полезно также некоторое укрепление валиков, кроме обязательного трамбования, растительностью — не самих валиков, а подступов к ним со стороны воды. Для этой цели подойдет лох (дикая маслина), крутик (аморфа куртикоза) и др. Эти культуры мы выписываем из питомников Тамбовского округа. Стоимость обсадки на один гектар падает в 8 рублей. Следовательно, на один гектар падает расходов: на земляные работы при ручном способе — 20 рублей, плюс обсадка — 8 рублей, плюс съемка в горизонталях и разные организационные расходы — 2 рубля; всего — 30 рублей.

При машинном производстве земляных работ общая стоимость увлажнения одного гектара понижается до 25 рублей.

Эффект увлажнения, считая по сравнительному приросту урожая, для годов, благополучных по осадкам, надо прикидывать в 25 процентов, для засушливых — в 75 процентов. Максимум в три года затраты полностью будут возвращены. Но увлажнение есть не только увлажнение, а также способ сохранения плодородия — косвенное удобрение. Увлажнительные сооружения — это средство для приведения речных систем в порядок, это прекращение роста оврагов и конец иссушения земель, — это омоложение природы.

Первоиванов на время смолк. Мы ничего не могли сказать ему, и он сам добавил:

— Вот когда у нас вода не будет течь, а будет всасываться в землю, — у нас получится действительно большевицкая почва. А сейчас у нас есть овраги, пески, обнаженные глины — это еще не наша, а царская территория!

Спящие коллективисты открывали глаза от звуков слов Первоиванова и вновь закрывали их от неизжитой усталости.

— Дмитрий Степанович, — обратился один слушатель-тракторист, — я читал, что ум кормится фосфором. У тебя, должно быть, много фосфора в голове!

— Наверно, есть, — ответил Первоиванов. — Только многие люди живут так плохо и вредно, что лучше б было поколоть ихние головы и обратить оттуда фосфор на минеральное удобрение.

— Ты бы лучше поспал, — сказал тот же тракторист. — А то весь фосфор истратишь — чем завтра будешь думать!

— И то, надо поспать. Давайте, товарищи, успокоимся на последние темные часы.

Через несколько минут мы затихли, бурча во сне невысказанные слова.

*

Я проснулся уже в пустоте общежития, освещенного одиноким солнцем. Все спавшие люди давно пробудились и ушли на общий труд. Я вспомнил, что в Москве люди трудятся тоже коллективно, но живут одиночно и часто ругаются. Здесь же было тихо, лишь где-то вдалеке шумела, вращаясь, неизвестная машина или какое-нибудь орудие. Я находился в колхозе ненужным человеком и решил ввязаться в труд на эти дни.

В общежитие вошел человек в кожаной, истертой о машины, одежде: очевидно, один из механиков или мастеров «Ньютона». В «Ньютоне» половина людей была в сапогах и в коже, а другая половина — женщины и дети; но после я увидел, что и женщины обращаются с инструментом в слесарном отделении колхозной мастерской, а подросшие дети — юные натуралисты, и с ними приходилось говорить, напрягая все свои остаточные естественные знания.

— Тебя зовет Первый Иван, — сказал нерусским голосом пришедший человек. — Живи — не спи.

— Ты кто? — спросил я.

— Я в коллективе — электрик Гюли, а был киргиз.

— Разве электрик лучше киргиза? Ведь киргиз — сильный человек, и его народ терпелив и способен к трудной жизни. Там, где живут киргизы, другие люди через год погибли бы или сошли с ума от нервности!..

Гюли помолчал, давая мне из уважения время для слова, а затем сам начал думать и отвечать:

— Твоя голова лучше твоего слова. Я видел тайгу. Отец говорил, что дальше тайги народ живет на льду, и я сказал отцу: тот народ умный, что умеет жить на льду, — киргиз бы там умер. А отец научил меня: ты глупый, — тот народ тоже умер бы в киргизских песках. А другое ты говоришь: киргиз сильный, а лучше электрика! Твое верно: киргиз сильный, но пустыня терпеливей киргиза; пустыня останется, а киргиза не будет. Электрик лучше киргиза, электрик сильней пустыни, а киргиз — нет. Всякий киргиз будет электрик и механик, — от них пустыня зарастет, а человек останется. Ты плохо уважаешь киргиза.

Мы вышли на колхозную усадьбу, похожую на заводской двор;

из скотины присутствовали вдалеке, в углу усадьбы, коровы, овцы и одна толстая неработоспособная лошадь.

Первоиванов пускал в работу реконструктор рельефа. Я разглядел механизм. Это был тип фрезера, отбрасывающий землю вбок, под прямым углом к линии своего движения. Реконструктор имел собственный мотор, который давал поступательное движение всему механизму и вращал фрезерный барабан. Барабан с зубьями — разной величины — мог быть прижат к почве сильнее или слабее, в зависимости от условий грунта и желаемой интенсивности.

Реконструктор отправлялся в соседнее с «Ньютоном» товарищество общественной обработки земли. Он должен за месяц насыпать увлажнительные валики на площади в сто или полтораста гектаров. Киргиз Гюли уже обучил тамошнего крестьянина работе на реконструкторе, и этот новый механик слушал сейчас последние советы Первоиванова.

Затем барабан реконструктора был поднят в холостое положение, и машина пошла своим ходом в товарищество, в деревню за тридцать километров. Но я заметил, что барабан продолжал вращаться в воздухе.

— Что он? — спросил я.

Первоиванов понял.

— Не из чего было сделать холостой муфты, — сказал он. — Стыд и срам получился.

Вскоре я отошел в поля «Ньютона», чтобы не мешать регулярному труду коллектива. Хотя те поля находились в безотрадной степи, но они имели уют от кустарника, росшего полосами подле небольших насыпей земли, а эти насыпи тянулись по горизонталям одновысотных точек на несколько километров. Расстояние между валами, считая по направлению падения естественного рельефа, равнялось приблизительно 200–300 метрам, хотя я прошел всего три линии земляных водоудержательных заграждений. Это все было производство только что виденного мною реконструктора рельефа; но были части валов, насыпанные вручную, — они легко различались на глаз грубостью работы.

Но меня больше всего привлекала неизвестная мачта вдалеке и шар на ней из красной меди, блестевший на солнце. Подойдя ближе, я рассмотрел на том шаре особые заусенции, или тонкие острия, вделанные в тело шара перпендикулярно к его поверхности.

У основания той мачты помещалась небольшая деревянная будка, закрытая на замок; из будки шел провод на вершину мачты — к медному шару, и другой провод, разветвлявшийся далее на несколько проводов. Эти последние провода покоились подвешенными на низенькие столбики, а со столбиков вонзались

прямо в землю и в ней пропадали где-то. На земле же находились, ограниченные канавками, четыре участка, явно похожие на подопытные и контрольные делянки. Но делянки были гладки и пусты, — наверно, на них ничего летом не произрастало. Я не мог понять такой картины и сел в канаву, взволнованный тайной техники.

Через два часа я вновь посетил это место, в сопровождении Первоиванова и Гюли, поскольку вся таинственная установка представляет их совместное изобретение, достигнутое в течение шести лет изучения, размышлений и опытного труда. Вечером Гюли показал мне свои расчеты, записки, вспомогательные научные книги и объяснил всю тайну. В результате у меня получилось следующее представление об этом редком и оригинальном изобретении, которое я сейчас изложу в меру своего постижения его из уст Гюли и Первоиванова.

*

О всасывающей энергии почвы известно уже давно. Но только недавно ученым В.Г. Корневым была сделана удачная попытка использовать это открытие для практики земледелия. Именно, его система автоматического самоорошения почвы представляет почти совершенную конструкцию. Пользуясь этой системой, нельзя засолить почву, влага не теряется на испарение, расход влаги регулируется самим растением и почвой, и, в случае избыточности осадков, вода отдается в систему, которая начинает действовать как дренаж. Система работает совершенно автоматически, точно и надежно, — раз запрограммированная, она почти не требует надзора.

Налицо высокое и остроумное произведение техники. Если бы не дороговизна некоторых частей этой системы (керамиковые трубы), она бы нашла широчайшее применение, в первую очередь, конечно, в садовых и интенсивных культурах, а затем и в полях нашего засушливого юго-востока. Экспериментальная проверка В.Г. Корневым своего изобретения дала вполне удовлетворительные результаты (смотри работу в «Трудах Государственного института сельскохозяйственной мелиорации» за 1925 год).

В.Г. Корнев, установив и опытно подтвердив самое наличие в природе всасывающей энергии почвы, этим и ограничился. Причины этой энергии все же остались, видимо, скрытыми, — из чтения его работы ни Первоиванов, ни Гюли этих причин не узнали и нашли их самостоятельно.

Они, Первоиванов и Гюли, стали сначала учиться и думать, а потом делать опыты, и открыли следующее.

В почве вода присутствует в двух состояниях: пленочном и капельно-жидком (это давно установлено многими исследовате-

лями). Проявляя «всасывающую энергию», почва получает влагу извне для себя и этой же силой старается удержать ее.

Но что такое всасывающая влагу энергия почвы?

Поверхность земли, то есть почва в первую очередь, имеет электрический заряд отрицательного знака (открытие принадлежит старым ученым, фамилии которых мне Первоиванов говорил, но я забыл).

Это означает присутствие в почве отрицательных электронов, чрезвычайно энергичных на стягивание вокруг себя паров влаги. Присутствием же в атмосфере отрицательных и положительных электронов (последние на влагу менее энергичны) и объясняется молодой наукой, электрометеорологией, образование гидравлических метеоров (облака, тучи, туманы).

Почва, стало быть, имеет скопления отрицательных электронов. Причем эти электроны, будучи наведенными в почву силами космического порядка, циркулируют в почве в свободном состоянии, то есть не связанными с материей. Отрицательные электроны могут появиться в почве и в результате почвенных процессов. Вероятно, в природе имеются налицо обе причины появления отрицательных электрических зарядов в почве — и космическая, и почвенно-внутренняя.

Кроме этих свободных электронов, в почве, как и во всякой материи, имеются отрицательные электроны, связанные с материей, — это те отрицательные электроны, которые входят в структуру всякого атома. Но все же и эти связанные с атомом электроны обладают всеми свойствами электронов свободных — сгущать себя пары влаги.

Пленочная влага в почве, тончайшим слоем (пленкой) обтягивающая мельчайшие пылинки почвы, образуется силой отрицательных (в меньшей степени положительных) электронов, входящих в состав атомов. Поэтому-то пленочная влага и теряет почти все свойства влаги — она не участвует в растворении солей в почве, не испаряется, не замерзает при очень низких температурах и составляет как бы структурную принадлежность атомов и молекул.

Отрицательные электроны, входящие в структуру атомов почвы, образуют пленочную влагу. Эта пленочная влага практически в сельском хозяйстве никак не может быть использована.

Но, кроме пленочной, в почве находится еще влага в капельно-жидком состоянии, всосанная в почву отрицательными электронами, находящимися в свободном, а не структурно-атомном, состоянии, то есть циркулирующими в почве по своим законам.

Эти свободные отрицательные электроны в почве и есть причина всасывающей силы почвы. Они образуют в почве влагу в

капельно-жидком состоянии, которая остается влагой и не теряет своих свойств влаги, а следовательно, может быть использована в сельском хозяйстве.

Такова теория Гюли и Первоиванова. А первый опыт их был таков (он произведен в 1926 году).

На делянке, площадью около 40 квадратных метров, был посеян овес. Такая же была контрольная делянка. Имелся источник электрического тока в виде многоэлементного аккумулятора с высоким напряжением тока. Положительный полюс аккумулятора был соединен с медным полым шаром на мачте: Гюли припаял к поверхности шара множество длинных и тонких концов, чтобы положительный заряд уходил через них в атмосферу. А отрицательный заряд направлялся в почву, в корневую систему растений, посредством соединений луженых волосков провода с корнями овса. Таких соединений на опытной делянке было семь. Сколько положительного электричества уходило в атмосферу, столько же отрицательного электричества поступало в корнеобитаемый слой почвы. Не имея приборов и возможностей для точного учета результатов опыта, Первоиванов и Гюли достигли в 1926 году такого конца своей работы.

1) Почва подопытной делянки хранила влаги больше по сравнению с контрольной делянкой; простейшим выпариванием установлено, что в пробе почвы с опытной делянки влаги было больше приблизительно на 8 процентов, чем на контрольной делянке.

2) Вероятно, были побочные положительные действия отрицательного тока на физиологию растений, кроме лучшего увлажнения почвы, потому что опытная делянка имела на вид более пышную растительность.

3) Валовой урожай твердой массы урожая с опытной делянки превысил контрольную делянку на 12 процентов.

4) Очевидно, что крайне кустарная обстановка опытов позволяет считать эти результаты лишь условными.

По расчетам Первоиванова и Гюли, для электрического орошения нужна, примерно, одна лошадиная сила на каждые 100 гектаров. А при больших площадях — и того меньше. В стоимости это выражается по 5—10 рублей на гектар.

Обладая исключительной простотой, ясностью и изяществом устройства, электрический способ орошения, изобретенный в «Ньютоне», может стать решающим орудием в борьбе с засухой: мы можем сразу нанести засухе смертельный удар по всему фронту.

— Действительно, — воскликнул для своего слушателя Первоиванов, — что тут происходит? Ведь мы копируем природу — делаем в почве то же самое, что делает и она на своей воле, лишь искусственно подгоняя и усиливая ее. Как рождаются тучи в атмо-

сфере, как получается капельно-жидкая влага в почве, таким же путем идем и мы, лишь уснащая почву усиленной пропорцией отрицательных электронов и получая поэтому более могучее всасывание почвой паров влаги в себя. Но откуда же будет приходиться влага в почву после добавочного, считая против природной нормы, насыщения ее отрицательными электронами? А вот. Влага почвой будет усиленнее всасываться из подпочвы; отработанные, испаряемые растением пары влаги будут вытягиваться обратно в почву, поступая, стало быть, во второй оборот; обтекающие дневную поверхность почвы пары влаги, а также утренние и всякие иные росы будут также вовлекаться в почву; наконец, поступившие хотя бы тощие осадки сильнейшим образом будут замедлены в своей фильтрации под почву и в испарении, уходя главным образом в полезный оборот растения и образуя некоторый запас влаги на будущее, — запас, который стянут электронами, как цементом. Электрическое орошение собирает влагу по крохам отовсюду, и хлеб растущий будет сыт.

— Вы мне говорили про опыты 1926 года, а я видел ваше устройство нынче. Что у вас теперь выходит?

— Это другое, — сказал Первоиванов. — Это мы пробуем переродить электричеством почву. Там первые опыты по удобрению голой почвы электричеством.

— Каким образом?

— Образом изменения строения почвы, чтоб растению было выгодней питаться и жить. Но только у нас ничего не выходит пока.

— Может быть, еще выйдет!

— Конечно, выйдет. Природе от науки некуда деться.

— А зачем это все нужно, товарищ Первоиванов? Природу вы денете в науку, свой коллектив сделаете зеленой крепостью среди мутных мертвых песков. Ну и что же?.. Вам придется только пироги с начинкой кушать, — больше ничего. Вы носите имя Исаака Ньютона, а добьетесь того, что обратитесь в артель сытых людей!

— Ты слаб в отношении чужого характера, — заявил Первоиванов. — Нам пища-одежда-жилище — пустыки: их мы в мах устроим. Мы соображаем прочней и дальше, наш колхоз в одиночку не удержится. Как же это так: ты одну пятитысячную часть своей жизни истратил на нас, а не понимаешь?!

— Нет, не понимаю.

Первоиванов со всем терпением присущего ему стойкого ума объяснил мне с полной ясностью, что колхоз в честь Исаака Ньютона не что иное, как центр, или просто точка, целой системы — союза подобных колхозов, которые должны создаваться — и уже

создаются — от южного конца Уральского хребта вплоть до северного берега Каспийского моря. Эти сомкнутые колхозы покроют сухую степь и полупустыню непрерывной зеленой живой полосой, с тем, чтобы эта полоса культурных растений послужила несокрушимой стеной, ботаническим кремлем против активных среднеазиатских пустынь, с тем, чтобы пустыня иссякла, упершись в юго-восточный противозасушливый союз колхозов. Нижнее и Среднее Поволжье, Северо-Кавказский край и Украина никогда не должны чувствовать желтой чумы пустыни. Кто это должен сделать, то есть кто именно будет жить и работать в таких противопустынных коллективах? Конечно, в первую очередь кочующие калмыки и киргизы. Они знают пустыню, они гибнут от нее, и они способны победить ее. Причем форма колхоза как раз наиболее приспособлена для безболезненного и быстрого перевода кочующих племен и родов на оседлость, не разлучая людей внутри племени или рода. Этот план одоления пустыни состоит из следующих частей: 1) перевод кочевников на оседлость и организация из кочующих скотоводов земледельческих коллективов, 2) сплошная коллективизация русских и всех старооседлых обжитых районов, 3) образование противозасушливого союза колхозов и 4) вооружение всех объединенных колхозов агрономической машиной и специально противозасушливой техникой.

Так, по словам Первоиванова, в одном узле должны решиться национальная, климатическая, классовая и техническая задачи. Весь план выдумал и доказал Гюли, Первоиванов же был в этом плане, так сказать, «изобретателем технической революции».

Дальше Первоиванов унылым голосом говорил о своей общей скорби. Эта скорбь ощущалась им от расточения имущества природы бесхозяйственным человечеством. Нефть и уголь изымаются и передаются обращению в силу посредством огня, то есть уничтожению навеки. Леса изводятся на дрова, в тепловой газ, который уже невозможно превратить обратно в вещество. Материю земного шара тратят беспрерывно, и кончится это дело великой нуждой. И как это не жалко никому? Где же наука экономии и чувство скупости ради существования будущих людей? Того нет и не предвидится.

В размышляющей тоске Первоиванов опустил голову, и так же поступил Гюли.

Поэтому Первоиванов, Гюли и весь человеческий коллективный состав «Ньютона» сейчас думают более всего над устройством новой экономики жизни. В новой экономике сила и тепло должны добываться из падающей воды и дующего ветра, то есть посредством таких стихий, где вещество — капитал природы — нисколько не уничтожается. К концу времен люди не должны

стать обездоленными, — они и тогда, через наш берегущий разум, должны иметь под ногами полнотелый земной шар. По докладу Первоиванова колхоз принял план, что летом будущего года начнется сооружение ветросиловой установки, которая снабдит главную усадьбу коллектива силой, светом и теплом.

Узнав эти обстоятельства, я возразил:

— Ведь металл в машинах изнашивается: он рассыпается, стирается, стареет, пропадает в невозвратимый прах. И вы не можете экономить вещество в быстроходной технике.

— Это — да, — задумался Первоиванов. — Но мы такую вещь предупреждаем прессовкой металла. Мы уж с Гюлем это обдумали. Идем, я тебе покажу — у нас тайны нету, мы работаем для всех большевистских людей. Денег за мысли об улучшениях мы не просим — они сами к нам придут от изобретений.

И я посетил небольшую литейную в колхозной мастерской. Там была новость — пресс для упрочения металла. Пресс представлял из себя пару цилиндров, поставленных друг против друга на одной геометрической оси. В один цилиндр накачивалась вода небольшим насосом, способным к высокому сжатию. Под давлением воды из цилиндра начинал выползать поршень, похожий по форме тоже на цилиндр. Этот рабочий поршень мог нажимать на такой же поршень противоположного цилиндра.

Но предварительно совершалось следующее. Металл разогревался до жидкого состояния обыкновенным способом, в вагранке. Затем расплавленный металл подносился в тиглях к прессу и наливался во второй, назовем его — исполнительный, цилиндр. Отверстие, через которое был налит металл в пресс, потом быстро и наглухо закрывалось фланцем и заюльчивалось замковым болтом. Пресс немедленно пускался в действие: из первого, рабочего, цилиндра выходил поршень и вдавливал второй поршень внутрь исполнительного цилиндра, наполненного жидкостью металла. Постепенно жидкость сжималась все более, объем ее уменьшался, пресс гудел от напряжения. Манометр последовательно показывал 400–600 и, наконец, 700 атмосфер, то есть давление в 700 килограммов на каждый квадратный сантиметр поверхности жидкого металла. Выше насос был взять не в состоянии. Тело исполнительного цилиндра все время интенсивно охлаждалось, — сначала вентилятором, а затем, медленно и осторожно, под рубашку цилиндра Первоиванов пустил воду. Пресс замер в положении сжатия в 700 атмосфер. Он будет так стоять еще некоторое время, пока сжатый металл не обратится из жидкого в твердое состояние.

Когда происходил процесс увеличения давления, Гюли несколько раз выпускал особым краном газ из грушевидного сосуда

над исполнительным цилиндром. Этот газ освобождался из недр сжимаемого металла, чтобы он не остался там в виде раковин, пустот и желваков, уменьшив прочность строения металла.

Манометр был присоединен не к газовому сосуду, а к специальному второму маленькому цилиндру, в котором развивалось равновеликое давление, но одним воздухом. Это было не совсем правильно, так как режим прессующегося жидкого металла совсем другой, чем режим простого прессующегося воздуха, но с этим Первоиванов и Гюли пока мирились.

Через несколько минут металл, остывая, уже твердеет под сжатием. А раз он затвердел, то, следовательно, остается в таком искусственно малом объеме, какой ему придало мощное прессование. Тогда остается разомкнуть заднюю крышку исполнительного цилиндра и посредством несильного нажима рабочим поршнем вытолкнуть наружу готовый металл. Он уже теперь имеет чрезвычайную прочность, его строение спрессовано навсегда.

Понятно, я опустил многие детали процесса отпрессовки и самого устройства гидравлического пресса. Например, я не упомянул, что внутренняя поверхность исполнительного цилиндра покрыта огнеупорным составом высокой стойкости. Не упомянуты и еще многие обстоятельства. Однако принципиальная часть изобретения изложена.

Вся картина работы по «упрочению металлов» мне стала ясна только после двухдневного осмотра пресса и присутствия во время одной заливки пресса жидким металлом.

Но что же делается дальше? Ведь горячая обработка готовой болванки «отпустит» металл, он потеряет свои качества «спрессованного», сверхпрочного, устойчивого к трению и износу.

Это верно. Прессованный, «сжатый» металл допускает только холодную обработку. Для того же, чтобы получить изделие нужной формы, необходимо, чтобы пресс в своей исполнительной части имел форму заданного изделия, был бы, так сказать, изложницей. Но чтобы так устроить, следует иметь не один пресс, а целую серию их, и притом производство должно быть посвящено одному какому-либо стандартизованному изделию, — например, определенному двигателю, станку и т. д.

Это изобретение Гюли и Первоиванова еще не доведено до конца: прессованный металл имеет хрупкость, показатель которой выше хрупкости обычно приготовленного металла. Однако Первоиванов предполагает в ближайшее время этот недостаток пресечь — путем ввода в тело жидкого металла особого вяжущего состава. Мне кажется, что это Первоиванову удастся, потому что ему и его друзьям само время помогает, да и стихии мира, видимо, не прочь отдалиться в его бережные, разумные и догадливые руки.

Таковы советские умственные дела, сбывающиеся за чертой нашего внимания безвестными, великими и рядовыми людьми «массы».

*

Вскоре я отправился домой. Мне пришлось долго ехать по осенней степи, среди которой природа исполняла свою скуку.

Было в точности ясно, что в мире необходимо иметь множество «Первых Иванов», дабы уничтожить скуку природы счастливым смыслом их совокупного, образующего творчества.

<Конец 1929 – начало 1930 г.>

ФАКТ

(Очерк про двух отсталых рабочих)

Известные всему колесному цеху своей дружкой слабосильный Пугачев и могучий Абморов сегодня не дали друг другу ни одного толчка; устно и нравственно они также воздержались нынче делать взаимные повреждения.

Снаружи цеха совершалась громадная летняя жара; солнце обращалось с атмосферой, как с котлом, — оно вскипятило воздух до мутного состояния, и дыханию человека не хватало прохладного вещества. Однако Пугачеву и Абморову солнце было ничто, потому что они работали у нефтяного горна, в котором разогревали паровозные бандажи, — и нефтяное бушующее пламя приучило их к такому климату, что любой солнечный зной они чувствовали, как заморозок.

— Пугачев, ты б пошел остыл! — предложил под конец дня Абморов. — Выйди на солнышко, пусть с тебя нефтяной загар сойдет!..

Пугачев включил электрическую лебедку и приподнял из горна бандаж — не поспел ли он? Но бандаж был еще не прогрет, и, опустив его в пламя, Пугачев вытер обтирочными концами уже отвыкшее потеть лицо, а затем соразмерно пошелушил для красоты свою южную бородку и с глубоким сознанием поглядел на Абморова.

— Значит, ты все-таки сожалеешь меня, товарищ Абморов?

— А как же — нет? Я хочу, чтоб твоя кожа до социализма осталась!

— Ага, тебе лишь бы моя кожичка не сгорела, а сам я чтоб окончился!

— Что ты, пупсик! Ты, пралич, и без кожи четыре пятилетки проживешь!

Пугачев стал собираться отвечать, но гудок объявил смену, и Пугачев, умывшись, хладнокровно пошел на квартиру. Абморов долго шел сзади него, не желая приближаться.

Заметив что-то на небе, Пугачев поднял свое лицо и понаблюдал; на самом же деле он глядел на церковную колокольню, с которой колокол был изъят вниз.

— Абморов! — удивился Пугачев. — А где же ваши колокола?

— Поснимали, праличи! — сказал Абморов.

Пугачев остановился от своей серьезной мысли. Абморов дошел до него и стал ожидать изо рта товарища неизвестного слова.

— Ну, приходи ко мне, — произнес Пугачев, — теперь я тебя буду причащать.

— Эк! — размахнулся Абморов. — Убью, пралич!

Пугачев неподвижно обождал, пока Абморов успокоится, и дополнительно сообщил:

— Я умею. Я буду тебе ложечкой в ротик класть! Так тихо положу, что ты никогда и не подавишься!

Вслед за тем Пугачеву пришлось в течение трех минут миновать всю дорогу до своей квартиры, обычно же он шел четверть часа, — потому что за ним сейчас все время спешил Абморов — со строительным кирпичом в руке.

— Ты что? — испугалась жена Пугачева, поскольку на муже от сердцебиения колебалась рубашка.

— Ничего, — сказал муж. — Выйди, позови товарища Абморова обедать — он стоит просится.

Жена Пугачева вышла. У калитки, действительно, стоял ни при чем Абморов.

— Зачем вы стоите — проситесь? — сказала жена Пугачева. — Мы бы вас и так пригласили. Идите кушать!

Абморов выпустил вниз кирпич и пошел обедать, готовый отчасти заплакать.

— Ешь, товарищ Абморов! — сообщил Пугачев. — Садись в красный уголок и бери ложку, а то ты исхудашь и промфинплан сорвешь!

Абморов, не сознавая, съел все, что только хозяйка показывала на стол, а дальше начал стесняться; он не имел столько такта, чтобы благодарить хозяев, и не мог в то же время молча уйти, раз чувствовал доброту в груди.

— Приходите и вы есть мою еду! — выразился наконец Абморов, и вышел от Пугачевых со стыдом благодарности.

*

На другой день Абморов принес Пугачеву в цех ответное домашнее угощение — четыре моченых яблока.

— Два сам съешь, а два — своей бабе снесешь, — указал Абморов.

До обеденного перерыва Пугачев и Абморов работали вполне дружелюбно, что получалось благодаря взаимному безмолвию. Но Пугачев не удовлетворил своего аппетита четырьмя яблоками и задал законный вопрос:

— А у тебя есть ветки, на каких яблоки растут?

— У меня деревья, а не ветки, — сообщил Абморов, — у меня цельный сад о пятидесяти корнях! У меня арбузы во какие по двору растут...

— А на чем же арбузы у тебя растут — на ветках или на пятидесяти корнях, что ли, — или как?

— На жилках, пралич, — удерживая силу энергичного сердца, отвечал Абморов.

— Как же на жилках, скажи мне, пожалуйста, когда жилка тоненькая, а арбуз толстый?! Что ты мне лгешь: я же сам ел арбуз и знаю!

Абморов приподнял вагонный буфер и бросил его обратно наземь, дабы этим истратить свою раздраженную силу и не обратиться на Пугачева.

— Дай я к тебе приду в гости с супругой, — сказал Пугачев, — я тебе сам покажу, как у тебя арбузы растут.

— Приходи, стервец, поскорее, — с мученьем злобы попросил Абморов, — я тебе арбузом по башке угощу.

— Завтра же явлюсь, — обещал Пугачев, — я твоих яблочек не накушался, а супруга моя их замечательно любит!

Как только раздался гудок, то Абморов вспомнил, что Пугачев назвал его на производственном совещании, две недели тому назад, остатком мелкобуржуазных чертей, в котором беспрерывно бесится дробный буржуазный бес. Вопрос тогда касался развития завода, но Абморов высказался, что рабочему пища мало; Пугачев же, наоборот, доложил, что рабочая пища зависит от паровоза и нужно поскорее развивать завод и пробиваться ко классовому благу социализма, потому что, дескать, это только Абморову кажется, что для ржи нужны одни корешки в почве, революция же будет рожать рожь на базе металлургии.

— Дурак, сволочь, а хитрый! — вспоминая, определил Пугачева Абморов.

Догнав Пугачева у проходной будки, Абморов сейчас же дознался у него:

— На жилке растет арбуз или нет?!

— Ни в коем случае нет! — отказал Пугачев.

— Ага — нет! Значит, на чугунной шейке?! — сурово воскликнул Абморов и сделал Пугачеву ручной толчок в грудь.

Пугачев несколько не колебнулся и только произнес в ответ:

— Игнатий! У тебя рука слаба для пролетарских костей! — и согнулся, потому что Абморов совершил мощный взмах, но кулак его прогудел уже в одном воздухе.

Мастеровые любили их сраженья, имевшие всегда теоретические причины, и теперь обступили двоих друзей, давая им воз-

можность биться. Все знали, что до смерти они драться не вытерпят и вновь полюбят друг друга.

— Абморов! — говорил, защищаясь, Пугачев. — Не забудь: я токарь, а кадров нету!

— Хватит у нас токарей без него, иль нет? — спросил на ходу драки Абморов у всех.

— Хватит! — сказал чернорабочий. — Я могу выучиться! Крой!

— Абморов! — обращался среди своей боли Пугачев. — Так я к тебе в гости не поспею — не нарушай меня!

— А я и забыл! — остановился сражаться Абморов.

— Скажи спасибо, что напомнил, — указал Пугачев, утираясь от повреждений. — Веди меня — свой адрес показывать.

Отошедши с завода, Абморов пощупал Пугачева за плечевое место и спросил:

— Тут тебе не больно?

— Уже проходит, — сказал Пугачев.

— А тут? — Абморов коснулся груди Пугачева, где сердце.

— Здесь что-то лопнуло, да, наверно, срстется.

— Срстется? — озаботился Абморов.

— Предполагаю, что — да, — подтвердил Пугачев. — Ведь мы с тобой сражались многочисленно, а ни разу ни один не скончался.

— Может, у тебя голова болит? — тихо допытывался Абморов. — Я тебе воткнул в нее раза два.

— Что ты! Сознание же под костью, а кость цела.

— Так что ж ты, пралич? Значит, я зря с тобой трудился?

— Нисколько, — отверг Пугачев, — у меня душа заболела.

— Какая душа? Отчего?

— От тебя. На промфинплан тебя никак не хватает, а вот удар твой велик! Ты меня портишь, а я думаю — отчего ты не ударник? Вся душа болит за тебя!

— Ишь ты, пралич, плановый какой! До революции тебя бы каждый изувечил!

*

Узнав адрес Абморова, Пугачев на следующий, вторичный день приготовил и обрядил жену и взял ее в гости. Жена обрадовалась, потому что редко выходила из дома, занятая с восьмерыми малолетними детьми.

Жена Абморова как встретила гостей, так и заскулила, что у нее нету в доме ни мыла, ни катушек, а своей девчужке она нигде не может найти калош, четырнадцатого номера.

— Это что же: ваша девчужка! — с любезностью в тоне проговорил Пугачев. — Наверно, слишком приятный ребенок? Мне никогда больше десятого номера не приходилось носить.

— Понимаешь, — обратился сам Абморов. — Времени ребенку четырнадцать лет, и калоши номер четырнадцать!

— Воспитывал хорошо, вот и выросло тело, — одобрительно сказал Пугачев.

— Девять пудов живого весу! — с грустью сообщил Абморов. — Всех за три копейки вешают, а с нас требуют пятак.

— Все равно тебе, Абморов, прибыль! Со всех по копейке с пуда берут, а с тебя — грош. Ты на дочке деньги наживаешь, Абморов!

— От вас, чертей, наживешь! — обиделся Абморов. — Пойдем, я тебе арбуз об голову расколю.

Проживая в собственном доме, Абморов развел на дворе бахчи, а за бахчами находился разветвленный яблочный сад. Арбузы, правда, питались из тонких жилок, но росли зато на земле, которая была толще арбуза.

— Я ж тебе про то и говорил, — указал Пугачев на эту очевидную видимость.

Абморов заскрипел зубами и, сорвав с жилки тучный арбуз, разрушил его на голове Пугачева.

Пугачев вытер платком жидкость с лица, не обижаясь и не болея от удара.

— Ликвидируй, товарищ Абморов, и далее на мне свое кулацкое хозяйство.

Абморов, услышав такое государственное слово, сел на землю в иступлении.

Обождая несколько, Пугачев взял под руку супругу и обратился к хозяйню:

— Сидеть тебе не дело. Веди нас угощаться фруктами.

— Ступай в сад, жри зелень с веток, — произнес расстроенный Абморов.

— А печеного ничего не будет? — поинтересовался Пугачев.

— Нет. Жуй одно сырье.

Накушавшись вдосталь яблок, Пугачев и его супруга с поклоном покинули хозяев, сидевших в траве. У ворот собственного Абморовского дома сидела их дочка в полтора центнера и кушала со шкуркой арбуз.

— Овощ, барышня, зафигачиваете? — спросил Пугачев.

Четырнадцатилетняя молча оглядела несильное туловище Пугачева, не переставая глотать свежие куски. Босые ноги девочки, имевшие четырнадцатый размер, все время шевелились от удовольствия вкуса, а ладони рук, на которые можно лечь и задуматься, мощно поддерживали продукт у рта. Такая отроковица, смело могущая с двух ударов пресечь всю жизнь Пугачева, делать, однако, этого не стала.

— Проходи, пупсик! — произнесла девочка из глубины занятых жвал.

И Пугачев, с озадаченностью взирая на это будущее существо, отошел прочь, уводя супругу.

*

Дома, обложившись детьми, Пугачев долго и старательно ласкал их, не в силах накормить ни яблоками, ни арбузами.

— Вон свою девчущку-то как Абморов раскормил, — сказала жена, — а наши восемь и по одному яблоку не едят!..

— А раньше-то они ели яблоки?

— Никогда не ели, — нагнувшись по хозяйству, говорила жена. — Разве я что говорю!

— В социализм прорвемся, тогда наедятся, — теперь уж дотерпят!

— Да уж скорее бы, что ли, рвались, ничего совсем не стало...

Пугачев попробовал за тело всех своих ребятишек и девочек — не похудели ли они; оказалось, что похудели, да мало, и то потому, что просто растут и бегают. Тогда Пугачев велел принести ему стакан воды, а детям встать на ноги. И он произнес перед своим поколением речь о трудностях социалистического роста, — трудностях, которые побеждаются не чем иным, как дальнейшим ростом, а не возвращением во чрево материнства.

— Каждый пашёнок болеет чем попало, но разве означает это, что мы, социализм, будем болеть корью до старости лет?

— Нет, это правые так брешут, — сказал с места Семен Пугачев, двенадцати лет.

— Правильно, товарищ! — одобрил отец. — И не должны мы, раз яблок не хватает, прятаться назад в капитализм...

— Долой яблоки! — сказал тот же Сеня.

— Стоп! Яблоки тоже польза, и мы их, чертей, посеём миллионы веток... А сейчас мы должны рваться в социализм, путем ударничества, соревнования и чтоб кожа с нас сползала... Вот куда я вас, ребята, призываю, — вперед!

Семен Пугачев, допив отцову воду из стакана, выступил в прениях.

— А отец наш, товарищи братья и сестры, дерется на работе с худшим элементом Игнатом Абморовым, а работает потихоньку — это он себя жалеет, а советскую власть нет, чтоб мы, дети отца, никогда не прошли переходного периода и не ели яблок и ягод, раз они полезны! На ихнем заводе пятьдесят процентов ударников, нам в отряде говорили, а наш отец состоит в пятьдесят первом проценте. Позор отцам, которые не в авангарде нашего детства!..

— Позор!! — ответили братья и сестры Семена на все голоса.

— Ставлю на голосование! Кто за то, чтоб отцу быть ударником транспорта — узкого места, — пусть поднимает руку над головой!

Все детство подняло свои растущие руки, а сам Пугачев начал их считать, проверяя — единогласно ли?

— Да будет ли что? — усомнилась пассивная мать. — Вон вам фабрика грубого сукна стоит. Там сделали дом-коммуну и столовую общую дали, а бабы холодными примусами дерутся! Вот тебе и новая жизнь!

— Ты, мать, еще девушкой была дурой, когда за меня вышла, — сказал Пугачев. — Конечно, бабы будут драться потухшими примусами, — куда ж их девать? А как поломают, то перестанут!

Через полчаса Пугачев получил от Семена писаное постановление общего собрания, в котором он, отец, обвинялся в оппортунизме на практике и в связи с мелкобуржуазными рабочими-хвостистами.

— Придется истомиться в труде! — решил вслух Пугачев. — Все дети за Сталина, один Абморов против, — так за кого же я фигачу на свете?! — и долго томился, будучи погруженным в чувства и мысли.

*

Ночью Пугачев молча сидел над своими спящими детьми, зарожденными некогда с энтузиазмом, а теперь они потребовали от него повторить свой энтузиазм для транспорта, узкого места. Накрыв оголяющихся детей и успокоив бормочущих во сне, Пугачев лег спать, с печалью о будущей жизни, а наутро пошел в штаб ударных бригад своего завода.

— Пугачев! — сказали там. — Неужели и ты не вытерпел? А мы думали, что ты крестный отец Абморовской девчушки!

— Пишите и меня, — ответил Пугачев. — Хочу теперь жить как младший младенец!

— Отчего? — спросил один ударник.

— Да у меня и дома социализм завелся — куда ж мне деваться!

Встав к бандажному горну, Пугачев настолько начал спешить с производительностью труда, что Абморов, поспевая за ним, не мог даже разозлиться, ввиду потери сил на резкий, срочный труд.

После гудка состоялось общее собрание, на которых Абморов всегда был знаменит. Он выступал последним, перед заключительными словами и концертом. Говорил Абморов обычно не по существу и обязательно против, — на ржущее удовольствие всем чернорабочим, жителям ближних сельских мест. Сегодня стояло

два вопроса: заводская пятилетка и социалистический труд. Выслушав то и другое, вытерпев одобрительные речи кадровых мастеровых, дождавшись кричащих предложений пролетарских ополченцев из села: «Абморов, выходи!», «Вызывай нашего!», «Абморов, угоди собранию!» — Абморов наконец поднялся, приглашенный на трибуну.

— Ну, коровий наместник пошел! — говорили кадровые и коммунисты.

— Сейчас заговорит от лица двора и надела!

— Кулацкий радиоузел начнет транслировать хутора и однобычьи хозяйства!

— Болотистый тип!..

Но Абморов обманул все ожидания. Начав с полного одобрения заводской пятилетки, потому что в ней пять лет, а не десять, подтвердив также пользу ударного труда, поскольку он предполагает обильное питание жирами ударного рабочего тела (здесь чернорабочие пролетарские новобранцы мужественно захохотали от своего удовольствия), — Абморов произнес приветствие всему Союзу, всему пролетариату и партии его, а затем выразил свое некоторое расхождение с социализмом в области движения детских садов, — только всего.

— Наших деток водят кучей по дорожкам, а траву мять не велят!.. Идут спереди и сзади две идейные девки и все время лозунги порядка в детство бросают, а дети шагают как дисциплинарный батальон, и ноги их худеют от травы!.. То же самое и в помещении: приведут туда детскую роту, а там висит старик Карл Маркс с бородой — и детей пугает. Яблочки принесут, а они прошлогодние — из них кооперация-стерва весь сок спустила, и дадут детям по ломтику, а ягодок по парочке... Ну где же тут детская радость? А моя вон девчушка, хоть и неорганизованная, а ходит под деревьями по травке, и солнышко горит над ее головкой!.. А она, как увидит яблочко или ягодку — так сорвет и скушает; заметит цветок или арбузик — и его давай сюда!..

Говоря, Абморов пришел в чувствительное духовное состояние и с трогательностью закончил свою речь:

— Пускай пролетарские детки ходят где попало по траве и рвут любой цветущий плод! А детские садики — это банки для муравьев... Например, те же, праличи, муравьи, — они же самая сволочь, хоть и животные. Неужели нам нужны организованные пупсики из детских садов? — Нет, лучше мы будем делать калоши — четырнадцатый номер!..

— Долой гада-дурака! — закричали мастеровые.

— Пускай добрешет! — сказал кто-то один.

— У него, товарищи, садик о пятидесяти корнях и девчушка

в полтора центнера! — объяснил с места Пугачев. — А наши ребята и пол-яблоку и двум ягодкам рады...

Согласно речи, Пугачев в тот же вечер привел в сад Абморова всю свою молодую гвардию. Гвардия начала ходить по середине травы и уничтожать плоды с веток, а также рвать арбузы из-под ног. Абморова баба заплакала и побежала за кочергой; сам же Абморов схватил топор и побежал за Семеном Пугачевым, жрущим его фрукты.

— Вернись, — сказал Абморову Пугачев-отец. — Увидят — из союза исключат.

И Абморов вернулся.

— Так что же мне делать? — спросил он, изнывая от порчи имущества.

— Пойди на самораскулачиванье! — посоветовал Пугачев.

— А что?

— А то в убытке будешь!

— Брешешь, пралич! В убытке я не буду нипочем! Сокрушусь весь, а не буду.

— Ну, живи для странности! — произнес Пугачев, и увел остатки семейства домой.

*

Через месяц все дети рабочих, евшие по пол-яблоку и по яголке в день, уехали по приглашению в совхозы, колхозы и в прочие обильные природные гущи, где им дозволено было не только мять траву, но и кушать яблоки с дерева, сколько поместится в живот. Дети вернулись осенью с прибавочным весом по пуду на каждое тело и со счастьем природы в душе.

На будущий же год завод имени Дзержинского решил организовать сад в четыреста гектаров, дабы детям было где расти, а взрослым имелось место для свободного дыхания. Пугачев считал, что на рабочую и детскую душу придется в том саду по сорок корней деревьев, а у Абморова пятьдесят корней на троих.

— Пралич с вами! — выслушав то, сказал Абморов. — Я же вам заочный курс показал, как надо детей в теле держать!

К тому времени как весь завод перешел на ударничество, на громающий, сжатый труд, Абморов сильно утих характером и стал отставать от Пугачева.

— Чего же ты, богомолец? — подгонял его Пугачев. — Твой бог и то в шесть дней землю сотворил, не считая неба и жидкости, а ты сорока бандажей в день согреть не можешь! Ты бы хоть по богу равнялся!

— К чему спешить, я и садом прокормлюсь, — отвечал тихий Абморов. — Буду яблочки есть со старухой — с арбузной подмочкой. Мне что!

Однако для пользы промфинплана Абморова вскоре отстранили с бандажного горна и приурочили к сторожевой будке — караулить завод от хищников, потому что Абморов был единственный упорный неударник на заводе и его содержали теперь лишь для странности и для показа школьным экскурсиям:

— Вон, товарищи, неударник в будке сидит!

— А отчего ж он живой? — спрашивали детские экскурсии. — Отчего его буржуи не убили? Ведь у него нет пятилетки в руке: буржуи без заводов нас не боятся!

— Оттого, что пролетариат без него обошелся, а его сберег вам для показа. Пролетариат ведь всегда без чего-нибудь обойдется.

— У-у, значит, он живет только нарочно! — разочаровывались дети, и проходили мимо Абморова без интереса и волнения.

*

Дожив до одного зимнего дня, Абморов пошел на свое сторожевое дежурство, а возвратившись — разложил на домашней скамейке девчужку и стал пороть ее ремнем по толстому туловищу. Совершив это, Абморов отправился в сад и срубил все деревья, а потом лег в снег и скончался без болезни.

<Июнь – июль 1930 г.>

ВОЛЬТОВА ДУГА

(Рассказ об ударниках-изобретателях)

Вокруг Павлова Посада расположены сырые старые леса. Смутный воздух томительно стоит над ними в весенние парующие дни. Это обозначает обилие влаги в здешних великих низинах природы. Глубокие, умолкшие впадины так же прекрасны на земле и так же задумчивы, что и горные цепи.

Девять—десять лет назад в той же местности, которую мы описываем, не было ничего, кроме вековой природы; единственным посторонним звуком здесь был голос церковного колокола, который пел над лесами и болотами каждый вечер — о том, что мир вечен и непобедим, а жизнь безнадежна; единственным человеком здесь был либо бредущий странник-богомолец, либо монах, либо красная девица с узелком подарков, который она получила в лесной часовне за монашескую любовь.

Церкви в лесных посадах и селеньях стояли неподвижно, рассчитанные на вечность, потому что тогдашние люди, строившие храмы, полагали, что движенье мира прекратилось, и остались только они одни. Но в стороне от этих лесов и мировых низин собрался пролетариат и в болотах поспел торф.

*

Инженеры Классон и Кирпичников некогда прибыли сюда по лесной дороге и рассказали потом В.И. Ленину про торф, новую силу пролетариата, окруженного капиталистами. Много раз воображал В.И. Ленин этот лесной низинный район, когда слушал Классона, — и вскоре электрификация, одна из слагаемых коммунизма, получила здесь один из главных источников своего питания — торф.

Если раньше торф добывали десятками или сотнями тонн, сжигая его в избах и в мелких теплосиловых установках, то для электрификации, для социализма потребовались сотни тысяч, миллионы тонн торфа. Копать его вручную или несовершенными кустарными машинами было уже нельзя, — потребовались бы многие десятки тысяч болотных рабочих. Люди были бы обречены на тяжелый нездоровый труд, и торф обошелся бы дороже антрацита.

Классон задумался над этой задачей — и совместно со своими помощниками, при вдохновляющей поддержке В.И. Ленина, выработал знаменитый гидравлический способ добычи торфа — путем размыва торфяных залежей могучей водяной струей. Благодаря этому способу, на месте добычи торфа стоят ныне лишь две машины и несколько человек квалифицированных рабочих. Черный, многолюдный труд вовсе ликвидирован с добычи торфа.

— Но все же задача безлюдной, быстрой и дешевой добычи торфа решена только наполовину! — печально сказал мне электрик тов. Р., когда мы шли с ним мимо Скворцовского участка торфоразработок.

Тов. Р. указал мне на сотни согбенных торфяниц.

— Вот он, наш женский, технически отсталый Донбасс! — сказал Р.

В громадной впадине совершался упорный, ударный и терпеливый труд. Это было поле разлива, формования и сушки торфа. Размытый, размельченный торф в виде жидкой каши был подан сюда трубою, распространился громадным слоем, подсох и теперь обрабатывался *вручную*.

Мы подошли к ударной бригаде торфяниц. Человек десять—пятнадцать крупных молодых женщин работали с экстренной скоростью. Воодушевление быстроты, улыбка упрямства была запечатлена на некоторых лицах, несмотря на томление однообразного труда.

— Как работается? — спросил Р.

Бригадирша М. выпрямилась и оглядела нас:

— Чего рты разинули? Небось о пятилетке громче всех кричат, а сами без дела ходят!

— Отдохни, матушка, — ответил бригадирше Р.

— Некогда нам отдыхать... Ты видишь, — М. указала на трубы электростанции, — она дымит и дымит, а в Борогодске ситцы от нее прядут... Небось сами шумели: бабы, будьте хозяйками государства, а как станешь — то приходят, стоят и удивляются...

Она нагнулась вновь и позабылась в терпении ударного труда. Мне стало жалко, что эти люди тратят свою жизнь на черный труд.

Их работа состояла в сущности в перекладывании торфяных кирпичей с места на место. Сначала отформованные торфины-кирпичики собираются в пятки, то есть складываются по пять штук. Затем — в клетки. Из клеток в штабеля. А из штабелей идет погрузка в вагоны подъездного пути. Таким образом, каждый торфяной кирпич бывает в руках работницы четыре раза, — вот так с ним нянчатся. Это необходимо для просушки торфа. Для такой работы на одних Классоновских торфоразработках требуется несколько тысяч работниц.

— Вы поняли, в чем дело? — спросил меня Р. впоследствии. — Добыча торфа механизирована, а поля сушки и погрузки обрабатываются вручную. Нам требуются тысячи рабочих, у нас сейчас не хватает целых трех тысяч... Но ведь наступает социализм, человек все более дорожает, — разве можно развернуть настоящий темп торфодобычи посредством ручного черного труда, посредством четырехкратного перекалывания каждого торфяного куска?!

Я объяснил товарищу, что пока мы не знаем и не в состоянии ввести другого способа торфодобычи, полностью механизированного, — мы обязаны развернуть добычу торфа сильнейшим темпом, используя то, что есть, — механизмы и ручной труд. На этой точке зрения стоят все ударные бригады торфяниц. Они тоже отлично знают, что есть высший машинный способ труда, но пока мы этого способа не знаем или не в средствах его осуществить.

— Новые методы труда сами не появляются, — сказал Р. — Их надо изобретать и испытывать.

Мы снова подошли к агрегатам, один из которых давал сжатую воду для размыва торфа, а другой — всасывал растворенный торф и перекачивал торфяную жидкость на поля сушки.

Главное вещество, которое понижает теплотворность торфа, с которым ведется тяжелая борьба и торфяницами, и инженерами-тепловиками, есть вода. Торф содержит в себе громадное количество влаги; изгнать ее — составляет первостепенную задачу, ибо при 40% влаги торф уже не горит.

Гидравлическое же добывание торфа превращает торф почти в воду, что затрудняет процесс его сушки, и без того тяжелый, зависящий от погоды и т. д.

— Гидроторф не диалектический способ работы, — выразился т. Р. — Ведь торф важно не только добыть, но и высушить, иначе он — не топливо. А здесь, на гидроторфе, ради добычи пожертвовали сушкой.

— Гидроторф — великое прогрессивное производство, — сказал я. — Он снял тысячи людей с мрачной работы по копке торфа, он заменил эти тысячи десятками...

— Гидроторф, конечно, великое движение, — ответил Р. — Но чтобы это движение продолжить, надо перейти на другой способ добычи, который совмещал бы в себе не одну добычу, но и сушку торфа, хотя бы частичную. С водой надо бороться не водой, а высокой температурой, — это и будет техническая диалектика...

Высоковольтные сети висели над болотами, на земле лежали кабели к механизмам и гудели маленькие торфовозные поезда, на

которых люди сидели, как великаны. Из-за сосновых вершин музыкально звучала напряженно работающая ГЭС; ее пение не прекращается над здешними лесами уже много лет. Нежные мачты передач и покойные, неподвижные даже на ветру, провода находились над глушью дремлющей земли как техническая греза, и нельзя было отойти в уме от памяти того далекого грустного времени, когда В.И. Ленин мог только воображать эти устройства, имея электрификацию лишь в одном своем помышлении, а не в предмете.

Вскоре мы с тов. Р. пришли в торфяной поселок, и я познакомился с новыми друзьями — Т. и К.; один из них был электриком, другой слесарем. Слесарь К. ранее работал по электросварке. Про гидроторф он сказал, что способ хорош, однако «не вполне диалектичен, не отвечает эпохе социалистической скорости».

Тов. Р. и новые двое людей были ударниками. И я заметил в них то особое состояние, которое в более смутном виде наблюдал и в других ударниках. Это состояние можно назвать задумчивостью, терпением мысли над задачами социализма. Объяснить же задумчивость ударников следует скоростью и усердием их труда, — это накапливает в них быстрый и глубокий опыт производства, а опыт возбуждает творческую мысль. Таким образом, ударничество становится причиной технического творчества, поскольку ударничество дает человеку ускоренное восприятие, ускоренное переживание сопротивляющейся природы.

*

Тройка ударников, по почину тов. К., бывшего электросварщика, задумала применить для добычи, формовки и подсушки торфа — вольтову дугу.

Товарища К. эта идея уже не оставляла круглые сутки. Он был теперь равнодушен и скучен к личной жизни, давно не был в семье, потерял аппетит к обеду, и на лице его выступили желтые пятна мучения и плохого сна. Он страдал не столько от трудности изобретения, сколько от сознания расточительности труда при существующих способах добычи торфа. Он думал по техническому поводу, а мучился по социальному.

Тов. К. в свое время резал металл вольтовой дугой (температура дуги может доходить до 4000°), и металл расшивался под дугой, как деревенское рядно. Теперь он и его товарищи считали необходимым применить вольтову дугу для торфоразработок.

Электрическая горелка, специально сконструированная, способна, по мнению изобретателей, резать торф как тесто. Разработка должна вестись карьерами; торф режется пламенем сначала по вертикальному сечению пласта, затем сверху, с дневной поверхности,

проводится общий вырез. Резка по вертикальному сечению производится четырехугольными фигурами, — таким образом, когда делается верхний продольный вырез, то торф отделяется из залежи. При этом он уже имеет правильную форму, — такую, которая наиболее выгодна для транспорта и сжигания. Больше того, во время вырезки торфа вольтовой дугой происходит подсушка его, поскольку по сторонам каждой торфины бродит крайне высокая температура. Насколько велика эта сушка — трудно сказать прежде практики. Во всяком случае она не мала. Возможно, что она будет совершенно достаточна. Тогда торфины из карьера будут прямо грузиться в вагончики, посредством передвижных элеваторных конвейеров. Если подсушка режущим пламенем будет недостаточна, то в пределах элеваторного конвейера должен находиться пресс, который назначается для отжима из торфин излишней влаги. После пресса торф, не задерживаясь, непрерывным потоком грузится в вагончики. Но по соображениям тов. К., вольтова дуга вполне достаточно подсушит торф и добавлять пресс не придется.

Но это в сущности не столь важно. Важно то, что при «вольтовой» торфоразработке навсегда ликвидируются громадные поля разлива и сушки торфяной массы; уничтожается многочисленный черный труд; вводится целиком механизированная работа немногих людей; торфяной ударнице дается в руки вольтовая горелка, и сама она, работница, освобождается от однообразного, малопродуктивного труда. Ведь надо понять наше впечатление от тяжести торфяного труда, — оно заключается в том, что делается совестно зажигать электричество: настолько велик труд для добычи топлива и тока.

Неизвестно, как выйдет изобретение тов. К. Никаких опытов еще не произведено, есть одно лишь «страстное желание» и мучительная мысль, согретая революционной необходимостью.

Тов. Р., электрик, считает, что вольтова дуга будет иногда зажигать торф. Товарищ же К. отвергает эту опасность — вольтова дуга будет задерживаться в каждой точке очень незначительное время, мгновение, так что тот лишь подсохнет, а не загорится. Но если даже торф будет поджигаться, и то не страшно. Вблизи есть масса воды; довольно будет смочить затлевшуюся сверху торфину перед конвейером, и вопрос решен. Однако и смачивание можно механизировать — посредством устройства изливающейся водяной струи в начале конвейера.

По расчету К., способ добычи и подсушки торфа вольтовой дугой уменьшит потребность в рабочей силе, против теперешнего количества на гидроторфе, в три—четыре раза. Себестоимость должна понизиться раза в два. Весь фронт работ концентрируется

и сужается. Добыча, сушка и погрузка объединяются в один процесс. Кроме того, начнет применяться почти исключительно квалифицированный труд — это даст возможность тысячам женщин получить квалификацию и повысить заработок.

— Как относятся к вашему проекту ударницы? — спросил я у К. — Говорили вы с ними?

— Да, — сказал К. — Они говорят: сделай хоть что-нибудь маленькое, да покажи, — тогда мы тебя, говорят, на руках вверх подыдем, чтоб ты обрадовался. А если обманешь, то мы засмеемся, а ты заплачешь...

Мы не в силах вынести оценку предложению тов. К. Но если оно целесообразно, осуществимо и даст хотя бы половину того эффекта, на который рассчитывает изобретатель, то в торфяном деле, в низинах «женского Донбасса», в добыче энергетического сырья произойдет революция, не меньшая, чем та, которую совершил Классон при В.И. Ленине.

*

Наблюдая ударников, слушая их слова, чувствуя тревогу их мысли о будущем производстве, можно не понять той вольтовой дуги, которая должна дешево, быстро и сухо добывать нам торф для электрификации, но можно ощутить в этих людях то, что важнее торфа и способа его добычи, — «вольтову дугу» их творческого напряжения, которое создает в них партия пролетариата и электричества.

<Первая половина 1931 г.>

КУХОННЫЙ МУЖИК СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Во время зимней бури и холода мы сидели в колхозной избе села Чистово и слушали, как ветер выдувает из жилья печное скудное тепло. Колхоз Чистово расположен в степной стороне, открытой перед всей бесконечностью природы, так что бури и ливни попадают сюда целиком, не имея на пути никакого ущерба своей силе.

Колхоз отапливается конским навозом, коровьими лепешками и в небольшой доле соломой. Дерево и кустарник издавна шли здесь на поделку, потому что самые ближние лесные насаждения находились от села за двадцать километров.

В колхозной избе горела лампа для тепла, дети лежали на печке и там икали, а на дворе шла своим потоком метель. Мой товарищ, заведующий местным кооперативом Щербаков сидел в задумчивости. Этот человек, сумевший из сложения бедных средств создать образцовый кооператив, наладивший вполне удовлетворительно дело снабжения сельского населения, — был почему-то часто печален. Я впоследствии узнал причину такого его состояния: он предвидел такие темпы роста материального благополучия масс, перед которыми погаснут все его нынешние успехи; он, тов. Щербаков, хотел бы эти темпы осуществить уже сегодня, и его нетерпение, тоска по завтрашнему дню выражалась в угрюмом состоянии. Интересен секрет успеха тов. Щербакова в кооперативном строительстве. Успех этот весь заключен в следующем положении: в Советском Союзе нет и не может быть никаких внешних препятствий (объективных условий) для быстрого удовлетворения всех материальных и культурных потребностей трудящихся масс; есть только субъективные затруднения, и они в том, что люди хотят хорошо прожить в одиночку, за счет забвения других людей, как было в старину. А тов. Щербаков сделал так, что сумел на факте кооперативного строительства доказать, что врозь у нас спастись нельзя — к благополучию нужно идти только всем коллективом, всем классом, а не в одиночку, не за счет товарища.

— Сейчас по всему СССР выдуваются ветром избы, — сказал один молодой колхозник. — Разве тут натопишься, когда страна еще глиносоломенная и близко — Ледовитый океан!..

— Диалектики не знаешь, дорогой товарищ! — упрекнул юношу Щербаков. — Ты сходи пешком в наш совхоз — там увидишь, как буря нагревает нашу страну. А ты говоришь — выдувает!

Совхоз, упомянутый Щербаковым, был расположен недалеко от села Чистово; про него давно шла слава по окрестным колхозам, только нельзя было разобрать — плохая это слава или хорошая; люди лишь удивлялись делам в совхозе.

Пожилой колхозник Чичеров, в котором любая неполадка артельного хозяйства вызывала веселую энергию, а сама неполадка скорбела от его рук и пропадала прочь, — этот товарищ Чичеров, постоянно улыбающийся чудесам движения жизни, сказал нам про совхоз следующие слова:

— Там, как в небе тишина, так смиренно и прохладно, а как ветер либо ураган, — так жарко в каждом жилье, стряпухи пироги с пышками пекут, механик на гармонии играет, банщики баню закупают, скучливые люди в гости ходят, кому пора настала — тот женится в бурный день, — в нашем совхозе громкая жизнь.

— Она не громкая, а диалектическая! — произнес Щербаков. — Совхоз из непогоды уют делает, а наш актив только зеницей ока моргает.

На другой день снежная метель перестала, небо прояснилось и начался морозный и сухой ветер.

— Вот теперь вполне пора в совхоз в гости идти, — сказал Чичеров, поглядев на погоду на дворе.

Вскоре Чичеров, Щербаков и я вышли из колхоза и направились на совхоз. Отошедши далеко, мы заметили среди равнины усадьбу совхоза, километрах в двух от нас. Дул морозный ветер, и от него шла синева холода по блестящему снегу. По этой белой светящейся пустыне с разных сторон шли группами люди в совхоз, вероятно — гости или любопытные, такие же, как и мы.

— Тут как стужа да буран, то всегда люди бредут, — объяснил положение Чичеров. — Наш совхоз сумел свою технику устроить, а мы еще нет пока.

— Зимой там в каждой горнице жарко, как в африканской пустыне, а летом прохладно от орошения, — сообщил с унылой завистью Щербаков: он всему завидовал, в чем не принимал участия. — Вот где инициатива поставлена!

У ворот совхоза мы действительно услышали гармонику, работающую в чьих-то руках в маленьком жилом доме на усадьбе.

Мы вошли в дом и еще в сенях почувствовали большое тепло. В громадной горнице сидели человек десять выходных рабочих и, видимо утомившись танцевать, молча слушали гармонию, игравшую сейчас какую-то печальную музыку. Горница была натоплена нестерпимо; из невидимого источника тепла почти дул в лицо горячий ветер. Поискав отопление, я нашел недалеко от входа длинную электрическую печь, стоявшую под лавкой. Шнур подведен был к ней прямо снизу, из-под пола, — очевидно, здесь имела место подземная проводка.

Посетив затем еще контору и две квартиры семейных рабочих, мы всюду нашли излишнее отопление, а в общей кухне дежурная кухарка пекла блины на электрической плите и двое кузнецов насыщались, макая в горшок с коровьем

<Утрачена 1 страница.>

а у лошади силы от этого отопления! Сколько сэкономит совхоз от того, что животное не остывает и не тратит теплоту крови на борьбу с холодом: это ведь можно сообразить!

— Да уж наверно порядочно! — определил Чичеров. — Небось у вас куры и зимой несутся — ведь петухи жиреют от жары, да и курица добреет!

— Вполне несутся! — ответил Кашкаров. — Вот воробей, бедняцкая птица...

— Он и подкулачником может быть, — перебил Щербаков. — Раз бедняк, то либо ты колхозник, либо колеблющийся, либо подкулачник...

— Этой птицы у нас от электрической топки стало тысячи, — продолжал Кашкаров. — Со всего района прилетели сюда греться. Весной придется ястребов сюда выписывать или других подходящих хищников, чтоб они разгромили эти воробьиные плеяды... Вот, глядите!

Кашкаров поднял обломок кирпича и бросил его в угол овечьего сарая, где мы стояли в тот час. Сотни две воробьев всколыхнулись от испуга и начали метаться под крышей.

Выйдя из сарая, мы увидели небольшую стаю воробьев, летящую против ветра по направлению к конюшне совхоза. Долетев туда, воробы сели, а затем пробрались поочередно вовнутрь теплого помещения через деревянную трубу-вентилятор.

— Ведь умны, дьяволы, — наблюдая тех прибывших воробьев, сказал Кашкаров. — Как ветер, так все сюда летят. Как тихо, мы не топим, так все выползают и разлетаются по колхозам зерна воровать!..

— Ястреб, он тоже может быть полезным, — выразился Щербаков, любивший надеяться, что в будущем всякий гад будет использован.

— Ястреб, может, и годится, — сказал Кашкаров, скрывая улыбку, — не знаю, годятся ли дураки.

Пройдя по границе совхозного сада, мы вышли на открытое место. Перед нами был бугор, господствующий надо всей окрестной равниной. Судя по правильным формам бугра, он был древним татарским могильником, а теперь на нем находилась восьмикрылая прочная ветряная мельница. Крылья мельницы сейчас быстро

вертелись; я подумал, что там идет помол зерна, но, дойдя до нее, мы увидели дверь, запертую на замок.

Кашкаров отомкнул замок и впустил нас внутрь предприятия. Внутри мельницы было холодно, скучно, главный вал вращал трансмиссию, а от трансмиссии работала небольших размеров динамо-машина. Я подошел к динамо и прочитал на заводской табличке ее силовую характеристику: напряжение 220 вольт, сила 200 ампер и т. д. Следовательно, мощность машины равнялась приблизительно пятидесяти лошадиным силам.

— Вот наша печка! — сказал Кашкаров, пробуя подшипник динамо, потому что в данный момент машина, судя по циферблату-амперметру, работала с перегрузкой. И далее Кашкаров объяснил устройство электрического отопления совхоза.

Мельница года полтора назад была взята у ликвидированного кулака. При кулаке она только молола зерно, собирая хозяину хорошие барыши. Сейчас мельница тоже по осени мелет зерно для совхоза и ближайшего колхоза. Но динамо-машину поставил руками Кашкарова совхоз; причем главной целью электрической установки на мельнице было вначале водоснабжение совхоза. Совхоз — степной, в нем много скота и требуется много воды. Для того, чтобы снабдить совхоз водой из речки, потребовалась бы круглосуточная работа десяти лошадей. Так оно примерно и было вначале — после организации совхоза, — но это ощущалось целым бедствием.

Кашкаров придумал проще и дешевле. Он сосчитал, что для мола мельница работает лишь дней пятьдесят в году, остальное время ветряк свободен. Однако от мельницы до речки было километра полтора; следовательно, силу с ветряка на насос можно передать лишь по электрическому проводу. Кроме того, сила ветра непостоянная, значит, и тот электромотор, который должен качать воду из речки на усадьбу, будет идти то тише, то шибче. Но что за беда! Пусть электромотор идет то сильно, то тихо, — нужно лишь поставить к нему поршневый насос, который подает воду при любых оборотах электрического двигателя. Центробежный насос, конечно, производительней, но вертеть его неравномерно вращающимся электромотором нельзя.

Кашкаров находит тогда на складе совхоза громадное количество полдюймовых труб, лежащих бестолково. Он берет четверых рабочих, роет с ними траншею в полметра глубины, провода укрывает в трубах — у него получается кабель, — и он ведет его траншеей с мельницы на речку.

Одновременно он на мельнице устанавливает динамо-машину, а на берегу речки, на сваях — выше уровня весенних вод — строит ящик, в который помещает электромотор в десять лошадиных

сил и поршневой, так называемый — калифорнский, насос. Труба от этого насоса проводится на чердак главного каменного дома совхоза. Этот чердак — очень просторное место, и, кроме того, он выше всех построек совхоза. Именно сюда Кашкаров, учитывая также и противопожарные соображения, поставил два старых бака, валявшиеся в совхозе без употребления. Каждый бак вмещает по две тысячи с лишним ведер воды.

— А когда я запустил ветром всю эту задачу, — объяснил нам Кашкаров, пробуя слегка воющую динамо за корпус, — то увидел, что сорок сил у меня остаются даром, а машина вертится холодная. Наступила прошлогодняя зима, топки в совхозе мало, скот стынет, жилье ветром выдувает и мученье полное. Я к директору, — дай, говорю, тыщи три, может, ветер нам теплом подует... Директор говорит: может быть, — и отпускает на мою смету деньги. Наш директор форменный человек: верит в товарища полностью и видит врага на большой дистанции. В Москве я с хитростью купил тридцать электрических печей. Там даже не знали, что зимой у нас больше ветров, чем летом, и не сообразили, что это означает... Ну а дальше — вы все видели, а что не заметили, про то можете сами догадаться.

От динамо-машины на усадьбу шли под землей провода, ответвляясь от главного кабеля, идущего на водокачку, и поступали в нагревательные приборы. Неравномерное напряжение тока, которым питались печи, не имело особого значения, ибо колеблющаяся теплоотдача была нечувствительна для людей. Только светить этим ветросиловым электричеством было нельзя, но и тут Кашкаров предполагал подумать еще кое о чем. Он имел в виду работы одного Московского научного института, где состоял аспирантом его товарищ по ленинградскому заводу. Этот товарищ был электриком и должен, по мнению Кашкарова, обязательно изобрести к лету регулятор напряжения для динамо-машин, работающих от двигателей с переменными скоростями.

— Я думал — у вас что-нибудь особенное, а это все так себе, — сказал Чичеров, когда мы возвращались с мельницы на усадьбу. — Вдруг ветер стихнет, а мороз ударит — и вы тогда все здесь ооченеете!

Кашкаров ответил ему:

— Это, конечно, может быть, что ветер упадет. Но тогда мы топим кизьяками обыкновенные печи. Электрическое ветряное отопление полностью греть не может — оно греет половину холодного времени, а иногда всего одну треть. Мы им можем только экономить топливо процентов на сорок, на тридцать, а на сто процентов сэкономить нельзя.

— А я думал, что все можно уже, — недовольно произнес Щербаков.

— Думать можно, но сделать пока нельзя, — сказал Кашкаров. — Раньше совхоз покупал к зиме на три тысячи рублей дров, а в нынешнем году мы обходимся своим хворостом и кизьяками. Три тысячи остаются дома, потому что ветер здорово подтапливает.

— Помню я, как вы дрова покупали, — сказал Чичеров, — нигде все равно тепла не было.

— А сейчас, — сообщил Кашкаров, — если ветер удержится, то в ночь мы баню затопим. А летом директор думает устроить специальный ветряк сил на сто, чтобы отапливать им громадную оранжерею, где мы будем зимой выращивать овощи.

— Огурчики, баклажанчики, репка — это симпатичный продукт, — одобрил Чичеров.

— А летом что делает ваш ветряк? — спросил я у Кашкарова.

— Летом мы ставим к речке еще два насоса и два электромотора — даем воду в сад, на огороды, на питомник...

— Летом кругом жара, а в совхозе прохладно и с земли пар водяной подымается, — объяснил картину Чичеров. — Тут летом приятно, научно бывает!..

Вечером Кашкаров вслух подбил мне итог своему открытию:

— Если б построить у нас большой завод ветряков, то можно б через два года четверть всей жилплощади, городской и колхозной, перевести на отопление ветром, — к тому же во всех городских домах есть электрическая проводка, она годна и для теплового тока... А если на четверти жилплощади мы сэкономим половину топлива, то это все равно что построить цельный новый Донбасс. А обойдется весь этот ветряной Донбасс, считая и постройку завода ветряных крыльев, миллионов в сто. Хорошее это дело или среднее?

— Удовлетворительное, — высказали свое мнение слушатели Кашкарова. — Езжай в Москву сообщаться — наше государство охотное к науке...

— Вот я слышал, что Донбасс есть кочегар Советского Союза, — произнес Чичеров. — Так почему же из ветра не сделать нам для всей страны кухонного мужика!..

Все засмеялись, а Кашкаров остался серьезным.

*

Зима давно миновала. Сейчас уже июль месяц 1931 года, — наступает время уборки второго колхозного урожая. Я снова приехал к тов. Кашкарову, желая помочь ему в организации поливных работ в совхозе.

Стояла туманная жара; весь воздух томился, и налитой, почти готовый урожай склонился в ожидании. Но в садах и на огородных

угодьях совхоза была прохлада, и от растений шло непрерывное жизненное испарение. В свое время Кашкаров заложил в местный горячий климат великое противоречие — воду, и сейчас это противоречие солнца и влаги примирялось в тучном урожае плодов и овощей.

Вместо Кашкарова механизмами совхоза теперь ведал новый товарищ — Овчинников. Он мне сказал, что Кашкаров уехал отсюда три месяца назад. Его вызвало одно ленинградское научное учреждение, чтобы сделать из ветра Кухонного мужика и Истопника Советского Союза.

Что касается Щербакова и Чичерова, то Щербаков разрабатывал идею снабжения товарами пайщиков на дому и собирался закрыть лавку вовсе, превратив ее в распределительный центр, а Чичеров делал с комсомольцами в чистовском колхозе то же, что уже сделал Кашкаров в совхозе, — ветряное отопление. Свои «ветром подбитые» избы колхозники собирались превратить в ветром нагретые жилища.

Сила изобретательского примера Кашкарова действовала все более широко и быстро, хотя самого Кашкарова уже не было в этом районе. Техническая идея завладела массами и стала громадной действующей силой социализма.

<Конец 1930, вторая половина 1931 г.>

ЗАБЛУЖДЕНИЕ НА РОДИНЕ КОМПОТА

Стервец, который трудился на каждом предприятии, не более одного квартала, потому что бюрократы отовсюду его удаляли за критичность нрава, вышел в эту минуту с фабрики знамен, значков и плакатов, недовольный ходом производства.

Но в сущности это был человек общественный и пристойный, — в нем лишь было великое бурчание на ущербы производства, то есть среди его сердца жила истинная забота о социализме. Поэтому он глубоко сердился на всех людей, встречавшихся ему на улице, в том числе и на знакомых.

— Здравствуй, товарищ Журкин! — приветствовали его различные дружественные люди, идущие навстречу.

— Здравствуй, животное! — отвечал Журкин одному.

— Почтение рвачу! — сообщал другому.

— Здорово, эгоист! — давал ответ третьему; четвертому и пятому Журкин вовсе не отвечал, а дальнейшим опять давал подобные приветствия:

— Здравствуй, гад! Как тебя не прогонят с пуговичной фабрики — я прямо удивляюсь вашему треугольнику!

— А-а, и летун здесь ходит: то-то я гляжу — чего это социализм плачет в Эсесере! А это ты его мучаешь, животная скотина!! Вали к черту — мимо меня!

— Здравствуй, негодяй! Сейчас слепые ведь и то работают — как тебе безноготу не стыдно быть! Сволочь ты пенсионная — сидел бы неподвижно и трудился: хоть чулки бы штопал ударникам, и то пятилетка бы обрадовалась!

— Почет деревне — опоре в лапоть! Все задницей вертишь, навозная гадина, — по кулаку овдовела, за большевика выходишь!.. Ладно — я тебе снохачом буду!

Деревенская опора безответственно проходила мимо. Журкин же, пока доходил до квартиры, начинал икать от раздражения.

Дома он спешно съедал очередную вечернюю пищу, потому что любил весь день не есть, дабы строить социализм с неполным желудком, — и затем мучился до самого сна каким-нибудь наболевшим республиканским вопросом.

— Стерва я необоснованная! — говорил иногда Журкин самому себе и, вздыхая, думал что-нибудь светлое, окупающее всех рвачей, животных, эгоистов, летунов и тайных подкулачников.

Во сне Журкин тоже не видел себе покоя: ему снились колхозные просорушки, сукновальни и какие-то пустые амбары-

голосовальни, где неизвестно что делалось. Далее ему представлялась суeta ударников на обледенелой земле Эсесесера, так что шел пар вверх от социалистического человечества, и тысячи автомобилей везли тес и кирпич на постройку медонапорной башни. Самые дешевые, самые прочные и мощные советские автомобили уже имели старый вид, и девочки, дети большевистских шоферов, рожденные после постройки Нижегородского автогиганта, выросли до того, что на них назрело время жениться, — значит, уже была поздняя будущая пора, значит, шло уже исполнение генерального плана, судя по электрическому лозунгу на небе.

Журкин погладил свое тело во сне и почувствовал себя потолстевшим — это оттого, что настала всеобщая героичность на свете и, сверх того, — Журкин был женат не на мещанке, а на благородном существе, рожденном в пятилетку.

Желтое утомившееся солнце вставало над сооружениями земли. Журкин тоже встал и пошел к умывальнику, дабы попить из-под крана молочка, но из крана потекла лишь мутная вода, поскольку водопроводом руководил, вероятно, притаившийся оппортунист, — тогда Журкин догадался, что он живет в третьем, решающем году пятилетки, и озабоченно обрадовался.

*

Днем Журкина вызвал к себе профессиональный союз, называвшийся союзом рабочих бродильной промышленности, вследствие размельчения профдвижения.

— Ты что же?! — сказал Журкину человек союза, не привыкнув еще говорить конкретно. — Ты что же — на упущенья воду льешь из мельницы!

— Она же мутная, профессиональный товарищ, — ее сосут из левацкого болота, она правая вода.

— Хорошо, — сказал профессиональный. — Тогда ты перестройся — езжай в город Клещевинск, там коопработа ослабла, так ты улучши ее совместно с бригадкой.

— Я озабочусь, — ответил Журкин, и вышел вон.

На улице он сразу вообразил себе кооперацию пищевым Донбассом, а потребительские пролетарские туловища — котлами, в которых горит хлеб, овощи и мясо, а постное масло идет на смазку организмов. Это было великое зрелище в душе Журкина, так что он сразу понял свое значение как шахтера овощей, и заранее отверг всякую попытку недооценки своей работы.

*

Город Клещевинск существовал в области заморозков и вымочек, где много ручьев, где растут леса и мочежинные кочки.

Местный краевед, натуралист и статистик Ушлов ежегодно, в течение тридцати лет подряд доказывал, что в клещевинских лесах вырастает в среднее лето на сто миллионов рублей грибов, но оппортунисты двадцать пять лет оставляли безо всякого развития грибную промышленность.

Но главная слава Клещевинска состояла не в грибах, а в одном искусственном изобретении, известном каждому жителю нашей страны. В Клещевинске сорок два года тому назад жил некий мещанин Щоев, родом с Иван-озера. Тот Щоев изобрел аппарат для исчезновения с земли на луну, но царь-оппортунист отверг машину Щоева; тогда Щоев мучился двенадцать лет без славы, а впоследствии изобрел от остервенения компот, который широко прославился и до сих пор довольно известен. Под старость Щоев ушел на родину, на Иван-озеро, и оттуда, как передает краеведческое общество, он, Щоев, помчался в аппарате на луну — тому был очевидцем один овечий пастух; но это сведение было бы научным лишь в том случае, если б пастухов было двое, один же человек всегда полон лжи и фантазии.

Благодаря компоту Клещевинск вечно стал считаться продовольственным ресурсом, хотя для составления компота в окрестностях Клещевинска не росло, по словам сборника трудов краеведов, «достаточного оркестра, или ансамбля, фруктов».

В ущемление славы Щоева тот же статистик Ушлов дознался, что компот был изобретен первично во Франции, но там, при наличии южфруктов, его открыть было немудро, — гораздо мучительнее его было изобрести в Клещевинске, где природа была хвойная и не фруктовая, — и притом в те времена, когда знали только щи и кашу, а фрукты, кроме крыжовника и «бесева», совсем были неизвестны.

*

Прибыв на родину компота, Журкин сел на крыльцо правления кооперации и стал оглядывать местное будущее население. Каждому проходящему он шептал свою оценку, с точки зрения интересов мощного строительства, и в итоге получил неутешительную сволочь.

Председателю кооперации и всей своей ликвидационно-прорывочной бригаде Журкин посоветовал призвать потребляющий актив и выяснить с ним, что надо устроить, дабы кооперация действительно превратилась в форму Донбасса, если посчитать потребителей паровозами. Председатель, у которого от нервного расстройства почти постоянно бурчало в животе, охотно согласился с такой мыслью и признал ее актуальной; необходимо было только придумать способ, чтобы пайщики собрались всею гущей.

— Что ты им сейчас отпускаешь? — спросил Журкин у председателя.

— Клей, — сказал председатель.

— Напиши объявление, что клеевые фонды подходят к концу: пускай бегут запасаться.

— Ты справедлив, — заключил председатель, и приступил к налитию чернил из поступившей бочки в пузырек.

По принципу, выдвинутому Журкиным, собрание состоялось полностью.

Мучимый заботой и критичностью, Журкин выступил с яростной речью о заготовках продовольствия.

— Слушайте меня, которые здесь пришли наличные местные животные! Научные силы сосчитали, что вы живете на том пастбище, где растет пищевой зелени на два миллиарда с лишним... Но сознание у вас не крупно-диалектическое, а мелко-скотское, и я предлагаю вам привыкать думать о постной пище, а не ждать эшелонов с говядиной, не рвать по-кулачки куска изо рта ударника...

Кооперативное население, выслушав Журкина, постановило было прекратить еду, но Журкин отменил эту резолюцию как перегиб, и мгновенно выдумал мысль о наилучшем снабжении всех потребителей. Журкину показалось даже, что он открыл такой ресурс кормления, что Клещевинск может взять в нахлебники еще полпролетариата.

Пайщики сейчас же согласились с Журкиным и всему были как-то охотно рады.

*

Что же произошло в Клещевинской кооперации, умножившей свои силы на усердное сердце и на заботливый ум Журкина?

План Журкина был прост и всецело рассчитан на энтузиазм жителей.

Мясная проблема разрешалась посредством организации рачьих пучин в водяных окрестностях Клещевинска.

Овощ заменялся грибами, а постное масло ореховым соком. Для сбора, а также для транспорта грибов и орехов — назначалось проложить во все стороны от города тракты, а от них протянуть тропинки — и пустить по тем путям бригады старичков и старушек с кошелками.

Из городских сооружений Журкин определил одному устройству служить улучшению снабжения, — это был бак на пожарной каланче. Бак предполагалось заполнять не водой, а молоком, с тем, чтобы молоко шло затем по трубам в водоразборные колонки и в некоторые дома для питания. В случае же пожара, огонь можно смело тушить тем же молоком, а пенки, что неминуемо обра-

зуются на пепелищах, следовало затем собрать и опять-таки употреблять их с выгодой для пищевых нужд. Журкин подтверждал правильность наполнения бака молоком тем расчетом, что все-таки дешевле тушить пожары молоком, чем строить специальную молочную башню. Пожарные пайщики, опустив вначале для размышления усы, вскоре согласились с мнением Журкина.

Совершив все означенные дела, Журкин натошак уехал в свой город; он хотел поскорее доложить, что прорыв на фронте снабжения в Клещевинске он ликвидировал без остатка и готов снова о чем-нибудь позаботиться, — хотя бы по налаживанию организации массовых квасоварен, о чем пришла ему отличная мысль.

*

Однако профсоюз, узнав про клещевинские дела, поставил Журкину что-то на вид. Журкин запотел от неожиданного горя и качнулся телом, чтобы стронуть остановившееся сердце; спустя же час он написал в профсоюз громадное заявление, в котором целиком и полностью признавал свои ошибки, считал их явным признаком оппортунизма, загиба и примиренчества, а в конце приписал печатными буквами:

«Несмотря на осознание себя правым, левым и присмиренцем, я все еще горюю и это заявление свое считаю явно недостаточным, то есть обычной негодной попыткой маскировки классового врага. К сему лично Журкин. Член бродильщиков № 00037418161Ф».

Доставив заявление в профсоюз, Журкин сильно успокоился и купил несколько книг, чтобы приобрести из них вечную установку.

В одной книге он впервые прочитал про Кенаф и Клещевину, и ночью видел во сне делопроизводителя Кенафа, женившегося на слесаре Клещевине, а в шаферах ходили еще два растения — продмаг Кендырь и он, Журкин. Хандрилла же, шофер полугрузовика, сидела в стороне как гостья и плакала, что ее вычистили за расточительство резины. А Кенаф, Клещевина и Кендырь смеялись, что они проскочили чистку, и хвастались городами, названными их мощными именами.

*

Наутро Журкин был вновь в профсоюзе и выслушал вещи слова председателя:

— Товарищ Журкин, ты действовал в Клещевинске настолько глупо, что я подумал о тебе как о растении, как о лопухе. Скажи, пожалуйста, какая голова, кроме твоей, могла придумать для уничтожения недостачи мяса рачью пучину?! Или — постное масло из

ореха!.. Вот что, товарищ Журкин, самокритик ты, говорят, приличный, будь же теперь самотворцом — иди в бригадные массы, не жалея своего тела для промфинплана, а ум в тебя войдет из нашего класса и строительства...

И с тех пор Журкин тщательно трудится и постепенно наполняется добром разума, и при встречах со знакомыми рабочими первым приветствует их и грустно наклоняет голову, как неизжитый оппортунист, как лопух и как животное.

*

Через полгода Журкин прочитал в газете:

«В районе Клещевинска были сделаны широкие попытки раководства, но попытки не имели удачи. Выяснилось, что на раках уже 400 лет свирепствует научно непостижимая рачья чума».

Прочитав то, Журкин бросился на завод — в ночную смену — и потушил все ненужные электрические лампы, чтобы сэкономить уголь на электростанции, и лишь тогда несколько успокоил свое настроение. Сотворивший ошибку усердней совершает доблесть.

<1931>

ТОВАРИЩ ПРОЛЕТАРИАТА

«Сейчас ночь в СССР и в Европе. Капитализм спит и не знает, что он уже побежден насмерть. Всемирный рвач, летун по нашей планете, прогульщик своего срока, прорывщик всеобщего блага, капитализм уже не видит снов будущего счастья, потому что будущее до самого горизонта времен занято пролетариатом. А я — товарищ и подручный пролетариата».

Инженер Всуев сделал это сообщение в три часа зимней ночи, в эпоху реконструкции, обращаясь к самому себе.

Всуев жил в Советском Союзе два года; истинная фамилия его была Всюз, происхождения он не помнил и в анкете — на вопрос о классовом роде — отвечал: безвестный, а об имущественном состоянии сообщал, что он средний бедняк. Все это было верно, потому что родителей он никогда не чувствовал и долгий срок работал в Австралии караульщиком цветочных пчелиных пастбищ от саранчи. Всуев и теперь еще, ночуя в СССР, видел иногда в сновидениях безлюдье среднеавстралийской пустыни, томительный оазис пчеловодства и тоску жизни, продолжающейся без надежды. Он просыпался в страдании и вскоре ругался в одиночестве, не в силах терпеть такое положение.

В СССР тов. Всуев приехал по нужде. В Австралии он встретил однажды советского человека, пасшего кроликов. Тот человек ему рассказал про СССР все, что знал, и сам заплакал от воспоминаний.

— Там что такое? — спросил его Всуев. — Отчего ты плачешь по родине, а сам уехал из нее...

— Да я там бандитом был, — сказал плачущий, — а здесь целиком осознался. Сижу теперь и горюю.

— А там полезное что-нибудь? — интересовался Всуев. — Там есть работа инженеру-оптику?

— Там любой дурак счастлив теперь. Там ударный инженер самую прелестную комсомолку может свободно полюбить...

— А она? — спросил Всуев.

— А она — как захочет, — объяснил бандит. — Там теперь всемирное счастье скапливается в один бугор, а я здесь одиночных кроликов стерегу, низкую сволочь такую!..

Вслед тому бандит привлек одного толстого кролика, питавшегося вблизи, и вручную задушил его, как представителя местной буржуазии.

— Спи теперь вечно, гнусная личность, — сказал кролику бандит.

Он поглядел затем на окрестную Австралию, и слезы сразу высохли на его глазах от жары. Вдалеке, по пустынному миру ехал какой-то мелкий буржуй в таратайке. Беглый человек схватил с земли сухую ветвь и яростно побежал за тем буржуем, а на родине своей он убивал пролетарских активистов и желал кулачеству блага.

*

Всуев взял расчет у пчеловода и поехал в Мельбурн. В Мельбурне он узнал, сколько стоит проезд на товаро-пассажирском пароходе до Дальнего Востока. Денег у него хватало только на билет, а на дорожную пищу уже ничего не оставалось. Тогда он решил ехать в СССР натошак и поесть впоследствии во Владивостоке. Однако старый мир наполнен пролетариатом, и Всуева кормил всю дорогу кочегар 2-го разряда из своей суточной порции.

Достигнув берега СССР, Всуев не обрадовался. Он желал здесь найти только работу и постоянную пищу, но вовсе не счастье. Темная вода обмывала берег, на котором строился социализм, ветер сгибал приморскую поросль, и было кругом бесприютно и скучно, как всюду на земном капиталистическом шаре.

Всуев пошел к советскому агенту иностранных дел и сказал там, что он по образованию инженер-оптик, а по состоянию — нищий человек, нельзя ли ему потрудиться в здешней стране, поскольку он будет стараться.

Советский агент прочитал бумаги инженера Всуева, посмотрел ему в лицо и безмолвно что-то подумал. Всуев был худ снаружи и стоял печально, уже изнемогший от тридцати двух лет непрерывной жизни. На всем свете никто о нем сейчас не думал и не заботился, кроме этого советского служащего.

— Мы согласны, — сказал агент. — Если вы потрудитесь стать на сторону пролетариата, если вы забудете огни буржуазии...

— Они для меня никогда не светили, — ответил Всуев.

— Тем лучше, — продолжал служащий. — Тогда вы зажжете свет у нас — для себя и своих новых товарищей.

— Свет я зажечь могу — я же оптик, а оптика — это светотехника, — объяснил австралийский инженер.

— Хорошо, — сообщил агент, и наложил резолюцию доверяющей рукой.

*

Отъехав от океана на несколько тысяч километров, Всуев начал работать на заводе особого назначения имени 1/6 суши. Обще-

ственным организациям завода понравился усердный, угрюмый инженер из далекой, тем более колониальной страны, — заведомо угнетенный человек, — и организации дали Всуеву различную нагрузку; в первую очередь ему поручили просмотр и оценку рабочих предложений.

Товарищ Всуев принял всю новую советскую жизнь сразу всерьез и никогда не засмеялся над отсталостью или неумелостью трудящихся масс. Он знал место, откуда эта отсталость произошла, и знал виноватых. Большому числу рабочих изобретений Всуев не удивился. Он не имел той руководительской радости, что немущие и темные тоже умеют думать, какую имели образованные сторонники пролетариата, — они сами не были пролетариатом и не обладали правильным понятием о нем. То, что они, интеллигенты, чувствовали восторг от сообразительности пролетариата, служило Всуеву доказательством, что втайне, невольно они не верили в ум, в жизненное движение масс. Они, вероятно, предполагали, что лишь они свободно размышляют, а бедняки существуют смутно и механически, по одному указанию сознательных.

В течение ночей Всуев превращал краткие рисунки рабочих изобретений в полные чертежи, и те чертежи шли в немедленное осуществление. Партийные рабочие, которые заведовали заводом, одобряли Всуева и считали его товарищем пролетариата.

На торжествах изобретений Всуева ставили в ряд с умнейшими рабочими, введившими новые правила производства и ударные высшие машины; Всуев стоял тогда на высоте трибуны и смотрел перед собою в этот радующийся мир, который был настолько несчастен, что приветствовал и возносил инженера за одно исполнение им своих обязанностей.

*

В половине двенадцатого одной ночи в комнату Всуева пришел пожилой человек и принес в руке старую, любимую книгу, всю пропахшую телом ее читателя. Человек сообщил Всуеву, что его профессия — шлифовщик двояковыпуклых чечевиц, фамилия — Климентов, возраст — почти старчество.

Всуев выслушал гостя и осмотрел его книгу. Это было учение Максвелла о солнечном свете, который есть на самом деле лишь электричество. Четыре года мучился шлифовщик над сочинением, пока не понял его целиком, а поняв — усомнился: может быть, считать солнечный свет простым электричеством есть явное упрощенство диалектической сложности природы!

Теперь Климентов объявил Всуеву, что капитализм можно немедленно и научно обогнать. Он сказал:

— Ты моего лица не замечал, товарищ Всуев. Я всегда стоял в гуще и проверял твоё настроение, а теперь вполне приветствую тебя, как пролетарского соучастника... Что такое солнечный свет? Это электромагнитные волны, только они, сволочи, джуже часты в секунде и коротки в длине, — вот вопрос-то!

Два часа слушал Всуев неправильную, самоспорящую речь прибывшего человека. Гость стоял все время на ногах и отвергал технические идеи, способные лишь догнать капитализм, но не обогнать его. Например, идею академика Иоффе об отоплении тундры, о превращении льдов Северного океана в теплую воду — шлифовщик не очень одобрял. Он уже успел прочитать, что где-то в Тихом океане есть силовые двигатели, действующие разницей температуры воды и воздуха; поэтому перенесение той же идеи к нам, хотя бы для отопления советских ледовитых местностей, его явно не прельщало. Он хотел именно обгона капитала посредством создания такой технической идеи, которая бы решила задачу энергетики земного шара чисто социалистически — изящно, вечно и почти как бы невесомо. Материалист Климентов уважал в машине не чугун, а мысль, изложенную конструкцией. Он глубоко предчувствовал строгую нежность природы и ненавидел чугунно-паровую технику буржуазии, как ложь перед миром.

— Вот вопрос-то! — ежеминутно удивлялся Климентов, и тут же делал теоретическое усилие, чтобы положить стоячий вопрос вниз.

— Жутко быть сейчас капитализмом! — наслушавшись шлифовщика, сказал Всуев; он не видел в Австралии размышления со стороны пастухов или прочей наемной силы о солнечном свете.

— Еще бы не жутко! — подтвердил Климентов. — Ему не только жутко, ему странно сейчас: вот вопрос-то!.. Городской переменный ток имеет длину волны километра два или четыре, частоту волн — пятьдесят штук в секунду, а солнечный свет бьет, стервец, миллиарды раз в ту же секунду, и его волна по длине почти ничто! Ну и пускай! Но ведь принцип-то один и тот же! Стало быть, нужно сделать волну солнечного света подлиннее, а ее колебания пустить на редкий счет, вместо частого, — и тогда мы получим электричество — и нет вопроса!

— Земля, это электромотор, а солнце — его единственное динамо! — высказался Всуев.

— Свет солнца нужно немедленно превратить в электричество, — сообщил шлифовщик. — Коммунизм должен вертеться силой, добытой впрямую из солнца — без антрацита, без дров, без водопадов, без температуры, без химии — безо всякого терпения...

— Я понимаю, — сказал Всуев.

*

Тот же Климентов дал Всуеву рисунок простого прибора, который кроме стекла и нескольких металлических деталей ничего не должен иметь. В одну сторону прибор принимал дневной свет, пропускал его через стеклянные сферы, мимо склоненных плоскостей, преломлял в сложных фигурах, — по другую сторону прибора свет выходил уже в форме рабочего тока.

Шлифовщик определил будущую технику и философию как время, когда оптимизм будет внутри человека, а оптификация — снаружи его. Оптику, науку о свете и тьме, он считал самым прекрасным вопросом.

Везде, где есть солнце, луна, звезды, северное сияние, наконец — рассеянный сумрак ночи, — везде можно мгновенно, непрерывно и даром иметь электрическую мощность.

Получив рисунок изобретателя, Всуев несколько месяцев продумывал вопрос, пока не пришел к выходу из него. Теперь инженер был уже способен доказать, что использование энергии солнца — через прямое обращение световых колебаний в электрический переменный ток промышленной формы, — лучше всего возможно оптическим прибором. Шлифовщик был прав, говоря однажды на высоте энтузиазма, что подобно зеркалу, производящему из лица одинокого человека призрак второго друга, — оптическая наука открывает на земле солнечный родник, взойдет заря вечной энергии, и в математической поверхности оптической машины изобразится целое человечество, как второй товарищ каждому склоненному лицу.

*

Зимой инженер Всуев закончил всю проектную работу и передал ее на просмотр и подпись тов. Климентову. Шлифовщик проверил, сделал поправки и отослал на высшую консультацию, а Всуеву прислал ночную записку, исполненную обычным торжествующим стилем: «Привет бывшему колониальному рабу, служащему нынче помощником, товарищем машиниста на паровозе истории, обгоняющем финансовый империализм! Да здравствует солнечная централь, образующая коммунизм на нашей нижней земле! Смерть вопросам!»

Инженер Всуев, прочтя, не улыбнулся: он знал место, где производится такое скучное горе, что для забвения его нужна радость, безумная, как глупость. Он и сам испытывал сейчас счастье и написал те слова, которые написаны в начале рассказа, обращенные к самому себе.

*

Пробыв еще полгода на заводе «1/6 суши», австралийский инженер изобрел способ просвечивания атмосферных туманностей

для непрерывных астрономических наблюдений, и был принят в партию, перестав быть подручным пролетариата.

Бандит, пасший кроликов в Австралии, проник тайно в СССР и работал кирпичным кладчиком на капитальном строительстве того же завода, где был Всуев. Бандита вскоре открыли и увели на следствие в тюрьму, а потом судили в клубе, где присутствовал и Всуев. Инженер вспомнил знакомое лицо и вышел свидетелем. Он сказал, что данный человек плакал в Австралии от горя по СССР.

Суд задумался и отпустил бандита работать на воле.

<Начало 1930-х гг.>

ЧЕЛОВЕК НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Конструктор по общим приспособлениям инженер-электрик Оганов поехал в командировку из своего Проектировочного института.

Сегодня утром, как и каждый день, он проснулся в тревоге за всю свою страну. Оганов прочитал в газете постановление партии о сооружении силовой плотины на Нижней Волге для орошения Заволжья. Он сразу вздрогнул от радости и тревоги — от радости, что дело его молодости, когда он орошал центробежным насосом 12 десятин огородов на своей южной родине, что это дело стало частью технической программы большевиков, — и тревоги, что на этом строительстве могут случиться упущения, если он не примет немедленных мер. Он боялся за многое в республике и жил только в одну сторону — в будущее, не чувствуя вкуса к личным наслаждениям и не имея времени бриться и получать мясо в ЗРК по своим талонам.

Утром, до отъезда, Оганов спроектировал схему нового насоса для заволжской оросительной системы. По постановлению ЦК партии должно быть осуществлено машинное орошение. Это значит, что воду будут подавать на пшеничные поля агрегаты из электромотора и центробежного насоса, спаренные одним валом, то есть пара машин. Инженер Оганов отверг такое устарелое положение: он предложил одну машину, исполняющую сразу две функции. Именно: электромотор вместе с тем и насос. Для этого активная часть электромотора — ротор — делается в форме многолопастного насосного колеса, а неподвижная часть мотора — статор — в виде кожуха, в котором прессуется вода для нагнетания вверх. Теперешняя изоляция проводов, боящаяся воды, ликвидируется. Провода должны быть употреблены из алюминия, покрытые для изоляции окисью алюминия же — или вариантом этого состава, — тогда электрические части способны будут работать в воде, а машинное орошение намного удешевится — и по капитальным затратам, и по эксплуатации.

У Оганова была жена — двадцатитрехлетний инженер, причем он так и не успел привыкнуть к ней, а она уже отвыкла от него. Оганов и сам считал, что уважать только одну женщину на свете это так же странно, как предпочитать паровую машину дизелю и новым типам турбин.

Со страстью и расчетом глядел тридцатилетний Оганов на людей и машины, угадывая в них новые выпуски и устарелые

марки. Техника, ведь она была, возможно, первым социальным чувством людей и будет их высшей страстью.

На небольшой станции замечательно красивая женщина, с глазами, обросшими бровями, как черной травой, понесла куда-то водяное ведро. Оганов наблюдал ее вслед с непобедимым сердцем и думал — сколько гвоздей, свечек, меди и минералов можно химически получить из тела той женщины. «Зачем строят крематории?» — с грустью удивлялся инженер. — «Нужно строить химзаводы для добычи из трупов цветметзолота, различных стройматериалов и оборудования!»

Вечером, подъезжая уже к нужной станции, Оганов увидел огромное совхозное стадо, которое гнали куда-то для превращения в мясную пищу.

Вид животных, гонимых сквозь пространства пешком в города на съедение, или даже запертых в неволю вагонов, всегда приводил Оганова в душевное и экономическое содрогание. Коровы, и особенно быки, слишком впечатлительны, чтобы переносить железнодорожную езду, вид городов и ревущую индустриализацию. У животных расстраиваются нервы, они высыпают беспрестанно из себя навоз и теряют съедобный вес. Сосчитано, что при езде в вагоне на тысячу верст коровы худеют на десять и больше процентов, а быки вовсе тают, тоскуя, что им уже никогда теперь не придется случаться.

В начале ночи Оганов приехал на форде в центральную усадьбу мясосовхоза, в котором он вел постройку опытной электросилошной башни для заготовки говядины.

Башня была сложена из сжатых, сбрикетированных ручным прессом глино-черноземных кирпичей и представляла собой вид усеченного конуса.

В сенях башни находилось особое стойло, — оно хотя и не имело еще арматуры, но это было то же, что электрический стул для человека, — место смертельного убийства животных высоким напряжением. Оганов не хотел портить качества мяса предсмертным ужасом и безумной агонией живого существа от действия механического орудия. Наоборот, животное будет подвержено предварительной ласке в электрическом стойле и смерть будет наступать в момент наслаждения лучшей едой. Внутренность башни была выложена досками в тесную пригонку, а доски покрыты слоем клеювого лака, непроходимым для электричества.

Если мясосовхоз, в котором консультировал Оганов, отправит в течение года две тысячи тонн мяса, то двести, а может быть, и четыреста тонн наиболее нежного мяса будет истрачено в пути, благодаря похудению животных. Кроме того, коровы могут вовсе умереть в дороге. Эти двести или четыреста тонн говядины дол-

жен сохранить электрический силос, построенный как башня. Коровьи туловища разрубаются на сортовые части и загружаются в башню. Затем небольшое количество высоконапряженного тока пропускается сквозь всю массу говядины, и говядина сохраняется долгое время, даже целый год, в свежем и питательном состоянии, потому что электричество убивает в нем смертных микробов.

По мере надобности мясо накладывается в приспособленные кадушки с выкаченным воздухом и отправляется в города. В дальнейшем предполагалось вокруг электрического силоса развить комбинат, с тем, чтобы на месте обрабатывать мясо в фарш, колбасу, студень, консервы и отправлять в города готовую еду.

Пока Оганов обследовал состояние работ и инструктировал монтажную бригаду, около него все время стояла пожилая женщина с лампой в руках. Это была бывшая совхозная кухарка, не знавшая, куда ей теперь деться. Она стала жаловаться Оганову, что мужики из металлических ложек сделали проволоку, а суповые котлы раскатали в листы и что даже сережки вынули у нее из ушей и расплавили их в олово.

Тогда Оганов дал этой печальной, бесхозной женщине, лишенной бытового состояния, сто рублей, и баба ощерилась от счастья, а бригада захохотала, потому что эта женщина и с бригадира уже управилась получить за свои сережки восемнадцать рублей.

*

Поздней ночью Оганов сидел в рабочем общежитии и рассматривал книги в библиотечном шкафу. Вокруг Оганова спали люди на самодельных кроватях (хотя и весь мир есть самодельное произведение пролетариата), от рабочих людей пахло отработанной жизнью, их рубашки заживо сотлели на постоянно греющемся теле, и рты были немощно открыты, чтобы освежиться воздухом ночи и продуть насквозь свое туловище, зашлаковавшееся смертельными скоплениями усталости.

Один плотник, по прозвищу Мустафа, лежал навзничь с омертвевшим видом лица; он сегодня в одиночку таскал бревна на верх башни, а вчера забивал якорные сваи для крепления ветродвигателя от зимних бурь.

В своем дыхании он плавно поднимал и опускал ребра, обросшие жилами тяжелой силы, и лицо его, хотя и было покрыто печалью утомления, но все же хранило в своем смутном выражении нежность надежды и насмешку над грубой тягостью жизни.

«Зачем он таскает бревна, зачем он не повесил блока и не заставил вола втянуть бревно на канате?» — думал Оганов в тишине большого пространства. — «Зачем вообще нам труд, как повторение однообразных процессов: нужно заменить его беспрерывным творчеством изобретений!»

Колодезный бригадир Милешин спал вниз лицом. Он сегодня трудился по рытью земли для различных установок. Оганов решил завтра же сделать несколько конных лопат и рыть грунт силой волов или даже приспособить под это дело ветер.

Оганов не знал, есть ли у Мустафы и Милешина половая жизнь, эстетические вкусы и накопления на сберкнижке. Они были, наверно, безродными и превращали будущее в свою родину.

В книгах библиотеки Оганов нашел «Вопросы ленинизма» Сталина и стал перечитывать эту прозрачную книгу, в которой дно истины ему показалось близким, тогда как на самом деле было глубоким, — потому что стиль был составлен из одного мощного чувства целесообразности, без всяких примесей ничтожных украшений, и был ясен до самого горизонта, как освещенное простое пространство, уходящее в бесконечность времени и мира.

Читая, Оганов ощущал спокойствие и счастливое убеждение верности своей жизни, точно старый серьезный товарищ, неизвестный в лицо, поддерживал его силу, и все равно, даже если бы погиб в изнеможении инженер Оганов, он был бы и мертвым поднят дружескими руками на высоту успеха.

Под утро Оганов вышел наружу. Вращающаяся земля несла здешнее место навстречу солнцу, и солнце показывалось в ответ. Но Оганов не вдумался в это явление, вдумываясь обычно во все, что попадалось. Он отошел дальше в степь и лег в нее вниз лицом, с настроением своей незначительности.

Затем он возвратился в избу, где по-прежнему спали рабочие, но лица их, освещенные зарею, приняли торжественное выражение.

Оганов понял, насколько мог, Ленина и Сталина: их мысль — это большевистский расчет на максимального героического человека масс, приведенного в героизм историческим бедствием, — на человека, который истощенной рукой задушил вооруженную буржуазию в семнадцатом году и теперь творит сооружение социализма в скудной стране, беря первичное вещество для него из своего тела.

Эта идея неслышно растворена в книгах, прочитанных Огановым ночью, — потому что ее нельзя услышать мелким сердцем индивидуалиста или буржуя.

Днем директор пригласил Оганова, специалистов и бригадиров на совещание к себе — по вопросу о борьбе с текучестью рабсилы.

Выслушав все мнения и затруднения, Оганов спросил:

— Почему у вас плотник Мустафа работает как чернорабочий — таскает бревна, а бригадир Милешин — как землекоп?

— Иногда не хватает даже минимума рабсилы, — объяснил директор. — Профессии начинают стихийно соскальзывать: это наша беда!

— Используйте эту беду! — посоветовал Оганов.

Директор улыбнулся:

— Каким образом? Вы нам посоветуйте!

Оганов ответил:

— Введите скользящую шкалу профессий, чтобы пастух был обучен строительству и мог быть плотником зимой, или еще чем-либо, чтобы человек обнимал своим умением несколько профессий и чередовал их во времена года. Каждый трудящийся может и обязан иметь хотя бы две профессии. Это даст десятки тысяч экономии по одному вашему совхозу. Вы попробуйте — не пожалейте! Для всех несложных профессий надо разработать скользящую шкалу — и перестроить совхозное ученичество и колхозные школы на этот способ сдвоенных и строенных профессий...

Директор не сдавался; улыбаясь, он сообщил:

— Я тоже могу быть директором, могу играть на гармонии, могу тесто месить...

— А губернатор у Гоголя вышивал по тюлю, — ответил Оганов серьезно, и директор перестал улыбаться.

*

На обратном пути, наблюдая толщину местной земли, Оганов заочно решал: «Надо использовать тяжесть планеты! Можно будет отапливать пастушьи курени весовой силой обвалов или варить пищу вековым опусканием осадочных пород!»

Воображение Оганова было как руда — не все в нем было полезным металлом, многое состояло из ржави, но даже ржавь у него была органического происхождения — из собственного туловища и ради сбережения революции.

Оганов молча осматривал с автомобиля обширность земли, взволнованную высокой энергией солнца. Это работал в мире свет Максвелла, отличающийся от промышленного электрического тока лишь краткостью волны и страшной частотой колебаний в секунду. Эти величины были малы и громадны настолько, что чувство человека сучает от их воображения.

В атомной глубине материи играла тонкая пульсация электричества, приближающаяся по нежности и остроте своего факта к жизненным явлениям. Взрываясь наружу, эта же энергия освещает и образует мир.

Уже давно, еще до тюремного заключения, инженер Оганов жил надеждой превратить свет солнца в электричество, получать энергию в любой точке земного шара из бесконечного пространства, освещенного солнцем, луной, звездами или северным сиянием. Для этого нужно лишь сконструировать оптический приемник-трансформатор, обращающий свет в ток. В ленинградской

тюрье, в вагоне, в далеком краю ссылки Оганов думал не переставая о том приборе, который должен навеки заполнить мир светлым наводнением энергии и тем утешался в своей преходящей невзгоде. Он чувствовал, как это должно случиться, но не мог доработаться до рационального устройства оптического механизма.

Несмотря на его гражданскую порочность, советское государство дало, однако, возможность Оганову все условия для работы и даже предоставило иностранную консультацию. Но дело еле двигалось вперед, пока уже на воле два рабочих инженера не помогли Оганову. Это были люди с таким напором жизни, что они сами служили доказательством — в какое могущество, в какое сгущение может обратиться солнце на земле; эти инженеры почти не могли спать по ночам от тревоги своего творческого сознания, и они выдумали центробежный метательный диск — для дальнего транспорта по высоким слоям атмосферы самых тяжелых грузов: руды, леса, топлива, нерудных ископаемых и т. п.

Они просмотрели чертежи Оганова и заключили: «У вас нет руководящего принципа: вы хотите затормозить световой поток, и бродите среди своих догадок, у вас, видимо, ослабело сердце, — воздействуйте на свет магнитным полем, и вы получите нужную комбинацию! Но только имейте в виду: потушив свет, вы встретите страшное напряжение тока — вас может сжечь; некогда вредители тоже хотели помешать световому потоку истории — и получили удар молнии!»

Принцип был найден: сочетание магнитного поля с преломляющимися сферами света.

*

Через два-три месяца, закончив дела по Проектному институту, по совхозу и по другим объектам деятельности, Оганов уехал в Ленинград. Оттуда, вместе с группой других инженеров, он должен поехать за границу — для разработки ряда вопросов в лабораториях Германии.

В анкете, поданной для получения заграничного паспорта, он написал: «Сын шахтера; бывший рабочий-слесарь и паровозный машинист — с 10-летним стажем; инженер-электрик, возраст — 31 год; состоял под судом и следствием — вредитель; был в заключении и ссылке около 2-х лет; освобожден — по снисхождению, как пролетарий и творческий человек; причина вредительства: думал, что рабочий класс недостаточно умен для управления миром, хотя сам имею сто патентов на изобретения, — себя — как опровержение контрреволюционных взглядов — я упустил из расчета и хотел вычесть весь пролетариат из буржуазии, а не

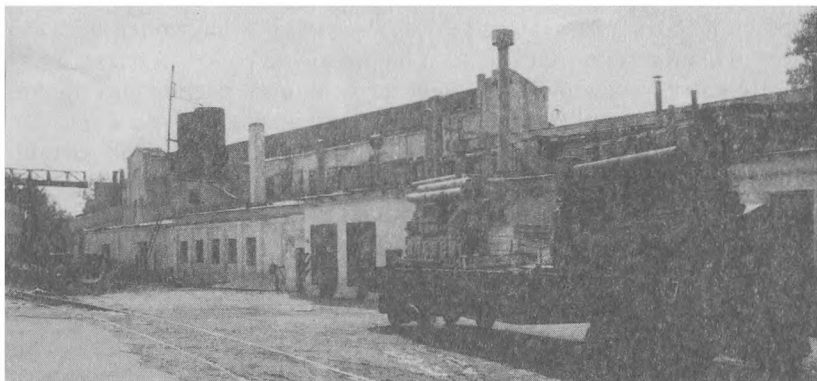
наоборот, хотя знаю высшую математику; в заключении же я опомнился и возвратился навеки на родину, в рабочий класс».

Человек, ведавший выдачей заграничных паспортов, прочитав анкету Оганова, сказал вслух словами вождя:

— Да, сера, товарищ, теория, но зелено вечное дерево жизни!

Этим он хотел отметить диалектический лабиринт действительности, а затем дал Оганову визу на поездку за рубеж.

<1934>

Воронежский паровозоремонтный завод им. Ф.Э. Дзержинского. Бригада литейного цеха. Начало 1930-х гг. *ВОУНБ им. И.С. Никитина*

ЗАМЕТКИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

КРУГОВОРОТ

Как делается «Крестьянская Радиогазета»

«Крестьянская газета по радио» существует около трех лет и имеет намерение прожить еще несколько лет, чтобы дожидаться того времени, когда можно будет сделать газету иллюстрированной, то есть когда радиотехника будет способна передавать иллюстрации по радио. Но не в этом главное желание газеты. А в чем же? В том, чтобы, опираясь на живое, разумное, дельное и занятное содержание газеты и на авторитет техники, помочь крестьянству вырваться из нужды и раздробленности. Редакция газеты думает, что это ей удастся, если ей в придачу пойдет помощь всех крестьян-радиослушателей. А теперь посмотрим, как газета делается и какими путями идет от мачт радиостанции им. Коминтерна до крестьянского уха.

«Крестьянская газета по радио» делается из того вещества, которое ей присылают крестьяне-слушатели в виде своих писем. Редакция газеты составляет лишь звено на замкнутом круге, по которому обращается, так сказать, кровь ума. Почти все содержание радиогазеты делается из крестьянских писем, и к крестьянам же газета возвращается. В редакции производится только отбор крестьянских произведений: полезное от бесполезного, умное от случайного.

Где первопричина «Крестьянской газеты по радио», где тайна ее происхождения? Несомненно, не в Москве и не в редакции. Эта причина — дума крестьянина, которого либо обидели в деревне, либо он задумал изменить жизнь к лучшему, либо просто удивился какому-нибудь явлению природы. И вот этот крестьянин сидит и пишет при лампе, а изредка и под электрическим светом письмо в редакцию. В углу у него радиоприемник, и пока такой радио-крестьянин пишет письмо, его сын надел наушники и слушает музыку из Москвы много лучшую, чем гармоника или пение певчих в церкви.

Письмо написано. В нем основательное содержание. Почему, во-первых, я, бедняк, плачу налог в нынешнем году больше соседа-середняка, разве у нас не советская власть? Почему, во-вторых, радио действует, когда оно действовать без проволоки не должно? И, наконец, чем утешить жену, когда она хочет жить человеческой

жизнью и не может утешиться одними ухватами в своей хате у печки?

Другой крестьянин описывает начало своего колхоза и более упроченную и разумную жизнь в нем, чтобы и другим то же посоветовать.

Письма запечатываются в конверты, и затем их везет кольцевой почтарь по великим уездным грязям до железнодорожной линии. Оттуда до Москвы письма идут, как известно, в почтовом вагоне, и гораздо скорее, чем гужом.

Мысль крестьянина, изложенная на бумаге, запечатанной в конверт, и есть питательное вещество для радиогазеты. В Москве письма приходят в редакцию — обычно без марок, так как крестьянин не тратит денег вперед, не зная, выйдет ли прок из его письма или нет. Но прок выходит.

Сперва письма крестьян поступают к техническом секретарю редакции Пелагее Ивановне Кузмичовой — женщине, страдающей душой за все бедствия, изложенные в крестьянских письмах, хотя жалованье она получает не за душу, а за работу. Затем письма сортируются двумя крайне энергичными сотрудниками редакции.

Письма разобраны. Законность, сомнение и помощь обиженным один из них берет себе, чтобы всех утешить. Остальные письма идут другим трем сотрудникам, главным образом тт. Тришину и Новикову.

Тришин — это зам. редактора. Он меньше пишет и больше следит за тем, чтобы газета была хороша для всех слушателей и вопрошающих. Новиков же, наоборот, — одинокий сатирик, видящий зло на любом добром месте советской страны. Он ищет в письмах обычных действий, чтобы посредством фельетона против активистов зла расчистить столбовую дорогу к социализму. И от его черного пера многие идут под суд, снимаются с должностей и т. д.

Письма крестьян превращаются в газету. Газета перепечатывается на машинке. Затем ее несут ответственному редактору т. Казымову — человеку, который точно знает, чего надо крестьянину на каждый новый день. Он читает газету с жирным пером в руке и безжалостно вычеркивает всякую неточность или легкую мысль, допущенную кем-либо из сотрудников в ответе на крестьянское письмо. После этого сотрудники несут газету в студию радиостанции и присутствуют там в течение часа, пока газета басом читается перед микрофоном. Владельцы басов называются дикторами, обязанность их произносить напечатанные на машинке слова, но самим в это время не думать.

Крестьяне в деревнях слушают газету. Слово и мысль возбуждают их либо на действия по изменению своего хозяйства и

жизни, либо на новые слова, — в обоих случаях они снова пишут в редакцию письма, и газета снова живет и питается ради наступления социализма среди изб и пахотных угодий.

О том, как слово из радиогазеты, произнесенной диктором перед микрофоном в студии, доходит до крестьянского уха, мы расскажем в другой раз.

<Конец 1928 г.>

ЗА БОЛЬШЕВИСТСКОГО СЧЕТОВОДА В КОЛХОЗЕ!

(Заметки разъездного корреспондента)

Велики наши заволжские степи, и почва в них настолько обильная и сытая, что ее, кажется, можно есть сырой. И действительно, в те солнечные, душные дни, когда ночью минула гроза, вся степь пахнет печеным хлебом и молоком, — особым благовоением теплого творога, поднимающимся из материнских недр свежей природы. Но напрасно лежит это громадное поприще человеческих богатств, эта хлебная руда, способная утолить сотни миллионов людских существ. Бедняки и середняки спокон века живут на здешней земле, но черпают из нее не утоление, а утомление; в засушливые же годы многие из них легли под кресты деревенских погостов.

Когда прохожий вступает из степей в село, то он не понимает, почему на такой земле, где вспаханная вечером зябь к утру покрывается сплошной травой, — почему на этой земле хижины крестьян настолько убоги, что, кроме глины, соломы и плетней, в них нет ничего, да и то все жилище подперто жердями от ветров, — и почему сами труженики имеют мелкое тело, точно их предки никогда густо не ели.

Не выходя из села, можно разгадать это обстоятельство. Прохожий видит, что кроме хижин в селе есть еще и кирпичные двухэтажные дома; к тем домам примыкают громадные дворы, наполненные различными деревянными постройками. Уже в самой небольшой деревне дома два-три таких есть. С околицы же можно наблюдать невдалеке усадьбу, поставленную в открытом месте, — нечто вроде отруба или дворянской феоды. В самом селе, далее, вы можете разглядеть и несколько десятков более исправных изб, чем хижины, подпертые жердями. Исправные строения покрыты зачастую железом, имеют вдобавок крытые дворы, где в уюте гнездится скот, и прочные ворота, хранящие единоличное царство среднего мужика.

Такая архитектура заволжской деревни открывает прохожему всю тайну жизни в степи, тайну голода и труда на пышной земле, где любая тварь сыта, а неимущий, но работающий человек был измучен.

Все вещество труда, скопленное тяжким усердием батраков, бедноты и отчасти середняков, собиралось в кирпичные крепости

кулаков и на усадьбы сотен мелкопоместных, но тем более яростных, желавших быстро стать крупными, помещиков. Эксплуататоры густо, в шахматном порядке сидели на заволжской земле и держали большинство крестьян меж крепкими изгородями нужды. Это едкое, измощающее угнетение, помноженное на засушливый климат Поволжья, сделали жизнь бедняка скорбью и смертью, несмотря на плодородие безграничных земель. Именно в здешних деревнях родилась удивительно-рабская премудрость: «Не загон кормит, а кулига», то есть пусть сохнет и пропадает весь мой надел, лишь бы на кулиге, на маленьком участке, что-нибудь выросло; дескать, труд мне не дорог, моя кровь и мой пот на пашне и я сам — ничто; весь свой долгий летний труд я готов отдать за два мешка хлеба на зиму.

Свирепая, плотная эксплуатация кулачья родила в бедноте еще и не такую «мудрость» и не такую «душу».

Когда я был в районе Якушкинской МТС, то видел старшего тракториста, татарина. Этот парень знал трактора и прицепы на большой палец, но младшие рулевые его не слушались, и старший тракторист не имел характера им приказать что-либо, когда рулевые работали неправильно. Кулаки и муллы вырвали с корнем из татарской бедноты всякую веру в себя, всякое самоуважение и силу воли. И в последнем потомке, старшем трактористе Якушкинской МТС, идеологическая работа мулл и кулаков еще сказалась. Тракторист мило и человечно улыбался, просил, где нужно приказывать, и страдал, где требовалось побеждать, — остаток раба все еще сидел в этом молодом, талантливом человеке.

Но пойдем далее по степной дороге. В Ульяновском округе мы можем встретить колхоз «Батрак», состоящий сплошь почти из бывших батраков, трудившихся ранее у мулл и кулаков. Однако весной маленькая группа верных колхозников была загнана муллами и кулаками в подполье, а тракторная колонна МТС пришла под охраной, причем передним трактором управлял слесарь Андрианов, директор Якушкинской МТС. Когда в трактор Андрианова кто-то из толпы бывших колхозников-батраков бросил топор, то Андрианов поднял его и отдал обратно, говоря: «Возьми, товарищ, тебя довели до этого, но твоя курица не склюет трактора!»

МТС не испугалась кулацко-мулльского штурма, не отдала инициативы в руки врага и мужественно взялась за пахоту батрацкой земли, и земля эта вновь стала колхозной, а образумившиеся колхозники-батраки обнимали закопченных рулевых. Такая же приблизительно история была в колхозе «Путь Ленина», село Средний Сантимир. Но МТС и там быстро ликвидировала перегибы, и обобществленная по головокружению курица не расклевала трактора.

Отсутствие серьезной, массовой разъяснительной работы, присутствие перегибов и наличие яростной пропаганды кулаков и мулл привели даже батрацкий, дружный колхоз к распаду. В самом деле, когда сегодня обобществляли овцу, то мулла говорил, что завтра обобществят курицу, а послезавтра и жену. И вот наступало завтра — курица, по слову муллы и кулака, действительно обобществлялась. Тогда, чтобы не иметь «послезавтра», когда возьмут и жену, батрак и бедняк покидал колхоз, он убеждался, что мулла прав.

— Перегибщик, — говорят теперь колхозники (так и говорят «перегибщик»), — он плох, он весной мулле поцеловал...

Вот и вся тайна «левых» и правых. На практике это доходит до кулацкого топора, брошенного в трактор рукою батрака, вчерашнего колхозника. И все же сила партии, сила батраков сильнее и левых и правых, и мулл и кулаков: колхоз «Батрак» сейчас живет и развивается.

Тяжела поэтому была весенняя вспашка для Якушкинской МТС. Трактора пахали не только землю, но должны зарыть в нее еще и кулаков с муллами, то есть экономически ликвидировать кулачество.

Ну и что ж, зарыли или нет? Зарыли, да, потому что колхозный урожай выше единоличного, колхозник трудится меньше, доходу получает больше. Это действительно по всему району Якушкинской МТС. Однако директор МТС Андрианов говорит, что кулак, это существо слабо умирающее: если кулак весной способен был ехать верхом на курице, то в уборочную кампанию, при дележке доходов внутри колхоза, он может вылезти из своей запаханной могилы.

— Этот охотник за черепом революции враз не умрет, — сказал Андрианов. — Только нам не надо оставлять живого места для его удара.

— А что такое живое место?

— Это наши ошибки и слабость работы. И, может быть, даже трудности роста.

Но все же интересно и полезно было узнать, что делает кулак сейчас, где проходит его «генеральная линия», каким способом он прельщает массы к себе.

И, сообразив так, я пошел искать случая попасть в гости к кулаку, чтобы разглядеть его в близкое лицо.

*

На колхозных сходках обращали на себя внимание немногие люди, чаще пожилого возраста, которые обычно не высказывались, но охотно поднимали руки при голосовании, и на лицах их

была обозначена постоянная готовная умильность. В сложнейших вопросах колхоза такие люди как бы всецело полагались на мудрость руководителей, ничуть не помогая колхозу приобретать коллективного хозяйственного опыта. Это было способом прослыть покорным колхозником и вместе с тем не помогать активу колхоза исправлять ошибок, а, напротив, слепо соглашаться с ними, держа тихий курс на разложение колхоза. Но такие со всем согласные, преданные с виду люди ничем явно вредным не проявляли себя, никаким кулацким словом или действием, и я оставил их, чтобы вскоре нечаянно встретить в другом месте.

Однажды вечером шел по деревенской колхозной улице не очень старый старик и всем кланялся. Я пошел за ним, и к ночи мы дошли до села, кажется, Чердаклы, Ульяновского округа. Старик признал во мне сезонника и не стал скрываться. В Чердаклах мы стали на ночлег, и к старику пришли двое колхозников, из тех, которые держат себя смиренно и всегда единогласно. Они начали говорить, что в колхозе народу хорошо, но в царстве божьем будет еще лучше. И старик им объяснял далее, что колхозы суть подобие царства божьего, так же как сатана есть подобие господя бога; но нужно терпеть и надеяться, что лживый дух дьявола скажет вскоре и настанет пора великого раздора и разъединения.

Два премудрых колхозных собеседника согласились со стариком; они сказали, что дьявол сильно счет любит, но еще не научился ему, — и после уборки урожая начнется весьма яростная вражда за душевой доход. И эта вражда будет велика, потому что труду велся плохой счет. Старик добродушно подтвердил эту грядущую вражду, но не давал совета покинуть колхоза до времени, — наоборот, он советовал больше говорить с колхозниками о царстве божьем, об этом истинном голубом колхозе, и пусть все просветившиеся тихо, поодиночке оставят место, где господь бог передразнивается сатаной, — наиболее же мудрые должны оставить колхоз последними, дождавшись выхода всех.

Выслушав все, я увидел, что активный кулак и подкулачник теперь старается скрываться в глубине колхоза, а не вне его. Политика же кулака и бывшего зажиточного приобрела до времени религиозную форму, чтобы в удобный момент мгновенно сбросить с себя этот тайный наряд. Следовательно, кулак сейчас действует под видом набожного человека, ибо вера колхознику не запрещена, и стремится остаться в колхозе до конца, то есть до его разгрома.

Спустя время, я еще раз встретил кланяющегося всем встречным людям старика. Он кланялся не только прохожим, но и пролетающим птицам и даже бредущему степному ветру. Наша встреча состоялась близ села Лебяжьего, Мелекесского района.

Старик был сейчас радостен, добр и легко открывался моему вниманию. Он уже верил мне теперь вполне и дал рубль на харчи. Значит, хорошо шли дела у этого пешего кулацкого агитпропа. Какие же эти хорошие дела?

Достигнув Лебяжьего, я узнал причину стариковской радости и то, почему благообразный старик спешил именно сюда.

На Ильин день в Лебяжьем случилась сильная гроза. От удара молнии загорелось два дома, и, кроме того, тою же небесной электрической искрой был поражен один местный человек, — как говорят, колхозник. Колхозника закопали наполовину в землю, и он выздоровел от грозовой контузии. Одним словом, над большевизским колхозом разыгрались неистовые силы верхнего божьего царства, то есть — по слову кулаков, спрятавшихся в религию, — истинного колхоза. Такой редкий случай заставил местные кулацкие силы мгновенно выйти из своего религиозного убежища и заняться прямой политикой. А именно: зажиточные пытались бросить в запылавшие от молнии избы тело председателя сельсовета. Они, умолкшие было кулаки, в грозе и буре увидели своего союзника: ведь молния, бьющая в колхоз, разве это не кулак бога, не огонь из трубы райского трактора, и разве нельзя вокруг этого явления сплотить против бедняцкого земного колхоза толпы безумных, уstraшенных одиночников, и даже часть колхозников?

Вот почему старик-проповедник спешил побывать в Лебяжьем, и вот чему он был явно рад. Грозное дело в Лебяжьем кончилось, конечно, не так, как хотелось кулацкому фронту. Но старик рассчитывал, что грозы и бури на небе будут еще в августе и они совпадут с дележкой добычи урожая — с бурей и грозой внутри колхозов. И тогда рука божья, может быть, сомкнется с мужицким кулаком. Возможна, конечно, и другая комбинация — не обязательно молния с неба.

После Лебяжьего я отправился в село Майну, а старика утратил навсегда. Во всяком случае, он в Майну не пошел, так как в Майне и без него единый русско-чувашский колхоз распался на два национальных колхоза. Может быть, этот благостный, вещающий православие старик отправился на Сабакаево, где шесть наций дружно живут в одном, нераздельном колхозе, дабы там сказать старым мусульманам-колхозникам, что их всех скоро сделают свинными пастухами.

*

Проходя мимо одного тракторного отряда, я спросил у молодого татарина-тракториста: тяжело ли ему работать.

— Пускай тяжело, — ответил он, — мне сейчас двадцать, а когда будет двадцать восемь, то будет легко и коммунизм.

— Почему?

— А ты знаешь счет — считай: через три года пятилетке конец, сплошной коллективизации — конец, а вторая пятилетка кончится — сплошной коммунизм начнется. Восемь лет!

— Правильно, — ответил я. — Восемь лет — недолго!

— Совсем скоро, — произнес тракторист. — Мы еще успеем жить. Мне будет двадцать и восемь лет! А тебе сколько?

— И я успею, — сообщил я. — А кулаки и муллы что делают у вас?

— Одноличные морды говорят, хлеба с колхоза больше бери, а мало отдавай.

— А вы как будете?

— А мы возьмем, сколько съедим, а много отдадим на новую жизнь.

— Сумеете сосчитать без ссоры?

— Нет, — сказал тракторист. — Есть плохие люди, плохо жить хотят, числа не знают. Никто числа на бумаге не знает...

*

Товарищу Андрианову я не успел высказать своих наблюдений о кулаке. Директор Якушкинской МТС сам мне сказал, что ближайшее место, где состоится битва коммунизма с остатками кулачества, — это распределение урожая в колхозах. Именно сюда, в дележку, двинет кулак все свои наличные и союзные силы. Но Андрианов сумел уже предвидеть этот грядущий бой и отправил «на фронт» серую пехоту счетоводов. Он провел через райком мобилизацию счетоводов из всех местных органов, снял прежде всего счетоводов из конторы своей МТС, — и таким образом собрал 15 человек. Теперь каждый колхоз, обслуживаемый МТС, имеет своего счетовода, который исключительно сидит на учете труда — количества и качества его — каждого колхозника и на определении его доли в урожае.

Подкулацкие силы, которые заговаривают внутри колхозов при дележке, встретят компетентный справедливый расчет труда и добычи, и будут поражены.

— Счетовод — вот кто должен стать большевистским, колхозным героем! — говорил Андрианов. — Этот малозаметный почему-то человек теперь призван стать передовым большевистским солдатом в классовой битве с кулаком! Посредством счетовода в колхозе мы сделаем железное единство в колхозе, опрокинем остаточного кулака, привлечем новых членов и войдем в зиму еще более крепкими, чем были весной и летом!

Пример товарища Андрианова — мобилизацию счетоводов в колхозы, на распределение урожая — должны немедленно перенять

все МТС, все колхозные объединения, все местные, краевые и центральные организации.

Счетовод, это в теперешних наших <условиях> инструмент победы над кулаком и его влиянием в колхозе; счетовод, это человек, который изложит цифрой всемирную победу колхозного движения над единоличной нищетой и над кулаком, который, если мы не пошлем в колхозы советских счетоводов, оставит своего господина-бога и сам станет счетоводом.

<Август 1930 г.>

ПО ЗАВОЛЖСКИМ МТС

(Заметки разъездного корреспондента)

Районы действия приволжских и заволжских МТС (примерно бывший Ульяновский округ) характеризуются довольно низким процентом коллективизации. Например, по Выровской МТС этот процент равен приблизительно 25; по Чердаклинской — около 20; по Мелекесской — несколько выше 40%; по Якушкинской — около 25% и т. п.

Приток в колхозы, обслуживаемые МТС, сейчас еще невелик, но постепенно повышается. Вхождение в колхозы новых членов объясняется почти исключительно производственной работой МТС, ибо надо прямо сказать, что разъяснительная работа либо вовсе не ведется, либо ведется редко и случайно, — особенно сейчас, во время уборки и подготовки к осенней посевной. Производственный же пропагандистский эффект МТС весьма велик и сам по себе сокращает кулацкую контрпропаганду. По колхозам Выровской МТС урожай яровых, например, выше урожая единоличников на 25%, а иногда и на 50%. Та же картина и по заволжским МТС.

Но еще нельзя сказать, что уже в нынешнем году механизированные колхозы дадут колхозникам достаточное материальное благополучие. Мы не в силах в течение одного года ликвидировать вековую нищету края, образованную засильем кулаков и помещиков, исключительно экстенсивным зерновым способом хозяйства и засушливостью климата.

Если мы возьмем село Екатериновское (Майнский район), то, по данным местных агрономов, чистый ежемесячный доход на середняцкую семью здесь равен десяти рублям. Эта цифра ярко показывает — с одной стороны, как велико здесь было классовое истощение трудового хозяйства кулачеством и, в прошлом, помещиками, а с другой стороны — на крайне низкую технику и организацию крестьянского хозяйства, обусловленную в конце концов тем же феодально-истощающим устройством общества. При этом надо помнить высокое качество заволжской земли и довольно большие нормы землеобеспеченности. Оказывается, что ни то, ни другое не помогает при экономическом господстве кулаков и при засушливом климате.

Теперь в селе Екатериновском есть колхоз имени Красного Путиловца, обслуживаемый Выровской МТС. Ожидаемый чистый доход на колхозную семью равняется восемнадцати — двадцати

рублям в месяц; в то время как семья единоличника по-прежнему будет обходиться десятью рублями. Иначе говоря, за первый же сезон ведения механизированного коллективного хозяйства бедняк и середняк почти удвоил свой доход.

Однако доход колхозника мог бы быть увеличен и еще более разительно, если бы МТС работали более рентабельно. Рентабельность же эта сильно снижается низким процентом коллективизации, благодаря чему создается чересполосица колхозных и единоличных земель и трактора работают на маленьких массивах, с частыми переездами с одного массива на другой. Весенний сев по Мелекесской МТС происходил, например, в 100 местах, а по Якушкинской МТС отдельные трактора забрасывались на 70 километров от энергетического центра! Легко понять, насколько такие огромные и частые холостые пробеги, а также затрудненность подвозки горючего, невозможность технического надзора и прочие обстоятельства снижают в целом рентабельность МТС.

Чем это объясняется? Исключительно низким процентом коллективизации, при котором колхозные земли представляют лишь оазисы среди единоличных массивов. Дело доходило до того, что Якушкинская МТС не имела в радиусе 15–20 километров достаточного количества колхозных земель для загрузки своих машин, поэтому вынуждена была «разыскивать» земли дальше.

И вот обратный образец работы, когда МТС имеет вблизи себя большой массив. Колхоз «Путь Ленина» расположен в селе Чердаклы и обслуживается Чердаклинской МТС. В колхозе 410 дворов, примерно около 30% всего состава села. МТС добилась здесь такого увеличения посевной площади, такого качества и своевременности обработки земель и — в конечном счете — повышения урожайности, что в нынешнем году «Путь Ленина» сдаст около 65 тысяч пудов товарного хлеба, тогда как все село Чердаклы сдало в прошлом году (хорошем по урожаю) лишь 20 тысяч пудов. А ведь в селе было 1200 домохозяев, тогда как в колхозе лишь 410!

Главная задача для заволжских МТС — это содействие росту коллективизации, улучшение «землеустройства» своих районов, путем увеличения массивов и уменьшения их числа, за счет единоличных земель, включенных в колхозные площади. Это обстоятельство намного повысит эффективность работы тракторного парка и сделает выгодность колхозного механизированного хозяйства еще более высокой и ощутимой для каждого колхозника и для каждого единоличника.

*

Отмечая отсутствие массовой разъяснительной работы со стороны работников МТС, надо сказать, что и райколхозсоюзы

этой работой занимаются без особого прилежания. Райколхозсоюзы имеют зуд покомандовать МТС, вместо того чтобы помочь бедняку и середняку-единоличнику найти свою дорогу в коллектив и этим самым, увеличив колхозные массивы, повысить эффективную работу тракторов, что само по себе потянет единоличников в колхозы. В развитии разъяснительной работы, в доведении до сведения единоличников всех успехов работы колхозов и МТС — сейчас заключается главная задача для районов с процентом коллективизации ниже пятидесяти. При успехе этой кампании, мы в будущем году можем доход колхозника, даже в самых отсталых экстенсивных районах, приблизить к заработку хотя бы чернорабочего в городе.

*

При таком положении первостепенное значение приобретает работа МТС с единоличниками. Скажем кратко, эта работа ведется плохо. Правда, все МТС отпускают для бедняков-единоличников по низкой расценке сельхозмашины (втрое-вчетверо дешевле, чем раньше ссужался бедняк у кулака); но этим дело и кончается: машина играет лишь техническую роль, а не политическую. В отдельных же случаях — например, в районе Якушкинской МТС — работа с единоличниками ведется более удовлетворительно (село Старая Бесовка). Здесь найдены правильные способы обслуживания завтрашнего колхозника. Из единоличных бедняков и середняков, желающих пользоваться МТС, создаются группы. Земля таких групп устраивается таким образом, что она становится соседней с колхозным массивом, — и запашка, посев, равно и уборка происходит на единоличной земле заподлицо с колхозной. Обычно после весновспашки такие группы единоличников уже переходят на устав ТОЗа; после же уборки все эти группы бедноты и середняков войдут целиком в колхозы. Таков легчайший способ перехода единоличников в колхозы, применяемый в районе Якушкинской МТС. Он, этот способ, начинается с прирезки земли единоличников, обратившихся за помощью к МТС, к ближайшему колхозному массиву. И обычно уже при первой массовой полевой работе единоличники «не выдерживают» и смешиваются с колхозными рядами.

*

Ни в одной из заволжских МТС нет механического транспорта. Старший механик, агроном, разъездные механики, директор и другие руководители или квалифицированные мастеровые ходят на тракторные отряды пешком, либо ездят на лошади, если ее еще не загнали до измождения. Тракторные же отряды зачастую нахо-

дятся от станции за 30—40 и 50 километров. Ясно, что пешее техническое и организационное руководство делается невыполнимым. Ясно, что если у далекого трактора случилась неполадка или потребовалась запасная часть, то он будет стоять двое суток, вместо двух-трех часов, ибо бежать на станцию за механиком и запасной частью надо иногда 70 верст, считая в оба конца. Можно без преувеличения сказать, что если бы на каждой МТС был один «Форд», то сотни часов простоев тракторов свелись бы к нескольким часам. Далее, технические, агрономические и политические работники МТС могли бы каждый тракторный отряд, каждый колхоз посещать не реже одного раза в три дня. Теперь же, благодаря пеше-конному транспорту, такие посещения бывают не чаще одного раза в две недели, считая до средне-удаленного отряда. При малочисленности агротехнического руководства, при мало-квалифицированности тракторных кадров отсутствие механического транспорта в МТС означает совершенно непонятную штуку, нечто вроде вредительства. Ведь если МТС есть замкнутый круг механизированного сельского хозяйства, то тот, кто не посчитался с важнейшим звеном этого круга, с кадрами, кто обессилил эти кадры, сделав их беззащитными в пространстве, тот разорвал всю цепь механизированного хозяйства, — тот обрек тракторы на простой, людей при тракторах оставил без помощи и затормозил всю вращающуюся систему работы МТС. Одно это уже понизило, вероятно, работоспособность МТС и темп коллективизации не меньше как на 10%. Тут была совершена огромная организационная ошибка.

Все работники МТС в один голос говорят:

— Дали бы нам лучше не 43 «Интера», а 42 и даже 40, но обязательно прислали бы один «Форд». И мы на 40 «Интерах», при одном «Форде», сделали бы больше работы, чем на 43, но без «Форда».

Спрашивается, в чем же здесь затруднение? Ведь стоимость «Интера» или «Джон-Дира» и «Форда» примерно одна и та же. Почему бы сразу не дать МТС на один трактор меньше, но на один «Форд» больше. Валюты истратили бы ведь ровно столько же! А теперь как это исправить, когда сезон проработали пеше-конным способом, когда уже набезобразничали, замучили людей и машины, когда не одна тысяча тонн зерна, благодаря отсутствию «Форда», ушла из-под стоячих тракторов!

Трактороцентру надо понять, что каждая МТС должна обязательно иметь «Форд» и грузовик, хотя бы за счет уменьшения тракторного парка, иначе трактора будут болеть сиротами в степи. МТС без «Форда» это трактор без руля, и нечего гнаться за

мертвым количеством тракторов, — надо гнаться за тем, чтобы все наличные трактора были «живыми» и работали.

Эту ошибку надо исправить немедленно, не упуская осенней кампании, дабы сразу получить резкое улучшение работы МТС.

*

В одной из заволжских МТС я был свидетелем такой выразительной и торжественной картины: 14 лошадей взмыленных почти одновременно примчались к избушке, в которой помещалась контора МТС, и на тех 14 лошадях сидели верхом 14 человек.

Что это значит?

Директор МТС показал мне 2 телеграммы: первая телеграмма была из Трактороцентра, — в ней приказывалось ежедневно телеграфом давать сведения об уборке, молотье и сдаче хлеба, не подразделяя на культуры; вторая телеграмма была из Крайтрактора, из Самары, она приказывала давать то же самое, но по каждой культуре отдельно. И вот, во время уборки, когда каждый человек, каждая лошадь стоят столько же серебра, сколько весят они сами, 14 человек и 14 лошадей срываются с уборочных пунктов и несутся к станции во весь карьер, дабы доставить бумажку с экстренными сведениями. А что случится, если эти сведения давать раз в пятидневку? Знают ли в Крае и Центре, что ежедневная телеграфная сводка только по одному округу стоит не менее тысячи рублей? Теперь помножьте тысячу на число округов, где есть МТС, и получится стоимость сводки в Центре.

В Крае и Центре, вероятно, убеждены, что на местах в каждой избушке, в каждой деревне есть телефоны и люди работают шутя.

*

Необычайно жаль, что такая прекрасная по замыслу и результатам организация, как Трактороцентр, уже попала в бюрократическое ущелье, и бьется в нем, истощая силы.

Трактороцентр присылает ежедневно каждой МТС не менее 3 циркуляров, иногда же сразу 10. В этих циркулярах излагаются зачастую самые общие политические идеи, точно на станциях работают младенцы, а не ответственные коммунисты. Там же, где чуть пахнет делом или новым предложением, циркуляр пишется бредовым стилем, суть которого в том, чтобы директор исполнил циркуляр, но так, чтобы Трактороцентр, если случится неудача, ни за что не отвечал.

Директора МТС дают руководству Трактороцентра единодушную отрицательную оценку:

— Все, что они нам пишут, — говорят они, — либо мы сами знаем и уже делаем, либо в газетах давно прочли, либо абсолютно

невыполнимо, либо содержит какой-нибудь пустой либеральный совет, вроде беллетристики.

Что касается Крайтрактора, то он для МТС совершенно бесполезен. Ни одна МТС за все время существования не видела от Крайтрактора никакого толку. Все отношения МТС и Края ограничиваются посылкой в Край копий всего того, что пишется в Центр. Иногда же Край запрашивает какие-нибудь шаблонные сведения, — тогда МТС отвечает ему, а копию в Центр. Вообще Крайтрактор это не орган, а копия. Но вот Окртрактор это уже не мертвая копия, а живая вредная организация.

— Нам этот Окртрактор совершенно не нужен, он нам мешает, — говорят и старшие механики, и агрономы, и директора МТС. — Недавно приехал технический инспектор Окртрактора, назвался инженером-механиком, поехал собирать сложную молотилку, а после него нам пришлось ее разбирать... Что они, учиться сюда приезжают, командовать или работать!..

В Окртракторе есть какие-то агенты по снабжению. Хорошо, пусть снабжают. На самом же деле из-за отсутствия ушивочного ремня и простых тряпок стоят молотилки.

Мало того, запасные части идут на МТС через тот же Окртрактор (последний усиленно забирает под свою власть все и всяческие функции). Что же получается? Запасные части идут в округ, получают их, распаковываются, вновь запаковываются и отправляются на МТС. Время, истраченное Окртрактором на эти дела, есть срок лишнего простоя тракторов. Таким образом, Окртрактор есть учреждение, энергично помогающее простоям тракторов. Но это не все. Дабы усилить простои, запасные части посылаются не прямо туда, где они нужны, а на групповую МТС, которая, подержав в руках ящичек с частью, истратив на это держание сутки или двое, шлет наконец эту запасную часть на вопящую МТС.

Примеры вредоносной деятельности Окртрактора можно умножить. Например, мы не сказали, как Окртрактор старается, чтобы выказать свою энергию, засыпает запросами МТС, совершенно бездельными и глупыми, а работники МТС усердно на них отвечают, оставив в стороне свои боевые дела.

Но ведь, скажут, округа ликвидируются! Да, но будет обязательно придумано что-нибудь их заменяющее. Например, какие-нибудь уполномоченные Крайтрактора и т. п.

Мы предлагаем реорганизовать систему Трактороцентра, внимательно выслушав тех, для которых городится весь этот огород, то есть МТС. Иначе мы замедлим дело механизации коллективного хозяйства, иначе мы истратим лишние миллионы рублей и заставим работать сотни людей себе во вред.

*

По эту и по ту сторону Волги МТС не имеют своих баз (мастерских, гаражей, домов и т. д.). Временно МТС расположены в селах или даже в двух-трех избушках и в одном полевом вагончике среди степи (Якушкинская МТС). Базы для МТС только начаты постройкой, причем из-за нехватки рабочих рук положение создается катастрофическое. Если к осени ремонтные мастерские не будут достроены, то весенний сев будущего года может оказаться сорванным. Например, в Чердаклах строится ремонтная мастерская для трех МТС: для Выровской, Мелекесской и самой Чердаклинской; но сейчас постройка не ведется. И если не будет прислано 60 плотников и 40 каменщиков, то сто с лишним тракторов останутся без ремонта и не смогут весной 31-го года выехать на работу. Вот здесь-то и нужна экстренная помощь Центра, Края и Округа. На самом же деле никто, кроме директоров МТС, не беспокоится. Директора же,

<Окончание автографа утрачено.>

<Август 1930 г.>

О НЕУВЯЗКАХ И НЕПОЛАДКАХ

(От нашего специального корреспондента)

При посещении совхозов и колхозов прежде всего бросается в глаза отсутствие питания для ламповых приемников. Из тех точек, которые я посетил, не работало по указанной причине около 70 процентов. По данным крайсовета ОДР, в Средневолжской области из-за отсутствия питания молчат 85 процентов установок. Это оказывает, конечно, деморализующее влияние на радиолюбительское движение.

Если приемники и дальше будут молчать, то наиболее ценные, наиболее одаренные члены ОДР найдут применение своим силам в других областях советского строительства и кадры ОДР растут.

Но недостаточно наладить снабжение мест радиоаппаратурой и материалом. Надо это снабжение наладить хорошо.

В Мордовскую область по разнарядке Центросоюза в марте было отправлено 176 БЧЗ. Все приемники оказались некомплектные. Мало того, и те части приемников, которые прибыли, на 80 процентов оказались негодны: либо совершенно не действуют, либо побиты от неправильной упаковки. Все приемники были возвращены в культбазу Центросоюза.

Такое отношение к радиолюбительству хозяйственных и снабжающих организаций находится в какой-то связи с общим положением ОДР в системе добровольных обществ.

Так, Самарский горсовет наотрез отказался вступить юридическим членом в краевой совет ОДР. В протоколе № 31 от 8 августа 1931 г. так и написано: «отказать» — без всяких мотивировок и объяснений. Профорганы также позабыли о существовании ОДР. Даже комсомол не помогает ОДР.

Например, радиолюбители Самары под руководством ОДР проработали и выдвинули встречный план по подготовке из допризывников 250 человек коротковолнников (план встречный, задание ЦС — 150 человек). Были сделаны все соответствующие приготовления к курсам, налажена связь с комсомолом, который и должен был дать курсантов. Но комсомол прислал всего 5–6 человек. Курсы были сорваны.

Работа самого краевого совета ОДР страдает многими недостатками. Уже два года в крае не было ни съездов, ни конференций,

ни пленумов ОДР, — не считая нескольких райконференций, имевших место в прошлом году.

Добрая половина времени постоянных штатных работников крайсовета (инструктор, управделами, секретарь) уходит на заботу о мастерской. Мастерская — самое оживленное место в работе крайОДР. Нужно силами всего актива устранить настроение заброшенности и уединенности, которым потворствует безответность и некоторая пассивность самого ЦС.

Местные работники жалуются на молчание ЦС, на запросы о самых больных, острых вопросах радиолобительского движения. Молчание ЦС равносильно демобилизации мест.

Все это отваживает рядового радиолобителя от ОДР — в Самаре 5000 радиолобителей, а членов ОДР всего 400 человек. А в крае в ячейках 24 500 человек, а всех радиолобителей — около 50 000. Половина — «диких».

Радиоузлы в совхозах, МТС и колхозах возникают большей частью самостоятельно и работают без всякой помощи организаций ОДР. Группы радиолобителей при узлах, без связи с край- и райОДР, живут самостоятельной жизнью, не включенные в общий поток радиоработы, питаясь лишь энтузиазмом своих членов.

Во время посевной кампании самарские радиолобители — члены ОДР, включились бригадами в кампанию и достигли значительных результатов в деле помощи посевной. Все движение от этой конкретной реальной работы сразу получило мощный толчок. А в уборочную краевые организации не дали средств ОДР, и сбор урожая, распределение доходов в колхозах — важнейшие политические кампании — прошли мимо ОДР.

Взгляд на радиолобителя как на частного, закабаляющегося гражданина, а не на участника социалистического строительства, имеет место и в совхозах, и в колхозах.

Этому взгляду опять-таки помогает слабость организации ОДР и отсутствие освобожденного секретаря ОДР. Районный секретарь ОДР есть центральная рабочая фигура работы на местах ОДР. От работы райсекретаря зависит успех (на нынешнем этапе) всего дела, всех задач ОДР. Без райсекретаря невозможно осуществить цели ОДР. Для достижения этих целей нужно иметь на местах платных, освобожденных райсекретарей, всецело поглощенных деятельностью в сфере ОДР.

Я нарочно останавливаюсь на недостатках, почти исключая некоторые успехи в работе самарского крайОДР и района, ибо мы нуждаемся в первую голову в устранении недостатков — этих препятствий к успехам. Об успехах же я напишу особо.

<Конец августа 1931 г.>

ПЬЕСЫ

ДУРАКИ НА ПЕРИФЕРИИ

АКТ I

Русская уездная квартира: комната, кровать, письменный и обеденный столы, радио шипит без толку, две двери, два окна.

Сумерки.

Глеб Иванович, письмоводитель милиции в полумилиционной одежде, болезненный человек, и Марья Ивановна, обильная женщина. Играют в козла. Радио.

Глеб Иванович. И вот, все пишут и пишут газеты: книги в массы, радио в массы, автомобили в массы... там что еще, — культуру — тоже в массы... Прямо как кирпичи летят. Это им сверху так кажется, что внизу массы, а на самом деле эти массы и есть отдельные люди, вроде меня, и даже любящие... Козлом вы остались, Марья Ивановна. И, например, любовь. Вам сдавать, Марья Ивановна. Выйдешь в поле, птички поют, луна держится. А в милиции у нас сапогами пахнет. И все приводы и приводы — пьяных. А пьяные все знакомые, и регистрируешь на память: лучше б они не приходили... Хожу под вас с пикей, Марья Ивановна. А вы говорите — жизнь! Грущу я все время от ваших слов, Марья Ивановна, и собираюсь в губгород уехать — на время, конечно, так как не могу от вас своими силами оторваться...

Марья Ивановна. Грустный ты человек, Глеб Иванович. Надоели вы мне все, скорбящие. Хоть бы ты скорее в начальники выходил. Живу я среди вас, и презираю.

Глеб Иванович. Бью валетом.

Марья Ивановна. А я бы с моим удовольствием в милицию поступила. Я бы ваших пьяных сразу всех в православную веру поставила бы. Сама бы ходила с револьвером, в сапогах и в галифе. Пила бы за всех пьяниц сразу и любовников выбирала бы по своему усмотрению, которые нравятся... И ездила бы верхом, как начальник милиции.

Глеб Иванович. Что это вы говорите, Марья Ивановна, какие слова вы все повторяете... Берите вина.

Марья Ивановна. А когда ты мне чулки принесешь? — вторую неделю обещаешь.

Входит муж Иван Павлович, пожилой человек, уезженный временем, с невероятными усами.

Иван Павлович (*раздеваясь, снимая сапоги и подвешивая их в специальном мешочке на специальном блоке к потолку, вешая на гвоздь пиджак, оставшись в чулочках и жилете*). В козла играете? — а коз небось не подоила? Здравствуйте, Глеб Иванович. (*Указывает на радио.*) Заткни дьячка.

Глеб Иванович. Мое почтение, Иван Павлович, — как поживаете?

Иван Павлович. Спешу... Маша, убирайся скорее. Сейчас отзаседает текущие моменты и явится...

Глеб Иванович. И как теперь выражаются: вы не знаете, Иван Павлович, как, например, моменты могут течь?

Иван Павлович. Как они текут, меня не касается. Сейчас комиссия придет, отзаседает моменты и придет.

Глеб Иванович. Какая комиссия?

Иван Павлович. Узкий состав охматмлада, — охрана матерей и ихних младенцев... А вы разве не знаете? (*К Марье Ивановне.*) Придет обследовать социальное положение, основные статьи нашего бюджета, как живем и на что расходуемся. Убирайся лучше. Чтобы пострашнее было.

Глеб Иванович. А мы тут с Марьей Ивановной обсуждали про милицию. Очень хочется ей стать милиционером.

Иван Павлович. Она еще и не такого захочет, только допусти ее до нашего уровня положения.

Марья Ивановна. С вами захочешь... А доктор документ дал?

Иван Павлович. Дал. Беременна. Вставай, убирайся лучше.

Марья Ивановна. А раз я беременна, убирайся сам.

Иван Павлович. Опять скандалишь?

Марья Ивановна. Раз я беременна, мне двигаться невозможно. Ты мудришь, а я тебе не потатчица в твоих мудрованиях.

Глеб Иванович. Марья Ивановна, вы беременны?

Иван Павлович учиняет в доме малый погром, растаскивает стулья, вынимает грязную ветошь, переворачивает некоторые вещи вверх дном.

Глеб Иванович (*в волнении*). Иван Павлович, объясните толком причину происхождения комиссии.

Иван Павлович (*кричит во внутреннюю комнату*). Катка, иди помогать отцу! (*Глебу Ивановичу.*) От первой жены в до-революционный период...

Входит двенадцатилетняя дочь Катя.

Иван Павлович (*дочери*). Положи на стол вареной картошки, со шкуркой. Ешь жмых. Кинь шубу на кровать.

Катя приносит старый кожух. Иван Павлович и Катя работают над устройством квартиры, лишь на письменном столе наводя тщательный порядок.

Иван Павлович. От первой жены в дореволюционный период у меня суть трое детей. Один на рабфаке, другой сын остался расти при старой жене, когда мы развелись. Катька при мне. И я считаю — прилично и достаточно. У немцев есть «цвай-киндер-системе». После революции я рожать не могу. Я получаю по седьмому разряду семнадцатиразрядной сетки, а нагрузку от меня отняли. Пускай рожают руководящие лица. Я родить не могу.

Глеб Иванович. Да вам и невозможно, Иван Палыч.

Катя. А вот есть стихи, пионеры поют:

По неизвестным никому причинам
Постановила нарком Коллонтай,
Чтобы рожали только мужчины,
Хочешь не хочешь, лопай, а рожай.

Иван Павлович. Цыц, ты!.. Это только так говорится, что женщины рожают. А теперь, хотя в городе и равенство на женщин, а все расходы на мужчинах. Ты эти песни брось, я их уж слышал по трубе из Москвы... Унеси стул, принеси вместо него ящик, — не до стихов тут.

Катя уходит со стулом.

Иван Павлович (*к жене*). А ты смотри в окно, слушай комиссию... Целое учреждение по одному делу придет, и бесплатно. Человек теперь дорог, особенно пока он рожаться хочет...

Глеб Иванович. Так чего же вы желаете, Иван Павлович? — комиссия-то тут при чем, раз вы правые родители?

Иван Павлович. Чего я желаю? — я желаю — не родить. Я уже родил свою норму. А без комиссии нельзя сделать аборта, на основании обязательного постановления. А закона нарушать я не могу — по своим политическим убеждениям: иначе меня со службы тихо выкинут. У нас есть законное постановление во всеуездном масштабе, что аборт можно делать только с разрешения охматмлада.

Глеб Иванович. Иван Павлович, да ведь это же против естества, против мировидения.

Иван Павлович. Естество здесь ни при чем. Естеством одни собаки живут, а мы люди, наше дело — социальные условия.

Глеб Иванович (*к Марье Ивановне*). Ну, а вы-то, Марья Ивановна, вы-то? — где же ваша доля? — вы ведь будете вроде мамы?

Марья Ивановна. А ну вас, у меня в голове от ваших разговоров целый гул гадов... Иван Павлович меня прямо загонял бюджетом. Уйду я от вас в разбойники: у вас все силы не на жизнь, а на учет уходят, а мне одна домашняя доля остается...

Катя (*высовываясь из-за двери*). Папаня, там целых два ящика. Только я их не дотащу, — ты иди волоки, я тебе покажу.

Иван Павлович уходит за ящиками.

Глеб Иванович (*хватая руки Марьи Ивановны*). Марья Ивановна, что же вы мне не сказали, что у вас ребеночек-то будет! — ведь ему особое питание потребуется... Ведь я вижу, что Иван Павлович не способен родить, ему революция душу отшибла. Ребеночек-то ведь мой получается... Марья Ивановна, сподвижница, — ведь ребеночек-то, получается, наш с вами, мой то есть... Да ведь я для этого факта... Марья Ивановна, — наш?! Марья Ивановна, сподвижница сердечная, — наш?! Вы родить не бойтесь, все родят, и ничего, службу получают и живут до старости. Я от вас никогда не отлипну, буду как страстотерпец при вас. У меня все принципы повысились до высшего разряда... Наш?!

Марья Ивановна. Может, и наш. Знаю, что мой.

Глеб Иванович. Ну, а как же ты — родить-то — будешь? — к чему эти комиссии-то?

Марья Ивановна. А пушай мудрит, может, льгота какая будет. Двинуться мне некуда от вас, а то бы я вам показала, как бедной женщине родить!

Глеб Иванович. Ну его с комиссиями. Давай вместе жить по всем принципам и в теплой тишине.

Марья Ивановна. Подождем — увидим. Нашелся тоже родитель по шестому разряду. Я у тебя две недели чулки просила. Вон какие фильдеперсовы поступили в епо, а ты — принципы!.. То всеобщая равная свобода, а то принципы. Ты что — по принципиальной моральности в любовники ко мне влип?

Иван Павлович волочит два ящика и устанавливает их около стола.

Иван Павлович. Идут! С той улицы! Маня, ляжь, вроде как нездоровится, вроде как тошнит. Глеб Иванович, сядьте к столу, читайте любую книжку, а я буду работать, — на службе всего не поспеваешь. Я кое-что упорядочу для вида. (*Садится к столу, листует бумаги.*)

Марья Ивановна ложится под бушлат.

Пауза.

Глеб Иванович. Вот в газетах пишут, Иван Павлович, — радио в массы, чудеса науки и техники в массы, прочие отношения — тоже в массы. Только успевай ловить. Я, конечно, понимаю, что вас принцип мучает с абортom, но, думаю, надо подойти к вопросу индивидуально, без массового масштаба. Швырнуть ребенка в массы нельзя, он в воздухе растворится, как падающая звезда.

Иван Павлович. Мы живем в настоящие времена, а не в будущем. По нашим временам человек должен выполнять общественные функции, а также лично жить и наслаждаться. Я послужил для общества тремя детьми, а теперь служу счетной работой.

Пауза.

Глеб Иванович. А я бы, Иван Павлович, все-таки родил бы...

Иван Павлович. Ну, и родите на здоровье, а этот вопрос оставьте открытым, как внутрисемейного происхождения.

Пауза.

Глеб Иванович. Вот в губернском органе пишут, — рачья чума кончилась.

Иван Павлович. Чего?

Глеб Иванович. Опять раков есть будем. В газете написано, — кончилась рачья чума. Пятнадцать лет продолжалась и самостоятельно кончилась без научных забот. За это время дети выросли, не видя раков.

Пауза.

Глеб Иванович. А то вот у нас в Заречье, — мужики, со зла на кооперацию, сельским сходом магазин Госспирта закрыли. Плавают теперь за водкой через реку на пароме. Большая опасность для милиции. Многие тонут... Организовать бы у нас общество спасания на водах.

Иван Павлович. Глеб Иванович, у меня новый ребенок в едоки просится, а вы мне спасением раков голову морочите.

Марья Ивановна. Уйду от вас, чертей, в разбойники, в леса, в атаманы, в батьки и матки.

Иван Павлович. Опять скандалишь? Упорядочь ты себя, пожалуйста, хоть для комиссии!

Марья Ивановна. Жила бы в лесу и пела бы песни. Налетела бы набегом на ваш город, взяла бы его в плен и супруга моего либо к стенке, либо в золоторотный обоз, заниматься учетом контроля. Я бы тебя, учетного беса, каждое утро по морде бы била.

Иван Павлович. Опять скандалишь?

Марья Ивановна. Надоели вы мне все до скуки. Прямо от петли живу я с вами!..

Катя (*вбегая со двора*). Идут! Что мне делать?!

Иван Павлович. Садись, учись! — Марья, Христом-богом тебя умоляю от чистого сердца, — не скандаль при комиссии!.. Лежи и болей!

Входит комиссия: председатель Евтюшкин Карп Иванович, сухоречивый человек, бывший санитар; секретарь Ащеулов Василий Степанович, бородатый выдвигенец, и член комиссии Лутын Данил Дмитриевич, ротный лекпом. У двери становится во фронт женщина-милиционер.

Ащеулов (*здороваясь по-домашнему со всеми и с трепещущей Катей за руку*). Мое почтение!.. (*Официально*.) Здесь проживает...

Евтюшкин (*официально, ни с кем не здороваясь*). Здесь проживает гражданин счетовод Башмаков с женой и семейством?

Иван Павлович. Да-с, я и есть Башмаков... Моя фамилия произносится вслух — Башмаков... Чем могу служить? — удостоверение личности прикажете предъявить?

Комиссия садится в шапках вокруг стола. Члены держат в квартире себя, как татары в Древней Руси.

Евтюшкин. Не требуется. Мы есть узкая комиссия охмат-млада. От вас поступило заявление о желании применения аборта к вашей супруге. Врачебная комиссия, освидетельствовав вашу супругу, нашла ее состояние здоровья в полном блестящем положении, и даже констатировала, что даже полезны дети от таких блестящих густых матерей. Нам теперь надо обследовать ваше матерьяльное положение, поскольку вы есть член профсоюза и ссылаетесь на имущественную маломощность... Товарищ Ащеулов, пиши протокол. Товарищ Лутын, приступи к осмотру движимого и его санитарного состояния. На дворе скотины никакой не имеется?

Лутын лезет под кровать, под столы, тащит рухлядь, нюхает вещи и пр.

Катя. Имеются две козы.

Иван Павлович. Цыц!

Евтюшкин. С ягнятами?

Катя. Пять козленков. У коз ягнят не бывает. Они не коровы.

Иван Павлович. Цыц, ты!

Евтюшкин. Не мешай, девочка, делу. Ты учи свои уроки и сознательно вырастай понемногу. (*К Марье Ивановне*.) Вы и будете потерпевшая?

Марья Ивановна. Вот лежу и терплю, как он (*указывает на Лутьина*) подо мной шарит.

Лутьин. У вас что — изжога?

Марья Ивановна. Нет, это у Ивана Павловича.

Лутьин шарит по обеим комнатам.

Ащеулов (*читает вслух заготовленный бланк*). Комиссия охматмлада в своем узком составе, из председателя гр. Евтюшкина, К.И., а также члена комиссии гр. лекпома Лутьина, Д.Д., и, наконец, секретаря гр. Ащеулова, В.С., то есть меня, — слушала и постановила, с правой стороны...

Иван Павлович. Позвольте сделать мне мои устные показания, ради уточнения событий дела. Я есть трудящийся человек. В свое время, а именно до революции, я родил троих детей и разошелся впоследствии, после революции, по кодексу со своей старой женой. Теперь я женат вторично и первой жене плачу алименты. Кроме того, я выполняю общественные служебные функции, состоя в профсоюзе и платя взносы. Но кодекс продолжает действовать. И сверх того немецкую систему «двай-киндер-системе» я выполнил с превышением, то есть родил трех. Так что перед нацией я оправдан, как родитель и как трудящийся элемент, служа по счетной линии... Вот, позвольте мне предоставить на рассмотрение комиссии баланс моих доходов и расходов с приложением объяснительной записки. (*Читает.*) Доходы. Жалованье по седьмому разряду семнадцатиразрядной тарифной сетки — 43 р. 72 к. ежемесячно. Козы: 366 стаканов молока в нынешний год, как он високосный. Считая по две с половиной копейки стакан, итого 8 р. 32 к. в год, а ежемесячно 32 к. целых и 55 сотых. Огород: капуста, картофель, свекла, морковь, огурцы, помидоры, рассада...

Ащеулов (*по-домашнему*). Как капуста, ничего уродилась?

Иван Павлович (*Ащеулову*). Капуста ничего, жаловаться нельзя. Вилка хорошо наливает.

Ащеулов. А у нас в деревне, сказывают, — плоха!

Иван Павлович (*читает*). Огород. Капуста, картофель, свекла...

Евтюшкин (*строго перебивая*). Да ты говори чохом общий и целый итог.

Иван Павлович. Итого с огорода в год...

Евтюшкин. Говори ежемесячно.

Иван Павлович. Итого с огорода в месяц 3 рубля 44 коп. Экономия от бережной эксплуатации мебели и носильного имущества, через это удлинняются нормальные сроки амортизации.

Мальчик (*просовываясь в окно*). Маманька. Васятка залива-
ется, титьку хочет!..

Евтюшкин. Это еще какой Васятка?

Милиционерша. А это мой. Я на этой улице живу. Я от-
лучусь.

Ащеулов. Ступай, ступай. Открывай буфет.

Милиционерша уходит.

Иван Павлович. ...через это удлинятся нормальные сроки
амортизации...

Евтюшкин. Говори чохом и без утайки. А то предадим суду
за бюрократизм.

Иван Павлович. Итого по всем доходным статьям на дебете
58 р. 32 с половиной коп. Расходы. Алименты первой жене —
треть основного жалованья без внутрихозяйственных доходов —
14 р. 64 к. Квартира по ставке с излишком площади — 4 р. 11 к.

Евтюшкин. Ну, дай сюда документ, я сам обследую. (*Дья-
чит.*) Отопление, освещение, вата на переделку шубы... А это
что?

Иван Павлович. А это?.. Это чулки по три пары в год, мне
и жене... На месяц получается чистого расхода...

Евтюшкин. Ага... Очистка нужника... Покупка кадки...
А какая в кадке необходимость?

Иван Павлович. Кадка намечается для огурцов.

Лутьин (*выходя из другой комнаты с корзинкой*). Тут нахо-
дятся кружева и чистое белье.

Марья Ивановна. А ты это не трожь. Тебя это не касается.
Это, может, мое приданое.

Евтюшкин (*отрываясь от чтения*). Поставь в сторонку.
Потом обследуем... Итого ты выводишь ежемесячного сбереже-
ния 2 р. 31 к. А где деньги хранишь?

Иван Павлович. Кто где, а я, как убежденный гражданин,
в сберкассе.

Евтюшкин. Тогда покажь книжку.

Иван Павлович. Я, товарищ председатель... тайна вкла-
дов предусмотрена законом.

Евтюшкин. Показывай ради существа дела. Я не для формы
прошу.

Иван Павлович нехотя ставит ящик к печке, лезет в печной вентилятор,
вынимает измазанный в саже пакет, расшнуровывает, достает сберкнижку и
пачку облигаций.

Евтюшкин (*разглядывая сберкнижку*). 32 р. 77 к. А сколько
набежало процентов, того не указано. А облигаций?

Иван Павлович. Облигаций рублей на сорок.

Евтюшкин. Покажь.

Иван Павлович. Точной цифрой 42 р. 50 к. без купонов.

Евтюшкин (*Ащеулов*). Пиши. Слушали и осматривали, и обследовали матерьяльное положение гр. Башмакова, он же Башмаков: читается так, а пишется иначе...

Иван Павлович. Товарищ председатель, убедительно прошу, не заставляйте родить. Лучше я куда-ни-то пожертвую. Родить я никак не могу. Я не хочу увеличивать основные кадры беспризорников. Я свою активность потеряю. У меня бюджет лопнет. Непосредственно умоляю вас.

Евтюшкин. Ничего, ничего. Ты человек честный. Вон в графах на канцелярские принадлежности 17 коп. ставишь, а мог бы госснабжением пользоваться... Может, 500 р. по займу выиграешь.

Глеб Иванович (*в волнении*). Товарищи, я не как представитель власти и не как член профсоюза. Я — как отдельный несчастный человек... Она женщина молодая, пышная, уже расцветшая. Ей жить да счастьем жизни наслаждаться, сподвижнице нашей. Ей обязательно надо радоваться. Ей обязательно и без уступки надо родить, и как можно больше. Нельзя подходить к женщине в массовом масштабе. Она не сумма, а личность, потому что несчастная.

Иван Павлович. Глеб Иванович, хотя вы и частный представитель, но вы нарушаете закон. А я стою на законе и прошу вас не вмешиваться во внутрисемейные мои условия, как вы не родственник.

Глеб Иванович. Я не как родственник умоляю вас. Я как человек будущего.

Иван Павлович. А у нас не будущее, а настоящее. Будущего сроду не было.

Ащеулов. Нам надо, чтобы наши женщины рожали без утатку. Сколько еще народу потребуется для...

Иван Павлович. Граждане! Я судиться буду! Меня сократить могут! У меня бюджет лопнет! Я на самом основании закона стою.

Глеб Иванович. Да вы хоть женщину спросите, мученицу самую.

Иван Павлович (*наступая на Глеба Ивановича*). Нечего ее спрашивать, она здесь ни при чем, она сама знает!..

Евтюшкин. Ну, вы, — тишина! Тут комиссия заседает. Сейчас тут не дом, а учреждение. Прошу понимать! Женщину мы не упустим... Гражданка Башмакова, скажите ваше мнение.

Иван Павлович. Нечего ее спрашивать, товарищ председатель. Она скандалить будет.

Евтюшкин. Нам необходимо для существа. Говорите ваше мнение, гражданка.

Марья Ивановна. Убегу я от вас всех и открою шинок. Либо в милицию поступлю. Я желаю быть разбойницей.

Евтюшкин. За шинок тебя оштрафуют. А в милиции все равно родят. Говори по существу.

Иван Павлович. Я же говорил вам, что она скандалить будет.

Евтюшкин. Родить будешь?

Марья Ивановна. А то что же?

Евтюшкин. Ну, то-то.

Иван Павлович. Не говорите с ней. Видите, скандалит!

Евтюшкин. Молчи для дела. Открываю прения. Товарищ Лутын, докладай матерьялы вещественного осмотра. Ничего предсудительного, кроме чистого белья, не нашел?

Лутын. Нет.

Евтюшкин. Говори тогда по науке.

Лутын. Я от мнения воздерживаюсь, и с вами буду вполне солидарен. По-моему — чтобы родить. Объективных сопротивлений нету, а субъектов надо подчинять руководству. Вот мы только корзинку не осмотрели.

Иван Павлович. Товарищи! Граждане!

Евтюшкин. Ты молчи. Твое мнение, товарищ Ащеулов.

Ащеулов. Безапелляционно — родить.

Евтюшкин. Беру себе личное слово. Возражений нет? — Позвольте, товарищи, мне резюмировать свою мысль.

Ащеулов. Резюмируй ее.

Евтюшкин. Я принципиально стою на почве зрения, что родить надо неминуемо для пользы народонаселения. Раз мы охматмлад, то на то нас и поставили, чтобы фактически охранять судьбу поколений и тем показывать пример несознательным гражданам и организовать будущее. Граждане нужны не только теперь, но надо заботиться также заготовкой граждан впрок. Роды женщинам никак нельзя прощать, — наоборот, их надо учащать по мере темпа... А то и комиссию реорганизовать могут. Возражений против обеспечения будущего населения нет?

Ащеулов. Быть не может.

Евтюшкин. Прения внутри комиссии считаю законченными. Подкомиссию избрать нахожу преждевременным ввиду ясности состояния вопроса. Товарищ Ащеулов, пиши. Комиссия... Письменное заявление и баланс присовокупить к делу. Устное заявление гр. Башмакова не считать, так как комиссия его не помнит. Пиши... Комиссия, ознакомившись на месте посредством внезапного и фактического обследования... Комиссия увидела и

нашла... Матерьяльное положение удовлетворительно, что подтверждается наличием сбережений и свидетельским показанием делопроизводителя уездной милиции гр. Рудина, Г.И. (*Показывает рукой на Глеба Ивановича.*) Вот его... А ты зачем здесь оказался?

Глеб Иванович. Я в гости пришел.

Иван Павлович. Он гость, а не свидетель! Не пишите его — он не официально пришел.

Евтюшкин (*Ащеулову*). Пиши. Комиссия постановляет... Пиши... Комиссия, состоящая... перечисли нас... постановляет... Гражданке Башмако́вой, М.И., — родить! Точка. Ввиду необнаружения к данному делу препятствий.

Иван Павлович. Прошу вас, не пишите! Не могу я рожать!

Евтюшкин. Буде же гражданка М.И. Башмакова сделает аборт на частной стороне у кустарной докторицы, то подлежит подвержению штрафа в размере, в будущем усмотренном.

Иван Павлович. Умоляю вас, не пишите! Я судиться буду! Не могу я рожать!

Глеб Иванович (*бросаясь к Марье Ивановне*). Марья Ивановна! Сподвижница! Родите на здоровье, — на радость, и счастье, и горе!

Иван Павлович. Товарищ Рудин! Прошу вас оставить мою квартиру присутствием вон!

Глеб Иванович. Прошу вас в присутствии комиссии не допускать извращений! Я говорю на основании постановления!

Иван Павлович. А я говорю, вон ступайте!

Евтюшкин. Заседание комиссии объявляю закрытым. Членов комиссии прошу от семейного скандала следовать за мной. До свиданья, гражданин Башмако́в. Счастливо размножаться! Позовите к себе на октябрины, принесу подарок от комиссии.

Евтюшкин и Лутьин идут к двери. Иван Павлович следует за ними. Ащеулов дописывает, складывает бумаги.

Лутьин. А корзину мы не досмотрели.

Евтюшкин. Наплевать!.. Я раньше ее видел...

Глеб Иванович. Прощайте, Марья Ивановна. Ваш муж меня отстраняет, но я от вас, печальной, сам не отойду.

Иван Павлович (*поспешно обуваясь и надевая пиджак*). Во имя спасения человечества прошу вас!.. (*Глебу Ивановичу, тихо.*) Убирайся отсюда к черту, инороднее тело... (*Громко — комиссии.*) Не губите жизнь, не родите детей!.. (*Убегает им вслед, толкая перед собою Глеба Ивановича.*) Я судиться буду!

Все уходят, кроме Марьи Ивановны, лежащей на кровати, и Ащеулова, складывающего бумаги.

Марья Ивановна (*вскакивая с кровати навстречу Ащеулову*). Васька, голубчик мой милый, ребеночек-то ведь твой!

Ащеулов. Да ну?

Марья Ивановна. Ей-богу, твой.

Ащеулов (*озабоченно*). А не врешь?..

Марья Ивановна. Не вру. Ты сам пойми, какой он теперь человек! — он человек дореволюционный, ты маломощность его прими во внимание. Он после революции от службы живет со слабостью сил.

Ащеулов. А может, еще кто?

Марья Ивановна. Ей-богу, фактически ты.

Ащеулов. Ты смотри. Ты прими во внимание мое положение. Я человек служебный, выдвинутый из гуши.

Марья Ивановна. Ну-к, что ж?

Ащеулов. Хотя, впрочем, это я могу. У меня природа низовая. Я человек тугой.

Марья Ивановна (*радостно*). Подлецы вы все, мужики! Вам радость и власть, а нам последствия.

Ащеулов. А что это ты сказывала, — шинок открываешь?

Марья Ивановна. Вот ты какой! Я тебе про ребенка, а ты шинку обрадовался.

Ащеулов. Я не радовался. Это надо с умом делать. А то штрафуют. А раз комиссия постановила, теперь рожай. Ты живи при муже, как жила, а комиссия тебя не оставит без надзора. Она не человек, а организация.

Марья Ивановна. Васька, давай уйдем в разбойники...

Ащеулов. Это для какой причины?

Марья Ивановна. Для вольной жизни. Будем всех грабить, песни петь. Учетного пса к стенке поставим, и шлепнем его на заре!

Входит женщина-милиционер.

Милиционерша (*ревет по-бабьи*). Касатики, родить порешили.... Вот она, наша бабья доля. Всегда решают...

Входят Иван Павлович и Катя.

Катя (*прыгая на одной ноге*). А теперь можно не учиться? Все равно велели рожать. Теперь можно ставить вещи на место?

Иван Павлович (*в самоуглублении*). Родить? А? — рразбойники!

АКТ II

Камера уездного нарсуда. Плакаты, лозунги, скамьи, перегородка.

Заседание суда. На скамье ответчиков — комиссия охматмлада в узком составе. На скамье истцов Башмаков. Сзади ответчиков на скамье для публики две жены членов охматмлада: Лидия Павловна Лутьина, оособразная женщина, и Капитолина Сергеевна Евтюшкина, солдатообразная женщина. У дверей милиционер-женщина. За судейским столом судьи. Уездный, крестьянский народ.

Идет заседание. Превеликий шум. Все стоят. Комиссия орет в сторону Башмакова. Башмаков кричит на суд. Жены теребят мужей. Судья звонит.

Возгласы. Тише! Именем!.. Мелкая подворность!.. Это ты с ней живешь!.. Я тебе дам детей рожать!

Судья (*орет*). Тише! Тише, граждане! Всех опорожню из зала! У меня ум потух! Милиция!

Евтюшкина. Товарищ судья, пусть он признается, жил он с ней или нет?! Это не суд, а слабосудие.

Судья. Гражданка Евтюшкина! Вы к суду не относитесь. Милиция, вывести Евтюшкину за руку прочь!

Евтюшкина. Как это не отношусь, если мой муж с ней жил?! Это ты не относишься! Я с ним разводиться буду! Я член нарпита!

Милиционерша. Ну, ты тише, раз ты член. Сиди, не оглашайся.

Судья. А раз хотите разводиться, подавайте заявление на бумаге, а не голосом. Милиционер, веди ее вон!

Милиционерша выводит Евтюшкину.

Судья. Гражданин Башмаков, говорите ясно ваше очередное слово.

Иван Павлович. Гражданин судья. Никто ни с кем не живет. Это она брешет от настроения. Войдите в мое состояние, раз я фактически существую. Я к делу присовокупил все постановления. Из дела вы видите, что я поступаю по закону. Я родить не могу. Не важно, кто природный отец, а важно, кто правовой и фактический, и, так скажем, общественный. А общественно-фактическим отцом является комиссия охматмлада в узком составе. Они фактически-правовые и надлежащие отцы. Мне не на что возвращать ихнего ребенка. А мои сбережения я внес в деткомиссию, — хотя, быть может, и напрасно, — что вы видите из формы дела. Раз они мне предписали ребенка, как фактические отцы, я и про^{шу} взыскать с них алименты в мою пользу.

Евтюшкин. Это что же такое выходит! Это подрыв работоспособности комиссии!

Судья. Молчите, гражданин Евтюшкин, пока вам не указали говорить.

Иван Павлович. Вот, у них в лозунге охматмлада записано. (*Читает.*) Комиссия фактически охраняет судьбу поколений и тем показывает пример несознательным гражданам и организует будущее. Граждане нужны не только теперь, но надо заботиться также заготовкой граждан впрок... А в резолюции написано, вот ее копия, а подлинник в деле. (*Читает.*) Комиссия постановляет гражданке Башмаковой, М.И., родить. — Она и родила по их повелению... Гражданин судья, разрешите мне Евтюшкину задать проясняющие вопросы.

Евтюшкин. Не желаю я с ним разговаривать.

Судья. Задавайте. Гражданин Евтюшкин, отвечайте суду.

Иван Павлович. Комиссия охматмлада — может ошибаться или нет?

Судья. Можете вы ошибаться или нет?

Евтюшкин. Никогда не может. Комиссия... в ней нет единоличного начала, чтобы ошибаться. Она не человек, а организация.

Иван Павлович. Я согласен. Комиссия поступила вполне законно, предписав мне родить?

Евтюшкин. Стало быть, законно, раз мы комиссия.

Иван Павлович. А стало быть, платите мне алименты! (*К суду.*) Граждане судьи, они сознались! Умоляю вас, предпишите им платить мне алименты. Прошу вас от чистого сердца!

Шум. Крики. Вбегает Евтюшкина.

Евтюшкина. Ты мне скажи, ты жил с ней или нет? Судьи, жили они или нет?!

Ащеулов. А нас не сократят?

Евтюшкин. Это что же, на основании закона беззаконие получается! Что мы, родоначальники нации, что ли?!

} Все
вместе.

Судья. Милиция! Молчите все сразу! Дайте нам задуматься! Молчать!! А я буду фиксировать. (*Толпа стихает.*) Кто хоть слово скажет, сейчас того вон истреблю из зала судебных установлений.

В зале насильная тишина. Звуки сдерживаемых сипов, дыханий, прочее. Судья пишет. Отворяется дверь. Входят два крестьянина с мешком, натываются на милиционершу.

1-й крестьянин (*громким шепотом устоявшегося голоса, почтительно и удивленно, принимая женщину по форме за*

милиционера, а затем успокаиваясь, видя, что это баба). Товарищ милиционер, вот нам заявление подать...

2-й крестьянин (так же сипло). Потому как мы женатые и рожденные в дореволюционный период...

1-й крестьянин. Погоди. Как мы два брата. Я — Степан Меринов, а он Логин Меринов. Как он женат в дореволюционный период на Дарье Семеновне с детьми, а я на Фекле Павловне с детьми... Да никак ты бабочка?..

2-й крестьянин. То просим...

1-й крестьянин. Погоди. То просим онулировать наши браки с детьми, как зачатые в дореволюционный период, потому как...

Милиционерша. Тишша. Рразойдись!.. — видишь, суд и то задумался.

Судья (вставая). Ничего суд на месте понять не может. Нам надо углубиться. Председатель Евтюшкин, хотите выразиться на помощь?

Евтюшкин. Хочу. Прямо скажу, ничего не понимаю, что происходит. Однако постановления комиссии правильные. Давайте начнем сначала. Мы предписали родить по закону, а жена мне не дает покою, останавливает текущую работу, и вьелось ей в ум, будто я живу с Башмаковой. Освободите меня от ней, гражданин судья.

Евтюшкина. Я сама от тебя освобожусь.

Евтюшкин (жене). Капа, ну чего ты с цепи сорвалась закон нарушать?!

Судья. А откуда она тут взялась? Я ее опорожнял отсюда. Милиция, гони ее без отказа вон!

Евтюшкина. А ты хоть и судья, а моего мужа не покрывай, должна я его шашни знать!

Судья. Гони ее вон маршевым ходом!

Милиционерша выводит Евтюшкину.

Лутьин. Хотя это дело и темное, но нужно осветить его лучом науки и техники... Ведь это же нарушение дисциплины получается.

Лутьина. Спасибо вам, Данила Дмитрич, за такую науку и технику!

Судья. Ничего суд на месте понять не могут. Нам надо углубиться. Объявляю перерыв для приговора.

Шум и свалка. Вместе со сбитенщиком и торговкой горячими пирожками врывается Евтюшкина. Жены лезут на мужей, мужа на Башмакова, Башмаков прячется за милиционершу.

Сбитенщик и торговка (*всю картину*). Сбитень-сбитень горячий! Пирожки горячие на огне паруют, в животе жируют!..

Евтюшкин (*Башмакову*). Иван Палыч, это вы какими же сознательными чувствами придумали такое безобразие? Ведь этак скоро весь город к нам на алименты поступит, вы нарушаете нашу установку.

Иван Павлович. Я, Карп Иванныч, государственный житель, я все обдумал государственными мозгами, на основании законов.

Евтюшкин. Комиссия...

Ащеулов. Карп Иванныч, Карп Иванныч, Карп Иванныч жа!..

Евтюшкин. Чего тебе?

Ащеулов. А нас не сократят, на периферию не отправят?

Евтюшкин. На периферии одни дураки живут, а мы в уездном центре...

Евтюшкина. Это что же такое?! — люди с женой имеют семейные отношения, а вы вмешиваетесь поперек, велите им родить против их воли.

Лутыгина. Знаем мы, почему вы чужую породу продолжаете.

Лутын (*жене*). Лида, попей сбитню...

Лутыгина. Вы уж Марью Ивановну сбитнем угощайте! Научные средства знаете, а мне аборт потихоньку делаете!

Евтюшкина. Знаем мы эту вашу охрану своих младенцев от чужих матерей. Это чтобы я поверила, что вы ради закона рожаєте, а не так...

Евтюшкин. Бабы, ешьте пирожки! Питайтесь!

Евтюшкина. Это чтобы поверить, это чтобы поверить, чтоб люди ради должности родить могли, чтоб...

Евтюшкин. Жены, отстаньте от нас! Дайте нам подумать.

Лутын. Карп Иванныч, надо обсудить, чтобы не перегибать линии. Ведь одно искривление получается.

Евтюшкин. Гони баб, раз они не члены! (*Комиссия оттирает женщины.*) Дайте нам скоропостижно и сознательно обсудить! Дайте хоть одно мероприятие выпустить! (*Теснят женщины.*) Комиссия... гражданки... я, как единоличный председатель комиссии... женщины, сократитесь от нас вон!

Евтюшкина. Не уйдем мы от вас с пустыми руками!

Лутыгина. Поговорите, поговорите, — мы послушаем последний раз!

Ащеулов. Дайте нам обсудить служебное положение!.. Карп Иванныч, Карп Иванныч жа!.. С протоколом будем писать или так?

Евтюшкин. Как хотишь: ты сам теперь думай, видишь — я руковожу!

Лутын. Надо бы с протоколом, ведь комиссию привлекают, а комиссия устно функционировать не может.

Евтюшкин. Вынимай бланок!

Ащеулов готовится на ходу писать. Комиссия лезет на Башмакова.

Евтюшкин. Гражданин Башмаков...

Иван Павлович. Граждане подсудимые, прошу вас очистить своим присутствием от меня!

Евтюшкин. Погоди, ты нам дашь свои показания!

Иван Павлович. Не желаю я вам давать своих показаний. Будет! Надавался уже!

Евтюшкин. Как это не желаешь давать показания официальной комиссии?!

Иван Павлович. Будет, давал уже на свою голову. Ваша комиссия для детей, а не для возмужалых. Я и так уж от вас пострадал!

Евтюшкин. Нет, ты погоди!

Иван Павлович. Гражданин женщина-милиционер! Прошу вас охранить мою неприкосновенность личности!

Милиционерша (*к комиссии*). Не трожь скорбящего человека.

Лутьин. Давайте обсудим по точному существу... Карп Иванныч, председательствуй по плану.

Евтюшкин. Комиссия... кто желает высказаться?

Ащеулов. А нас не сократят?

Евтюшкин. Нас сократить не могут, нас могут только реорганизовать.

Лутьин. Погоди ты каркать. Может, суд нас еще помилует.

Лутьина (*мужу*). Так и знайте, муженек, если судья присутит вам платить, разведусь я с вами вон.

Лутьин. Лидочка, перестань волноваться. Съешь пирожка!

Евтюшкин. Не мешай течению обсуждения. Может, еще не присудят.

Ащеулов. Отстаньте вы от учреждения.

Лутьин. Женщины, Лида, дайте я вам исчерпаю вопрос, только дайте нам подумать. Может, с нас алиментов и не возьмут.

Евтюшкин. Суд еще ничего не выдумал.

Лутьин. Наше учреждение поставлено заботиться о сохранении гражданского населения для будущего.

Евтюшкин. Солнце, например, оно тоже видимый административный центр. Ведь оно нагревает землю, производит теплоту, и про то произрастают всякие растения, даже ненужные, вроде Башмакова... А люди кормятся... Так и комиссия...

Евтюшкина. Что же, по-твоему, и дети от одной голой теплоты рождаются?

Евтюшкин (*теряя терпение, усиленным служебным басом*). Беру слово себе. Дело не в голой теплоте комиссии и не в солнце.

Комиссия... я, как председатель, говорю без отступлений от инструкций... Комиссия не нашла в бюджете Башмакова узкого места... Четкая линия закона...

Лутьин. Товарищи, мы с женщинами не столкуемся, а суд сейчас грянет. Нам надо внутри комиссии сговориться. Пойдемте заседать в мужскую уборную, туда женщин не пускают.

Аще улов. Правильно. Идем всем скопом!

Евтюшкина. Так и знайте, если суд назначит алименты, разведемся навеки!

Комиссия поспешно идет к двери, женщины за ними.

Лутьин (*жене*). Лида, ведь мы от своих отступлений поступить не можем.

Лутьина. Желаете с нами жить — отступите!

Уходят.

Сбитенщик и торговка. Сбитень! Сбитень! Пирожки горячие, сами паруют, сами жируют!

Иван Павлович. Дай пару! (*Покупая пирожки, к пирожнице.*) Кто хотел ребенка? Я или они?

Пирожница. Они.

Иван Павлович. А раз они, пусть надлежащие органы и рожают. Я здесь ни при чем.

Пирожница. Колхозом рожать лучше... А супруга-то где?

Иван Павлович. Она в больнице лежит. Я заявление в суд за две недели подал, чтобы алименты были к факту родов и чтобы не скандалила.

Реплики:

— От голой теплоты невозможно, в ней вещества нет.

— Тогда и загнетка может родить.

— Блоху, например.

— Нет, загнетка не может, в ней сырости нет.

Судья (*выходит и покупает пирожки*). Пять штук.

Милиционерша. Скоро начнете?

Судья. Сейчас кончим. У нас весь разум вытек.

Судья уходит. Входит мальчик с грудным ребенком на руках.

Мальчик. На, мамашка, покорми!

Милиционерша отворачивается, расстегивает мундир, кормит ребенка спиной к зрителю.

Реплики:

— Вон, милиции добро, родит — не парует, никому не жалуется.

— Она действует по натуре закона, ей иначе нельзя.

Милиционерша. Тише там! Сейчас суд выйдет!

Реплики:

— А вы по какому делу здесь?

— Приезжал к нам иностранец, по профессии турист, ихний гад, проделал в стене дыру в женскую уборную на высоте потолка и висел там, как паук, пока не измучился, фамилия его Гуго Ванцентович Прохадзько, а классовая принадлежность неизвестна. Женщины от этого объявили забастовку и перестали ходить в уборную. А мы дали им ход в суд. А он уехал по своей профессии.

1-й крестьянин (*милиционерше, вынимая из мешка куст крыжовника с корнем; ствол куста обвязан веревкой, и висит бланк с печатью*). Так вот, бабочка-постовой... Ты слушаешь, ай нет?

Милиционерша (*не оборачиваясь*). Слухаю, слушаю, ай вас не услышишь?

1-й крестьянин (*с корнем*). Так вот одно дело мы тебе изложили, как мы просим онулировать наших жен, как заведенных в дореволюционный период. А теперь вот у меня какое дело... Ты слушаешь, ай нет?

Милиционерша. Слухаю-слухаю.

1-й крестьянин. Так вот обложили меня неподъемно из-за этого куста... Я, вишь, шесть кустов крыжовника посадил, а седьмой самотеком вырос, недосмотрел я за ним, а он в мочь вошел. А у меня по нему все остальные сельским налогом обложили. Но я вот теперь его вырыл и принес со свидетельством, что я его вырыл, — тут и печать приставлена, чтоб там усмотрели, — да ты глянь на печать-то! — Сынок-то насосался, — ай дочка?

Милиционерша. А ты не допускай, чтобы росли по своей воле! Дочка.

1-й крестьянин. Дочка! Ну, нехай, дочка — мала да жива!.. А я ж его и вырвал за это с корнем и с печатью. То-то и горе, что само растет, не усмотришь... Так как же мне теперь оправдаться, чтобы по норме в аккурат налог брали, в нитку...

Милиционерша. Подавай прошение, чего ж ты молча пришел?

Судья (*в дверь, милиционерше*). Сейчас выходим, бросай кормить!

Милиционерша (*громко*). Занимай места и не садись. Вставай, суд идет!

Все занимают первобытные места. Милиционерша левой рукой держит ребенка, а правой суду под козырек. Напряженная тишина.

Ащеулов. Мужние жены! Прошу вас без скандалу!

Евтюшкина. Так и знайте, разведемся!

Судья (*дьячит*). Именем... Нарсуд третьего участка, заслушав дело о взыскании алиментов с комиссии охматмлада узкого состава... постановил... принимая во внимание заявление комиссии охматмлада о правильности ее постановления о родах, в силу чего комиссия поступила законно и вполне принципиально, и является хотя и не природным, но фактическим отцом ребенка Башмакова... в силу ее постановления о рождении и дальнейшем существовании... С другой же стороны, принимая во внимание социальное происхождение гр. Башмакова, И. Пе, а именно доревоенного солдатского писаря из крестьян-отходников... А также принимая во внимание вынужденную законность действий гр. Башмакова, И. Пе, подтвержденную его бюджетным реестром, дабы поддержать максимальный уровень правосознания в массах... На основании статей гражданского кодекса... постановляется... Комиссии охматмлада узкого состава платить алименты гр. Башмакову, И. Пе...

В зале шум.

Евтюшкина. Разведусь!

Лутьина. Очень культурно!

Судья. Маалчать!!.. (*Дьячит.*) ...алименты гр. Башмакову, И. Пе, на воспитание рожденного по обязательному постановлению вышереченной комиссии младенца в размере одной трети ежемесячного жалованья без прочих доходов каждого узкого члена комиссии...

Из толпы. А широкого?

Судья. Что широкого?

Из толпы. А широким и кооптированным членам не нужно платить?

Судья. Нет. Молчать!.. (*Дьячит.*) Постановление суда окончательное и может быть обжаловано в двухнедельный срок.

Иван Павлович. Я вполне праводоволен.

Ащеулов. Товарищ судья, объясните своими словами, что я — отец только по действию или только по чистому закону? И меня не сократят за принадлежность к отцовству?

Судья. Суд не входит в природное рассмотрение отцовства. Раз вы решили ребенку тому быть, то вы и есть виновники происхождения. Суду не подведомственно знать, кто природный отец.

Комиссия в обалделом трепете. Пауза.

Милицонерша. Встать! Суд уходит!

1-й крестьянин. А когда же наше дело оправдаешь? — ведь корень лежит — сохнет.

Судья. Какой корень?

2-й крестьянин. А вон он у тебя лежит, как факт.

Судья. Корень? Корень нам не обязательно, чтоб свежий. Нам дорого нарушение закона на чистом месте. А на корень нам глядеть нечего.

Евтюшкина. Разбойники! Разведусь! Будет, пожила с ответственным мужем!

Евтюшкин. Комиссия... Члены!

Евтюшкина. Разбойники!..

АКТ III

Помещение узкой комиссии охматмлада — среднерусское учреждение. Посреди комнаты громадный стол для заседаний и вообще пусто. Лозунги. Дверь приперта конторкой.

Евтюшкин и Лутьин сидят рядом на столе и тоскуют.

Евтюшкин. Мы по закону поступили или нет?

Лутьин. По закону-то по закону, а получается одна слитная тьма.

Евтюшкин. Против молотка лоб не подставишь, хоть мы и идем вдоль справедливости. Хоть бы Ащеулов скорей пришел.

Лутьин. А твоя баба как?

Евтюшкин. Да как и твоя — вторую ночь здесь от нее спасаюсь.

Лутьин. Неужели разведутся?

Евтюшкин. Факт — разведутся. Вбить им в голову сочувствие власти никак не возможно. Это же империалистические существа.

Лутьин. А моя пятый день даже не ругается — вот что самое паршивое.

Евтюшкин. И моя.

Лутьин. Значит, у них все в голову поднялось. Надо полагать, разведутся.

Стук в дверь.

Лутьин (*растерянно*). Опять бабы! Великомученики мы с тобой!

Евтюшкин (*безразлично, ко всему готовый*). Кто там? — не пустим!

Ащеулов (*из-за двери*). Пустите. Это я — член Ащеулов.

Оба поспешно отставляют конторку. Дверь отворяется — и оба пятаются в сторону. Ащеулов входит бритый до омоложения и втаскивает за собою узлы.

Евтюшкин. Ты что? — Это ты?

Ащеулов. Я. А что?

Лутьин. А где твоя наружность?

Ащеулов. А я ее сбрил. А то все сразу узнают, что я настоящий член охматмлада... Что в городе производится — уму не понять!.. Нас все за разбойников считают и даже за хороших людей, как мы на сторону принципиально деньги жертвуем, а зеленой не топчем. Очень большие в городе разногласия... А вы осаду можете снять. Ваши бабы в загс пошли — зачеркиваться. И вот ваше приданое прислали... А с бородой я жить не могу.

Евтюшкин и Лутьин *(вместе)*. Чего?!

Ащеулов. Да вот, бурьян снял с личности.

Евтюшкин. Да мы не про бурьян, а про жен.

Ащеулов. Теперь осаждаться не надо, — говорю, пошли расписываться и вот — вещи вам прислали.

Лутьин. В загс?

Ащеулов. Конечно, в учреждение. А то куда же?

Евтюшкин. А это наши вещи?

Ащеулов. Они.

Пауза. Евтюшкин и Лутьин садятся по-прежнему рядом и понуро на стол.

Лутьин. Мы — что же теперь — холостые, значит?

Евтюшкин. Да-с, послужили... Вместо пользы дела и покоя вышло усложнение процесса. Установку держали на размножение, а сами сиротеем.

Ащеулов. И самое главное, — все нас в городе за разбойников считают. Мальчишки за мной бандами носятся, а в спину из калиток бабы-стервы выглядывают. Пришлось обречься.

Пауза.

Лутьин. Дожились!..

Евтюшкин. Прямо хоть коллективным рапортом механически сокращайся.

Ащеулов. Сокращаться не надо. Все-таки лучше за власть держаться, чем за бабу. Баба дело текущее. Вы не унывайте. Все-таки выгодней алименты платить, чем в низовую деревню возвращаться, там одни массы, а более нет ничего.

Евтюшкин. Конечно, к грунту из государства возвращаться не стоит...

Пауза.

Ащеулов. Члены, принимайте вещи, давайте расписки.

<Утрачена часть листа, 5–6 строк.>

Евтюшкин. И нужно же было ребенку происходить!

Ащеулов. Я что? — теперь занятий нет. Пишите сначала расписки в сохранности вещей, а я в загс схожу, посмотрю, что на улице движется, он же во втором этаже.

Евтюшкин и Лутьин пишут расписки.

Лутьин. И посмотри, как у них выражения лиц.

Ащеулов. Я смотрел. Выражение лиц скудное. Евтюшкина Капитолина меня по горбу узлом огрела, когда вещи вручала, как приспешника. А я ваших делов не знаю. А в загс пошли с зонтиками, чтобы на них не капало.

Евтюшкин и Лутьин передают расписки.

Ащеулов. Поставь число. Расписались непонятно. Волнуетесь, а лебединых хвостиков нарисовать не забыли. Не запирайтесь — я сейчас!

Ащеулов уходит. Евтюшкин и Лутьин сидят по-прежнему и тоскуют. Пауза.

Евтюшкин. Все-таки запереть надо на всякий случай и вывесить объявление, что прием окончен, вследствие рационализации...

Лутьин запирается и садится на прежнее место на стол заседаний.

И может быть, вот в этот самый текущий момент я перевожусь на холостую должность. Лучше бы она меня три недели пилила деревянной пилой, утром и вечером по три часа, а в середине дня по часу... Пускай бы даже на службу ходила мешать заниматься...

Лутьин (*очень грустно*). И все выходит из-за голой идеи.

Евтюшкин. Вот их тут попробуй и одень, когда они не вещи, а отношения, эти самые идеи...

Лутьин. Отношения ничего не значат, Карп Иваныч, это не силы природы, это не жар солнца...

Стук. Оба бегут отпирать. Входит деревенская женщина с продуктовым узелочком — жена Ащеулова, отставшая от мужа в культурном развитии.

Ащеулова. Муж-то здесь, аль скрылся?

Евтюшкин. Какой муж?

Ащеулова. Товарищ Ащеулов, выдвигенец в начальники.

Лутьин. В какие начальники?

Ащеулова. Да он, сказывают, заведующий над матерями, что ли, по всему уезду... Ай нет?

Евтюшкин. Над ними. Мы тоже заведующие.

Ащеулова (*конфиденциально*). Касатики, обтолкуйте мне... Сказывают у нас в деревне, будто мой-то в компании с жуликами разбой учинил, — будто втроем они одну бабочку оскоромили, — и будут платить за это большие деньги... Я ему пышек принесла, небось уж всю жалованью отбирают...

Евтюшкин. Преувеличения. Это все для должности делается.

Лутьин. Для науки и знания, гражданинка.

Ащеулова. О! Неужли для нее? — и действительно — родили?

Входит Ащеулов.

Ащеулов. Готово — разведены! Покупай пшеничной климовки! (*Увидав жену.*) Алена Фирсовна, — это ты или так?

Лутьин и Евтюшкин покорно садятся на стол, на первобытные места.

Ащеулова. Батюшка, Василий Степаныч, ужли ж это вы?

Ащеулов. Я.

Ащеулова. А где же ваша личность?

Ащеулов. Это я ее сбрил для пользы дела, для санитарности. При должности с бородой невозможно.

Ащеулова. Ай неволят?.. А тебя без бороды не рассчитают? Тебя за бороду и в город взяли...

Ащеулов (*целуя с превосходством жену*). Алена, здесь присутствие, а не квартира.

Ащеулова. А я тебе зато пышек напекла. (*Шепотом.*) Говорят, ты разбой совершил над женщиной. Наши мужики велели сказать, что — ничего, мол, чтоб прибегал в деревню, мужики тебя утаят... велели тебе непременно сказать...

Ащеулов. Пока еще не требуется. Я живу на рыск.

Ащеулова. Ну, спаси те Христос.

Ащеулов. Какой Христос? — бога теперь нет.

Ащеулова. Как нет? А где же он?

Ащеулов. Не знаю. Только нет.

Ащеулова. Это почему ж такое?

Ащеулов. А потому что я есть, иначе б меня не было... Ты присядь в уголку на скамейку, а мы пока обсудим. Я ж тут член, тут государственный орган сидит — видишь его?

Ащеулова (*оглядываясь*). Где он? — покажь его мне.

Ащеулов. А вот мы втроем... Сядь, отдышься!.. Давай твои пышки-лепешки.

Ащеулова покорно садится в уголку.

Ащеулов (*с узелком, к комиссии*). Я, значит, вхожу... значит, в загс...

Лутъин. А они, что ж, — ничего? — не плачут?

Ащеулов. Нет, — ничего — не плачут. Там ведь тоже учреждение, — там не заплачешь. Стоят рядом, и вид у них серьезный, а в руках зонтики, а дождя нету...

Лутъин. И ничего?

Ащеулов. Ничего.

Евтюшкин. Вот стервы безначальные...

Лутъин. А ничего не спрашивали?

Ащеулов. А я с ними не говорил. Я смутился...

Стремительно и надменно врываются с зонтами и четвертушками загсовой бумаги жены Евтюшкина и Лутъина. Они безмолвно суют бумажки в носы мужей. Мужья безмолвно берут бумажки. Ащеулов сторонится от жен — за стол.

Евтюшкин (*читая с осторожностью*). Загс... Число... Номер... Штемпель и печать. Ничего нет... Только — разведена гражданка Майская... Это какая же Капитолина Майская? — у нас в городе таковой нету...

Евтюшкина (*полна презрения*). Это я теперь Майская. Пожила я Евтюшкиной — будет с меня. Закон не только на вас имеется.

Лутъина. А я — Трудовикова! — Смердите тут разбойниками без нашего пола!

Евтюшкина. Я теперь за своего любовника замуж выйду.

Евтюшкин. А разве он у тебя есть? — где он служит?

Евтюшкина. Конечно, буквально есть! Думаешь, только у вас, на основании комиссии?!

Евтюшкин. Ну-ну...

Лутъин. А у тебя, Лида, тоже?

Лутъина. А я вам не Лида больше. И вас не касается, есть или нет... Мы вам документы показали, и платите нам алименты... Идемьте, Капитолина Сергеевна!..

Лутъин. Лида, и это, значит, все итоги?

Лутъина. А чего же вы б еще желали при вашем разбойничьем отношении?

Лутъин. Да я уж вижу — ты даже не дерешься.

Евтюшкин. В них какая-то углубленная проработка идет.

Лутъина. Да мы не желаем теперь о вас и рук марать. Вы для нас теперь одни граждане, а не мужья. Платите теперь нам алименты за свою и за нашу волю. Идемьте, Капитолина Сергеевна. Пусть посидят, подумают.

Евтюшкина. Жаль, что ты теперь мне не муж, прямо руки чешутся, и сердце зудит.

Бывшие жены уходят так же стремительно и достойно, как появились.
Пауза.

Евтюшкин. Вась, припри дверь на всякий случай. Сегодня мы не присутствуем...

Ащеулов закладывается конторкой. Пауза.

Ащеулова. Это вы такими бабочками и командуете? — А где же ихние младенцы? — Трудная ваша работа!..

Евтюшкин. Нет — и прочими.

Ащеулов. Ты не в свое дело не суйся. В учреждениях люди сидят и не спрашивают... (*Развязывая узелок.*) Питайтесь, сотрудики, за счет моего деревенского социального положения...

Члены едят.

Лутьин (*Евтюшкину*). Ты теперь холостой?

Евтюшкин. Холостой.

Лутьин. И я тоже... Нельзя ли кассацию подать на незаконность развода, вызванного исполнением долга.

Евтюшкин. Едва ли выйдет. Там кассацию будут рассматривать тоже не мужья, а сожители, — они такие дела оставляют без воззрений.

Лутьин. Все-таки своим женам платить алименты как-то приятнее, чем на сторону... Всю свою жизнь мечтал я прожить научно и тихо, никого не тревожа и на пользу массам, как член всех организаций, — жить, повиноваться и трудиться... Человек я от природы скромный и исполнительный...

Ащеулов. Как, конечно, сказать... Я так думаю, что одни алименты, как, например, мне, платить лучше, чем вам — туда и сюда...

Лутьин. Я все припоминаю, с какого места беззаконие началось, — и не вижу... Кругом закон, а мы посредине мучаемся.

Ащеулов. Закон — законом, а в городе нас за разбойников почитают... Как бы народные волнения из-за нас не начались.

Евтюшкин. Что-нибудь да выйдет... Закон ошибаться не может. Раз нам жалованье идет, то, значит, закон не ошибается.

Лутьин. Надо все сызнова продумать.

Ащеулов. Заседать будем?

Лутьин. Да позаседаться не плохо... На заседаниях — горе утихает.

Ащеулов. Протокол писать, или устно поведем?

Евтюшкин. Пиши.

Ащеулова (*со страхом*). Мне не уйтить?

Ащеулов. Находишь здесь!

Лутьин. Заполни предварительные сведения... комиссия... в составе...

Евтюшкин. Комиссия ошибаться не может... Я, как пред-

седатель... Граждане члены, — комиссия ошибаться может или не может?

Лутьин (*отвлеченно*). А что же они теперь без нас делать будут, — неужто новых любовников заведут? — и им платить алименты!

Ащеулов. Кому?

Лутьин. Новым мужьям...

Евтюшкин. Про жен на заседании забудьте. Они теперь не жены, а вольные просительницы... Может ошибаться или нет?

Ащеулов. Нет!

Евтюшкин. Фиксируй — нет!.. Комиссия... пиши!.. Беру слово себе, а потом вам. Мы нравственно стоим на деле и умрем на посту...

Стук в дверь.

Евтюшкин. Опять бабы!..

<Утрачены 4 страницы.>

и расписку в получении ребенка получите с курьером... Гражданка Башмакова, мы никакие не разбойники, а я председатель, а они члены. Мы на основании закона будем возвращать нашего присужденного сына.

Марья Ивановна. И будем жить как разбойники, а не домочадцы. Васька, держи своего сына прямее!..

Ащеулов. Давайте ее кооптируем от греха и примем в штат как мать и технического работника на предмет детального возвращения...

Марья Ивановна. Вот я и буду с вами жить как matka, а учетного пса и прочих служащих и обремененных сюда не пускать.

Лутьин. Марья Ивановна, мы будем возвращать его по чудесам науки и знания, как двукратно постановила комиссия.

Ащеулов. Давайте ее кооптируем от греха.

Марья Ивановна. Ащеулов, давай сюда сына! Клади его на престол!

Марья Ивановна кладет сына на конторку.

Ащеулов. Убеждаю, давайте ее кооптируем.

Ащеулова. Вася, я побегу... Очень страшно с вами, разбойниками. Ты слухай, что я скажу, если понадобится в деревню прибегать спасаться, — мужики наказывали сказать, — примут тебя, спрячут... Только ты бороду тогда загодя отпусти, а то такого тебя мужички убьют... Ей-бо, пра!..

Ащеулов. Иди, Аленушка, иди от греха! — оставь пышки!..

Евтюшкин. Комиссия... Либо, правда, ее, явочную стерву, кооптировать?.. — Прямо разбой — ребенок на письменной конторке лежит и не плачет. Дожились! Ащеулов, пиши выписку из протокола о наших достижениях и наши проекты в губгород, а копию писателю Максиму Горькому!

АКТ IV

Наиболее рационально использованная жилплощадь: помесь учреждений, детского приюта и жилья. Под плакатом «Дорогу детям, — потому что они цветы» — громадная белая люлька под белым балдахином. Явная медицинская научность и мирная жизнь. На первом плане стол, тот же, что был в комиссии охматмлада. Половина стола накрыта скатертью.

Евтюшкин, Лутын и Ащеулов сидят за столом, тихо заседа. За сценой Марья Ивановна поет. Ащеулов ей изредка подтягивает.

Евтюшкин (*Ащеулову*). Ты когда же с ней жил?

Ащеулов. А я с ней почти што не жил. Я ею только любовался.

Евтюшкин. Когда любовался-та?

Ащеулов. Да я не любовался. Так, примерно, ходил месяцев за девять, либо с половиной, — на краткие собеседования...

Евтюшкин. Значит, ребенок — твой?

Ащеулов. Да она рассказывает — мой. Только это теперь к делу не относится, раз отец комиссия.

Евтюшкин. А я с ней жил в двадцать пятом годе... когда ж это было? — с декабря двадцать четвертого, когда колокол начали с собора спускать, — по январь двадцать шестого включительно, как раз как она с Башмаковым зафиксировалась. Тогда же я и свое назначение получил в охматмлад.

Лутын. А я с ней теперь живу ввиду исключительности обстоятельств.

Ащеулов. А я изредка...

Лутын роется в кипе бумаг.

Евтюшкин (*лирически*). Времена теперь такие пошли, весь город живет сплошь как одно семейство, и все родственники беззависимо от пола и должности... Ну, ладно, поговорили неофициально, теперь пора перейти на текущие моменты. Докладай, Лутын, по медицинской линии.

Лутын. Вот с цифражом вам пора бы ознакомиться.

Евтюшкин. Докладай цифраж. Ащеулов, пиши.

Лутын. Да писать-то много не надо. Вешаю ребенка по три раза в день, в весе не прибавляется, но и не убывает, стоит на

балансе. Выношу его каждодневно на мороз на два часа, для вентиляции легких...

Евтюшкин. А еще какие мероприятия пускаешь?

Лутьин. Более пока ничего, жду достижений... Посетителей сегодня было — на предмет осмотра наших основных принципов коллективного воспитания — 31 человек. Судя по статистике цифража, наши принципы проводятся срочно в жизнь. Иначе куда же у населения впечатления деваются? — явно в подобные дела уходят.

Евтюшкин. Прямо не живем, а состоим в музее... будущее на руках вынашиваем... Мне бы тоже надо поработать, только некуда применить основное умение. Приходится, в зависимости от косвенных причин малолетства, ждать, когда вырастет. Я из него впоследствии, как вырастет до возмужалости, буду госмужа делать.

Ащеулов. Я тоже. По соответствующим постам. *(Зевает, отрывается от протокола и поет, подхватывая мотив Марьи Ивановны.)* Э-эх, ва субботу, да в день ненастный, — нельзя в поле работать...

Евтюшкин и Лутьин *(продолжая песню)*. Нельзя в полюшке работать, ни боронить, ни пахать.

Марья Ивановна *(входя, поет вместе с членами песню)*. Прощай, девки, прощай, бабы... — Чай, что ли, пить будем, разбойнички?

Ащеулов. А воду поджарила?

Евтюшкин. Который пока час?

Лутьин. Время пить, обед переварился.

Евтюшкин. Комиссия желает чай пить.

Марья Ивановна. Есаул, иди, неси самовар.

Ащеулов уходит за самоваром. Лутьин и Евтюшкин разуваются.

Лутьин. Пищу принимать босому спокойней, кровеобращение облегчается.

Евтюшкин. Ноги — испаряются, а не потеют, хотя мы люди не болящие.

Ащеулов вносит самовар.

Ащеулов. Угар несущ. Атаманша, наливай чаю всем членам и себе.

Ащеулов также разувается.

Ащеулов. Либó мне бороду сызнава отпустить? — скучно без шерсти...

Лутьин. Отпусти обратно, а то тебя посетители за малолетнего принимают...

Марья Ивановна. Ну, разбойнички, садитесь наслаждаться вкруговую, приступайте к вольной жизни.

Лутьин (*отхлебывая чай*). Тихая жизнь... Никогда так планомерно не жил, — вот что значит безбалие...

Стук в дверь.

Евтюшкин. Ежели на предмет осмотра демонстрантов, то пускай ходят по расписанию, завтра с 11-ти до часу пополудни.

Входит человек, странник земного шара, в башлыке, с вещевой сумкою и с посохом.

Странник. Здесь в узком месте матерняя комиссия живет?

Евтюшкин. Здесь. А тебе чего?

Странник. Да пришел осмотреть ваши достижения. Сказывают, здесь мужики женщинами стали.

Ащеулов. Это им показалось.

Странник. И верно. Вы на баб не похожи... А она вон (*в сторону Марьи Ивановны*) вылитая баба. Может, она баба и есть?

Марья Ивановна. Я не баба, я — атаман.

Странник. О?

Евтюшкин. Ты чего бродишь-то? — во-первых, у нас смотреть нечего, у нас вещей нету, а есть отношения. А во-вторых, явись завтра от 11-ти до часу, если хочешь посмотреть... А сейчас мы отдыхаем.

Странник. Ну, покажь хотя бы отношения. Я двести верст прошел — на вас посмотреть, как же можно... Народ повсюду томится. Не то дружбы, не то злобы ищут, не то харчами недовольны...

Ащеулов. Вали, друг, на постоянный двор. Возьми кусок сахару...

Странник (*забирая два куска сахару*). Хотя бы сахару...

Странник уходит, поторапливаемый Ащеуловым.

Лутьин. Работы у нас на все двадцать четыре часа.

Евтюшкин. Еще бы. Народ с периферии тронулся — в силу своевременности наших мероприятий... Налей вторую, доброволица...

Марья Ивановна (*наливая через край*). Вот это я понимаю, жизнь. Живу и что хочу делаю, а делать я ничего не хочу. Не то, что коз у Башмака доить. Он, черт, меня, как бухгалтерскую графу, учитывал, словно я вещь, — а я отношение.

Евтюшкин. Ты не отношение — ты соотношение социальных условий, социальная надстройка, баба на базе.

Марья Ивановна. А мне все равно, кто я есть. Мне бы только жить.

Стук в дверь.

Ащеулов. Кого еще там несет?

Марья Ивановна. Дань надо брать с этих посетителей.

Лутын. Налог брать нельзя, сочтут за взятку.

Евтюшкин. А можно оформить как пособие для финансирования будущего, раз мы вроде музея.

Ащеулов (*отпирая дверь*). Ну кто там еще? — в комиссии ребенок спит, а вы гремите!

Входят Башмаков и Рудин, в чрезвычайной поспешности.

Евтюшкин (*Ивану Павловичу*). Ты зачем сюда пришел без повестки?

Иван Павлович. Сейчас объясню.

Глеб Иванович. Марья Ивановна, сподвижница, здравствуйте!

Марья Ивановна. Здравствуй, здравствуй, сподвижник.

Иван Павлович. Мы пришли по внеочередному делу.

Марья Ивановна. А ты не боишься, что я тебя здесь израсходую?

Иван Павлович (*ехидно*). Нет, Марья Ивановна, не боюсь, потому что я теперь всю вашу подноготную тайну постиг! (*К комиссии.*) Граждане члены комиссии и председатель! Я должен сделать вам внеочередное заявление. На основе чистосердечного признания гражданина Рудина, Глеба Иваныча... Глеб Иваныч, подтвердите... и в силу политических моих убеждений, благодаря состоянию моей законности, — иначе меня сократят... Глеб Иваныч, повторите ясно при всех ваше чистосердечное раскаяние и за меня не стыдитесь...

Глеб Иванович. Я...

Иван Павлович. Пришел ко мне сейчас гражданин Рудин и внезапно рассказал, одновременно покаявшись... Говорите, Глеб Иваныч, ради закона я терпелив.

Евтюшкин. Тогда мы откроем экстренное заседание комиссии для заслушания устного заявления гражданина Рудина, чтобы оно из устного стало документальным. Ащеулов, фиксируй показания. Говорите, гражданин Рудин.

Глеб Иванович. В газетах все пишут — чудеса науки и техники в массы, безбожие в массы, иностранные языки в массы, — а масс на самом деле и нет, а есть отдельные личности, вроде меня, и между личностями идут конфликты, — какие же это массы, раз слитности нет? — Надо поступать лично, а не в массовом масштабе, когда ничего не видно и все одинаково.

Евтюшкин. Ащеулов, фиксируй. Представитель милиции говорит — масс нету, — и что будто есть одни конфликты.

Ащеулов. Беру на заметку.

Глеб Иванович. Я Марии Ивановне сколько раз говорил, а она меня вон гонит и не слушает моих начинаний, говорит, что я не выдающийся и тихий человек, — а кто выдается — того у нас в исправдом сажают.

Ащеулов. А ты не выдавайся зря, иди с массой в ногу. А когда нужно, тебя массы сами выдвигнут, как меня.

Глеб Иванович. Я и не выдаюсь никуда... И вот я, несмотря на мои нравственные убеждения держать интимности в секрете, для спасения индивидуального дела, пришел и сказал Ивану Палычу, страдая посреди себя: «Иван Палыч, я находился с вашей женой, у нас была любовь, секретная от вас...»

Ащеулов. А у кого она не была?

Лутьин. А ты пиши, секретарь, и помалкивай.

Евтюшкин. Продолжай дальше, Рудин. Служащий для женщин не любитель.

Глеб Иванович. И я говорю Ивану Павловичу: «Простите мою слабосердечность и не поминайте лихом мою любовь с вашей супругой. А теперь я обращаюсь к вам, Иван Палыч, не для того, чтобы оскорбить ваши мужские качества, а чтобы доказать вам, что ныне коллективно и благополучно воспитываемый в комиссии ребенок, бывший ваш, — есть мой сын, а я лично против коллективного воспитания и хочу воспитывать моего сына по своему усмотрению и душевности совместно с любимой женщиной, на основании естественных и земных принципов...» Иван Павлович сначала расплакался от обиды, а потом испугался, что я с нею жил и ни с кем не ссорился под его крышей, и сейчас же повел меня сюда.

Евтюшкин. Ну и жил. Комиссии это не подведомственно. Мало ли кто жил.

Марья Ивановна. А ты не каркай.

Евтюшкин. Я иносказательно... Если бы он в открытом месте жил, а то в тишине частного дома, и никто не видел.

Ащеулов. Комиссию факт жизни не интересует, она заведует матерями, отнюдь не родителями.

Марья Ивановна. Да я с ним всего две недели и была в отношениях. Скорбящий он человек, и никакого в нем бунту, помирять с ним подручно, либо в козла играть.

Глеб Иванович. Я, конечно, со всеми вами согласен, что вы правильно рассуждаете, но, между прочим, ребенок-то мой, и я ему полнокровный отец.

Ащеулов. И все ты врешь!

Глеб Иванович. Положа руку на сердце — не вру, потому как Иван Палыч, по моим сведениям, от неустанно-честной службы потерял способность множиться...

Иван Павлович. Это, положим, фактически еще неизвестно. У нас один ученый в городе в девятьсот третьем году ездил к мордве и измерял объемную величину расового корня, а потом письменно сверялся с чувашами и башкирами. Самый большой расовый корень — на основании науки — у русских. А я — русский, несмотря на мой возраст... Но это лишь предпосылка и к делу прямого отношения не имеет, раз Глеб Иваныч признался в своем отцовстве, чему я с прискорбием рад. И вот, как он признался, ко мне сразу пришли следующие закономерные соображения, нарушить которые я не могу в силу моих политических убеждений, поскольку я состою на службе по учетной линии и меня могут сократить за нарушение убеждений. Я все понял и сразу пришел к вам, так как на основании законов мужем считается не тот, кто состоит в зарегистрированном супружестве, а тот, кто фактический отец, — и он, то есть фактический, должен заботиться о судьбе сына. А раз отец — Глеб Иваныч, — то он и должен подавать на вас в суд на алименты, а не я, — либо не подавать, по его личному или нравственному усмотрению.

Ащеулов. Ты — что же — будешь подавать? — и охота тебе была, Глеб Иваныч, усложнять историю потомством?

Лутыгин. Стало быть, произошла судебная ошибка?

Иван Павлович. Вот именно! Я ж и говорю! Это меня и волнует до сердца в силу моей необходимой законности.

Лутыгин (*Ащеулову*). Тут не усложнение, а прояснение. Здесь целый культурный пробел.

Иван Павлович. Вот именно! Прошу все дело начать рассмотрением сначала.

Евтюшкин. Ащеулов, фиксируй неотлучно. Здесь лежат неизвестные моменты, и неизвестно, куда обернет закон при новых обстоятельствах.

Иван Павлович. Вот именно! Совершенно верно! Я ж и говорю, раз я не являюсь на основании законов фактическим отцом, то я и ликвидируюсь в сторону и глубоко извиняюсь за все предшествующее беспокойство учреждений.

Ащеулов. А закон обратную силу имеет или нет?

Марья Ивановна. Я тебе возымею обратную силу, учетный пес! Я тебе дам, чтобы все сначала, это ты к тому клонишь, чтобы я к тебе вернулась. Я тебе вернусь! Я конца света хочу, учетный морж!

Глеб Иванович. Это я хочу, а не он, — и не к нему, а ко мне! Мы жить обратно не будем, мы вперед...

Лутыгин (*Ивану Павловичу*). В чем же существо вашего нового иска? — давайте четко подумаем сначала... Выходит, жены у вас нет, сына тоже нет, зато вы есть... А в результате вас и мы

тоже жен и детей лишились, но сами остались и воспитываем неизвестного сына, будущего человека. А что из него выйдет, никто не знает... При чем же вы-то здесь, раз вы ни отец, ни муж, а вообще инородный обыватель?

Иван Павлович. Вот именно! Я и пришел заявить, что я здесь ни при чем и никакой ответственности в дальнейшем не подлежу, что и прошу записать в протокол.

Ащеулов. А если мы тебя привлечем?

Иван Павлович. Невозможно, нет никаких оснований, раз я ни при чем, ни отец, ни муж. Ведь государство не степь, оно само стоит на основании.

Евтюшкин. Ну, а мы при чем в таком разе? — чем ты можешь удостоверить?

Глеб Иванович. А разве кто чего удостоверит, когда главный мир стоит без документов.

Иван Павлович. Как без документов?

Глеб Иванович. Да ведь заявление подается подателем сего, а кто удостоверит самого подателя, прежде чем он подаст о себе заявление?

Ащеулов. Я на что хочешь мандат напишу, хоть на орбиту.

Глеб Иванович. Вы-то напишете, а орбита вам — нет!

Лутьин. А ведь, действительно, мир никем не удостоверен.

Евтюшкин. Стало быть, он юридически не существует.

Лутьин. А как комиссия тогда существует?

Евтюшкин. И мы при чем здесь?

Ащеулов. Где?

Евтюшкин. В комиссии.

Ащеулов. Чтобы руководить.

Евтюшкин. Да чем руководить-то, раз мир юридически не существует?

Лутьин. Существует или не существует — не окончательно удостоверено, Башмаков от всего отказывается, — а мы, несмотря на это, лишились жен и оказались штатными воспитателями комиссии охматмлада.

Глеб Иванович. Вот я и хочу подойти индивидуально и тесно. Умоляю вас, давайте все это бросим...

Марья Ивановна. Я тебе брошу, — ты поднять не умеешь.

Глеб Иванович. Мария Ивановна! Давайте возьмем нашего любимого сына, и пойду я с вами, моя любимая будущая жена, на свою квартиру... Я ее побелю, а на дворе колодезь вырою, чтобы вам за водой не ходить... Марья Ивановна, сподвижница моей единственной жизни! Ведь я вас люблю углубленнее себя!.. Будем жить на пользе симпатии и любезности.

Ащеулов. Трогательно говорит!.. Даже писать скучно.

Глеб Иванович. Будем жить на природном основании, как верные голуби, дети чистого воздуха.

Марья Ивановна. Не желаю я голубиной жизни, — будет, пожила, — я хочу быть хищницей, вроде коршуна, и никуда я отсюда не уйду, от этих разведенных разбойников.

Глеб Иванович. Марья Ивановна, умоляю, пойдете, вы тут загрузите, вы женщина душевная, а не служебная.

Марья Ивановна. Ты скорбеть надо мной будешь. И ребенок не твой, а Васькин.

Ащеулов. Не усложняй, атаманица!

Глеб Иванович. Не верю! Я кровью чувствую, что ребенок мой! } Вместе

Марья Ивановна. А я тебе говорю без чувства!

Евтюшкин. Ащеулов, ты фиксируешь или только думаешь?

Ащеулов. Я сбился. Они говорят неорганизованно.

Иван Павлович. Мне можно уйти?

Евтюшкин. Зачем?

Иван Павлович. Я бывшей супруги стесняюсь, у нее настроение набухает и третий муж объявился, — значит, тем более я ни при чем.

Евтюшкин. По нашим временам мужей считать не обязательно... Как же ты уйдешь?

Марья Ивановна. И проваливай в свою пещеру, пока мы тебя не вычли.

Иван Павлович. До свидания, граждане, я больше здесь не потребен.

Евтюшкин. Как не потребен? — тогда и мы тоже не потребны, а ребенок зачался и кончился сам по себе. Тогда и мы уйдем, и ребенок неизвестно с кем останется в одиночестве.

Ащеулов. Мы столько проработали вопросов, что стоим уже накануне достижений. Ежели все отменять на самом конце, то у нас активности не хватит начинать сначала. Вишь, сколько бумаги придется переписывать, а писать придется опять автоматически.

Лутын. Активности хотя хватит, мир, говорят, миллион лет существует и до сих пор цел...

Евтюшкин. Идти нам некуда.

Бесшумно и без стука, но страшно авторитетно входят: старший рационализатор, Евтюшкина, Лутына и женщина-милиционер. Вскороности за ними проникают на порог странник и два крестьянина, те, что были на суде с кустом.

Пауза.

Марья Ивановна. Вы кто такие?

Пауза.

Марья Ивановна (*нагло поет*).

Чтоб на службу поступить,
То в союзе надо быть,
Чтоб в союз нам поступить,
То на службе надо быть!..

Старший рационализатор (*выслушав частушку*). Гражданка, ваше пение прекращается. Комиссия охматмлада здесь существует?

Евтюшкин. Здесь. В полном узком составе. Я ее председатель.

Евтюшкина. Ну-ка, поди, поди сюда, председатель.

Старший рационализатор. Повремените, гражданка Майская, с вашим мужем... (*К Евтюшкину.*) Вы посылали копию ваших достижений в губгород и товарищу Максиму Горькому?

Евтюшкин. Посылали. Ащеулов, достань копию достижений. А вы кто по должности будете? — у вас мандат есть или мы вас так должны знать?

Старший рационализатор. Я старший рационализатор из губгорода, приехал обследовать вас и прочее на основании жалобы ваших бывших жен, гражданок Майской и Трудовиковой, а также на основании вашей копии достижений товарищу писателю Максиму Горькому.

Ащеулов (*Евтюшкину*). А он нас не сократит?

Евтюшкин (*Ащеулову*). Едва ли, ты стой пока тактично.

Жены Евтюшкина и Лутьина энергично начинают грабить комнату, собирая вещи, выданные мужьям при разводе.

Иван Павлович. Мне можно уйти?

Старший рационализатор. А вы кто такой?

Иван Павлович. Я здесь ни при чем. Я гражданин Башмаков.

Старший рационализатор. Башмаков? — отец ребенка или прочий?

Иван Павлович. Да-с, предполагаемый отец. Настоящие отцы — или Рудин, или Ащеулов, двое из них, а законный — комиссия.

Старший рационализатор. Оставайтесь присутствовать. Который Рудин?

Евтюшкина. А вон стоит мирный человек в милицейской форме, идол тоскливый.

Старший рационализатор. Вы кто?

Глеб Иванович. Я, изволите видеть, отец, но не могу достигнуть сына.

Старший рационализатор. Кого достигнуть и кого отец? Глеб Иванович. Отец своего сына и его же тщетно достигаю...

Старший рационализатор. От бывших жен Капитолины Майской и Лидии Трудовиковой поступило заявление об незаконных основаниях их развода. Однако причиной указывается закон и то, что вы на основании постановления суда принялись сразу платить алименты, а это, в свою очередь, беззаконие, так как комиссия охматмлада должна не платить, а лишь руководствовать... Ведь если все комиссии будут оплачивать свое руководство, то тогда не будет обязанностей у руководимых.

Ащеулов. Надо начинать все сначала? — тогда нам еще год надо работать по этому неисчерпаемому делу.

Старший рационализатор. Вот именно, надо начать все сначала.

Евтюшкин. Хорошо, начнем.

Евтюшкина (*мужу*). Я тебе начну сначала!

Ащеулов. Заняться фиксировкой?

Старший рационализатор. Чего фиксировать?

Ащеулов. Мы заседаем или так находимся?

Старший рационализатор. Как заседаем?

Евтюшкин. А потому, если не заседаем, то неизвестно, к кому вы обращаетесь, потому что вне комиссии мы думать на эти мысли не обязаны, как мы тогда механически становимся частными гражданами.

Старший рационализатор. Тогда, считайте, заседаем.

Ащеулов. Считаю.

Глеб Иванович. Гражданин старший рационализатор! Отдайте мне мимо их моего сына!

Ащеулов (*тихо*). Бери!

Старший рационализатор. Повремените, гражданин... Повелею коротко и ясно на основании соответствующих постановлений губорганов. Судебный процесс об алиментах направить к пересмотру, беря за исход моменты зачатия и рождения ребенка... Повелею гражданину Башмакову взять сына в исходное положение вместе с женою...

Марья Ивановна. Так я и пошла!

Старший рационализатор. Жене Башмаковой следовать за мужем. Комиссии быть в силе и продолжать работу, подавая на Башмакова немедля в суд. Башмакову по суду отвечать. Бывшей Евтюшкиной, а теперь Майской, а также бывшей Лутьиной, а ныне Трудовиковой, по непременному согласию со своими мужьями состоять в первобытном браке, как они о том ходатайствовали.

Ащеулов. А мне куда деваться?

Старший рационализатор. Подождите, я не кончил.
Иван Павлович. Гражданин рационализатор! Ведь я же не отец!

Старший рационализатор. Как не отец, когда вы супруг?
Иван Павлович. Если вы комиссию из отцов аннулируете, тогда пусть отцом будут либо Рудин, либо Ащеулов, раз они относились к моей жене больше моего...

Старший рационализатор. Какой Ащеулов и какой Рудин?
Глеб Иванович. Вот я, я несогласованно поступал, меня в деле нет.

Старший рационализатор. А надо бы себя увязывать... Повелею. Непременно приступить к выполнению моих повелений, не откладывая ни на минуту.

Лутьина. Муженек, идите теперь сюда, связывайте вашу скатерть!

Лутьин. Зачем ее связывать?

Евтюшкина. Карпий, поди сюда! — мы вам покажем — зачем!..

Евтюшкин. Погоди, разведенная гражданка, в силу входить... Гражданин рационализатор, у нас заседание закрывается, раз жены выступили, или длится?.. Ваши слова — окончательное постановление или нам надлежит апеллировать?

Старший рационализатор. Не надлежит. Категорически окончательное.

Ащеулов. А я теперь кто же? — они к женам пойдут, а мне куда?

Лутьин. Нам прямо и идти к женам, вещи в комиссии оставить или обратно?..

Старший рационализатор. Идите к женам с вещами.

Лутьина. Иди-ка сюда, муженек, на собеседование.

Лутьин. Я — что ли, я всегда тебя любил, Лидочка.

Евтюшкин (*жене*). И мне идти к тебе?

Евтюшкина. Иль еще не набегался?!

Мужья идут к женам: Лутьин — покорно, Евтюшкин — нехотя.

1-й и 2-й крестьяне (*перебивая друг друга*). Товарищ улучшатель ихней жизни, а ты заодно и нас разбери, вот, как и мы аннулировали наших жен и вырос лишний корень.

Старший рационализатор. Подожди, отойди в сторону, разберем и вас. (*К страннику*.) А этот чего стоит?

Странник. А я стою и смотрю отношения, а сам живу.

Ащеулов. А я теперь кто же? — они к женам ушли, в основное положение, а мне куда?

Старший рационализатор. Вы — как желаете.

Глеб Иванович. Умоляю вас, отдайте мне моего ребенка!

Старший рационализатор. Гражданин Башмаков, озаботьтесь забрать вашего ребенка и жену.

Марья Ивановна. Разбойники! Евтюшкин! Лутын! — куда же вы пошли, на кого же я осталась? Васька, иди сюда, спасайся! Спасай меня от учетного пса, не пойду я к нему, — к нему — как в петлю!

Ащеулов. Мне нельзя, я тоже женатый.

Марья Ивановна. Васька, — отрекаешься? А кто собирался со мной в леса убежать, сказывал, что там нас мужики утаят?

Ащеулов. Я забыл.

Глеб Иванович. Марья Ивановна, сподвижница!

Старший рационализатор. Гражданин Башмаков, берите своего ребенка. Милиционер!

Марья Ивановна. Не дам! Васька, бери своего сына, бежим в леса!

Марья Ивановна бежит к люльке, вместе с Глебом Ивановичем. Страшный крик.

Глеб Иванович. Мертв. Мальчик.

Пауза.

Ащеулов. Гражданин рационализатор, — отметить в протоколе смерть ребенка для формы дела или так оставить?

Милиционерша (*плачет вместе с Марьей Ивановной, бежит к ней*). Маанюшка...

Два милиционера — Рудин и милиционерша — обнимают Марью Ивановну.

<Сентябрь — октябрь 1928 г.>

ШАРМАНКА

Пьеса в трех актах, в шести картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛЮДИ

Що ев, зав. кооперативной системой в далеком районе.
Евсей, его заместитель.
Опорных и Клокотов, кооперативные агенты-заготовители.
Годовалов, представитель пайщиков, лавкомиссия.
Евдокия, выдвиженка.
1-я служащая.
1-й служащий.
Еще несколько служащих — мужчин и женщин.
Люди из кооперативного населения.
Люди в очереди у парка культуры и отдыха.
Алеша, бродячий культработник с музыкой.
Мюд, девушка-подросток, подруга Алеши по общей работе.
Кузьма, железный человек, аттракцион группы Алеша-Мюд.
Эдуард-Валькирия-Гансен Стерветсен, датский профессор-пищевик, прибывший с целью приобрести «ударную душу» СССР для Западной Европы.
Серена, его дочь, девица.
Говорящая труба на столе Щоева.
Агент из совхоза.
Двое или трое прохожих строителей.
Работники прилавка у дверей кооперативов.
Чуждый человек.
Четыре девушки-осоавиахимовки.
Пожарный.
Милиционер.
Кольцевой почтальон.
Детские лица, глядящие в окно учреждения.
Двое рабочих, разбирающих строение.

АКТ I

КАРТИНА 1

Районная местность. Дорога в даль страны; попутные деревья, которые шевелит редкий ветер; влево — постройка в пустоте горизонта, вправо — виден небольшой город — районный центр. Над городом — флаги. На краю города стоит большое жилье в виде амбара, над ним флаг, на флаге нарисовано кооперативное рукопожатье, которое можно понять издали.

Ветер и безлюдье. Далекие флаги трепещут. Над землей солнце и огромный летний день.

Вначале, кроме ветра, все остальное тихо. Затем слышатся звуки движущегося железа. Неизвестное тяжкое железо движется, судя по звукам, медленно, еле-еле. Девичий голос устало поет негромкую песню. Песня приближается вместе с железом.

На сцену выявляется механическая личность — железный человек, в дальнейшем называемый Кузьмой. Это металлическое заводное устройство в форме низкого, широкого человека, важно вышагивающего вперед и хлопающего все время ртом, как бы совершая дыхание. Кузьму ведет за руку, вращая ее вокруг оси, как руль или регулятор, молодой человек в соломенной шляпе, с лицом странника — Алеша. Вместе с ним появляется Мюд — девушка-подросток. Она держит себя и говорит — доверчиво и ясно: она не знала угнетения. За спиной у Алеши шарманка. Вся группа дает впечатление, что это пешие музыканты, а Кузьма — их аттракцион. Кузьма вдруг останавливается и хлопает нижней челюстью, будто хочет пить. Группа стоит среди пустого светлого мира.

Мюд. Алеша, мне на свете стало скучно жить...

Алеша. Ничего, Мюд, скоро будет социализм — тогда все обрадуются.

Мюд. А я?

Алеша. И ты тоже.

Мюд. А если у меня сердце отчего-то заболит?!

Алеша. Ну что ж: тогда тебе его вырежут, чтоб оно не мучилось.

Пауза. Мюд напевает без слов. Алеша всматривается в пространство.

Мюд (*из напева переходит к песне*).

По трудной, веселой дороге

Идем мы, босые, пешком, —

Осталось идти нам немного:

Построен счастливый наш дом...

Мюд. Алеша, я задумалась — и вышло: у меня сердце заболело оттого, что я оторвалась от масс...

Алеша. Ты живешь ненаучно. От этого у тебя болит всегда что попало. Я тебя, как наступит социализм, так изобрету всю сначала — и ты будешь дитя всего международного пролетариата.

Мюд. Ладно. А то ведь я при капитализме родилась. Два года при нем вся страдала... (*Обращается к Кузьме, касается его руками, — Мюд всегда трогает руками тех людей и предметы, с которыми вступает в отношения.*) Кузьма, скажи мне что-нибудь умное-умное!

Кузьма чавкает человеческой пастью.

Алеша переводит какое-то устройство в обшлагах Кузьмы и держит его руку.

Мюд. Ну Кузьма же!

Кузьма (*деревянным равнодушным голосом, в котором всегда слышится ход внутренних, трущихся шестерен*). Опportunка...

Мюд (*прислушивается*). А еще что?

Кузьма. Рвачка... Бес-прин-ципщина... Правый-левый элемент... Отсталость... тебя возглавить надо!

Мюд. А еще я кто?

Алеша делает манипуляцию в руке Кузьмы.

Кузьма. Ты классовая прелесть... Ты сугубый росток... Ты ударник бедняцкой радости... Мы уже...

Мюд (*быстро*). Знаю-знаю: мы уже вступили в фундамент, мы уже обоими ногами (*движется и приплясывает*), мы вполне и всецело, — мы прямо что-то особенное!!

Кузьма. ...Мы прущая масса вперед!..

Из Кузьмы далее идут холостые неразборчивые звуки.

Мюд (*Кузьме*). Я люблю тебя, Кузя, — ты ведь бедное железо! Ты важный такой, а у самого сломатое сердце, и тебя выдумал Алеша! Ведь тебя быть не может, ты — так себе!..

Кузьма молчит и не хлопает ртом. Гудит паровоз вдалеке.

Алеша. Пойдем, Мюд. Уж скоро вечер. На земле настанет тоска, а нам надо есть и ночевать.

Мюд. Алеша, у меня все идеи от голода болят! (*Трогает свою грудь.*)

Алеша (*касается Мюд*). Где?

Мюд. Там, Алеша, — где у меня бывает то хорошо, то нет.

Алеша. Это вредительство природы, Мюд.

Мюд. Она фашистка?

Алеша. А ты думала — кто?

Мюд. Я тоже думала, что она фашистка. Вдруг солнце потухнет! Или дождь — то капает, то нет! Верно ведь? Нам нужна большевистская природа — как весна была — правда? А это что? (*показывает на местность*) — это подкулачница, и больше ничего. В ней планового начала нету.

Кузьма невнятно рычит. Кратко, вблизи гудит паровоз.

Алеша регулирует Кузьму, и он умолкает.

Алеша. Пускай она посветится еще (*глядит на местность*). Мы ее тоже ликвидируем скоро, как зажиточное привиденье. Мы ведь ее не делали, — зачем же она есть?!

Мюд. Поскорей, Алеша, а то ждать скучно.

Слышны шаги людей.

Кузьма (*бормочет*). ...Нереагирование на активность...

Мюд. Что он?

Алеша. Это у него остаточные слова застряли. (*Регулирует Кузьму на его затылке.*)

Приходят человека 2–3 строителей — с сундучками, с пилами, с флагом в руках переднего.

Мюд. Вы кто — ударники, или нет?

Один из строителей. Мы, барышня, — они!

Мюд. А мы культработники. Нас колхозная избушка-читальня послала...

Один из строителей. Вы, что ж, побирушки, что ли?

Мюд. Алеша, они — идиотизм деревенской жизни!..

Кузьма (*рычит что-то; затем*). Живите смирно... Сейте кернаф и клещевину... (*Гудит дальше и умолкает; слышится трение внутри механизма.*)

Один из строителей. Сыграй, малый, и нам что-нибудь — для упоенья.

Алеша. Счас. (*Заводит Кузьму сзади.*)

Мюд. Клади пяточок в Кузьму (*показывает, куда класть — в рот*). Это на культработу с единоличными дворами. Вы ведь любите дворы?

Один из строителей кладет пятак Кузьме в рот.

Кузьма жевнул челюстью.

Алеша берет Кузьму за руку и ставит шарманку на игру.

Кузьма заскрежетал неразборчиво.

Алеша стал играть на шарманке ветхий мотив.

Кузьма запел более внятно.

Мюд (*поет вместе с Кузьмой*).

Все-мир-но-му про-ле-та-ри-ю,

Власть держащему, —

Слава!

Под-ку-лач-ни-ку, перегибщику, аллилуйщику,

Дву-руш-нику, беспринципщику,

Правому и левому

и вся-кой темной силе —

Веч-ный поз-ор!..

Кузьма (*после пения, — один*). ...А в избушке жить теплой, чем в социализме...

Другой из строителей (*выслушав*). Продай нам железного оппортуниста!

Мюд. Кузю-то?! Что ты — он нам самим дорог. А на что?

Другой из строителей. А для утехи. Бог же в свою бытность завел себе черта. Так и мы — будем себе держать оппортуниста!

Первый из строителей (*Алексею*). На, парень, тебе рубль за выдумку. Поешь, а то голова ослабнет.

Алеша. Не надо. Ты лучше свой расценочник понизь на постройке, а я везде почую твой рубль.

Мюд. Мы себе денег не берем — мы любим советскую валюту.

Кузьма. ...Ххады — херои... Живите потихоньку...

Алеша (*регулирует Кузьму, и тот замолкает*). Все время в нем какие-то контрольные лозунги бушуют. Не то он заболел, не то сломался!

Мюд (*строителям*). Ну, вы идите, идите. Нечего вам стоять, когда пятилетка идет!

Первый из строителей. Ну и барышня! Кто только ее мамаша была!

Другой из строителей (*вразумительно*). Социальное вещество!

Строители уходят.

За сценой тихо раздаются неопределенные иностранные звуки.

Мюд. Пойдем, Алеша. Я хочу чего-нибудь сытного.

Алеша (*налаживает Кузьму*). Сейчас пойдем... Что ты, жабочка, страдаешь все? Ты привыкни!

Мюд. Ладно. Я ведь люблю, Алеша, привыкать.

Появляется Стерветсен и его дочь Серена, девушка-европейка, с монгольским характером лица, на бедре у нее изящный револьвер; оба они с чемоданами, в дорожных плащах; прибывшие раскланиваются, здороваются с Алешей и Мюдом, а также с Кузьмой; Кузьма медленно подает руку в ответ Серене и Стерветсену. Иностранцы говорят по-русски; степень искажения языка должен взять сам актер.

Стерветсен. Здравствуйте, товарищи активщики...

Серена. Мы хотим быть с вами... Мы любим всю горькую долю!

Мюд. Ты врешь, у нас нету теперь доли. У нас теперь лето, у нас птички поют, у нас строится что-то такое! (*К Алексею — другим, мирным тоном.*) Алеша, она — что?

Алеша. Зажиточная, должно быть.

Кузьма. ...Ххады...

Алеша укрощает Кузьму.

Мюд (*к иностранцам*). Вы что такое?

Стерветсен. Мы... теперь неимущий дух, который стал раскулачен.

Серена. Мы читали, и нам производили... папа: информасьон?

Стерветсен. Четкое собеседование, Серен.

Серена. Собеседование, когда говорили: вы буржуазию, и еще раз полклясса, и еще крупный клясс четко послали на-фик!

Мюд. Она хорошая, Алеша. Мы их на-фик, а они с фика, и сама же ясно говорит...

Стерветсен. Я был молод и приезжал давно в Россию существовать. Я жил здесь в девятнадцатом веке на фабрике жамочных пышек. Теперь я вижу — там город, а тогда здесь находился редкий частичный народ и я плакал пешком среди него... Да, Серен!

Серена. Что, папа? Кто эти люди — батраки авангарда?

Мюд. Ты дурочка-буржуйка: мы поколение — вот кто!

Стерветсен. Они доброе мероприятие, Серен!

Алеша. А вам что здесь надо среди нашего класса?

Стерветсен. Нам нужна ваша небесная радость земного труда...

Алеша. Какая радость?

Стерветсен. У вас психия ударничества, на всех гражданских лицах находится энтузиазм...

Мюд. А вам-то что за дело?.. Раз мы рады!

Стерветсен. У вас организована государственная тишина и сверху ее стоит... башня надлежащей души...

Мюд. Это настройка! Не знаешь, как называется — мы вас обогнали!!

Стерветсен. Надстройка! Это дух движения в сердцевине граждан, теплота над ледовитым ландшафтом вашей бедности! Надстройка!! Мы ее хотим купить в вашем царстве, или обменять на нашу грустную, точную науку. У нас в Европе много нижнего вещества, но на башне угас огонь. Ветер шумит прямо в наше скучное сердце — и над ним нет надстройки воодушевления... У нас сердце не ударник, оно... как у вас зовется... оно — тихий летун...

Серена. Папа, ты скажи им, что я...

Кузьма. ...Рвачка!.. Сила элемента...

Серена (на Кузьму). Он знает все, как патрон...

Мюд. Кузя-то?! Он ведь нам подшефный элемент!

Стерветсен. Где у вас разрешается закупить надстройку? (Показывая на город.) — Там?.. Мы много дадим валюты! Мы отпустим вам, может быть, алмазный заем, корабли канадского зерна, наши датские сливки, две авиаматки, монгольскую красоту созревших женщин, — мы согласны открыть вам наши вечные сейфы... А вы — подарите нам одну надстройку! На что она вам? У вас же есть база, живите пока на фундаменте...

Кузьма (грозно рычит). ...Хитрость классового врага... Паппа римский...

А л е ш а (*укрощая Кузьму*). Ага. Ты хочешь закрыть у нас поддувало и сифон?! Чтоб мы сразу остыли!

Мю д (*шепотом Алеше*). Фашисты! Не продавай надстройки, мы сами залезем на нее!

А л е ш а. Не буду.

Серена. Папа, нам давали понятие вопроса — у них лежат установки. Купи тогда Европе установку. Надстройку им ведь жалобно дарить!

Стерветсен. Продайте установку! Я вам дам доллары!

Мю д. А у нас есть одна только директивка, и то маленькая.

Серена. Купи, папа, директивку. Надстройку экстремизма ты купишь после вдалеке.

А л е ш а. Мы директивы за фашистские деньги не продаем.

Мю д (*трогая револьвер на бедре Серены*). Отдай мне. У нас культурная революция, а ты с пистолетом ходишь. Как не стыдно?

Серена (*недоуменно*). А вам он сильно нужен?

Мю д. Ну конечно. У вас ведь нет культурной революции — вы ведь темные, злые, и нам полагаются от вас наганы...

Серена. Возьмите (*отдает револьвер*).

Мю д. Спасибо, девочка (*целует сразу Серену в щеку*). — Кто нам сдается, мы тому все прощаем.

Серена. Папа, Совет Юнион очень мил! (*К Алеше*.) — Сыграйте фокс!

А л е ш а. Советский механизм не смеет.

Стерветсен и Серена кланяются и уходят.

Мю д. Алеша, а как же они купят идею, когда она внутри всего тела?! Нам ведь больно будет вынимать!

А л е ш а. Ничего, Мю д. Я им продам... Кузьму. Ведь он — идея. А буржуазия от него помрет.

Мю д. Алеша, мне будет жалко Кузьму...

Кузьма. ...Отсталость... Бойтесь капитализма...

А л е ш а. Не скучай, Мю д. Мы закажем себе другого, а то Кузьма уже отстал чего-то от масс. (*Заводит Кузьму*.)

Кузьма начинает шагать со скрежетом внутри, бормоча невнятное железными устами. Все трое уходят. За сценой, уже невидимые, они поют песню в несколько слов. Алеша и Мю д петь перестают, а Кузьма, удаляясь, все еще тянет в одиночку чугунным голосом: э-э-э-э....

АКТ I

КАРТИНА 2

Учреждение — среднее между баней, пивной и баракком. Теснота служащих, чад, шум. Две уборные, две двери в них. Двери уборных открываются и затворяются: разнополые служащие пользуются уборными. Що е в —

за громадным столом. На столе рупор — труба, которой он пользуется для разговора со всем городом и кооперативами: город невелик, и рупор слышен всюду в окрестностях.

Щоев (*всему бушующему в делопроизводстве учреждению*).
Дайте мне задуматься. Прекратите там доносящиеся до меня запахи желудка.

Двери уборных останавливаются. Наступает всеобщая тишина. Щоев задумывается. Желудок его начинает ворчать; ворчание усиливается.

Щоев (*тихо*). Болит мое тело от продовольственных нужд. (*Гладит свой живот.*) Как задумаюсь, так живот бурчит. Значит, все стихии тоскуют во мне... (*В массу служащих.*) Евсей!

Евсей (*невидимо где*). Сейчас, Игнат Никанорович. Сейчас капустку с огурчиком подытожу и к вам явлюсь.

Щоев. Итожь их быстрее, не сходя с места! А я потом сам поутюжу твои числа. Ответь мне подробно, что мы сегодня непайщикам даем.

Евсей (*невидимо*). Клей.

Щоев. Достаточно. А завтра?

Евсей. Книгу для чтения после букваря, Игнат Никанорович.

Щоев. А вчера?

Евсей. Мухобойный порошок системы Зверева, — по полпачки на лицо.

Щоев. Разумно ли, Евсей, бить порошком мух?

Евсей. А отчего же нет, Игнат Никанорович?! Ведь установки на заготовку мух пока не имеется. Утиль тоже насекомых продолжает отвергать.

Щоев. Я не о том горюю — не перебивай ты мне размышления... Я тебя спрашиваю, что птицы-голуби или прочие летучие, что они будут есть, когда ты мух угроишь? Ведь летучее — это тоже пищевой продукт.

Евсей. А летучих в нынешнем году не ожидается, Игнат Никанорович. Их южнорайонные кооперативы вперед нас перехватили и заготовили. Мы весной, Игнат Никанорович, пустое небо ожидаем. Теперь муха звереть без птицы начнет.

Щоев. Ага, — ну нехай так. Пусть жрут летучих. Проверь мне через область телеграфом — не крадут ли в районе установок: десять суток циркуляров нет — ведь это ж жутко, я линии не вижу под собой!

Играет шарманка на дворе учреждения — старый вальс. Учреждение прислушивается. Щоев тоже.

Евсей (*все еще невидимый*). Не подать ли музыканту монету, Игнат Никанорович? Все-таки культработник человек!

Щоев. Я тебе подам!! Давалец какой! У нас финплан не выполняется, а он средства разбазаривает! Ты пойди у него на дирижабль пожертвование отбери — вот это так!

Евсей показывается, вставая из массы служащих, и уходит вон. Шарманка играет беспрерывно.

Переговорная труба на столе Щоева начинает гудеть. Шарманка затихает.

Щоев (*в трубу*). Алла!.. Ты кто? Говори громче, это я — другого нету!

Эти слова, сказанные в трубу, повторяются затем, втрое усиленные, где-то за стенами учреждения, и эхо от них раздается в окрестных пространствах, пустота которых чувствуется в долготе и скуке многократно отраженных звуков.

Разговор в трубе должен происходить этим порядком; особых ремарок, на каждый раз, не будет.

Далекий голос (*извне учреждения*). Грибки, Игнат Никанорович, червиветь начинают. Дозвольте скушать работникам прилавка — иль выдать массе!

Труба на столе секунду-две повторяет эти же слова совершенно другим голосом — более глухим, с другим выражением и даже с иным смыслом.

Щоев (*в трубу*). Какие грибы?

Далекий голос (*за сценой*). Грибки годовалые, соленые, моченые и сушеные...

Щоев (*не в трубу*). Евсей!

Служащие. Евсей, Игнат Никанорович, кампанию вышел проводить.

Щоев. Трудитесь молча: я сам вспомнил.

Шарманка играет новый мотив. Входит Евсей с чужой соломенной шляпой в руках, наполненной медными деньгами. Он высыпает деньги на стол Щоева. Шарманка утихает.

Евсей. Двадцать рублей дал. Говорит, после еще принесет. Я, говорит, дирижаблю рад: зря, что раньше не слышал про него, а то бы, говорит, сам выдумал советский воздушный корабль.

Щоев. Он что, энтузиаст всякого строительства, что ли?

Евсей. Да должно быть, Игнат Никанорович.

Щоев. Член чего-нибудь или нет?

Евсей. Говорит, ничего не член.

Щоев. Как же так? Чудно...

Пауза. Шарманка играет вдалеке, еле слышно.

Щоев. Сроду не видел энтузиаста! Десять тысяч пайщиков

объединяю, и все, как животные, — только есть хотят день и ночь. Пойди приведи его — для моего наблюдения.

Труба рычит что-то на столе.

Щоев (*смотрит в трубу, затем — Евсею*). Это ты грибки мучаешь второй год?

Евсей. Это не грибы, Игнат Никанорович, это соя в виде грибов, а я ее замариновать приказал... Чего спешить, Игнат Никанорович, люди ведь все могут поесть, а что толку! Пускай лучше материализму побольше будет, а людей и так хватит.

Щоев (*задумчиво*). Ты прав на все сто с лишним процентов. (*В трубу.*) Не трожь грибов, чертова саранча: пускай лежат в виде фонда!

Шарманка играет еще дальше.

Щоев (*Евсею*). Кличь сюда музыку: настроенья хочу.

Евсей уходит.

Щоев (*служащим*). Дайте мне бумажек подписаться: скучно чего-то сейчас на свете!

1-й служащий (*вставая из рядов столов*). Тут, Игнат Никанорович, подтверждения и напоминания лежат...

Щоев. Давай что попало.

1-й служащий подносит к столу Щоева папку с бумагами.

Щоев (*вынимает из ящика печать с факсимиле, дает печать 1-му служащему*). Колоти!

1-й служащий дует в печать и штемпелует бумаги.

Щоев (*сидит без делов*). Надо бы нам спустить директивку какую-нибудь на лавочную периферию.

1-й служащий. Спущу, Игнат Никанорович!

Щоев. Спусти, пожалуйста!

Входит Евсей. За ним — Алеша с шарманкой. Мюд пытается ввести за руку Кузьму, но туловище того не проходит в унину входа.

Мюд. Алеша, Кузе здесь тесно. Ему тут узкое место.

Алеша. Пускай он наружи остается.

Кузьма (*в дверь*). ...Не трожь капитализма-старика... Хххх... (*остаётся вне учреждения*).

Щоев. Вы кто?

Алеша. Мы пешие большевики.

Щоев. Куда ж вы идете теперь?

Алеша (*глубоко искренне*). Мы идем по колхозам и постройкам в социализм!

Щоев. Куда?

Мюд (*детски задушевно*). В социализм!

Щоев (*задумчиво*). Далекый прекрасный район.

Мюд. Да, вот, далекий. А мы все равно дойдем.

Щоев. Евсей, дай этой девочке конфетку.

Алеша (*обнимая Мюд*). Не надо — она к сладкому не привыкла.

Мюд. Сам соси конфетку, эгоист сладкоежка!

Щоев (*выходит из-за стола к людям*). Дорогие товарищи, трудящиеся, потребители, члены, пешеходы и большевики, я вас всех замечательно люблю!..

Евсей (*к Мюд*). Вам, барышня, с какой начинкой конфеток принести: с вареньем или с вишневым соком?

Мюд. Пусть меня пролетариат угощает, а не ты. У тебя неклассовое лицо.

Щоев. Люблю, Евсей, я это поколение! А ты?

Евсей. Да приходится любить, Игнат Никанорович!

Алеша (*не понимая обстановки*). А у вас здесь строится социализм?

Щоев. Ну еще бы!

Евсей. Полностью!

Алеша. А можно мы тоже будем строить?.. Все время играть на музыке — это сердце болит.

Мюд (*касаясь Алеши*). А мне скучно стало жить на свете пешком.

Щоев. А зачем вам строить? Вы весна нашего класса, а весна должна цвести. Играйте на музыке! Как скажешь, Евсей?

Евсей. Да я полагаю, Игнат Никанорович, что мы управимся без малолетних! Пускай уж, когда все будет готово, приходят жировать!

Мюд. А нам охота!

Щоев. А вы можете массы организовать?

Алеша и Мюд несколько времени молчат.

Алеша. Я могу только дирижабль выдумать...

Пауза.

Щоев. Ну вот. А говоришь — тебе охота. Вы лучше оставайтесь в нашей многолапчатой системе как музыкальные силы. Будете утешать руководство... Евсей, у нас там полагаются по штату утешители?

Евсей. Я, Игнат Никанорович, полагаю, что возражений не встречается. Пусть утешают...

Щоев (*глубоко размышляя*). Отлично. Тогда привлечем, Евсей, этих бредущих, пускай они остановятся. (*К Алеше.*) Сыграй мне что-то нежное!

Алеша берет шарманку, играет грустную народную песенку.

Щоев, Евсей, все учреждение в глубокой паузе. Учреждение бездействует. Все задумываются.

Алеша перебирает регистр, играет другую песенку.

Мюд (*постепенно, незаметно входит в мотив и начинает негромко петь*).

В страну далекую
Собрались пешеходы,
Ушли от родины —
В неизвестную свободу,
Чужие всем —
Товарищи лишь ветру...
В груди их сердце
Бьется без ответа...

Алеша играет еще некоторое время, после того как Мюд уже умолкла.

Щоев, по мере музыки и песни, склоняется на стол и тихо плачет от тоски.

Евсей, глядя на Щоева, также искажил лицо в страдании, но слезы у него течь не могут.

Учреждение безмолвно плачет.

Пауза.

Щоев. Жалостно как-то, черт ее дери!.. Евсей, давай организуем массы!

Евсей. На них тогда овощей не хватит, Игнат Никанорович.

Щоев. Эх, Евсей, давай верить во что-то!.. (*Утирает слезы. Алеше.*) Ты бы вот выдумал, как лучше слезы сушить на плакальщиках, а не дирижабль!

Алеша. Я могу.

Щоев. Зачисль тогда, Евсей, его штатным утешителем масс — согласуй с треугольником, — давай заготавливать массы в аппарат.

Евсей. Нужно ль, Игнат Никанорович? Нам и так одну выдженку Евдокию отгрузили уже!

Алеша тихо играет на шарманке танцевальный мотив. Мюд слегка движется в танце.

Щоев. А что она делает сейчас?

Евсей. Да ничего, Игнат Никанорович, — она женщина!

Щоев. Что ж такое, что женщина, — в ней тоже есть что-нибудь неизвестное!

Евсей. В ней молоко есть, Игнат Никанорович!

Щоев. Ага. Пускай тогда по молоку и маслу она играет ведущую роль в аппарате.

Евсей. Пускай, Игнат Никанорович!

Алеша играет несколько громче тот же танец.

Учреждение, не поднимаясь с мест, сидя, движется туловищами в такт танцу.

Труба на столе Щоева рычит.

Щоев (*в трубу*). Алла! Это — я!!

Труба. Птицы, Игнат Никанорович, летят над районом!

Щоев (*в трубу*). Откуда?

Труба. Неизвестно. Из иностранных держав.

Щоев. Сколько их?

Труба. Три!

Щоев. Лови!

Труба. Сейчас.

Шум ветра над учреждением, крики птиц.

Щоев. Евсей, это что такое?

Евсей. Это, Игнат Никанорович, новый квартал наступает, по-старому — весна!

Щоев (*задумчиво*). Весна... Хорошая большевистская эпоха!

Евсей. Терпимая, Игнат Никанорович.

Мюд. Сейчас весны нету, она уже давно прошла. Сейчас лето наступило — строительный сезон!

Щоев. Как лето?!

Евсей. Да это все равно, Игнат Никанорович. Только ведь погода меняется, а время одинаковое.

Щоев. Ты прав, Евсей...

Петр Опорных (*входит; в руках у него курица и два голубя*). Этта... Как-то ее?! Вот я, стало быть, Игнат Никанорович, заготовил тебе птичку: одну курочку неимущую и еще голубей два!

Мюд. Весной прилетают только странные птицы, а не куры. Все куры — колхозницы.

Алеша (*рассматривает птиц в руках Опорных; на ногах курицы ярлычок, а у голубя — бумажная трубка. Алеша читает их*). «Курица заявляет проклятье расточительству. Ей дают непотребную массу зерна, отчего зерно пропадает или его доедают хищники. А пить ей не дают ни капли. Курица заявляет негодование этой недооценке. Пионеротряд совхоза “Малый Гигант”».

Щоев. Не можем таких заготавливать — установки нету. Швыряй ее, Петр, прочь.

Опорных берет курицу за голову и швыряет ее в дверь. Голова курицы остается у него в руках, а туловище исчезает.

Евсей (*глядя на куриную голову, на ее моргающие глаза*). Теперь курочка умиралась и далее не полетит.

Щоев (*Алеше*). А египетский голубь нам что сообщает?

Алеша (*читает*). Написано капиталистическим языком: нам не очень ясно.

Щоев. Тогда — бей обзешь кулацкую пропаганду!

Мюд. Дайте я его лучше съем с бумажкой.

Щоев. Ешь, девочка, без остатка.

Евсей (*к Мюд*). Я тебе съем! Может быть, это нам египетский пролетариат сводочку о достижениях прислал...

Щоев (*задумчиво*). Далекий изможденный класс... Опорных, береги голубя, как ты профсоюзную книжку бережешь!

Далекий шум. Все прислушиваются.

Шум увеличивается, превращается в гул.

Щоев. Опорных, обследуй! Кто там нарушает...

Гул усиливается и одновременно теряет однообразие звука — слышны как бы отдельные голоса. Труба на столе Щоева гудит.

Опорных. Что там за чума!.. (*Уходит.*)

Маленькая пауза страха.

Евсей (*кричит изо всего усердия*). Игнат Никанорович, это интервенция!!

Работа учреждения враз замолкает.

Мюд вынимает из своей кофты револьвер. Алеша берет со стола Щоева рычащую трубу, труба отрывается от устройства и продолжает рычать в руках человека. Оба бегут на выход с этими предметами и скрываются.

Странный гул усиливается, но делается как бы шире и мягче, подобно потоку воды.

Евсей (*ужаснувшись*). Говорил я тебе, Игнат Никанорович, что сильна буржуазия-матушка...

Щоев. Ничего, Евсей, может — это буржуазия мелкая... А где же мои массы?! (*Оглядывает учреждение: учреждение пусто; несколько ранее все служащие молча скрываются куда-то.*)

Кузьма разламывает дверной вход и пролезает в учреждение. Садится среди пустоты столов и берет ручку. Щоев и Евсей в страхе следят за ним.

Входит Мюд с револьвером в руке.

Мюд. Это гуси-лебеди летят. Дураки!

Гул превращается в голоса тысяч птиц. Слышно, как птичьи лапки касаются железной крыши учреждения: птицы садятся, переключаясь между собой.

Щоев. Евсей, кликни мне служебные массы: куда они скрылись? Надо нам что-то налаживать!

Кузьма встает и проходит в уборную, резко захлопывая за собой дверь.

АКТ I

КАРТИНА 3

То же учреждение, что и во 2-й картине. Трубы на столе Щоева нет. Пусто. Один Щоев. Птицы жалобно кричат вне учреждения: их там бьют и морят чем попало.

Щоев (*жует пищу*). Народ нынче прозорлив стал: строит какие-то кирпичные корпуса, огорожи, башни и три раза обедать хочет, а я сиди и угощай каждого! Трудно все-таки быть кооперативной системой! Лучше б я предметом каким-нибудь был или просто потребителем... Что-то у нас идеологической надстройки мало: не то все выдумали уже, не то еще что! Все мне охота наслажденье какое-то иметь!.. (*Подбирает крошки от употребленной пищи и высыпает их дополнительно в рот.*) Евсей!!

Евсей (*за учреждением*). Сейчас, Игнат Никанорович.

Щоев. Откуда-то эта птица-сволочь еще появилась! Так было покойно и планомерно, весь аппарат взял себе установку на организацию мясных рачьих пучин, а тут эта птица мчится — заготовь ее попробуй! Эх ты, население-население, замучило ты коопсистему!.. Клокотов!!

Клокотов (*за стенами учреждения*). Иду, Игнат Никанорович.

Входит Клокотов — весь покрытый птичьими перьями.

Щоев. Ну как там?

Клокотов. Да что ж, Игнат Никанорович, конечно это не дело!

Щоев. А что ж это такое?

Клокотов. Весь план срывается, Игнат Никанорович... Мы уже взяли установку на организацию рачьих пучин — так бы и надо держать. Туловище рака, Игнат Никанорович, лучше любой говядины. А то вчера был рак, сегодня птица летит, завтра зверь выскочит из лесов, а мы, значит, всю систему должны трепать из-за этой стихии?!

Щоев — молчит задумчиво.

Клокотов. Так не годится, Игнат Никанорович! И население избалуется! Раз уж мы приучили его к одному сорту пищи — ему и хорошо! А это что ж такое: из буржуазных царств теперь может вся живность броситься в нашу республику: там ведь кризис — разве ее можно всю съесть?! У нас едоков не хватит!

Щоев. Ну а как раки твои в наших пучинах?

Клокотов. Раки молчат, Игнат Никанорович, рано еще.

Евсей (*входит, весь в птичьих перьях*). Игнат Никанорович! Птица с документами прибыла. Ты гляди! (*Вынимает из кармана несколько картонных кружочков.*) На каждой номер, на каждой штемпель! Она организованная, Игнат Никанорович! Я ее боюсь!

Щоев (*задумчиво и медленно*). Организованная птица... Четок воздух над нашей землей!

Опорных (*входя; весь мокрый, в длинных сапогах*). Рыба поперла, Игнат Никанорович!..

Клокотов. Я так и знал!..

Опорных. Рыба поверху прет, а птица подлетает и жрет ее...

Евсей. Это прорыв путины, Игнат Никанорович!

Щоев. А никого там нету... из крупных животных каких-нибудь — кто бы и птицу скушал! Верно ведь?

Клокотов (*удовлетворенно*). Конечно, Игнат Никанорович! Нам ничего и не надо. По мясу мы раком обойдемся, по маслу — ореховым соком, а по молоку — так мы дикий мед смешаем с муравьиной кислотой, и все. Наука теперь, говорят, этого достигла.

Евсей. Мы потихоньку, Игнат Никанорович, всех снабдим. У всех будет полный аппетит!

Опорных. Так что же... этта... скажете? Птицу лупить или рыбу ловить?..

Нарастающий шум за сценой — что и во 2-й картине.

Щоев. Выйди глянь, Евсей!

Евсей исчезает.

Щоев. Отчего птица-то к нам из буржуазии летит?..

Опорных. Наша страна дюже жирна, Игнат Никанорович. Рождается что попало — и живет!

Щоев. Не брешы. Тогда бы все в тару само лезло.

Опорных. А у нас человек дурак, Игнат Никанорович. У нас — как-то ее? — у нас тары нету!

Щоев. Человек же это я...

Шум увеличивается. Вбегает Евсей.

Евсей. Еще летит туча целая!..

Щоев. Кто летит?

Евсей. Гуси, воробьи, журавли, а низом — петухи мчатся... Чайки какие-то!

Щоев. Боже мой, боже мой!.. За что ты оставил меня на этом посту?! Лучше б я перегибщиком был, и жил теперь на покое!

Опорных. Теперь всю рыбу слопают!.. Так как же быть-то,

этга, руководящие?! Заготавливать из воды постную пищу — или попам оставить?

Евсей (*к Опорных*). Петя, не активничай, когда тебя не привлекают!

Щоев. Евсей! Думай ты ради бога что-нибудь определенное! Ты видишь, у меня сердце болит.

Евсей. А я уже все выдумал, Игнат Никанорович!

Щоев. Так доложи мне, возьми установку и делай.

Евсей. В Осоавиахиме артиллерийский кружок, Игнат Никанорович, находится, а в кружке пушка — разрешите пальнуть по птичьему стаду!

Щоев. Ступай пальни!

Евсей и Клокотов уходят. Шум за сценой продолжается и переходит в птичьи крики.

Опорных. Игнат Никанорович! Зачем гнать птицу-то эту мимо? Мы б управились и птицу поймать, и рыбу вытащить — народ — как-то она? — работает охотно.

Щоев. Мало ли что! Пусть летят в другие районы — там тоже есть кому жрать! Что ты за эгоист такой — я прямо удивляюсь тебе?!

Опорных бурчит про себя чего-то.

Щоев. Ну, ты что там еще! Забыл про мое единоначалие, беспринципщик дьявол какой!.. Иди, Петя, на свою путину.

Опорных (*уходя*). Вот, — этга, как-то ее... вот он стерва мужичок какой!

Щоев. Устал я чего-то... Трудно мне кормить до гробовой доски такое тяжкое население!..

Шум за стеной несколько рассеивается и слышен тихо.

Входят Мюд и Алеша. Оба — в птичьих перьях. У Мюд перья даже в волосах.

Мюд (*Щоеву*). Отчего ты важный такой?

Щоев. Я не важный — я ответственный. А вы что вернулись? Вы видите, на кооперацию животные напали?!

Алеша. Это ничего, товарищ Щоев. Пролетариату пища всегда подходяща. Мы вдвоем тышу штук заготовили. Мы...

Щоев. Будет тебе мыкать-то: мы-мы!.. Куда б ты годился, если б я тебя не возглавил!

Мюд. Алеша, а где ж тут партия и ударники?.. Мне здесь становится скучно!

Щоев (*несколько задумчиво*). Скука... Нежное, приличное чувство — в молодости от него трудности роста бывают...

За сценой что-то шипит, точно разгорается громадный огонь.

Алеша (*Щоеву*). Дядь, давай рационализацию выдумаем, а то у тебя ненаучно как-то все...

Шум за сценой превращается в рев и вдруг сходит на нет.

Щоев (*задумчиво*). Рационализация... (*Трогает Алешу.*) Может быть, ты гений масс, хотя я, брат, тоже задумчивый человек... (*Углубленно.*) Пускай теперь наука трудится, а человек около нее как на курорте. Приличное дело!.. Мы хоть туловищем отдохнем... Хоть...

За сценой — продолжительный нарастающий рев, как от разгорающегося пламени. Маленькая пауза. Тихий удар пушки.

Задняя (считая от зрителя) стена учреждения медленно валится, ветер врывается в учреждение, тысячи птиц взлетают с крыши учреждения. Открывается районный ландшафт: две кооперативные лавки с приказчиками наружи; ворота с надписью «Парк культуры и отдыха», у этих ворот — очередь. Первый в очереди — Кузьма. Все это зрелище вначале застлано дымом. Дым рассеивается. Четыре крупные девушки-о-со ави ахимовки несут двое носилок в учреждение, проходя через поверженную стену. На носилках — Евсей и Клокотов. Носилки ставятся на пол перед Щоевым. Евсей и Клокотов привстают и садятся в носилках.

Евсей. Пушка, Игнат Никанорович!..

Щоев. Ну что пушка?.. Ну пушка!

Евсей. Пушка, Игнат Никанорович, цельный час разгоралась, а потом стрельнула...

Щоев. Это хорошо, что стрельнула.

Клокотов. Она в нас стрельнула!

Евсей. Она вниз бьет, Игнат Никанорович, — у ней на дуле лозунг висит...

Щоев. А вы-то что: убитые или нет?

Евсей. Да нет, Игнат Никанорович, — приходится жить еще! Что ж поделаешь?

Щоев (*на санитарок*). А девки эти кто?

Евсей. А для них это общественная работа, Игнат Никанорович. Они рады людей таскать.

Кольцевой почтальон (*подбегает с сумкой к очереди людей у парка культуры и отдыха и говорит*). Граждане, отдайте пакет кооперации — мне каждый шаг ведь дорог, а вы все равно на ногах.

Люди из очереди показывают на Кузьму.

Кольцевой почтальон засовывает пакет Кузьме в какую-то прореху и экстренно мчится вдаль.

Кузьма начинает шагать на кооперацию. Не теряя порядка очереди, люди также движутся на учреждение, во главе с Кузьмой.

Щоев (*осоавиахимовкам*). Слушайте меня, девки! Раз вы любите тяжести, то поднимите мне стенку учреждения, а то я все время вижу разные массы и рассеиваюсь...

Одна из осоавиахимовок. Это можно, гражданин. Ты от того и начальник, что никому не видим... Ты думаешь — мы дурачки, что ль?!

Вчетвером берут легко бревенчатую стену и ставят на место, загораживая учреждение от районного мира.

Сами осоавиахимовки остаются уже вне учреждения.

Мюд. Алеша, здесь что такое — капитализм или второе что-нибудь?

Щоев. Евсей! Организуй, пожалуйста, эту девочку. У меня от нее изжога начинается.

Евсей. Я ее на заметку возьму, Игнат Никанорович!

Щоев. А где же мое учреждение?

Евсей. Оно выходное, Игнат Никанорович!

Щоев (*задумчиво*). Выходное... Хорошо бы оно не возвращалось. Я бы тогда его враз со снабжения снял и план выполнил! Евсей, давай возьмем курс на безлюдие!

Евсей. Давай, Игнат Никанорович! А как?

Щоев. А я почему знаю — как?! Возьмем курс, и все!

Алеша. Можно механизмы выдумать, товарищ кооператив. Механизмы тоже могут служить.

Щоев. Механизмы... Что же, это отлично: сидит и крутится какое-нибудь научное существо, а я им руковожу. Это мне приятно. Я бы всю республику на механизмы перевел и со снабжения снял. Как, Евсей?

Евсей. Нам было бы легче, Игнат Никанорович.

Клокотов. Нормальный бы темп работы наступил!

Мюд. Птицы летят, рыба плывет, люди кушать чего-то хотят, а они думают... Алеша, я здесь не понимаю!

Щоев. Вот дай я тебя возглавлю, тогда все поймешь!

Опорных (*входит, весь мокрый*). Так как же... этта, как ее... рыбку-то ловить, или пускай живет?..

Щоев. Заготовляй, конечно.

Опорных. Кадушек нету, Игнат Никанорович... А бочары говорят — как-то ее? — ты соли им за прошлый месяц не давал. Дай, говорят, нам соль, а то хлеб насущный не соленый!..

Щоев. А ты, Петя, пойди и скажи им, что они оппортунисты.

Опорных. А они мне сказали, что ты оппортунист! Так как же мне быть?

Мюд (*ко всем*). Это кто? Фашисты?

Опорных. Еще встречные девки говорили мне про ягоду. Она, Игнат Никанорович, говорят, в лесах поперла... Все, как-то

это говорится, летит, прет, плывет и растет, а у нас тары нету. Я хожу и мучаюсь.

Шум за сценой.

Щоев (*к Алеше*). Где твоя музыка, музыкант! Опять мне чего-то печально от мненья и мечты... Евсей, погляди, кто там шумит и нарушает!

Евсей уходит. Вместе с ним исчезают наружу Алеша и Мюд. Шум людей за сценой увеличивается.

Опорных. Еще, Игнат Никанорович, птичьи стада помету навалили. Целые курганы лежат, а, говорят, это золотое дно. Так как же — заготавливать его, иль — пускай так?

Шум за сценой утихает.

Щоев. Что тебе помет? Ты ведь самый задний человек в своем классе! Из птичьего помета заграничные химики железо и сливки делают, а ты говоришь — помет! Что ты понимаешь?!

Евсей входит.

Клокотов. Давайте выпишем, Игнат Никанорович, заграничного ученого — у нас масса загадочных вопросов стоит.

Евсей. Конечно, надо выписать. Заграничным особый продукт дают, и они одежду привозят в чемоданах.

Щоев. Правильно, Евсей. Кто там шумел наружи?

Евсей. Массы пайщиков двигались сюда, а я их окоротил.

Щоев. Зря, Евсей. Ты бы выбрал от них представителя, чтоб он уж вечно был один за всех.

Евсей. А я уж его выбрал, Игнат Никанорович, и должность ему дал — он теперь уgomонится.

Щоев. Ты прав, Евсей. Мы всегда с тобой отчего-то правы!

Тихо стучат в дверь.

Щоев. Да, пожалуйста, будьте любезны — войдите.

Входят датский профессор Эдуард-Валькирия-Гансен Стерветсен и его дочь — Серена.

Стерветсен. Здравствуйте, господа русские максимальные люди!

Серена. Мы — научность, которая знает пищу. Здравствуйте!

Щоев. Здравствуйте, господа буржуазные ученые! Мы здесь сидим и всегда рады науке.

Евсей. Мы и науку заготавливаем...

Стерветсен. Мы с детства максимально любим кооперативность. В Юнион Рашион Совет кооперативность прелестна —

мы хотим учиться всему пищевому и еще товарному... я грустно затрудняюсь... самотеку!

Щоев. Ага, приехали. Теперь наша кооперативность прелестной стала, когда мы вас догнали и перегнали! Евсей, уважай этих чертей!

Серена (*отцу*). Он говорит — шорт!

Стерветсен (*дочери*). Потому что, Серен, у них нет бог, остался его товарищ — шорт.

Щоев (*торжественно*). Товарищи буржуи. Вы попали в самый расцвет реорганизации нашего аппарата. Так вы, во-первых, ступайте, отдохните, опомнитесь, а через десять дней, во-вторых, являйтесь в нашу кооперативность — тогда мы вам покажем!! А чемоданчики оставьте здесь — наша земля любую тяжесть выдержит.

Стерветсен. Прелестно (*кланяется*). Идем, Серен, нам надо поскорей опомниться.

Серена. Папа, я так чему-то рада...

Уходят, оставляя чемоданы в учреждении.

Щоев. Евсей! Организуй мне бал! Устрой великую рационализацию, приготовь мощную пищу!

Евсей. Рационализацию-то я сделаю, Игнат Никанорович, ума в массах много, только пищи, боюсь, не хватит.

Щоев (*задумчиво*). Пищи, говоришь, нет... Ну что ж! Мы сорганизуем вечер испытаний новых форм еды. Мы нарвем любых злаков, — мы муку из рыбы сделаем, раков вытащим из воды, птичий помет обратим в химию, суп составим из сала от мертвых костей и квас заварим из дикого меда пополам с муравьиной кислотой... И далее того — мы из лопухов блины такие испечем, что ты их будешь есть с энтузиазмом! Мы всю природу в яство положим, всех накормим дешевым вечным веществом... Эх ты, Евсей, Евсей: еда же одна социальная условность, и больше нет ничего!..

Треск мотоцикла за учреждением.

Входит человек: агент совхоза.

Агент совхоза. Я из совхоза водно-воздушных мелких животных «Малый Гигант». У нас птицы разбили птичник и сбежали. У нас вода промыла плотины — и рыба бросилась по течению. Вы не замечали этих животных в вашем районе?

Евсей. Нет, товарищ, мы заготавливаем некультурных животных. Мы любим трудности.

Агент совхоза. А я видел сейчас людей в перьях!

Щоев. Люди в перьях? Они врут. Это неверно, товарищ!

Агент совхоза. А?!

АКТ II

КАРТИНА 1

То же учреждение, но несколько измененное. Оно оборудовано разными механизмами. По мере их пуска в ход, зритель понимает их назначение. У задней стены лежат иностранные чемоданы. Чисто. Один длинный стол. Трибуна у стола. На столе ничего нет. В одном углу находится рояль. В другой стороне шарманка; на месте ручки у нее шкивок, от шкива идет вверх ременная передача. Тихо и безлюдно. Во второй, соседней половине учреждения — шум варева.

Входят Евсей и Алеша.

Евсей. Ну как у тебя тут — все прилично?

Алеша. Устроено подходяще.

Евсей (*оглядывая Алешу*). Ты что-то похудел.

Алеша. Мысли из туловища выпустил много, и мне скучно в вашем районе... Евсей, когда же настанут будущие люди — мне надоели, кто живет сейчас. Ты ведь тоже стервец, Евсей!

Евсей. Я-то? Я — стервец. Оттого я и цел. Иначе бы давно погиб, может — и не родился бы. А ты что думал?

Алеша. А как же я тогда жив?

Евсей. Стихийно... Да разве ты живешь? Ты движешься, а не существуешь. Ты зачем стал шарманщиком, летун дьявол?

Алеша. Социализма хочу поскорей добиться. Рвусь куда-то все время вдаль.

Евсей. Социализм наступит для разумных элементов, а ты пропадешь: ты же — ничто, тебя возглавить надо.

Алеша. Пускай. Я себя все равно не считаю. Но отчего ты весь гад, а важней меня?

Евсей. Я-то? Да это меня массы изгадили: руководишь ведь кой-чем.

Алеша (*углубленно*). Уж скоро коммунизм, — тебя на свете не будет.

Евсей. Меня-то? Что ты? Я боюсь, что света без меня не останется — вот чего!

Шум изготавливающейся пищи раздается сильнее.

Входит Щоев.

Алеша занимается монтажом наличных механизмов.

Щоев. Доложи, Евсей!

Евсей. Все нормально, Игнат Никанорович! Суп из крапивы готов, щи из кустарника с дубовым салом — париться поставил, механические бутерброды лежат на посту, компот из дяльского сока — на крыше холодится, котлеты из чернозема жарятся. А что касается каши из саранчи и муравьиных яиц, то она прет,

Игнат Никанорович! Все прочее — также мобилизуется на плите, а сладкое из клея и кваса поспело первым!

Щоев. А соус, — под каким соусом вы это подадите?

Евсей. Соус, Игнат Никанорович, вещь ложная. Мы даем жидкое подспорье из березового сока!

Щоев. А это... Для ясности перспективы ничего не будет?

Евсей. Укус, Игнат Никанорович, — укус с махорочной крошкой и сиреневым кустом!

Щоев. Прелестно, Евсей. Теперь сообщи — как с инвентарем.

Алеша. А я вам всю посуду из дерева надолбил. У вас ложек и чашек нигде нету — вы же не догадались, что кругом леса, а в лесу колхозы с рабочими руками. Тут можно устроить целый деревянный век!

Щоев. Деревянный век... Что ж, это тоже приличная переходная эпоха была!

Шум людей за дверью.

Евсей. Гостевая масса идет, Игнат Никанорович!

Щоев. Не пускай. Дай нам опомниться.

Евсей запирает дверь на засов.

Щоев. Вот чего... А научного буржуя с дочкой ты чем будешь кормить?

Евсей. Тем же, Игнат Никанорович. Он сам мне сказал, что сочувствует великой еде будущего и готов страдать за новую светлую пищу.

Щоев. А я что буду есть?

Евсей. Ты, Игнат Никанорович, совместно со мной будешь. Мы с тобой попробуем паек заграничного ученого — я у него для опыта всю пищу взял.

Щоев. Ты умен, Евсей!

Евсей. Ну еще бы! Надо ж всесторонне...

Гости бушуют за запертой дверью.

Щоев. Пускай едоков, Евсей. Алексей, заводи аккорды.

Алеша пускает шарманку: переводит рычаг, — и приводной ремень, шлепая во все время игры сшивкой по шкиву, начинает вертеть шарманочный валик. Шарманка тихо, мелодично играет вальс «На сопках Маньчжурии».

Евсей открывает дверь. Входят: Стерветсен под руку с дочерью и с ящиком в другой руке, Клокотов, выдвиненка Евдокия, пять девушек-служащих (1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я), Петр Опорных под руку с маленькой женой, трое служащих мужчин с женами (1-й, 2-й, 3-й) и представитель кооперативного населения — Годовалов. Затем — пожарный в полном

боевом обмундировании и в каске, который становится у дверей; наконец — милиционер.

Шарманка перестает играть. Стерветсен передает Евсею ящик с продуктами.

Евсей. Слушайте меня, товарищи гости! Разрешите мне вас за что-то поприветствовать! Давайте все обрадуемся сегодня...

Щоев. Останови, Евсей, свое слово! Я еще не высказывался...

Евсей. Да я, Игнат Никанорович, как говорится...

Щоев. Ты всегда поступай не как говорится, а как подразумевается... Слушайте меня, товарищи гости...

Гости сели было, потом все встают, кроме Стерветсена и его дочери, и слушают стоя.

Щоев. Товарищи здешние и заграничные! Я хочу вам сказать что-то особенное, но отвык от счастья настроеня. Мучает меня тревога за сытость масс... Недоумение тоскует во мне... Ввиду же роста темпов аппетита масс, перед нашей коопсистемой встала одна явная необходимость, а именно — преодолеть какую-то явную недооценку чего-то... Для сего нужно лишь проглотить пищу, а когда она попала в желудок — то пускай она там сама разбирается, пускай скучает или радуется. Нынче же мы должны испытать в глубине своих туловищ силу новой пищи, которую мы заготовили из самотечных природных материалов. Да здравствует пятилетка в 4 года!

Аплодисменты всех. Общее «ура».

Люди прекращают аплодисменты, опускают руки, но аплодисменты не прекращаются, а усиливаются, превращаются в овацию. Повторяется, еще более громогласно, крик «ура», металлического тона.

Все гости испуганы.

Алеша жмет рукой рукоятку одного деревянного грубого механизма (он виден отчасти зрителю), приводной ремень сверху вращает механизм — он аплодирует и кричит «ура».

Алеша отжимает рукоятку; ремень останавливается; механизм затихает.

Щоев. Евсей!

Евсей. Алексей!

Алеша. Даю питание. *(Переводит рычаг.)*

Грохот неведомого механизма. Затем — тихо. По столу на конвейере — медленно выплывает громадная деревянная чашка, над нею пар, вокруг чашки стоят прислоненные солидные деревянные ложки.

Гости берут ложки.

Щоев. Музыка бодрящую, Алеша!

Алеша. Даю ее. Чего играть?

Щоев. Уважь, пожалуйста, — заведи что-нибудь задушевное.

Алеша включает шарманку. Она играет задушевное.

Гости едят. Щоев и Евсей сидят на трибуне. Евсей вынимает из ящика, доставленного Стерветсеном, отдельную пищу — колбасу, сыр и пр., и ест ее со Щоевым на трибуне.

Опорных. Этта... Игнат Никанорович! Это что же, такие щи ты навеки учредил? Иль просто это одна кампания?

Щоев. Ешь, Петя, не будь оппортунистом.

Опорных. Мне что! Я только говорю... как-то ее... у нас говядина и капуста есть в республике. Может, лучше б кушать нормальные щи! А то желудок разбухнет!

Евсей. Петя! Кушай молча, — испытывайся.

Опорных. Да я молчу. Я сейчас думать буду для пробы...

Шарманка замолкает.

Щоев. Алеша! Угоди-ка нам вторичным блюдом. Дай для опыта кашку!

Алеша переводит рычаг. Грохот. Чашка со щами уползает. Грохот прекращается. Выплывает миска с кашей.

Годовалов (*встает*). Ото всех потребляющих членов, которые уполномочили меня думать за них и еще...

Евсей. Мучиться за них душой, товарищ Годовалов...

Годовалов. И еще мучиться душой, — я выражаю всеобщее гигантское чувство радости, а также энтузиазм...

Алеша включает автомат. Раздается гром аплодисментов. Годовалов садится. Все едят кашу.

Щоев. Ну как она, товарищи?

Серена. Папа! Это — саранча? Они едят вредителей.

Евсей. Верно, барышня. Мы вредителей прячем в себя.

Серена. Тогда вы будете вредным...

Годовалов. Каша приличная, Игнат Никанорович.

1-й служащий. Эти опыты имеют громадное воспитательное значение, товарищ Щоев. Их надо устраивать каждую декаду.

1-я служащая. Ах, мне ужасно мило здесь. Я в первый раз вижу интервенцию.

Щоев. Эй, дура... Молчи, когда слов не знаешь. Сиди и чувствуй что-нибудь бессловесно.

1-я служащая. Но мне чего-то хочется, Игнат Никанорович... Я вся полностью волнуюсь!..

Евсей. Поля!! Ты мамаше шепотом потом все расскажешь, а здесь ты для опыта...

1-я служащая. Ах, Евсей Иванович, мне так нравится наше учреждение... Я так что-то чувствую...

Стерветсен. Ничего не следует оставлять без испытания. Весь мир лишь эксперимент...

Щоев. Тише там глотайте! Дайте нам слушать научное!

Стерветсен. Я говорю: весь мир есть эксперимент божьих сил. Ты согласна, Серен?

Серена. Папа, разве бог тоже профессор? А зачем тогда ты?

Евсей (*тихо — Щоеву*). Игнат Никанорович, это религиозная пропаганда!

Щоев. Пускай, Евсей. Им можно: они ненормальные... Алеша! Давай всю пищу на выбор!

Алеша переводит рычаг. Грохот. По конвейеру уплывает каша. Грохот утихает. Контейнер подает постепенно серию различных кушаний.

Щоев. Вкушайте, товарищи, эти яства без остатка. У нас всего много — у нас одна шестая всего земного глобуса... Алеша! Организуй бутерброды!..

Алеша включает некий деревянный аппарат; в аппарате заранее заложена коврига хлеба. Аппарат режет хлеб на ломтики, и эти ломтики автоматически мажутся каким-то белым веществом; затем готовые бутерброды сошвыриваются лапой аппарата на деревянное блюдо. Блюдо поступает на конвейер.

Стерветсен (*разглядывая действие аппарата*). Это изумительно, Серен. Это гигиена!

Серена. Папа, мне нравится Алеша.

Щоев. Алексей!! Сделай заграничной барышне что-нибудь любезное — ты ей нравишься!

Алексей подходит к Серене и целует ее, приподымая все ее тело с места.

Стерветсен. Это дико, Серен!

Серена (*оправляясь*). Ничего, папа, мне же не больно. Я должна ведь почувствовать Юнион Рацион Совет.

Щоев (*сурово*). Не будь беспринципщиком, Алексей!..

Серена (*Алексею*). Вы любите что-нибудь на свете, или один коммунизм?

Алексей. Я люблю больше всего дирижабль. Я все думаю, как он взойдет над всею бедной землей, как заплачут все колхозники вверх лицом и я дам ревушую силу в моторы, весь в слезах классовой радости... Мы полетим против ветра надо всеми океанами, и мировой капитал сильно загорюет под летящими массами, под громадным туловищем науки и техники!..

Серена. Я вас слушаю... Но мне говорил в Москве ваш одинокий член — вы любите ударников и таких, какие трудятся догнать и перегнать.

Евсей. Он летун, — ему лишь бы мчаться куда-нибудь, когда наши родные массы живут пешком...

Алексей (*отвечая Серене*). Ты не понимаешь, а он (*на Евсея*) — это как ваши. Он — не класс, он присмиринец.

Серена. Но дирижабли есть и в Европе.

Алексей. Ну и что ж!

Щоев. Там же деляческие дирижабли!

Алексей (*Серене*). Ты не понимаешь, потому что ты буржуйка. Ты единоличница!.. Ты думаешь, что у тебя есть душа...

Серена. Да...

Алексей. Нету. А у нас будет дирижабль. Он пойдет над неумущим земным шаром, над Третьим Интернационалом, он спустится, и его потрогают руки всемирного пролетариата...

Щоев (*Евсею*). А я думал — он дурак.

Евсей. У нас ведь одни прямые, четкие были дураки, Игнат Никанорович! А он дурак наоборот.

Серена (*Алексею*). Вы действуете на меня как ландшафт, я чувствую грусть... как она у вас говорится... в своей коффе.

Стерветсен вынимает папиросы «Тройка» и закуривает.

Серена. Папа, отчего мы с тобой единоличники?

Стерветсен. Серен, ты меня шокируешь?

Опорных (*выпивая чашку уксуса*). Пью за все державы, где... этта... пролетариат поднимает голову, увидя наш, как его, дирижабль!

Щоев (*вставая, торжественно*). За дирижабль революции, за всемирных пайщиков и... за все опубликованные в местной прессе лозунги — ура!

Все. Ура!

После возгласа внезапно настает тишина, но 2-й служащий кричит «ура» одиноким голосом, не замечая тишины.

Щоев (*кричащему*). Васька, не шокируйся!

2-й служащий враз утихает.

Шум за сценой учреждения.

Щоев. Алеша! Запусти бал!

Голованов. Дайте хоть компотную воду-то допить... (*пьет компот из черепушки*).

Опорных (*к Стерветсену*). Угостите этим — как-то он? — вашим демпингом...

Стерветсен подает ему пачку «Тройки». Опорных берет три папиросы, двумя угощает соседей.

Гости наспех доедают пищу, кроме Серены, которая беседует с Алексеем.

Щоев (*задумчиво*). Бал... Люблю я это веселое междуусобие человечества!..

Один из гостей-служащих подходит к окну и открывает его. Врывается шум района и постепенно затихает. Три полудетских лица появляются в окне и глядят в учреждение. Гость-служащий равнодушно обдаёт лица дымом, который выходит далее во мрак районной ночи.

Евсей (*к Стерветсену*). Господин буржуазный ученый, может быть, у вас сложилось мнение о наших пищевых образцах — или не сложилось еще?

Стерветсен. Я говорил бы так, что оно складывается... По-вашему это звучит как самотек, или я отметаю недооценку?! Я скучаю без понятия...

Евсей. Ну ничего — ты ведь не марксист, мы тебя научим. Можно посмотреть твою самопишущую систему? Это импорт, что ли?

Стерветсен (*подает Евсею самопишущую ручку*). Рекомендую — это приличный автомат.

Евсей. Сама пишет?

Стерветсен. Нет, — активности она не имеет. Следует вам думать — как называется? — единоличником...

Евсей. Ладно. А я ведь полагал — она сама что-нибудь соображает. А она у тебя оппортуника. Оставь для образца, Алешка ее обгонит.

Девочка из окна. Дядь, дай кусочек!

Серена (*Алексею*). Отчего вам скучно на лице?

Алексей. Да все по социализму...

Серена. А это прелесть?

Алексей. Угроблю за вопрос! Иль не видишь?

Серена. Нет, я вижу только вас.

Девочка из окна. Дядь, дай кусочек!

Другое существо из населения за окном. Ну хоть что-нибудь!

Позади всех, за окном, появляется лицо Мюд.

Щоев. Алеша! Давай нам часть неофициальную!..

Алексей переводит некий рычаг — и стол с остатками яств уползает прочь — в боковую прорву учреждения.

Гости на ногах.

Голоса за окном. Нам хоть невкусное... Хоть мутного...

Чуждый мусорный голос взрослого за окном. Дозвольте жижку жевнуть! Я тоже был член.

Пожарный закрывает окно. Но извне открывается другое, соседнее окно — и те же лица глядят, в том же порядке, точно они не переменили места.

Пожарный закрывает и это окно. Открывается опять прежнее окно — и те же лица, в неподвижном порядке.

Щоев. Евсей! Упорядочь население... Алеша, давай же нежное...

Алексей переводит приводной ремень на шарманке, и, хлопая шшивкой по шкиву, ремень вращает шарманку; шарманка играет нежную музыку — вальс. Гости начинают двигаться в такт.

Евсей (*в окно*). Вы что устались?

Голос девочки за окном. Нам хочется вкусенького!

Чуждый мусорный голос. Дай, пожалуйста, я чего-нибудь проглочу!

Евсей. На́ — пей ради бога. (*Дает ему чашку с уксусом, оставшуюся на трибуне.*) Здесь ведь научный вечер, — тут мучаются из-за вас, братец ты мой.

Чуждый человек выпивает за окном уксус и отдает чашку обратно.

Чуждый человек. Люблю жидкое...

Гости танцуют: Алексей с Сереной, Опорных (большого роста человек) с маленькой своей женой, Стерветсен с выдвигенкой Евдокией и т. д.

Один Щоев сидит задумчиво на возвышенном месте.

Щоев. Уважаю я это наслажденье масс...

Евсей (*приближаясь к Щоеву*). Чего-то, Игнат Никанорович, я сейчас всех граждан полюбил!

Щоев. Все животные, Евсей, любят друг друга. Нужно иметь не любовь, а установку... (*Более задумчиво.*) Установка... без нее давно лежал бы каждый навзничь.

Вальс продолжается. Опорных, прижимая к себе жену, блюет через ее голову в угловую урну и не останавливает своего вежливого супружеского танца; жена не замечает этого факта.

Мюд (*за окном*). Алеша! Возьми нас туда!

Алеша не слышит, танцует с Сереной, которая уже вся побелела лицом и скорее корчится, чем танцует.

Стерветсен вдруг припадает к роялю, побледнев. Евсей хватает урну и почтительно держит ее перед ртом Стерветсена.

За окном стоит Мюд, и рядом с ней появилось лицо Кузьмы, лежащее подбородком на подоконнике. Других людей никого нет; ясно видна районная ночь.

Стерветсен. Благодарю. Пицца не вышла, она усвоилась вглубь.

Евсей. Если даже вас не вырвало, то наше население сроду не заблюет...

1-я служащая начинает среди танца извиваться телом, ее челюсти и горло сводятся в судорогах, ее мучит тошнотворное чувство, — она движется почти в припадке, вся трепещет от желудочного страдания. С ее кавалером-служащим совершается то же самое.

1-я служащая. Ах, я так в общем и целом довольна, но я больше не могу... я не в силах... из меня выходит вся душа...

Стерветсен. Продайте ее мне, мадмуазель...

Всех остальных танцующих также сводит рвотная судорога, но танец все же продолжается; одичавшие тела в мучении обнимают друг друга, но напор желудочного вещества давит им в горло, и танцующие откидываются один от другого. Музыка утихает.

Кузьма (*из-за окна, запекает*).

...Высоко в небе ясном...

Мюд (*жалобным голосом продолжает песню из окна*).

...Вьется алый стяг...

Серена (*еле двигаясь в танце изнемогающим телом, — говорит печально Алеше*). Ах, мне так грустно в животе!

Алеша. Что у тебя — душа с телом расстается?

Серена (*судорожно наклоняется и делает в платок*). Рассталась уже!

Музыка замолкла вовсе. Гости расселись по сторонам и корчатся на стульях от желудочных чувств.

Серена сразу, после факта с платком, меняется, веселеет и танцует одна.

Серена (*отцу*). Папочка, я теперь хочу фоксик!

Стерветсен садится к роялю и начинает играть медленный пессимистический фокстрот.

Серена (*движется и поет*).

Бедный мой маленький парень,

Далекий, погибший матрос,

Вернись еще раз на прощанье,

Ты слышишь —

Плачет наш фокс...

(*К Алеше — грустно.*) Где у вас есть большевистская душа?.. Европа ведь скучает без нее и плачет...

Алеша. Буржуазия должна плакать без отдыха. Ей хорошо теперь поплакаться!

Серена. Ах, Алеша, большевизм такой милый, у вас так весело и трудно!.. Обнимите меня с вашим, большевистским мужеством...

Алеша (*отстраняя Серену*). Неинтересно: ты буржуйка...

Опорных. Этта... Как-то она?! Игнат Никанорыч, можно меня вырвет — во мне добавок остался...

Годовалов (*умоляюще*). Игнат Никанорович, я только один переедок вышвырну изо рта — я пищи перехватил...

1-я служащая. Товарищ Щоев, разрешите мне быть сейчас выходной. Я уже была рада весь вечер!

Щоев. Умóлкните! Приучайте себя к выдержке — вы откроете новую эпоху светлой еды. Весь мир развивается благодаря терпению и мученью. (*Задумчиво.*) Терпез! Вот причина — для движения времени куда-то!

Евсей (*гостям*). Довольно вам притворяться!..

Кузьма (за окном) — плачет: по железному лицу сочится какая-то влага.

Мюд (*из-за окна*). Алеша, возьми нас к себе, нам скучно. Здесь природа-фашистка дует в меня, а Кузя плачет.

Алеша (*спохватывается*). Мюд!! (*Втаскивает ее в окно, затем Кузьму; Кузьма бурчит.*)

Гости все поворачиваются лицами к стене; их томит тошнотворность.

Кузьма ест остатки пищи с канцелярского инвентаря.

Бьют часы на башне в районе.

Серена. Папа, где же у них надстройка?

Стерветсен (*к Щоеву*). Господин шеф! Мы бы весьма желали, вы обрадуете всю Пан-Европу, если отпустите нам горячий дух из вашей государственной надстройки!

Кузьма уходит в уборную.

Серена. Или хотя продали установку... Папа, она дешевле!

Щоев (*задумчиво*). Наш дух энтузиазма хотите себе заготовить?!

Евсей (*Щоеву*). Отпускайте его, Игнат Никанорович, без нормы. Нам тара нужна, а не дух.

Щоев. Что ж! Установок на энтузиазм у нас много, почти что заотоваривание получилось...

Слышно, как Кузьма рыгает в уборной чугунным звуком и гости — после Кузьмы — одновременно делают то же самое.

Щоев (*обращает внимание на гостей*). Ступайте прочь спать: завтра служебный день.

Гости исчезают. Остаются: Щоев, Евсей, Стерветсен, Серена, Мюд, Алеша, пожарный, милиционер.

Щоев (*продолжает*). Что ж, идеологические установочки наши мы можем вам отгрузить, но только за валюту!

Взрыв коллективной тошноты за сценой.

Евсей. Налопались, уроды!.. Брешут — привыкнут!
Милиционер и пожарный (*улыбаясь*). У них выдержки нет!

АКТ II

КАРТИНА 2

Сцена в прежнем оборудовании. На лавке спит Мюд, обняв Кузьму. Евсей дремлет на стуле. На конторке спит Серена. Щоев, Алеша и Стерветсен бодрствуют за столом. В открытое окно видны звезды над районом.

Щоев. Дешево даете, господин буржуазный ученый. Будь бы это продукт не скоропортящийся, иль заготовительная цена его была подходящая, а то ведь — нет!! Ты знаешь, где у нас установки хранятся?

Стерветсен. Не имею такого факта, товарищ шеф.

Щоев. А раз не имеешь понятия, то и не торгуйся... Что тебе — в амбаре, что ли, иль в бунтах мы надстройки сваливаем?! Что тебе — нанял сторожа, что ль, по первому разряду тарифной сетки, плати ему двадцать четыре, купи валенки на зиму — и всё?! Ишь ты какой, интервент дьявол!..

Кузьма (*во сне*). Паппа римский... Ххады...

Щоев. Ты прав, Кузьма, на все сто с лишним процентов... Ты, господин агент буржуазии...

Стерветсен. Я не агент, я культурная личность Европы...

Щоев. Это все едино, — личности у вас нет, раз ты в нашу периферию приехал. Личность теперь я... А ты считай дальше — во сколько нам обходятся одни складочные расходы на каждую идею! Считай: складываем мы ее в миллионы выдержанных личностей, каждую личность надо, не говоря уж кормить, — надо ее страховать, беречь от разложения, прорабатывать, чтоб в ней воздух не сперся и установка не протухла, — это ж нежнейший товар, господин научный, а не гриб!

Евсей (*со сна*). А с грибом, Игнат Никанорович, иль мало было хлопот?!

Щоев. Далее посчитай постройку каждой установки!..

Стерветсен. Разве ваша душа делается, как промышленность?..

Щоев. Надстройка же она, дурак! Надстройка над отношеньем вещества!! Конечно, она у нас делается! В нашем райпотребсоюзе одну идеологическую резолюцию три года прорабатывали: сорок тысяч пайщиков были привлечены на ноги для вынесения принципиальной установки. Четырнадцать массовых кампаний было проведено! Тридцать семь человек старших инструкторов были брошены в гущу нашего членства на полтора года! Двести

четырнадцать заседаний с числом присутствующих душ-едоков в семь тысяч штук! Да плюс сюда еще общие собрания, где скопятся в итоге миллионы!.. Вот во что обходится нам строительство одной только установки! А ты хочешь всю надстройку купить!! У тебя всей Европы на один ее транспорт не хватит! А тара у тебя где? — у вас же нет подходящей международной личности...

Кузьма. Паппа римский...

Щоев. Он, Кузьма, не годится. Это жалкий оппортунист-схематик. (*Задумчиво.*) Схематик! Гнусный упрощенец линии Иисуса Христа, и больше нет ничего.

Алеша. Товарищ Щоев, давай я им свезу. У меня внутри много революционности лежит! Я чую все вперед будущего, я весь томлюсь от скуки заграничного капитализма!

Стерветсен. Я не понимаю... Я кормлюсь пищей, но живу душой. У нас на Западе тихо стало в сердце, а у вас оно... ударник в радость и в грудь. Бедная интеллигенция желает вашу душу. Мы просим подешевле, у нас кризис и так грустно в уме...

Щоев. Сочувствую. Но что ж с тобой делать, когда ты нищий?! У нас ведь контроль рублем, братец ты мой!

Кузьма. С капитализмом нужно соглашение...

Алеша. Лежи, Кузьма, лучше молча, раз я тебя устроил.

Мюд (*со сна*). Не буди меня, Кузя. У меня виден сон.

Щоев. Знаю, Кузьма, что нужно. Неохота, да приходится. Он, интервент черт, никак ведь не поймет, что у нас идет строительство сознательных гигантов — резолюций. А хочет купить их за ничто. Нам весь Кузбасс дешевле и скорее обойдется, чем проработка нашего устава!.. Евсей!

Евсей (*со сна*). Э?

Щоев. Во сколько нам обошлось строительство нашего районного устава?..

Евсей. Сейчас, Игнат Никанорович! Э-э, по исполнительной смете № 48 дробь 11 — сорок тысяч с копейками, не считая затраты на живую силу собраний...

Щоев (*Стерветсену*). Ну вот видишь! А ты хочешь установку купить! Купи лучше директивку — по дешевке отгрузу...

Стерветсен. А можно? Там есть ваш энтузиазм?

Щоев. Браком не торгуем! Ваша товарная буржуазия на нас не жалуется.

Стерветсен. А сколько вам нужно средств?

Щоев. Евсей!

Евсей (*в дремоте*). Э?

Щоев. За сколько мы с тобой сумеем директивку отпустить — со всеми нашими наценками?

Евсей. По тридцать семь рублей за штуку, Игнат Никанорович! Стоимость костюма среднего интеллигентного покроя...

Стерветсен. Костюмы у меня есть!..

Евсей. Давай!

Алеша (*Евсею*). С него не бери. Лучше я тебе свои штаны с рубашкой отдам!

Евсей. Сиди в своих портках. Твой материал не валютный.

Алеша. Я вас побью вручную, чертей!.. Товарищ хочет в нашу идею окунуться, а вы...

Евсей. А мы его раздеваем, чтоб он окунулся и обмылся!

Щоев. Алеша! Успокой свою психологию, здесь не частное заведение.

Стерветсен. Серен!

Серена. Иё?

Стерветсен. Где наш гардероб?

Серена. Сейчас, папа! (*Поднимается и идет в угол, где два чемодана. Евсей оперирует в чемоданах вместе с ней.*)

Алеша (*Щоеву*). Вы не идею, вы бюрократизм за деньги продаете — я партии скажу!

Щоев. Ты прав на все проценты. Пускай бюрократизм в буржуазию идет — пускай она почешется. (*Задумчиво.*) Бюрократизм... Двинем его на капитализм — и фашистам конец. А то они нашего деревянного леса испугались, упрощенцы-черти! Пусть бы радовались, что мы им живую древесину отпускаем, а то надеваем из дерева бумагу, а из бумаги оформим душу — и пустим к ним ее: пускай тогда плачут...

Евсей тем временем сбросил с себя штаны и ватную куртку — и переоделся в заграничный костюм.

Евсей (*берет папку с бумагами, дает одну бумажку Стерветсену, открывает место в папке*). Распишитесь в получении.

Стерветсен (*расписывается и берет бумагу, потом читает*). «Циркулярно. О принципах самовозбуждения энтузиазма». Это мы любим. Отпустите еще нам вашего настроения!

Евсей. Можно. Игнат Никанорович, там кофта для твоей бабы есть...

Щоев. Возьми, Евсей. Баба тоже существо.

Евсей вынимает из чемодана цветную кофту, швыряет ее на стол Щоева. Стерветсен снова расписывается и получает бумагу.

Стерветсен (*читает*). «Частичные примечания к Уставу о культработе». — Очень рад!

Щоев. Ну вот. Учись, чувствуй и станешь приличным классовым человеком.

Стерветсен. Спасибо!

Кузьма (*привстав, вынимает изнутри себя бумажку, что дал ему кольцевой почтальон, и подает ее Стерветсену*). На!

Стерветсен (*беря документ*). Благодарю вас...

Кузьма. Дай, ххад...

Стерветсен. Пожалуйста, прошу вас. (*Подносит Кузьме открытый маленький чемодан.*)

Кузьма берет цветную жилетку, брюки и успокаивается.

Алеша (*Щоеву*). Отчего, товарищ Щоев, — я гляжу на тебя, на всех почти людей — и у меня сердце болит?!

Щоев. Невыдержанное еще, вот и болит!

Кузьма. ...Покоя нету... Эклектики...

Щоев. Вот именно, Кузьма, что покоя нету... Я ночей не сплю, а мне говорят — у тебя темпов мало. Я нежности из надстройки хочу, а мне сообщают — радуйся сам по себе... Я скучаю, Кузьма!

Кузьма. В будущее рвутся... Ххады...

Мюд шевелится и открывает глаза.

Щоев. Рвутся, Кузьма!.. О господи, господи, хоть бы ты был, что ли!..

Евсей (*роется в чемоданах*). Тут еще есть добро, Игнат Никанорович! Может, установочку продадим на валютный товар?..

Щоев. Продадим, Евсей... Мы ведь и без установки простоим. А свалимся, так будем лежа жить... Эх, хорошо бы лежа теперь пожить.

Алеша. Продавайте уж сразу всю надстройку! Нам не жалко — у нас вырастет душа из остатков!

Щоев. Ты прав, Алексей. А где ее взять — надстройку, чтоб по накладной одно место получилось.

Алеша. Она вся в тебе целиком, товарищ Щоев! Ты же самый четкий человек в районе!.. А у нас надстройки нету — мы нижняя масса, ты сам говорил!

Щоев. Да пожалуй что!.. Я ведь все время чувствую что-то величайшее, только говорю не то.

Стерветсен. Нам и нужно ваше чувство!

Мюд. Алеша, продай Щоева — он сволочь социализма.

Алеша (*тихо*). Я давно все чую, Мюд. Лежи пока во сне.

Щоев. Не то и правда, Евсей, — продать свою душу ради Эсесер?! Эх, погублю я себя для социализма — пускай он доволен будет, пускай меня малолетние помнят!.. Эх, Евсей, охота мне погибнуть — заплачет надо мною тогда весь международный пролетариат!.. Печальная музыка раздастся во всей Европе

и в прочем мире... Съест ведь стерва-буржуазия душу пролетария за валюту!

Евсей. Съест, Игнат Никанорович, и энтузиазм украдет. А весь Эсесер останется без тебя круглой сиротой, и что нам тогда делать, кто нас возглавит без тебя!.. *(Искажает лицо для плача, но слезы у него течь не могут, и он надевает в тоске пенсне из кармана заграничного костюма, в который уже оделся из чемодана Стерветсена.)*

Щоев. Да пожалуй что ты прав, Евсей!.. Обдумай это и доложи впоследствии...

Алеша. Нечего обдумывать. Торгуйся подороже с буржуазией за все свое туловище, в котором дрожит твоя идеологическая душа!.. Или ты республику разлюбил, сволочь?!

Стерветсен *(Щоеву)*. Ну, пожалуйста, я прошу... Если вы надстройка... психия радости... то я прошу воодушевить Европу всем сердцем вашей культуры. Едемте в наш свет!

Щоев. Возглавить вас, что ль?

Стерветсен. Вы сообщаете верно. Нам нужно ваше полное мероприятие культуры.

Серена испуганно, неразборчиво бормочет во сне по-французски.

Щоев. Пугается барышня чего-то!

Евсей. Установки нету, вот и боится! Классовое сознание разлагается...

Алеша. Поезжай, товарищ Щоев! Проси миллион!

Щоев. Я несколько дороже этой суммы. Как, Евсей?

Евсей. Я озадачился и все обдумал: Игнат Никанорыч, как наша возглавляющая надстройка, должен остаться в Эсесере, потому что Эсесер дороже всей прочей гнусной суши...

Щоев. Ты прав, Евсей!

Алеша. Ехайте оба на другой свет — вы нам дешевле всех...

Евсей. Обожди, Алеша, перегибать... Я полагаю, что мы быстро найдем подходящую идейную личность среди наших пайщиков. Пусть она поедет в фашизм и даст ему надлежащее настроение. Нам это пустяки — им хочется одного духа, а он — ничто. Нам его девать некуда — нам нужен один материализм!

Щоев. Опорных, что ль, отпустить?

Евсей. Петьку-то? Он дурак, он нам самим дорог.

Щоев. Ну, Годовалова.

Евсей. Невыдержанный человек. Все время рад чему-то.

Щоев. Может — бабу?

Евсей. Цену снизят, Игнат Никанорович. Не стоит.

Серена *(во сне)*. Ах, папа-папа, я так люблю советского Алешу, и не могу проснуться от нашей грусти...

Стерветсен. Спи, наша девочка!

Серена. Но папа: это бывает так же редко, как жизнь, — один раз.

Евсей. Ну, нашла себе дура установку!

Щоев. Ну кого же с духовным грузом-то послать?

Кузьма. ...Тихий разумный элемент...

Щоев (*на Кузьму*). Он мыслит почти как я. Пошлем тихий разумный элемент.

Евсей. Ложитесь пока отдыхать, Игнат Никанорыч. А завтра мы соберем пайщиков и назначим торги на лучшую идеологичность. И пошлем какой-нибудь некий элемент!

Щоев. Ты умен, Евсей! До свиданья, господин буржуазный ученый. Прощай, Кузьма!

Кузьма. ...Спи, актив!..

Щоев. Кузьма, ты живой, что ли?

Кузьма. Да почти что как ты...

Мюд. Алеша, я вижу во сне одних буржуев и подкулачников... Только мы с тобой — нет!

Алеша. Бей их, Мюд, и во сне!.. Где они?!

Евсей. Граждане, прошу спокойно. Здесь идет социалистическое строительство. Дайте мне возможность запродать профессору наши установки!..

Мюд (*сталкывая Кузьму на пол*). Иди от меня, оппортунист! Ты за них стоишь!

Кузьма брякается на пол.

В районе бьют часы.

АКТ III

То же самое учреждение, но опустелое, лишенное механических устройств. Идет собрание пайщиков. Присутствуют все люди, которые были на балу кушаний, плюс еще человек десять разных личностей. Трибуна. На трибуне Щоев и Евсей. Они двое, как и Опорных, Годовалов, Клокотов, — в заграничных костюмах; Щоев, кроме того, в роговых очках; Евсей в пенсне. Кузьма — в заграничной жилетке, в брюках, — вид совершенно человеческий. Наоборот, Стерветсен и Серена одеты теперь совсем плохо: профессор в пиджак-кацавейку желто-тифозного цвета, в ватные штаны ополченского образца, в картуз; его дочь — в ситцевый кухарочный капот, на голове ее — уездный полшалок. К моменту начала этого действия собрание уже давно идет. Шум.

Щоев (*курит сигару; задумчиво, в наставшей вдруг тишине*). Никого нету. Все выдержаны, у всех внутри бушует что-то светлое, а все — явно недостаточно. Петя, как у тебя дело с душой?

Опорных. Да все, Игнат Никанорыч, — как-то ее? — лично. И еще... эт-та... мне хорошо!

Щоев. А ты что полагаешь, Годовалов?

Годовалов. А я же рад, Игнат Никанорыч, — я не полагаю.

Евсей. Может, девчонку Мюд отослать?

Щоев. И тó, Евсей. Девчонка!! Ты как настроена?

Мюд. Я определенно против!

Щоев. Чего — против?

Мюд. Против тебя. Ты, потому что, сволочь, аллилуйщик, право-левый элемент, ты замучил всю местную массу, у тебя тары нету, ты гад бедного класса, — ты вот что такое!.. Алеша, мне скучно здесь, я вся плачу... Идем отсюда в социализм!

Алеша. Погоди, Мюд. Я еще зажгу в них энтузиазм! Или — потушу их навеки!

Мюд. Лучше потуши их навеки... А то я слышу по ночам, как гремят вдалеке молотки и колеса, и еще гвозди! У меня так тогда сердце болит, Алеша, — что мы с тобой не там!.. Я хочу ударничества, Алеша, и чтоб было скучно от трудности!

Кузьма. ...Голосуй единогласно... Внедряй!..

Щоев. Нечего, Кузьма. Не пришли еще к мнению...

Годовалов. Игнат Никанорыч, ты Евсея Ивановича продай буржуазии — дюже дорог человек!

Евсей. Вася! Молчи, пока я тебя не переизбрал!

1-я служащая. Игнат Никанорович! Меня командируйте... Я в культэстафете была, во мне ведь давно скрывается роскошное обаяние духа — только я не говорила!.. Я безумно люблю соревнование с Европой!..

Щоев (*задумчиво*). Эх, женщины, женщины, — отчего вы толстые снизу, а не сверху?! Евсей, думай же что-нибудь ради бога — ты видишь: я томлюсь.

Евсей. А я уже выдумал, Игнат Никанорыч! Мы Кузьму отправим!

Щоев. Как, Евсей? Он же одна идея!

Евсей. А мы же и продаем, Игнат Никанорович, одну идею! Надстройка же! Пустяк над базой! А Кузьма человек твердый, выдержанный, разумный почти что!

Мюд. Пускай, Алеша, продают. Мне Кузю теперь ничуть не жалко. Мне жалко пятилетку в четыре года.

Серена. Папа, пусть они дадут нам Алешу! Он есть надстройка!

Мюд (*бросается на Серену*). Ты дурочка капитализма! Алеша всю вашу Европу расстроит — вот что!

Серена. Ах, я уже расстроена...

Щоев. Кузьма! Мы тебя отправляем в буржуазию как груз, а ты будешь там как идеология ихней культуры!.. Ты живым-то можешь быть?

Кузьма. ...Не могу жить!.. Ххады...

Щоев. Что с тобой?

Кузьма. Не хочу жить, а то ошибусь... хочу остаться шелезным...

Щоев. Печальный элемент!

Евсей. Он боится твердость потерять, Игнат Никанорович. Боится в беспочвенный энтузиазм впасть и сползти со своих убеждений в уклон. Он — разумный элемент.

Кузьма. ...Боюсь скатиться с установки... Живые — рады энтузиазму и мучаются, а я сомневаюсь и покоен. Никого нету, ххады. Один товарищ Угланов Михаил Палыч!..

Щоев. Он действительно разумный элемент!

Серена (*указывая на Кузьму*). Кто это, Алеша?

Алеша. Он стал буржуазным угожденцем.

Серена. Ударник?

Алеша. По нас бьет. Мы его нарочно выдумали — для проведения воспитательной работы...

Мюд. Кузя — сволочь... Он оппортунистик...

Опорных. Этта... Как-то она самая?..

Один из пайщиков. Игнат Никанорыч, разрешите мне поехать разложить Европу!

Опорных. Этта... Может, Игнат Никанорыч, это мы здесь только неподходящи для идеологичности, а там опомнимся?

Стерветсен. Я с приветом извиняюсь... Но если для вас такая продажа приносит дефицит...

Евсей. Верно, ученый. Нам твоя цена убыточна. Набавь какую-нибудь толику!

Стерветсен. Мы почти согласны...

Щоев. Ты правильно учел, Евсей. Пускай в набавку идет он сам. Закрепи его до конца пятилетки как научный кадр.

Евсей. Скроется, Игнат Никанорыч!

Щоев. А мы его — вот что... Мы подписку возьмем...

Годовалов. Женить его, и больше ничего. У нас Евдокия без нагрузки ходит. Пусть он Евдокию полюбит...

Щоев. Евдокия!

Выходит из массы Евдокия.

Щоев (*указывая на Стерветсена*). Можешь полюбить иностранного мужика?

Евдокия. Да то будто нет, что ли?!

Щоев (*Стерветсену*). Вот твоя особа, протерпи с ней года два, тогда я вас разведу. Поцелуйтесь теперь!

Евдокия первая обхватывает и целует Стерветсена.

Евсей. А как же дочка, Игнат Никанорыч? Дочка заскучает ведь!

Щоев. Сейчас... Алешка, обнимай барышню-буржуйку. Полюби ее ради общего дела.

Серена хочет приблизиться к Алеше.

Алеша (*вскакивая на трибуну*). Я поеду к буржуйам! Во мне все время бушует идейная душа... (*К Стерветсену*.) Что вы дадите Эсесеру за нашу надстройку?..

Евсей. Сколько нам заплатите наличными за производство революции?

Серена. Дирижабль, Алеша!

Алеша (*счастливым*). Дирижабль!! На нем высоко взойдет пролетариат над всею бедняцкой землей!.. Я согласен сгореть в Европе за такую машину!

Стерветсен. Но я не понимаю...

Серена. Папа, Алеша меня любит...

Опорных. Как то ее?! Нам дирижабль в виде тары нужон! У нас кадушек нету!

Годовалов. Я б вынес мнение — купить за идею гужетранспорт.

Один из пайщиков. На что нам идея? Мы уж давно все осознали. Всемирный вопрос — пустяк.

Мюд. А я, Алеша? А я с кем останусь? Я умру от оппортунизма...

Алеша. Ничего, Мюд. Я сейчас его ликвидирую. Кузьма!

Кузьма (*из гущи собрания*). Э?..

Алеша. Хочешь кончиться навеки?

Кузьма. Покоя хочу. Мертвые угождают всем.

Алеша выводит Кузьму из собрания наперед. Вынимает из кармана разводной ключ, отвертку и прочие инструменты. Отвинчивает Кузьме голову и швыряет ее прочь.

Опорных. Этта... Я головку ту возьму — можно чашку для щей сделать... (*Берет себе голову Кузьмы*.)

Алеша извлекает из груди Кузьмы примус, радиоаппаратуру и прочие немудрые предметы. Затем разывает все туловище на несколько частей, — элементы Кузьмы с грохотом падают на землю, и сыплются пятаки; из глубины же погибшего железного тела вырывается вверх облако желтого дыма. На полу остается куча железного лома.

Все следят за облаком рассеивающегося желтого дыма.

Мюд (*глядя на дым*). Алеша, это что?

Алеша. Отработанный газ. Оппортунизм.

Мюд (*меланхолично*). Пускай пропадает. Им дышать все равно нельзя.

Стерветсен. Я сожалею о кончине гражданина Кузьмы. Мы в Европе нуждаемся в железном духе.

Клокотов выходит с мешком и складывает туда остатки Кузьмы.

Алеша. Не скучай, ученый человек. Я из тебя тоже могу железку сделать.

Стерветсен. Я далеко не возражаю.

Щоев. Опорных! Петя!

Опорных. Я вот он, Игнат Никанорыч!

Щоев. Прими и сдай Кузьму в райутиль в счет нашего плана.

Опорных. Сычас, Игнат Никанорович. (*Бросается по служебному делу.*)

Щоев (*к Алеше*). А ты что же, — оппортунистов выдумываешь, товарищ дорогой? Массу хочешь испортить?

Алеша. Да я, товарищ Щоев... Я нечаянно... Я хотел героя сделать, а он сломался...

Щоев. Сломался?! Мало ли что сломался! Подавай теперь заявление, что ты осознал свою ошибку. Но заявление свое считай явно недостаточным, а себя признай классовым врагом...

Евсей. Да, да... Ишь ты какой! Герой сломался! Разве герой может сломаться?

Алеша горестно наклоняет голову.

Мюд. Не плачь, Алеша. Ты зажмурь глаза, а я поведу тебя в социализм как слепого. И мы будем опять одни с тобой петь в колхозах о пятилетке, об ударниках, — обо всем, что лежит на сердце.

Алеша. Нет... Я оппортуниста сделал. У меня душа теперь печально болит.

Евсей. Заявление подай. Пиши, что чувствуешь немую тоску.

Щоев. Осознайся, полегчает.

Один из пайщиков. Смерть предателю интересов нашей прослойки!

1-я служащая. Ах, это ужас... Этот неофициальный музыкант оказался примиренцем, он нашу идеологию упростил!.. Вы понимаете?

Разговор среди собрания:

— Кошшмар!.. Я говорил, что интервенция будет...

— Документы! Документы проверьте!.. Хватай его за документ!

— Окружите их несокрушимым единством рядов!

— Это формальное заблуждение — он должен отречься от своего безобразия!..

- Дайте ему плюху, кто поближе!
- Он вредитель, он классовый аппарат хочет сломать!
- Фашист! Дайте мне прорваться к нему! Дайте мне лицо классового врага!
- Ах, в нас бушует высшая ненависть! И главное — в общей груди!
- Потеха, едрена мать!
- Интересно теперь жить в учреждении! Прямо весь дрожишь от чувств!
- Членов арткружка — прошу ко мне!
- Серен, что здесь такое? Я опять в недоразумении...
- Ах, папа, здесь самотек интриги!..
- Этта... как-то ее... Алешка — ты сволочь!
- А я, знаете, все время, все время, даже когда мне аборт делали, — все время чувствовала, что у нас на службе что-то неблагополучное... Я даже доктору при операции это говорила... Я сама удивляюсь!
- Ух, люблю я эти опасности!
- Вы же милый человек. Вы на подлость только по отношению к женщине способны.
- Конечно же, не по отношению к государству!
- Учредить порочное предприятие для изменников!
- А-а, давай-давай-давай погорячей!.. Потеха, сукины сыны!
- Теперь, товарищи, нам нужно сплачиваться!
- Следите друг за другом!
- Не доверяй себе никто!
- Считай себя для пользы службы вредителем!
- Карайте сами себя в выходные дни!
- Больше мученья, больше угрызений совести, больше тоски за свой класс, товарищи!
- На высшую ступень!
- Ура!..

Що ев. Умолкни, стихия.

Наступает тишина.

Алеша стоит, окруженный всеобщей враждою; он тоскует и растерян. Он не знает, как ему дальше жить.

Щоев (*хладнокровно*). Достаточно будет, если человек письменно раскается в сердечном заблуждении.

Евсей. Нам важно получить от него документ по форме, и больше ничего. Согласно документа он исправится механически!

Щоев. Ты прав, Евсей! (*Задумчиво.*) Документ!.. Сколько задумчивости в одном слове! Вечная память мыслям человечества!

Алеша. Я был одиночный талант...

Евсей. Ты дар божий, а бога нет.

Алеша. Отчего я не стал железным! Я был бы верен вам навсегда!

Евсей. Твердости нет, нежность тебя замучила.

Алеша. Вы правы кругом! А я ничто, меня больше нет на этом организованном свете.

Евсей. Дисциплинки не хватило, установочка расшаталась.

Алеша. Я думал что попало, я некультурный, у меня чувства бродили без русла, и я часто плакал даже от одной грустной музыки...

Щоев. Ты выдумывал без руководства, и твои предметы работали наоборот. Где ты раньше был — я б возглавил тебя!

Алеша. Я сознаю себя ошибочником, двурушником, при-
смиренцем и еще механистом... Но не верьте мне... Может быть, я есть маска классового врага! А вы думаете редко и четко, вы — умнейшие члены! А я полагал про вас что-то скучное, что вы плететесь в волне самотека, что вы бюрократическое отродье, сволочь, кулачская агентура, фашизм. Теперь я вижу, что был оппортунист, и мне делается печально на уме...

Мюд. Алеша! Я одна теперь осталась! *(Отворачивается ото всех и закрывает лицо руками.)*

Щоев. Ничего, Алексей, мы тебя образумим!

Серена. Папа, что здесь такое?.. Алеша, не бойтесь!

Стерветсен *(Щоеву и Евсею)*. Я отказываюсь от сделки на эту *(указывая на Алешу)* психологию. Это брак, а не надлежащая надстройка. Нам полезны лишь горячие, беззаветные герои! Я отмечаю этот брак!

Евсей. Ввел ты нас в убыток, Алешка!

Алеша. Я жалкий заблужденец, а вы вожди...

Щоев. Это нам достаточно известно. Мы руководим и подытоживаем.

Мюд. Зачем ты такой, Алеша?!

Алеша. Я присмириваюсь под фактом, Мюд.

Мюд. Зачем ты испугался этой гнусной прослойки? Ведь я осиротею без тебя. Я не подниму одна шарманку и не дойду по такой жаре до социализма!.. Алеша, товарищ Алеша!..

Алеша плачет. Все молчат.

Щоев. У него нежность наружу выползает. Не сберег, стервец, до будущего.

Мюд вынимает из кофты револьвер. Направляет дуло на Щоева и Евсея.

Мюд. Кончайтесь!

Евсей сразу, безмолвно и обильно плачет: все лицо покрывается текущей влагой. Щоев глядит на Евсея и Мюд с неверием.

Опорных. Этта... Евсей Иванович, разве у тебя слезы? Ты ж плакать сроду не мог!

Мюд. Кончайтесь! Вы социализм будете мучить!.. Лучше я вас замучаю!

Щоев. Сейчас, товарищ женщина. Дай бумажку — я заявление напишу, что отрекаюсь от ошибок...

Евсей (*ничтожным детским голосом*). У нас чернила нету, Игнат Никанорович. Попроси гражданку девушку обождать. Мы ей расписку дадим, что согласны кончаться...

Щоев. Печального хочу. Алеша, сыграй нам марш...

Мюд. Скорее. У меня рука уморилась.

Щоев. Евсей, поддержи руку гражданке.

Евсей бросается к Мюд.

Мюд стреляет в него. Евсей падает и лежит неподвижно. Мюд направляет револьвер на Щоева. Собрание инстинктивно делает шаг в сторону Мюд.

Мюд. Спокойно. У нас некогда могилы рыть!

Собрание замирает.

Щоев. От лица пайщиков выражаю благодарность товарищу женщине за смерть этого (*указывает на Евсея*) тайного гада...

Мюд (*Щоеву*). Я тебе слова не давала.

Щоев. Извиняюсь. Но разрешите мне тогда попечалиться... Алеша, отпусти мне, пожалуйста, что-нибудь из музыкального напева!

Опорных. Сейчас, Игнат Никанорович! Где она — эта, как-то ее? (*Исчезает вон; появляется с шарманкой; подносит ее к Алеше.*)

Опорных (*Алеше*). Пожалуйста — ради бога.

Евсей (*лежа*). Чтой-то, Игнат Никанорыч, я не кончусь никак.

Щоев. А ты, Евсей, помаленьку. Ты не спеши — как-нибудь управишься. Тебе что: помирать неохота?

Евсей. Да ведь раз я гад, то приходится, Игнат Никанорыч. Глядите только — не скучайте без меня.

Щоев. Не будем, Евсей. Алеша, заведи нам что-то мотивное.

Алеша начинает тихо вертеть музыку. Музыка играет скорбящую песенку, затем несколько стихает и играет еле слышно.

Щоев. Опять мне жалостно что-то! Гражданка, дай мне хоть заявление написать, что я всему сочувствую.

Евсей шумно вздыхает на полу.

1-я служащая. Евсей Иванович вздыхает.

Евсей. Предупреждаю — без меня в строительстве будет прорыв...

Опорных. Как-то его?! Убит, а сочувствует...

Мюд. Рука уморилась. Сейчас стрельну.

Алеша (*запевает в мотив своей музыки*).

По трудной веселой дороге

Идем мы, босые, пешком...

Мюд. Другую, Алеша, другую, гад! Тебе теперь не трудно и не весело. Вот эту... (*Музыка смолкает; Мюд опускает револьвер и поет одна в совершенной тишине.*)

Кто отопрет мне двери,

Чужие птицы, звери?!
И где ты, мой товарищ,

Увы — не знаю я!

Евсей (*с пола*). Можно я буду твоим товарищем?.. Я ударником стану, в энтузиасты запишусь, весь век буду усердие иметь!.. Тару организирую!

Собрание входит в песню и поет под шарманку:

И где ты, мой товарищ,

Увы — не знаю я!

Щоев (*плачет сквозь роговые очки*). Кончиться хочу...

Шум птиц, шум потоков воды — вдалеке, вне учреждения.

Триск мотоцикла.

Вбегает агент совхоза.

Агент. Мобилизуйте мне массы поскорее! Я птиц и рыб гоню обратно в экономию!.. Вы что такое?

Щоев. Не бойся трудностей, товарищ, — гони один.

Агент. А?!

Евсей. Можно — я загоню? Меня животные боятся.

Мюд. Беги...

Евсей, бодро вскочив, убегает. Агент также скрывается следом.

Опорных. Убитые еще лучше стараются. Вот это — как-то ее? — установка!

Стерветсен. Граждане района, я поражен наличием вашего духа!.. Я высоко оценил вашу прохожую девушку Мюд!

Щоев. Что ж ты меня не убиваешь, — девчонка?! Тварь маломощная! Мужества испугалась? (*Задумчиво.*) Мужество!.. Люблю я свою личность за качество!.. Бей, душегубка!

Мюд. А я уже расхотела. Я перегибщицей боюсь стать.

Серена. Папа, ты не купишь теперь Алешу?

Стерветсен. Нет, он разложился, Серен...

Собрание постепенно укладывается спать — на пол и на канцелярский инвентарь.

Мюд берет у Алеши шарманку, с трудом несет ее на спине до двери, у двери останавливается и оглядывается на учреждение. Все люди бдительно смотрят на нее...

Алеша. До свиданья, Мюд!
Мюд. Прощай, гад присмиренец!

Лежачее собрание поднимает руки для приветствия уходящей. Мюд показывает им кулак и улыбается.

Мюд. Эх вы, гуща низовая!.. (*Открывает дверь.*)
Стерветсен (*встает с пола и бросается к Мюд*). Слушайте меня, маленькая госпожа... Разрешите приобрести вас для Европы. Надстройка — это вы!

Мюд смеется.

Стерветсен. Но я вас прошу. Вы ум и сердце всех районов нашей земли. В вас влюбится Запад.

Мюд (*серьезно*). Нет. Мне любовь не нужна. Я сама люблю.

Стерветсен. Разрешите узнать — кто у вас на груди?

Мюд. Товарищ Сталин.

Собрание (*почти хором*). Приветствуем.

Стерветсен. Но вашему государству необходимы дирижабли, а мы можем подарить целую эскадру воздушных кораблей...

Опорных. Бери, девка!

Мюд. Не хочется что-то. Мы пока пешком будем жить.

Стерветсен (*кланяясь*). Чрезвычайно жаль.

Мюд. Попроси у пролетариата своего района...

Стерветсен. Благодарю вас.

Мюд уходит. Тишина.

Щоев (*вздыхая*). Доколе, господи!..

Опорных (*лежа в собрании*). Эх, — как-то тебя? — Игнат Никанорыч, Игнат Никанорыч... Кто ж нас утешит теперь?!

Щоев. Эх ты, Петя, Петя, — печали я теперь хочу... Мне давно уж все ясно, а нынче тянет на что-то неопределенное...

Клокотов. Товарищ Щоев, давай, пожалуйста, текущие дела. Члены тоже ведь умариваются. Завтра надо рано вставать — план выполнять.

1-я служащая. Ах, нет, — что вы говорите! Нам слишком интересно. Мы любим побеждать трудности.

Стерветсен (*багровея лицом от злобы*). Обманщики, рвачисты, аллилуйщики, самотек... У вас нет установок — это циркуляры,

у вас нет надстройки — вы оппортунисты!.. Берите ваши отношения (*извлекает из штанов бумаги и швыряет их в пространство*), берите ваши пункты и параграфы, — отдайте мне мои костюмы, мои сорочки, мои очки и принадлежности!..

Серена. Кофты, лифчики, чулки, комбинезоны!!

Стерветсен и Серена бросаются на Щоева, на Клокотова и сдирают с них свое бывшее платье.

Клокотов (*1-ой служащей*). Слухай, ты, кажется, иностранный наддузник обменяла на копию перспективного плана?..

1-я служащая. Я... А вы у меня взяли и своей супруге отнесли — сказали, что она в тот день родилась сорок лет назад. Помните?

Клокотов. Забыл.

Щоев уже без пиджака, без жилетки и без очков — Серена управилась с него содрать эти предметы. Стерветсен тем временем раздел почти донага Клокотова.

Щоев, когда его обдирают, равнодушно читает одну из бумажек, вышвырнутых Стерветсенем.

Щоев. Остановитесь, граждане, нас, оказывается, уже нету...

Всеобщее внимание. Все лежачие встают.

Щоев (*читает*). «...Ваша Песчано-Овражная коопсистема с сего апреля месяца обращается к ликвидации. Заброска промтоваров, равно и хлебофуража, прекращается. Основание: означенный населенный пункт сносится, ради промышленной эксплуатации подпочвы, в которой содержится газовый угар...» (*К собранию.*) Не понимаю. Как же мы были, когда нас давно нет?!

Клокотов. Так ведь мы угаром, стало быть, дышали, Игнат Никанорович! Как же тут поймешь: сознательно ты существуешь или от угара?!

Щоев (*задумчиво*). Газовый угар!.. Вот она, объективная причина несознательности районного населения.

Годовалов. А что ж теперь нам-то делать, Игнат Никанорович? Ведь объективных причин, люди говорят, нету, а есть одни субъекты...

Щоев. Объектов нету, говоришь?.. Тогда организуй самобичевание, раз ты субъект.

Годовалов. Сейчас, Игнат Никанорович! (*Суетится.*)

Стук топоров. Отваливаются несколько бревен в задней (относительно зрителя) стене учреждения. В просвете работают два рабочих. Отваливается еще часть стены.

Собрание ложится вновь, кроме Стерветсена и Серены, которые стоят с отобранными кучами одежды в руках.

Один из рабочих (*закладывает под верх учреждения крановые зубья и кричит*). Краном! (*К собранию.*) А нам говорили, что тут давно чистое место и никого нету... Вы нам весь путь загородили...

Верхняя часть учреждения уходит в высоту, остатки стен разваливаются. Видна пустота мира — бесконечный районный ландшафт. Пауза.

Затем слышится издали шарманка: где-то играет невидимая, ушедшая Мюд.

Музыка торжественна и трогает скучное чувство человека.

Мюд поет вдалеке:

В страну далекую,
Собрались пешеходы,
Ушли от родины
В неизвестную свободу,
Чужие всем —
Товарищи лишь ветру...
В груди их сердце
Бьется без ответа.

У Щоева разгорается бурчание в желудке, и он трет себе живот в надежде потушить звуки.

Собрание безмолвно лежит вниз лицом.

Стерветсен и Серена одиноко стоят среди ликвидированного поверженного учреждения.

Серена. Папа, что все это такое?

Стерветсен. Это надстройка души, Серен, над плачущей Европой.

<Конец 1930 – март 1931 г.>

ОБЪЯВЛЕНИЕ О СМЕРТИ

Пьеса в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Абраментов Сергей Дмитриевич, инженер, около 37 лет.

Крашенина Ольга Михайловна, инженер, лет 25.

Мешков Иван Васильевич, утомленного вида инженер, лет 40 с лишним.

Жмяков Владимир Петрович, инженер, небольшого роста, сытое туловище, не более 40 лет.

Девлетов Илья Григорьевич, директор завода, 35 лет.

Распопов Семен Федорович, Пужаков Петр Митрофанович, рабочие-ударники аварийной службы, оба средних лет.

Муж Крашениной, истомленный служащий, лет 30.

Работница, разносящая обеды.

Несколько рабочих и работниц.

Громкоговорящие телефоны.

Действие происходит на большом заводе, в течение 2–3 дней.

ДЕЙСТВИЕ I

Занавес опущен. Редкие удары механического молота. Пауза. Затем судорожная частота ударов нескольких молотов. Пауза.

Занавес поднимается. Через сцену в зрительный зал врывается шум работы большого завода; иногда судорожно бьют молоты и слышен вихрь спускаемого пара.

Комната — жилище Мешкова: наибольший беспорядок, горы сора, стихийная постель, пустые бутылки на полу, примус, на стенах чертежи машинных конструкций, портрет Дзержинского. Телефон. Над телефоном крупный номер: 4-81.

Окно открыто в ночной мир: грохот завода, сияние электричества, свист пара и сжатого воздуха. Инженер Мешков стоит у окна спиной к зрителю. Он кашляет. Затворяет окно. Настает почти тишина — заглушенно, как бы вдалеке, звучит завод. Мешков ложится среди стихии комнатных предметов.

Где-то начала играть духовая музыка, и ее слышно в комнате то сильнее, то слабее. Она играет нечто печальное и героическое; временами затихает совсем; сейчас ее почти не слышно.

Мешков. Нужно скончаться... Я мелочь, прослойка, двусмысленный элемент и прочий пустяк... Вот уже опять — стоит

в мире вечернее время. Но никто ко мне в гости не приходит, и мне пойти некуда.

Громче играет музыка вдалеке, в невидимом саду.

Мешков (*прислушивается; музыка стихает, словно относимая ветром*). Люди отдыхают где-то. А я... чем больше дома, тем больше устаю... О чем это всегда играет музыка? Она как будто обещает человеку друга, светлое будущее... Но я скучаю от товарища и утомляюсь от врага.

Стучат в дверь.

Мешков. Входите, кто там есть!

Входит Абраментов — в дешевой, изношенной одежде, худой и бедный человек.

Мешков (*не узнавая*). Вы кто? Вы зачем пришли?

Абраментов. Инженер-механик Абраментов, ваш бывший друг... А сейчас ищу не дружбы, а ночлега — все общежития и бараки переполнены...

Мешков (*узнавая, радуясь*). Откуда ты, милый мой Сережа! (*Встает, целует пришедшего, почти плачет.*) Я ведь один теперь на свете — жена еще при тебе скончалась, а сыновья бросились куда-то в республику и скрылись от меня...

Абраментов. Да, Иван Васильевич... (*Осваивается в комнате.*) Давно мы с тобой не глядели друг на друга! (*Глядят друг на друга.*) Ты что так постарел, Иван?

Мешков. А я, Сережа, устал от исторической необходимости. Я живу и все время чувствую какой-то вечный вечер. Как будто везде уже зажжены свечи.

Абраментов. Отчего же?

Мешков. Не знаю... Я ослаб. Я вижу, что стал бездарен, что новые люди способны меня и знают уже больше. У них великая практика, Сережа!.. А ты где был?

Абраментов. В Австралии, а потом в тюрьме... Отчего у тебя в комнате сор и не прибрано?

Мешков. Настроенья нету... В Австралии? Зачем ты там был? Ты знаешь, я забыл однажды формулу живой силы!

Абраментов. Эм вз квадрат, деленные на два... Я хотел отсюда победить Советский Союз.

Мешков. И полюбил его?

Абраментов. Нет, я заинтересовался им.

Мешков (*меняясь*). Это что значит? Может быть, ты — мерзавец? Ты не гляди, что я стар и несчастен, что в сердце моем горе, — я и безответно могу любить рабочий класс и его страну!.. Ты сочувствуешь социализму или нет?

Абраментов. Я ему потворствую.

Мешков (*думая*). Не знаю, что ты говоришь... А что ты делал в Австралии?

Абраментов. Сторожил пчелиные пастбища от саранчи.

Мешков. Но ты инженер!

Абраментов. Там их много без меня. Я голодал два года, год был в ссылке, в пустыне за руководство маленькой забастовкой.

Мешков. Сердечно удивляюсь! Ты же бывший зажиточный человек?!

Абраментов. Ну и что ж! А ты думал — революция всегда приходит в нищей одежде, а контрреволюция обязательно в галстуке?!

Громче играет музыка.

Мешков. Я не думал об этом... Ты слышишь, как у нас играет музыка? Это — идет культработа в нашем прекрасном рабочем клубе.

Абраментов. Разве? (*Подходит к Мешкову вплотную.*) Слушай меня, Иван. Ты знаешь меня очень давно...

Мешков. Да... С юности. Когда я полюбил еще свою покойную жену...

Абраментов. Правильно. А я тогда же начал жить с разными девушками... Ты знаешь, Иван, что я вредителем не был!

Мешков. Знаю, Сережа. Ты не был.

Абраментов. Я понял давно — нельзя победить изнутри почти единоклассную страну.

Мешков. Нельзя, Сережа...

Абраментов. Я уехал прочь. Я забылся один среди капитализма. Чужие страны стали для меня родиной. Нужда, убожество, презрение — все это я перенес с полным сознанием, с готовностью, потому что моя идея была сильнее впечатлений.

Мешков. Буржуазия, ведь это мир одиноких, Сережа. Там трудно быть человеку.

Абраментов. А я и хочу, чтобы человеку было трудно, — он лучше, когда мучается... Дай мне чаю.

Мешков. Сейчас, Сережа. Только у меня пищи нету никакой. Я должен за ней сходить кой-куда.

Абраментов. Сходи. Все равно ты любишь человека.

Мешков (*в стеснении*). А документы, Сережа, есть у тебя? Ты по закону вернулся в СССР?

Абраментов. Есть, конечно. Советская власть отпустила меня жить и работать.

Мешков (*в напряжении*). Ах, так... А, Сережа, ты скажи мне тихо: ты не шпион, не подлец, не вредитель?..

Абраментов. Нет. Я лично рассмотрел весь мир и признал коммунизм необходимым. Но признал только мыслью, искусственным напряжением. Теперь я хочу узнать социализм чувством и действием... Советская власть еще меня не победила, а я ее побеждать уже не хочу. Может быть, мы обнимемся и упадем вместе на пустой земле.

Мешков. Кто мы — СССР и капитализм?.. Ты не знаешь силы нашей державы, она упасть никогда не может... Ну, я пошел за угощением, а то ты есть хочешь. *(Уходит.)*

Абраментов *(один)*. Живет себе в этом помещении один советский дурачок, и неплохо ему. Ни капитализма, стервец, не спас, и социализму, наверное, плохо помогает.

Звонит телефон.

Абраментов *(берет трубку)*. Алло!.. Да. Нет. Девлетов? А кто вы такой? Директор? Здравствуйте, директор. Его нет. Я его послал закуску себе покупать... Инженер Абраментов. Нет, я механик, но изучал и гидравлику, и электротехнику. Ладно... Приезжайте! *(Кладет трубку.)* Кажется, я уже на службу поступил.

Дребезг стекол в окне. Звук напряженного взрыва. Свист сжатого воздуха. Окно распаивается. Громче слышна музыка, и вдруг она прекращается, точно разнесенная ветром. Тишина.

Абраментов молча, но без паники, бросается вон из комнаты.

Тревожный, ритмично повышающий и понижающий свой тон гудок.

Комната некоторое время пуста. Слабо начинает звонить телефон и умолкает.

Приходит Мешков с покупками.

Мешков. Опять, наверно, авария. Пускай, — там есть сменный инженер... *(Мучается.)* Меня же дома не было в момент происшествия... Я просто спал и ничего не слышал... Где Сережа-то? *(Видит распахнутое окно.)* Надо его затворить. А то скажут — у тебя окна распахиваются, а ты не слышишь... Ишь, скажут, глухонемой какой!.. *(Затворяет окно.)*

Слабо звонит телефон.

Мешков *(на телефон)*. Он слишком тихо звонил, я не мог проснуться... *(Терзается.)* Либо пойти все-таки!.. Нет, я и так на заем на двухмесячный оклад подписался: пускай я сплю. *(Тушит свет.)*

За окном встает зарево освещенного завода. Вибрирующий высокий звон работающих машин в тишине.

Пауза.

Мешков всхрипывает где-то в темном хаосе комнаты.

Входит человек. Зажигает свет. Это Абраментов. Он измазан в машинном масле, одежда на нем разорвана местами в клочья.

Абраментов (*смотрит на спящего Мешкова*). Сладко спят гуманисты на свете... Мешков, вставай!

Мешков (*медленно поднимается из вороха вещества; говорит со сна*). А? Что? Ты откуда явился?

Абраментов. Я на аварии был.

Мешков. Где? Какая авария?

Абраментов. Перекачали в компрессорной. Крышки цилиндров порвало.

Мешков. А?! Что в компрессорной? (*Волнуясь*.) А не говорили там, что меня нет?.. А я ведь спал, Сережа, я сильно сплю теперь. Я ударник и боюсь ослабеть, поэтому стараюсь лучше питаться, а по ночам не просыпаюсь.

Абраментов. Понятно. Ты же мягкосердечный человек, либерал, гуманист. А такие всегда себя жалели больше всех.

Мешков (*взволнованный*). Ну а что в компрессорной? Не спрашивали, где я?

Абраментов. Интересовались.

Мешков. Я, пожалуй, сейчас сяду рапорт напишу. А?

Абраментов. Напиши, что спал и была температура.

Мешков. Вот именно, я так приблизительно и думал. (*Ютится у стола, ища принадлежности для письма*.)

Стучат в дверь.

Мешков. Войдите, пожалуйста, товарищ!

Входит Девлетов. Подает руку Абраментову.

Девлетов. Благодарю вас за помощь на аварии.

Мешков (*подходя к Девлетову*). Здравствуйте, Илья Григорьевич.

Девлетов (*равнодушно*). Здравствуйте, Мешков.

Мешков отходит писать.

Девлетов (*Абраментову*). В компрессорной мы с вами не договорились. Какие ваши условия, если я вам предложу должность заместителя главного механика?

Абраментов. Те, которые у вас полагаются по профсоюзному закону. Я сам условий не имею.

Девлетов. Хорошо. Вы говорили мне пустяки про Австралию. Скажите — вы белогвардеец?

Абраментов. Теперь я одинокий.

Девлетов. Что это значит? Не говорите мне пустяками. Одиноких нет. Вы не притворяйтесь.

Абраментов. Нисколько, гражданин. События били меня кирпичами по голове и гнали в вашу сторону. А в сердце своем — я ничей, там я свой.

Девлетов. Свой только?! Значит — чужой, значит, враг.

Абраментов. Нет... Просто в сердце еще долго остается теплота того класса, который уже погиб...

Девлетов. Ну, ладно. Нам нужна ваша голова. Сердце храните неприкосновенным для памяти, если сумеете сохранить... Стало быть, вы будете замом главного механика.

Мешков (*подходит: подает бумажку*). А я, Илья Григорьевич?.. Примите, пожалуйста, рапорт.

Девлетов (*беря рапорт*). А вы будете теперь сменным инженером — вместе с Олей Крашениной.

Мешков. С этой девушкой?

Девлетов. С этой девушкой.

Мешков (*глухо*). А я что же?.. Я мало способен или худ стал?

Девлетов (*прочитав рапорт, швыряет его прочь*). Нет, Иван Васильевич, не потому... Посудите сами — у нас один сменный инженер на все три смены. Какой же это сменный, когда его самого сменить некем?! Ведь Крашенина не выходит из цехов по двадцать часов. Вчера я ее нашел спящей в силовой, третьего дня она стояла на ремонте фильтра тридцать часов... Нужен второй сменный инженер по заводу, иначе мы не выйдем из аварий и неполадок. Это гвоздь всего положения на заводе. Я вас прошу понять меня, Иван Васильевич, ваша ставка снижена не будет. Я обращаюсь к вашей чести старого производственника. Вы меня понимаете?

Мешков (*угрюмо*). Я все понимаю. Я должен нести обязанности девушки.

Девлетов. Класс ваш маленький, Иван Васильевич, а самолюбие у вас большое... Я шучу.

Абраментов. Слушайте, директор. Мешков ведь сирота... У нас с ним нет своего класса.

Девлетов. Я это знаю, товарищи. Поэтому я и зову вас к нам. Человек должен перестать быть сиротой — это нужно для пятилетки... Однако мне пора на вокзал — я должен утром побывать в Москве.

Прощается и уходит.

Мешков. Не нужны мы им более, Сережа. Завтра я — сменный инженер, послезавтра — надсмотрщик двора, а через полгода — сторож у ворот... (*Трогает свои покупки.*) Ешь продукты — тут много вкусных вещей: нам в закрытом распределителе дают... Ешь, а то скоро уж покушать колбасы не придется, сторожем буду.

Абраментов. Слушай, Иван Васильевич. А ты не путаешь пролетариата с закрытым распределителем?

Мешков (*теряясь*). Нет, Сережа. Я знаю, что это разница.

Стучат в дверь.

Голос Крашениной (*за дверью*). Вы не спите, Иван Васильевич?

Мешков. Нет еще. Мы здесь работаем кое-что. Входите, пожалуйста.

Входит Крашенина, усталая и сонная.

Крашенина (*Абраментову*). Добрый вечер — еще раз. Спасибо вам за работу на аварии.

Абраментов. Здравствуйте, инженер.

Крашенина (*Мешкову*). Иван Васильевич. Директор мне сказал, что вы будете вторым сменным. Смените меня сегодня, а то я вся уже сплю... (*Садится в какой-то мусорный хаос.*) Я за вас буду потом двое суток... Перемените манометр в компрессорной — он врет... Трест «Точная механика» — дурак или дура... (*Засыпает сидя; вдруг опять открывает глаза.*) Товарищ Мешков, если вы утомились уже, то я сама пойду... Берегите компрессорную — молота станут. Извините, что я не могу смотреть на вас... (*Закрывает глаза.*)

Мешков. Я не вправе сменить вас, товарищ Крашенина. Были только ни к чему не обязывающие меня переговоры с Девлетовым. Я должен дожидаться приказа.

Крашенина (*со сна*). В цехах сейчас опасно, инженеры... Но я через час совсем отдохну... Хотя я буду видеть всю компрессорную во сне — меня не надо сменять... Распопов, Пужаков, у вас греются моторы, откройте окна на ветер... (*Спит.*)

Мешков (*подходит к Крашениной*). Сережа, эта девушка уже спит. Села на мое чистое белье, примяла и спит.

Абраментов. Она, наверно, не тяжелая. (*Подходит к Крашениной, подымает ее на руки.*) Она легка, как мальчик. Где у тебя постель?

Мешков. Сейчас. (*Сортирует какой-то хлам, швыряет книги и пр.*)

Абраментов держит Крашенину в ожидании.

Крашенина (*бормочет во сне*). Я ведь не сплю, я только притворяюсь... Распопов, зови свою бригаду — держи давление, котельная слабеет... Нет, — у меня один ум устал, а сердце все равно бьется... Я все бригады, все механизмы вижу во сне. Я сплю только нарочно... Я не хочу...

Абраментов (*трогает ладонью волосы Крашениной*). Врешь, товарищ. Ты спишь так глубоко — ты так далека сейчас от нас, как на том свете...

Крашенина (*открывает глаза и глядит на Абраментова*). Неправда, товарищ Абраментов. (*Снова закрывает глаза; спит.*)

Абраментов. Что за странное создание — спит и думает! Мешков (*управившись с постелью*). Клади ее сюда.

Абраментов осторожно спускает Крашенину в приблизительную, расчищенную постель.

Крашенина. Вы не ушли еще, товарищ Мешков? Дайте мне встать — я сама пойду...

Мешков (*в испуге*). Спите, спите, Крашенина... Я сейчас... (*Другим тоном.*) Но не могу же я идти дежурить безо всякого оформления. Наконец, я просто не знаю всех заводских установок!

Сильно бьют молота; стекла дребезжат. Затем — тихо. Крашенина спит.

Абраментов. Оставайся с нею. Я пойду за нее.

Мешков. Сережа, ты ставишь меня в неловкое положение... Выходит дело, я и тут не гожусь. Девчонки, мальчишки, пузанки какие-то работают лучше меня. Я не нужен никому! Меня путают, отстраняют, гонят куда-то ночью, какие-то неточные манометры... Мне нужны четкие директивы, условия, а не сонный бред девушек... Ведь это же курс на катастрофу, я в тюрьме помру за такие дела!..

Абраментов. Оставайся... Сидеть сейчас в комнате — это действительно курс на катастрофу. Я пройду в компрессорную, я не боюсь умереть в тюрьме, я там был.

Мешков. Сережа, ты пойми, ведь я теряюсь в этой сложной обстановке...

Абраментов уходит. Пауза. Бьют молота. В окне — зарево от накаленных исходящих газов завода.

Мешков ест один принесенную им же пищу. Жуя, подходит к спящей Крашениной и рассматривает ее.

Мешков. Спит новый человек... По-старому спит. (*Внимательно вглядывается в лицо спящей.*) Неужели она умней и лучше меня? Чем же это такое? (*Осторожно пробует Крашенину по поверхности ее туловища.*) Наверно, есть что-нибудь странное внутри ее... (*Гладит Крашенину вокруг лба.*) Какое действительно хорошее существо — ничего не требует, ни на что не жалуется, любит что-то далекое и меняет на это далекое свою текущую молодость... Бедный новый человек, — какой в тебе дар? (*Отходит от Крашениной.*) А во мне нет никакого дара — сам люблюсь ею,

а сам есть хочу. А она, наверно, никогда не помнит пищи — она ест только тогда, когда умирает с голоду. *(Ест.)* Ем и тоскую...

Крашенина *(во сне)*. Абраментов, клапана стучат!..

Мешков *(пугается)*. А?! Вы что?.. Абраментова нет.

Крашенина *(бормочет)*. Он в силовой... Там экономайзер не ладит... Мешков, скажите ему!

Мешков. Сейчас... Сейчас пойду скажу...

Уходит. Затем появляется снаружи, в окне, и глядит оттуда внутрь комнаты. Крашенина спокойно спит.

Мешков сейчас же возвращается.

Мешков. Сказал!

Крашенина спит молча.

Мешков *(про себя)*. Значит, мне пропадать в этом мире... Они и во сне все чувствуют! Ведь действительно экономайзер в котельной испорчен — как я забыл! Как я наяву об этом ни разу не вспомнил?! Отчего я теперь не чувствую своего ума?..

Крашенина. Проснуться хочу. Разбудите меня.

Мешков *(про себя)*. Надо заняться делом. Проснется еще и скажет: ты что сидишь, буржуазный остаток? *(Хлопчет у стола, вынимает соответствующие принадлежности и пристраивается чертить.)*

Звонит телефон.

Мешков *(берет трубку)*. Слушаю... Сейчас спрошу. *(К Крашениной.)* Товарищ, товарищ... Сережа спрашивает, где двухдюймовая труба у вас.

Крашенина. В котельной, где второй бункер.

Мешков *(в телефон)*. В котельной. *(Вешает трубку. Спешно чертит что-то, с испугом оглядываясь на спящую Крашенину. Немного погодя — Крашениной, тихо.)* Товарищ, какого вы обо мне мнения?.. Можно, я буду жить?

Крашенина молчит во сне.

Мешков. Неужели я отстал, неужели я дурак?.. *(Медлит.)* Наверно! *(Подходит к спящей. Снова рассматривает ее.)*

Крашенина что-то тихо бормочет.

Мешков *(слушает)*. Шепчет чего-то во сне... У нее все будущее обеспечено, а она волнуется... Интересно, чем пахнет от особого человека. *(Наклоняется и нюхает волосы Крашениной.)* Не то травой, не то ветром... А от меня? *(Нюхает свою грудь, растегнув рубашку.)* Пустяком каким-то... Я и запах потерял, я высыхаю — мне конец...

Крашенина бормочет и смеется во сне.

Мешков (*наклоняясь к ней*). Что вы сказали?

Короткая пауза.

Крашенина. Отчего вы так смешны, Мешков? Я бы давно сумела умереть.

Мешков (*отстраняясь, со злобой*). Ах, вы так!.. Не беспокойтесь — у меня тоже давно все готово. Я сейчас же все совершу самым надлежащим образом... (*Суетится; рыщет по вещам, достает из-под матраца листик бумаги, читает его.*) Вот оно, — мое милое! (*Читает вслух.*) «Убитая горем двоюродная сестра с глубоким душевным прискорбием извещает всех родных и знакомых о своевременной кончине...» (*В сторону Крашениной.*) Теперь вы поняли?

Крашенина мелко смеется во сне.

Мешков. А вы думали, я уже ничто! Нет, подружка дорогая, — я организационно подготовился... Организационно! Не беспокойтесь, не беспокойтесь — у меня все предусмотрено: за телефон уплачено за год вперед, номер записан, деньги за объявление — в особом конверте сложены... (*С вызовом к Крашениной.*) Пожалуйста! (*Берет трубку телефона, говорит веско и твердо.*) Дайте мне срочно номер 4-81. Благодарю. Главная контора газеты?.. Мне нужно сдать экстренное объявление о смерти. Что вы говорите?.. Нет — о моей смерти!.. Почему нельзя?.. Можно? Так примите, пожалуйста, по телефону... Деньги?.. Деньги я завтра утром пришлю... Как? Да, это верно, что умру... Так как же быть-то?.. А сейчас нельзя прийти? Поздно?.. Ну, хорошо, я завтра утром принесу. (*Вешает трубку. К Крашениной.*) Вот вам и все, сударыня!

Крашенина покойно спит.

Мешков аккуратно свертывает свою бумажку с объявлением о смерти, прячет ее за телефон и довольно, умиротворенно улыбается. Затем подходит к Крашениной и, чуть склонившись, взяв свои руки назад, пристально следит за ее сном и дыханием. Пауза.

Бьют молота на заводе. Одновременно без стука отворяется дверь. Осторожно, злонамеренно входит Крашенин-муж. Он останавливается позади Мешкова и бдительно наблюдает его и спящую жену.

Крашенин. Спасибо тебе, жена!.. Две ночи я ждал тебя, сволочь!

Мешков (*в испуге, оборачиваясь*). Здравствуйте, товарищ!

Крашенин (*жене — в сдержанном испуге*). Я думал — ты правда работаешь. А ты — на постели!.. Ты с пожилыми

живешь!.. *(Бросается на Крашенину и, не свергая ничего, наклоняется и плачет.)*

Мешков. Она умиралась, товарищ.

Крашенина молча встает и садится на кровати с закрытыми глазами.

Крашенин *(в неврозе)*. Оля! Ты забыла меня, девочка? Я ведь твой Коля!.. Ах ты так, — прочь от меня, сука!! *(Внезапно бьет Крашенину в голову, Крашенина открывает глаза.)* Снимай юбку, мокрая говядина, буду смотреть, что ты делала!

Входит Абраментов.

Крашенин. Снимай сейчас же!.. Обезличку, сволоочь, на мужьев ввела. *(Пытается рвать на Крашениной платье.)*

Абраментов хватает Крашенина, приподнимает его и сокрушающе швыряет всего человека в угол комнаты — в хаос вещей: вещи заваливают Крашенина.

Крашенина встает на ноги.

Абраментов. Кто это был?

Крашенина. Мой муж.

Абраментов. Простите меня, ради бога.

Крашенина. Ничего. Я давно от него вся в шишках и синяках...

Мешков *(в недоумении)*. А я думал — новый человек весь чистый...

Гудок на заводе. Все слушают.

Крашенина. Моя смена... *(К Абраментову.)* Скажите, выполнила ночная свой встречный? Хватило воздуха котельной и молотам?

Абраментов. Так точно. Бригады гнали механизмы с перегревом — и ночь опередила день.

Крашенина. Как хорошо!.. Ну, до свидания, сейчас я вас сменяю. *(Уходит.)*

Крашенин *(вставая из хаоса вещей)*. Вы сейчас будете заявление на меня писать? Или нет?

ДЕЙСТВИЕ II

Пульт (центральное устройство по распределению тока силовой электроустановки), — это, примерно, наклонный к зрителю стол, покрытый темным блестящим лаком, либо мраморная доска. В пульт вделаны разноцветные лампы (красные, синие, желтые, белые); около каждой группы ламп — градуированный разрез, в котором ходит стрелка. На вертикальной плоскости пульта, обращенной к зрителю, контактное автоматическое управление —

ряды рукояток и штурвальных колес. Над пультом — три громадных циферблата и одна большая красная лампа. Перед пультом — круглый стул, который бывает у пианистов. На правой стороне пульта — серия телефонов.

Позади пульта — металлическая башенка, устроенная из небольших балок; внизу башни видны резервуары масляных выключателей, вверху — блестят медные шины контактов. Внутренность башенки покрыта проводками и различными деталями. Вся башенка видна зрителю насквозь. Над пультом — рупор радио.

В начале действия — лампы на пульте не горят, стрелки всех циферблатов и градуированных шкал покоятся на нулях.

Занавес поднимается.

На пульт всходит по ступенькам инженер Жмяков, диспетчер энергетики, радостный человек средних лет. Он поет «Посмотри, как дивно море...» и глядит на свои часы на руке. Берет телефон.

Жмяков. Котельная, котельная, котельная!.. Ты жива еще, матушка?.. Как у тебя водичка, — кипит?.. Ага. Уголь, говорите, не горит? Ага... Отчего же он не горит-то? Советская власть, наверно, виновата?.. Нет?.. А кто ж?.. Значит, вам порох надо давать! А вода-то цела у вас? Может, и вода засохла!.. *(Глядит на часы, кладет телефон. Берет другую трубку.)* Это вы, девушка? Дайте мне, пожалуйста, первую сквозную ударную! Да... А вы поищите по цехам бригадира!.. Распопова, да, а можно и Пужакова, Петра Митрофановича: кто вам больше нравится! Никто не нравится?.. Ну что ж: рабочий класс крайне сожалеет... Ожидая вашего сигнала. *(Кладет трубку, берет другую.)* Машинный? Говорю я!.. Я говорю!.. Ну я, конечно — пора по тембру различать... Готовьте турбогенератор на перегрузку, держите дизель в резерве на оборотах! Алеше привет, поклон всему машинному! *(Кладет трубку. Смотрит на часы. Звонок одного из телефонов. Берет трубку.)* Я! Кто?! Здравствуйте, Петр Митрофанович!.. Вот что: сегодня уголь у нас обратился в несгораемое вещество!.. В империализме даже дрова горят, а у нас такая особая точка, что все гаснет! Нельзя ли тебе с бригадой сегодня побыть немного в котельной? Да. А то не вывезем!.. Пар посадят — вот что! *(Глядит на часы.)* Скорее, Петр Митрофанович, скорее, дорогой!.. Проверьте воздушный экономайзер, дутье на полный форс, хорошую шуровку топкам и прохладный душ кочегарам, — до свиданья, дорогой, до свиданья — у меня сигнал.

Вспыхивает красная лампа над пультом; вслед за красным светом — гудит заводская сирена где-то невдалеке.

Жмяков *(вставая на ноги, быстро действует на пульте и напевает)*. Колокольчики... *(включает один из автоматов на пульте; на пульте вспыхивает красная лампочка, трогается стрелка в градуированном разрезе, чуть трогаются стрелки на двух*

больших общих циферблатах, висящих над пультом. На третьем циферблате стрелка восходит сразу высоко и там останавливается) ...бубенчики... (включает другой автомат: вспыхивает вторая красная лампа, трогается стрелка в градуированном разрезе, стрелки на двух главных циферблатах дают дрожание вперед) ...гремят... (включает третий автомат с теми же эффектами), ...гремят... (включает четвертый автомат). О моей... (включает: зажигается синяя лампа)... погибшей юности... (включает, — синие, красные, желтые, белые лампы)... звенят, звенят!

Включает; сильный свет на всей плоскости пульта; высокая дрожь стрелок на циферблатах; медленно начинается приглушенное пение работающих вблизи котлов, генераторов и механизмов, — приглушенное настолько, что не мешает слышать слова действующих лиц. Вся сцена идет скоро и энергично. Включение закончено. Ритмическая дрожь стрелок на циферблатах. Напряженное пение механизмов. Лампы на пульте меняют цвета: красный на синий, на желтый и обратно.

Жмяков (*слегка танцуя, припевает*). Их паровоз летит вперед, а нам всем — остановка!.. (*Одна красная лампа начинает быстро вспыхивать и потухать, что-то сигнализируя.*) Неужели остановка? Я тебе остановлюсь, сукин сын! (*Звонит телефон. Жмяков берет трубку.*) Да!.. Петя?!.. Нет? А кто ж ты такой? Василь Иванович?!.. Не тянет? Оборотов не хватает? Перегрузка? Хорошо, — я чуть добавлю напряжения — вытянем! (*Кладет трубку, берет другую.*) Котельную, тетя!.. Петра Митрофановича!.. (*Одна красная лампа по-прежнему мигает; вспыхивает пульсирующим светом три-четыре новых красных лампы.*) В руках у нас винтовка!.. Петр Митрофанович?!.. (*Замигали еще две красных лампы. Жмяков берет одновременно другой телефон: говорит в два.*) Турбинную!.. Турбинная?!.. Я говорю! (*Мигают пять красных ламп.*) Я говорю!.. Я! Что вы там молчите, как оппортунисты!.. Немедленно включите дизель на второй фидер! (*Кладет одну трубку, остается с первой трубкой.*) Петр Митрофанович?! Я хочу давления, — атмосферы две-три сверх всего. Нет, на часик, на два!.. Будьте любезны, ради бога! Прижмите клапанок на котле. А котел — с форсом и шуровочкой!.. (*Кладет трубку, берет другую.*) Турбогенератор!.. Я говорю! Я!! Слушайте — проходим пик! Перекручиваем агрегат на час!.. Ну, конечно, сверх! Повышаем обороты — режем пик на вольтах и амперах. Внимание!! Слушать турбину, прижать предохранители, держать подшипники на руках!.. Электрик! Генератор!! Держать руку на корпусе машины, нюхать обмотку, запустить добавочный вентилятор! Внимание!! (*Почти все красные лампы мигают; синих, красных, желтых, белых нет. Жмяков берет три трубки телефонов.*) Котлы! Турбина! Генератор! Дизель! Внимание!! Нача-

лось!! Проходим пик!! (Стрелки всех трех главных циферблатов восходят высоко вверх, почти до предела градуировки. Мигание красных ламп сильно учащается. Жмяков — в телефоны.) Полное дутье — форс!! Следите за обмоткой!.. Пахнет там гарью или нет, бедный мой товарищ?! Дизель, дизель, жми свою долю, — ни черта не помогаешь!.. Пик растет, товарищи! Эй, ударники, где вы там, во что бьете, — вы на пик меня посадили!.. (Красное мигание учащается. Жмяков снимает все трубки телефонов.) Слушайте, телефонные девки! Мгновенно дать сюда дежурного инженера!! (В испуге кричит во все телефоны.) Эй, цеха!! Выключись кто-нибудь на полчаса! Ну, ради бога! Хоть на пять минут! Кузница! Прокатная! Молотá!! Дайте потише чуть-чуть! Я не вынесу — сердце разлетится!..

Телефон (громко, басом). Пошел ты к черту! У нас двадцать процентов сверх плана нагорело!

Жмяков (полубезумно). А?! Ну, я извиняюсь... (Другим тоном, тихо.) Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора!.. Именно — дивная!

Телефон (глухо). Я сменный инженер. Слушаю.

Жмяков (берет телефон). Отцепите от меня, где хотите, десять тысяч киловатт. Я сожгу генератор!.. Кто вы такой?

Телефон. Я — Мешков. Сейчас остановлю что-нибудь.

Жмяков. Иван Васильевич?!.. Ради бога! У меня слезы на глазах... Идите сюда!

Звонит телефон.

Жмяков (берет трубку). А!.. Да. Что? Вам двести киловатт на кирпичные пресса?.. Пошли вы к черту!.. Потушите последнюю лампу над своей башкой! (Кладет трубку.)

Мигание красных ламп достигает высшей частоты.

Жмяков (озирается). Я сейчас заплачу от такой ненормальной жизни.

Телефон (басом). Кто там плакать хочет? Дай мне отделаться — я тебя утешу!!

Жмяков (бессознательно). А?! Да я вполне согласен.

Лампы сразу прекращают мигание: стрелки приборов снижаются; на пульте начинается прежняя игра цветов: красный, синий, желтый, белый.

Жмяков (весело). Да я вполне согласен. (Прежняя жизнерадостность, потирает руки, почти танцует.) Колокольчики, бубенчики звенят-звенят... О моей...

Лежачие трубки телефонов (глухо). Ну?! Кто там есть?!

Жмяков. Пик снят, товарищи. Закуривай!

Лежачие телефоны (*враз*):

— Воздуху нету, гад!

— Кто выключил?

— Печь потухла. Шихта шлакуется!

— Воды-ы!

— Сорвал план, стервец!

Матерное бормотанье.

Пауза.

Жмяков (*поникая*). Боже мой, боже мой, почто ты оставил меня... в этом веке. В каменном тихо было.

Входит Мешков.

Мешков. Я три цеха выключил.

Жмяков. Спасибо, Иван Васильевич. Теперь нам с вами конец.

Телефоны злобно бормочут.

Мешков (*в испуге*). Включайте скорей опять!

Жмяков. А как генератор?

Мешков. Горячий, Владимир Петрович, — он сгорит!

Жмяков. Так как же быть-то?

Мешков. Неизвестно, Владимир Петрович... Может, средне что-нибудь есть?

Жмяков. При большевизме я среднего ничего не видал.

Мешков. И я тоже, Владимир Петрович. Все одно большое только.

Телефон (*громко, резко*). Включай!!

Жмяков и Мешков (*в испуге*). Сейчас!!

Делают манипуляции с автоматами; стрелки на главных циферблатах восходят до предела. Все контрольные лампы делаются красными и начинают пульсировать светом с высшей частотой.

Телефон (*басом, громко*). Взяти!!!

Слышно через телефон, как загудели моторы и пошли станки.

Мешков нерешительно опять выключает автоматы; стрелки падают; лампы престают мигать, некоторые становятся синими, желтыми.

Жмяков. Что вы делаете?

Мешков. Выключил опять три цеха. За это самое большее нам с вами общественный позор, а за генератор, если сожжем, — нам будет лет десять... У меня, Владимир Петрович, перечень есть: сколько за что полагается. (*Вынимает бумагу и предъявляет ее Жмякову.*) Поинтересуйтесь!

Телефон (*басом, громко*). Эй, опять току нету! Вы что — работаете или боитесь?.. Вы — кто?!

Жмяков (*читает бумагу Мешкова*). До пяти лет изоляции... Да, это дивная пора!

Телефон. Давай току, я отвечаю!

Входит Крашенина.

Крашенина (*тихо*). Так нельзя, товарищи. Надо скорее тянуть завод — социализм нас ждать не будет. (*Становится за пульт.*)

Жмяков. Мы боимся рисковать генератором, товарищ Крашенина. Можно сжечь обмотку.

Крашенина (*тихо и просто*). Хорошо. Но если вы останавливаете заводы, срываете планы — вы рискуете не генератором, а всей советской властью, всем социализмом.

Мешков (*нерешительно*). Обмотка сгорит... Нам страшно тянуть завод на перегреве.

Крашенина (*тихо*). Пусть... Я сожгу обмотку — я и чинить ее буду день и ночь. (*Производит включение автоматов: пульсирование красных ламп, движение стрелок главных циферблатов.*)

Жмяков и Мешков стоят в стороне. Мешков берет за руку Жмякова, и так находятся оба неподвижно.

Рычит одна из лежачих трубок. Крашенина берет ее.

Крашенина. Я слушаю... Сколько вам нужно? Тысячу киловатт? Что у вас? Новую лесопилку пускаете?.. Это хорошо. Я вам сейчас включу. (*Включает: бешеное пульсирование ламп.*)

Жмяков (*в ужасе*). Это безумие. Девочка сожжет сейчас силовую!

Мешков. Хорошо, что не мы... Ведь пять лет по перечню.

Жмяков. Капут будет девочке. Немножко жаль.

Крашенина (*берет телефон*). Генератор, пожалуйста!.. Генератор? Я — пульт, инженер Крашенина. Кто это?.. Товарищ, вы чувствуете генератор? Как работает обмотка?.. (*Пауза.*) Запах появился?!! (*Вешает трубку. Оглядывает помещение отвлеченными глазами, не замечая двух инженеров. Тихо говорит.*) Горит генератор, товарищи, и нет никого...

Входит Абраментов.

Абраментов. Здравствуйте. Почему так много здесь технических сил? (*К Крашениной.*) Почему долгий пик?

Крашенина (*невнимательно*). Завод выходит из прорыва... Сто ударных бригад... Тлеет изоляция — есть ли выход, товарищ Абраментов?

Абраментов (*остро оглядывает пульт*). Нет выхода. Выключайте перегрузку. Машины ведь нейтральны в классовой борьбе — генератор сейчас сгорит.

Входит Пужаков. На бедре у него мешок с инструментами.

Крашенина (*невнимательно*). За кого, вы говорите, машины?

Пужаков. За нас, Ольга Михайловна, — мы их заставим сочувствовать... На третьем крану лебедка не работает — мы никак не сообразим, пойдемте поскорей. Час думали без вас, да, наверно, алгебры не знаем.

Крашенина (*не слушая*). Пужаков, генератор горит... Разве можно сейчас думать по целому часу?

Пужаков (*остро*). Как?! Генератор горяч?.. Сейчас соображу!.. (*Соображает.*) Обливать корпус водой — поставить ребят! Сам стану! Но — осторожно, внутрь не заливать! Враз, — сейчас!! (*Ко всем.*) По любому делу соображу, только по-своему — нет... Не сгорит!.. Протянуть шлангу! Бузовать беспрерывно!.. Пойду для четкости сам! (*Быстро уходит.*)

Абраментов. Машины мертвы, к сожалению, Ольга Михайловна.

Крашенина. Когда они в мертвых руках, инженер Абраментов.

Абраментов (*вспыхивая от обиды*). Ленин не советовал зазнаваться, коллега! А генератор — не большевик!

Крашенина. Я не зазнаюсь, но и полюбить вас никого не могу.

Абраментов. Посмотрим.

Крашенина. Буду рада заплакать о вас.

Абраментов. Постараемся.

Крашенина. Зачем же для меня стараться? Вы инженер или кавалер?

Абраментов. Как вам не стыдно? Ведь я понимаю все. Я учился науке рабочего класса в тюрьме, я там пролежал много ночей с открытыми глазами. Я прожил жизнь в одиночестве, но умру в тесноте вашего класса.

Крашенина. Зачем же вам умирать, Абраментов? Плохо вы знаете науку рабочего класса. Зачем ему ваша смерть? Ему нужно, чтобы вы стали товарищем пролетариата.

Красные лампы мигают все более спокойно.

Мешков (*про себя*). Ну куда ж тут мне жить на этом свете?

Жмяков. Да, героически и скучновато... Где мы теперь, кто нам сжимает пальцы?..

Мешков. Не могу я так существовать, когда девушка служит инженером лучше меня... У ней же остыл генератор, я же вижу по сигналам...

Жмяков. Ясно и прекрасно.

Мешков. Я это предвидел. (*Берет телефон.*) Дайте мне поскорее 4-81... Это контора газеты?.. Я вот вам утром давеча объ-

явление дал... Нет — о скончании одного гражданина, где двоюродная сестра еще скорбит!.. Да, да. Вы напечатаете его?.. Что?.. Места нету? А когда же? На днях? Ну вы поскорей, пожалуйста, а то мне терпеть-то уж очень... Что? Хорошо, я немного подожду... (*Кладет трубку. Жмякову — скучно.*) Да, Володя...

Жмяков (*тем же тоном*). Да, Ваня...

Лежачая телефонная трубка (*голосом Пужакова*). Оля! Генератор остывает.

Крашенина. Морозь его дальше, Пужаков!

Пужаков (*в телефоне*). Сейчас... Мы сейчас боковой вентилятор поставим, сделаем пульверизатор и будем дуть в его нутрѐ водяную пыль, — самую мелочь! Ничего?

Крашенина. Ничего. Понемножку.

Пужаков (*в телефоне*). Ну, конечно, чуть-чуть, но — с вихрем!

Крашенина. Вот-вот.

Мешков (*вздыхая*). Не сторит генератор, Владимир Петрович.

Жмяков. Нет, Иван Васильевич. Но наше славное имя уже сгорело. Облетели огни, отгорели цветы... Нам остается лишь марш Шопена.

Красные лампы перешли к этому моменту на спокойный свет.

Мешков. Марш играть не станут — разлуку сыграют.

Лежачий телефон (*хрипло*). Можно кирпичные пресса запустить?? Киловатт двести!

Крашенина. Конечно, можно. (*Включает.*) Почему с утра не пускали?

Лежачий телефон (*хрипло*). Утрешний инженер-мужик не велел.

Абраментов (*к Мешкову и Жмякову*). Вы что ль не велели?

Жмяков. Мы... У нас изжога в душе, Сергей Дмитриевич. Мы же — старое поколение, остатки от истраченной мелочи, мы — колокольчики-бубенчики...

Мешков (*Абраментову — уныло*). Я говорил тебе, Сережа, что мы теперь — пустяки. (*Садится в немоци на приступок пульта, невнимательно вынимает из кармана кулечек с конфетами и начинает сосать конфетку.*)

Абраментов (*со злобой и энергией*). Но я не хочу быть пустяком! Я хочу быть товарищем пролетариата, я хочу вместе с ним долго и трудно жить! (*Берет руками свою голову; тихо.*) Я измутился весь...

Рупор радио начинает играть музыку. Играет до конца акта.

Входит работница с обедом в судках. Ставит судок на пульт.

Жмяков (*Крашениной*). Обеденный перерыв: выключайте холодные цеха. Переключайте третий фидер на районное кольцо.

Работница (*с обедом*). Ешьте блюда. Проголодались ведь небось! (*Уходит.*)

Жмяков (*Крашениной*). Ну же, милая!! Первый в нейтраль, третий на кольцо, — мягко, быстро!

Крашенина резко манипулирует автоматами. Судорожная игра цветов на пульте. Но большинство ламп остается красными.

Абраментов (*бросаясь к пульту*). Не так! Легче!!

Жмяков (*бросаясь к Крашениной*). Возьмите сопротивление!.. Что же вы делаете, бедная моя!

Абраментов и Жмяков хватаются за автоматы.

Мешков (*в стороне*). Не трожь нового человека. (*Швыряет в рот новую конфету.*)

Судорожная игра цветов на пульте

Взрыв синего пламени — без шума — наверху распределительного ба-шенного устройства, что за пультом.

Жмяков (*в волнении, у автоматов*). Автомат не вырубает!

Абраментов. Дай я! (*Резко манипулирует; не выходит.*) Топор!! Инструмент!! (*Бросается в разные стороны в поисках.*)

Жмяков (*мучается у автоматов*). Контакты спеклись, масло высохло!.. Гибель богов! Мешков, справься в перечне, что нам будет... Хоп!

Автомат отказывает.

Крашенина хватает гаечный ключ и бросается внутрь распределительного устройства — в башню.

Абраментов бежит за ней. Он снимает фуражку, надевает ее на руку и, выхватив у Крашениной ключ, пытается раздробить изолятор, сорвать провод, держа ключ в руке, обернутой фуражкой.

Абраментов (*кричит из башни*). Выключайте генератор!

Жмяков (*работа у пульта*). Не выходит, Сергей Дмитриевич. Контакты сварились. Мешков, дай пососать напоследок.

Мешков подает ему кулечек.

Крашенина (*из башни*). Зовите аварийную ударную бригаду!

Жмяков (*выплывывая конфету; в телефоны*). Ударная, аварийная — на пульт, на автоматы!

Синее пламяверху башни нисходит постепенно книзу.

Входит работница, приносившая обед.

Работница (*осматривая судки на пульте*). Что ж вы блюда-то

не едите? Остынут ведь, а мне выговор будет, что инженеров некусно кормлю! *(Уходит.)*

Жмяков. Мешков, съешь блюда.

Мешков *(со слезами)*. Чтó вы смеетесь надо мной?! Я тоже люблю революцию, я тоже хочу чего-то!.. *(Бросает кулек, почти плача подходит к пульту, берется за автомат.)*

Вбегают Пужаков и Распопов. На бедрах у них мешки с инструментами. Они взбираются по металлической обрешетке башни наверх, к пламени.

Абраментов *(кричит им снизу)*. Прервать ток? Остановить турбину?..

Пужаков. Зачем? Не смей! Мы так разъединим. Здесь не очень жарко. *(Распопову.)* Как скажешь, Семен?

Распопов. Вытерпим так.

Лезут выше, надевают резиновые перчатки, достают из сумок инструмент: стержни с крюками на концах.

Пульт по-прежнему судорожно играет цветами, но часть ламп — неподвижно красные.

Абраментов и Крашенина выходят из токораспределительной башни.

Крашенина *(в телефон)*. Турбинная! Турбинная! Внимание! Я — пульт! Авария. Турбинщик — руку на стопор регулятора. Слушать меня! По моему сигналу — немедленное стоп. Люди под высоким напряжением. Электрик, руку на сопротивление! Слышите ли вы меня, товарищи?

Телефон. Слышим.

Распопов и Пужаков на верху башни, близ синего огня. Распопов ухватывает инструментом контактную шину, около которой трепещет пламя. Шина не поддается. Распопов повисает на ней, прихватившись инструментом.

Пужаков повисает таким же способом вслед за Распоповым, на второй шине.

Абраментов *(Мешкову, который все еще держит руку на автомате пульта)*. Попробуй вырубить еще раз масляный автомат.

Жмяков. В масле сейчас газ. Взрыв может быть.

Абраментов. Пробуй, Мешков.

Мешков с резким усилием двигает автомат.

Взрыв в масляном баллоне внизу башни. Огонь вскидывается кверху, до ног Распопова и Пужакова, и почти окружает их.

Крашенина *(в телефон)*. Стоп, турбина!

Гаснет весь пульт, весь свет. Остается огонь в башне. Обеденное радио играет по-прежнему. Резко хлопают контактные шины на верху башни, где двое людей. Одна шина защемляет руку Распопова ниже кисти; он повисает всем туловищем, роняя инструмент.

Пужаков падает вниз, в огонь, и выбегает из него к пульту.
Распопов висит с прихваченной рукой.

Пу ж а к о в. Сеня, тебе больно? Что ж ты не кричишь?

Пламя бьется снизу в ноги Распопова, охватывая со стен почти все его туловище — до живота.

Распопов (*томясь*). Товарищи... (*Хватает свою зажатую руку ртом и грызет ее своими зубами. Откидывается. Томится.*)
Товарищи... Перебейте мне руку... Где товарищи, я никого не вижу... Мне скучно одному. (*Снова грызет свою руку.*)

Абраментов. Мы с тобою. (*Бросается в башню, минует нижний очаг огня, быстро лезет по решетке, сквозь огонь по пылающим проводам и деталям.*)

Мешков закрывает лицо руками. Жмяков поднимает кулек с конфетами и берет оттуда конфету в рот.

Крашенина и Пужаков вынимают револьверы и целятся в руку Распопова.

Абраментов, немного не достигнув Распопова, молча валится вниз, в огонь.

Одновременно раздается двойной выстрел Крашениной и Пужакова — и Распопов падает вслед за Абраментовым вниз, в огонь.

Крашенина и Пужаков бегут к башне.

Из башни, из огня медленно выходят черные, обгорелые, почти неузнаваемые Абраментов и Распопов. Они держат друг друга за руки. У Распопова на конце одной руки висят перебитые детали контактов, защемившие руку за кисть.

Крашенина и Пужаков останавливаются перед ними.

Останавливаются и Абраментов с Распоповым. У них нет глаз.

Жмяков (*в телефон*). Пожарную!.. Огонь на пульте. Жертвы? Какие жертвы? (*Глядит на Абраментова и Распопова.*) Они были, но встали опять жить.

Абраментов и Распопов падают на землю, не выпуская взаимных рук.
Быстрый занавес.

ДЕЙСТВИЕ III

Комната заводского клуба. Две двери. Окон нет. Два гроба на столах, два черных трупа в них.

Два венка с надписями: «Храбрейшему инженеру, товарищу рабочего класса!», «Другу Сене, павшему на поле пролетарской славы и чести!»

Общий транспарант над гробами: «Мертвые герои прокладывают путь живым».

Безлюдно. Пауза.

Входит Крашенина — в длинном платье, в весенней шляпе, с маленьким букетом цветов. Она подходит к гробу Абраментова. Стоит у изголовья.

Потом несмело гладит обугленную голову Абраментова. Потом склоняется и робко целует его в губы. Молчит. Вытирает глаза — жестом, точно поправляет прическу на висках.

Крашенина (*тихо*). Вы были правы, товарищ Абраментов. Я и любила вас, и заплакала. Но я не рада теперь. (*Кладет цветы в изголовье. Поправляет одежду на трупе. Всматриваясь в Абраментова.*) Я забыла запомнить ваше лицо... (*Трогает лицо покойного.*) Ну, прощайте теперь совсем. (*Отходит, но останавливается и вновь глядит не отрываясь на Абраментова.*)

Входит Пужаков: в костюме, в галстук, убранный, с громадным букетом красных роз. Подходит к трупу Расопова.

Пужаков. На, Сеня! (*Кладет цветы на грудь мертвого. Стоит молча в неловкости.*) Что ж ты, Семен, навсегда, стало быть, уморился? Так там и останешься? (*Молчит.*) До самого социализма дожил, а — умер!.. Вот скоро хорошо уж будет, а тебя нету, — нам, брат, без тебя тоже стыдно оставаться. Ты, значит, сделал, а другие жировать будут, — это ведь неверно! (*Молчит, тоскует.*) Нет, и помереть хорошо за такое дело и в такой год!.. Взяла революция — и даст революция! Молодец, Семен — ты лучше живого теперь: лежи вечно... Вот дай управиться — природу победим, тогда и тебя подыдем... Эх, горе нам с героями. (*Берет из своего букета два цветка.*) Надо и тому положить — тоже свой человек. (*Кладет на Абраментова два цветка. Крашениной.*) Здравствуйте. Тоже горюете стоите, — иль просто так себе?..

Крашенина. Просто так стою.

Пужаков. Отчего же, — надо погоревать. Так стоять — неприлично.

Крашенина. Я тоже горюю... Я солгала вам, что так стою.

Пужаков (*глядит на осунувшуюся Крашенину*). Ну вот это нормально, это сознательно, а так стоять нельзя.

Крашенина. Я теперь полюбила его.

Пужаков. А это еще лучше, еще приличней. Поцелуйтесь с ним на прощанье — он ведь один остается. А ты с нами будешь.

Крашенина приближается к Абраментову.

Одновременно входит Мешков, согнувшийся, неряшливый в лице и одежде; он останавливается у ног Абраментова.

Крашенина (*приподнимает черную руку Абраментова, целует ее и говорит мертвому*). До свиданья. (*Накрывает лицо Абраментова куском покрывала от изголовья.*)

Пужаков (*радостно*). Вот это нам приятно... А то раньше красивые девки мужиков любили за одно лицо, а на лице — глушь.

Крашенина молча стоит.

Мешков (*неопределенно*). Неясность жизни была...

Пушakov. А нам давно все ясно. Социализм, брат, это тебе не один пот на рубашке, а вот... что-то такое... серьезное: геройская жизнь и смерть... Что ж я Семена-то забыл поцеловать! (*Идет к Распопову и целует его.*) Ну, Сеня, — прости меня. Я, знаешь, может, и сам бы умер, — по-товарищески, чтоб с тобой быть, — да теперь вместо тебя нужно жить — опять мне забота.

Мешков (*про себя, недоуменно*). А мне что делать в этой жизни? (*Горестно.*) Я не могу ни погибать, ни целоваться. Я стесняюсь жить... (*К Абраментову.*) Сережа, ведь я же говорил тебе, что я пустяк.

Входит Жмяков, одетый в черное, намеренно — грустный, до торжественности.

Жмяков. Оркестр прибыл, товарищи, — двадцать три человека состав. На дворе дождь и молния. (*Снимает шляпу и отряхивает ее от капель дождя.*)

Пушakov. Ну зачем оркестр? Зачем людей еще больше расстраивать? И так печально будет.

Жмяков. Нисколько, товарищ Пушakov. Наша печаль превратится в звуки, а звуки рассеются...

Пушakov. Вот тебе раз!

Жмяков (*в дверь*). Прошу вас, товарищи! (*Хозяйствует у гробов; готовит их к выносу.*)

Входит человек шесть-семь рабочих.

Жмяков. Пожалуйста, будьте любезны, — в главную залу.

Рабочие и Пушakov поднимают гробы на руки и быстро трогаются к месту.

Жмяков. Осторожнее. Без темпов, пожалуйста.

Идет вслед на гробами. Позади всех уходит Крашенина. Остается один Мешков.

Мешков (*находит телефон на стене, берет трубку*). 4-81. Благодарю вас... Я вот вам звонил уже... Это объявление по поводу смерти одного гражданина, члена секции... Да-да, — о котором скорбит двоюродная сестра... (*Слушает.*) Нет, он еще не похоронен... Он ожидает объявления... Все лежит. (*Слушает.*) Сегодня помещено? (*В волнении.*) А... а где же газета, ее утром не продавали, где ж она?.. (*Слушает.*) Когда? К четырем часам дня? Отчего к четырем — из-за объявления?.. Ах, бумагу не доставили!.. Спасибо, спасибо... Правильно все напечатали: Иван Васильевич

Мешков, да? И умер? *(Слушает.)* Скончался?.. Спасибо, спасибо... *(Вешает трубку. Один.)* Ну, мне надо кончаться... Уже давно, давно пора, дорогой мой друг, бедный мой человек, — ни помолиться тебе некому, ни попрощаться не с кем... Вот умер Сережа, и мне его не жалко — сердце пусто, ум давно без памяти, чувства безответны... Я весь уже легкий, скучный, как усталое насекомое, которое несется ветром в старую осень.

Глухо, точно очень далеко, играют похоронный марш. Звуки встают, как вещи, неподвижно.

Мешков *(прислушиваясь)*. Сережа, ты обманут. Ты видишь, они не могут сами тосковать по тебе и заставили музыку... Сережа, ты скоро уйдешь в материк, в тесную землю, опять в тюрьму. Зато у нас с тобой останется одна свобода — свобода быть забытыми.

Музыка прекращается. Слышится далекий раскат грома.

Мешков. Ну, мне пора ложиться. Сейчас перестану дышать.

Ложится на стол. Вдруг привстает и сидит на столе.

Мешков. Скучно чего-то. *(Сходит со стола, идет к телефону, снимает трубку.)* Барышня, дайте мне номер какого-нибудь человека... *(Ждет, слушает.)* Что вы говорите? Хорошо. *(Кладет трубку.)* Гроза: телефоны не работают, человек не отвечает... Пойду, погляжу на улицу — какая там гроза. Сейчас вернусь. *(Уходит.)*

В другую дверь входит Жмяков.

Жмяков *(садится в усталости)*. Устал горевать... Трупы унесли в дождь, живые пошли сочувствовать, а оркестр с полдороги пойдет в садик и там заиграет другие мотивы... А затем наступит вечер, погода изменится, выйдут домработницы и начнут под музыку воздух рассекать. Шумит население на земле!

Приходит Девлетов, в мокром плаще, с маленьким чемоданом. Ставит чемодан на пол.

Девлетов. Здравствуйте, Владимир Петрович. *(Садится, утирает платком лицо.)* Я с поезда только что... Встретил в гробу Сергея Дмитриевича, встретил Семена Федоровича Распопова... Эх, Владимир Петрович, Владимир Петрович, что же вы-то смотрели?

Жмяков. Не хотелось, Илья Григорьевич, ток прерывать. Были бы аварии на механизмах, брак, скандал, промфинплан бы сорвали.

Девлетов. Ну и что ж? Справились бы потом, не очень страшно. А то ведь вы людей пожгли, и каких людей!.. *(Иронически.)* Промфинплан бы сорвали! Вот вы и сорвали его! Что такое «промфинплан»? Это не бумага, это вот те люди, какие погибли... Извольте теперь идти под суд! Кто там еще был? Мешков и Крашенина? Тоже под суд! А я буду общественным обвинителем... Не беспокойтесь, я вас укатаю прочно...

Жмяков *(расхаживая, слегка напеваёт)*. Колокольчики-бубенчики...

Девлетов. Вы что, издеваетесь, Жмяков?

Жмяков. Вы забыли еще одного подсудимого.

Девлетов. Кого?

Жмяков. Директора, — вас.

Девлетов *(встает)*. Вы правы, Жмяков. Общественным обвинителем будет Пужаков.

Жмяков. Я даю согласие.

Девлетов. Его не требуется. Идемте — вы напишете аварийный рапорт, — сейчас же, при мне!

Жмяков. Прекрасно, со всем вдохновением, ударно... Будьте любезны! *(Дает директору дорогу вперед.)*

Одновременно входит в другую дверь вымокший на дожде Мешков с газетой в руках. Жмяков замечает его и делает ему рукой знак прощания. Оба уходят.

Мешков *(медленно и внимательно читает газету)*. «Убитая горем двоюродная сестра с глубоким душевным прискорбием извещает всех родных и знакомых о своевременной кончине инженера-механика, члена секции ИТР, Ивана Васильевича Мешкова». *(Складывает газету.)* Хорошо. Плохо только, что сестра извещает, а не треугольник. Подумают теперь, что я антиобщественник был, раз завком промолчал... Неприятно. *(Спыхватывается. Запирает обе двери на ключ. Садится.)* Теперь совсем хорошо. Плохо только — домой нельзя пройти — газета вышла, увидят, что я живой, и окружают вниманием. *(Пауза.)* Говорить мне чего-то охота, мне не какое-то появилось... *(Развертывает газету; читает молча, потом вслух.)* «Партком, завком, дирекция, рабочие-ударники... о смерти в огне... незабвенного, верного пролетариату товарища, храбрейшего инженера Сергея Дмитриевича Абраментова, пришедшего из рядов врагов...» *(Озирается.)* Из рядов врагов!.. А я откуда? Я врагом не был. Я все время сочувствовал. Я наоборот даже. Я слишком честный. Я умираю от честности, потому что осознал, что я дурак новой жизни, — я стесняюсь жить...

Резкий стук в дверь.

Мешков бросает газету; потом прячет ее под стол, быстро раздевается наполовину; опомнясь — одевается опять.

Стук в дверь повторяется.

Мешков (*подбегает к телефону; берет трубку; хрипло шепчет*). Барышня, а барышня! Скажите мне что-нибудь ради бога...

Стук в дверь. Голоса.

Голос Жмякова. Да здесь же он, я вам говорю. Я его только что видел, он мокрый был...

Мешков (*в телефон, хриплым шепотом*). Барышня, а барышня! Прошла гроза или нет?.. Барышня, товарищ!!

Стук в дверь. Голоса.

Голос Пужакова. Дай я высажу всю снасть. Мешков хороший человек.

Дверь трещит.

Мешков бросается к столу, на котором лежал Абраментов, влезает на него и ложится вниз лицом.

Дверь вышибается извне. В дверном отверстии появляются: Пужаков, Девлетов с чемоданом, Жмяков с газетой и несколько рабочих мужчин и женщин; позади — Крашенина под руку с мужем.

Звук упругого пневматического удара, — негромкого, но глубокого и мощного. Комната сотрясается. Стол, на котором лежит Мешков, подпрыгивает — и Мешков скидывается на пол. Мешков вскакивает на ноги.

Мгновение общего тревожного напряжения.

Жмяков, наоборот, чрезвычайно спокоен.

Крашенина вырывает руку у мужа.

Девлетов (*бросая на пол чемодан*). Что это?.. Немедленно всем в цеха!!

Новый удар. Комната сотрясается. Общее волнение. Мешков покачнулся всем телом. Девлетов, Крашенина и Пужаков бросаются к выходу. Жмяков спокоен.

Жмяков (*Девлетову*). Спокойно, директор. Это пробуют новые молота, это еще неполные удары.

Девлетов и другие останавливаются.

Девлетов. Да, я вспомнил. Кто проверяет установку? Чья сейчас смена?

Крашенина (*подходя*). Моя смена.

Девлетов. Почему вы не в цеху?

Крашенина (*тихо*). Я провозжала в могилу своего товарища — Абраментова.

Пауза.

Крашенина вдруг отворачивает свое лицо ото всех и закрывает его руками.

Муж Крашениной. Олечка, не плачь! Ведь я с тобой остался! *(Обнимает ее за плечи.)* Крошка ты моя...

Маленькая пауза.

Девлетов *(медленно)*. Так... *(Крашениной.)* Ольга Михайловна, завтра у вас будет внеочередной выходной день.

Крашенина. Как вам не стыдно? У меня новые молота на испытании.

Девлетов. Здесь не стыд, а мой приказ. Здесь я директор! Гражданин Крашенин, проводите свою жену домой.

Крашенина *(оборачиваясь, с высохшим лицом)*. Я сама уйду. Мое сердце прошло.

Уходит. За нею следом уходит ее муж.

Пужаков. Бедная ты наша женщина.

Случайные рабочие, бывшие свидетелями сцены, расходятся.

Девлетов *(подходит к Мешкову, который стоял неподвижно во все время сцены)*. А это что такое?

Жмяков. А это, Илья Григорьевич, наш сознательный покойник, инженер Мешков. Он, по официальным данным, скончался.

Девлетов *(всматриваясь в Мешкова)*. В отпуск, — на месяц! На два месяца — на курорт!.. Завтра же оформить ему путевку!.. Надо прекратить эту психологию на заводе! Мертвых схоронить, живых вылечить.

Мешков. Можно, я... можно, я сейчас пойду подежурю за Крашенину?

Девлетов. Ступайте.

Мешков *(делает движение и опять останавливается)*. Надо мной там массы засмеются...

Пужаков. Идем, Иван Васильевич. *(Берет Мешкова под руку.)* Идем, никто не засмеется. Мы люди тактичные, нам нравится интеллигенция. А ты ничего не бойся, — массы — они ведь добрые... Это только субъекты — сукины сыны!

Мешков. А я... а я полагал, что человек нарочно не отвечает мне... Я скучал...

Пужаков. Так то ж ты по буржую скучал, а не по человеку. Ты ж ни разу не жаловался мне, что скорблю, мол, и бедствую грудью...

Уходят. Остаются Девлетов и Жмяков.

Девлетов. Ну, Владимир Петрович, а вы что такое?

Жмяков (*серьезно*). А я же, Илья Григорьевич, последний мелкий буржуй на свете. Прикажите — и меня не будет.

Девлетов. Дурите пореже, Жмяков... Невежда хулиганит финкой, а интеллигент умом. Но нравитесь вы мне чем-то, — черт вас знает...

Жмяков. А тем, что я счастливый гад, Илья Григорьевич.

Девлетов. Гадами ведь целый мир был заселен — разве вы забыли? А вам надо перестроиться: я серьезно говорю.

Жмяков. Зачем же тратиться, Илья Григорьевич? Я человек дешевый и веселый, — я в социализм бубенчиком-бубенчиком качусь, позвоню немного и замолкну сам.

Девлетов. Прямо хуже вредителя, сукин сын!

Жмяков. Хуже, Илья Григорьевич, гораздо хуже! Вредители же пессимисты были, а я всякой исторической необходимости рад! Даже вперед необходимости рад... А суд-то нам будет, Илья Григорьевич?

Девлетов. Обязательно. Непременно.

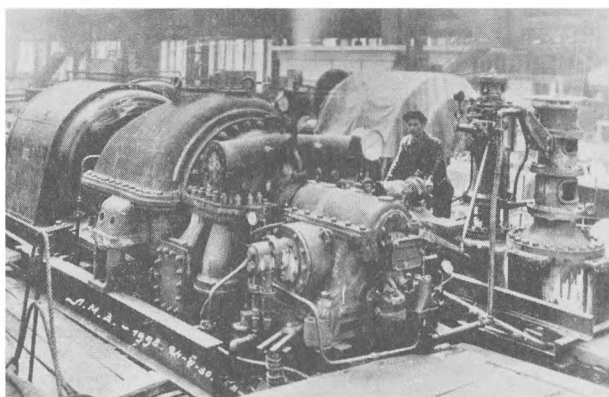
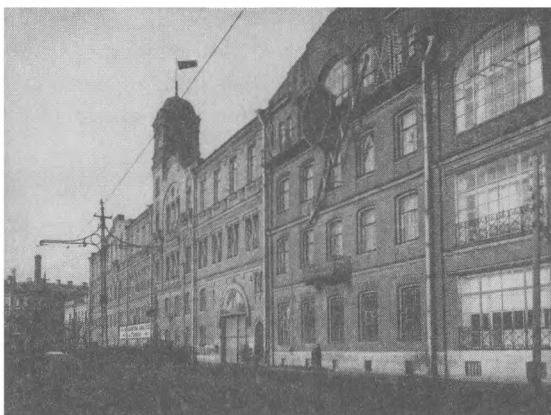
Жмяков. Благодарю вас. (*Двигается и напевает.*) Пускай могила вас всех накажет — мы еще разик поживем...

Сразу тихо. Жмяков останавливается. Девлетов берет с пола чемодан.

Девлетов. Врешь, Жмяков: все равно ты нашим будешь. А кроме нас — кому ты нужен? Кто оценит или поймет твою тревогу и твой характер?.. Социализм велик. Будь здоров! (*Уходит.*)

Жмяков (*совершенно серьезно; грустно, весь меняясь*). Товарищи, я люблю вас... Но любить вас — с моей стороны бестактно, и я скрываюсь под улыбкой. До свиданья! (*Идет к выходу.*)

3—13 августа 1931 г.

Ленинградский металлический завод им. И.В. Сталина. Рабочий клуб ЛМЗ.
Бригадир комсомольской бригады П. Старосельцев. 1930. *Музей ЛМЗ*

СЦЕНАРИИ

МАШИНИСТ

(Либретто)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МАШИНИСТ.

ДЕВУШКА.

КУЗЬМА.

АКТИВИСТ.

СЕРЕДНЯК.

ТУЧНЫЙ БЕДНЯК.

ЖЕНИХ ДЕВУШКИ.

Лошади, петух, тараканы.

Второстепенные персонажи.

Машинный зал электростанции. Два турбогенератора. Распределительная вертикальная панель с приборами. Красные лампы над включенными автоматами. Под лампами циферблаты амперметров. Таблички: «Литейный», «Сборный», «Кузнечный», «Колесный», «Токарный». Вращающиеся коллекторы генераторов динамо-машины. Из-под токособирательных щеток брызжет огонь. Стрелки циферблатов амперметров подрагивают близ красных черточек, указывающих предельную нагрузку.

Машинист стоит у турбогенератора. Турбина слегка парит через клапаны регулятора. Жарко. Машинист отирает с лица пот обтирочными концами. По лицу Машиниста ползет масляная грязь. Он смотрит на приборы. Стрелки трепещут. Коллекторы динамо-машин искрят еще сильнее. Машинист берет наждачный лист и, прижав его к вращающемуся коллектору, уменьшает пламя, бьющее из-под щеток. Коллектор натерт до блеска.

Станция везет свою предельную нагрузку.

Электрическое сверло вонзается в котельный лист. Сверлильный прибор грудью прижимает котельщик. Из-под сверла бьет пламя, несмотря на струю воды, которая охлаждает сверло. Резец гонит стальную стружку с обтачиваемого паровозного бандажа.

Фасад электростанции. Черная доска на фасаде. На доске написано: «Наш завод работает на плюху. За полугодие промфинплан выполнен на 85%. Здесь делают узкое место и организуют социалистическое горе».

Снова машинный зал электростанции. Машинист чистит наждаком коллектор. Щетки искрят сильнее, чем раньше, и

Машинист не может их сбить. Стрелки амперных циферблатов перешли за красные черты пределов нагрузки и подрагивают на новых местах.

Из корпуса второго генератора показывается дым. Машинист оглядывается на него. Взрыв напряженного синего (если можно это сделать) пламени. Машинист подбегает к распределительной панели и выключает всю нагрузку сгоревшего генератора. Затем закрывает вентилем паропровод в турбину, которая вращала выбывший генератор. Весь турбогенератор останавливается. Теперь работает только один турбогенератор.

Стрелки циферблатов «Токарный», «Котельный», «Литейный» падают на нули. Эти цеха вез сгоревший турбогенератор.

Ранее показанное электрическое сверло вновь показывается. Оно теперь останавливается. Резец, гнавший стружку с банджа, также перестает работать. Котельщик, что работал сверлом, а затем токарь произносят движением уст некоторые слова и плюют на железо с такой яростью, что из железа от их плевков показывается ржавь.

Электростанция. Машинист тоже плюет на корпус работающего генератора. Слюни его кипят на теле машины и вмиг исчезают.

Машинист нажимает кнопку, около которой написано: «Котельная».

Котельная. Батарея котлов. Над одной топкой загорается красная лампа. Она освещает табличку: «Держать предельное давление».

Два кочегара. Они в одних штанах, без рубах. Они подходят под непрерывно льющийся душ, обдаются водой, затем открывают дверцу топки и начинают бросать в нее, навстречу выбивающемуся дымному огню, полные лопаты угля.

Машинный зал электростанции. Машинист смотрит на единственно работающий турбогенератор. Машинист говорит генератору:

«Держись, бедняк!»

Подходит к распределительной панели. Включает автомат: переводит всю нагрузку завода на уцелевший турбогенератор. Моментально, вслед за движением руки Машиниста, включившего автоматический рубильник, из-под щеток генератора, вместо искр, стали бить целые молнии.

Стрелки циферблатов — «Токарный», «Котельный», «Литейный» — трогаются с нулей, показывают нагрузку.

Сверло котельщика завращалось. Резец снова взял сталь. Турбогенератор работает с громадным перенапряжением, он даже дымит. Пластины предохранителя нагреты докрасна (сделать это натуральным цветом, если можно), затем они делаются накаливаемыми добела, и так остаются белыми.

Весь машинный зал электростанции наполняется газом тлеющего генератора и паром из неплотностей турбины. Машинист открывает двери электростанции, через дверь виден летний день и покоящиеся без ветра деревья. Машинист снимает пиджак и ложится на корпус генератора с наждаком в руках. Он хочет потушить молнии на коллекторе — и трет его наждаком. Все движения Машиниста не поспешны, но чрезвычайно экономны и поэтому кажутся быстрыми. Ему лет 30.

Из котельной входит кочегар. Он равнодушен.

«Что у тебя тут газует?»

Осветительные лампы припогасают в тумане газа.

Машинист отвечает с машины:

«Ступай баланс нажми. Видишь — напряжение тает. Твой пар мою вертушку не берет — давай мне давление!»

Кочегар уходит. Котельная. Котел форсированно работает: из предохранительного клапана бьет вихрь пара. Кочегар залезает по лестнице на котел. У него в руках ключ. Он поворачивает ключом гайку клапана. Пар перестает бить из клапана. Кочегар сходит с котла.

«Жги воду с форсом», — говорит он второму кочегару. Второй кочегар открывает дверцу топки. Оттуда рвется длинное пламя. Вдвоем они начинают загрузку топки углем.

Машинный зал. Машинист лежит на генераторе. Входят двое: директор завода и секретарь партколлектива. Они осведомляются — в чем дело. Стоят у генератора. Смотрят на трепещущие стрелки приборов. Пауза.

«Пронесемся или сгорим?»

Машинист сползает с машины. Рубашка на его животе истлела, пока он лежал, и он взмок от пота.

Взрыв синего пламени из генератора. Одновременно — вихрь пара из клапана турбины. Машинный зал от дыма и пара делается невидимым.

Котельная. Кочегар натягивает рычаг гудка. Тревожный гудок. К электростанции подъезжает пожарный паровоз.

Кочегар направляет струю брандспойта в чад машинного зала. Чад несколько рассеивается. Около генератора навзничь лежит машинист. Он показывает на свой голый черный живот. Кочегар направляет струю воды на живот Машиниста. Машинист встает.

«Брось меня в топку, такого стервеца!»

Кочегар поливает водой директора и партийного секретаря, которые также лежат опрокинутыми. Кочегар кладет брандспойт

на пол и закручивает вентиль еще вращающегося турбогенератора. Все стрелки циферблатов показывают нули. Кочегар говорит:

«Ты думаешь, промфинплан теперь споткнулся. Пускай споткнулся — мы его подыдем, и он опять пойдет!»

Ночь. Звезды. Завод во тьме. Здание электростанции. Окна ее слабо светятся. Там горят керосиновые лампы. Два десятка монтеров сидят на полу: они перематывают якоря генераторов и разбирают турбину. Машинист повис на цепи недействующего электрического крана. Ему помогают другие мастеровые. От их общего веса кран начал действовать — он приподымает деталь генератора, зацепленную за другой конец крановой цепи.

Стоит очередь больных паровозов — иные без дышел, иные без тендеров и т. д. Мимо паровозов идет девушка с узелком. Она подходит к электростанции. Входит в машинное помещение. Видит Машиниста; тот сползает с крановой цепи. Девушка дает ему узелок с едой. Машинист сразу ест. Девушка печаленно стоит против этого грязного полуголого человека. Она говорит:

«Я не знаю, зачем я ношу тебе еду и зачем тоскую, когда мы никогда не будем женаты.»

Машинист жует.

«Уж скоро, Маша, будет социализм. Ты подожди чуть-чуть.»

Девушка идет обратно мимо больных паровозов. В ее руке пустой узелок. Она прислоняется к цилиндру холодного паровоза и стоит в слабой ночной тьме. Затем идет дальше. Очередь паровозов длится мимо нее. Девушка идет все более быстро. Бежит. Паровозы не кончаются. Она хватается за колесо паровоза и останавливается в недоумении.

Общее собрание рабочих завода. Собрание происходит в цехе. Трибуна — тендер паровоза. На трибуне — Машинист электростанции, директор завода, секретарь партколлектива и предзавкома. Собрание взволновано.

«Кто съел генератор? Какой полугад остановил весь завод на 14 часов? Показать его на усмотрение масс!»

Тысячное собрание настроено тревожно и угрюмо.

Машинист встает:

«Я».

Секретарь партколлектива встает:

«Мы».

Собрание сразу умолкает. Кто сидел, тот встает. Общее молчание. Видно, как по лицам мастеровых невозбранно ползают мухи.

Секретарь, директор, предзавкома и Машинист медленно сходят с тендера. Идут сквозь строй рабочих. Их оставляют без внимания. Машинист идет сзади всех; его лицо выражает спокойствие, а не огорчение. Секретарь, предзавкома и директор уже вышли из массы. Но двое задних мастеровых протягивают руки и задерживают Машиниста:

«А ты оставайся, черт беззаветный! Опять пойдешь в сборку — паровозы гонять».

Заболоченная долина большой реки. Испарения болот застыт солнце. Осока, камыш, топь, бездорожье и глушь неприютного местожительства. Бедная деревня на острове — среди мокрой поймы. Утро. Тишина. При въезде в деревню вывеска — «Колхоз имени Генеральной Линии». Около некоторых изб стоят прислоненные новые тесовые гробы. У других изб мужики только делают гробы. Недалеко от деревни видна железнодорожная дамба, пересекающая всю речную пойму поперек*.

На дамбе неподвижно стоит крестьянин. Он бос и плохо одет. Он глядит вдаль пустыми, выцветшими глазами, едва ли что ображая. В колхозе звонит колокол на работу. Крестьянин автоматически идет с дамбы в колхоз.

Среди колхоза большой двор. На воротах вывеска: «РСФСР. Организационный Двор». На том дворе собрались крестьяне, по виду и настроению подобные первому, которого мы назовем Середняком: он становится в ряд со всеми. Из дома Оргдвора появляется на крыльце Активист. Он говорит всем:

«Зачем готовите гробы? Или полагаете, что этот свет наш, а тот — будет вашим? Упреждаю, что тот свет будет организован по одному началу с этим: деваться вам некуда, хотите живите, хотите кончайтесь».

Около Активиста труба радиогромкоговорителя. Активист включает радио. Труба начинает играть, Активист же дирижирует звуками. Мужики разбредаются по Организационному Двору, соблюдая некоторый такт, соответственно музыке и движению дирижирующих рук Активиста. Одни крестьяне подбирают палочки и соломинки и складывают их в кучи среди Оргдвора; другие — укрепляют плетни; третьи — просто топчутся. Действие происходит в тумане болот и точно во сне всех действующих.

* Съемку вести в пойме р. Тихой Сосны, близ гг. Острогжска и Коротояка Центрально-Черноземной области.

Середняк мнет глину ногами в углу Оргдвора. Белые глаза его равнодушны и почти мертвы.

Активист прекращает управление радиомузыкой.
Мужики враз замирают на своих местах.

«Снабжение энтузиазмом закончено».

Активист делает жест всеобщего устранения. Крестьяне оставляют Оргдвор. Середняк снова на дамбе и глядит вдаль.

«В ожидании спуска дальнейших директив».

Готовые гробы крестьяне волокут с улицы во дворы: ставят их в глушь бурьяна и ложатся в них.

Середняк стоит один на высоте дамбы вдаль. Активист выходит на крыльцо Оргдвора и глядит на сторожевого Середняка в бинокль.

Общий скотный двор. Беспризорными стоят десять—двадцать лошадей. Они ржут без пищи и питья и оглядываются в мучении. Затем идут всем табуном на водопой. Возвращаясь с водопоя, выдирают зубами солому из крыш, рвут траву по дороге, собирают отдельные пучки сена — и все это несут в зубах на общий скотный двор. Здесь они сваливают весь самовольно собранный корм в кучу и только теперь начинают коллективно есть.

Деревенская площадь. На ней собралась стая грачей. Стая поднялась и улетела.

Плетень. На плетне воробьи. Они также поднимаются и улетают в даль — за колхозную деревню.

Колея дороги на выезде из деревни. По этой колее ползет длинная череда тараканов, покидающих колхоз.

Активист идет по пустынному колхозу. В руках у него бумажные таблички и номерки. Активист заходит во дворы и в избы. В одном дворе он видит бочку. Прикрепляет к бочке бумажку с надписью: «Бочка № 49. Емкость 200 литров». Подходит к плетню. Вешает на него тоже ярлычок: «Временная единоличная огорожа № 73. На учете топливного утиля».

Видит петуха, поглядывающего на Активиста из-за лопуха. Бросается на петуха. Петух бежит от Активиста. Активист мчится за петухом через дворы, плетни и гумна. Петух взлетает и летит, как форменная птица. Активист глядит на полет петуха в бинокль.

Активист входит в избу. Внутренность избы — голая и чистая, как больница. На лавках лежат женщина, мальчик и крестьянин: все вниз лицом и совершенно неподвижны. На стене — обычные часы с маятником и гирями. Маятник не качается, часы стоят. Активист глядит на часы. Пускает их в ход, покачнув маят-

ник своей рукой. Маятник, сделав несколько ходов, вновь останавливается. Активист выходит из избы.

Со середины улицы Активист глядит на сторожевого Середняка, что стоит на дамбе.

К Активисту подходит истомленный, еле одетый человек — бедняк Кузьма. Активист говорит ему, не отрывая взора от бинокля:

«Беги в луга и ликвидируй там петуха».

Кузьма делает ему удар в ухо. Но сытый, твердый Активист не чувствует боли, так как удар истомленного человека слишком слаб и бессилен. Это бедняк Кузьма сам зашатался от своего напряжения, тогда как Активист остался неподвижен. Кузьма ложится в дорожный прах.

«Где же ты, партия?»

Середняк машет с дамбы руками. Активист трогается в направлении — на дамбу. Кузьма подымается и идет за ним.

Вдалеке виден быстро мчащийся паровоз. Показать работающий паровоз вблизи — на всем ходу. Паровоз не окрашен, на цилиндрах нет покрышек — смазочные трубки обнажены; вообще — многие внутренности паровоза наружи, как обычно бывает на паровозах, вышедших из капитального ремонта и работающих для испытания. На тендере паровоза написано крупно мелом: «Проба».

Из окна паровоза выглядывает Машинист, тот самый, что был раньше на электростанции. Он видит вдалеке, на линии, человека — Середняка. Машинист дает долгий свисток. Середняк не уходит с рельсов. Паровоз уже почти настигает его. За Середняком виден тупик — деревянный упор. Машинист резко закрывает пар и поводит ручкой автоматического тормоза до отказа. Середняк мчится от паровоза прямо по линии, между рельсов, не соображая, что надо оставить путь в сторону. Лицо Середняка не выражает испуга — он бежит автоматически и наблюдает опустевшими, ясными глазами окружающий солнечный мир.

Тормозные колодки паровоза настолько сильно сжимают колеса, что из-под колодок брызжет огонь. Колеса перестают вращаться. Паровоз проползает несколько метров юзом и останавливается. Середняк садится на деревянный упор тупика и глядит на паровоз.

Активист и бедняк Кузьма взбираются по насыпи к паровозу. Машинист сходит с паровоза.

Активист спрашивает у Машиниста сумку с директивами. Машинист не понимает. Активист настойчиво требует, — он вынимает карандаш, чтобы расписаться в получении документов.

Машинист вытирает руки паклей. Чтобы отвязаться от Активиста, он проводит по лицу Активиста грязной паклей. Активист молча утирается.

Кузьма просится на паровоз. Средняк стоит тут же, но не смеет ничего сказать. Кузьма входит на паровоз. Паровоз уезжает задним ходом. Активист и Средняк уходят на колхоз.

Средняк доходит до своего дома. Входит в избу. В избе его висят остановившиеся часы и лежит старик с обомлевшим лицом. Средняк берет лукошко с печки, выходит во двор и посыпает мусор из лукошка по земле, как раньше он посыпал зерно курам. Но никакой птицы нет. Солнце пустынно освещает дворовую землю. Тогда Средняк прислоняется к молодому деревцу, и так стоит. Но с улицы, поверх плетня, на него смотрит лицо Активиста. Активист показывает ему жестом головы и руки, что деревцо надо вырвать.

Средняк целует ствол деревца, затем изымает его с корнем из земли и несет Активисту. Активист направляется по улице. Средняк идет за ним с деревцем на плечах. Оба они входят на Организационный Двор, и Активист показывает место у крыльца, где нужно вновь посадить это дерево. Средняк бездушными медленными руками начинает рыть яму для корня.

От одного края колхоза начинается болото. Среди болота виден плот. На плоту — люди и костры. Из крайней бедной хаты медленно выходит тучный, рыхлый крестьянин; одет он плохо и на лицо худ.

Активист выглядывает из ворот Оргдвора и замечает того тучного мужика. Активист поспешно достигает его.

«Ты чего не являлся на раскулачиванье? Ты отчего не выселился?»

Тучный крестьянин устало глядит на Активиста.

«А я ж тихий бедняк!»

Активист пробует рукой живот этого крестьянина.

«А отчего ты тучный?»

Бедняк поднимает рубаху на своем животе:

«Это не жир, а старость — у меня водянка, и я вскоре скончаюсь!»

Активист берет готовый гроб, что стоит прислоненный к соседней избе. Затем Активист вынимает свисток и свистит в него.

Из Оргдвора выглядывает Середняк. Активист показывает Середняку на гроб и на плот, который виден на болоте. Середняк зашел к куда-то с Оргдвора.

Середняк подводит лошадь к пустому гробу. Привязывает лошадь упрощенным способом к гробу.

Активист сажает тучного мужика в гроб и трогает лошадь в воду.

Тучный бедняк кричит в пространство из гроба:

«Где ты, Козьма! Я же сырой бедняк, а не кулацкий класс!»

Лошадь без сопровождения поволокла гроб по болотной мели — в направлении видимого плота. Тучный бедняк еще кричит оттуда что-то, но Активист смотрит на него в бинокль, и бедняк прячет лицо внутри гроба, боясь вылезти из него.

«Раз ты тучный, то езжай на плот в кулацкий класс! Бедняк пухлым быть не должен».

Лошадь уволакивает гроб с бедняком. Активист и Середняк стоят на болотном берегу.

Паровоз едет по дамбе, лежащей поперек заболоченной долины. Кузьма и Машинист глядят из окна на болота. Кузьма показывает рукой на всю окрестность:

«Когда я был мальчишкой, кулаки на великие деньги продали землю инженер-буржуям под эту дамбу. А река загородилась и умерла — и стали мы гибнуть в болотах. Но теперь мы кулаков посадили на бревна и отправили жить на середину болот».

Паровоз переходит на главный путь и исчезает с полным паром.

Активист сидит на берегу и смотрит в даль болот. Середняк неподвижно стоит около него, опустив руки. К берегу приближается лошадь. Она волочит обратно по болотной мели пустой гроб.

В гроб садятся Активист и Середняк. Лошадь волочит их на Организационный Двор. Активист входит на крыльцо дома, что на Оргдворе, и протяжно свистит в свой свисток.

Из гробов, поставленных в бурьян на разных дворах, поднимаются равнодушные мужики и бредут к Оргдвору.

Собрание на Оргдворе. Стоят несколько десятков крестьян против крыльца. Активист включает радио. Прислушивается. Выключает.

«Оно играет не то. Я вам сейчас сыграю на губах организационный танец, а вы пляшите под него всем темпом своих туловищ».

Видно, как уста Активиста играют танец. Мужики с мертвыми лицами топчутся по-лошадиному. Активист перестает играть. Он недоволен.

«Темпу больше, а то раскулачу!»

Мужики танцуют и кружатся несколько быстрее. В общем танце мужики обертываются лицами в противоположную от Активиста сторону. Активист кричит им:

«Взором ко мне!»

Крестьяне враз оборачиваются к нему. Все лица танцующих покрыты слезами.

Активист замечает это.

«Ликвидировать кулацкое настроение!»

Слезы на всех лицах моментально обсыхают — и мужики усиленно организуют радость и улыбку на своих лицах.

Паровоз въезжает в ворота паровозоремонтного завода.

Паровоз останавливается. С паровоза сходят Машинист и Кузьма.

Партийный комитет завода. Машинист и Кузьма входят в дверь Комитета. В Комитете заседание. Все члены Комитета — простые рабочие. Машинист просит, чтобы Комитет дал Кузьме право сказать свое слово. Большевики соглашаются. Кузьма садится на стул посреди комнаты.

Телефон звонит. Секретарь Комитета слушает телефон. Он говорит затем.

«Через полчаса общее собрание. Сейчас явится секретарь обкома».

Общее собрание рабочих завода в цехе. На трибуне Кузьма. Он говорит наглядно. Представляет Активиста. Показывает омертвевший образ Середняка и т. д.

Уже темнеет. Ночь. Тот же паровоз стоит близ цеха. Кочегар бросает уголь в топку. Машинист, Кузьма и еще десять-пятнадцать мастеровых выходят из цеха. Влезают на паровоз. Паровоз сразу берет хороший ход. Выезжает за ворота завода. Около ворот стоит с узелком невеста Машиниста. Она видит Машиниста и кричит ему. Машинист машет ей рукой приветствие, но паровоз уходит все более быстро. Машинист снимает фуражку и бросает ее своей невесте. Девушка подбирает фуражку и стоит с ней и своим узелком. Задний фонарь паровоза уменьшается и делается вовсе невидимым. Паровоз исчез.

Ночь. На высоком шесте горит красный фонарь над колхозом. Дальше — над кулацким плотом — горит фонарь желтый.

Оргдвор. Среди Оргдвора стол. На столе большая плошка, в которой горит сало. За столом сидит Активист и пишет ведомость. Ночной ветер колеблет листы его ведомости.

Середняк проходит мимо Оргдвора и стучит сторожевой колотушкой.

По железнодорожной дамбе, которой сейчас не видно, мчатся три огня паровоза. Огни летят выше уровня колхоза и земли, в полной тьме — точно по небу.

Активист слышит шум какого-то движения и смотрит на небо. На небе звезды. Активист склоняется над ведомостью и снова пишет. Огонь в плошке колеблется.

Активист трудится с крайним усердием и углубленностью. Он не слышит, как к нему подходят Кузьма и Машинист. Кузьма без всякого предупреждения делает Активисту удар в голову, но попадает только косвенно, почти промахивается, и сам падает на землю от своего измождения. Машинист тогда бьет Активиста ровным ударом в лоб. Активист валится, но во время падения выхватывает револьвер и стреляет вверх. Освещенный паровоз стоит на дамбе. После выстрела с паровоза раздается тревожный, длинный гудок: видна струя пара, бьющая из сирены.

Поднявшись, Активист видит, что на Оргдворе кроме Машиниста и Кузьмы стоят десять-двенадцать рабочих. Он смотрит на дамбу. Там гудит паровоз.

Активист прыгает через плетень. Рабочие оставляют его без внимания. Активист подбегает к берегу болота и бежит по воде по направлению к кулацкому плоту, над которым горит желтый фонарь.

По темным дворам мужики поднимаются из гробов. Лошади трогаются с обобщественного скотного двора табуном. Люди и лошади идут на Оргдвор. Позади всех шествует петух — тот, который некогда улетел от Активиста.

Кузьма, Машинист и все прибывшие рабочие сидят за столом. Их окружают крестьяне и лошади.

Утренний рассвет. Около дамбы находится все население колхоза: крестьяне, лошади, петух, воробьи, старики, несколько женщин и т. д.

Все рабочие и Машинист входят на паровоз. Кузьма остается в колхозе. Он новый председатель колхоза. Паровоз дает продолжительный гудок и отъезжает. Все население колхоза бежит во след паровозу, но паровоз уже скрывается на полном ходу.

Паровозоремонтный завод. Главные ворота. На воротах громадный плакат: «Товарищи! Сегодня начинается сверхурочный

добровольный труд для постройки землечерпательной машины, чтобы осушить болота в подшефном колхозе имени Генеральной Линии».

Машинный зал электростанции.

Входит Машинист. Дежурный машинист передает нашему машинисту свою работу. Машинист расписывается в книге.

Котельная. Кочегар тянет рычаг гудка.

Гудок: конец рабочего дня. Открываются проходные будки. Из будок никто не выходит. Один мастеровой подошел к доске с номерами. Вешает свой номер. Сторож глядит на него — и смеется. Мастеровой снимает свой номер назад и уходит обратно в цех. Новый гудок к началу работ. Проходные будки закрываются.

Машинист нажимает кнопку. В котельной на котле зажигается красная лампа над табличкой: «Держать предельное давление».

Из-под щеток коллекторов бьют искры и молнии. Машинист, как прежде, начинает борьбу с перегруженными машинами. Он трет коллекторы наждаком. Плюет на корпус машины. Слюни кипят. Он снимает рубашку. Мочит ее под краном. Выжимает из нее лишнюю воду. Потом накладывает влажную рубаху на корпус машины. От рубахи идет пар. Так же поступает Машинист со штанами и с нижним бельем. Всей своей одеждой, намоченной и влажной, он покрывает горячие машины. Сам остается голый. Лишь через чресла обвязывает себя веревкой.

В машинный зал входит девушка — невеста Машиниста. Она лучше, чем прежде, одета и не имеет в руках узелка с едой.

«Я тебе ничего не принесла: принесу, когда социализм наступит».

Машинист рассеянно глядит на нее, потому что все время чутко слушает работу машин.

«Ладно, Маша. Как социализм доделаем, так я тебя враз полюблю. А ты пока походи походи».

Маша стоит и плачет. Машинист целует ее и, обернувшись, плюет на свою рубашку, лежащую на машине.

Рубаха тлеет. Сплюнутая влага вскипает. Девушка уходит. С порога оборачивает свое плачущее лицо:

«У Карла Маркса жена была, у Ленина была, а у тебя все нет и нет».

Машинист озадачен. Но машины дымятся. Он вновь мочит свою одежду, выжимает ее и расстилает по корпусам машин.

«Проходит месяц».

Едут товарные платформы. На платформе ящики с частями машин. На ящиках написано: «Экскаватор. В колхоз Генеральная Линия». На одной платформе сидят Машинист и пятеро мастеровых.

«И еще проходит неделя».

Плавающий экскаватор стоит собранный на воде. Труба его дымится. Ковш поднят.

Лето. Высокий день. Чаща осоки, кустарника и болотная топь окружают экскаватор с трех сторон. Экскаватор поворачивается рабочей стороной к заросшему болоту. Ковш опускается под воду. Ковш извлекает грунт и относит его в сторону.

Экскаватор врывается в болотную чащу. Его ковш корчует чащобу, заросли, рвет из-под воды залежалые деревья, мечет грунт. Машины экскаватора работают ураганным темпом. При больших напряжениях, когда ковш экскаватора цепляет под водой глубокие корни, понтон экскаватора накреняется, через него хлещет вода. Тысячи лягушек, спасаясь, бросаются на экскаватор; другие тысячи их облепляют грунт берегов роемого канала. Вода мутными потоками кружится вокруг напряженной, трепещущей машины. Как трактор борозду, машина роет новую реку. Среди вечной неподвижной девственности, в окружении диких прекрасных цветов — экскаватор рвет землю и поднимает кверху железной рукой букеты подводных нежных растений, а затем бросает их прочь. Машинист, облитый маслом и потом, с радостной яростью работает рычагами управления.

Позади экскаватора уже образовалось прямое и точное русло новой реки. Экскаватор работает дальше — вперед, окутанный дымом и паром.

Болото близ колхоза. Под руководством Кузьмы все члены колхоза работают по живот в воде. Колхоз роет лопатами подводный грунт и накладывает его в корзины бабам, которые выносят грунт в корзинах на берег. Грунт — жидкий; по женщинам, когда они уносят корзины, течет грязь. Мужики, роющиеся в болотной жиже, тоже все в грязи. Заросли рвут руками. Миллионы комаров и мух неподвижными тучами стоят над тружениками. Бабы ходят с корзинами из болота на берег и возвращаются обратно. Колхозники копают. Они потеют даже в воде: сальные пятна слившегося пота блестят на их голых телах.

Колхоз углубляет русло по направлению к далекой непроходимой чаще, что стоит стеной вдалеке.

Из-за той чащи показывается дым работающего экскаватора.

Весь водяной колхоз обращается взором в то направление.

Кузьма выходит на берег. За ним выходят все.

Экскаватор бьется уже в последней болотной чаше — от колхоза отделяет его уже небольшое пространство негустого болота.

Кузьма уводит всю артель в деревню.

Колхоз. По улице ходят куры. Горой лежат пустые гробы. Кузьма входит в избу. Висят остановившиеся часы. Кузьма толкает маятник. Часы идут. С пола на стену поднимаются тараканы. Кузьма моет руки, достает из сундука чистую рубаху.

Улица колхоза. Бабы и мужики вышли из изб со свежей одеждой и переодеваются на воздухе.

Экскаватор уже пробился сквозь чащи и работает на виду колхоза, оставляя за собой след в виде новой, геометрически точной реки.

Экскаватор приближается к берегу колхоза.

По берегу к остановившемуся экскаватору идет колхоз. Впереди шествия флаг. Близ флага — Кузьма. Под флагом два колхозника несут на носилках рупор радиогромкоговорителя и принадлежности для радиоприема. Задние несут на шестах антенну. Баба волочит по береговой воде провод заземления. Позади колхозных людей идут общие лошади, петух, грачи, воробьи и одна собака.

Шествие останавливается на берегу против экскаватора. Кузьма пускает радио. Радио играет музыку. Все члены колхоза дирижируют руками в такт музыке. Экскаватор дает гудок. Ковш опускается под воду. Ковш поднимается, наполненный грунтом. Ковш относится в сторону и сгружает подводный грунт на берег. Движения машины сложны и сознательны.

Середняк находится близ Кузьмы. Он поет от оживления и движется на месте.

«Чья ж теперь машина?»

Машинист отвечает с борта экскаватора:

«Ваша».

Услышав это, весь колхоз в новой одежде с берега бросается в воду. Достигнув экскаватора, люди хватаются за него и с жадностью держатся за причальные брусья. Лошади также подходят вброд к машине. Петух перелетает воду и садится на площадку понтона.

Колхозники влезают на экскаватор. Трогают детали машины, гладят железо, глотают слюни от жадности к новой собственности. Кузьма и Середняк обнимают котел.

Середняк наклоняется ртом с борта, моет губы, вытирает их начисто исподней рубахой и подходит к Машинисту. Целует Машиниста.

«Мы уже теперь в колхозе не расстанемся. От такого имущества у нас будет покатная душа!»

Некоторые колхозники пошли и поплыли вдаль — по новому каналу.

Из деревни в канал ручьями тронулась стоячая дотоле вода.

Машинист бросается в одежде в новый канал, чтобы вымыться.

Станция железной дороги — недалеко от колхоза. К станции подходит пассажирский поезд. С поезда сходят несколько рабочих семей с паровозоремонтного завода. Невеста Машиниста, празднично одетая, также сходит с поезда. Ее сопровождает молодой человек — ее новый жених.

Снова экскаватор. Середняк, Кузьма и Машинист пляшут на понтоне под аккомпанемент прерывистого гудка, рукоять которого дергает один мастеровой.

На берегу появляются люди с поезда. Бывшая невеста Машиниста идет под руку со своим женихом.

Для приезжих с экскаватора на берег выкладывается мостик.

Плот с классом кулаков. Меж ними несколько бедняков, в том числе тучный бедняк, а также Активист. Они видят экскаватор и происшествия на нем. Жердями они подталкивают плот в направлении экскаватора, пробираясь сквозь болотные заросли.

На понтоне экскаватора совершается свидание семей рабочих с колхозниками. Бывшая невеста Машиниста представляет ему своего жениха:

«Это мой будущий муж».

Машинист радостно пожимает руку этому мужу:

«Здравствуй. Значит, ты с ней будешь работать в котел нашего класса: все равно!»

Кузьма отзывает Машиниста к котлу экскаватора и открывает дверцу топки: там погасает огонь.

Но колхозные ребятишки под командой Середняка уже подволокли к экскаватору поезд связанных между собой пустых гробов. Гробы раскалываются и идут в топку экскаватора.

К экскаватору подплывает кулацкий плот. Машина сифонит — из дымовой трубы вырываются языки огня.

Машинист и колхозники глядят на кулацкий плот. Кулаки глядят на экскаватор.

Машинист обращается:

«Вы кто?»

Кулак отвечает с плота:

«Мы — как класс».

Машинист пускает в ход экскаватор. Ковш приближается к плоту, цепляет его за край и волочит вокруг экскаватора — из камышей на чистый поток. Тучный бедняк кричит с плота. Кузьма объясняет Машинисту. Машинист освобождает ковш от плота и приспускает ковш к тучному бедняку. Бедняк забирается в ковш; с ним садятся еще двое бедняков. Кроме них за борт ковша уцепился Активист.

Ковш поднимается над водой. Затем останавливается в воздухе. Машинист двигает одним из рычагов, ковш сотрясается, Активист падает в воду. Трех бедняков ковш опускает на берег.

Затем ковш энергично подталкивает плот вперед; плот увлекается течением потока и уплывает в даль, в вечерний сумрак. Девушка подходит к Машинисту:

«А если б я стала ждать тебя?»

Машинист думает.

«Зачем? Твой жених — тоже мастеровой, а мне еще много надо земли рыть».

Невеста опускает голову.
Середняк подходит к ней.

«Записывайся к нам в колхозные матеря!»

Девушка глядит на Середняка, на Машиниста и своего жениха (простого мастерового человека) и легко улыбается.

Трое людей — Машинист, жених и Середняк — склоняются к лицу девушки и одновременно целуют ее. Кузьма тоже пытается пролезть между склонившимися туловищами — для дачи своего поцелуя, — но не управляет. (Обращаю внимание, что этот поцелуй *качественно* другой, чем знаменитый концевочный поцелуй. Если постановщикам сделать этот поцелуй *качественно другим* не удастся — тогда не делать поцелуя вовсе. Задача в том, чтобы поднять «поцелуй» из позора и сделать его свежим, социально-художественным явлением.)

<Июнь — июль 1930 г.>

ТУРБИНЩИКИ

(Кинематографический очерк)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«В древнее время в чужой стране жила бабушка советской турбины».

Общий ландшафт громадной русской равнины.

Пустой тракт под серым небом.

Вдалеке пыль на тракте.

В стороне, в ложбине, — печной дым из деревенских труб. Самой деревни не видно.

По тракту едет обоз. Худые лошади везут шагом кладь на телегах. Мужики идут рядом пешие.

Крестьянин, что идет рядом с задней телегой, оглядывается.

Он берет вожжи и сворачивает с дороги: лошадь с напряжением вывозит воз из глубоких колесниц.

Весь обоз, начиная сзади, сворачивает в сторону, мучая лошадей.

Фазтон, запряженный парой, мчится по дороге.

Фазтон настигает обоз и проезжает мимо него прямой дорогой, не сдавая хода.

Некоторые крестьяне снимают шапки в поклон пассажирам фазтона.

Ветхая деревня черноземного района России: большинство изб нищенского устройства — солома, небеленая глина, плетень; две-три крупные кирпичные постройки — каменные благоустроенные дома, с кирпичными усадебными оградами, с кирпичными под железо службами. Как острова благополучия среди бедствия возвышаются эти кирпичные постройки.

Такой же кирпичный дом на высоком берегу реки (та же деревня с другой позиции).

Деревянные ступеньки идут из дома к реке.

На реке плотина и каменное мощное предприятие — водяная мельница.

Отработанная вода с пеной бежит из исходящего отверстия турбины.

Близ мельницы огорожа и ворота с вывеской:

«Мельница, рушка и сукновальня Ф.Ф. Чаева с ночным постоем для заезжих».

На мельничном дворе народ и подводы.
Приказчик у ворот мельничного двора.
Он глядит наверх, где дом хозяина, снимает картуз и кланяется туда.

Дом хозяина на высоком речном берегу.
Фазтон в карьер подъезжает к дому.

В фазтоне два пассажира: мужик лет сорока пяти, одетый очень просто, скорее по-деревенскому, чем по-городскому; лицо его имеет выразительные черты, почти постоянно смеющиеся. Сейчас он вовсе весел. Это Ф.Ф. Чаев. С ним — дочь: городского вида барышня.

Они сходят с фазтона и направляются в дом.

Вечер в деревне.

Деревня во тьме.

Мельница, ее двор и дом Чаева ярко освещены электричеством.

На темную улицу прибыл тот обоз, что ехал ранее по тракту, и сделал стоянку у колодца.

Над мельницей и домом Чаева легкое зарево.

Крестьяне распрягают лошадей под звездами.

Две коровы подошли к одному возу и лижут соль с мешков.

Зарево над мельницей Чаева.

Вдруг зарево медленно гаснет.

Машинное отделение мельницы: темное тело турбины, трансмиссия, динамо-машина, распределительный щит, циферблаты.

Один человек работает у механизма (у конической шестерни) турбины. Другой держит лампу, освещающая место работы.

Механик-батрак Череватов щупает зубья шестерни. Череватов молод, но лицо его усталое. Все его туловище, нос, глаза и прочее устроено диспропорционально крупно. Он обычно равнодушен.

Тот, кто держит лампу, тоже батрак — помощник Череватова Щекотулов. Он худ, чувствителен и жив в движениях.

Входит Чаев. Лицо его еще весело. Он говорит:

«Что за причина? У меня десять тысяч пудов банковской пшеницы лежит! Немедленно пускайте!»

Щекотулов кланяется хозяину и с восторгом подобострастия объясняет аварию.

Череватов молча глядит на шестерню.

Шестерня: два зуба ее сломаны.

Чаев всматривается в шестерню.

Щекотулов усердно освещает место, где не хватает двух зубцов на шестерне. Он рад аварии, ибо имеет возможность говорить с хозяином.

Одновременно освещается табличка на верхнем поясе турбины: «С.П.Б. Металлический завод. Турбина по системѣ Френсиса в 44 ¼ лош. силъ выпускъ № 1».

Череватов молча стоит.

Чаев впадает в ярость.

Щекотулов объясняет:

«А это, Федор Федорыч, однажды дедушка русского флота был, так вам бабушка русских турбин попалась, и она, старушка, зубы себе сжевала!»

Чаев обращается к Череватову.

Череватов вытирает руки концами. Он равнодушно отвечает:

«Твоя жадность больше мощности машины, Чаев. День и ночь везем перегрузку, а зерно сырое: ты машину оскорбляешь».

Чаев хватает Череватова за горло.

Щекотулов злорадно смеется в стороне.

Чаев резко бьет Череватова в скуло.

Череватов почти не меняется лицом и не колеблется от удара.

Череватов сплевывает что-то в свою горсть.

Щекотулов подходит к Череватову и разжимает его горсть.

«Сколько?»

В горсти Череватова один зуб и кровь.

Шестерня турбины без двух зубов.

Щекотулов смеется щербатым ртом. Он говорит:

«Один зуб, Череватов, у тебя в бороде остался. Хозяин мог бы два выбить — это тебе роскошь!»

Череватов молча хватает Чаева поперек.

Вода бушует через холостой водослив плотины.

Лунные берега реки.

Череватов несет по плотине Чаева, держа его поперек туловища.

Щекотулов забегает вперед Череватова.

Щекотулов подходит к наиболее бушующей стремнине водослива:

«Волоки его сюда, Череватов. Здесь он кончится вполне прилично!»

Череватов подносит Чаева к стремнине.

Швыряет тело кулака в водопад простым движением.

Щекотулов трет руки от пушего удовольствия.

Череватов берет Щекотулова — также поперек туловища — и несет его по плотине.

Щекотулов, поняв, кричит от своего томления и целует руку Череватова.

Череватов бросает Щекотулова в спокойную воду ниже плотины.

Щит водослива опускается.

Череватов вращает винт щитового затвора.

Вода бьет через турбинный рабочий ход.

Щит на водосливе опустился до конца.

Сила потока через турбинный канал мгновенно учетверяется.

Щит на турбинном канале опускается до конца.

Череватов дожимает винт щитового затвора.

Обоз на ночной деревенской улице. Лошади распряжены и кормятся.

Крестьяне спят под возами.

Череватов подходит к одному возу.

Осторожно ложится под воз, рядом с двумя спящими крестьянами.

Утро в машинном отделении мельницы.

Свет зари освещает мертвые, остановившиеся машины.

Видимая часть корпуса турбины начинает шевелиться.

Турбина враз перекашивается.

Другие машины болезненно смещаются с мест.

Громадные установочные болты гнутся, как проволока.

Гайки срываются с резьбы и стреляют вверх.

Вода режет в плотине проходы для себя.

Дикая вода оголяет камни рабочего канала, и камни поворачиваются на местах.

Каменная плита, в которую установлен подпятник турбины, шевелится.

Вал турбины изгибается.

Заря в высокой степи.

По нагорью едет обоз.

Череватов идет с двумя крестьянами близ последнего воза.

Он отстает и, остановившись, смотрит в сторону деревни.

Деревни не видно. Виден печной дым из в далекой долине.

Видна серебряная полоска реки.

Череватов уходит за обозом.

У воза он еще раз оглядывается:

«Прощай, бабушка, кулацкая кормилица!»

Бушующий речной поток.

В нем медленно ворочается черное громадное тело, сносимое силой воды.

Дым костра над водой.

Костер на берегу.

У костра греются двое людей: Чаев и Щекотулов; они оба мокрые. Вместе с водой на одежде их краснеет разжиженная влажной кровью.

Щекотулов доволен:

«Это роскошь, что мы целы с тобой!»

Вдруг Щекотулов с испугом и удивлением глядит на реку.

В реке ворочается турбина, показав в этот момент знакомую шестерню и вал.

Чаев бросается в реку к своей турбине.

Турбина увязает на месте. Песок быстро отлагается вокруг ее видимой части.

Песок почти погребает турбину.

Ветер волнует в одну сторону береговые лопухи.

На турбину садится птица.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«Пешком на родину машин».

Группа батраков и сезонников идет по безлюдному тракту.

Каждый имеет сундучок или мешок.

Череватов, обросший бородой, идет в общих рядах, не имея ничего в руках.

Вдалеке десятки заводских труб, башни и сооружения: Санкт-Петербург.

Старые батраки и сезонники крестятся в виду желанного города.

Старая турбинная мастерская дореволюционного Металлического завода в Петербурге (для съемки надо найти позицию на дворе завода им. Сталина, с которой можно бы снять только старую турбинную, не показывая новой).

По Полюстровской набережной медленно идет Череватов. Погода сырая, идет тоскливый дождь.

Нева под пеленой туманного дождя.

Ворота завода.

Сторож-инвалид в будке у ворот.

Череватов подходит к сторожу и обращается к нему.

Сторож его слушает безмолвно.

«В тот смутный день Череватов еще не знал, что он стоит у одного из центров цивилизации будущего мира, где пролетариат объединит труд и науку в единую силу, которая победит престаранные царства капитализма».

Ворота открывают изнутри.

Двое рабочих несут носилки. Третий сидит на носилках — его голова, ноги и левая рука забинтованы.

Правую, здоровую, руку он держит наготове, как бы ища кого ударить, и плачет от ожесточения.

Раненый рабочий делает удар в бок сторожу.

Носилки несут дальше.

Достигнув Череватова, раненый размахивается и на Череватова.

Череватов скудно улыбается.

Идет прохожий.

Раненый дает ему удар в живот.

Сторож довольно ухмыляется, глядя вслед унесенному раненому:

«Кругом в беде, а сам дерется, — значит, жив будет».

Из ворот выезжает вагонетка, не спеша подталкиваемая рабочим.

Сторож смотрит на Череватова и говорит ему:

«Пойди наведайся. Какого унесли, он был на черной работе — может, теперь тебя возьмут».

Череватов уходит от ворот.

Входит в дверь конторы завода.

«Через два дня».

Темная низкая турбинная мастерская (правая пристройка современной новой турбинной Ленинградского Металлического Завода, — при съемке необходима некоторая инсценировка, так как и эта старая, бывшая турбинная сейчас реконструирована и сохранила лишь немногие следы от прежнего состояния).

Угрюмые рабочие лениво движутся у станков.

Череватов несет с другим рабочим болты на деревянных носилках.

Кабинет директора завода.

Директор и заказчики: двое сельских мельников-кулаков, в картузах, в одежде старообрядческой формы и покроя.

Угол турбиной. Нечто вроде испытательного станда. На станде готовая турбина.

Череватов разглядывает турбину.

Таблица на турбине: «С.П.Б. Металлический заводъ. Турбина по системѣ Френсиса в 45 лош. силъ выпускъ № 49».

Директор с двумя мельниками-заказчиками подходит к турбине.

Череватов отходит в сторону.

Он роеся в железном хламе и следит за разговором директора с заказчиками.

Директор убеждает заказчиков.

Он хлопает турбину по телу и заявляет:

«Наши машины дадут новые сотни тысяч золота в руки крепких сельских хозяев. Наши машины, это фундамент вашего благополучия среди нашей сельской империи!»

Череватов внимательно слушает.

На стене цеха висит большая икона; перед ней горит лампада.

Заказчики крестятся на икону.

Директор так же быстро обмахивает свой живот маленькими крестами.

Жмут взаимно руки.

Один из заказчиков говорит:

«Сотворите и нам такую же чугунную премудрость: всю свою волость тогда перемелем, а зимой сукна будем валять. Все божьи дары в одни руки соберутся.»

Трансмиссии, равномерно вращавшиеся на заднем плане предыдущих кадров, вдруг резко останавливаются.

От быстрой остановки со шкивов слетают ремни.

Директор меняется в лице.

Все прислушиваются.

Ряд рабочих за станками одновременно берут обтирочные концы и вытирают руки.

Череватов стоит в удивлении, еще не понимая события.

Сирена гудит над крышей силовой станции.

Котельная силовой станции.

Из спускных кранов котлов выходит пар.

Пар окутывает всю котельную.

Рукоятка сирены нагнута до отказа и привязана веревкой к одной из деталей лицевой (топочной) стороны котла; рукоятка все время дрожит. Близ установочного крепления рукоятки таблица с надписью «Сигнал». В котельной пусто.

Из дверей силовой в облаках пара спокойно выходят рабочие.

На дворе завода, в окнах конторы, в окнах различных цехов, всюду — погасает электрический свет.

Темная турбинная. Подъемный кран. Поднятая часть машины висит в воздухе.

Рабочие покидают турбинную, проходя мимо директора и заказчиков.

Заказчики обращаются к директору с недоумением.

Директор показывает на Череватова, который остался один в турбинной.

Череватов стоит один в темном пустом цеху.

Директор говорит с иронией:

«Все хозяева забастовали — спросите у того уборщика, может, он скажет вам, что им всем нужно!»

Заказчики с почтением, скрывающим их презрение, подходят к Череватову.

Череватов равнодушно глядит на них.

«А чем же нам теперь божий дар молоть, господин рабочий?»

Череватов молчит.

Заказчики набожно ожидают ответа.

«Обратитесь к божьей матери», — говорит Череватов.

Череватов поворачивается и уходит.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

«Прошло великое время, но наступило еще большее. Завод, вооружавший машинами кулака, исчез. На его месте создан новый завод — Завод крупного турбостроения им. т. Сталина — родина социалистической электрификации, рождающая стальную мускулатуру для индустриализации».

Современная турбинная ЛМЗ снаружи.

Она же внутри: гигантская мастерская, полная света и движения механизмов.

На пустынной Полюстровской набережной, где ранее стоял у ворот Череватов, — новое здание испытательной станции гидравлических турбин и громадной мощности портовый кран.

Двор завода заполнен строительными работами-новостройками.

Турбинная внутри.

Цеховая столовая: обед рабочих.

Среди обедающих посевший Череватов. Одет он иначе, чем прежде: вместо рваной одежды батрака, на нем рабочая мягкая блуза.

Рядом с Череватовым сидит его друг — изобретатель Витман (подобное лицо действительно было на заводе, но в результате травли вредителей этот человек ушел с завода). Витман моложе Череватова.

Обедая, Витман то улыбается, то делается печальным, то говорит сам с собой.

Часы на стене: час времени. Близ часов звонок, из-под молотка звонка бьет искра.

Рабочие поспешно устанавливаются на места работ.

Заправляются станки.

Станки трогаются.

Череватов и Витман на соседних станках.

К станку Череватова кран опускает для обработки громадную деталь конденсатора.

Череватов освобождает деталь от крановой упряжки.

Жаркая работа станков.

Витман сидит у своего станка без всякого усердия. Его станок стоит.

Лицо Витмана выражает неразрешимое мучение.

К станку Витмана подходит инженер Стрешнев (вредитель).

Инженер Стрешнев с двусмысленной улыбкой глядит на Витмана.

«Особых приглашений ожидаете, или уже социализма достигли?!» — спрашивает Стрешнев.

Витман быстро подходит в упор к Стрешневу.

«Настроенья нет, товарищ Стрешнев, потому что турбинам не надо конденсаторов, заводу не надо этих станков», — говорит Витман.

Череватов внимательно следит за этой сценой со своего места.

Стрешнев полон удивления, презрения и скрытой робости. Он вопросительно глядит на Витмана.

Витман исполняется решительности и воодушевления:

«Зачем конденсаторы? Они превращают тепло в воду, они требуют станков, металла и рабочих... А у нас всего мало, наша страна ледяная, нам нужно тепло! Бросьте делать конденсаторы, теплофикационные турбины дешевле и вдвое полезней: они дадут нам миллионы рублей!»

Витман устало глядит на Стрешнева.

Стрешнев вежливо улыбается Витману.

«Вы, может быть, были бы и правы, если бы не было науки о теплоте, только вам мешает глубокое непонимание существа теплофикации! Идите к начальнику цеха — я скажу, чтоб он вас уволил за попытку сорвать программу! Нам советские миллионеры в цеху не нужны!»

Витман в первый раз смеется.

Стрешнев резко уходит.
Партколлектив завода.
Витман входит в дверь партколлектива.
Секретарь партколлектива и секретарь ячейки турбинной.
Они кратко выслушивают возбужденного Витмана.
Лица секретарей внимательны и напряжены.
Секретарь партколлектива, слушая Витмана, звонит по телефону.

«Начальник турбинной мастерской инженер Боровщиков».

Входит Боровщиков.

Выслушав два слова секретаря, он устало отмахивается:

«Знаю, знаю... пока будут действовать в мастерской эти попытки ввести кустарщину, эта рачья чума изобретательства, я, товарищи, не осуществлю лозунг единоначалия!..»

Партийные секретари внимательно глядят на Витмана и Боровщикова.

Секретарь партколлектива спрашивает:

«А как с Николаевым? — человек уже дал десятки тысяч рублей экономии и обещает дать сотни!»

Боровщиков делает жест отчаяния:

«Нет такого безумца, который бы раз в жизни не придумал чего-нибудь здорового, — так и Николаев, ваш контуженный псих! А от этого... миллионера я избавлюсь сегодня же!»

Боровщиков делает жест в сторону Витмана.

Секретари молчат.

Лопаточная мастерская в турбинной.

Входят оба секретаря.

«Фрезеровка лопаток для паровых турбин, в которые бьют струи пара».

Фрезеровка боков одной лопатки внутренностей поверхности хвостов и головок	} Съемка всего процесса по усмотрению режиссера.
---	--

Секретари смотрят на процесс обработки лопаток.

Фрезеровка хвостов и головок с двух раз дает много брака: около фрезеровщика целая куча бракованных лопаток, и он их все прибавляет.

«Товарищ Николаев».

Секретари смотрят на его работу.

Николаев работает на особо изобретенных и им самим сделанных приборах по фрезеровке лопаток.

Николаев производит фрезеровку сразу восьми лопаток (одновременно).

Последовательные операции, которые по старому способу производятся последовательно, у Николаева на его приборах идут одновременно. Разность и выгода производства бьют в глаза (режиссер на месте убедится, насколько эти кадры блистательны, несмотря на кажущуюся сухость их, ибо один человек на приборах Николаева производит то же, что по старому способу производят трое и т. д.).

<> } Ряд кадров для сравнения старого способа и способа
<> } Николаева, по усмотрению режиссера.
<> }

Секретари наблюдают работу Николаева.

В лопаточную входят Боровщиков и Стрешнев.

Секретари обращаются к инженерам.

Боровщиков подзывает бригадира и говорит ему, показывая на приборы Николаева:

«Убрать к черту этот утиль, нам негде ставить заграничные станки! Что у вас — производство или сумасшедший дом?!»

Бригадир переводит вхолостую ремень на установке Николаева.

Николаев глядит по очереди на всех пришлых людей, сбитый со здравого смысла.

Глаза Николаева забывают моргать, и он стоит в позе беспомощности, действительно напоминающая безумного.

Витман стоит у окошка конторы; на окошке надпись: «Стол увольнений и окончательных расчетов».

Парткомитет завода.

Череватов входит в партком.

В парткоме секретарь комитета, секретарь коллектива турбинной и несколько других рабочих-партийцев.

Витман идет по улице Ленинграда; лицо его по-прежнему меняющееся — то серьезное, то почти улыбающееся, и он непрерывно говорит без собеседника.

Кабинет начальника турбинной Боровщикова; сидит Боровщиков.

В кабинет входит Стрешнев.

Оба вынимают портсигары.

Взаимно угощаются.

Взаимно улыбаются.

Звонит телефон.

Боровщиков берет трубку и говорит, что-то припоминая.

Проходная конторка. За конторкой служащий кладет трубку и дает пропуск в окошко.

Кабинет Боровщикова. Боровщиков и Стрешнев.

Боровщиков говорит в дверь: «Войдите».

Входит Ф.Ф. Чаев, одетый как сезонник, сильно полысевший.

Чаев снимает картуз и кланяется.

Боровщиков встает и подает руку Чаеву.

Оборванный Щекотулов у окошка проходной конторки. Он стоит в ожидании.

Хлопает ладонями по обеим коленкам и отбивает краткую чечетку.

Рабочая квартира: одна комната. Часы на стене: 11 часов. Двое детей спят с женщиной на кровати. Стол. На столе большой лист бумаги. Низко свешена электрическая лампа. У стола сидит Витман — голову он положил на стол, и дремлет, одна рука свесилась почти до полу. Окно на улицу.

Входит Череватов — и с ним секретарь партколлектива турбинной и секретарь заводского парткома.

Череватов подходит к Витману и будит его.

Витман пробуждается и глядит на гостей.

«Здравствуй, советский миллионер!»

Витман здоровается с пришедшими.

Все пришедшие усаживаются за стол.

Отверстие в набережной. Горячая конденсационная вода (охлаждающая турбинный пар на электростанции) стремительным потоком вырывается в реку. С воды снимается густыми клубами пар — вода горячая.

Кочегарка.

Отворяется дверца топки: бушующее пламя.

«Третья часть энергии электростанций сбрасывается в реки. Миллионы тонн угля тонут в воде, тогда как эта энергия могла бы быть заложена в основу устройства социалистических городов, — в силу, изменяющую мещанский семейный быт в общественный».

Окно витмановской комнаты с улицы. Окно освещено, — видно, как четверо людей склонились над чертежом на столе, как Витман объясняет товарищам свой план.

Один из людей поднимается из-за стола.

Идет к окну и занавешивает его.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

«Батраки из деревень, вековые бродяги, бедняки, оставившие семьи в колхозах, середняки, покинувшие зимние печки, пришли на заводы, на стройки, одни за тем, чтоб заработать, другие, чтобы строить социализм, и наконец пришли такие, которым <Предложение не дописано.>»

Ворота завода — у проходной конторы.

Группа старых мастеровых, в том числе Череватов и Николаев, стоят у ворот.

Они глядят с удивлением на что-то.

Человек десять—пятнадцать проходят мимо них на завод: это преимущественно деревенские люди, в сельской одежде, с робкими или хитроумными лицами.

В их рядах идут Чаев и Щекотулов.

Череватов внимательно глядит на Чаева: узнает его.

Чаев и вся группа новых рабочих проходят.

Череватов бросается вслед Чаеву, и останавливается в задумчивости.

Завком. Дверь и плакат с названием.

Череватов входит в завком.

Кабинет Боровщикова. Боровщиков.

Боровщиков берет трубку телефона.

Иронически говорит в телефон; отрицательно качает головой.

Секретарь завкома и Череватов; секретарь говорит в телефон.

Боровщиков говорит в телефон:

«Но подсобных рабочих ведь нет! Мы берем любую телятину — нам психологией и происхождением каждого заниматься некогда, если мы не хотим прорыва!»

С улыбкой снисхожденья перед глупостью Боровщиков вешает трубку.

Секретарь завкома с озабоченным недоумением кладет трубку и молча глядит на ожидающего Череватова.

Череватов надевает шапку и уходит прочь.

Турбинная. Тихим ходом идут краны.

Лопаточное отделение («левая галерка»).

Николаев у своего нового двухшпиндельного прибора для фрезеровки лопаток.

Николаев пускает блестящий прибор в ход.

Трое пожилых рабочих подходят к прибору Николаева и старательно разглядывают его, поглаживая руками по корпусу прибора.

Турбинная. Стрешнев и Боровщиков идут по мастерской.

Испытательный станд для паровых турбин.

«Комсомольская бригада Старосельцева работает непрерывно 48-й час, дабы выпустить турбину в 11 тысяч киловатт и перевыполнить план».

Старосельцев и еще двое комсомольцев (на станде) устанавливают червячный винт. Старосельцев и его два товарища одеты в штаны, рубах на них нет, тело черное — со струями пота.

Конец парового трубопровода. Из-под фланцев, из запорных вентилей идет пар, покрывая жарой всю бригаду.

Полуголая бригада работает без суеты, но движения каждого работника чрезвычайно быстры и рациональны. Этот кадр показать, сосредоточив съемку двух-трех комсомольцев, которые собирают какую-либо часть турбинного механизма.

Один комсомолец стоит в стороне от бригады. Около него два ведра воды.

Старосельцев и его два товарища у червяка регулятора.

Один из товарищей Старосельцева завинчивает гайку.

Вдруг он склонился головой, прислонил ее к телу турбины — и мгновенно спит.

Старосельцев глядит на товарища; вкладывает в рот два пальца и свистит.

Комсомолец, что стоит с ведрами воды, хватает одно ведро.

Подбегает с ведром к забывшемуся комсомольцу.

Выливает на уснувшего воду.

Уснувший взбадривается, мотает головой и смеется; дожимает гайку ключом.

Кран над стандом. Низко подвешена деталь.

Кран тихо едет над стандом.

Старосельцев и двое его ближайших товарищей стоят и глядят на кран.

Деталь, которую везет кран, движется над стандом дальше.

Старосельцев и его товарищи делают руками знак крановщику (движение руками вниз), чтобы крановщик опускал деталь.

Кран с деталью движется медленно дальше.

Старосельцев вкладывает пальцы в рот и свистит.

Его два товарища открывают рты и кричат.

Кран удаляется над стандом.

Будка крановщика (близкий план). Крановщик-комсомолец с кимовским значком прислонился головой к зажимам рубильника и спит без памяти, открыв по-детски рот. В волосах его играют электрические искры — комсомолец не чувствует тока. Левая его рука на рычаге движения крана.

«Идет 49-й час работы».

Старосельцев подбегает к ведру с водой.

Комсомолец, что дежурит у ведра, окатывает Старосельцева водой.

Старосельцев убегает со станда.

Вслед за ним убегают и его два товарища, работавшие на сборке регулятора.

Кран уже далеко ушел, и все движется дальше; деталь низко подвешена под краном.

Огромный станок на пути движения висящей детали под краном.

Двое рабочих у того станка видят, как движется на их станок громадная часть турбины, и кричат крановщику.

Щекотулов поднимается на станд.

Берет два пустых ведра у комсомольца.

Сходит с ведрами вниз.

Навстречу ему поднимаются Боровщиков и Стрешнев.

Щекотулов снимает перед инженерами шапку.

Боровщиков еле заметным движением останавливает Щекотулова и движением головы показывает ему на станд.

Щекотулов оборачивается.

Боровщиков говорит ему:

«Поставишь воду поближе к тому червяку!»

Червячный винт регулятора, уже поставленный на место (показать достаточно крупно).

С обычным выражением двусмысленности Щекотулов кивает головой.

Два инженера на станде.

Старосельцев уже минует лестницу, ведущую на крановую эстакаду.

Бежит по самой узкой эстакаде.

Кран все ближе подъезжает к станку. Деталь турбины, которую он несет поднятой, неминуемо должна разбиться о высокий станок.

Старосельцев бежит по эстакаде.

Два инженера на станде говорят с потным комсомольцем.

«Ваша сборка обещает катастрофу всей машины», — говорит Боровщиков.

Комсомолец удивленно глядит на него.

Кран почти наезжает на станок.

Старосельцев почти настиг кран и свистит сквозь пальцы во рту.

Комсомолец-крановщик спит, и искры из-под зажимов рубильника по-прежнему вспыхивают в его волосах.

По эстакаде идет секретарь коллектива турбинной.

Старосельцев налетает на него.

Выхватывает у него из заднего кармана штанов револьвер и стреляет в воздух.

Комсомолец-крановщик вздрагивает; левая рука его, лежащая на рычаге, машинально делает движение для остановки.

Деталь турбины, висящая на тросе, прислоняется к телу встречного станка.

Кран останавливается.

Щекотулов несет два ведра воды по лесенке на stand.

Место сборки регулятора пусто: хорошо виден червячный винт.

Щекотулов ставит два ведра воды у регулятора.

Лезет рукой на дно ведра.

Вынимает оттуда что-то черное и бросает вынутое за червячный винт регулятора.

Далее Щекотулов снимает какую-то соринку с воды второго ведра и отбрасывает ее прочь.

Внизу, вне станда, стоит Чаев у носилок с бронзовыми отливками.

Щекотулов подходит к нему.

Чаев и Щекотулов поднимают носилки.

Уносят их.

Старосельцев и два комсомольца на станде.

Старосельцев быстро накладывает чугунный кожух на червяк регулятора.

Два его товарища схватывают кожух болтами.

Чаев и Щекотулов несут носилки с отливками по лопаточной мастерской.

Николаев стоит за своим шпиндельным прибором. Прибор работает.

Чаев и Щекотулов сваливают отливки в ящик.

Несколько мастеровых подходят за полуфабрикатом.

Николаев, оглядев работающий прибор, также отходит от него.

Идет к отливкам.

Щекотулов и Чаев проходят несколько опустевших станков. Народу близко нет.

Чаев и Щекотулов опускают пустые носилки.

Закуривают.

Чаев дает Щекотулову две большие сигарки.

Щекотулов бросает их в шпиндельный прибор Николаева.

Чаев вынимает две новые сигарки.

Оба закуривают.

Конторка мастера лопаточной.

Телефон звонит (передать звонок обычно — сверканием).

Мастер берет трубку.

Боровщиков в кабинете — говорит в телефон:

«Попросите ко мне Николаева».

Мастер в лопаточной кричит в сторону своего цеха.

Николаев идет с отливками к своему станку.

Откликается на зов мастера.

Уходит.

Шпиндельный прибор, все его вращающиеся части начинают как бы «мучиться» на ходу: равномерное движение сменяется судорожным. Из-под трущихся деталей сверкает огонь. Ремень то тянет, то скользит вхолостую, так как шкив то идет, то его что-то заедает. Весь прибор идет судорожно. Вдруг шкив резко останавливается, ремень слетает.

Весь прибор враз замирает.

Николаев у Боровщикова в кабинете.

Боровщиков обращается к Николаеву:

«Ваш прибор очень хорош. Мы вас представим к крупной премии, но нам нужны рабочие чертежи, и мы посадим на это дело инженера Стрешнева».

Николаев слушает и говорит:

«А как же с Витманом? Человек погибнет. Теплофикационная турбина нам важнее всего — наша республика ледяная!»

Боровщиков улыбается и машет рукой.

«Вам-то какое дело? Оставьте мучение тем, кто хочет страдать».

Николаев поражен этими словами.

Николаев задумывается и говорит:

«Я понимаю: это, наверно, дело только наше, а не ваше!»

Боровщиков сразу делается сумрачным.

Турбинная. Тихо плывут краны над мастерской — в разных направлениях.

Череватов работает за станком.

Секретарь парткома и секретарь партколлектива подходят к Череватову.

«Череватов, тебя придется перебросить на stand — бригадиром по испытанию и приемке!» — говорит секретарь парткома.

Череватов берет концы и вытирает руки.

«Ну-к что ж!»

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

«Комсомольская одиннадцатитысячная готова!»

Станд. Огромная турбина стоит в полном оборудовании.

На станде в полном сборе комсомольская бригада Старосельцева и бригада Череватова.

Идет жаркий спор между Череватовым и Старосельцевым.

Старосельцев категорически отвергает какое-то предложение Череватова.

Старосельцев возбужденно кричит:

«Душа вон! Я ручаюсь за точность сборки!»

Череватов равнодушно хмурится на него.

«Я отвечаю, и я должен иметь убеждение в своем теле, а не в твоём!»

Спор продолжается.

На stand входит инженер Стрешнев.

Череватов и Старосельцев говорят ему.

Стрешнев слушает и дает знак одному из бригады Череватова:

«Переводите на продувку!»

Череватов опускает голову.

Человек из бригады Череватова дает несколько поворотов вентилю на паропроводе.

В турбину пошел пар: запарили разные фланцевые неплотности.

Пар окутывает обе бригады.

Лопаточная.

Николаев у своего прибора: весь прибор разобрал.

Николаев протирает отдельные части.

Секретарь партколлектива подходит к Николаеву.

«Почему шпиндельный стоит?»

Николаев сморкается в красный платок и подает секретарю бумажный пакет.

Секретарь разглядывает то, что в пакете, и затем вопросительно глядит на Николаева.

«Насыпали железную стружку и наждак — все полома-ли», — отвечает Николаев.

Николаев берет деталь прибора и вытирает ее об ладонь.

Громадный станок на ходу (в турбинной).

Вращающая червячная передача.

Вспышка белого огня из передачи (где червячный винт).

Вспышка огня из предохранительных пластин электромотора (этот и предыдущий кадр — почти одновременны).

Рабочий вырубает ток.

Червячная передача: червячный винт с раздробленными бор-
тами.

Ниже винта, на полу, валяется наполовину смятый в плос-
кость, блестящий, наполовину круглый, целый стальной шток.

Рабочий подходит и поднимает этот предмет.

Разглядывает его и выщербленную червячную передачу.

Свистит через два пальца.

На неподвижном станке лежит часть корпуса турбины: свер-
ло вонзилось в металл и стоит в нем неподвижно.

Станд. Прежний состав людей. Клубы пара. Горит электриче-
ство.

Стрешнев командует:

«Переводите на обороты!»

Череватов кричит, покрывая всех:

*«Самый слабый пар! Слушай сейчас только меня — я здесь
бригадир».*

Турбинщик-машинист кивает Череватову головой и ставит
вентили на рабочее положение.

Тахометр (счетчик оборотов) — достаточно крупным планом.
Стрелка на нуле.

Все удивлены. Комсомольская бригада подавлена.

Череватов кричит турбинщику:

«Еще пару: чуть-чуть!»

Турбинщик дает повороты вентилям.

Тахометр: стрелка чуть тронулась с нуля и сейчас же стала
обратно на место.

Череватов зорко следит за стрелкой.

Стрешнев машет турбинщику:

«Еще пару!»

Турбинщик снова трогает клапан.

Тахометр: стрелка вздрагивает и возвращается на нуль.

Стрешнев командует:

«Открой на полное сечение!»

Череватов бросается к турбинщику:

«Прочь отсюда! Закрыть весь пар!»

Турбинщик дает обратные повороты вентилю.
Череватов лично доворачивает вентили до отказа.
Пар на станде несколько рассеивается.
Череватов злобно говорит Старосельцеву:

«Запороли машину!»

Старосельцев бледный отворачивает голову.
Один из комсомольской бригады кричит всем:

«Ребята, становись на разборку — через двадцать часов проверим, кто виноват!»

Череватов и Старосельцев — за ними обе бригады, одновременно, — бросаются к инструментальным ящикам.

Вынимают оттуда ключи и прочий инструмент.

Старосельцев свистит, всунув пальцы в рот, куда<-то> наверх.

Кран стоит.

Кран трогается к станду.

Турбинная. Идет секретарь парткома и с ним английский специалист Анис. Между ними барышня-переводчица.

Вдруг секретарь бросается бежать и исчезает.

Анис удивленно спрашивает барышню-переводчицу.

Барышня отвечает.

Анис и переводчица стоят в ожидании, невдалеке от станда.

Возвращается секретарь парткома — лицо его мокрое от возбуждения и крайне усталое, резко отличное от того, каким оно было несколько минут назад.

Анис с изумлением глядит на секретаря, но тактично молчит.

Все трое являются на stand.

Stand: бешеная работа двух бригад: Череватова и Старосельцева. Стрешнева нет.

Над standом бегут с громадной скоростью два крана.

Оба крана враз останавливаются над standом и спускают вниз блоки.

Анис вежливо осматривает картину работ, скрывая крайнее удивление.

Он берет под руку барышню и быстро подходит к одному пожилому рабочему из бригады Череватова; рабочий работает руками и ногами по съемке фланцев.

Секретарь остается один.

Анис говорит вопрос переводчице.

Переводчица передает вопрос рабочему.

«Какая сила заставляет вас так спешить — страх перед властью?»

Рабочий встал и вежливо выслушал вопрос.

«Нам ждать некогда — мы большевики: мы сами себя ставим спешить».

Переводчица передает ответ Анису.

Анис приподымает перед рабочим шляпу.

Снимается лицевой кожух: обнажается ротор турбины.

Череватов и Старосельцев пробуют руками стронуть ротор.

Ротор не поворачивается.

Череватов прощупывает весь ротор, все лопатки, все строение, которое окружает их.

Выбрасывает из-под ротора четыре смятых гайки и разводной ключ.

Ротор вблизи: несколько десятков лопаток смято и деформировано.

Старосельцев встал, отвернулся и вытер глаза.

Турбинная. Станок.

Станок останавливается.

Второй станок, соседний, — в движении.

Движение его затухает — он тоже останавливается.

Несколько мастеровых выходят на середину мастерской и совещаются.

«Заводы, обслуживающие турбинную, не дают литья и поковок. Станки прекращают ход».

Шеренга станков в покое.

Огромный котлован; несколько человек землекопов редко копаются в котловане.

«Стройка нового чугунолитейного завода — для изготовления турбинного литья — срывается: не хватает рабочих, нет землекопов».

Турбинная. Тот сверловщик, у которого в станке раздробился червячный винт, идет по цеху и несет в руках самый червяк и тот железный предмет (сплюснутый шток), который вывел из работы червяк.

Группа рабочих (у остановившихся станков) окружает сверловщика.

Сверловщик поднимает для показа червяк и мятый шток.

«Червячный винт из особой стали — заменить его нечем. Заказать за границу — пройдут месяцы. Турбинные цилиндры обрабатывать нечем. Кто вдел шток в червячный ход?»

Группа пожилых мастеровых оглядывает друг друга.

Череватов пьет воду из ведра на станде.

Позади Череватова полуразобранная турбина; две бригады напряженно работают вокруг машины.

Чаев везет по мастерской детали на тележке.

Череватов глядит на него.

Подъемный кран приподнял ротор за конец вала, и держит так неподвижно.

Другой кран едет поверху.

Тень крана проходит через Чаева.

Череватов глядит на Чаева.

Двое рабочих работают у поврежденных лопаток, углубившись в корпус машины.

Крановая петля, держащая вал, начинает медленно ползти по валу к концу его.

Вал и ротор чуть приспускаются.

Один из бригады Череватова замечает сползание петли.

Вскакивает. Кричит двум, работающим у лопаток:

«Эй, на роторе! Берегись!»

Череватов оглядывается.

Видит сползшую почти до конца вала петлю.

Бросает ведро вниз.

Двое отскакивают от ротора.

Череватов хватает деревянный брусок.

Бросается внутрь корпуса турбины.

Петля крана соскакивает с вала.

Ротор и вал, освободившись от петли, чуть припадают вниз, оставшись в перекошенном состоянии.

Тот же рабочий бригады Череватова, что предостерегал раньше двоих рабочих, говорит Череватову, еще не вылезшему из отверстой машины:

«Лопатки и диски целы или нет?»

Рабочий заглядывает внутрь корпуса турбины, откуда торчит часть туловища Череватова.

Рабочий обращается снова внутрь машины:

«А рука твоя цела?»

Рабочий просовывает голову внутрь корпуса турбины.

Рука Череватова, показываясь, хватается за вал турбины; по руке густо течет кровь.

Череватов вылезает весь.

Рабочий-бригадник, вынув голову из машины, глядит на него.

Рабочий пробует раненую руку Череватова за кости.

«Ты весь цел! И рука при тебе, и промфинплан выиграл ротор — ты вполне по дешевке отделался!» — говорит этот рабочий.

Этот же рабочий вынимает из кармана платок и перевязывает Череватову руку.

Чаев опять везет по мастерской (вне станда) тележку с деталями.

Череватов глядит на Чаева, пока ему перевязывают руку.

Чаев поднимает голову, видит на станде Череватова, и равнодушно опускает голову.

Турбинная. Ряд крупных станков (4–5).

Первый станок. Рабочий выключает электромотор.

Станок останавливается.

Рабочий с листком наряда в руке идет к другому станку.

Подходит к рабочему второго станка.

Спрашивает у рабочего второго станка:

«Где диафрагма? Мне делать нечего из-за тебя!»

Рабочий второго станка отвечает:

«А мне еще не давали ее. Спроси поди у планировщика!»

Рабочий уходит.

Станок его стоит.

Рабочий второго станка выключает электромотор.

Станок его останавливается.

«Вместо диафрагмы, прислали детали масляного насоса, но в чертеже нет всех размеров — работать нельзя».

Рабочий второго станка уходит с чертежом в руке.

Три-четыре следующих станка останавливаются.

Стоит весь ряд станков (4–5).

Несколько мастеровых собрались группой.

Идет спор.

К этой группе подходит толпа рабочих со станков, первично обрабатывающих литье.

Станки стоят.

«План до станка не доводится. Производство “запланировано”».

Идут Стрешнев, Боровщиков.

Их окружают мастеровые.

Подходит также рабочий с червячным винтом и смятым штоком.

Общее возбуждение.

Боровщиков говорит всем:

«На большом карусельном запорол червяк. Пока его не выишут из-за границы, мы производства спланировать не можем!»

Рабочий, что с червяком, поднимает шток, посредством которого был запорот червяк.

Стрешнев смотрит на шток и улыбается.

«Планово-распределительное бюро».

Густая толпа рабочих поднимается по лестнице.

Громадная комната планово-распределительного бюро.

Задом к зрителю сидит некое туловище, производящее равномерные автоматические движения; туловище похоже на человека. Зрителю оно должно казаться «абсолютным» человеком.

Соседи некоего туловища (уже сущие люди); они несколько похожи на него. Они сидят также задом к зрителю.

Вошедшие рабочие обращаются к сидящим задом; в том числе и к тому туловищу, которое все время равномерно производит простые движения.

Один из рабочих, заглянув в лицо «туловищу», пугается.

«Товарищи, здесь чугунный оппортунистик!»

Лицо «туловища»: это сложный американский чертежно-множительный аппарат, работающий от штепселя. Можно дать пояснение надписью. Можно, и это лучше, добавить кадр: автомат из «рта» выпускает синюю бумагу с белыми линиями чертежей.

Рабочие подходят к чугунному «оппортунисту» группой.

Затем рабочие берут по очереди соседей автомата за головы и несколько запрокидывают их — для проверки: живые это люди или нарочные.

Показываются вялые пожилые лица планировщиков.

Чаев медленно идет по турбинной: кругом его, вокруг пояса, надет большой моток медного голого провода. Провод тянется за ним по земле. Чаев идет и поворачивается, чтобы разматывать провод.

Щекотулов работает на линии провода: выправляет проволоку, когда она застревает в попутных предметах, набрасывает провод на крючья на стене.

Линия провода — конец уходит на stand.

Чаев переходит, обмотанный проводом, разметочную плиту.

Череватов работает на standе. Провод, закрепленный позади электрического щита-распределителя, торчит свободным концом.

Череватов встает и глядит через stand.

Чаев встал на основание одного станка.

Череватов закрепляет свободный конец провода в зажим рубильника-автомата. Над рубильником табличка: «Высокое напряжение».

Включает рубильник-автомат.

Чаев обнимается короной трепещущего пламени.

Щекотулов держит провод и пляшет на месте с одичалым лицом, не в силах оторвать руки от провода.

Партком завода: секретарь комитета, секретарь коллектива турбинной и еще несколько рабочих.

Секретарь комитета говорит:

«Объявим тревогу: мы окружены врагами, мы вошли в прорыв!»

Рубильник-автомат на станде выключается автоматически.

Щекотулов отрывается от провода.

Бежит с лицом, оставшимся в косоротом выражении, непохожий на прежнего себя.

Чаев лежит у основания станка, обмотанный проводом.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Ночь над Ленинградом: зарево на низких облаках.

Огненные факелы из труб над плавильными печами далеких предприятий.

Спокойная поверхность огромной пустынной Невы.

Ночь над Ленинградом: светом магния освещаются тяжкие тучи (от разрядов трамвайных дуг).

Спокойная поверхность Невы.

Вдруг по этой поверхности начинает идти мелкая рябь — водяная дрожь, и она распространяется все более вширь.

Комната-квартира Витмана. На кровати спит женщина с двумя детьми. Стол. Над столом низко свешена электрическая лампа. На стене часы; на них время: 3 часа. За столом сидит Витман; одна его рука свесилась до полу, другая лежит на столе, и на этой руке — покоится голова. На столе вращается действующая модель какого-то прибора (примерно: центробежный регулятор турбины).

Вода на Неве колеблется чаще и сильнее.

Кровать со спящими — женщиной и двумя детьми (в квартире Витмана).

Один ребенок открывает глаза.

Женщина тоже наполовину начинает смотреть, чуть приподняв веки.

Витман, дремлющий у стола, шевелит рукой, лежащей на столе.

Нечто вроде общежития. Горит свет. Спят люди — иные на кроватях, иные на столах и на полу. Спят тесно.

Череватов в рабочей одежде спит на столе. На животе у него лежит косоротая (от контузии током) голова Щекотулова.

Волнообразные смутные тени начинают бежать по стене.

Череватов скидывает с живота голову Щекотулова и садится.

Жена Витмана садится на кровати.

Обращается к мужу.

Витман сразу просыпается, становится на ноги и слушает.

По ночной улице бегут рабочие.

Общежитие. Череватова нет. Щекотулов стоит в недоумении с омертвевшим искаженным лицом (его контуженная током физиономия остается искаженной до конца).

<Окончание автографа утрачено.>

<Конец 1930 г.>

СТАТЬИ

<ПРОТИВ ХАЛТУРНЫХ СУДЕЙ

(Ответ В. Стрельниковой)>

В «Вечерней Москве» (№ 224) В. Стрельникова объявляет меня врагом социализма, противником электрификации и фашистом. Стрельникова пыталась меня «разоблачить». За эту попытку я ее обнажу, но — уже в действительности, так что вся халтура и липа Стрельниковой будет наружу.

По заявлению Стрельниковой, Платонов утверждает, что бюрократизм породила сама советская власть. В «Городе Градове», моем рассказе, на который клеветает Стрельникова, помещанный бюрократ Шмаков отстаивает бюрократизм *против* советской власти, он выступает *против* борьбы с бюрократизмом (как раз в той цитате, которую приводит Стрельникова, он говорит: «Современная борьба с бюрократизмом основана отчасти на непонимании вещей», стр. 125), — а если он в то же время воображает себя «зодчим социалистического общества», то разве среди противников самокритики нет людей, которые именно такого о себе мнения? Пусть Стрельникова познакомится, например, с известным выступлением Слепкова!

Корни градовского бюрократизма у меня показаны. Показано, что губерния эта — *крестьянская*, что в городе пролетариата нет, что живут там служащие и *хлебные скупщики* (это подчеркнуто неоднократно — стр. 112, 113, 114 и 168), что редко где было столько черносотенцев, как в Градове (стр. 111), что среди служащих — старые чиновники, живущие дореволюционным прошлым (Бормотов, управляющий 25-летие «своей службы в госорганах»). Стрельникова, очевидно, считает такое понимание корней бюрократизма направленным против советской власти. Однако Ленин видел корень бюрократизма именно в «распыленности мелкого производителя» («О продналоге», собр. соч., т. XVIII, ч. I). Он же говорил, что «внизу — сотни тысяч старых чиновников, полученных от царя и от буржуазного общества, работающих сознательно, отчасти бессознательно против нас» (том XX, ч. II); ноябрьский пленум ЦК повторил: «Теперешний советский аппарат еще сильно пропитан элементами старого чиновничества и остатками ранее господствовавших классов». Стрельникова пишет, что партия дала «определение бюрократизма как социально-классового явления». Стрельникова, видимо, слышала, что такое определение существует, но ближе с ним познакомиться не удосужилась.

Она спешит писать, а я спешу учиться. Итак, утверждение, что, по Платонову, бюрократизм породила сама «советизация», — это ложь № 1. Ложь № 2: «Платонов смотрит на бюрократизм с полной безнадежностью». «Безнадежность» эта выражается, надо думать, в том, что в моем рассказе старый чиновник Бормотов увольняется инспектором РКИ за волокиту (стр. 167), а губерния постановляет: «Город Градов, как не имеющий никакого промышленного значения, перечислить в заштатные города, учредив в нем сельсовет» (стр. 168). Следовательно, бюрократизм ликвидируется радикально. Стрельникова же утверждает прямо противоположное тому, что у меня написано. Фашистом Стрельникова назвала меня за следующую мысль одного из моих героев: «Не есть ли сам закон или другое присутственное установление — нарушение живого тела вселенной, трепещущей в своих противоречиях и так достигающей всецелой гармонии?» «По существу говоря, — пишет Стрельникова, — если эту мысль хорошенько потрясти, то из нее может посыпаться что-нибудь очень фашистское, вроде, например, трепещущего “сотрудничества классов”... (!) Но, — довольно! (врать. — А. П.)».

Проворство этих «вытряхивающих» рук равно их неопрятности. Откуда «сотрудничество классов»? Где фашизм? В том, что упомянуто слово «гармония»? Или в том, что говорится о «противоречиях»? Или в том, наконец, что жизнь трепещет в противоречиях и так — т. е. только через противоречия — достигает гармонии? Слышала ли Стрельникова об одном довольно популярном фашисте — Фридрихе Энгельсе? «Взаимодействие тел природы, — как мертвой, так и живой, — включает в себя гармонию (слушайте, Стрельникова! — А. П.), и коллизию, и борьбу, и кооперацию» (письмо к Лаврову). О будущем обществе Энгельс пишет именно как об обществе, «способном гармонически приводить в движение свои производительные силы» («Анти-Дюринг», изд. 1928 г., стр. 282). К этой гармонии общество идет именно через противоречия и через пролетарскую революцию, которая есть «разрешение противоречия» (там же, стр. 269–270). Закон же, в том его понимании, какое у меня оттенено старорежимным словечком «присутственное установление» (ведь мнящий себя «зодчим» Шмаков попал в советское общество именно со старорежимной психологией), есть именно закон, направленный «против революционного движения рабочих (частью и крестьян)» (Ленин), — т. е. бессильно пытающийся задержать развитие противоречий «в живом теле вселенной».

Стало быть, по Стрельниковой, диалектика есть фашизм. Как обозвать после этого Стрельникову? Не иначе как только девушкой в литературе, не обижая ее душу.

Нет ничего удивительного, что «строительство» Бормотовых и Шмаковых выступает в моем рассказе именно как *вредительство* (со стороны Шмакова, может быть, и «бессознательное», — см. выше цитату из Ленина) и ничем иным быть не может. XVI партконференция прямо указала, что стоящие перед нами задачи «*не могут быть решены без действительного улучшения госаппарата*», «без самого решительного изгнания из аппарата чиновников» и т. д., «без устранения форм управления, отживших и не удовлетворяющих потребностям советской страны» (резолуция по докладу т. Яковлева).

У Стрельниковой есть еще один аргумент. Я, видите ли, противник экономического строительства петровской эпохи, и это свое неверие распространяю и на социалистическое строительство. Насчет неверия в петровское строительство, грешен, — я в него верю слабо, но ведь только одна Стрельникова может в этом увидеть некий уклон. Аналогии между петровской эпохой и нашим временем я не проводил нигде. В «Епифанских шлюзах» у меня показано, что замыслы петровской эпохи осуществляются *против масс* и в этом их бессилие. Стрельникова же толкует исчезнувшим фактом факты современности. Стрельникова провоцирует и «подпильничивает» о том, что и в наше время дела идут без участия масс.

Изогвавшийся автор не рискнул, однако, обойти полным молчанием тот факт, что в моем сборнике «Епифанские шлюзы» я о строительстве говорю и что строительство это осуществляется не так, как в петровскую эпоху. Но как клеветает об этом Стрельникова? «Что предлагает Андрей Платонов в этой книжке? Главным образом он советует не увлекаться прожектами. Есть много дел *поскромнее* (курсив мой. — А. П.). Например, научить крестьян осушать болота, или приучить наших кочевников к оседлой жизни». Только герои халтуры, не имеющие никаких точек соприкосновения с нашей действительностью, кроме редакционных касс, могут считать осушение болот, облесение пустынь, переход кочевников на оседлость «малыми», «скромными» делами. Сама Стрельникова, устыдившись на одно мгновенье, продолжает: «Это, конечно, почтенная задача. Но в каком контексте преподносится нам эта “программа-максимум” Платонова?! Электрификацией он нам заниматься не советует. Рано еще, не доросли. Да и зачем трудиться, строить электростанции, когда их все равно кулаки пожгут. Дикая народ, необузданный и из-за сытной пищи готов на всякие зверства».

Рассказ написан давно и плохо, но он написан о классовый борьбе. В рассказе изображена бедняцкая артель, построившая станцию, а техническим строителем той станции был я

(сюжет-действительность). Вся нищета деревни восторженно приняла свет, я же, много лет ведший печатную и практическую пропаганду электрификации, — осужден как враг электрификации. Стрельникова не поняла, что электрокомбинат (предприятие заключало в себе еще мельницу и просорушку) экономически победил кулаков, так как электрическая мельница работала дешевле кулацких ветряков.

Единственно верное из того, что Стрельникова говорила об этом моем рассказе, это то, что кулаки-мельники действительно сожгли электростанцию. В этом, очевидно, и заключается моя вина. Стрельниковой хотелось бы, чтобы кулаки этого не делали, а напротив — мирно вращались бы в социализм. Если «потрясти» эти неопрятные литературные юбки, то из них «посыплется» что-нибудь вроде «отрицания закономерности обострения классовой борьбы в настоящий период».

Я мог бы написать, что станция вновь отстроена (это так в действительности и случилось). Но я должен был бы написать тогда, что кулаки вновь борются против нее. Я не мог бы закончить своего рассказа. Окончание не в литературе, а в жизни.

Относительно «Че-Че-О» заявляю следующее. Б.А. Пильняк «Че-Че-О» не писал. Написан он мною единолично. Б. Пильняк лишь перемонтировал и выправил очерк по рукописи. Б. Пильняка нужно обвинять в другом, а за «Че-Че-О» нельзя. О «Че-Че-О» я готов поговорить особо.

У меня есть очень серьезные ошибки. Есть они в «Че-Че-О», есть они и в «Епифанских шлюзах». Но моих действительных ошибок Стрельникова не заметила. Я приму с благодарностью всякую помощь со стороны более опытных и более классово-сознательных товарищей, чем я, но ложь и клевета — это не обучение, а разврат.

В заключение еще об одном. Стрельникова пишет: «В последнее время нашу литературу начинает интересовать вопрос о бюрократизме. Партия дала блестящее определение бюрократизма как социально-классового явления (Стрельниковой, как мы видели, неизвестное. — А. П.) и нашла способы борьбы с ним». И все тут! Зачем беспокоиться, если определение дано и способы борьбы найдены?

Не так благодушно смотрит на это дело партия. Ленин говорил, что борьба с бюрократизмом потребует десятилетий, а тот, кто будет заявлять, что мы освободимся сразу от бюрократизма, если примем платформу антибюрократическую, будет шарлатаном, охочим до хороших слов. Об этом напомнил т. Яковлев в своем докладе на XVI партконференции.

В борьбе с бюрократизмом принимает участие и советская литература. Мой «Город Градов» был одной из попыток такой

борьбы. Но без ошибок, без ранений здесь, вероятно, не обойдешься. Я говорил уже об этом, и я это знаю. Но я знаю также и то, что, когда партия усиливает свою борьбу с бюрократизмом, оппортунисты и бюрократы сплошь и рядом выступают против этой борьбы, прикрываясь всякими хорошими словами. Когда та же борьба развивается в литературе, то наряду с ошибками, грубыми и опасными ошибками писателей естественно ожидать, что среди критиков окажутся такие же защитники бюрократизма, такие же оппортунисты и аллилуйщики, которые встречаются и вне литературы. Им — таким, как Стрельникова, — не мешает узнать, как крыл бюрократизм Владимир Ильич (например, в записке А.Д. Цюрупе в VIII ленинском сборнике), узнать, что Ленин желал Рабкрину: «Оставить позади себя то качество... которое мы можем назвать смешным жеманством или смешным важничаньем и которое до последней степени на руку всей нашей бюрократии, как советской, так и партийной» (из статьи «Лучше меньше, да лучше»).

<Первая половина октября 1929 г.>

ВЕЛИКАЯ ГЛУХАЯ

За временный технический недостаток — беззвучность — кино было некогда прозвано Великим Немым. Этот условный образ теперь превратился в безусловный, хотя кино и заговорило, — хотя точнее следовало бы назвать теперь наше кино Великим Слепым: оно не видит того, на что действительно нужно наводить объектив съемочного аппарата. Кино наше слепо, как новорожденное существо, а большинство картин ничего не говорит напряженному сознанию современного человека — они немы абсолютно, а не технически.

В пару к Немому идет его Великая Глухая сестра — литература. Причем здесь спорно основное — глухая она или оглушенная, и если оглушенная, то чем и кем. Революция (коллективизация, МТС, крупные совхозы, создание таких маточных мест социализма, как Магнитогорско-Кузнецкий комбинат и мн. др.), революция уничтожила или уничтожает старый способ производства литературы, потому что социалистическая, всемирная, вековая литература не может создаваться интеллигентски-парцеллярным способом. Это не значит, что писать нужно вдвоем или целым кружком, — это значит, что писатель не может далее оставаться лишь профессионалом одного своего дела: он должен вмешаться в самое строительство, он должен стать рядовым участником его, ибо трудно в такое время сидеть и писать, не строя самого социалистического существа. Нам ответят: но литература тоже может стать социалистическим элементом, и незачем писателю добавочно быть монтером или кирпичным кладчиком. Это ошибочно — нельзя командировочным, зрительным, сторонним путем приобрести необходимые для работы социалистические чувства: эти чувства рождаются не из наблюдения или даже изучения, а из участия, из личного, тесного, кровного опыта, из прямой производственной социалистической работы. Конечно, здесь есть противоречие — трудно практически совместить две напряженные работы, скажем, писателя и механика. Но быть писателем во время устройства социализма, ощущая социализм лишь профессиональными чувствами, а не вживаясь в него производственно, <как> сказать, опытом рук, — в то время, когда и для самых передовых участников социалистического зодчества социализм является лишь в форме предчувствия, — быть только писателем в это время — есть еще большее противоречие и даже наглость (потому что, если лучший перед-

ний строитель социализма имеет лишь предчувствие о нем, то как же писатель, этот задний строитель, может иметь ясные, ведущие чувства к нашему близкому будущему!).

Прошлое литературы подтверждает этот взгляд. Если раньше писатель мог и не быть пахарем при феодализме или монтером при капитализме, то это потому, что сильнейшие писатели прошлого времени появились тогда, когда мироощущение их родного класса уже не завое<вы>валось, а было завоевано и стало привычкой и традицией.

Только ломая стену в переднем ряду, можно первым увидеть то, что лежит открытым за стеной. Находясь же позади, никогда не услышишь первым ветра социализма. И верно — литература его слышит очень слабо, поэтому она работает, как глухая; она оглушена, стало быть, самым ложно-профессиональным, «довольным» положением своих кадров. Кроме того, этим кадрам плохо помогают литературные инструктора и надсмотрщики. Вместо обучения эти мастера рвут иногда писателя «за ухо», а он и так почти глухой. На самом же деле нужна учеба, а не безответная боль ученика.

Но оглушение иногда происходит и по другой причине. А именно — от излишнего оглашения («Рождение героя» и «Выстрел»). В сущности, разница между этими произведениями слабая и кажущаяся. Они напечатаны на двух сторонах одной монеты, как нигилизм и гуманизм (совершенно правильная и диалектическая фраза т. Авербаха). В первом произведении непонятно, почему герои не действуют, а во втором (т. е. в «Выстреле») — почему они действуют. Выражаясь несколько грубо, сочинение Либединского есть гуманистический предмет, а Безыменского — нигилистический. Нигилизм и гуманизм здесь в том, что в одном случае существуют нулевые люди, а в другом — пустое общество. Такое ложное исполнение авторами своих произведений привело их к тому, что «Рождение героя» можно, напр<имер>, трактовать, как социально-вредную сатиру, ибо люди, как герои, ушли от автора. Один рабочий человек, прочтя «Рождение героя», объяснил тему сочинения лучше и резче Радека: он сказал, что покой Шорохов потому мог приобрести себе девушку в любовницы, что Шорохов начальник; значит, если ты начальник, то тебе открыты ворота самой молодой и свежей любви, а если ты не начальник, то уважай одних старух.

Но Шорохов ведь коммунист! Да, но это только Либединский так убежден; иной же читатель может убедиться лишь в том, что Шорохов бюрократ, эксплуатирующий массы посредством изъятия из нее девушек, а в массе могут остаться одни инвалидки и старухи (ведь «Шорохов» быстро обобществляется со знакомыми «начальниками»), действующими зачастую не лучше).

Социальная вредность «Выстрела» не так ясна, но это потому, что в «Выстреле» нет населения, хотя в последнем и есть как раз его вредность. Место, населенное одними идеями и мероприятиями, — не есть социалистическое место; бесчувственная идеологическая упитанность сама по себе не может сотворить нового мира. Идеологическая оглашенность (политический эквивалент ее — «левачество») ведет к простой художественной глухоте, иначе говоря — к производству лживых звуков (чтобы иметь «слух», надо уметь постоянно слышать других, даже когда сам говоришь, — надо иметь неослабный корректив своим чувствам в массах людей).

Эти два сочинения явились видимой причиной борьбы внутри РАППа — борьбы за метод пролетлитературы. Но теоретически изобрести метод нельзя (до него можно доработаться, и то будучи вдали, в глубине социализма, а не внутри «методической» борьбы); санкционировать же единственный метод (даже приблизительно правильный) — вредно, если не губительно. И потом — художественный метод не может быть одним: он не политика; у искусства есть свои местные конкретные условия, требующие применения своеобразных методов.

За кем же идти — за «старыми» рапповцами или за «блоком»?

<Июль 1930 г.>

РЕДАКЦИИ

ЧЕ-ЧЕ-О

(Областные организационно-философские очерки)

Пишут, что хорошо выезжать из Москвы, потому что, дескать, сразу окунешься, во-первых, в травяную русскую природу, отдыхая душой, а во-вторых, в советские массы и строительство. Хотя писатели и пишут всегда о том, чего с них не спрашивают, — тем не менее слово печатное уважать надо: и мы поехали в город Воронеж на предмет изучения бюрократизма ЦЧО и ознакомления с массами, поселились за тремя окошками с палисадником и с цветами на подоконниках, известными от детства и с детства не имеющими имени. На окне у нашего хозяина, кроме цветов, помещался еще всесоюзный дьячок, как называют здесь радио за хрипоту его и поучительность. Хозяин наш Федор Федорович каждое утро уходил к себе в железнодорожные мастерские, а мы изучали, взяв предпочтительно в поле зрения нашего людей, а не учреждения, дабы не быть оглушенными гулом мероприятий, придерживаясь, при изучении матерьяла, статистических принципов.

Надо объяснить заглавие организационно-философских наших очерков. Были мы, изучали мы в ЦЧО — в Центрально-Черноземной Области, вновь организующейся. ЦЕ-ЧЕ-О по воронежскому говору выговорить трудно, — говорят ЧЕ-ЧЕ-О.

Город и историю его мы изучали пешком. Все вывески, где раньше было «губ», теперь перекрашены на «обл».

А пешком мы ходили по следующей причине. Трамваев в городе штук одиннадцать примерно, на три городских маршрута. У посадок в трамваи всегда суетятся, сесть все не успевают, а трамваи ходят полупустыми. Трамваи — совершенно как в Москве, только разница в букве В: ВКХ — вместо МКХ. На одиннадцать трамваев имеется двадцать семь человек контролеров — девять человек от ГЖД, остальные от Горсовета и прочих учреждений. В каждом вагоне едет не менее двух контролеров, кондуктор и — обязательно — милиционер, как бесплатное приложение контролеру и кондуктору, управляющееся, в благодарность за провоз, со злостным пассажиром. Предпочитали мы ходить пешком не потому, что не испытывали затруднений от воронежских концов, где массы населения перебрасываются трамваями, но потому, что твердо установили, что со стороны ГЖД, Горсовета, Адмтдела и прочих организаций предпринято, в сущности, все, чтобы сделать

поездки людей жизнеопасными и чреватými экономическими последствиями, то есть приводами в милицию, штрафами и прочими ущербами для личности. Мы рассчитали статистически: московские трамвайные порядки усвоены Воронежем в кровь, но жителей в Москве больше в двадцать пять раз, трамваев — в сто раз, — и воронежцам осталась только трамвайно-административная энергия в количественном московском масштабе: число ежедневно-трамвайно-наказуемых в Воронеже равно московскому числу, — и очень редко поэтому можно проехать в воронежском трамвае, не доплатив к билету особой квитанции об уплате штрафа, либо протокола, либо нравственного оскорбления.

Мы уже приступили к исследованию основной нашей темы о бюрократизме «Наши не хуже ваших».

Этим и объясняются свалки на остановках: кроме тройного надзора за собою, туземное население, полюбив административное благочиние, само помогает контролерам вылавливать трамвайных вредителей и добровольно устраивает давки на остановках, стоя на страже трамвайной законности.

Изучая принципы бюрократической давки, установили мы новую, раньше не бывшую здесь особенность — носить мужчинам бакенбарды. Бакенбард в Воронеже много, и все они с портфелями. Причина возникновения бакенбард необъяснима, но вид их очень напряжен. Федор Федорович, рабочий-ветеран железнодорожных мастерских, философ и наш хозяин, сказывал нам, будто в газете было воззвание Облсовета Физкультуры: «За советскую бакенбарду! Опрятная наружность есть символ идеологической устойчивости! Физкультурник, будь впереди! За новую наружность! За нового человека!»

Было ли такое воззвание или не было, — это на совести Федора Федоровича, — Федор Федорович любит говорить иносказательно, — мы же, при нашем изучении, обследуя газеты, ничего такого там не нашли. Нашли лишь снимки будущего здания облисполкома, будущего облпрофсовета и прочих будущих емких помещений. Мы рассматривали внимательно фотографии: нет ли в будущих камнях будущей областной архитектурной стройности, либо отпечатков будущего ума и организационного умения. Затем в газете напечатаны были портреты туземно-областных вождей, карта новой области и заметка об арженской фабрике грубых сукон, расположенной в Тамбовской губернии, напечатанная исключительно ради областных масштабов. Больше ничего туземного в газете не было. Отмечалось подробно выступление тов. Терентьева в споре с архиереем. Тов. Терентьев выполнял в областном масштабе то, что тов. Ярославский делает во всесоюзном, а тов. Вольтер делал во всемирном. В остальном газета следовала

Вольтеру, занимаясь всемирно-историческими вопросами, давая искренние советы французам, англичанам и китайцам и сожалея, что впредь бывшие ее советы не приняты впрок этими странами. Судя по карте области, напечатанной в газете, область эта, по поводу которой в газете отмечены будущие здания и спор с архиепископом, — размером много больше, чем Британские острова.

Федор Федорович, иносказательный человек, молвил однажды:

— Как вы думаете, приезжие люди, как надо устроить, чтобы на месте, где два колоса растут, три выросли бы? Ну, и как поступать, ежели колосьев по-прежнему два?

Мы бросили внешнее изучение облгорода, потому что первым делом мы видели всегдашнюю воронежскую пыль, переулки, свиней — обыкновенное среднерусское устройство оседлости, — и дома стояли совершенно так же, как и в губернском отношении. На подоконниках цвели герани. Бакенбарды возвращались со службы, обедали и возвращались на службу, на вечерние заседания, а после них ели на бульваре мороженое у отходников из воронежских деревень. Книжная воронежская история интересовала нас мало, по причинам нашего уважения к предмету и краткости пребывания, хотя самой истории в городе не мало. Отметим лишь странное обстоятельство этого черноземного города, — именно то, что Воронеж есть колыбель русского морского флота, обстоятельство очень поучительное для российской истории и очень характерное. Проходит тут видная от Митрофаньевского монастыря древняя дорога из варяг в греки — Калмиусская сакма, обстоятельство для нас не особо важное, ибо нечего поминать нам о варягах. Было в этих местах много разных святых, один из них, Тихон Задонский, был даже приятелем русской литературы, — приятельствовал с Федором Михайловичем Достоевским, — но и это неважно нам. Существенно отметить — опять о Петре: превратив степной город Воронеж в российский Амстердам, именно отсюда Петр людьми и приспособлениями начал водный канал, который должен был соединять Дон с Окою (Епифаньевские шлюзы живы были до 1910 г.), — Епифаньевские эти шлюзы суть прародители ныне, через двести лет после них, роемого Волго-Дона. Вот и все исторические справки. Пыль черноземная и пыль истории — вещи, ни с чем не сравнимые. Еще задолго до европейской войны, несмотря на плодородие почвы, крестьянство Воронежской губернии и соседних с нею начало быстро беднеть, поставляя отходников в города и в Донбасс. Сельское хозяйство императоров завело крестьян в тупик, требовало крупной социальной

и технической реорганизации. Столыпин тогда давал деревенской верхушке исход на хутора: остальное крестьянство нашло себе выход в революции.

.....
Наш сосед и друг Федора Федоровича, Филипп Павлович, сам бывший крестьянин, ныне электромонтер, рассуждает:

— Исход крестьянам найден правильный — коллективы. Прямо надо заочно считать, что от удачи коллективов зависит спасение деревни, и спешить с этим необходимо надо, прямо надо сказать: положение деревни теперь бедовое. Коллективы по деревням нам сейчас нужнее Днепростроя. Не удадутся коллективы, — мужик будет спасаться в одиночку, иначе сказать, пойдет по кулацкой дороге. Каждый трудящийся есть хочет. Государство должно всякому питанию помогать, и чтобы это содействие не буксовало на бумаге, как колесо на рельсе. А опасения от переусердия уже имеются, — я ведь далеко вижу. Колхозоцентр уже трудится, а кроме него — сосчитаем про себя — волостные, уездные, губернские, областные, разные там органы норовят влипнуть в колхозное строительство, — и все хотят руководить, указать, увязать, согласовать, проработать, проинструктировать, подтянуть и проутюжить. Главное руководство, я полагаю, заключается в том, чтобы не мешать безвыходному желанию мужиков к устройству своей судьбы через коллективы, — я сам мужик, я-то себя знаю. Что нужно деревне? — в первую очередь нужны — землеустройство, мелиорация и огнестойкое строительство. Агрономия, я так полагаю, — очередь вторая, особенно по теперешнему времени, когда участковый агроном еще кое-как усердствует, — а что выше участкового, — так те совсем не нужны, они все разъезжают междуведомственно, согласуют будущее и к крестьянству не относятся.

.....
Мы перебили себя сельскохозяйственными суждениями Филиппа Павловича, дабы малявинскими красками нарисовать черноземный пейзаж, имеющий, по существу говоря, краски в себе серые, медленные, длинные.

К сельскому же хозяйству относятся хлебозаготовки.

Видели мы хлебозаготовителей, безошибочно можно сказать, что на душах у них лежат тяжести, равные весу заготовленного ими хлеба. Народ они хороший, несчастный и молчаливый (молчаливый, быть может, потому, что на ссыпунктах неминуемо много приходится разговаривать, вплоть до тяжелого сердцу мата). По-знакомились мы с молчаливым кооперативным членом правления и слышали его историю. Вызывал его проезжавший мимо в своем вагоне замнаркомторг для надлежащего подтягивания, дошел член правления до вагона, взялся за поручни — и ужаснулся тогда,

а ужаснувшись, — пригнулся к земле и исчез в неполютых просяных полях, где и пробыл наедине с природой трое суток, не пивши, не евши. Его искали сельские милиционеры, — но разве сыщут кого эти люди, самые кроткие из всех попечителей благочиния на земле? — и член правления на четвертый день самовольно возвратился домой, съел две корчажки сметаны с хлебом и пошел в свое правление, а вагон замнаркомторга отбыл вдале по своему расписанию.

Гражданин этот — кооперативный член правления — был приятелем Федора Федоровича, забегал иной раз послушать нашего всесоюзного дьячка, и Федор Федорович, близкий к железнодорожному делу человек, проектировал часто разные способы усиления хлебозаготовок, так как до его сердца слишком все касалось.

Например. Наглядным опытом, через окна вагонов, знал Федор Федорович, что еще с самой ранней весны, почти сейчас же после снега, самый главный пассажир, который едет мимо Ворожежа на Кавказ, есть — отдыхающий. Уверял Федор Федорович, что эти нарицательно называемые отдыхающие, едущие по курортам, не есть ни рабочие, ни средние служащие, а явный бюрократический актив, вооруженный секретареподобными женами или женоподобными секретарями, умеющий пластическим путем фильтроваться сквозь государственные трущобы в страны, не им и не для него завоеванные в 1920 году. Так вот, Федор Федорович предлагал — перестать кормить этот бюрократический актив, не трогая пока пассива, прекратив одновременно его перевозку на юг для наращивания пластических сил, возя на его месте съедобные мешки. Федор Федорович утверждал, что это поспособствует вывозу хлеба и ввозу машин из-за границы, а также и тому, что кооперативному нашему члену правления реже придется убегать со столбовой дороги социализма в просо, как прискорбно выразился Федор Федорович.

.....
Федор же Федорович рассказал нам о встрече в поезде, когда ездил он поднимать из-под откоса под откос свалившийся паровоз.

В Ряжске сел внимательный человек, развернул бумагу с колбасой и начал закусывать, безотчетно рассматривая пассажиров. Напитавшись, он зорко уставился в окошко и не отрывался от зрелища великорусских пространств сто верст. Тогда он обратился к Федору Федоровичу, как к железнодорожнику.

— Никак не вижу межи! — сказал он с огорчением. — Здесь сразу должны кончаться суглинки и подзолы и должна начинаться сплошная чернота почвы, именно Че-Че-О.

— Какая межа? — спросил Федор Федорович.

— Межа Че-Че-О, Центральной Черноземной Области. Она, извольте видеть, больше Англии и чуть меньше западноевропейских держав, а вот межи никак не видно, хотя на плане она ярко нарисована жирной чертой. Как же так?

Помолчали. Внимательный человек глядел в окно.

— Вы куда едете-то? — спросил Федор Федорович.

— В Воронеж — куда же больше? — вопросом ответил внимательный человек.

— Это почему же вы так говорите — «куда же больше»? — на вопрос вопросом ответил Федор Федорович.

— А там, видите ли, организована теперь Черноземная Область, Че-Че-О. Отстраиваются новые учреждения. Еду служить. Я человек сокращенный.

— Откуда? — сочувственно спросил Федор Федорович. — Сократили?

— Да.

— Известно — из учреждения. Я человек служащий. Мы всю жизнь служим. Десять лет я состоял беспорочно в уездной архивной комиссии, а теперь свалили все документы в подвал статбюро, а в городе хорошего крысомора нету. Теперь звери всю мою работу поедят. А сколько трудов на те документы положили — уму не понять! — как же? — все остатки революции в них, больше их нигде нету.

— Думаете там работу найти, в Воронеже? — спросил Федор Федорович.

— Непременно, — ответил архивариус. — Люди моего слова должны находиться в служебном состоянии. Непременно!

Федор Федорович в тот вечер, как рассказывал нам об этом своем свидании, совершенно разохался.

— Ведь вот сукины суслики! — сколько их по советской земле ездит, службу ищет, колбасу жрет! — и смотри ты, как они в канцеляриях дела листают, как суслики рожь едят!..

Показывал нам потом Федор Федорович на улице этого внимательного суслика: устроился, вошел в свое состояние, служит, отпускает бакены, вошел в служебную схему. Федор Федорович уверен, что именно эти самые суслики такие, например, правила чинят по его железнодорожному делу: опоздал поезд на сорок три минуты, стоять ему по расписанию пятьдесят минут в Воронеже. Прицепили свежий паровоз, полазили по крышам, добавили воды в уборные, служба технического осмотра проверила рессорные тележки и простукала бандажи, — дела на десять минут, а поезд стоит единственно из-за того, чтобы отстоять свое время ради точности расписания, хоть и мог бы сократить опоздание, — стоит по регламенту, а не по смыслу.

.....
Видели мы областников, так сказать, строителей. Угощали они пивом москвича в столовой ЕПО, организационно обсуждали, опираясь на портфели, и пребывали в организационно-областной ярости. Многого из их разговоров подслушать нам не удалось, в силу естественного страха, который исходил к нам от них.

— Позвольте, Иван Сергеевич, куда ж это годится! — говорил средний человек, утирая бредовой пот со лба прямо ладонью. — Надо всесторонне обсудить, как поделить нам организационно и исторически неделимое? Тамбовский край, эта культурная единица, существовал еще со времен Гавриила Романовича Державина, когда покойный был тамбовским губернатором. Тамбовский край уже тогда был государственным понятием, — а сейчас мы предполагаем северный кусок природного поценского края отхватить от Тамбова в другой округ. Извините, мы тоже пока еще губерния! — у нас есть ВЦИК! — Воронеж — это еще не Москва, это лишь губерния, и даже не из важных!

Нам показалось, что этот деятель, начав за здоровье масштабов областных, заканчивал упокоем своей губернии, откуда, по всем видимостям, происходил родом и служебным положением. Другой собеседник был более областно-мыслящ, судя по его словам, в силу той причины, что происходил он из Кирсанова. На Тамбов он нападал, считая его тургеневским дворянским гнездом в вишневых садах, — но нападал и на Воронеж, отдавая дань его морскому прошлому, после которого в округе остались только одни леса местного значения; он даже не отстаивал Кирсанова, ибо вопрос Кирсанова не касался, но сообщил все же, что отапливается теперь Кирсанов не кизяком, а торфом и в прошлом году был вырыт первый артезианский колодезь. Поскольку дело не касалось Кирсанова, патриотической ярости у кирсановца не замечалось.

— Нет, товарищ, — сказал третий, отпивая пиво. — Теперь такая эпоха, приходится все сверху донизу, снизу доверху, а также вдоль и поперек. Теперь самокритика пошла, нашего брата массы в плюшку жмут.

Величественный москвич, в честь которого пили пиво, рассудительно и таинственно молчавший, несколько оживился.

— Не совсем так, товарищ, не совсем! — сказал он. — Мы никак не привыкнем к равновесию... Я бы сейчас главным лозунгом объявил равновесие мероприятий. А то получается не самокритика, а — бичевание.

В этом месте своей речи, к слову сказать, не очень внятной и четкой, москвич предложил своим собеседникам папиросы «Герцеговины Флоры».

— Сделайте одолжение, — сказал он.

Кирсановец посмотрел коробку хозяйственным глазом, понюхал табак и спросил:

— А сколько же стоит такая одна папиросина?

— Пустяки, — сказал москвич, — шестьдесят пять копеек пачка.

— Ага. Без малого три копейки штука. У нас на три копейки можно пучок купырей купить, можно полбуханки хлеба съесть, можно стакан молока выпить, за две папиросины тебе лапоть сплетут, а другой сам на дороге найдешь, — сказал кирсановец, выводя товарную стоимость трех копеек; еще раз осмотрел папиросу и сладко закурил.

— Это же и есть равновесие, о котором я говорю, — конкретно увязал москвич. — Я, допустим, с моими газетными статьями зарабатываю четыреста-пятьсот, а вы — сто. Но вы живете зато не в Москве, и мои четыреста, если подсчитаешь, равны вашим семидесяти рублям.

— Значит, деньги у нас в пять раз дороже? — спросил тамбовец.

— Вот именно, — ответил москвич.

— Я вот курю папиросы «Бокс», — сказал кирсановец, — значит, мой «Бокс» выходит по вкусу, что и ваши «Герцоги», либо даже лучше?

Москвич мягко поправил кирсановца, молвив учтиво:

— Одни папиросы брать, конечно, не следует. — Вы примите во внимание квартиру, ванну, отопление... Надо брать всю массу товарной продукции и учитывать по среднему...

— Не учтешь! — сказал грустно кирсановец. — Ванн, например, у нас не полагается, ходи в две недели раз в баню! У нас в одной волости пять лет подряд двадцать тысяч десятин без обложения налогом существовали, а, говорят, город Лондон меньше этой площади. Значит, у нас город Лондон вроде бы стоял, а мы его и не видели... А найди виноватого, — виноватого учеть еще труднее, чем пропавшую площадь: та хоть травой зарастет, отговорка есть, что из-под травы не было видно.

— Равновесия нет, — молвил москвич, точно накладывая свою резолюцию на все местные беды. — Вы раньше сказали о самокритике, что масса на учреждения давит... Вот вам и результат! Разве это требуется? Никакое учреждение при таких условиях работать не может, потому что учреждение должно руководить. Не правда ли? — А иначе придет какой-нибудь болван в учреждение синдиката и скажет: вас я сокращаю, а себя сажаю, ступайте в молотобойцы... Ну и что же будет? — будет хуже, будет плохой кузнец, только и всего... Нет, надо самокритику ввести в здоровое русло — придать энергии народа плановый темп!

— Русло тоже дело ненадежное, — сказал кирсановец, представив себе, должно быть, русло речное. — Реки иной раз размывают свои русла.

Тамбовец вернулся к теме в масштабах областных.

— Я полагаю, с областью мы явно спешим, — заявил он горестно. — Границы округов определены наспех, губернские и уездные работники далеко не все получили назначение на новые областные посты, а понаехало уже много иногородних. И вообще, в общем и целом, будущее рисуется далеко не в четких перспективах.

Кирсановец молвил раздумчиво и печально:

— Говоря по совести, у меня ум за разум зашел... Крестьяне будут пахать по-прежнему, как и в губернском масштабе, рабочие не бросят работать оттого, что границы округов не уточнены. Это верно. Наше дело — руководить. Это тоже верно... Раздумаешься иной раз... Настоящее руководство — всегда, конечно, помощь. Ну, а бюрократическое иной раз обращается — прямо во вредительство, я на своей шкуре знаю. — Он помолчал и сказал твердо: — То руководство, которое обращается за помощью к массам, само, следственно, способно помочь рабочему и крестьянину раздавить живой силой жизненные затруднения и прямо вести по дороге революции. В этом, я полагаю, и есть весь смысл самокритики.

Собеседники его посматривали неодобрительно.

Мы свое пиво выпили и оставили столовую ЕПО, а затем, не имея плана прогулки, пошли к Митрофаньевской площади, откуда видна Сакма Калмиусская. Лежала перед нами степь, и явно чувствовалось нам, что это не простые уже губернские поля с перелесками местного назначения, а — областные. Рожь, по подсчетам областных организаторов, расти будет гуще. Пусть растет! — и на густую рожь найдутся едоки!..

.....

Вечером однажды, в тишину российского дождика, валяясь на своих койках, разговорились мы о трамваях, о бакенбардах, о любви. Разговоры наши были скучны. Не могли мы не согласиться друг с другом, что впечатления наши совпадают совершенно, — о том, что служащая провинция уж очень много больше, чем следует, заражена бюрократизмом. Служащий человек ведет себя и на воле, как на службе. Он недоверчив, он одинок, этот чиновник, очень часто он хищен, он непрерывно боится за свою судьбу и занимается самоспасением. С ним трудно ехать в трамвае, с ним не о чем разговаривать, ибо он хитрит и готов подставить ножку, жене и детям с ним неимоверно скучно. Мы раздумались о женах этих мелких бюрократов, души которых повреждены

бакенбардами. Жена и дети не знают, какие почки настояли сердце их отца и мужа, они чувствуют на себе всю гнетущую, мрачную, иссушающую силу этого родного сердца, которое и на детей своих смотрит затравленными и зайцем, и волком одновременно. Мы договорились до того, что бюрократизм есть новая социальная болезнь, биологический признак целой самостоятельной породы людей. Он вышел за стены учреждений, он отнимает у нас друзей, он безотчетно скорбен, он сушит женщин и детей.

На печаль нашу зашел к нам Федор Федорович, бодрый человек. Послушал нас, сказал, как всегда, иносказательно.

— При диктатуре пролетарьята, я так полагаю, при советской власти дорог бояться не надо. К социализму надо идти — по пути трудному, а которые себя облегчают в дороге, — грош тому цена. При пролетарской диктатуре всякие организации есть дело второстепенное и низкое. Первостепенно надо: делать вещи, покорять природу и — самое главное — искать дороги друг к другу. Дружество — и есть коммунизм. Он есть как бы напряженное сочувствие между людьми.

.....
Приходили к нам изредка гости — не наши друзья, но друзья Федора Федоровича, местные мастеровые, как любят называть себя рабочие. Каждый день беседовали мы с Федором Федоровичем. Он говорил иносказательно, но точно. Чтобы понимать Федора Федоровича, надо глядеть ему в глаза и сочувствовать тому, что он говорит, тогда его затруднения в речи имеют проясняющее значение. На подоконнике у нас, рядом с дьячком, росли кроткие цветы, не имеющие названия с детства.

Федор Федорович говаривал часто:

— Мастеровой в наши дни стал более скрытным, прямо углубленный и задумчивый человек. То ли это развитие личности, то ли печаль. В старое время общая безнадежность делала нас в своем кругу веселыми и самозабвенными. Теперь у молодых рабочих есть надежда и есть какая-то внутренняя неуверенность в ней.

Часто спрашивали мы Федора Федоровича: как он думает — одна область лучше четырех губерний?

К Федору Федоровичу изредка приходил гармонист. Федор Федорович не знал тогда, чем получше угостить гармониста, заслушивался его и волновался от музыки.

— Рабочий человек, — говаривал Федор Федорович, — должен глубоко понимать, что ведер и паровозов можно наделать сколько угодно, а песню и волнение сделать нарочно нельзя. Песня дороже вещей, она человека к человеку приближает. А это трудней и нужнее всего.

И однажды, слушая музыку, Федор Федорович сказал по поводу области:

— Вот видишь, чем надо людей смазывать. А вы говорите — организация. Она, понимаешь ты, как мучной клей. Помнишь, им газеты к заборам приклеивали, и ни черта не держалось. Нравоучительность из нас куда-то пропала. В газетах пишут, что наша губерния вся запаршивела и оскудела. А по-моему, она не оскудела, а ее объели, и объедали лет сто подряд. Областью тут не поможешь.

Слушая гармонию, выпивали мы иногда по рюмке водки, и Федор Федорович всегда в таких случаях говорил:

— Сердечность у нас пропала, необходимость оскудела. Раньше ты мне дорог был, а теперь и умрешь, — все равно.

Федор Федорович рассказывал о своих цеховых делах. — Живого его языка упомянуть невозможно, примерно он таков:

— Например, так. Он человек молодой, а я уже почти старик. Он приходит в цех, ему дают работу. Я тридцать лет мастеровой, я не грубо знаю дело, а он мальчик, работать не умеет. Ну, кого послать, скажем, в организацию? — посылаем его, нам он в работе не нужен, работать он не научился, а таких, как я, — я это по душам говорю, положила руку на сердце, — таких у нас во всех мастерских двадцать человек, мне от работы отойти невозможно. Вот он там и делает власть за нас, а что он понимает?! Юноши, попавшие в цех, никому не дороги, да и им самим не дорого работать за станком. Ими и затыкают всякие выборные должности, а потом они сами делаются профессиональными руководителями, без всяких прочных товарищеских связей с мастерами. Понятно, что многие молодые рабочие так и смотрят на завод как на исходную точку своей будущей общественной карьеры, как на временное, бросовое ремесло. Он поработает год, много два, по всем документам — он рабочий, и тогда начинает идти во всякие высокие двери проф-, парт- и соворганизации. А там наверху, в руководящих сферах, молодому человеку представляется теплота обеспеченной жизни, почетность положения и сладострастное занятие властью. Ну, и многие получают эти блага взамен равнодушия мастеровых, оставшихся при станке. Я своего станка ни на что не сменяю, потому что не уважаю ни имущества, ни должности. А другие и хотели бы, да не всем же властвовать, ко власти лезут которые верткие, а всем не вместиться. А отсюда и скрытность, и задумчивость рабочего советского человека...

.....
Музыку Федор Федорович и его друзья слушали с упоением, еле сдерживая свои героические и жалобные чувства. Худой гармонист пил водку, играл, сохраняя серьезность и глядя на

слушателей пустыми глазами, прислушивающимися к музыке. Однажды он сыграл шимми. Федор Федорович и Филипп Павлович и шимми прослушали с волнением. Они не знали, не видели этого танца шелкочулочных ног и бесполох тел, которые из этой музыки сделали провокацию акта размножения. Музыка им предстала очищенной от пошлости, они принимали ее как музыку людей, а не бесполох ног, как искреннюю тонкую пьесу. По их лицам было видно, что эта музыка для них кажется нежною и энергической, грустью безымянного близкого человека, заблудившегося в сложном устройстве мира, среди людей холодных, как сооружения. Гармонист кончил играть и выпил для организации утомившейся души. Мы рассказали Федору Федоровичу правду этого мотива, о той пошлости, которая оплетает земной шар этой музыкой. Федор Федорович смутился на минуту за свои героические чувства, но скоро оправился, оправдав себя:

— Все можно изгадить, — сказал он. — Может, музыкант и не знал, что сделают из его песни. Я так думаю, любое искусство сделано по модели любви. Ну, а ты сам знаешь, что можно из любви сделать, какую мерзость, а чище любви — ничего необходимого нет.

.....
Однажды, тоже после музыки и в дождливый вечер, был такой разговор. Заскрипело вдруг радио, Филипп Павлович сказал Федору Федоровичу:

— Федя, заткни ты этого хрипатога дьявола, мы не к обедне пришли, а к тебе.

Мы говорили о предприятиях, которые работают над объединением пролетариата. Рабочие подсчитали, что они громадны, дорогостоящи, многочисленны. Федор Федорович утверждал, что в них, вместо горячего клея, употребляется остуженный кисель либо мучная пыль на воде, какими нельзя приклеить к забору газеты. Именно тогда Федор Федорович говорил о том, что у рабочих пропала нравоучительность. Филипп Павлович показал газету, там нарисованы были два пролетарских сапога, которые хотели растоптать попа и толстого лавочника.

— Не понимаешь? — сказал Филипп Павлович. — Поп, — ну, какой он нам нынче враг? — соринка? Лавочник, — да его и давить-то нечего: открой лишний кооператив, и лавочнику — гробик еловый!.. Другие враги теперь родились, вон, например, на шахтах и еще в прочих губерниях.

— А еще вот — грызун, помнишь, рассказывал, в поезде черту искал, — вставил Федор Федорович.

— Во-во, и он, — подтвердил Филипп Павлович, — и прочая бюрократическая бакенбарда, и которые по Кавказам ездят.

Филипп Павлович перебил себя, обратившись к нам:

— Ты вот что объясни нам, — сказал Филипп Павлович. — Почему это все в массы швыряют — прямо как кирпичи летят. Книгу, пишут, — в массы, автомобиль — в массы, культуру — тоже, значит, в массы, то есть к нам, к одному месту, дьячка этого, — он кивнул на подоконник, — тоже в массы, критику — опять давай в массы. От таких швырков голова отлетит.

— Радио же вон дошвырнули!

— Радио — это да, только никто не швырял, я сам сделал на свои деньги. А вот другие вещи, на которые государство деньги тратит, до нас не долетают, на воздухе от трения сторают, вроде как звезды, небесные кирпичи.

Федор Федорович подтвердил:

— Зашвыряли массы, прожевать некогда.

Филипп Павлович закончил свою мысль, спеша опередить Федора Федоровича:

— А ведь это только сверху кажется, — крикнул он, — только сверху видать, что внизу — масса, а на самом деле внизу отдельные люди живут, имеют свои наклонности, и один умнее другого.

Наутро после вечера разговоров о массах Федор Федорович рассказал нам странный свой сон. Сон этот волновал Федора Федоровича, говорил он сокрушенно. Он видел во сне, что он ехал по своему участку. И вдруг ему представилось, что он наяву видит, как под колесами поезда проскакивают границы губернии, области, РСФСР, уездов, райвиков, сельсоветов, районов тяготения к ссыпунктам и элеваторам, сферы действия уполномоченных по расширению площади посевов сахарной свеклы и ликбезов, профсоюзные линии, разграничивающие скрещивающиеся влияния райкомов, райуполномоченных, у-ов, губ-ов, обл-ов, разъездных инструкторов и прочих деятелей, организующих труд и область. Федор Федорович видел тысячи линий, жирных, тонких и пунктирных, которые легли на землю так, что из-под них не было видно травы.

Федор Федорович был удивлен своим сном.

— Поди ж ты! — говорил он. — Ведь ежели издать генеральную карту организационного устройства области, чтобы не упустить чего-либо из памяти, чтобы любой ходок и ездок мог бы свободно узнать, под чьим непосредственным воздействием он находится в данную минуту своего жизненного существования, — так такую карту и издать невозможно, бумажный планшет, чего доброго, пришлось бы склеить размером в самую область. Иначе невозможно будет разместить все линии организационного размежевания, невозможно будет четким образом уместить все линии прямых и косвенных соподчинений, планирующих увязок,

инструктирующего обслуживания и всего прочего необходимого. Линии, чего доброго, совпадут, лягут одна на другую, и получится сплошная тьма чернильная, в которой не разберешь, кто кем руководит, кто умнейший актив и кто отсталая масса, подлежащая срочной культурной революции... И поди ж ты! — видел я еще во сне архивариуса, — он не пойдет на надел землю пахать или на завод к станку, — он сидит на областном планшете, в щели, сукин сын, — в государственной, заметь, щели, — и чувствует себя спасителем революции!..

.....
Выехали мы из Воронежа степным скучным вечером, в тот час, когда в учреждениях кончили уже передвижку столов и распланировку отделов под областные органы, с тем, чтобы на завтра служащим людям сесть иначе, во имя нового режима писчего дня.

— Федор Федорович, — спросили мы последний раз, выполняя наше задание. — Что же, нужна вам область или нет?

— Не обязательно, — ответил Федор Федорович. — Все вторичное нужно, когда первая необходимость есть.

— А это что такое? — не поняли мы.

— Это, как тебе сказать, — когда мне и тебе отлично, и ребенка пустить к людям не страшно. А второе тебе будет хлеб с закуской. А третье — область твоя. Надоел ты мне с ней.

— А отчего нам станет отлично?

Федор Федорович стал втупик, ответил не сразу.

— От хороших людей, наверное? — полувопросом ответил он. — Наделать всего побольше, чтобы никто не сердчал, — богачей ведь у нас нету, никто не отымет, — и надо уважать друг друга, не бояться. Трудовой человек должен напряженно сочувствовать другому обремененному. Надо уважать человека. Это самое главное. Тогда и труд будем уважать.

Над областью лежала тьма, ровесница сотворения мира, когда мы уезжали от Воронежа, где в столах учреждений покоились до утра сложные планы и бумаги для вдумчивого выполнения. Федор Федорович провожал нас, ехал на линию исправлять изгадившийся мост. Поездной машинист, поскучав на ненужных стоянках, гнал поезд. По сторонам пути стояли сигналы уклонов и подъемов, пакетажные столбики и прочие ориентировочные знаки, но никакой машинист сроду не справлялся с этими знаками: машинист чувствовал ногами работу паровозной тележки и настроенной душой безошибочно угадывал координату работы машины, скорости, времени, расписания, тяжести поезда и состояния тормозов. Старые паровозные машинисты по виду небрежны: если бы служилый суслик видел машиниста, как он рассеянно ведет поезд и, не глядя, шурует рычагами, то он непременно оставил бы

поезд, вылетел бы из него пулей, боясь безусловной гибели, — и он потребовал бы приставить к машинисту контролера, чтобы контролер «наблюдал». С машиной надо держать себя просто, искренне и самому быть не глупее ее, машина не терпит к себе неопределенных любительских отношений. Все эти мысли пришли Федору Федоровичу. Колеса вагонов отбивали свой речитатив, там проскакивали границы губерний, уездов, вигов и прочего благоустройства. И Федор Федорович сказал:

— Революция, — как паровоз. И революционеры должны быть машинистами.

Поезд подходил к станции, тормоза втугачку схватили разыгравшиеся колеса, под вагоном колыхнули вагон стрелки и крестовины станции.

— Вот, слышите, — сказал Федор Федорович. — Ведь если бумажного суслика пустить на паровоз, он поставит там наблюдателя к машинисту. Он втугачку зажмет колеса, из-за бюрократической предосторожности, — колеса революции, и при нем, чего доброго, до социализма доедешь немного позже того момента, когда сам паровоз, ведущий историю, сгорит от форсированной работы, таща поезд волокитой на зажатых тормозах.

Федор Федорович сошел с поезда на этой станции. Мы распрощались с ним, расцеловавшись. В нашем вагоне ехали люди с Кавказа, накапливавшие там пластических сил. Нам казалось, что им следовало бы слезть на какой-либо черноземной станции, чтобы отправиться в колхоз на уборку урожая и для выделки кирпичей для новой огнестойкой деревни. Но они ехали — никак не в деревню, нагретые кавказским солнцем.

Ямское поле.
20 сент. 1928.

<ПРОТИВ ХАЛТУРНЫХ СУДЕЙ>

Товарищ редактор.

Настоятельно прошу напечатать мое письмо.

В № 224 «Вечерней Москвы» напечатана статья Стрельниковой «О подпильнячниках».

Эта статья не имеет литературной честности, обязательной и для литературных девушек. Именно: моя повесть «Епифанские шлюзы» трактуется Стрельниковой как дугие прожекты Петра и подобные им прожекты Октября. Наоборот, в повести доказано, что замысел Петра погиб потому, что его осуществлял Петр с помощниками без спроса и участия масс. Стрельникова же провоцирует и «подпильничивает» о том, что и в наше время дела идут без участия масс. Моя повесть имеет сюжетом один факт истории, Стрельникова же самостоятельно толкует этим исчезнувшим фактом факты современности. Это сделано нарочно, и здесь невозможно спорить, а можно лишь тосковать об отсутствии литературной порядочности у женщины.

Далее Стрельникова касается жестом, лишенным изящества честности, рассказа «Город Градов». В рассказе изображены новые — после буржуазии — нахлебники пролетариата — бюрократы, но изображены они мною в расчете на более честного читателя, чем Стрельникова; лучший способ работы, даже когда имеешь матерьялом врага, — это спокойствие. И я сам был бы Стрельниковой, если бы допустил раздражение в хладнокровном и точном, насколько это мне посильно, изображении врага-бюрократа.

Невозможно бить лед бюрократизма, не колебля воды, на которой стоит ледокольное судно. Стрельникова требует более чистой работы. Не могу.

Дальше Стрельникова говорит, что, по Платонову, «бюрократизм породила советизация». Здесь можно ограничиться указанием, что Стрельникова врет.

Надо читать всю вещь, а не шуровать цитаты, надеясь, что Стрельникову читатель прочтет, а Платонова нет. Дальше Стрельникова поучает, что моя фраза — «Не есть ли сам закон или другое присутственное установление — нарушение живого тела вселенной, трепещущей в своих противоречиях и так достигающей всецелой гармонии», — содержит (если фразу «потрясти» руками Стрельниковой) защиту «сотрудничества классов». Во-первых, фразы пишутся исключительно для медленного чтения, а не для

«тряски»; во-вторых, трепет противоречий и достижение гармонии есть диалектика; называя это фашизмом, Стрельникова «пильничит» без спроса на себя.

И наконец — важнейшая ложь. Рассказ «О потухшей лампе Ильича», о лампе, которую питала электростанция, построенная руками бедняков. Я, по мнению Стрельниковой, написал против электрификации. Значит, Стрельникова не читала рассказа, иначе нельзя понять ее поступка. В рассказе описан действительный факт: я был строителем той электростанции, которая экономически уничтожила местных кулаков, т. к. при станции была мельница и просорушка, работавшие дешевле ветряков, а ветряки были основой местного кулачества. Кулаки за это сожгли весь электрокомбинат, технически построенный и социально организованный мною (я был прорабом).

Рассказ написан давно и плохо, но он написан о классовой борьбе. За такое дело меня постигло осуждение, и я, годы проживший на дело пропаганды электрификации (печатно и практически), объявлен врагом электрификации.

Относительно «Че-Че-О» заявляю следующее. Б.А. Пильняк «Че-Че-О» не писал. Написан очерк мною единолично. Б. Пильняк лишь литературно выправил и идеологически улучшил его.

Б. Пильняка нужно обвинять в другом, а за «Че-Че-О» нельзя. Обвинение во мрачности «Че-Че-О» (та же Стрельникова) доказывает лишь то, что мрачные вещи мрачны. Самокритика «злое» дело, и она рождает сомнения в принципах автора со стороны бесчестных и неквалифицированных критиков. В Стрельниковой соединены оба эти качества.

В заключение советую Стрельниковой не пользоваться устарелым приемом, каким она воспользовалась в начале своей статьи. Никого нельзя похоронить посредством оплаченной халтуры. Я и впредь буду писать по чувству, разуму, чести и умению. Я буду ошибаться (моих действительных ошибок Стрельникова вовсе не заметила) и приму с благодарностью всякую помощь со стороны более опытных и более, чем я, классово-сознательных товарищей, но ложь и запугивание — не обучение, а разврат.

<Первая половина октября 1929 г.>

<ФРАГМЕНТЫ РАННЕЙ РЕДАКЦИИ ПЬЕСЫ «ШАРМАНКА»>

При переделке ранней редакции пьесы в ту, которая станет «Шарманкой», из нее был исключен ряд фрагментов.

<1>

Стр. 205. Акт I, картина 2 (первоначально — картина 1). Первое появление Самосцева и Мюд — после просьбы Щоева к 1-му служащему спустить «директивку какую-нибудь на лавочную периферию. <...> Спусти, пожалуйста»:

Входит Евсей. За ним Самосцев и Мюд. Самосцев молод, в соломенной шляпе, вид странника. Он оставляет шарманку у дверей. Мюд — девушка-подросток. Все подходят к Щоеву.

Щоев. Вы кто?

Самосцев. Мы артисты и большевики.

Щоев. Куда же вы идете теперь?

Самосцев (*глубоко искренне*). Мы идем по колхозам и постройкам в социализм!

Щоев. Куда?

<2>

Стр. 206. Акт I, картина 2 (первоначально — картина 1). После вопроса Щоева к пришедшим в кооператив Самосцеву и Мюд: «А вы можете массы организовать?»:

Самосцев. Я могу дирижабль выдумать, а она (*указывает на Мюд*) полетит с массами на нем!

Евсей (*Щоеву*). Хорошо бы, Игнат Никанорович, он всех потребителей взял в воздух — только не может быть.

Щоев (*глубоко размышляя*). Отлично. Ты будешь улучшателем моего аппарата, строящего социализм. Все равно нам нужно население куда-то привлекать — привлечем, Евсей, бредущих...

<3>

Стр. 209. Акт I, картина 2 (первоначально — картина 1). Первое в пьесе появление Мучимова — после сцены налета на кооператив птиц: «Слышно, как птичьи лапки касаются железной крыши учреждения: птицы садятся, перекликаются между собой»:

В дверь входит Мучимов; он с сундучком и палкой, как пешеход.

Мучимов. Здесь правление кооператива «Дружная пища»?

Евсей (*радостно*). Здесь, товарищ, здесь оно самое! Смотрите, сколько птичек к нам отгружаются: вот оно, что значит кооперация — это путь...

Птицы постепенно умолкают над учреждением.

Щоев. Садитесь, товарищ. Вы, наверно, инструктор из край-союза? Мы вас предвидели.

Евсей. Может, хотите чего-нибудь жидкого съесть?

Мучимов. Не хочу. Я пришел сюда по командировке для счастья...

Евсей (*подозрительно прерывая*). А ты кто?

Мучимов. Я кровельщик...

Щоев. Нас крыть, товарищ, нечего — ступай по своей линии.

Мюд (*Мучимову*). Идем отсюда, если ты — товарищ.

Мучимов. Куда?

Мюд. В социализм.

Мучимов склоняется к Мюд и сразу целует ее.

<4>

Стр. 210. Акт I, картина 3 (первоначально — картина 2). Первые реплики монолога Щоева:

Щоев (*жуя пищу*). Что-то у нас идеологической надстройки мало: ни то все выдумали уже, ни то еще что!.. Все мне охота наслажденье какое-то иметь! Ни то это по социализму тоска, ни то <Предложение не дописано.>

<5>

Стр. 212. Акт I, картина 3 (первоначально — картина 2). Часть диалога Щоева с Мучимовым, Мюд и Самосцевым, после слов Щоева «Скука... Нежное, приличное чувство — от него в молодости трудности роста бывают»:

(*К Мучимову*). Так что же ты хочешь, неопределенный человек?

Мучимов. Меня коопактив сюда командировал, а то рабочий класс силен, а кооперация у него слабая. Я кровельщик с электрической станции имени Фарадея.

Щоев. Что ж! Это нам приятно — садись заведовать солкой огурцов впрок. Нам как раз такого человека не хватало, и мы сильно мучились.

Мюд. А нам что?? А нам что делать для социализма? Мы тоже командировали себя двоих...

Щоев. Считайте себя в должности кадров и делайте вдвоем, раз вы ходите суммой, что-нибудь особенное... Делайте мне вроде науки в аппарате.

Мучимов. Рационализацию!

Щоев. Ее, стерву. Я девяносто циркуляров о ней получил.

<6>

Стр. 213. Акт I, картина 3 (первоначально — картина 2). Сцена удара пушки, показывающая наличие той тары, о которой все говорят, что ее нет, — после слов «Открывается районный ландшафт»:

Маленькая площадь города — две кооперативные лавки, одна против другой, горы различной тары (ящики, бочки), кучи убитой и общипанной птицы, арочные ворота с надписью: «парк культуры и отдыха», безлюдный трамвайный вагон, увязший прямо в земле, плакаты, лозунги через дорогу и т. п., — все это покрыто дымом выстрела, постепенно рассеивающимся.

<7>

Стр. 214. Акт I, картина 3 (первоначально — картина 2). Диалог о том, что собой представляет кооператив «Дружная пища», после вопроса Мюд: «...Здесь что такое — капитализм или второе что-нибудь?»:

Мучимов. Здесь, Мюд, переходная эпоха. Только для них она непроходимая.

Мюд. А для нас?

Мучимов. А мы пройдем ее через.

Щоев. Куда — через? Зачем тебе туда?

Мучимов. Спроси у класса, товарищ Щоев, зачем ему туда идти?

Мюд. А я знаю — зачем!.. Чтоб Щоев отстал!

<8>

Стр. 214. Акт I, картина 3 (первоначально — картина 2). Фрагмент сцены в кооперативе, когда на него сама «отгружается» рыба и птица, которых кооператоры отказываются заготавливать, после реплики Мюд: «Птицы летят, рыба плавает, люди кушать чего-то хотят, а они думают... Алеша, я здесь не понимаю!», — и ответа Щоева: «Вот дай я тебя возглавлю, тогда все поймешь!»:

Мучимов. А не поздно тогда будет?

Мюд (*при разговоре касаясь тех, кому говорит* <нрзб>). Тебе поздно, им рано.

Щоев (*Мучимову*). Ты же отсталый, чего ты мнение имеешь?

Мучимов. Я окончил высшие ското-заготовительные курсы.

Евсей. А говорит — кровельщик.

Мучимов. Я им раньше был, могу быть и теперь.

<9>

Стр. 214. Акт I, картина 3 (первоначально — картина 2). Фрагмент после сообщения Опорных о рыбе, которая «прет» на кооператив, предложения ее заготовить и ответа Щоева: «Заготовляй, конечно»:

Опорных. Я забыл, как она называется... Артель-то эта не ловит. Говорит, лодок нету. А я пошел в — как-то его — в морскую мастерскую, там говорят — продуктов еды мало даете. Говорят, дайте нам побольше-поменьше, мы тогда, говорят, лодки вам починим — в этот — в один удар.

Евсей. Они, Игнат Никанорович (*шепчет ему на ухо*).

Щоев. Ага. Верно.

<10>

Стр. 215. Акт I, картина 3 (первоначально — картина 2). Фрагмент диалога, продолжающего тему изобилия в стране натуральных качественных продуктов питания и слов Опорных: «Все, как-то это говорится, летит, прет, плывет и растет, а у нас тары нет. Я хожу и мучаюсь»:

Мюд (*к Опорных, указывая на Щоева*). Он кто?

Опорных. Говорят, какой-то оппортун.

Мюд. А ты избежь его, чтоб он не был: класс ведь есть хочет. Я тоже захотела.

Самосцев. Кругом республика бушует, в ней ум накопился, — почему же в вас тары нету!! Дайте я сделаю ее легко!

Мучимов. Здесь не тары нету, а масс. Здесь радости не чувствуется, как будто я в плену у Польши.

Мюд. Тут мелкая буржуазия, и от этого все кушать хотят.

<Конец 1930 г.>

<НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЙ ФРАГМЕНТ>
ВСТ<АВКА> В «ШАРМАНКУ»

Щоев. Остановись, Евсей!.. Какой-то пустяк в голове прочался.

Евсей (*всему учреждению*). Замри!

Все замирают в бездействии. Пауза.

Щоев. У меня мысль сорганизовалась!

Евсей (*учреждению*). Вперед, товарищи, к новым победам!

Учреждение трогается в писчебумажной, счетной и прочей работе.

Евсей. Я готов, Игнат Никанорович!

Щоев. Постой — дай я выговорю... Гениальность какая-то мешает мне выражаться. Чувствую только одну четкость, как свет в пустоте.

Евсей. Осторожней, Игнат Никанорович...

Щоев. Да я не спешу, Евсей... Эх, Евсей, не ликвидировать ли нам аппетит прямо в принципе!

Евсей. Игнат Никанорович! Это же будет гигантски! Я бы, если выдумал такую мысль или аналогию, — я бы сто лет на премию жил! Отчего у меня гениальности мало!

Щоев. Ну, Евсей, нельзя же думать кому попало!

Евсей. Игнат Никанорович — ты вот что, давай-ка мне поскорей ради бога установку на ликвидацию аппетита.

Щоев. Даю, Евсей. Приступай к факту.

Евсей. А не будет ли это схематично, Игнат Никанорович?

Щоев. Что ты, Евсей, упрощаешь меня... Это же надо сделать культурно, принципиально, с перспективой, а не механически и не самотеком...

Евсей. А как же, Игнат Никанорович? Ведь я же пред тобою мнимый человек!

Щоев. А вот как, Евсей! Ты дай-ка мне сведения о том, что страшнее голода среди населения...

Евсей. Смерть, Игнат Никанорович.

Щоев. Ты прав, Евсей... Приурочь-ка смерть поближе к населению!

Евсей (*теряясь*). А?

Щоев. Что — а? Я тебе говорю: приурочь мне смерть ближе к массам!

Евсей. Убить их?!

Щоев. Дурак! Это же контрреволюция, а нам нужно принципиальное мероприятие... Пускай смерть приблизится к населению и аппетит у них отобьет. Жить будут, а есть уже не захотят: у них настроение изменится...

Евсей. А еще как, Игнат Никанорович? Я никак не постигну глубины твоей установки!

Щоев. Что ж, постигай подробно! Я и конкретно могу. Я могу происхождение всего мира рассказать! Ты пусти директивку — согласуй с высшими инстанциями — что, дескать, все враждебные элементы населения будут рассеяны среди природы и ландшафта...

Евсей (*не понимая, разочарованно*). Так это одни враждебные элементы, Игнат Никанорович! А дружественные чем кормить?

Щоев. Мнимый ты человек, Евсей! Так все же враждебные! А то ты думал — население, это что?.. А дружественных у нас быть не может — это гибель, они в заблуждение нас вводят. Дружественные элементы — это величайшая опасность, Евсей: пойми поскорей эту сущность! Население, это классовый враг, Евсей!

Евсей. Игнат Никанорович! Боже мой, у меня сердце тоскует!

Щоев. Напрасно оно тоскует, Евсей! Оно радоваться у тебя должно... Ты пусти директивку сквозь всю едоцкую массу, — что мы их начнем скоро рассеивать в мировом пространстве, в бесконечности.

Евсей. Испугаются все, Игнат Никанорович! Для массы это смерть: в мировом же пространстве нет ни домашней утвари, ни домов, ни пищи, ни кооперативных спичек, — глина только и ветер... Там климат только один, Игнат Никанорович, — они ужас почувствуют! Они согнутся и помрут все враз!

Щоев. А ведь и нужно, Евсей, чтоб массы ужас почувствовали — у них аппетит пропадет, а у нас фонды появятся!

Евсей. А ведь верно, Игнат Никанорович!

Щоев. Ну а то как же! Смерть сразу прекратит мещанский аппетит, сразу снабжение можно упорядочить... А смерть массам не страшна, Евсей: они никогда не помрут — испугаются только...

Евсей. Как не умрут? Они же застынут в пространстве, когда мы выбросим их из района?

Щоев. Эх, Евсей! Если б массы наши умирать могли, они бы давно кончились!

Евсей. Как?!

Щоев. Ну ясно же, как! Раньше то им лучше было, а население по статистике все растет и растет, как из вечной прорвы какой! Значит, наши массы умирать не могут — им хорошо!

Евсей. А ведь и верно, Игнат Никанорович, — отчего ты руководитель, наш величайший гений, а сидишь в районе?

Щоев. Значит, Евсей, в центре такие люди, что даже я пред ними вроде того, как ты предо мной — одна мнимость, психующий пустяк!

Евсей. Верно, Игнат Никанорович, это ведь действительно верно!

Щоев. Ну ты вот что — ты спеши! Организуй мне ужас смерти среди масс — ликвидируй этот оппортунистический всеобщий аппетит! Поступим, Евсей, по-большевистски! Побольше непримиримости! Вперед, Евсей, к новым достижениям — в дальнейший разгар классовой борьбы!

Евсей. Вперед, Игнат Никанорович!!.. Да здравствует наш классовый маяк!

Щоев. Какой маяк, Евсей? Что ты путаешь! У нас бурь нету — нам маяки не нужны! Бури в капиталистических странах бушуют сейчас, Евсей, — вот где жутко! А нам маяк ни к чему — и так видно насквозь!..

<1931>

ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ

Пьеса в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Абраментов Сергей Дмитриевич, инженер, около 37 лет.

Крашенина Ольга Михайловна, инженер, лет 25.

Мешков Иван Васильевич, утомленного вида инженер, лет 40 с лишним.

Жмяков Владимир Петрович, инженер, небольшого роста, сытое туловище, не более 40 лет.

Девлетов Илья Григорьевич, директор завода, 35 лет.

Распопов Семен Федорович, Пужаков Петр Митрофанович, рабочие-ударники аварийной службы, оба средних лет.

Муж Крашениной, истомленный служащий, лет 30.

Работница, разносящая обеды.

Несколько рабочих и работниц.

Громкоговорящие телефоны.

Действие происходит на большом заводе, в течение 2–3 дней.

ДЕЙСТВИЕ I

Занавес опущен. Редкие удары механического молота. Пауза. Затем судорожная частота ударов нескольких молотов. Пауза.

Занавес поднимается. Через сцену в зрительный зал врывается шум работы большого завода; иногда судорожно бьют молоты и слышен вихрь спускаемого пара.

Комната — жилище Мешкова: наибольший беспорядок, горы сора, стихийная постель, пустые бутылки на полу, примус, на стенах чертежи машинных конструкций, портрет Дзержинского. Телефон. Над телефоном крупный номер: 4-81.

Окно открыто в ночной мир: грохот завода, сияние электричества, свист пара и сжатого воздуха. Инженер Мешков стоит у окна спиной к зрителю. Он кашляет. Затворяет окно. Настает почти тишина — заглушенно, как бы вдалеке, звучит завод. Мешков ложится среди стихии комнатных предметов.

Где-то начала играть духовая музыка, и ее слышно в комнате то сильнее, то слабее. Она играет нечто печальное и героическое; временами затихает совсем; сейчас ее почти не слышно.

Мешков. Нужно скончаться... Я мелочь, прослойка, двусмысленный элемент и прочий пустяк... Вот уже опять — стоит

в мире вечернее время. Но никто ко мне в гости не приходит, и мне пойти некуда.

Громче играет музыка вдалеке, в невидимом саду.

Мешков (*прислушивается; музыка стихает, словно относимая ветром*). Люди отдыхают где-то. А я чем больше дома, тем больше устаю... О чем это всегда играет музыка? Она как будто обещает человеку друга, светлое будущее... Но я скучаю от товарища и утомляюсь от врага.

Стучат в дверь.

Мешков. Входите, кто там есть!

Входит Абраментов — в дешевой, изношенной одежде, худой и бедный человек.

Мешков (*не узнавая*). Вы кто? Вы зачем пришли?

Абраментов. Инженер-механик Абраментов, ваш бывший друг... А сейчас ишу не дружбы, а ночлега — все общежития и бараки переполнены...

Мешков (*узнавая, радуясь*). Откуда ты, милый мой Сережа! (*Встает, целует пришедшего, почти плачет.*) Я ведь один теперь на свете — жена еще при тебе скончалась, а сыновья бросились куда-то в республику и скрылись от меня...

Абраментов. Да, Иван Васильевич... (*Осваивается в комнате.*) Давно мы с тобой не глядели друг на друга! (*Глядят друг на друга.*) Ты что так постарел, Иван?

Мешков. А я, Сережа, устал от исторической необходимости. Я живу и все время чувствую какой-то вечный вечер. Как будто везде уже зажжены свечи.

Абраментов. Отчего же?

Мешков. Не знаю... Я ослаб. Я вижу, что стал бездарен, что новые люди способней меня и знают уже больше. У них великая практика, Сережа!.. А ты где был?

Абраментов. В Австралии, а потом в тюрьме... Отчего у тебя в комнате сор и не прибрано?

Мешков. Настроенья нету... В Австралии? Зачем ты там был? Ты знаешь, я забыл однажды формулу живой силы!

Абраментов. Эм в квадрат, деленные на два... Я хотел отсюда победить Советский Союз.

Мешков. И полюбил его?

Абраментов. Нет, я заинтересовался им.

Мешков (*меняясь*). Это что значит? Может быть, ты — мерзавец? Ты не гляди, что я стар и несчастен, что в сердце моем горе, — я и безответно могу любить рабочий класс и его страну!.. Ты сочувствуешь социализму или нет?

Абраментов. Я ему потворствую.

Мешков (*думая*). Не знаю, что ты говоришь... А что ты делал в Австралии?

Абраментов. Сторожил пчелиные пастбища от саранчи.

Мешков. Но ты инженер!

Абраментов. Там их много без меня. Я голодал два года, год был в ссылке, в пустыне за руководство маленькой забастовкой.

Мешков. Сердечно удивляюсь! Ты же бывший зажиточный человек?!

Абраментов. Ну и что ж! А ты думал — революция всегда приходит в нищей одежде, а контрреволюция обязательно в галстуке?!

Громче играет музыка.

Мешков. Я не думал об этом... Ты слышишь, как у нас играет музыка? Это — идет культработа в нашем прекрасном рабочем клубе.

Абраментов. Разве? (*Подходит к Мешкову вплотную.*) Слушай меня, Иван. Ты знаешь меня очень давно...

Мешков. Да... С юности. Когда я полюбил еще свою покойную жену...

Абраментов. Правильно. А я тогда же начал жить с разными девушками... Ты знаешь, Иван, что я вредителем не был!

Мешков. Знаю, Сережа. Ты не был.

Абраментов. Я понял давно — нельзя победить изнутри почти единодушную страну.

Мешков. Нельзя, Сережа...

Абраментов. Я уехал прочь. Я забылся один среди капитализма. Чужие страны стали для меня родиной. Нужда, убожество, презрение — все это я перенес с полным сознанием, с готовностью, потому что моя идея была сильнее впечатлений.

Мешков. Буржуазия, ведь это мир одиноких, Сережа. Там трудно быть человеку.

Абраментов. А я и хочу, чтобы человеку было трудно, — он лучше, когда мучается... Дай мне чаю.

Мешков. Сейчас, Сережа. Только у меня пищи нету никакой. Я должен за ней сходить кой-куда.

Абраментов. Сходи. Все равно ты любишь человека.

Мешков (*в стеснении*). А документы, Сережа, есть у тебя? Ты по закону вернулся в СССР?

Абраментов. Есть, конечно. Советская власть отпустила меня жить и работать.

Мешков (*в напряжении*). Ах, так... А, Сережа, ты скажи мне тихо: ты не шпион, не подлец, не вредитель?..

Абраментов. Нет. Я лично рассмотрел весь мир и признал коммунизм необходимым. Но признал только мыслью, искусственным напряжением. Теперь я хочу узнать социализм чувством и действием... Советская власть еще меня не победила, а я ее побеждать уже не хочу. Может быть, мы обнимемся и упадем вместе на пустой земле.

Мешков. Кто мы — СССР и капитализм?.. Ты не знаешь силы нашей державы, она упасть никогда не может... Ну, я пошел за угощением, а то ты есть хочешь. *(Уходит.)*

Абраментов *(один)*. Живет себе в этом помещении один советский дурачок, и неплохо ему. Ни капитализма, стервец, не спас, и социализму, наверное, плохо помогает.

Звонит телефон.

Абраментов *(берет трубку)*. Алло!.. Да. Нет. Девлетов? А кто вы такой? Директор? Здравствуйте, директор. Его нет. Я его послал закуску себе покупать... Инженер Абраментов. Нет, я механик, но изучал и гидравлику, и электротехнику. Ладно... Приезжайте! *(Кладет трубку.)* Кажется, я уже на службу поступил.

Дребезг стекол в окне. Звук напряженного взрыва. Свист сжатого воздуха. Окно распаивается. Громче слышна музыка, и вдруг она прекращается, точно разнесенная ветром. Тишина.

Абраментов молча, но без паники, бросается вон из комнаты.

Тревожный, ритмично повышающий и понижающий свой тон гудок.

Комната некоторое время пуста. Слабо начинает звонить телефон и умолкает.

Приходит Мешков с покупками.

Мешков. Опять, наверно, авария. Пускай, — там есть сменный инженер... *(Мучается.)* Меня же дома не было в момент происшествия... Я просто спал и ничего не слышал... Где Сережа-то? *(Видит распахнутое окно.)* Надо его затворить. А то скажут — у тебя окна распаиваются, а ты не слышишь... Ишь, скажут, глухонемой какой!.. *(Затворяет окно.)*

Слабо звонит телефон.

Мешков *(на телефон)*. Он слишком тихо звонил, я не мог проснуться... *(Терзается.)* Либо пойти все-таки!.. Нет, я и так на заем на двухмесячный оклад подписался: пускай я сплю. *(Тушит свет.)*

За окном встает зарево освещенного завода. Вибрирующий высокий звон работающих машин в тишине.

Пауза.

Мешков всхрапывает где-то в темном хаосе комнаты.

Входит человек. Зажигает свет. Это Абраментов. Он измазан в машинном масле, одежда на нем разорвана местами в клочья.

Абраментов (*смотрит на спящего Мешкова*). Сладко спят гуманисты на свете... Мешков, вставай!

Мешков (*медленно поднимается из вороха вещества; говорит со сна*). А? Что? Ты откуда явился?

Абраментов. Я на аварии был.

Мешков. Где? Какая авария?

Абраментов. Перекачали в компрессорной. Крышки цилиндров порвало.

Мешков. А?! Что в компрессорной? (*Волнуясь*.) А не говорили там, что меня нет?.. А я ведь спал, Сережа, я сильно сплю теперь. Я ударник и боюсь ослабеть, поэтому стараюсь лучше питаться, а по ночам не просыпаюсь.

Абраментов. Понятно. Ты же мягкосердечный человек, либерал, гуманист. А такие всегда себя жалели больше всех.

Мешков (*взволнованный*). Ну а что в компрессорной? Не спрашивали, где я?

Абраментов. Интересовались.

Мешков. Я, пожалуй, сейчас сяду рапорт напишу. А?

Абраментов. Напиши, что спал и была температура.

Мешков. Вот именно, я так приблизительно и думал. (*Ютится у стола, ища принадлежности для письма*.)

Стучат в дверь.

Мешков. Войдите, пожалуйста, товарищ!

Входит Девлетов. Подает руку Абраментову.

Девлетов. Благодарю вас за помощь на аварии.

Мешков (*подходя к Девлетову*). Здравствуйте, Илья Григорьевич.

Девлетов (*равнодушно*). Здравствуйте, Мешков.

Мешков отходит писать.

Девлетов (*Абраментову*). В компрессорной мы с вами не договорились. Какие ваши условия, если я вам предложу должность заместителя главного механика?

Абраментов. Те, которые у вас полагаются по профсоюзному закону. Я сам условий не имею.

Девлетов. Хорошо. Вы говорили мне пустяки про Австралию. Скажите — вы белогвардеец?

Абраментов. Теперь я одинокий.

Девлетов. Что это значит? Не говорите мне пустяками. Одиноких нет. Вы не притворяйтесь.

Абраментов. Нисколько, гражданин. События били меня кирпичами по голове и гнали в вашу сторону. А в сердце своем — я ничей, там я свой.

Девлетов. Свой только?! Значит — чужой, значит, — враг.

Абраментов. Нет... Просто в сердце еще долго остается теплота того класса, который уже погиб...

Девлетов. Ну, ладно. Нам нужна ваша голова. Сердце храните неприкосновенным для памяти, если сумеете сохранить... Стало быть, вы будете замом главного механика.

Мешков (*подходит: подает бумажку*). А я, Илья Григорьевич?.. Примите, пожалуйста, рапорт.

Девлетов (*беря рапорт*). А вы будете теперь сменным инженером — вместе с Олей Крашениной.

Мешков. С этой девушкой?

Девлетов. С этой девушкой.

Мешков (*глухо*). А я что же?.. Я мало способен или худ стал?

Девлетов (*прочитав рапорт, швыряет его прочь*). Нет, Иван Васильевич, не потому... Посудите сами — у нас один сменный инженер на все три смены. Какой же это сменный, когда его самого сменить некем?! Ведь Крашенина не выходит из цехов по двадцать часов. Вчера я ее нашел спящей в силовой, третьего дня она стояла на ремонте фильтра тридцать часов... Нужен второй сменный инженер по заводу, иначе мы не выйдем из аварий и неполадок. Это гвоздь всего положения на заводе. Я вас прошу понять меня, Иван Васильевич, ваша ставка снижена не будет. Я обращаюсь к вашей чести старого производственника. Вы меня понимаете?

Мешков (*угрюмо*). Я все понимаю. Я должен нести обязанности девушки.

Девлетов. Класс ваш маленький, Иван Васильевич, а самолюбие у вас большое... Я шучу.

Абраментов. Слушайте, директор. Мешков ведь сирота... У нас с ним нет своего класса.

Девлетов. Я это знаю, товарищи. Поэтому я и зову вас к нам. Человек должен перестать быть сиротой — это нужно для пятилетки... Однако мне пора на вокзал — я должен утром побывать в Москве.

Прощается и уходит.

Мешков. Не нужны мы им более, Сережа. Завтра я — сменный инженер, послезавтра — надсмотрщик двора, а через полгода — сторож у ворот... (*Трогает свои покупки.*) Ешь продукты — тут много вкусных вещей: нам в закрытом распределителе дают... Ешь, а то скоро уж покушать колбасы не придется, сторожем буду.

Абраментов. Слушай, Иван Васильевич. А ты не путаешь пролетариата с закрытым распределителем?

Мешков (*теряться*). Нет, Сережа. Я знаю, что это разница.

Стучат в дверь.

Голос Крашениной (*за дверью*). Вы не спите, Иван Васильевич?

Мешков. Нет еще. Мы здесь работаем кое-что. Входите, пожалуйста.

Входит Крашенина, усталая и сонная.

Крашенина (*Абраментову*). Добрый вечер — еще раз. Спасибо вам за работу на аварии.

Абраментов. Здравствуйте, инженер.

Крашенина (*Мешкову*). Иван Васильевич. Директор мне сказал, что вы будете вторым сменным. Смените меня сегодня, а то я вся уже сплю... (*Садится в какой-то мусорный хаос.*) Я за вас буду потом двое суток... Перемените манометр в компрессорной — он врет... Трест «Точная механика» — дурак или дура... (*Засыпает сидя; вдруг опять открывает глаза.*) Товарищ Мешков, если вы утомились уже, то я сама пойду... Берегите компрессорную — молота станут. Извините, что я не могу смотреть на вас... (*Закрывает глаза.*)

Мешков. Я не вправе сменить вас, товарищ Крашенина. Были только ни к чему не обязывающие меня переговоры с Девлетовым. Я должен дождаться приказа.

Крашенина (*со сна*). В цехах сейчас опасно, инженеры... Но я через час совсем отдохну... Хотя я буду видеть всю компрессорную во сне — меня не надо сменять... Распопов, Пужак, у вас греются моторы, откройте окна на ветер... (*Спит.*)

Мешков (*подходит к Крашениной*). Сережа, эта девушка уже спит. Села на мое чистое белье, примяла и спит.

Абраментов. Она, наверно, не тяжелая. (*Подходит к Крашениной, подымает ее на руки.*) Она легка, как мальчик. Где у тебя постель?

Мешков. Сейчас. (*Сортирует какой-то хлам, швыряет книги и пр.*)

Абраментов держит Крашенину в ожидании.

Крашенина (*бормочет во сне*). Я ведь не сплю, я только притворяюсь... Распопов, зови свою бригаду — держи давление, котельная слабеет... Нет, — у меня один ум устал, а сердце все равно бьется... Я все бригады, все механизмы вижу во сне. Я сплю только нарочно... Я не хочу...

Абраментов (*трогает ладонью волосы Крашениной*). Врешь, товарищ. Ты спишь так глубоко — ты так далека сейчас от нас, как на том свете...

Крашенина (*открывает глаза и глядит на Абраментова*).
Неправда, товарищ Абраментов. (*Снова закрывает глаза; спит.*)

Абраментов. Что за странное создание — спит и думает!
Мешков (*управившись с постелью*). Клади ее сюда.

Абраментов осторожно спускает Крашенину в приблизительную, расчищенную постель.

Крашенина. Вы не ушли еще, товарищ Мешков? Дайте мне встать — я сама пойду...

Мешков (*в испуге*). Спите, спите, Крашенина... Я сейчас... (*Другим тоном.*) Но не могу же я идти дежурить безо всякого оформления. Наконец, я просто не знаю всех заводских установок!

Сильно бьют молота; стекла дребезжат. Затем — тихо. Крашенина спит.

Абраментов. Оставайся с нею. Я пойду за нее.

Мешков. Сережа, ты ставишь меня в неловкое положение... Выходит дело, я и тут не гожусь. Девчонки, мальчишки, пузанки какие-то работают лучше меня. Я не нужен никому! Меня путают, отстраняют, гонят куда-то ночью, какие-то неточные манометры... Мне нужны четкие директивы, условия, а не сонный бред девушек... Ведь это же курс на катастрофу, я в тюрьме помру за такие дела!..

Абраментов. Оставайся... Сидеть сейчас в комнате — это действительно курс на катастрофу. Я пройду в компрессорную, я не боюсь умереть в тюрьме, я там был.

Мешков. Сережа, ты пойми, ведь я теряюсь в этой сложной обстановке...

Абраментов уходит. Пауза. Бьют молота. В окне — зарево от накаленных исходящих газов завода.

Мешков ест один принесенную им же пищу. Жужа, подходит к спящей Крашениной и рассматривает ее.

Мешков. Спит новый человек... По-старому спит. (*Внимательно вглядывается в лицо спящей.*) Неужели она умней и лучше меня? Чем же это такое? (*Осторожно пробует Крашенину по поверхности ее туловища.*) Наверно, есть что-нибудь странное внутри ее... (*Гладит Крашенину вокруг лба.*) Какое действительно хорошее существо — ничего не требует, ни на что не жалуется, любит что-то далекое и меняет на это далекое свою текущую молодость... Бедный новый человек, — какой в тебе дар? (*Отходит от Крашениной.*) А во мне нет никакого дара — сам люблюсь ею, а сам есть хочу. А она, наверно, никогда не помнит пищи — она ест только тогда, когда умирает с голоду. (*Ест.*) Ем и тоскую...

Крашенина (*во сне*). Абраментов, клапана стучат!..

Мешков (*пугается*). А?! Вы что?.. Абраментова нет.

Крашенина (*бормочет*). Он в силовой... Там экономайзер не ладит... Мешков, скажите ему!

Мешков. Сейчас... Сейчас пойду скажу...

Уходит. Затем появляется снаружи, в окне, и глядит оттуда внутрь комнаты. Крашенина спокойно спит.

Мешков сейчас же возвращается.

Мешков. Сказал!

Крашенина спит молча.

Мешков (*про себя*). Значит, мне пропадать в этом мире... Они и во сне все чувствуют! Ведь действительно экономайзер в котельной испорчен — как я забыл! Как я наяву об этом ни разу не вспомнил?! Отчего я теперь не чувствую своего ума?..

Крашенина. Проснуться хочу. Разбудите меня.

Мешков (*про себя*). Надо заняться делом. Проснется еще и скажет: ты что сидишь, буржуазный остаток? (*Хлопочет у стола, вынимает соответствующие принадлежности и пристраивается чертить.*)

Звонит телефон.

Мешков (*берет трубку*). Слушаю... Сейчас спрошу. (*К Крашениной.*) Товарищ, товарищ... Сережа спрашивает, где двухдюймовая труба у вас.

Крашенина. В котельной, где второй бункер.

Мешков (*в телефон*). В котельной. (*Вешает трубку. Спешно чертит что-то, с испугом оглядываясь на спящую Крашенину. Немного погодя — Крашениной, тихо.*) Товарищ, какого вы обо мне мнения?.. Можно, я буду жить?

Крашенина молчит во сне.

Мешков. Неужели я отстал, неужели я дурак?.. (*Медлит.*) Наверно! (*Подходит к спящей. Снова рассматривает ее.*)

Крашенина что-то тихо бормочет.

Мешков (*слушает*). Шепчет чего-то во сне... У нее все будущее обеспечено, а она волнуется... Интересно, чем пахнет от особого человека. (*Наклоняется и нюхает волосы Крашениной.*) Не то травой, не то ветром... А от меня? (*Нюхает свою грудь, растянув рубашку.*) Пустяком каким-то... Я и запах потерял, я засыхаю — мне конец...

Крашенина бормочет и смеется во сне.

Мешков (*наклоняясь к ней*). Что вы сказали?

Короткая пауза.

Крашенина. Отчего вы так смешны, Мешков? Я бы давно сумела умереть.

Мешков (*отстраняясь, со злобой*). Ах, вы так!.. Не беспокойтесь — у меня тоже давно все готово. Я сейчас же все совершу самым надлежащим образом... (*Суетится; рыщет по вещам, достаёт из-под матраца листик бумаги, читает его.*) Вот оно, — мое милое! (*Читает вслух.*) «Убитая горем двоюродная сестра с глубоким душевным прискорбием извещает всех родных и знакомых о своевременной кончине...» (*В сторону Крашениной.*) Теперь вы поняли?

Крашенина мелко смеется во сне.

Мешков. А вы думали, я уже ничто! Нет, подружка дорогая, — я организационно подготовился... Организационно! Не беспокойтесь, не беспокойтесь — у меня все предусмотрено: за телефон уплачено за год вперед, номер записан, деньги за объявление — в особом конверте сложены... (*С вызовом к Крашениной.*) Пожалуйста! (*Берет трубку телефона, говорит веско и твердо.*) Дайте мне срочно номер 4-81. Благодарю. Главная контора газеты?.. Мне нужно сдать экстренное объявление о смерти. Что вы говорите?.. Нет — о моей смерти!.. Почему нельзя?.. Можно? Так примите, пожалуйста, по телефону... Деньги?.. Деньги я завтра утром пришлю... Как? Да, это верно, что умру... Так как же быть-то?.. А сейчас нельзя прийти? Поздно?.. Ну, хорошо, я завтра утром принесу. (*Вешает трубку. К Крашениной.*) Вот вам и все, сударыня!

Крашенина покойно спит.

Мешков аккуратно свертывает свою бумажку с объявлением о смерти, прячет ее за телефон и довольно, умиротворенно улыбается. Затем подходит к Крашениной и, чуть склонившись, взяв свои руки назад, пристально следит за ее сном и дыханием. Пауза.

Бьют молота на заводе. Одновременно без стука отворяется дверь. Осторожно, злонамеренно входит Крашенин-муж. Он останавливается позади Мешкова и бдительно наблюдает его и спящую жену.

Крашенин. Спасибо тебе, жена!.. Две ночи я ждал тебя, сволочь!

Мешков (*в испуге, оборачиваясь*). Здравствуйте, товарищ!

Крашенин (*жене — в сдержанном испуге*). Я думал — ты правда работаешь. А ты — на постели!.. Ты с пожилыми живешь!.. (*Бросается на Крашенину и, не свергая ничего, наклоняется и плачет.*)

Мешков. Она умиралась, товарищ.

Крашенина молча встает и садится на кровати с закрытыми глазами.

Крашенин (*в неврозе*). Оля! Ты забыла меня, девочка? Я ведь твой Коля!.. Ах ты так, — прочь от меня, сука!! (*Внезапно бьет Крашенину в голову, Крашенина открывает глаза.*) Снимай юбку, мокрая говядина, буду смотреть, что ты делала!

Входит Абраментов.

Крашенин. Снимай сейчас же!.. Обезличку, сволочь, на мужьев ввела. (*Пытается рвать на Крашениной платье.*)

Абраментов хватает Крашенина, приподнимает его и сокрушающе швыряет всего человека в угол комнаты — в хаос вещей: вещи заваливают Крашенина.

Крашенина встает на ноги.

Абраментов. Кто это был?

Крашенина. Мой муж.

Абраментов. Простите меня, ради бога.

Крашенина. Ничего. Я давно от него вся в шишках и синяках...

Мешков (*в недоумении*). А я думал — новый человек весь чистый...

Гудок на заводе. Все слушают.

Крашенина. Моя смена... (*К Абраментову.*) Скажите, выполнила ночная свой встречный? Хватило воздуха котельной и молотам?

Абраментов. Так точно. Бригады гнали механизмы с перегревом — и ночь опередила день.

Крашенина. Как хорошо!.. Ну, до свидания, сейчас я вас сменяю. (*Уходит.*)

Крашенин (*вставая из хаоса вещей*). Вы сейчас будете заявление на меня писать? Или нет?

ДЕЙСТВИЕ II

Пульт (центральное устройство по распределению тока силовой электроустановки), — это, примерно, наклонный к зрителю стол, покрытый темным блестящим лаком, либо мраморная доска. В пульт вделаны разноцветные лампы (красные, синие, желтые, белые); около каждой группы ламп — градуированный разрез, в котором ходит стрелка. На вертикальной плоскости пульта, обращенной к зрителю, контактное автоматическое управление — ряды рукояток и штурвальных колес. Над пультом — три громадных циферблата и одна большая красная лампа. Перед пультом — круглый стул, который бывает у пианистов. На правой стороне пульта — серия телефонов.

Позади пульта — металлическая башенка, устроенная из небольших балок; внизу башни видны резервуары масляных выключателей, вверх —

блестят медные шины контактов. Внутренность башенки покрыта проводами и различными деталями. Вся башенка видна зрителю насквозь. Над пультом — рупор радио.

В начале действия — лампы на пульте не горят, стрелки всех циферблатов и градуированных шкал покоятся на нулях.

Занавес поднимается.

На пульт всходит по ступенькам инженер Жмяков, диспетчер энергетики, радостный человек средних лет. Он поет «Посмотри, как дивно море...» и глядит на свои часы на руке. Берет телефон.

Жмяков. Котельная, котельная, котельная!.. Ты жива еще, матушка?.. Как у тебя водичка, — кипит?.. Ага. Уголь, говорите, не горит? Ага... Отчего же он не горит-то? Советская власть, наверно, виновата?.. Нет?.. А кто ж?.. Значит, вам порох надо давать! А вода-то цела у вас? Может, и вода засохла!.. *(Глядит на часы, кладет телефон. Берет другую трубку.)* Это вы, девушка? Дайте мне, пожалуйста, первую сквозную ударную! Да... А вы поищите по цехам бригадира!.. Распопова, да, а можно и Пужакова, Петра Митрофановича: кто вам больше нравится! Никто не нравится?.. Ну что ж: рабочий класс крайне сожалеет... Ожидая вашего сигнала. *(Кладет трубку, берет другую.)* Машинный? Говорю я!.. Я говорю!.. Ну я, конечно — пора по тембру различать... Готовьте турбогенератор на перегрузку, держите дизель в резерве на оборотах! Алеше привет, поклон всему машинному! *(Кладет трубку. Смотрит на часы. Звонок одного из телефонов. Берет трубку.)* Я! Кто?! Здравствуйте, Петр Митрофанович!.. Вот что: сегодня уголь у нас обратился в несгораемое вещество!.. В империализме даже дрова горят, а у нас такая особая точка, что все гаснет! Нельзя ли тебе с бригадой сегодня побыть немного в котельной? Да. А то не вывезем!.. Пар посадят — вот что! *(Глядит на часы.)* Скорее, Петр Митрофанович, скорее, дорогой!.. Проверьте воздушный экономайзер, дутье на полный форс, хорошую шуровку топкам и прохладный душ кочегарам, — до свиданья, дорогой, до свиданья — у меня сигнал.

Вспыхивает красная лампа над пультом; вслед за красным светом — гудит заводская сирена где-то невдалеке.

Жмяков *(вставая на ноги, быстро действует на пульте и напевает)*. Колокольчики... *(включает один из автоматов на пульте; на пульте вспыхивает красная лампочка, трогается стрелка в градуированном разрезе, чуть трогаются стрелки на двух больших общих циферблатах, висящих над пультом. На третьем циферблате стрелка восходит сразу высоко и там останавливается)* ...бубенчики... *(включает другой автомат: вспыхивает вторая красная лампа, трогается стрелка в градуирован-*

ном разрезе, стрелки на двух главных циферблатах дают дрожание вперед) ...гремят... (включает третий автомат с теми же эффектами), ...гремят (включает четвертый автомат). О моей... (включает: зажигается синяя лампа) ...погибшей юности... (включает, — синие, красные, желтые, белые лампы) ...звенят, звенят!

Включает; сильный свет на всей плоскости пульта; высокая дрожь стрелок на циферблатах; медленно начинается приглушенное пение работающих вблизи котлов, генераторов и механизмов, — приглушенное настолько, что не мешает слышать слова действующих лиц. Вся сцена идет скоро и энергично. Включение закончено. Ритмическая дрожь стрелок на циферблатах. Напряженное пенье механизмов. Лампы на пульте меняют цвета: красный на синий, на желтый и обратно.

Жмяков (слегка танцует, припевает). Их паровоз летит вперед, а нам всем — остановка!.. (Одна красная лампа начинает быстро вспыхивать и потухать, что-то сигнализируя.) Неужели остановка? Я тебе остановлюсь, сукин сын! (Звонит телефон. Жмяков берет трубку.) Да!.. Петя?!.. Нет? А кто ж ты такой? Василь Иванович?!.. Не тянет? Оборотов не хватает? Перегрузка? Хорошо, — я чуть добавлю напряжения — вытянем! (Кладет трубку, берет другую.) Котельную, тетя!.. Петра Митрофановича!.. (Одна красная лампа по-прежнему мигает; вспыхивает пульсирующим светом три-четыре новых красных лампы.) В руках у нас винтовка!.. Петр Митрофанович?!.. (Замигали еще две красных лампы. Жмяков берет одновременно другой телефон: говорит в два.) Турбинную!.. Турбинная?!.. Я говорю! (Мигают пять красных ламп.) Я говорю!.. Я! Что вы там молчите, как оппортунисты!.. Немедленно включите дизель на второй фидер! (Кладет одну трубку, остается с первой трубкой.) Петр Митрофанович?! Я хочу давления, — атмосферы две-три сверх всего. Нет, на часик, на два!.. Будьте любезны, ради бога! Прижмите клапанок на котле. А котел — с форсом и шуровочкой!.. (Кладет трубку, берет другую.) Турбогенератор!.. Я говорю! Я!! Слушайте — проходим пик! Перекручиваем агрегат на час!.. Ну, конечно, сверх! Повышаем обороты — режем пик на вольтах и амперах. Внимание!! Слушать турбину, прижать предохранители, держать подшипники на руках!.. Электрик! Генератор!! Держать руку на корпусе машины, нюхать обмотку, запустить добавочный вентилятор! Внимание!! (Почти все красные лампы мигают; синих, красных, желтых, белых нет. Жмяков берет три трубки телефонов.) Котлы! Турбина! Генератор! Дизель! Внимание!! Началось!! Проходим пик!! (Стрелки всех трех главных циферблатов восходят высоко вверх, почти до предела градуировки. Мигание красных ламп сильно учащается. Жмяков — в телефоны.) Полное

дутье — форс!! Следите за обмоткой!.. Пахнет там гарью или нет, бедный мой товарищ?! Дизель, дизель, жми свою долю, — ни черта не помогаешь!.. Пик растет, товарищи! Эй, ударники, где вы там, во что бьете, — вы на пик меня посадили!.. *(Красное мигание учащается. Жмяков снимает все трубки телефонов.)* Слушайте, телефонные девки! Мгновенно дать сюда дежурного инженера!! *(В исступлении: кричит во все телефоны.)* Эй, цеха!! Выключись кто-нибудь на полчаса! Ну, ради бога! Хоть на пять минут! Кузница! Прокатная! Молотá!! Дайте потише чуть-чуть! Я не вынесу — сердце разлетится!..

Телефон *(громко, басом)*. Пошел ты к черту! У нас двадцать процентов сверх плана нагорело!

Жмяков *(полубезумно)*. А?! Ну, я извиняюсь... *(Другим тоном, тихо.)* Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора!.. Именно — дивная!

Телефон *(глухо)*. Я сменный инженер. Слушаю.

Жмяков *(берет телефон)*. Отцепите от меня, где хотите, десять тысяч киловатт. Я сожгу генератор!.. Кто вы такой?

Телефон. Я Мешков. Сейчас остановлю что-нибудь.

Жмяков. Иван Васильевич?!.. Ради бога! У меня слезы на глазах... Идите сюда!

Звонит телефон.

Жмяков *(берет трубку)*. А!.. Да. Что? Вам двести киловатт на кирпичные пресса?.. Пошли вы к черту!.. потушите последнюю лампу над своей башкой! *(Кладет трубку.)*

Мигание красных ламп достигает высшей частоты.

Жмяков *(озирается)*. Я сейчас заплачу от такой ненормальной жизни.

Телефон *(басом)*. Кто там плакать хочет? Дай мне отделаться — я тебя утешу!!

Жмяков *(бессознательно)*. А?! Да я вполне согласен.

Лампы сразу прекращают мигание: стрелки приборов снижаются; на пульте начинается прежняя игра цветов: красный, синий, желтый, белый.

Жмяков *(весело)*. Да я вполне согласен. *(Прежняя жизнерадостность, потирает руки, почти танцует.)* Колокольчики, бубенчики звенят-звенят... О моей...

Лежачие трубки телефонов *(глухо)*. Ну?! Кто там есть?!

Жмяков. Пик снят, товарищи. Закуривай!

Лежачие телефоны *(враз)*:

— Воздуху нету, гад!

— Кто выключил?

— Печь потухла. Шихта шлакуется!

— Воды-ы!

— Сорвал план, стервец!

Матерное бормотанье.

Пауза.

Жмяков (*поникая*). Боже мой, боже мой, почто ты оставил меня... в этом веке. В каменном тихо было.

Входит Мешков.

Мешков. Я три цеха выключил.

Жмяков. Спасибо, Иван Васильевич. Теперь нам с вами конец.

Телефоны злобно бормочут.

Мешков (*в испуге*). Включайте скорей опять!

Жмяков. А как генератор?

Мешков. Горячий, Владимир Петрович, — он сгорит!

Жмяков. Так как же быть-то?

Мешков. Неизвестно, Владимир Петрович... Может, средне что-нибудь есть?

Жмяков. При большевизме я среднего ничего не видал.

Мешков. И я тоже, Владимир Петрович. Все одно большое только.

Телефон (*громко, резко*). Включай!!

Жмяков и Мешков (*в испуге*). Сейчас!!

Делают манипуляции с автоматами; стрелки на главных циферблатах всходят до предела. Все контрольные лампы делаются красными и начинают пульсировать светом с высшей частотой.

Телефон (*басом, громко*). Взяти!!!

Слышно через телефон, как загудели моторы и пошли станки.

Мешков нерешительно опять выключает автоматы; стрелки падают; лампы перестают мигать, некоторые становятся синими, желтыми.

Жмяков. Что вы делаете?

Мешков. Выключил опять три цеха. За это самое большее нам с вами общественный позор, а за генератор, если сожжем, — нам будет лет десять... У меня, Владимир Петрович, перечень есть: сколько за что полагается. (*Вынимает бумагу и предъявляет ее Жмякову.*) Поинтересуйтесь!

Телефон (*басом, громко*). Эй, опять току нету! Вы что — работаете или боитесь?.. Вы — кто?!

Жмяков (*читает бумагу Мешкова*). До пяти лет изоляции... Да, это дивная пора!

Телефон. Давай току, я отвечаю!

Входит Крашенина.

Крашенина (*тихо*). Так нельзя, товарищи. Надо скорее тянуть завод — социализм нас ждать не будет. (*Становится за пульт.*)

Жмяков. Мы боимся рисковать генератором, товарищ Крашенина. Можно сжечь обмотку.

Крашенина (*тихо и просто*). Хорошо. Но если вы останавливаете заводы, срываете планы — вы рискуете не генератором, а всей советской властью, всем социализмом.

Мешков (*нерешительно*). Обмотка сгорит... Нам страшно тянуть завод на перегреве.

Крашенина (*тихо*). Пусть... Я сожгу обмотку — я и чинить ее буду день и ночь. (*Производит включение автоматов: пульсирование красных ламп, движение стрелок главных циферблатов.*)

Жмяков и Мешков стоят в стороне. Мешков берет за руку Жмякова, и так находятся оба неподвижно.

Рычит одна из лежачих трубок. Крашенина берет ее.

Крашенина. Я слушаю... Сколько вам нужно? Тысячу киловатт? Что у вас? Новую лесопилку пускаете?.. Это хорошо. Я вам сейчас включу. (*Включает: бешеное пульсирование ламп.*)

Жмяков (*в ужасе*). Это безумие. Девочка сожжет сейчас силовую!

Мешков. Хорошо, что не мы... Ведь пять лет по перечню.

Жмяков. Капут будет девочке. Немножко жаль.

Крашенина (*берет телефон*). Генератор, пожалуйста!.. Генератор? Я — пульт, инженер Крашенина. Кто это?.. Товарищ, вы чувствуете генератор? Как работает обмотка?.. (*Пауза.*) Запах появился?!! (*Вешает трубку. Оглядывает помещение отвлеченными глазами, не замечая двух инженеров. Тихо говорит.*) Горит генератор, товарищи, и нет никого...

Входит Абраментов.

Абраментов. Здравствуйте. Почему так много здесь технических сил? (*К Крашениной.*) Почему долгий пик?

Крашенина (*невнимательно*). Завод выходит из прорыва... Сто ударных бригад... Тлеет изоляция — есть ли выход, товарищ Абраментов?

Абраментов (*остро оглядывает пульт*). Нет выхода. Выключайте перегрузку. Машины ведь нейтральны в классовой борьбе — генератор сейчас сгорит.

Входит Пужаков. На бедре у него мешок с инструментами.

Крашенина (*невнимательно*). За кого, вы говорите, машины?

Пужаков. За нас, Ольга Михайловна, — мы их заставим сочувствовать... На третьем крану лебедка не работает — мы никак не сообразим, пойдемте поскорей. Час думали без вас, да, наверно, алгебры не знаем.

Крашенина (*не слушая*). Пужаков, генератор горит... Разве можно сейчас думать по целому часу?

Пужаков (*остро*). Как?! Генератор горяч?.. Сейчас соображу!.. (*Соображает*.) Обливать корпус водой — поставить ребят! Сам стану! Но — осторожно, внутрь не заливать! Враз, — сейчас!! (*Ко всем*.) По любому делу соображу, только по-своему — нет... Не сгорит!.. Протянуть шлангу! Бузовать беспрерывно!.. Пойду для четкости сам! (*Быстро уходит*.)

Абраментов. Машины мертвы, к сожалению, Ольга Михайловна.

Крашенина. Когда они в мертвых руках, инженер Абраментов.

Абраментов (*вспыхивая от обиды*). Ленин не советовал зазнаваться, коллега! А генератор — не большевик!

Крашенина. Я не зазнаюсь, но и полюбить вас никого не могу.

Абраментов. Посмотрим.

Крашенина. Буду рада заплакать о вас.

Абраментов. Постараемся.

Крашенина. Зачем же для меня стараться? Вы инженер или кавалер?

Абраментов. Как вам не стыдно? Ведь я понимаю все. Я учился науке рабочего класса в тюрьме, я там пролежал много ночей с открытыми глазами. Я прожил жизнь в одиночестве, но умру в тесноте вашего класса.

Крашенина. Зачем же вам умирать, Абраментов? Плохо вы знаете науку рабочего класса. Зачем ему ваша смерть? Ему нужно, чтобы вы стали товарищем пролетариата.

Красные лампы мигают все более спокойно.

Раздается нежная негромкая музыка и смолкает — входит почтальон с громадной, набитой сумкой на животе.

Мешков (*про себя*). Ну куда ж тут мне жить на этом свете?

Жмяков. Да, героически и скучновато... Где мы теперь, кто нам сжимает пальцы?..

Почтальон (*разобравшись в сумке*). Обождите-ка вы все! Кто тут будет инженер... Крашенинова какая-то и еще какой-то Жмяков Ве Пе. Кто это такой — вы или нет?

Жмяков. Мы. Давай сюда.

Почтальон. Нате вам депешу — одну на двоих, а в другой раз я вам носить ничего не буду... Целую четверть своего рабочего

дня вас ищут: сказано — лично вручить. А где лично — когда этих личностей нету нигде на свете. Дома, сказали, вы не бываете, на заводе у вас тоже вечного места нету. Идите, говорят, ищите их где-нибудь сквозь. А где искать, когда кругом машины и меня огненной железкой было не ушибло. Разве это жизнь? Вы бы поставили где-нибудь койки, сундучки, чтобы я уже знал, что там вы когда-нибудь очутитесь! (*Берет расписки, уходя.*) Прямо наказание. Только и мучаешься, что без почты, сказано, социализм — ничто.

Жмяков (*читает*). «Подготовьтесь приему тока с республиканского кольца высокого напряжения. Девлетов». Милый товарищ, у нас давно все готово. Еще не действует это общепролетарское кольцо высокого напряжения! (*Рвет и бросает депешу.*)

Почтальон (*видя такое дело*). Ну, вот видите, а я хожу, тружусь на них, тело свое трачу...

Уходит, сделав какие-то манипуляции в глубине своей сумки, — начинает играть негромкая радиомызыка — марш.

Жмяков (*глядя вслед почтальону*). Этот человек, кажется, музыку носит в самом себе.

Красные лампы почти спокойны, еле мигают.

Мешков. А мы в себе носим смерть... Володя, не могу я так существовать, когда эта девушка служит инженером лучше меня... У ней же остыл генератор, я же вижу по сигналам...

Жмяков. Ясно и прекрасно.

Мешков. Я это предвидел. (*Берет телефон.*) Дайте мне поскорее 4-81... Это контора газеты?... Я вот вам утром давеча объявление дал... Нет — о скончании одного гражданина, где двоюродная сестра еще скорбит!.. Да, да. Вы напечатаете его?.. Что?.. Места нету? А когда же? На днях? Ну вы поскорей, пожалуйста, а то мне терпеть-то уж очень... Что? Хорошо, я немного подожду... (*Кладет трубку. Жмякову — скучно.*) Да, Володя...

Жмяков (*тем же тоном*). Да, Ваня.

Лежащая телефонная трубка (*голосом Пужакова*). Оля! Генератор остывает.

Крашенина. Морозь его дальше, Пужаков!

Пужаков (*в телефоне*). Сейчас... Мы сейчас боковой вентилятор поставим, сделаем пульверизатор и будем дуть в его нутрѐ водяную пыль, — самую мелочь! Ничего?

Крашенина. Ничего. Понемножку.

Пужаков (*в телефоне*). Ну, конечно, чуть-чуть, но — с вихрем!

Крашенина. Вот-вот.

Мешков (*вздыхая*). Не сгорит генератор, Владимир Петрович.
Жмяков. Нет, Иван Васильевич. Но наше славное имя уже сгорело. Облетели огни, отгорели цветы... Нам остается лишь марш Шопена.

Красные лампы перешли к этому моменту на спокойный свет.

Мешков. Марш играть не станут — разлуку сыграют.

Лежачий телефон (*хрипло*). Можно кирпичные пресса запустить?? Киловатт двести!

Крашенина. Конечно можно. (*Включает.*) Почему с утра не пускали?

Лежачий телефон (*хрипло*). Утрешний инженер-мужик не велел.

Абраментов (*к Мешкову и Жмякову*). Вы что ль не велели?

Жмяков. Мы... У нас изжога в душе, Сергей Дмитриевич. Мы же — старое поколение, остатки от истраченной мелочи, мы — колокольчики-бубенчики...

Мешков (*Абраментову — уныло*). Я говорил тебе, Сережа, что мы теперь — пустяки. (*Садится в немощи на приступок пульта, невнимательно вынимает из кармана кулек с конфетами и начинает сосать конфетку.*)

Абраментов (*со злобой и энергией*). Но я не хочу быть пустяком! Я хочу быть товарищем пролетариата, я хочу вместе с ним долго и трудно жить! (*Берет руками свою голову; тихо.*) Я измучился весь...

Рупор радио начинает играть музыку. Играет до конца акта. Входит работница с обедом в судках. Ставит судок на пульт.

Жмяков (*Крашениной*). Обеденный перерыв: выключайте холодные цеха. Переключайте третий фидер на районное кольцо.

Работница (*с обедом*). Ешьте блюда. Проголодались ведь небось! (*Уходит*).

Жмяков (*Крашениной*). Ну же, милая!! Первый в нейтраль, третий на кольцо, — мягко, быстро!

Крашенина резко манипулирует автоматами. Судорожная игра цветов на пульте. Но большинство ламп остается красными.

Абраментов (*бросаясь к пульта*). Не так! Легче!!

Жмяков (*бросаясь к Крашениной*). Возьмите сопротивление!.. Что же вы делаете, бедная моя!..

Абраментов и Жмяков хватаются за автоматы.

Мешков (*в стороне*). Не трожь нового человека. (*Швыряет в рот новую конфету.*)

Судорожная игра цветов на пульте.

Взрыв синего пламени — без шума — наверху распределительного ба-
шенного устройства, что за пультом.

Жмяков *(в волнении, у автоматов)*. Автомат не вырубает!

Абраментов. Дай я! *(Резко манипулирует; не выходит.)*
Топор!! Инструмент!! *(Бросается в разные стороны в поисках.)*

Жмяков *(мучается у автоматов)*. Контакты спеклись, мас-
ло высохло!.. Гибель богов! Мешков, справься в перечне, что нам
будет... Хоп!

Автомат отказывает.

Крашенина хватает гаечный ключ и бросается внутрь распределитель-
ного устройства — в башню.

Абраментов бежит за ней. Он снимает фуражку, надевает ее на руку и,
выхватив у Крашениной ключ, пытается раздробить изолятор, сорвать про-
вод, держа ключ в руке, обернутой фуражкой.

Абраментов *(кричит из башни)*. Выключайте генератор!

Жмяков *(работая у пульты)*. Не выходит, Сергей Дмитрие-
вич. Контакты сварились. Мешков, дай сососать напоследок.

Мешков подает ему кулечек.

Крашенина *(из башни)*. Зовите аварийную ударную бригаду!

Жмяков *(выплывая конфету; в телефоны)*. Ударная, ава-
рийная — на пульт, на автоматы!

Синее пламя вверх башни нисходит постепенно книзу.

Входит работница, приносившая обед.

Работница *(осматривая судки на пульте)*. Что ж вы блюда-
то не едите? Остынут ведь, а мне выговор будет, что инженеров
невкусно кормлю! *(Уходит)*.

Жмяков. Мешков, съешь блюда.

Мешков *(со слезами)*. Чтó вы смеетесь надо мной?! Я тоже
люблю революцию, я тоже хочу чего-то!.. *(Бросает кулек, почти
плача подходит к пульту, берет за автомат.)*

Вбегают Пужаков и Распопов. На бедрах у них мешки с инструмен-
тами. Они взбираются по металлической обрешетке башни наверх, к пламени.

Абраментов *(кричит им снизу)*. Прервать ток? Остановить
турбину?..

Пужаков. Зачем? Не смей! Мы так разъединим. Здесь не
очень жарко. *(Распопову.)* Как скажешь, Семен?

Распопов. Вытерпим так.

Лезут выше, надевают резиновые перчатки, достают из сумок инстру-
мент: стержни с крюками на концах.

Пульт по-прежнему судорожно играет цветами, но часть ламп — неподвижно красные.

Абраментов и Крашенина выходят из токораспределительной башни.

Крашенина (*в телефон*). Турбинная! Турбинная! Внимание! Я — пульт. Авария. Турбинщик — руку на регулятор. Слушать меня! По моему сигналу — немедленное стоп. Люди под высоким напряжением. Электрик, руку на сопротивление! Слышите ли вы меня, товарищи?

Телефон. Слышим.

Распопов и Пужаков на верху башни, близь синего огня. Распопов ухватывает инструментом контактную шину, около которой трепещет пламя. Шина не поддается. Распопов повисает на ней, прихватившись инструментом.

Пужаков повисает таким же способом вслед за Распоповым, на второй шине.

Абраментов (*Мешкову, который все еще держит руку на автомате пульта*). Попробуй вырубить еще раз масляный автомат.

Жмяков. В масле сейчас газ. Взрыв может быть.

Абраментов. Пробуй, Мешков.

Мешков с резким усилием двигает автомат.

Взрыв в масляном баллоне внизу башни. Огонь вскидывается кверху, до ног Распопова и Пужакова, и почти окружает их.

Крашенина (*в телефон*). Стоп, турбина!

Гаснет весь пульт, весь свет. Остается огонь в башне. Обеденное радио играет по-прежнему. Резко хлопают контактные шины на верху башни, где двое людей. Одна шина защемляет руку Распопова ниже кисти; он повисает всем туловищем, роняя инструмент.

Пужаков падает вниз, в огонь и выбегает из него к пульту.

Распопов висит с прихваченной рукой.

Пужаков. Сеня, тебе больно? Что ж ты не кричишь?

Пламя бьется снизу в ноги Распопова, охватывая со стен почти все его туловище — до живота.

Распопов (*томясь*). Товарищи... (*Хватает свою зажатую руку ртом и грызет ее своими зубами. Откидывается. Томится.*) Товарищи... Перебейте мне руку... Где товарищи, я никого не вижу... Мне скучно одному. (*Снова грызет свою руку.*)

Абраментов. Мы с тобою. (*Бросается в башню, минует нижний очаг огня, быстро лезет по решетке, сквозь огонь, по пылающим проводам и деталям.*)

Мешков закрывает лицо руками. Жмяков поднимает кулек с конфетами и берет оттуда конфету в рот.

Крашенина и Пужаков вынимают револьверы и целятся в руку Распопова.

Абраментов, немного не достигнув Распопова, молча валится вниз, в огонь.

Распопов поворачивает свое лицо к Пужакову и Крашениной, видит наведенные на него револьверы и рвет руку из зажима. Пужаков и Крашенина спускают курки — раздается щелканье вхолостую, без выстрелов.

Распопов падает за Абраментовым вниз, в огонь.

Пужаков (*бросая револьвер*). Брак продукции: будь ты проклят!..

Крашенина и Пужаков бегут к башне.

Из башни, из огня медленно выходят черные, обгорелые, почти неузнаваемые Абраментов и Распопов. Они держат друг друга за руки.

Крашенина и Пужаков останавливаются перед ними.

Останавливаются и Абраментов с Распоповым. У них нет глаз.

Жмяков (*в телефон*). Пожарную!.. Огонь на пульте... Жертвы? Какие жертвы? (*Глядит на Абраментова и Распопова.*) Они были, но встали опять жить.

Абраментов и Распопов падают на землю, не выпуская взаимных рук.

Быстрый занавес.

ДЕЙСТВИЕ III

Комната заводского клуба. Две двери. Окон нет. Два гроба на столах, два черных трупа в них.

Два венка с надписями: «Храбрейшему инженеру, товарищу рабочего класса!», «Другу Сене, павшему на поле пролетарской славы и чести!».

Общий транспарант над гробами: «Мертвые герои прокладывают путь живым».

Безлюдно.

Пауза.

Входит Крашенина — в длинном платье, в весенней шляпе, с маленьким букетом цветов. Она подходит к гробу Абраментова. Стоит у изголовья. Потом несмело гладит обугленную голову Абраментова. Потом склоняется и робко целует его в губы. Молчит. Вытирает глаза — жестом, точно поправляет прическу на висках.

Крашенина (*тихо*). Вы были правы, товарищ Абраментов. Я и полюбила вас, и заплакала. Но я не рада теперь. (*Кладет цветы в изголовье. Поправляет одежду на трупе. Всматриваясь в Абраментова.*) Я забыла запомнить ваше лицо. (*Трогает лицо покойного.*) Ну, прощайте теперь совсем. (*Отходит, но останавливается и вновь глядит, не отрываясь, на Абраментова.*)

Входит Пужаков, в костюме, в галстукe, убранный, с громадным букетом красных роз.

Пужаков *(читает)*. «Храбрейшему инженеру, товарищу рабочего класса». — Довольно верно! Хотя что-то недостаточно! «Другу Сене, павшему на поле пролетарской славы и чести!». На поле падать не надо: оно ровное. «Мертвые герои прокладывают путь живым!» Живым! А кто такие эти живые — герои или нет? Нужно ль им путь-то прокладывать? Эх ты, господи!.. *(Подходит к трупу Распопова.)* На, Сеня! *(Кладет цветы на грудь мертвого. Стоит молча в неловкости.)* Что ж ты, Семен, навсегда, стало быть, уморился? Так там и останешься? *(Молчит.)* До самого социализма дожил, а — умер!.. Вот скоро хорошо уж будет, а тебя нету; нам, брат, без тебя тоже стыдно оставаться. Ты, значит, сделал, а другие жировать будут, — это ведь неверно! *(Молчит, тоскует.)* Нет, и помереть хорошо за такое дело и в такой год!.. Взала революция — и даст революция! Молодец, Семен — ты лучше живого теперь: лежи вечно... Вот дай управиться — природу победим, тогда и тебя подыдем... Эх, горе нам с героями. *(Берет из своего букета два цветка.)* Надо и тому положить — тоже свой человек. *(Кладет на Абраментова два цветка. Крашениной.)* Здравствуйте. Тоже горюете стоите, — иль просто так себе?..

Крашенина. Просто так стою.

Пужаков. Отчего же, — надо погоревать. Так стоять — неприлично.

Крашенина. Я тоже горюю... Я солгала вам, что так стою.

Пужаков *(глядит на осунувшуюся Крашенину)*. Ну вот это нормально, это сознательно, а так стоять нельзя.

Крашенина. Я теперь полюбила его.

Пужаков. А это еще лучше, еще приличней. Поцелуйтесь с ним на прощанье — он ведь один остается. А ты с нами будешь.

Крашенина приближается к Абраментову.

Одновременно входит Мешков, согнувшийся, неряшливый в лице и одежде; он останавливается у ног Абраментова.

Крашенина *(приподнимает черную руку Абраментова, целует ее и говорит мертвому.)* До свиданья. *(Накрывает лицо Абраментова куском покрывала от изголовья.)*

Пужаков *(радостно)*. Вот это нам приятно... А то раньше красивые девки мужиков любили за одно лицо, а на лице — глушь.

Крашенина молча стоит.

Мешков *(неопределенно)*. Неясность жизни была...

Пужаков. А нам давно все ясно. Социализм, брат, это тебе не один пот на рубашке, а вот... что-то такое... серьезное: геройская жизнь и смерть... Что ж я Семена-то забыл поцеловать!

(Идет к Распопову и целует его.) Ну, Сеня, — прости меня. Я, знаешь, может, и сам бы умер, — по-товарищески, чтоб с тобой быть, — да теперь вместо тебя нужно жить — опять мне забота.

Мешков *(про себя, недоуменно)*. А мне что делать в этой жизни? *(Горестно)*. Я не могу ни погибать, ни целоваться. Я стесняюсь жить... *(К Абраментову.)* Сережа, ведь я же говорил тебе, что я пустяк.

Входит Жмяков, одетый в черное, намеренно-грустный, до торжественности.

Жмяков. Оркестр прибыл, товарищи, — двадцать три человека состав. На дворе дождь и молния! *(Снимает шляпу и отряхивает ее от капель дождя.)*

Пужаков. Ну зачем оркестр? Зачем людей еще больше устраивать? И так печально будет.

Жмяков. Нисколько, товарищ Пужаков. Наша печаль превратится в звуки, а звуки рассеются...

Пужаков. Вот тебе раз!

Жмяков *(в дверь)*. Прошу вас, товарищи! *(Хозяйствует у гробов; готовит их к выносу.)*

Входит человек шесть-семь рабочих.

Жмяков. Пожалуйста, будьте любезны, — в главную залу.

Рабочие и Пужаков поднимают гробы на руки и быстро трогаются с места.

Жмяков. Осторожнее. Без темпов, пожалуйста.

Идет вслед за гробами. Позади всех уходит Крашенина. Остается один Мешков.

Мешков *(находит телефон на стене, берет трубку)*. 4-81. Благодарю вас... Я вот вам звонил уже... Это объявление по поводу смерти одного гражданина, члена секции... Да, да, — о котором скорбит двоюродная сестра... *(Слушает.)* Нет, он еще не похоронен... Он ожидает объявления... Все лежит. *(Слушает.)* Сегодня помещено? *(В волнении.)* А... а где же газета, ее утром не продавали, где ж она?.. *(Слушает.)* Когда? К четырем часам дня? Отчего к четырем — из-за объявления?.. Ах, бумагу не доставили!.. Спасибо, спасибо... Правильно все напечатали: Иван Васильевич Мешков, да? И умер? *(Слушает.)* Скончался?.. Спасибо, спасибо... *(Вешает трубку. Один.)* Ну, мне надо кончатся... Уже давно, давно пора, дорогой мой друг, бедный мой человек, — ни помолиться тебе некому, ни попрощаться не с кем... Вот умер Сережа, и мне его не жалко — сердце пусто, ум давно без памяти,

чувства безответны... Я весь уже легкий, скучный, как усталое насекомое, которое несетса ветром в старую осень.

Глухо, точно очень далеко, играют похоронный марш. Звуки встают, как вещи, неподвижно.

Мешков (*прислушиваясь*). Сережа, ты обманут. Ты видишь, они не могут сами тосковать по тебе и заставили музыку... Сережа, ты скоро уйдешь в материк, в тесную землю, опять в тюрьму. Зато у нас с тобой останется одна свобода — свобода быть забытыми.

Музыка прекращается. Слышится далекий раскат грома.

Мешков. Ну, мне пора ложиться. Сейчас перестану дышать.

Ложится на стол. Вдруг привстает и сидит на столе.

Мешков. Скучно чего-то. (*Сходит со стола, идет к телефону, снимает трубку.*) Барышня, дайте мне номер какого-нибудь человека... (*Ждет, слушает.*) Что вы говорите? Хорошо. (*Кладет трубку.*) Гроза: телефоны не работают, человек не отвечает... Пойду поглажу на улицу — какая там гроза. Сейчас вернусь. (*Уходит.*)

В другую дверь входит Жмяков.

Жмяков (*садится в усталости*). Устал горевать... Трупы унесли в дождь, живые пошли сочувствовать, а оркестр с полдороги пойдет в садик и там заиграет другие мотивы... А затем наступит вечер, погода изменится, выйдут домработницы и начнут под музыку воздух рассекать. Шумит население на земле!

Приходит Девлетов, в мокром плаще, с маленьким чемоданом. Ставит чемодан на пол.

Девлетов. Здравствуйте, Владимир Петрович. (*Садится,тирает платком лицо.*) Я с поезда только что... Был в Москве. Там говорят, что нас уже включили в общий ток силовых гигантов, что выслали нам давно особый диспетчерский радиопульт, но — у нас ведь нет ничего. Усердствуют от ужаса чиновники... Встретил в гробу Сергея Дмитриевича, встретил Семена Федоровича Распопова... Эх, Владимир Петрович, Владимир Петрович, что же вы-то смотрели?

Жмяков. Не хотелось, Илья Григорьевич, ток прерывать. Были бы аварии на механизмах, брак, скандал, промфинплан бы сорвали.

Девлетов. Ну и что ж? Справились бы потом, не очень страшно. А то ведь вы людей пожгли, и каких людей!.. (*Иронически.*)

Промфинплан бы сорвали! Вот вы и сорвали его! Что такое «промфинплан»? Это не бумага, это вот те люди, какие погибли... Извольте теперь идти под суд! Кто там еще был? Мешков и Крашенина? Тоже под суд! А я буду общественным обвинителем... Не беспокойтесь — я вас укатаю прочно...

Жмяков (*расхаживая, слегка напевает*). Колокольчики-бубенчики...

Девлетов. Вы что, издеваетесь, Жмяков?

Жмяков. Вы забыли еще одного подсудимого.

Девлетов. Кого?

Жмяков. Директора, — вас.

Девлетов (*встает*). Вы правы, Жмяков. Общественным обвинителем будет Пужаков.

Жмяков. Я даю согласие.

Девлетов. Его не требуется. Идемте — вы напишете аварийный рапорт, — сейчас же, при мне!

Жмяков. Прекрасно, со всем вдохновением, ударно... Будьте любезны!

Дает директору дорогу вперед. Одновременно входит в другую дверь вымокший на дожде Мешков с газетой в руках. Жмяков замечает его и делает ему рукой знак прощания. Оба уходят.

Мешков (*медленно и внимательно читает газету*). «Убитая горем двоюродная сестра с глубоким душевным прискорбием извещает всех родных и знакомых о своевременной кончине инженера-механика, члена секции ИТР, Ивана Васильевича Мешкова». (*Складывает газету.*) Хорошо. Плохо только, что сестра извещает, а не треугольник. Подумают теперь, что я антиобщественник был, раз завком промолчал... Неприятно. (*Спихватывается. Запирает обе двери на ключ. Садится.*) Теперь совсем хорошо. Плохо только — домой нельзя пройти, — газета вышла, увидят, что я живой, и окружают вниманием. (*Пауза.*) Говорить мне чего-то охота, мнение какое-то появилось... (*Развертывает газету; читает молча, потом вслух.*) «Партком, завком, дирекция, рабочие-ударники... о смерти в огне... незабвенного, верного пролетариату товарища, храбрейшего инженера Сергея Дмитриевича Абраментова, пришедшего из рядов врагов»... (*Озирается.*) Из рядов врагов!.. А я откуда? Я врагом не был. Я все время сочувствовал. Я наоборот даже. Я слишком честный. Я умираю от честности, потому что я осознал, что я дурак новой жизни, — я стесняюсь жить...

Резкий стук в дверь.

Мешков бросает газету; потом прячет ее под стол, быстро раздевается наполовину; опомнясь — одевается опять.

Стук в дверь повторяется.

Мешков (*подбегает к телефону; берет трубку; хрипло шепчет*). Барышня, а барышня! Скажите мне что-нибудь ради бога...

Стук в дверь. Голоса.

Голос Жмякова. Да здесь же он, я вам говорю. Я его только что видел, он мокрый был...

Мешков (*в телефон, хриплым шепотом*). Барышня, а барышня! Прошла гроза или нет?.. Барышня, товарищ!!

Стук в дверь. Голоса.

Голос Пужакова. Дай я высажу всю снасть. Мешков хороший человек.

Дверь трещит.

Мешков бросается к столу, на котором лежал Абраментов, влезает на него и ложится вниз лицом.

Дверь вышибается извне. В дверном отверстии появляются: Пужаков, Девлетов с чемоданом, Жмяков с газетой и несколько рабочих мужчин и женщин; позади — Крашенина под руку с мужем.

Звук упругого пневматического удара, — негромкого, но глубокого и мощного. Комната сотрясается. Стол, на котором лежит Мешков, подпрыгивает — и Мешков скидывается на пол. Мешков вскакивает на ноги.

Мгновение общего тревожного напряжения.

Жмяков, наоборот, чрезвычайно спокоен.

Крашенина вырывает руку у мужа.

Девлетов (*бросая на пол чемодан*). Что это?.. Немедленно вем в цеха!!

Новый удар. Комната сотрясается. Общее волнение. Мешков покачнулся всем неподвижным телом. Девлетов, Крашенина и Пужаков бросаются к выходу. Жмяков спокоен.

Жмяков (*Девлетову*). Спокойно, директор. Это пробуют новые молота, это еще неполные удары.

Девлетов и другие останавливаются.

Девлетов. Да, я вспомнил. Кто проверяет установку? Чья сейчас смена?

Крашенина (*подходя*). Моя смена.

Девлетов. Почему вы не в цеху?

Крашенина (*тихо*). Я провожала в могилу своего товарища — Абраментова.

Пауза.

Крашенина вдруг отворачивает свое лицо ото всех и закрывает его руками.

Муж Крашениной. Олечка, не плачь! Ведь я с тобой остался! *(Обнимает ее за плечи.)* Крошка ты моя...

Маленькая пауза.

Девлетов *(медленно)*. Так... *(Крашениной.)* Ольга Михайловна, завтра у вас будет внеочередной выходной день.

Крашенина. Как вам не стыдно? У меня новые молота на испытании.

Девлетов. Здесь не стыд, а мой приказ. Здесь я директор. Гражданин Крашенин, проводите свою жену домой.

Крашенина *(оборачиваясь, с высохшим лицом)*. Я сама уйду. Мое сердце прошло.

Уходит. За нею следом уходит ее муж.

Пу ж а к о в. Бедная ты наша женщина.

Случайные рабочие, бывшие свидетелями сцены, расходятся.

Раздается нежная радиомузыка. Входит почтальон с громадной сумкой на животе — весь оборванный, одежда на нем в клочьях.

Почтальон. Давайте мне теперь прозодежду. Пока я шел до сих пор, по адресу, мне разные цехи, индустрия и машины весь костюм изорвали... Там все крутится, мечется, бушует, жжется — почтовому человеку пройти негде... Принимайте молнию!

Девлетов *(берет телеграмму, читает)*. «Поздравляю днем рождения милого друга мужа. Тася. Мерзавец, зачем ты фактически бросил семью и плачущих по тебе детей?» Кто сегодня родился?.. Адресовано мне, прислано из моей же квартиры. Значит, — мерзавец, товарищи, это — я!

Почтальон. Да наверно ты: ты же адресат, ты же расписался.

Пу ж а к о в. Пускай пишут, пускай поздравляют, пускай обижаются, товарищ Девлетов. Все равно всем известно, что мы люди нежные и культурные... *(К Девлетову)* Илья Григорьевич, ты мне как посоветуешь: я хочу зубы себе вставить... А то завод у нас приличный, жизнь наступает высшая, а я беззубый... Так бы мне зубы не особенно нужны были, я и деснами жую вкусно, — но все же это как-то некрасиво в нашу эпоху... Ты глянь сюда, до чего меня пища довела. *(Открывает рот и показывает щербины отсутствующих зубов.)*

Почтальон первым заглядывает в рот Пужакову.

Пу ж а к о в *(почтальону)*. А ты чего глядишь в меня? Тебе одежда нужна? На! *(Снимает с себя пиджак.)*

Почтальон. Прочь ты от меня, деляцкий элемент! Я на вечерних курсах учусь и стою сейчас черпаю от вас различные знания. Не оскорбляй меня рвачеством, квалифицированный черт!

Ты видишь — я стою посредине техники, темный, как бутылка! А сознание во мне светлое — и я тебя обгоню!

Пужаков. Ну до чего ж наш пролетариат сердцем возгордился. Это прямо сукин сын стал!

Почтальон, бормоча, уходит.

Девлетов (*подходит к Мешкову, который стоял неподвижно во все время сцены*). А это что такое?

Жмяков. А это, Илья Григорьевич, наш сознательный покойник, инженер Мешков. Он, по официальным данным, скончался.

Девлетов (*всматриваясь в Мешкова*). Отчего он скончался?

Жмяков. Он стихии выдвиженства испугался, Илья Григорьевич.

Мешков. Мне нужно скончаться, Илья Григорьевич. А я не умею, я — никак, — я разучился.

Девлетов. Ну и черт с тобой!.. Дай я тебя сам сейчас убью, негодная тварь, если тебе нужно и ты не умеешь!.. Где револьвер?.. Ты думаешь что? Ты думаешь — социализм, это тебе ширпотреб? Ширпотреб?! Куда вся сволочь, шлак, весь гной всех времен стечет?! Ты думаешь — социализм для всех, а для тебя в особенности?! Прочь с земли, скучная твоя душа!.. Где револьвер? Кончайся!

Жмяков. Я человек безоружный, Илья Григорьевич!

Пужаков (*вынимая револьвер и отдавая его Девлетову*). На, возьми — только пользоваться не советую: брак продукции!

Девлетов (*хватая револьвер, на Мешкова*) Ты социализм хочешь кончить, стервец, а не себя. Ты инженер и член социалистического общества — тебя пролетариат поставил в один ряд с собою, свой ум отдал тебе на выучку, технику — маховое колесо революции — поручил тебе держать на высших оборотах, он хотел заставить твое сердце чувствовать и биться вперед, он спас тебя — из могилы истории, мясо от себя оторвал и тебе выдал!.. А ты — ты кончаться, ты — в гроб, ты буржуем своего туловища себя вообразил! Ты пролетариату в лицо, в душу, в открытые руки плюнул!.. Ты что такое? Тебе чего?! Тебя все рабочие завода знали и уважали, а ты недоволен! — тебе что? — специального счастья захотелось в нашем несчастном мире, — покоя и благополучия над гробами миллионов?! Эх ты, говно! (*Бросает револьвер на землю.*)

Пужаков. Тише, директор.

Девлетов. В отпуск, — на месяц! На два месяца — на курорт!.. Завтра же оформить ему путевку!.. Надо прекратить эту психологию на заводе! Мертвых схоронить, живых вылечить.

Мешков. Можно я... можно я сейчас пойду подежурю за Крашенину?

Девлетов. Ступайте.

Мешков *(делает движение и опять останавливается)*. Надо мной там массы засмеются...

Пужаков. Идем, Иван Васильевич. *(Берет Мешкова под руку)*. Идем, никто не засмеется. Мы люди тактичные, нам нравится интеллигенция. А ты ничего не бойся, — массы — они ведь добрые. Это только субъекты — сукины сыны!

Мешков. А я... а я полагал, что человек нарочно не отвечает мне... Я скучал...

Пужаков. Так то ж ты по буржую скучал, а не по человеку. Ты ж ни разу не жаловался мне, что скорблю, мол, и бедствую грудью...

Уходят. Остаются Девлетов и Жмяков.

Девлетов. Ну, Владимир Петрович, а вы что такое?

Жмяков *(серьезно)*. А я же, Илья Григорьевич, последний мелкий буржуй на свете. Прикажите — и меня не будет.

Девлетов. Дурите пореже, Жмяков... Невежда хулиганит финкой, а интеллигент умом. Но нравитесь вы мне чем-то, — черт вас знает...

Жмяков. А тем, что я счастливый гад, Илья Григорьевич.

Девлетов. Гадами ведь целый мир был населен — разве вы забыли? А вам надо перестроиться — я серьезно говорю.

Жмяков. Зачем же тратиться, Илья Григорьевич? Я человек дешевый и веселый, — я в социализм бубенчиком, бубенчиком вкачусь, позвоню немного и замолкну сам.

Девлетов. Прямо хуже вредителя, сукин сын!

Жмяков. Хуже, Илья Григорьевич, гораздо хуже. Вредители же пессимисты были, а я всякой исторической необходимости рад! Даже вперед необходимости рад... А суд-то нам будет, Илья Григорьевич?

Девлетов. Обязательно. Непременно.

Жмяков. Благодарю вас. *(Двигается и напевает.)* Пускай могила вас всех накажет — мы еще разик проживем...

Частым тактом бьют тяжелые молоты. Комната сотрясается. Жмяков легко танцует в такт тяжелому ритму.

Сразу тихо. Жмяков останавливается. Девлетов берет с пола чемодан.

Девлетов. Врешь, Жмяков: все равно ты нашим будешь: кроме нас — кому ты нужен! Кто оценит или поймет твою тревогу и твой характер?.. Социализм велик. Будь здоров! *(Уходит.)*

Жмяков *(грустно)*. Товарищи, я люблю вас... Но любить вас — с моей стороны бестактно, и я скрывался под улыбкой... Ах жизнь, неужели ты вся прожита? Неужели ты серьезна и прекрасна, начиная с осени девятьсот семнадцатого года?.. Ах, сво-

лочь и гад: зачем тебе жить, когда ты лишь сожалеешь, но не действуешь! Вперед, мерзавец! (*Бросается в пространство.*)

Входит почтальон в прежней изорванной в клочья одежде.

Почтальон. Ты куда?

Жмяков. Да куда-то вперед, сам не знаю...

Почтальон. Чего ты мечешься — ведь адрес потеряешь: прими-ка местную срочную, задержанную на аппарате... Ну вот видишь, а ты мечешься! Распишись на оборотной расписке... Первый раз застаю я человека на одном месте: и правильно. Раз есть почта и телеграф, люди должны жить неподвижно. Читай при мне — что там тебе сообщают — советский связист должен интересоваться смыслом продукции своего труда. А то, может, я хожу без смысла и растрачиваю зря основной капитал своего тела: ведь это ж — дефект!

Жмяков (*читает*). «Сего числа три фазы вашего завода введены в контакт с высоковольтной магистралью республики. Энергетический резерв страны распоряжении завода. Включайте нагрузку республиканское кольцо. Автоматический радиопульт выслали почтой две декады назад. Линейный инженер Брекчиус». Люблю я вас, Брекчиус! Почтальон, насколько задержана эта телеграмма?

Почтальон. Содержание довольно смысловое. Я доволен, что хожу... Да я полагаю, что суток на четверо депеша опоздала: у нас электричество в проволоке ослабело и аппараты Бодо перестали активничать.

Жмяков (*задумчиво*). Суток на четверо!.. Абраментов умер трое суток назад. На трое суток задержано включение. Трое лишних суток мы гнали генератор с перегревом и перегрели людей.

Почтальон. Выходит — так. От почты, братец ты мой, люди плачут, радуются и сразу помирают. Почта, телеграф, это дело слишком серьезное! Ты люби эту область!

Жмяков. Хорошо, буду любить. Где посылка в наш адрес?

Почтальон засовывает руку в сумку, делает там в глубине несколько манипуляций, вынимает наружу небольшой специальный прибор — вовсе не похожий на радиоприемник, хотя тех же размеров, что и радиоприемник; прибор начинает играть нежную музыку еще в руках почтальона; почтальон ставит его на стол — прибор играет.

Почтальон. Вот она — ваша посылка: я думал, это пустяк. А я люблю радионауку и технику и сделал свой радиоприемник, чтоб была мне музыка, когда скучно! Я уж пятый день хожу под марш!

Жмяков (*хватая револьвер с земли, брошенный Девлетовым*). Застрелю, негодяй! У нас люди умерли из-за тебя!

Почтальон (*невинно*). Теперь уж не к чему... Сами виноваты: привили мне любовь к научно-техническим достижениям, пустили ходить в будущее, — вот я и стремлюсь!

Жмяков бросает револьвер, садится на пол и беззвучно плачет.

Почтальон. Чего ты нервничаешь? Аппарат твой цел! Я изучил его инструкцию и не испортил... (*Манипулирует на аппарате: загорается вначале одна красная лампа, затем две, затем три — и все горят ровным светом; изнутри аппарата по-прежнему играет нежная музыка.*) Ты думаешь — я попка?! Ты думаешь — я просто себе гуща масс?!

Жмяков встает, глядит на аппарат — на лампы, на циферблаты на нем. Пауза.

Быстро входит Мешков.

Мешков. Владимир Петрович, на главном пульте падает нагрузка. Завод идет полным ходом. Я не растерялся, но просто ужаюсь.

Жмяков (*указывая на прибор на столе*). Вот теперь наш главный пульт. Нас включили в республиканское кольцо высокого напряжения. Останавливайте турбогенератор, тушите дизель, поставьте дежурного монтера на главный трансформатор республики!

Мешков. Слушаю, Владимир Петрович. Сейчас все налажу: я ведь теперь бодр стал — после смерти. (*Быстро и бодро уходит.*)

Вбегает Пужаков.

Пужаков. Владимир Петрович! Кто там прет таким ходом наш завод? Там теперь силы девать некуда: раньше машины только шумели, а теперь они песни поют!

Жмяков. Мы попались в общепролетарское силовое кольцо, и вот — мчимся!

Почтальон (*Пужакову*). А ты думал — мы остановимся?

Пужаков (*почтальону*). Прочь от меня, фабзяц!.. Эх, Владимир Петрович, Владимир Петрович, ты бы хоть спел теперь что-нибудь!..

Жмяков. Нет, Петр Митрофанович, — я пел не от радости. Песня моя спета, и наступает жизнь.

Почтальон. Ну что ж — иди и существуй. Я вполне допускаю.

Мешков. Не понимаю, я теряюсь: кто же виноват в этой выдающейся, удивительной жизни?

Жмяков. Почтальон! Ха-ха-ха.

<Не ранее середины июня 1932 г.>

<ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ>

ДЕЙСТВИЕ IV

Сцена представляет собою часть огромного машинного зала. Гулкая пустота от высоты невидимого верхнего перекрытия. Левая четверть сцены занята выступающим корпусом генератора, собственно опорным подшипником ротора, маленькой динамо-машиной-возбудителем, смонтированной на валу ротора, и некоторыми другими деталями.

Посреди сцены — небольшой пусковой пульт: два градуированных разреза; на вертикальной плоскости — четыре штурвальных колеса. Над пультом два громадных циферблата: стрелки — на нулях. Между циферблатами большая красная лампа — она сейчас не горит. На правой стороне пультового стола — репродукционный рупор межцехового специального телефона; рядом с рупором — обыкновенный телефон. Над рупором две небольшие лампы — красная и синяя. Под рупором — диск машинного телеграфа с обозначениями абонентов, — переставляя рукоятку по диску — вызывается нужный абонент.

Входит Жмяков, отлично одетый, в белых перчатках, в мягкой шляпе. Касается тыльной стороной руки о видимые детали генератора, глядит на перчатки — перчатки остаются чистыми. Глядит, несколько отступив, на всю машину. Складывает пальцы рук в трубки и, прислонив их к глазам, бдительно изучает генератор. Пауза.

Жмяков. Прилично, прилично. Вполне терпимо, вполне. Да, это — действительность... Это — и есть большевизм! *(Грустно.)* А во мне что тут находится? *(Гладит свой живот.)* Во мне, видите ли, субъективное настроение! Я, товарищи, когда рожался, предполагал быть человеком, а вышел субъектом с начинкой! Я оказался личностью, блестящей фигурой, женской надеждой, очаровательной индивидуальностью, — мне требовалась жизнь лишь в качестве удовольствия, проходящего мгновенья, запаха из буржуазной коробки Коти, пуха и праха, предсмертного пустяка... И вот — жизнь, выросла из довоенной чепухи. Она стала уже великой. А я остался пустяком... Я хотел бубенчиком вкатиться в социализм и позвонить себе перед смертью для удовольствия — среди торжественной тишины. Но социализм наступает, а я вдруг не хочу удовольствия. Я хочу, чтоб мое сердце пробилось наружу к людям. Я хочу теперь жить долго. Я, товарищи, не дурак, чтоб проиграть жизнь из-за самолюбия. *(Обхватывает машину, трогает ее руками.)* Здесь лежит ударное сердце большевиков. Оно сейчас остыло в металле, но его жизнь пройдет через машину и даст свет и тепло миллионам неимущих, чтоб дружба в мире была наконец учреждена!.. Они строят из своего туловища

неплохой мир, а я хотел сделать себе из мира туловище... Ах жизнь, неужели ты вся прожита! Неужели ты серьезна и прекрасна?

<Утрачена 1 страница.>

Крашенина. Не спешите, Владимир Петрович. Абраментов не спешил, а прожил быстрее вас. Пар садится в котельной. Ступайте, нажмите давление.

Пужаков. Скажи, пожалуйста, Ольга Михайловна, как бы нужён нам товарищ Абраментов сейчас был! Прямо кстати жил человек на свете, а сейчас уж два месяца как кончился — и не живет!.. Скажи, пожалуйста, Ольга Михайловна, отчего это научные силы

<Утрачены 3 страницы.>

Жмяков. Я уже настроился, Ольга Михайловна. Я вас люблю — ожидайте пара в трубу. (*Уходит, напевая.*)

Меня несчастную
Торговку частную
Ты пожалей...

Пужаков (*за работой*). Эх ты, Владимир Петрович — Владимир Петрович, житель ты жизни!..

Рупор (*предварительно вспыхивает красная лампа; звонит грубый звонок*). Новую машинную — пусковую!

В дальнейшем — при действии рупора, когда им вызывается сцена, — совершается эта сигнализация каждый раз, без особых напоминающих ремарок.

Крашенина. Я пусковая.

<Утрачены 2 страницы.>

Жмяков (*уйдя за генератор — к турбине*). Прошу давления на дроссельный клапан. Ольга Михайловна, — пожалуйста: уважьте меня и клапан.

Крашенина. Котельная! Включите паропровод на пусковую.
Рупор. Даем пар на пусковую!

Краткий звук вихря, рассеченного железом.

Сразу прекращается шум исходящего пара, спускавшегося в атмосферу.

Крашенина. Пужаков, есть масло?

Пужаков. Есть. Давай ходу! Что же ты копаешься, мелкая девчонка! (*Выходит к пусковому пульту.*)

Крашенина (*берет трубку телефона*). Директора!.. Девлетов, мы пробуем пуск! Ладно... (*Вызывает другого абонента через рупор.*) Электропередача, трансформация, линия!.. Инженера Чреватова! Чреватов?! Держи ток! Отчего тебя не слышно, что вы как мертвые!

Рупор (*голос Чреватова*). Мы не мертвые, мы устали. Два часа назад мы закончили последний трансформатор, последний метр новой линии... Ты слышишь, как храпят в моей конторе ударные бригады?

Пауза.

Через рупор слышен разнообразный храп ударников.

Пужаков (*прислушиваясь, различая отдельные звуки далекого храпенья*). Вот это храпит ударник!.. Этот вот — так себе, среднего усердия рабочий человек... А этот, этот — ты слышишь, Оля, как он, стервец, заливаешься, как у него сладость в горле клокочет, — это лодырь, это рвач, я его по тону слышу, он в бригаду, как в обезличку, скрылся...

Крашенина (*в рупор*). Чреватов, как у тебя вторичная обмотка на девятом трансформаторе, которая пробивала? А то я сама пойду налажу. Стань, пойдешь сам в павильон — не убьет!

Рупор (*Чреватова*). Вчера не убило — только ногти выдернуло. Обмотка больше не замыкает.

Многочисленное храпенье в рупоре.

Пужаков (*в рупор*). Вставайте, лодыри! Ишь, расхрапелись: кто спит, а кто наслаждается! Ток на линии!! Берегись! Даем напряжение! Ток!! (*Хватает молоток и кусок котельного железа, резко бьет молотком по железу у рупора, — железо грохочет.*)

Рупор (*разными голосами*):

— Заземляй его!

— Гаврюшка, прочь с мачты!

— А? Что? Спускайся, ребята, по блокам!

— Не хватайся ты за меня: я первым спущусь, потом ты. Я премированный, а ты нет.

— Мне жутко здесь! Товарищи, милые мои!

— Тише вы, нервные!

— Живи ударно, а помирай, как лодырь!

— Стоп, психачи! Смерть, это момент, а жизнь — вечность.

Руби жилу под током!

— Ну, все теперь на ногах? Это нам мелкобуржуазный страх приснился.

Во время реплик — отчасти в перерыве между ними слышится спокойное блаженное храпенье двух-трех не проснувшихся людей.

Пужаков (*Крашениной*). Ты видишь — они обыкновенные люди: смерти боятся и сны видят. А работают и ругаются, как гиганты класса! (*Показывает на рупор.*) А лодыри, лодыри, рвачи-то как храпят: им хоть жизнь, хоть смерть, лишь бы телу покой... (*В рупор.*) Ло-дыри, держите ток!

Рупор (*голос Чреватова*). Давайте ток. Монтажная бригада на ногах. Это храпят сторожа!

Крашенина. Включаем! Владимир Петрович, давайте обороты! (*Включает маленький рубильник под контрольной красной лампой.*)

Жмяков (*из-за машины, невидимый*). Кручу, Ольга Михайловна. Хоп!

Краткий пульсирующий звук. Затем — звук вращающегося подшипника. Приборы (два циферблата над пультом) показывают стрелками нули. Контрольная лампа не загорелась.

Крашенина. Почему не горит контрольная лампа? (*Подвертывает лампу от руки — лампа не горит.*) Жмяков! Машину — на полные обороты!

Жмяков. Кручу, Ольга Михайловна, на полные. Отдаю весь клапан!

Снова краткий пульсирующий звук.
Усиливается шум вращающегося подшипника.

Крашенина. Врубаю!

Пужаков. Да то что ж! Врубай, пожалуйста! Чего ж тут? Это дело пустяк — это же радость, а не работа!

Крашенина переводит штурвальный контактный автомат. Штурвал еле поворачивается.

Крашенина (*трудится*). Монтаж рвачи делали. Краска держит. Пужаков, помоги!

Пужаков (*помогает повернуть штурвал*). Готово. (*Глядит на циферблаты: стрелки по-прежнему на нулях.*) Нету тока ни дьявола! Какая ж это техника!

Крашенина (*в рупор, вызывает машинным диском*). Новая компрессорная?.. Включить всю группу моторов! Говорит стотысячный генератор! Ну! (*Пужакову: на циферблаты.*) Может быть, у нас приборы не работают?

Пужаков. Нет, Оля, — это у кого-то голова не работала. Не у всякого есть эта пролетарская конечность.

Крашенина (*в рупор*). Включено?.. Есть обороты?

Рупор. Нету ничего. Тихо.

Пужаков бдительно следит за работой подшипника и маслопровода и не отрывает от них рук.

Крашенина. Жмяков: обороты!

Жмяков. Все отдам, не пожалею... Идем на полных оборотах. Сейчас увеличу сверх расчета! Просите котельную нажать острым паром.

Красная лампа над рупором.

Крашенина (*в рупор*). Слушаю. Пусковой инженер.

Рупор (*голос Девлетова*). Где ток?

Крашенина. Скоро будет ток.

Рупор. Завод его не чувствует.

Жмяков. Пар сырой. Прошу погорячей, почувствительней.

Крашенина (*вызывает диском рупор*). Котельная! Пусть идет паропровод полным сечением. Какой там кулак дает сырой пар? Включите второй перегреватель, который я ремонтировала!

Рупор (*хрипло, кочегарским голосом*). Сейчас, тетка. Сейчас прогреем.

Звук заглушенного вихря.

Усиливается до грохота шум вращающегося подшипника.

Крашенина бессознательно врубает и вырубает автомат.

Стрелки циферблатов неподвижны на нулях.

Рупор. Над ним вспыхивает несколько раз красная лампа вызова.

Крашенина. Да. Я пусковая турбина.

Рупор:

— Пускай энергию на новый обжимный стан: металл подают! Застудим!

— Старая электроцентраль выключила компрессорную на час. Дайте немедленно ток от пускового генератора — останавливаем кузницу, штамповку и водоснабжение.

— Ну хорошо! А кто ж нам колеса будет вертеть? Это говорит бандажная...

Вбегает Девлетов.

Девлетов. Вы что губите машину. Прекратите ход вхолостую.

Крашенина. Жмяков, стоп! Закройте пар. Тише, директор. Пушаков, пошупай обмотку.

Останавливается ход машины. Стихает весь шум движения. Раздается далекий вихрь спускаемого из котельной пара.

Пушаков раздевает свое верхнее платье. Лезет на генератор.

Из-за машины выходит Жмяков — весь измазанный и оборванный.

Девлетов. Это что за хулиганство?

Жмяков. Это мы шли на сверхоборотах, Илья Григорьевич!

Девлетов. Ну?

Жмяков. Сначала у меня было сердцебиение, как от радости, как от солнца весною на севере. Как от коммунизма, Илья Григорьевич! Я боролся с машиной за обороты!

Девлетов. Нам не нужна ваша борьба вхолостую, ваши обороты без электричества.

Жмяков. Я думал, что на другом конце моей работы горит огонь, гремит энергия и уже начинает сиять простое счастье человечества.

Пужаков. Как же ты думал, что идет энергия, когда ее нету! Эх, Владимир Петрович, нет еще у тебя грудного чувства к нашему классу — и нету в тебе техники в уме.

Жмяков (*задумчиво; разглядывая свое оборванное платье*). Как скоро время течет среди революции! Сколько б я лет носил и носил себе этот костюм в прежнюю эпоху! А теперь истратил его в короткий миг. Эх ты, время — забвенье, где же твой электрический ток?!

Рупор (*вызов извне: красный сигнал*). Да сколько же нам пар держать — уголь жечь? Ведь мы на хозрасчете! Старший кочегар Жовов.

Крашенина. Тока не будет. В полюсах возбудителя нет остаточного магнетизма, машина не может работать без зародыша энергии.

Пужаков (*тищится у механизма*). А я не могу ее возбудить? Дай я ее взбудоражу своей нервной силой. Во мне сейчас сердце горит!.. Господи, отчего во мне научного престижа сейчас нету?

Вдалеке оркестр заиграл «Интернационал». Музыка приближается. Все прислушиваются.

Крашенина слушает музыку, как в первый раз жизни.

Пужаков. Ну — мы пропали. Это массы идут нас приветствовать. А нас бить надо.

Рупор (*красный сигнал вызова*). Говорит главный пульт. Предупреждение. Выключаем все цеха на полчаса. Сильный перегрев от перегрузки. Приготовьтесь на остановку... Пусковая, пусковая, пусковая!..

Крашенина. Я пусковая. Говорите.

Рупор. Я пульт. Включитесь в питание, дайте контакт в старую линию. Возьмите нагрузку завода на пробный ток — на час, на полчаса. У нас горит краска и лак в агрегатах.

Крашенина. Хорошо. Везем завод на пусковом токе. Не прекращайте энергии до нашего сигнала.

Рупор. Слушаю. Энергию не прервем.

Жмяков (*Крашениной*). Прочь от механизма! Директор, уберите ее! Новый генератор не дает тока, нам нечего обещать, нечего вести завод на аварию! Прочь, я вас прошу, от механизма!

Пужаков. Эй, кадры! Сейчас же успокойтесь! А то я вас слезу — враз помирю: оба заплачете...

Девлетов. Стойте оба у механизма! Вы отвечаете за все, а я — за вас!

Приближается оркестр с «Интернационалом».

Крашенина (*вызывает по рупору*). Котельная! Откройте пар на пусковую. Жмяков, становитесь за турбину.

Жмяков. Будьте любезны — пройдите туда сами. Я люблю шутить с женщинами, но не с машинами и не с рабочим классом!

Крашенина. Пужаков, стань к турбине, — Владимир Петрович очень умирится.

Пужаков. Интеллигенция, она нервный класс. (*Собирается уходить.*)

Жмяков (*Пужакову*). Погоди: ты же не сумеешь отрегулировать машину.

Пужаков. Ну что ж: я ее кустарно пушу, раз ты научно не хочешь... Ага, ну иди, если сердце горит! Помучайся! (*Жмяков уходит за генератор.*)

Девлетов. Как хорошо, что суд еще не состоялся над нами! Как нас бить надо, мерзавцев!

Музыка, раздавшись совсем вблизи, вдруг умолкает.

Пужаков срочно достает из какого-то захолустья кучу красных лент и навешивает одну из них между циферблатами.

Пужаков. Наши массы шик любят! Машины без красной ленты — это для них не техника!

Входят четыре торжественных делегата: по виду — служащие.

Первый делегат. Здравствуйте, товарищи. Разрешите приветствовать ваш героический труд от имени счетного аппарата нашего объединения, от имени...

За стенами оркестр играет краткий туш.

Девлетов. Продолжайте, товарищ.

Второй делегат (*к Пужакову — на ленту*). Где ее полагается резать!

Пужаков указывает точно место.

Пужаков. Здесь режь. Не ошибись смотри: всю машину испортишь...

Второй делегат. А чем ее разрезать? Вы приготовили ножницы?

Первый делегат. Недовыполнение программы в последний месяц обуславливается исключительно недостатком на фронте энергии, на этом фронте узкого места... Но вы, на основе...

Пужаков (*второму делегату*). Вон — ножницы (*показывает за машину*).

Крашенина (*первому делегату*). Замолчите, товарищ. Иначе я выстрелю в вас...

Голос Жмякова (*напевая*).

Ведь ударники везде
Чай найдутся:
Без меня большевики
Обойдутся...

Пужак ов. Да то, ништ, мы не найдемся. Мы люди задумчивые.

Голос Жмякова. Крашенина, принимай обороты! Засвети свет над землей!

Сразу, мгновенно все тухнет. Тьма.

Рупор (*кричит во тьме — после вспышки красного вызывного сигнала*). Пусковая, пусковая! Я главный пульт! Принимайте всю нагрузку на себя. У нас сгорели контакты.

Голос Девлетова. Инженер Крашенина, примите всю нагрузку на себя.

Голос Крашениной. Сейчас.

Крашенина зажигает карманный электрический фонарик.

Голос Жмякова. Тружусь во мраке ради светлого будущего.

Звук пуска турбогенератора. Шум механического движения генератора. Крашенина у маленькой возбуждательной динамо-машины, что находится на валу генератора — у его подшипника.

Еще два-три фонарика в других руках помогают светить Крашениной.

Музыка, находясь недалеко, играет какой-то торжественный марш.

Видно, как фонарик в руках Крашениной гаснет. Она вынимает из футляра фонаря батарейку. Прикрепляет к батарейке два тонких провода. Другие два конца этих же проводов Крашенина крепит к динамо-машине — возбуждателю.

Механический шелестящий шум движения генератора переходит в напряженный стон, затем — в завыванье.

Сразу вспыхивает ослепительный свет — другой силы, чем горел раньше. На пусковом пульте — меж циферблатами — горит спокойным светом громадная красная сигнальная лампа.

Стрелки двух циферблатов быстро восходят по градуировке.

Крашенина все еще держит батарейку, прицепленную проводами к возбуждающей динамо-машине.

Выбегает Жмяков.

Жмяков. Что вы сделали, Ольга Михайловна?

Крашенина. Я возбудила генератор этой батарейкой, Владимир Петрович. В нем не было остаточного магнетизма.

Пужак ов. Зато, Оля, в тебе магнетизм был. А вот у Владимира Петровича его не осталось.

Крашенина тем временем поворачивает пусковые штурвалы.

Медленно играет музыка и кончается.

Второй делегат (*держит кровельные ножницы*). Где мне ленту резать?

Пушakov. Режь где попало. Ведь это ж чушь?

Первый делегат (*к Крашениной*). Можно нам разрезать, товарищ, простую и великую ленту, как символ?

Крашенина (*вынимает из кармана туалетную сумочку, достает из нее дамские ножницы и подает 1-му делегату*). Пожалуйста!

Пушakov. Режь, малолетний!

2-й делегат убегает вон и сразу возвращается.

Музыка играет краткий туш.

Выждав подходящих звуков, 1-й делегат медленно и нежно режет ленту.

Девлетов. Слушайте, что вы делаете? Это же пробный пуск, испытание! Машина официально еще не работает. Мы вас пригласим потом, когда будет торжественное открытие. Ступайте заниматься обязанностями.

Пушakov. В другой раз со своими ножницами приходите, и ленту принесите попышней.

Делегаты раскланиваются, извиняются и уходят, все же обрадованные чем-то.

Жмяков, склоняясь к измазанной руке Крашениной, припадает к ней поцелуем.

Крашенина (*приподымая голову Жмякова*). Что с вами? Перестаньте, пожалуйста, мне сейчас некогда. Потом.

Девлетов (*Жмякову*). Вы что? Плачете? Я же вам говорил, Владимир Петрович, что социализм велик, а вы — не очень большой.

Жмяков. Нет, Илья Григорьевич, я не плачу. Это у меня сердце запотело... Сейчас пройдет. Прошло. (*Слегка движется*). Колокольчики-бубенчики звенят, звенят...

Девлетов (*вызывает по рупору*). Прокатная?.. Как идет новый стан?

Рупор. Да ничего, Илья Григорьевич, идет симпатично.

Жмяков (*Крашениной*). Я вас люблю, Ольга Михайловна, люблю лично, больше того — технически, еще больше — социально. Но вы мне не отвечайте. Нет, нет, пожалуйста: я человек мелкого класса, а вы крупного, у вас и тело дышит как природа...

Крашенина. А вы думаете, что крупное произошло от большого? — От мелкого, Владимир Петрович.

Жмяков. Неужели? Тогда я очень рад!

Пушakov. А ты думал что? Вначале нас была же одна ме-

лочь-сволочь: буржуазия!.. Ну до чего ж сейчас жить стало удовлетворительно!.. Это прямо ужас!

Девлетов. Да, товарищи. В первый раз мы спокойно везем завод на мощных плечах новой машины! Без судороги, без нервов — по-большевистски!

Входит почтальон и Мешков с хозяйским баулом.

Девлетов (*Мешкову*). Здравствуйте. Вы разве еще не уехали?

Жмяков. Здравствуй, Иван Васильевич.

Мешков. Да нет, знаете ли... Меня как-то производственная совесть мучает: что вот вы здесь остаетесь, а я там у моря буду около климата... Уж лучше я буду дежурить около машины и около людей.

Девлетов (*пожимает руку Мешкову*). Спасибо, Иван Васильевич. Ступайте, пожалуйста, сейчас же на новые молота. Там хорошие самородки работают, но нет инженера.

Мешков. Сейчас, Илья Григорьевич, сейчас иду.

Почтальон (*разобравшись в сумке*). Обождите-ка вы все. Кто тут будет инженер... Крашенинова какая-то, еще Жмяков Ве Пе и еще — это — Деблетов Илья? Кто это такой — вы или нет?

Девлетов, Жмяков. Мы. Давай сюда.

Почтальон. Нате вам повестки, а в другой раз я вам носить ничего не буду... Целую шестидневку вас ищу: сказано — лично вручить. Я где лично — когда этих личностей нету нигде на свете. Дома, сказали, вы не бываете, на заводе у вас тоже вечного места нету. Идите, говорят, ищите их где-нибудь сквозь. А где искать, когда кругом машины и меня железкой было не ушибло. Разве это жизнь? Вы бы поставили где-либо койки, сундучки, чтобы я уж знал, что там вы когда-нибудь очутитесь. (*Берет расписки, уходя.*) Прямо наказанье. Только и мучаешься, что без почты, сказано, социализм — ничто... (*Уходит.*)

Девлетов (*читает повестки*). «Инженер Крашенина, Жмяков, а также гражданин Девлетов — предаются суду за нарушение законов об охране труда, — при общественном обвинителе товарище Пужакове».

Пужаков. Что ж, придется вас наказать. Учту вес — баланс вашей жизни, прибавлю тенденцию, вычту вес Абраментова с Распоповым да и покараю соответственно — пролетарским-то мечом классовой справедливости! А то что ж!

Девлетов. Хорошо, товарищ Пужаков.

Мешков. А как же мне быть с продуктами?

Девлетов. Какими продуктами?

Мешков (*роется в своем бауле*). Мне тут на дорогу продуктов дали — рыбки, колбаски, печенья, конфеток. Как же с ними быть, если я не поеду — возвратить, наверно, придется!

Девлетов. Нет, не нужно возвращать, кушайте!

Жмяков. Съешь, Мешков. Обмани госторговлю.

Мешков. Неудобно как-то. Все-таки: государство...

Девлетов. Неудобно? Поезжайте лечиться. Я вас не поставлю на работу, пока вы не приедете из отпуска. Понятно?

Мешков. Слушаю, Илья Григорьевич. Тогда я поеду. До свиданья. Государству будет полезней, когда я отдохну.

Девлетов. Будьте здоровы, Иван Васильевич.

Мешков уходит.

Судорожная пульсация красной сигнальной лампы между циферблатами. Усиливающийся вой машины.

Крашенина. Неужели опять перегрузка? Как тяжело вращать машины! Как будто мы вертим всю тяжкую землю!

Жмяков. Нет, это не перегрузка. Это — хуже!

Все, кроме Девлетова, уходят за машину. Девлетов становится к пульту. Появляется инженер Брекчиус.

Брекчиус. Слушайте, у вас не ладит машина. Как вы ничего не чувствуете, зачем вы тут стоите? Позовите мне главного инженера или директора.

Девлетов. А вы кто? Я директор.

Брекчиус. Я инженер Брекчиус. Я приехал забрать у вас новый турбогенератор — в сто тысяч киловольт-ампер: вот этот самый, который вы вертеть не умеете. Со мной прибыла бригада монтеров для демонтажа и погрузки машины.

Краткая пауза.

Девлетов. Предъявите ваше полномочие.

Брекчиус предъявляет бумагу.

Брекчиус. По директиве Центрального Комитета партии, по постановлению Коллегии Наркомтяжпрома — строится завод климатических механизмов.

Девлетов. Каких механизмов?

Брекчиус. Климатических, — машин, управляющих климатом — в целях сельского хозяйства, здравоохранения и обороны. Нам нужен немедленно этот турбогенератор.

Девлетов (*отдавая бумагу*). Хорошо... (*Кричит.*) Крашенина, идите сюда!

Крашенина входит.

Девлетов. Партия решила установить наш турбогенератор на другом заводе. Вот инженер приехал с монтерами забирать машину.

Брекчиус. Да, и пожалуйста, немедленно остановите машину. Я должен сейчас же приступить к ее разборке.

Крашенина (*в рупор*). Главный пульт! Говорит Крашенина. Пускайте генератор, принимайте всю нагрузку на старую силовую. Я сейчас приду.

Рупор. А новая машина будет помогать?

Крашенина. Нет. Все повезем на старой установке. Новый генератор у нас берут...

Рупор. Так, значит, опять вечный пик, вечная опасность? Здесь страшно стало, товарищ Крашенина.

Крашенина (*в рупор*). Если мы вытерпим, то вытерпит и машина. Я сейчас приму у вас дежурство в ночь. Давайте обороты, включайте!

Рупор. Берем обороты, включаем.

Крашенина (*по направлению к Жмякову*). Владимир Петрович, закройте пар.

Жмяков (*картавым, не своим голосом*). Закрываю пар, Ольга Михайловна.

Машина утихает.

Крашенина манипулирует автоматами на пусковом пульте.

Полная тьма.

Снова свет, но менее яркий, чем был.

Пусковой пульт уже не освещен. Не горит красная лампа над ним.

Крашенина (*Брекчиусу*). Принимайте машину.

Выходят Пужаков и Жмяков. Пужаков ведет за руку Жмякова. У Жмякова скошено на одну сторону лицо в застывшей судороге.

Девлетов (*направляясь к Жмякову*). Владимир Петрович, вас контузило?!

Крашенина. На ходу расшатались контактные кольца. Владимир Петрович заправил их под током в шесть тысяч вольт.

Пужаков. Я прямо удивляюсь на него. Это ведь мое дело или вот (*на Крашенину*) ее, или (*на Девлетова*) его даже. А ты-то что лез, Владимир Петрович, в наше электричество? Ведь ты ж интеллигентная, мелкая сила!

Жмяков (*сильно искаженным голосом, вследствие косоротости лица*). Я потому и был мелкой силой, что меня мерили мелкой мерой, что мое сердце хотело чувствовать — и боялось. Оно хотело любить и действовать — и скрывалось в тесноте робкой груди. А теперь я вместе с вами страдаю и вместе живу.

Брекчиус (*Жмякову*). Ах, слушайте, слушайте: зачем вы такой жалкий! Зачем вы грустите, прислонившись к теплому рабочему классу? Вы ведь только теперь вместе с нами чувствуете,

а вас приглашали гораздо раньше. Вас любили еще тогда, когда вы улыбались и ненавидели!

Крашенина. Я не помню время до революции. Как скучно, наверно, было жить тогда, как жалко тому, кто умер!.. До свиданья. Я ухожу дежурить на главный пульт. Нам нужно везти завод на слабой машине. *(Уходит.)*

Пужаков *(опомнившись)*. Ах, так вот что! Так дай я из твоей рожи сразу сделаю большевистское лицо. *(Бьет сразу Жмякова по перекосу контуженного лица. Лицо хрястит, и скуля, сместившись, становятся на место, и лицо принимает нормальное состояние.)* Это пустяк! У меня сколько раз так было. Ну, дай я тебя поцелую теперь, раз ты мордой быть перестал! *(Целует Жмякова; Жмяков придерживает Пужакова за шею, удлиняя поцелуй.)*

Брекчиус. Товарищи, едемте все со мной на новый завод климатических машин! Мне неохота уезжать от вас. Я ниоткуда не могу равнодушно уехать, как будто я племянник всему человечеству... Поедемте со мною! Я не хочу ни с кем расставаться. Мы скоро будем изменять атмосферу земли, мы сделаем социалистическую погоду над всею нашею страной и нашими морями... Кто вы здесь такие, товарищи?

Пужаков. Мы-то кто такие? Мы здесь нежные товарищи. А ты кто?

Брекчиус. Я приехал по приказу партии взять от вас новую машину. Вы обойдетесь.

Пужаков. Что ж такое! Бери: партия, это ведь и ты, и я. Мы друг друга сосем, чтоб всем жирно было... Иди сюда — и бери.

Отходит к генератору. За ним отходят Брекчиус и Жмяков.

Входит прежний почтальон — весь оборванный, одежда на нем в клочьях.

Почтальон. Давайте мне теперь прозодежду. Пока я шел до сих пор, мне разные цехи, индустрия и машины весь костюм изорвали... Там все крутится, мечется, бушует, жжется — почтовому человеку пройти негде... Принимайте молнию!

Девлетов *(берет телеграмму; читает)*. «Поздравляю днем рождения милого друга мужа. Тася. Мерзавец, зачем ты фактически бросил семью и плачущих по тебе детей?» Кто сегодня родился? Адресовано мне, прислано из моей же квартиры. Значит, — мерзавец, товарищи, это — я!

Почтальон. Да наверно ты: ты же адресат, ты же расписался.

Пужаков. Пускай пишут, пускай поздравляют, пускай обижаются, товарищ Девлетов. Все равно всем известно, что мы люди нежные и культурные.

Звонит телефон.

Девлетов (*берет трубку*). Да... Я директор... Что включили, кто это говорит?.. Когда? Недавно? Сейчас только? Благодарю вас.

Вспыхивает красная лампа вызова над рупором.

Рупор. Говорит Крашенина. Илью Григорьевича! Илья Григорьевич?

Девлетов. Я, я. Говори, Ольга! Чего тебе надо — что случилось?

Рупор. Илья Григорьевич! Нас только что включили в республиканское кольцо высокого напряжения. Нам непрерывно отпускают пятьдесят тысяч киловатт. Нагрузка на наши машины упала. Останавливаю дизель, веду котлы без форса.

Пужаков. Эх, до чего ж добра наша республика!.. (*Жмякову.*) Владимир Петрович, ты слышал: нас включили в общепролетарскую линию высокого напряжения!

Жмяков. Кого нас? И меня, что ли?

Пужаков. И тебя, конечно. А ты кто же особенный? Ты теперь отмучился. Пой песню.

Жмяков. Я пел не от радости. Песня моя спета, и наступает жизнь.

Пужаков (*к Девлетову*). Илья Григорьевич — как ты мне посоветуешь: я хочу зубы себе вставить... А то завод у нас приличный, жизнь наступает высшая, а я беззубый... Так бы мне зубы не особо нужны были, — я и десною жую вкусно, — но все же это как-то некрасиво в нашу эпоху... Ты глянь сюда, до чего меня пища довела! (*Открывает рот и показывает щербинки отсутствующих зубов.*)

Почтальон первым заглядывает в рот Пужакову.

Пужаков (*почтальону*). А ты чего глядишь в меня? Тебе одежда нужна? На! (*Снимает пиджак.*)

Почтальон. Прочь ты от меня, деляцкий элемент! Я на вечерних курсах учусь и стою сейчас черпаю от вас различные знания. Не оскорбляй меня рвачеством, квалифицированный черт! Ты видишь — я стою посредине техники, темный как бутылка! А сознание во мне светлое — и я тебя обгоню!

Пужаков. Ну до чего ж наш пролетариат сердцем возгордился! Это прямо сукин сын стал!

<Конец мая 1932 г.>

НАБРОСКИ

НАУКА, ТЕХНИКА И МАСТЕРСТВО

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ ДЕРЕВНИ

В деревенской жизни, как известно еще со времен Маркса, много идиотства. Не потому, что люди в деревне — сплошь дураки («пенькам богу молятся, лаптем щи хлебают»). Нет, в деревне живут свежие, разумные люди. Весь почти русский пролетариат вышел из деревни. Деревенское идиотство имеет в первопричине дикие способы земледельческого труда.

Электромонтером Ф.З. Пугавкиным сделано предложение: дать деревне промышленность по дешевому способу, чтобы дать людям заработок и занять долгие зимние пустые часы, откуда отчасти и растет идиотство деревенской жизни.

Ф.З. Пугавкин предлагает следующее. Имеется, скажем, электрифицированное селение. Соседний город собирается строить завод с.-х. машин и орудий. Так не нужно строить завода, а сделать нужно так. Станки, каждый из которых производит одну какую-нибудь деталь машины, следует поставить по хатам крестьян (которые согласятся на это на объявленных им условиях работы). По станку на двор. Станок в хате приводится электромотором, который получает питание от осветительного провода. И крестьянин коротает вечера и зиму за станком. Вместо завода в городе существует только сборный цех. Крестьяне приезжают в город за сырьем, за платой, за инструкциями и увозят из города сырье для производства. По мнению Ф.З. Пугавкина, некоторые производства можно так организовать; причем на организацию их потребуются меньше основного капитала (экономия на зданиях, рабочих жилищах, администрации и др.), а сам продукт будет обходиться дешевле, т. к. крестьянин, живя у себя дома, не отрываясь от семьи, смотря на свой промышленный труд, как на побочный заработок, — будет брать со штуки своего изделия гораздо дешевле, чем эта штука обходится сейчас при скученно-городском производстве.

Мы просим мнения московских рабочих на предложение т. Пугавкина; причем особенно важно указать, какие предприятия можно так организовать и какие нет.

СИЛОВОЙ ГАЗ ИЗ ТОРФА

И.И. Игнатьевым разработан проект использования торфа на болоте, без вывозки за черту болота. Торф, как известно, не терпит дальних перевозок, да и перевозка его ложится большим накладным расходом на производство.

И.И. Игнатьев предлагает добытый торф превращать тут же на болоте в силовой газ. Для этого на болоте в центре разработок устанавливается газогенераторная печь, в которой торф, благодаря неполному сжиганию, превращается в особый силовой газ. Этот силовой газ по трубам нагнетается в город или на электрическую станцию, где он сжигается в газовых двигателях, в газовых топках под паровыми котлами, в кухонных плитах и т. д. Перевозки и потери торфа будут устранены, а газовые двигатели, работающие весьма экономно (как лучшие нефтяные двигатели Дизеля), еще более усилят пользу дела. По мнению И.И. Игнатьева, можно в два раза, и, в худшем случае, в полтора, снизить стоимость добываемой энергии из торфа, если осуществить его предложение.

<1929>

<НАБРОСКИ В ТЕТРАДИ. 1929–1930>

ИЗОБРЕТАТЕЛИ И АВАРИЙЦЫ

Один английский мальчик, по имени Ральф, работал в старину около цилиндра паровой машины изобретателя Уатта. Ральф сидел на деревяшке и открывал своею рукой кран, чтобы в цилиндр шла холодная вода и охлаждала там горячий пар. Пустив в машину достаточно воды, Ральф этот кран запирает и открывает другой, посредством которого из цилиндра выходила вода обратно. Теперь вода уже была горячеей, потому что в ней растворился пар. Затем мальчик закрывает и этот кран и открывает третий, чтобы в цилиндр машины входил новый пар. Напустив пар, Ральф опять открывает первый водяной кран, потом второй, третий, снова первый и так далее, целых двенадцать часов в сутки одинаково. Поршень той старинной паровой машины поднимался вверх и опять опускался. Поршень, это диск, круглый как тарелка, и он действовал равномерно и скучно, потому что мальчик не давал ему покоя паром и водой. Однако и мальчик тоже работал однообразно, как поршень, вечно поворачивая краны то вправо, то влево. Но поршню было хорошо, он не живой, а чугунный. Ральф же был живой и *[резвый]*, потому он целыми длинными днями грустил у машины. В первый месяц работы он пел песни, слышанные от матери еще тогда, когда он ел кашу из блюда. Во второй месяц Ральф петь уже перестал и опечалился от тоски

<Начало — середина 1929 г.>

«В ОСЕННЕЕ ВРЕМЯ ШЛИ ПО ДОРОГЕ...»

[Шли два красноармейца осенью по дороге, Силайлов и Нетнадный. Шли и горевали — как им дома быть.]

В осеннее время шли по дороге два красноармейца, Силайлов и Нетнадный. Шли и горевали — как им теперь дома жить. В старину бы они обрадовались, что их отпустили из армии на родину, а теперь шли печально.

Когда они были в Красной Армии, то над ними небо гремело от движенья самолетов, *[они ходили с музыкой мимо построек громадных заводов, учились тому, как нужно жить в классовом*

товариществе пролетариата и тому, отчего земля кружится, и помогали убирать хлеб с бедняцких полей] а здесь, в деревенской осени, небо было тихое и пустое, и сельские дворы стояли, каждый в отдельной загородке.

[Хотя и трудно, но торжественно и быстро, прошло время в Красной Армии. Много теперь сознавали Силайлов и Нетнадный, — отчего земля кружится и то, как нужно жить в классовом товариществе пролетариата, — и от разных знаний им люди и природа казались]

Силайлов и Нетнадный уж отвыкли жить в здешних местах и [не знали, как приступить] скучали по оставленным вдалеке, привычным товарищам

<Начало — середина 1929 г.>

ВЕТЕР-ПАХАРЬ <1>

В осеннее время шел по дороге отпущенный красноармеец Силайлов, а в лицо ему дул ветер. Силайлов с печалью поглядел на пустое деревенское небо, потому что когда он был в Красной Армии, то над ним небо гремело от движенья самолетов.

— А пахать нечем! — сказал Силайлов, чувствуя, что ветер силен, а для пахоты лошади нету.

Мать Силайлова давно лежала в болезни и старчестве. Как покинул ее Силайлов два года назад, так и возвратился — мать все лежала на том же боку.

— Пришел, сынок? — спросила мать.

— Явился, мамаша.

[— Знать, не убили тебя на войне-то?]

— Ну возьми кашки сухой поешь — нечем тебя и угостить-то! Я вся плохая лежу.

— А зачем меня угощать? — сказал красноармеец. — Это я тебя должен кормить, а не ты!

— Да ведь теперь, сынок, люди говорят, что старым жить не полагается...

— Брешут твои люди, мать. У нас союз поколений: старый и малый — все одно, раз у них общий лозунг!

— Да, знать, так-то, сынок: тебе видней!

Вышел Силайлов на двор — нет на нем ничего. Сарая уже не было, его, наверно, мать [на хлеб променяла], один только бурьян растет, да плетень уцелел.

Вывал Силайлов плетень, скатал его в громадный свиток и поволок кому-нибудь продавать. Выволок на улицу, а там уж нет

никого, потому время было осеннее и вечер. Силайлов знал, что их деревня безлесная и холодная, плетень каждому годен в печку, но народ живет неимущий, — едва ли кто купит плетень. Есть на конце деревни зажиточные дворы, есть там два богатых ветряных мельника, но не хотелось Силайлову из Красной Армии идти к кулакам. Пусть уж лучше мать ест сухую кашу до завтрашнего дня, а завтра он накормит старушку.

Но ехал в тот час угольщик из города, продав свое жженое добро, и Силайлов спросил его:

— Дядь, почему уголья продавал?

— Чартак! — ответил черный человек из своего хворостяного кузова.

— Дядь, купи плетень! — попросил Силайлов.

— Он нам не гош! — отказался угольный мужик. — Он даже сохлый, из него товара не нагорит, он сгорит.

— А ты его намочи!

— Не, — сказал угольщик.

— Ты, значит, не умеешь, — сказал Силайлов, — я бы сумел.

— На гривенник!

— Давай, — согласился Силайлов и, взяв деньги, поднял из всех сил плетень в кузов. Угольщик поехал в свою дальнюю деревню, а Силайлов пошел в кооперацию за мягким хлебом для матери.

[Озимых зеленей мать не сеяла, и многие другие деревенские бедняки тоже оставили землю порожней до весны]

На другой день Силайлов узнал в сельсовете, что земля безлошадной бедноты стоит почти вся несеемая, потому что живой тяги нету, а брать лошадей из кулацкого класса, так у бедноты бюджета не хватает, — тем более, что кулачество берет теперь за пахоту наличными и без рассрочки.

— А что у вас есть? — спросил Силайлов.

— Ветряная мельница есть, и та сломатая, — сказал сельсовет.

— А культура?

— Ее нету, только стараемся, — сообщил сельсовет. — Ждали — вот ты приедешь, вот Федька Нетнадный из морского флота вернется — тогда уж организуем полный актив!

— Эх вы, дяди-тетки! — обиделся Силайлов [. — *Вы бы хоть безлошадную бедноту с одноконной середнотой соединили и хоть бы маленькую артель иль*], и ушел в огорчении.

Надо бы давно еще соединить безлошадную бедноту хотя бы с одноконной середнотой, тогда бы и середняки получили машины и лучшие семена как колхозные члены, и бедняцкая почва была бы засеяна озимым хлебом. *[Но теперь уж некогда устным способом развивать перед середняками пользу]*

Однако, уже осень была на дворе и дул ветер над порожней бедняцкой землей.

[Силайлов долго глядел на сельсоветскую мельницу и гадал про себя какую-то мысль. Два крыла у мельницы были хорошие, а два худые, внутренние же передаточные снасти имели годное состояние. Отошед от мельницы, Силайлов постучал во все избы бедноты и повел за собой в сельсовет все девять человек, самых горюнов.

— Отдай нашей артели мельницу! — сказал Силайлов в совете.

— Бери, если]

<Начало — середина 1929 г.>

ВЕТЕР-ПАХАРЬ <2>

В 1922-м году председатель Воронежского Губисполкома тов. Новиков позвал меня к себе домой и сказал:

— Вот что. На тебе эту деревянную машину, ты попробуй ее со своими техниками: годится ли она пахать!

Новиков передал мне модель сложной ветряной мельницы, высотой в полметра. Я разглядел устройство машины. Самое мельничное рабочее колесо имело много лопастей, такие мельницы устраиваются в Америке. От главного вала шел вниз вертикальный, стоячий вал. А внизу, на площадке, устроен был барабан-лебедка. Эту лебедку мог вертеть стоячий вал. Верхний главный вал был еще сцеплен со стоячим валом коническими шестернями, и такими же шестернями передавалось движение на лебедку. Вся ветряная машина стояла на платформе, а платформа имела, как телега, четыре колеса.

— Заметь, — сказал мне т. Новиков, — во всей мельнице нет ни одного гвоздя и ни одной железной части, только — одно дерево.

Я заметил, что это — действительно правда. Где нужны были гвозди, железные скобы и всякие схватки — всюду стояли деревянные шипы, клинушки, чеки и различные поперечинки.

— А не рассохнется, не рассыпется? — спросил я.

— Нет, — ответил Новиков. — Что может выскочить, то закреплено насквозь, и с обеих сторон чеки вдеты. Железа у нас мало, вот я и сделал так, чтоб такую мельницу в каждом селе могли устроить...

Тот год у нас был трудный. Только что кончилась война с Польшей, а до нее была гражданская война и еще раньше — цар-

ская. Коней почти всех забрали на эти войны и там побили или изувечили. Нечем стало пахать землю под хлеб, а тракторов тогда у нас вовсе не было. Также не было у нас ни гвоздей, ни веревок, но были деревья, и то потому, что они сами росли. Значит, ветряная мельница Новикова была хорошо выдумана, что не требовала ни одной железки.

Лебедка во время действия ветряка должна вращаться и накручивать на себя толстую веревку, а на другой конец веревки будет прицеплен плуг. Раз мельница на колесах, то ее надо отвезти сначала на пахотное поле и там поставить. Ветер будет крутить крылья, лебедка потянет веревку, и плуг станет тащиться и пахать силою ветра. А по мере пахоты мельницу следует понемножку продвигать.

У товарища Новикова было тягостное сомнение — не опрокинет ли сильный ветер его пашущую мельницу, а также не случится ли еще чего-нибудь скверного.

Про то и должны сказать свое мнение инженеры, с которыми я тогда работал.

В тот же день я передал маленькую мельницу Новикова своему товарищу — инженеру-механику, чтобы он испытал ее действие.

Нам надо было спешить. Посевы хлебов тогда были столь же важны, как теперь индустриализация. Лошадей в губернии существовало очень мало, бедняцкая земля лежала вовсе порожняя, — значит нужно немедленно найти любую силу, которая могла бы пахать. В случае успеха ветряной пахоты, мы бы могли быстро сделать сотни пашущих ветряков, а тогда нам каждый лишний гектар посева был дорог.

Инженер-механик целую неделю ходил с мельницей Новикова по степи и все пробовал ее работу, но никак не мог дать своего научного решения. Не стерпев, я взял у него мельницу назад и стал испытывать ее сам, вместе со своим другом-техником. Сильный ветер несколько не опрокидывал мельницы, а только двигал ее произвольно, когда не нужно. Тогда мы приделали к мельнице якорь на веревочке, вонзали тот якорь в землю и тем держали всю машину неподвижно. Далее мы построили маленький плужок, прицепили его длинной бечевой к лебедке, и лебедка потянула плуг, а плуг стал глубоко корябать почву.

После того мы сосчитали, что когда пахарь-ветряк будет большим и настоящим, то нужно четыре лошади, чтобы его передвигать, а лошадей-то как раз и не было. Кроме того, ветряк тянул плуг только в одну сторону — к себе, а обратно, стало быть, нужно заносить плуг руками.

Поработав еще три дня, мы сделали в мельнице устройство, то есть передачу движения с лебедки на колесную ось, — с тем,

чтобы мельница передвигалась самоходом, тою же силой ветра. Испытав это добавочное устройство, мы увидели, что оно — хорошо. Вся машина покорно, хотя и медленно, передвигалась даже против ветра. Стало быть, лошади нам никогда не нужны. А чтобы пахать в обе стороны — требовались две ветряных машины, иначе ничего не выходило. Один ветряк должен стоять с этой стороны пашни, а другой — с той, и работать попеременно: одна машина тянет плуг к себе, а другая только отпускает веревку; а затем начинает тянуть вторая машина, а эта только разматывает веревку с лебедки.

Через неделю мы построили в мастерской вторую, точно такую же, ветряную мельницу, — и вышли в поле на пробную пахоту. Наши мельницы сами ездили и сами пахали, мы же лишь управляли ими, присев на корточках.

Громко обрадовавшись, мы пошли к тов. Новикову, чтобы он узнал, что ветер есть пахарь и усердный труженик, а машина Новикова — покорна и хороша.

Однако, Новикова уже не было в городе. Он уехал в другое, далекое место на важную работу. Мы послали ему письмо, но письмо не нашло необходимого нам человека. С тех пор я навсегда потерял товарища Новикова.

Тогда мы сами стали заботиться о ветровой пахоте. Мы читали доклады в залах, где сидели агрономы, и показывали им машину Новикова, но агрономы в то время слишком любили лошадей и навоз, — однако хлеб нужно есть каждый день, а пахать было нечем; новые же лошади вырастут нескоро.

Агрономы говорили нам:

— Это — мечта. Кроме того, ваша машина не дает навоза, а лошадь дает!

Мы отвечали:

— Если ветер мелет зерно, то он может и пахать. Удобрять же поля можно и фосфоритами, которые у нас в Нижнедевицком уезде наружи земли лежат.

— А все-таки нам нужно конское поголовье, а не деревянные вертушки...

Осерчав на всех, мы стали заниматься машинным орошением огородов близ нашего города, дабы найти победу над засухой, ибо засуха часто приходила в наши поля, не пугаясь стариков-агрономов.

Мельницы-пахари долго стояли без нашего внимания, хотя мы их не перестали любить.

К тому времени мы начали постройку одной деревенской электрической станции. К нам в контору ходило много крестьян, и мы не заметили, как неизвестный жулик своровал наши мельницы.

И вот прошло много лет. Наши мельницы выросли, из моделей они стали большими и пахали землю в колхозе «Красный Мир». Я встретил своих знакомых ветряных пахарей нечаянно и сразу узнал их, хотя они были теперь громадными и рыли четырехлемешным плугом тяжелую степную землю. Войдя на платформу ветряного двигателя, я поздоровался с человеком в красноармейской шинели и узнал, отчего теперь выросли и пахут наши украденные мельницы.

<Начало — середина 1929 г.>

«ДВА КРАСНОАРМЕЙЦА В СТАРЫХ ШИНЕЛЯХ...»

Два красноармейца в старых шинелях идут по глухой дороге. Они печальны. Горы облаков над бедной плоской землей, заросшей бурьяном.

Красноармейцы идут мимо тощей полоски ржи. Из ржи вырывается жаворонок. Он поет и трепещет в вечеряющем воздухе — над рожью, над красноармейцами, над всею низовой бедностью земли. Жаворонок — самая кинематографическая птица, потому что его трепещущее парение в точности повторяет его же песню. Красноармейцы, остановившись, глядят на жаворонка; затем вывертывают свои карманы с крошками и сыплют их наземь из своей бедности.

Худая деревня предстала возвращающимся красноармейцам. Это их родина.

Красноармеец Силайлов входит в свою избу. Его мать спит на лавке; она жует ротом во сне, а тараканы сидят у нее на лице и жуют ее. Согнав тараканов с материнского лица, как расчищают муть с воды, чтобы пить, Силайлов целует спящую мать. Мать не просыпается. Силайлов озабоченно трогает и изучает ее туловище. Дверь приотворяется: заглядывают и входят две загода горяющие старушки. И еще три.

Силайлов усиленно будит мать. Она не просыпается.

«Она не евши», — говорят старушки. Силайлов снимает шинель, накрывает ею спящую мать и уходит.

На дворе стоит старый плетень. Силайлов вырывает его прочь, скатывает в свиток и несет куда-то со двора.

Внутренность избы крепкого середняка. Полно народу. Товарищ Силайлова, другой демобилизованный красноармеец — Коньшин, сидит угощается в кругу семьи, родни и знакомых. Входит Силайлов.

«Миша, купи плетень на топку!»

Коньшин встает и слушает товарища. Отец Коньшина досадно машет рукой.

«Оставь его, Миша, ему бог подаст!»

Силайлов сейчас же уходит. Михаил Коньшин пытается нагнать Силайлова на улице.

«Погоди меня, товарищ взводный!»

Силайлов, не оглядываясь на него, уходит с плетнем на спине. Коньшин останавливается в недоумении. Он видит, как фигура Силайлова идет дальше в ночном сумраке, как Силайлов подходит к освещенной избе близ ветряной мельницы и находится около той избы некоторое время.

Силайлов входит с караваем хлеба и корчажкой молока в свою избу. Изба его уже полна народу, — это старухи, худо одетые бедняки с жадными, внимательными, умными лицами и подростки. Мать глядит на сына, морщит лицо, не имея силы заплакать, и крестит сына. Сын приподымает ее и поит из блюдца молоком.

Достав затем чашку, он выливает в нее молоко из корчажки, крошит туда хлеб и начинает есть ложкой. Он приглашает есть и других; все вначале совестливо отнекиваются, но потом постепенно входят в участие и едят из одной чашки — молча и в голой избе.

Утро. Силайлов идет за водой к колодцу. Колодец против кирпичной избы. Крышка колодца заперта на замок. Силайлов поддевает колом крышку, срывает замок и достает воду. Из кирпичной избы выбегает тощий, яростный мужик — в чулках, в жилетке и с кнутом в руке.

«Мой колодезь, босота! Не смей напиваться — сами копайте!»

Силайлов уже вытащил ведро с водой и пошел. Едкий мужик бежит за Силайловым и, догнав, бьет ногой по ведру — так что вода выливается.

Силайлов спокойно останавливается.

«Зачем? Я же у тебя десять весен батрачил!»

Мужик в жилетке выхватывает ведро и выливает остатки воды на землю.

«Чужой жидкости захотел, беспортошный класс? Пойди у Сталина напейся!»

Силайлов в мгновенном ожесточении дает мужику удар — и тот опрокидывается на голову, потом хватается руками за землю и идет некоторое время на руках, вниз головой. Затем мужик в жилетке спокойно встает и говорит Силайлову — почти что равнодушно:

«Видал? Мы и кверху ногами проживем, а тебя и ноги не удержат».

[Силайлов подходит к избе, на которой висит вывеска: «Ко-

митет Крестьянской Общественной Взаимопомощи деревни Мчало».

В Комитете сидит древний старичок, который режет хлеб на мелкие осьмушки и сверх каждого ломтя хлеба кладет ягоду и кусочек сахара.

Отпустив порцию Силайлову, старичок записал углем на стене: «воину — 1 норма».

На краю деревни сидит на пеньке древний старичок. На груди у него висит самодельная вывеска: «Крестком». Старичок пасет полную корову. Около старичка стоит цыбарка с молоком и кружка. Силайлов подходит к старичку. Крестком-старичок спрашивает у Силайлова документы. Силайлов предъявляет их. Крестком, изучив через очки бумажки, черпает из цыбарки кружку молока, достает из кармана кусок сахара и подает всю эту пищу Силайлову. Силайлов угрюмо выпил молоко. Крестком вынул из-за пазухи разносную книгу и дал ее Силайлову расписаться.

<Начало — середина 1929 г.>

«МАКАРИЙ ПОНОМАРЕВ РАБОТАЛ НА ЗАВОДЕ...»

[Старик Пономарев работал на чугунолитейном и механическом заводе имени Дзержинского]

Макарий Пономарев работал на заводе до тех пор, пока не стал стариком и не умер. Он двадцать три года был в кузнечном цехе молотобойцем и сердце его в конце концов остановилось от утомительной жизни. Это случилось в то время, когда на заводе ожидали первый паровой молот. Гроб Пономареву сделали в столярной мастерской завода бесплатно — такая льгота полагалась при капитализме всякому мертвому рабочему. Гроб понес домой сын Пономарева, тридцатилетний Фирс, сам уже работавший слесарем десять лет на том же заводе. В воротах Фирс обождал с пустым гробом на голове, пока паровоз осаживал на заводской двор две платформы с первым паровым молотом.

На следующее утро молотобоец Макарий Пономарев был закопан навсегда в глубину земли, а его сын Фирс остался на заводе сиротой. И еще целых двадцать лет Фирс работал на заводе без родни, пока уж совсем не обратился в усталого старика. За тридцать лет труда перед Фирсом, моим отцом, прошли целые поколения машин. Пришел паровой молот, изработался и умер. Вслед ему явился электрический, более работоспособный молот, и тоже успел износиться. Паровая машина несколько раз менялась на глазах моего отца — старинная золотниковая была удалена, на ее

место стала клапанная, потом компаунд-машина, затем едкая быстроходная турбина. И все это безвозвратно удалилось. В одно утро явились на завод заграничные монтеры и занялись установкой маленьких электромоторов на каждом станке, а трансмиссии, по которым совершалась передача движения от паровой машины к станкам, были сняты вовсе. Мастеровые равнодушно следили за переменами: они не давали им лучшего заработка и не сокращали времени труда. Машины развивались, человек же был угрюм и неподвижен.

Когда мне сравнялось четырнадцать лет, а отцу пятьдесят, я был определен работать на этот же чугунолитейный и механический завод, где некогда истомился до смерти мой дед и теперь отец заканчивал свои жизненные силы.

[Меня привели в электрический цех и велели таскать]

[Был июль месяц, когда я вошел]

[В июле месяце отец привел меня за руку в электрический цех и]

[Тогда он привел за руку своего сына, четырнадцати лет]

<Конец 1929 — начало 1930 г.>

<ПЕРВОЕ МАЯ>

1-го мая поверил свою мерку. И оказалось, что за ночь овес прибавился на целый сантиметр, — стало быть, он тоже рос не по-кулацки, а сознательно, и тянулся к ликующему дню.

Торжественное шествие председатель организовал по признаку малолетства. Впереди всех шли дети, только что научившиеся ходить, затем более возмужавшие подростки и так вплоть до стариков, которые шагали сзади всех в такт. А этот такт давала радиомызыка, которую несли впереди два чистоплотных старика на полотенцах; один нес ящик с приемником, а другой — рупор и сам подпевал в трубу, когда рупор давал фальшь. Две приличные девушки держали позади стариков антенну на шестах, а откомандированные ребята бежали стороной и волокли по мелкой речке провод заземления.

Шествие медленно выступало к правлению, на крыльце которого давно прохаркивался председатель, готовый грянуть речь. В те моменты, когда московская музыка вдруг зазвучала, ей на сто процентов помогал колхоз во весь свой общий голос. В моменты же всесоюзных взрывов радости, когда и Москва кричала от энтузиазма в груди, колхоз начинал дирижировать всеми руками гремящей трубе, а передние дети ругались и плакали.

Лишь безвестные странники молча сидели по уличному порядку, не поддерживая торжества и не возражая ему.

Предуправления дотерпел до пришествия масс и воскликнул изо всех сил своей радости:

— Да здравствует наша дружная неимущая масса! Да здравствуют наши малые дети, для которых мы закончим социализм, как только у них покажутся усы! Да здравствует все на свете, где проведена ликвидация кулака как класса и где торжествует наш одинокий геройский класс!

Бабы растрогались и утерли под глазами концами платков. Ста<рики>

<Весна 1930 г.>

ОДИН НА СВЕТЕ

(Повесть)

— Так отчего же нам быть с тобой счастливыми, товарищ Сафронов?

— Не от чего, товарищ Отчев!

— Нет, — сказал Отчев.

Окно дома было открыто в природу, которую сейчас волновал ветер — он уносил духовую музыку из сада советоргслужащих вдаль. От окна начиналась приовражная пустошь, а за оврагом, за бесплодным ущербом земли, был глинистый бугор, на нем сейчас шумело дерево и с тайным стыдом подворачивались его листья. Бугор и дерево находились уже на горизонте, ограничивая собою вечное зрелище из жилища людей. Невдалеке была пивная крестьян и отходников, там невыдержанные люди предавались забвению своего несчастья, и шум ожесточенно-горюющих доходил до Отчева и Сафронова.

— Тратят средства существования, — сказал Сафронов про пьющих.

— Значит, они не будут существовать, — произнес Отчев. — Люди же в общем мало живут: [*только родится, влезет на бугор посмотреть, а там внизу*] может быть, в одном детстве, а дальше — только бьется сердце за каменистыми костями.

— Дальше одна материнская инерция, — согласился Сафронов, ничему не радуясь; он вытянул руки за окно — в нежность ранней ночи, разнообразные грустные звуки произносились там из пространства — среди пауз духового оркестра и пивной бедняков.

— Когда я родился, я думал буду счастливым, и мать мне так обещала

<Весна 1930 г.>

«НА ГЛИНИСТОМ БУГРЕ...»

На глинистом бугре шумело дерево и с тайным стыдом подворачивались его листья. В саду совторгслужащих томился духовой оркестр [*о чем-то утраченном и недостижимом,*], и его скукающая, однообразная музыка уносилась ветром в природу. В одном доме было открыто окно в природу — в приовражную пустошь на краю города; за тем оврагом поднимался бугор в высоту и на нем трепетало дерево от ветра, — вестника близких, гонимых туч и дождя. У окна сидел постаревший человек, он слушал музыку с наслаждением, ему редко в жизни полагалась радость; он чувствовал, что музыка *<нрзб>* ему тот, лучший свет за неясным горизонтом, но слушатель ничего не мог совершить равнозначного музыке и проводил вечернее время неподвижно. В денежные дни он наведывался в пивную, где невыдержанные люди предавались забвению своего несчастья; там ему бывало легче, отвлеченнее, все равно, — там он, возбужденный горечью напитка, начинал надеяться, что одолеет свою скорбь пребывания в жизни и перейдет горизонт на ту сторону. Другие тоже надеялись и заранее тратили все деньги на пиво, — отрекаясь от средств существования ради чувства неизбежного счастья. Среди них и присутствовал Вошев, выпивая и питаясь воблой. А после пивной снова присаживался дома к окну, чтобы наблюдать нежную тьму ночи, слушать разные грустные звуки и мучиться сердцем, окруженным жесткими каменистыми костями.

Ночь прекращалась, и Вошев шел поутру служить в Комитет Уставов — на свою должность сверхштатного литератора в комитетском журнале «Оформление». Служба Вошева не требовала производства чего-либо, сверхштатный литератор обязан был лишь отстаивать журнал «Оформление» от угрюмой политики Комитета Согласований, который чрезвычайно нуждался в собственном печатном органе; [*без журнала Комитет согласований задыхался, не освежаясь необходимым мнением с мест. Редактор «Оформления», будучи Председателем Комитета Уставов, настолько врос в пост, что круглые сутки остерегался, как бы где не появилось безуставного учреждения; устав же считал смыслом жизни учреждения, без устава сейчас-же начинался бюрократизм, потому что служащие не имеют оформления своей деятельности, а отсюда и необходимость в журнале «Оформление».*] он задыхался без него; но и Комитет Уставов тоже не мог нормально

действовать без своего журнала, он должен был постоянно информировать учредительские массы, что безуставных учреждений быть не должно; кроме информации, журнал имел еще три отдела — Наша Линия, На Уставной Стройке и Организационные Вести, — но в эти отделы материал не писался: редактор раз навсегда приказал Вощеву, в целях безопасности, брать статьи из других изданий, коим по уставам более надлежало рассуждать.

— Ты знаешь, Вощев, — обратился редактор, — наша линия теперь точна и тонка как бритва, впереди других идти не сумеешь, лучше будем следовать.

— Это лучше, Федор Андреевич, — не возражал Вощев, зная вперед, что его не спрашивают, а дают предписание.

И Вощев резал статьи и заметки в тишине своего учреждения, а потом перепечатывал их на машинке, для порядка в делопроизводстве, и отправлял в типографию. Часть журнала, а именно — информацию Комитета Уставов — Вощев не заполнял: председатель Комитета, он же редактор, составлял его сам со своими помощниками и начальниками отделов

<Весна 1930 г.>

«В ТЮРЬМУ ПРИВЕЛИ ЧЕЛОВЕКА...»

В тюрьму привели человека. Жизнь его проходила все более печально, все надежды скрывались без вести, но сердце его билось все более часто и грудь нагревалась неизвестным счастьем.

Начальник тюрьмы, более грустный, чем новый заключенный, начал снимать с приведенного человека анкету и удивлялся словам узника. Закончив список сведений, начальник позвал надзирателя и сказал ему:

— Проводи товарища Череватова в седьмой номер. Дайте ему ужин и чай.

В седьмом номере стояло четыре койки и два столика, но никакого населения не было. В тоске по людям Череватов сел в шапку на одну койку и долго сидел, не чувствуя смысла устраиваться здесь. Поев затем говядины и каши, заключенный встал на спинку койки и начал глядеть в город и свободу. Вечерний летний мир был освещен электрической силой, и странен был этот мертвый, точный свет над синими живущими деревьями и над молодыми лицами людей, склонившимися друг к другу. Череватов подышал через решетку прохладным воздухом, каким дышит множество оставленных им на воле людей, — он почувствовал запах пота, газа машин и напряженной юности, и волнуясь протянул руки наружу. Часовой, ходивший по доскам на ограде, остановился против вытянутых рук и сказал Череватову: «Ступай спать, во сне скорей срок твой кончится!»

Череватов отошел от окна и помолчал среди камеры в недоумении неволи. Наставала тьма и сиротство; запертый человек не знал, что ему теперь чувствовать и с кем утомлять тоску своей жизни. Он прислонился к прочной, мертвой двери и стал слушать, как ходит в туфлях по коридору надзиратель. Человек был близко, он иногда что-то бормотал

<Вторая половина 1930 г.>

ИНТЕРВЬЮ

[(Очерк)] (Рассказ)

Небольшой мужичок вышел из обобществленной конюшни и с удовлетворением погладил свое сытое лицо. Но он был рад не своему здоровью, а всецелой колхозной жизни, простиравшейся в избах и на полях вокруг него.

На ближайшем приусадебном массиве терпеливо гудели джон-диры машинно-тракторной станции, поднимая зябку, и мужик малого роста долго и чутко слушал работу машин, вообразив их тяжкое усилие до такой точности, что на его лице выступил пот трудового сочувствия. Поверхность всего лица данного мужика имела вообще значительные отверстия, благодаря вековой привычке потеть, но теперь те скважины в его лице стали что-то зарастать.

«Надо заняться какой-нибудь пользой», — решил этот человек, стесняясь времени, когда голые машины пашут, а он и лошади лишь молчаливо живут, жируя туловищем на воздухе.

— Пойдем в колхозные луга — сено сгребать, — сказал он мне.

— Хорошо, — ответил я, — и пошел с ним по пустому солнечному пространству в вечную долину.

[*Это событие произошло в колхозе имени Ленина*]

<Осень 1930 г.>

КАК КЛАСС

Под этим названием мы намерены организовать небольшой отдел журнала с ликвидационно-прорывочным назначением. То есть, отдел будет пытаться пробовать стремиться ликвидировать прорывочные явления в литературе нашей, в литераторах наших. Отдел будет скромн, но зорок, [*терпелив и яростен. Его (отдела) задача не только в ликвидации, но и — так сказать — в помощи тем литераторам нашим, которые серьезно заняты пошивкой или перешивкой своих душ, с тем, чтобы они (души) годились души эти стали инженерным инструментом для строительства*] яростен и благороден. Для руководства отделом и обеспечения в нем этой благородной, возвышенной и объективной атмосферы мы пригласили сотрудника со стороны — мадемуазель Валькирию Кирилловну Стерветсен, быв. директрису «Бюро пиявок», ассистентку проф. Ричарда Гавриловича Рабиновича по каф. аскаридной фауны человека.

Ред.

<1930>

РАЗРУШЕНИЕ ИДИОТИЗМА

В городе имени Угадова опорожнили окружные учреждения и вывезли из них исписанной бумаги, считая повагонно, эшелонов семь.

Служащий персонал вышел наружу, вздохнул и прочитал уличный поперечный лозунг:

«Товарищи! Наш округ ликвидирован — в добрый путь на районы!»

Наутро бывшие окружные служащие положили в свои портфели хлеба и пшена, зашили внутрь головных уборов командировки и пошли пешком в глубинные районы. До околицы города командированных молча провожали жены и дети, а на последней, остолбленной черте города все остающиеся родимые существа вдруг загрустили и заплакали. От этих слез и звуков служащие тоже растрогались и, отошедши вдаль, капнули слезами в почву

<1930>

ЗАПИСКИ ОРГАНИЗОВАННОГО ЧЕЛОВЕКА

Чем больше я добровольно организуюсь, тем гуще ко мне приходят нечаянные, бесполезные мысли. Вчера сидел на бульваре под луной, как под эгидой. Мимо шли девушки и женщины — живая любовь человечества! Как однако это заранее благоустроено: любовь идет в виде факта, в виде определенного, ограниченного вещества, — это сильнее и тревожнее любой самой грустной и самой плодородной идеи. Но — достигим ли человек для человека? Не вижу. Человеку нарочно понравиться нельзя

<1930>

«В 1918–20 ГОДАХ В ОДНОМ ПРОВИНЦИАЛЬНОМ СОВЕТСКОМ ГОРОДЕ...»

В 1918–20 годах в одном провинциальном советском городе существовал железнодорожный политехникум. Этот политехникум был похож на ту бурсу, которая описана Гоголем, — даже больше того: нужно назначить директором бурсы-политехникума самого Тараса Бульбу, чтобы получить представление о характере такого училища.

Однако бурса и Сечь были национально-феодальными учреждениями; политехникум же, о котором идет речь, был большевистской технической, военной и политической школой, где учили преимущественно молодые рабочие-большевики.

Город, где находился политехникум, был на юге. Белые генералы — Деникин, Мамонтов, Шкуро — рвались через этот город на Москву; кроме них, кулацко-бандитские отряды постоянно возились в губернии и портили революцию. Поэтому студенты политехникума работали в последовательном порядке: им давали отпуск и они уходили в железнодорожные депо чинить паровозы и ездить на них кочегарами или отправлялись пешком срывать оборванные телеграфные линии, а затем возвращались в школу и проходили дифференциальное исчисление, канализацию сильных токов и т. п.; вскоре же студенты снова покидали политехникум, охраняли пакгаузы, стреляли вместе с Красной Армией из оврагов и кустарников по белогвардейским туловищам и опять шли заниматься сопротивлением материалов и трансформацией переменных токов. От такого шахматного порядка занятий наука лучше усваивалась, и студенты *[никогда не скучали, ибо ни техническая наука]* На полях войны, в тоске и темноте ночей, когда неопытным студентам-рабочим поручали вести паровозы без огней в глухие бандитские степи, в одиночестве с машиной, — техническая наука всегда находилась где-то внутри, в груди революции, а не на отдельной высоте, не в «надстройке». Электротехника и механика, несколько пассивные сами по себе, во время классовых сражений становились орудиями борьбы и быстро поэтому воспринимались.

Среди десятков моих друзей один товарищ был для меня дороже всех — тогда и теперь. Его фамилия *[Череватов]*, и он в 1926 году умер в Ленинграде лет двадцати пяти от руды, вероятно от утомления. Худой на лицо и равнодушный по характеру

<1930–1931>

«СКУДНАЯ ПУСТОШЬ...»

Скудная пустошь — далеко уходящая видимая бесприютность местного мира. Конец изгороди. Стоит распряженная большая арба. Арба покрыта животными кожами и походит на передвижное жилье. Около арбы лежит на животе Надежда Босталоева и пишет письмо, положив бумагу на полевую военную сумку.

Босталоева (проверяя написанное, напевает свои слова, и снова пишет). Дорогой мой друг Вермо... Целую тебя в косой зуб. (Нет, сразу не целуются, сначала занимаются делом, — потом уж). Дорогой мой друг Николай Вермо... Как скучно мне! Везде животные, везде природа лежит и я сейчас пишу тебе, лежу на животе... Здесь ничего нету, а нужен социализм... Я пробую себя за тело и чувствую как бьется во мне кусочек партии — мое сердце... Ты знаешь, Вермо, сердце здесь тоже сила, когда кругом бедность и тайное кулачество, и когда сердце верное... Но буду справляться, буду (чего же я буду?)... Буду любить конкретно свой класс и забуду тебя... Дорогой мой друг Николай Вермо... Как синее небо, влечет меня что-то... Может быть, это будущее время и будущие люди... Вермо, пойми меня, когда я сама себя еще не понимаю. Если ты для меня лучше всех, то значит есть бог и не будет социализма... Или — это глупость... Как я люблю тебя и твой конкретный косой зуб. Я всматриваюсь во всех людей — где бы найти такого же как ты, чтобы забыть тебя... Пиши ответ поскорее. Марок здесь нету, ты оплати в Москве. Мой дом, это кибитка на колесах. Прощай, прощай. Надежда Босталоева. Возвратиться раньше хотя бы фундамента социализма я не могу. Твоя Надежда. Обними меня во сне, когда я вижу тебя... (Поднимается, забирает принадлежности письма, говорит одна). Прощай, прощай... (удивленно догадываясь) Отчего мое сердце, мое чувство (берет себя за грудь) предано всей партии, а любит только одного члена? Что это такое — ошибка или диалектика?.. Я допишу письмо и спрошу его. (Уходит в крытую арбу).

Является профессор Умрицев — с небольшим чемоданом и портфелем. Пауза. Умрицев садится на чемодан. Пауза.

[Умрицев] Интергом. Ветры, травы, времена года, сны, ежедневное питание, еще эта старая стерва — любовь, бюрократизм... Как надоели мне эти пустышки жизни, боже мой, боже мой!.. Если б не большевизм, я кончил бы с собой где-нибудь в овраге.

Из арбы тихо выходит Босталоева. [Умрищев] Интергом не замечает ее.

[Умрищев] Интергом. Так хочется иногда забвения. Смотришь на какое-нибудь, даже дурацкое, лицо и думаешь: товарищ, дай я тебя поцелую. Но он отвернется — не кончилась, говорит, классовая борьба, — кулак мешает коснуться нашим устам...

Босталоева. Но он не отвернется...

[Умрищев] Интергом (вставая). Вы — например?

Босталоева. Я например.

[Умрищев] Интергом целует Босталоеву.

Босталоева придерживает его, удлинняя поцелуй.

Пауза.

[Умрищев] Интергом. Благодарю вас, батрачка. Вы потрясли мой нравственный оппортунизм.

Босталоева. Я очень рада его тряхти.

[Умрищев] Интергом. Скажите: вам не странно бывает существовать?

Босталоева. Нет. Для меня мир странный, а не я.

[Умрищев] Интергом. Возможно. Я вижу, что у вас хорошо поставлена массовая воспитательная работа.

Босталоева. Не очень — представьте себе.

<1931>

«ОКОЛИЦА УСАДЬБЫ СОВХОЗА...»

1-е действие.

Околица усадьбы совхоза. Конец изгороди. Пустошь. Неопределенные, далекие звуки работы и суеты. Иногда — мычание коров и других полезных животных.

На пустошь является профессор Умрищев с портфелем и небольшим чемоданом. Профессор останавливается вначале в задумчивости.

Умрищев. У грабарей дети рождаются весной, у вальщиков — среди лета, у гуртоправов к осени, у шоферов зимой, доярки отделяются к марту месяцу, а монтажницы в марте только начинают: поздно-поздно, голубушки, начинаете — летом носить ведь жарко будет!..

На пустошь выходит со стороны совхоза старушка Иванна и прислушивается к словам профессора. Умрищев не замечает ее.

Умрищев. Но у кого же дети рождаются круглый год? (Вспоминает). Забыл! Забыл я этот счастливый ведущий авангард, который рождает непрерывно! (Озирается). И где я наконец! [*Отчего так дико, так ненаучно, так безумно кругом!..*] (Пауза). [*И почему так странно быть человеком?..*] (Подходит к изгороди; берется рукой за жердь). Разве это предмет? — Это чепуха, скука жизни, — это одно способно вызвать ярость масс против природы! (Вытаскивает жердь, говорит ей). Ведь сколько лет весь мир трудился над тобой, сколько света солнце пролило на тебя! И что же — получился кол!.. Я констатирую следующее: горит вверху блестящее солнце, а навстречу ему растут деревянные колья! При таком положении — я категорически возражаю против работы солнца и требую мрака!.. И зачем тут загородка — какие хищники здесь угрожают коммунизму? Неужели здесь нет рационализаторского ядра? Я поражаюсь, — я грущу и тоскую в этом свете. Я не могу переносить непрерывных и бесстыдных научных упущений! (Горюет).

[Иванна] Федератовна — вздыхает, давно пригорюнившись.

Умрищев пристально глядит на нее, первый раз заметив.

Умрищев (с глубоким сочувствием и радостью). Старушка!

Федератовна (также сочувственно). Старичок!

Умрищев. Ты что ж — существуешь?

Федератовна. А что ж мне больше делать-то, батюшка? Привыкла, и живу себе.

Умрищев. А тебе не странно?

Федератовна. Ничего. Я только интервенции боюсь, а больше ничего... бессонница еще мучает меня — по всей республике громовень, стуконень идет, разве тут уснешь!

Умрищев. Интервенция?! А ты знаешь это понятие?

Федератовна. Знаю, батюшка. Я все знаю — я культурная старушка.

Пауза.

Умрищев (сочувственно). Старушка!

Федератовна (ласково). Старичок!

Умрищев. Ты — Кузьминишна?!

Федератовна. Нет, батюшка, я — Федератовна. Кузьминишной я уже была.

Умрищев. Федератовна?!

Федератовна. Федератовна, старичок. Я после культурной революции взяла, надумала и переименовалась

Умрищев. Никто не возражал против Федератовны?

Федератовна. Приветствовали, батюшка. На руках носили, вверх подкидывали.

Умрищев. Так ты может формально только культурной стала?

Федератовна. Нет, батюшка, я по совести.

Умрищев. Химию знаешь?

Федератовна. А то как же? Я член.

Умрищев. Что такое аш два о?

Федератовна. Жидкость, батюшка.

Умрищев (растроганный). Дай я тебя поцелую!

Федератовна. В щечку, батюшка.

Умрищев (целуя Федератовну). Нежная моя научная старушка. Боец против стихий природы, против тьмы, против загадочных будущих времен.

Федератовна. И против классов, старичок, против

<1931>

БЕГЛЕЦ ИЗДАЛЕКА

Человек вышел из низких портовых мест города Ленинграда, или вообще из ветреного финского поморья устья Невы.

В то время, когда этот человек явился на площадь Восстания, у него было уже советское удостоверение личности, что он — Серафим Серафимович Бесгосподний, рожденный в г. Кадоме 1899 г. В действительности же Бесгосподний родился [*не в русско-тамбовском уезде, а в роскошной южно-французской провинции, в деревне Ильдемонт, и на десять лет позже, чем в документе. Но четырех с половиной лет от роду, привыкнув доверяться ногам, Бесгосподний отбыл из Ильдемонта и, заблудившись на свете, до сих пор не мог вернуться домой*] иначе и в другом месте, потому что он часто повторял вслух свое документальное прозвание, дабы запечатлеть его памятью.

На дождливом северо-западе мира — Ленинград один из самых скучных городов: его многочисленные памятники, вышки и металлические изгороди похожи, в сущности, на погребальные устройства, на принадлежности вечности, а не [*сего, преходящего хотя и мучительного*] сей мелкомучительной, исчезающей жизни. На одном мосту Бесгосподний остановился в чувстве смутного настроения, — он поглядел в тьму потока, преходящего под мостом, в глухую даль речного устья, откуда он явился в этот город царей и пролетариата.

На башне Октябрьского вокзала значилось 11 часов ночного времени. По Лиговке ходили всемирные женщины, утешительницы всех безнадежных или неорганизованных людей. Бесгосподний просмотрел встречные лица женщин, пританцовывавших для наглядной прелести скрытого тела, и нашел их одинаковыми с жительницами улиц Южной Америки и столь же хладнокровно-ласковыми, как и туземки аравийских портов, — это был сущий интернационал сестер милосердия для всех одиноких, бедных и бредущих. Ни одна женщина, однако, не задержала Бесгосподнего, настолько он был плох с лица и худ в одежде; если бы время сейчас было более позднее, тогда вероятно участь Бесгосподнего стала бы лучше: к утренней холодной заре женщины приглашают прохожих греться взаимным теплом и дышать друг в друга где-нибудь в одичалом месте северных дворов.

Но теперь шел дождь. Бесгосподний остановился было у входа в общественную уборную, и не знал, что делать далее. Он дрожал

от усталости и поднял лицо к дождю, чтобы падающая жидкость смывала слезы с его лица. Выходящие люди застегивали штаны и спрашивали у Бесгосподнего — не продает ли он спичек; это была обычная коммерция совестливых нищих. Но Бесгосподний мог продать лишь кусок своего тела и пошел отсюда в более скрытое место.

Под воротами одного дома, громадного и тихого, он остановился. Здесь было темнее, безлюдней, и несколько теплее. Он простоял всю ночь и увидел медленное утро, покрытое непрерывным дождем. Вскоре у ворот собрались четыре грустных женщины и стояли, пока им не открыли входа. Бесгосподний посмотрел внутрь двора, там ходили больничные молчаливые люди и около самых ворот виднелась узкая дверь в подвал-покойницкую.

Затем ворота затворились и только к полудню выпустили двух женщин; каждая из них вынесла

<Начало 1930-х гг.>

ЧЕЛОВЕК НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Тридцатилетний мужчина пришел в столовую с пивом по Лиговской улице в Ленинграде и попросил пьющих и присутствующих об одном одолжении:

— Товарищи, проводите меня в кассу!

Его охотно проводили: в пивной люди добрей, чем наружи.

Вошедший поел и попил, что можно, но без всякого внимания и удовольствия — видимо, он был пьян и безумен.

Однако, в действительности, он был рад и счастлив. Его лицо давно уже посерело и утомилось от технических и прочих страстей; но когда-то это лицо было, наверно, превосходно, своей жесткой выразительностью — точным совпадением с постоянно возбужденным чувством — и привлекало друзей и женщин.

Он отдал тут же свою шляпу более бедному соседу, объяснив, что он ее больше не может носить — ее насквозь проклевали комары — и пригласил всех сочувствующих ему сесть теснее и безгранично закусывать за его счет. Ввиду случайного малолюдства в столовой, этот человек велел созвать компанию из прохожих на улице и найти немедленно бригаду из двух гармонистов — для непрерывной игры, для наслаждения.

Среди разросшегося таким способом торжества, [*среди рабочих и колхозных плотников*] окруженный благоприобретенной дружбой, тридцатилетний гость стал вдруг скучен, вынул из бумажника, набитого громадными суммами, тысячу рублей и, положив ее на расплату за всех, ушел прочь.

Он уже окончательно опомнился. Как у хорошего поэта, который настолько напряжен и встревожен, что читает свои будущие книги во сне (но тотчас же их забывает), так у этого человека — в моменты чувства и забвения — накапливалось творчество. Только дурак думает непрерывно и насильно.

[*На Пушкинской улице он позвонил в квартиру с надеждою*]

<Начало 1930-х гг.>

«ПРОФЕССОР-ХИРУРГ...»

1. Профессор-хирург. — [Горяинов] Дмитрий Дмитриевич Верещасный.
2. Его жена. — [Настя] Елена Кузьминишна.
- [3. *Историч. личность.* / Друг профессора Игрищев, М. Дремучев, *Ив. Ив.*]
4. Летчик. — Борисов, Сергей Александр<ович>.
5. Женщина-летчик. — Таня.
6. Тетка (?) — Марфа Евгеньевна.
7. Домработница. — [Елена] Нюра.
8. [Инженер-летчик] Воздушный инженер. — Пушкайло.
9. Летчик, товарищ. — [А. Подсекайлов / Прасковьи / Дунин] Печенегов.
10. Сторож при искусств<енном> сердце. — [Печенегов] Апатич.

1-е действие.

Кабинет Верещасного: удобная мебель; два большие окна; [за окном]

В левом углу кабинета два шкафа — один с книгами, другой — с хирургической аппаратурой. Между окнами стоит высокий специальный шкаф, причем задняя стенка его зеркальная; верхняя часть шкафа герметически закрыта стеклами; в этой верхней части находится стеклянный диск, приподнятый на ножке-стойке; на этом диске лежит вырезанное сердце [из животного]; несколько трубок и электрических проводов идут от сердца в нижнюю часть шкафа и там соединяются с различными механизмами. Над шкафом, соединенный с ним проводами, подвешен на стене звуковой прибор, почти в точности похожий на радиорепродуктор.

Сердце в шкафу работает; репродуктор в точности передает ритмию живого, бьющегося сердца, причем звук

На сцене никого нет. Пауза.

Входит Елена одетая (?)

Елена. Сколько же сейчас времени? Жизнь идет, а я ее не считаю. (Ищет карманные часы среди комнатных предметов, находит их, надевает на руку). (Обращаясь к искусств<енному> сердцу в шкафу). А ты все [дышишь и] бьешься и бьешься! Бед-

ное сердце: ты никого не любишь, а живешь... (Интимно) Ничего — бейся в своей клетке: мое сердце любит, а не живет. (Подходит к окну, [*за окном взрыв:*] и глядит на улицу. Звонок телефона. Елена берет трубку телефона).

Елена. Слушаю... Это квартира профессора Верещасного... Ах, Дмитрий?! Ну что ты Дмитрий? Как я себя чувствую?.. Скучно чувствую!.. Нет, нет, ничего особенного. Что болит? Душа болит — ты оперировать ее не можешь... Когда? Через полчаса. Сколько у тебя еще операций? Одна только? Хорошо, буду ждать, ты не задерживайся... Искусственное сердце? (Глядит на шкаф с искусственным сердцем) Оно все бьется, Димитрий. Нет, ни разу не переставало... Ровно-ровно, как мое, ровней моего... Целуешь? Тебе не надоело? Нет?.. (Мнется). Мне тоже нет... (Вешает трубку) Он меня целует по телефону! Боже мой, никому не надоело целоваться. А мне уже надоело понемножку: [*не хорошо*] не люблю я любить через [*слюни,*] губы. Скучно мне стало целоваться. Надо через что-нибудь другое. (Отходит к окну и прислоняется лбом к стеклу).

Входит запыхавшийся Апалитыч; он в валенках, в теплом шарфе, ветхий старичок.

Елена его не замечает вначале. Апалитыч пробирается к шкафу с искусственным сердцем и слушает его. Елена оборачивается, но ничего не говорит.

Апалитыч. Бьется нормально... Может Митрий Митрич успеет выдумать поскорей железное сердце [*и мое*] и мне его вставит!.. Тогда я поживу! Эх и поживу я тогда — [*как научный вечный старичок*] нормально, планомерно, превосходно, всем массам на радость! Буду жить как научный вечный старичок: [*всему*] свету в поучение, что всех обогнали! (Прислушивается; восторженно) Дышит! Маленькая сволочь, безумная вещь, — а живет и живет! Уже двенадцать суток бьется — и не утихает; сколько хочешь пробьется! Эх, [*дожить*] прожить бы мне еще половинку пятилетки — сроду бы не стал умирать: как можно — смерть ведь стала бы ненаучным фактором, невежеством, контрреволюцией... Женщину бы к себе какую-нибудь неорганизованную приурочил — эх, научность ты научность!..

Елена. Апалитыч, ты что?

Апалитыч (в испуге и стеснении). Здравствуй матушка, Елена Кузьминична... Меня Митрий Митрич к вам из института командировал: беги, говорит мне Митрий Митрич, беги, говорит, старичок, — супругу мою проведай, может, ей яблок хочется — сбегай, говорит, тогда хоть к частнику на углу. А я уж знаю — откуда у вас яблоки: вы женщина прекрасная, откуда у вас яблоко? — вот я и купил вам яблоко (вынимает из кармана яблоко, вытирает

его концом шарфа и дает Елене) А еще мне приказал Митрий Митрич: побегу, говорит, старичок, глянь на мое искусное сердце — дышит оно или сломалось. Наука ведь: все может стать ошибкой в конце концов! (Слушает) А оно, оказывается, бьется!..

А я там при вашем супруге научным старичком живу: что-нибудь сделать, что поменьше и полегче, спирты разные спичками зажигаю, сколько раз просился, чтоб надо мной опыты делали — не хотят, одних животных мучают. А я же тоже животное: еще покойник всемирный ученый Чарльз Дарвин говорил...

Елена. Апалитыч, я же давно знаю, кто ты такой. Выпей рюмочку! (Достает из шкафа графин и наливает рюмочку старичку)

Апалитыч

<Начало 1930-х гг.>

ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ

О МАШИННОМ ПОЛИВЕ ПОЛЕЙ В РАЙОНАХ МТС

В 1922 году, после великой засухи 21-го года, группа молодых советских техников, слесарей и монтеров, работавшая в земледельческой области на юго-востоке, сделала ряд героических попыток, чтобы найти действительные способы против засухи. Внимание этой группы техников было обращено на отыскание такого технического средства, которое было бы посылно рядовому хозяйству, т. е. середняку.

Был тогда произведен ряд трудных работ по искусственному орошению и по увлажнению. Но некоторые причины технического смысла, а главным образом социального — так и не позволили первым работникам противозасушливых начинаний довести их дело до широких, общественных размеров. В той оросительной бригаде был и я, поэтому я знаю это дело.

Непреодолимые тогда технические причины были следующие: во-первых, отсутствие наличной двигательной энергии в деревне; создание же новых силовых установок, работающих специально на орошение, т. е. месяц—два в году, было совершенно нецелесообразным и невыгодным предприятием; второй скверной технической причиной являлось отсутствие дешевых водоводов. Ведь от источника воды до места ее использования лежали значительные расстояния (1—2—3 км). Вести воду в металлических трубах опять-таки было совершенно невыгодно, и на такое дело не хватило бы в СССР труб.

Социальные условия тогдашней деревни также не позволяли развить широких, полезных работ по борьбе с засухой. Искусственное орошение и увлажнение требуют больших массивов земли с цельным хозяйственным планом и согласного труда целых сел, — одним словом, техническая победа над засухой возможна обязательно при коллективизации, а не при единоличном хозяйстве. При наличности даже всех технических и экономических условий серьезная и успешная борьба с засухой в единоличной, раздробленной, застарелой, обветшалой, подверженной влиянию кулаков деревне — абсолютно невозможна.

Это твердое убеждение вынесли все мы, работавшие над задачей засухи в 1922 и 1924 гг., когда наше героическое напряжение дало лишь жалобные результаты.

Теперь положение отлично изменилось. Все социально-классовые сопротивления движению техники в сельское хозяйство пропали

навсегда. Изменилась и техническая картина государства: в деревне появились уже десятки тысяч тракторов. Подъем и подача воды в поля, прибыльная пока что лишь за счет побочного, добавочного использования двигателей, стала теперь, благодаря трактору, вполне возможной. Новая техника также дала и дешевый водовод: деревянную трубу вместо металлической.

Надо сказать, что те техники, с которыми я работал 1½ года, уже применяли в 1923 г. деревянные трубы, но эти трубы имели вид четырех досок, скрепленных гвоздями и особыми деревянными хомутами, и способны были работать лишь при невысоких напорах. Теперь же за границей (если не ошибаюсь, то и у нас также) появились деревянные круглые трубы заводского производства, вполне заменяющие железные, но гораздо дешевле их. О трубах я пишу потому, что водовод есть главный предмет в расходах по орошению.

Следовательно, все тяжкие встречные причины для подачи воды в поля в 1922–23 г. — к 1930 году отпали или стали легкими.

Теперь задумаемся над вопросом, защищен ли наш юго-восток, Северный Кавказ, Украина, южная половина ЦЧО и другие районы от засухи?

Нет, нисколько не защищены, — если не считать общего подъема агрикультуры, в результате механизации сельского хозяйства и коллективизации. Это, конечно, в маленькой степени делает урожай против засухи более устойчивым. Но полной защиты нет, как нет и достаточного питания растений влагой даже в незасушливые годы, что дает постоянный недобор урожая, постоянный голод полей на влагу, благодаря несоответствию во времени осадков и наибольшей потребности в них со стороны растений.

Небольшую засуху, выражающуюся не в гибели хлебов, а в недоборе урожая, мы переживаем, наверно, почти каждый год.

Стало быть, наши, колхозные теперь, поля всецело зависят от природных осадков, причем и в так называемые благополучные годы — осадками управляет дикая природная стихия и наибольшее количество осадков очень часто не совпадает с наибольшей нуждой в них, что резко снижает урожай. Следовательно, и в незасушливые годы некоторая додача воды в поля будет высокополезна для повышения урожайности, в засушливые же годы вода спасет основное достояние миллионов колхозников.

Упираясь в эти изложенные соображения, я предлагаю следующее.

Поставить ближайшим летом в районах густой коллективизации, где действуют МТС и где есть наиболее подходящие гидрологические условия и условия рельефа, — широкие опыты по экстенсивному, т. е. простому и широкому орошению полей.

М.1286 2/1-2/15

11.

~~О машинном поливе полей в районах МТС~~
(в порядке предложения)

2. - О машинном поливе полей в районах МТС

2. В 1932 году, после великой засухи 21-го года, группа молодых советских техников, работавшая в сельскохозяйственной школе на юго-востоке, сделала ряд попыток, чтобы найти способ борьбы с засухой. Внимание этой группы техников было обращено на такое техническое средство, которое было бы полезно районному хозяйству, т.е. орошению. Произведен ряд работ по искусственному орошению и по удалению. Но некоторые причины технического характера, а главным образом, социальное - так и не позволили орошению развиваться до широких размеров. В этой оросительной бригаде Бил и др. (возможна в 3 км от этого села).

В предельные тогда технические причины были следующие: отсутствие наличной двигательной энергии в деревне; создание по новым силовым установкам, работающим специально на орошение, т.е. несколько в году, было совершенно нецелесообразным и невыгодным; второй технической причиной являлось отсутствие дешёвых водопроводов от источника воды до места ее использования (длина значительная). Вести воду в металлических трубах опять так было совершенно невыгодно и на такое дело не хватало бы в СССР труб.

Социальные условия тогдашней деревни так же не позволяли развить широких работ по борьбе с засухой. Искусственное ороше-

Статья «О машинном поливе полей в районах МТС». Машинопись. РГАЛИ

Разумеется, места этих опытов должны находиться в засушливых краях СССР.

Ошибки искусственного орошения прошлого времени обычно начинались с проектировки гигантских плотин и мощных водоподъемных станций на пустом месте, — я же предлагаю создать экстенсивное дешевое орошение, опираясь на ту новую техническую и социальную основу, которая появилась теперь в деревне.

Для этих целей необходимы трактора, во-первых, и колхозы — во-вторых. Работа первого сезона (опытно-исследовательская) должна начаться еще с зимы. За исходный пункт работы необходимо взять водные источники, за счет которых будут снабжаться поля. Но надо помнить, что нам нужно экстенсивное орошение, т. е. орошение не по наилучшим нормам, а по маленьким, с захватом наибольшей площади. Надо знать еще, что мы должны давать воду только на высшие точки рельефа, откуда вода пойдет самотеком, и что мы, стало быть, идем на значительные потери воды. Зная все это, нужно определить, сколько можно взять воды из местных существующих прудов, колодцев и речек, не нарушая водоснабжения населения.

Обследовав затем площадь, которую можно снабдить наличными запасами воды, а также рельеф, расстояния от источников до господствующих точек, мощность тракторов и других местных двигателей, которой можно располагать для подачи воды (помня, что для тракторов работа по орошению только побочное дело, силу с них снимать можно, лишь не мешая их основной работе), — изучив потом и выяснив сложение всех этих условий и предметов для снабжения полей водой, — предварительную работу можно считать законченной.

Организация дела машинного полива полей должна, по-моему, представлять следующую систему, начав ее уже с первого опытного года. За образец организации берется МТС, поскольку вся проектируемая работа должна вырасти на плечах МТС и коллективизации и представлять как бы боковое предприятие МТС.

Учреждаются межселенные насосные организации. Районы действия каждой из этих организаций совпадают с районом действия местной МТС, потому что силовая база насосной организации есть тракторный парк местной МТС. Далее, насосная организация обслуживает те же колхозы, те же площади, что и МТС. Понятно, что в первые годы насосные организации не должны и не могут снабжать водой все поля тракторной обработки: на это не хватит ни машинной силы, ни воды, ни оборудования. В первые год-два насосные организации будут обслуживать $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{10}$ площади МТС.

Средства для организации насосных предприятий складываются из государственных ассигнований, отчислений Трактороцентра,

из сумм кооперативных центров и самих заинтересованных колхозов. Средства идут на приобретение оборудования для насосных организаций. Это оборудование состоит из двух главнейших предметов — центробежных насосов и деревянных водоводов. Это есть единовременные капитальные затраты. Следующим предметом расхода служит покупка эксплуатационного имущества: материалы (смола, гвозди, веревки, жерди, установочные брусья и т. д.) и инструмент.

Приблизительный подсчет дает капитальных затрат около 6 рублей на гектар (не считая, конечно, стоимости тракторов). Расходы по эксплуатации (имущество, топливо, смазка, пользование трактором, персонал, %% на капитал) дают добавочно около 5 рублей на каждый гектар экстенсивного полива. Все это действительно к площади не менее 100 га каждого участка орошения.

Итого мы получаем капитальных и эксплуатационных затрат 11 рублей на 1 га; из них ежегодная стоимость подачи воды на поля составляет около 7 рублей на 1 га (включая в эту сумму и амортизацию с %% на капитал). Прирост урожая, даже в приблизительно благополучный год, способен с избытком покрыть эти расходы — достаточно получить всего 2 центнера прироста на гектаре. Ясно, что эти числа выведены на основании мелкого опыта прежних лет и теории, и мы можем дойти до стоимости полива в первые года до 8–10 рублей на 1 га, — но и в этом случае насосные организации, имея в виду выгодное, интересное сложение их работы с работой МТС и колхозов, будут доходны и способны страховать устойчивые урожаи.

Вся система насосных организаций либо может быть самостоятельна и иметь свой центр, либо — что еще лучше — представляет из себя отраслевое предприятие Трактороцентра, обслуживающее районы засухи и районы плохого природного увлажнения. Центробежный насос в этом деле должен рассматриваться как одно из обыкновенных прицепных орудий трактора.

Во всяком случае, каждая насосная организация состоит, во-первых, в договорных отношениях с местной МТС — на отпуск тракторов для приведения в действие насосов (время работы насосов будет ночное, а сроки их работы — сроки наибольшего роста и налива растений, когда трактора наименее загружены полевой работой). Во-вторых, насосная организация имеет договоры со всеми колхозами, поля которых она снабжает водой. В этих договорах с колхозами насосная организация обязывает колхозы давать бесплатную рабочую силу, хотя и очень незначительную по количеству, но необходимую для монтажа водовода и некоторых работ в поле для лучшего распределения изливающейся самоотекотом воды. Затем в договорах есть хранение имущества насосной организации в колхозе в нерабочий период.

Со своей стороны — насосная организация обеспечивает данному колхозу экстенсивный полив определенной площади, за что получает примерно 40–50% прироста урожая натурой. Из этого дохода насосная организация уплачивает МТС стоимость эксплуатации ее тракторов для поливной работы и погашает все свои расходы.

Штат насосных организаций состоит из одного человека: техника-гидравлика. Для агрономического руководства насосная организация пользуется указаниями участковых агрономов и агрономов МТС. Своих баз и построек насосная организация не имеет. Все ее небольшое имущество хранится в колхозах; насосы же и водоводы могут оставаться, при подходящих условиях, на зиму на своих местах.

Техник-гидравлик приводит весною все насосные установки в состояние рабочей готовности и затем, по характеру течения весны и лета, составляет нормы и сроки полива колхозных площадей, обслуживаемых насосами, и согласовывает с МТС наряды на подачу тракторов для стационарной работы у насосов.

Излагая это предложение, я прошу в 1932 г. поставить в виде опыта полив колхозных полей в трех или четырех МТС. Это дело займет самые небольшие по нашему времени затраты и усилия.

А дальше, если опыты дадут хорошие результаты — в чем никак нельзя сомневаться, — главным затруднением встанет вопрос о деревянных трубах. Но его, этот вопрос, можно преодолеть, построив специальный завод деревянных труб на верхнем течении Волги, дабы уж оттуда вести сплавным путем снабжение этим основным оборудованием всего великого засухливого района.

<Осень 1930, 1931>

ПОЛУМЕТРО

(В порядке предложения — о радикальном улучшении трамвайного сообщения в Москве и в других городах с перегруженным движением)

Каждому известно или каждый человек может догадаться, что скорости и точности трамвайного движения мешает то обстоятельство, что трамвай едет в общей гуще уличного потока, где скорости колеблются от 0 до 40–50 км. Такое опасное, затрудненное положение снижает техническую скорость трамвая до 8–10 км в час.

Следовательно, нужно изолировать трамвайные линии ото всех прочих видов транспорта — с тем, чтобы дать трамваю высокую техническую скорость и ввести в эксплуатацию трамвайные поезда, следующие по точному станционному расписанию. Для этого, как известно, необходимо построить метрополитен: другого выхода нет. Но метрополитен будет строиться ряд лет и потребует затрат нескольких сот миллионов. Однако с таким трамваем, какой действует в Москве, трудно ждать несколько лет до метрополитена: трамвайное движение требует немедленного и коренного улучшения.

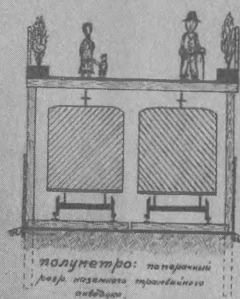
Но это переходное время — до постройки метрополитена (хотя и после постройки его наше предложение полностью еще не утратит своего значения) — мы предлагаем заключить трамвайные линии в особое деревянное устройство, типа наземного полуакведука (путепровод).

По обеим сторонам линии устанавливаются деревянные опорные стойки, сверху они поддерживают покрытие из деревянных же брусьев, к которым прикреплены пластины, и затем все это покрытие залито асфальтом или уложено мелкогабаритным торцом; это верхнее покрытие трамвайного «полуметра» служит бульваром для пешеходов, причем по сторонам его имеется ограждение и посажены два ряда декоративных кустарников.

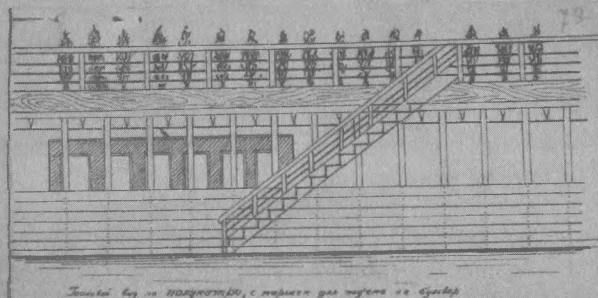
Непосредственно под покрытием укрепляется контактная линия; подвижной вагонный контакт (дуга) переделывается в приспособление, которое снимает ток с провода при высоте последнего над вагоном в $\frac{1}{2}$ – $\frac{1}{3}$ метра.

С обеих сторон стороны стойки обшиты досками — от поверхности земли до уровня примерно подоконника трамвайного окна; выше — до верхнего покрытия, до бульвара — полуметро открыто для света и воздуха.

Цепосредственно под покрытием укрепляется контактная линия; подвижной вагонный контакт (дуга) переделывается в приспособление, которое снимает ток с провода при высоте последнего над вагоном в 1/2-2/3 метра. С обеих сторон опорные стойки обшиты досками - от поверхности земли до уровня, примерно, полоумника трамвайного окна; выше - до верхнего покрытия, до бульвара - полуметра открыт для света и воздуха. Обо всем этом устройстве даю приблизительное представление наги схематические рисунки.

ся, понятно, усиленная предупредительная сигнализация, а быть может, потребуется поставить и шлагбаумы.

Технический проект «Полуметро». РГАЛИ

Обо всем этом устройстве дают приблизительное представление наши схематические рисунки.

Строение трамвайного пути несколько изменяется: вместо рельсов типа «Феникс» вводятся рельсы железнодорожного типа, а путь укладывается на открытом балласте; реборды бандажей усиливаются; расстояние между правой и левой линией уменьшается; увеличиваются, елико возможно, радиусы закруглений.

Вместо составов в два—три вагона, полуметро позволяет ввести в эксплуатацию составы в пять и шесть вагонов. При этом первый и последний вагоны — моторные, а управление электрически заблокировано и совершается из одного места. Далее — на всем протяжении полуметро устраивается автоблокировка и вводится точное расписание движения.

Расстояние между остановками увеличивается до 0,8—1 километра, причем на остановках будут дежурные агенты, ответственные за посадку пассажиров и отправление поездов; или же — надо ввести в дело посадки и высадки людей элементы механизации и рационализации, но на этом мы здесь не будем останавливаться.

Опуская детали второстепенного порядка, мы коснемся в нескольких словах главного затруднения для полуметро: скрещений, линейных крестов и устройств на площадях.

Предположим, что к площади или к встречной улице подходят две линии полуметро — под прямым углом. В этом случае, кроме сигналов автоблокировки и автоматического станционного предохранителя (для торможения независимо от воли водителя, если последний почему-либо не даст остановки), будет совершенно достаточно соответствующего расписания, при котором на «прямом угле», на скрещении линий — никогда не бывает более одного состава. Перед проезжей частью площади, равно и перед поперечным проездом, устройство полуметро изменяется. Боковые деревянные стойки не устанавливаются, оставляется свободный проезд поперек (путь надлежаще замащивается), но верхний бульвар остается без перерыва; однако для поддержания его, если пролет велик, вводятся железные балки, и сам бульвар, если нужно увеличить габарит, переводится через проезд или проезжую часть площади дугой, виадуком. На переездах через линию полуметро устраивается, понятно, усиленная предупредительная сигнализация, а быть может, потребуются поставить и шлагбаумы.

Теперь мы перейдем к той тысяче возражений, которые встретит наше предложение. Во-первых, это — предложение, а не проект; предложение изложено с крайней сжатостью, и многие детали его допускают лучшие вариации решений, чем у нас.

Полуметро съест узкую московскую улицу, — это будет, наверно, главным предубеждением.

Возражаем: полуметро увеличит, расширит московскую узкую улицу, несмотря на то, что тротуары сужаются (для расширения проездов) и превращаются как бы в подсобные подходы к главному бульвару — на крыше полуметро. В самом деле, каждому пешеходу нужно пройти по наземному тротуару не более ста шагов, а затем предстоит подняться по маршу, расположенному сбоку полуметро, на бульвар. Поскольку вместо узких тротуаров устраивается широкий бульвар по верху полуметро, поскольку проезжая часть несколько расширяется за счет сужения тротуаров, а движение начинает совершаться в двух плоскостях — одна на другой: трамвай и бульвар, — постольку пропускная способность улиц увеличивается.

Понятно, что мы здесь взяли трудный случай. Во многих местах не придется сужать наземные тротуары и даже не будет смысла строить бульвары по крыше полуметро (например, на Садовой — между Триумфальной и Кудринской).

Вообще при проектировании полуметро следует подходить конкретно к каждой улице, площади и проезду — и находить в каждом случае наивыгоднейшую комбинацию*.

Остальные возражения, какие только мы себе можем представить, происходят либо от непонимания вопроса (что выгодней: маленькое неудобство или большое удобство, сохранение миллионов часов и рублей?), либо от бытового и технического консерватизма.

Перед тем как сказать о выгодности постройки полуметро, мы заметим, что внешности сооружения можно придать архитектурную форму и такую окраску, чтобы это было под стать социалистической Москве.

Теперь о пользе дела. Стоимость километра полуметро, по приближенному расчету, составляет около $\frac{1}{5}$ стоимости километра метрополитена (считая и приспособление вагонов, переустройство путей, сигнализацию и т. п.). Эксплуатационная скорость при хорошей организации движения не должна быть меньше 30 км в час.

При такой скорости оборачиваемость вагонов увеличивается настолько, что если полуметро построить только по главным пас-

* Мы должны сказать, что нам известны технически более совершенные транспортные сооружения для прохода через площади и скрещения, но мы здесь преследуем дешевизну, т. к. полуметро не устраняет метрополитена, а лишь предвзвешивает его, — быстро, но временно решая московскую транспортную проблему.

сажирским направлениям, то можно обойтись тем же количеством вагонов, которые курсируют сейчас по этим направлениям, сохранив при этом пассажиру время и место для сиденья.

С технической стороны — работа по постройке полуметра крайне проста, и для главных линий Москвы ее можно выполнить в течение 4–5 месяцев.

<Вторая половина 1931 г.>

АВТОМОБИЛЬНАЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ТРАНСМИССИЯ

(В порядке предложения)

Система передачи силы в автомобиле — от мотора к ведущим колесам — представляет собой архаическую конструкцию. Эту систему можно сравнить с механическими трансмиссиями в цехах до применения электрической энергии, когда каждый цех имел самостоятельную силовую установку (паровую машину, в большинстве случаев) и мощность на станки передавалась через общий вал, шкивы и приводные ремни. Легко представить, какова была полезная эффективность такой «глухой» передачи. Аналогичную систему передачи мы имеем в современных автомобилях, т. е. систему жесткую, механическую, с большой потерей энергии на конусе, в коробке скоростей, на карданном валу и в дифференциале.

Если бы сконструировать передачу силы в автомобиле — от мотора к ведущим колесам — согласно с принципами современной техники, давно применяющимися на стационарных установках, то мы бы получили огромное улучшение механического коэффициента полезного действия, улучшение рабочего режима двигателя и увеличение срока его службы, облегчение управления, большую, чем теперь, надежность и безопасность работы автомобиля.

Схема автомобильной трансмиссии (на дистанции: вал мотора, осевая шейка ведущего колеса) должна быть следующая. —

Маховик мотора, оставаясь по массе маховиком, превращается в ротор динамо-машины*, причем конструктивно учитывается двойная служба маховика-ротора. Вокруг маховика создается статорная часть динамо-машины. Вал мотора, проходя ротор-маховик, заканчивается тут же опорным подшипником.

От динамо-машины, образованной таким способом, идут питательные провода ко всем ведущим колесам (передним и задним).

Полуоси и диффер не требуются. Задняя ось (если вообще оставить оси) должна представлять собою то же, что и передняя ось —

* Какого тока — постоянного или переменного, — требуется выяснить экспериментальным путем, либо это станет ясным во время детального конструирования. Вероятнее — постоянного, чтобы не иметь дела с косинусом ϕ ($\cos \phi$).

балку. На конце каждой оси, — не доходя до шейки, на которую насажено колесо, — насажена статорная часть электромотора, а к спицам или диску колеса прикреплена роторная часть электромотора. При этом конструкция электромотора заново компоуется с таким расчетом, чтобы электромотору придать сжатую с боков дискообразную форму, наиболее транспортабельную в условиях автомобиля. Очевидно, что полюсы электромагнитов, равно и роторный якорь с обмоткой** следует проектировать не в привычные цилиндрические формы, а в формы дисков, из которых один (что на колесе) вращается около другого (что на конце неподвижной оси). Таким образом, весь электромотор приобретает вид и размер, напоминающий тормозную коробку у существующих типов автомобилей.

Весь электромотор закрывается герметическим кожухом, на вращающаяся часть имеет лопасти для всасывания воздуха и охлаждающей продувки электромотора, причем всасывание совершается по отводящей трубке, приемный фильтр которой отведен в то место, где можно принять относительно чистый воздух.

Руль остается в прежней конструкции, но он соединяется с системой сопротивлений, а эта система сопротивлений автоматически корректируется спидометром, с тем чтобы достигать разной скорости вращения правого и левого электромотора и свободно вписывать любые кривые на любых скоростях, не имея дифференциала. Руль, при повороте его на определенный угол, автоматически включает определенную цепь сопротивлений в питание того мотора, скорость вращения которого нужно несколько потушить. Но так как повороты совершаются при разной скорости езды, то рулевая система сопротивлений связана еще с центробежным регулятором — спидометром, и этот прибор автоматически «поправляет» рулевое включение участка сопротивлений (т. е. он либо уменьшает сопротивление, либо увеличивает его, в зависимости от скорости), будучи автоматически связан с подвижным контактом. Таким образом, говоря пока лишь принципиально, можно работать без дифференциала. При переменном токе можно обойтись без системы сопротивлений, заменив ее трансформационной системой, с меняющимся отношением витков обмотки.

Пуск в ход, вперед и назад, остановка, торможение, работа на месте на малом газу, — все эти операции совершаются одной рукояткой-рычагом. Этот рычаг ходит по сектору с делениями, при этом и сектор, и рычаг может быть прикреплен к стойке руля. При вертикальном положении рычага создается нейтральное положение: мотор идет на малом газу, электромоторы выключены.

** Обмотка — алюминиевая, изоляция — оксидная.

При пуске — рычаг передвигается вперед: включается газ на полные расчетные обороты мотора, при котором у него наилучший коэффициент полезного действия, динамо идет также на расчетных оборотах, в питательной сети — рабочее напряжение тока, но с рычагом соединена регуляционная система сопротивлений (или трансформационное устройство специальной конструкции), благодаря которой в электромоторы отдается сначала ослабленное напряжение, и лишь после окончания пускового момента — доведения рычага до крайнего положения вперед — электромоторы включаются на прямой контакт с динамо-машиной. Задний ход осуществляется таким же способом: двигая рычаг назад от вертикального нулевого положения. Торможение производится простым передвижением рычага назад, и степень перестановки рычага соответствует интенсивности торможения. Получается следующий эффект. Машина двигается вперед, необходимо торможение. Рычаг выводится из крайнего переднего положения, проходит нулевую точку, ставится в каком-то положении «назад». После прохождения нулевой точки провода взаимно переключаются на обратные знаки, вокруг роторов электромоторов, вращающихся вперед, изменяется направление электромагнитного поля: оно начинает вращаться назад и создает через ротор тормозящее усилие в колесах. По достижении остановки или сокращения хода рычаг-регулятор ставится в нейтраль или опять вперед. Механический тормоз (ножная педаль) остается лишь как запасной тормоз.

Какие можно предвидеть препятствия для введения в автомобиле электрической трансмиссии?

Потребуется довольно большая конструкторская творческая работа для создания специального типа маховика-генератора и электромоторов, обладающих компактностью и достаточно малым весом (в электрических своих частях). Такая же работа потребуется в отношении автоматической контактной системы сопротивлений (или трансформаторов), в отношении регулятора-спидометра, связанного с дифференцирующими сопротивлениями (или трансформаторами), и по другим деталям трансмиссионного и управляющего механизмов.

Какие достоинства можно предположить в предлагаемой конструкции автомобиля.

1. Улучшается механический коэффициент полезного действия автомобильной трансмиссии минимум на 25%, — стало быть, достигается огромная экономия топлива.

2. Ликвидируются: конус, коробка скоростей, карданный вал, дифференциал, — чем достигается упрощение, надежность и безотказность конструкции, хотя по строительной стоимости едва ли

будет выигрыш, поскольку электрическая трансмиссия стоит будет примерно столько же, сколько и механическая передача.

3. Управление автомобилем достигает чрезвычайной простоты невозможной при нынешней конструкции.

4. Стартерный мотор снимается: пуск двигателя совершается аккумулятором, который дает ток в генератор постоянного тока, — генератор в этом случае работает как электромотор (в случае если постоянный ток докажет свои преимущества перед переменным током).

5. Благодаря отсутствию диффера и прохождению кривых с неравномерно тянущими моторами, причем вращающие усилия электромоторов взаимно точно дифференцированы, уничтожается возможность заносов.

6. Кузов автомобиля можно опустить непосредственно на заднюю ось, поскольку нет диффера, — этим уменьшается опрокидывающий момент.

7. Получается легкая возможность передачи мощности и на переднюю пару колес.

8. При наличии мощного генератора облегчается электрическое обслуживание автомобиля: освещение непосредственно от генератора, сигнализация и пр.

9. Уменьшается потребность на высококачественные металлы (благодаря ликвидации коробки скоростей и дифференциала).

10. Увеличивается оборонное значение автомобиля, благодаря перечисленным достоинствам, а также потому, что можно строить специальные машины любых назначений.

Идея электрической трансмиссии на автомобиле произошла из желания найти именно наиболее оборонноспособную конструкцию автомобиля. Но на этой — хотя и основной для нас — теме мы сейчас останавливать не будем.

Разумеется, что нельзя понимать изложенное как что-то уже технически разработанное. Это есть лишь подход к теме и попытка найти ряд принципов для осуществления в автомобиле электрической трансмиссии.

<Конец 1931 – начало 1932 г.>

ОБЛАДЕЕМ ТЕХНИКОЙ ВОЛЬТОВОЙ ДУГИ!

(В порядке предложения)

Есть много работ, которые, даже будучи механизированы современными орудиями, требуют все же большой затраты средств и времени и не дают высокого производственного эффекта.

Возьмем, например, бурение в кристаллических породах — при разведках на руду и на полиметаллы. Алмазное или дробовое бурение есть единственно возможные способы проходки горных пород. Но известно, что даже хорошо организованное американское алмазное бурение дает в сутки проходку порядка 10–30 метров (в зависимости от глубины, крепости и трещиноватости пород и пр.). В наших условиях, в условиях ударного социалистического труда, эта величина может быть превзойдена. Однако мы считаем, что ударничество выражается не только в наилучшем и энергичном применении наличных средств производства, — хотя это совершенно необходимая, первая, «физическая» ступень ударничества, — ударничество имеет и вторую, высшую ступень — интеллектуальную, творческую, преобразующую самые машины и все средства производства. Исходя из тенденций ударного движения на сегодняшний день, можно легко предсказать, что ударничество во второй пятилетке, охватив количественно весь пролетариат, изменит и свое качественное содержание — оно будет, по преимуществу, массовым творчеством новой техники и организационно-плановым искусством.

Мы отклонились от темы, чтобы лучше обосновать и оправдать свое предложение. Предложение же наше не есть результат выдумки, а наблюдение и обобщение коллективного опыта ряда работ, где мы были участниками или руководителями. Разумеется, мы стремились из коллективного опыта вывести качественный результат — рабочее предложение, и сейчас вкратце изложим его — с тем чтобы все техники, интересующиеся вопросом, могли принять участие в разработке нашего предложения и осуществить его.

Проходка твердых горных пород алмазной коронкой есть, при нынешнем уровне техники, «тупой» и дорогой способ. В других, примерно — аналогичных, областях производства уже применяются гораздо более острые, дешевые и быстрые способы разделки твердых веществ. Возьмем сварку и резку металлов электрическим пламенем — вольтовой дугой. В буровой же технике, в горном

деле, в каменоломнях, в гражданском строительстве, на лесоразработках, в архитектурном искусстве и во многих других областях до сих пор, за редкими исключениями, безраздельно господствуют механические методы воздействия на вещество. Быстродействующая энергия электрического пламени еще не нашла себе широкого применения.

Между тем все негазовые неосадочные породы можно бурить вольтовой дугой. При этом, конечно, требуется специальная конструкция мощной вольтовой горелки (головки), и первые модели такой горелки надо рассматривать как опытные; однако никаких конструктивно непреодолимых затруднений здесь нет. Мощная электрическая дуга (или система нескольких дуг), имея температуру около 4000° , входит своим фронтом в кристаллическую породу и плавит ее. Очистка ствола скважины производится примерно так же, как и при алмазном или дробовом бурении, т. е. керн извлекается рвателем.

Осадочные породы (известняки, песчаники и пр.), заведомо негазовые, также можно бурить вольтовой дугой — особенно при разведках на воду или постройках колодцев. Сомнительно газовые скважины допустимо проходить с некоторыми предосторожностями, например — накачивая в скважину углекислый газ.

Основным же применением электрического дугового бурения следует считать бурение кристаллических пород. С этого, по крайней мере, надо начать. По предварительным, сейчас только теоретическим, расчетам скорость проходки можно довести при новом способе до 2 метров и более в час, в то же время вдвое снизив стоимость каждого метра против алмазного.

Выработав конструкцию специального электрического агрегата для бурения (в особенности — горелку и гарнитуры для извлечения керна и расплавленной «магмы» на дневную поверхность), опытно найдя все приемы плавки горных пород в глубоких скважинах, можно распространить технику вольтовой дуги и на другие производства. Эти другие производства, по сравнению с буровым, представляют уже меньше трудности применению вольтовой дуги. Тот же буровой электрический агрегат, но конструктивно упрощенный и облегченный, с успехом заработает там, где существуют только механические, холодные, малоэффективные орудия.

Перечислим ряд работ, куда техника электрического пламени должна войти в первую очередь.

В каменоломнях вольтовой дугой можно резать плиты и камни любого фасона и назначения: брусчатка для тесаных мостовых, для кладки цоколей, для колонн, перемычек, куполов и пр. Затем, после доставки камня на постройку, скажем — Дворца Советов, тою же дугой следует обратить поверхности срачиваемых

плит в вязкое состояние и, наложив эти поверхности, сводить их безо всякого посредствующего вязущего вещества (по существу — минеральная сварка). Таким образом, целые постройки допустимо сразу возводить как монолиты.

При взрывных работах электрическая режущая и плавящая дуга сыграет свою служебную роль. Например — при бурении шпуров в открытых и подземных негазовых месторождениях.

Резка леса и раскряжевка его также получит от техники вольтовой дуги громадную производительную силу, работающую с малым составом квалифицированных рабочих и при пониженной себестоимости работ против применения механической пилы. Не исключена возможность и распиловки кряжей на готовые изделия, т. е. замена пил на лесопильных заводах тонким режущим электрическим пламенем, но это — вопрос некоторого будущего, возможно, что тут есть трудно преодолимые препятствия.

Есть и еще ряд производств, где применение электрической дуги даст огромный результат: добыча торфа, выжигание архитектурных и скульптурных украшений и т. д., но мы ограничиваемся изложенным.

При необходимости для повышения интенсивности и производственного эффекта температуру пламени можно повысить, против тех 4000° , которые дуга обычно имеет. Охлаждение агрегата больших трудностей не представляет.

Мы считаем, что предварительная конструкторская работа и постановка опытных работ по использованию нашего предложения дала бы возможность в недалеком будущем овладеть техникой вольтовой дуги и развернуть ее полным фронтом.

В заключение приведем слова нашего товарища, бурового мастера, который ознакомился с идеей бурения вольтовой дугой: «Если раньше молния грозила человеку в лесу, а вулканический огонь рвал земные недра и вырывался наружу, то вольтова дуга соединяет в себе свойства молнии и вулканической силы. Огонь можно повернуть в глубь Земли, и северный лес падет под ударами электричества, действующего в руках человека».

<Весна 1932 г.>

КОЛЛЕКТИВНОЕ

УПОРЯДОЧИМ ВНУТРИФАБРИЧНЫЙ ТРАНСПОРТ

(В порядке предложения)

Внутрифабричный транспорт нашей фабрики страдает многими недостатками, из них первый — нехватка путей на нужных направлениях. Эти недостатки транспорта приносят нашему производству крупные ущербы, затрудняют работу и занимают рабочую силу, которая нужна в других местах.

Например, нет узкоколейки для подвоза дефибрерных камней с запасного склада на древесномассный завод. Нет узкоколейки и по некоторым другим направлениям, где она крайне необходима. Дефибрерные камни у нас доставляются тем ветхим способом, каким в древнее время перевозились корабли в Вышнем Волочке, то есть на санной волокуше. Этот способ пожирает и время, и рабочие руки. Нет также узкоколеек со многих складов, — всюду вместо железного пути лежит простой грунт. Этот грунт, не покрытый рельсами, дорого обходится фабрике. Когда спрашивают администрацию — есть ли узкоколейки по тем или другим направлениям, то отвечают, что есть. Пойдешь посмотреть в натуре — оказывается, узкоколейки нет.

— Где же путь? — снова спрашиваешь администрацию, возвратившись к ней пешком.

— Он есть, — отвечают пешему исследователю.

— Да где же он?

— А он в плане реконструкции: вот он помечен. — И показывается лист бумаги с изображением плана.

В чем же, однако, загвоздка с прокладкой новой линии узкоколейки?

Отвечают: нет тридцатимиллиметровых рельс. Достать же их сейчас чрезвычайно трудно.

Верим этому. Но зато есть ведь двадцатисемимиллиметровые рельсы.

Про эти рельсы некоторые специалисты говорят:

— Они слабы для наших целей. Нам нужны в тридцать пять миллиметров. Не хватает, дескать, восьми миллиметров.

И двадцатисемимиллиметровые рельсы лежат без использования, считаются, так сказать, «маломощными бедняками». По-нашему, рельсы в 25 мм перестанут быть «бедняками», если подумать о них пролетарской головой.

Рельсы в 25 мм, говорят нам, слабы для наших тяжестей, они будут выворачиваться под вагонетками. Этого можно избежать, если усилить верхнее строение пути. Например, можно уложить на 25–40 процентов больше шпал, чем обычно укладывается. Уложив шпалы более часто, мы, соответственно, более прочно пришьем рельсы костылями, так как костылей тоже будет больше.

Такой способ устройства узкоколейки усилит путь и позволит, быть может, обойтись рельсами в 27 мм вместо 35 мм.

Мы не говорим определенно, что шпалы следует уложить чаще на 25 или на 40 процентов; это должны подсчитать специалисты. *Мы только предлагаем нашим специалистам немедленно обсудить вопрос, можно ли обойтись рельсами в 27 мм вместо 35 мм, если попрочнее и почаще пришить их к шпалам?* В американской железнодорожной практике, как мы читали, бывали случаи, когда железнодорожный путь, имея надежную балластировку, усиливался таким образом.

Проверив наше предложение, специалисты, быть может, согласятся с ним, и тогда наша фабрика быстро сможет обзавестись рельсовым транспортом, и тем самым будет исполнена крупная рационализация Зиновьевки, что хорошо скажется и на себестоимости бумаги, и на выполнении промфинплана.

<22–23 октября 1930 г.>

<ПРОРЫВ ПРОДОЛЖАЕТСЯ>

*ДОВОЛЬНО МАРИНОВАТЬ РАБОЧИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
ВЫПОЛНЯЯ ИХ, МЫ СНИЗИМ СЕБЕСТОИМОСТЬ*

ПРОРЫВ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Прорыв на Зиновьевской фабрике продолжается. В начале октября большевистские темпы производства были сданы, и с тех пор фабрика работает на замедленных темпах. Но предприятие не только ежедневно недодает стране 14–15 тонн бумаги, оно еще терпит жестокое поражение и в отношении снижения себестоимости.

Прорыв в количественном выпуске продукции не должен загораживать от передовых рабочих Зиновьевской фабрики и другого прорыва: *себестоимость продукции снижена за весь прошлый год лишь на 6%*.

Таково грозное наследство, которое осталось на плечах всего рабочего коллектива Зиновьевской фабрики и по сей день.

Есть ли сейчас на фабрике признаки, которые позволяют сказать, что зиновьевцы сумеют в течение ударного квартала покрыть, во-первых, свою задолженность культурной революции по количеству бумаги за прошлый год, снизив, во-вторых, себестоимость настолько, чтобы и в третий год пятилетки войти без черных хвостов и, наконец, безусловно выполнить программу ударного квартала — по количеству, качеству и снижению себестоимости?

Таких признаков нет. Наоборот, выполнение плана в октябре замерло около показателя в 90%, т. е. день ото дня долг фабрики растет, прорыв увеличивается.

ОДИН ИЗ ГЛАВНЫХ СПОСОБОВ ЛИКВИДАЦИИ ПРОРЫВА

Но в то же время со стороны рабочей массы фабрики проявляется полная сила производственной активности, настоящий напор инициативы, направленные в конечном счете на выполнение промфинплана. Однако недостатки технического и административного руководства фабрикой сводят великое значение рабочего творческого почина до уровня малых дел. Мы говорим о рабочих

предложениях. За истекший год их учтено около 800. Если бы удалось все эти предложения, все это массовое творчество осуществить, то мы уверены, что себестоимость была бы снижена до планового показателя, а высокий темп производства был бы обеспечен не только напряжением рабочих, но также и улучшенными машинами и приспособлениями.

КТО МЕШАЕТ РАБОЧИМ ПРЕДЛОЖЕНИЯМ ВОПЛОТИТЬСЯ?

Однако в большинстве случаев рабочие предложения не осуществляются. Этим самым задерживается рационализация фабрики, создаются затруднения ликвидации прорыва и погашается творческая инициатива рабочих, поскольку они не видят результатов своих усилий.

Технические и административные работники не оценивают рабочих предложений в их полную цену. Отношение к изобретениям и улучшениям, идущим со стороны рабочих, прохладное и пассивное. А между тем рабочие предложения есть тот золотой фонд, который способен покрыть и перекрыть плановый показатель по снижению себестоимости. Но этот золотой фонд лежит втуне, либо используется грошовым способом.

МНИМЫЕ «ОБЪЕКТИВНЫЕ» ТРУДНОСТИ ДЛЯ СНИЖЕНИЯ СЕБЕСТОИМОСТИ

Начнем с котлов «Шкода». Они есть главное затруднение для снижения себестоимости. Работая ниже расчетного давления, имея технические недостатки, котлы «Шкода» дают излишние расходы угля на каждую тонну бумаги. Без замены котлов, говорят, невозможно добиться снижения расхода топлива на единицу выпущенной продукции. Возможно, что это так. Но ведь можно рационализаторские усилия направить на другой конец энергетической цепи — на электромоторы. Можно добиться снижения расхода электроэнергии, если не гонять электромоторы вхолостую, если всюду просмотпеть, соответствует ли установленная мощность моторов нагрузке, если проверить все линии, устранив на них утечки, если светить только потому, что темно, а не потому, что лампы висят и т. д.

Мы, например, заметили на фабрике (в столярном отделении ремонтной мастерской и в некоторых других местах), что моторы идут вхолостую: бегают ремни, вращаются трансмиссии, а полезной работы нет. Очевидно, что выключение моторов есть непо-

сильный труд, и этот труд перекладывается на плечи кочегаров, на расточительство угля.

На 3-й бумажной машине сильно греются полые валы. Идет масло, подгорает резина. Мастер машины полгода назад внес предложение — пускать воду внутрь валов, — этим наполовину срежется расход масла и не будет портиться резина. Предложение не осуществлено. Порча резины и десятки литров масла ложатся на стоимость бумаги.

Мы могли бы привести десятки и сотни таких случаев. Но они известны каждому ударнику, каждому передовому рабочему фабрики.

НАШЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Что же нужно сделать, чтобы каждое ценное предложение рабочих было немедленно исполнено?

Нужно изменить систему прохождения и осуществления рабочих предложений. При действующей ныне системе рабочее предложение бродит по фабрике сиротой. Отдел главного механика, производственный отдел, коммерческий отдел и другие части управления относятся к рабочему предложению, как к излишней досадной нагрузке.

Эти люди предпочитают, чтобы страдало производство, лишь бы они не «мучились лишней» работой, и откладывают его выполнение на последнюю очередь. Технические и организаторские таланты рабочих, пущенные революцией в действие, обрекаются бюрократическим суетливым аппаратом на бесплодие. Показательна в этом отношении роль ИТР. Технические работники фабрики вместо живой, экстренной помощи рабочей инициативе не могут по полгода осуществить даже тех предложений, которые внесены ими самими (пример: инженер Хлебников на древесно-массном заводе).

БРИЗ состоит в роли ходатая и частного адвоката. Его беспокорство зачастую не дает ощутимых результатов.

Имея в виду, что даже в таких неблагоприятных условиях поток рабочих предложений не прекращается, а усиливается, *мы предлагаем создать на фабрике новый цех — цех массового рабочего творчества, цех рационализации.* Этот цех будет (на первых порах) иметь крайне немногочисленный штат: одного технического руководителя (штатного) и нескольких подсобных рабочих. При техруке цеха должен состоять совет технических консультантов (из инженерно-технических работников). Этот совет рассматривает предложения рабочих с экономической и технической стороны. Осуществление изобретения и предложения осуществляется

самим автором-рабочим (в его нерабочее время и за особую плату, сверх премии, не ниже оплаты сверхурочных работ). Автор производит свою работу под руководством техрука цеха рационализации и при помощи подсобных рабочих цеха.

В отношении прав порядка заказов деталей и принадлежностей, снабжения и т. д. цех рационализации пользуется всеми условиями существующих цехов фабрики. Одним словом, от исполнения рабочих предложений кустарным способом настало время и необходимость перейти к планомерной, заводской системе.

Мы уверены, что такой порядок лучше существующего — он даст срочное и стопроцентное осуществление рабочих предложений и превратит неосязаемое пока золото рабочей инициативы в осязаемую дешевую продукцию.

Цех рационализации должен явиться могучим приспособлением в борьбе рабочего класса с прорывами на пролетарском производстве.

Просим проверить наше предложение, улучшить его и дополнить.

<24–28 октября 1930 г.>

<ТЕХНИЧЕСКИЙ ГЕНИЙ ИЗ ВСЕБУМПРОМА>

*ВЕДОМСТВЕННЫЙ БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ СПОСОБ
РЕКОНСТРУКЦИИ ВЕДЕТ К ПОТЕРЯМ
ДЕСЯТКОВ ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ
НЕОБХОДИМО ПРОВЕСТИ РЕКОНСТРУКЦИЮ САМОЙ
РЕКОНСТРУКЦИИ*

ТЕХНИЧЕСКИЙ ГЕНИЙ ИЗ ВСЕБУМПРОМА

Однажды явился на фабрику некий человек из Всебумпрома и произнес среди двора, окруженный почтительным техперсоналом фабрики:

— Я хожу и думаю внутри себя, что трубопровод с древесно-массного завода *должен быть деревянный...*

— И мы тоже думаем! — радостно отозвались несколько десятков административных, технических, планирующих, регулирующих и вообще умных работников.

— А может, надо посчитать — выдержит ли дерево? — робко высказался один технический работник.

— Зачем же считать, когда великолепно я мыслю? — обиделось всебумпромское лицо. — Я человек ответственный и ошибаться не могу.

Сорок или шестьдесят человек специалистов фабрики согласились в полном молчании.

И был сделан деревянный трубопровод. Через некоторое мгновение времени он лопнул, и жидкость из него стала проливаться наружу.

Но всебумпромский деревянный гений давно уже уехал, а фабрике пришлось ставить чугунную трубу на место тесового трубопровода.

Много денег, много рабочего пота и много времени было потрачено напрасно.

Но люди, очевидно, думают, что бумага выдержит любые накладные расходы и никогда не порвется.

ПОТОМКИ ДРЕВНИХ ДУРАКОВ

Лет пять тому назад жили в Советском Союзе могучие богатыри, которые, построив завод в одном месте, вдруг грустно

задумались, брали завод на руки и переносили все постройки в другой район.

Теперь эти богатыри живут не у дел и считаются в лучшем случае дураками. Но те дураки успели размножиться, и одно дурацкое дитя, а может быть и несколько, попало на нашу фабрику.

Поставили у нас папмашину в одно помещение (где роллы старой фабрики). Истратили на установку тысяч несколько, пустили машину в ход, и машина отлично работает.

Но в складе-вокзале тем временем приготовили для папмашин общий приют и стали их там устанавливать. А одна папмашинка остается, выходит дело, сироткой. Чтобы она там не скучала, ее они решили перенести тоже в склад-вокзал, точно в ней полкило веса. Расходы на ее монтаж и установку в новом месте — это, дескать, пустяк: мы сначала делаем, а потом думаем.

Потомки тех дураков, которые таскали вручную заводы по лицу СССР, живут, оказывается, на нашей фабрике.

ЕЩЕ НЕКОТОРЫЕ СЛУЧАИ, НО ДАЛЕКО НЕ ВСЕ

Манометр на папмашине (не на «сиротке», а на другой, что установили на склад-вокзал) стоит настолько не на месте, что его не видит машинист. В машине может развиваться излишнее давление, и машина тогда потерпит аварию, ибо машинист не видит циферблата манометра.

Каждый рабкор, каждый ударник сумеет сообщить любому интересующемуся десятки случаев неполадок и крупнейших ошибок, имевшихся при проведении реконструкции фабрики.

Мы же переходим к заключению.

РАБОЧИЙ НЕ ЗНАЕТ ПЛАНА КАПИТАЛЬНЫХ РАБОТ

План реконструкции составляется специалистами и руководителями фабрики; затем этот план идет в темные облака Всебумпрома и возвращается обратно с различными поправками. Вслед за тем план начинает исполняться в натуре.

Ошибка в этом круговращении плана реконструкции самая, мягко говоря, «малая». Наиболее близкий, непосредственный и кровный хозяин фабрики — ее рабочий коллектив — стоит в стороне от составления плана реконструкции и не проверяет его исполнения.

Вот какие происходят «пустяки».

Оказывается, что весь огромный производственный опыт фабричного рабочего коллектива, рабочие изобретения, советы

и предложения не играют существенного значения в составлении плана реконструкции фабрики. Ударник и изобретатель, в сущности, не знают, как будет переделана его фабрика и чем он может помочь в этом деле. К его помощи никто не обращается, — чиновники надеются только на свои силы.

Общественность, понимая под ней рабочее производственное товарищество, находится вдалеке от капитальных работ на фабрике.

ЧТО НУЖНО ПРЕДПРИНЯТЬ ДЛЯ УЛУЧШЕНИЯ ДЕЛА РЕКОНСТРУКЦИИ ФАБРИКИ?

Необходимо изучить и проверить все звенья реконструкции, начиная от потребности, от замысла и кончая включением новой машины в нормальную эксплуатацию.

Нужно внимательно проследить с точки зрения наибольших интересов рабочего класса и государства, весь ход реконструкции, все ее движение через ущелья ведомств и организаций с тем, чтобы обеспечить в планировании и осуществлении реконструктивных работ ближайшее, командующее участие рабочего производственного коллектива и отсеять все бюрократические мышеловки.

Для этой цели на фабрике должна быть составлена деловая рабочая бригада из лучших производственников: ударников, изобретателей, рабкоров и специалистов-общественников.

Эта бригада посвятит месяц или два глубокой проверке всего дела реконструкции своей фабрики, включив в свою работу также и Всебумпром, и Бумстрой, и другие организации, если будет нужно. Такая проверка даст возможность вынести бригаде *окончательное суждение о постановке дела реконструкции на своей фабрике и, быть может, во всей бумпромышленности. Это суждение лучших рабочих должно быть положено в основу реконструкции самой реконструкции, ибо нынешнее состояние важнейшего дела переустройства и усиления производственной мощи нашей фабрики страдает великими ущербами.*

<30 октября — 2 ноября 1930 г.>

КОММЕНТАРИИ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АРХИВОХРАНИЛИЩА

ГАВО — Государственный архив Воронежской области (Воронеж).

ГАНИ УО — Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (Ульяновск).

ГАОПИ ВО — Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (Воронеж).

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).

ГА УО — Государственный архив Ульяновской области (Ульяновск).

ГЛМ — Государственный литературный музей (Москва).

ИМЛИ — Отдел рукописей Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва).

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории (Москва).

РГАЭ — Российский государственный архив экономики (Москва).

ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ

Антонова — Антонова Е.В. Воронежский период жизни и творчества А.П. Платонова: биография, текстология, поэтика. М.: ИМЛИ РАН, 2016.

Архив, 1 — Архив А.П. Платонова / отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2009. Кн. 1.

Архив, 2 — Архив А.П. Платонова. Описание рукописи романа «Чевенгур» / отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Кн. 2.

В. труда — журн. «Вопросы труда».

ВМ — газ. «Вечерняя Москва».

Вор. ком. — газ. «Воронежская коммуна».

Воспоминания — Андрей Платонов: воспоминания современников. Материалы к биографии / сост., подгот. текстов и примеч. Н.В. Корниенко, Е.Д. Шубиной. М.: Современный писатель, 1994.

Даль — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т., СПб., 1863–1866.

Дер. ком. — журн. «Деревенский коммунист».

Дер. театр — журн. «Деревенский театр».

ЕСЮ — журн. «Еженедельник Советской юстиции», М., 1917–1928.

Записные книжки — Платонов А. Записные книжки: материалы к био-

графии / публ. М.А. Платоновой; сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Н.В. Корниенко. 2-е изд. М.: ИМЛИ РАН, 2006.

ЖТ — энциклопедия «Железнодорожный транспорт». М.: Научное издательство «Большая Российская Энциклопедия», 1995.

За пролет. муз. — журн. «За пролетарскую музыку».

К. пр. — газ. «Комсомольская правда».

Календарь коммуниста, 1930 — Календарь коммуниста на 1930 год. М., 1930.

Колх. стройка — газ. «Колхозная стройка» (Чердаклы).

Колхозное строительство — Колхозное строительство. Третий Всероссийский съезд колхозов. 24–30 мая 1928 года. [Стенографический отчет.] М.: Книгосоюз, 1929.

КПСС в резолюциях, 1–15 — КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988): в 15 т. М., 1983–1990.

Кр. жатва — газ. «Красная жатва» (Ульяновск).

Кр. новь — журн. «Красная новь».

Краткий курс — История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Репринтное воспроизведение стабильного издания 30–40-х годов. М.: Писатель, 1997.

Крест. газ. — газ. «Крестьянская газета».

Крест. газ. (кооп.) — газ. «Крестьянская газета (Кооперативное издание)».

Культ. рев. — журн. «Культурная революция».

ЛГ — газ. «Литературная газета».

Ленин. ПСС, 1–55 — *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. Изд. 5. М., 1958–1966.

МГ — журн. «Молодая гвардия».

МЖ — журн. «Международная жизнь».

МСЭ, 1–10 — Малая советская энциклопедия: в 10 т. / ред. Н.Л. Мещеряков. М., 1928–1931.

На лит. посту — журн. «На литературном посту».

На тр. фронте — журн. «На трудовом фронте».

Наши дост. — журн. «Наши достижения».

НМ — журн. «Новый мир».

Нов. деревня — газ. «Новая деревня» (Воронеж).

Нов. жизнь — газ. «Новая жизнь» (Острогоск).

Общ. пит. — журн. «Общественное питание».

Ожегов — *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1990.

Письма — *Платонов А.* «...я прожил жизнь»: письма. 1920–1950 гг. / сост., вступ. ст., коммент. Н. Корниенко и др. М.: Астрель, 2014.

Письма во власть — Письма во власть. 1928–1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. М.: РОССПЭН, 2002.

ПГ — газ. «Полостровский гигант», многотиражка Ленинградского металлургического завода им. Сталина (ЛМЗ).

Платонов в документах ОГПУ — Андрей Платонов в документах ОГПУ-НКВД-НКГБ. Публикация В. Гончарова и В. Нехотина // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. М., 2000.

- Пролет. путь* — газ. «Пролетарский путь» (Ульяновск).
- Раб. газ.* — газ. «Рабочая газета».
- РиК* — журн. «Работница и крестьянка».
- РиТ* — журн. «Рабочий и театр» (Ленинград).
- Селищев — Селищев А.М.* Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком (1917–1926). М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
- Сов. активист* — журн. «Советский активист».
- Сов. краев.* — журн. «Советское краеведение».
- Сов. театр* — журн. «Советский театр».
- Совершенно секретно, 8(1–2)* — «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 8, ч. 1, 2. М., 2008.
- Соц. земл.* — газ. «Социалистическое земледелие».
- Сочинения, 1(1–2), 2* — *Платонов А.П.* Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2004, 2016.
- Союз потр.* — журн. «Союз потребителей».
- Сталин — Сталин И.* Вопросы ленинизма. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937.
- Сталин, 1–13* — *Сталин И.В.* Собрание сочинений: в 13 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1946–1951.
- Страна философов, 1999, 2000, 2003, 2005, 2009, 2017.* — «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 1994–2017. Вып. 1–8.
- СУ РСФСР* — бюл. «Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР». М., 1917–1928.
- ТиК* — журн. «Трезвость и культура».
- Трагедия советской деревни, 1–5* — Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: в 5 томах. М.: РОССПЭН. 1999.
- Ушаков* — Толковый словарь русского языка: в 4 т. / ред. Д.Н. Ушаков. М., 1935–1940.
- Хатаевич, 1933* — *Хатаевич М.М.* Средняя Волга в первую пятилетку. Статьи и речи 1928–32 гг. М., Самара, 1933.
- ЮК* — журн. «Юный коммунист».
- ЯС* — *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Толковый словарь язык Совдепии. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
- XVI Съезд ВКП(б)* — XVI Съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б): стенографический отчет. 2-е изд., стер. М.–Л., 1931.

РАССКАЗЫ

ОБЛАСТНЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ФИЛОСОФСКИЕ ОЧЕРКИ (с. 7). — Новый мир. 1928. № 12. С. 249–258. Под названием: «Че-Че-О (Областные организационно-философские очерки)». Подпись: *Андрей Платонов, Бор. Пильняк.*

Источники текста:

Автограф (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 1–20, с. 1–29).

Машинопись с правкой Платонова, редакторскими исправлениями и правкой М. Ал. Платоновой (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 1–8).

Новый мир. 1928. № 12. С. 249–258.

Датируется июнем 1928 г.

Печатается по автографу с учетом исправлений в машинописи.

Автограф выполнен карандашом на двойных листах (С. 1–16), обычных (С. 17–18, с обеих сторон) и на оборотах машинописи рассказа «Путь в Чевенгур» (С. 19–29, использованы с. 4–14). Незначительная правка фиолетовыми чернилами носит уточняющий и стилевой характер. В портрете воронежских бюрократов вместо «каким-то подстриженным старообрядчеством» («от таких личностей веяло каким-то подстриженным старообрядчеством...») вписывается «пушкинским духом» (Л. 8 об.); сокращается один из лозунгов губ-облсовета физкультуры: «За свежую пролетарскую наружность — за боковые ощущения лицевых волос, как показатель культурного состояния всего тела, либо так —» (Там же). В описание танца шимми («Никто из присутствующих не видел этого танца») вносится уточнение: «когда европейки с монгольскими лицами обнимают равнодушных воров, —» (Л. 14 об.).

На автографе нет привычной пометы для машинистки о количестве необходимых экземпляров. До нас дошла лишь одна машинопись, сохранившая следующий этап истории текста рассказа. Машинопись дважды прочитана Платоновым (первая правка фиолетовыми чернилами, карандашом отменены редакторские сокращения). Сначала в основном исправляются погрешности машинистки: пропуски и замены слов, но не все — некоторые из них дойдут до публикации, например, «разные инструкторы» вместо «разъездные инструкторы» (в предложении «Под колесами поезда проскакивали границы губерний...»). Одно исправление носит уточняющий характер. В предложении «По сторонам пути стояли сигналы уклонов и подъемов» следующие далее «деревянные вешки для снегоочистителей» (деталь зимней железной дороги) заменены на «пикетажные столбики» (Л. 3).

Кроме Платонова машинопись читали еще два человека, оставив на ее страницах свои исправления и пометы. Основная правка принадлежит

Литвину-Мологову (карандаш). Им вписан вариант другого заглавия «В гуле мероприятий» (Л. 1), подчеркнуты сомнительные места (о милиционерах: «но разве сыщут кого эти самые кроткие люди ~ Ясно нет», л. 1); некоторые определения удалены. Так, из характеристики «в нашей крестьянской стране» вычеркнуто «крестьянской», из фразы «настоящее руководство может быть помощью, а бюрократическое — всегда будет эксплуатацией, садизмом и вредительством» — «эксплуатацией, садизмом» (Л. 8). Литвин предложил несколько исправлений; например, в эмоционально и идеологически насыщенной характеристике лозунга самокритики («...выпрямить кривую революции...») заменить «революцию» на «развитие» (Л. 80). В характеристике Петра Первого («Петр, стало быть, бессознательно сыграл роль...») он вписывает эмоционально окрашенное уточнение к следующему далее определению («родоначальника лесов местного значения»): «погубителя дремучих девственных лесов» (Л. 9). Особенно тщательно Литвин редактирует фрагмент, посвященный современному состоянию деревни, убирая политические характеристики или заменяя их на нейтральные. Во фразе «уничтожение того трагического положения, которое в деревне есть сейчас» вторая ее часть получает следующий вид: «которое деревня переживала всегда»; в предложении «Коллективы в деревнях нам сейчас дороже Днепроострой...» первая часть преобразуется во вполне политически допустимый текст («Коллективы в деревнях сейчас для нас то же, что и Днепроострой»), а вторая часть предложения сокращается; уничижительно-ироническая характеристика Колхозцентра и других «органов», которые стараются «влипнуть в колхозное строительство», исправлением «влипнуть в» на «заботиться о» меняет смысл на прямо противоположный; в характеристике радио, служившего «коммунизму», коммунизм заменяется на «население» (Л. 14), а из портрета мастерового «в наши дни» вычеркивается двусмысленная характеристика «стал более скрытным». Литвин пытается если не убрать вовсе, то максимально затушевать хорошо ему известные «градовские» интонации в тексте Платонова. Так, к примеру, им вычеркивается в характеристике «этой Чечею» ее подражание «Москве, Харькову» (Л. 14); а в описании встречи героя с мастерами («Я пошел в дом, где, ради общего свидания, собралось шесть мастеровых и для усиления искренности организована слабая выпивка») заменяется отсылающая к знаменитой пирушке в «Городе Градове» деталь («слабая выпивка») на нейтральную («встреча») и т. п.

30 июня датируется записка Платонова заведующему редакцией журнала «Молодая гвардия» А.М. Ступнику — на титульном листе машинописи рассказа, с просьбой срочно поставить рассказ в июльский номер: «Напечатать, по-моему, нужно поскорей — в июльском номере. Не надо ни править, ни спорить — пускайте все так. Через три дня я вам позвоню» (Письма. С. 260).

Похоже, что редактор откликнулся на просьбу «поскорей» печатать рассказ, поставил в левом углу первой страницы редакционную помету «1 – 18 / петит» (петитом в журнале печатались очерки в разделе «Советские дни»), отменил часть подчеркиваний Литвина, в других случаях сократил отчеркнутые им на полях фрагменты, предложил собственные немалые сокращения и правку, а также ввел вместо звездочек, отделяющих друг от

друга главки рассказа, заглавия: «1. “Че-Че-О”»; «2. “Новый мир”» («В Козлове мы стояли больше по регламенту...»); «3. Предок Волго-Дона»; «5 <sic!>. В гуле мероприятий». Редакционная помета и правка выполнены темно-зелеными чернилами. Возможно, именно на этом этапе в машинописи был отрезан верх первого листа с заглавием.

Вряд ли исправленная машинопись была отправлена в набор. Очевидно, принимается решение отправить рассказ на рецензирование. Написанный на титульном листе машинописи отзыв внутреннего рецензента выполнен в дружеской интонации (Платонов — автор журнала «Молодая гвардия», в 1928 г. журнал из номера в номер анонсирует его публикации, см. задние обложки); автор отзыва объясняет, почему журнал не будет печатать «хороший очерк»: «К сожалению, — трудно не спорить с некоторыми “организационно-философскими построениями” автора. А. Платонов поехал к себе на родину, увиделся с хорошими людьми, разволновался, — написал хороший очерк, но сгоряча, вместо того чтобы размахнуться по бюрократу, — размахнулся и по кое-каким вещам, по которым не надо бы размахиваться, — пох<оже>, что “в условиях пролет<арской> диктатуры” именно они-то и могут помочь вывести бюрократизм. Жаль, что Платонов этого недооценивает» (*Письма*. С. 261).

Платонов работал с машинописью уже после ее возвращения из редакции журнала. Он исправил в названии первой главки («Че-Че-О») первую «неправильную» «Ч» на правильную «Ц» (Центрально-Черноземная область), отменил некоторые сокращения (помета «Надо» на первой странице) и редакторские исправления (вся правка проведена карандашом). Дальнейшая судьба этой машинописи остается неизвестной, уже после смерти писателя с ней будет работать его вдова, пытаясь также исправить крамольные политические фрагменты.

Радикальные исправления текста будут проведены в не дошедшей до нас машинописи, в которую Платонов перенесет ряд своих и редакторских исправлений. На этом этапе редактором текста выступил его соавтор по публикации рассказа в «Новом мире» Б. Пильняк, о чем позже скажет сам Платонов (см. статью «<Против халтурных судей>», с. 322, 345 наст. изд.). К редакторской работе Пильняка можно отнести характерную для его прозы разбивку текста на фрагменты с помощью строки многоточий. Скорее всего, Пильняку принадлежит фраза, в которой упоминается художник Ф.А. Малявин (1869–1940; с 1922 г. в эмиграции, жил в Париже), чьи среднерусские пейзажи и крестьянские портреты отличает буйство ярких красок: «Мы перебили себя сельскохозяйственными суждениями Филиппа Павловича, дабы малявинскими красками нарисовать черноземный пейзаж, имеющий, по существу говоря, краски в себе серые, медленные, длинные» (наст. изд., с. 332).

В «Новом мире» рассказ печатался в разделе очерков («Дома и за границей») и имел датировку: «Ямское поле, / 20 сент. 1928». Подобная датирующая запись не характерна для текстов Платонова, это также примета публикуемых произведений Б. Пильняка; см.: «Кривякино, / июль 1915» (рассказ «Целая жизнь»), «Саратов, / январь 1919 г.» (рассказ «Смертельное манит»), «Коломна, / Никола-на-Посадах, / 25 дек. ст. ст. 1920 г.» (роман «Голый год»), «Москва / на Поварской, 9 января» («Повесть непогашенной

луны)», «Ямское Поле», / 12 декабря 1927 г.» (рассказ «Верность») и др. В это время Платонов жил в доме у Пильняка (по адресу: 2-я ул. Ямского поля, д. 1а), где и будет создана сначала вторая редакция рассказа, а вслед за ней пьеса «Дураки на периферии». Они оба были авторами «Нового мира», правда, у Платонова отношения с журналом в 1928 г. складывались не совсем удачно. Пильняк — постоянный автор «Нового мира», в 1928 г. здесь печатались его рассказы «Мальчик из Тралл» (№ 2) и «Синее море» (№ 3), а также очерк «Красное Сормово» (№ 7); в двух публикациях Пильняк выступил как первый автор, это рассказы «Лорд Байрон» (второй автор — П. Павленко, № 1) и «Дело смерти» (второй автор — проф. Н.М. Федоровский, № 2).

Опубликованный в «Новом мире» рассказ «Че-Че-О» (см. наст. изд., раздел «Редакции») по объему несколько меньше текста автографа, что произошло за счет сокращений. Была изменена общая структура текста. Вместо одного полноправного рассказчика и участника описываемых событий, выступающего со своим «словом», появились «мы» — писатели, не имеющие уже подобного вольного статуса в своих высказываниях: «Хотя писатели и пишут всегда о том, чего с них не спрашивают, — тем не менее слово печатное уважать надо: и мы поехали в город Воронеж на предмет изучения бюрократизма ЦЧО и ознакомления с массами...» (наст. изд., с. 329). «Писатели», в отличие от рассказчика первой редакции, имеют точное задание, вполне отвечающее стратегической линии борьбы с бюрократизмом, выдвинутой в выступлениях Сталина весны 1928 г.; см. заглавия страниц в «Крестьянской газете»: «Всю работу — на смотр, на критику, на проверку масс! Бюрократов, разгильдяев, головоотяпов — к ответу!» (22 мая. С. 6; 29 мая. С. 6), «На борьбу с бюрократизмом, разгильдяйством и волокитой» (5 июня. С. 6). Для Пильняка заявленная в рассказе цель поездки писателей вполне могла служить неким отчетом за летнюю командировку в провинцию. Его имя называется среди писателей, «выразивших желание ехать в колхозы в первую очередь»: «Писатель мечется, ищет выхода из заповедника привычных эмоций и тем. <...> Неудивительно, что Пильняк поспешил заявить, что он едет в колхозы. Ведь эта поездка, как и все бывшие, поможет ему (надемся!) сделать более весомым и убедительным желание понять и описать нашу эпоху» (От Федерации советских писателей // *К. нр.* 1928. 3 июля. С. 3).

В новой редакции рассказа будет упразднена первая, самая большая часть рассказа, — встречи и разговоры в поезде, напоминающая по структуре первую главу «Города Градова», а ее персонажи и темы рассредоточатся по всему тексту, возникая то в пересказе мастерового Федора Федоровича, то в иных сюжетах. Так, к примеру, колоритный москвич, в первой редакции «опытный демагог», появится в новой редакции не в поезде, а среди тех же «областников», что и в поезде, но теперь уже в Воронеже, где они угощают «величественного москвича» (новая характеристика, к которой добавляется, что москвич — корреспондент центральной газеты) пивом в столовой ЕПО, но ведут все ту же, что и в поезде, дискуссию. В новой редакции основная часть высказываний и размышлений рассказчика распределяется между двумя старыми мастеравыми — Федором Федоровичем и Филиппом Павловичем; идеологически насыщенный фрагмент о «генеральной карте организационного устройства СССР» трансформируется в фантастическую

картину в «странном сне» Федора Федоровича. Перемещаемые в иные сюжеты фрагменты, естественно, подвергались уточнениям и правке. Сокращения в кратком очерке истории Воронежа частично связаны с изменением фигуры рассказчика (исчезает автобиографический материал о детстве и Задонске), но не только. Явно не ко времени оказались упоминания о духовных наставниках Петра I (свт. Митрофан Воронежский) и писателя Достоевского (свт. Тихон Задонский), а также о столыпинской реформе в связи с революцией 1917 г.

Отсутствие источника текста рассказа, опубликованного в «Новом мире», не позволяет с уверенностью говорить, кому принадлежат некоторые, отчасти немотивированные замены слов: соавторам, машинистке, перепечатавшей новую редакцию рассказа, или редактору журнала. Поэтому в публикуемом в разделе «Редакции» тексте рассказа исправлены только очевидные смысловые опечатки и ошибки: «архитектурная стойкость» на «архитектурная стройность», «аржанская фабрика» на «арженская фабрика», «разные инструкторы» на «разъездные инструкторы»; в предложении «...придать энергии народа плановый темп» сохранен «плановый темп» вместо «плавный темп» в автографе.

Документальными источниками, подтверждающими, что в мае–июне 1928 г. Платонов посетил Воронеж, мы в настоящее время не располагаем. Однако нет оснований исключать факт возможного приезда писателя в родной город, о чем могут свидетельствовать нашедшие отражение в рассказе некоторые местные детали, которые он мог почерпнуть только из воронежской периодики за июнь 1928 г.

Темы рассказа не были новыми для Платонова. Современные бюрократы и борьба со злом бюрократизма уже нашли свое описание и интерпретацию в произведениях 1927 г. («Город Градов», «Административное естественное», «Надлежащие мероприятия (Социальная сатира наших дней)»). Истории создания ЦЧО посвящены страницы повести «Город Градов» (см. об этом примеч. к повести: *Сочинения*, 2. С. 134, 144–146, 592–623). Если исходить из реальной хроники образования ЦЧО (от 1922 г.) и 1925 г. как самого интенсивного периода работ по организации области, то Платонов в «Городе Градове» (1927) точно предугадал («...через три года после начала областной войны...») год официального учреждения области: 1928.

В начале 1926 г. вопрос о необходимости скорейшей организации ЦЧО был снят с повестки дня, работа по районированию центральной части РСФСР временно приостановлена (см. об этом: *Дьяконов П.* Воронеж как областной центр // *Вор. ком.* 1928. 18 апр. С. 2; *Дьяконов П.* Как создавалась ЦЧО // *Коммуна.* 1928. 5 авг. С. 3). Решения XV партийного съезда (декабрь 1927 г.) актуализировали вопрос о необходимости окончания районирования страны в течение ближайших лет. 15 марта 1928 г. решение о районировании ЦЧО и его завершении к 1 октября принимается в ЦК ВКП(б), 22 марта — в президиуме ВЦИК; президиум Госплана РСФСР вносит на утверждение во ВЦИК «проект образования с 1 октября 1928 г. Центрально-Черноземной области в составе Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерний, с упразднением губерний, уездов и волостей и с переходом на окружное и районное деление. Центром Центрально-Черноземной области опреде-

лен г. Воронеж» (Образование Центрально-Черноземной области // *Вор. ком.* 1928. 8 апр. С. 1). В апреле на специальном совещании во ВЦИК рекомендовано закончить реальную организацию ЦЧО к 1 октября, а оформление области провести в несколько месяцев. 7 мая принято решение о создании организационного бюро ЦК ВКП(б) ЦЧО, обязывающее: «1) Срочно создать областное бюро ЦК ВКП(б), областной организационный комитет (для проведения работ, связанных с районированием области по советской линии) и областное профбюро; 2) Всю работу по районированию области, впредь до образования нормальных областных и окружных парткомитетов, возложить на назначенное ЦК областное бюро и на губкомы партии; 3) Подготовительную работу по оформлению области вести с таким расчетом, чтобы в июле провести окружные партконференции, а в августе созвать областную партконференцию...» (К районированию Центрально-Черноземной области. Постановление ЦК ВКП(б) // Там же. 1928. 8 мая. С. 3).

Хронику и темпы организации ЦЧО отражает новостная лента «Воронежской коммуны», где с апреля месяца появляются специальные разделы («Центрально-Черноземная область» и «К организации ЦЧО») и ежедневно печатаются материалы по организационному строительству новой области: интервью с руководителями губернии разных уровней, отчеты об оформлении округов, обсуждаются спорные вопросы о внешних границах области, округов и районов. По последнему вопросу разгорались не менее ярые споры, чем в «Городе Градове», битвы теперь уже за столичный статус округа (см. публикуемые 20 и 28 апреля под одной шапкой «Россошь или Павловск?») статьи о выборе центра одного из трех округов, образованных на территории Воронежской губернии). За столичный районный статус бились также села упраздняемых волостей. И только когда вся организационная работа по скорейшему созданию ЦЧО была запущена, принимается специальное «Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров РСФСР об образовании Центрально-Черноземной области» (от 14 мая), опубликованное в газете «Известия»:

«1. Образовать Центрально-Черноземную область в составе, в качестве ее основного массива, губерний — Воронежской, Курской, Тамбовской и Орловской, с переходом от губернского, уездного и волостного деления на окружное и районное и с соответствующим изменением наименования этих органов.

Центром Центрально-Черноземной области определить гор. Воронеж.

2. Для подготовки и проведения в жизнь вопросов, связанных с районированием и организацией Центрально-Черноземной области, образовать, с местопребыванием в гор. Воронеже, Центрально-Черноземный областной организационный комитет, действующий на основании особого положения об организационных комитетах по подготовке и проведению в жизнь всех вопросов, связанных с образованием районированных, краевых и областных комитетов.

3. При Центрально-Черноземном организационном комитете образовать плановую комиссию <...>.

4. Для объединения и согласования работ по районированию местных органов центральных ведомств на основе общего плана строительства

области, для разработки предположений о сети, структуре, штатах и сметах органов соответствующих ведомств и для руководства организацией ведомственного аппарата при проведении районирования — поручить центральным ведомствам РСФСР не позднее месячного срока со дня опубликования настоящего постановления назначить при Центрально-Черноземном областном комитете своих уполномоченных.

5. Установить, что вся подготовительная работа по осуществлению районирования Центрально-Черноземной области должна вестись с таким расчетом, чтобы все проекты, требующие утверждения в законодательном порядке, как то: проект уточнения внешней границы, проекты окружного и районного деления и др., были представлены организационным комитетом в законодательные органы не позднее 1 июля с. г.» (Действия и распоряжения правительства РСФСР // Известия. 1928. 18 мая. С. 5).

Этот документ Платонов читал внимательно; возможно, именно с выходом данного постановления могла быть связана командировка Платонова в Воронеж от журнала «Молодая гвардия».

С принятием майского постановления интенсифицируется и организационная работа. «Оргкомитет за работой», «Строим Центрально-Черноземную область», «Организуем областные учреждения» — новые рубрики и лозунги «Воронежской коммуны» (с 20 июня выходит под новым названием «Коммуна»). Проходят первые заседания областного оргбюро ЦК ВКП(б) и Организационного комитета, признавших целесообразным включить в ЦЧО кроме четырех указанных губерний — «части прилегающих губерний — Тульской, Рязанской, Пензенской, Сталинградской и Брянской» (В областном бюро ЦК ВКП(б) // *Вор. ком.* 1928. 24 мая. С. 1; Первое заседание Организационного комитета // Там же. С. 2.); составляются планы подготовки проектов по районному, окружному делению (спор о границах продолжается), составляются и утверждаются проекты штатов и новых ведомств; обсуждаются вопросы строительства жилья и размещения новых учреждений. Важное место в планах организационной работы отводится популяризации районирования среди населения всех губерний (План организационной работы // Там же. 1928. 2 июня. С. 2). Согласно внутренним инструкциям реорганизация учреждений губерний должна быть завершена к 10 июля. Кульминацией организационных мероприятий весны-лета 1928 г. стали Первая областная партийная конференция (2 августа) и Первый Областной съезд советов ЦЧО, который открылся в Воронеже 5 августа. В адрес съезда поступила правительственная телеграмма, на съезде выступали представители ВЦИК и руководители всех организационных учреждений, принимавших участие в образовании ЦЧО и в ликвидации губерний с их прежним административно-территориальным делением и именованим. С сентября тема образования ЦЧО уходит с первых полос областной газеты.

Резюмируя хронику создания ЦЧО 1928 г., можно сказать, что первая редакция рассказа написана в разгар образования области, вторая — когда этот вопрос уже был снят с политической повестки, а опубликован рассказ в новый период, когда масштабная административно-территориальная реформа, упразднившая дореволюционные губернии, уезды и волости, была практически завершена.

Одно из повторяющихся, базовых понятий кампании образования ЦЧО — слово «организация», оно войдет в название рассказа Платонова и станет едва ли главной обсуждаемой темой, высказывания о которой составят сюжетную основу «организационно-философских очерков». Платонов пишет рассказ в самый разгар организационных мероприятий по образованию ЦЧО, сделав перерыв в работе над романом «Чевенгур». Обозначенный в заглавии жанр очерка позволял писателю высказаться о чевенгурских темах на актуальном современном материале, соединить главные темы творчества с почти оперативной сводкой центральных событий 1928 г.: образование ЦЧО проходило на фоне первого крупного политического процесса («Шахтинское дело»), серьезного экономического кризиса (срыв хлебозаготовительной кампании 1927 г.) и других не менее важных событий. Выдвинутый на апрельском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) лозунг самокритики призывал открыть «критику снизу», услышать рабочих, «желающих исправить наши недостатки», «поднять бдительность рабочего класса, обострить его внимание к нашим недостаткам, облегчить исправление этих недостатков...» (Доклад тов. Сталина о работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК на активе московской организации 13-го апреля 1928 года // Известия. 1928. 18 апр. С. 3; *Сталин*, 11. С. 33–34). В статье «Против опошления лозунга самокритики» (Известия. 26 июня. С. 1) Сталин прямо призвал к немедленному и скорейшему проведению в жизнь лозунга самокритики как главного противоядия злу бюрократизма во всех его формах: «Нужно *поскорее освободиться* от наших ошибок...»; «Нужно *поскорее вскрывать* наши слабости и ошибки, которые *еще не вскрыты*, но которые несомненно существуют, если мы не хотим быть застигнутыми врасплох всякого рода “неожиданностями” и “случайностями” на радость врагам рабочего класса»; «Медлить здесь — значит облегчить дело наших врагов, усугубить наши слабости и ошибки. Но сделать всё это невозможно без развертывания самокритики, без усиления самокритики, без вовлечения миллионных масс рабочего класса и крестьянства в дело выявления и ликвидации наших слабостей и ошибок» (*Сталин*, 11. С. 130).

Позже Платонов признавался, что рассказ «Че-Че-О» был написан им «в два дня» (см.: Стенограмма творческого вечера Андрея Платонова во Всероссийском Союзе советских писателей 1 февраля 1932 г. // *Воспоминания*. С. 295), и, очевидно, так и было. Исходя из политических реалий, нашедших отражение в тексте, рассказ написан в двадцатых числах июня 1928 г. Автограф рассказа, как уже отмечалось, почти не имеет правки. Это была его тема, поэтому так быстро пишется отклик на призыв, прозвучавший на высшем государственном уровне: «поскорее вскрывать наши слабости и ошибки» (И. Сталин).

Однако представленная в рассказе «критика снизу» сразу получила жесткую отповедь. В первом номере журнала «На литературном посту» за 1929 г. «Че-Че-О» упоминается дважды. В редакционной статье «Классовая борьба обостряется» рассказ аттестуется как ярчайший пример выступлений классового врага социалистического строительства: «...на страницах “Нового мира” появляется явный памфлет против социалистического строительства, каким является “очерк” о ЦЧО Бор. Пильняка и А. Платонова, с тупым

высокомерием безнадежных верхоглядов поплеывающих на громадную работу по районированию» (*На лит. посту.* 1929. № 1. С. 4). Развернутая критика рассказа дана в библиографическом обзоре двенадцатых номеров толстых журналов за 1928 г., причем тот же автор страницей выше, анализируя продукцию толстой «Красной нови», писал: «...в сущности, за весь 1928 г. в актив “Красной нови” можно вписать только “Происхождение мастера” А. Платонова...» (Библиография. По журналам // *На лит. посту.* 1929. № 1. С. 68–69. Подпись: Н. Н. [Фатов]). Пролетарская критика не любила Пильняка и попутнические издания, к которым относился «Новый мир», но дело не только в этом. Рассказ предоставлял богатейший материал для сведения счетов и с журналом, и с его авторами, а выдвинутое рецензентом политическое обвинение — «...выступление А. Платонова и Бор. Пильняка <...> является несомненным выпадом против хозяйственной и политической линии, проводимой партией и советской властью, против профсоюзов и рабочей общественности» — подкреплялось обильным цитированием текста; представленная в рассказе «критика снизу» от мастеровых Федора Федоровича и Филиппа Павловича опровергалась простым утверждением, что герои не типичны:

«А. Платонов и Б. Пильняк ставили своей задачей “изучение бюрократизма Центральной Черноземной области” и “ознакомление с массами”. Но методы, примененные писателями при этом изучении, нельзя не назвать очень и очень странными. Правда, они пишут, что “мы изучали, взяв предпочтительно в поле зрения нашего людей, а не учреждения, дабы не быть оглушенными гулом мероприятий, придерживаясь при изучении материала статистических принципов”. “Статистичность” принципов изучения, положенных Пильняком и Платоновым в основу своей работы, выразилась в том, что они обратили свое внимание всего-навсего на *одного* человека, некоего Федора Федоровича, “рабочего-ветерана железнодорожных мастерских, философа” (друг Федора Федоровича — Филипп Павлович — только вторит ему).

А Федор Федорович поведал писателям очень любопытные вещи. Прежде всего оказывается, что курс на индустриализацию страны — неправильный курс. “Коллективы по деревням нам сейчас нужнее Днепростроя”. Индустриализация, по-видимому, по мнению Федора Федоровича, мешает “безвыходному желанию мужиков к устройству своей судьбы через коллективы” и содействует тому, что “мужик... пойдет по кулацкой дороге”. Дальше оказывается, что на наши курорты едут “не рабочие, не средние служащие, а явный бюрократический актив” (кстати сказать, такое трогательное совпадение во взглядах старого рабочего Федора Федоровича и писателя Пильняка, “разоблачившего” пошлость наших курортов и курортников в “Штоссе в жизнь”!).

Затем, по мнению Федора Федоровича, “при пролетарской диктатуре всякие организации есть дело второстепенное и низкое... самое главное — искать дороги друг к другу. Дружество — есть коммунизм. А у нас сердечность пропала”. Классовой борьбы в стране, по мнению Федора Федоровича, конечно, нет. “Богачей ведь у нас нету”, лавочник — “да его и давить-то нечего: открой лишний кооператив...” И поэтому надо только “уважать

человека”, дать ему “хлеб с закуской”, а “организация”, “область” — это “третье” дело. Дальше Федор Федорович сообщает любопытные сведения о том, как строятся в СССР органы власти и общественности. Оказывается, посылают в организации того, кто “в работе не нужен, работать... не научился... Вот он там и делает власть за нас, а что он понимает!? ими и затыкают всякие выборные должности, а *потом они сами делаются профессиональными руководителями без всяких прочных товарищеских связей с мастерами...* А там наверху, в руководящих сферах, молодому человеку представляется... теплота обеспеченной жизни... и *сладострастное занятие властью... Ко власти лезут которые верткие... а отсюда и скрытность и задумчивость рабочего советского человека...*”

Недовольны Федор Федорович и Филипп Павлович и тем, что “в массы швыряют”... “культуру... автомобиль... критику”. Оказывается, “зашвыряли массы, прожевать некогда”. Но позвольте, скажут нам, разве Платонов и Пильняк во всем согласны с Федор Федоровичем? Правда, они тщательно подчеркивают, что те или иные сентенции произносил именно Федор Федорович, именно он “уверял”, “утверждал”, “рассуждал”. Но ведь мнений кого-либо иного писатель вовсе не приводит. Весь очерк занят рассуждениями Федора Федоровича или самих авторов, как мы видели, тоже недалеко от своего “философа” ушедших.

Но разве Пильняк и Платонов не *знают*, что мысли, высказанные Федор Федоровичем, противоречат линии партии на индустриализацию и оценке партией политического положения в стране, задачам профсоюзной политики и советской работы, что они содержат и явную клевету. Разве они не обязаны были, узнав точку зрения Федора Федоровича, проверить, есть ли эта точка зрения воронежского пролетариата вообще или только индивидуальное понимание современности стареющим чудачком, повторяющим меньшевистские басни. Писатели должны были или сказать прямо: вот как пролетариат оценивает курс на индустриализацию и профсоюзную работу, или же они должны были указать на случайность, нетипичность воззрений Федора Федоровича. Но они предпочли умолчать. В очерке фигурирует только один Федор Федорович (хорошенькое “ознакомление с массами!”), а вместе с тем выводы очерка никак не ограничены. Но и сами писатели от своего имени пришли к выводам, показывающим, что и их точка зрения во многом со взглядами Федора Федоровича идентична. Писатели едут изучать бюрократизм: превосходное начинание! Но какой смысл приобретает это начинание, когда бюрократизмом объявляется, в сущности, вся деятельность “областников, так сказать, строителей”, все районирование, вся хозяйственная деятельность, вся плановая работа советских органов? Вместо того, чтобы указывать конкретные факты бюрократизма в госаппарате, Пильняк и Платонов в очень неприятном тоне подсмеиваются над областным строительством. “Лежала перед нами степь и явно чувствовалось нам, что это *не простые уже губернские поля с перелесками местного назначения, а — областные. Рожь, по подсчетам областных организаторов, расти будет гуще. Пусть растет! — и на густую рожь найдутся едоки*”.

Смысл этой фразы становится ясным тогда, когда мы вспомним, что страшицей выше Федор Федорович говорил о бюрократах, которые “в канцеляриях

дела листают, как суслики рожь едят”. По-видимому, по мнению Пильняка и Платонова, и “областные поля” будут съедены размножившимися “сусликами”. Через восприятие Федора Федоровича “суслик” вырастает в символ всякого организатора, всякого комиссара, всякого политического работника. Недаром Пильняк и Платонов сочувствуют иронии Федора Федоровича над тем, что “суслик” потребовал бы приставить к машинисту поезда контролера, чтобы “контролер наблюдал”.

Картина получается достаточно ясная. Мы думаем, что Федор Федорович, несмотря на свое засвидетельствованное писателями сугубо рабочее происхождение, выявляет не настроения той или иной группы пролетариата, а, в сущности, реакционные настроения некоторых иных социальных групп. И происхождение у него, быть может, не столько социальное, сколько литературное... В бытовом плане он очень походит на рабочих-чудаков, влюбленных в машину и чуждых общественности, показанных в рассказах Платонова, а по своим высказываниям в этом очерке (кстати сказать, без сотрудничества Пильняка рабочие Платонова говорили совсем другие вещи) Федор Федорович показывает хорошее знакомство с некоторыми произведениями и выступлениями Б. Пильняка.

И резюме подробного анализа, подтверждающее выдвинутое в начале обзора обвинение: «Мы так подробно остановились на данном очерке потому, что он, на наш взгляд, лучше всего характеризует ту легкость, с какой “Новый мир” докатывается даже до политически реакционных выступлений» (Библиография. По журналам // *На лит. посту*. 1929. № 1. С. 68–69. Подпись: *Н.Н. [Фатов]*).

В русле выдвинутых политических обвинений дается оценка рассказу критиком В. Ериловым и другими представителями пролетарского лагеря: «Огромная напряженная и труднейшая работа по районированию, являющаяся не чем иным, как работой по социалистическому строительству, представлена авторами очерка тоже как бюрократическая вакханалия организационного безумия, душашего личность...» (*Ерилов В.* Буржуазная и попутническая литература // Ежегодник литературы и искусства на 1929 г. М., 1929. С. 67. См. упоминание рассказа: *Сутырин В.* Фельдшера и академики // *ЛГ*. 1929. 22 апр. С. 2. Рубрика «Трибуна писателя»).

Безусловно, имя Пильняка способствовало особому вниманию к рассказу «Че-Че-О». Примечательно, что в приведенном отзыве журнала «На литературном посту», где Пильняка считали врагом пролетарской литературы с 1923 г., первым автором очерка называется не Платонов, а Пильняк; в большой рецензии, посвященной журналам 1928 г. (газета «Комсомольская правда»), Платонов даже не упоминается как автор «Че-Че-О», а главными обвиняемыми называются Пильняк и попутнический «Новый мир»: «В журнале “Новый мир” прежде всего бросается в глаза то, что лицо журнала определяется отнюдь не произведениями пролетарских писателей или близких пролетариату попутчиков. <Называются В. Лидин, Ал. Толстой, М. Пришвин, Б. Пильняк, С. Сергеев-Ценский.> ...*Это крыло литературы переживает процесс утраты своих последних связей с революционной современностью.*

Многие из них вообще перестают откликаться на животрепещущие социальные проблемы наших дней. <...> Пожалуй, лишь Пильняк. Но посмотрите, что это за отклики, выразителю какого класса принадлежат они. Вот несколько выдержек из очерка Пильняка “Че-че-о” (под этим страшным созвучием Пильняк подразумевает Центрально-Черноземную область).

“Видели мы областников, так сказать, строителей. Угощали они пивом москвича в столовой ЕПО, организационно обсуждали, опирались на портфели и пребывали в организационно-областной ярости. Многого из их разговоров нам подслушать не удалось, в силу естественного страха, который исходил нам от них”.

Что же подслушал Пильняк в разговоре руководителей области? А вот:

“Я полагаю, с областью мы слишком спешим, — заявил горестно тамбовец. — Границы округов определены наспех, губернские и уездные работники далеко не все получили назначения на новые областные посты, а уже понаехало много иногородних”.

Таковы “строители” социализма в изображении Пильняка, — они прежде всего заботятся о теплых местечках. Весь очерк построен в духе подобной карикатуры.

Вот воронежская газета в описании Пильняка: “В газете были напечатаны портреты туземно-областных вождей, карта новой области, снимки будущего здания областкома, будущего окрпрофсовета и прочих будущих новых помещений. Была еще заметка об Аржановской фабрике грубых сукон, расположенной в Тамбовской губернии, напечатанная исключительно ради областных интересов. Больше ничего туземного в газете не было. В остальном газета занималась всемирно-историческими вопросами, искренне давая советы французам, англичанам и китайцам”...

Опять злобная карикатура на советскую газету!» (Рябинин А. Два журнала. «Новый мир» №№ 1–12 и «Октябрь» №№ 1–12 1928 г. // К. пр. 1929. 14 февр. С. 3).

Приведенные цитаты позволяют рецензенту сделать однозначный вывод: «В общем и целом можно сказать, что опытная и культурная рука проводит далеко не пролетарскую, не большевистскую линию в журнале “Новый мир”» (Там же).

В двенадцатом номере «Нового мира», где печатался рассказ «Че-Че-О», анонсировалась (на обороте передней обложки) публикация рассказов Платонова в 1929 г., однако после истории с «Че-Че-О» все его попытки напечататься в журнале окажутся неудачными.

Откликнулся на «Че-Че-О» и Воронеж, где Платонова, кажется, еще не должны были забыть. Статья «Горе-путешественники (По поводу очерка А. Платонова и Б. Пильняка о ЦЧО в 12 книге “Нового мира”)» появилась в литературном приложении к областной газете «Коммуна» — «Неделя», ее автор — журналист Ф. Шемякин, в 1929 г. принимавший самое активное участие в кампании против воронежских краеведов, прежде всего С.Н. Введенского, председателя Воронежского городского общества краеведения (см.: Шемякин Ф. Богослов в роли доцента университета // Коммуна. 1929. 22 сент. С. 4). Первая часть статьи посвящена восприятию образа «буржуазного писателя» Пильняка неким торговцем, вторая — анализу рассказа

(дважды называется статьей), правда, и сам рассказ в основном также связывается с именем Пильняка. В статье нет даже полунамёков на то, что одним из авторов рассказа является воронежец Платонов, известный пролетарский писатель, журналист, в том числе автор «Воронежской коммуны», и губернский мелиоратор. Список идеологических ошибок, предъявленных рассказу, особой новизной не отличается, единственная его особенность состоит в том, что ошибки связываются с оценкой авторами рассказа истории создания ЦЧО:

«От “философии” очерков несет благоуханием интимнейших закоулков души шестипудовых представителей частнокапиталистического сектора нашего хозяйства. Не менее привлекательна и “организационная” сторона статьи. Иначе, чем гнуснейшим издевательством над огромной политической и хозяйственной важности работой по районированию ЦЧО, ее назвать нельзя»;

«Они преподносят читателю анекдотики о служащем, искавшем нарисованную на земле красной краской границу ЦЧО. <...> Они с изымательством описывают “областников, так сказать строителей”, пребывающих “в организационно-областной ярости” и стирающих “бредовый пот со лба прямо ладонью”. <...>

Платонову и Пильняку область, конечно, не нужна. Больше того, — она им неприятна. Районирование проводится в интересах хозяйства СССР и в целях усиления втягивания масс в строительство социализма. Злобная критика этой насущной задачи советского строительства, преподносимая “очерками”, выражает психологию классов, социальный базис которых суживается благодаря успехам социалистического сектора нашего хозяйства. Только слепой склонностью “Нового мира” к писателям старого мира можно объяснить появление на страницах этого журнала статьи, годной скорее в хрестоматию для эмигрантского юношества».

В конце статьи Шемякин предлагал воронежцам «весело посмеяться» над описанием воронежского трамвая и портретом воронежского чиновника с бакенбардами и вспомнить Пильняка, его статьи о «нашем севере и Китае» (Неделя. 1929. № 7 (77)). Страница «Недели» со статьей о «Че-Че-О» хранится в фонде Платонова: *ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 5. Ед. хр. 180). Только как произведение Пильняка «Че-Че-О» упоминается в статье Л. Плоткина «Фронтная измена» (Коммуна. 1929. 8 сент.).

С началом кампании вокруг «дела Пильняка» (август – сентябрь 1929 г.) рассказ «Че-Че-О» вновь всплывает в выступлениях критики (см. примеч. к статье «<Против халтурных судей>», с. 774–775 наст. изд.). В 1929 г. за Пильняком числилось больше грехов, чем за Платоновым, поэтому без усилий, затрачиваемых на чтение рассказа, именно ему приписывается «Че-Че-О» со всеми идеологическими пороками произведения: «Очерк Б. Пильняка “ЦЧО” целиком направлен против индустриализации» (*Селивановский А.* На литературном фронте // *Календарь коммуниста, 1930.* С. 407).

Платонов объяснял историю создания рассказа «Че-Че-О» в 1929 г.: «Относительно “Че-Че-О” заявляю следующее. Б.А. Пильняк “Че-Че-О” не писал. Написан он мною единолично. Б. Пильняк лишь перемонтировал и выправил очерк по рукописи» (см. с. 322 наст. изд.). Писатель вновь объяснял

ситуацию соавторства в 1932 г., когда на него обрушилась сокрушительная критика повести «Впрок» и в списке его идеологически порочных произведений будет называться «Че-Че-О»: «О “Че-Че-О” я должен сказать, что это первая вещь, где я начал круто срывать. В сущности, это моя вещь, она лишь переработана несколько Пильняком в сторону, не улучшающую ее художественного состояния. Поэтому я, собственно, один за нее несу ответственность» (Стенограмма творческого вечера Андрея Платонова во Всесоюзном Союзе советских писателей 1 февраля 1932 г. // *Воспоминания*. С. 294–295). Разъяснения Платонова по поводу «авторства» Пильняка были приняты в писательской среде; похоже, что никто не сомневался, кто автор рассказа, особенно после публикации «Впрок». Об этом свидетельствует упоминание «Че-Че-О» в выступлении Н. Погодина на заседании президиума правления ССП (28 октября 1936 г.), на котором обсуждался творческий отчет Пильняка: «По самой работе Пильняка я хочу очень кратко остановиться на двух вещах, которые меня приводят в недоумение, когда я читаю — Пильняк-Платонов, Пильняк-Беляев. Мне непонятно это содружество и вот почему — я не знаю, как это понимать. <...> В “Новом мире” был напечатан очерк “ЧЧО”. Я тогда работал в газете, и на меня он произвел страшное впечатление. Если бы я, сотрудник “Правды”, прислал такой очерк, меня выгнали бы из редакции. Потом через несколько лет я узнал Платонова. Для меня совершенно непонятно содружество этих людей. Андрей Платонов — это не то что контрреволюционный писатель, это хуже, это какой-то нигилизм. Я знаю последний сценарий Андрея Платонова, сданный им о железнодорожной державе, и это просто не поймешь что такое, не то насмешка или же это анекдот. Он походя высмеивает, походя издевается, или восхваляет, или философствует. И мне кажется, что это содружество очерняет образ Пильняка как писателя» (*РГАЛИ*. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 75. Л. 86–88. Разыскание Е. Антоновой). М.Ал. Платонова оставила свою интерпретацию темы соавторства в записи на конверте с автографом рассказа: «Написано без вмешательства Б. Пильняка, самим Платоновым. Платонов привлек Б. Пильняка для того, чтобы вещь эта была напечатана. И когда Платонов, после проработки этой статьи, выступил в защиту Пильняка, тот рассердился. Дружба кончилась!» (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 1).

*С. 7. Пишут, что хорошо выезжать из Москвы, потому что, дескать, сразу окунаешься в травяную русскую природу и в советские массы. — См. в повести «Эфирный тракт» описание поездки семьи Кирпичникова из Москвы в Волошино: «Его с женой влек к себе мало известный путь, ночевка в поселках, скромная природа равнинной северной страны, мягкий ветер в лицо — вся прелесть живого мира...» (*Сочинения*, 2. С. 29).*

Поезд шел на юг, на Северный Кавказ, в нем ехали люди на отдых, некоторые же — на хлебозаготовки, на контроль строительства обводнительных каналов в тамошних республиках... — Хлебозаготовки — плановые заготовки государством хлеба в зерне. С начала 1928 г. «вопрос о хлебозаготовках» стал едва ли не главным в государственном строительстве: план хлебозаготовок 1927 г. не был выполнен; деревня, включая колхозы и индивидуальные хозяйства, как кулаков, так и середняков и даже бедняков,

отказывалась сдавать хлеб государству по низким ценам, образовался дефицит в заготовках; в городах начались перебои с хлебом. Отдельным вопросом «разыгравшийся хлебозаготовительный кризис» (И. Сталин) и организация хлебозаготовительной кампании обсуждались на апрельском объединенном пленуме ЦК и ЦКК, Всероссийском и Всесоюзном съездах колхозов (май). На апрельском пленуме было принято особое постановление о командировках на места центральных работников: «В целях усиления борьбы с недотатками местной работы, а также для улучшения практики руководства центральными органами, объединенный пленум ЦК и ЦКК постановляет, что члены ЦК, члены Президиума ЦКК, наркомы и их заместители, члены президиумов ВЦСПС и ЦК союзов не меньше, чем полтора-два месяца в году должны проводить на местной работе» (Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) // Известия. 1928. 12 апр. С. 2). Всего в помощь хлебозаготовительным органам в 1928 г. было направлено 30 тысяч человек (см.: *Совершенно секретно*, б. С. 10).

В план первой пятилетки кроме крупнейших каналов (Днепрострой, Беломорканал, Волго-Дон) входило строительство *обводнительных каналов* в республиках Средней Азии и Северного Кавказа (*Долгушев И.А. Оросительные и обводнительные системы СССР. М., 1968*).

Похудевший за эти месяцы хлебозаготовитель ничего пока не говорил: он отмалчивался, чтобы говорить в служебных местах — на сытунках... — Решением Политбюро ЦК ВКП(б) в различные районы страны командировались специальные уполномоченные по хлебозаготовкам, в задачу которых входило получение хлеба любым способом, вплоть до применения статьи 107 Уголовного кодекса: лишение свободы с конфискацией имущества за спекуляцию — покупку и перепродажу хлеба (см.: Ст. 107 УК РСФСР и применение ее в последней хлебозаготовительной кампании // *Революция права. М., 1928. № 3 (май – июнь). С. 99–102. Подпись: А. Э.*). Центральные газеты печатают информацию с мест о применении статьи 107 УК; см., например: «Кулак ждет весны — вздувает цены. 107-я статья заставит везти хлеб» (*К. пр. 25 февр. С. 2*); «Сто седьмая в действии» (*Известия. 25 февр. С. 3*); «За спекуляцию хлебом — 107 статья» (*Там же. 26 февр. С. 3*). «Только путем применения этой статьи, после ряда агитационно-разъяснительных мероприятий со стороны советского и партийного аппарата на местах, нам удалось отколоть середняка и бедняка от кулака, изолировать последнего. Классовая борьба, которая происходила вокруг повышения цен на хлеб, по сути своей была борьбой диктатуры рабочего класса и деревенской бедноты с кулачеством», — отмечалось в выступлении наркома земледелия РСФСР Н.А. Кубяка на Всероссийском съезде колхозов (*Колхозное строительство. С. 122–123*).

В январе–мае в центральных газетах вводится специальные разделы, посвященные хлебозаготовительной кампании; см. в «Известиях»: «Усилим контроль над заготовками со стороны партийных и советских учреждений и всей советской общественности» (15 янв. С. 3); «Как идут заготовки» (17 янв. С. 3), «Как идут хлебозаготовки» (19 янв. С. 3), «Хлебозаготовительный план должен быть выполнен» (28 апр. С. 3); «Все усилия на увеличение хлебозаготовок» (29 апр. С. 3); «Хлебозаготовители очень медленно

раскачиваются» (6 мая. С. 4), «Хлебозаготовительную кампанию нужно продолжать с удвоенной энергией» (10 мая. С. 3); «Темп хлебозаготовок продолжает оставаться неудовлетворительным» (29 мая. С. 5) и т. п. В центральных газетах печатается информация о работе хлебозаготовителей, о «прорехах» в работе аппарата, о снятии с должностей и предании суду за срыв хлебозаготовительной кампании (см.: Как идут хлебозаготовки // Известия. 19 янв. С. 3; 3). В губерниях будущей области хлебозаготовки шли с большим напряжением, сводки из уездов поступали неутешительные, что нашло отражение и в центральной печати (см.: В Центрально-Черноземной области // Известия. 17 янв. С. 3; Как идут хлебозаготовки. Недочеты кампании в Воронежской губ. // Там же. 19 янв. С. 3; По Воронежским селам // 24 янв. С. 3). Даже в феврале Воронежская губерния еще не отчиталась о выполнении годового плана хлебозаготовок. В секретном письме из Москвы в адрес губкома (от 26 апреля) констатировалось, что «апрельские заготовки хлеба из пятидневки в пятидневку показывают ухудшение»; «в большинстве районов заготовки фактически прекращены», были сформулированы жесткие требования: «Установить действительную и строгую ответственность за выполнение задания с соблюдением заготдисциплины»; «Принять к точному исполнению месячные планы заготовок на май-июнь, а также наряды на отгрузку, согласно указаний Наркомторга»; «Усилить нажим на кулацкую часть и частных, злостно спекулирующих крупными партиями хлеба, применяя к ним директиву ЦК о 107 статье...» (Секретная переписка с партийными, советскими и другими органами // ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 2082. Л. 104). На страницах «Воронежской коммуны» сообщается о трудностях зимне-весенней хлебозаготовительной кампании: «План по губернии утвержден Наркомторгом — заготовки снижаются» (О хлебозаготовках (Беседа с зам. заведующего Губторготдела т. Загорником) // Вор. ком. 1928. 21 апр. С. 2); «...ударить по расхлябанности аппарата и работников, повесить персональную ответственность за выполнение заготовительных заданий. Пресечь “курортные” и “чемоданные” настроения...» (Поставить заготовки на ударную ногу [Ред. статья] // Там же. 1928. 8 июня. С. 1). См. также заголовки статей в «Воронежской коммуне»: «Хлебозаготовки усилились. Однако темп работы все еще слаб» (13 мая. С. 1); «Заготовки хлеба проходят слабо. Выполнено всего 16,8% плана» (18 мая. С. 1); «Темп заготовок слаб», «Необходим решительный перелом» (сообщается о совещании хлебозаготовителей и что на все заготовительные пункты высланы специальные уполномоченные) (25 мая. С. 3); «Темп хлебозаготовок недостаточен» (сообщается, что в отдельных уездах снижается темп хлебозаготовок), «Кулаки припрятали хлеб», «Хлеб в деревне есть» (29 мая. С. 1); «Хлебозаготовительный план выполним» (сообщается, что майский план в Елецком уезде Орловской губернии выполнен менее чем на 20%, а также о посылке на места специальных уполномоченных по хлебозаготовкам) (31 мая. С. 2); «Перелом в заготовках еще не наступил» (8 июня. С. 1).

Ссыпункты — места для приемки (ссыпки) зерна; в газетах постоянно сообщалось о неготовности и непригодности ссыпных пунктов для приемки зерна, об отсутствии достаточного количества весов, об очередях, о засоренности личного состава ссыпунктов чуждыми элементами (когда

заведующими назначались зажиточные крестьяне), о халатности хлебозаготовителей и т. п. См.: «Кулаки ведут агитацию среди ссыпщиков, стремясь обеспечить приток дешевого зерна на кулацкие мельницы и “потаенные” склады» (Кулак в Черноземье не дремлет // Известия. 1928. 12 янв. С. 3). В постановлениях апрельского пленума ЦК и ЦКК был выделен специальный пункт о работе мельниц и элеваторов (см.: Известия. 1928. 12 апр. С. 2).

...председатель райсоюза потребителей, который, будучи вызван замнаркомторгом для надлежащего подтягивания... — Источником информации данного сообщения не располагаем. Прямую ответственность за проведение хлебозаготовительной кампании (закупку хлеба) несли наркоматы торговли (наркомторг) РСФСР и СССР, а на местах — председатели районных союзов потребительской кооперации, объединявших кооперативы по производству товаров и оказанию услуг.

Апрельский пленум ЦК и ЦКК принял постановление о «реорганизации заготовительного аппарата» — «унификации государственного хлебозаготовительного аппарата», системе договоров между государственной и потребительской кооперативными организациями; за наркомторгом СССР закреплялось «право общесоюзного комиссариата в деле организации и регулирования <...> заготовок» (Известия. 1928. 12 апр. С. 2). В выступлении И.В. Сталина (Доклад тов. Сталина о работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК на активе московской организации 13-го апреля 1928 года // Известия. 18 апр. С. 3) указывалось, что просчеты хлебозаготовительной кампании нашли яркое проявление «в расхлябанности наших заготовительных органов, в отсутствии единого фронта между ними, в конкуренции между собой, в нежелании вести решительную борьбу против игры на повышение хлебных цен»; «в инертности наших партийных организаций в районах хлебных заготовок, в их нежелании должным образом вмешиваться в хлебозаготовительную кампанию, в их нежелании вмешиваться в дело и положить конец общей расхлябанности на заготовительном фронте»; «наши заготовительные и партийные организации предоставили всё “воле божьей”, очистив поле кулачко-спекулянтским элементам» (Сталин, 11. С. 44).

28 апреля «Известия» информировали о выступлении заместителя наркома торговли РСФСР тов. Г.В. Чухрита на Всероссийском торговом съезде, в котором центральное место занимало положение на хлебном рынке. Сообщалось о падении хлебозаготовок, о «демобилизационных настроениях» у хлебозаготовителей и о том, что приняты «меры к усилению инспектуры во всех союзах» Хлебоцентра и «установлена персональная ответственность» «за успешное проведение хлебозаготовок и своевременное выполнение планов» (Хлебозаготовительный план должен быть выполнен // Известия. 28 апр. С. 3; см. также: Чистка аппарата продолжается // Там же. 29 апр. С. 3). Весь май газеты печатают сообщения о проходящих по всей стране чистках хлебозаготовительных аппаратов; см. в «Известиях»: «На инспектуру Хлебоцентра и уполномоченных контор Хлебопродукта возложена персональная ответственность за успешное выполнение хлебозаготовительных планов. Надо ставить перед Союзом вопросы о привлечении виноватых в нарушении к ответственности. <...> Уполномоченные также должны нести персональную ответственность» (Хлебозаготовители очень медленно раскачиваются //

6 мая. С. 4); «Инспектор тов. Иванов снят с работы. В его обязанности входили руководство и наблюдение за выполнением хлебозаготовительных планов» (12 мая. С. 3); «Преступная бездеятельность хлебозаготовителей (16 мая. С. 4); «...в некоторых районах [Воронежской губернии] заготовки вследствие бездеятельности заготовителей почти прекратились» (По хлебозаготовительным районам // 18 мая. С. 3) и т. п.

...съел две корчажки сметаны... — Корчажка (от корчага) — большой глиняный горшок для разных хозяйственных надобностей.

С. 8. *...это способствует вывозу хлеба и ввозу машин из-за границы... —* От хода хлебозаготовительной кампании напрямую зависело проведение индустриализации в стране, в частности, закупка машин за границей, за которые расплачивались зерном. Об «опасности нарушения экспортно-импортного плана» говорилось в резолюции «О хлебозаготовках текущего года и об организации хлебозаготовительной кампании на 1928–29 год», принятой на апрельском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) по докладу наркома внутренней и внешней торговли СССР А.И. Микояна (*Известия*. 1928. 12 апр. С. 2); см. также в докладе И. В. Сталина на июльском пленуме ЦК ВКП(б): «...нам абсолютно необходим резерв для экспорта хлеба. Нам нужно ввозить оборудование для индустрии. Нам нужно ввозить сельскохозяйственные машины, тракторы, запасные части к ним. Но сделать это нет возможности без вывоза хлеба, без того, чтобы накопить известные валютные резервы за счет экспорта хлеба» (*Сталин*, 11. С. 177–178).

В Рязске в вагон сел грустный человек... — Рязск — уездный город Рязанской губернии, основан в начале XVI в.; важный железнодорожный узел. В 1928 г. административно-территориальная реформа уже затронула Рязанскую губернию, к ЦЧО отошел Раненбургский уезд; постановлением ВЦИК от 1 октября 1929 г. Рязанская губерния была упразднена и образована Центрально-промышленная область; Рязск стал районным центром.

...здесь сразу кончаются суглинки и подзолы... — Суглинок — почва с преимущественным содержанием глины и значительным количеством песка. *Подзолы (устар. белозёмы) —* одни из самых кислых и ненасыщенных почв мира, отличаются белыми почвами, или, как их называет народ, «подзолами», «белунами»; термин «подзол» был закреплён в науке В.В. Докучаевым, который изучал эти почвы с 1875 г.

...черноземная область: говорят — она больше Англии и чуть меньше европейских держав... — Информация почерпнута из местной газеты, где не раз описывалась новая область, отмечалось, что ее площадь составляет более 200 квадратных метров: «Площадь ЦЧО почти на одну четверть больше Англии и Уэльса вместе взятых, в пять раз больше Швейцарии и почти в семь раз больше Бельгии» (Область в 7 раз больше Бельгии // *Вор. ком.* 1928. 26 апр. С. 1); «Территория ЦЧО превосходит ряд европейских государств <...>, которые лишь вместе взятые составляют территорию, равную Центрально-Черноземной области» (*Кочемировский*). Население Центрально-Черноземной области // Там же. 1928. 29 мая. С. 2).

Вы куда едете-то? — спросил я грустящего человека. — В Воронеж — куда ж больше. ~ Там, люди говорят, новые корпуса строят для организации, десять тысяч служащих, говорят, набирать будут, а я — человек

сокращенный. — Данные слухи коррелируют с сообщениями в газете о новом статусе Воронежа как областного центра: «Воронежскому Горсовету следует теперь же начать подготовку к размещению областных и окружных учреждений в Воронеже и предусмотреть необходимые кредиты на жилищное строительство в 1928–29 году, имея в виду возрастающее значение Воронежа как областного центра» (Ближайшие задачи по оформлению ЦЧО. Беседа с уполномоченным Госплана РСФСР по районированию ЦЧО т. П.П. Дьяконовым // *Вор. ком.* 1928. 17 мая. С. 1); «Сосредоточение в нем всех областных учреждений и организаций, объединяющих руководство хозяйством области, отразится на будущем нашего города самым положительным образом. Бурным ключом закипит жизнь в областной столице ЦЧО; должно расширяться новое строительство, весь город в течение немногих лет приобретет новое лицо. <...> Размещение областных и окружных учреждений потребует большого количества площади по сравнению с губернскими и уездными учреждениями. <...> Имея в виду произведенное в последние годы сокращение административного аппарата, все же надо полагать, что в областных учреждениях ЦЧО он будет состоять из 700–900 человек» (Дьяконов П. Воронеж как областной центр // Там же. 1928. 18 апр. С. 2). 11 июня на заседании Оргкомитета ЦЧО рассматривался весь комплекс вопросов, связанных с «расквартированием» новых областных учреждений и работников в Воронеже: был представлен проект 4-этажного дома в 32 квартиры, правда, отмечалось, что денег на постройку у горсовета нет, рассчитывают на помощь центра; обсуждался вопрос строительства новых зданий и ремонта старых; принято решение «ликвидировать Губернский Дом крестьянина» и отдать его под общежитие для работников, перебрасываемых в Воронеж; рассмотрена смета расходов и т. п. Размещение учреждений планировали завершить к 13 июня, однако решение вопросов затянулось, и до конца месяца газета печатает сообщения о перемещении учреждений города (см.: Вчера на заседании Оргкомитета ЦЧО // *Вор. ком.* 1928. 12 июня. С. 2; Как размещены областные учреждения // *Коммуна.* 22 июня. С. 4). Реорганизация аппаратов губернских и уездных органов проходила в спешном порядке; в Областной организационный комитет шли письма с мест уполномоченных НКЗ по ЦЧО о крайне неблагоприятной ситуации с формированием штатов новых учреждений, сокращением работников; приемо-сдаточные комиссии не справлялись с поставленными сроками проведения работ: «При обследовании работ по свертыванию Орловского Губземуправления <...> и организации Окружного земельного управления установлено, что таковое проходит из рук вон плохо: кадр работников для Окружного аппарата выделяется чрезвычайно медленно и только на бумаге, фактически же никакой работы не ведется, <...> работники Орловского Губземуправления охвачены ликвидационным настроением, деморализующим всякую плодотворную работу» (Материалы (инструкции, циркуляры, штаты, переписка) о реорганизации губернских и уездных земорганов в связи с районированием Центрально-Черноземной области // *ГАВО.* Ф. Р-19. Оп. 80. Ед. хр. 5. Л. 62, 52).

Десять лет в уездной архивной комиссии беспорочно состоял, а теперь свалили все документы в подвал статбюро... — Архивная тема появляется у Платонова в рассказе 1927 г. «В окрестностях одной тюрьмы...» (см. об

этом: *Сочинения*, 2. С. 257, 688). *Архивные комиссии* учреждались в России с 1880-х гг., в целях упорядочения архивного дела в провинции, и становились центрами изучения истории, этнографии и археологии края. Упразднены в 1918–1919 гг., вместо них созданы губернские архивные бюро (губархивбюро), входившие в состав губернского коммунального отдела. В пору работы Платонова в Воронеже газета давала информацию губархивбюро о положении архивного дела в губернии, сообщалось, что «в связи с перемещением учреждений из одного здания в другое» происходит «утрата документов»; что «документы надо хранить: 1) от пропажи, 2) от порчи и 3) держать в известном порядке» и т. п. (Берегите архивы // *Вор. ком.* 1925. 11 марта. С. 3. Подпись: *Губархивбюро*). В 1918 г. были также упразднены прежние статистические комитеты; во всех губерниях, городах, приравненных к ним, и в уездах были созданы *статистические бюро*; в аппараты местных статбюро привлекались работники дореволюционных статистических учреждений, прежде всего земских.

С. 9. *По сторонам пути стояли ~ пикетажные столбики...* — Пикетажные (франц. *piquet* — кол) знаки в виде столбиков на обочине железной дороги; устанавливаются для разметки железнодорожных линий, как правило, через 100 метров.

...проскакивали границы губерний, уездов, райвиков... — *Райвик* — районно-волостной исполнительный комитет, центральный орган исполнительной власти. Райвики создавались в ходе кампании областного, окружного и волостного районирования 1923–1924 гг., которая предусматривала объединение волостей в более крупные административные единицы (районы) и ликвидацию ряда уездов. В обоснование данной административно-территориальной кампании руководители губернии указывали на «выгоды нового деления»: «аппарат сократится» и «населению будет лучше, потому что районы обладают правами теперешних уездов» (XII-й Губернский съезд Советов // *Вор. ком.* 1924. 13 янв. С. 2). По планам 1924 г. в губернии создавались 92 укрупненных волости, из 12 уездов осталось 9 (см.: Районирование губернии // Там же. 1924. 23 мая. С. 4). Укрупнение волостей вызывало резкую критику населения из-за удаленности нового центра, выдвигался лозунг «разукрупнения»; признавалось, что зачастую «низовое районирование» производилось «путем механического снижения волостей» (*Дьяконов П.* *Ход работ по организации Центрально-Черноземной области* // Там же. 1925. 25 апр. С. 2). В августе газета сообщала: «Облплан приступает к разработке структуры и штатов учреждений области, округов, районов и сельсоветов. Окончена эта работа будет к 1 марта 1926 г.» (Там же. 1925. 14 авг. С. 3. Раздел: «Центрально-Черноземная область»). Низовое районирование было частично приостановлено в начале 1926 г. Читавший рассказ редактор исправил в машинописи «райвиков» на «виков», что соответствовало старому территориальному делению губернии, однако Платонов не принял предложенное исправление, сохранив в памяти административно-территориальной реформы данную переходную административную единицу.

...сферы уполномоченных по расширению площади посевов сахарной свеклы... — В июне на страницах «Коммуны» регулярно печатаются сообщения о проходящем в Воронеже Всероссийском производственном

совещании Свеклоцентра и о принятых на нем решениях, в частности, об увеличении посевных площадей в бывших губерниях новой области; см.: «Пути свекловичной кооперации» (28 июня. С. 2); «О путях свекловичной кооперации» (29 июня. С. 2), «Очередные задачи свеклосеяния» (30 июня. С. 3). Газета сообщала, что с 1922 по 1927 г. площадь крестьянского свеклосеяния возросла в губернии в четыре раза, повысился урожай и т. п. (Якушкин, проф. Широкое свекловичное движение // 29 июня. С. 2). Газеты не сообщали о другом. До революции в Воронежской губернии было 7 сахарных заводов, которые находились на землях крупных землевладельцев. 12 апреля 1927 г. ГубЗУ подготовило записку о расширении сырьевой базы сахарной промышленности, в которой была дана оценка состояния свеклосеяния в губернии: «Революция 1917 г., разрушившая помещичьи хозяйства и поставившая перед Государством, в первую очередь перед с.х. промышленностью требование создать в кратчайший срок новую сырьевую базу, не могла сразу найти действительные пути нового строительства и реальные силы для их проведения. Отсюда в известной степени произошел паралич свеклосеяния, которым характеризуются 1918–1922 гг.» (ГАВО. Ф.-19. Оп. 51. Ед. хр. 50. Л. 212).

...следовало бы издать генеральную карту организационного устройства СССР ~ я, однако, отказался от карты генерального организационного размежевания... — В 1923 г. газета печатала карту будущей области с обозначением границ округов и списком новых окружных центров (см.: Деление Средне-Черноземной области на округа // *Вор. ком.* 1923. 12 сент. С. 2).

С. 10. *...ключком газеты и, сложив его в осьмушку...* — *Осьмушка* (устар.) — восьмая часть чего-либо.

Тормоза втугачку схватили разыгравшиеся колеса... — *Втугачку* — крепко, сильно, очень.

Козлов — уездный город в Тамбовской губернии, основан в 1635 г.; в 1932 г. переименован в г. Мичуринск, в честь ученого-селекционера И.В. Мичурина.

...ехали из Тамбова в Воронеж — в оргбюро ЦЧО. — Скорее всего, тамбовцы едут не на заседание областного бюро ЦЧО (орган губкома), а на заседание Областного организационного комитета ЦЧО (Оргкомитета ЦЧО), которое проходило 11 и 20 июня (см.: Вчера на заседании Оргкомитета // *Вор. ком.* 12 июня. С. 2; Вчера на Оргкомитете ЦЧО // *Коммуна.* 21 июня. С. 2). На заседании 11 июня рассматривались вопросы сметы расходов и размещения новых учреждений, на заседании 20 июня — «проект районного деления и межокружных границ Области»; была создана согласительная комиссия, призванная рассмотреть спорные вопросы. Судя по обсуждаемым тамбовцами вопросам, речь, скорее всего, идет о повестке второго заседания Оргкомитета.

С. 10–11. *Тамбовский край, это же издавна определенно сложившаяся естественная, культурная и экономическая единица! Уже при Гаврииле Романовиче Державине ~ Воронеж — это еще не Москва, это лишь губерния, и даже не из важных!..* — Продолжение дискуссии о столице новой области, которая началась в 1923 г. и нашла отражение в «Городе Градове»

(см. примеч. к повести: *Сочинения*, 2. С. 619–622). Г.Р. Державин (1743–1816), поэт эпохи Просвещения, государственный деятель, сенатор, действительный тайный советник, член Императорской Российской академии (с 1782 г.); был назначен губернатором Тамбовской губернии указом Екатерины II в декабре 1785 г., оставил должность в январе 1789 г.

С. 11. *...теперь ~ северный кусок природного поценского края отходит от Тамбова в другой округ! — Поценский край* — по названию главной реки Тамбовской губернии (Цна). Границы Тамбовской губернии подверглись значительному изменению в 1923 г. (постановление ВЦИК РСФСР от 4 янв. 1923 г.): Елатомский и Спасский уезды отошли к Рязанской области, Темниковский уезд был разделен между тремя губерниями; в состав Воронежской губернии отошел почти полностью Усманский уезд, а в состав Рязанской губернии — Шацкий уезд (за исключением пяти волостей). Тамбовская губерния присоединила к себе несколько волостей Воронежской губернии, однако в целом территория губернии уменьшилась, в ее составе осталось 7 уездов (против 12 до 1917 г.). Вопросы границ округов оставались спорными, о чем свидетельствует возвращение к «не разрешенным еще вопросам» и «уточнение» границ новых районов и округов в ходе всей весенне-летней кампании по созданию ЦЧО (см.: Центрально-Черноземная область. Районирование области // *Вор. ком.* 1928. 12 апр. С. 2; О низовом районировании // Там же. 21 апр. С. 2; Ближайшие задачи по оформлению ЦЧО (Беседа с уполномоченным Госплана РСФСР по районированию ЦЧО т. П.П. Дьяконовым) // Там же. 17 мая. С. 1). Состав округов окончательно был определен только в июле, а утвержден постановлением президиума ВЦИК от 10 декабря 1928 г. На территории бывшей Тамбовской губернии было создано три округа. Статус областного города Тамбов вернет в 1937 г.

*Другой тамбовец был из Кирсанова и имел свое мнение насчет Тамбова: он считал, что Кирсанов по торговле важнее Тамбова и Воронежа ~ недавно первый общественный колодезь устроили, отопление жилищ предполагено перевести с кизяков на торф... — Кирсанов — уездный город (с 1779 г.) Тамбовской губернии, в начале XX в. один из центров губернии по торговле хлебом и другой сельскохозяйственной продукцией; в 1920–1921 гг. Кирсановский уезд был одним из центров крестьянского восстания (Антоновский мятеж). Платонов в пору работы в Тамбовском ГубЗУ находился в длительной командировке в Кирсанове, а в описании современного процветания Кирсанова упоминаются работы руководимого Платоновым подотдела мелиорации Тамбовской губернии, который занимался строительством колодезев и торфяными разработками (см. вступит. статью к коммент. т. 2: *Сочинения*, 2. С. 456–457).*

...кругом одни леса местного значения! — Леса, не имеющие промышленного значения; лесные участки, предназначенные в основном для удовлетворения потребностей в древесине районных и сельских организаций и находящихся в непосредственном ведении местных земельных органов и сельских советов. О причинах образования в Петровскую эпоху на территории Воронежской губернии лесов местного значения рассказывается далее.

Крой Воронеж всюду ~ теперь ведь можно сверху донизу, снизу доверху: полоса самокритики пошла... — Отклик на один из главных лозунгов

1928 г. из программы борьбы с бюрократизмом. Сначала он прозвучал в докладе И.В. Сталина о работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК как призыв к «большевистскому проведению лозунга самокритики» — новому пониманию «вопроса о массах и вождях», призванному «поднять бдительность рабочего класса, обострить его внимание к нашим недостаткам, облегчить исправление этих недостатков» (Известия. 1928. 18 апр. С. 3), а затем в его выступлении на VIII съезде ВЛКСМ, в котором лозунг «Организуйте массовую критику снизу» был конкретизирован: «поднять ярость миллионных масс против бюрократических извращений наших организаций», «поднять широчайшую волну критики снизу против бюрократизма вообще, против недостатков нашей работы в особенности»; организовать «двойной пресс, и сверху и снизу» (Известия. 1928. 17 мая. С. 3; *Сталин, 11. С. 36–37; 70–73*). В июне в центральных и губернских газетах печатается обращение ЦК ВКП(б) «Ко всем членам партии, ко всем рабочим»: «ЦК заявляет, что задачи реконструктивного периода не могут быть решены без самого смелого, самого решительного, самого последовательного вовлечения масс в дело социалистического строительства, проверки и контроля со стороны этих миллионных масс всего аппарата, его очищения от негодных элементов. <...> Лозунг самокритики “незвирая на лица”, критики сверху донизу и снизу доверху есть один из центральных лозунгов дня» (От Центрального Комитета ВКП(б) // *Крест. газ.* 12 июня. С. 1). В статье Сталина «Против опошления лозунга самокритики» (Известия. 1928. 26 июня) также говорилось, что партийцы «должны подымать миллионные массы рабочих и крестьян на дело критики снизу, на дело контроля снизу, как основного противоядия против бюрократизма» (*Сталин, 11. С. 132*). В центральных и губернских газетах появляются специальные рубрики: «Развернем критику сверху донизу и снизу доверху» (Коммуна. 22 июня. С. 4); «Самокритику в массы» (Там же. 23 июня. С. 4).

...нашего брата массы в плюшку жмут... — Плюха — от плющить: разбивать или раскатывать плоско, в лист; осаживать гнетом, давлением (Даль).

*Полный москвич ~ Мы никак не привыкнем к равновесию... Я бы сейчас главным лозунгом объявил равновесие мероприятий. А то посмотрите, что выходит — не самокритика, а самобичевание... — После апрельского пленума, выдвинувшего лозунг самокритики, в московских учреждениях шли дискуссии о плюсах и минусах лозунга (см. об этом примеч. к статье «<Против халтурных судей>», с. 779–780 наст. изд.). В данном предложении герой апеллирует к той части статьи Сталина «Против опошления лозунга самокритики» (Известия. 26 июня. С. 1), где критикуется характер проведения лозунга самокритики, когда в ряде организаций самокритику превращают «в травлю наших хозяйственников, в их дискредитирование в глазах рабочего класса» (*Сталин, 11. С. 136*).*

Здесь москвич ~ всем соседям предложил папиросы — «Герцеговину Флору». — «Герцеговина Флор» — папиросы высшего сорта из балканского табака, выращенного в провинции Герцеговина; выпускались московской табачной фабрикой «Ява» и считались элитными (были доступны как в до-революционное, так и в советское время состоятельным людям). На между-

народной художественно-промышленной выставке в Париже (1925 г.) получили серебряную медаль. «Любым папиросам / даст фор / “Герцеговина Флор”» (В. Маяковский).

У нас на три копейки можно пучок купырей купить... — Купырь — растение семейства зонтичных, произрастает на опушках леса, на пойменных лугах, на берегах рек; собирают весной до начала цветения; обладает лекарственными свойствами.

...за пятак тебе лапоть сплетут... — Изготовление лаптей относилось к одному из распространенных видов кустарной промышленности Воронежской губернии; в 1925 г. этой деятельностью в губернии занималось 4217 человек (в сравнении с гончарами — 108, изготовлением кафеля и черепицы — всего 15) (см. об этом: *Татарчуков А.Н.* К вопросу о современном состоянии кустарной промышленности в Воронежской губернии // Воронежский краеведческий сборник. Вып. 2. Воронеж, 1925. С. 10).

С. 12. *Значит, мои папиросы «Бокс» по вкусу, что и ваши, либо даже лучше?* — Папиросы «Бокс» относятся ко второму сорту, самый ходовой табачный продукт, выпускались Ростовской табачной фабрикой. Рекламный плакат 1928 г. (художник А.Н. Зеленский): «Все курят папиросы БОКС. Моссельпром».

Тамбовец доказывал своим спутникам, что вообще с областью явно поспешили: границы округов определены наспех, губернские и уездные работники далеко не все получили назначения на областные посты, и вообще, в целом, будущее рисуется далеко не в четких перспективах. — Консервативный тамбовец выражает весьма распространенное мнение о проводимой административно-территориальной реформе и, в частности, об образовании ЦЧО. С апреля по июнь 1928 г. шло уточнение границ округов и районов, спорных уездов; между уездными городами развернулась борьба за право быть центром района (см: *Хмелевский А.* Россошь или Павловск (В порядке дискуссии) // *Вор. ком.* 20 апр. С. 2; К организации ЦЧО. Вопросы районирования // Там же. 23 мая. С. 1; Центрально-Черноземная область // Там же. 28 апр. С. 2; По Центрально-Черноземной области: «Красное или Ищеино? Где быть центру // Там же. 10 июня. С. 3 и др.); на заседаниях Оргкомитета регулярно рассматривались вопросы подбора работников учреждений, разработка структуры и сметы штатов, операционных планов в области, округах и районах и т. п. Так как образование ЦЧО относилось к принятым партийно-государственным решениям, то на страницы печати редко попадали оценки «снизу». Исключение составляет лишь одна заметка на эту тему в разделе «По области», в которой рассказывалось об обсуждении проектов районирования в Новохоперском уезде. В «массах», как свидетельствует корреспондент, интереса к образованию ЦЧО нет, скорее доминирует равнодушие:

«Настроение крестьянства в связи с районированием полувыжидательное. Отдельные крестьяне в беседе с работниками шутят:

— Эх, вы! Плохо работали значит, потому вас и ликвидируют. <...> Есть, например, разговоры о том, что для крестьян это <новое административное деление> хуже, далеко ходить в округ, в случае надобности.

Интересны факты, свидетельствующие о настроении самих работников аппарата и парторганизаций.

Среди рядовых коммунистов чувствуется безразличное отношение к районированию, так как они не питают особой надежды на «перспективу»... Среди волостного актива чувствуется упадочное настроение, боязнь потерять портфель и «марку» работника волостного масштаба. Почти аналогичные явления можно наблюдать среди работников уездных. Однако и здесь не теряется заманчивая перспектива попасть в район, округ, хотя бы и «маленьким комиссаром».

Во внезапных товарищеских беседах обсуждается вопрос: «что день грядущий нам готовит...» А в Воробьевском районе «демобилизация» на полном ходу: председатель ВИКа готовится ехать в родной дом, а секретарь волисполкома «украинизируется», изучает украинский язык с тем, чтобы попасть в университет имени «Артема» или еще куда-либо.

Некоторые спешат скорее использовать товарищеские отпуска для того, чтобы «получить физическую и умственную зарядку для будущей работы» уже в районированном месте или для того, чтобы не остаться без отпуска.

Работники советского аппарата обижаются на то, что вышестоящие органы дают чрезмерно короткий срок для проработки принципиальных вопросов (в связи с районированием) организационного характера» (*Бегачев И. Новохоперские настроения («Что день грядущий нам готовит») // Вор. ком. 1928. 12 июня. С. 3).*

20 июня в «Коммуне» открывается рубрика «Вопросы районирования — на обсуждение масс», в которой печатаются лишь мнения в поддержку образования области.

С. 13. *Воронеж, это степная колыбель русского флота...* — Краткий исторический очерк Воронежа, представленный в рассказе, основан на общеизвестных в дореволюционном краеведении фактах (труды Е.А. Болховитинова, С.Н. Введенского, публикации в журн. «Воронежская старина») и включает важнейшие вехи в строительстве столицы одноименной губернии, связанные с эпохой царствования Петра I.

С того места, где ныне стоит Митрофаньевский монастырь... — Митрофановский монастырь торжественно открыт в 1836 г. при Благовещенском соборе после обретения святых мощей первого воронежского епископа, святителя и чудотворца Митрофана. Епископ Митрофан (1623–1703) неоднократно встречался с Петром I, оказывал ему духовную и материальную поддержку в строительстве флота и в создании регулярной армии. Митрофановский монастырь — один религиозных центров православной России. При монастыре была открыта церковно-приходская школа, находилась богатая библиотека и читальня; здесь проходили собрания Воронежского церковного историко-археологического комитета, издавался журнал «Воронежская старина» и т. п. С 1917 г. шло планомерное разрушение монастыря. В 1919 г. специальной комиссией во главе с представителем ЧК было проведено вскрытие мощей свт. Митрофана, в кельях монастыря устроены концлагерный лагерь; в 1920 г. на третий день Рождества на царских вратах Благовещенского собора был повешен архиепископ Тихон (Никаноров), некоторые храмы были захвачены обновленцами, однако в 1926 г. новый глава

православной епархии архиепископ Петр (Зверев) занял твердую позицию в отношении обновленческого раскола; в августе 1929 г. власть принимает решение о закрытии церкви в Митрофановском монастыре и изъятии мощей свт. Митрофана. После закрытия Благовещенского собора здесь размещались разные учреждения, в начале 1950-х собор был снесен, в 1956 г. на его месте началось строительство главного корпуса Воронежского университета (информация дается по: *Акинъшин А. Храмы Воронежа. Воронеж, 2003. С. 143–155*).

Калмиюсская сакма — татарская дорога по обочине Дона, восточная ветвь Посольской, или Московской дороги; описывается в «Епифанских шлюзах»: «Путешественники тянулись по Посольской дороге, что через Москву до Казани доходит, смыкаясь за Москвой с Калмиюсской сакмой — татарской дорогой на Русь по правой стороне Дона» (*Сочинения, 2. С. 96*).

Позднее через Воронеж шло несколько чумацких солевозных трактов, а затем они заросли травой... — Через Воронеж пролегалла дорога, по которой чумаки (возчики) везли с озер соль. Это был один из торгово-перевозных промыслов, которым занимались на Юге России в XVI–XIX вв., до проведения железных дорог.

В раннем же детстве я жил в Задонске и слышал от деда, через мать, что некогда в Задонск приезжал Достоевский... — Родители Платонова Платон Фирсович Климентов и Мария Васильевна Лобачихины были родом из Задонска. Задонский период жизни его родителей, о котором Платонов здесь рассказывает (о золотой карте, службе деда в монастыре), в настоящее время не документирован. Дед писателя по отцовской линии был шахтером и умер в 1875 г. (см.: «Происхождение мастера»: Платон Фирсович Климентов. Статья и публикация Е. Антоновой // *Страна философов, 2017. С. 327*). Дед писателя по материнской линии Василий Прохорович Лобачихин (именно о нем идет речь) умер в 1906 г. (сообщено Е. Антоновой). Ф.М. Достоевский не приезжал в Задонск.

С. 13–14. ...*Тихон Задонский, сокровище души Достоевского ~. Черты Тихона Задонского, как известно, запечатлены Достоевским в старце Зосиме и отчасти в Алеше.* — Тихон Задонский (1724–1783) — епископ Воронежский и Елецкий (с 1763 г.), в 1769 г. переехал в Задонский монастырь, где жил до самой кончины; здесь им написаны духовные произведения «Сокровище духовное, от мира собираемое» (1770) и «Об истинном христианстве» (1776); причислен к лику святых в 1861 г. В 1919 г. по приказу ЧК было проведено вскрытие мощей, все снималось на пленку, фотографии процесса вскрытия мощей святого печатались в местных газетах. Духовное наследие Тихона Задонского оказало влияние на Достоевского в его поисках «положительного типа», идеала, который он увидел в жизни «Тихона, которого я принял в свое сердце давно и с восторгом», как «сокровище» (Письмо А.Н. Майкову от 25 марта (6 апреля) 1870 г. // *Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 29. Кн. 1. Л.: Наука, 1988. С. 117–118*). Фигура свт. Тихона Задонского нашла отражение в творчестве Достоевского: глава «У Тихона» (роман «Бесы»), образ старца Зосимы (роман «Братья Карамазовы»).

В антирелигиозных кампаниях Воронежа свт. Митрофану и Тихону отводилось одно из центральных мест; ежегодно в августе проводились

антирелигиозные мероприятия; в августе 1928 г. (8 августа — торжественное утверждение ЦЧО) разоблачительная деятельность воронежского Союза безбожников была особенно масштабной и яростной. 15 августа (за пять дней до дня памяти свт. Митрофана, отмечается 20 августа) открылся съезд бывших служителей культа, т. е. священников, отрекшихся от веры и Церкви. От имени Областного бюро Союза безбожников съезд приветствовал главный безбожник губернии и ЦЧО П. Зарин: «Задача данного съезда, — сказал тов. Зарин, — из наших бывших идейных врагов сделать борцов за безбожие» (Коммуна. 17 авг. С. 3). 19 августа газета печатает «План антирелигиозной пропаганды на праздник свт. Митрофана», дает большую подборку материалов, из которых можно узнать не только лозунги кампании («День Митрофания — праздник тьмы и невежества»), но и о том, что «ежегодно» к мощам свт. Митрофана приходит не менее 25 тысяч человек (*Новин М.* На поклон груде истлевшего мусора) // Коммуна. 19 авг. С. 3); 20 августа на заводах организуются акции с требованием изъятия мощей (В «Митрофаньев день» // Там же. 21 авг. С. 4). Через несколько дней подобная кампания развернулась в связи с днем памяти свт. Тихона Задонского (26 августа), когда в Задонск на крестный ход стекались со всех ближайших районов и областей (см.: *Прудовский П.* На богомолье в Задонске (от нашего спец. корреспондента) // Там же. 31 авг. С. 3). Книга краеведа И.П. Тарадина «Задонский богородицкий монастырь и святой Тихон. Историко-критическое исследование краеведческого общества» (Воронеж, 1927) получила высокую оценку в столичном журнале «Атеист», где ее дал В. Шишаков, член редколлегии журнала и один из организаторов безбожного движения в Воронежской губернии (см.: Атеист. 1928. № 25 (февр.). С. 77–78).

С. 14. *Еще задолго до царской войны ~ и поставлять отходников в города и в Донбасс. — Отходники* — сезонные работники из крестьян, вынужденные уходить («отходить») из села или деревни на заработки. К этой теме Платонов обращается в «Ямской слободе», затем в «Чевенгуре», погружая явление отходничества в исторический (освобождение крестьян в 1860-е гг.) и современный политический контекст. Отхожие промыслы составляли в России один из основных источников дохода крестьян, в Воронежской губернии отходничество с конца 1880-х гг. являлось едва ли не главной экономической проблемой, массовое движение на отхожие промыслы охватило в 1891–1892 гг. почти 2/3 всего населения губернии. Земледельческий отход направлялся из местностей, менее обеспеченных землей (главным образом это губернии средней черноземной полосы), в местности, более обеспеченные ею (Заволжье, Северный Кавказ, Дон); из средней черноземной полосы России уходили также в Сибирь, на Дальний Восток, в Новороссию, в степи Юго-Востока и Заволжья. На заработки уходили на Север (в Москву) и на Дон (крупное наделение казаков землей, а также государственных крестьян). Причины — недостаточная обеспеченность крестьян землей, постоянные засухи, крупные неурожаи и голод. Отход продолжался от двух до шести месяцев. В Москву и Петербург на заработки уходили каменщики, плотники, мастеровые, в другие «сытные» губернии — крючники, пастухи, рыболовы, косари, мастеровые. Заработки были небольшие, а потому в целях экономии отходники покрывали огромные расстояния чаще всего пешком, только под-

саживаясь в вагоны на короткое расстояние. Нищенство среди отхожих было довольно частым явлением. Гонимые нуждой на дальние заработки, они бывали принуждены иногда питаться на обратном пути «Христовым именем»; тяготы отходничества усугубляли эпидемии (малярия, сифилис и др.) и т. п. (см.: Энциклопедический словарь. Т. XXII. СПб., 1897. С. 472–474). Платонов знал об отходничестве не только по опубликованным материалам того же Воронежского земства. Засуха и голод 1921 г. вытолкнули из деревень тысячи — уходили, как прежде, на сытый юг (Дон), в Сибирь, в центральные города — об этом, будучи губернским мелиоратором, Платонов не раз сообщал в Москву. К 1927–1928 гг. отходничество в СССР приобрело угрожающие масштабы: биржи центральных городов были переполнены безработными сезонными рабочими.

Столыпин дал исход деревенской верхушке на хутора... — Речь идет о главном пункте аграрной политики председателя Совета министров Российской империи П.А. Столыпина (1862–1911), выдвинутой им в 1907 г., — освобождении крестьян от власти общины и создании в деревне крепкого личного собственника из крестьян. Крестьяне приобретали право свободного выхода из общины с укреплением надела в личную собственность, на наделных землях образовывали обособленные крестьянские участковые хозяйства («хутора», «отруба»).

Социально-производственная форма организации крестьянства теперь найдена — коллективы; в сущности — это коммуны 19–20 года, но без многих недостатков и преувеличений их. — 26 сентября 1918 г. датировано письмо Комиссариата земледелия РСФСР (отделение коммун) в Воронежский комиссариат земледелия с требованием незамедлительного «насаждения коммун» в губернии, указанием «развить пропаганду и агитацию среди пролетарских и полупролетарских элементов крестьянства» (ГАВО. Ф. Р.-19. Оп. 28. Ед. хр. 1. Л. 16); в губернии и в уездах создаются специальные «Бюро коммун», призванные руководить процессом коллективизации. Сельскохозяйственные (трудовые) коммуны в губернии начинают создаваться с осени 1918 г.: «К. Маркса», «Ленин», «Добрый путь», «Братский труд», «Благовестная», «Братство», «Новая жизнь» и др. (материалы по коммуна 1918–1921 гг. см.: ГАВО. Р.-19. Оп. 30. Ед. хр. 7–73). В первых уставах коммун особенно видны отмеченные Платоновым «недостатки и преувеличения», вот некоторые «начала», обязательные для первых коммун 1918–1919 гг.: «Все принадлежит всем, никто в Коммуне не может ничего назвать своим»; «Каждый в Коммуне трудится по своим силам и получает по своим нуждам»; «В Коммуне денежного вознаграждения за свой труд никто не получает»; «Деньги внутри Коммуны обращения иметь не могут» (Там же. Оп. 30. Ед. хр. 5. Л. 6). Коммуны организовывались на бывших помещичьих и монастырских землях, в заявлении о регистрации коммуны, к которому прилагались устав и список коммунаров, всегда указывалась об отводе земли и «передаче построек и мертвого инвентаря» бывших хозяев (Там же. Л. 16. См. заметку о коммуне «Надежда» в Нижнедевицком уезде, которая «существовала с 1919 г. на земле бывшего помещиков Перепелкина и Логинова»: *Лемех М.* Наши колхозы. 2. Коммуна «Надежда» // *Воп. ком.* 1925. 8 янв. С. 4). В выступлениях Сталина, посвященных хлебозаготовительным проблемам, подчеркивалось, что «выход» из кризиса «прежде всего в том, чтобы перейти от мелких, отсталых

и распыленных крестьянских хозяйств к объединенным, крупным, общественным хозяйствам, снабженным машинами, вооруженным данными науки и способным произвести наибольшее количество товарного хлеба. Выход — в переходе от индивидуального крестьянского хозяйства к коллективному, к общественному хозяйству в земледелии. <...> призыв к строительству колхозов нашел массовый отклик лишь в последнее время» (На хлебном фронте. Из беседы т. Сталина со студентами [Института] Красной профессуры, Коммакадемии и Свердловки // Известия. 1928. 2 июня. С. 2; *Сталин, 11*. С. 88–89). В предложенной на Третьем Всероссийском съезде колхозов (май 1928 г.) периодизации развития колхозного движения отмечалось, что первый период — «с 1918 до 1921 г.», это начальный период построения коллективных хозяйств; затем был НЭП — «с 1921 по 1924/25 г., «когда колхозное движение в силу того, что оно не могло быстро перестроиться на новые рельсы, пережило некоторый кризис»; третий период — «это в 1924/25 и до 1927», «укрепление коллективного производства»; и наконец, новый четвертый период — «в связи с постановлением XV партсъезда, когда колхозное движение получило принципиально новое направление на количественный рост и укрупнение коллективных хозяйств: «Беднота не может удовлетворяться своим теперешним положением, потому что оно из рук вон плохо. Беднота неизбежно должна двигаться вперед, только вперед, к крупному коллективному хозяйству. В этом спасенье для нее, только тут она найдет выход из нищеты, из тьмы, из невежества, из рабства перед природой» (Приветствие т. Баумана от имени ЦК ВКП(б) // *Колхозное строительство*. С. 5); «В настоящее время бедняцко-середняцкие группы крестьянства вполне сознают, что для их выхода из нищеты и культурной отсталости нет лучшего пути, как только путь перехода мелких крестьянских хозяйств к крупному коллективному производству» (Очередные задачи колхозного движения. Доклад тов. Н.Я. Кузьмина // *Колхозное строительство*. С. 27–28). При этом статистика была такова: на 1 октября 1927 г. «в коллективные хозяйства РСФСР (в коммуны, артели и товарищества по общественной обработке земли) было объединено 159 700 крестьянских хозяйств, которые насчитывали 864 тысячи едоков. По отношению ко всему крестьянскому населению РСФСР это составляет 0,8%. В отношении валовой продукции коллективные хозяйства составляли на это же число 1,1%, а по товарной продукции — 1,3%» (Очередные задачи колхозного движения. Доклад тов. Н.Я. Кузьмина // *Колхозное строительство*. С. 27). Тема сельскохозяйственных коммун начала 1920-х гг. нашла отражение в «Городе Градове» (см.: *Сочинения*, 2. С. 119–120, 565–567), а затем в романе «Чевенгур».

Коллективы в деревнях нам сейчас дорожке Днепростроя... — Днепрострой — здесь: строительство каскада гидротехнических сооружений на реке Днепр (ДнепроГЭС), одна из главных строек первой пятилетки. Темы всесоюзных строек — Волго-Донского канала и Днепростроя представлены в повестях «Епифанские шлюзы», «Город Градов», статье «Питомник нового человека» (см. об этом: *Сочинения*, 2. С. 122, 141, 509–510, 571, 614–615, 761–762, 800).

Уже есть Колхозцентр, кроме него, все местные и центральные органы тоже стараются влигнуть в колхозное строительство; здесь беда в том, что все хотят поруководиться, дать указания, «принструктиро-

вать», согласовать «темп колхозостроительства» с общим народно-хозяйственным планом губернии и прочая громкая чепуха. — Колхозцентр — Всероссийский союз сельскохозяйственных коллективов создан в мае 1927 г. специально для управления колхозами, был призван «правильно организовать руководство [колхозным] движением» и решал следующие задачи: «Это, во-первых, задача организации руководства коллективным движением, то есть постройки колхозных объединений, на плечи которых должно быть возложено непосредственное руководство процессом колхозного строительства. Во-вторых, организация планового хозяйственного обслуживания колхозов по линии землеустройства, агропомощи, сбыта, снабжения и кредита. И, в-третьих, изучение и выявление состояния колхозов» (Очередные задачи колхозного движения. Доклад тов. Н.Я. Кузьмина // *Колхозное строительство*. С. 37). В течение года Колхозцентр создавал на местах — в губерниях, округах, областях, краях, районах специальные подотчетные ему секции колхозов, призванные к осуществлению решений центральных органов (крайколхозсоюз, окрколхозсоюз, колхозсекция и т. п.). На Всесоюзном съезде колхозов (он открылся сразу после завершения работы Всероссийского съезда) были также созданы Колхозцентр СССР и подотчетные ему органы по управлению колхозным движением (см. об этом: За углубление и улучшение колхозного строительства. Всесоюзный съезд колхозов; *Яковлев Я.А.* Очередные задачи колхозного строительства // *Крест. газ.* 1928. 12 июня. С. 4–5). Отношения между Наркоматами земледелия (РСФСР и СССР) и Колхозцентрами были крайне напряженными, что отразилось в дискуссиях на съездах колхозов; представители Колхозцентров обвиняли НКЗ в нерешенности вопросов землепользования, агропомощи, в бюрократизме; представители НКЗ считали, что органы Колхозцентра несут ответственность за срыв хлебозаготовительной кампании, в частности, за то, что сельскохозяйственная продукция попала к частнику и т. п. Кроме этих организаций за хлебозаготовки и колхозное строительство отвечали другие органы (Хлебоцентр, Центросоюз, ЦК Союза сельскохозяйственных и лесных работ, руководитель которого Н.М. Анцелович, хорошо известный Платонову, выступал на Всероссийском съезде колхозов и входил в правление Колхозцентра РСФСР и СССР), также имеющие свои представительства на местах.

С. 15. *По прошлой своей работе в провинции, а также из теперешней поездки я убедился, что в деревне, кроме коллективов, нужны в первую очередь землеустройство, мелиорация и огнестойкое строительство.* — Коллективы — см. выше. В качестве приоритетных направлений развития деревни Платонов называет те направления, которые он хорошо знал и которыми занимался в пору своей работы губернским мелиоратором в Воронежском, а затем Тамбовском ГЗУ. Вопрос выделения крестьянам земельных наделов оставался крайне острым все двадцатые годы, принимался ряд постановлений СНК о мерах по улучшению *землеустройства*, однако ситуация с земельными наделами, а также с государственными программами переселения крестьян губернии в Сибирь и на Дальний Восток оставалась крайне острой и во многом не решенной (см. представление темы землеустройства в «Городе Градове»: *Сочинения*, 2. С. 129, 578–581). В докладе В.П. Милютина на 3-й сессии ЦИК Союза СССР отмечалось, что на 1 октября 1927 г.

(начало хозяйственного года) «по Союзу землеустроено всей земельной площади 30%»; на сессии принимается проект закона об основных началах землепользования и землеустройства, главными пунктами которого являются «национализация земли» и «проведение землеустройства и принятие землепользования в интересах основной массы крестьянства — бедняков и середняков», принимается решение вынести проект закона «на обсуждение масс» (III сессия ЦИК Союза СССР IV созыва // Известия. 1928. 25 апр. С. 2). О том, что не во всех колхозах проведено землеустройство, что бедняки зачастую получают худшую землю, что директивы СНК и НКЗ по землеустройству не выполняются, говорилось во многих выступлениях на Всероссийском и Всесоюзных съездах колхозов; звучали и такие признания с мест: «Вот, передо мною постановление Всесоюзного Совнаркома и Центрального Исполнительного Комитета за подписью гг. Калинина и Рыкова, не менее авторитетное, чем постановление Наркомзема. В этом постановлении черным по белому написано, что колхозы должны быть землеустроены в 1927 году. А я, товарищи, заявляю, что у нас ни один колхоз еще не землеустроен» (*Колхозное строительство*. С. 117). Больные темы землеустройства нашли отражение в письмах из деревни в «Крестьянскую газету», обзор которых печатался в специальном разделе газеты «Какого землеустройства ждет деревня» (см.: *Лисицын А.* За лучшее землеустройство! // *Крест. газ.* 1928. 10 июля. С. 3).

Мелиорацию Платонов считал одним из важнейших направлений восстановления и развития сельского хозяйства; пропаганде мелиорации посвящены его статьи 1921–1925 гг. (см.: *Сочинения*, 1 (2). С. 314–315, 389–392, 421–428, 469–478). В феврале 1925 г. Платонов представил в Губмелиозем подробную записку с планом мелиоративных работ в губернии; план включал «увеличение луговой площади, погибшей от избытка влаги, обводнение и орошение засушливых районов губернии, страдающих от недостатка влаги; укрепление летучих песков и оврагов»: «В ближайшие пять лет требуется устроить: 2000 новых прудов, 1000 прудов отремонтировать, 1500 новых срубовых колодцев и 500 срубовых колодцев отремонтировать, 80 новых трубчатых колодцев и 40 трубчатых колодцев отремонтировать, лиманное орошение на площади 100000 десятин, правильно орошение на площади 1600 десятин, с 40 установками. Осушение заболоченных угодий на площади 100000 десятин. До настоящего времени, включая довоенный период, выполнено приблизительно 10% указанных мелиоративных мероприятий в губернии» (Письмо губмелиоратора А.П. Платонова от 10 февраля 1925 г. Машинопись // *ГАВО*. Ф. Р.-19. Оп. 78. Ед. хр. 4. Л. 2–2 об.).

В январе 1925 г. распоряжением НКЗ в ведение мелиоративных отделов ГЗУ было передано *огнестойкое строительство*, одна из самых запущенных сфер современной деревни, и Платонов начал целенаправленно заниматься организацией в губернии работ по огнестойкому строительству: формированием штатов в подотделе и уездах, составлением смет, исследованием сел крупнейших пожаров, организацией товариществ, восстановлением дореволюционных мастерских, производством огнестойких материалов, строительством кирпичных и черепичных заводов и т. п. Этой теме посвящены его докладные записки и обращения, в которых дается исторический анализ

сложившейся ситуации и описывается еще одна грань бедственного положения современной деревни: «До революции в Главном управлении Земледелия был организован Отдел огнестойкого строительства, земством было организовано 14 показательных мастерских <...>. Война остановила огнестойкое строительство, и в конце концов оно совершенно замерло, ожидая нового вдохновителя»; «Начиная с 1917 года огнестойкое строительство находилось в кочевом состоянии, переходя от одного учреждения к другому, подвергаясь постепенному разрушению и расхищению. В 1921 году Центром было обращено внимание на упадок огнестойкого строительства, необходимость его восстановления и дальнейшего развития, почему НКЗ был выделен особый фонд на пропаганду. Несмотря на эти меры, огнестойкое строительство не получило должного развития. <...> Такая незаинтересованность привела дело к полному упадку. Беднейший крестьянин не мог покупать изделия заводов по высоким ценам, дающим прибыль. Необходимость на огнестойкие изделия в условиях Воронежской губернии громадная: отсутствие лесов, сбережение имеющегося лесного хозяйства, тяга крестьянства к расселению и землеустройству, значение его, с последним выдвигается вопрос о строительных и безусловно огнестойких материалах»; «80% прежних мастерских бездействует и постепенно разрушается»; «Крестьянин был сыт и кредитоспособен. Ныне же крестьянин разорен войнами и неурожьем и некредитоспособен до того, что снимает железную крышу с хаты и везет ее на базар, заменяя железо соломой»; «Кирпичных заводов действует только 2 и ни одной черепичной мастерской»; «...надо перестроить не 40 дворов, как намечено в перспективном плане, а почти полмиллиона дворов в губернии, где в одном 1924 году выгорело 2200 дворов. Разница между настоящим и прошлым колоссальная, а цель достижений осталась та же и даже увеличилась, а потому подход к разрешению вопроса должен быть предельно осторожным, и ни одна кровная копейка государственных денег, собираемых с того же крестьянина, не должна быть расходована ошибочно, непроизводительно или еще тем хуже bestолково расхищена» (Материалы о восстановлении и развитии огнестойкого строительства в Воронежской губернии // ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 17. Ед. хр. 12. Л. 5–55). Пропаганда огнестойкого строительства не имела такого размаха, как мелиорация. Возможно потому, что сам Платонов до осени 1925 г. был занят на общественно-мелиоративных работах. Однако работа шла. 17 апреля газета сообщала о ближайших задачах данной кампании: заменить соломенные крыши на черепичные, запустить производство огнестойких материалов, открыть черепичный завод в коммуне К. Маркса (Сельское огнестойкое строительство // Вор. ком. 1925. 17 апр. С. 2. Подпись: М.Н.). На февраль 1926 г. в губернии было открыто 20 черепичных мастерских; Платоновым подписаны десятки смет и заявок на кредиты, на выдачу ссуд крестьянским товариществам, на открытие кирпичных заводов, известково-обжигательных печей, цементных и кирпичных мастерских и т. п. (информация дается по: Сведения и заявки на восстановление и новую организацию производства огнестойких материалов по Воронежской губернии // ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 78. Ед. хр. 32. Л. 2–40).

Агропомощь, по-моему, относится ко второй очереди... — В 1920-е гг. между мелиораторами и агрономами шло соперничество за право первой

роли в восстановлении сельского хозяйства, что нашло отражение в мелиоративной периодике. Мелиораторы считали, что агрономия не решает насущных вопросов сельского хозяйства России, связанных с частыми засухами и неурожами: «1. Засуха последних лет (1920 и 1921 гг.) и, как последствия их, — неурожай и голод <...> выдвигают на первую очередь, в качестве неотложной задачи момента, вопрос о необходимости самого тщательного, всестороннего изучения причин неурожая и выработки наиболее рациональных способов борьбы с ними. 2. Все чисто агрономические мероприятия — системы обработки почвы, удобрения, различные типы севооборота, способы посева, специальный подбор сельскохозяйственных культур для севооборота, применение усовершенствованных сельскохозяйственных орудий, сбор и задержание на полях атмосферных осадков, — все подобного рода мероприятия очень часто бессильны в борьбе с последствиями засухи и, по выражению Н.М. Тулайкова, парализуются “нивелирующим всемогуществом метеорологических факторов неурожая”» (Основные положения к докладам инж. И.И. Лагунова в заседаниях Совета Научно-мелиорационного института // Известия Научно-мелиорационного института. Декабрь 1926 г. Л., 1926. Вып. 15. С. 179).

Высказывание Платонова об агропомощи крайне полемично по отношению к обсуждению вопросов сельского хозяйства в печати, на майских съездах колхозов, где ни в одном из выступлений не упоминались ни огнестойкое строительство, ни мелиорация, а едва ли не главным в бурных обсуждениях был вопрос о статусе агронома в колхозном движении, потому что «нельзя строить крупное коллективное производство без агрономической помощи» (*Колхозное строительство*. С. 197). Сама же реальность выглядела по-другому, признавалось, что вместо агропомощи деревне предлагаются лекции и беседы, что агрономы не хотят ехать в деревню, что «целый ряд агрономов представляют из себя чиновников на местах» (Там же. С. 167–168), что необходима подготовка и переподготовка агрономов, что «наша советская агрономия не создана, она еще только должна создаваться» (Там же. С. 132, 167–168, 197). В 1928 г. выходит журнал «Сам себе агроном», в «Крестьянской газете» появляется специальная «Агрономическая страничка». В публикуемых в центральных газетах сообщениях о ходе обсуждений вопросов колхозного строительства критикуется позиция Наркомзема за недооценку значения агропомощи и фигуры агронома (см.: Дайте агронома-коллективиста // *К. пр.* 1928. 27 мая. С. 4); агроном-общественник выдвигается в центр колхозного движения и культурной революции в деревне: «Тысячу агрономов надо поставить на службу колхозов» (Очередные задачи колхозного строительства. Доклад тов. Я.А. Яковлева на Всесоюзном съезде колхозов // *Крест. газ.* 1928. 12 июня. С. 4); «Революция толкнула крестьян искать выход не в поповских молитвах, а в агрономе. <...> Сейчас агроном — самый популярный и желанный гость на всех крестьянских собраниях» (*Коган А.Я.* Вместо поповского кадила — агроном // *К. пр.* 1928. 10 февр. С. 2).

Я купил местную газету, чтобы проверить — нет ли там лозунга о ба-кенбардах от Губздравотдела или Губоблсовета Физкультуры ~ физкультурник, отпуская баки, будь впереди! ~ В газете лозунгов таких не было. — Главной «местной газетой» Воронежской губернии с октября 1919 г. являлась

«Воронежская коммуна», с 20 июня 1928 г. губернская газета стала выходить под новым названием — «Коммуна», теперь уже как орган Бюро ЦК ВКП(б), Организационного комитета и Бюро ВЦСПС Центрально-Черноземной области. Физкультурная тема не нашла отражение на страницах «местной газеты»; встречаются близкие по форме лозунги, образующие заглавия разделов и рубрик: «За культурное воспитание масс» (14 апр. С. 3); «За здоровую смену» (12 мая. С. 5) и др. В центральных газетах спортивному движению в СССР отводилось большое место, подчеркивалось значение спорта «на фронте оздоровления трудящихся», были провозглашены лозунги «Физкультуру — в быт» и «За крепкий и здоровый пролетариат», готовились к Всесоюзной спартакиаде (пройдет в августе), организовывались недели физкультуры и смотры (см.: *Громов Б.* Спортивный первомай // *Известия.* 1928. 1 мая. С. 3).

С. 15–16. *Затем шли портреты туземно-областных вождей, карта области и заметка об арженской фабрике грубых сукон (в Тамбовской губернии)...* — В данном случае Платонов контаминирует публикации разного времени и пафоса. В мае и июне в газете не было публикаций портретов руководителей области; портрет партийного руководителя Воронежского губкома и будущей области И.М. Варейкиса (родом из Литвы) не раз ранее печатался в газете; в связи с организацией ЦЧО портреты Варейкиса и других руководителей новой области будут напечатаны вместе с их докладами на партийной областной конференции (см.: Первая областная партийная конференция. Отчет бюро ЦК ВКП(б) Центрально-Черноземной области. Доклад тов. Варейкиса // *Коммуна.* 1928. 3 авг. С. 1). Карта новой области постоянно описывалась на страницах газеты (см. об этом выше, с. 487, 490). «Заметка» об Арженской фабрике, о которой идет речь, имела несправедливый характер. Арженская суконная фабрика им. Красной Армии — главное предприятие текстильной промышленности Тамбовской губернии и будущей области; во время войны эта фабрика снабжала сукном всю армию. Арженской фабрике отводилось почетное место в перспективном пятилетнем плане промышленности области (см.: *Областная промышленность // Вор. ком.* 1925. 13 мая. С. 2). Однако в рассказе речь идет о другой заметке, с которой тема Арженской фабрики обретает постоянную прописку в газете — в регулярном освещении вскрытых на Арженской фабрике преступлений, сообщениях о работе комиссии по расследованию «арженского дела», исключениях из партии, увольнении директора «за протекционизм, недопустимо грубое отношение к рабочим» и обновлении завкома и парткома; сообщалось о недопустимых нарушениях трудовых норм рабочих и низших служащих, незаконных увольнениях и судах, репрессиях; см.: «В Тамбове на Арженке (фабрика) раскрыты безобразия, чинимые мастером ткацкого цеха Трубинским А.С., членом партии с 19 года. В продолжение целого ряда лет никто в Рассказове не знал о безобразно наглom поведении Трубинского с работницами фабрики. Трубинский так сумел терроризировать рабочих и работниц фабрики, сумел поставить себя в такие условия, что все боялись поворить. Заметки о безобразиях Трубинского на фабрике, которые помещала стенная газета, никто во внимание не принимал. До самого последнего момента Трубинский находил покровительство и открытую поддержку у части партийцев.

фабрики. Трубинский безнаказанно издевался над работницами, грозил револьвером, устраивал и в стенах фабрики и вне ее пьяные оргии, работниц, которые благосклонно относились к его поведению и потакали ему, он переводил на лучшие станки. Сейчас арженский гнойник вскрыт. Трубинский арестован, спешно ведется следствие. <...> Трубинский исключен из партии. Обновлен состав партийного коллектива на фабрике» (*Вор. ком.* 1928. 1 июня. С. 2. Раздел «По области» (сообщения из Курска, Орла, Тамбова)). См. также: «Тамбов. Решение ГСПС об арженском гнойнике» (Там же. 2 июня. С. 2. Раздел «По области»); «Тамбов. Арженский гнойник. <...> ...Дополнительные материалы в деле Трубинского. В пьяных оргиях принимал участие директор фабрики Третьяков и отв. секретарь партколлектива Фадин и член бюро партколлектива Сошников. <...> ...Создана специальная комиссия для расследования арженского дела» (Там же. 6 июня. С. 3. Раздел «Областная хроника») и т. п.

С. 16. В хронике отмечалось выступление тов. Терентьева в споре с архиепископом. Тов. Терентьева я помнил — это значительный и энергичный деятель, выполняющий в местном масштабе то, что Вольтер делал во всемирном, а тов. Ярославский — во всесоюзном. — В разделе «Хроники» за лето 1928 г. не было подобного сообщения, во главе антирелигиозного движения в Воронежской губернии и губернского общества «Безбожник» в это время стоял П. Зарин, регулярно выступавший на страницах газеты с сообщениями о работе губернского общества «Безбожник». Имя тов. Терентьева в 1928 г. встречается всего несколько раз в сообщениях об антирелигиозной работе. Так, 14 апреля, в преддверии православной Пасхи, газета сообщала о докладах ведущих лекторов областного совета безбожников, среди которых значится «т. Терентьев», который должен выступить 16 апреля с докладом «Религия — враг культуры» (Организуем слушание безбожных докладов // *Вор. ком.* С. 4). Осенью в ЦЧО проходили окружные съезды безбожников, а 4 декабря в Воронеже открылся Первый областной съезд Союза безбожников; газета сообщала: «Съезд открывает тов. Терентьев, старый атеист» (Подготовить кадры, выработать правильную тактику и методы пропаганды // *Коммуна.* 1928. 5 дек. С. 5. Подпись: П. П.). В 1928 г. и в последующие годы Дмитрий Николаевич Терентьев входил в группу лекторов Воронежского Агитпропа обкома партии и Общества безбожников, но пора его триумфального возвышения относится к 1921 и 1922 гг., в эти годы он был членом коллегии губполитпросвета и занимал там самые разные должности: зав. лекционным бюро Губполитпросвета, зав. подотделом пропаганды и заместитель заведующего, а затем заведующий этого учреждения исполнительной власти, член коллегии подотдела искусств, заведующий пропагандистским отделом (информация дается по: Распоряжения по Воронежскому губполитпросвету. [1921 г.] // *ГАВО.* Ф. Р-1. Оп. 1. Ед. хр. 519. Л. 35–44; Распоряжения по Воронежскому губоно. 1922 // Там же. Оп. 1. Ед. хр. 347. Л. 77 об.; Документы о деятельности Воронежского Губполитпросвета // Там же. Оп. 1. Ед. хр. 971. Л. 8. Именно в этих документах выявлена информация о «тов. Терентьеве»).

Платонов «помнил» Терентьева по его деятельности и выступлениям на страницах «Воронежской коммуны» 1921–1926 гг., где иногда они печатались в одних номерах. Судя по публикациям в газете, в начале 1921 г.

Терентьев еще выступал со статьями по вопросам, никак не связанным с антирелигиозной работой, так, к примеру, от имени Губполитпросвета он призывал «собирать сведения о природе и богатстве края, жизни населения» (Терентьев Д. К изучению Воронежского края // *Вор. ком.* 1921. 6 февр. С. 2). 25 августа газета напечатала информацию инициативной группы, в которую входил Терентьев, о создании Общества антирелигиозной пропаганды и агитации, «имеющего своей целью всемерную борьбу с религиозным предрассудком всех верований, для чего устраивает собрания, доклады, диспуты, чтения рефератов, издает брошюры, журналы, книги и пр.»; был объявлен прием в члены общества (К борьбе с богом // *Вор. ком.* 1921. 25 авг. С. 4. В этом же номере газеты на с. 4 печатается статья Платонова «Жизнь до конца» о голоде). Члены общества принимали самое активное участие в подготовке материалов «дел» священников для губтрибунала и губчека, в декабре 1921 г. общество выступило с требованием «нового ареста до решения суда священника мракобеса Зверева»: «Приговор Ревтрибунала должен быть беспощадным. <...> Довольно гуманничать с мрачной нежитью» (Шишаков В. Новая тревога // Там же. 6 дек. С. 2–3). С учреждением губернского Союза атеистов Терентьев печатается в газете только как «т. Терентьев» и «тов. Терентьев», в 1923 г. — председатель союза. С образованием в Москве в августе 1924 г. Общества друзей газеты «Безбожник» (ОДГБ) Воронежский союз атеистов был принят в это общество и стал одной из активных организаций Союза безбожников. Губернский Союз безбожников имел масштабную программу своей деятельности и курировался не только губполитпросветом, но и губкомом партии, где в 1924 г. создано Антирелигиозное бюро при АПО Губкома. Терентьев входил в Губернский совет Союза безбожников, работал в секции массовой агитации (информация дается по материалам Агитационно-пропагандистского отдела Воронежского губкома: Антирелигиозная пропаганда (К съезду Политпросветов) // *ГАОПИ ВО.* Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1624. Л. 60–61; Антирелигиозная работа в Воронежской губернии за 1921–1926 гг. // Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1695. Л. 1–5 об.).

В 1921–1926 гг. Терентьев регулярно выступал на страницах газеты на самые разные антирелигиозные темы, организовывал диспуты с участием, правда, не архиереев, а рядовых священников; см.: «По инициативе Укома <...> в театре “Октябрь” — 3 лекции председателя союза атеистов тов. Терентьева. Диспуты на темы: “Христос и христианство”, “О живой церкви”, “Библейское сотворение мира и человека”. Приглашено духовенство. <...> ...Присутствовал только престарелый священник Богородицкий. На последнем диспуте Богородицкий заявил, что возразить против фактов, приводимых докладчиком, ничего нельзя. <...> ...Священники “отцы церкви” уклоняются от прямого ответа — “да или нет”» (Письма из Острогжска. Антирелигиозная пропаганда // *Вор. ком.* 1923. 4 марта. С. 3. Подпись: *Жупел*); «5 апреля, в 8 ч. вечера, во Дворце Труда т. Терентьевым будет прочитана лекция “Как рождаются, умирают и воскресают боги”» (Антирелигиозная лекция // Там же. 1923. 3 апр. С. 4. Раздел «За день» (объявления); «Было ли действительно рождество Христа, был ли еще и Христос, как личность? Эти вопросы обсуждались 12 декабря на диспуте, устроенном культкомиссией

Губпродкома в своем клубе для рабочих и служащих следующих предприятий. <...> Доклад т. Терентьева вызвал большой интерес. Опираясь на исторические документы со времени начала христианства, т. Терентьев сделал вывод, что Христос не только как бог, но и просто как личность не существовал совсем. Вся его история — это миф, выдумка. Пройдя через многовековую обработку церковников, она создала для христ. Церкви образ Христа, повторяя даже в мелких подробностях сказания других религий, и притом более древних. Возражения докладчику были наивны до смешного. Священник Алферов высказался очень просто: чудо необходимо для правверного христианина; его принять нужно и поэтому возражений против чудес быть не может...» (Лекция т. Терентьева // Там же. 1923. 14 дек. С. 3. Рубрика «На борьбу с богами»). В объявлениях об антирелигиозных диспутах, которые в клубе Карла Маркса проводило губернское Общество друзей газеты «Безбожник» (объявления печатались на страницах «Воронежской коммуны»), приглашались «митрополит Тихон, архиепископы Владимир и Петр и протоиерей Адамов» (см.: Публичный диспут на тему: «Существует ли бог» (загадки бытия) // Там же. 1925. 22 янв. С. 4. Судя по информации об этом диспуте указанные в объявлении священники не участвовали в прошедшем диспуте; см.: Существует ли бог (Диспут в клубе Карла Маркса) // Там же. 29 янв. С. 5).

Единственным архиереем, выступавшим на подобных диспутах в Воронеже, был, как указывает газета, Введенский, «видный деятель обновленческого движения в церкви, известный церковный оратор» (см.: Есть ли бог? // Там же. 1923. 15 дек. С. 3. Подпись: *Я. Свой*); возможно, Терентьев принимал участие в этой встрече (в Воронеже обновленчество получило широкий размах). Воспоминание в 1928 г. о приезде Введенского в Воронеж могло быть актуализировано в связи с широко известными диспутами (21 сентября 1925 г., 3 октября 1927 г.), в которых принимали участие нарком просвещения А.В. Луначарский и теперь уже (с 1924 г.) митрополит обновленческой церкви А. Введенский. Сообщения о диспутах на тему «Личность Христа. Диспут А.В. Луначарского с митрополитом Введенским» печатались в газетах; стенограмма диспута 1925 г. несколько раз была выпущена отдельными брошюрами, которые широко рекламировались в газетах и журналах.

Во главе антирелигиозной работы СССР стоял *Ярославский* Емельян Михайлович (Губельман Миней Израилевич, 1878–1943) — партийный деятель, председатель Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б)–ЦК ВКП(б), автор многочисленных книг, брошюр и статей на антирелигиозные темы (его статьи из центральных газет перепечатывались в губернских и уездных); редактор журналов «Безбожник» и «Антирелигиозник», председатель Всесоюзного общества «Безбожник»; работы Ярославского входили в обязательный список работы кружков Друзей общества «Безбожник» и т. п.

Вольтер Франсуа Мари (1694–1778) — французский писатель, философ, публицист, идеолог французского Просвещения. В предложенной параллели (Вольтер — Ярославский — Терентьев) акцентируется лишь одна сторона многогранной личности Вольтера, особо отмечаемая советскими философами и пропагандистами: его взгляды на религию («страстный борец с религиозным мракобесием», отрицал бессмертие души), выступления против

института Церкви и религии как идейного оплота феодально-абсолютистского строя (выдвинул ставший знаменитым лозунг «Раздавите гадину!»). Его произведения, высмеивающие корыстных церковников, использующих невежество народа ради своих интересов, являлись важной частью не только советского, но и мирового безбожного движения 1920-х гг. В январе 1928 г. в Кельне проходил 3-й конгресс пролетарских безбожников — «Интернационал Пролетарских Свободомыслящих», на который Союз безбожников привез выставку материалов своей деятельности в СССР (см.: *Лукацкий А. Мировой конгресс безбожников // Безбожник. 1928. № 6 (март). С. 2–3*). В 1928 г. была сформирована программа издания особой библиотеки газеты «Безбожник» — из 24 книжек произведений русской и мировой литературы, «вскрывающих в художественной форме отрицательную роль религии и ее служителей», под общей редакцией и со вступительными статьями президента ГАХН П.С. Когана; в этой библиотеке планировался выпуск повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм» (см. оборот передней обложки: *Безбожник. 1928. № 22; Страница классиков-атеистов // Там же. 1928. № 24. С. 12*).

*В остальном содержании газета занималась всемирно-историческими вопросами, словно ей было мало той территории — больше Британского Королевства... — Международная информация с пометой «С телеграфных лент. Зарубежные новости» давалась в газете чаще всего на первой странице; см.: «В последнюю минуту. Антисоветская кампания в Англии», «За возобновление франко-советских переговоров» (*Вор. ком. 1928. 21 апр. С. 1*); «Французский парламент голосует за коммунистов», «Борьба в Китае» (1 мая. С. 5); «Кровавые события в Цзинани», «Франко-германские сближения», «Нота Чичерина польскому правительству» (8 мая. С. 1), «Широкие планы польского фашизма» (13 июня. С. 1), «Раскол в рядах рабочей партии в Англии», «Нанкинцы укрепляются в северном Китае», «Французская буржуазия распоясалась» (23 июня. С. 1), «Наступление революционных войск в Китае» (26 июня. С. 1) и др. О сравнении территории ЦЧО с европейскими государствами см. выше, с. 487. Тема Англии в новостной ленте неизменно занимает большое место, в связи с тем, что обострившиеся с осени 1926 г. отношения (см. представление темы Англии в «Городе Градове» и «Сокровенном человеке»: *Сочинения, 2. С. 140, 205, 607–608, 661–662*) не улучшились, а продолжали обостряться и ухудшаться. 1 мая газета сообщала, что состоялась торжественная передача построенного на средства уездного Осоавиахима самолета «Красный бобровец», на котором написано «Наш ответ Чемберлену» (Ответ Боброва Чемберлену) // *Вор. ком. 1928. 1 мая. С. 1*).*

По городу ходило 11 или 13 штук трамваев. Город едва ли испытывал особо острые затруднения с переброской масс населения из одного конца города в другой. Но я отлично понимал, что если есть трамвай в Курске и Орле — будущих окружных центрах, то в областном городе трамвай должен быть с непреложностью движения светил. — В отличие от Курска и Орла, где трамвайное движение появилось еще до революции, в Воронеже с открытием трамвая задержались более чем на десять лет. С темой образования ЦЧО (1923) на страницы газеты возвращается тема воронежского трамвая (см.: Будет ли в Воронеже трамвай (Беседа с зав. Губкоммунхозом)

// *Вор. ком.* 1923. 9 авг. С. 6). Первую линию обещали открыть в 1924 г. (см.: *Трамвай будет* // Там же. 1924. 2 февр. С. 1; *О постройке трамвая* // Там же. 16 марта. С. 2), однако в связи с финансовыми затруднениями движение открылось только в мае 1926 г., в последний месяц пребывания Платонова в родном городе. Торжественное открытие трамвайного движения состоялось 16 мая, в воскресенье, и стало знаменательной датой в жизни города: «С появлением трамвая улицы Воронежа стали неузнаваемы. Движение оживилось, увеличился шум, звон. Проспект окончательно и бесповоротно теряет свою провинциальную физиономию, сделав после многолетнего разбега скачок вперед, к культуре» (*Открытие трамвайного движения* // Там же. 1926. 18 мая. С. 4). Сначала была открыта только одна линия («от вокзала до Новостроящегося кладбища»), по которой ходили четыре трамвая; к концу года планировалось открыть еще две линии (к Ботаническому саду и от Митрофановского монастыря до Ямской слободы); жизнь воронежского трамвая, строительство новых линий постоянно освещались в газете; день рождения городского трамвая отмечался и в 1927-м, и в 1928 г. Кампания образования ЦЧО придала новый импульс трамвайному строительству и двухлетнему юбилею трамвая; сообщалось, что «коммунальный трест получил 4 новых моторных трамвайных вагона, а в октябре — еще 6» (*Трамвайное строительство* // Там же. 1928. 16 мая. С. 1), ведется прокладка новых линий, увеличивается подвижной состав: «В связи с преобразованием Воронежа в областной центр темп быстрого развития трамвая, отмечаемый за время его двухлетнего существования, безусловно, не ослабнет и в будущем» (*Лукин, инж.* Два года работы трамвая // Там же. 16 мая. С. 3).

...вместо «МКХ» всюду «ВКХ». — МКХ — Московское коммунальное хозяйство. ВКХ — Воронежское коммунальное хозяйство.

ГЖД — Городская железная дорога.

Адм.отдел ГИКА — Административный отдел городского исполнительного комитета.

С. 17. ...и думал о том немощном адовом дне, по которому сейчас, босая и шагом, идет революция. — Тема «адова дна» представлена в повести «Эфирный тракт» в образе ученых и названии богоборческого труда Попова «Сокрушитель адова дня» (см. примеч. к повести: *Сочинения*, 2. С. 491), а затем в «Чевенгуре», где она развивается на материале 1921 г. в описании последних дней жизни старого Чевенгура; описание построено на противопоставлении старых чевенгурцев, «кротко» идущих «по адову дну коммунизма» с верой в Воскресение Христово, и отрекшихся от веры новых людей, «Чепурного и его редких товарищей».

С. 18. Радио — этот всесоюзный дьячок — хриплым голосом служило коммунизму на окне рабочего жилища в провинции. — Образ советского радио впервые появляется у Платонова в рассказе «Надлежащие мероприятия» (1927) и дается как величайшее техническое открытие нового века и как важнейший компонент пропаганды (см.: *Сочинения*, 2. С. 287, 727). В 1928 г. проблематика радиовещания занимает большое место на страницах газет и включается в общую программу культурной революции; см.: «Радио может стать и становится уже могучим двигателем культурной революции. <...> Это незаменимое орудие нашего влияния на массы. <...> Радио нужно

плотнее подогнать к общим задачам культурной революции» (Радио перед лицом культурной революции [Ред. статья] // *К. пр.* 1928. 14 янв. С. 1). Радиостанция в Воронеже была открыта в 1925 г., в газете появляется постоянная рубрика «Радио-уголок», в которой рассказывается о всесоюзном и местном радиодвижении, достижениях воронежских радиолюбителей, деятельности ГубОДР (губернского Общества друзей радио); в 1928 г. отмечали трехлетие ГубОДР, газета дала информацию о радиовыставке, количестве членов ГубОДР (насчитывало около 10 тысяч), напечатала диаграмму, отражающую рост членов общества, и т. п. (см.: *Беккер Б.* Радио в массах // *Вор. ком.* 5 мая. С. 4). Однако, как сообщала та же газета, «Воронежская губерния занимает одно из последних мест в списке радиофицированных губерний СССР» (*Серебренников, инж.* В каждую избу, в каждый дом — радио // Там же. 3 июня. С. 3). Тема радио далее развивается в пьесе «Дураки на периферии» (см. примеч. к пьесе, с. 627 наст. изд.), в повестях «Впрок» и «Котлован» (см. примеч. к повестям: *Сочинения, 4 (1).* С. 422–423; 541).

С. 19. *Под конец он сыграл шимми, — трудящиеся и шимми прослушали с волнением; в сущности, это искренняя тонкая пьеса — автор сочинил ее для людей ~ Никто из присутствующих не видел этого танца, когда европейки с монгольскими лицами обнимают равнодушных воров ~ новый Каин буржуазии, Агасфер земного шара, интернациональный пролетарий.* — Описание музыки и танца шимми. По радио герои слушают оперетту (или фрагмент) И. Кальмана «Баядера» (1921, премьера в Советской России в 1923 г. — «Баядерка»). Популярность в советской России танцу шимми придала именно оперетта «Баядера», сочетающая восточные мелодии с современными, среди которых танец шимми; на его мелодию исполняется дуэт Мариэтты и Луи-Филиппа.

Шимми — парный танец, сходный с фокстротом, популярный в начале 1920-х гг. в Европе; в советской России шимми, наряду с танго, чарльстоном и фокстротом, входил в список танцев буржуазной культуры; эти танцы не рекомендовались к исполнению, так как в них «выражена пошлость и деланность», подчеркнут «сексуальный характер движений» (см.: *Какие нам нужны танцы* // *ВМ.* 1927. 3 янв. С. 2), и были объектом осмеяния, см.: «С “шимми”, / с “фоксами” знакомься, / мечут искры из очков / на чудовищную помесь — помесь вальса / с “казачком”» (*Маяковский В.* Дом Герцена (только в полном освещении) // *ВМ.* 1928. 14 июля. С. 3). Описание танца как мировой вакханалии включает несколько контекстов, аллюзивно их отражая: современный (танец пришел из Америки, где был известен среди чернокожих и популяризирован в 1910-е гг. американской актрисой Гилдой Грей; кинофильм с ее участием «Дьявольский танец», 1927), историко-литературный (символистские концепции дионисийства и панмонголизма), философский (шпенглеровские построения о «закате Европы» и американском типе будущей цивилизации, не обремененной памятью культуры) и контекст творчества писателя (философские портреты «неумирающего», «печального и ласкового странника» Агасфера в рассказе «Невозможное», международных «прочих» в романе «Чевенгур»).

С. 20. *Федор Федорович показал мне рисунок в газете: два огромных пролетарских сапога хотят растоптать пона и толстого лавочника. —*

Подобных рисунков в 1928 г. не было в «Воронежской коммуне». Плакаты на подобные темы широко распространены в эти годы, печатались в «Безбожнике», других тонких журналах, в «Комсомольской правде».

Другие враги теперь родились: вон, на Шахтах, еще в прочих губерниях... — Речь идет о судебном-политическом процессе «Об экономической контрреволюции в Донбассе», вошедшем в историю как «Шахтинское дело», или «Шахтинский процесс»; проходил в Москве в Колонном зале Дома Союзов с 18 мая по 6 июля 1928 г. На скамье подсудимых оказались руководство и инженеры треста «Донуголь», в основном «старая» («буржуазная») техническая интеллигенция, которая обвинялась в сознательном классовом характере их вредительства, имеющем своей целью вызвать кризис в каменноугольной промышленности, а также в связях с белоэмигрантами. По приговору Верховного суда 11 обвиняемых были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу, 4 оправданы; остальные приговорены к лишению свободы на разные сроки (подробно см.: Шахтинский процесс 1928 г. В 2-х кн. М., 2010). «Шахтинское дело» стояло отдельным вопросом в повестке апрельского пленума ЦК ВКП(б); ему посвящены выступления Сталина и Бухарина; судебный процесс освещался на страницах центральных, губернских и районных газет; см.: «Дело шахтинских контрреволюционеров» (*Вор. ком.* 9 мая. С. 1); «Требуем сурового приговора. Трудящиеся Воронежа о шахтинском деле» (Там же. 29 мая. С. 20); Обвинительное заключение. Шахтинская речь прокурора Крыленко // Коммуна. 1 июля. С. 3) и др.

С. 21. *Ты нам то объясни ~ Почему это все в массы швыряют ~ Книгу, пишут, — в массы, автомобиль — в массы, культуру — тоже туда, к одному месту, дьячка этого (он на радио показал) — тоже к нам, критику — опять-таки давай сюда...* — Слово «массы» входит в язык революционной эпохи, отчасти заменяя в речи деятелей новой государства понятие «народ»; превращение «народа» в «массу» и появление понятия «массы» в языке революционного времени описано в повести «Строители страны»: «Я, бродивший по полям фронтов, видел, что народ в те времена голодал от двойной бескормицы — и без ржи и без души. Большевики отравили сердце человека сомнением; над чувствами взошло какое-то жаркое солнце засушливого знания; народ выпал из своего сердечного такта, разозлился и начал мучиться. Вместо таинственной ночи религии, засияла пустая точка науки, осветив пустоту мира. Народ испугался и отчаялся. Тогда были, по-моему, спутаны две вещи — сердце и голова. Большевики хотели сердце заменить головой, но для головы любопытно знать, что мир наполнен эфиром, а для сердца и эфирный мир будет пуст и безнадежен — до самоубийства. После я понял, что перед крупной операцией у человека всегда очищают желудок. Большевики тоже устроили народу предвоспитательный понос, чтобы тело не нервничало и не сопротивлялось под лезвием революции и имело пустые места для вложения новых органов. Люди гибли в тот день — телесно и непосредственно. Они были беспомощны, как лапша, и трагически оправдывали нашедшее слово масса» (*Архив*, 2. С. 94). С принятием решений XV съезда ВКП(б) тема культурной революции актуализируется в выступлениях руководителей страны разных уровней. В докладе Н. Бухарина «Ленинизм и проблема культурной революции» слово «масса» было центральным понятием:

«культурность масс поднялась»; «по линии *переделки масс*»; «мы сделали очень значительные завоевания в работе среди *масс*»; «мы должны поставить перед собой целый ряд задач по отношению к *массе*» и т. п. (Ленинизм и проблема культурной революции (Речь тов. Н.И. Бухарина на траурном заседании памяти Ленина) // Известия. 1928. 27 янв. С. 3. В публикации в «Комсомольской правде» текст выступления Бухарина был разбит на главки, название 2-й главки: «В центре всего — *масса*», см.: *К. пр.* 28 янв. С. 3). Особое место лозунг культурной революции «Культура нужна массам» занимает в публикациях центральных газет, посвященных юбилею Горького (см.: Полоса культурного переворота [Ред. статья] // Известия. 1928. 28 марта. С. 3). В 1928 г. широкий размах получило всесоюзное движение по созданию добровольных обществ разного типа, в том числе Обществ друзей — книги (ОДК), радио (ОДР), техники (ОДТ), кино (ОДК) и проводимые ими кампании: «Книгу — в массы», «Технику — массам», «Музыка — массам», «Радио — массам». См. также примеч. к пьесе «Дураки на периферии», с. 627–628 наст. изд.).

А ведь это сверху кажется — внизу масса, а тут — отдельные люди живут. — Ср. с суждением контуженного на войне солдата в повести «Ямская слобода» (1927): «Царь и богатые люди не знают, что сплошного народу на свете нету, а живут кучками сыновья, матери, жены — и один дороже другому. <...> А сверху глядеть — один ровный народ, и никто никому не дорог!» (Сочинения, 2. С. 232–233).

Гармонист сыграл на прощание «На сопках Маньчжурии», мы обнялись и расстались — наверное, на годы. — «На сопках Маньчжурии» — популярный русский вальс начала XX в., посвященный погибшим в русско-японской войне воинам 214 резервного Мокшанского пехотного полка (автор музыки — военный капельмейстер полка И.А. Шатров, уроженец Воронежской губернии); в 1910-е гг. тиражи граммофонных пластинок с записью вальса превосходили тиражи других вальсов. В кампаниях борьбы за новый облик и репертуар гармошки (в 1928 г. продолжались идущие с осени 1926 г. конкурсы гармонистов) вальс «На сопках Маньчжурии» включался в старый репертуар гармонистов, с которым шла последовательная борьба: «Рояли, пианино, скрипки — пока еще журавли в небе, — гармонь же чудесная, синица, выбивающаяся из душных пивных и тракторов, стремящаяся в советскую деревню. Так сказал нарком (речь идет о выступлении А.В. Луначарского на конкурсе гармонистов. — *Н.К.*). <...> Год назад — затасканные вальсы “Дунайские волны”, “На сопках Маньчжурии”. Сейчас <...> комсомолец Сурдин с изумительным искусством по слуху исполняет увертюру из “Евгения Онегина”. <...> ...Она [гармонь] победит бушующую цыганщину, очищенная от кабацкого налета...» (Розенфельд Мих. Синица в Колонном зале // *К. пр.* 1928. 3 янв. С. 3. См. также: Поляновский Г. Вооруженные гармонью // Там же. 1928. 27 янв. С. 4). Кампания борьбы за новый репертуар гармошки нашла отражение в романе «Чевенгур», затем Платонов вернется к этой теме в повести «Ювенильное море».

Там тысяча человек спасала десятерых спутников Нобиле... — Речь идет о широко освещаемой во всех газетах (как центральных, так местных) истории спасения северной экспедиции Умберто Нобиле (16 человек) на дирижабле «Италия», потерпевшем крушение в Арктике 25 мая. С 29 мая

газеты ежедневно информировали читателей о спасении экспедиции (см.: Розыски «Италии» // Известия. 1928. 29 мая. С. 3). В спасении «Италии» принимали участие экспедиции Швеции, Норвегии, Италии, были созданы комитеты спасения экспедиции; в СССР уже 31 мая начал работу Комитет по оказанию помощи Нобиле при Осоавиахиме, принимается решение направить к Северо-Восточной земле две экспедиции с участием полярных летчиков и ледоколов «Малыгин» и «Красин»; они должны были подойти к «Италии» 26–28 июня (см.: Советская экспедиция на розыски «Италии» // Известия. 1 июня. С. 1; *Зарзар В.* Вокруг экспедиции Умберто Нобиле (К итогам полярных воздушных экспедиций) // Известия. 1928. 15 июня. С. 3); см. далее там же: «Вокруг экспедиции Нобиле» (10 июня. С. 2), «Наша экспедиция имеет решающее значение» (13 июня. С. 2), «На помощь Нобиле» (19 июня. С. 2) и т. д. «Воронежская коммуна», а затем «Коммуна» почти каждый день перепечатывала сообщения с новостной ленты центральных газет (вводится рубрика «В поисках “Италии”») и давала подробную «хронику спасения» экспедиции. 12 июля ледокол «Красин» забрал на борт оставшихся на льдине членов экспедиции «Италии».

ГРИГОРИЙ С УМСТВЕННОГО ХУТОРА (Эпизод) (с. 23). — Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука, 1995. С. 227–236. Публикация Е. Колесниковой.

Источники текста:

Автограф (ИРЛИ. Ф. 780. Ед. хр. 28. Л. 1–9).

Машинопись, неполная (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 4–11).

Датируется концом 1928 – началом 1929 г.

Печатается по автографу.

Автограф выполнен на листах писчей бумаги, запись с обеих сторон. Первоначально в верхней части 1-го листа по центру было вписано заглавие «Умственный хутор / Наша бьль», затем подзаголовок «Наша бьль» заменен на «(Эпизоды из жизни массового человека)». Позднее Платонов вычеркнул и заглавие, и новый подзаголовок, после чего вписал на верхнем поле у края листа: «Григорий с Умственного хутора / (Эпизод)». Но этот вариант также не удовлетворил писателя и был вычеркнут, в результате чего машинистка получила для перепечатки рассказ без заглавия.

Заслуживает внимания проведенная в автографе правка финала рассказа (с. 31–32 наст. изд.), где исходно не было такого персонажа, как представитель Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), а режиссером снимаемого антибюрократического фильма оказывался сам директор учреждения. Первый вариант этого эпизода имел следующий вид:

«Григорий был приглашен в ячейку, туда же пришел и прогульщик. Красивые люди в обмотках на ногах и с трубками в зубах сидели вокруг стола заседаний. Директор обратился к присутствующим:

— Товарищи! Организация бюрократизма почти закончена. Осталось еще ввести единообразные картузы для всех служащих, чтобы под их базой было видно одинаковое сознание, и затем сделать чугунного регистратора

дешевым начальником. Отсюда сюжет пойдет уже на свое изжитие, а именно: из некоторого села, где нет еще налаженной культпросветработы, приходит бумажка с просьбой разрешить явиться богу. Чугунный администратор кладет одну из трех присущих ему резолюций: “согласен”, “отказать” или “подработать и доложить”; в данном случае он напишет “согласен”. Богом мы пошлем лицо, играющее прогульщика, и в деревне его встретят симфонией Бортнянского “Иже Херувимы” в музыкальном сценарии. Но что сделают с богом в деревне, я не знаю.

— Я знаю, — сказал Григорий.

— Отлично, — согласился директор-режиссер. — Пустим и дальше наши съемки естественным порядком, жизнь сама закончит наш сюжет. Будем, как и прежде, хранить наше дело в секрете, дабы соблюсти натуральность и непосредственность будущей кинопоэмы об [административных источниках бюрократизма] извращениях...

— Чтобы кончить правильно, — указал Григорий, — надо назначить металлического регистратора режиссером, вместо вас.

— Почему? — несколько удивился режиссер.

— Потому что в жизни ничего нет, что вы здесь хотели устроить. Я работал из-за любви, а не из-за пользы. Среди жизни живут настоящие люди — я же их видел... Будь вы прокляты! Вам нужно искусство, а мне требуется жизнь.

— А где тогда есть бюрократизм? — растерялся режиссер.

— А потому что я из кузнеца стал инженером! — защищался Григорий. Режиссер нашелся:

— Отлично. Вы и будете концом фильма. Доигрывайте жизнь, товарищ Пакуркин! Вам достанется счастье, а нам — гонорар, а здешние бюрократы обратятся в типажи, мы превратим их жизнь в радость» (Л. 8–9).

В результате правки, вводящей тему РКИ, финал «Умственного хутора» приобрел отдаленную созвучность с финалом «Усомнившегося Макара». Кроме того, некоторые персонажи и эпизоды рассказа получают развитие в других произведениях писателя — например, механический «чугунно-медный» регистратор является прообразом «железного человека» Кузмы из написанной позднее пьесы «Шарманка».

Машинопись рассказа сохранилась частично — как «вставка Б» в составе автографа повести «Впрок» (см. об этом примеч. к повести «Впрок»: *Сочинения*, 4(1). С. 376–377). Судя по наличию следов копировальной бумаги на поверхности листов, машинопись была выполнена более чем в одном экземпляре. «Вставка Б» включает семь первых страниц машинописи и верхнюю треть восьмой, до слов «...он, невежда, не знает электротехники»; заглавие, если таковое и было уже подобрано, в данную машинопись не вносилось. В настоящем издании рассказ печатается под самым поздним из вычеркнутых в автографе заглавий.

Машинопись соответствует автографу и содержит небольшую карандашную правку, относящуюся к этапу работы над «Впрок». Изначально рассказ, в первой его части, был насыщен автобиографическими реалиями (см. примеч. к рассказу), от которых Платонов счел нужным избавиться в «бедняцкой хронике».

Точная датировка рассказа затруднена, однако некоторые временные ориентиры можно увидеть в особенностях административно-территориального деления, упомянутых в тексте. Сначала Платонов указывает на принадлежность основного места действия, хутора «Спартак», к «бывшему» Богучарскому уезду Воронежской губернии. В этом первоначальном упоминании «губернии» сказались, вероятно, многолетняя привычка словоупотребления, и «губерния» практически сразу исправляется на «область». Исправленный вариант также не вполне корректен, поскольку область, поглотившая Воронежскую и примыкающие губернии, именовалась Центрально-Черноземной и была разделена на округа, границы которых не совпадали с границами поглощенных губерний. При этом Воронеж оказался в составе Воронежского округа (упразднен 18 сентября 1929 г.), а Богучар и соответственно Богучарский район — в составе Россошанского округа. Этот нюанс административно-территориального деления отсылает к концу 1928 – началу 1929 г.

В рассказе также имеется указание на такую административно-территориальную единицу, как волость, откуда на хутор приходит корреспонденция. Предположительно это даже не волость в ее традиционном понимании, а райволость: письмо, адресованное Григорию, подписано «предволрика», что, вероятнее всего, в искаженном виде обозначает председателя районно-волостного исполкома (райвика, РВИКа). Данный признак актуален для начала, в крайнем случае середины 1928 г., позднее переходит в разряд анахронизмов, но Платонов тем не менее упоминает райвик и в «Областных организационно-философских очерках» (см. примеч. к ним, с. 489 наст. изд.).

В целом Платонов не стремился устранить противоречия внутренней хронологии повествования. Если абстрагироваться от реалий 1925 г. (см. ниже примеч. к рассказу), и без того не очевидных для читателя, не имеющего представления о биографии автора, дата «знакомства» рассказчика с Григорием Пакуркиным, определяемая по особенностям территориального деления, должна быть отнесена к середине – второй половине 1928 г. Однако пуск Волховской ГЭС, осуществленный якобы во время учебы Григория на рабфаке, в реальности произошел в 1926–1927 гг.

Примечательно, что новости, вычитываемые мастеровыми из газеты во время отдыха, скомпилированы Платоновым на основе тем, довольно часто освещавшихся на страницах «Правды» и «Известий» в 1928–1929 гг. (см. примеч. к повести «Впрок»: *Сочинения*, 4(1). С. 454–455), и не могут способствовать более точной датировке рассказа.

Ниже главным образом комментируются реалии, оставшиеся за пределами фрагмента, вошедшего в хронику «Впрок».

С. 23. *Конус* — система сцепления.

...на старой машине заслуженной итальянской марки «Лянчия»... — Автомобиль, выпущенный фирмой *Fabbrica Automobili Lancia*, расположенной в Турине. Машина этой марки находилась в распоряжении подотдела мелиорации Воронежского губземуправления во время общественно-мелиоративных работ 1924–1925 гг. (*ГАВО*. Р-19. Оп. 78. Ед. хр. 8. Л. 322. Разыскание Н. Корниенко).

Хутор назывался Спартак, и находился он в бывшем Богучарском уезде Воронежской области... — В качестве названия хутора использовано назва-

ние реального совхоза, располагавшегося в Воронежском уезде недалеко от села Рогачевка. В этом совхозе в 1924–1926 гг. Платоновым был организован опытно-мелиоративный участок, и в частности устроено машинное орошение старого сада (см.: Антонова. С. 411, 414, 417, 422, 432, 438, 452–454 и т. д.).

С. 24. *...и запустил мотор на двух цилиндрах...* — Сходная поломка машины произошла во время поездки по губернии, устроенной в июне 1925 г. воронежскими мелиораторами В. Шкловскому, который в качестве журналиста оказался в Воронеже в рамках агитполета «Лицом к деревне». Одной из целей этой поездки с мелиораторами являлось посещение совхоза «Спартак». В пути Шкловский делал заметки для своих будущих корреспонденций. По поводу указанной поломки им было записано: «Стоим в поле четыре часа. Шофер снимает блок и картер. Крестьянин, увидев устройство машины, нам сочувствует» (*Галушкин А.* К истории личных и творческих взаимоотношений А.П. Платонова и В.Б. Шкловского // *Воспоминания.* С. 173). В статье Шкловского, опубликованной 7 июля в газете «Правда», имеются следующие подробности: «...за одну поездку по воронежским дорогам с губернским мелиоратором Платоновым автомобиль потерял: одну рессору, один поршень (доехал на трех), несколько камер и <...> компрессию» (Там же. С. 174). Даже спустя три года Шкловский живо помнил это происшествие: «Мне приходилось в Воронежской губернии ездить на автомобиле, у которого пришлось в степи снять цилиндры, разъединить подшипники на коренном валу, снять шатуны с поршнями и ехать дальше на двух цилиндрах. Сделать такую работу без инструмента в степи может только или беглый каторжник, или советский шофер, потому что блоки, т. е. отливку цилиндров, приходилось держать на полотенце, перекинутом через шею» (*Шкловский В.* Барахло на ходу // *За рулем.* 1928. № 1 (апрель). С. 22–23).

С. 29. *...препровождается место на рабфак по разверстке волполитпросвета...* — *Рабфак*, рабочий факультет, учреждение системы народного образования в СССР, готовившее рабочих и крестьян для поступления в высшие учебные заведения. В соответствии с декретом СНК РСФСР «О рабочих факультетах» от 17 сент. 1920 г., на рабфак принимались «рабочие и крестьяне в возрасте от 18 лет, делегированные производственными союзами, фабрично-заводскими комитетами, партийными отделами работы в деревне, волостными, уездными и губернскими исполкомами». Обучение на дневном отделении продолжалось три года и приравнивалось к работе на производстве. *Волполитпросвет* — волостной политико-просветительный комитет, низовое подразделение Главполитпросвета при Наркомпросе РСФСР (1920–1930 гг.).

...на аэроплане, некогда снизившемся в районе волости для показа себя. — Именно в ходе подобного агитполета в июне 1925 г. В. Шкловский оказался в Воронеже, где познакомился с губернским мелиоратором Платоновым.

Уже Волховстрой был пущен... — Речь идет о Волховской ГЭС, первые гидроагрегаты которой были пущены в декабре 1926 г., остальные — в 1927 г.

С. 30. *...жил ради фантазии науки, ради томительной Евдокии Познания...* — Смысл высказывания непонятен; значение имени Евдокия

(«благоволение») его не проясняет. Первоначально Платоновым было написано «Евдокии Знания».

...*помня шестой разряд старика...* — Разряд указан по 17-разрядной тарифной сетке, действовавшей с 1924 г. В 1928 г. происходил переход на новую систему тарификации.

С. 32. ...*встретят симфонией Бортнянского «Иже Херувимы»...* — «Иже Херувимы», или Херувимская песнь, одно из основных песнопений литургии византийского обряда. *Бортнянский* Дмитрий Степанович (1751–1825), русский композитор украинского происхождения, один из создателей классического типа русского хорового пения, автор многочисленных духовных концертов. До настоящего времени в обиходе приходских хоров большой популярностью пользуется «Херувимская» Бортнянского № 7.

Кинопоэма — кинофильм лирического, поэтического содержания, в котором повествование дается через субъективное восприятие лирическим героем событий. В конце 1920-х гг. жанр кинопоэмы был широко представлен в творчестве Д. Вертова: «Кинопоэма о Ленине» (1925), «Шагай, Совет» (1926), «Одиннадцатый» (1928).

Киноателье — предприятие по производству кинофильмов на раннем этапе развития кинематографа; в данном случае анахронизм, — в советской России в конце 1920-х гг. съемка фильмов осуществлялась кинофабриками.

...*работал главным инженером ~ и разрыхлял почву взрывным способом, применяя жидкий воздух.* — Взрывные работы входили в круг интересов Платонова-мелиоратора с 1922 г.; в частности, при помощи взрывов он планировал провести реконструкцию рельефа Воронежской губернии с целью ликвидации поверхностного стока воды, см. его статьи «На фронте зноя» (1922), «О ликвидации катастроф сельского хозяйства» (1923), «Великий работник (о развитии в России взрывной культуры)» (1923) и др. (подробнее см.: *Сочинения 1(2)*. С. 392–393, 395). В последней из перечисленных статей речь, в частности, шла об использовании в качестве взрывчатого вещества «жидкого воздуха», т. е. жидкого кислорода. Платонов не сразу подобрал этот вариант деятельности Григория, сначала он сделал своего героя инженером по «по постройке [*нового цементного*] громадного кирпичного завода», затем — инженером «по постройке дома-павильона для колхоза» и лишь потом остановился на взрывных работах.

В ПОИСКАХ БУДУЩЕГО (Путешествие на Каменскую писчебумажную фабрику) (с. 33). — Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука, 1995. С. 119–127. Публикация Т.М. Вахитовой.

Источники текста:

Автограф (*ИМЛИ*). Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 1–10).

Машинопись (*ИРЛИ*). Ф. 780. Ед. хр. 7. Обороты л. 100–112).

Датируется маем 1929 г.

Печатается по автографу.

Автограф очерка выполнен карандашом. На первой странице — запись для машинистки: «3 экз<емпляра> на одн<ой> стороне». Единственный

сохранившийся экземпляр машинописи не авторизован и находится в составе бумаги автографа повести «Котлован» (см. об этом: *Вахитова Т.М.* Обратная сторона «Котлована» // *Котлован*. С. 372–379).

Очерк мог быть написан по результатам поездки А. Платонова на Каменскую писчебумажную фабрику. Сведениями о причинах этой поездки в настоящее время мы не располагаем. Возможно, Платонов был командирован туда ФОСП, в мае 1929 г. направившей большую группу писателей на фабрики и заводы страны: «...для пристального и добросовестного изучения пролетариата, его работы, его культурной жизни...» (На фабрики, на заводы // *ЛГ*. 1929. 22 апр. С. 3). В списке регионов, намеченных для посещения, была и Тверская область, в которой находилась Каменская писчебумажная фабрика. Писатели выехали «на производство в первых числах мая» (Писатели — на фабрики и заводы // *ЛГ*. 1929. 7 мая. С. 3).

В настоящее время не известно, какому изданию Платонов предлагал очерк «В поисках будущего (Путешествие на Каменскую писчебумажную фабрику)».

Каменская писчебумажная фабрика — одно из старейших предприятий целлюлозно-бумажной промышленности России; основана в 1829 г. в селе Каменском, Тверской губернии; принадлежала к числу высокоразвитых рабочих районов, получивших хороший старт до революции. В 1896 г. владельцем фабрики стал купец Михаил Гаврилович Кувшинов, занявшийся модернизацией фабрики и развитием инфраструктуры района. Так как фабрика находилась в 50 км от Торжка и железной дороги, в 1906 г. ее руководство приняло решение о строительстве железнодорожного подъездного пути, который вступил в эксплуатацию в 1912 г.; станция названа Кувшиново — по имени владельцев фабрики купцов Кувшиновых. Для повышения нравственного и образовательного уровня каменских рабочих особенно много сделала последняя владелица фабрики, Юлия Михайловна Кувшинова. При ней построены двухэтажные кирпичные жилые дома для них, фабричная школа и больница, где было организовано бесплатное лечение рабочих и обучение их детей; собрана большая библиотека; построены Народный дом, театр на 200 мест. С 1904 г. в селе был деревянный храм во имя Святой Троицы (*Политов В.* Кувшиновы — новаторы бумажного производства // http://www.umpro.ru/index.php?art_id_1=157&group_id_4=36&page_id=17, актуально на 22 дек. 2017 г.). Высокие нравственные устои рабочих Каменской фабрики давали о себе знать и после революции — в 1929 г. среди других предприятий бумажной промышленности страны фабрика выделялась дисциплиной рабочих и высокими производственными показателями. В апреле 1929 г. Каменская фабрика оказывается в центре внимания прессы: ленинградский завод по обработке цветных металлов «Красный Выборжец» вызывает ее на соревнование по снижению себестоимости продукции. Ответу фабрики на этот вызов посвящена страница «Правды» от 21 марта 1929 г., где высокие показатели старой Каменской фабрики даны в сравнении с низкими на другом предприятии отрасли, новом Сясьском целлюлозно-бумажном комбинате (см. примеч. к очерку). 28 апреля «Правда» публикует ответное «Письмо делегации сясьских рабочих на Каменской фабрике» <sic> с признанием того, что «производственный пример каменцев является

настолько показательным, что этому примеру должны последовать все предприятия бумажной промышленности Советского Союза» (Слово рабочих Сясьстроя // Правда. 1929. 28 апр. С. 5). В начале июня 1929 г. Президиум ВЦСПС премирал «рабочих Каменской бумажной фабрики, показавших значительные успехи по повышению производительности труда и снижению себестоимости» (ВЦСПС премирал рабочих Каменской фабрики // Правда. 1929. 8 июня. С. 4). Результатам соревнования по снижению себестоимости продукции на Каменской фабрике посвящена брошюра: *Тандит Л. Каменские победители. М.—Л., 1929.*

С. 33. *Матвей Семенович Лазенков...* — вымышленный персонаж; его фамилия в автографе исправлена: сначала Платонов написал «Матвей Семенович Кранцон», но тут же исправил фамилию на «Лазенков» (Л. 1). Кроме того, Платонов дважды делает опisku в отчестве героя: вместо «Семенович» пишет «Степанович»; в первом случае исправляет (Л. 3), во втором — не замечает описки и не исправляет (Л. 3 об.).

С. 34. *Что там в газетах пишут — тут уклон, там перекося!* — Тема «уклонов» от «генеральной линии» партии — одна из основных в печати времени; уклонов называли в основном два — правый и левый. Вот некоторые газетные сообщения на эту тему: «Московская организация <...> показала, как нужно бороться с антиленинскими уклонами и, в частности, с правым уклоном» (Линия ЦК ВКП(б) — ленинская линия // *Раб. газ.* 1929. 16 янв. С. 3); «В чем состояла главная ошибка “левого” троцкистского уклона? Троцкисты споткнулись на середняке. <...> “Левые” предлагали <...> разорить середняка во славу “сверхиндустриализации”. <...> В чем состоит главная ошибка правого уклона? <...> Правые недооценивают кулацкую опасность» (*Бенцман Д. “Правые” и “левые” — одного поля ягодки // Раб. газ.* 1929. 17 апр. С. 5). Речь И. Сталина на апрельском (1929) пленуме ЦК ВКП(б) целиком была посвящена «правому уклону»: «О правом уклоне в ВКП(б)». Газеты называют признаки правого уклона, который считается «главным»: «...борьба за снижение в той или иной степени совхозного строительства. Следующим признаком правого уклона является преуменьшение значения классово-борьбы» (О правом уклоне и троцкизме (из доклада М. Калинина на XVI Всесоюзной партийной конференции) // *Раб. газ.* 30 апр. С. 4). Кроме сообщений о «левом» и «правом» уклонах, газеты писали и о «вредных уклонах» — например, на руднике в Луганской области, где, под маркой соцсоревнования, была введена внеурочная работа в воскресенье (Вредный уклон на Луганщине // *Раб. газ.* 1929. 28 февр. С. 3).

Раз уклон — катись под откос, нервная стерва! Царяп его — и ваших нет, а наши тут!.. — Газеты сообщают об исключении из партии представителей «левого» уклона — троцкистов: «XV съезд исключил из своих рядов троцкистскую организацию» (*Ярославский Е. Вчерашний и завтрашний день троцкистов // Раб. газ.* 1929. 9 февр. С. 2); «Губернская контрольная комиссия исключила из партии за связь с троцкистами, активное участие в их контрреволюционной работе и за сокрытие от парторганизации деятельности троцкистов шестерых человек» (Борьба с троцкизмом // *Раб. газ.* 1929. 30 марта. С. 6). Сам Л. Троцкий был исключен из партии, лишен гражданства

и выслан сначала в Алма-Ату, а затем — из СССР (1929). Представителей так называемых «правых» тоже снимают с должностей — на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), проходившем 16–23 апреля 1929 г., принято решение: «...снять Бухарина и Томского с занимаемых ими постов («Правда», Коминтерн, ВЦСПС)» (*КПСС в резолюциях*, 4. С. 436). 29 апреля 1929 г. на пленуме ЦК ВКП(б) освобожден от ряда должностей бывший 1-й секретарь Московской парторганизации Н. Угланов: «Пленум освободил т. Угланова от обязанностей кандидата в члены Политбюро и от работы в качестве секретаря ЦК...» (Пленум Центрального Комитета ВКП(б) // *Правда*. 1929. 30 апр. С. 1). Такое отношение к «уклонистам» считалось правильным: «Партия со всей силой ударила по правому уклону, ибо колебания в этот момент, когда разворачивается великая битва, недопустимы» (*Календарь коммуниста*, 1930. С. 264).

...да здравствует оппозиция!.. — Оппозиция — имеется в виду группа лиц внутри ВКП(б), ведущая политику противодействия линии большинства членов партии. История ВКП(б) после смерти В. Ленина представляла собой постоянную борьбу за власть, в ходе которой появилось несколько оппозиций проводимой партией политике: «левая» оппозиция в лице Л. Троцкого и его сторонников; «новая оппозиция» Г. Зиновьева и Л. Каменева (1925–1926), «объединенная оппозиция» сторонников Л. Троцкого и «новой оппозиции» (1926–1927), «правая оппозиция» в лице Н. Бухарина, Н. Томского, А. Рыкова и др. (с 1928 г.) (*Краткий курс*. С. 253–255; 263–266; 278–282). Самым опасным оппозиционером считался Троцкий: «Троцкизм — это уже не уклон, троцкизм — не оппозиция: троцкизм — подпольная антисоветская организация» (*Ярославский Е. Вчерашний и завтрашний день троцкистов // Раб. газ.* 1929. 2 февр. С. 2).

Доезжаю до Лубянки и иду в монолитный дом. — Лубянка — улица в Москве, примыкающая к Лубянской площади, на которой располагалось здание органов Государственной безопасности.

...с какой стороны вы чувствуете оппозицию? — С задней, говорю... — Обычное определение оппозиции «генеральной линии партии» — «левая» или «правая» (см. об этом выше); газеты постоянно призывают к бдительности в отношении опасности справа и слева: «...сосредоточить сейчас главное внимание на борьбе с правой опасностью и примиренческим отношением к ней. <...> ...Надо быть всегда готовым к отражению левых тенденций...» (Троцкистская песенка на новый лад // *Раб. газ.* 1929. 10 авг. С. 2).

— Говорят, Карл Маркс рыбу любил... — В 60-х годах XIX в. получила распространение анкета, называемая «Исповедь», которую в 1865 г. заполнил К. Маркс. Ответы Маркса на вопросы анкеты приводили в его биографиях, так что они были широко известны. Начинаясь анкета с вопроса о качестве, которое анкетированный больше всего ценит в людях, — Маркс ответил на него: «Простота». Был там и вопрос: «Ваше любимое блюдо?». Ответ Маркса: «Рыба» (Исповедь Карла Маркса // *Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.*: в 50 т. Т. 31. М., 1963. С. 401–402).

— Говорят, в Москве теперь все по карточкам дают... — Карточки (так называемые «заборные книжки») введены в СССР в 1929 г. (Надо ввести заборные книжки // *Раб. газ.* 1929. 6 февр. С. 5), сначала — только на

хлеб: «14 февраля 1929 г. карточная система на хлеб стала всесоюзной» (Осокина Е. За фасадом сталинского изобилия. М., 1999. С. 66). В Москве карточки на хлеб введены 17 марта 1929 г., что привело к ряду проблем: «Начиная с 17 марта, продажа хлеба в Москве резко сократилась... <...> Потребители не ознакомились с книжками, не знали, какие талоны нужно отрывать...» (Продажа хлеба по заборным книжкам в Москве (Беседа с зам. пред. МСПО тов. Эпштейном) // Правда. 1929. 21 марта. С. 4). Вскоре карточная система коснулась и других основных продуктов питания — жиров, мяса, чая, сахара, крупы и пр. (Осокина Е. Указ. соч. С. 67).

С. 35. ...ты не один дурак ~ Ты еще, во-вторых, вредный. — Начиная с первого крупного политического процесса над «вредителями», так называемого «шахтинского дела» (1928), идея «вредительства» со стороны населения страны получает широкое употребление; к «вредителям» относят, среди прочего, «летунов» — рабочих, которые переходят с предприятия на предприятие, «которые ищут легких заработков, которые прочно обосноваться на одном месте не имеют намерения. С подобными “летунами”, подрывающими ход производства, нужна решительная борьба» («Летуны» — вредители производства // Раб. газ. 1929. 27 марта. С. 3. Подпись: Д. К-Р.).

С. 36. ...рабочему рубильного патрона... — Рубильная машина — агрегат для измельчения древесины; к ножам рубильной машины древесина подается с помощью патрона.

...детей, корябающих свои первые лозунги... — Лозунг — краткий призыв к какой-либо деятельности, выражающий руководящую для времени и определенной группы населения идею. В общую жизнь страны были втянуты и дети — детские журналы печатали такие, например, лозунги-призывы к младшим школьникам: «Вместе с комсомолом в бой — за улучшение производства» (Вожак. 1929. № 6. С. 3); «Укрепим интернациональную дружбу» (Там же. № 8. С. 16); «Пионер! Готовься к слету!» (Там же. № 14. С. 3); «Пионер! Собери утиль!» (Там же. № 17–18. С. 45); «Страна нуждается в нашей помощи. Все силы, все знания отдадим выполнению пятилетки» (Там же. № 21. С. 7); «Когда война / Метелица / Придет опять, — / Должны уметь мы / Целиться / Уметь стрелять» (Там же. № 21. С. 25) и пр. Плакаты с призывами от имени детей украшали детские заведения: см., например, фотографию «Двухсменный детский очаг» — на стене плакаты с лозунгами: «Сметем кулаков с колхозных полей», «Кто не борется с кулаком, тот не может быть юным ленинцем» (Рук. 1931. № 12. С. 23). Как реакция на это — дети и сами для себя писали лозунги: см., например, фотографию в журнале «Пионер» с подписью: «Пионерка с Каменки устроила дома агитационный уголок». На фотографии — самодельные плакаты-лозунги: «Ленин вождь октябрят», «Чисти зубы ночью» (sic!), «Прежде чем верить, надо проверить!» (Пионер. 1930. № 8–9. С. 14). О наличии у детей своих лозунгов сообщают и «взрослые» журналы: «Перед нами лозунги московских детей: — Пионер, школьник! Бойкотируй отца-пьяницу! — Всех безнадзорных детей — в ряды пионеров! — Дашь церкви под пионерские и школьные клубы! <...> — Расскажи совету о детских нуждах. — Пионеры! Будьте строителями страны советов!» и т. д. (Львович Г. Дети и политика // Наши дост. 1929. № 4. С. 30).

Гарпиус — сорт канифоли — вещества, получаемого из смолы хвойных деревьев; применяется в бумажной промышленности.

...желто-красноватой жидкостью, называемой селеном. — Селен — химический элемент, получаемый в основном из отходов серноокислого и целлюлозно-бумажного производства. Используется в электротехнической, химической, стекольной, керамической промышленности.

Селен отходит из нашего уральского колчедана... — Колчедан — общее название для минералов, представляющих сернистые, мышьяковистые, селенистые и сурьмянистые соединения металлов. Большие залежи колчеданных месторождений имеются на Урале.

С. 38. *...здесь рабочий производит бумагу вдeсятеро дешевле, чем на Сяьской фабрике...* — Сяьский целлюлозно-бумажный комбинат на реке Сяь, Ленинградской области принадлежал к молодым предприятиям советской промышленности; вступил в строй в 1928 г.: «2 ноября 1928 г. начал работать Сяьский целлюлозный комбинат им. тов. Сталина, построенный вблизи станции Званка. Уже 3 ноября 1928 г. все ленинградские газеты вышли на бумаге, изготовленной бумажными фабриками на сяьском сырье. <...> Сяьский целлюлозный завод им. т. Сталина — крупнейший в Советском Союзе и один из крупнейших в Европе. <...> Сяьский завод, к сооружению которого было приступлено в июле 1925 г., построен и оборудован по последнему слову техники» (Сяьский комбинат имени тов. Сталина // *Наши дост.* 1929. № 1. С. 202–203). В апреле 1929 г. Сяьский комбинат оказывается в центре общественного внимания из-за низких производственных показателей; себестоимость продукции здесь была в десять раз выше, чем на Каменской фабрике, о чем, от имени каменских рабочих, сообщается в «Правде»: «Мы на своей старой “бабушке” даем целлюлозу на 107 р. за тонну, а новый завод, построенный и оборудованный по последнему слову техники, дает ее в 10 раз дороже. Такое попустительство мы целиком относим за счет расхлябанности и небрежности самих рабочих, которые на производстве пьют и играют в карты» (Стыд и позор вредителям! // *Правда.* 1929. 21 марта. С. 3). Неполадкам на Сяьском комбинате, с конкретными примерами и цифрами, — в сравнении с успехами Каменской фабрики — посвящено опубликованное там же стихотворение Д. Бедного «Генеральная линия».

Фабрикант Кувшинов в Америку ездил, чтобы не ослабеть в производстве, но загодя утонул на корабле «Титанике»... — «Титаник» — британский трансатлантический пароход, в ночь с 14 на 15 апреля 1912 г. потерпел кораблекрушение в Северной Атлантике. Владелец фабрики Сергей Михайлович Кувшинов погиб в другом кораблекрушении — 27 июня 1894 г. на борту парохода «Владимир», затонувшего в сотне миль от Одессы в результате столкновения с итальянским пароходом «Колумбия», который после столкновения с «Владимиром» далее пошел своим курсом, не оказав помощи тонущему кораблю. На «Владимире» Кувшинов ездил в Англию, чтобы закупить новое оборудование для фабрики. После гибели Кувшинова управлять фабрикой стала его сестра, Юлия Михайловна Кувшинова (*Мечинский С.* Маленькие истории нашего городка // <http://www.proza.ru/2015/12/09/147>, актуально на 22 дек. 2017).

С. 39. ...*рабочий у нас всюду изобретает; в изобретательстве есть самозащита рабочего от страдания труда...* — Призыв к рабочему изобретательству — один из лозунгов первой пятилетки: «Дорогу активному участию масс в рационализаторской работе» (*Раб. газ.* 1929. 17 янв. С. 5); «Рабочее изобретательство — на помощь индустриализации» (*Раб. газ.* 1929. 16 апр. С. 4). Рабочее изобретательство становится реальностью производственной жизни 1929 г.: «Массовое движение представляет собой <...> изобретательство массового человека на фабриках, заводах, в деревнях» (Рабочее и крестьянское изобретательство // *Наши дост.* 1929. № 1. С. 217). Участие в изобретательстве имело для рабочих материальный интерес — за свои изобретения они получали премии, что приводит к такому явлению, как «лже-изобретательство» и критике его в газетах: «Из обзора деятельности ЦБРИЗа за 9 месяцев видно, что подавляющее большинство всех предлагаемых изобретений не только не ново (в смысле патентоспособности), но и не полезно, не может быть осуществлено. <...> И те небольшие средства, которые он [рабочий] получает в качестве премирования, являются только добавочным стимулом для его деятельности» (ЦБРИЗ // *Раб. газ.* 1929. 16 апр. С. 4). ЦБРИЗ (Центральное бюро рационализации и изобретательства) было специально создано для поддержки изобретателей; его задачей была «техническая помощь изобретателям (оформление чертежей, моделей, экспертные указания и т. д.)» (*Кузнецкий Л.* Почему ЦБРИЗ оказался больным // *Раб. газ.* 1929. 10 мая. С. 2).

...*Каменскую фабрику хотели закрыть семь-восемь лет назад.* — Об угрозе закрытия фабрики говорится и в посвященной ей публикации в «Правде»: «Года 4 назад нашу фабрику считали нерентабельной и хотели даже повесить на нее замок» (Каменские рабочие — «Красному Выборжцу» // *Правда.* 1929. 21 марта. С. 3).

...*начал читать Кропоткина, Бебеля, Маркса...* — Петр Алексеевич Кропоткин, Август Бебель, Карл Маркс — авторы социалистического толка; чтение их произведений типично для либерально настроенного читателя начала XX века: *Кропоткин П.А.* (1842–1921) — идеолог русского и международного анархизма, создатель концепции анархического коммунизма, автор книг «Современная наука и анархия» (Пг.–М., 1920), «Этика» (М., 1922) и др.; *Бебель А.* (1840–1913) — деятель немецкого и международного рабочего движения, один из основателей 2-го Интернационала, автор книг «Женщина и социализм» (1894, русский перевод 1904), «Шарль Фурье, его жизнь и учение» (М., 1923) и др.; *Маркс К.* (1818–1883) — теоретик пролетарской революции, основоположник научного коммунизма, диалектического и исторического материализма и пр., автор книг «Манифест коммунистической партии» (1848), «Капитал» (1867) и пр. (Философский энциклопедический словарь. М., 1983).

...*стоял за ролловой машиной...* — Ролл — машина для размола волокнистых материалов при изготовлении бумаги.

С. 40. — *А как у вас в фабкоме и ячейке? ~ Там у вас бюрократизм, или вообще слабо? Бумаги для планов и резолюций им хватает?* — Борьба с бюрократизмом — одна из тем партийных постановлений 1929 г. В рамках борьбы с бюрократизмом и одновременно за режим экономии предлагалось сократить отчетность советского аппарата (Об итогах и ближайших задачах

борьбы с бюрократизмом: Резолюции XVI Всесоюзной партконференции (23–29/IV 1929 г.) // Справочник партийного работника. Выпуск седьмой. Ч. I. 1930. С. 247).

— *Кто у вас инженеры? ~ Один есть рабочий с высшим образованием по технике, а другие — более пожилые.* — Большинство инженеров были старыми специалистами с дореволюционным образованием, поэтому проблема воспитания новых рабоче-крестьянских кадров стояла в это время остро.

С. 41. ...*молодежь из ФЗУ...* — ФЗУ (или фабзавуч) — фабрично-заводское ученичество, форма организованной подготовки квалифицированной рабочей силы на самих предприятиях. ФЗУ считался новым типом школы, где молодежь и подростки, желающие стать рабочими, одновременно учились и работали, — «формой подготовки рабочей силы и формой образования и воспитания подрастающей части рабочего класса, <...> где ученичество является формой введения подростка в производство» (*Трейвас Б.* За фабзавуч массовых профессий // *ЮК.* 1929. № 15. С. 47). ФЗУ предполагал предварительное обучение в школе I ступени, сочетал индивидуальное ученичество с бригадным; имел свой учебный план, обязательный для всех отраслей промышленности; определенное число теоретических занятий; оборудованные учебно-производственные лаборатории (Там же). В зависимости от предоставляемой квалификации ФЗУ делились на двух-, трех- и четырехлетние. Первые ФЗУ были организованы на заводах и фабриках в 1920 г.; в первую пятилетку, когда приток на предприятия необученной молодежи увеличился, а потребность в квалифицированных рабочих возросла, приобрели большое значение.

...*на «Соколе» и на Балахне хуже, чем на их фабрике.* — «Сокол» — одна из старейших фабрик страны по производству бумаги; основана в 1897 г. близ деревни Соколово, Вологодской области; ее первое название: «Северное общество целлюлозного и писчебумажного производства “Сокол”». Балахна — город близ Нижнего Новгорода, место расположения Балахнинского целлюлозно-бумажного комбината им. Ф.Э. Дзержинского, строительство которого началось в 1926 г., а первая бумагоделательная машина пущена в 1928 г.

УСОМНИВШИЙСЯ МАКАР (с. 43). — Октябрь. М., 1929. № 9. С. 28–41.

Источники текста:

СР — составная рукопись (*ИМЛИ.* Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 1–19; с подзаголовком: *Быль*).

Октябрь. 1929. № 9. С. 28–41, авторизованная публикация (*ИМЛИ.* Ф. 629. Оп. 5. Ед. хр. 36).

Датируется концом 1928 – серединой 1929 г.

Печатается по авторизованной публикации с восстановлением авторской пунктуации по *СР*.

Рассказ «Усомнившийся Макар» был создан путем соединения в единый текст шести небольших рассказов о жизни крестьянина Макара Прохорова,

написанных Платоновым в 1928 г. для исполнения по радио в программе «Деревенский утренник» (подробнее см. примеч. к заметке «Круговорот. Как делается “Крестьянская Радиогазета”», с. 584–585 наст. изд.). На начало работы писатель располагал машинописями радиорассказов (каждая с самостоятельной нумерацией страниц), отличительной особенностью которых являлось заглавие-зачин, напоминавшее радиослушателю о событиях, случившихся с Макаром в предшествующих частях цикла (далее радиорассказы обозначаются литерой *P* с соответствующим порядковым номером). Зачин *P1* остается неизвестным, поскольку от этой машинописи в состав *CP* были включены лишь страницы 3–4. Остальные машинописи, включенные в *CP* полностью, начинались следующим образом:

P2: «Слушайте рассказ о похождениях Макара Прохорова, начало которых помещено в прошлое воскресенье. Рассказываем сегодня, как Макар едет в Москву на заработки» (*CP*. Л. 4).

P3: «Слушайте рассказ о Макаре — золотых руках и пустой голове. Макар в прошлое воскресенье ехал в Москву, а теперь он уже приехал в этот город — о чем и ведется рассказ» (*CP*. Л. 6). Также в конце рассказа было помещено сообщение: «Слушайте дальнейшие похождения Макара в следующем номере “Утренника”» (*CP*. Л. 9).

P4: «Теперь слушайте продолжение рассказа о похождениях деревенского изобретателя-бедняка Макара Прохорова. Макар приехал в Москву и попал в поисках работы на стройку большого дома. Вот какие события происходили с ним дальше» (*CP*. Л. 10).

P5: «Слушайте рассказ о похождениях Макара Прохорова. В прошлое воскресенье мы рассказали, как Макар прибыл в Москву, изобрел в голове кишку для лучшей постройки домов и теперь ищет в Москве пролетариат для помощи себе и своему изобретению. Слушайте продолжение рассказа!» (*CP*. Л. 12).

P6: «Слушайте рассказ о похождениях Макара Прохорова. Тем временем, пока мы не рассказывали, Макар ходил по Москве, осматривал людей наравне со зданиями и нашел себе друга — рябого Петра, который занимался тем, что ел и не трудился. Вместе с Петром Макар пошел дальше по Москве — искать для сердца смысл жизни и заодно пицци для продолжения существования» (*CP*. Л. 17).

Из этих зачинов следует, что радиорассказы, объединенные в «Усомнившимся Макаре», изначально представляли собой непрерывную последовательность текстов, от самого первого в этом цикле до, как минимум, шестого. При слиянии рассказов в *CP* все зачины были вычеркнуты Платоновым фиолетовыми чернилами, а на их месте была введена рубрикация в виде звездочек, закрепившая деление нового текста на части. Одновременно этими же чернилами была проставлена сквозная нумерация страниц *CP*.

Машинописи *P2* и *P6* сохранили пометы, относящиеся к истории собственно радиорассказов, поперек их первых страниц синим редакторским карандашом сделаны распоряжения относительно авторского гонора: «Платонов 20 р.», «Платонов 15 р.» (*CP*. Л. 4, 17). Тем же синим карандашом в финале *P2* сокращена заключительная фраза: «...чтобы добывать себе жизнь умелыми руками» вместо «...чтобы добывать себе жизнь умелыми

руками, под золотыми головами храмов и вождей» (Л. 5). Но, как представляется, почти сразу это вычеркивание было отменено (фраза приведена к первоначальному виду неустановленным лицом, фиолетовыми чернилами).

Большей частью радиорассказы, задействованные в *CP*, известны по этому единственному источнику. Исключение составляет *P5*, представленный в архиве Платонова листами двух экземпляров машинописи той же закладки, что и находящаяся в составе *CP* (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 20, с. 1; Там же. Ед. хр. 97. Л. 1–4, с. 1–4). Очевидно в этой связи, что остальные радиорассказы также печатались более чем в одном экземпляре и, следовательно, объем утраты материалов, относящихся к творчеству Платонова в области радиовещания в целом, очень велик.

Все радиорассказы из состава *CP* датируются концом 1928 г. Сюжет *P6* о чтении «книжек Ленина» самым тесным образом связан с выходом из печати восьмого «Ленинского сборника» (см. сообщение об этом в газете «Правда» от 11 ноября), что позволяет датировать этот радиорассказ концом ноября – декабрем 1928 г. Поскольку рассказы радиоцикла исполнялись с интервалом в одну неделю, *P1* должен был прозвучать в эфире на 5 недель ранее *P6*. Также указание на 1928 г. содержится непосредственно в тексте *P2*: «Макар ездил на поездах девять лет тому назад, в девятнадцатом году» и «нынче <...>, как и девять лет тому назад, сел в поезд не спросясь».

Точное время преобразования радиорассказов в «Усомнившегося Макара» неизвестно, определяется предположительно, на основе даты первой публикации.

Работая над *CP* в 1929 г., Платонов вносил необходимые изменения и дополнения преимущественно карандашом, но в *P2*, *P3*, *P4* встречаются также исправления чернилами, относящиеся, впрочем, к тому же времени, что и карандашные.

Экспозиция *CP*, начиная от заглавия до слов «...а у меня за жеребенком погнаться некому» включительно, была написана писателем от руки, простым карандашом на листе бумаги в линейку (*CP*. Л. 1–1 об.). Лист с новой экспозицией заместил две первые страницы *P1*, содержание которых чем-то не соответствовало замыслу «Усомнившегося Макара». О возможных отличиях исходного и нового текстов остается лишь догадываться по небольшому фрагменту, вычеркнутому вверху 3-й страницы *P1* (*CP*. Л. 2):

«— Митька, — закричал из толпы подбежавший мальчишка, обращаясь к Мозговому, — твой стригун на борону напоролся!

— Где? — упавшим голосом спросил Мозговой, хватаясь за портфель.

— У Ерощкиного двора, — доказывал с радостью мальчонка, — его дяди Макара Розка испугала, а он как шарахнется, да прямо на борону и грохнется!»

Именно в экспозиции *CP* Макар наделяется фамилией Ганушкин, вместо известной по зачинам радиорассказов — Прохоров. Одновременно Мозговой начинает именоваться Чумовым, и далее по тексту проводится последовательное исправление фамилий.

Также претерпевает значимую смысловую правку финал *P1*; вместо заключительной фразы «С тех пор Макар бросил всякие технические устройства и подался в Москву на заработки» вписывается «И здесь Чумовой

оштрафовал Макара ~ под рачительным попечением товарища Чумового» (СР. Л. 3).

Редктируя следующие части СР (деление на части совпадает с границами радиорассказов), Платонов вносит относительно небольшую стилистическую правку. Наиболее существенные дополнения на этом этапе: реплика «Чего же ты будешь здесь работать ~ проговорил стражник» (СР. Л. 8), добавленная в диалог Макара и стражника «вечного дома», и предложение «Милицционер достал книжку ~ и сказал тот адрес благодарному Макару» (СР. Л. 11). Также фраза «...а рабочий будет только держать трубу и не уставать — а думать» была исправлена на «...а рабочий будет только держать трубу и не уставать, этим самым не позволяя переходить золотой силе ума в чернорабочие руки» (СР. Л. 10).

Наибольших творческих усилий от Платонова потребовал финал рассказа, который, как и экспозиция, был написан простым карандашом. После заключительного предложения Р6 «Тем более, что им обоим предстояло идти бороться за ленинское и общебедняцкое дело» (СР. Л. 19) Платонов обозначил звездочками начало нового раздела и дописал ниже и далее на обороте листа машинописи фрагмент о деятельности Петра и Макара в Рабоче-крестьянской инспекции, ставший заключительной частью «Усомнившегося Макара».

Как выглядела полная последовательность радиорассказов о Макаре Прохорове, неизвестно, — вполне возможно, что она в начале 1929 г. имела какое-то продолжение, выходящее за пределы СР (см. об этом примеч. к рассказу «Отмежевавшийся Макар», с. 542–543 наст. изд.). В такой ситуации невозможно определить, является ли финал «Усомнившегося Макара» переломкой еще одного радиорассказа из утраченного продолжения цикла или создан при работе над СР.

Завершив работу со сводной рукописью, Платонов передал ее машинистке, сделав в верхнем левом углу первого листа запись о требуемом количестве копий: «2 экз<емпляра> на одной стороне листа». Ни одна из выполненных машинописей не сохранилась.

Следующий этап правки был осуществлен в ходе публикации «Усомнившегося Макара», в неизвестной нам рукописи — возможно, в одной из заказанных Платоновым машинописей, или даже в гранках, при подготовке публикации в журнале «Октябрь».

Самые большие изменения коснулись диалогов Макара с «рябым Петром» в 5-й и 6-й частях рассказа. Прежде всего, в 5-й части был значительно сокращен диалог, состоявшийся при знакомстве героев. Фраза Петра: «Работающих пролетариев много, а думающих мало, — я наметил себе думать за всех», — единственное, что осталось от следующего пространного рассуждения об ослах и верблюдах:

«— Потому что я не верблюду, я был в Месопотамии и видел там ослв — высокое существо, лучший пролетарий посреди скотов...

Макар ничего не понимал в верблюдах и ослах — он любил лишь механизмы и уважал человека. Но рябой, будучи ленивым и оттого рассудительным, сам объяснил свое умственное воззрение:

— Я устал от прошлой жизни, — сказал рябой. — Понял ты? А осел, когда устанет, ни за что не будет трудиться — он честный рабочий, его, брат, не поугнетаешь; его бей не бей, он умрет, а с места не сдвинется, потому что он сознательный пролетарий и от него буржуазия не потолстеет...

Макар соглашался: он видел ослов на картинках — смиренные существа и должно быть умные в своей глубине.

А рябой говорил дальше, потому что он давно решил, что работающих пролетариев много, а думающих мало — и он назначил себя думать за всех.

— Ослы умней слонов, — говорил рябой. — Если бы пролетарии были как ослы, никакой буржуазии бы никогда не произошло — имей в виду! Попробуй осла заставить работать сверх его желания и потребности — он тебе не позволит! А наш пролетарий — не осел, а верблюд, — он тебе не ест, а работает. Знаешь, верблюд ест кустарник, пьет песок, а сам все идет и груз везет. А дело в осле, а не верблюде» (СР. Л. 15–16).

Исключение данного фрагмента повлекло за собой переделку финала 5-й части. Вариант: «— Ага, тогда пойдем, стало быть, со мной ~ чтобы найти свое назначение», — появился вместо:

«— Ага, — обрадовался рябой, — а кто тебе горе организовал? Верблюды, дьяволы, а не ослы!

— Должно, они, — согласился Макар.

— Ну вот, и пойдем, стало быть, искать ослов, — предложил рябой.

И Макар поднялся, чтобы идти с рябым искать ослов среди верблюдов» (СР. Л. 16).

6-я часть была значительно расширена за счет дописанной вставки: «Едущие и пешие стремились вперед, имея научное выражение лиц ~ иначе ты с тонкой линии неминуемо треснешься вниз».

В журнальной редакции рассказа Платонов последовательно заменил эпитеты, характеризующие руки и голову, т. е. мастеровитость и ум, действующих лиц. В СР упоминание рук всегда сопровождалось эпитетом «золотые», а голова именовалась «пустой». В окончательном тексте обнаруживаются следующие замены: «имея порожнюю голову над умными руками» вместо «имея пустую голову над золотыми руками»; «своими умными руками и безмолвной головой» вместо «своими золотыми руками, а не пустой головой»; «Чего же ты обманул меня, стихийная твоя голова!» вместо «Чего же ты, обманул, пустая голова!»; «их свободная умная сила пошла в его порожнюю емкую голову» вместо «их свободная золотая сила пошла в его пустую голову»; «только грамотные руки, а голова — нет» вместо «только золотые руки, а голова пустая»; «красной силе ума» вместо «золотой силе ума»; «имея лишь любопытные руки под неощутимой головой» вместо «имея лишь золотые любопытные руки под пустой головой». Нетронутым осталось лишь указание на «золотой гос-ум» Чумового в самом конце рассказа, но в личном экземпляре журнала Платонов исправил «золотой» на «организационный». Примечательно, что эта же маркирующая характеристика была использована А. Новиковым в романе «Республика победителей (Хроника волжских событий)», написанном на рубеже 1928–1929 гг. (РГАЛИ. Ф. 619. Оп. 1. Ед. хр. 1398; не опубликован). Касательно одного из главных героев «Республики...», Степана Фомича Тынова, в самом начале

романа сообщается, что жена его «не однажды слышала от мужиков, что у ее мужа при пустой голове — золотые руки» (С. 46).

Отмеченные выше изменения с большой долей вероятности могут быть отнесены на счет свободной авторской воли, тогда как некоторые другие исправления текста заставляют думать о цензурном давлении на писателя. Так, во 2-й части после первого абзаца было убрано являвшееся отдельным абзацем предложение: «И Макар ехал, радуясь богатству советской власти, которая возит бесплатно неизвестных людей» (СР. Л 4). В последнем предложении этой же части «И Макар тронулся в направлении башен ~ чтобы добывать себе жизнь умелыми руками, под золотыми головами храмов и вождей» (СР. Л. 5), вызывавшем нарекания еще на этапе радиорассказа, точка была поставлена после слов «добывать себе жизнь» (в своем личном экземпляре журнала Платонов дописал сокращенное окончание «под золотыми головами храмов и вождей», без указания «умелыми руками»).

В начале 5-й части после слов «умевшей думать, когда руки были не заняты» снята заключительная часть рассуждений Макара: «Сколько мужиков должны зря жить на свете, чтобы здешние люди не умерли с голоду!» (СР. Л. 12) Также сокращен ответ пролетариев на речь Макара в ночлежном доме, от: «Нам не кишка нужна — ты нам душу изобрази. Нам сила не дорога — мы и по мелочи дома поставим» (СР. Л. 14) оставлено лишь второе предложение.

В 6-й части высказывание Петра: «А так, — сообщил знающий Петр. — Мужик живет по арифметике: сеет, жнет и жрет. Получается сложение и умножение. А потом он опять нуждается и размножается, — выходит вычитание и деление. А в больших городах того нет — тут наука и высшая математика. Иной одну мысль напишет на квитанции, — за это его с семейством целых полтора года кормят...» (СР. Л. 17), — сократилось до: «А так, — сообщил знающий Петр. — Иной одну мысль напишет на квитанции, — за это его с семейством целых полтора года кормят...»

Несколько исправлений было внесено в ленинский сюжет рассказа. Во фразе: «Ленина и то могли замучить учреждения, а мы ходим и лежим, а Ленина спасти не можем» (СР. Л. 19), — точка ставится после слов «ходим и лежим». Из текста исчезает повторная отсылка к резким ленинским высказываниям: «а завтра мы с тобой пойдем в любую контору и скажем, что они — дерьмо и дураки, а мы рабочие и крестьяне» (Там же) изменяется на «а завтра мы с тобой пойдем в любую контору и скажем, что мы рабочие и крестьяне». И, наконец, «Сядем с тобой в учреждение и будем хлеб есть от государства. — Да уж пора, — согласился Макар. — До каких пор они там против Ленина будут идти?» (Там же) сокращается до: «Сядем с тобой в учреждение и будем думать для государства», — с красноречивой заменой «хлеб есть от государства» на «думать для государства».

Последовательная замена коснулась упоминаний о пролетариате в 3-м абзаце 5-й части рассказа. Здесь слово «пролетариат» было заменено на «бедный класс»: «бедный класс в ночное время преклонял свою голову» вместо «пролетариат в ночное время преклонял свою голову»; «бедный класс преклонял свою голову ночью на простую землю» вместо «пролетариат преклонял свою голову ночью на простую землю»; «голова бедного класса

отдыхала на подушке» вместо «голова пролетариата отдыхала на подушке»; «не беспокоил волос на голове бедняка» вместо «не беспокоил волос на голове пролетария».

В той же части приснившийся Макару «умнейший человек» превратился в «научного человека»: «на той горе стоял научный человек» вместо «на той горе стоял самый умный человек»; «глядел на научного человека» вместо «глядел на самого умнейшего человека»; «Лицо ученейшего человека было освещено заревом» вместо «Лицо умнейшего человека было освещено заревом»; «Научный молчал» вместо «Ученейший молчал»; «Научный человек молчал по-прежнему» вместо «Ученейший человек молчал по-прежнему»; «в него входил страх перед неподвижно-научным» вместо «в него входил страх перед неподвижно-умнейшим»; «Макар долез до образованнейшего» вместо «Макар долез до умнейшего».

Обнаруживается и ряд относительно незначительных исправлений текста: «сначала в союз рабочих записаться, сквозь классовый надзор пройти» вместо «сначала в союз рабочих записаться»; «но отказался от билета, так он решил жить вперед и безвозвратно» вместо «но отказался от билета»; «довольно миловидной и передовой девицы» вместо «довольно миловидной девицы»; «шло большое многообразие женщин, одетых в тугую одежду, указывающую, что женщины желали бы быть голыми; также много было мужчин, но они укрывались более свободно для тела» вместо «шло множество женщин, одетых в тугую одежду, и мужчин, укрытых более свободно для тела»; «Великие тысячи других женщин и мужчин, жалея свои туловища, ехали в автомобилях» вместо «Великие тысячи других женщин и мужчин ехали в автомобилях»; «скрежетали от живого веса людей, но терпели» вместо «скрежетали от живого веса людей».

При публикации рассказа по неизвестной причине исчезло разделение между частями 5 и 6; в настоящем издании восстановлено.

История публикации «Усомнившегося Макара» в подробностях неизвестна. Установлено лишь, что в какой-то момент рукопись побывала в редакции журнала «Новый мир», но была отклонена (РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 4. Ед. хр. 62. Л. 2). Возможно, к «Усомнившемуся Макару» относится обмен мнениями в письмах Н. Замошкина и В. Полонского в сентябре 1929 г. Пересылая рукописи, представленные в «Новый мир», на рассмотрение Полонскому, отдыхавшему в Гаспре, Замошкин отметил: «Самая ценная и даже безусловно ценная вещь — рассказ Платонова, но и наиболее спорная», на что получил следующий ответ: «Конечно, Платонов талантлив и остер. Но рассказ тот ведь нельзя сейчас печатать в “Н<овом> М<ире>»» (РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Ед. хр. 178. Л. 19; Там же. Ф. 2569. Оп. 1. Ед. хр. 339. Л. 15). Если подобное предположение верно, то вопрос о публикации рассказа в «Октябре», после отказа «Нового мира», должен был решаться практически в экстренном режиме, что, впрочем, не противоречит известным обстоятельствам.

В силу того что ответственному редактору «Октября» А. Серафимовичу по его просьбе был предоставлен отпуск для литературной работы, временно исполняющим обязанности ответственного редактора был утвержден А. Фадеев (РГАЛИ. Ф. 457. Оп. 1. Ед. хр. 457. Л. 16). В этом качестве он появляется

в составе редколлегии начиная с № 8. Журнал выходил с существенным опозданием еще с весенних выпусков, в результате чего, например, № 7 вышел в конце августа, а № 8 — в конце сентября (см.: Известия. 24 авг. и 28 сент.). Вполне возможно, что Фадеев попытался уменьшить отставание, ускорив выход одного из номеров: о выходе из печати № 9 в «Известиях» было сообщено уже 13 октября. При этом объем № 9 оказался самым маленьким — всего 160 страниц, тогда как остальные выпуски 1929 г. включали более 200 страниц, и лишь три, не считая № 9, не преодолели этой отметки, но все же вплотную к ней приблизились (196, 198, 199 страниц). Кажется вероятным, что в спешке возможный риск от публикации «Усомнившегося Макара» был недооценен, тем более что не так давно Платонов благополучно выступил на страницах «Октября» (№ 6) с рассказом «Государственный житель».

Фадеев ретроспективно упомянул о ситуации с «Макаром» чрезвычайно кратко; в самом конце ноября или в начале декабря 1929 г., находясь в доме отдыха ЦЕКУБУ («В дом отдыха загнала меня неврастения в очень острой форме...»), в письме к своей давней знакомой Р. Землячке он сообщил: «...в “Октябре” я прозевал недавно идеологически двусмысленный рассказ А. Платонова “Усомнившийся Макар”, за что мне поделом попало от Сталина, — рассказ анархистский; в редакции теперь боятся шаг ступить без меня» (Фадеев А. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. М., 1961. С. 304). Возможно, соответствующий разговор со Сталиным произошел 22 октября 1929 г.; именно в этот день Фадеев упомянут среди лиц, принятых в Кремле (На приеме у Сталина: Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). М., 2008. С. 31).

Вмешательство на столь высоком уровне с неизбежностью повлекло за собой первую в биографии Платонова массивную критическую кампанию, рядом с которой только что завершившийся диалог с В. Стрельниковой (подробно об этом см. примеч. к статье «<Против халтурных судей (Ответ В. Стрельниковой)>», с. 775–779 наст. изд.) отошел далеко на задний план. 11 ноября 1929 г. на заседании секретариата комфракции РАПП было принято решение: «...констатировать ошибку, допущенную редакцией “Октября” напечатанием рассказа Андрея Платонова “Усомнившийся Макар”. Предложить редакции принять меры к исправлению ошибки. Выступить в “На литпосту” с соответствующей статьей» (Галушкин А. Андрей Платонов — И.В. Сталин — «Литературный критик» // Страна философов, 2000. С. 816). Воплощением этого постановления явилась статья генерального секретаря РАПП Л. Авербаха «О целостных масштабах и частных Макарах», опубликованная в 1929 г. в газете «Правда» (3 дек. С. 4), журналах «На литературном посту» (№ 21–22. С. 10–17) и «Октябрь» (№ 11. С. 164–171).

Макар у Авербаха получил следующую характеристику: «Это — мелкий буржуа, еще не успокоившийся, еще не обеспечивший себе безмятежного пользования “куском хлеба с маслом” <...>. Это — мелкий буржуа, которого тревожат, которому не дают существовать по “непреложным” законам жизни, которого поставили в такие условия, где привычная практическая сметка начинает все чаще давать осечку. Это, иначе говоря, тот “нигилист” эпохи выкорчевывания корней капитализма, который пролетарской организованности

противопоставляет мелкобуржуазную расхлябанность и распушенность, который социалистической идейности противопоставляет иронию и издевку антиобщественного индивидуалиста» (*На лит. посту*. С. 15).

Особое возмущение у критика вызвали: требование «изобретения души» для пролетариата, сон Макара, «злое восприятие города и горожан» в разговорах Макара и Петра, рассуждения о Ленине и его «книжках» в 6-й части рассказа и финал — деятельность Петра и Макара в РКИ. Для выявления идейных связей «Макара» в современной и дореволюционной литературе были привлечены «Бод» К. Зелинского, «Отцы и дети» И. Тургенева (вернее, писаревская интерпретация Базарова из статьи «Базаров»), трагедия «Командарм 2» И. Сельвинского, стихотворения И. Молчанова «Свидание», В. Кириллова «Был вечер, как вечер. Кричали моторы...» и «Не разрывай единый круг...». Кроме того, в одной из сносок к тексту Авербах вспомнил о «Красном дереве» Б. Пильняка. «Бод», «Свидание» и «Красное дерево» к тому времени уже и сами по себе были подвергнуты серьезной критической проработке.

Завершалась статья прямой угрозой в адрес проштрафившегося автора: «Писатели, желающие быть советскими, должны ясно понимать, что нигилистическая распушенность и анархо-индивидуалистическая фронда чужды пролетарской революции никак не меньше, чем прямая контрреволюция с фашистскими лозунгами. Это должен понять и А. Платонов» (*На лит. посту*. С. 17).

Впервые Платонов ознакомился со статьей Авербаха 3 декабря в газетном варианте «Правды», где текст был ужат почти в два раза, не в ущерб, однако, разоблачительному пафосу. Статья произвела на Платонова столь тягостное впечатление, что в деловой записке к А. Ступникуру от того же числа он не удержался от сеговетания: «...статья Авербаха берет меня не за разум, а за ухо. Самое грустное для меня — сопоставление с Бодом и Сельв-Зелинским. Я этих людей уважаю как литераторов, но не люблю тех, кого они выражают, — советских дельцов-американцев» (*Письма*. С. 269). На творческом вечере в феврале 1932 г. Платонов нашел для описания своих чувств другое емкое определение: критика Авербаха «глубоко и мучительно тронула» его (*Воспоминания*. С. 295).

Полностью статья Авербаха увидела свет в журнале «На литературном посту» (№ 21–22) в середине декабря (см. извещение о выходе в газ. «Правда» от 16 дек.), а замыкала эту череду публикация в продолжавшем запаздывать с выходом «Октябре» (№ 11), где сопровождалась покаянным сообщением «От редакции»: «Редакция разделяет точку зрения т. Авербаха на рассказ “Усомнившийся Макар” А. Платонова и напечатание рассказа в журнале считает ошибкой» (в редколлегию журнала помимо Фадеева и Серафимовича на тот момент входили: А. Исбах, А. Караваева, Г. Корабельников, Ф. Панферов, М. Светлов, М. Шолохов). Ограничиться лишь этим было бы невозможно, и редколлегия «Октября» пришлось извиняться за допущенную ошибку и далее. Так, на расширенном заседании секретариата правления РАПП 26 марта 1930 г. о случае с «Макаром» не мог не упомянуть в своей речи член редколлегии журнала Г. Корабельников: «Однако при всей правильной общей политической установке журнала не обошлось в работе

редакции «Октября» без ошибок. Политически ошибочным было помещение рассказа Андрея Платонова «Усомнившийся Макар». Товарищи, наверно, читали и рассказ, и ту критику, которую сам журнал дал этому рассказу впоследствии. Ошибочная сущность этого рассказа заключена в том, что в нем вместо борьбы с бюрократическими извращениями государственного аппарата выражено мелкобуржуазное, анархистствующее бунтарство против самого пролетарского государства» (Журнал «Октябрь» в реконструктивный период // Октябрь. 1930. № 5–6. С. 236).

Сопоставление вариантов статьи Авербаха выявляет некоторые различия, не слишком, впрочем, многочисленные. Наиболее существенное из них — добавление в публикацию «На литературном посту» отсутствующей в «Правде» и «Октябре» отсылки к «Красному дереву» Пильняка («Не звучит ли это чтение Ленина именно в “душевной больнице” как своеобразная переключка с охломонами из пильняковского “Красного дерева”, где-то под землей в каких-то пещерах, вдали от людей вспоминающими период гражданской войны и переживающими патетическое и потрясающее значение имени Ленина»). Также здесь после цитаты из ленинской статьи «Очередные задачи советской власти», словно реализуя предложенный в «Усомнившемся Макаре» способ чтения ленинских текстов, был добавлен комментарий: «Можно подумать, что Ленин писал это непосредственно против Платонова». Эти и некоторые другие признаки указывают на то, что именно литпостовский вариант статьи о Платонове был включен в сборник статей Авербаха «Из рапповского дневника» (подписан к печати 18 ноября 1931 г.). В «злободневном послесловии» к книге критик не без чувства удовлетворения позволил себе указать, что после публикации «Впрок» основная характеристика Платонова, данная в статье 1929 г., подтвердилась (С. 195).

Свои мысли по поводу авербаховской критики Платонов развил в открытом письме, предназначенном для «Правды», но оставшемся неопубликованным: «Рассказ именно так был и задуман, чтобы ясно обнажить частного Макара, потому что он еще живет на свете, и я не мог о нем не написать, и еще потому, что Макар бессознательный враг социализма, но потенциальный друг и участник его. Это переходная, идущая вперед фигура живет на советском свете весьма многочисленным количеством. Его, человека типа Макара, весьма важно разглядеть и познать, чтобы помочь ему измениться в социалистическую сторону. То, что сказал Л. Авербах, я знал еще до написания рассказа. Но Авербах напрасно так пишет статью, что меня можно понять как единомышленника Макара. Я несколько сознательней его. А то, что я пишу о Макаре сочувственно, так ведь сочувствие есть способ честности в искусстве. <...> Словом, обвинения Макара в анархизме и мелкобуржуазности вполне уместны: Макар родился и вырос в крестьянской России. Не могу же я писать иначе, чем чувствую и вижу. Но надо еще писать, что хочет мой класс, — этого действительно я пока не умею, а учат меня этому не добрым советом, а “за ухо”. Но можно выучиться и стерпя боль, и помимо учителей. Перенос чувств и мыслей Макара на меня — это лежит вне литературной критики, я не герой своего рассказа, а всего лишь автор его, старающийся дать полную “волю” изображаемым людям, дабы тем лучше читатель увидел и ориентировался» (Письма. С. 272–273).

Своеобразным ответом Авербаху, данным в художественной форме, явился также рассказ Платонова «Отмежевавшийся Макар» (см. с. 71 наст. изд.).

Параллельно с Авербахом в конце 1929 г. об «Усомнившемся Макаре» высказался некий М. Бойков в комсомольском общественно-политическом двухнедельнике областного комитета ВЛКСМ «Молодой большевик» (Не сдавайте классовых позиций (Заметки читателя) // № 20. С. 62–64). Критика Бойкова была гораздо менее изощрена; при этом в его тексте не имеется никаких признаков знакомства со статьей Авербаха, что позволяет предположить относительную автономность и самостоятельность этих «заметок читателя». Наблюдения «читателя» касались в основном преемственности между «Усомнившимся Макаром» и напечатанным ранее очерком «Че-Че-О»: «Прошло 9 месяцев со дня напечатания А. Платоновым очерка “Че-Че-О” <...>. Писатель за этот срок не сдал своих позиций, он по-прежнему издевается и злопыхательствует против мероприятий и политики нашей партии и советской власти. <...> В “Усомнившемся Макаре” Андрей Платонов в иносказательной и не столь откровенной форме возвращается к вопросу, поставленному в “Че-Че-О”: “а что же такое советская власть?”, какова природа советского государства? Под видом борьбы с бюрократизмом Андрей Платонов подносит читателю мысль о том, что частные коррективы ни к чему не ведут, от них ничего не меняется. <...> Показ советских учреждений дан в анекдотическом стиле, и в рассказе красной нитью проходит идея, что работа советских учреждений идет впустую. В “Усомнившемся Макаре” вместо подлинной обрисовки бюрократизма дано неубедительное и дешевое преувеличение его. <...> По Платонову наши учреждения не только обладают недостатками — значительными недостатками, — но вообще бесплодны и бесцельны».

Критика «Усомнившегося Макара» продолжилась в наступившем 1930 г.; заглавие рассказа перешло в разряд нарицательных, не требовало особых пояснений и с легкостью встраивалось в перечни крамольных произведений других авторов, см.: «Урок “Барабанщиков и фокусника Мацуками” Вс. Иванова, как и “Усомнившегося Макара” Андрея Платонова, служит серьезным предостережением для писателей-сатириков, легкомысленно относящихся к классовой направленности своего творчества» (*Селивановский А.* Оппортунизм под левой «маской» (Об альманахе «Удар за ударом») // *На лит. посту.* 1930. № 1. С. 38); «В той части, где “живописуются” городские нравы, “Красное дерево” смыкается с такими вещами, как “Причины происхождения туманностей” Андрея Новикова и “Усомнившийся Макар” А. Платонова. Эти вещи отличаются маскировкой под сатиру, в которой чувствуется несомненная нужда. Но маски слишком прозрачны, и критика легко обнаруживает в этой “сатире” самое настоящее злопыхательство» (*Друзин В.* Итоги литературного года // Альманах. 1930. № 1. С. 89). Близость «Усомнившегося Макара» с повестью «Причины происхождения туманностей» А. Новикова (опубликована в № 2 журнала «Красная новь» в начале марта и выпущена отдельным изданием в конце июля 1929 г.) была отмечена критиками неоднократно: «Развитие пролетарской литературы <...> сопровождается частичными неудачами, отдельными провалами, подчас искривлениями классовой

линии. В отдельных случаях мы имеем примеры создания писателями-рабочими произведений, отражающих настроения и колебания мелкой буржуазии (А. Новиков “Причины происхождения туманностей”, А. Платонов “Усомнившийся Макар”)) (Новые задачи // Правда. 1930. 31 янв. С. 3; передовица страницы «Литературный фронт», без подписи); «Об Андрее Новикове стали говорить с появлением повести “Причины происхождения туманностей”. <...> Неудовлетворенностью своего сатирического изображения бюрократизма Новиков перекликается с А. Платоновым, написавшим рассказ “Усомнившийся Макар”, исполненный безудержной издевки над советской действительностью» (Рясенцев Б., Гурвич В. О молодых «перевальских» писателях // Резец. 1930. № 17. Июнь. С. 15).

В начале 1931 г. имя Платонова попало в большую теоретическую статью И. Альтмана «Из биографии “живого человека” (К вопросу о творческом методе пролетарской литературы)», направленную против концепции «живого человека» В. Ермилова: «Тов. *Авербах* совершенно справедливо бил тех, кто “частного Макара” пытается превратить во всеобщий идеал, поставив его в центр мира, а самый мир превращая в малюсенькую “свою” деревню. <...> Автор статьи “О целостных масштабах и частных Макарах” дал *убийственную* характеристику “живому человеку” Ермилова. Он хорошо вскрыл “гуманизм”, индивидуализм, “сердце” и “душу” “живого человека”. <...> Все это племя “живых людей”, начиная со “сверхобъективиста” Перверзева, Воронского и кончая Макаром Платонова, борется в рядах субъективизма против ленинской теории и практики. Макара и подобных ему “героев” родил и воспитал антиленинский *позитивистический лозунг* “живого человека”. <...> Позитивистам никогда не была понятна диалектика, в частности диалектика взаимоотношений “личности и общества”, отдельного человека и всего класса. Статья “О целостных масштабах и частных Макарах” *неслучайно* осталась незамеченной позитивистом Ермиловым. Последний с ней *не может и не хочет согласиться*, так как он целиком стоит на позициях “душевного и сердечного живого человека”» (Литература и искусство. М., 1931. № 2–3. С. 15).

Вместе с тем публикация в апреле 1930 г. очерка Платонова «Первый Иван» (см. примеч. к очерку, с. 549 наст. изд.) послужила, вероятно, относительной реабилитации писателя. Так, критикуя «идеологические провалы» вышедшей в конце 1929 г. книги Платонова «Происхождение мастера», критик М. Майзель выразил осторожный оптимизм по поводу «Первого Ивана», добавив ради этого объемный постскрипtum к уже набранной статье: «Мы не станем поспешно провозглашать положительное творческое перерождение писателя. Как ни хорошо написан “Первый Иван”, но это *очерк*, и как таковой он не может дать достаточно веских и полноценных оснований для серьезных заключений об изменении *всей творческой личности* писателя. Однако “Первый Иван” бесспорный симптом “выздоровления”. Это, как хочется нам думать, начало отхода от той дороги, на которой направляющей вехой до сих пор являлся “Усомнившийся Макар”» (Майзель М. Ошибки мастера // Звезда. 1930. № 4. С. 202).

После напечатания «Впрок» подобных иллюзий у критиков больше не возникало, и место «Усомнившегося Макара» в творчестве Платонова было

обозначено окончательно и бесповоротно: «Читатель помнит очерк “ЧЧО” (написанный им совместно с Б. Пильняком), читатель не забыл “Усомнившегося Макара”, читатель сохранил в памяти обывательски-анархистствующую издевку Платонова над массами, строящими социализм, над диктатурой пролетариата. <...> Платонов есть *анархистствующий обыватель*, все более отчетливо превращающийся на деле в *литературного подкулачника*. Юродствуя и кривляясь, он дал себе правильную характеристику. Путь от “ЧЧО” и “Усомнившегося Макара” к “Бедняцкой хронике” завершен». (*Селивановский А.* В чем сомневается Андрей Платонов // *ЛГ.* 1931. 10 июня. С. 3); «Однажды Платонов опубликовал в “Октябре” рассказ — “Усомнившийся Макар”, вызвавший отпор советской общественности. Урок, как видно, не был усвоен писателем и не пошел ему впрок. Так и запишем». (*Ханин М.* Пасквиль на колхозную деревню // *За коммунистическое просвещение.* 1931. № 137. 12 июня. С. 3); «“Впрок” А. Платонова является идеологическим развитием его очерка “ЧЧО”, его “Усомнившегося Макара”, который также характеризуется издевкой над социалистическим строительством (*Березов П.* Под маской // *Пролетарский авангард.* 1932. № 2. С. 168–182).

В ситуации с «Впрок» потребовалось прямое публичное высказывание Фадеева, допустившего уже вторую «ошибку» с одним и тем же автором, и Фадеев в полной мере показал владение арсеналом напостовской критики: «Всякий, знающий классовую борьбу в нашей деревне и участвовавший в ней, знает этот тип хитрого, пронирыливого классового врага, знает, как часто пытается кулак надеть маску “душевного” бедняка. Одним из кулацких агентов указанного типа является писатель Андрей Платонов, уже несколько лет разгуливающий по страницам советских журналов в маске “душевного бедняка”, простоватого, беззлобного, юридивого, безобидного “усомнившегося Макара”. Он сыплет шуточками, прибаутками, занимается нарочитым и назойливым косноязычием. Но, как и у всех его собратьев по классу, по идеологии, под маской простоватого “усомнившегося Макара” дышит звериная, кулацкая злоба, тем более яростная, чем более она бессильна и бесплодна. Коммунисты, не умеющие разобраться в кулацкой сущности таких “художников”, как Платонов, обнаруживают классовую слепоту, непростибельную для пролетарского революционера...» (Об одной кулацкой хронике // *Известия.* 1931. 3 июля. С. 3).

Связка «Усомнившийся Макар» — «Впрок» всплывала при любом обострении ситуации вокруг творчества Платонова. В марте 1935 г. оргсекретарь СП СССР А. Щербаков в речи на пленуме Союза писателей напомнил: «Товарищи, вероятно, помнят, что Андрей Платонов является автором произведений “Впрок”, “Усомнившийся Макар” и др. В этих произведениях Андрей Платонов с кулацких позиций обстреливал индустриализацию, коллективизацию, протаскивал идейки о перерождении партийных кадров» (*ЛГ.* 1935. 10 марта. С. 3).

Весной 1937 г. критик В. Дроздов, отчасти даже признавая достоинства нового рассказа Платонова «Бессмертие», не смог обойтись без следующего пассажа: «Душный творческий мир Платонова и метод его “стихийствующего” письма не мог не привести к ряду тяжелых, опустошающих, бедственных ошибок. Этот своеобразный писатель, запутавшись в ловушках своего

худо воображенного мира, зашел в тупик. Живя в нем, идти дальше было некуда. Повести “Усомнившийся Макар” и “Впрок”, появившиеся в эпоху коллективизации, отчетливо играли на руку классовому врагу» (Выход в счастье // ЛГ. 1937. 10 марта. С. 5).

На фоне этих поверхностных, уже практически символических упоминаний особой дотошностью выделился разбор «частного Макара», проведенный критиком А. Гурвичем в работе «Андрей Платонов»: «В 1929 году в заслужившем дурную славу рассказе “Усомнившийся Макар” Платонов выдвинул проблему о целостном масштабе и о частном Макаре. Государство, — утверждал Платонов, — печется о человечестве, а нужно думать не о человечестве, а о человеке, не о целостных масштабах, а о частном Макаре. <...> Усомнившийся Макар, Пухов, Яков Саввич (“Нужная родина”), Захар Павлович (“Происхождение мастера”) — все это разные имена одного и того же человека. <...> Платонов всем своим творчеством безвыходно и непримиримо противопоставляет душу телу, духовное — материальному, личность — социалистическому государству, природу — социалистической культуре. Было бы неуместно и несвоевременно пересматривать мировоззрение давних героев Платонова: Пухова, Захара Павловича, усомнившегося Макара, Дванова и других, если бы все последующие произведения писателя, в том числе и последние его рассказы, не были либо прямым повторением откровенного платоновского анархо-индивидуализма и цинизма, либо его обратной стороной. <...> Старые герои Платонова вопили о том, что революция ущемляет душу человеческую, опустошает сердце, но разве в “Бессмертии” не утверждается, что для служения обществу нужно “ущемлять и приспосабливать свою душу... и онеметь”? Разве “Фро” не есть та же старая жалоба героев “Усомнившегося Макара” на то, что социалистический труд не оставляет дыхания для песен сердца? Разве вопрос Макара: “Что мне делать в жизни, чтоб я себе и другим был нужен?” — не остается открытым, нерешенным во всех произведениях Платонова?» (Кр. новь. 1937. № 10. С. 193–194).

С. 43. ...и заботился не о хлебе, а о зрелищах... — Аллюзия на устойчивое выражение «Хлеба и зрелищ!» — возглас, выражавший основные требования римской толпы в эпоху Империи.

С. 44. ...у него в руках оказались коричневые глыбы железной руды. — Речь идет о разновидности бурого железняка, дерновой руде, образующейся и залегающей в заливных лугах, болотцах, мочежинах под слоем дерна, торфа, ила и т. п.

С. 45. ...залез в глубину механизма под вагон, и там лег на отдых... — Один из распространенных способов безбилетного проезда на железнодорожном транспорте.

С. 46. ...что же ты шейки горячими бросаешь! — Шейки — концевые части оси колесной пары; перегрев шейки — один из наиболее часто встречавшихся и опасных дефектов. Колесные пары с перегретыми шейками из эксплуатации изымались.

С. 48. ...милиционер поднял торцом вверх красную палку... — С 1922 по 1933 г. милицейский жезл был красным с желтой рукояткой.

С одного бока площади стояла стена, а с другого — дом со столбами. Столбы те держали наверху четверку чугунных лошадей... — Описание Театральной площади в Москве, ограниченной с одной стороны Китайгородской стеной, с другой — зданием Большого театра с квадригой Аполлона над портиком.

...стоял камень с надписью. — Речь идет об установленном 1 мая 1920 г. на Театральной площади, на месте будущего памятника К. Марксу, гранитном блоке с текстом «Первый камень памятника великому вождю и учителю всемирного пролетариата Карлу Марксу».

...пошел к реке и увидел постройку неимоверного дома. — Платонов делает Макара свидетелем строительства на Берсеневской набережной (на Болотном острове) Дома для ответственных работников ЦИК и СНК Союза ССР, ВЦИК и СНК РСФСР, в обиходе получившего название Дом на набережной. Забивка свай на месте будущих корпусов дома началась 1 июля 1928 г.

С. 50. — *Чего ж ты будешь здесь работать, когда ты пришел без всякого талона?* — Речь идет об отсутствии у Макара направления с Биржи труда.

Свайная бабка — свайный молот.

...надо бетон подавать наверх трубами... — Платонов предвосхищает идею монолитного бетонного строительства с использованием бетононасосов. В СССР подобные установки появились лишь в 1930-х гг.

С. 51. *Профсоюз помещался в еще более громадном доме...* — Профинтерн, ВЦСПС и Центральные комитеты профессиональных союзов размещались в так называемом Дворце Труда, занявшем бывший Императорский Воспитательный дом на ул. Солянка, 12.

...весь пролетариат должен твердо стоять на линии развития промышленности. — Платонов обыгрывает речевой шаблон эпохи. В общественной жизни того времени термин «линия» заменял собою «направление», «курс».

С. 52. *Дом тот оказался ночлежным приютом...* — Речь идет об одном из домов ночлега Московского управления недвижимыми имуществами (МУНИ), организации, ведавшей всеми строениями г. Москвы. В справочнике «Вся Москва» на 1927 г. перечислены дома ночлега по адресам: 1-й Дьяковский проезд, дом 4; Большая Дорогомиловская улица, дом 2; Нижний Гончарный переулок, дом 4; Садовническая улица, дом 37; Петровский бульвар, дом 12; 1-й и 2-й Барачные поселки на Потешной улице. По своей сути дома ночлега являлись общежитиями для строительных рабочих-сезонников.

С. 57–58. — *Наши учреждения — дерьмо, — читал Ленина Петр, а Макара слушал и удивлялся точности ума Ленина. — Наши законы — дерьмо. Мы умеем предписывать и не умеем исполнять. В наших учреждениях сидят враждебные нам люди, а иные наши товарищи стали сановниками и работают, как дураки... ~ И я не теряю надежды, что нас за это когда-нибудь поделом повесят...* — Платонов вкладывает в руки Петра вышедший в конце 1928 г. VIII Ленинский сборник, где впервые были напечатаны письма и заметки Ленина, объединенные антибюрократической темой. Среди них,

в частности, было следующее письмо А. Цюрупе касательно перестройки работы СНК, СТО и Малого СНК, ср.: «Главное, по-моему, перенести центр тяжести с писания декретов и приказов (глупим мы тут до идиотства) на *выбор людей и проверку исполнения*. В этом гвоздь. <...> Все у нас потонуло в паршивом бюрократическом болоте “ведомств”. <...> Ведомства — говно; декреты — говно. Искать людей, проверять работу — в этом все» (Ленинский сборник. VIII. М.—Л., [1928]. С. 64). Именно в письмах Цюрупе Ленин часто использует слово «сановник» применительно к управленцам высшего звена: «Нас затягивает поганое бюрократическое болото в писание бумажек, говорение о декретах, писание декретов, и в этом бумажном море тонет живая работа. Умные саботажники умышленно нас затягивают в это бумажное болото. Большинство наркомов и прочих сановников “лезет в петлю” бессознательно»; «Вам (и Рыкову) уделять *в первую голову* один или <...> два часа в сутки на личную проверку работы: вызывать к себе (или ездить) не сановников, а членов коллегий и пониже, деловых работников наркомата X, Y, Z, — и проверять работу, докапываться до сути, школить, учить, пороть всурьез. Изучать людей, искать умелых работников. В этом суть теперь; все приказы и постановления — грязные бумажки без этого» (Там же. С. 63); «Недоверие к декретам, к учреждениям, к “реорганизациям” и к сановникам, особенно из коммунистов; борьба с тинной бюрократизма и волокиты проверкой людей и проверкой фактической работы; беспощадное изгнание лишних чиновников, сокращение штатов, смещение коммунистов, не учащих делу управления всерьез, — такова должна быть линия наркомов и СНКова, его председателя и замов» (Там же. С. 66–67).

Последний пассаж взят из письма Ленина комиссару юстиции П. Богданову: «Мы не умеем гласно судить за поганую волокиту: за это нас всех, и наркомост сугубо, надо вешать на вонючих веревках. И я еще не потерял надежды, что нас за это когда-нибудь поделом повесят» (Там же. С. 56).

С. 58. РКИ — Рабоче-крестьянская инспекция (Рабкрин), система органов власти, занимавшаяся вопросами государственного контроля, возглавляемая Наркоматом рабоче-крестьянской инспекции.

...*краткий плакат: «Кто кого?»* — В верхней части плаката 1929 г. «Кто кого?» (он же «Догнать и перегнать») были изображены два параллельно мчащихся паровоза (красный и черный), в нижней части размещались сравнительные графики «Темпы роста производства за 5 лет в СССР и в капиталистических странах» по разным отраслям промышленности. Также на плакате имелись цитаты из речи И. Сталина «Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б)», произнесенной на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 г. («Либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также экономически... Либо погибнуть, либо на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей...»), и произнесенного им же 3 декабря 1927 г. политического отчета Центрального комитета XV съезду ВКП(б) («По темпу своего развития наша промышленность вообще, наша социалистическая промышленность в особенности, обгоняет и перегоняет развитые капиталистические страны»).

<РАССКАЗЫ ПРО НАСЕЛЕНИЕ В СЕЛЬСКИХ МЕСТНОСТЯХ>

Информация о цикле «Рассказы про население в сельских местностях» содержится в записке Андрея Платонова В.П. Полонскому, редактору «Нового мира» и соредактору «Красной нивы»: «Мои маленькие рассказы под названием “Рассказы про население в сельских местностях” убедительно прошу отдать для напечатания в “Красную ниву”»; записка написана 16 ноября 1929 г. (*Письма*. С. 267). Рассказов в цикле было предположительно четыре, и они имели порядковые номера; в настоящее время известны три из них. Вероятно, все рассказы изначально были написаны для передачи по радио (подробно см. примеч. к заметке «Круговорот. Как делается “Крестьянская Радиогазета”», с. 583–585 наст. изд.).

ВОСЬМЕРО НЕИМУЩИХ (с. 60). — *Страна философов*, 2003. С. 709–711. Публикация Е.В. Антоновой.

Датируется второй половиной 1929 г.

Печатается по автографу (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 95. Л. 1–7).

Автограф рассказа «Восьмеро неимущих» выполнен фиолетовыми чернилами, имеются отдельные стилистические исправления карандашом, карандашом же вписано последнее предложение. Рассказ написан для передачи по радио и имел соответствующее заглавие: «Послушайте рассказ, как стали жить восьмеро бедняков из деревни Крохово, не ожидая исполнения пятилетнего плана». Это название вычеркнуто карандашом и вписано: «2. Восьмеро неимущих».

С. 60–61. *Культурная революция случится ~ А когда ж она будет-то? — Через пять лет! ~ Один год уже прошел...* — Культурная революция. — одна из трех составляющих программы первой пятилетки по построению социализма в СССР: индустриализация, коллективизация и культурная революция. Первая пятилетка началась в октябре 1928 г.

АВТОДОР В ДЕРЕВНЕ УВЯЗКЕ (с. 63). — Публикуется впервые.

Датируется временем не позднее начала ноября 1929 г.

Печатается по машинописи (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 1–3).

В настоящее время известен один экземпляр машинописи рассказа. В машинописи перед названием проставлена цифра: «3. Автотор в деревне Увязке».

С. 63. *В Зиновьевском Логу грунт в пучину валится...* — Бездорожье, особенно в сельской местности, было серьезной российской проблемой с дореволюционных времен — см., например, рекламу Автотора в «Спутнике колхозника» (М., 1930): «Большое дело — борьба с бездорожьем. Уничтожение этого векового зла, оставшегося нам в наследие от старой грязной царско-помещичьей России, — основная обязанность автоторцев» (Страницы с рекламой не пронумерованы).

С. 64. ...*автодор нужен*. — «Автодор» — Общество содействия дорожному строительству и автомобилизации страны; существовало в 1927–1935 гг.; организовано в конце 1927 г.: «5 октября 1927 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР утвердил устав общества “Автодор” <...> Сразу же началась работа по созданию Автодора» (*Дмитриев В.* Год работы Автодора // За рулем. 1929. № 2. С. 1). Первые ячейки Автодора возникли в городах, и только в 1929 г. в центре проблемы оказалась деревня: «Все же, надо прямо сказать, что в прошлом году работа Автодора еще не проникла в гущу крестьянского населения. <...> Автодору много нужно сделать в 1929 г. в советской деревне» (Там же. С. 2). Призыв «подойти ближе к разрешению вопроса о продвижении идей Автодора в деревню» (*Зильперт Бор.* Автодор в деревню // За рулем. 1929. № 9. С. 9) в 1929 г. звучит постоянно. В мае – июне 1929 г. проводилась кампания по популяризации идей Автодора в деревне: «Проводимая Автодором “неделя” должна всколыхнуть широкие крестьянские массы и явиться началом действительной кампании за улучшение наших дорог. <...> Правительством увеличены ассигнования на дорожное дело. Но этого недостаточно <...> Необходима общественная помощь, помощь всего населения. С этой целью Автодор организует “неделю”. В эту “неделю” местные организации общества должны мобилизовать широкие массы трудящихся для практической работы по улучшению дорог» (*Дмитриев В.* Совхозы и неделя Автодора // За рулем. 1929. № 9. С. 1).

...*Егорову починили в городе машину, обучили езде и вот прислали делать переворот в технике*. — В обязанности Автодора входило знакомство деревенского населения страны с машиной: «Автомобиль как ценный вид транспорта совершенно незнаком деревне. Ячейки Автодора должны в первую очередь развить большую работу по популяризации машины в деревне. Надо познакомить крестьянина с этим видом транспорта» (*Зильперт Бор.* Автодор в деревню // За рулем. 1929. № 9. С. 9); «Для агитации за хорошие дороги, усиления помощи подшефным селениям в дорожном строительстве и ознакомления членов общества с устройством, управлением и содержанием автомобиля, мотоцикла и велосипеда президиум Автодора проводит в период май – июнь “неделю Автодора”» (Неделя Автодора // *Раб. газ.* 1929. 11 мая. С. 8).

Вся деревня после того вступила в Автодор и внесла членские взносы из средств самообложения. — К организации ячеек Автодора и вступлению в них призывались все колхозники: «Не должно быть ни одного колхозника, не состоящего в Автодоре» (Из рекламы Автодора // *Спутник колхозника.* М., 1930); «А ведь борьба с бездорожьем должна вестись главным образом сельским коллективом. <...> Надо срочно, не откладывая ни один день, приступить к организации сельских коллективов» (*Дмитриев В.* Как организовывать коллективы Автодора в селах и деревнях // За рулем. 1929. № 4. С. 3); «Ясно, что ячейки Автодора в деревне могут оказать неоценимую услугу нашему дорожному строительству» (*Зильперт Бор.* Автодор в деревне // За рулем. 1929. № 9. С. 9). При этом деньги на Автодор крестьянам рекомендовалось отчислять из средств самообложения: сельские коллективы «должны всячески добиваться возможно больших отчислений на постройку и улучшение дорог из средств, полученных от самообложения»

(Презент М. Как работает Центральный совет Автодора // За рулем. 1929. № 4. С. 30).

С. 65. ...при получении книжечек Автодора. — Имеются в виду членские книжки, в которых отмечалась уплата членских взносов.

СЛУЖЕБНО-СОЧУВСТВУЮЩИЙ (с. 65). — Публикуется впервые.

Датируется временем не позднее начала ноября 1929 г.

Печатается по машинописи (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 4–6).

В настоящее время известен один экземпляр машинописи рассказа. В машинописи перед названием проставлена цифра: «4. Служебно-сочувствующий».

С. 66. ...статей и приложений Гражданского Уложения... — Уложение гражданское — дореволюционное название Гражданского кодекса; уложение (анахр.) — «устав, сборник или свод законов» (Даль).

— В начале природы бе слово! — Искаженное начало Евангелия от Иоанна по-славянски: «В начале бе слово...».

Сегодня же брошу культуру в массы! — Лозунг «<что-то> в массы!» — один из распространенных на страницах периодики времени, например: «Энциклопедию в массы» (Раб. газ. 1929. 30 марта. С. 7); см. об этом также примеч. к рассказу «Областные организационно-философские очерки», пьесе «Дураки на периферии», с. 510, 627 наст. изд.

С. 67. ...есть в деревне культурные достижения? ~ Вот Рокотов — наше достижение. — «Наши достижения» — название журнала, издаваемого М. Горьким. Журнал начал выходить в 1929 г. и открывался редакционной статьей: «О “маленьких” людях и о великой их работе». Название журнала обыгрывалось и в других художественных произведениях времени, например, в пьесе В. Маяковского «Баня» (1929): «Я показываю наши достижения, как любит говорить Алексей Максимыч» (Маяковский В. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 11. М., 1958. С. 284).

ПОСЛУШАЙТЕ РАССКАЗ О ТОМ, КАК ЖИЛИ-БЫЛИ 52 ЛОДЫРЯ-КУЛАКА В ОДНОЙ НЕБОЛЬШОЙ ДЕРЕВНЕ (с. 68). — Страна философов, 2003. С. 708–709. Публикация Е. Антоновой.

Датируется началом ноября 1929 г.

Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 65–69).

Рассказ о 52 лодырях-кулаках был написан Платоновым для радиопередачи «Деревенский утреник» (см. о ней примеч. к заметке «Круговорот. Как делается “Крестьянская Радиогазета”», с. 584–585 наст. изд.), о чем свидетельствует резолюция в верхнем левом углу автографа: «Дер<евенский> утр<еник> 8/ХІ».

Текст написан на оборотах уже использованных листов, позаимствованных Платоновым в редакции радиовещания. Так, на обороте л. 65 обнаруживается начало радиобеседы сельхозлаборатории «Бедноты» на тему «Опыты с минеральными удобрениями»; эта машинопись датирована 23 октября (без указания года). На обороте л. 67 — начало статьи И. Рубинского

«Поселковое молочно-животноводческое товарищество» с датировкой 29 октября 1929 г.

Таким образом устанавливается, что радиорассказ Платонова был написан во временном промежутке между 29 октября и 8 ноября 1929 г., скорее, ближе к его верхней границе, поскольку написание подобного текста, безусловно, не заняло у писателя много времени.

Рассказ посвящен введению на предприятиях и в учреждениях СССР непрерывной рабочей недели со скользящими выходными днями. Соответствующее постановление СНК СССР было принято 26 августа 1929 г., а уже 24 сентября принимается постановление «О рабочем времени и времени отдыха в предприятиях и учреждениях, переходящих на непрерывную производственную неделю». По этому постановлению вводилась пятидневная рабочая неделя — четыре дня работы и один день отдыха. Производство работ «воспрещалось» в день памяти жертв 9 января 1905 г. и В.И. Ленина (22 января), дни Интернационала (1 и 2 мая), годовщины Октябрьской революции (7 и 8 ноября). В день Нового года и дни всех религиозных праздников (бывшие «особые дни отдыха») работа должна была производиться на общих основаниях.

С. 69. ...*двенадцать годовых праздников...* — Двенадцать важнейших (после Пасхи), «двунадесятых», праздников в православии: Рождество Богородицы, Воздвижение, Введение, Рождество Христово, Крещение, Сретение, Благовещение, Вход Господень в Иерусалим, Вознесение, Троица, Преображение, Успение Богородицы.

ОТМЕЖЕВАВШИЙСЯ МАКАР (с. 71). — Новый мир. 1993. № 4. С. 118–119. Публикация М.Анд. Платоновой. Подготовка текста Н. Корниенко.

Датируется концом 1929 – началом 1930 г.

Печатается по машинописи с авторской правкой (*ИРЛИ*. Ф. 780. Ед. хр. 18. Л. 1–3 об.).

Первоначально рассказ о Макаре, возвратившемся в деревню, был написан для радио и имел следующее заглавие-зачин: «Слушайте теперь небольшой рассказ о том, как активный крестьянин, под названием Макар Ганушкин, возвратился в свою деревню после того, как он в качестве выдвигенца приблизил городские учреждения к социализму, и о том, как он отдыхал в деревне от делов».

Датировка исходного радиорассказа затруднена. Очевидно, что он каким-то образом продолжал ряд радиорассказов о Макаре Прохорове, преобразованных Платоновым в «Усомнившегося Макара» (см. об этом примеч. к рассказу «Усомнившийся Макар», с. 523–526 наст. изд.). При этом в данном тексте наблюдается преемственность фамилий Ганушкин и Чумовой, идущая на первый взгляд уже от «Усомнившегося Макара», а не от радиорассказов, лежащих в его основе. Макар стал именоваться Ганушкиным лишь в сводной рукописи «Усомнившегося Макара», тогда как в исключенных зачинах соответствующих радиорассказов он именовался Прохоровым. Фамилия

Чумовой вместо Мозговой также была введена в сводной рукописи «Усомнившегося Макара». Данный признак, казалось бы, можно расценить как указание на то, что радиорассказ о возвращении Макара в деревню был написан позже «Усомнившегося Макара» с учетом изменившихся фамилий. Вместе с тем сюжетная линия «Усомнившегося Макара» не находит в этом позднем тексте последовательного продолжения. В частности, из пояснений о судьбе Чумового возникает впечатление, будто Макар, и вместе с ним радиослушатели, не знал об отлучке Чумового из деревни, что не соответствует рукописному финалу «Усомнившегося Макара». Это позволяет предположить, что указанный рукописный финал, вероятно, не имел под собой первоначальной основы в виде радиорассказа, а радиоцикл о Макаре не ограничивался известными в настоящее время рассказами и между шестым, последним, радиорассказом из состава «Усомнившегося Макара» и радиорассказом о возвращении Макара могла существовать какая-то утраченная цепочка текстов, снимающая отмеченное выше противоречие. В таком случае изменение фамилий персонажей вполне могло произойти в утраченной части цикла, т. е. даже до начала формирования «Усомнившегося Макара». Смена фамилий в формате радиопередачи, идущей раз в неделю, могла пройти практически незаметно. Следовательно, радиорассказ о возвращении мог быть написан и до «Усомнившегося Макара», и даже параллельно с ним.

Для датировки радиорассказа о возвращении более показательны содержащиеся в нем указания на то, что в родной деревне Макар застаёт вполне устоявшийся колхоз, располагающий, кроме прочего, собственным трактором. По этим признакам время создания текста предположительно определяется как вторая половина 1929 г.

«Отмежевавшийся Макар», созданный на основе радиорассказа, явился своеобразным ответом на жесткую критику Л. Авербаха по поводу «Усомнившегося Макара», прозвучавшую со страниц газеты «Правда» (см. примеч. к рассказу «Усомнившийся Макар», с. 530–531 наст. изд.). При переработке исходного текста основная правка затронула его вторую половину. В первой половине (до встречи Макара с «женщинами-коллективистками») Платонов сделал лишь два значимых дополнения: сообщил, что после усовершенствования трактора Макар отправился работать «на коллективной земле», и к фразе «И Макар вздохнул от слабости своей мысли» дописал продолжение: «шагая дальше по культурной почве, на которой уже давно закончился агроминимум».

Далее, к диалогу Макара и культработницы Платонов добавил: «Макар, однако, тоже имел перспективу и благодаря ей нигде не мог заблудиться: он сразу же дал бабе дальнейший вопрос»; «...сознательница? Говори мне теоретически!»; «диаволектический свинтус, или»; «— Но я убеждаюсь: деваться все одно некуда, как только в кучу масс!»; «Мелкобуржуазный, подкулацкий ты человек: правду говорил вождь тов. Авербах».

Также в ходе правки было охарактеризовано сновидение Макара: «а затем заснул и, увидев во сне ужас своей отсталости, к рассвету отмежевался от своего единоличия», и добавлены три последних абзаца: «Так Макар осознал ~ перспектива гораздо видней».

По почерку, которым выполнено редактирование, можно предположить, что Платонов переделывал радиорассказ в состоянии сильного душевного волнения. Через восприятие женщины-«сознательницы» писатель подчеркнул основной, поразивший его посыл статьи Авербаха — подобный герой не имеет права на существование.

С. 72. ...уже давно закончился агроминимум. — Агроминимум — простейшие агротехнические мероприятия, доступные мелкому единоличному хозяйству; рассматривались как средство подъема основной массы бедняцко-средняцких хозяйств в восстановительный период. В постановлении ЦИК СССР от 15 декабря 1928 г. «О мерах к поднятию урожайности», указывавшем на задачу повышения урожайности в ближайшее пятилетие на 30–35%, в качестве таких мер назывались: «...посев чистосортными семенами; очистка и сортировка всех семян; рядовой посев, уничтожение меж; борьба с вредителями и сорняками <...>; распространение улучшенных приемов обработки почвы; прекращение пастьбы скота на озими; улучшение условий содержания и кормления скота; более правильное использование навоза, как удобрения; более полное использование наличного инвентаря крестьянских хозяйств, коллективных хозяйств, советских хозяйств, прокатных пунктов, ремонтных мастерских; возможно более широкое применение фосфоритной муки, извести и золы в качестве удобрения, а также зеленого удобрения и т. п.» (Собрание законов и распоряжений рабочекрестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1928. № 69. Ст. 643).

...диаволектический свинтус... — Искаженное словосочетание «диалектический синтез».

С. 73. *Мелкобуржуазный, подкулацкий ты человек: правду говорил вождь тов. Авербах.* — В словах героини отражены обвинения из статьи Л. Авербаха «О целостных масштабах и частных Макарах», посвященной критике рассказа «Усомнившийся Макар».

«ПЕРВЫЙ ИВАН» (Заметки о техническом творчестве трудящихся людей) (с. 74). — Октябрь. 1930. № 2. С. 159–168, в разделе: Жизнь на ходу.

Источники текста:

СР — составная рукопись, неполная (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 77. Л. 1–13, 15–16, с. 1–17; ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 1–2, с. 19–20).

Машинопись, неполная (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 12–15, с. 1–4; Там же. Оп. 2. Ед. хр. 43. Л. 4 об., 3 об., с. 8–9; РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 77. Л. 14, 17–19, с. 13–16).

Октябрь. 1930. № 2. С. 159–168.

Датируется концом 1929 – началом 1930 г.

Печатается по первой публикации, с исправлением опечаток по СР и машинописи.

Составная рукопись очерка, разделенная между двумя архивами, сохранилась полностью, за исключением с. 18 по авторской нумерации; далее

страницы, хранящиеся в РГАЛИ (1–17 по авторской нумерации), обозначаются как *СП(1)*; страницы, хранящиеся в ИМЛИ (19–20 по авторской нумерации), — как *СП(2)*.

Произведение представляет собой текст, написанный Платоновым непосредственно на рубеже 1929–1930 гг., с включением в него двух статей писателя 1924 и 1926 гг. — «Борьба с пустыней» (см.: *Сочинения*, 1 (2). С. 276–278) и «Электрическое орошение почвы» (см.: *Сочинения*, 1 (2). С. 300–305). Новый текст (*СП(1)*. Л. 1–3, 6–9, 12–13, 15) написан простым карандашом преимущественно на оборотах машинописи рассказа «Город Градов» (см.: *Сочинения*, 2. С. 529, 535–537, 379–402; Дооге Б. Источники текста очерка «Первый Иван (Заметки о техническом творчестве трудящихся людей)» // *Архив*, 1. С. 52–80). Две последние страницы *СП* (*СП(2)*. Л. 1–2) выполнены на оборотах бланка неизвестного учреждения: верхняя часть бланка, содержащая реквизиты, оторвана, сохранилась лишь располагавшаяся ниже реквизитов строка, предназначенная для проставления даты.

Статья «Борьба с пустыней», превращенная Платоновым в речь Первоиванова о борьбе с поверхностным стоком воды («Основной капитал человечества — плодородие ~ прекращение иссушения земель, — это омоложение природы»; см. с. 75–77 наст. изд.), в *СП* представлена тремя страницами машинописи (*СП(1)*. Л. 3а — подклейка к л. 3, л. 4–5).

Первая публикация «Борьбы с пустыней» состоялась в Воронеже в 1924 г., но эту конкретную машинопись Платонов готовил к печати, уже оказавшись в Тамбове (сведений об осуществлении публикации не имеется). К тамбовскому периоду в машинописи относятся исправления и подпись «А.П. Платонов, губ. инженер-мелиоратор, Тамбов, Губземуправление», выполненные фиолетовыми чернилами. Включая машинопись в *СП*, Платонов простым карандашом внес необходимую для этого дополнительную правку и вычеркнул свою подпись.

При совмещении рукописных листов *СП* и машинописи писателем было оторвано верхнее поле 1-й страницы статьи, содержавшее заглавие и эпиграф, однако эпиграф («Сахара, Гоби, песчаные реки Азии ~ Это — пески и люди!») также нашел свое место в «Первом Иване», превращенный в самую первую фразу, произнесенную Первоивановым.

Ранняя редакция другой статьи Платонова — «Электрическое орошение почвы» — лежит в основе подробного описания соответствующих опытов, проводимых в колхозе им. Ньютона: «О всасывающей энергии почвы известно уже давно ~ соберет влагу по крохам отовсюду, и хлеб растущий будет сыт» (см. с. 80–83 наст. изд.). В этом случае Платонов воспользовался сохранившимся у него ранним автографом статьи, из которого взял двойной лист (*СП(1)*. Л. 10–11; с. 10–13; запись с обеих сторон) и фрагмент последней страницы (*СП(1)*. Л. 12а). Необходимая правка вносилась писателем непосредственно в автограф статьи, но в случае существенной переработки отредактированный текст переписывался на отдельном листе, прикреплявшемся затем к автографу поверх первоначального варианта. Так, к с. 2 (*СП(1)*. Л. 11) был подклеен фрагмент листа в линейку с текстом «Такова теория Гюли и Первоиванова ~ достигли в 1926 году такого конца своей работы». Страница 14 (*СП(1)*. Л. 12) представляет собой лист с новым текстом

(«По расчетам Первоиванова и Гюли ~ копируем в природе — делаем в почве»), склеенный с частью страницы автографа статьи (Л. 12а; «то же самое, что делает и она ~ который стянут электронами, как цементом»). В общей сложности в «Первого Ивана» вошло около половины статьи «Электрическое орошение почвы».

По мнению Т. Лангерака, несмотря на проведенную писателем адаптацию ранних статей к жанру очерка и новому контексту, в «Первом Иване», как следствие монтажа, все же заметна «непоследовательность в точке зрения повествователя» (*Лангерак Т. Об одном «техническом» произведении Андрея Платонова. Очерк «Первый Иван» // Russian Literature, 46 (1999). С. 212*).

Заглавие очерка было найдено не сразу. Первый вариант «Товарищ Первоиванов, изобретатель советской природы» был заменен на «Первый Иван» с подзаголовком «Очерк». Далее правка касалась только подзаголовка, который был последовательно изменен на: «Идеи, записанные во время одной поездки», затем на: «Заметки о техническом творчестве масс», и наконец: «Заметки о техническом творчестве трудящихся людей».

С автографа была выполнена машинопись, от которой сохранилось 10 из 16 страниц (возможно, из разных экземпляров закладки). Как можно судить по сохранившимся страницам, расхождения *СП* и этой машинописи минимальны и являются результатом ошибок машинистки.

При подготовке «Первого Ивана» к публикации в журнале «Октябрь» Платонов ввел в текст два новых фрагмента: дискуссию о первенстве национального или профессионального признака в самоидентификации Гюли («Разве электрик лучше киргиза? ~ Ты плохо уважаешь киргиза») и описание потенциального значения колхоза им. Ньютона для общегосударственного строительства («А зачем это все нужно, товарищ Первоиванов? ~ так сказать, “изобретателем технической революции”»).

Помимо этих вставок в текст были внесены пунктуационные и отдельные, незначительные, стилистические исправления. Источник (машинопись или гранки), в котором осуществлялась правка, предшествующая публикации, неизвестен.

Весной 1930 г. «Первый Иван» был включен Платоновым в повесть «Впрок». По указанию писателя, оставленному на странице автографа «Впрок», машинистка перепечатала текст непосредственно со страниц журнала «Октябрь» (см. примеч. к повести «Впрок»: *Сочинения, 4(1). С. 379*; текст повести, включающий «Первого Ивана»: там же, раздел «Редакции»).

Способ создания «Первого Ивана», вкупе с отсутствием каких-либо сведений о командировках Платонова в Уральскую область в 1929 г., убеждают в том, что данное произведение не является очерком в строгом смысле этого слова. Писатель, впрочем, не особенно пытался замаскировать тот факт, что описываемая им поездка не является реальной. В тексте, за исключением самого общего указания на Уральскую область, нет конкретных топонимов и реальных имен. Фамилия главного героя Первоиванов произведена от вынесенного в заглавие словосочетания «первый Иван», которое, в свою очередь, образовано по аналогии с выражением «первый Адам», т. е.

первый сотворенный Богом человек — родоначальник человечества. Вторым, или Новым, Адамом в богословской традиции именуется Христос, искупивший человечество от последствий грехопадения первого Адама, см.: «Первый человек Адам стал душою живущею; а последний Адам есть дух животворящий <...> Первый человек — из земли, перстный; второй человек — Господь с неба» (1 Кор. 15: 45, 47); «Единем убо человеком, первым Адамом древле в мир вниде смерть...» (тропарь 6-й песни воскресного канона 2-го гласа) и т. п. По логике Платонова, «первый Иван»-Первоиванов мыслится как «родоначальник» преобразователей сельского хозяйства советской страны. Вне понимания авторского замысла фамилия Первоиванов кажется довольно необычной; показательно, что машинистка, выполнявшая первую машинопись «Впрок», прочитала «Первоиванов» как «Первоионов» и без какого-либо сомнения воспроизводила этот более понятный для нее вариант до самого конца текста.

Вместе с тем обе статьи, вмонтированные в «Первого Ивана», касаются вполне реальных мелиоративных проектов самого Платонова, имевших для него чрезвычайно важное значение. Проект реконструкции рельефа разрабатывался им преимущественно в 1922–1923 гг., см. статьи этого времени: «Схватка с засухой», «На фронте зноя», «Гидрофикация и электрификация», «О ликвидации катастроф сельского хозяйства» (*Сочинения*, 1(2). С. 211–215, 244–247; *Антонова*. С. 619–620, 631–633). Изначально Платоновым предполагалось, что реконструкция будет вестись взрывным методом и начнется с юго-восточных уездов Воронежской губернии, после чего распространится на всю ее территорию; однако в реальности ему пришлось ограничиться гораздо менее масштабными экспериментами (см.: *Сочинения*, 1(2). 391–392, 395; *Антонова*. С. 379, 383, 385–386, 398).

Упоминание об электрическом орошении или «опытных работах по отрицательной электризации корневых систем растений», проводимых губкомгидро, содержится в отчете Воронежского Губземуправления за июль 1922 г. Электризация, одновременно с реконструкцией рельефа, значится в плане работ электроагрономической лаборатории губкомгидро на 1923 г. (см.: *Сочинения*, 1(2). С. 393, 486–487); воронежцы могли ознакомиться с этим планом в статье Платонова «Гидрофикация и электрификация» (1923) (*Антонова*. С. 631–633). Среди документов писателя сохранилась первая страница его письма в Комитет по делам изобретений ВСНХ с просьбой о рассмотрении изобретения «Электрическое увлажнение корневых систем и корнеобитательного слоя почвы» (*РГАЛИ*. Оп. 2. Ед. хр. 10. Л. 19). Как обычно, технические идеи, особенно интересовавшие Платонова, переносились в его художественные тексты: описание устройства по электризации вводится в 10-ю главу «Рассказа о многих интересных вещах» (1923). Опыты, описанные в статье «Электрическое орошение почвы», как в ней же и указано, Платонов проводил в 1924 г.

Занимаясь электризацией, Платонов, начиная с 1922 г., стремился, помимо прочего, изобрести «сухое питание» растений, которое предполагало «осуствление питания растений при минимуме влаги, посредством переменного тока высокой частоты перемен» (см.: *Сочинения*, 1(2). С. 393, 397–398; *Таубман Е.* Губернский мелиоратор // *Техника и наука*. 1985. № 2.

С. 29). При «сухом питании» электромагнитное поле должно было заменить собою воду и при полном отсутствии влаги напрямую «вгонять элементы питания растений из почвы в их тела» (*Сочинения*, 1(1). С. 225). В таком контексте идея перерождения электричеством незасеянной почвы, приписанная героям «Первого Ивана», выглядит как еще одно, потенциально реальное, с точки зрения Платонова, направление развития метода электризации.

Последний из описанных в «Первом Иване» проектов — способ «упрочения металла», без сомнения, также в какой-то степени отражает движение изобретательской мысли самого Платонова. Отголосок размышлений над смежными техническими задачами можно увидеть в рассказе «Григорий с Умственного хутора»: см. испытание высоким давлением железной трубы, отливка вкладышей из рубленого металла (*Сочинения*, 4(1). С. 23–26). Кроме того, в одной из записных книжек Платонова обнаруживаются рисунки и расчеты, сопровождаемые записями «ход работы поршня нагнетателя», «мощность сжатия воздуха», «высота свободного остатка давящей волны» и т. п. (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 2 об., 4–6).

Наиболее поздние по времени фрагменты «Первого Ивана», добавленные при подготовке публикации в «Октябре», затронули вопросы возможной эволюции кочующих народов (в данном случае казахов, см. примеч. к с. 78), изменения их самосознания и способа хозяйствования по мере приобщения к техническим знаниям и изобретательству. Тема взаимодействия оседлых и кочевых народов также являлась предметом раздумий Платонова с середины 1920-х гг. (см. рассказ «Песчаная учительница» (1926), а также сценарий и либретто, созданные на его основе: *Сочинения*, 2. С. 299–335) и сама по себе была весьма актуальна для рубежа 1929–1930 гг. в связи с ускорившейся коллективизацией. Однако способы решения этой проблемы, предложенные в «Первом Иване», были далеки от реальных общественно-политических преобразований (см. ниже примеч. к с. 84).

Преимственность «Первого Ивана» в отношении проектов и тем 1920-х гг. подчеркивает непреходящую важность последних для Платонова, нашедшего возможность вновь актуализировать их перед многочисленными читателями журнала «Октябрь».

Очевидно, что для создания «Первого Ивана» писателю потребовалось не так уж много времени, однако сколь-нибудь точная датировка текста затруднительна. Сложно определить, написано ли это произведение до или после критической проработки «Усомнившегося Макара» (см. примеч. к рассказу, с. 530–534 наст. изд.). По прочтении в «Правде» статьи Л. Авербаха «О целостных масштабах и частных Макарах» (по порядку выхода из печати это была самая первая из трех публикаций статьи на рубеже 1929–1930 гг.) Платонов в тот же день, 3 декабря, писал сотруднику редакции «Октября» М. Ступнику: «...у Фадеева есть две мои рукописи, которые он собирался печатать, но мне неизвестно. Будьте любезны узнать у него судьбу их» (*Письма*. С. 269). Как представляется, одной из упомянутых рукописей вполне мог быть «Первый Иван».

В то же время можно увидеть в «Первом Иване» ответ на критику Авербаха, объясняющий значение деятельности «частного» Ивана для

«целостных масштабов» государственного строительства (*Лангерак Т.* Указ. соч. С. 215). В начале 1930 г. выход двух первых номеров «Октября» по неизвестной причине состоялся с большой задержкой, № 2 вышел в середине апреля (см. извещение о выходе в газете «Правда» от 14 апр.). Двух–трех месяцев в начале года для написания «Первого Ивана» Платонову было более чем достаточно (тем более этого времени было достаточно для редактирования текста).

Как бы то ни было, но «Первый Иван» действительно, хотя и в очень малой степени, послужил «реабилитации» Платонова. Сразу после публикации очерк привлек внимание ленинградского критика М. Майзеля, только что отдавшего в печать свою статью, разоблачающую «идеологические провалы» (в частности, анархо-индивидуализм) книги Платонова «Происхождение мастера» (Ошибки мастера // Звезда. 1930. № 4. С. 195–202). Ознакомившись с «Первым Иваном», Майзель нашел нужным дописать к уже набранной статье постскрипtum. Сочтя, что очерк построен «на фактическом материале наших дней», он усмотрел в нем «бесспорный симптом “выздоровления”» Платонова и особо выделил относящийся к последнему этапу правки фрагмент об организации цепи «юго-восточного противозасушливого союза колхозов». Но даже отмечая «бесспорную заслугу» Платонова в показе «повседневной борьбы» за осуществление «великого плана индустриализации сельского хозяйства», критик указывал, что этот очерк «не может дать достаточно веских и полноценных оснований для серьезных заключений об изменении *всей творческой личности писателя*» (Там же. С. 201).

С. 74. ...на юге Уральской области... — Уральская область существовала с 1923 по 1934 г.; в нее вошли Пермская, Свердловская, Челябинская и Тюменская губернии. Центром области стал Свердловск (Екатеринбург). Структура и состав области несколько раз корректировались, изменялось число округов. Южные округа области — Троицкий, Челябинский, Курганский, Ишимский — граничили с Казакской АССР (см. ниже примеч. к с. 78).

...выслать из Москвы гвозди, провода, полый медный шар, водяной насос высокого сжатия, манометр и многое прочее. Что мог, я отыскивал на Мясницкой... — В 1920-е гг. на Мясницкой улице было расположено много магазинов и торговых домов, продающих строительные материалы и материалы для легкой промышленности, а также научно-исследовательских институтов и лабораторий: в доме № 1 располагался Научно-технический отдел Высшего совета народного хозяйства (НТО ВСНХ); в доме № 4 размещались «Электросвет» и кооперативное товарищество «Мукомол-строитель»; в доме № 6 находился «Теплотехнический институт им. профессоров В.И. Гриневецкого и К.В. Кирша»; в доме № 20 размещались правления, товарищества и отделения ВСНХ, а также торговые синдикаты и магазины; в доме № 24 — отделы ВСНХ и Главное управление электротехнической промышленности; в этом же здании комиссией под председательством Г.М. Кржижановского был создан план электрификации России — ГОЭЛРО. Кроме того, во время нэпа в доме № 24 можно было найти различные мастерские и магазины, торговавшие, среди прочего, и изделиями из металла (Вся

Москва. Адресная и справочная книга на 1927 г. М., 1927; Мясницкая улица // <https://www.nkj.ru/archive/articles/5452/>; актуально на 15 дек. 2018).

Манометр — прибор для измерения давления жидкости или газа.

С. 75. ...*вечные двигатели, работающие моченым и сухим песком*... — Вечный двигатель, или *perpetuum mobile*, — воображаемый, непрерывно действующий механизм, который, однажды пущенный в ход, якобы совершает работу бесконечно и автономно, не получая дополнительной энергии извне. Вечные двигатели не осуществимы, так как основной принцип их работы противоречит первому или второму началам термодинамики. Тем не менее с XII в. изобретатели придумывали (и до сих пор придумывают) разные устройства, экспериментируя с разными грузами, в том числе песком.

Современные способы эксплуатации почвы, конечно, есть причины образования пустынь. — См. об этом статью Платонова 1920 г. «Ремонт земли» (*Сочинения*, 1(2). С. 25–26).

С. 77. *Реконструктор* — машина для механического выполнения проекта реконструкции рельефа, насыпающая земляные валы.

...*лох (дикая маслина)*... — Лох (узколистый), или дикая маслина, — род кустарника, латинское название которого *Elaeagnus angustifolia*, растущего в лесостепной и степной зонах на юге России и в Украине.

...*крутик (аморфа куртикоза)*... — Растения с латинским названием «аморфа куртикоза» не существует, но есть род *Amorpha*, один из видов которого называется *Amorpha fruticosa* (по-русски — Аморфа фрутикоза, или Аморфа кустарниковая). Изначально кустарник произрастал только в Канаде, США и Мексике, но затем был ввезен в Европу и Азию, где впоследствии широко распространился. Кустарник может быть использован для укрепления водозадерживающих валиков, так как он хорошо растет в рыхлой и песчанистой почве; иногда называется крутиком.

Эти культуры мы выписываем из питомников Тамбовского округа. — Тамбовский округ — административно-территориальная единица Центрально-Черноземной области, существовавшая в 1928–1930 гг., с центром в Тамбове. В Тамбовском округе находился город Козлов (позже Мичуринск) — место жизни и деятельности русского биолога и селекционера И.В. Мичурина (1855–1935), основавшего здесь питомники. Всю жизнь Мичурин посвятил созданию новых сортов и научному изучению проблем их выращивания, от обстоятельств роста до законов наследования. Мичурин специально работал с бедными почвами, поняв, что «спартанское» воспитание гибридов лучше подготовит их к реальным условиям российского климата.

...*я читал, что ум кормится фосфором*... — Предположение о том, что уму нужен фосфор для мышления и правильного функционирования нервной системы, получившее в конце XIX — начале XX в. большую известность во всем мире, восходит к Л. Бюхнеру (1824–1899) и Я. Молешотту (1822–1893). Бюхнер — немецкий врач, натурфилософ, естествоиспытатель и представитель научного материализма; его главное убеждение сводится к тому, что нет ничего, кроме элементов, и законов природы, кроме силы и материи. Основные работы Бюхнера были переведены на русский язык, среди них — «Сила и материя» (СПб., 1907), в которой Бюхнер утверждает,

что человек — это «химическая фабрика», а человеческое мышление — «продукт обмена веществ». Молешотт — голландский физиолог, философ и представитель научного материализма. Его работы также были переведены на русский язык, в том числе и «Круговорот жизни» (Харьков, 1866), основная идея которой состоит в том, что без фосфора человек не может думать. Оба философа оказали существенное влияние на развитие и распространение материалистического мировоззрения в России; их материалистические идеи были популярны и в СССР, особенно в 1920–1930-е гг. среди механистов, объясняющих все бытие через законы механики.

...обратить оттуда фосфор на минеральное удобрение. — В середине XIX в. немецкий химик Юстус фон Либих (1803–1878) обнаружил, что растения питаются минералами, которые есть в почве, и что можно повысить урожайность, если внести в почву определенные минералы. Открытие Либиха существенно изменило сельскохозяйственную практику по всему миру.

С. 78. *...подросшие дети — юные натуралисты...* — Юные натуралисты, или юннаты, натуралисты — участники школьных кружков по природоведению и изучению естественных наук, существовавших в школах в рамках пионерского движения. С лета 1928 г. издавался «Юный натуралист» — научно-популярный детский и юношеский журнал о природе, природоведении, биологии, экологии.

— *Я в коллективе — электрик Гюли, а был киргиз.* — По традиции, имевшей дореволюционные корни, в первые годы существования РСФСР киргизами или киргиз-кайсаками именовался казахский этнос, а собственно киргизский этнос был известен как кара-киргизы. По этой логике, первую казахскую автономию, созданную в составе РСФСР в 1920 г., именовали Киргизская АССР; только в 1925 г. она была переименована в Казахскую АССР. Поскольку Уральская область граничила на юге именно с Казахской АССР, очевидно, что, называя Гюли киргизом, Платонов пользуется уже устаревшим этнонимом.

С. 79. — *Не из чего сделать холостой муфты...* — *Муфта* — устройство для соединения цилиндрических частей машин и механизмов; холостая муфта — та, которая не используется для полезной работы.

С. 79–80. *Но меня больше всего привлекали неизвестная мачта вдалеке и шар на ней из красной меди ~ взволнованный тайной техники.* — Описание устройства для электризации почвы, в данном случае незаземленной. Устройство для воздействия электричеством на растения, подобных описанному Платоновым, было изобретено множество. Так, в 1925 г. французский крестьянин Жюстин Кристофлоро создал аппарат, чтобы собрать атмосферную энергию и передать ее растениям: наверху деревянной мачты (7,5 м) располагалась металлическая стрелка и антенна, к которым были привязаны спаянные медные и цинковые ленты для выработки электричества на основе солнечной энергии. От мачты были протянуты провода по всему полю для передачи накопленной энергии почве.

Влияние атмосферного электричества на растения по многим параметрам (рост, количество и качество урожая, влажность почвы, сопротивляемость болезням, количество бактерий в почве, химические процессы в почве)

интересовало исследователей еще с XVIII века. Первые попытки подобного рода относятся к XVIII в.: известно об экспериментах, проводившихся английским ученым Стивеном де Мейнбреем (1710–1782), французским аббатом Ж.А. Нолле (1700–1770), швейцарским физиком Ж. Даламбером (1717–1783) и французским физиком П. Бертолоном (1742–1800). О влиянии электричества на растения писал и М.В. Ломоносов (1711–1765) в своем «Слове о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих» (1753).

В XIX в. проблема использования электрической энергии в земледелии изучалась многими учеными; эти исследования часто давали положительные результаты. Большой известностью пользовались финский профессор К.С. Лемстрем (1838–1904) и француз Л. Грандо (1834–1911). В России основатель Карадагской биостанции Т.И. Вяземский (1857–1914) издает книгу «Электрические явления растения»; К.А. Тимирязев (1843–1920), после экспериментов с влиянием электричества на растения, становится основоположником русской школы физиологии растений; Я.О. Наркевич-Иодко (1848–1905) исследовал воздействие на растения обычного и атмосферного электричества. Несмотря на отсутствие определенных результатов и необъяснимость самого явления, идея о воздействии электричества на растительность не потеряла своей заманчивости: см., например, письмо Маркса Энгельсу от 5 мая 1851 г., в котором Маркс приводит длинные выдержки из английской статьи на эту тему и просит Энгельса их перевести (*Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.:* в 50 т. Т. 27. М., 1962. С. 222–226). Упоминание об электрокультуре как о многообещающем явлении в практике сельского хозяйства встречается также в популярном в конце XIX в. научно-фантастическом романе французского писателя А. Робида (1848–1926) «Электрическая жизнь» (1883); вторая версия этой книги вышла на русском языке под заглавием «Двадцатый век. Электрическая жизнь» (СПб., 1894).

В начале XX в. вопрос использования так называемой электрокультуры широко исследовался во многих европейских странах: см., например, обзор результатов, полученных немецкими учеными, на русском языке: *Вагин А.А. Электричество в сельском хозяйстве. Электричество, как движущая сила в домашних работах, для земледельческих машин, в молочном хозяйстве, мелиорациях, водоснабжении и пр.* (М., 1915). В 1918 г. в Великобритании даже была создана государственная комиссия, исследовавшая этот вопрос. Статья об опытах этой комиссии, написанная В.Х. Блэкманом, была переведена на русский язык (*Блэкман В. Полевые опыты по электрокультуре // Сельское и лесное хозяйство. Кн. 16. М., 1924. С. 95–114*). В Советском Союзе такого рода опыты велись в Тимирязевской Академии под руководством проф. Н.А. Артемьева (1874–1948), см.: *Артемьев Н.А. Проблемы энерговоздействия на рост растений. М.–Л., 1936*. В 1920-е гг. проводились подобные опыты и в Тимирязевской академии. Российские и советские журналы и газеты часто сообщали о достижениях электрокультуры, что нередко приводило к тому, что в народе ходили легенды об ее успехах.

И.В. Мичурин также занимался экспериментами в области электрокультуры. Он пропускал ток через почву, в которой выращивал сеянцы, для

ускорения роста посадочного материала (см. описание этих наблюдений: Мичурин И.В. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М., 1948. С. 228, 249). Вышло в свет несколько исследований о наличии и роли ионов в почве и их возможном влиянии на растения и их корневые системы: см. исследования С.П. Костычева (1877–1931) и Д.А. Сабинина (1899–1951), книгу Г.М. Рамнека «Влияние электричества на почву» (Киев, 1911). Не менее важны эксперименты «электростимуляции» Е. Пилсудского, подробно описанные в статье «Электрокультура растений по способу Е. Пилсудского» (СПб., 1902).

В своей заинтересованности явлением электризации Платонов не ограничился сферой растениеводства. В 1922 г. он также проводил опыты по электризации семенной ржи «в целях увеличения урожайности» и мяса «для замораживания» (Антонова. С. 389; Ласунский О.Г. Литературные раскопки. Рассказы литературоведа. Воронеж. 1972. С. 232).

С. 80. Но только недавно ученым В. Г. Корневым была сделана удачная попытка ~ (смотри работу в «Трудах Государственного института сельскохозяйственной мелиорации» за 1925 год). — Корнев Василий Георгиевич, во 2-й половине 1920-х гг. преподаватель (ассистент, старший ассистент) Ленинградского государственного университета; в 1921 г. сконструировал прибор для измерения всасывающей силы почвы и разработал методы для использования его в сельском хозяйстве, совершенно не затрагивая при этом вопроса о причинах всасывания. Статья Корнева, упомянутая Платоновым, носила название «Всасывающая сила почвы и принципы системы автоматического орошения почвы»; в 1925 г. выпущена также и отдельным изданием. Корнев продолжил свои исследования; в середине 1930-х гг. была опубликована его новая книга по данной теме — «Подпочвенное орошение: Метод абсорбционного орошения» (М.: Сельхозгиз, 1935). Опыты, проводимые Корневым, не имели никакого отношения к электризации. Основными элементами как прибора для измерения всасывающей силы, так и системы автоматического самоорошения являлись пористые «керамиковые» трубы, наполненные водой и расположенные ниже пахотного слоя почвы.

Государственный институт сельскохозяйственной мелиорации (ГИСХМ) был создан в 1924 г. в Москве А.Н. Костяковым (1887–1957), известным ученым-мелиоратором, основоположником российской мелиоративной науки, возглавлявшим институт до 1929 г. В настоящее время институт называется Всероссийский научно-исследовательский институт гидротехники и мелиорации им. А.Н. Костякова.

С. 80–81. ...вода присутствует в двух состояниях: пленочном и капельно-жидком (это давно уже установлено многими исследователями)... — Типология почвенной влаги была важной темой в российской и зарубежной науке с конца XIX в. Классификация пленочных и капельно-жидких состояний воды принадлежит российскому ученому-почвоведу А.Ф. Лебедеву (1882–1936), см. его работу «Передвижение воды в почвах и грунтах», которая пользовалась такой популярностью среди почвоведов, гидрогеологов и мелиораторов, что в 1936 г. была издана уже четвертым изданием (под названием «Почвенные и грунтовые воды»). Проект создания валиков Первоиванова и Гюли во многом напоминает некоторые опыты Лебедева, работавшего

до 1930 г. в Донском и Северо-Кавказском университетах, а позднее в академических институтах Ленинграда и Москвы.

С. 81. ...*(открытие принадлежит старым ученым, фамилии которых мне Первоиванов говорил, но я забыл)*. — В статье «Электрическое орошение почвы» Платонов называл двух из этих «старых ученых», но, возможно из-за ошибки наборщика, фамилии соединились в одну — «Пельтье-Экснер»; при написании «Первого Ивана» они были вычеркнуты. *Пельтье Жан Шарль* (1785–1845), французский физик, автор трудов по термоэлектричеству, электромагнетизму и метеорологии; пытался доказать опытным путем, что Земля представляет из себя тело, заряженное отрицательно, тогда как небесное пространство имеет некоторый положительный заряд. *Экснер Франц Серафин* (1849–1926), австрийский физик, занимался исследованиями в области радиоактивности, электрохимии, атмосферного электричества.

...*молодой наукой — электрометеорологией*... — Электрометеорология была популярной отраслью науки в конце XIX – начале XX в. как в Европе, так и в России. Ее предмет — изучение роли электричества в атмосфере: молнии, влияние электричества на влагу в атмосфере, взаимовлияние земной поверхности и атмосферы, солнечные лучи, влияние электричества в атмосфере на человека, отрицательный заряд земной поверхности и положительный заряд атмосферы и т. п. Электрометеорология развивала идеи и открытия в области электричества таких ученых, как У. Томсон (лорд Кельвин) (1824–1907), Ф. Экснер, М. Фарадей (1791–1867) и др. Два важных обзора электрометеорологических исследований на русском языке были написаны приват-доцентом Императорского Новороссийского университета М.С. Панченко; см. его работы: Атмосферное Электричество. Современное состояние электрометеорологии // Записки математического отделения Новороссийского общества естествоиспытателей. Т. 20. Одесса, 1902. С. 23–66; Атмосферное Электричество. Теория ионов и ее применение в электрометеорологии // Записки Новороссийского общества естествоиспытателей. Т. 30. Одесса, 1906. С. 45–112. М.С. Панченко также написал обзор теорий солнечного лучеиспускания (Солнечное лучеиспускание. Ч. 1–3. Одесса, 1895–1897). Сложно сказать, знал ли Платонов эти работы, но достигнутые электрометеорологией успехи были широко известны; исследования продолжались и в СССР.

С. 84. ...*форма колхоза как раз наиболее приспособлена для безболезненного и быстрого перевода кочующих племен и родов на оседлость*... — Современные историки указывают, что в реальности подготовки к оседанию кочевых хозяйств Казахстана не проводилось, а в 1929 г. началась форсированная коллективизация, в которой оседание рассматривалось как неперемное условие. 24 октября 1929 г. бюро Казкрайкома ВКП(б) приняло постановление «Об итогах и очередных задачах колхозного строительства», которым предписывалось обеспечить в 1929–1930 г. охват колхозами 140 тысяч хозяйств и почти в три раза увеличить посевную площадь. Оседание стало рассматриваться не столько как мера рационализации скотоводства, сколько как один из способов коллективизации. 8 января 1930 г. при СНК КАССР был образован постоянный Комитет по оседанию. 19 марта 1930 г. СНК КАССР принял план по оседанию на 1929/30 год, который включал в себя оседание 84 340 хозяйств. Всего на пятилетку было запланировано уже в 1930 г. охватить

оседанием 384 тысячи хозяйств. «Массовая коллективизация, массовое оседание кочевников, неорганизованность хозяйства в создаваемых колхозах и совхозах, отрезка лучших земель под гигантские по площади совхозы, скотозаготовки. В течение 1929–1930 г. все эти факторы неуклонно вели к сокращению стада в Казахстане» (см.: *Верхотуров Д.Н.* Ашаршылык: великий голод в Казахстане 1932–1933 годов. ЛитРес: Самиздат, 2010. С. 142). В результате подобной экономической политики уже в декабре 1931 г. в Казахстане начался смертельный голод, после которого «казахи уже не могли вернуться обратно к кочеванию и традиционному быту, даже если бы и захотели» (*Верхотуров Д.Н.* Указ. соч. С. 178).

С. 84. *Эта скорбь ощущалась им от расточения имущества природы бесхозяйственным человечеством. ~ В новой экономике сила и тепло должны добываться из падающей воды и дующего ветра...* — Экологическая мотивация связана с двумя крайне важными моментами в мировой истории развития науки и техники — со становившейся все более популярной в обществе, начиная с 1924 г., идеей о необходимости беречь природные ресурсы и с конструкторскими достижениями немецкого ученого-изобретателя Антона Флеттнера. Оба аспекта получили широкое освещение в советской прессе.

Ограниченность ресурсов энергии на Земле впервые обсуждалась в 1924 г. на международной энергетической конференции в Лондоне. В советской периодике проблематику этой конференции освещал в частности Б.М. Лобач-Жученко — профессор, ученый-механик — в своих обзорах открытий в области науки и техники. В публикации «Последние достижения науки и техники» Лобач-Жученко критикует «экономическую» неэффективность машин и двигателей, которые превращают в движущую энергию только минимальную часть всей энергии, развивающейся при сжигании топлива (*Лобач-Жученко Б.* Последние достижения науки и техники // *НМ.* 1925. № 1. С. 184); предупреждает об ограниченности запасов энергии — нефти, угля, торфа, воды — и предлагает искать новые источники энергии: «расширение использования водяной энергии и электропередачи, утилизация морских приливов, использование солнечной энергии, внутреннего тепла земного шара, радиопередача силовой энергии» и т. д. (Там же. С. 185). В обзоре «Новости науки и техники» он ссылается на прогнозы Международной энергетической конференции: по подсчетам конференции, запасов угля «может хватить на 4000 лет, но при условии, чтобы потребление каменного угля не увеличивалось, чего на самом деле не будет» (*Лобач-Жученко Б.* Новости науки и техники // *НМ.* 1925. № 3. С. 148). Также Лобач-Жученко приводит подсчеты советского ЦАГИ (Центральный аэро-гидродинамический институт): «...запасы энергии, заключающиеся во всем каменном угле на земном шаре, составляют 44 000 000 миллиардов калорий (единиц тепла), в то время как запас энергии во всех ветрах земного шара — 33 000 000 миллиардов калорий» (Там же). По этой причине, пишет Лобач-Жученко, «использование даровых сил природы является крайне важной задачей техники, и человеческая мысль по мере истощения или затруднения добычи каменного угля на земном шаре все более и более обращается к использованию энергии воды и ветра» (Там же). В обеих статьях Лобач-Жученко указывает на альтернативы,

в том числе проекты ЦАГИ по использованию энергии ветра. Эти проекты были представлены на выставке научно-технического отдела Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), состоявшейся в Москве в 1925 г.

К проблеме использования энергии ветра Платонов обращался, начиная с 1920 г., см. статьи «Электрификация (Общие понятия)» (1920), «Электрификация деревень» (1921) (*Сочинения*, 1(2)). С. 133–142, 159–161).

С. 85. ...начнется сооружение ветросиловой установки, которая снабдит главную усадьбу коллектива силой, светом и теплом... — Данная идея более подробно развита Платоновым в очерке «Кухонный мужик Советского Союза» (см. с. 104–110 наст. изд.).

Манометр последовательно показывал 400–600 и, наконец, 700 атмосфер, т. е. давление в 700 килограммов на каждый квадратный сантиметр поверхности жидкого металла. — В машинописи первой редакции «Впрок» Платонов значительно скорректировал показания манометра: цифры «400–600» карандашом исправлены сперва на «200–300», потом на «100–160», затем на «10–20–40»; цифра «700» исправлена последовательно на «200» и «100». Исправления были учтены в машинописи второй редакции.

Вагранка — шахтная печь для плавки чугуна и цветных металлов.

Тигель — сосуд из огнеупорного материала для плавки, варки или нагрева различных материалов.

Фланец — соединительная часть труб, резервуаров, валов и т. п. в виде плоского кольца или диска с отверстиями для болтов.

Замковый болт — болт для запираания фланца.

С. 86. *Болванка* — слиток металла, получаемый после разливки его в формы.

Изложница — металлическая форма для отливки металла в виде слитков.

ФАКТ (Очерк про двух отсталых рабочих) (с. 88). — *Записные книжки*. С. 285–294. Публикация Н. Корниенко.

Датируется июнем – июлем 1930 г.

Печатается по автографу (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 1–29).

Автограф рассказа выполнен карандашом, на тетрадных листах в линейку из общей тетради с красным обрезом (о других произведениях из этой тетради см. с. 798–799 наст. изд.). Первая страница сохранила авторский поиск подзаголовка: от жанрового определения «Рассказ» Платонов отказывается, вписывает «Очерк», а затем зачеркивает его и пишет: «Очерк про двух отсталых рабочих». Карандашная правка вносилась в текст непосредственно во время его написания, небольшая правка синими чернилами сделана позднее, появляется ближе к концу рассказа и носит, как правило, стилистический характер. Так, в предложении «Идут спереди и сзади две идейные старушки...» Платонов исправляет «старушки» на «девки» (Л. 23); после фразы «Оттого, что пролетарият без него обошелся, а его сберег вам для показа» вписывает: «Пролетарият ведь всегда без чего-нибудь обойдется» (Л. 28) и др. При работе над текстом рассказа Платонов использовал записи из записной книжки (см.: *Записные книжки*. С. 25–27).

В настоящий момент мы не располагаем документальными источниками, подтверждающими, что в 1930 г. Платонов посетил родной город, но нельзя этого исключить, так как в тексте рассказа нашли отражение реалии этого времени, связанные с работой Воронежского паровозоремонтного завода им. Ф.Э. Дзержинского (до 1928 г. — Воронежские железнодорожные мастерские Юго-Восточных железных дорог, открыты в 1868 г.; в апреле 1929 г. заводу было присвоено имя Ф.Э. Дзержинского). Хозяйственный год 1929/30 стал тяжелым и одновременно переломным периодом в жизни завода. С осени 1929 г. поступают сообщения о случаях вредительства, в адрес завода звучат обвинения в некачественном ремонте и невыполнении плана: «Завод не выполнил производственной программы, одновременно резко ухудшилось качество ремонта паровозов, десятки писем с дорог и с участков буквально вопиют об отвратительном состоянии паровозов, выпускаемых заводом» (Величайший позор завода имени Дзержинского // Коммуна. 1930. 1 янв. С. 4. Подпись: *Глаз*). Завод как самый мощный на всей сети железных дорог СССР привлек «исключительное внимание со стороны руководящих организаций» (Резец. 1930. 16 янв. С. 1). Проблемы завода регулярно освещались не только на страницах заводской многотиражки «Резец», но и в центральной и местной печати («Правда», «Известия», «Гудок», «Коммуна», «Новая деревня» и др.).

Хорошо знакомый Платонову паровозоремонтный завод возникает в сюжете нескольких произведений: повести «Сокровенный человек» (1927), «Областных организационно-философских очерках» (1928), сценарии «Машинист» (1930).

С. 88. *Известные всему колесному цеху... — Колесный цех* — один из заводских цехов, в котором производился ремонт колесных пар. Кроме колесного, на заводе были котельный, литейный, механический, кузнечный, сборный, токарный, ремонтно-строительный, инструментальный, слесарный, трубный, электросварочный цеха. Эти 12 цехов обеспечивали капитальный и текущий ремонт паровозов всех серий. В колесном цехе завода в течение многих лет (с 1897 по 1915 г. и с 1920 по 1935 г.) работал отец Платонова, Платон Фирсович Климентов, ставший автором изобретения — «прибора для проверки положения контр-кривошипов ведущих осей паровозов всех серий», о котором сообщалось в печати (подробно о рабочей биографии П.Ф. Климентова см.: Антонова Е. «Происхождение мастера»: Платон Фирсович Климентов // Страна философов, 2017. С. 327–335).

...слабосильный Пугачев и могучий Абморев... — В автографе рассказа сохранился первый вариант оппозиции героев с акцентом на их национальности: «еврей <нрзб> и русский Абморев» (Л. 1). Вероятно, первоначальный замысел Платонова был связан с темой антисемитизма, к которой писатель уже обращался (см. примеч. к повести «Город Градов»: Сочинения, 2. С. 589–590). Эта тема оставалась актуальной и для «года великого перелома»: «Наличие антисемитизма в рабочей среде СССР в начале 1929 г. ни в ком не вызывает уже сомнения. <...> Антисемитизм среди рабочих стал заметно развиваться именно за последние годы» (Ларин Ю. Евреи и антисемитизм в СССР. М., Л., 1929. С. 238, 247); см. газетные заголовки: «Возмутительный случай

антисемитизма» (Коммуна. 1930. 3 янв. С. 1); «Не заметили издевательства. За беспощадную борьбу с антисемитизмом!» (Правда. 1930. 4 янв. С. 3. Подпись: *ПА-ОВ*); «Антисемиты в рабочей блузе. Против евреев и... рационализации» (Гудок. 1930. 26 янв. С. 4. Подпись: *М.Г.*); «Антисемиты и шовинисты пособники контрреволюции» (Гудок. 1930. 14 февр. С. 4).

...паровозные бандажи... — *Бандаж* — стальное кольцо, надеваемое в горячем состоянии на колесо паровоза для увеличения прочности и уменьшения износа колеса; часть колеса, непосредственно взаимодействующая с рельсом.

...вытер обтирочными концами ~ лицо... — *Обтирочные концы* — тряпки, ветошь, изготавливаются из вторичного текстильного материала и используются для очистки поверхностей различного оборудования.

...он глядел на церковную колокольню, с которой колокол был изъят вниз. — Борьба с колоколами была важной составляющей антицерковной политики государства на протяжении 1920-х гг. В конце 1929 – начале 1930 г. разворачивается масштабная антиколокольная кампания. На вызов Самары (объявившей о снятии к 15 января всех колоколов и передаче их на нужды индустриализации) откликнулись города по всему Советскому Союзу — в том числе Воронеж. Во время повторного вскрытия святых мощей Митрофана Воронежского была принята резолюция: «Снять колокола со всех церквей и передать их на радиофикацию страны. Закрыть храмы всех культов» (*Сысоев В.* Череп и микрофон // Радиослушатель. 1930. № 5. С. 4). Председатель областного Союза безбожников П. Зарин разъяснял экономическую выгоду проводимой кампании: «В ЦЧО цветных металлов в виде колоколов имеется, считая скромно по 350–400 пудов на каждую церковь, не менее полутора миллиона пудов. Эта масса меди сейчас висит на колокольнях совершенно бесполезно <...> На собрания, в кино, театры, в еврейские синагоги, мусульманские мечети, сектантские молельни народ ходит всякого зазывания колокольным звоном. Почему же православные не могут ходить на свои богослужения без колокольного звона...» (*Зарин П.* Колокола на нужды промышленности // *Нов. деревня.* 1930. 20 янв. С. 7). Воронеж обязался снять колокола со всех церквей к 1 мая и послать «красный эшелон колокольной меди в подарок заводам республики» (Коммуна. 1930. 4 янв. С. 4). Судя по опубликованному в заводской газете «Резец» ответу из Москвы, колокола были отправлены с опережением сроков: «В ответ на ваше письмо и ваш подарок, заключающийся в десяти вагонах колокольной бронзы, от имени рабочих и служащих завода заявляем, что вековой дурман колокольного звона мы превратим в орудия борьбы против капитализма и укрепления нашей социалистической промышленности и сельского хозяйства» (Письмо заводского комитета Аффинерного и металлопрокатного завода гор. Москвы // *Резец.* 1930. 19 апр. С. 1).

С. 89. *...а то ты исхудаешь и промфинплан сорвешь!* — *Промфинплан* — промышленно-финансовый план, главный документ, по которому ведутся все финансовые операции промышленности, определяются сроки и объем работы на один хозяйственный год. Составлялся ежегодно, к началу хозяйственного года, — к октябрю. В 1930 г. на большинстве промышленных предприятий страны возникла угроза невыполнения промфинплана

1929/30 г. — председатель ВСНХ В.В. Куйбышев выступил с анализом причин «поражения на промышленном фронте» (Коммуна. 1930. 1 янв. С. 4). Неутешительные сводки о ходе выполнения плана Воронежским паровозоремонтным заводом постоянно печатались в газетах «Резец», «Коммуна» и «Гудок». Почти ежемесячно завод не выполнял программу. Наиболее ожесточенная борьба за промфинплан на заводе велась сначала в мае — июне — в период подготовки к XVI партсъезду (см.: Дзержинцы обязались по-большевистски бороться за промфинплан // Коммуна. 1930. 3 июня. С. 2. Подпись: Ф. Ш.), — а затем в конце хозяйственного года.

С. 90. ...у меня *цельный сад* о *пятидесяти корнях!* — То есть достаточно большой сад. Согласно Постановлению Облисполкома ЦЧО от 8 июня 1930 г., «в целях содействия развитию огородничества и садоводства» сады, превышающие «30 корней плодоносящих деревьев на одно хозяйство», должны облагаться сельскохозяйственным налогом «по установленным специальным нормам доходности» (Льготы по огородничеству и садоводству. Постановление Облисполкома от 8 июня 1930 г. // Коммуна. 1930. 10 июня. С. 4).

Вагонный буфер — пружинящее приспособление, служащее для восприятия толчков между вагонами при маневрах и при следовании в пути, а также для удержания вагонов от чрезмерных поперечных колебаний.

...на *производственном совещании*... — *Производственные совещания* — форма привлечения «всех производственников, рабочих к активному участию в борьбе за хозяйственный план, за полное его осуществление и превышение в каждом предприятии, в цехе, бригаде» (Производственные совещания — штабы социалистического соревнования // Железнодорожник. 1930. № 8. С. 4. Подпись: И. С.).

...*Абморов высказался, что рабочему пицци мало*... — Продовольственное снабжение рабочего класса признавалось руководством страны «одним из наиболее трудных участков» хозяйственного фронта (Прения по политическому и организационному отчетам ЦК ВКП(б). Речь тов. Микояна // Правда. 1930. 4 июля. С. 3). Снабжение городов было дифференцированным, все города делились на три категории: к первой относились крупные индустриальные города — Москва, Ленинград, все новые промышленные центры, ко второй — 105 крупных промышленных городов, к третьей — все остальные города СССР (включая Воронеж, однако обсуждался вопрос о переводе его в другую категорию). Между городами первой и второй категории распределялась «основная масса дефицитных товаров и продуктов питания в централизованном порядке» (О рабочем снабжении Воронежа // Коммуна. 1930. 9 апр. С. 4). Остальные города должны были сами обеспечивать себя продовольствием. О нехватке продуктов питания (не только дефицитных мяса, молока, но даже хлеба) сообщала местная печать: «Иногда в магазинах хлеба не бывает совершенно» (К ответу дезорганизаторов рабочего снабжения // Коммуна. 1930. 11 февр. С. 1).

При этом справедливое недовольство рабочих плохим питанием объяснялось их отсталостью и враждебным отношением к социалистическому строительству: «Глаза рабочих всего мира устремлены на Советский Союз, а шептунам из сборного цеха это все нипочем. “Нет, — говорит, — маслаца,

и все! — кормите соленым мясом, а раз так, то дескать, все вы врете, за границей рабочий живет припеваючи... Чьи это разговоры? Это разговоры кулака...» (Гольберг Ю. Шептуны из сборного // Резец. 1930. 25 марта. С. 1).

...Пугачев же, наоборот, доложил, что рабочая пища зависит от паровоза и нужно поскорее развивать завод... — Решение продовольственной проблемы связывалось с выполнением производственных программ: «Дадим больше паровозов, больше тракторов, коллективизацию сельского хозяйства — будет больше хлеба, масла. <...> Рабочий класс сознательно себя сейчас ограничивает и главные средства бросил на индустриализацию. Больше машин, угля, нефти (пятилетка — в 4 года). Вот чем живет сознательный рабочий» (Гольберг Ю. Шептуны из сборного // Резец. 1930. 25 марта. С. 1).

...революция же будет рожать рожь на базе металлургии. — Форсированное развитие металлургии, предполагающее строительство новой угольно-металлургической базы — Урало-Кузбасского комбината и значительное увеличение пятилетнего плана (с 10 млн тонн чугуна до 17 млн тонн), было названо первоочередной задачей страны на XVI съезде ВКП(б): «Эта программа металлургии есть решающий план построения фундамента социалистической экономики» (Социалистическая промышленность — главный рычаг развернутого социалистического наступления // Правда. 1930. 9 июля. С. 1).

С. 91. — Не забудь: я токарь, а кадров нету! — Нехватка кадров — одна из центральных проблем первой пятилетки (см. примеч. к повести «Котлован»: Сочинения, 4(1). С. 578). Воронежский паровозоремонтный завод испытывал недостаток в квалифицированных рабочих. Положение осложнялось массовыми увольнениями: «За короткий промежуток времени из токарного цеха завода уволилось 10 токарей. 13 марта еще трое токарей подали заявления об увольнении с завода... уходят работать туда, где больше платят» (Вот они — дезертиры // Резец. 1930. 17 марта; см. также: Принять срочные меры // Резец. 1930. 12 мая. С. 4. Подпись: Зрячий). Некоторым цехам кадровый голод угрожал полной остановкой станков — рабочим приходилось работать в несколько смен. Особенно не хватало токарей: «Отсутствие достаточного кадра токарей для токарного отделения и сборного цеха приносит производству большой тормоз в работе и простой станков во второй смене и в выходные дни» (Взгляните в лицо сборному цеху // Резец. 1930. 2 апр. С. 1). Биржа труда не справлялась с заказами — завод должен был своими силами решать кадровую проблему.

— Хватит! — сказал чернорабочий. — Я могу выучиться! — Согласно плану Центрального управления по кадрам НКПС, в 1930–1931 гг. «основная установка делается на курсовые подготовку и переподготовку всех видов, как дающие эффект в кратчайший срок. Сеть курсов намечается развернуть в мае текущего года» (Воспроизводство технических кадров транспорта // Известия. 1930. 27 марта. С. 2). Попытки организовать краткосрочные рабочие курсы и технические кружки на Воронежском паровозоремонтном заводе предпринимались с осени 1929 г. (см.: Бесплатные курсы для рабочих // Резец. 1929. 11 сент. С. 1; Дайте возможность учиться // Резец. 1930. 23 февр. С. 4. Подпись: Комсомолец). Весной 1930 г. подготовка кадров еще не была

налажена: «...существующие кружки влчат жалкое существование, посещаемость слабая» (Повышай техническую грамотность, готовь командиров для промышленности // Резец. 1930. 9 марта. С. 2); «Необходимо скорее оформить функционирование организации курсов по подготовке токарей при сборном цехе» (Взгляните в лицо сборному цеху // Резец. 1930. 2 апр. С. 1). В мае – июне ситуация стала постепенно улучшаться — заработали «токарные, слесарные и литейные курсы» (Тихомиров А. Борьба за кадры // Резец. 1930. 9 июня. С. 2). Ученики на курсы «набирались по преимуществу из среды заводских чернорабочих» (Шелудько В.Н. Воронежский паровозоремонтный завод имени Дзержинского. М., 1931. С. 61).

...отчего ты не ударник? — Развитие ударничества как одной из форм социалистического соревнования началось в 1929 г. Важной вехой стало обращение ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ к рабочим и комсомольцам в январе 1930 г.: «Ленинский призыв в ударные бригады должен <...> решить задачу поголовного вовлечения масс в социалистическое соревнование» (Ленинский призыв ударников // Правда. 1930. 21 янв. С. 1). В феврале 1930 г. колесный цех завода им. Дзержинского объявил себя ударным: «Слесари тт. Климонтов <sic!>, Брюханов, Зацепин и Налетов снизили расценки на 5 проц. и объявили себя ударной группой. Бригада бандажников тт. Беляев, Селиванов, Енин, Кунаев и Птицын тоже объявили себя ударниками и снизили расценки тоже на 5 проц. <...> Все ударные группы и бригады взяли на себя обязательства уплотнить рабочий день, совершенно изжить прогулы по не уважительным причинам, бережно относиться к станкам и металлу и активно участвовать в работе П<роизводственных> К<омиссий> и П<роизводственных> С<овещаний>» (Ударный цех // Коммуна. 1930. 6 февр. С. 3. Подпись: *Ив. Пир.*). Вместе с тем из-за «неударников» результаты работы цеха признавались неудовлетворительными: «В колесном цехе, например, ударная коммуна едва-едва дает 50 проц. выработки индивидуалов. В каждой бригаде есть свои группы лодырей, которые проедают усилия добросовестных ударников» (Потомки Обломова // Коммуна. 1930. 27 февр. С. 3. Подпись: *С. Н-ский*).

Жена Абморова как встретила гостей, так и заскулила, что у нее нету в доме ни мыла, ни катушек... — С 10 мая 1930 г. был введен новый порядок распределения дефицитных товаров (утвержден Наркомторгом СССР), согласно которому все товары централизованного снабжения делились на группы: «К первой группе относятся хлопчатобумажные и льняные ткани, нитки, хозяйственное мыло. <...> Товары первой группы выдаются трудящимся исключительно по заборным книжкам по твердым индивидуальным нормам» (Обеспечить снабжение трудящихся // Правда. 1930. 10 мая. С. 5).

...своей девчужке она нигде не может найти калош, четырнадцатого номера. — Максимальный размер галош — шестнадцатый; четырнадцатый размер галош соответствует сорок пятому мужскому размеру кожаной обуви.

С. 92. — *Девять пудов живого весу!* — Пуд — устаревшая единица измерения массы русской системы мер, равная приблизительно 16,38 кг, т. е. дочка Абморова весит больше 147 кг.

С. 93. — *В социализм прорвемся, тогда наедятся, — теперь уж до терпят!* — Идея близости социализма определила пафос партийных выступлений летом 1930 г.: «...мы вступаем в период социализма» (Съезд великих исторических решений // Правда. 1930. 14 июля. С. 1); «Товарищи, мы вплотную подходим к социализму» (Речь тов. Калинина // Правда. 1930. 14 июля. С. 1).

И он произнес перед своим поколением речь о трудностях социалистического роста, — трудностях, которые побеждаются не чем иным, как дальнейшим ростом... — Проблемы, переживаемые страной в реконструктивный период (в том числе острый недостаток продовольствия), определялись властью как временные «трудности роста»: «...наши трудности являются не трудностями *упадка* или трудностями *застоя*, а трудностями *роста*, трудностями *подъема*, трудностями *продвижения вперед*. <...> Это значит, что отличительная черта наших трудностей состоит в том, что они *сами дают нам базу для их преодоления*» (Политический отчет ЦК XVI съезду ВКП(б). Доклад тов. Сталина 27 июня 1930 г. // Правда. 1930. 29 июня. С. 3).

Пацёнок — шенок, мальчишка, молокосос.

— *Нет, это правые так брешут...* — Правый уклон от генеральной линии партии, выразившийся в отказе от высоких темпов развития индустрии и реконструкции сельского хозяйства, считался главной опасностью на данном этапе. О борьбе партии с правым уклоном см. примеч. к рассказу «В поисках будущего (Путешествие на Каменскую писчебумажную фабрику)», с. 518 наст. изд.

...никогда не прошли переходного периода... — *Переходным* назывался период между капитализмом и социализмом. В заключительном слове на XVI съезде партии Сталин подчеркивал: «Ясно, что мы уже вышли из переходного периода в старом его смысле, вступив в период прямого и развернутого социалистического строительства по всему фронту» (Правда. 1930. 3 июля. С. 1).

На ихнем заводе пятьдесят процентов ударников... — С начала 1930 г. в газетах «Резец» и «Коммуна» регулярно публиковались сводки о развитии соцсоревнования и ударничества — с указанием, сколько процентов рабочих вовлечены в ударную работу на Воронежском паровозоремонтном заводе. Согласно этим сводкам, число ударников постепенно росло, и к лету ударничество охватило пятьдесят процентов рабочих: «Половина рабочих — ударники» (По-большевистски преодолеваем трудности // Коммуна. 1930. 7 июня. С. 2); «50 проц. рабочих завода являются ударниками, 5 основных цехов завода объявили себя ударными целиком» (Наш рапорт II Областной конференции ВКП(б) // Резец. 1930. 9 июня. С. 1). В целом по стране количество ударников от общего числа работников железнодорожного транспорта достигло 50 процентов в марте 1930 г. (Транспорт и хозяйство. 1930. № 4. С. 23).

Позор отцам, которые не в авангарде нашего детства!.. — Противопоставление передовых детей и их отсталых родителей — одна из актуальных тем первой пятилетки. Развитие в детях чувства сопричастности строительству социализма было важным элементом воспитания: дети обсуждали поставленные партией политические, культурные и хозяйственные задачи; ходили с экскурсиями на заводы и фабрики; устраивали в отряде производственные

уголки; участвовали в совместных с рабочими собраниях. Детям поручалось «перевоспитание» их «несознательных» родителей — например, через заключение договоров на соцсоревнование: «Пионеры проделывают большую работу по вовлечению родителей в соц. соревнование, которые будят, расталкивают пассивных рабочих» (Организационный отчет ЦК XVI съезду ВКП(б). Доклад тов. Л.М. Кагановича // Правда. 1930. 1 июля. С. 2).

С. 94. *Кто за то, чтоб отцу быть ударником транспорта — узкого места...* — О том, что транспорт является «узким местом», то есть отстает от темпа развития народного хозяйства и грузооборота, говорили уже осенью 1929 г. (см., например: Ускорить темп выполнения пятилетки. На V пленуме ЦК ВКП(б) // Правда. 1929. 10 ноября. С. 3). С начала 1930 г. проблемы транспорта как «узкого места» чуть ли не ежедневно освещались на страницах газет: печатались транспортные сводки, проводились дискуссии о судьбах транспорта. «На фоне непрерывного роста ударничества транспорт оказался одним из отстающих участков» (Транспорт и хозяйство. 1930. № 3. С. 5). Выражение «транспорт — узкое место» стало особенно популярным после выступления Сталина на XVI партсъезде. Соответствующий фрагмент доклада постоянно цитировался в статьях и выступлениях: «...несмотря на громадное значение транспорта, хозяйство транспорта, реконструкция этого хозяйства все еще отстает от общего темпа развития. Надо ли еще доказывать, что при таком положении мы рискуем превратить транспорт в “узкое место” народного хозяйства, могущее затормозить наше продвижение вперед. Не пора ли положить конец такому положению?» (Правда. 1930. 29 июня. С. 4; Коммуна. 1930. 1 июля. С. 2; Резец. 1930. 7 авг. С. 1).

Там сделали дом-коммуну и столовую общую дали, а бабы холодными примусами дерутся! Вот тебе и новая жизнь! — Обобществление быта, считавшееся главным средством перевоспитания рабочих и крестьян, горячо обсуждалось в ЦЧО с начала 1930 г. — см.: «Большинство рабочих живут двойной жизнью. Одна — на производстве, в коллективе... Другая — дома, в плену у кисейных занавесок и канареек в клетках» (Мещанское гнездо или дом-коммуна? Нужно самым решительным образом прекратить анархию, которая царит в жилищном строительстве // Коммуна. 1930. 5 янв. С. 3. Подпись: *Гр. Том*). 28 декабря 1929 г. Совнарком РСФСР принял постановление о переходе на новые методы жилищного строительства, «с широким применением обобщественных форм обслуживания бытовых нужд трудового населения» (*Клюев К.* Построим дома-коммуны // Коммуна. 1930. 11 янв. С. 3). По проекту Госплана Воронеж был включен в число городов, «в которых будет проведена комплексная планировка коммунального и жилищного строительства» (Коммуна. 1930. 15 янв. С. 4). Весной в ЦЧО проходил первый областной съезд жилищной кооперации, на котором было решено, что «1930 год должен стать годом перелома в сторону строительства кооперативных жилищ типа домов-коммун» (По пути обобществления быта // Коммуна. 1930. 20 апр. С. 4). Строительство первого в области дома-коммуны решено было начать в 1930 г. в г. Козлове: «В доме будут устроены: общественная столовая с кухней и др. вспомогательными помещениями, детские ясли и сад, прачечная с сушилкой и гладильней, общий зал, библиотека и несколько отдельных комнат для культурных занятий и отдыха. <...> Дом-коммуна

предназначается исключительно для рабочих. В нем будет размещено 270 человек» (Коммуна. 1930. 7 марта. С. 4). О домах-коммунах см. также примеч. к повести «Котлован»: *Сочинения*, 4(1). С. 529–531.

На страницах печати проводились дискуссии о типе новых домов, обсуждались различные проекты. Главным камнем преткновения в вопросах строительства коммунальных жилищ стала кухня. С заметной осторожностью архитекторы относились к идее общей кухни: «Не сживутся люди. “Грызня” на общей кухне развалит коллектив»; «Сейчас от общественного питания многих отталкивают нередкие “распри” домашних хозяек у общей плиты» (Мещанское гнездо или дом-коммуна? Нужно самым решительным образом прекратить анархию, которая царит в жилищном строительстве // Коммуна. 1930. 5 янв. С. 3. Подпись: *Гр. Том*). Решение проблемы видели в организации общественных столовых, где жители домов-коммун будут получать готовое питание. При этом всячески подчеркивалась непривлекательность для женщины «рабского» труда на кухне: «Нет женщины <...> которой приятен запах коптящего примуса. Мы голосуем за общественную столовую» (Когда не будет примусов // Коммуна. 1930. 30 марта. С. 4). К началу всесоюзного смотра общественного питания была напечатана серия плакатов: «Долой семейный примус и русскую печь» (Правда. 1930. 18 апр. С. 6).

...он, отец, обвинялся в оппортунизме на практике и в связи с мелкобуржуазными рабочими-хвостистами. — Оппортунизм на практике, хвостизм — распространенные политические обвинения. В оппортунизме на практике обвинялись те, кто «на словах соглашаются с генеральной линией партии, а на деле проводят явно другую линию или занимают позицию саботажника...» (Прения по политическому и организационному отчетам ЦК ВКП(б). Речь тов. Варейкиса // Правда. 1930. 1 июля. С. 8). Такое обвинение предъявлялось рабочим, не выполняющим планы: «Рабочие разоблачают “оппортунистов-практиков”, саботирующих высокие темпы промфинпланов» (Правда. 1930. 28 янв. С. 5). О рабочих-хвостистах так писала газета Воронежского паровозоремонтного завода: «Это всего только грязный хвост завода, это те, которым нет никакого дело до соцсоревнования...» (Резец. 1930. 2 апр. С. 3); «...расхлябанная часть завода, хвост — прогульщики, рвачи, разгильдяи ведут борьбу на срыв напряжения сил, на срыв задания...» (Резец. 1930. 27 июля. С. 1).

Говорил Абморов обычно не по существу и обязательно против, — на ржущее удовольствие всем чернорабочим, жителям ближних сельских мест. — Крестьянским происхождением, как правило, объяснялись все «грехи» рабочих: от хулиганства и прогулов до выступлений против правительственных мероприятий. Самые распространенные в это время политические обвинения (рвачество, хвостизм, оппортунизм) чаще всего адресовались рабочим из деревни. Особое внимание с начала 1930 г. эта значительная часть заводского коллектива привлекла в связи с развертыванием коллективизации. Рабочих призывали первыми вступать в колхозы, однако большинство заводчан оставались единоличниками: «Например, по котельному цеху из 30 человек рабочих, живущих в деревне, только 6 человек <...>

состоят членами колхоза, а остальные 24?» (Почему? // Резец. 1930. 2 апр. С. 4. Подпись: А-В.). В целях «перевоспитания» рабочих, пришедших из села, проводились специальные собрания, беседы, организовывались «кружки колхозного строительства», выезды в деревню с культпрограммой (см.: Резец. 1929. 17 дек. С. 1; Резец. 1930. 19 июня. С. 2).

С. 95. — *Ну, коровий наместник пошел!* — Ср. шуточные народные выражения: «коровий бог» (о ветеринаре); «коровий полковник» (о пастухе) (Словарь русских народных говоров. Вып. 14. Л., 1978. С. 351).

...выразил свое некоторое расхождение с социализмом в области движения детских садов... — В 1930 г. проводилось крупное агитационно-просветительное мероприятие — «дошкольный поход», о начале которого было объявлено летом 1929 г. В связи с походом были выдвинуты задачи: организация дошкольных учреждений, пропаганда коммунистического воспитания в семье и ликвидация «педагогической неграмотности рабочих и крестьян» (Друг детей. 1930. № 2. Обложка. С. 3). Развернулась большая разъяснительная работа: на заводских, профсоюзных, комсомольских и др. собраниях говорили о стопроцентном охвате детей рабочих дошкольными учреждениями и общественном воспитании нового человека. «Дошкольное дело становится делом политическим, ибо в нем участвуют массы» (Орлова Р. Кооперирование населения для организации дошкольного воспитания // Дошкольное воспитание. 1930. № 1. С. 11). В многочисленных статьях, рапортах, докладах освещались проблемы детского питания, нехватки яслей и садов, скудного снабжения, отсутствия кадров; подчеркивались недостатки семейного воспитания и необходимость «пролетарского контроля» за семьей: «Широкие массы трудящихся должны осознать, что индивидуальное воспитание в семье — огромное зло» (На областном съезде ОДД // Коммуна. 28 янв. С. 4). Для ЦЧО вопрос организации детских садов и площадок стоял особенно остро: «ЦЧО по числу дошкольных учреждений стоит на одном из последних мест в республике. Детсадами у нас охватывается лишь 0,7 проц. детей дошкольного возраста...» (Туммель С. Месячник коммунистического воспитания детей // Коммуна. 1930. 24 мая. С. 2). С 20 мая общество «Друг детей» проводило месячник помощи детям: «Этим месячником ОДД совершает переход к подлинному разрешению вопросов коммунистического воспитания и охраны детства» (Там же).

— *Наших деток водят кучей по дорожкам, а траву мать не велят! ~ и ноги их худеют...* — Здоровье советских детей, живущих в городах, вызвало тревожные опасения врачей — в печати приводились данные о здоровье школьников: «...свыше 50% <...> страдает малокровием, а у 80% можно определить те или иные признаки туберкулеза» (Зубкова. Больше солнца и света детям // Друг детей. 1930. № 4. С. 9); «По данным медицинского обследования прошлого и текущего учебных годов, только 10 проц. школьников первой ступени г. Воронежа здоровы, 30 проц. детей имеют туберкулезную интоксикацию, 23 проц. страдают сильным малокровием и т. д. Итак, 80 проц. больных детей-школьников требуют внимания советской общественности. Отмахнуться от них нельзя: они наша смена» (Оздоровить детский быт // Коммуна. 1930. 8 апр. С. 4. Подпись: Н. К. и Я. О.).

Объяснялась эта печальная статистика и тем, что детям не хватает пространства, природы, зелени: «Для самых разнообразных целей мы отнимаем у детей имеющуюся при школах зеленую площадь и предоставляем детям проводить перерывы между уроками либо на грязной мостовой перед школой, либо в душных, полутемных коридорах»; предлагалось «устроить для детей оздоровительную площадку-общезитие за городом, куда вывезти наиболее нуждающихся детей рабочих» (Там же).

То же самое и в помещении: приведут туда детскую роту, а там висит старик Карл Маркс с бородой — и детей пугает. — См. развитие этого сюжета в повести «Ювенильное море»: «Я тебя в ясли отдам <...> Там страшно <...> Там старик с бородой как картина висит <...> Федератовна обиделась за Карла Маркса...» (Сочинения, 4(1). С. 197).

Яблочки принесут, а они прошлогодние — из них кооперация-стерва весь сок спустила, и дадут детям по ломтику, а ягодок по парочке... Ну где же тут детская радость? — О плохом снабжении детских столовых, детдомов, садов, яслей постоянно сообщалось в печати: «Хуже всего организовано питание детей от 3 до 7 лет <...> нет никакого органа, регулирующего питание детей этого возраста» (Друг детей. 1930. № 7. С. 5). Работа кооперации подвергалась критике: «Помимо скверной перевозки и доставки фруктов возмущает так называемая “централизация” торговли этими скоропортящимися и довольно нежными товарами. Воронежский ЦРК, например, упорно не желает пустить ягоды (клубнику и черешню) в продажу через ларьки, отпуская ее только через 2–3 центральных магазина. Помимо очередей, это вызывает порчу фруктов...» (Ни одного кило испорченных овощей! // Коммуна. 1930. 20 июня. С. 4).

С. 96. — *Вернись, — сказал Абморову Пугачев-отец. — Увидят — из союза исключат.* — Имеется в виду исключение из профсоюза как мера общественного воздействия на «отсталых» и «чуждых» рабочих. В январе 1930 г. на Воронежском паровозоремонтном заводе специальная комиссия изучала социальный состав рабочих, в итоге — «24 человека вычистила комиссия нашего завода и 9 человек исключила из союза» (Плотников. Долой сорную траву с завода! // Резец. 1930. 14 янв. С. 2); «...надо со всей резкостью ставить вопрос о невозможности дальнейшего пребывания в союзе окулачившихся железнодорожников» (Долой кулаков с транспорта! Среди железнодорожников, связанных с деревней и имеющих там хозяйство, надо развернуть политическую работу // Гудок. 1930. 17 янв. С. 1. Подпись: Ю. Конст.).

— *Пойди на самораскулачиванье!* — Самораскулачивание — реалья эпохи сплошной коллективизации, когда крестьяне перед вступлением в колхоз или выездом из района избавлялись от своего имущества: «Самораскулачивание проводится преимущественно по линии продажи живого и мертвого с/х инвентаря, физического уничтожения скота и раздачи своего имущества по беднякам» (см.: Спецсводка ПП ОГПУ по Средне-Волжскому краю о ходе раскулачивания на 13 февр. 1930 г. // Трагедия советской деревни, 2. С. 207).

На будущий же год завод имени Дзержинского решил организовать сад в четыреста гектаров, дабы детям было где расти, а взрослым имелось

место для свободного дыхания. — Решить насущную проблему снабжения, а также физического оздоровления рабочего и его семьи правительство предлагало с помощью организации садов и огородов на пустующих землях. Вопрос обсуждался и на Воронежском паровозоремонтном заводе: «Разве мы не могли бы по примеру московских рабочих взять несколько десятков га земли, засадить картошкой и прочими сельскохозяйственными продуктами. <...> Все это вместе взятое может доставить рабочему не только экономию на покупке продуктов, но и представить рабочему возможность оставлять летом пыльные улицы города и уезжать в поля и укреплять на свежем, бодрящем, чистом воздухе свое здоровье» (*Ларин*. Огороды для рабочих // *Резец*. 1929. 17 дек. С. 6). Весной 1930 г. в ЦЧО проводилась кампания «За 25 000 га рабочих огородов». Пленум ЦК железнодорожников «постановил организовать рабочее огородничество на пустующих землях и отчуждениях дорог. <...> Устройством пяти или шести дней огородничества, по примеру дней леса, можно на год улучшить дело снабжения. Работа на воздухе полезна для здоровья. Провести эту работу можно с оркестром, весело и разумно» (*Ларин*. За рабочие огороды // *Резец*. 1930. 1 мая. С. 2).

К тому времени как весь завод перешел на ударничество... — Борьба за ударный завод — один из рабочих лозунгов 1930 г. На совещании ударных смотровых бригад Воронежского паровозоремонтного завода в конце марта было принято решение: перевыполнить апрельскую программу с тем, «чтобы 1 мая объявить завод имени Дзержинского ударным заводом» (*Резец*. 1930. 2 апр. С. 1). Однако к 1 мая сделать завод «ударным» не удалось: «Те обязательства, которые мы взяли на себя в апреле, как то: ликвидация прорывов, полный охват ударничеством всего завода, доведение промфинплана до станка, группы <...> остались невыполненными» (С чем мы встречаем первое мая // *Резец*. 1930. 1 мая. С. 1). Проблема ударничества остается в повестке дня и в августе, поэтому колесный и трубный цеха «вынесли решение отработать один выходной день в фонд индустриализации страны и оставшиеся дни до конца бюджетного года объявить особо ударными» (*Дзержинцы* обязаны быть на красной доске // *Резец*. 1930. 14 авг. С. 1). Лишь в сентябре завод смог не только выполнить, но и перевыполнить (на 10 паровозов) годовую программу. Значительное увеличение числа ударников дало возможность вновь говорить об объявлении завода ударным к главному революционному празднику: «Из всего состава рабочих по заводу 4380 <человек> ударников 3-го года пятилетки 3017 <человек>, т. е. 80% всего состава рабочих. <...> Сделаем весь завод ударным 3-го года пятилетки к 13-й годовщине Октября!» (*Анучин*. О ходе соцсоревнования и ударничества на заводе им. Дзержинского // *Резец*. 1930. 17 окт. С. 2).

С. 97. ...и приурочили к сторожевой будке — караулить завод от хищников... — О том, что на заводе происходят хищения, регулярно сообщал «Резец»: «На нашем заводе процветает воровство цветных металлов и другого более ценного материала. Ответственность за сохранность материала соблюдается очень скверно» (*Дьяков*. Цветные металлы разворовываются // *Резец*. 1930. 23 февр. С. 4). Называлось уязвимое место завода: «...охрана завода поставлена так, что всякий, кому не лень, может свободно проникнуть

в завод» и предлагались меры: «Необходимо в срочном порядке дирекции завода заняться этим вопросом. Нужно поставить у ворот стрелка, который проверял бы права отдельных лиц на вход в завод» (*Фетисов Н.* Вместо бдительности — разгильдяйство // *Резец.* 1930. 22 авг. С. 1).

...для показа школьным экскурсиям... — На территорию предприятия приезжали детские экскурсии из окрестных городов и сел: так, из подшефного газете «Коммуна» села Хохол «в Воронеж на экскурсию прибыла группа школьников-пионеров. В Воронеже экскурсанты осмотрели ряд предприятий — завод им. Дзержинского...» (*Коммуна.* 1930. 25 мая. С. 2. Подпись под фотографией).

...разложил на домашней скамейке девочку и стал пороть ее ремнем по толстому туловищу. — Телесное наказание детей считалось одной из главных бед семейного воспитания, «язвой» старого быта. В начале 1930 г. по всей стране прошла кампания, организованная обществом «Друг детей», под лозунгом: «Долой битье и наказание детей в семье, за коммунистическое воспитание»: «Сейчас по всему Союзу прокатывается волна родительских и детских собраний по вопросу о борьбе с битьем и о способах нового воспитания. <...> Мы должны навсегда отказаться от ремня и плетки и только посредством разумного слова, разумной организации детского труда и отдыха создавать нового человека» (*Кальма Н.* Против ремня! За коммунистическое воспитание детей // *Гудок.* 1930. 7 февр. С. 4).

ВОЛЬТОВА ДУГА (Рассказ об ударниках-изобретателях) (с. 98). — Публикуется впервые.

Источники текста:

Автограф (*ИМЛИ.* Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 1–12).

Машинопись с авторской правкой, редакторскими пометами и исправлениями (*ИМЛИ.* Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 1–9).

Датируется первой половиной 1931 г.

Печатается по автографу с учетом правки в машинописи.

Автограф очерка выполнен карандашом на чистых листах бумаги. На первой странице — запись для машинистки: «3 экз<емпляра>». Единственный сохранившийся экземпляр машинописи содержит исправления опечаток, небольшую стилистическую правку, вписанный подзаголовок «Рассказ об ударниках-изобретателях» и несколько сокращений, — все это сделано рукой Платонова. Среди вычеркнутых фрагментов — часть фразы о В.И. Ленине: «Много раз воображал В.И. Ленин этот лесной низкий район, когда слушал Классона...»; предложение о положительном эффекте от изобретения Классона: «Черный, многолюдный труд вовсе ликвидирован с добычи торфа»; два больших фрагмента: «Как работаете? ~ Мне стало жалко, что эти люди тратят свою жизнь на черный труд» и «Я объяснил товарищу ~ Их надо изобретать и испытывать»; несколько слов, например, в словосочетании «тысячи болотных рабочих» зачеркнуто слово «болотных»; «для электрификации, для социализма потребовались...» — «для социализма». Данная

машинопись находилась в журнале «Прожектор», о чем свидетельствуют две пометы на первой и второй страницах: «Прожектор». Основная правка Платонова, в том числе вычеркивания, выполнена синими чернилами и, вероятно, в редакции журнала: теми же синими чернилами сделана часть редакторских помет, в том числе запись на первой странице: «Прожектор»; указания рядом с подзаголовком, с одной стороны — «петит», с другой — «в разрядку»; фамилия автора «Андрей Платонов» в конце рассказа зачеркнута и вписана перед названием. Ряд специфических редакторских помет и исправлений сделан синим и красным карандашом, например, обозначение границы между частями очерка. Кроме того, не рукой Платонова и другими синими чернилами исправлена последняя фраза «...“вольтову дугу” их творческого напряжения, которое создает в них партия пролетариата и электричества»: зачеркнуто слово «электричества» и вписано «великий размах социалистического строительства».

Вероятно, очерк был написан по материалам реальной поездки Платонова на электростанцию им. Р.Э. Классона. Сохранилась записная книжка, содержащая данные, связанные с торфоразработками. Записи краткие и неразборчивые: о количестве людей в разного рода работах, торфяниках как основной рабочей силе, заработной плате. Вот некоторые из них: «Зимняя работа / основная раб<ота> <нрзб> — 1500 чел<овек> Если бы были квалифицир<ованные> раб<очие> <нрзб> можно — 700 чел<овек>», «нужно торфяниц — 5800 к 1/V, имеется — 2800»; «торфяницы в среднем зарабатывают — 60 р — 70 р, а торфяницы это основная <нрзб> рабочая <сила>», «31 г. / Гидроторф», «1 тонна на 1 чел/день / по плану 6, 93 / План 31 г. / рабочих 8000 ч<еловек> / из них торфяниц 6200 ч<еловек>» (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 1–5). Две записи указывают на «31 г.», одна содержит более конкретное обозначение времени: «к 1/V». Ни одна цифра из записной книжки не перешла в очерк, а предложение использовать вольтову дугу для решения различных практических задач принадлежит самому А. Платонову (см. об этом примеч. к техническому проекту «Овладеем техникой вольтовой дуги!», с. 813 наст. изд.).

С. 98. *Вокруг Павлова посада...* — Павловский Посад — город в Московской области, известный производством платков; один из ближайших к Богородску (ныне Ногинск) центров текстильной промышленности; в окрестностях Богородска в 1912–1924 гг. построена первая в мире электростанция, использовавшая в качестве топлива торф.

Инженеры Классон и Кирпичников некогда прибыли сюда по лесной дороге и рассказали потом В.И. Ленину про торф, новую силу пролетариата... — Классон Роберт Эдуардович (1868–1926) — инженер-электротехник, по проектам которого построена первая работающая на торфе электростанция близ Богородска; Кирпичников Виктор Дмитриевич (1881–1937) — инженер-энергетик, коллега и соратник Классона. Об их совместной работе рассказывается в одном из очерков, посвященном добыче торфа: «По инициативе Классона, почти накануне империалистической войны, возникло акционерное общество “Электропередача”, которое в 1912 г. и приступило

к постройке электростанции близ г. Богородска — ныне районная электростанция имени Классона. Заработала она на местном торфе» (*Беляев С. Ленинская Шатура // Наши дост.* 1929. № 1. С. 84–85). Сначала торф разрабатывали по старинке, вручную, однако «упомянутый Р.Э. Классон совместно с В.Д. Кирпичниковым нашли новый способ добывания торфа, “гидроторф”. Он быстро завоевывает себе признание» (Там же. С. 92). Практическое применение этот способ получил после революции, при энергичной поддержке В.И. Ленина.

...электрификация, одна из слагаемых коммунизма, получила здесь один из источников своего питания — торф. — Известна формула Ленина из речи на Московской губернской конференции РКП(б) 21 ноября 1920 г.: «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны» (*Ленин. ПСС, 42. С. 31*).

С. 99. *Классон ~ выработал знаменитый гидравлический способ добычи торфа — путем размыва торфяных залежей могучей водяной струей.* — Разработанный Классоном способ добычи торфа получил название «гидроторф». Этот способ описан в популярной литературе: «Рабочий направляет струю воды, которая с колоссальной силой размывает торфяной пласт до основания. Получается торфомасса, на вид землисто-коричневая жидкая грязь. Торфососный кран сосет эту жижу в торфодробилку, где жижа перетирается <...> и гонится на “осушительные” поля в “аккумуляторы”, которые распределяют по полю гидромассу равномерным слоем. Под солнечными лучами вода испаряется из гидромассы, а часть уходит в почву. Гидромасса принимает вид коричневого упругого киселя. Тогда женщины идут по этому киселю и особыми сечками, “цапками”, нарезают торфяные кирпичи» (*Беляев С. Ленинская Шатура // Наши дост.* 1929. № 1. С. 92–93).

...сами шумели: бабы, будьте хозяйками государства... — В.И. Ленину приписывали фразу, которая часто воспроизводилась в печати: «Каждая кухарка должна управлять страной», — например, в одноименной статье в «Рабочей газете»: «Эти слова сказаны ночью 4 апреля 1917 года. Тов. Ленин тогда приехал в Ленинград. Матросы просили его стать на броневик и произнести речь. Ленин сказал: — Необходимо построить работу большевиков так, чтобы каждая кухарка могла управлять страной» (*Раб. газ.* 1929. 27 апр.).

С. 100. *Гидроторф...* — Тема торфа и гидроторфа в 1931 г. регулярно поднимается в печати: *Федоров Вл. Шатура-город // Наши дост.* 1931. № 7–8; *Семеновский Дм. Электростанция на торфе // Наши дост.* 1931. № 12.

С. 101. *Тройка ударников ~ задумала применить для добычи, формовки и подсушки — вольтову дугу.* — Вольтова дуга — сварка и резка металлов электрическим пламенем; в начале 1930-х гг. новое дело: см., например, заметку о применении вольтовой дуги для сварки судов на Киевской судостроительной верфи (Энтузиасты вольтовой дуги // *Правда.* 1932. 13 марта. С. 3; подпись: *Бригада «Правды» и «Пролетарской правды»*); об изготовлении электросварочных аппаратов на ленинградском заводе «Электрик» (*Старчаков А., Винтер Г. Энтузиасты вольтовой дуги // Известия.* 1932. 10 мая. С. 4). Предложение использовать вольтову дугу для добычи и просушки торфа, а также других практических задач принадлежит самому А. Плато-

нову и его брату П. Климентову (см. наст. изд., раздел «Технические проекты»). Идею применять вольтовую дугу для различных промышленных целей Платонов «передает» героям повести «Ювенильное море» (1932); была она в набросках к пьесе «Объявление о смерти» (лето 1931 г.) и рассказу «Товарищ пролетариата» (начало 1930-х гг.).

КУХОННЫЙ МУЖИК СОВЕТСКОГО СОЮЗА (с. 104). — Русская литература. 1997. № 3. С. 175–181. Публикация В. Перхина.

Источники текста:

Машинопись неполная, с авторской и редакторской правкой (ГЛМ. Ф. 49. Оп. 2. Ед. хр. 68. Л. 1–10; отсутствует с. 4).

Фрагмент машинописи (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 2. Ед. хр. 50. Л. 13; с. 9).

Датируется концом 1930 г., второй половиной 1931 г.

Печатается по машинописи ГЛМ с учетом авторской правки.

Машинопись ГЛМ, сохранившаяся в фонде Н. Замошкина, содержит незначительную карандашную правку Платонова и более поздние редакторские исправления: чернилами (только на с. 1), а также синим и красным карандашом. Во время перепечатки текст не имел заглавия; оно было вписано Платоновым позже, карандашом, одновременно с указанием жанра — «очерк».

Участие Замошкина в судьбе этого произведения свидетельствует о том, что машинопись побывала в редакции журнала «Новый мир». Сам Замошкин одобрил печатание очерка: ему принадлежит резолюция на первом листе машинописи: «Я — за»; но другой, неустановленный, рецензент категорично высказался: «Не печатать». В итоге машинопись попала в архив журнала, откуда потом и забрал ее Замошкин.

Отсутствие с. 4 машинописи было обнаружено уже рецензентами «Нового мира»; в связи с этим на левом поле первого листа появился вопрос: «Где 4–1 <sic> страница? А.М.» (судя по почерку, запись оставлена членом редколлегии журнала А. Малышкиным). Восполнить нехватку потерянной страницы пока что не представляется возможным.

Редактор, работавший с текстом, произвел в нем многочисленные вычеркивания, сократив в итоге более страницы от общего объема. Ему не понравилась «задумчивость» Щербакова, и упоминание о задумчивости было вымарано, вместе с последующим объяснением ее причин («был почему-то часто печален ~ выражалась в угрюмом состоянии»). Показались излишними и тоже были вычеркнуты рассуждения о «диалектической» жизни совхоза («в нашем совхозе громкая жизнь! ~ зеницей ока моргает»), несущихся зимой курах («Да уж наверно порядочно! ~ несутся! — ответил Кашкаров»), воробьиных «плеядах» и «полезных» ястребах («Он и подкулачником может ~ Вот, смотрите!», «Ястреб, он тоже может ~ годятся ли дураки»). Были сокращены некоторые необязательные, по мнению редактора, реплики («А я думал, что все можно ~ сказал Кашкаров», «Огурчики, баклажанчики ~ одобрил Чичеров»). Также редактор фактически избавился от темы кухонного мужика. Оба упоминания о нем исчезли вместе с фрагментами «Езжай

в Москву сообщаться ~ Кашкаров остался серьезным» и «может быть, сама Академия наук, чтобы сделать из ветра Кухонного мужика и Истопника Советского Союза». В результате авторское заглавие утратило смысл и также было вычеркнуто синим карандашом; поверх него кто-то, скорее всего, Замошкин, вписал чернилами новый вариант «Ветер, а не человек».

Страница машинописи, хранящаяся в *ИМЛИ*, содержит фрагмент заключительной части рассказа: «...жизненное испарение ~ действующей силой социализма». В тексте учтены как авторские, так и редакторские исправления, внесенные в машинопись *ГЛМ*. Можно предположить, что эта страница сохранилась от машинописи, выполненной с машинописи *ГЛМ* с учетом редакторских исправлений и, надо полагать, даже с изменением заглавия.

Не вполне понятно, была ли заключительная часть очерка (со слов: «Зима давно миновала...») написана одновременно с предшествующей основной частью. В 1931 г. Платонов попытался создать более крупное произведение о Кашкарове, в связи с чем, предположительно, объединил какой-то первоначальный вариант «Кухонного мужика...» со статьей «О машинном поливе полей в районах МТС». По некоторым признакам можно допустить, что финал был впервые задуман при проработке этого объединенного текста в 1931 г., однако, отказавшись от своего намерения, Платонов в итоге закрепил часть «Зима давно миновала...» за «Кухонным мужиком...». Если принимать во внимание подобную гипотезу, «Кухонный мужик...» мог обрести окончательный вид лишь во второй половине 1931 г. (см. примеч. к проекту «О машинном поливе полей в районах МТС», с. 809 наст. изд.). Учитывая, что, приступая, как предполагается, к объединению «Кухонного мужика...» со статьей «О поливе полей...», Платонов считал сельскохозяйственный сезон 1931 г. все еще открытым для планирования, дата создания первого варианта «Кухонного мужика...» определяется как рубеж 1930–1931 гг. В тексте, безусловно, отразились впечатления Платонова от первой поездки в Средневолжский край (см. примеч. к очерку «За большевистского счетовода в колхозе!», с. 586–588 наст. изд.).

Косвенным доказательством существования неизвестной нам редакции «Кухонного мужика...», возможно, является хранящийся в РГАЛИ фрагмент листа машинописи (нижняя часть, 3 строки) с текстом: «В совхозе мы остались ночевать. Поздно вечером я еще раз увиделся с тов. Кашкаровым и спросил его — делает ли что совхоз для ближних колхозов или совхоз работает в одиночку» (Ф. 2124. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 17).

Судя по рисунку подписи, рецензентом «Нового мира», оставившим на рукописи указание «Не печатать», мог быть И. Гронский, чья фамилия появляется в составе редакции журнала с № 7 за 1931 г. Затем с № 12 Гронский сменяет В. Полонского на посту ответственного редактора. Несмотря на сложное положение Платонова после публикации «Впрок», в конце 1931 г. «Новый мир» заявляет о его участии в журнале в следующем году: в № 11, выпущенном еще при Полонском, Платонов значится как в рубрике, анонсирующей «ряд новых произведений», так и в рубрике «Статьи и очерки». Однако при Гронском, в № 12, упоминание о Платонове среди авторов статей

и очерков исчезает, что могло быть связано с окончательным решением об отклонении «Кухонного мужика...».

Развиваемая в очерке идея использования электричества с целью улучшения жизни крестьян (обеспечение водоснабжения и отопления совхоза), а также тема ветродвигателя сближают этот текст с автобиографическим «Рассказом о потухшей лампе Ильича» (1926) и незавершенными набросками «Ветер-пахарь» (см. с. 404–409 наст. изд.).

С. 104. *Кухонный мужик* (устар.) — мужик, служащий на кухне.

С. 108. ...*Московского научного института, где состоял аспирантом его товарищ по ленинградскому заводу...* — Упоминание о заводе свидетельствует о том, что Кашкаров принадлежит к числу двадцатипяти тысячников, отправленных на руководящую сельскохозяйственную работу по постановлению пленума ЦК ВКП(б) «Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства», принятому в ноябре 1929 г. В свою очередь, судьба аспиранта, товарища Кашкарова, содержит аллюзию на жизненные обстоятельства младшего брата Платонова — Петра Климентова, который с 1930 г. учился в Ленинграде, а в 1931 г. одновременно с учебой работал также и в Москве (см. с. 813 наст. изд.).

...*изобрести к лету регулятор напряжения для динамо-машин, работающих от двигателей с переменными скоростями...* — С 1925 г. Платонов сам являлся обладателем патента № 758 на «устройство для поддержания напряжения сети постоянным при переменном числе оборотов генератора переменного тока» (см.: Антонова. С. 465, 469, 477).

ЗАБЛУЖДЕНИЕ НА РОДИНЕ КОМПОТА (с. 111). — *Архив*, I. С. 250–254. Публикация Н. Дужиной.

Источники текста:

Фрагмент автографа (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 110. Л. 1–3).

Машинопись (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 110. Л. 5–13).

Датируется 1931 г.

Печатается по машинописи.

Сохранились фрагмент автографа рассказа и один экземпляр машинописи. Машинопись не содержит авторской правки и не авторизована.

В рассказе использованы некоторые образы и темы пьесы «Шарманка» (конец 1930 – март 1931 г.). Рассказ написан, вероятно, летом или осенью 1931 г.: его действие происходит «в третьем, решающем году пятилетки» (наст. изд., с. 112), каковым считался 1931 год; объект сатиры — современное краеведение: летом 1931 г. Андрей Платонов много общался с краеведами, договариваясь с ними о командировке, чтобы уехать из Москвы (см. вступ. статью к коммент. тома: *Сочинения*, 4(1). С. 366); осенью он возвращается из длительной командировки от краеведческой секции ВССП.

В настоящее время не известно о попытках Платонова опубликовать рассказ.

Название «Заблуждение на родине компота» частично использовано Платоновым в послевоенном рассказе «На родине компота» (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 18–21).

С. 111. ...*пяtilетка бы обрадовалась!* — имеется в виду первая пятилетка: 1928/9–1932/3 гг.

...*я тебе снохачом буду!* — Снохач — незаконно живущий с женой сына, снохой.

С. 112. ...*после постройки Нижегородского автогиганта...* — Нижегородский автомобильный завод им. Молотова — одна из крупных новостроек первой пятилетки. Строительство автозавода начато в 1930 г; в начале 1932 г. завод фактически введен в эксплуатацию.

...*шло уже исполнение генерального плана, судя по электрическому лозунгу на небе.* — Генеральным назывался план, составляемый на десять лет (в отличие от «перспективного» — на пять лет и «контрольных цифр» — на год). Первым генеральным планом стал план ГОЭЛРО — план электрификации Советской страны, принятый в 1920 г. Десятилетие принятия плана ГОЭЛРО страна отмечала в конце 1930 г. 20 марта 1931 г. «Правда» публикует беседу с председателем Госплана В. Куйбышевым: «О новом генеральном плане электрификации СССР». В печати 1931 г. понятие «генеральный план» встречается, как правило, с добавлением слова «электрификации»: пишут, в том числе в краеведческой литературе, о необходимости составления нового генерального плана электрификации; председатель комиссии ГОЭЛРО Г. Кржижановский причислялся к краеведам, и его статьи печатались в краеведческих сборниках.

...*догадался, что он живет в третьем, решающем году пятилетки...* — Третьим годом пятилетки был 1931 год, который получил определение «решающий» (см. об этом примеч. к пьесе «Шарманка», с. 666 наст. изд.).

...*вызвал к себе профессиональный союз, называвшийся союзом рабочих бродильной промышленности, вследствие размельчения профдвижения.* — *Бродильная промышленность* — название вино-водочной промышленности до 1936 г., с 1936 г. — спирто-водочная промышленность. *Размельчение профдвижения* действительно имело место: в свои профессиональные союзы объединялись представители самых узких сфер деятельности; профсоюзы назывались: пищевики, бумажники, швейники, текстильщики, водники, сахарники; совработники, совторгслужащие; Разземлес, Местного транзита; Нарсвязь; Медсантруд и т. д.

...*на упущенья воду льешь из мельницы! ~ ее сосут из левацкого болота, она правая вода.* — О левом и правом уклонах от генеральной линии партии см. примеч. к рассказу «В поисках будущего», с. 518–519 наст. изд.

С. 113. *Местный краевед, натуралист и статистик...* — Для успешного изучения экономики края краеведческим организациям предписывалось связаться со статистическими учреждениями местных советов, а краеведам — совмещать работу статистиков и краеведов (Демме А.Н. Задачи краеведов в статистической работе // Краеведение. 1929. № 1. С. 19–27).

С. 113. *...жил некий мещанин Щоев...* — Щоев — персонаж пьесы «Шарманка».

...родом с Иван-озера. — Иван-озеро — топоним повести Платонова «Епифанские шлюзы» (1927).

...помчался в аппарате на луну... — Путешествие в аппарате на луну — сюжет рассказов Платонова «Приключения Баклажанова» (1922), «Рассказ о многих интересных вещах» (1923), «Лунные изыскания» (1926).

...по словам сборника трудов краеведов... — На рубеже 1920–1930-х гг. краеведение было популярно; часто выпускались сборники трудов краеведов: «Московский край в его прошлом. Очерки по социальной и экономической истории XVI–XIX веков» (Ч. I–II. М., 1928–1930); «Мстерский край» (Владимир, 1929); «Культура и быт населения Центрально-промышленной области» (М., 1929); «Изучение района силами агронома и учителя». (М.–Л., 1930); «Краеведческий альманах» (Воронеж, 1931); «Краеведение ЦЧО» (Воронеж, 1931) и др.

«Бесево» — возможно, имеется в виду белена — ядовитое растение, называемое в народе «бешенкой», «бешенницей»; белена имеет ряд лечебных свойств и заготавливается как лекарственное сырье. «Бесево» (так же, в вывчках) упоминается в повести «Ямская слобода» (Сочинения, 2. С. 224).

...всей своей ликвидационно-прорывочной бригаде... — О ликвидационно-прорывочных бригадах см. примеч. к наброску «Как класс», с. 804 наст. изд.

...пайцики собрались всею гущей. — О пайциках см. примеч. к пьесе «Шарманка», с. 674–676 наст. изд.

С. 114. — *Что ты им сейчас отпускаешь? ~ Клей...* — Ср. в «Шарманке»: «Ответь мне подробно, что мы сейчас непайщикам даем. ~ Клей...» (наст. изд., с. 203).

Мясная проблема разрешалась посредством организации рачьих пучин... — Ср. в «Шарманке»: «...аппарат взял себе установку на организацию мясных рачьих пучин...» (наст. изд., с. 210).

Овощ заменялся грибами, а постное масло ореховым соком. — Ср. в «Шарманке»: «По мясу мы раком обойдемся, а по маслу — ореховым соком...» (наст. изд., с. 211).

С. 115. *...написал в профсоюз громадное заявление, в котором целиком и полностью признавал свои ошибки...* — Ср. в «Шарманке»: «Подай теперь заявление, что ты осознал свою ошибку» (наст. изд., с. 236).

...осознание себя правым, левым и примиренцем... — О правых и левых см. примеч. к очерку «В поисках будущего», с. 518–519 наст. изд. Другой политический ярлык времени — «примиренчество», т. е. снисходительное или соглашательское отношение к проявлениям иных взглядов или общественных пороков («примиренчество к классовому врагу», «примиренчество к оппортунистам», а также «примиренчество с нарушением дисциплины в коллективе» и т. д.), а носитель этого качества назывался «примиренцем». Все три обвинения широко употреблялось, в том числе и в лозунгах к 1 Мая: «Против правых оппортунистов, выразителей кулацкой идеологии, и “левых” загибщиков — союзников правых! Против примиренцев! За генеральную линию партии!» (Правда. 1930. 1 мая. С. 6). Однако в рассказе, как видно

из автографа, не опечатка машинистки, а личная оговорка героя, соединившего новое слово «примиренец» со старым «смирение». Слово «присмиренец» употреблялось также в пьесе «Шарманка», ср.: «Я осознаю себя ошибочником, двурушником, присмиренцем...» (наст. изд., с. 238).

Член бродильщиков № 00037418161Ф. — Имеется в виду член профсоюза рабочих бродильной промышленности с номером профсоюзного билета (указан).

В одной книге он впервые прочитал про Кенаф и Клещевину... — О кенафе и клещевине см. примеч. к пьесе «Шарманка», с. 667 наст. изд.

...продмаг Кендырь... — Кендырь — многолетнее волокнистое растение, часто дикорастущее; первые опыты по культивированию кендыря в СССР относятся к 1929–1931 гг. Пропаганда новых растений считалась краеведческой темой: см., например, очерк П. Скосырева «Кендырь» — о совхозе, который выращивает кендырь, имеющий «в стволе волокно, качеством лучше, крепче, длиннее и удобнее для прядения, чем волокна хлопка» (Известия. 1931. 16 сент. С. 3). Данный очерк стал отчетом Скосырева перед краеведческой секцией ВССП о поездке 1931 г. — той же, в которой принимал участие и А. Платонов.

Хандрилла же, шофер полугрузовика... — Хандрилла — каучуконосное растение, один из тех «советских чужестранцев», культивировать которые предлагалось на рубеже 1920–1930-х гг.: «Хандрилла... Странное название... Но в этом средне-азиатском растении, которое до сих пор росло в диком состоянии в песках степи и пустыни, — ключ к быстрому разрешению проблемы советского каучука <...> С осени 1930 г. можно будет уже приступить к организации плантаций хандриллы» (Догоним и перегоним // 30 дней. 1930. № 3. С. 82). В 1931 г. на экраны страны выходит детский фильм «Хандрилла» — об участии пионеров в выращивании каучуконоса в условиях нарастания классовой борьбы в деревне.

...вычистили за расточительство резины. — В 1929–1931/2 гг. в стране проходила проверка и чистка госаппарата (подробно о чистке см. примеч. к повести «Ювенильное море»: *Сочинения*, 4(1). С. 610–611).

ТОВАРИЩ ПРОЛЕТАРИАТА (с. 117). — Октябрь. 1999. № 7. С. 114–118. Публикация М.Андр. Платоновой. Подготовка текста Е. Роженцевой.

Источники текста:

Автограф (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 1–14).

Машинопись (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 1–9).

Датируется началом 1930-х гг.

Печатается по автографу.

После названия «Товарищ пролетариата» в автографе и машинописи стоит определение жанра: «Очерк».

Автограф выполнен карандашом на больших листах бумаги, сложенных пополам, с одной стороны листа; на первой странице — запись Платонова о количестве экземпляров, заказанных машинистке: «3 экз<емпляра>».

В настоящее время известен только 1 экземпляр машинописи (не первый в закладке). Автограф содержит стилистическую правку и ряд вычеркиваний, в том числе фрагмента с упоминанием собственного изобретения Платонова, вольтовой дуги (см. примеч. к проекту «Овладеем техникой вольтовой дуги!», с. 812–813 наст. изд.): после слов «...австралийский инженер изобрел способ» вычеркнуто «бурения глубоких скважин, посредством прожигания пород вольтовой дугой» (Л. 13); вместо этого вписано: «просвечивания атмосферных туманностей для непрерывных астрономических наблюдений» (наст. изд., с. 121–122). Два незначительных исправления в автографе сделаны чернилами предположительно Платоновым; в сохранившемся экземпляре машинописи они не отражены.

Заглавный образ, а также некоторые детали сюжета Платонов перенес в рассказ из пьесы «Объявление о смерти» (1931).

Рассказ при жизни писателя опубликован не был.

С. 117. *А я — товарищ и подручный пролетариата.* — Ср. в пьесе «Объявление о смерти»: «Плохо вы знаете науку рабочего класса ~ Ему нужно, чтобы вы стали товарищем пролетариата» (наст. изд., с. 260); «Я хочу быть товарищем пролетариата» (наст. изд., с. 261); «...верного пролетариату товарища» (наст. изд., с. 268).

...в эпоху реконструкции... — Эпоха реконструкции, или реконструктивный период, — название одного из этапов построения социализма в СССР; пришел на смену восстановительному периоду. Под знаком реконструкции проходит вся первая пятилетка (1928/9–1932/33); реконструкция народного хозяйства называется задачей и второй пятилетки, в ходе которой промышленность «должна реконструировать на новой технической базе не только самое себя <...> Она должна реконструировать все виды транспорта и все отрасли сельского хозяйства» (*Сталин И.* Отчетный доклад XVII съезду партии // *Сталин*. С. 556).

...долгий срок работал в Австралии караульщиком цветочных пчелиных пастбищ от саранчи. — Ср. в пьесе «Объявление о смерти»: «А где ты был? ~ В Австралии ~ Зачем ты там был? ~ Я хотел оттуда победить Советский Союз ~ А что ты делал в Австралии? ~ Сторожил пчелиные пастбища от саранчи ~ Но ты же инженер!» (наст. изд., с. 245–246).

С. 118. *...ехал какой-то мелкий буржуй в таратайке.* — *Таратайка* — двухколесная повозка (простая тележка или кабриолет).

Мельбурн — второй по величине город Австралии; один из основных коммерческих, промышленных и культурных центров страны. В Мельбурне находится крупнейший в Австралии морской порт.

С. 119. *...из далекой, тем более колониальной страны...* — Колонией Англии Австралия считалась до 1901 г.; с 1907 г. стала доминионом (фактически независимым государством) в составе Британской империи.

...Всев превращал краткие рисунки рабочих изобретений в полные чертежи... — Рабочее изобретательство в конце 1920-х – начале 1930-х гг. считалось «формой участия рабочих в социалистической рационализации производства» (*Гальперин М.* Рабочему изобретательству — научную базу // *Раб. газ.* 1930. 16 дек. С. 2) и всячески поощрялось, в том числе и

материально. В обязанность научно-технических секций предприятий и ЦБРИЗ входила «техническая помощь изобретателям (оформление чертежей, моделей, экспертных указаний и т. д.)» (*Кузнецкий Л. Почему ЦБРИЗ оказался большим // Раб. газ. 1929. 10 мая. С. 2*). Один из лозунгов времени: «Рабочее изобретательство — на помощь индустриализации» (*Раб. газ. 1929. 16 апр. С. 4*).

Человек сообщил Всуеву, что его профессия — шлифовщик двояковыпуклых чечевиц, фамилия — Климентов, возраст — почти старчество. — Прототипом персонажа можно назвать отца А. Платонова, Платона Фирсовича Климентова, которому к моменту написания рассказа было более 60 лет (о трудовом пути Платона Фирсовича и его изобретательской деятельности см.: «Происхождение мастера»: Платон Фирсович Климентов. Статья и публикация Е. Антоновой // Страна философов, 2017. С. 327–335). Оптические стекла, ограниченные сферическими поверхностями, называют оптическими чечевицами; оптические чечевицы используют для создания оптических приборов. Шлифование чечевиц — процесс долгий, трудоемкий и предполагающий высокий уровень мастерства.

С. 120. *Гость ~ отвергал технические идеи, способные лишь догнать капитализм, но не обогнать его. —* Выражение «догнать и перегнать» (капиталистические страны) — устойчивый оборот времени; появилось в работе В.И. Ленина «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» (1917): «...либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически» (*Ленин. ПСС, 34. С. 198*). Ср. запись Платонова в записной книжке: «Догнать, перегнать и не умориться» (*Записные книжки. С. 31*).

*...идею академика Иоффе об отоплении тундры, о превращении льдов Северного океана в теплую воду — шлифовщик не очень одобрял. — Идеи изменения климата, борьбы с засухой, «гигантских работ по изменению лика земли, чтобы регулятор климатических состояний земли наконец из рук стихий и неведомых нам сил перешел в руки человечества...» (Новое евангелие // Сочинения, 1(2). С. 192) были близки самому Платонову; реализовывались его героями — инженерами Вогуловым в рассказе 1921 г. «Сатана мысли» (*Сочинения, 1(1). С. 197–204*) и Михаилом Кирпичниковым в повести 1927 г. «Эфирный тракт» (*Сочинения, 2. С. 7–85*).*

Тема изменения климата — актуальная для 1920-х гг. В одном из номеров журнала «Наука и техника», например, описывается проект изменения климата, идею которого Платонов в рассказе отдает академику А.Ф. Иоффе. Автор статьи сообщает, что между Ньюфаундлендом и Лабрадором в Северной Америке существует пролив Бейль-Аль, через который холодное Лабрадорское течение проникает в Атлантический океан. Идея заткнуть эту «дыру» возникла у канадских инженеров, предложивших перегородить пролив дамбой, тогда течение, упершись в дамбу, повернет в каком-нибудь другом (невъясненном пока) направлении: «Затратив 2 миллиона фунтов стерлингов <...> мы можем искусственно изменить лицо земли, климат ее, можем пересадить небо Италии и Парижа в холодные и мрачные туманы Лабрадора. Изменение климата — прежде казалось утопией из утопий» (Проект изменения климата // Наука и техника. 1923. № 8. С. 9). Этот проект Платонов

пересказывал ранее в статье «Об улучшениях климата» (*Сочинения*, 1(2). С. 306–308).

Идеи об изменении климата, дополнительных источниках энергии нашли отражение и в фантастике. Эксплуатацией внутрипланетного и лучевого видов энергии занимались герои А.Н. Толстого («Аэлита», 1924; «Гиперболоид инженера Гарина», 1927); добывали электричество из воздуха, запасали энергию солнца и психоэнергию, овладели атомной энергией герои В.А. Гончарова («Психомашина» и «Межпланетный путешественник», 1924); энергию человеческого мозга подчинили герои С.М. Беляева («Радио-мозг», 1926); разрушительной силой разных видов энергии управляют герои романа Н.А. Карпова «Лучи смерти» и повести немецкого автора Г. Доминика «Die Macht der Drei» («Сила трех»), русский перевод которой вышел тоже под названием «Лучи смерти»; оба произведения опубликованы в СССР в 1924 г. Самыми изобретательными в этом смысле оказались герои А.Р. Беляева: они использовали энергию ветра («Продавец воздуха», 1929); энергию океана («Подводные земледельцы», 1930); превратили энергию солнца в электроэнергию («Прыжок в ничто», 1933); героям же романа «Борьба в эфире» (1927) удалось использовать все виды энергии: в Туркестане, «солнечном рае», они получают энергию из солнечного света, ветра, морских волн, приливов и отливов, «покорили вулканические силы, заставили работать земной магнетизм и земные электрические токи», атмосферное электричество, даже грозу они «запрягли на службу человечеству», создали водяные двигатели.

Он уже успел прочитать, что где-то в Тихом океане есть силовые двигатели, действующие разницей температуры воды и воздуха; поэтому перенесение той же идеи к нам, хотя бы для отопления советских ледовитых местностей, его явно не прельщало. — Использование разницы температур океанических вод — проблема, также получившая отражение в печати. И. Комаров, например, в статье «Использование теплоты океана» описал историю вопроса так: «...начались опыты по использованию солнечного тепла, собирающегося в верхних слоях тропических морей. Произведенные наблюдения показали, что эти слои круглый год имеют одинаковую температуру, приближающуюся к 28°C. ...Постоянство температур верхних и нижних слоев воды тропических морей, обуславливающее постоянную их разность <...> и создает условие, необходимое и достаточное для работы тепловых двигателей»; «Первые опыты в Италии провел несколько лет назад Боджия <...> Почти одновременно тем же вопросом занялись двое французских ученых Жорж Клод и Поль Бушери, потратив около двух лет на предварительные опыты, результат которых и был недавно продемонстрирован в Парижской академии наук <...> Наиболее идеальные условия для осуществления береговых установок Клода и Бушери встречаются на островах Антильских, Зондских, Филиппинских, Гавайских и вообще почти на всех островах тропической зоны в Тихом океане <...> Вообще же сейчас трудно сказать, каким образом практически будет использовано изобретение Клода и Бушери. Во всяком случае, вопрос использования неиссякаемых запасов солнечного тепла, поглощаемого морем, настолько заманчив, что, несомненно, он будет так или иначе разрешен в положительном смысле в самом

недалеком будущем» (*Комаров И.* Использование теплоты океана // Наука и техника. 1927. № 14. С. 8–10). В настоящее время вопрос об использовании разницы температур океанических вод не решен.

Городской переменный ток имеет длину волны километра два или четыре, частоту волн — пятьдесят штук в секунду, а солнечный свет бьет, стержец, миллиарды раз в ту же секунду, и его волна по длине почти ничто! — В ранних произведениях — рассказе «Невозможное» и статье «Свет и социализм» — Платонов приводит сходные цифры: «...свет есть переменное электромагнитное поле с очень большой частотой периодов <...> в секунду <...> приблизительно 500 триллионов. Длина же электромагнитной световой волны равна приблизительно 0,6 микрон» (*Сочинения, 1(2).* С. 218–219); о *городском переменном токе*: «В Воронеже динамо электростанции вырабатывает переменный ток 50 периодов в секунду и длиной волны в 3 километра (не ручаюсь за точность, насколько только помню)» (Там же).

С. 120–121. — *Свет солнца нужно немедленно превратить в электричество ~ Коммунизм должен вертеться силой, добытой впрямую из солнца ~ В одну сторону прибор принимал дневной свет, пропускал его через стеклянные сферы, мимо склоненных плоскостей, преломлял в сложных фигурах, — по другую сторону прибора свет выходил уже в форме рабочего тока.* — Фотозлектромагнитный резонатор-трансформатор, преобразующий свет солнца в электричество, — собственное изобретение Платонова; см. об этом: *Сочинения, 1(1).* С. 581; *Сочинения 1(2).* С. 220. Этот проект Платонов отдает героям своих ранних рассказов: «Невозможное», «Сатана мысли», «Приключения Баклажанова», «Потомки солнца» (*Сочинения, 1(1).* С. 187–208, 223–228). Описание солнечной машины — нового преобразователя энергии — несколько раз встречается в журнале «Наука и техника» за 1923 г.: «В 1912 г. в Филадельфии была построена солнечная силовая станция, состоявшая из ряда вогнутых зеркал, собиравших лучи солнца на тонкий длинный зачерненный металлический “котел” с водою, которую эти лучи доводили до кипения. Получившийся пар приводил в движение машины. В 1913 г. инженер Шуман в Мидии у Каира построил большую станцию по тому же плану...» (В поисках за энергией // Наука и техника. 1923. № 6. С. 4. Подпись: *Фентеклюз А., инж.*); «Ныне немецкие инженеры изобрели новую “солнечную машину” <...> Солнечные лучи концентрируются при помощи оптических стекол и вводятся через крайне узкое отверстие в шарообразный металлический сосуд особой конструкции, сильно зачерненный внутри и полированный снаружи. В этом отверстии находится тепловой фокус солнечных лучей, которые попадают вовнутрь шара и там отражаются во всех направлениях, так что они не могут даже выбраться из этой “ловушки для тепла”. Стенки шара накаляются и почти без всякого убытка энергии нагревают особую жидкость, определенный сорт масла <...> теплота масла производит пар высокого напряжения. <...> Постоянное следование аппарата за солнцем достигается без всяких затруднений путем применения часового механизма» (Солнечная машина // Наука и техника. 1923. № 7. С. 9). Еще два сообщения с описанием похожих устройств даны в статьях «Солнечная энергия для домашних нужд» (Там же. № 12. С. 14) и «Солнечная машина

Крена» (Там же. № 38. С. 14). В конце ноября 1923 г. журнал «Наука и техника» пишет о Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке, проходившей с 19 августа 1923 г. в Москве на Воробьевых горах, на которой был представлен еще один «солнечный двигатель»: «На первой Сельскохозяйственной выставке в Москве в отделе Союза русских самоучек, была выставлена модель солнечного двигателя, служащего для использования солнечного света и превращения его в энергию. Двигатель имел вид короткой, широкой, воронкообразной трубы в диаметре более сажени. Внутри эта труба была выложена отражающим солнечные лучи металлом с таким расчетом, чтобы все отраженные трубой лучи сводились в одну точку, где находился паровой котел, приводящий силою пара в движение небольшой двигатель» (Солнечный двигатель // Наука и техника. 1923. № 40. С. 12). В сентябре 1923 г. Платонов посетил Всероссийскую сельскохозяйственную выставку, а 19 сентября опубликовал в «Воронежской коммуне» статью «Столица обновленной земли», в которой нашли отражение его впечатления от этого посещения (см. примеч. к статье «Столица обновленной земли»: *Сочинения*, 1(2). С. 428; Антонова. С. 412). Описанный в «Науке и технике» уникальный прибор Платонов мог видеть сам.

ЧЕЛОВЕК НАШЕГО ВРЕМЕНИ (с. 123). — *Архив*, 1. С. 262–268. Публикация Н. Дужинной.

Источники текста:

Составная рукопись (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 2–8 с оборотами).

Машинопись (2 экз.) (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 113. Л. 1–9, 10–18).

Датируется 1934 г.

Печатается по составной рукописи.

После названия «Человек нашего времени» стоит определение жанра: «Очерк».

Составная рукопись под названием «Человек нашего времени» — это несколько страниц рукописного текста, к которым подклеены фрагменты машинописи повести «Ювенильное море» (см. транскрипцию составной рукописи: *Архив*, 1. С. 262–268). Рассказ мог появиться в 1934 г., после отказа А. Платонова от попыток опубликовать «Ювенильное море» целиком, — он переделывает повесть в несколько рассказов (см. об этом примеч. к повести «Ювенильное море»: *Сочинения*, 4(1). С. 596). На последней странице рукописи проставлена дата без указания года: «Ленинград, 24/V». К рукописи приложен лист бумаги с записью для машинистки: «3 экз<емпляра> на одной стороне листа». Два сохранившихся экземпляра машинописи не авторизованы.

В настоящее время не известно, какому изданию Платонов предлагал рассказ «Человек нашего времени».

Фрагменты рассказа, являющиеся частью повести «Ювенильное море», в примечаниях не комментируются.

С. 123. ...дело его молодости, когда он орошал центробежным насосом 12 десятин огородов на своей южной родине... — Автобиографическая деталь: в молодости (1922–1925) Платонов много времени и сил уделил организации общественно-мелиоративных работ в Воронежской губернии и борьбе с засухой (подробно об этом см.: *Платонов А. Результаты искусственного орошения // Сочинения, 1(2)*. С. 411; *Антонова*. С. 163–190).

...получать мясо в ЗРК по своим талонам. — ЗРК — закрытый рабочий кооператив; был на каждом крупном предприятии; через ЗРК отпускались продукты работающим на данном предприятии рабочим и инженерам; введены в 1930 г. в связи с отсутствием товаров в обычных кооперативных магазинах: 16 августа 1930 г. «Правда» опубликовала статью Е. Волгиной «Закрытый распределитель — основа классового снабжения». В 1929–1935 гг. во всех кооперативах, в том числе «закрытых», товары отпускались по карточкам, или талонам. Распределением талонов на предприятиях ведали профсоюзы; заводская администрация «стремилась обеспечить дифференцированное снабжение для групп рабочих “разной индустриальной важности”» (*Осокина Е. За фасадом сталинского изобилия*. М., 1999. С. 122). Талоны были нескольких видов и разными по обеспечению: «служащие», «рабочие» и «итээровские»; последние появились после речи Сталина «О задачах хозяйственников» (4 февраля 1931 г.), в которой он произнес слова: «Техника в период реконструкции решает все». «Итээровские», или инженерные талоны были больше обеспечены товарами: «в распределителях ИТР по случаю можно купить мясо, масло и рыбу» (*Осокина Е. Указ. соч.* С. 121). В 1935 г. карточная система и дифференциация распределения товаров в их старом виде были постепенно отменены (*Осокина Е. Указ. соч.* С. 174–184).

С. 127. — *А губернатор у Гоголя вышивал по тюлю...* — См.: «Был у губернатора, который <...> даже сам вышивал иногда по тюлю» (Н.В. Гоголь. «Мертвые души»).

С. 128. ...они выдумали центробежный метательный диск — для дальнего транспорта по высоким слоям атмосферы... — Аналогичное изобретение «транспортного орудия, способного перемещаться во всякой газовой среде», — образ рассказа А. Платонова 1926 г. «Лунные изыскания» (см.: *Сочинения 1(1)*. С. 102).

...инженер-электрик ~ состоял под судом и следствием — вредитель; был в заключении и ссылке около 2-х лет; освобожден — по снисхождению... — Ряд деталей, характеризующих типичную судьбу представителя инженерно-технической интеллигенции в первой половине 1930-х гг. и политику партии по отношению к ним. Начиная с 1928 г. в стране проходит несколько политических процессов, в центре которых оказывается техническая интеллигенция: в 1928 г. — расстрел специалистов в угольной промышленности («шахтинское дело»); в 1929 г. — расстрел и отправка на каторгу инженеров железнодорожного транспорта; в сентябре 1930 г. — расстрел специалистов пищевой промышленности; ноябрь – декабрь 1930 г. — суд над ведущими специалистами всей промышленности СССР («дело Промпартии»). С «шахтинского дела» в речевой обиход прочно входит слово «вредитель». Массовые репрессии против интеллигенции привели к кризису в промышленности, что вынудило руководство страны в 1931 г. начать кампанию

по реабилитации специалистов (см. об этом также примеч. к пьесе «Объявление о смерти», с. 721–722 наст. изд.) и принять два постановления, от 10 июля 1931 г., которые меняли положение специалистов и ограничивали права ОГПУ по отношению к ним. Первое, под названием «Вопросы ОГПУ», запрещало аресты специалистов без согласия соответствующего наркома; второе, «О работе технического персонала на предприятиях и об улучшении его материального положения», содержало программу их юридической и политической реабилитации. Постановление предусматривало амнистию специалистов, осужденных к принудительным работам; рекомендовало не препятствовать их выдвижению на руководящие посты (см.: *Хлевнюк О.В.* Политбюро: механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996. С. 54–56). После этих постановлений действительно последовало освобождение некоторого количества специалистов из тюрем и ссылок (см.: *Письма во власть*. С. 169–170).

...сказал вслух словами вождя: — Да, сера, товарищ, теория, но зелено вечное дерево жизни! — Слова Мефистофеля из поэмы И. Гете «Фауст» в переводе В. Брюсова: «Теория, мой друг, сера, но зелено вечное дерево жизни», которые часто цитировал В.И. Ленин — например, в статье «Как организовать соревнование?» (1918), впервые опубликованной в 1929 г.: «Ибо “теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни”» (*Ленин В.И.* Как организовать соревнование? // Правда. 1929. 20 янв. С. 1).

ЗАМЕТКИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

КРУГОВОРОТ. Как делается «Крестьянская Радиогазета» (с. 133) — Крестьянский журнал. 1929. № 2. Обложка. С. 3. Подпись: *Ан. П-в.*

Датируется концом 1928 г.

Печатается по первой публикации.

Первый номер «Крестьянской газеты по радио» прозвучал 11 апреля 1926 г.; с сентября того же года секретарем ее редакции стал журналист и писатель Андрей Новиков, хорошо знакомый Платонову по Воронежу начала 1920-х гг. Еще один воронежский журналист — Николай Тришин — с июня 1927 г. был заместителем редактора деревенского радиовещания при Наркомате связи. Сказать точно, в какой момент Платонов принял решение присоединиться к своим землякам, пока что затруднительно, но в марте 1928 г. он уже был полноправным сотрудником радиогазеты, о чем свидетельствует его присутствие на фотографии, иллюстрирующей статью Новикова «Пространство, эфир, мы и слушатель». Данную статью можно рассматривать как своеобразное дополнение к публикуемому тексту Платонова: «В “Крестьянской газете по радио”, выходящей три раза в неделю в размере одного печатного листа каждый номер, — работают всего четыре работника штатных и два нештатных (сюда входят и два технических работника). При издании печатной газеты, с тем же количеством слов и выпусков, потребовались бы сотни работников, не считая занятых в работе побочно — почтовиков и прочих случайных лиц, обслуживающих процесс продвижения газеты к читателю.

Об упрощенном редакционном аппарате, о его работе я и хочу рассказать. Малый редакционный аппарат не требует над собой особого внутреннего руководства, и потому внутренний распорядок зиждется на “руководстве” самого “младшего” по службе — на техническом секретаре. Технический секретарь является единственным рачителем внутриредакционного распорядка и организатором приемлемых для литературного труда условий. Утром технический секретарь, склонившись над доброй сотней крестьянских писем, полученных с очередной почтой, распределяет их по особым руслам — литературным сотрудникам, которые создают настроение и злобу газетного дня, порядок распределения тем и плановость номера. Через час-два технический секретарь уже диктует машинистке очередную продукцию выработки — беседу или радиомитинг. Литературные работники “Крестьянской газеты по радио” не являются “особенно выдающимися” людьми» (Радио в деревне. 11 марта. С. 1. Подпись: *Капитон Чалый*).

О специфике работы над радиогазетой позднее, почти одновременно с Платоновым, написал и некто В. Демин: «Представьте такую картинку: посетитель обращается в учреждение за справкой. Его усаживают и внимательно выслушивают. Выясняется, что по данному делу надо обратиться в другое место. Посетителя не выпроваживают немедленно. По телефону предупреждают руководителя нужного учреждения и просят оказать содействие. О том же пишут и в специальной сопроводительной записке. Еще раз объясняют, как действовать дальше. В заключение просят позвонить по телефону и рассказать о дальнейшем ходе дела. Учреждение, которое так относится к посетителям, не выдумано. Приведенный случай нам довелось наблюдать воочию в редакции “Крестьянской газеты по радио”, когда двое ходоков пришли за справкой о возможности электрифицировать свою деревню в Тульской губернии» (*Демин В. Что слушает деревня // Радио в деревне. 1928. № 49. 2 дек. С. 1–2*).

Тот же автор оставил описание работы с приходившей на адрес радиогазеты корреспонденцией: «До 700–800 корреспонденций приходит в среднем в месяц... Мы просматривали эти толстые папки, где хранятся все письма: синие, черные, серые, фиолетовые листки, исписанные корявыми почерками крестьян-селькоров. Конверты с почтовыми штемпелями различных районов страны. В этих письмах вся советская деревня сегодняшнего дня, с ее нуждами, запросами, достижениями. Разве не показателен уже сам по себе тот факт, что крестьянин привык обращаться в свою радиогазету со всеми текущими жалобами, просьбами, привык делиться с ней своей радостью по поводу каждого успеха в строительстве новой, социалистической деревни. Поэтому в корреспонденциях пишут и о потраве луга и о приобретении трактора, о хулиганстве и пьянке и о новом колхозе, о кулаках и о радиоприемнике, о беспорядках в ВИКе и о коллективной запашке» (Там же).

У «Крестьянской радиогазеты» существовало также воскресное приложение «Деревенский утренник» (первый выпуск прозвучал 18 марта 1928 г.), для которого Платонов в 1928 – начале 1930 г. написал немалое количество небольших по объему (3–4 машинописных страницы) рассказов. В 1928 г., в начальный период своего существования, «Утренник» продолжался два часа: час отводился на текстовый материал, час — на музыку и пение. Для того

чтобы слушатель не утомлялся, информационные сообщения перемежались с художественными номерами: «...крестьянам-радиослушателям сообщаются постановления правительства, касающиеся деревни, те мероприятия, которые проводятся в жизнь для поднятия крестьянского хозяйства <...>. Кроме того, крестьянам даются полезные агрономические советы — как лучше запахивать землю, как ухаживать за огородом и т. д. Крестьяне узнают также и о том, что делается в других странах; о международных делах чаще всего сообщается в форме райка. <...> Музыкально-вокальные номера подбираются наиболее близкие и понятные восприятию крестьянского радиослушателя — народная музыка, песни, частушки, гармонь, балалайка, великорусский хор, оркестр народных инструментов» (О «Деревенском утреннике» // Радио в деревне. 1928. 17 июня. С. 4. Подпись: *М.Д.*). Около половины текстовой части «Утренника» подавалось в форме райка, но постепенно в программе передачи его вытесняет «юмористический рассказ». Под этой рубрикой, вероятно, и озвучивались платоновские рассказы.

Радиорассказы Платонова сохранились большей частью в составе других его произведений, таких как: «Усомнившийся Макар», «Впрок», «Рассказы про население в сельских местностях». По тем или иным причинам общий объем написанного Платоновым для радио не может быть установлен. В случае, если дошедшие до нас радиорассказы предназначались для воскресного «Деревенского утренника», возникает вопрос о текстах для самой радиогазеты, выходившей в будни. Отсутствие архива «Крестьянской радиогазеты» крайне затрудняет изучение данного направления в творчестве Платонова.

На протяжении 1928–1929 гг. ситуация в радиовещании менялась, общие тенденции реконструктивного периода безусловно сказывались и на содержании радиопередач. Атмосфера первоначальной свободы отступила перед лицом вполне конкретных требований: «Радиогазета, являясь боевым орудием пропаганды и агитации в руках партии, естественно должна служить основным политическим задачам в деревне. И весь смысл наиболее удачного ее построения заключается в том, чтобы газета умела воздействовать на сознание слушателя в нужном для партии направлении» (*Тришин Н.* Как строить для деревни радиогазету // Информационный бюллетень радиовещания. М., 1930. № 3. С. 13).

Андрей Новиков покинул «Крестьянскую радиогазету» в августе 1929 г., а самые поздние из известных нам радиорассказов Платонова, вошедшие позднее вставки во «Впрок», датируются началом 1930 г. («Послушайте рассказ об одном мужике, который перехитрил целое государство», «И слушайте теперь краткий рассказ про Филата-батрака»).

С. 133. ...от мачт радиостанции им. Коминтерна... — В 1928 г. действовала так называемая вторая радиостанция имени Коминтерна, открытая в марте 1927 г. по адресу ул. Шаболовка 53.

С. 134. ...кольцевой почтарь... — Т. е. почтальон кольцевой почты, организованной НКПТ СССР в 1924 г. на сельских внутриездных трактах. Работники связи на гужевом транспорте посещали по определенному графику

села и деревни, не имевшие постоянных почтовых учреждений, и принимали и выдавали почтовые отправления.

...секретарю редакции Пелагее Ивановне Кузмичевой... — Биографические сведения о П.И. Кузмичевой не выявлены.

Тришин — это зам. редактора. — Тришин Николай Никитович (1899–1968; псевдоним Н. Одоев), в 1920–1924 гг. — секретарь уездных комитетов ВЛКСМ городов Воронежской области, редактор газеты «Комсомолец» (Воронеж); после переезда в Москву в 1924–1929 гг. редактор «Журнала крестьянской молодежи» (орган ЦК ВЛКСМ), одновременно с июня 1927 г. зам. редактора деревенского радиовещания при Наркомате связи. В 1931–1932 гг. — инструктор организационного отдела «Известий ЦИК СССР».

Новиков же, наоборот, — одинокий сатирик... — Новиков Андрей Никитич (1888–1941), прозаик, сатирик, с июня 1922 по сентябрь 1923 г. — заведующий культотделом губпрофсовета Воронежа. В 1928 г. написал повесть «Причины происхождения туманностей (любительское исследование беспокойного человека)» (опубл. в 1929 г.) и роман «Республика победителей (Хроника волжских событий)» (не опубликован), обнаруживающие сильное влияние творчества Платонова.

...ответственному редактору т. Казымову... — Казымов Петр Андреевич (1897–?), позднее, с января 1934 по июнь 1935 г., ответственный редактор «Правды Саратовского края»; в 1934 г. председатель оргкомитета саратовского отделения Союза писателей.

ЗА БОЛЬШЕВИСТСКОГО СЧЕТОВОДА В КОЛХОЗЕ! (Заметки разъездного корреспондента) (с. 136). — *Записные книжки*. С. 295–301. Публикация Н. Корниенко.

Датируется августом 1930 г.

Печатается по автографу (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 1–6).

Автограф очерка выполнен карандашом на двойных листах. После предложения «И, сообразив так, я пошел искать случая попасть в гости к кулаку, чтобы разглядеть его в близкое лицо» Платонов вычеркнул, не дописав, следующий фрагмент:

«Машинно-тракторные станции экономически разгромили кулака почти насмерть. Теперь невозможно говорить, что колхозная доля горька и сладко жить лишь в одиночку. Значит, нынче кулаку нужно быть внутри колхоза, чтобы изменить факты, сделать жизнь в колхозе невыгодной. Следовательно, деятельные кулацкие силы необходимо искать в глубине самих колхозов.

Но долго мне пришлось ходить и наблюдать безрезультатно. Утомившись, я присел однажды близ ручья, у которого происходила колхозная сеноуборка. Дело было уже к вечеру. Вскоре ко мне подошла группа колхозников, и самый молодой из них задорно произнес:

— Товарищ, скажи там, чтоб нам дали по куску сахару, а то выйдем из колхоза! Мы и в колхоз-то вошли из-за сладкого! Исключительно!!

Все ближние колхозники говорили открыто, так — как думали. Лишь двое пожилых стояли в стороне и не просили сахара. Они-то меня и заинтересовали более других, т. к. те, кто просит сахар, те получают его и забудут свою нужду в нем, непросящие же» (Л. 3–3 об.).

В исключенном фрагменте нашла отражение проблема обеспечения крестьян продовольствием, острая нехватка которого ощущалась и единоличниками, и членами коллективных хозяйств, становилась частой причиной выходов из колхозов: «Недостаток продовольствия и промтоваров, а также нерациональное использование имеющихся запасов вызывают среди малоимущей части колхозников сильное недовольство, тенденции к отказу от работы и выходу из колхозов» (Сводка ОГПУ о подготовке к уборочной кампании, коллективизации и раскулачивании на 30 июня 1930 г. // *Трагедия советской деревни*, 2. С. 498). Сахар входил в число дефицитных товаров, снабжение которыми разных групп населения производилось по установленным нормам. В весеннюю посевную кампанию 1930 г. было принято решение об усилении снабжения колхозов: «В ближайшее время в колхозы вывозятся 10 вагонов сахара, 20 вагонов махорки и мануфактуры» (По Средней Волге (телеграмма Крайроста). Помощь колхозам // *Пролет. путь*. 1930. 1 апр. С. 1). Сахар, наравне с другими товарами, выдавался из специального премиального фонда для поощрения колхозов за выполнение заданий. Проблема снабжения колхозов посвящены записи Платонова: «— Дай кусок сахара, а то выйду из колхоза! Я и вошел в колхоз из-за сладкого! Исключительно!!»; «Сахар, обувь, мануфактура решают теперь дело коллективизации наравне с трактором» (*Записные книжки*. С. 48).

«Заметки разъездного корреспондента» — «За большевистского счетовода в колхозе!» и «По заволжским МТС» — написаны во время или сразу после поездки Платонова на Среднюю Волгу в августе 1930 г. Обстоятельства и сроки этой поездки остаются не проясненными. Маршрут, по которому следовал писатель, отчасти восстанавливается благодаря сохранившимся письмам к жене (см.: *Письма*. С. 275–277). Платонов побывал в районах Ульяновского округа, в населенных пунктах: Выры, Чердаклы, Якушка, Мелекес. В записной книжке писателя отложился собранный в поездке материал: географические названия, статистические сведения о колхозном строительстве, имена колхозников, трактористов, механиков, бухгалтеров и директоров МТС, сценки, диалоги, наблюдения. Из этого источника и возникли очерки о коллективизации на Средней Волге.

«Заметки...» стали творческим свидетельством участия Платонова в кампании писательских поездок в колхозы, совхозы и на машинно-тракторные станции. Массовый характер это движение приобрело весной – летом 1930 г.: «С начала лета огромное большинство литераторов отправилось по различным углам Союза смотреть, наблюдать, собирать материал для своих книг» (*Черняк Я.* Доклад о поездке бригады писателей в города Ростов-на-Дону, Сталинград, Свердловск // *РГАЛИ*. Ф. 2208. Оп. 2. Ед. хр. 49. Л. 6). Возможно, командировка Платонова была связана с заданием от газеты «Социалистическое земледелие» — записью адреса ее редакции открывается записная книжка этого периода. По специальным поручениям из редакций газет разъездные корреспонденты выезжали на места. Практика привлечения к работе

разъездных корреспондентов получила широкое распространение с 1928 г.: «Наши газеты все шире пользуются разъездными корреспондентами. <...> Разъездные корреспонденты могут быть очень существенным дополнительным источником информации. Разъездные корреспонденты преимущественно используются во время разных кампаний» (Гус М. Информация в газете. Опыт практических пособий. М.—Л., 1930. С. 198).

Средняя Волга, наряду с Нижней Волгой и Северным Кавказом, в начале 1930 г. была названа зерновым районом, коллективизация которого может быть в основном закончена осенью 1930 г. (согласно Постановлению ЦК ВКП(б) «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 г.). Большие надежды край, считавшийся отсталым в хозяйственном и культурном отношении, возлагал на заключенный в январе 1930 г. договор между Средней Волгой и Москвой «о социалистическом сотрудничестве, взаимопомощи и связи» (см.: Договор миллионов подписан // Самарский колхозник. 1930. 11 янв. С. 3. Подпись: Д. С.). Над Средней Волгой взяла шефство газета «Известия»: «Редакция “Известий” разработала план осуществления шефства. В ближайшие дни будет введен специальный отдел, посвященный сельскому хозяйству Средней Волги, в текущем месяце будут посланы бригады на важнейшие участки посевной кампании в Средней Волге, расширяется сеть корреспондентов “Известий” в важнейших пунктах края...» (Средняя Волга в социалистическом наступлении // Известия. 1930. 20 янв. С. 1). Вслед за рабочими-двадцатипятилетчиками, техниками, врачами и другими специалистами на Среднюю Волгу приезжают члены литературных организаций, работники издательств и редакций: в конце февраля в Ульяновский округ, Якушкинскую МТС, выехала одна из 53 редакционно-типографских бригад газеты «Правда», в марте в Средневолжский край отправилась литбригада ВОКП в составе А. Дорогойченко, М. Исаковского, А. Ревякина, одновременно — председатель правления Московского товарищества писателей Артем Веселый. Его цикл путевых очерков «По колхозам Поволжья» и отдельные заметки («от специального корреспондента») по самым острым проблемам коллективизации края печатались в марте — апреле на страницах «Известий». В начале 1930 г. краевой журнал «Волжская новь» сообщал о том, что в наступающем году участие в журнале примут московские авторы: М. Карпов, А. Тверяк, Н. Кочин, М. Журба, М. Беккер и др. (см.: Волжская новь. 1930. № 1. Обложка. С. 4). На средневолжском материале 1930 г. создаются сборники колхозных очерков (см., например: *Свэнов С.* Война засухе и сухоюю. Самара, 1931; *Он же.* На линии огня. Самара, 1931; *Акульшин Р.М.* Один из лучших. Из повести об одном колхозе. М., 1931 и др.).

Платонов приезжает на Среднюю Волгу в разгар хлебоуборочной и хлебозаготовительной кампаний. Причем если весной край первым в Союзе закончил весенний сев, то августовский план хлебозаготовок был сорван. «Средняя Волга оказалась по сдаче хлеба на самом последнем месте среди остальных зерновых районов страны» (Колхозникам и единоличникам, беднякам и середнякам Средней Волги. Обращение краевого слета ударных колхозов // *Колх. стройка.* 1930. 17 сент. С. 1). В письмах к жене Платонов сообщал: «Весь сегодняшний день был среди трактористов на колхозной

пахоте. Работа совершается героическая и скромная по форме. Был на лугах, смотрел, как колхоз убирает сено. <...> Очень многое приеду расскажу»; «Все время езжу либо на подводах, либо в поезде и почти не сплю»; «Днем занят разговорами, ездой на телеге по ближним колхозам, ночью же сижу на вокзалах и в поезде» (*Письма*. С. 275–277). Один из собеседников писателя — директор Якушкинской МТС А.Р. Андрианов — стал главным героем очерка «За большевистского счетовода в колхозе!» (см. примеч. к с. 137). Статьи и отчеты о работе станции за подписью Андрианова регулярно печатались в окружных газетах «Пролетарский путь» и «Красная жатва». Страницы этих изданий сохранили подробную хронику первого года работы Якушкинской МТС и многое проясняют в платоновских очерках и записях, сделанных во время командировки.

О значении для него той поездки Платонов писал И.В. Сталину во время критической кампании против повести «Впрок»: «В прошлом году, летом, я был в колхозах Средневолжского края <...> Там я увидел и почувствовал, что означает в действительности социалистическое переустройство деревни, что означают колхозы для бедноты и батраков, для всех трудящихся крестьян. <...> Конкретные факты были настолько глубоки, иногда трагичны по своему содержанию, что у меня запеклась душа, — я понял, какие страшные, сумрачные силы противостоят миру социализма и какая невероятная работа нужна от каждого человека, чья надежда заключается в социализме» (*Письма*. С. 285). Об этом же говорил писатель на своем творческом вечере в феврале 1932 г.: «Я попал на Среднюю Волгу и там увидел ряд фактов громадного для меня значения. <...> Я только там представил себе, что классовая борьба есть философское движение» (*Воспоминания*. С. 295, 297).

С. 136. ...в засушливые же годы многие из них легли под кресты деревенских погостов. — Отсутствие дождей весной и в первой половине лета — обычное явление для Средней Волги (особенно для заволжских районов). Засуха в период сева и созревания урожая регулярно наносила серьезный урон сельскому хозяйству края, что приводило порой к трагическим последствиям — массовому голоду населения: «Каждый должен помнить засушливые годы в Среднем Поволжье. Это — 1891 г., 1901 г., 1906 г., 1911 г., 1920 г., 1921 г., 1924 г., 1929 г.» (Средняя Волга. Рабочая книга для деревенских школ по начальному обучению взрослых. М., Самара, 1931. С. 33). В 1930 г. посевам вновь угрожала засушливая весна: «Неблагоприятное состояние погоды на Средней Волге долгое время вызывало опасения за будущий урожай. До первого мая в крае не было ни одного дождя...» (*Известия*. 1930. 7 мая. С. 2).

Борьба с засухой называлась в числе приоритетных задач в партийных документах по реконструкции сельского хозяйства края, что было отмечено и в Постановлении ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1930 г. «Об основных хозяйственных проблемах Средне-Волжского края» (*Известия*. 1930. 19 февр. С. 2), и в выступлениях на Второй краевой партконференции: «Текущий год является первым годом, когда нами делаются впервые крупные шаги в борьбе с засухой» (*Хатаевич М.* Средняя Волга в первую треть пятилетки (Из доклада

на второй краевой партконференции о работе крайкома, 18 июня <1930>) // *Хатаевич, 1933. С. 200*.

...усадьбу, поставленную в открытом месте, — нечто вроде отруба или дворянской феоды. — Отруб — обособленный участок земли, выделявшийся (с 1906 по 1917 г.) из земельных владений села (общинных) в собственность отдельных крестьян (Ушаков). Дворянская феода — в странах Западной Европы в средние века земельное владение, пожалованное сюзереном своему вассалу в наследственное владение на определенных условиях.

С. 137. ...«*Не загон кормит, а кулига*»... — русская народная пословица (варианты: Не поле кормит, нива. Не загон кормит, а нивка). *Загон* — пахотный участок земли. *Кулига* — клин земли, полоса, участок, не вошедший в тягловой надел (*Даль*). Ср. с вычеркнутой записью Платонова: «Не загон кормит, а кулига, т. е. часть (меньшая) площади. Идиотское соображение» (*Записные книжки. С. 48*).

Когда я был в районе Якушкинской МТС... — Якушка — село, расположенное в Новомалыклинском районе Ульяновского округа. В сентябре 1929 г. было утверждено строительство трех МТС в Ульяновском округе: Чердаклинской, Погруженской и Якушкинской; созданы комитеты содействия строительству МТС; назначены директора и агрономы станций, которые прослушали специальные курсы в Москве. С 15 октября началась кампания по заключению договоров МТС с колхозами. По договору станция брала на себя обязательства по предоставлению техники, горючих и смазочных материалов, ремонту машин и обеспечению запасными частями. Всю работу на тракторах должны были производить сами крестьяне. За работу МТС брала часть (около 25–30%) урожая. В конце ноября директора отчитались на пленуме окружного комитета содействия строительству МТС: «*Якушкинская машинно-тракторная станция в Ново-Малыклинском районе организовала из 18 мелких коллективов 4 крупных производственных объединения, принявших устав машинно-тракторных станций, на этот устав перешел и колхоз “Батрак”, организованный раньше*» (На пленуме строителей МТС // *Кр. жатва. 1929. 5 дек. С. 3*). О первых днях работы МТС Андрианов писал в воспоминаниях: «В 1930 году в первой половине января я с одним агрономом прибыли на станцию Якушка. <...> Нужно было развернуть строительство гаражей, мастерских, жилищное строительство. <...> Нужно было в селах провести большую разъяснительную работу о задачах МТС, добиться согласия крестьян единоличников на заключение с ними договоров для обработки их земли трактористами» (цит. по: *Зайцева Т.И., Фарафонтова В.С. Коллективизация родного края Ильича в тридцатых годах. Ульяновск, 1989. С. 9*). Однако весной 1930 г. все МТС столкнулись с целым рядом проблем, которые внесли серьезные коррективы и в планы работ, и в уже заключенные договоры.

*...видел старшего тракториста, татарина. — При работе в поле на пятерых младших рулевых (непосредственно управляющих тракторами) приходился один старший тракторист или его помощник (см.: *Федоров Пав. Организация труда и оплаты трактористов (Якушкинская МТС) // За сплottedую коллективизацию. 1930. № 22–23. С. 27*). Должность старшего тракториста требовала лучшего знания техники и большего опыта работы.*

С началом строительства МТС осенью 1929 г. Сельхозснабжение и отдел народного образования открыли курсы старших трактористов, на которые принимались крестьяне из районов строительства станций, «исключительно бедняки, батраки и средняки» (Открываются курсы старших трактористов // *Кр. жатва*. 1929. 25 окт. С. 3). Новомалыклинский район — национальный, в 1930 г. здесь проживало «мордвы 67 процентов, татар 23 процента, чуваш 5 процентов и русских 5 процентов» (Не хватает работников-националов // *Пролет. путь*. 1930. 9 янв. С. 2. Подпись: П. А.). Из-за низкого уровня технической грамотности, плохого знания русского языка представителей национальных меньшинств редко привлекали к работе старшими трактористами. Необходимость срочного формирования нацкадров отмечалась в Постановлении ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1930 г. «Об основных хозяйственных проблемах Средне-Волжского края» (Известия. 1930. 19 февр. С. 2). Кадровой проблеме посвящены платоновские записи: «Из нацменов нет ни одного стар<шего> тракториста» (*Записные книжки*. С. 51); «В нацрайонах (Якушка) надо обязательно комплектовать персонал станции вплоть до директора из нацменов. Русский штат как таковой играет отрицательную нац<иональную> роль» (Там же. С. 55).

*...знал трактора и прицепы на большой палец... — На большой палец — великолепно, отлично. О том, что хорошее знание техники — редкое качество среди трактористов, свидетельствовали многочисленные газетные заметки. Местная печать регулярно сообщала о небрежном отношении к тракторам, о постоянных поломках и даже несчастных случаях: «Так, в колхозе “Новый путь” Ульяновского округа из-за неопытности трактористов одно время машины ломались через каждые 10 минут. Есть случай, когда один тракторист сгорел» (Быть технически грамотным // Средне-Волжский комсомолец. 1930. 10 янв. С. 4); «В МТС — то расплавят подшипники, то заморозят радиатор и т. д. В коммуне III Интернационал трактор загнали в грязь и бросили на ночь без охраны, в Мелекесском совхозе гусеничный трактор свалили в овраг и т. д.» (В «день трактора» // *Кр. жатва*. 1930. 20 июня. С. 5. Подпись: М. М-хин). См. запись Платонова: «Рассказывают, что в Самар<ском> окр<уге> был случай, когда трактор “повис на дереве”» (*Записные книжки*. С. 46). После массового выхода крестьян из колхозов и отказа от заключенных ранее договоров с МТС Якушкинская станция осталась без трактористов, прошедших в конце 1929 г. достаточно серьезную (в течение трех месяцев) подготовку, и была вынуждена в кратчайшие сроки (за десять-четырнадцать дней) подготовить им замену. В марте на станции работало «...15 старших рулевых <...> К 1 апреля закончат учебу 150 чел. младших рулевых» (*Андреианов*. Якушкинская МТС под угрозой срыва весеннего сева // *Пролет. путь*. 1930. 12 марта. С. 2).*

*...старший тракторист не имел характера им приказать что-либо ~ остаток раба все еще сидел в этом молодом, талантливом человеке. — Ср. с платоновской записью: «Татары, мордвины — настолько забиты, настолько сильно на еще рабская психология (развитая муллами и кулаками), что, напр., старший тракторист боится, не смеет, не чувствует, что он командир, и его не слушают» (*Записные книжки*. С. 57). Подготовка колхозных кадров (в том числе трактористов) должна была осуществляться главным образом*

за счет привлечения батраков: «Это люди, для которых служение новому хозяйству будет соединяться с личным освобождением от кулацкой кабалы» (Яковлев Я.А. Колхозное движение и подъем сельского хозяйства // XVI Съезд ВКП(б). С. 596).

В Ульяновском округе мы можем встретить колхоз «Батрак», состоящий сплошь почти из бывших батраков, трудившихся ранее у мулл и кулаков. — «Батрак» — колхоз в татарском селе Тюгальбуга (Ульяновский округ). В июле 1929 г., «пройдя сложные стадии классовой борьбы, сопротивления кулачества и мулл», колхоз был организован из «15 мелких объединений» (Авангард колхоза «Батрак» и не поспевающее за темпом районное руководство // Пролет. путь. 1930. 16 янв. С. 1). Колхоз заключил договор с Якушкинской МТС. В сводках о ходе подготовки к весеннему севу 1930 г. этот колхоз отмечен как наиболее благополучный: «Подготовлен сравнительно только колхоз “Батрак”. Этот колхоз почти полностью собрал и обобществил семенной материал, обобществил рабочий скот и фураж. Идет подготовка к организации населения в специальные отряды для обслуживания тракторов при посеве» (Андрианов. Якушкинская МТС под угрозой срыва весеннего сева // Пролет. путь. 1930. 12 марта. С. 2).

Однако весной маленькая группа верных колхозников была загнана муллами и кулаками в подполье... — Восстания, вспыхнувшие в крае в марте 1930 г., захватили и крупный колхоз «Батрак» (6000 га), «который уже заготовил для посева свыше 90 проц. семенного зерна. За него районные и эмтеевские работники были вполне спокойны. Но и в нем лишь неделю тому назад женщины, смущенные кулацкими сплетнями, подняли крик против МТС» (На передовых позициях посевного фронта. Классовая борьба вокруг МТС // Пролет. путь. 1930. 20 марта. С. 1. Подпись: Н. Л.). Крестьянские волнения были вызваны действиями колхозных организаторов: «Без достаточного закрепления самого колхоза, без достаточной работы внутри членов были проведены крупные антирелигиозные мероприятия (закрытия церквей, мечетей), что вызвало в колхозе “Батрак” сильное брожение — в результате из закрытой мечети была выброшена школа, и началось моление» (Сводный материал выборочного обследования колхозов Ульяновского округа, произведенного по заданию Крайкома в мае 1930 г. // ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 777. Л. 64). За короткий срок из колхоза вышло 96,8% крестьян (Там же. Л. 69).

...передним трактором управлял слесарь Андрианов, директор Якушкинской МТС. — Андрианов Андрей Романович (1895–1981) родился в деревне Малый Сиуч Тагайского района Ульяновской области, в бедной крестьянской семье. Принял участие в Октябрьской революции, стал членом партии. До 1918 г. работал слесарем. В 1920-е гг. Андрианов занимал ответственные должности в различных учреждениях: «...по мобилизации в 1921 году командирован на Среднюю Волгу. Член укома и исполкома, уездный продовольственный комиссар. В 1921 — зам. председателя ПОМГОЛа. В 1927 году командирован в Центрально-Черноземную область, в гор. Воронеж для восстановления и реорганизации хозяйства. Работал в Богучарском уезде в должности заведующего земельным управлением. <...> В конце 1928 г. организовал в Ульяновске окружной отдел по организации колхозов» (фрагменты воспоминаний Андрианова опубл.: Зайцева Т.И., Фарафонтова В.С.

Коллективизация родного края Ильича в тридцатых годах. Ульяновск, 1989. С. 9–10; Дырдин А.А. Андрей Платонов и пространства Средней Волги // Родное и вселенское: образы местности, трансгрессии и гетеротопии в русской и мировой литературе. Ульяновск, 2015. С. 69–70; подробнее о биографии Андрианова см.: Умрюхина Н. «Тайна голода и труда на пышной земле»: о колхозных очерках 1930 г. // Страна философов, 2017. С. 437–440). С 1929 г. Андрианов работал директором Якушкинской машинно-тракторной станции.

«...но твоя курица не склюет трактора!» — См. примеч. ниже.

МТС не испугалась кулацко-мулльского штурма, не отдала инициативы в руки врага и мужественно взялась за пахоту батрацкой земли... — О работе Якушкинской МТС в марте – апреле 1930 г. сообщали окружные газеты в почти ежедневных сводках с «передовых позиций посевного фронта»: «Младшие рулевые трактористы-крестьяне из различных поселков заявили директору МТС: — Если у нас в селах откажутся от МТС, то просим вашего ходатайства о выделении нам земли в одном месте. Мы не хотим сеять свой хлеб с изменниками социалистическому делу. Это говорили бородачи и молодые парни. Внешне они были неприглядны. В рваных зипунах, истоптанных лаптях. <...> Это они не дрогнули перед толпой изуверов, возглавляемых муллами, когда с кумачовым флагом пошли встречать МТСовский трактор. Толпа грозила избить их и изломать трактор, если они пойдут учиться» (На передовых позициях посевного фронта. Классовая борьба вокруг МТС // *Пролет. путь*. 1930. 20 марта. С. 1. Подпись: Н. Л.).

Такая же приблизительно история была в колхозе «Путь Ленина», село Средний Сантимир. — В автографе: «Сентемир» (в печати встречались варианты написания: Сентемир, Сентимир, Сантемир). *Средний Сантимир* — село в Новомалыклинском районе Ульяновского округа с преимущественно татарским населением. О весенних событиях в этом селе сообщали газетные заметки: «В селе Среднем Сентемире кулаки 5 марта даже создали собрание и открыто агитировали против мероприятий посевкампании, требовали вернуть кулакам имущество...» (*Матрохин М.И.* Ново-Малыклинский район перед севом // *Кр. жатва*. 1930. 18 марта. С. 5); «Подготовленную с осени и вспаханную МТС землю Ср. Сентимир пришлось бросить, и Якушкинская МТС вернулась и перекинула район своей работы в другой угол района. Кулаки могут торжествовать — плод больших усилий, лихорадочной работы за всю зиму пришлось ликвидировать» (*Ложников Ф.* Под знаком полумесяца // *Пролет. путь*. 1930. 8 апр. С. 2). О колхозе «Путь Ленина» Андрианов писал в развернутой статье «Якушкинская МТС под угрозой срыва весеннего сева»: «В производственном объединении “Путь Ленина” под влиянием кулаков и мулл часть населения открыто выступает против МТС. Группами являются в сельсовет и высказываются против МТС и колхозов» (*Пролет. путь*. 1930. 12 марта. С. 2). Тем не менее накануне сева ситуацию удалось переломить: «Особенно дружно провели сев и оказали большую помощь МТС колхозы “Путь Ленина” (Ср. Сентимир) и колхоз имени Яковлева (Дальное), закончившие сев, первый — 24, а второй — 25 апреля» (*Матрохин М.* Якушкинская МТС закончила сев ранних культур // *Пролет. путь*. 1930. 1 мая. С. 4).

...общественная по головокружению курица не расклевала трактора. — В январе – феврале 1930 г., в ходе поспешной коллективизации края во многих деревнях и селах обобществлению подверглись «не только лошади, коровы и с. х. инвентарь, но и весь мелкий скот, птица и даже жилые постройки» (Два года работы Ульяновской окружной организации ВКП(б). Материалы к отчету Окружкома на II окрпартконференции // ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 944. Л. 53). В числе мероприятий зимнего месячника по птицеводству, объявленного по Средневолжскому краю, называлось и сто-процентное обобществление птицы в колхозах (см.: Самарский А. Птицеводство — не только «бабье дело» // Самарский колхозник. 1930. 12 февр. С. 5). На этапе борьбы с «перегибами», при анализе причин весенней ситуации в краевых партийных документах отмечалось: «...процесс обобществления сопровождался грубым администрированием и порой насильственным отбором» (Материал по итогам обследования окружных организаций по вопросам коллективизации сельского хозяйства и раскулачивания // ГАНИ УО. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 26). Практике тотального обобществления уделено особое внимание в правительственных документах весны 1930 г.: «Один из ретивых обобществителей доходит даже до того, что дает приказ по артели, где он предписывает “учесть в трехдневный срок все поголовье домашней птицы каждого хозяйства”, установить должность специальных “командиров” по учету и наблюдению...» (Сталин И.В. Головокружение от успехов // Правда. 1930. 2 марта. С. 1). В «Примерном уставе сельскохозяйственной артели» специально указывалось: «Домашняя птица не обобществляется» (Правда. 1930. 2 марта. С. 1).

С. 138. ...мулла говорил, что завтра обобществят курицу, а послезавтра и жену. ~ чтобы не иметь «послезавтра», когда возьмут и жену, батрак и бедняк покидал колхоз... — О распространенности среди крестьян слухов об «обобществлении» жен в колхозе см. примеч. к повести «Котлован»: Сочинения, 4(1). С. 570.

— Перегибщик ~ он плох, он весной муллу поцеловал... — В начале 1930 г. «в целях практического осуществления» ликвидации кулачества как класса и «максимального обеспечения проведения сплошной коллективизации Края» местной властью было принято решение: «Немедленно привести по всему краю массовую операцию по изъятию из деревни активных контрреволюционных антисоветских и террористических элементов в количестве 3000 человек»; «Одновременно приступить к подготовке проведения массового выселения кулацко-белогвардейских элементов вместе с семьями <...> в количестве до 10 000 хозяйств» (Постановление Бюро Средне-Волжского крайкома ВКП(б) от 20 января 1930 г. // ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 706. Л. 4). В период борьбы с «перегибами» первый секретарь Средневолжского краевого комитета ВКП(б) М.М. Хатаевич был вынужден признать: «Фактов принудительной коллективизации у нас по краю было более чем много» (Хатаевич М. На новом этапе колхозного движения (Из доклада на собрании Самарского партактива, 9 апреля <1930>) // Хатаевич, 1933. С. 181).

О весенних событиях в Ульяновском округе Платонов сделал подробную запись в записной книжке: «Татарские колхозы “Батрак” — б<ывшие> наемные батраки, забытые муллами и кулаками, и село Средний Сентемир —

колхоз<оз> “Путь Ленина” — восстания. Классический пример сочетания правого и левого уклонов. Перегибщики обобществляли кур, а муллы говорили, что и жен обобществят. Процесс перегибного обобществления все увеличивался, чем доказывал в глазах даже бедноты “справедливость” мулл. На основе кур муллы подняли массы. Восстания в 2-х селах. Это дало дрожь по всему району. Было это в марте. Сев. Население против МТС, против колхоза, против сов<етской> власти. Ходят толпами. Все враз вышли из колхоза. Осталась лишь номинальная группа бедняков и комсомольцев. МТС не сдалась: она послала тракторные отряды под охраной в эти бушующие села. В трактористов начали бросать топоры. Одного поранили. Директора избili. Трактора все же вспахали. Настроение изменилось: пахота отличная. Куриный вопрос разрешился машиной. Курица не сумела склевать трактора. МТС не испугалась наступления кулачества и мулл, а мужественно работала» (*Записные книжки*. С. 54).

Вот и вся тайна «левых» и правых. — О левом и правом уклоне от генеральной линии партии см. примеч. к рассказу «В поисках будущего (Путешествие на Каменскую писчебумажную фабрику)», с. 518 наст. изд.

Тяжела поэтому была весенняя вспашка для Якушкинской МТС. — За лаконичной фразой — комплекс проблем, с которыми столкнулась Якушкинская МТС весной 1930 г. Помимо трудностей, вызванных массовым выходом крестьян из колхозов, отказом от договоров с МТС, нехваткой кадров, разбросанностью земель и т. д., ситуацию осложняло недостаточное снабжение станции. Не хватало сельскохозяйственных машин, отсутствовали запасные части к ним: «В Якушкинскую МТС прибыло 84 негодных сеялки. На всех МТС Ульяновского округа отсутствуют запасные части к тракторам и к прицепному инвентарю» (Негодная продукция // *Правда*. 1930. 19 апр. С. 1). Остро стоял вопрос обеспечения рабочих станции и колхозников во время полевых работ спецодеждой и питанием: «Трактористы, рулевые работают в тяжелых условиях, нет спецодежды и обуви. На холоде и на дожде рулевые мокли и дрогли. Надо большую выдержку, чтобы не бросить работу в таких условиях» (С окружного совещания МТС. Переключиться на реконструкцию сельского хозяйства // *Пролет. путь*. 1930. 16 мая. С. 2); «Младшие трактористы подчас по два дня не видали даже хлеба...» (Первые шаги МТС в нашем округе. Итоги весеннего сева // *Пролет. путь*. 1930. 14 мая. С. 2). См. запись Платонова: «Трактористы без спецовки...» (*Записные книжки*. С. 46).

Несмотря на это, весенний сев в районе действия Якушкинской МТС прошел успешно — на проходившем в мае окружном совещании директоров и агрономов МТС Андрианов рассказал о достижениях: «17 апреля тракторы направились в колхозы. <...> Рабочие МТС объявили себя ударниками на весенний сев и работали по 15 часов, без дополнительной оплаты и без выходных дней. Ночью боронили, днем сеяли»; «Из строя не вышел ни один трактор» (*Кр. жатва*. 1930. 16 мая. С. 4). За успехом МТС внимательно следили газеты: «Якушкинцы — ударники. <...> Они готовы к севу больше, чем другие МТС нашего округа» (На передовых позициях посевного фронта. Классовая борьба вокруг МТС // *Пролет. путь*. 1930. 20 марта.

С. 1. Подпись: *Н. Л.*); «Работники станции решили до конца весеннего сева отменить дни отдыха. Сев намечено закончить в 7 дней» (В ряды ударников // *Кр. жатва*. 1930. 11 апр. С. 4); «Якушкинская МТС план сева перевыполнила на 29 проц.» (Победы стальной конницы // *Пролет. путь*. 1930. 18 июля. С. 2).

...колхозный урожай выше единоличного... — См. примеч. к очерку «По заволжским МТС», с. 602–603 наст. изд.

— *Этот охотник за черепом революции...* — Выражение «охотник за черепом» отсылает к названию романа Майн Рида «Охотники за черепами», публиковавшегося под таким заглавием (другой вариант перевода — «Охотники за скальпами») в 1895 и 1916 гг.

И, может быть, даже трудности роста. — О выражении «трудности роста» — см. примеч. к рассказу «Факт», с. 562 наст. изд.

С. 139. *...держат тихий курс на разложение колхоза.* — Об обороте «курс на...» как одном из военных терминов в языке эпохи писал А.М. Селищев: «...в политической общественной жизни берут, ставят, держат курс на что-либо или на кого-нибудь. Такие сочетания <...> входят в обиходную речь населения» (*Селищев*. С. 90).

...мы дошли до села, кажется, Чердаклы, Ульяновского округа. — *Чердаклы* — село Ульяновского округа, место размещения Чердаклинской МТС, организованной одновременно с Якушкинской (подробнее о событиях в районе действия Чердаклинской МТС — см. примеч. к очерку «По заволжским МТС», с. 604 наст. изд.).

Старик признал во мне сезонника и не стал скрывать. — *Сезонник* — крестьянин, ушедший в город на сезонные работы: «Подавляющее большинство этих рабочих — бедняки и середняки» (*Шерешевский М.* Политико-просветительная работа среди сезонников. Л., 1930. С. 3). Летом, после окончания сева, многие крестьяне-единоличники уходили на заработки в город: «...единоличник меньше засеял, раньше освободился, уходит на заработки в город, на стройку» (*Хатаевич М.* Средняя Волга в первую треть пятилетки (Из доклада на второй краевой партконференции о работе крайкома, 18 июня <1930>) // *Хатаевич*, 1933. С. 195).

...и после уборки урожая начнется весьма яростная вражда за душевой доход. ~ потому что труду велся плохой счет. — См. записи Платонова на эту тему: «Распределение урожая: учет труда ни к черту» (*Записные книжки*. С. 49); «Узкое место, база, на которой сейчас может разыгаться классовая борьба, — суть распределение урожая в колхозах» (Там же. С. 55). Об учете труда и распределении доходов в колхозах см. примеч. к с. 141–142.

...наиболее же мудрые должны оставить колхоз последними ~ активный кулак и подкулачник теперь старается скрываться в глубине колхоза, а не вне его. — См. запись Платонова: «О кулаке. Кулак сейчас скрывается в колхозе, — и выходит из него последним, стравив на выход других» (*Записные книжки*. С. 48). Хитрая тактика «загримированного» кулака — одна из постоянных тем печати с начала 1930 г.: «Одновременно кулачество применяет и другой маневр, чтобы сохранить свое имущество, восстановиться в правах и в то же время взорвать колхоз изнутри. Началась волна заявлений

от кулаков о приеме их членами как старых, так и новоорганизующихся колхозов. <...> И сейчас, в момент чистки колхозов, надо с особой зоркостью проверить состав их и всех чужаков, оказавшихся там, гнать подальше от колхоза» (Беспощадно гнать кулака // *Пролет. путь*. 1930. 16 янв. С. 2). См. также статьи с характерными заголовками: «Железной метлой — кулаков из колхоза!»; «Срываем маски. Чужаки в колхозах» (Самарский колхозник. 1930. 15 янв. С. 1, 6); «Изгнать недовьявленных кулаков» (Правда. 1930. 23 марта. С. 4); «Враг в колхозе» (Известия. 1930. 26 июля. С. 1).

...кулак сейчас действует под видом набожного человека, ибо вера колхознику не запрещена... — Одной из причин массовых антиколхозных выступлений весной 1930 г. стало закрытие церквей и мечетей. В партийных документах уделено особое внимание допущенным «искривлениям и перегибам» в антирелигиозной работе и приказано: «Решительно прекратить практику закрытия церквей в административном порядке, фиктивно прикрываемую общественно-добровольным желанием населения. Допускать закрытие церквей лишь в случае действительного желания подавляющего большинства крестьян и не иначе, как с утверждения постановлений сходов областными исполкомами. За издевательские выходки в отношении религиозных чувств крестьян и крестьянок привлекать виновных к строжайшей ответственности» (О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении // Правда. 1930. 15 марта. С. 1).

Наша встреча состоялась близ села Лебяжьего, Мелекесского района. — Лебяжье — село, расположенное в Мелекесском районе, крупнейшем районе Ульяновского округа. См. запись Платонова: «Лебяжье — 300 с небольшим <дворов>. % коллективизации 45%» (*Записные книжки*. С. 51).

С. 140. *Значит, хорошо или дела у этого пешего кулацкого агитпропа.* — *Кулацкий агитпроп* — один из штампов в политическом языке эпохи, см., например, статьи и заметки об антиколхозных выступлениях крестьян: «Кулацкий агитпроп развернул бешеную энергию...» (Вылазки классового врага // Правда. 1930. 23 марта. С. 4); «Вот почему кулацкий “агитпроп” сейчас поднял кампанию против ликвидации округов» (Мобилизовать общественность // Известия. 1930. 11 авг. С. 3).

На Ильин день в Лебяжьем случилась сильная гроза. ~ тою же небесной электрической искрой был поражен один местный человек... — См. запись Платонова: «В Ильин день горело: контузило 1 человека; в Лебяжьем — 2 дома, в Майне 1 <дом> с<горели> от молнии» (*Записные книжки*. С. 51). С Ильиным днем (день памяти пророка Ильи 2 августа по новому стилю) были связаны народные поверья: «На этот день не косят и не убирают сена, потому что в противном случае св. Илья, за непочтение назначенного ему праздника, убьет громом или сожжет накошенное сено молнией» (*Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу*. В 3 т. М., 1994. Т. 1. С. 473). Об антирелигиозных кампаниях по «разоблачению» Ильи Пророка см. примеч. к повести «Город Градов»: *Сочинения*, 2. С. 583–584.

Колхозника закопали наполовину в землю, и он выздоровел от грозовой контузии. — Согласно народному поверью, пораженного молнией человека для спасения нужно закопать в землю.

...зажигачные пытались бросить в запылавшие от молнии избы тело председателя сельсовета. — Факт зафиксирован в записной книжке Платонова: «...во время пожара в Лебяжьем зажигачные пытались бросить в огонь предсельсовета» (*Записные книжки*. С. 52).

...я отправился в село Майну... — Село Майна расположено в Майнском районе (образован в 1930 г.) Ульяновского округа. «В августе 1930 поселок М<айна> стал районным центром» (Ульяновско-Симбирская энциклопедия: в 2 т. Ульяновск, 2000. Т. 1. С. 345).

...отправился на Сабакаево... — Сабакаево — село в Мелекесском районе.

...дабы там сказать старым мусульманам-колхозникам, что их всех скоро сделают свинными пастухами. — Коран запрещает мусульманам употреблять в пищу свинину. Развитию свиноводства придавалось большое значение в реконструкции хозяйства страны: «...свинья нам поможет наиболее быстро разрешить мясную проблему. <...> Свинья быстрее всех других видов животных создает мясо, и на единицу потребленного корма она дает больше мяса, чем крупный рогатый скот. Эти два преимущества и выдвигают свинью на первое место» (*Яковлев Я.А.* Колхозное движение и подъем сельского хозяйства // *XVI Съезд ВКП(б)*. С. 579). В планах по развитию животноводства в Средневолжском крае особое внимание уделялось восстановлению свиного стада, которое в 1930 г. сократилось на 60% по сравнению с 1929 г.: «Наш Ульяновский округ зачислен в число беконных, то есть в число таких округов Союза, которые должны производить молодую, мало-солоную свинину и заниматься мясным откормом свиней. В Средневолжском крае в течение пятилетки будет построено 3 беконных фабрики большой производительности» (Свиноводство — выгоднейшая отрасль животноводства. Наш округ входит в число беконных // *Пролет. путь*. 1930. 12 янв. С. 2); «Перед нами стоит задача, поставленная решением ЦК от 15 февраля с. г. — увеличить в пятилетний срок поголовье скота в два раза, а товарную животноводческую продукцию в три раза. <...> В большинстве наших колхозов можно в этом году на основе благоприятного урожая текущего года организовать образцовые свинарники» (*Хатаевич М.* Средняя Волга в первую треть пятилетки (Из доклада на второй краевой партконференции о работе крайкома, 18 июня <1930>) // *Хатаевич, 1933*. С. 200).

С. 141–142. Директор Якушкинской МТС сам мне сказал, что ближайшее место, где состоится битва коммунизма с остатками кулачества, — это распределение урожая в колхозах. ~ счетовод, это человек, который изложит цифрой всемирную победу колхозного движения... — См. запись Платонова: «Андрианов (директор) провел через р<ай>ком мобилизацию всех счетоводов местных органов. В результате — в каждом колхозе квалифицированный счетовод. Счетовод, к<а>к орудие, новый инструмент на данном этапе в классовой борьбе пролетариата. Счетовод на колхозном урожае, к<а>к герой дня» (*Записные книжки*. С. 55).

Ставшая центральной в очерке проблема учета труда и распределения урожая представляла собой один из злободневных вопросов первого года сплошной коллективизации. Колхозникам не хватало знаний, умелого животноводства, учет вели «по произвольной форме и даже на отдельных клочках бумаги», что часто приводило «к недостатке денежных сумм» (*Пузырев*.

Счетную работу в колхозах надо поставить крепкой // *Кр. жатва*. 1930. 7 марта. С. 4). Не было внятных инструкций, доступной литературы с учетом колхозной специфики. Бухгалтер одного из коллективов, обслуживаемых Якушкинской МТС, рассказывал об этих трудностях: «До сих пор по учету рабочей силы в колхозах не имеется совершенно никаких материалов, а если они частенько и имеются, то применить их здесь на месте совершенно невозможно: все они или чересчур громоздки, или чересчур трудны для уровня технической массы колхоза. <...> Нужно твердо помнить, что здесь не Москва и даже не Ульяновск, а глушь» (*Зайцев*. Учет сдельщины в колхозах (В порядке обсуждения) // *Кр. жатва*. 1930. 31 марта. С. 3).

Теоретическую неразработанность проблемы бухгалтерского учета в колхозах признавали и профессионалы: «Методология этой отрасли учета находится еще по существу в зародышевом состоянии, основные принципы социалистического сельского учета до сих пор еще не разработаны» (Спутник счетовода. 1930. № 2. С. 25). В директивах Первой всесоюзной конференции объединения работников учета (март 1930 г.) были определены меры по организации колхозного учета: профессиональная помощь колхозным работникам, снабжение мест учетно-отчетными формами, регулярные совещания, шефство счетных работников над колхозами, создание сети краткосрочных курсов. Различные организации (СТС, ВЛКСМ, рик и др.) объявляли о посылке в колхозы своих счетоводов: «В Средне-Волжском крае мобилизовано для посылки на работу в колхозы 900 работников учета. К I/IV они должны быть отправлены на места» (Спутник счетовода. 1930. № 2. С. 42). Однако кампанию по вербовке работников на службу в колхозы не могли признать успешной: «Вербовка терпит затруднения, благодаря невыясненности условий труда <...> счетных работников в колхозах и безразличному отношению к этим вопросам со стороны центров и союзов. <...> Отправка счетных работников в колхозы происходит с перебоями и задержками, обнаруживая бюрократическое отношение колхозосоюзов к добровольцам» (В Колхозцентре. О посылке в колхозы счетных работников // Колхозцентр. 1930. № 9. С. 5).

О том, как велика потребность колхозов в счетных работниках, постоянно сообщали окружные газеты: «Ждем агронома и счетовода» (*Кр. жатва*. 1930. 4 марта. С. 4); «Дать счетных работников в колхоз!» (*Пролет. путь*. 1930. 18 мая. С. 3). На совещании директоров МТС при окружном земельном управлении, проходившем 3 апреля, проблема счетных кадров была названа в числе основных. О ситуации в колхозах Якушкинской МТС писал Андрианов: «Необходимо для организации труда и учета трудовых процессов при обобществленных работах командировать в каждое производственное объединение счетовода» (*Андрианов*. Якушкинская МТС под угрозой срыва весеннего сева // *Пролет. путь*. 1930. 12 марта. С. 2).

К лету серьезного улучшения в обеспечении колхозов специалистами не произошло: более половины колхозов на Средней Волге не имели счетоводов (см.: Итоги коллективизации, составленные по материалам НКЗема СССР, Колхозцентра и статистического сектора Госплана СССР к XVI съезду ВКП(б), не ранее 1 июля 1930 г. // *Трагедия советской деревни*, 2. С. 520). Объявленная по Средневолжскому краю мобилизация счетоводов

на временную работу в колхозы вновь не принесла значительного результата (из 400 запланированных работников удалось направить в колхозы лишь 45). В период подведения итогов «первой большевистской весны» проблема ненадежности учета приобрела особую остроту: «...сейчас идет бой за дальнейшее успешное развитие коллективизации, и армия счетных работников в этом бою должна быть в первых рядах» (*Коськин П.* Срочно помочь делу учета урожая // *Известия.* 1930. 18 авг. С. 3); «Колхозник, в поте лица добросовестно поработавший весну и лето, теперь вправе узнать, что дала ему первая колхозная работа, — крестики и палочки, которыми отмечены на листках бригадира колхозные *трудодни*, он хочет перевести на язык *рублей и копеек, язык килограммов и центнеров хлеба.* <...> Поэтому колхозы и районы бьют тревогу, они требуют людей, знающих толк в цифрах, умеющих разобраться в путанных записях бригадиров и полеводов» (Поедешь в колхоз — уволю... Кто срывает мобилизацию счетных работников в колхозы // *Известия.* 1930. 24 авг. С. 4).

Вопросам распределения урожая, имеющим решающее значение в колхозном строительстве, посвящаются специальные правительственные директивы — о необходимости их популяризации говорится в обращении Колхозцентра, редакций «Правды» и «Социалистического земледелия» ко всей печати СССР (см.: *Соц. земл.* 1930. 25 июля. С. 1).

Актуальная тема нашла отражение в колхозных очерках, см., например: «Единопличники говорят: “Поглядим, как распределите колхозные доходы. Коль дело обойдется без драки и окажется наглядная выгода, к весне все будем в колхозе”» (*Акульшин Р.* Повесть об одном колхозе (очерки). М.—Л., 1931. С. 181).

ПО ЗАВОЛЖСКИМ МТС (Заметки разъездного корреспондента) (с. 143). — На стройке МТС. 1930. № 7–8. С. 15–17 (в сокр., под загл. «МТС — в первые ряды организаторов колхозного строительства»); *Записные книжки.* С. 302–308. Публикация Н. Корниенко.

Источники текста:

Автограф (*ИМЛИ.* Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 105. Л. 1–5).

На стройке МТС. 1930. № 7–8. С. 15–17.

Датируется августом 1930 г.

Печатается по автографу.

Автограф, выполненный карандашом на таких же листах, что и автограф очерка «За большевистского счетовода в колхозе!», сохранился не полностью, без финальной части. На л. 1 Платонов сделал запись для машинистки: «2 экз<емпляра> на 1 стороне листа к 20/VIII или к 21/VIII», что позволяет установить верхнюю границу датировки очерка. Одна из машинописей, вероятно, была передана в редакцию журнала «На стройке МТС», в котором очерк был опубликован в сокращении, с измененным заглавием «МТС — в первые ряды организаторов колхозного строительства». «На стройке МТС» — ежемесячный иллюстрированный агротехнический журнал Сельхозгиза, орган Трактороцентра, выходил с февраля 1930 г., освещал «вопросы

строительства МТС и организованных на их базе колхозов» и был «рассчитан на работников МТС, руководящий актив колхозов, работников земорганов и с.-х. кооперации» (*Нов. деревня*. 1930. 27 февр. С. 8).

Перед публикацией текст очерка подвергся правке, были сделаны значительные сокращения — исключен фрагмент: «Но еще нельзя сказать, что уже в нынешнем году механизированные колхозы дадут колхозникам достаточное материальное благополучие. ~ Иначе говоря, за первый же сезон ведения механизированного коллективного хозяйства бедняк и середняк почти удвоил свой доход». Журнальный текст заканчивается предложением: «Эту ошибку надо исправить немедленно, не упуская осенней кампании, дабы сразу получить резкое улучшение работы МТС». В органе Трактороцентра не была напечатана часть очерка, посвященная критике системы Трактороцентра; некоторые критические замечания отредактированы. Так, в предложении «Трактороцентру надо понять, что каждая МТС должна обязательно иметь “Форд”...» при публикации было опущено начало до слов «каждая МТС...»; в предложении «А теперь как это исправить...» исключены слова «когда уже набезобразничали». Резкое суждение: «...отсутствие механического транспорта в МТС означает совершенно непонятную штуку, нечто вроде вредительства» заменено на более мягкую формулировку: «...с отсутствием механического транспорта в МТС дальше мириться невозможно» и др. В некоторых случаях введено новое деление на абзацы; цифровые показатели переведены из устаревшей системы мер в новые единицы измерения: «около 65 тысяч пудов» исправлено на «около 1000 тонн», «70 верст» — на «70 километров» и др.

С. 143. *Районы действия приволжских и заволжских МТС...* — Волга делит Средневожский край на Правобережье (Приволжская возвышенность) и Левобережье (Заволжье). Организация МТС в Ульяновском округе началась осенью 1929 г., когда было утверждено строительство трех станций в Заволжье: Якушкинской, Чердаклинской, Погруженской. Зимой власти объявили о постройке еще двух МТС — Мелекесской (тоже в Заволжье) и Выровской (в приволжской части округа).

...(*примерно бывший Ульяновский округ*)... — Ульяновский округ был образован в 1928 г., административный центр находился в Ульяновске. 16 июля 1930 г. было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О ликвидации округов», 23 июля Президиум ЦИК Союза ССР образовал специальную комиссию по ликвидации округов под председательством А.С. Енукидзе. ЦК поручил до 1 октября «провести все практические меры, связанные с ликвидацией округов и усилением районов и областей» (Район — основное звено социалистического строительства в деревне // На путях к социализму. 1930. № 24. С. 1).

Власти Средней Волги решили начать ликвидацию округов немедленно, назначив срок сначала на 1 сентября, а затем на 15 августа: «В постановлении предлагается к свертыванию окружных отделов приступить немедленно и провести без всякой задержки широкую переброску работников округов на укрепление районов» (Новое постановление о ликвидации округов // *Пролет. путь*. 1930. 23 июля. С. 1); «К свертыванию окружных аппаратов приступить

немедленно, проводя без всякой задержки широкую переброску работников округов на укрепление районов» (За немедленную перестройку районного звена. Постановление крайкома ВКП(б) о мероприятиях в связи с ликвидацией округов // *Пролет. путь*. 1930. 26 июля. С. 4); «Ликвидация округов в Средне-Волжском крае начерно закончена» (Округа ликвидированы // *Известия*. 1930. 16 авг. С. 2).

...характеризуются довольно низким процентом коллективизации. Например, по Выровской МТС этот процент равен приблизительно 25; по Чердаклинской — около 20; по Мелекесской — несколько выше 40%; по Якушкинской — около 25%... — Статистика колхозного строительства нашла отражение в записях Платонова: «Чердаклы <...> % коллективизации ≈ 20; есть села с 15%-ной кол<лективи>зацией» (*Записные книжки*. С. 49).

Колхозный сектор в Ульяновском округе предполагалось довести к весне 1930 г. до 27%, но решением пленума окружного комитета партии (декабрь 1929 г.) этот процент был увеличен до 40 (а некоторые районы — в том числе район действия Якушкинской МТС — предполагалось коллективизировать на 80%). После прокатившихся по округу антиколхозных выступлений и массовых выходов из колхозов процент коллективизации оказался намного скромнее запланированного — так, на 1 мая по Новомалыклинскому району — 28%, по Чердаклинскому — 12,2%; к лету в целом «по округу коллективизировано 17,69% крестьянских хозяйств» (Материал по итогам обследования окружных организаций по вопросам коллективизации сельского хозяйства и раскулачивания // *ГАНИ УО*. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 10, 25). О значительном снижении процента коллективизации по Средне-волжскому краю летом 1930 г. говорил М. Хатаевич: «Мы имеем сейчас по краю немногим более 25% коллективизации вместо бывших в начале марта 58%» (*Хатаевич М.* Особенности и задачи текущего периода. Ко второй краевой партийной конференции (от 5 июня <1930>) // *Хатаевич, 1933*. С. 191).

...сейчас, во время уборки и подготовки к осенней посевной. — Осенняя посевная в районе действия Якушкинской МТС началась 17 августа (см.: МТС Тракторцентра начали сев // *Известия*. 1930. 25 авг. С. 1).

Производственный же пропагандистский эффект МТС весьма велик и сам по себе сокрушает кулацкую контрпропаганду. — В статьях и заметках об МТС подчеркивалось, что слаженная работа станции способствует увеличению числа колхозников: «Единоличники, вышедшие из колхозов, видя дружную работу колхозов и МТС как одной трудовой семьи, — вновь подают заявления о принятии в колхозы» (*Абрамов И.* В районе Выровской МТС начался приток заявлений о вступлении в колхозы // *Пролет. путь*. 1930. 9 мая. С. 1).

По колхозам Выровской МТС урожай яровых, например, выше урожая единоличников на 25%, а иногда и на 50%. — См. запись Платонова: «Ур<ожай> по МТС (яровые) выше на 25–50%. Яров<ая> совка 25–30% яровых посевов» (*Записные книжки*. С. 46).

...ликвидовать вековую нищету края, образованную ~ и засушливостью климата. — См. примеч. к очерку «За большевистского счетовода в колхозе!», с. 589 наст. изд.

При этом надо помнить высокое качество заволжской земли и довольно большие нормы землеобеспеченности. — Заволжье (Левобережье) по многим показателям находилось в более выгодном экономическом положении, чем приволжские районы: «...по обеспеченности землей Левобережье стояло и стоит значительно выше правого берега»; «...плотность населения Правобережья на 39,8% выше Левобережья, где в свою очередь землеобеспеченность на едока (и хозяйство) на 38,5 выше Правобережья» (Два года работы Ульяновской окружной организации ВКП(б). Материалы к отчету Окружкома на II окрпартконференции // ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 944. Л. 38).

С. 143–145. *Ожидаемый чистый доход на колхозную семью равняется восемнадцати – двадцати рублям в месяц; в то время как семья единоличника по-прежнему будет обходиться десятью рублями. ~ бедняк и середняк почти удвоил свой доход.* — При подведении итогов весенне-летних работ 1930 г. особый акцент был сделан на финансовом преимуществе обобщественного хозяйства перед единоличным. Приводимые в статьях и выступлениях расчеты должны были убедительно показать, что доходы колхозников в среднем почти в два раза выше доходов единоличников. См., например: «...если раньше единоличное бедняцкое хозяйство имело валового дохода в год в переводе на деньги не более 350 рублей <...> то сейчас в колхозах, по неполным и самым приблизительным подсчетам, валового дохода на каждое хозяйство приходится 700–750 рублей» (Хатаевич М. Беднота в социалистическое переделке деревни (Из доклада на краевой конференции бедноты, 20 сентября <1930>) // Хатаевич, 1933. С. 227).

В записях Платонова зафиксированы иные показатели доходности: «По колхозу “Красн<ый> путилов<ец>” доход на душу колхозника 42 р. <в> год (7.50 в м<есяц> на семью); у единоличника (благодаря вовсе меньшей посеваемой площади) 10 р. на семью в м<еся>ц» (Записные книжки. С. 47).

С. 145. *...создается чересполосица колхозных и единоличных земель ~ Якушкинская МТС не имела в радиусе 15–20 километров достаточного количества колхозных земель для загрузки своих машин, поэтому вынуждена была «разыскивать» земли дальше.* — Проблема нашла отражение в записях Платонова: «“Чересполосица” колхозов приводит к недогрузке тракторов»; «Радиус (норма) 15 верст нарушен. Трактора работают дальше» (Записные книжки. С. 47).

Землеустройство колхозов и МТС — один из центральных вопросов периода сплошной коллективизации (см. примеч. к повести «Впрок»: Сочинения, 4(1). С. 466). В генеральном договоре МТС с колхозами был предусмотрен особый пункт: «Все межи, разделявшие поля отдельных крестьян, уничтожаются. Колхоз или объединение обязуется вести *правильный многопольный севооборот*, план которого будет выработан агрономами станции в согласии с крестьянами» (Договор станции с крестьянами // Кр. жатва. 1929. 19 ноября. С. 2. Подпись: М.). Изначально планировалось, что «на территориях станций организуются крупнейшие севообороты, границами которых будут являться только реки, овраги и озера» (Фролов. Похорошим дедовские приемы труда на полях // Кр. жатва. 1929. 25 окт. С. 3). Однако весенняя ситуация (массовые выходы крестьян из колхозов) внесла серьезные

коррективы в намеченные планы — станциям пришлось перестраивать работу в новых условиях, генеральные договоры расторгались, заключались локальные, уже без условия территориального объединения хозяйств: «Те колхозы, с которыми Якушкинская МТС заключила договоры, отказались от тракторной обработки земли. <...> Площадь нового района обслуживания станцию не удовлетворяет. Чтобы загрузить тракторы полностью, необходимо создать крупные земельные массивы» (Первые шаги МТС в нашем округе. Итоги весеннего сева // *Пролет. путь*. 1930. 14 мая. С. 2); «Земли колхозов, с которыми заключены договоры, разбросаны в 73 участках, и тракторам пришлось исколесить весь район» (Положено крепкое начало // *Кр. жатва*. 1930. 16 мая. С. 4); «Тракторы уходили за 25–30 верст, и МТС превращались в прокатные пункты тракторов...» (194 трактора пяти МТС с работой справились, оправдали себя // *Кр. жатва*. 1930. 1 июля. С. 5. Подпись: М. М.).

В колхозной литературе межа как реалия старого крестьянского быта, единоличного хозяйства стала символом враждебных коллективизации сил: «Эх, межи — вражий камень, / Мы все ж в борьбе возьмем! <...> Недолго на два стана / Вам пахарей делить. / Мы в час зари румяной / Сольем клочки земли» (*Шагарова С. Межа умрет* // *Кр. жатва*. 1930. 3 июня. С. 1); «Забудут люди про межу, / И там, где сеешь / Бедность ныне, / Я путь к коммуне проложу» (*Батрак И. Межа и трактор* // *Кр. жатва*. 1930. 17 июня. С. 3).

*Колхоз «Путь Ленина» расположен в селе Чердаклы и обслуживается Чердаклинской МТС. ~ МТС добилась здесь такого увеличения посевной площади ~ в нынешнем году «Путь Ленина» сдаст около 65 тысяч пудов товарного хлеба, тогда как все село Чердаклы сдало в прошлом году (хорошем по урожаю) лишь 20 тысяч пудов. А ведь в селе было 1200 домохозяев, тогда как в колхозе лишь 410! — Ср. данные из доклада уполномоченного редакции «Колхозной газеты» и Крайколхозсоюза: «Сельскохозяйственная артель “Путь Ленина” в районном селе Чердаклы. Возникла 5 февраля 30 г. в составе 943 хозяйств из 1200 хозяйств в селе. На 5 мая осталось 431 хозяйство и остается неизменным по настоящий день. <...> Весеннего посева в артели было 3016 га, план сева выполнен на 156% за счет кулацких земель <...> Вся работа выполнялась главным образом тракторами с машинно-тракторной станцией» (Отчет-доклад по организации дозорных постов «Колхозной газеты» в крупных колхозах, по обследованию хода коллективизации и колхозов // РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 10. Ед. хр. 190. Л. 5 об.). Об успехах Чердаклинской МТС сообщала печать: «МТС значительно расширила посевную площадь обслуживаемых колхозов, в частности в колхозе “Путь Ленина” — на 63 проц. <...> Колхозы МТС дали рекордную для последних лет товарность 36 проц. вместо 10–15 проц. в единоличном секторе» (МТС дала образцы большевистских темпов работы. Рапорт Чердаклинской МТС. Что сделано за год // *Колх. стройка*. 1930. 16 ноября. С. 2).*

Подлинный драматизм, скрывавшийся за официальными сообщениями об ударной работе Чердаклинской МТС, нашел отражение в записях Платонова: «Колхоз “Путь Ленина” дает ≈ 50% товарности, 65 тысяч пуд<ов>, 33% от села = 410 двор<ам>. Все село дало 20 тысяч пуд<ов> (в прошл<ом> году)»; «Работают в Чердаклах даже дети. <...> Село реакционное. <...> Чердакл<инский> “Путь Ленина” объявил себя ударным (работа 17 час.),

ввиду того что людей не хватает: нужно 800 человек, имеется \approx 300» (*Записные книжки*. С. 49–50).

С. 145–146. ...райколхозсоюзы ~ имеют зуд покомандовать МТС... — Райколхозсоюз — районный союз сельскохозяйственных коллективов. Райколхозсоюзы были организованы в 1929 г. В Постановлении ЦК ВКП(б) «О реорганизации колхозно-кооперативной системы» от 30 июля 1930 г. все организационное и производственное руководство колхозным строительством в районе возлагалось на единый райколхозсоюз. На страницах местной печати работники МТС и колхозов Ульяновского округа постоянно критиковали райколхозсоюз за бездействие, формальное руководство и бюрократизм: «Райколхозсоюз сформировался в составе 14 человек. <...> За месяц аппарат съел 1300 рублей... <...> А что пользы было за месяц? — Ничего. Вся нужная работа проделана райзо и райпосевтройкой» (*Ложников Ф.* Аппаратомания (Фельетон) // *Пролет. путь*. 1930. 13 апр. С. 2); «Колхозу нужно было помочь в запашке, но райколхозсоюз этого не сделал» (Не осилим. Райколхоз, помоги! // *Кр. жатва*. 1930. 25 апр. С. 4); «Райколхозсоюз, который призван правильно организовать работу колхозов и оказывать всемерное содействие машинно-тракторной станции, ничего не делает» (*Андрианов*. Больше внимания трактористу // *Пролет. путь*. 1930. 13 июля. С. 2).

С. 146. *Старая Бесовка* — село в Новомалыклинском районе Ульяновского округа с преобладающим мордовским населением.

Из одиночных бедняков и середняков, желающих пользоваться МТС, создаются группы. ~ при первой массовой полевой работе одиночники «не выдерживают» и смешиваются с колхозными рядами. — См. запись Платонова: «Устройство земель бедноты рядом с колхозной — для пахоты; организация ТОЗов из групп бедноты и частью середняков. Эти <м> налаживался легчайший переход (присоединение) к колхозам» (*Записные книжки*. С. 54). Подобная переходная форма работы МТС с одиночками предлагалась еще летом 1929 г.: «На выгодных для себя и крестьян договорах снабжать дешевой двигательной силой окружающие села, заранее организовав их в товарищество по общественной обработке земли. Это избавит нас от мелких клочков земли, от разбросанности полей и от разбрасывания работы самой машинно-тракторной станции» (*Бронников*. Новый гигант на Кошкинских полях. Машинно-тракторная станция вместо тракторной колонны // *Кр. жатва*. 1929. 16 июля. С. 4). Весной 1930 г. в статьях и выступлениях отмечалась распространенность практики коллективного сева крестьянами-одиночками: «В Ульяновском округе сев в полном разгаре. <...> Единоличники во многих деревнях сеют коллективно» (*Правда*. 1930. 24 апр. С. 1); «Уже теперь не менее 20 процентов крестьянства нашего края, формально выйдя из колхозов, собирается провести сев коллективно, под одну борозду, разбившись на бригады, обобществив рабочий скот и т. д. Эти, так сказать, массы “сочувствующих” <...> являются ближайшим резервом колхозного движения...» (*Хатаевич М.* На новом этапе колхозного движения (Из доклада на собрании Самарского партактива, 9 апреля <1930>) // *Хатаевич*, 1933. С. 187).

С. 146–147. *Ни в одной из заводских МТС нет механического транспорта. ~ если бы на каждой МТС был один «Форд», то сотни часов протоев тракторов свелись бы к нескольким часам.* — См. многочисленные

записи Платонова на эту тему: «Автомобиль необходим. Лучше иметь меньше одним трактором, но автомобиль обязателен. Расстояние между крайними тракторными отрядами достигает 100 верст. Без автомобиля нельзя обслужить трактора техпомощью, нельзя готовить кадров и т. д.»; «Лучшее использование тракторов возможно лишь при автомобиле» (*Записные книжки*. С. 46); «Отсутствие автомобиля — обрыв цепи механизированного производства»; «МТС без автомобиля — это трактор без руля» (Там же. С. 47); «Из-за отсутствия Форда — где машина должна стоять 2 часа, стоит она 2 дня» (Там же. С. 52).

При утверждении планов строительства МТС предполагалось, что уже к весне 1930 г. все станции будут обеспечены автомобилями. Об этом говорила и местная печать: «С первого же года существования, то есть с весны, каждая машинно-тракторная станция будет иметь у себя по 4–5 грузовых автомобилей и по несколько — легковых» (*Мяздринов Н. Дорогу машинам // Кр. жатва*. 1929. 25 окт. С. 3). Зимой, когда стало понятно, что проблему снабжения МТС автотранспортом так просто не решить, было предложено «просить правительство временно прекратить отпуск новых автомобилей (советских заводов и импортных) городским потребителям и все такие машины направить в тракторные станции» (Беднота. 1930. 13 февр. С. 4).

Летом недостаток автомобилей ставил под угрозу проведение уборочной кампании (хлеб оставался под открытым небом) — вопрос требовал скорейшего разрешения. МТС сообщали: «Отсутствие механических передвижных средств уже и теперь вызывает ненужные простои тракторов при поломках» (Подготовимся к уборке. Мелекесская МТС // *Пролет. путь*. 1930. 11 июня. С. 3. Подпись: Л. Г.). В июле Краевой комитет партии в Самаре вынес решение: «С автомобилями дело обстоит плохо... Придется ставить вопрос перед центром» (Пленум краевого комитета ВКП(б) // *Пролет. путь*. 1930. 26 июля. С. 1). На поток запросов «с мест» Трактороцентр отвечал многочисленными циркулярами: «За последнее время наблюдается обильное поступление с мест писем и особенно телеграмм с запросами относительно автотранспорта. <...> Трактороцентр по крайней мере к предстоящей уборочной кампании, лишен возможности обеспечить МТС необходимым автотранспортом. <...> Поэтому предлагаем всем уполномоченным Трактороцентра и директорам МТС прекратить излишнюю переписку...» (Циркуляры Трактороцентра местным органам, уполномоченным машинно-тракторных станций, инспекторам Трактороцентра // *РГАЭ*. Ф. 8392. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 86). Власти на местах должны были сами решать проблему снабжения транспортом: «Всем МТС. <...> Во избежание же скопления хлеба в местах молотбы и оставления его под открытым небом, Вам необходимо принять все меры к организации перевозки обмолоченного зерна средствами колхоза...» (Там же. Л. 119).

С. 147. «Форд» — в это время самый распространенный легковой автомобиль в СССР.

...при малоквалифицированности тракторных кадров... — См. примеч. к очерку «За большевистского счетовода в колхозе!», с. 591 наст. изд.

Ведь если МТС есть замкнутый круг механизированного сельского хозяйства... — См. получившее широкое распространение определение МТС:

«Машинно-тракторная станция — центр сосредоточения всей тяговой силы (механической) и технического оборудования, необходимого для производственного обслуживания окружающего сельского хозяйства площадью оптимального размера» (Маркевич А.М. Межселенные машинно-тракторные станции. М., 1929. С. 32).

Все работники МТС в один голос говорят: — Дали бы нам лучше не 43 «Интера», а 42 и даже 40, но обязательно прислали бы один «Форд». И мы на 40 «Интерах», при одном «Форде», сделали бы больше работы, чем на 43, но без «Форда». — «Интер» — сокращенное название американского трактора «Интернационал» (мощностью 10–20 и 15–30 лошадиных сил), одного из самых распространенных в это время: «Из колесных тракторов у нас наибольшим распространением пользуются тракторы “Фордзон” и “Интернационал”» (Изда-читальня. 1930. № 3–4. С. 101). «Интернационал» стал прототипом одноименного советского трактора, выпуск которого начался в июне 1930 г. на Сталинградском тракторном заводе.

В период организации первых МТС в Средневолжском крае (осень 1929 г.) планы обеспечения станций тракторами были далеки от реальности: «Каждая станция получит не менее 200 тракторов со всеми прицепными машинами и орудиями» (Фролов. Похороним дедовские приемы труда на полях // *Кр. жатва*. 1929. 25 окт. С. 3). Зимой эта цифра уменьшилась в 4 раза, весной — с большой задержкой — МТС получили по 43 трактора. Так, Якушкинская МТС «17 апреля <...> получила последние два больших трактора “Интернационал” и таким образом все 43 трактора, которые должна была иметь станция по плану, завезены» (Матрохин. Прибытие тракторов вызвало большой подъем // *Пролет. путь*. 1930. 22 апр. С. 1).

«Джон-Дир» — колесный трактор производства американской машиностроительной компании Deere & Company (существует с 1837 г.). В конце 1920 — начале 1930-х гг. тракторы «Джон-Дир» массово импортировались в СССР. С 1928 по 1932 г. было поставлено более 8000 тракторов; самое большое количество — 4181 — реализовано в 1930 году. Закупки прекратились после запуска Харьковского тракторного завода, состоявшегося осенью 1931 г.

Трактороцентру надо понять... — Трактороцентр — Смешанное акционерное общество «Всесоюзный центр машинно-тракторных станций»; учрежден во исполнение постановления СТО СССР от 5 июня 1929 г. «Об организации машинно-тракторных станций». Председателем Трактороцентра стал директор самой первой МТС (Шевченковской) А.М. Маркевич.

С. 148. *Директор МТС показал мне 2 телеграммы ~ И вот, во время уборки ~ 14 человек и 14 лошадей срываются с уборочных пунктов и несутся к станции во весь карьер, дабы доставить бумажку с экстренными сведениями. — Ср. запись Платонова: «14 лошадей и 14 человек ежедневно должны мчаться в контору МТС, чтобы дать сведения о уборке, молотье и сдаче, давать ежедневно телегр<аммы>. Причем Крайтрактор просит давать сведения по каждой культуре, а Трактороцентр не подразделялся на культуры. И эта гонка лошадей и людей во время уборки» (Записные книжки. С. 55).*

Трактороцентр рассылал циркуляры с требованиями к МТС о предоставлении разнообразных отчетов: «...Трактороцентр <...> в самом срочном порядке в категорической форме, на ответственность директора, предлагает

представить <...> все формы отчетности...» (Циркуляры Трактороцентра местным органам, уполномоченным машинно-тракторных станций, инспекторам Трактороцентра // РГАЭ. Ф. 8392. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 26); «В телеграфных сводках сведения даются отдельно по каждой культуре (озимая рожь, овес, пшеница, провая пшеница и т. д.) и раздельно на работы, выполняемые тягой МТС и колхозами. Вместе с этим Трактороцентр обращает внимание на несоблюдение большинством МТС установленных для отчетности твердых сроков и форм» (Там же. Л. 82). О бумажном потоке, мешающем проведению полевых работ, сообщали не только местные, но и центральные газеты: «Опутала нас отчетность, — жалуются средне-волжские колхозники <...> Где бы делом заняться, а тут только и знаешь, что заполнять разные отчетные формы. Вот вам список учреждений, которым мы обязательно должны посылать отчеты: *крайзу, крайколхозсоюз, крайполеводсоюз, крайживотноводсоюз, крайсеменоводсоюз, сельхозбанк, картофельсоюз, коноплосоюз, птицеводсоюз, крайстатуправление*. Пишем отчеты годовые, квартальные, месячные, декадные. Составляем сотни отчетов, выводим тысячи цифр...» (Микроб бюрократизма // Известия. 1930. 22 марта. С. 3. Подпись: П. Б.).

Крайтрактор — уполномоченный Трактороцентра по Средневолжскому краю.

В Крае и Центре, вероятно, убеждены, что на местах в каждой избушке, в каждой деревне есть телефоны и люди работают шутя. — О проведении телефонной связи в машинно-тракторных станциях говорилось в Постановлении СТО СССР «О производственном плане Трактороцентра на 1929/30 год» от 1 февраля 1930 г.: «Обязать Народный комиссариат почт и телеграфов в плане строительства телефонной сети на 1929–1930 г. предусмотреть включение в телефонную сеть машинно-тракторных станций» (Экономическая жизнь. 1930. 7 февр. С. 4). Однако летом 1930 г. недостаточное развитие телефонной связи (из-за нехватки кадров, аппаратуры, проволоки) стало серьезной проблемой, затрудняющей реорганизацию системы управления, см.: *Любович А.* Ликвидация округов и связь // Известия. 1930. 4 авг. С. 3; Работу почты, телеграфа, телефона и радио — под широкий общественный контроль // Известия. 1930. 12 авг. С. 3. Из ста районов Средней Волги телефонной связью были обеспечены лишь семнадцать (см.: Округа ликвидированы // Известия. 1930. 16 авг. С. 2).

Необычайно жаль, что такая прекрасная по замыслу и результатам организация, как Трактороцентр, уже попала в бюрократическое ущелье... — В Трактороцентре существовало множество отделов, каждый из которых занимался своим вопросом, по которому следовало обращаться именно в этот отдел: «Переписка МТС, нередко и уполномоченных с Правлением Трактороцентра носит бессистемный характер. Это выражается прежде всего в том, что в одном и том же письме сразу затрагиваются вопросы, решение которых лежит на различных отделах Трактороцентра. Приходится в силу этого делать копии с каждого письма. А это задерживает работу и исполнение писем» (Циркуляры Трактороцентра местным органам, уполномоченным машинно-тракторных станций, инспекторам Трактороцентра // РГАЭ. Ф. 8392. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 76).

С. 149. *Что касается Крайтрактора, то он для МТС совершенно бесполезен. ~ Окртрактор совершенно не нужен, он нам мешает...* — О постоян-

ном вмешательстве в работу МТС краевых и окружных организаций, требующих дополнительных отчетов, работники станций писали в газетах: «Прекратить административные распоряжения работникам МТС. Окружные организации не могут требовать никакой отчетности от МТС, кроме установленной Трактороцентром. МТС будут давать в райзо копии оперативных сводок, посылаемых Трактороцентру» (С окрсовещания МТС. Что решило совещание МТС // *Пролет. путь*. 1930. 23 мая. С. 3).

*...поехал собирать сложную молотилку... — Молотилка — машина для обмолота сельскохозяйственных культур. Простые молотилки служат только для обмолота, сложные — одновременно еще и для очистки и сортировки зерна. Проблема снабжения МТС молотилками посвящены записи Платонова: «Вопр<осы> Выр<овской> МТС. Получено 2 молот<илки>. Не получено> б»; «М<ожно> было бы привести в порядок местн<ые> колхозные молотилки и купить у Райколхозсовхоза, когда они там были» (*Записные книжки*. С. 46); «Молотилок (сложных) нет» (Там же. С. 49); «Молотилок нет» (Там же. С. 57).*

*...из-за отсутствия ушивочного ремня и простых тряпок стоят молотилки. — Ср. запись Платонова: «Из-за отсутствия добавочн<ого> ремня, из-за тряпок, из-за плохого снабжения стоят машины...» (*Записные книжки*. С. 51).*

*...запасные части идут на МТС через тот же Окотрактор ~ Дабы усилить простой, запасные части посылаются не прямо туда, где они нужны, а на групповую МТС... — См. записи Платонова: «С запасными частями положение катастрофическое» (*Записные книжки*. С. 49); «Групповой склад Чердакл<инской> МТС не нужен. Направлять матер<иалы> непосредственно на МТС» (Там же. С. 51); «Из-за отсутствия запасных частей скоро трактора начнут останавливаться»; «Запасные части должны слаться на МТС без посредничества Окотрактора — эта инстанция вызывает простой тракторов» (Там же. С. 52).*

О том, что отсутствие запасных частей угрожает работе МТС, постоянно писали газеты: «Самый острый недостаток — это запасные части» (Дашь запасные части // Самарский колхозник. 1930. 12 февр. С. 1. Подпись: Земляк); «Нет запасных частей к тракторам и сложным с. х. машинам» (Не хватает младших рулевых. Якушкинская МТС // *Пролет. путь*. 1930. 11 июня. С. 3. Подпись: Л. М.). Незадолго до начала уборочной кампании, 10 июля, сообщалось о неготовности Чердаклинской МТС к работе из-за нехватки кадров и запасных частей.

Но ведь, скажут, округа ликвидируются! — См. примеч. к с. 143.

С. 150. *По эту и по ту сторону Волги МТС не имеют своих баз (мастерских, гаражей, домов и т. д.). ~ И если не будет прислано 60 плотников и 40 каменщиков, то сто с лишним тракторов останутся без ремонта и не смогут весной 31-го года выехать на работу. — Трудности строительства МТС нашли отражение в записи Платонова: «Чердаклин<ская> рем<онтная> мастер<ская> на 3 ст<анции>: Выры, Чердаклы, Мелекесс. Катастрофа: нет рабыли. Д<олжно> б<ыть> в течение ближ<айшей> недели: 100 ч<еловек>, плотн<иков> и каменщ<иков> достаточно» (*Записные книжки*. С. 50).*

Об организации первых в округе МТС было объявлено еще осенью 1929 г., однако строительство станций долгое время не начиналось. Трактороцентр

присылал на места один проект за другим, шло медленное согласование строительства (см.: *Борискин И.* Калейдоскоп проектов, или Что тормозит строительство МТС // *Пролет. путь.* 1930. 4 апр. С. 3). Об отсутствии нормального руководства, нехватке рабочих рук и строительных материалов говорили работники станций, писали газеты: «В заседании от 12 марта комиссия по подготовке к строительному сезону 1930 г. констатировала неудовлетворительный ход работ по строительству машинно-тракторных станций. До сих пор нет никакой четкости и деятельной работы со стороны Тракторцентра и его уполномоченных <...> не выяснено место постройки Выровской МТС, не закончен проект Мелекесской МТС...» (Строительство машинно-тракторных станций под угрозой срыва // *Пролет. путь.* 1930. 15 марта. С. 3); «В Чердаклинскую МТС доставлено только 50 проц. необходимого для строительства материала. К строительству еще не приступили, все чего-то оттягивают. Не начиналось строительство и в Якушкинской МТС, многие стройматериалы еще не доставлены туда. Нет ни кирпичей, ни камня» (Вопросы боевой подготовки к весне // *Пролет. путь.* 1930. 6 апр. С. 2. Подпись: *Ад. Л.*).

Летом 1930 г. ситуация со строительством в МТС по-прежнему оставалась тяжелой: «На Якушкинской МТС сейчас развернуто капитальное строительство необходимых станции сооружений. Строятся: деревянный дом на каменном фундаменте для жилья, рассчитанный на 12 квартир, гараж, буровой колодезь. <...> кирпич и известь плохого качества...» (Недочеты на строительстве МТС // *Пролет. путь.* 1930. 12 июня. С. 3). В конце августа на специальном заседании президиума Чердаклинского района по вопросу о ходе строительства в МТС было вынесено решение: «В оставшееся время строительного сезона сосредоточиться исключительно на постройке мастерских и гаражей МТС <...> работу по строительству указанных выше объектов объявить ударной <...> Поручить Райколхозсоюзу в 10-дневный срок провести мобилизацию в колхозах не менее 50 человек плотников и др. строительных рабочих — для использования на строительстве МТС и совхоза “Скотовод”» (Протокол заседания президиума Чердаклинского района. 30 августа 1930 г. // *ГА УО.* Ф. Р-1133. Оп. 1. Ед. хр. 81. Л. 13–14). Краевая власть признавала опасность создавшегося положения: «Строятся машинно-тракторные станции, тракторы надо поставить в сараи, трактористов и механиков куда-то надо поселить, но есть опасность, что к концу октября постройки не будут доведены до конца и тоже из-за нехватки рабочей силы» (*Хатаевич М.* На пороге третьего года пятилетки (Из доклада на совещании Самарского рабочего актива, 23 сентября <1930>) // *Хатаевич, 1933.* С. 234).

О НЕУВЯЗКАХ И НЕПОЛАДКАХ (От нашего специального корреспондента) (с. 151). — Радио в деревне. 1931. № 30. С. 2.

Датируется концом августа 1931 г.

Печатается по первой публикации.

Заметка была написана Платоновым во время поездки по совхозам объединения «Скотовод» Средневолжского края (см. об этом вступ. статью

к коммент. тома: *Сочинения, 4(1)*. С. 366–367). Одновременно с заданием от «Скотовода» писатель также выполнял какое-то поручение от Общества друзей радио (ОДР). 27 августа, прибыв в краевой центр — Самару, Платонов сообщил жене: «...ночью в клубе ОДР — один в жуткой, громадной, гулкой комнате. Работаю по командировкам. Для ОДР кое-что уже сделал. Сейчас отправляю корреспонденцию, организовал ударную бригаду из двух корреспондентов» (*Письма*. С. 314). Возможно, «отправляемая корреспонденция» как раз и являлась статьей «О неувязках и неполадках».

В феврале 1931 г. на IV расширенном пленуме ЦС ОДР СССР отмечалось, что решению таких важнейших задач ОДР, как «а) помощь в работе радиофицирующих и радиовещательных организаций и общественный контроль за их работой; б) подготовка кадров для дела радиофикации и обороны; в) борьба с оппортунизмом и делячеством в деле радиофикации за выполнение пятилетки радиофикации в четыре года на основе генеральной линии партии», мешали: «а) в общем правильное, но слабое и нечеткое руководство ЦС ОДР местами из-за неработоспособности президиума ЦС; б) недостаточное внимание к вопросам обороны, нечеткая борьба с делячеством и оппортунизмом в деле выполнения плана радиофикации; в) отсутствие руководства массовой радиотехнической работой (кадры, методическое руководство, общественно-технический контроль над промышленностью и радиофикацией) как в ЦС, так и на местах; г) слабость аппарата и недостаток общественно-технических кадров как в ЦС, так и на местах; д) отсутствие работы по радиовещанию». В связи с этим предлагалось: «а) перестроить ОДР в массовую пролетарскую организацию на основе сплочения рабочих, колхозных и бедняцко-середняцких слоев радиолюбителей и радиослушателей вокруг задач соцстроительства и обороны; б) конкретно участвовать в политических и производственных кампаниях и вести радиослуживание их; в) организовать общественный контроль над радиопромышленностью, радиофикацией и радиовещанием» и т. п. (см.: *Радиофронт*. 1931. № 3–4. С. 168). От Платонова в ходе командировки требовалось, вероятно, оценить состояние дел в ОДР Средневолжского края спустя полгода после пленума.

Во время поездки Платонов заполнил подготовительными записями 10 страниц своей записной книжки (далее записи сгруппированы постранично):

«ОДР

ЦС (?) Нет питания

85% молчат установок

Краев<ые> орг<анизации> не дали денег — <на> уборочн<о>-хлебоготов<ительные работы>.

О подготовке допризыв<ников> (задание ЦС) — коротковолн<овиков> 150 ч<еловек> (встречн<ый> план 250 ч<еловек>) явились 5–6 чел<овек> на курсы. Комсомол подвел <нрзб>;

«Значение ОДР никем не оценивается или крайне низко оценивается»;

«РОКК, ОСО, ОДР. Техмасс<овые> и др<угие> общества должны иметь общий совет: работа во многих частях совпадает — курсы и др., а между тем все отдельно, это ест лишние средства, силы и т. д.

Нужно соглас<овать> центр»;

«Нет платн<ых> раб<отников> в районе. Нужен район<ный> секретарь, иначе нельзя.

Инстр<укторов> масс<овой> раб<оты> — 4

районов — 66 + Мордов<ская> область»;

«В Мордов<ской> области работа слаба; есть отдел<ьные> тенденции.

2 года не было ни съездов, ни конфер<енций>, ни пленумов в крае с 1929 года ничего не было.

Были район<ные> конф<еренции> в пр<ошлом> году — в редких районах»;

«По Краю в ячейках — 24 500 чел<овек> а всех радиолюбителей в 2 раза больше.

По Самаре — 5 000 ч<еловек>, а в обществе 400 чел<овек>»;

«ЦС ничего не отвечал на самые большие вопросы крайорганизации. Безобразие! Отвечать нужно, безответственность деморализует организацию.

Никакой поддержки со стор<оны> парт<ии>, <нрзб>. Теперь лишь немного лучше»;

«Ульян<овск>, Мелекес, Кузнецк, Ставропольск <sic!>.

Радиоузлы в совхозах, МТС возникают самостоятельно и работают без всякой помощи ОДР, п<отому> ч<то> ОДР не в силах их обслужить»;

«Отнош<ение> к ОДР к<а>к к забаве.

Самар<ский> горсовет отказался вступить в члены ОДР, написав: постановлено отказать.

Из 23 членов Крайсовета ОДР, избр<анных> в 1928, сейчас осталось 3»;

«Хорош<ие> кадры в руководств<о> ОДР: сейчас плохие.

Отношение (изменить)» (*Записные книжки*. С. 85–86; *ИМЛИ*. Ф. 629.

Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 56 об. – 52, записи следуют от задней обложки к центру книжки).

Почти все эти записи были использованы при написании статьи.

Несмотря на то что Платонов отправлял корреспонденцию срочно, не дожидаясь окончания командировки, публикация данной статьи состоялась лишь в конце октября. Неизвестно, было ли выполнено писателем обещание о продолжении темы. Вполне возможно, что следующая статья действительно была написана, но так и осталась неопубликованной.

С. 151. *Средневожская область* — в строгом смысле слова данная административная единица существовала с 14 мая 1928 по 20 октября 1929 г., а затем была переименована в Средневожский край. В созданную область, с переходом от губернского, уездного и волостного деления на окружное и районное, вошли Пензенская, Ульяновская, Оренбургская губернии полностью, Самарская губерния без Пугачевского уезда и Кузнецкий уезд Саратовской губернии. Уточнение внешних границ области и ее административного деления продолжалось и в дальнейшем. Платонов уже посещал Средневожский край в предыдущем 1930 г. (см. примеч. к очерку «За большевистского счетовода в колхозе!», с. 586–588 наст. изд.).

Мордовская область — была образована 10 января 1930 г. в составе Средневожского края в результате преобразования из Мордовского округа.

Центросоюз — Центральный союз потребительских обществ СССР, высший координирующий орган потребительской кооперации.

БЧЗ — четырёхламповый батарейный радиоприёмник. Аббревиатура

БЧЗ расшифровывается: конструкции инженера Борусевича, четырёхламповый, закрытый тип.

Коротковолновик — радиолобитель, занимающийся передачей и приёмом радиосигналов на коротких волнах. До начала 1920-х гг. в официальной радиотехнике диапазон радиоволн короче 200 – до 20 метров считался непригодным для устойчивой дальней связи. Однако по результатам опытов радиолобителей ошибочность такого суждения стала очевидной уже в середине 1920-х гг. К началу 1930-х гг. коротковолновики обслуживали своими станциями военные маневры, участвовали в спасательных и научных экспедициях, экспериментально доказывали возможности применения коротких волн в различных областях народного хозяйства.

ПЬЕСЫ

ДУРАКИ НА ПЕРИФЕРИИ (с. 155). — Ноев ковчег: пьесы. М.: Вагриус, 2006. С. 12–57. Публикация Н. Корниенко, Е. Антоновой.

Источники текста:

M1 — машинопись с правкой Пильняка и Платонова, неполная (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 237. Л. 1–39, А).

M2 — машинопись, неполная (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 238. Л. 1–11).

Датируется сентябрем – октябрем 1928 г.

Печатается по *M1*.

Автограф пьесы не выявлен. В двух сохранившихся экземплярах машинописи одной закладки, *M1* и *M2*, первый акт выполнен на листах почтовой бумаги, остальная часть (*M1*. Л. 10–39; *M2*. Л. 10–11) — на кальке. Сквозная нумерация в машинописи отсутствует; страницы пронумерованы в соответствии с делением пьесы на акты: 1–9, 1–9, 1–12, 1–13. Оба экземпляра машинописи сохранились не полностью. В *M1* отсутствуют четыре листа третьего акта; утраченная часть, вероятно, содержит фрагмент пьесы, раскрывающий обстоятельства передачи ребенка на воспитание комиссии охматмлада. К этому фрагменту относится замечание одного из присутствующих на обсуждении «Дураков на периферии»: «Комиссия рассматривает вопрос о том, как воспитывать ребенка, и находит, что нельзя допускать, чтобы “отдельная личность разлагала его на мелкобуржуазные части”» (*Кут А.* «Дураки на периферии». Новая пьеса Б. Пильняка // *ВМ*. 1928. 15 окт. С. 3). В *M2* сохранился лишь первый акт (Л. 1–9), один лист из третьего акта (Л. 11) и один из четвертого акта (Л. 10).

В обоих источниках отсутствует лист со списком действующих лиц. Заглавие — «Дураки на периферии» — вписано Платоновым карандашом в *M1* по верхнему краю листа (Л. 1); рядом с этим заголовком приписан вариант названия пьесы — «Гул гадов». В *M1* на последнем листе первого акта имеется карандашная помета Платонова: «Повесть в 4-х сценах, с разговорами и происшествиями» (*M1*. Л. 9 об.); возможно, таким образом он отреагировал на замечания, прозвучавшие при обсуждении пьесы

в писательском кругу, — см.: «Многие товарищи, которые слышали эту пьесу, говорят, что это повесть в сценах, не пьеса» (Что пишут драматурги. Б.А. Пильняк и А.П. Платонов // Рабис. 1928. № 46. С. 7). В *М2*, на последнем листе первого акта, сохранилась поздняя помета жены писателя Марии Александровны: «Пьеса “Дураки на периферии” Б. Пильняк и А. Платонов» (*М2*. Л. 9 об.).

Текст четвертого акта напечатан в *М1* с учетом платоновской правки, внесенной им в первые три акта: в этой части машинописи персонажи имеют уже новые фамилии — Рудин, Лутын и Ащеулов (в первых трех актах — Пронин, Левкоев и Васькин).

Машинописная копия *М1* сохранила правку Платонова и Пильняка, которая вносилась в три этапа. Верхняя правка принадлежит Пильняку; она учтена при публикации пьесы в настоящем издании и приведена (см. ниже) полностью, за исключением технической (исправление опечаток, перестановка слов и пр.).

Первоначально машинопись прочитал Пильняк, выправив чернилами два первых акта. Он доработал отдельные сцены, установил логические связи, ввел уточнения, замены, снял повторы и ошибки. Характер его основной правки указывает на намерение придать речи персонажей более разговорный, естественный характер. В результате редактирования появилась большая связность реплик; например, сложился следующий диалог между Иваном Павловичем Башмаковым и Глебом Ивановичем Рудиным: «Здравствуйте, Г.И.» — «Мое почтение, И.П., — как поживаете?» — «Спешу... Маша, убирайся скорее. Сейчас отзаседает текущие моменты и явится...» — «И как теперь выражаются: вы не знаете, И. П., как, например, моменты могут течь?» — «Как они текут, меня не касается. Сейчас комиссия придет, отзаседает моменты и придет» (здесь и далее текст приводится по машинописи *М1*). Ср. текст до правки Пильняка: «Здравствуйте, Г.И.» — «Здравствуйте, И.П.» — «Маша, убирайся скорее. Сейчас отзаседает текущие моменты и явится...» — «И как теперь выражаются: как, например, моменты могут течь?» — «Сейчас комиссия придет, отзаседает моменты и придет». Пильняк вписал большой фрагмент: «Мальчик (просовываясь в окно). Маманька. Васятка заливается, титьку хочет!.. ~ через это удлиняются нормальные сроки амортизации...». Из числа персонажей пьесы исключил машинистку Соноу, вычеркнув ремарку: «Сзади Васькина Соня, явная машинистка» (героиня этой профессии, с таким же именем упоминается в повести Платонова «Город Градов»). Заменял в сцене объяснения Васькина и Марьи Ивановны ремарку «Идут друг к другу навстречу» на «(вскакивая с кровати навстречу)»; вычеркнул слова Васькина: «Ну, ты перестань, не плачь. Я в командировку на обследование ездил...»; вписал разговор о шинке: «А что это ты сказывала, — шинок открываешь?» — «Вот ты какой! Я тебе про ребенка, а ты шинку обрадовался» — «Я не радовался. Это надо с умом делать. А то оштрафуют». В ряде случаев Пильняк использовал повторы, в результате чего создались устойчивые характерологические черты Марьи Ивановны и Ивана Павловича: «Уйду я от вас в разбойники», «Уйду от вас, чертей, в разбойники», «Васька, давай уйдем в разбойники...»; «Опять скандалишь?» (трижды), «...не скандаль

при комиссии!..», «Она скандалить будет», «Я же говорил вам, что она скандалить будет», «Видите, скандалит!», «У меня бюджет лопнет!» (дважды) и др.

Наибольшая правка коснулась образа Марьи Ивановны Башмаковой. После редактирования исчезли следы сентиментальности героини (ремарку «плачет» Пильняк заменил на «радно», вычеркнул ласковые обращения к Васькину «Васенька», «Миленький мой, Васенька»); появились высказывания Марьи Ивановны о разбойничьей, вольной, преступной жизни: «Живу я среди вас, и презираю»; «А я бы с моим удовольствием в милицию поступила. Я бы ваших пьяных сразу всех в православную веру поставила бы. Сама бы ходила с револьвером, в сапогах и галифе. Пила бы за всех пьяниц сразу и любовников выбирала бы по своему усмотрению, которые нравятся... И ездила бы верхом, как начальник милиции»; «Или бы в разбойники ушла, в атаманы. Жила бы в лесу и пела бы песни. Ты был бы у меня адъютантом, а товарищ Васькин — есаулом. Который пленник красивый, сейчас его ко мне в гарем. Женщин всех бы вешала, кроме кухарок. Налетела бы набегом на ваш город, взяла бы его в плен и супруга моего — либо к стенке, либо в обоз, заниматься учетом контроля. Я б его, *<нрзб>* черта, каждое утро по морде б била. *<...>* Надоели вы мне все до скуки. Ему что, учетному псу. Дои ему коз и штопай локти на пиджаке. Я и с тобой живу от скуки. Прямо от *<нрзб>* живу я с тобой, скорбящая ты свекла. Связали вы меня по рукам и по ногам. Двинуться мне некуда. Если бы теперь осмнадцатый год, ушла бы я в красные партизаны!» (фрагмент вошел в окончательный вариант пьесы в переработанном виде); «Жила бы в лесу и пела бы песни. Налетела бы набегом на ваш город, взяла бы его в плен и супруга моего либо к стенке, либо в золоторотный обоз, заниматься учетом контроля. Я бы тебя, учетного пса, каждое утро по морде бы била»; «Васька, давай уйдем в разбойники... *<...>* Для вольной жизни. Будем всех грабить, песни петь. Учетного пса к стенке поставим»; «Убегу я от вас всех и открою шинок. Либо в милицию поступлю. Я желаю быть разбойницей»; и др.

В результате этой правки был скорректирован замысел пьесы. До редактирования «разбойничья» тема вводилась лишь в третьем акте и включалась в весьма неоднозначную характеристику членов комиссии охматмлада: «Нас все за разбойников считают и даже за хороших людей, как мы на сторону принципиально деньги жертвуем, а зеленой не топчем», «И самое главное, — все нас в городе за разбойников считают», «Закон законом, а в городе нас за разбойников почитают... Как бы народные волнения из-за нас не начались»; «Сказывают у нас в деревне, будто мой-то в компании с жуликами разбой учинил, — будто втроем они одну бабочку оскормили, — и будут платить за это большие деньги...» Таким образом, до внесенной Пильняком правки Марья Ивановна была вовлечена в «разбойничью» жизнь только совместно с членами комиссии и тема «разбоя» вводилась при описании организованного, «мирного» пребывания героев в помещении для заседаний.

Правка Пильняка (чернила) оканчивается на втором акте. После него машинопись вычитал Платонов, внося исправления карандашом в первые три акта (в четвертом акте его правка отсутствует). Он исправил фамилии

персонажей: «Левкоев» на «Лутын», «Васькин» на «Ащеулов», «Пронин» на «Рудин», устранил опечатки, ошибки в машинописи; доработал реплики персонажей, ввел замены: вместо «А ну вас, у меня в голове от ваших разговоров целая страстная пятница» — «А ну вас, у меня в голове от ваших разговоров целый гул гадов...»; вместо «Я от вас никогда не отлипну, буду как клоп при вас» — «Я от вас никогда не отлипну, буду как страстотерпец при вас»; вместо «Иван Палыч, это вы какими же мозгами придумали такое безобразие?» — «Иван Палыч, это вы какими же сознательными чувствами придумали такое безобразие?» и др.

Наибольшее внимание писателя привлекли фрагменты пильняковской правки. Платонов, как правило, развивал предложенную Пильняком мысль — см. (разночтения подчеркнуты):

Вставки и замены Пильняка:

Ив.П., объясните толком причину комиссии.

Уйду я от вас в разбойники!

Двинуться мне некуда от вас.

Уйду от вас, чертей, в разбойники, в леса, в атаманы.

Опять скандалишь?

Я бы тебя, учетного пса, каждое утро по морде била.

Марья, Христом-богом тебя умоляю от чистого сердца, не скандаль при комиссии!..

Комиссия садится в шапках вокруг стола.

Нельзя подходить к женщине[как к массе] в массовом масштабе

Он гость, а не свидетель! Не пишите его!

М.И.! Сподвижница! Родите на здоровье!

Учетного пса к стенке поставим.

Не уйдем от вас.

Вставки Платонова:

Ив.П., объясните толком причину происхождения комиссии.

Уйду я от вас в разбойники: у вас все силы не на жизнь, а на учет уходят, а мне одна домашняя доля остается...

Двинуться мне некуда от вас, а то бы я вам показала, как бедной женщине родить!

Уйду от вас, чертей, в разбойники, в леса, в атаманы, в батьки и матки.

Опять скандалишь? Упорядочь ты себя, пожалуйста, хоть для комиссии!

Я бы тебя, учетного беса, каждое утро по морде била.

Марья, Христом-богом тебя умоляю от чистого сердца, не скандаль при комиссии!.. Лежи и болей!

Комиссия садится в шапках вокруг стола. Члены держат себя в квартире, как татары в древней Руси.

Нельзя подходить к женщине в массовом масштабе. Она не сумма, а личность, потому что несчастная.

Он гость, а не свидетель! Не пишите его — он не официально пришел.

М.И.! Сподвижница! Родите на здоровье, — на радость и счастье и горе!

Учетного пса к стенке поставим, и шлепнем его на заре!

Не уйдем мы от вас с пустыми руками!

После этого машинопись снова редактировал Пильняк. В вычитанный Платоновым текст он внес карандашом следующую правку (разночтения подчеркнуты):

До правки Пильняка:

Швырнуть ребенка в массы нельзя, он на воздухе скончается.

Вот их тут попробуй и одень, когда они не вещи, а отношения...

Мужья так же безмолвны.

Ты слухай, если зандобится в деревню прибежать спасться, — мужики наказывали сказать, — примут тебя, спрячут...

...а то такого тебя мужики убьют...

Прямо разбой — ребенок на письменной конторке лежит и не плачет. Сразу притерпелся. Дожились!

На первом плане стол, тот же, что был в комиссии охматмлада.

М.И. Налог надо брать с этих посетителей. Лут. Нельзя, сочтут за взятку.

Входят Башмаков и Рудин.

Гл.Ив., повторите ясно при всех ваше чистосердечное раскаяние...

А теперь я обращаюсь к вам, Иван Пальч, не для того, чтобы оскорбить ваши мужские достоинства...

Если бы ты в открытом месте жил, а то в тишине частного дома, и никто не видел.

...помирать с ним подручно, либо вшей лущить.

После правки Пильняка:

Швырнуть ребенка в массы нельзя, он в воздухе растворится, как падающая звезда.

Вот их тут попробуй и одень, когда они не вещи, а отношения, эти самые идеи...

Мужья безмолвно берут бумажки.

Ты слухай, что я скажу, если зандобится в деревню прибежать спасться, — мужики наказывали сказать, — примут тебя, спрячут...

...а то такого тебя мужички убьют...

Прямо разбой — ребенок на письменной конторке лежит и не плачет. Дожились! Ащеулов, пиши выписку из протокола о наших достижениях и наши проекты в губгород, а копию писателю Максиму Горькому!

На первом плане стол, тот же, что был в комиссии охматмлада. Половина стола накрыта скатертью.

М.И. Дань надо брать с этих посетителей. Лут. Налог брать нельзя, сочтут за взятку.

Входят Башмаков и Рудин, в чрезвычайной поспешности.

Гл.Ив., повторите ясно при всех ваше чистосердечное раскаяние и за меня не стыдитесь...

А теперь я обращаюсь к вам, Иван Пальч, не для того, чтобы оскорбить ваши мужские качества...

Если бы он в открытом месте жил, а то в тишине частного дома, и никто не видел.

...помирать с ним подручно, либо в козла играть.

Самый большой расовый научный корень — у русских.

Глеб Ив. признался в своем отцовстве, чему я с прискорбием поверил.

Я тебе дам, чтобы все сначала, это ты к тому клонишь, чтобы я к тебе вернулась. А я конца света хочу, учетный морж!

Ив.П. До свидания, Мария Ивановна, я больше здесь не потребен.

Не верю! Я чувствую...

Вы посылали копию ваших достижений и товарищу Максиму Горькому?

Евт. (Ащ-ву). Едва ли, ты стой пока тактично.

...причиною указывается закон и то, что вы на основании постановления суда принялись сразу платить.

Луть-на. Муженек, идите теперь сюда. Лут. Зачем идти туда?

Лут-на. Иди-ка сюда, муженек, на собеседование.

Мужья нехотя идут к женам.

Спасай меня от учетного пса, к нему, ведь, как в петлю!

Васька, а кто собирался со мной в леса убежать, сказывал, что там нас мужики утаят?

С.Р. Гражданин Башмаков, берите своего ребенка.

Ащ. Гражданин рационализатор, — отметить в протоколе для формы дела или так оставить?

Милиционерша (плачет вместе с М. И-вной). Маанюшка...

Самый большой расовый корень — на основании науки — у русских.

Глеб Ив. признался в своем отцовстве, чему я с прискорбием рад.

Я тебе дам, чтобы все сначала, это ты к тому клонишь, чтобы я к тебе вернулась. Я тебе вернусь! Я конца света хочу, учетный морж!

Ив.П. До свидания, граждане, я больше здесь не потребен.

Не верю! Я кровью чувствую, что ребенок мой!

Вы посылали копию ваших достижений в губгород и товарищу Максиму Горькому?

Евт. (Ащ-ву). Едва ли, ты стой пока тактично. Жены Евт-на и Лутьина энергично начинают грабить комнату, собирая вещи, выданные мужьям при разводе.

...причиною указывается закон и то, что вы на основании постановления суда принялись сразу платить алименты.

Луть-на. Муженек, идите теперь сюда, связывайте вашу скатерть! Лут. Зачем ее связывать?

Лут-на. Иди-ка сюда, муженек, на собеседование. Лутьин. Я — что ли, я всегда тебя любил, Лидочка.

Мужья идут к женам: Лутьин — покорно, Евт. — нехотя.

Спасай меня от учетного пса, не пойду я к нему, — к нему — как в петлю!

Васька — отрекаешься? а кто собирался со мной в леса убежать, сказывал, что там нас мужики утаят?

С.Р. Гражданин Башмаков, берите своего ребенка. Милиционер!

Ащ. Гражданин рационализатор, — отметить в протоколе смерть ребенка для формы дела или так оставить?

Милиционерша (плачет вместе с М. И-вной, бежит к ней). Маанюшка...

Финальная ремарка — «Два милиционера — Рудин и милиционерша — обнимают Марью Ивановну» — также вписана Пильняком. По завершении правки он поставил под пьесой свою подпись, зафиксировал дату и место работы: «5 окт. 1928 г. Ямское Поле». Вероятно, машинопись была не только отредактирована, но и напечатана здесь же, в доме Пильняка (2-я ул. Ямского Поля, д. 1а), на его личной пишущей машинке (на это указывает сличение бумаги и шрифта с сохранившимися машинописями Пильняка этого времени).

Ввиду отсутствия автографа пьесы степень участия Пильняка и Платонова в создании пьесы устанавливается предположительно. В пользу авторства Платонова отчетливо говорят множественные реминисценции к его произведениям (см. постраничный комментарий). Пильняк имел, по-видимому, непосредственное отношение к возникновению и обсуждению замысла пьесы (помимо участия в редактировании текста) — см. его интервью журналу «Рабис» в ноябре 1928 г.: «Поселился у меня, за неимением другой жилплощади, Андрей Платонов <...> у нас образовалось много досугов, коротаемых вместе. Рассказал я ему однажды некий эпизод, действительный случай из провинциальной жизни, и решили вместе облеечь его в литературную форму. Тут же и решили, что ближе этот случай подходит к комедии, а не к повести. Два момента определили для нас создание этой пьесы. Первый — так сказать, студийного порядка: узнать на практике, что же такое драматургическое творчество (до сего времени мы были чистыми беллетристами). Второй момент — желание написать пьесу, которой еще нет пока на нашей сцене» (Что пишут драматурги. Б.А. Пильняк и А.П. Платонов // Рабис. 1928. № 46. С. 7).

Платонов, вспоминая впоследствии об этой работе, не уточнял характер участия в ней Пильняка. В 1932 г. на творческом вечере в ВССП на вопрос, как они писали пьесу, Платонов ответил: «Мы занимались по вечерам — четыре вечера. В результате ряда обстоятельств, опять-таки несчастных: мне негде было жить. Но это не оправдание — можно объективно, критически подойти к этому делу. У меня совсем другой вкус и такт. Я не могу работать ни с кем» (*Воспоминания*. С. 302).

При подготовке текста пьесы к публикации раскрыты сокращения наименований персонажей: М.И. (Марья Ивановна); Ив.П. (Иван Павлович); Г.И. (Глеб Иванович); Ащ. (Ащеулов) и др. Сокращения (в том числе имен персонажей), которые воспроизводятся в документах, не раскрываются.

Фрагменты с незавершенной правкой печатаются по последнему вычеркнутому варианту:

«Всю свою жизнь мечтал я прожить научно и тихо, никого не тревожа и на пользу массам, как крот в норе/член всех организаций, — жить, повиноваться и трудиться...» печатается как: «Всю свою жизнь мечтал я прожить научно и тихо, никого не тревожа и на пользу массам, как член всех организаций, — жить, повиноваться и трудиться...»

«Отношения ничего не значат, Карп Иваныч, это не силы природы, это не солнце/жар солнца...» печатается как: «Отношения ничего не значат, Карп Иваныч, это не силы природы, это не жар солнца...»

Многие реалии и кампании, нашедшие отражение в пьесе, привлекали внимание Платонова и ранее. К политике Наркомздрава РСФСР отсылает

развиваемая в «Дураках на периферии» тема запрета абортов. В 1920 г. Наркомюстом и Наркомздравом было издано постановление, гарантировавшее женщинам безнаказанное «бесплатное производство операций по искусственному прерыванию беременности в обстановке советских больниц» (*СУ РСФСР*. 1920. № 90. С. 681). Закон вызвал неоднозначную реакцию в обществе и многими современниками был понят как поощрение абортов. Идеологи и защитники нового закона убеждали в необходимости искоренить подпольные аборты, которые приводили к массовым случаям смертей и бесплодия женщин. Предполагалось, что общее улучшение условий быта и положения женщины в обществе, а также активная пропаганда здорового образа жизни в дальнейшем приведут к полному уничтожению абортов. Глобальное решение проблемы связывалось с новым государственным устройством: «...необходимо, чтобы государство создало десятки тысяч яслей, детских садов, детских колоний, детских общежитий, где бы дети получали уход, пищу, где бы они жили, развивались, учились в условиях, в десять раз лучших, чем какие могла бы для них создать своими единоличными усилиями самая заботливая мать. Это облегчило бы женщине до чрезвычайности ее положение, поставило бы ее на деле в равные условия с мужчиной. Советская власть употребляет все усилия для того, чтобы снять с женщины тяжкую заботу о детях <...> Но пока государство этого еще не организовало, надо дать матери возможность отказываться от материнства с наименьшим ущербом для ее здоровья и душевных сил» (*Крупская Н.* Война и деторождение // *Коммунистка*. 1920. № 1–2. С. 19–20). Проблема аборта как формы ограничения деторождения включалась в дискуссии по «мальтузианскому» вопросу и связывалась с задачами построения нового классового общества (Платонов откликнулся на эти дискуссии в 1926 г. — см. примеч. к повести «Эфирный тракт»: *Сочинения*, 2. С. 486–488). В рамках этих дискуссий идеи неомальтузианцев о преодолении бедности путем ограничения рождаемости резко опровергались представителями нового в России евгенического движения, исследовавшими возможности улучшения человеческой породы. На первый план исследователи выдвигали задачи изучения наследственности и рационального отбора «лучших» генотипов для обеспечения здоровья потомства (прямой отсылкой к этим идеям являются реплики персонажей пьесы о здоровье Марьи Ивановны и «пользе детей от таких густых блестящих матерей»). К середине 1920-х гг. евгеника стала «влиятельным культурным ресурсом, использовавшимся учеными, педагогами, врачами, писателями, государственными чиновниками и широкой общественностью для достижения своих собственных целей» (*Кременцов Н.Л.* От «звериной философии» к медицинской генетике: евгеника в России и Советском Союзе // *Историко-биологические исследования*. 2014. Т. 6. № 2. С. 38). Ученые-евгеники выступали категорически против абортов как «слепого и массового уничтожения наследственных свойств при неблагоприятных условиях жизни» (*Юдин Т.И.* Евгеника. Учение об улучшении природных свойств человека. М., 1928. С. 11) и пытались влиять на «абортную» политику Наркомздрава РСФСР. В декабре 1920 г. руководитель Института экспериментальной биологии Н.К. Кольцов выступил на Первом съезде по Охране материнства и младенчества с докладом о социальном вреде абортов. Высказанные им идеи были

всцело поддержаны официальными резолюциями съезда: «1) признать, что с точки зрения евгеники и охраны материнства и младенчества распространение абортов является величайшим злом и недопустимо, особенно в интересах коммунистического коллектива. 2) Поставить ближайшей задачей п/отделов охраны материнства и младенчества и отделов по работе среди женщин — энергичную борьбу с этим явлением, как путем расширения работы по охране матери и ребенка, которая одна и может создать условия, необходимые для развития и укрепления радостного инстинкта материнства, так и путем прямой пропаганды среди женского населения фабрик и деревни, разъясняющей вред абортов и для здоровья отдельной женщины и для благополучия всего трудового социалистического государства» (Материалы Первого Всероссийского совещания по охране материнства и младенчества. Москва. 1–5 декабря 1920 г. М., 1921. С. 55).

Помимо идеологических факторов, препятствием к распространению узаконенных абортов являлись общая неразвитость советской системы здравоохранения (удаленность больниц, нехватка больничных коек, отсутствие квалифицированного персонала и пр.) и местный бюрократизм (см. примеч. к с. 161). Таким образом, в 1920-х гг. в политике Наркомздрава РСФСР сложилась противоречивая ситуация: наряду с программой легализации абортов, реализовывались задачи ограничения операций по прерыванию беременности, в частности путем выдачи комиссиями охрматмлада (в песе — охматмлада) специальных разрешений (в «Дураках на периферии» эта «бюрократическая» реалья трансформировалась в предписание «родить по закону»). В 1936 г. эти противоречия были сняты постановлением ЦИК и СНК СССР, вновь запрещающим аборты в связи с их «установленной вредностью» (Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР за 1936 г. М., 1946. С. 519).

Идеи рационализации, стандартизации, регулирования всех производственных процессов, ставшие популярными в России еще до революции, к середине 1920-х гг. проникли в самые разные сферы жизни. Платонов по-разному откликнулся на это движение: «Нормализованный работник» (1920), «О губернском институте труда» (1921), «Об институте труда в Москве и о зоркой мысли, берегущей тело человека и одолевающей время» (1923), «<О конкурсах газеты “Репейник”>» (1923), «Антисексус» (1926) и др.

В сфере охраны материнства и младенчества разрабатывались и внедрялись единые стандарты организации быта матери и ребенка, современные методы воспитания. С целью распространения научных идей и популяризации здорового быта проводились различные конкурсы и выставки грудных детей. В 1926 г. ленинградский журнал «Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи» при поддержке Наркомздрава РСФСР и лично Н. Семашко объявил конкурс «здорового ребенка» с премированием лучших детей (см.: Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи. 1926. № 17. С. 3; № 19. С. 16; № 20. С. 3; и др.). В 1927 г. аналогичный конкурс был проведен органами охрматмлада в Москве, широко освещавшийся в печати, — см.: «У нас успели народиться новые формы взаимоотношения полов, создается новая семья и производится на свет поколение, которое еще в утробе матери пользуется общественным вниманием и заботами. Московский отдел охраны

материнства и младенчества <...> устраивает отбор лучших младенцев для конкурса “лучшего ребенка”. Примеру Москвы последует весь СССР. Для нас ребенок — “цветок жизни” и грядущая “смена” <...> вековая борьба мужчины и женщины сменяется содружеством по строительству социалистических форм жизни” (Рационализация быта // Гудок. 1927. 28 мая. С. 4).

Ленинградский конкурс «здорового ребенка» с награждением победителей нашел отражение в фабуле пьесы С. Третьякова «Хочу ребенка!» (1926). История ее постановки В. Мейерхольдом длилась более двух лет, с первых репетиций в конце 1926 г. до финальных обсуждений в Главреперт-коме в декабре 1928 г. (РГАЛИ. Ф. 963. Оп. 1. Ед. хр. 584). Содержание пьесы, так и не вышедшей на сцены страны, было хорошо знакомо «мейерхольдовскому» кругу — см. высказывание В. Маяковского о ней: «Я глубоко убежден, что она могла бы стать для заграницы вторым “Броненосцем Потемкиным”» (Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 13. М., 1961. С. 233); широкому читателю она стала известна частично по публикации в «Новом Лефе» (1927. № 3. С. 3–11). Проблематика пьесы Третьякова охватывала широкий круг вопросов, дискутируемых в ходе кампании за новый быт. На первый план автор выдвигал идеи, резюмированные в известных «заповедях» А.Б. Залкинда: «нормализация» половых отношений в среде пролетариата, «классовый» половой подбор, «социализирование сексуальности, облагораживание, евгенирование ее» и др. (Залкинд А.Б. Революция и молодежь. Сборник статей. М., 1925. С. 70–99). Как разъянял сам Третьяков, «из всей массы затрат сексуальной энергии, затраты, влекущие за собой психическое и нервное изнашивание, волну абортот и поток венерических болезней, пьеса выделяет и ставит под знак этической охраны ту затрату половой энергии, которая имеет своей целью рождение ребенка с учетом требований практической евгеники. Кроме того, строя эту пьесу, я ставил себе задачей — дискредитировать так называемую любовную интригу, обычную для нашего театрального искусства и литературы» (Новая пьеса С.М. Третьякова «Хочу ребенка!» // Программы гос. акад. театра. М., 1927. № 4. С. 12). Введенные в пьесу идеи «организованного зачатия», подбора «производителей» с лучшей наследственностью в 1928 г. входили в круг дискуссионных вопросов о предмете, методах, «границах» евгенической науки и ее месте в социалистическом обществе.

Возможно, отчасти под влиянием этих дискуссий складывался замысел пьесы «Дураки на периферии». Ранние размышления Платонова о взаимоотношении естественной жизни и рационального начала, природы и сознания («Культура пролетариата» (1920), «Клуб-школа» (1920), «Симфония сознания» (1922), «О любви» (1927), «Питомник нового человека» (1927) и др.) актуализировались в форме бюрократической коллизии, сближающей пьесу с другими платоновскими произведениями о чиновничестве и бюрократизме («Экономик Магов» (1926), «Город Градов» (1927), «Государственный житель» (1927) и др.).

Основным материалом для раскрытия темы бюрократизма послужили реалии законодательной и судебной системы в сфере семейного, брачного и детского права. Особое место занял Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 г. (введен в действие 1 января 1927 г.), представленный законодателем

как попытка регулирования явлений «нарастающего» быта, приспособления норм права к «жизненным потребностям» (*Бранденбургский Я.Н.* Тезисы доклада Я.Н. Бранденбургского о проекте Кодекса законов о браке, семье и опеке в Институте советского строительства // *ЕСЮ.* 1926. № 10. С. 305). Вынесенный ВЦИКом в конце 1925 г. на всенародное обсуждение, проект Кодекса поднял большой круг болезненных для населения вопросов (в том числе фундаментальный — о праве государства вмешиваться в личную жизнь — см.: «за твердое государственное вмешательство в брачные дела» (Основные итоги дискуссии // *Гудок.* 1926. 2 марта. С. 4); «Оздоровление быта, перестройка семьи на разумных началах, воспитание нового, здорового во всех отношениях, поколения — задача союза, а отсюда и его обязанность и право на вмешательство в семейные отношения» (Союз и семья (Итог дискуссии) // *Гудок.* 1927. 21 авг. С. 4); и др.).

В «Дураках на периферии» нашли отражение многие дискутируемые вопросы (содержание детей, бракоразводные процессы, «многоотцовство» и др.). Отчетливый отклик в пьесе вызвали дискуссии о формах семьи, ставшие своеобразным подведением итогов кампании за новый быт. Пропаганда «товарищества» в среде пролетариата закрепились в идеологии нового Кодекса: «советский строй основой семьи и родства признает <...> не законный брак, а действительное происхождение. У нас нет “внебрачных” детей. Пролетариат не строит господства своего класса на крепких частных семейных ячейках» (*Бранденбургский Я.Н.* Тезисы доклада Я.Н. Бранденбургского о проекте Кодекса законов о браке, семье и опеке в Институте советского строительства // *ЕСЮ.* 1926. № 10. С. 305). Вместе с тем предложения Наркомюста уравнивать по юридическим последствиям фактические (незарегистрированные) и зарегистрированные брачные отношения вызвали массовую тревогу населения и требования уточнить, что следует понимать под фактическим браком (см., например: *Домбровский Е.* Опыт массового учета итогов дискуссии о семье и браке // *ЕСЮ.* 1926. № 22. С. 684). Законодатель доработал проект Кодекса и перечислил в законе признаки фактических брачных отношений, напоминая снова о «частных семейных ячейках»: «факт совместного жительства, наличие при этом сожительстве общего хозяйства» и др. (*СУ РСФСР.* 1926. № 82. С. 1009).

Особый отклик в пьесе «Дураки на периферии» нашли проблемы содержания и воспитания детей, дискутируемые на протяжении десятилетия и обострившиеся на фоне принятия нового Кодекса и дополнений к нему. С первых лет революции звучали лозунги о необходимости переложить заботы о детях на плечи государства, активно пропагандировались коммунистические идеи «общественного и бесплатного воспитания всех детей» («Манифест Коммунистической партии»), вспоминались давние дискуссии «о том, кто должен воспитывать детей — семья или общество» и «для кого должен воспитываться ребенок, для себя или для общества?» (*Луначарский А.* Речь о социальном воспитании. Пг., 1918. С. 3). Начиная с 1920 г. в РСФСР последовательно проводилась в жизнь стратегия социального воспитания, направленная на «эмансипацию» ребенка «из-под власти семьи в пользу государства» (см.: *Люблинский П.И.* Очерк современного состояния детского права // *Охрана материнства и младенчества.* 1925. № 1. С. 15).

Однако, придерживаясь этой стратегии, власти не справлялись с проблемой материального обеспечения детства. Обращаясь к ней, государственные деятели единогласно признавали преждевременность коммунистических лозунгов: «Вначале — в 1917–1918 г. — мы говорили о необходимости общественного воспитания, думали, что сумеем всем детям дать кров, пищу, одежду, знания, общественные навыки. Жизнь показала, что при данных условиях государству это непосильно, что это может быть лишь далекой целью, к которой ведет длинный путь» (*Круская Н.К.* К вопросу о детдомах // На путях к новой школе. 1924. № 7–8. С. 6). Подобные рассуждения лейтмотивом звучали в ходе обсуждений проекта нового Кодекса законов о браке, семье и опеке: «По мере роста государственной мощи и благополучия со временем будут организованы воспитательные дома, и заботу о детях примет всецело на себя государство. Пока же приходится родителям самим взять на себя эту заботу...» (*Лацис.* Новый брачный закон и деревенская действительность // Гудок. 1926. 1 дек. С. 6). Действительно, новые статьи закрепляли обязанности по содержанию детей, их воспитанию и «подготовлению к общественно-полезной деятельности» за родителями (*СУ РСФСР.* 1926. № 82. С. 1012–1014). С принятием нового кодекса в стране восстанавливался институт усыновления (Кодексом 1918 г. усыновление детей частными лицами было запрещено) (Там же. С. 1014–1015). Наметились общая тенденция к сокращению обязанностей государства в вопросах материального обеспечения и воспитания детей (показательно активное развитие в эти годы института «патронирования» — пристраивания детей, оставшихся без попечения родителей, в семьи крестьян, рабочих, служащих — см.: *СУ РСФСР.* 1928. № 27. С. 341–342; Там же. 1928. № 58. С. 726–727; Там же. 1928. № 64. С. 798–800).

Летом 1928 г. эта тенденция проявилась еще более отчетливо. Наркомюст РСФСР объявил о планируемых изменениях в законе, «с тем расчетом, чтоб возможно меньше было число лиц, материальная поддержка коих составляла бы обязанности государства» (*Бранденбургский Я.Н.* Жизнь предъявляет свои требования // *ЕСЮ.* 1928. № 23. С. 666). Открыто формулировались ближайшие задачи власти: «законодатель решительно встает на путь, во-первых, расширения круга лиц, долженствующих содержать детей и их воспитывать, и, во-вторых, сообщения этим обязанностям большей реальности» (Там же). Уже в конце 1928 г. в Кодекс о браке, семье и опеке были внесены статьи, по которым обязанность содержать детей была «возложена не только на родителей или усыновителей, но и на отчима и мачеху, на всех посторонних, взявших себе детей на воспитание с иждивением, т. е. фактических воспитателей, хотя бы и не усыновивших ребенка, и даже на всех наследников умершего родителя или лица, обязанного по закону содержать ребенка, хотя такими наследниками могут являться лица и учреждения, вовсе не имеющие к детям никакого отношения» (*Рындзюнский Г.Д.* Детское право: правовое положение детей в РСФСР. М.—Л., 1932. С. 82).

В советской драматургии 1920-х гг. нашли широкое отражение проблемы революционного переустройства быта. Эта традиция, впервые, по-видимому, заявившая о себе в драматургии Карела Чапека, в форме художественно воплощенных идей «фабрикация» новых людей (см.: *Яблоков Е.А.* В зарослях

пустоцвета // Живые куклы. М., 2016. С. 3–57), выявила характерные черты современного, индустриального общества: рациональность, рассудочность, механистичность. В ряде драматургических работ 1920-х гг. отразилась описанная С. Третьяковым «обстановка», повлиявшая на создание пьесы «Хочу ребенка!» (и образа главной героини Милды Григнау): «Общее направление советского строительства и вырабатываемых им характеров отличается скорее рационалистичностью, материалистичностью, сухостью и жестокостью» (Новая пьеса С.М. Третьякова «Хочу ребенка!» // Программы гос. акад. театра. М., 1927. № 4. С. 12). Советская сцена представляла в большом разнообразии (нередко в пародийной форме) новый тип советской женщины — решительной, лишенной сентиментальности, освобожденной от «домашней» психологии и «предрасудков»: в 1928 г. шли спектакли по пьесам К. Тренева («Любовь Яровая»), Ф. Гладкова («Цемент»), П. Романова («Женщина новой земли»), А. Глебова («Инга»), Б. Ромашова «Конец Криворыльска» и др. Авторы многих пьес говорили о влиянии времени на отношение к детям, выявляя острые противоречия и разнообразие бытующих в обществе представлений: дети — цветы жизни, дети — обуза родителей-общественников, дети — мещанство, дети — будущие коммунисты, материнство — тяжелое бремя, материнство — радость и т. д. В пьесе Б. Ромашова «Конец Криворыльска» (1926) содержится весьма характерный диалог (между председателем уйка Будкевичем и комсомолкой Муглановой): «Это такое мещанство» — «Иметь ребенка — это мещанство, Андрей?» — «Мы только тем и счастливы, что свободны от всех этих прелестей <...> Мы на посту. Нам нельзя иметь детей. Возиться с пеленками — дело буржуазных мамаш. Партийке некогда этим заниматься» — «Какая мерзость, в сущности, <...> У меня ребенок — наш ребенок, а я должна идти к доктору, чтобы избавить тебя от излишней обузы, от неудобства? Неужели это может быть коммунистично?» — «<...> Ты рассуждаешь как деревенская баба <...> Надо шевелить мозгами, Мугланова, а не поддаваться голосу слепого материнства <...> Есть задачи выше материнства» (Ромашов Б.С. Пьесы. М., 1927. С. 15–16). Проблема деторождения актуализируется во многих пьесах этого времени: «Ржавчина» (1926) В. Киршона и А. Успенского, «Штиль» (1927) В. Билль-Белоцерковского, «Партбилет» (1927) А. Завалишина, «Инга» (1928) А. Глебова, «Огненный мост» (1928) Б. Ромашова и др. В творчестве Платонова мотив смерти ребенка имеет особое значение. В 1928 г. он стал опорным в работе писателя над образом коммунистического Чевенгура (роман «Чевенгур»). В пьесе «Дураки на периферии» данный мотив впервые оформился в центральный сюжет произведения, подчеркнув основное направление авторских размышлений этого времени.

События в пьесе «Дураки на периферии» (предписание родить ребенка, присуждение алиментов членам комиссии охматмлада — его «отцам», коллективное воспитание младенца и последующая отмена всех «законных» решений), многогранно отразившие тенденции общегосударственного, исторического масштаба, были негативно восприняты первыми слушателями, познакомившимися с пьесой сразу после ее написания, в октябре 1928 г. Резкие отзывы и предложения по переделке прозвучали в ходе публичных обсуждений на собраниях ВСП (в Доме Герцена) и общества «Литературное

звено». В «переполненном зале» Доме Герцена пьеса «вызвала со стороны слушателей резко отрицательное отношение»: «Выступавшие критики квалифицировали пьесу как едва ли оправданный “шарж на провинцию”, отмечали отсутствие в ней “художественной правдивости”, ее недоделанность, растянутость, многочисленные повторения, указывали на обилие нарочито смешных слов» (Кут А. «Дураки на периферии». Новая пьеса Б. Пильняка // ВМ. 1928. 15 окт. С. 3; см. также заметку: В Союзе писателей // Печать и революция. 1929. № 1. С. 188). На собрании «Литературного звена» пьеса также получила «отрицательную оценку со стороны большинства присутствовавших на собрании» (Неудачный опыт // Читатель и писатель. 1928. 21 окт. С. 5). Критики отметили «растянутость пьесы, оперирование исключительно словесным материалом, отсутствие сценического действия, а главное — ее чрезмерная неправдоподобность и нарочитая карикатурность в изображении обитателей периферии» (Там же).

Спустя почти месяц после этих обсуждений в журнале «Рабис» — официальном органе профсоюза работников искусств — вышло интервью Пильняка, посвященное «Дуракам на периферии». Писатель ответил широкой критике на выдвинутые обвинения — в частности, в искажении действительности (Пильняк сделал акцент на реальной основе произведения — «случае из провинциальной жизни») и языка («Словарь нашей пьесы не заштампован — мы тщательно выкинули из нее все заезженные слова и выражения») (Что пишут драматурги. Б.А. Пильняк и А.П. Платонов // Рабис. 1928. № 46. С. 7). Возможно, желая отвести потенциальные обвинения критики, Пильняк понизил статус поднятых в пьесе проблем до мелкого бюрократизма. При этом тему пьесы он определил двояко: с одной стороны, как провинциальный бюрократизм: «Тема нашей пьесы: заставь дурака бога молить, он и лоб прошибет. Вот на этом убеждении жителей уездного города Переучетска и основана вся интрига пьесы. В этом городе додумались до постановления, согласно которому рожать детей или делать аборт можно только с разрешения особой комиссии охматмлада». С другой стороны, по словам Пильняка, авторы бичуют бюрократизм «биологический», ставший типичным проявлением времени: «За одиннадцать лет советской власти у нас отстоялся совершенно своеобразный быт <...> Вот мы и решили написать сатирическую комедию, высмеять некоторые черты людей со всеми их слабостями. Бюрократизм является злом не только социальным, но и биологическим: даже в своей домашней обстановке, в семье люди становятся бюрократами, так и живут. Вот такой-то бюрократизм мы и вывели в своей пьесе, которую назвали сатирической комедией» (Там же). Последнее разъяснение, очевидно, заимствовано у Платонова — см. рассуждение героя рассказа «Областные организационно-философские очерки» (1928): «Ведь бюрократизм стал уже биологическим признаком целой породы людей — он вышел за стены учреждений, он отнимает у нас друзей и сподвижников, он стал нашей безотчетной скорбью» (наст. изд., с. 17). В этом же интервью писатель поделился ближайшими планами переработать пьесу с учетом всех замечаний и отдать в театр.

Каких-либо сведений о попытках вывести пьесу на театральную сцену не сохранилось. По свидетельствам А. Перова, Пильняк рассказывал о запре-

щении некоей пьесы «реперткомом» (Запись в дневнике от 4 января 1929 г. // *Пильняк Б.А. Письма. В 2 т. М., 2010. Т. 2. С. 355*). В списках пьес, «запрещенных и разрешенных Главным репертуарным комитетом НКП РСФСР к постановке» за этот период (октябрь 1928–1929 г.), «Дураков на периферии» нет (Репертуарный бюллетень. М., 1928–1929).

Возможно, Пильняк предлагал пьесу к публикации в журнале «Новый мир» (*Корниенко Н. Драматургическое и киносценарное наследие А. Платонова // Страна философов, 2011. С. 448*). Основанием для этого предположения явилось письмо Пильняка редактору В. Полонскому от 5 ноября 1928 г., в котором упоминались некие «сцены»: «...шлю Вам “сцены”, — не пугайтесь их: поверьте мне, что они так же значимы, как “Штосс”, и будет зря, если Вы не пустите в декабре. Рукопись шлю неправленную <...> Эту рукопись в набор не отдавайте. В набор, — в четверг пришлю взамен другую» (*Пильняк Б.А. Письма. В 2 т. М., 2010. Т. 2. С. 355*). Кроме того, Пильняк мог переслать пьесу «Дураки на периферии» в марте 1929 г. своей возлюбленной Н.И. Говард для публикации в издательстве «Юманите» (Париж): «Тебе, наверное, уже написал т. Парижанин, сотрудник парижского «Юманите», с просьбою переслать ему рукопись пьесы, — пожалуйста, пошли ему копию, а подлинник оставь себе» (*Пильняк Б.А. Письма. В 2 т. Т. 2. С. 379*). В архиве Н. Говард, как сообщают составители тома, пьеса не выявлена (Там же. С. 380).

С. 155. ...*радио шипит без толку...* — К концу 1920-х гг. радио входило в привычный быт городского населения, однако использование радиоустановок было, «по общему правилу, <...> весьма недостаточным вследствие молчания громкоговорящих установок и плохой слышимости на детекторные приемники» (Постановление СНК РСФСР от 25 октября 1928 г. «Об очередных задачах в области радиофикации» // *Известия. 1928. 25 окт. С. 7*). О низком качестве радиовещания см. также: Ухудшилась слышимость радиопередач // *Раб. газ. 1928. 12 сент. С. 6; Арт. Раут. Будет ли порядок в эфире // Радио всем. 1928. № 3. С. 61; Ан. Ковалев. О содержании радиовещания // Радио всем. 1928. № 13. С. 337; и др.*

...*И вот, все пишут и пишут газеты: книги в массы, радио в массы, автомобили в массы... ~ культуру — тоже в массы...* Прямо как кирпичи летят — См. в рассказе «Областные организационно-философские очерки» (1928): «Почему это все в массы швыряют, — прямо как кирпичи летят. Книгу, пишут, — в массы, автомобиль — в массы, культуру — тоже туда, к одному месту, дьячка этого (он на радио показал) — тоже к нам, критику — опять-таки давай сюда... (с. 21 наст. изд.). «Книги в массы», «радио в массы», «культуру в массы» и т. д. — распространенные в период культурной революции лозунги о приобщении «всех чудес техники, всех завоеваний культуры» к общенародному достоянию (*Ленин. ПСС, 35. С. 289*). В 1928 г. эти лозунги отражали основное направление культурной политики государства: «На первый план, с точки зрения культурной работы, рабочий класс и его партия поставила массу; не отдельных жрецов, не отдельные тепличные экзотические растения. Масса стоит у нас в фокусе нашей культурной работы» (*Бухарин Н. Ленинизм и проблема культурной революции // Известия.*

1928. 27 янв. С. 4). Вопрос о продвижении культуры «в массы» стоял в числе важнейших задач партии (см.: Задачи агитации, пропаганды и культурного строительства: Материалы Агитпроповсещения при ЦК ВКП(б). Май – июнь 1928 г. М.–Л., 1928). В 1928 г. государство активно поддерживало проекты, проходящие под лозунгами «Книги в массы!» (К продвижению книги в массы // Известия. 1928. 12 авг. С. 4; Книгу — в массы // Известия. 29 авг. С. 7; Книгу — в массы! // Правда. 1928. 20 сент. С. 4; и др.), «Технику в массы!» («Техника — массам» // Известия. 1928. 8 февр. С. 3; Организация и планы работ «Техмасс» // Правда. 1928. 8 февр. С. 4) и др. В сентябре – октябре 1928 г. с подобными лозунгами прошел масштабный «культурный поход» по всей стране (*Крупская Н.* «Ликбезовская олимпиада» // Правда. 1928. 15 сент. С. 2; В поход за грамоту! // Известия. 1928. 26 сент. С. 4; Под контроль масс! // Правда. 1928. 3 окт. С. 5; и др.). См. также примеч. к рассказу «Областные организационно-философские очерки» (с. 509–510 наст. изд.).

Это им сверху так кажется, что внизу массы, а на самом деле эти массы и есть отдельные люди, вроде меня, и даже любящие... — См. в рассказе «Областные организационно-философские очерки» (1928): «А ведь это сверху кажется — внизу масса, а тут — отдельные люди живут» (с. 21 наст. изд.). Герой пьесы, раскрывающий тему «масс», по-видимому, не случайно носит имя писателя Глеба Ивановича Успенского. Взгляды Успенского, обличающего психологию «сплошного» народа, «однородного стомиллионного племени» («Мелочи путевых воспоминаний», 1883), являлись традиционным объектом советской критики — см., например: «Глеб Успенский с ужасом говорил о “сплошной массовидности” деревни, о том, что в ней мужики как один, все бабы как одна, дни и ночи, весны и зимы как одни, избы, улицы, кабаки, церкви — все сплошное. Жизнь течет, как серая, грязная река» (*Луначарский А.* Что пишут о деревне // Правда. 1928. 24 июня. С. 4).

А в милиции у нас сапогами пахнет. — Имеется в виду характерный запах дегтя, использовавшегося для обработки кожаных сапог — форменной обуви работников милиции.

И все приводы и приводы — пьяных. А пьяные все знакомые, и регистрируешь на память: лучше б они не приходили... — В соответствии с Декретом СНК от 11 сентября 1926 г. «О ближайших мероприятиях в области лечебно-предупредительной и культурно-просветительной работы по борьбе с алкоголизмом» (СУ РСФСР. 1926. № 57. С. 600–611) Наркомюстом, Наркомздравом, НКВД была разработана Инструкция по применению принудительного лечения алкоголиков, представляющих социальную опасность (Действующие распоряжения по милиции. М., 1928. С. 122–123). Милиции вменялось в обязанность задержание граждан, появляющихся в публичных местах в состоянии сильного опьянения, «нарушавших спокойствие, порядок и правила общежития, своим поведением препятствующих работе и угрожавших безопасности семье и окружающим» (Там же. С. 122). С вводом нового порядка нагрузка сотрудников милиции, по-видимому, существенно возросла — см.: «Всю ночь водили пьяных в отделение. Трещал телефон. Ругались пьяные. <...> Утром, часов о семи, задержанных выпускали. Приходили жены, сердитые, заплаканные. Дежурный по списку выдавал вещи в “чинил расправу” — штрафовал. Задержанные, смущенные, с помятыми

лицами, брали вещи, и каждый говорил: “Ну спасибо, что подобрали, а то без штанов бы был”. Всего за ночь было задержано 38 человек» (*Кассиль Лев*. В милиции // *Известия*. 1928. 25 окт. С. 6).

С. 156. *Иван Павлович (раздеваясь, снимая сапоги и подвешивая их в специальном мешочке на специальном блоке к потолку, вешая на гвоздь пиджак, оставшись в чулочках и жилете)*. — Образ Башмакова перекликается с другим персонажем Платонова — «экономиком» Иваном Пальчем Маговым (рассказ «Экономик Магов», 1926) — ср.: «Он имеет одну пару сапог уже двенадцать лет — и они еще новые и гожие в долгую носку. Иван Пальч опытом и собственной осмысленностью дошел, что у сапог есть четыре врага: атмосфера — дух, вода — гидра, уличный торец и хождение без надобности. После каждого своего похода в город или в грунтовые окрестности его Иван Пальч сапоги снимал, стирал с них тряпочкой пыльцу, мазал неспешно и слегка ваксой (чтобы не бередить зря кожу) и, приподымая осторожненько за ушки, опускал в специально для того сшитые брезентовые мешочки (водо- и воздухонепроницаемые), набитые сухой овсяной соломой, ежегодно сменяемой. После сего мешки запечатывались деревянными пуговицами (рукоделие самого Иван Пальча) и подвешивались на потолочные гвозди, где воздух суше и покоя больше» (*Сочинение, 1(1)*). С. 68).

(*Указывает на радио*.) *Заткни дьячка*. — См. объяснение в журнальной редакции рассказа «Областные организационно-философские очерки» (1928): «...всесоюзный дьячок, как называют здесь радио за хрипоту его и поучительность» (наст. изд., с. 329).

Сейчас отзаседает текущие моменты и явится... ~ вы не знаете, Иван Павлович, как, например, моменты могут течь? — Обыгрывается одно из популярных языковых клише — ср.: Социалисты о текущем моменте. Материалы Великой Революции 1917 г. М., 1917; *Бухарин Н.* Текущий момент китайской революции // *Правда*. 1927. 30 июня. С. 2; *Молотов В.М.* Текущий момент и печать: Доклад на Всесоюзном совещании редакторов 22 сентября 1928 г. М.–Л., 1928; и др.). См. в романе «Чевенгур» (1928–1929): «...Дванов доложил о текущем моменте <...> Момент, а течет: представить нельзя» (*Архив*, 2. С. 231, 233).

Узкий состав охматмлада, — охрана матерей и ихних младенцев... ~ Придет обследовать социальное положение, основные статьи нашего бюджета, как живем и на что расходуетеся. — *Охматмлад* — Охрана материнства и младенчества, одно из главных направлений здравоохранения и социальной политики СССР 1920-х гг. (официально использовалась аббревиатура охрматмлад). Комиссии охрматмлада начали создаваться в 1925 г. по инициативе Отдела охраны материнства и младенчества Наркомздрава РСФСР (Труды III Всесоюзного совещания по охране материнства и младенчества. 1–7 декабря 1925 г. М., 1926. С. 16). С помощью таких комиссий Наркомздрав РСФСР проводил в жизнь собственные директивы, прорабатывал «все вопросы Охрматмлада местного характера» (*Крист Е.И.* Построение сети учреждений Охраны материнства и младенчества на селе // *Журнал по изучению раннего детского возраста*. М., 1928. Т. VII, № 5. С. 424–425). С 1926 г. на комиссии охрматмлада были возложены функции «общественного контроля над производством аборт» (Труды III Всесоюзного совещания

по охране материнства и младенчества. 1–7 декабря 1925 г. С. 95). Комиссии охрматмлада входили, в качестве подразделений, в состав постоянных комиссий (секций) здравоохранения при районных и волостных исполкомах и сельсоветах (с 1928 г. — при районных исполнительных комитетах — *СУ РСФСР*. 1928. № 70. С. 917). Председатель комиссии избирался из состава президиума исполкома. К работе в комиссиях привлекались «крестьяне и крестьянки, батраки и батрачки, проявившие в общественной советской работе», «представители фабрично-заводских и местных комитетов», «представители местных отделений профессиональных союзов и члены профессиональных союзов», «делегатки от женских делегатских собраний, а также другие граждане, не лишенные избирательных прав» и др. (*СУ РСФСР*. 1927. № 39. С. 434–435). «Для ведения протоколов заседаний, учета членов комиссии (секций), наблюдения за аккуратным посещением ими заседаний и выполнением порученной им работы» из состава комиссии назначался секретарь (Там же. С. 435).

Потатчица (потатчик) — Тот, кто потакает кому-нибудь, делает по блажки.

Мудрование (простореч.) — То же, что мудрствование.

С. 157. *Один на рабфаке...* — *Рабфак* — Рабочий факультет, учреждение системы народного образования в СССР, готовившее рабочих и крестьян для поступления в высшие учебные заведения.

У немцев есть «цвай-киндер-системе». — *Zweikindersystem* — Распространенная в Западной Европе в XIX – начале XX в. социальная модель — «одна семья — два ребенка». Возникновение этого феномена связывалось исключительно с экономическими факторами: «Нужно <...> сказать, что экономические условия господствуют как над заключением браков, так и над рождениями. Классическим примером для этого является Франция. Там в сельском хозяйстве господствует система мелких земельных участков (парцеллы). Земля же, раздробленная свыше известной границы, не может прокормить семью. Отсюда знаменитая пресловутая двухдетная система (*Zweikindersystem*), развившаяся во Франции в настоящий социальный институт» (*Бebel А.* Женщина и социализм. М., 1905. С. 34). Опыт западных стран был хорошо известен в России, о *Zweikindersystem* традиционно упоминали в дискуссиях по демографическим вопросам, в том числе в выступлениях евгеников, причислявших двухдетную семейную модель к факторам, угрожающим человечеству (см.: *Юдин Т.И.* Евгеника. Учение об улучшении природных свойств человека. М., 1928. С. 24, 56).

...по седьмому разряду семнадцатиразрядной сетки... — 17-разрядная тарифная сетка (определяющая соотношение между оплатой труда и квалификацией работника) действовала в СССР с 1921 г. и предусматривала одинаковые разряды для всех рабочих и служащих: 1–4 разряды — ученики, 5–6 разряд — рабочие, 7–13 разряд — счетно-контторские работники, 14–17 разряд — административно-технический персонал (Декрет СНК «Основное положение по тарифному вопросу» от 10 сентября 1921 г. // *СУ РСФСР*. 1921. № 67. С. 849–852). В 1927 г. единая тарифная сетка была отменена, количество разрядов устанавливалось отдельно для каждой отрасли.

...а нагрузку от меня отняли. — *Нагрузка* — надбавка, установленная в процентах к основной тарифной сетке, получаемая за сверхурочные работы; применялась «для оплаты ответственных политических работников», несущих работу во внеслужебное время (*Данилова Е.Н.* Действующее законодательство о труде Союза ССР и Союзных республик. В 2 т. Т. 1. М., 1927. С. 357).

По неизвестным никому причинам / Постановила нарком Коллонтай, / Чтобы рожали только мужчины, / Хочешь не хочешь, лопай, а рожай. — *Коллонтай* Александра Михайловна (1872–1952) — государственный и политический деятель СССР. В 1917–1918 гг. — нарком государственного призерения, с 1920 по 1922 г. — заведующая женотделом ЦК РКП(б).

Вариация сатирического куплета фольклорного происхождения. Куплет возник в первые годы революции как реакция на широкие дискуссии по вопросам семьи и брака. У истоков этих дискуссий стояла А. Коллонтай, активно выступавшая в защиту не только социальных, но и репродуктивных прав женщин. В мемуарах Бориса Ефимова текст зафиксирован в следующей редакции: «...Постановила Шура Коллонтай: Половое равенство объявляю ныне — / Пусть теперь рожают также и мужчины — / Хочешь, не хочешь — лопни, а рожай! / Или уважительные предъяви причины!» (*Ефимов Б.* Мой век. М., 1998. С. 312).

Обязательное постановление — документ, издававшийся местными органами власти во исполнение действующих законов. С 1 августа 1926 г. порядок издания обязательных постановлений регулировался Положением об издании местными исполнительными комитетами и городскими советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке (*СУ РСФСР.* 1926. № 39. С. 447).

С. 159. *Я у тебя две недели чулки просила. Вон какие фильдеперсовы поступили в епо... — Фильдеперс* — тонкая хлопковая ткань; чулки из такой ткани относились к товарам, пользующимся особым спросом у населения, — см.: «...фильдеперсовы! Повыше колен! Телесного цвета! Цвета экрю!! Цвета Виктория!! Девичьи грезы — чулки!!!» (*Эйзенштейн М.* Даешь комсомольца в Ристаловку! // *Культурный поход.* 1928. Сент.–окт. С. 1). *Епо* — единое потребительское общество.

С. 160. *Вот в газетах пишут ~ радио в массы, чудеса науки и техники в массы, прочие отношения — тоже в массы.* — См. примеч. к с. 155.

Вот в губернском органе пишут, — рачья чума кончилась ~ кончилась рачья чума. Пятнадцать лет продолжалась и самостоятельно кончилась без научных забот. — *Чума раков* — грибковое заболевание, вызывающее массовую гибель речных раков. В 1920-х гг. случаи заражения раков фиксировались в водоемах Московской губернии — реках Клязьма, Истра, Озерна́, Царицынских прудах и др. (*Виноградов Л.Г.* Раки и рачья чума в Московской губернии // *Московский краевед.* № 1(9). 1929. С. 41–45).

А то вот у нас в Заречье, — мужики, со зла на кооперацию, сельским сходом магазин Госспирта закрыли. — *Госспирт* — Центральное управление государственной спиртовой монополии ВСНХ СССР (Центроспирт). Закрытие магазинов, торгующих спиртными напитками, было предусмотрено Постановлением СНК РСФСР «О мерах ограничения продажи спиртных

напитков» от 4 марта 1927 г. (*СУ РСФСР*. 1927. № 24. С. 261–262). В соответствии с этим законом прекращение торговли алкоголем на территории отдельного района могло осуществляться по решению общего собрания граждан. В 1928 г. массово сообщалось о закрытии пунктов продажи спиртным (Рабочие требуют закрытия пивных // *Раб. газ*. 1928. 30 мая. С. 7; Тверские пролетарии решили закрыть пивные // Там же. 1928. 12 июля. С. 3; Рабочие требуют закрытия пивных // Там же. 1928. 9 сент. С. 7; и т. п.).

...со зла на кооперацию... — Возможно, отсылка к реальной ситуации: в сентябре 1928 г. Московский союз потребительских обществ (МСПО) начал активно сокращать торговлю водкой в своих магазинах (Кооперация сокращает торговлю водкой // Там же. 1928. 20 сент. С. 6). Однако в местах сокращения кооперативных продаж алкоголя стали открываться новые магазины Центроспирта. Тогда Московским советом было вынесено решение об ограничении торговли спиртными напитками и закрытии ряда магазинов (в том числе Центроспирта) (Открытие новых винных лавок запрещено // Там же. 1928. 20 сент. С. 6).

Общество спасания на водах — общественная организация, возникшая в России в конце XIX в. и воссозданная в СССР в 1925 г. (*СУ РСФСР*. 1925. № 3. С. 27–29). Широкою огласку деятельность организации получила в 1928 г. в связи с подготовкой к Первому всесоюзному съезду Общества спасания на водах (Москва, 25–28 мая 1928 г.).

...золоторотный обоз... — *Золотая рота* — первоначально неофициальное название роты дворцовых гренадер, созданной в 1827 г. указом императора Николая I. Впоследствии выражение приобрело переносный смысл и стало использоваться для обозначения представителей городских низов и преступного мира.

...заниматься учетом контроля. — Во фразе пародийно обыгрываются понятия «учет» и «контроль» — базовые в ленинской теории социалистического строительства: «Учет и контроль — вот главное, что требуется для <...> правильного функционирования *первой фазы* коммунистического общества» (*Ленин В.И.* Государство и революция // *Ленин. ПСС*, 33. С. 101).

С. 161. *Евтюшкин* — фамилию Евтюшкин носит один из героев рассказа Платонова «История иерея Прокопия Жабрина» (1923).

Выдвиженец — выходец из рабоче-крестьянской среды, выдвинутый на ответственную работу. Упоминание о выдвиженчестве осенью 1928 г. совпало с кампанией по улучшению госаппарата с помощью рабочих и крестьян (Выдвиженчество — важнейший участок советской работы // *Известия*. 1928. 19 авг. С. 1; Работу по выдвиженчеству необходимо усилить и улучшить // Там же. С. 3).

Ротный лекпом. — *Лекпом* — лекарский помощник; то же, что фельдшер, помощник врача.

От вас поступило заявление о желании применения аборта к вашей супруге ~ Нам теперь надо обследовать ваше матерьяльное положение, поскольку вы есть член профсоюза и ссылаетесь на имущественную мало-мощность... — В 1924 г. Наркомздрав РСФСР издал циркуляр «О порядке производства абортов», устанавливающий новые правила проведения операций в советских больницах (*Баевский И.Л., Фриц Л.С.* Сборник действующего

законодательства по социальному страхованию. М., 1925. С. 267–268). Во исполнение этого циркуляра при подотделах охраны материнства и младенчества территориальных органов Наркомздрава РСФСР (а также при уездных и фабричных больницах) были созданы специальные комиссии «по разрешению производства аборт в бесплатных советских стационарах» (Там же. С. 268). По рекомендации Наркомздрава эти комиссии выдавали разрешения на аборт в следующих случаях: «1. Если беременность явилась результатом изнасилования <...>. 2. Если беременность произошла у несовершеннолетней, не состоящей в браке. 3. Если беременность произошла вследствие использования в отношении забеременевшей ее материальной или служебной зависимости лицом, не являющимся ее мужем. 4. Если женщина одинока (не имеет мужа) и безработная, при наличии особо тяжелых материальных условий. 5. Если семья, живущая на трудовой заработок, является многодетной (т. е. имеющей троих и более детей) и дальнейшее увеличение семьи может существенно ухудшить материальные условия имеющих малолетних детей. 6. В случаях длительной безработицы мужа и жены, а также крайней материальной нужды, установленной в каждом отдельном случае. 7. По медицинским (туберкулез, узкий таз, болезни почек и т. д.) и евгеническим (эпилепсия, душевные болезни, наследственная глухота и пр.) показаниям по заключению врачей-специалистов» (*Гусаков Л.А.* Аборт с медицинской, судебной и социально-бытовой точек зрения. Л., 1926. С. 37). Для получения разрешения на аборт женщинам нужно было предоставить в комиссию «удостоверение о беременности из советской больницы, амбулатории или консультации для беременных; удостоверение о болезни из тех же учреждений или диспансера; удостоверение с места службы о получаемом окладе жалования и удостоверение из домкома о семейном положении. Безработные должны представить листок с Биржи труда, а также все вышеуказанные документы» (*Генс А.Б.* Аборт в деревне. М., 1926. С. 15). Члены комиссии, в свою очередь, были обязаны «проверять необходимость в каждом отдельном случае производства аборта по медицинским или социальным показаниям», а также рассказывать женщине «о вреде аборта для ее здоровья, опасности его для ее жизни и для благополучия всей республики» (Там же. С. 16). Принятые Наркомздравом решения фактически имели последствия запретительной меры: бюрократизация процесса, удаленность «абортных» комиссий, широкая огласка при разбирательствах, частые отказы по тем или иным причинам — все это приводило лишь к росту нелегальных аборт и спросу на услуги негосударственных медицинских учреждений. Многие комиссии при подотделах охраны материнства и младенчества «расширили» свои полномочия, стремясь «сделаться комиссиями по борьбе с абортами, причем эту борьбу понимали своеобразно, стремясь ставить рогатки и отказывать в разрешении на аборт» (*Лебедева В.П.* Предисловие // *Генс А.Б.* Аборт в деревне. М., 1926. С. 9). С 1926 г. часть полномочий была передана комиссиям охрматмлада при волисполкомах и сельсоветах (см. примеч. к с. 156). Эти комиссии стали, на основе местных постановлений и инструкций, контролировать установленный порядок, проверять право женщин на проведение аборт в советских больницах.

С. 162. ...*разошелся впоследствии, после революции, по кодексу со своей старой женой.* — Отсылка к Кодексу законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г., согласно которому церковные браки, заключенные до революции, приравнивались к зарегистрированным в органах загс гражданским бракам и расторгались в установленном законом порядке (в судебном или регистрационном (в органах загс) порядке) (СУ РСФСР. 1918. № 76–77. С. 1057).

...*немецкую систему «двай-киндер-системе» я выполнил с превышением, то есть родил трех.* — См. примеч. к с. 157.

...*по седьмому разряду семнадцатиразрядной тарифной сетки — 43 р. 72 к. ежемесячно.* — См. примеч. к с. 157.

...*как он високосный.* — Год создания пьесы (1928) — високосный.

Чохом (простореч.) — целиком, все вместе.

...*через это удлиняются нормальные сроки амортизации.* — *Срок амортизации* — срок полезного использования (средний срок службы) средств производства.

С. 163. *Алименты первой жене — треть основного жалования без внутрисемейных доходов.* — В 1924 г. совместным циркуляром Наркомюста и Наркомсобеса (ЕСЮ. 1924. № 35–36. С. 863) были установлены следующие нормы взыскания алиментов с заработка плательщика. На содержание единственного ребенка в семье с плательщика взыскивалась сумма, не превышающая одну треть часть среднего месячного заработка рабочих (устанавливался местным губсоцстрахом по соглашению с губернским советом профсоюза), на содержание двух детей — не более половины среднего заработка, трех детей — не более трех четвертей. При этом взыскиваемая сумма не должна была превышать половины фактической заработной платы плательщика. Алиментные взыскания производились только с заработной платы; дополнительные доходы при назначении алиментов не учитывались.

Квартира по ставке с излишком площади — 4 р. 11 коп. — Ставка квартирной платы устанавливалась решением местных советов и определяла стоимость найма одного квадратного метра жилья в месяц, «исходя из учета расходных статей домового бюджета при правильной постановке, эксплуатации и амортизации дома» (Постановление ВЦИК СНК РСФСР «Об оплате жилых помещений в городах и рабочих поселках» от 14 мая 1928 г. // СУ РСФСР. 1928. № 53. С. 680–686; Инструкции НКВД и Наркомюста от 23 июня 1928 г. «Об оплате жилых помещений в городах и рабочих поселках» // Бюллетень НКВД РСФСР. 1928. № 20. С. 385–396). С осени 1928 г. в Москве применялась ставка 44 копейки за кв. м в месяц (Со вчерашнего дня введена новая квартирная плата // Раб. газ. 1928. 2 сент. С. 8). Излишки занимаемой жилой площади (сверх установленной нормы — 9 кв. м жилья на каждого члена семьи) оплачивались в трехкратном размере (для служащих — в одинарном). Плата за коммунальные услуги (водопровод, очистка выгребных ям, освещение, газ) не входила в состав квартирной платы и взималась отдельно (об этих статьях расходов также упомянуто в тексте: «отопление», «освещение», «очистка туалета»).

А где деньги хранишь? ~ я, как убежденный гражданин, в сберкассе. — Государственные сберегательные кассы были учреждены в 1922 г. (в 1925-м преобразованы в Государственные трудовые сберегательные кассы СССР) для привлечения денежных средств населения с целью кредитования экономики. Среди населения велась активная агитация, хранение денег в сберкассах объявлялось признаком гражданской сознательности: «Рабочие, служащие и все те, которым дороги завоевания социалистического строительства, должны все свои свободные денежные сбережения нести в сберкассу» (*Хинчук Л.М.* Сберегательные кассы создадут многомиллионные резервы для социалистического строительства СССР // *Известия.* 1928. 31 окт. С. 2); «Сдавая государству на хранение деньги, сэкономленные в своем хозяйстве, крестьянин, рабочий и служащий тем самым способствуют более успешному развитию нашего социалистического строительства» (*Антипов Н.* Сберкнижку — в обиход каждой семьи // Там же).

...тайна вкладов предусмотрена законом. — Декретом СНК РСФСР от 25 февраля 1925 г. устанавливались правила, гарантирующие соблюдение тайны банковских вкладов: «Всякие справки о текущих счетах, вкладах и переводах выдаются государственными, кооперативными и частными кредитными учреждениями только владельцам их или судебным и следственным органам. Означенных справок не имеют права требовать никакие другие государственные органы, не исключая и финансовой инспекции» (*СУ РСФСР.* 1925. № 18. С. 224).

С. 164. *Облигаций рублей на сорок. ~ Точной цифрой 42 р. 50 к. без купонов. —* Имеются в виду облигации государственного займа (см. примеч. ниже), по которым производились купонные выплаты. Достоинство одной облигации выпущенного осенью 1928 г. госзайма составляло 25 рублей (допускалось приобретение одной пятой части, по 5 рублей).

Я не хочу увеличивать основные кадры беспризорников. — Законодательно беспризорниками считались дети до 16 лет, являющиеся круглыми сиротами или оставшиеся без попечения родителей или родственников. К этой же категории относились дети, изъятые из неблагополучных семей (*СУ РСФСР.* 1926. № 19. С. 211). С 1927 г. начался новый этап борьбы с детской беспризорностью в СССР (*Луначарский А.* Новая фаза борьбы с беспризорностью // *Известия.* 1928. 26 февр. С. 5). В 1928 г. развернулась активная работа в губерниях (Ликвидация детской беспризорности // *Известия.* 1928. 30 марта. С. 6) и в Москве. За год, с 1 октября 1927 по 1 октября 1928 г., на улицах столицы было «подобрано 6000 беспризорных» (*ВМ.* 1928. 2 окт. С. 2).

Может, 500 р. по займу выиграешь. — Займ — форма государственно-го кредита. В 1928 г. было выпущено два Государственных внутренних выигрышных займа индустриализации народного хозяйства СССР (на 200 млн и 500 млн рублей), проводились розыгрыши денежных призов по займам 1927 г. Реализуемый в сентябре-октябре 1928 г. Второй займ индустриализации объявлялся «новой ступенью в истории советского государственного кредита» (Новый заем // *Известия.* 1928. 26 июля. С. 1). К участию в нем были привлечены все госучреждения, к осени развернулась самая громкая в ряду госзаймов агитационная кампания. Для подписчиков были предусмотрены

тиражные розыгрыши раз в три месяца на различные денежные призы. Установивались выигрыши в 100, 250, 1000 и 5000 рублей за целую облигацию и в 20, 50, 100 и 1000 рублей за каждую пятую часть (Второй заем индустриализации // Правда. 1928. 19 авг. С. 6).

С. 165. ...открою шинок. — *Шинок* — здесь: место незаконной продажи спиртных напитков.

За шинок тебя оштрафуют. — Согласно закону, торговля спиртными напитками могла осуществляться лишь по получении специального разрешения (Инструкция НКВД, Наркомздрава, Наркомюста «О торговле спиртными напитками и спиртосодержащими веществами» от 22 ноября 1927 г. // Бюллетень НКВД РСФСР. 1927. № 33. С. 610–613). Для лиц, незаконно торгующих алкоголем (занимающихся шинкарством), было предусмотрено уголовное наказание (Там же. С. 613). Рост шинкарства фиксировался с середины 1920-х гг., будучи спровоцированным рядом правительственных решений (в частности, введением в 1925 г. государственной монополии на торговлю спиртом). Занимались шинкарством преимущественно домашние хозяйки: «Преступность женщин как в городе, так и в деревне отличается преобладанием изготовления и сбыта спиртных напитков, как уже было видно из числа осужденных домашних хозяек» (Статистика преступлений за 1924–1925 гг. // ЕСЮ. 1926. № 22. С. 677). В 1928 г. в статистике правоохранительных органов отмечалось: «За первую половину 27 года милицией было задержано по Москве 284 шинкаря; за вторую половину уже — 729, а за первую половину т. г. — 683. По уезду (без Москвы) цифры дают более яркую картину роста шинкарства. За те же периоды число задержанных шинкарей возросло в следующей пропорции: 1426 – 2218 – 2722» (Кто и как борется с шинкарством // *Тик*. 1928. № 6. С. 5). К концу года в стране развернулось широкое антиалкогольное движение, предполагающее в том числе активную борьбу с шинкарством (Рабочий объявил войну пьянству // Правда. 1928. 19 авг. С. 6; За трезвый пролетарский быт // Известия. 1928. 11 сент. С. 1; Что предпринимается в московской губернии для борьбы с алкоголизмом // Правда. 1928. 20 сент. С. 4; и др.).

С. 166. *Буде же М.И. Башмакова сделает аборт на частной стороне у кустарной докторицы, то подлежит подвержению штрафа в размере в будущем усмотренном.* — Аборты разрешалось делать исключительно в больничных условиях и только врачам (СУ РСФСР. 1920. № 90. С. 681). Согласно Уголовному кодексу, «совершение с согласия женщины изгнания плода лицами, не имеющими на это надлежащей медицинской подготовки или хотя бы и имеющими таковую, но в противосанитарной обстановке», предусматривало для них «лишение свободы или принудительные работы на срок до одного года или штраф до пятисот рублей» (СУ РСФСР. 1926. № 80. С. 945–990). Уголовной ответственности для самой женщины предусмотрено не было.

Позовите к себе на октябрины, принесу подарок от комиссии. — *Октябрины* — популярное в 1920-х гг. антирелигиозное мероприятие, призванное вытеснить традиционные крестины; подарок входил в элемент «революционной» обрядности: «и клуб, и президиум за красным столом, и речи, и передача ребенка от коммуниста комсомольцу, от комсомольца пионеру,

от пионера родителям; нравится крестьянам и подарок» (*Мурин В.А.* Быт и нравы деревенской молодежи. М., 1926. С. 45).

С. 168. *Камера уездного нарсуда.* — *Камера* — здесь: помещение для судебных заседаний.

Осообразная — Отсылка к аббревиатуре Осоавиахим — Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (1927–1948).

Мелкая подворность!.. — *Подворность* — Форма землевладения, предполагающая непосредственное, самостоятельное пользование земельным участком (обработка, возделывание); введена Декретом о Земле (1917 г.). В Земельном кодексе РСФСР 1922 г. заменена «участковой», сохраняющей основные признаки подворной формы землепользования: «с неизменным размером права двора на землю» (*СУ РСФСР.* 1922. № 68. С. 1509–1510).

Я член нарпита! — *Нарпит* — Всероссийский профессиональный союз работников народного питания и общежитий. Образован в 1918 г. на Всероссийской конференции рабочих и служащих трактирного промысла, в 1919 г. переименован в профсоюз работников народного питания и общежитий.

Не важно, кто природный отец, а важно, кто правовой и фактический, и, так скажем, общественный. А общественно-фактическим отцом является комиссия охматмлада в узком составе. Они фактически-правовые и надлежащие отцы. ~ Раз они мне предписали ребенка, как фактические отцы, я и про<шу взыскать> с них алименты в мою пользу. — Эпизод выяснения отцовства в суде отсылает к реальной судебной практике. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г. разрешал суду, при невозможности установить отцовство, возложить расходы по содержанию ребенка на всех сожителей матери (ст. 144), что приводило к коллективной алиментной ответственности. Применение этой статьи спровоцировало широкий общественный резонанс. В 1926 г. при разработке и обсуждении проекта нового Кодекса законов о браке, семье и опеке (далее — Кодекс 1926 г.) было принято решение устранить «нежизненный принцип “многотцовства”» (*Бранденбургский Я.Н.* Тезисы доклада Я.Н. Бранденбургского о проекте Кодекса законов о браке, семье и опеке в Институте советского строительства // *ЕСЮ.* 1926. № 10. С. 305). Это предложение вызвало общественную поддержку: «почти все рабкоры, затрагивающие вопросы о коллективном отцовстве, считают признание такого отцовства недопустимым. Закон и судья должны во всех случаях находить одного настоящего отца» (Основные итоги дискуссии // *Гудок.* 1926. 2 марта. С. 4). Кодекс 1926 г. разрешил присуждать алименты лишь одному из сожителей матери: «Если суд при рассмотрении вопроса об отцовстве установит, что мать ребенка в период зачатия была в половых сношениях, кроме лица, указанного в ст. 28 настоящего Кодекса, еще и с другими лицами, то суд постановляет решение о признании одного из этих лиц отцом ребенка и возлагает на него обязанности, предусмотренные ст. 31 Кодекса» (*СУ РСФСР.* 1926. № 82. С. 1011). Однако новая статья не решила проблемы установления биологического отцовства: «...чрезвычайно сложную задачу налагает на суд 32 ст. Кодекса, которая в отличие от с. 144 старого Кодекса <...> говорит, что если суд при рассмотрении вопроса об отцовстве установит,

что мать ребенка в период зачатия была в половых сношениях с несколькими лицами, то суд постановляет решение о признании одного из этих лиц отцом ребенка и возлагает на последнего расходы <...> но спрашивается, которого и каким образом, а это не так просто, доверять словам истицы нельзя, ибо в наше время часты случаи, когда иски об алиментах предъявляются к тому, кто больше материально обеспечен, а потому здесь вполне возможны ошибки суда, и лицо, совершенно невиновное в появлении на свет ребенка, будет платить алименты, действительный же отец будет оставаться в стороне» (ЕСЮ. 1927. № 22. С. 672–673).

А мои сбережения я внес в деткомиссию... — Речь идет о приобретении билетов вещевой лотереи, проводившейся Комиссией по улучшению жизни детей (Деткомиссией) при ВЦИК. Полученная от лотереи прибыль использовалась для решения различных задач по оказанию материальной помощи детям (СУ РСФСР. 1925. № 8. С. 91–94). В 1928 г. проводилась Вторая лотерея, прибыль от нее направлялась на ликвидацию детской беспризорности (Известия. 1928. 31 авг. С. 5).

С. 169. *Что мы, родоначальники нации, что ли?!* — См. рассказ Платонова «Родоначальники нации, или Беспокойные происшествия» (1927).

С. 171. *Сбитень-сбитень горячий!* — *Сбитень* — безалкогольный напиток из меда и пряностей.

Я, Карп Иванович, государственный житель... — См. рассказ Платонова «Государственный житель» (1927).

С. 172. *Солнце, например, оно тоже видимый административный центр.* — См. рассуждения героя в повести «Город Градов» (1927): «...а в небе станет вечно гореть солнце, как видимый административный центр» (Сочинения, 2. С. 125).

С. 173. *Она в больнице лежит. Я заявление в суд за две недели подал, чтобы алименты были к факту родов...* — Кодекс 1926 г. предоставлял женщине исключительное право подавать заявление в суд о наложении на отца обязанностей участвовать в расходах, «связанных с беременностью, родами, рождением и содержанием ребенка, а равно и матери ребенка в течение ее беременности и шестимесячного срока после родов» (СУ РСФСР. 1926. № 82. С. 1011).

Загнетка — площадка перед устьем русской печи.

С. 174. *Приезжал к нам иностранец, по профессии турист, ихний гад, ~ фамилия его Гуго Ванцентович Прохадзько, а классовая принадлежность неизвестна.* — В 1928 г. в СССР общественное внимание привлек растущий поток иностранных туристов (главным образом американцев). С мая по август 1928 г. Бюро путешествий Совторгфлота обслужило около 1000 иностранцев; всего за сезон планировалось перевезти около 2500 туристов (500 иностранных туристов едут в СССР // Правда. 1928. 10 авг. С. 3.; Иностранные экскурсии в СССР // Известия. 1928. 17 авг. С. 4). *Гуго Ванцентович* — в имени персонажа содержится, вероятно, отсылка к фамилии Ванцетти, известной в СССР по делу двух эмигрантов — Сакко и Ванцетти, казненных в Америке в 1927 г. (Платонов отреагировал на это событие в рассказе «Война» (1927) — см.: Сочинения, 2. С. 271, 705).

Так вот обложили меня неподъемно из-за этого куста... Я, вишь, шесть кустов крыжовника посадил, а седьмой самотеком вырос, недосмотрел я за ним, а он в мочь вошел. А у меня по нему все остальные сельским налогом обложили ~ Так как же мне теперь оправдаться, чтобы по норме в аккурат налог брали, в нитку... — Постановлением ЦИК СССР от 21 апреля 1928 г. был введен индивидуальный порядок обложения сельхозналогом зажиточных крестьянских хозяйств: «В отношении единоличных хозяйств, особо выделяющихся из общей крестьянской массы в данной местности своей доходностью и при этом нетрудовым характером своих доходов, волостные и районные налоговые комиссии исчисляют не по нормам, а на основании общих имеющихся у них сведений, сумму облагаемого дохода этих хозяйств от всех источников в соответствии с их действительной доходностью» (*Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР*. 1928. № 24. С. 476). Новый закон должен был перенести основную тяжесть налога на зажиточные крестьянские хозяйства, однако к осени 1928 г. вскрылись недочеты в его применении. В закрытом постановлении СНК СССР от 11 сентября 1928 г. констатировалось: «Вместо обложения в индивидуальном порядке хозяйств действительно эксплуататорского типа, которые выделяются доходностью нетрудового характера, часто облагаются в индивидуальном порядке трудовые хозяйства, иногда даже типично середняцкие хозяйства, которые не имеют никаких нетрудовых доходов» (Постановление СНК СССР «О недостатках в обложении крестьян сельхозналогом» // *Трагедия советской деревни*, 1. С. 391). Вслед за этим о проблемах налогообложения было упомянуто в публичном отчете на пленуме Московского совета: «Жалоб на обложение в текущем году значительно больше, чем в прошлые годы <...> Новый закон предоставляет налоговым комиссиям право делать надбавки к основному налогу в размере от 5 до 25% в тех случаях, когда то или иное хозяйство выделяется своей зажиточностью и высокой доходностью. Эти-то надбавки вызывают больше всего жалоб со стороны зажиточных слоев крестьянства» (Пленум Московского Совета (Как проводится новый закон о с.-х. налоге) // *Известия*. 1928. 19 сент. С. 4). На этом же пленуме выступил председатель ЦИК М. Калинин с прямой критикой проведения сельхозналоговой кампании и возложением ответственности за недочеты на местные власти: «Мы получаем значительное количество жалоб на неправильное применение нового сельхозналога <...> Мы не думали, что отдельные губернии, отдельные места будут обложены и два-три раза, а отдельные крестьянские хозяйства — в 5 раз выше, чем в прошлом году. Этой цели правительство не преследовало, это, безусловно, ошибка местных властей. Это — невнимательный, неполитический подход к вопросу. Особенно много ошибок в отношении так называемого индивидуального обложения» (Доклад тов. Калинина на пленуме Московского совета 18 сентября 1928 года // *Известия*. 1928. 23 сент. С. 2). После этого начались массовые проверки на местах, указывавшие на «основную причину слабого сбора сельхозналога»: «тысячи нерассмотренных крестьянских жалоб по Союзу республик» (*Известия*. 1928. 4 окт. С. 3).

С. 175. ...из крестьян-отходников... — *Отходник* — крестьянин, ушедший в город на заработки. К теме отходничества Платонов обращался во

многих произведениях — рассказе «Песчаная учительница» (1926), повести «Ямская слобода» (1927), романе «Чевенгур» (1927–1929) и др.

...платить алименты ~ в размере одной трети ежемесячного жалования без прочих доходов каждого узкого члена комиссии... — См. примеч. к с. 163.

...кооптированным членом... — *Кооптация* — введение новых членов в состав выборного органа его собственным решением, без проведения дополнительных выборов.

Суд не входит в природное рассмотрение отцовства. ~ Суду не подведомственно знать, кто природный отец. — См. примеч. к с. 168.

С. 176. *Ащеулов входит бритый до омоложения.* — Образ обрившегося выдвиженца Ащеулова создавался Платоновым, по-видимому, не без влияния полемики В. Шкловского с Б. Пильняком. Шкловский, вслед за Троцким, обвинял Пильняка в изображении бородатых, крестьянствующих большевиков (в романе «Голый год»): «Эта борода Пильняку понадобилась для того, чтобы связать Архипова с деревней, с Пугачевым. Но Троцкий, отмечая смысловую значимость этой бороды, тут же пишет: “мы Архиповых знаем, они бреются”. Действительно, “Архиповы” бреются» (*Шкловский В. О Пильняке // Леф. 1925. № 3. 126–136*). В статье 1928 г. Шкловский вернулся к критике пильняковских революционеров (путая фамилию Архипов и Пугачев): «Забавно, что когда Пильняку понадобилось связать большевистскую революцию с пугачевщиной, то он дал одному из героев имя Пугачев и пририсовал к нему бороду, на что получил ироническое замечание от одного из критиков, участников революции: “Мы Пугачевых знаем, они бритые”» (*Люди и бороды // Новый Леф. 1928. № 8. С. 37–38*).

С. 177. *Ваши бабы в загс пошли — зачеркиваться.* — Кодекс 1926 г. существенно упрощал процедуру развода, разрешив расторгать брак не только по решению суда, но и в органах загса, «как по обоюдному согласию супругов, так и по одностороннему желанию кого-либо из них» (*СУ РСФСР. 1926. № 82. С. 1009*). Изменения, касающиеся разводов, вызывали самые шумные дискуссии в ходе обсуждения проекта нового Кодекса, побудили множество выступлений в защиту традиционных семейных ценностей, в поддержку «мощного общественного мнения против частых разводов» (*Троцкий Л. Охрана материнства и борьба за культуру // Правда. 1925. 17 дек. С. 6*). При этом право на развод многими защищалось как важнейшее «завоевание революции»: «Прежние — дореволюционные — семейные отношения с отсутствием каких бы то ни было прав у женщины, с полным подчинением власти мужа, с принадлежностью всего имущества семьи — мужу и отцу, — потерпели чрезвычайно сильный удар после установления свободы развода» (*Фишман Л. Новый быт в семейной практике // Вестник советской юстиции. 1926. № 22. С. 869*).

Прямо хоть коллективным рапортом механически сокращайся — см. примеч. к с. 192.

С. 178. *Расписались непонятно. Волнуется, а лебединых хвостиков нарисовать не забыли.* — «Лебединым хвостиком» заканчивается подпись героя и в другом произведении Платонова — либретто «Надлежащие меро-

приятия» (1927); подпись имеет, очевидно, реальный источник (см.: *Сочинения*, 2. С. 830).

...прием окончен, вследствие рационализации... — С конца 1926 г. в стране развернулась государственная кампания по рационализации госаппарата и промышленности. Платонов откликнулся на нее в повести «Город Градов» (1927) (*Сочинения*, 2. С. 138, 602–604), рассказе «Административное естествознание» (1927) (Там же. С. 418, 820–821), либретто «Надлежащие мероприятия» (1927) (Там же. С. 419, 825–829) и др.

Вот их тут попробуй и одень, когда они не вещи, а отношения, эти самые идеи... — Тезис о примате отношений над вещью лежит в основе экономической теории Маркса: «...капитал — это не вещь, а определенное, общественное, принадлежащее определенной исторической формации общества производственное отношение, которое представлено в вещи и придает этой вещи специфический общественный характер» (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. в 50 т. Т. 25. Ч. 2. М., 1962. С. 380–381).

С. 178–179. *Входит деревенская женщина с продуктовым узелочком — жена Ащеулова, оставшая от мужа в культурном развитии. ~ Давай твои пышки-лепешки.* — Вероятно, отсылка к рассказу П. Романова «Черные лепешки», описывающему приезд «деревенской» жены с лепешками в город к мужу (Романов П. Черные лепешки. М., 1927. С. 3–18).

С. 179. *Ащеулова (конфиденциально). Касатики, обтолкните мне... Сказывают у нас в деревне, будто мой-то в компании с жуликами разбой учинил, — будто втроем они одну бабочку оскоромили, — и будут платить за это большие деньги...* — После резонансного «чубаровского» дела (1926) групповые изнасилования, «выливающиеся в форменно бандитские налеты», продолжали будоражить общественность и находились под особым надзором прокуратуры (ЕСЮ. 1927. № 13. С. 397). В 1928 г. самым громким делом о групповом изнасиловании стал показательный процесс над писателями Альтшуллером, Аврущенко, Анохиным — см., напр., публикации в «Рабочей газете»: «Самоубийство комсомолки Исламовой» (13 мая. С. 6); «Дело о самоубийстве комсомолки Исламовой» (16 мая. С. 6); «Процесс о самоубийстве комсомолки Исламовой» (18 мая. С. 6); «Дело о самоубийстве комсомолки Исламовой» (22 мая. С. 6) и др. Активное участие в этом процессе приняли писатели, критики, в том числе Пильняк (Дело о самоубийстве комсомолки Исламовой // *Раб. газ.* 1928. 19 мая. С. 6). В контексте «чубаровщины» этот сюжет был воспринят современниками: «Членов комиссии рассматривают как своеобразных “чубаровцев”» (Кут А. «Дураки на периферии». Новая пьеса Б. Пильняка // *ВМ.* 1928. 15 окт. С. 3).

Покупай пшеничной климовки! — *Климовка* — вероятно, водка местного производства.

Живу на рыск — т. е. рискую, подвергаю себя опасности.

С. 180. *Стремительно и надменно врываются с зонтами и четвертушками загосовой бумаги жены Евтюшкина и Лутына. ~ Евтюшкин (читая с осторожностью). ~ Ничего нет... Только — разведена гражданка Майская... Это какая же Капитолина Майская? — у нас в городе таковой нету...* — Органы загса, регистрируя расторжение брака по заявлению одного из супругов, были обязаны в трехдневный срок направить другому супругу

извещение о разводе (Бюллетень НКВД. 1928. № 12. С. 210). При разводе бывшим супругам предоставлялось право оставлять свои брачные либо добрачные фамилии; в случае отсутствия соглашения между супругами каждому из них присваивалась добрачная фамилия (Там же. С. 209). Героини пьесы Платонова после развода получают новые фамилии, что регулировалось другим законодательством (см. примеч. ниже).

Это я теперь Майская ~ А я — Трудовикова! — Возможность замены фамилии на новую устанавливалась Декретом СНК РСФСР от 4 марта 1918 г. «О праве граждан изменять свои фамилии и прозвища». В 1928 г. процедура перемены фамилий была усложнена. В частности, законом предусматривался сбор сведений о заявителе по всем местам его жительства за последние пять лет, требовалась обязательная публикация объявления о перемене имени или фамилии для возможного опротестования (в 1928 г. такие объявления стали регулярно публиковаться на страницах «Известий»). Окончательное решение о возможности перемены имени принималось органами загса при участии органов НКВД и ОГПУ НКВД (Инструкция НКВД о порядке перемены фамилий (прозвищ) и имен // Бюллетень НКВД РСФСР. 1928. № 19. С. 357–359). *Майская, Трудовикова* — выбор героинями фамилий отражает характерное явление первых послереволюционных лет, связанное с отказом от прежнего словаря имен. Труд, Май (Майя, Мая) — включались в списки рекомендуемых новых имен (см., например, Справочник рабочего: бесплатное приложение к «Рабочей газете». М., 1924. С. 98). Мотив перемены имени встречается и в других произведениях Платонова (повесть «Город Градов» (1927), роман «Чевенгур» (1927–1929) и др.). В рассказе «Жажда нищего (Видения истории)» (1920) «маленькие девочки носили имена Электрификации, Искры, Волны, Энергии, Динамо-машины, Атмосферы, Тайны. А мальчики назывались Болтами, Электронами, Цилиндрами, Шкивами, Разрядами, Амперами, Токами, Градусами, Микронами» (*Сочинения, 1(1). С. 167–168*).

С. 181. ...*кассацию подать*... — *Кассация* — жалоба на судебное решение для его отмены.

С. 182. ...*и расписку в получении ребенка получите с курьером*... — Схожий мотив содержится в рассказе Г. Успенского «Квитанция», героиня которого отдает новорожденного ребенка в государственный воспитательный дом (на «госснабжение»), получив за него квитанцию; после смерти младенца женщине была выдана новая, «похоронная» квитанция.

Мы на основании закона будем возвращать нашего присужденного сына. — Вопрос об опекунстве регулировался Кодексом 1926 г. (*СУ РСФСР. 1926. № 82. С. 1015–1022*). Обязанности по руководству всеми видами опеки Кодекс возлагал на президиумы исполнительных комитетов местных органов власти (Там же. С. 1016). Опекун назначался для защиты ребенка («из лиц, близких подопечному, или лиц, выделенных для этого общественной организацией (профессиональным союзом, комитетом крестьянской взаимопомощи и пр.), а при отсутствии таковых — и из иных лиц» (Там же)). При этом вопрос о целесообразности передачи ребенка на воспитание опекунам (кроме тех случаев, когда опекунами являлись родители или усыновители) являлся одним из сложнейших в советской судебной практике и решался,

как правило, с привлечением опекунского управления ОНО, собирающего сведения о бытовых условиях жизни ребенка, его воспитании и т. д. (Из практики обследования при спорах в суде о воспитании ребенка // Право и жизнь. 1927. Кн. 5. С. 42–45).

Клади его на престол! — Престол — в православном храме стол в центре алтаря, предназначенный для освящения хлеба и вина во время литургии.

Ей-бо, пра!.. — Пра (простореч.) — правда, истинно, воистину, уверяю.

С. 183. *Прямо разбой — ребенок на письменной конторке лежит и не плачет. Дожились! Ащеулов, тиши выпуску из протокола о наших достижениях и наши проекты в губгород, а копию писателю Максиму Горькому!* — Отклик на горьковский проект «О наших достижениях», широко освещавшийся в печати всю вторую половину 1928 г. Суть проекта подробно излагалась в ряде горьковских статей и выпущенном отдельной брошюрой проспекте: «В Стране Советов разрастается вихрь творчества, идет огромная работа, но о грандиозном размахе этой работы у работников нет целостного представления, никто до сей поры не позаботился дать полную и широкую картину этой бешеной работы <...> С такой целью Госиздат предпринимает издание журнала “Наши Достижения”» (Наши Достижения: Двухмесячный журнал под редакцией М. Горького: Проспект. М., 1928. С. 2, 3). К участию в журнале приглашались писатели и рабкоры, к которым Горький неоднократно обращался с призывом дать картину «всех начинаний, опытов, успехов и достижений в области науки, техники, сельского хозяйства, изобретательства, кустарных промыслов и т. д.» (Горький М. О журнале «Наши достижения» // Известия. 1928. 16 сент. С. 3), просил присылать «заметки о различных достижениях рабочих в области изобретательства», «о мелких усовершенствованиях машин и станков» и пр. (Письмо М. Горького рабкорам // Известия. 1928. 18 сент. С. 3). Известны темы, предложенные Горьким для первых номеров журнала, среди которых была и такая: «Уменьшение смертности детей до 5-тилетнего возраста и далее, увеличение веса новорожденных и т. д.» (Горький М. Письма в 24 т. Т. 18. М., 2016. С. 87). Примечательно, что сам Горький собирал летом 1928 г. материал для статьи о детях (Там же. С. 88).

Под плакатом «Дорогу детям, — потому что они цветы»... — В первое десятилетие Советской власти плакаты, напоминающие о детях — цветах жизни, традиционно оформляли детские учреждения, использовались на торжественных мероприятиях. В этот период «можно было увидеть повсюду монументальные надписи о цветах жизни — детях» (Луначарский А.В. К IV Всероссийскому съезду по дошкольному воспитанию // Правда. 1928. 1 дек. С. 3).

Докладай, Лутын, по медицинской линии. ~ Вешаю ребенка по три раза в день, в весе не прибавляется, но и не убывает, стоит на балансе. Выношу его каждодневно на мороз на два часа, для вентиляции легких... — Измерение веса грудного ребенка и закаливание детей на свежем воздухе относились к самым распространенным медицинским рекомендациям: «Вес ребенка является лучшим показателем его здоровья. Малейшая остановка, а особенно падение веса должны обратить на себя внимание <...>. Отсюда ясно, как важно следить за весом ребенка, взвешивая его в консультациях» (Врач Б. Туровская. Нормальное развитие грудного ребенка // Женский журнал. 1928.

№ 7. С. 14); «Наиболее настойчивым требованием современной науки является возможно более длительное пребывание ребенка на воздухе. <...> В холодное время года каждый ребенок должен проводить на воздухе не менее 2-х часов ежедневно» (*Д-р Овсенков. Летний режим ребенка // Там же. С. 20*).

С. 184. *Э-эх, ва субботу, да в день ненастный ~ Прощай, девки, прощай, бабы...* — Отсылка к старинным русским народным песням — лирической («Во субботу, в день ненастный») и рекрутской («Прощай, девки, прощай, бабы»); в 1920-е гг. включались в бурлацкий фольклор как одна песня (см. Песенник революционных, антирелигиозных, комсомольских и украинских песен. М., 1923. С. 52). «Во субботу, в день ненастный» неоднократно упоминается в романе Пильняка «Голый год» (*Пильняк Б. Голый год. Пб.; Берлин, 1922. С. 49, 50, 62*).

С. 185. *Добровольца* — термин использовался в период Первой мировой войны применительно к солдатам-женщинам, добровольно находившимся в составе действующих военных формирований в качестве военнослужащих и санитарных работников. В советское время термин получил широкое распространение в связи с активной работой добровольных обществ, призывами добровольцев на «фронт» социалистического строительства.

...ты соотношение социальных условий, социальная надстройка, баба на базе. — Обыгрывание понятий «базис» и «надстройка», составляющих основу марксистского учения об обществе: «совокупность <...> производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» (*Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.: в 50 т. Т. 13. М., 1959. С. 6–7*).

С. 186. *В газетах все пишут — чудеса науки и техники в массы, безбожие в массы, иностранные языки в массы...* — См. примеч. к с. 155.

С. 187. *...в исправдом сажают.* — *Исправительно-трудовой дом* — исправительно-трудовое учреждение для лишения свободы лиц, осужденных на срок свыше шести месяцев (*СУ РСФСР. 1924. № 86. С. 1228*). В исправительно-трудовые дома направлялись заключенные, не представлявшие особой опасности для государства; режимом для них предусматривался обязательный труд и культурно-просветительная работа.

С. 188. *У нас один ученый в городе в девятьсот третьем году ездил к мордве и измерял объемную величину расового корня, а потом письменно сверялся с чувашами и башкирами. Самый большой расовый корень — на основании науки — у русских. А я — русский, несмотря на мой возраст...* — Сюжет об отыскании ученым расового корня «для установления чистоты русской национальности» лег в основу рассказа «В окрестностях одной тюрьмы...» (1927) (*Сочинения, 2. С. 255–260, 682–684*).

...и охота тебе была, Глеб Иванович, усложнять историю потомством? — См. в повести «Город Градов»: «Но Шмаков уклонялся от брака и не усложнял историю потомством» (*Сочинения, 2. С. 133*).

Здесь целый культурный пробел. — См. в романе «Чевенгур»: «По всей России, проходящие сказывали, культурный пробел прошел» (*Архив, 2. С. 259*).

С. 189. *А разве кто чего удостоверит, когда главный мир стоит без документов. ~ Да чем руководить-то, раз мир юридически не существует?* — Развитие идей, изложенных в сочинении героя повести «Город Градов» (1927): «Мир официально никем не учрежден и, стало быть, юридически не существует. А если бы и был учрежден и имел устав и удостоверение, то и этим документам верить нельзя <...> Но известно ли что-нибудь достоверно на свете? Оформлены ли надлежаще все факты природы? Того документально нет!» (Сочинения, 2. С. 142).

С. 190. *...страшно авторитетно входят: старший рационализатор...* — Сцена появления в финале старшего рационализатора, оформленная в драматургической традиции *Deus ex machina*, вводит аллюзию на кампанию по рационализации госаппарата, которую с 1926 г. возглавляли Центральная контрольная комиссия (ЦКК) и Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ). Упоминание о ней в 1928 г. отсылает к новому этапу в работе ЦКК–РКИ, начало которому положили решения XV съезда ВКП(б), поддержавшего работу по проверке всего госаппарата, борьбе за его улучшение и удешевление (*КПСС в резолюциях*, 4. С. 265–270). В течение года велась активная работа по развертыванию сети органов РКИ, созданию Объединенного бюро жалоб, усилению борьбы с бюрократизмом на местах и т. д. (Деятельность органов партийно-государственного контроля по совершенствованию государственного аппарата (от XI до XVI съезда партии). М., 1964. С. 207–209, 269–270, 274–275 и др.). При активной помощи населения (добровольцев) и «авторитетных» комиссий (см., например: «постановлено выделить авторитетную комиссию для проверки всех обнаруженных фактов» — *Раб. газ.* 1928. 7 июля. С. 2) органы РКИ осуществляли обследования «отраслей народного хозяйства, социально-культурного строительства и государственного управления» (Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 2 июля 1928 г. о вводе Положения о местных органах Рабоче-крестьянской инспекции РСФСР // *СУ РСФСР*. 1928. № 87. С. 1132). Руководству местных органов РКИ предоставлялось право «приостанавливать явно незаконные распоряжения и действия учреждений, предприятий, организаций и должностных лиц, подчиненных соответствующему местному исполнительному комитету, а также местных общественных организаций» (это право не распространялось «на постановления и распоряжения местных советов, исполнительных комитетов и их президиумов, а также на приговоры и решения судебных органов и распоряжения следственных властей и прокуратуры, в пределах их ведения») (Там же. С. 1134). На волне кампании по улучшению госаппарата летом 1928 г. были сокращены 23 вида государственных комиссий (в том числе абортные при Наркомздраве), полностью ликвидировано 25 комиссий (*ГАРФ*. Ф. Р393. Оп. 67. Ед. хр. 131. Л. 49–50).

С. 191. *Чтоб на службу поступить ~ То на службе надо быть!..* — Ср. в рассказе Л. Добычина «Конопатчикова» (1923): «Чтоб на службу / Поступить, / Так в союзе / Надо быть» (*Добычин Л.И. Встречи с Лиз. Л.*, 1927. С. 88).

С. 192. *От бывших жен Капитолины Майской и Лидии Трудовиковой поступило заявление об незаконных основаниях их развода* — Привлечение контрольных органов к решению вопросов брака являлось, по-видимому,

распространенным явлением — см, например, письмо секретаря ПК ЦКК–РКИ Е.М. Ярославского писателю К. Злинченко: «Вы не впервые обращаетесь в ЦКК то по поводу ваших жен, то по поводу других жен. Вы желаете, чтоб партия разрешила бы вопрос о браке и половых отношениях к вашему удовольствию и удовольствию тех, кто нуждается в частой смене жен. У партии есть задачи и поважнее и посерьезнее, чем половые проблемы» (РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 121).

...вне комиссии мы думать на эти мысли не обязаны, как мы тогда механически становимся частными гражданами. — Отклик на статью Горького «“Механическим гражданам” СССР (Ответ корреспондентам)», адресованную «обывателю, который механически стал гражданином СССР» (Правда. 1928. 7 окт. С. 3; Известия. 1928. 7 окт. С. 2). Статья Горького вызвала огромный общественный резонанс. Театр сатиры, к примеру, в октябре 1928 г. планировал постановку комедии «Механические граждане» «по известному письму Горького» (РиТ. 1928. № 46. С. 4).

ШАРМАНКА (с. 195). — Шарманка. Ардис (США), 1975; Театр. 1988. № 1. С. 3–29. Публикация М. Анд. Платоновой.

Источники текста:

A — автограф (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 239. Л. 1–102).

M1 — машинопись с правкой автора (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 240. Л. 1–79).

M2 — авторизованная машинопись (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 1–79).

M3 — машинопись с правкой М.Ал. Платоновой (ИМЛИ. Ф. 629. Ед. хр. 241. Л. 1–79).

Датируется концом 1930 – мартом 1931 г.

Печатается по автографу с внесением исправлений по *M1*.

Текст пьесы «Шарманка» представлен автографом и сделанной с него машинописью (3 экземпляра). На автографе нет пометы для машинистки о количестве копий — вероятно, три экземпляра и было сделано. Автограф выполнен карандашом: середина пьесы — на тетрадных листах, с двух сторон (2-я и большая часть 3-й картины I акта, л. 19, 20, 22, 23, 25, 26, 28, 29, 32–39, 41, 44, 45, 47) и оборотах машинописей ранних рассказов «Иван Митрич», «Чульдик и Епишка», «Душевная ночь», «Демьян Фомич» и «Масло розы» (две последние страницы 3-й картины I акта и половина 1-й картины II акта, л. 48–57); начало и большая часть второй половины пьесы (1-я картина I акта, затем с середины 1-й картины II акта; л. 1–18, 58–73, 75, 98–101), а также вставки во 2-ю и 3-ю картины I акта (л. 21, 24, 27, 30, 31, 40, 42–43, 46) — на оборотах машинописи повести «Впрок»; несколько страниц — на писчей бумаге низкого качества (л. 74, 76–97). На первом листе одной из машинописей (*M1*) — запись Платонова: «Рукопись после машинистки не проверена». Запись зачеркнута — данную машинопись Платонов прочитал: исправил опечатки, внес небольшие дополнения, вписал пропущенные машинисткой фрагменты. В тексте осталось некоторое количество

ошибок, — Платонов не обратил на них внимание. Переносить свои исправления во вторую машинопись (М2), как он обычно делал с другими произведениями, Платонов не стал: на первом листе этой машинописи — запись, сделанная им, вероятно, после внесения исправлений в М1: «Рукопись после машинистки не выправлена; есть пропуски и опечатки». Данный экземпляр машинописи содержит только одно небольшое исправление на последней странице — к этой странице Платонов обратился, чтобы написать: «Адрес автора: Москва, проезд Художественного театра, дом № 2, кв. 14. А. Платонов». Третий экземпляр машинописи (М3) не содержит авторских помет, только позднюю правку М.Ал. Платоновой, в том числе перенесенную из М1, и проставленную на последней странице ее же рукой дату, не соответствующую реальности: «1929», — с этого экземпляра и печаталась «Шарманка» после смерти автора.

Предположение о времени создания «Шарманки» позволяют сделать детали ее контекста — сам писатель пьесу не датирует. Характер правки в автографе, наряду с бумагой, на которой он выполнен, говорит о том, что в составе автографа есть написанный ранее фрагмент — это «кооперативная» завязка действия; фабульная же экспозиция — приезд Стерветсена с Сереной за «душой» ударника — более поздняя. Ранняя часть пьесы могла появиться осенью 1930 г., после прилета в Москву 10 сентября 1930 г. немецкого дирижабля «Граф Цеппелин» и последовавшего затем объявления о кампании по сбору средств на постройку советского дирижабля, в которую с 1 октября 1930 г. в директивном порядке включились и кооперативы. Во второй, более поздний слой «Шарманки», в который входит и первая картина, написан уже в начале 1931 г., после политического процесса над так называемой «Промпартией» (ноябрь — декабрь 1930 г.), а также официального объявления 1931 г., третьего года пятилетки, — годом завершения фундамента социализма (это обстоятельство упоминается в начале пьесы). Уверенно можно назвать только время окончания работы над «Шарманкой» — конец марта или начало апреля 1931 г.: в конце II акта есть реалия марта 1931 г. (см. примеч. к пьесе, с. 699 наст. изд.). В начале мая 1931 г. пьеса упоминается как уже существующая, а летом 1931 г. Платонов включает «Шарманку» в список своих произведений.

Автограф «Шарманки» позволяет не только восстановить более ранний слой текста, но и проследить за развитием авторской идеи. Он дает основание утверждать, что в пьесе есть раннее ядро — 2-я и 3-я картины I акта, — которое можно считать ее первой редакцией. Эта часть автографа, за исключением двух последних страниц, выполнена на тетрадных листах, тогда как другие — на оборотах разных машинописей; пагинация каждой из двух картин — отдельная; основная правка — поздняя и имеет целью согласовать действие с написанной позже 1-й картиной.

Состав действующих лиц и их имена в ранней редакции пьесы были несколько иными, чем в итоговом тексте «Шарманки»: не существовало «железного человека Кузьмы»; Алеша назывался не по имени, а по фамилии — Самосцев; среди действующих лиц был персонаж, эпизоды с которым Платонов вычеркнет, — представитель рабочего класса Мучимов, пришедший на укрепление кооперации. Пьеса начиналась со сцены в кооперативе, которым

руководит Щоев; ее сюжет вращался вокруг потребительской кооперации и тех товаров, которые она предлагает населению. Этот кооператив, которому Платонов не сразу находит название: ««Светлая / Заветная / Дружная пища»» (Л. 33 об.), своим пайщикам отпускает клей и мухобойный порошок. Другой имеющийся в кооперативе товар — грибы из сои, но они «лежат в виде фонда» (Л. 23). И хотя птица и рыба буквально валяются на кооператив «Дружная пища» с неба, их не заготавливают, потому что у кооператива иная «установка» — он запланировал «организацию мясных рачьих пучин» (Л. 35 об.). В такой кооператив приходят бродячие актеры Мюд и Самосцев, у которых Евсей «отбирает пожертвование» на дирижабль, и просят их оставить — строить социализм. Затем приходит представитель рабочего класса Мучимов — и тоже остается. Тема пищи — центральная в ранней редакции, но уже здесь смысловые акценты сдвигаются с ассортимента и качества продуктов в кооперативах на пищевые суррогаты. Происходит это при следующих обстоятельствах: поскольку пролетавшие птицы «помету навалили», а «из птичьего помета заграничные химики железо и сливки делают», кооператоры решают выписать заграничного ученого, который тут же является со словами: «Мы — научность, которая знает пищу» (Л. 48). Так в действии впервые появлялись Стерветсен с дочерью. Ранняя редакция будущей «Шарманки» могла быть написана осенью 1930 г. — к этому времени привязаны все реалии отраженного в ней кооперативного быта.

Нельзя сказать наверняка, был ли перерыв в работе Платонова над пьесой, но это возможно — бумага автографа двух последних страниц 3-й картины I акта и начала II акта иная: это уже не тетрадные листы, а обороты машинописей ранних рассказов Платонова; по-иному пронумерованы страницы — во II акте Платонов продолжает пагинацию предыдущей картины; среди действующих лиц больше нет Мучимова, хотя остальной состав пока тот же. И главная особенность II акта — тема пищи разрабатывается здесь в ином ключе и обращена уже к общественно-политическому положению в стране. II акт начинается с «вечера испытания новых форм еды», который станет кульминацией пьесы. Корректировка ее основной идеи и переосмысление темы пищи произошли у Платонова, вероятно, под влиянием внешних обстоятельств.

На рубеже 1920–1930-х гг. в стране набирали темп политические репрессии. В конце 1920-х гг. еще продолжались преследования «левых» во главе с Л. Троцким. Летом 1930 г. на XVI съезде ВКП(б) «проработали» уже лишенных постов представителей так называемых «правых» — главу профсоюзов М. Томского, первого секретаря московской парторганизации Н. Угланова и одного из бывших партийных лидеров Н. Бухарина. В ноябре–декабре 1930 г., в лице группы инженеров, судят промышленную интеллигенцию. Инженерам предъявлены обвинения в попытке реставрации капитализма в СССР, подготовке интервенции и развале промышленности (процесс по делу так называемой «контрреволюционной организации “Промышленная партия”»). В лексикон времени прочно входит слово «вредители»; в осуждение «вредителей» втягивается вся страна, а также видные представители зарубежной интеллигенции. В разгар подготовки к суду по «делу Промпартии» газеты оповещают о многочисленных собраниях и демонстра-

циях трудящихся под лозунгами «Смерть вредителям» и «Вредителей расстрелять». Одновременно «Правда» публикует высказывания деятелей западной культуры («лучших представителей мировой литературы и искусства») в поддержку СССР и ее внутренней борьбы. 15 ноября 1930 г. в той же газете появляется статья М. Горького «Если враг не сдастся, его уничтожат». Вероятно, под впечатлением от этих событий Платонов сдвигает акцент в теме пицци — и обращается к происходящим в стране политическим процессам над «вредителями».

Пьеса не сразу получает название — некоторое время ее главная идея подвижна. На одной из первых страниц 1-й картины II акта, где описывается начало «вечера испытания новых форм еды», после приветственной речи Щоева, заканчивающейся словами: «Да здравствует пятилетка в 4 года!», — вверху написано: «Дирижабль» (Л. 54). Запись оформлена как название: слово начинается с заглавной буквы и подчеркнуто, а после него стоит точка; это мог быть первый, «пробный» вариант названия. Вскоре после этой записи дано рассуждение Самосцева про дирижабль, начинающееся словами: «Я люблю больше всего дирижабль» (Л. 57), и дирижабль на несколько страниц оказывается в центре общего разговора. Но еще через несколько страниц, предположительно на реплике Щоева: «Нужно иметь не любовь, а установку... *(Более задумчиво.)* Установка... Без нее давно лежал бы каждый навзничь» (Л. 62), — Платонов прерывает работу над II актом, возвращается к началу пьесы и приписывает в I акт новую 1-ю картину.

Добавленная картина начинается уже с названия пьесы и традиционно-го определения жанра: «Человек, укравший установку. / Комедия в 3-х актах. / I акт. / 1-я картина». Первое лицо, которое появляется на сцене, — тоже новое: это Кузьма, который, однако, не сразу получает свое имя. Этого героя Платонов вводит в действие сначала такой фразой: «На сцену выявляется механическая личность, в дальнейшем называемая Чугунным Человеком». На первых двух страницах Платонов продолжает называть его «Чугунный человек», но на третьей после имени «Чугунный Человек» добавляется уточнение «в дальнейшем Кузьма». И тут же Платонов исправляет само именование «Чугунный Человек» на «Кузьма» — здесь и выше. При этом определение «Чугунный Человек» сначала уходит в качественную характеристику героя. Так, фразу: «механическая личность, в дальнейшем называемая Чугунным Человеком» — Платонов исправляет следующим образом: «механическая личность — Чугунный Человек, в дальнейшем называемая Кузьмой». Однако потом, по ходу пьесы, Кузьма везде определяется как «железный». Платонов не замечает несоответствия первой фразы о Кузьме остальному тексту и не исправляет ее. В новой 1-й картине Платонов выносит в начало появление в действии Алеши (уже без фамилии «Самосцев») с Мюд, а также Стерветсена с дочерью. При этом Алеша с Мюд как группа бродячих музыкантов имеют аттракцион — «железного человека» Кузьму, придуманного Алешей; Стерветсен же сразу при появлении заявляет о цели своего визита в СССР (сначала этой мысли в пьесе не было вообще): приобрести для угасающего Запада «ударную душу», которая поднимет в нем дух, или, с той же целью, какую-нибудь советскую директиву или установку (понятия, входившие в лексикон времени; слово «установка» употреблялось в значении: «цель, направленность к чему-то»).

В связи с таким поворотом в развитии действия становится понятным промежуточное название пьесы «Человек, укравший установку». Текст в новой 1-й картине содержит много вычеркиваний. Вот наиболее значительные фрагменты 1-й картины, вычеркнутые Платоновым и не восстановленные в другом месте:

1) Алеша с Мюд встречают строителей, которые их спрашивают, кто они такие. После предположения одного из строителей: «Вы, что ж, побитрушки, что ли?» — и ответа Мюд: «Алеша, они — идиотизм деревенской жизни!..» — следующая часть диалога вычеркнута:

«Мюд. ...Мы ликвидационно-прорывочная артель! Мы играем для энтузиазма пятилетки, чтоб она веселая была!

Один из строителей. А почему ж вы играете-то?

Мюд. А потому что мы рады» (Л. 8).

2) Алеша и Мюд демонстрируют строителям Кузьму как свой аттракцион и заводят его:

«Мюд. Сначала вам нужно вынуть директивку! (*трогает ящик с бумажками, висящий на животе Кузьмы*).

Один из строителей. Это можно... (*Вынимает <нрзб> бумажку, развертывает и читает*) — «Обязуюсь больше не мучить пятилетку рвачеством и объективностью и усердно займусь делом славы, а также доблестью и геройством. К сему прилагаю подпись и пятак на культурботу с единоличными дворами» (Л. 9).

3) Появляются Стерветсен и Серена, и Стерветсен объясняет Алеше свой визит в СССР тем, что ему нужна «небесная радость земного труда» советских людей и что он собирается приобрести «ударную душу»:

«Алеша. Какая радость?

Стерветсен. А этого... бедного ударничества и энтузиазма. Как она зовется теперь у вас — душа! Плановая наметка?

Мюд. Надстройка» (Л. 13).

4) Алеша не понимает планов Стерветсена и необходимости вывозить советскую «душу» на Запад. Причину его непонимания Платонов вычеркнул:

«Алеша <...>. Мы с Мюдом не понимаем твоей хитрости. Чего тебе надо?.. Наша идея сама влезет бесплатно в бедноту. Поживи в классе — наша идея сама тебя уничтожит» (Л. 15).

Одно из свидетельств того, в какой последовательности Платонов пишет и правит пьесу, — изменения в именовании персонажей. То, что он останавливается именно на реплике Щоева об установке, чтобы приписать в I акт новую 1-ю картину, понятно не только из тематического совпадения этой реплики с названием «Человек, укравший установку», но и потому, что после нее Кузьма участвует в действии как полноправный персонаж (а не вводится туда через вставки). Второе изменение в именовании героев на переломном этапе работы коснулось Самосцева–Алеша. Как было указано выше, сначала реплики этого героя вводились исключительно фамилией «Самосцев». Но незадолго до того места, где Платонов предположительно остановился, чтобы вернуться к началу пьесы и написать новую 1-ю картину, вместо фамилии несколько раз появляется имя «Алексей», как раз до упомянутого выше монолога Щоева об установке. Был ли этот разной

в именовании следствием какого-то перерыва в работе или только решения автора отказаться от фамилии героя, сказать трудно. Но в 1-й картине Платонов сразу использует краткое имя «Алеша», а не полное «Алексей». Приписав 1-ю картину, Платонов присваивает написанным ранее картинам номера: 2-я, 3-я, — и вносит изменения в их текст: заменяет фамилию «Самосцев» на имя «Алеша» и вычеркивает упоминания о Мучимове (см. наст. изд., раздел «Редакции»). Вычеркивая ставшие ненужными фрагменты пьесы, Платонов одновременно правит ее текст — через вставки вводит в действие Кузьму и делает иные добавления с учетом изменения замысла. Наличие вставок и их обозначение — еще одно свидетельство, в какой последовательности Платонов вносит эту правку. Всего вставок в пьесу — десять. Вставки, относящиеся ко 2-й и 3-й (по итоговой нумерации) картинам, согласуют по смыслу действие с новой 1-й картиной; они пронумерованы в алфавитном порядке в такой последовательности: «Вставка А» (Л. 21), «Вставка Б» (Л. 24), «Вставка В» (Л. 27), «Вставка Г» (Л. 30), «Вставка Д» (Л. 31) — во 2-ю картину; «Вставка Е» (Л. 40), «Вставка И» (Л. 42–43), «Вставка З» (Л. 46) — в 3-ю картину. Есть еще «Вставка I к стр. 14» (в 1-ю картину I акта, л. 17) и «Вставка Р» (во 2-ю картину II акта, л. 75). При этом по характеру «Вставки Р» понятно, что она сделана одновременно с основным текстом; выбор букв вне алфавитного порядка для обозначения вставки объясняется тем, что эта вставка появилась отдельно от первых, и Платонов присваивает ей букву, далекую от их ряда. Особняком в ряду вставок стоит «Вставка I к стр. 14», которая, вероятно, является самой поздней, и о ней будет сказано ниже.

Когда Платонов, внеся во 2-ю и 3-ю картины все соответствующие исправления, возвращается к прерванному II акту, он уже включает в действие Кузьму, а его создателя именует Алешей. Имя «Алексей» перед репликами этого персонажа остается неким рудиментом, свидетельством «переходного периода». Остается еще несколько следов старого текста, не замеченных автором ни при внесении правки в автограф, ни при вычитке машинописи. Это, во-первых, уже упомянутое определение Кузьмы как «Чугунного Человека» (Л. 3). Во-вторых, изменившееся, но не исправленное количество действующих лиц в сцене с исходным участием Мучимова. Так, сначала, когда Мучимов участвовал в действии, в тексте была фраза: «Мучимов входит. С ним — Мюд и Самосцев. Все — в птичьих перьях» (Л. 38 об.), которую Платонов, вычеркнув все упоминания о Мучимове, исправляет: «Входят Мюд и Алеша. Оба в птичьих перьях», но не замечает несоответствия новой ситуации — реплике Алеши ниже, объясняющей, почему они в перьях: «Мы втроем тышу штук заготовили». В-третьих, изменившийся, но не исправленный номер картины — так, в картине, которая из 2-й стала 3-й, есть отсылка к предыдущей картине: «Нарастающий шум за сценой — что и в 1-й картине» (Л. 37), а упомянутая картина была уже 2-й.

Вернувшись к работе над II актом пьесы, которая теперь имеет название «Человек, украшавший установку» и жанровое определение «комедия», Платонов продолжает начатую в 1-й картине тему возможного воодушевления Запада с помощью «души» советского ударника или же соответствующей «директивки», а как возможный вариант — «установки». Эта тема получает

развитие в признании Щоева: «Установок на энтузиазм у нас много, почти что заговаривание получилось», — и в его согласии продать на Запад одну из них: «Что ж, идеологические установочки наши мы можем вам отгрузить, но только за валюту» (Л. 67). Но в ходе работы Платонов, видимо, опять скорректировал свою идею, так как вынесенная в заглавие кража не состоялась.

В 1-й картине Платонов углубляет идею пьесы даже по сравнению с началом II акта: прибывшие в кооператив представители западной интеллигенции уже заигрывают с СССР. Одновременно раздвигаются границы образа Эдуарда-Валькирии-Гансена Стерветсена за счет значения одного из его имен: валькирии — персонажи скандинавской мифологии, сопровождавшие души павших героев в царство мертвых; хорошо известны по опере Р. Вагнера «Валькирия», которую в 1920–1930-е гг. часто передавали по радио. Тему смерти и расширяющихся политических репрессий Платонов развивает и далее — в этом смысле показательно вычеркивание фрагмента текста, который делал эту связь очевидной. Одна из реплик Эдуарда-Валькирии, торгующегося при покупке «души», исправлена так: «Я отказываюсь от сделки на эту (указывая на Алешу) психологию. Это брак, а не надлежащая надстройка...» — дальнейший текст Платонов вычеркивает: «...Советского Союза. Правых, левых мне брать не указано: они уже, я бы сказал, заготовлены. Нам необходимы; конец последней фразы Платонов оставил: «нам полезны лишь горячие, беззаветные герои!» (Л. 92).

С точки зрения все большего обращения пьесы к внутрисполитическим событиям в стране, любопытна «Вставка I к стр. 14» (1-я картина I акта). Вероятно, эта вставка была сделана последней: она имеет другое обозначение, чем все предыдущие, пронумерованные по алфавиту. Содержание вставки вращается вокруг револьвера — Мюд просит его у Серены и берет со словами: «Кто нам сдастся, мы тому все прощаем». Вначале же никакого револьвера в пьесе не было — поэтому Платонов, сделав вставку, несколько раз вписывает в текст упоминания о нем: сначала в первую сцену появления Серены добавляет слова: «на бедре у нее изящный револьвер» (Л. 11); а потом, после передачи револьвера от Серены к Мюду, вписывает упоминания о револьвере в руках последней — добавляет слова «вынимает из своей кофты револьвер» (Л. 32 об.) и исправляет фразу: «Входит Мюд с ручкой в руке»: вычеркивает «с ручкой» и вписывает «с револьвером» (Л. 33). И только в самом конце револьвер уже сразу в тексте: «Мюд вынимает из кофты револьвер» (Л. 92). Можно предположить, что эпизод с револьвером и слова Мюда: «Кто нам сдастся, мы тому все прощаем», — написаны с ориентацией на статью М. Горького «Если враг не сдастся, его уничтожают», призывающую расправиться с представителями так называемой Промпартии: лексика и конструкция вставки воспроизводят название статьи, а содержание — итог процесса над Промпартией, участники которого признали свою вину, после чего были «прощены» — наказание им изменили и смягчили.

Закончив пьесу, Платонов вычеркивает ее предыдущее название «Человек, украсивший установку» и определение «комедия»; на новом листе пишет список «действующих людей» (именно так) с учетом устоявшихся имен героев, а перед списком «действующих людей» стоит уже новое название: «Шарманка. Пьеса в 3 действиях, в 6 картинах».

После того как пьеса была закончена, Платонов пишет еще один текст, который называется «Вст<авка> в “Шарманку”» (см. наст. изд., раздел «Редакции»). У этой вставки нет указания, куда ее вставлять, — да и нет такого места в пьесе, куда бы она подошла. Очевидно, что вставка сделана после завершения пьесы, так как соотнесена с ее последним, итоговым названием. Этот своего рода эпилог «Шарманки» — дополнительное свидетельство широты и открытости ее главной темы. «Вст<авка> в “Шарманку”» тоже увязывает тему пища со смертью, но в ином направлении, чем это было сделано в пьесе.

Пьесу «Шарманка» Платонов, вероятнее всего, не предполагал отдавать в театры — на это косвенно указывает то обстоятельство, что он внес правку только в один экземпляр машинописи, тогда как обычно вносил в два, один из которых всегда оставался дома, а второй предназначался для издательства. Никаких свидетельств о попытках Платонова предлагать ее театрам тоже не существует. Но Платонов не делал из «Шарманки» тайны — включал в свои писательские отчеты: ответы на анкеты «Какой нам нужен писатель» журнала «На литературном посту» от 27 июня 1931 г. и группкома Московского товарищества писателей от 3 января 1934 г. (*Воспоминания*. С. 286, 318. Публ. и примеч. Н. Корниенко) и давал читать современникам. На последнее обстоятельство может указывать адрес автора (см. выше) на одном из экземпляров машинописи. Об одном таком событии — чтении Платоновым «Шарманки» критику К. Зелинскому и журналисту Б. Агапову — свидетельствует сообщение в Сводке уполномоченного ОГПУ от 6 мая 1931 г.: «Зелинский сказал, что Платонов читал ему и Агапову пьесу, в высшей степени интересную, которая, однако, никогда не может быть напечатана и поставлена, ибо политическая ее установка по меньшей мере — памфлет» (*Андрей Платонов в документах ОГПУ*. С. 850–851). Нет сомнения, что речь в этом сообщении идет о «Шарманке», — других пьес, отвечающих данному описанию, в начале мая 1931 г. у Платонова не было.

При подготовке текста пьесы к публикации были исправлены следующие описки автора:

Вместо: «...механическая личность — Чугунный Человек, в дальнейшем называемая Кузьмой» — «...механическая личность — железный человек, в дальнейшем называемый Кузьмой» (наст. изд., с. 197).

Вместо: «Нарастающий шум за сценой за сценой — что и в 1-й картине» — «Нарастающий шум за сценой — что и во 2-й картине» (наст. изд., с. 211).

Вместо: «Мы втроем тыщу штук заготовили» — «Мы вдвоем тыщу штук заготовили» (наст. изд., с. 212).

Вместо: «Годовалов (*первой служащей*)» — «Клокотов (*1-ой служащей*)» (наст. изд., с. 242).

Театральная жизнь Москвы и Ленинграда сезонов 1929–1930 и 1930–1931 гг. была насыщенной и интенсивной. Кроме старых дореволюционных театров (в Москве это МХАТ; Малый; Московский драматический б. Корш и т. д.; в Ленинграде — Госдрамы б. Александринский; БДТ; Театр оперы и балета и др.), существовало много новых, появившихся уже после революции

(в Москве Театр Мейерхольда, Театр революции; в Ленинграде «Красный театр», «Молодой театр» и др.). Некоторые из новых театров претендовали на особую близость к пролетариату, лучшее его понимание и поэтому более значительную роль в современной жизни. Такие претензии выдвигали прежде всего театры Пролеткульта и ТРАМ. Эти театры, как правило, имели большое количество филиалов и театральных площадок, собственный репертуар (например, «Плавятся дни», «Целина» в ТРАМ) и авторов (в ТРАМ — Н. Львов, Н. Горбенко), свою театральную поэтику; часто состояли в своеобразной оппозиции к театрам классическим и в постоянной с ними полемике (например, ТРАМ и МХАТ). Помимо драматических театров, существовали театры с сатирической направленностью, например, Театр сатиры, Театр комсомольской сатиры, «Кривое зеркало» в Ленинграде. Театр «Кривое зеркало», как видно из названия, имел пародийную направленность: на его сцене пародировались и отдельные пьесы советских авторов, и тенденции современной драматургии. Некоторые молодые театры были передвижными (ленинградские «Красный», «Кривое зеркало», «Театр марионеток») — давали представления на разных театральных площадках.

Особенностью театральной жизни этого времени, которая, возможно, повлияла и на род занятий бродячих актеров платоновской пьесы Алеши и Мюд, являлось большое количество самодеятельных коллективов, которые часто существовали при профессиональных театрах; а также внесенная (или «затейническая») деятельность как профессиональных, так и самодеятельных театров, посылавших на те или иные участки социалистического строительства (заводы, колхозы и пр.) актерские бригады, в зависимости от решаемой задачи называвшиеся агит-проп или ликвидационно-прорывочные. В вычеркнутом фрагменте 1-й картины I акта Мюд тоже говорит: «...мы — ликвидационно-прорывочная артель!» (Л. 8). Одной из обязанностей театральных коллективов была помощь в ликвидации «прорывов» промфинплана: в 1930 г. почти все театры направляют актерские бригады на те или иные стройки пятилетки. МХАТ, например, посылает бригаду в составе В. Ардова, А. Грибова, Н. Ольшевской, В. Баталова, П. Масальского и др. для ликвидации прорыва на Сталинградском тракторостроительном заводе: «...едет 15 человек. <...> Смешно ехать на завод с таким прорывом (за сентябрь вместо 420 тракторов выпущено 20) и ждать крепкой налаженной работы <...> Ардов <...> пишет новый раек <...> Утром выступления в цехе <...> Номер, как все, что показывает бригада, работает на ликвидацию прорыва <...> Эпиграммы на рвача и прогульщика <...> В. Ардов написал буквально в экстренном порядке...» (*Гладков А. Бригада МХТ в походе // Сов. театр. 1930. № 13–16. С. 20–23*). Три актерские бригады тот же МХАТ посылает в колхозы (*Марков П. Задачи МХТ // Сов. театр. 1930. № 11–12. С. 47*) и т. д.

Такая общественная активность театров в первую пятилетку была следствием государственной политики: театр заслуженно считался оружием культурной революции, создателем ценностей идеологического порядка, опорой и трибуной партии в проведении таких «кампаний», как коллективизация, индустриализация, переход предприятий на непрерывную неделю и т. д. Обилие «прорывов» на производстве приводит к тому, что 3 сентября

1930 г. ЦК ВКП(б) обращается к театрам с просьбой о помощи. В результате — «работники искусства в течение нескольких дней двинули десятки бригад на заводы, в шахты, в железнодорожные мастерские на помощь по ликвидации прорывов второго года пятилетки» (Не кампания, а система [Ред. статья] // *ПуТ.* 1930. № 52–53. С. 2). Такое участие в производственном процессе становится для театров нормой.

К ликвидационно-прорывочным близки по целям агит-проп-бригады, идея создания которых принадлежала ТРАМ. Их задача — создание агитационно-пропагандистских зрелищ на темы основных политических кампаний; зрелищ, бьющих в цель «коротким ударом» (*Авлов Гр.* На фронте самодеятельного искусства // *ПуТ.* 1930. № 37. С. 2). Для такой массовой деятельности у ТРАМ было достаточно сил в лице самодеятельных театров, которые, в противовес драмкружкам, назывались трам-ядра и даже в этом выражали характерную для данного театра эпатажность. Движение агитбригад начало оформляться весной 1930 г., а уже к лету только в Москве существовало шестьдесят агитбригад, на счету которых было свыше пятидесяти выступлений, посвященных выполнению промфинплана; сорок выступлений о пятилетке, десятки выступлений о коллективизации и весенней посевной кампании. Активность агитбригад привела к созданию «Штаба по художественному обслуживанию массовых политических, хозяйственных и культурных кампаний» (*Сотников Н.* Фронт массового искусства // *ПуТ.* 1930. № 41. С. 9); среди этих кампаний называются: коллективизация, всеобщее начальное обучение, ликвидация неграмотности, День Урожая, МЮД, пятилетка в 4 года; популяризация решений XVI партсъезда и т. д. Маленькая агитбригада «Шарманки» в лице Алеши и Мюд тоже собирается решать агитационно-пропагандистские задачи и «петь в колхозах о пятилетке, об ударниках» (наст. изд., с. 236).

В свете задачи, которую власть ставила перед театром: служить «орудием, которое помогает нам изменить действительность сообразно идеалам пролетариата, сообразно идеалам нашего социалистического строительства» (*Боярский Я.* Советская драматургия в реконструктивный период // *Сов. театр.* 1930. № 13–16. С. 11), — понятно ее повышенное внимание к тому, что театры предлагали советскому зрителю. Поэтому репертуарные планы всех театров обязательно должны были включать пьесы на современные темы (так называемая тематика реконструктивного периода: реконструкция производственной базы, реконструкция сельского хозяйства, реконструкция социально-бытовых норм жизни, реконструкция психики советского человека). Однако, с точки зрения охвата советской тематики, сезон 1929–1930 гг. признан «прорывным и отрывным от действительности» (14<-й> год — год перелома [Ред. статья] // *Сов. театр.* 1930. № 13–16. С. 1), так как, по признанию театральной критики, удачных постановок на темы современности он не дал. Вот некоторые из спектаклей, которые можно было увидеть на сценах Москвы и Ленинграда в 1930 г.: «Три толстяка» (МХАТ, БДТ) и «Заговор чувств» (Театр им. Вахтангова) Ю. Олеси; «Чудак» (Ленинградский театр Госдрамы) А. Афиногорова; «Вьюга» (Малый театр) М. Шимкевича; «Ледолом» (Театр УМЗЛ) Н. Крашенинникова; «Плавятся дни» (ТРАМ) Н. Львова; «Целина» (ТРАМ) А. Горбенко и Н. Львова; «Шторм» и «Голос

недр» В. Билль-Белоцерковского, «Хлеб» В. Киришона (МХАТ, БДТ); «Первая конная» В. Вишневого, «Выстрел» А. Безыменского, «Диктатура» И. Микитенко, «Ярость» Е. Яновского (Ленинградский театр Госдрамы); «Темп» и «Дерзость» Н. Погодина, «Линия огня» Н. Никитина (БДТ, Государственный камерный театр в Ленинграде); «Мой дом» В. Воеводина и Е. Рысса (Ленинградский театр сатиры); «Табун знаменитостей», или «Стая славных», Е. Рындина (Театр сатиры, Театр комсомольской сатиры, Ленинград); «Вернись, я все прощу!» Л. Иерихонова («Кривое зеркало», Ленинград); «Слоны идут» И. Штока («Красный театр», Ленинград); «Самоубийца» Н. Эрдмана, «Человек с портфелем» А. Файко, «Клоп» В. Маяковского и «Дон Карлос» Ф. Шиллера (БДТ) и др. Театр Мейерхольда, в репертуаре которого «Клоп» и «Баня» В. Маяковского, «Выстрел» А. Безыменского и др., в 1930 г. гастролирует за рубежом.

Как видно из этого не полного перечня, театры ставили пьесы и зарубежных писателей, и советских авторов — как старые, так и новые. В конце театрального сезона театры отчитываются о своем репертуаре, подчеркивая наличие в нем современной тематики. Особенно стараются преуспеть в этом старые, классические театры, которым советская тематика дается не просто. Так, Малый театр рапортует: «Малый театр рядом постановок показал стремление овладеть советской тематикой» (Вьюга // *Сов. театр*. 1930. № 8. С. 26. Подпись: *Н.О.*); если в сезоне 1928–1929 гг. основными постановками Малого были «Горе от ума», «Мещанин во дворянстве» и «Растеряева улица», то в сезоне 1929–1930 гг. — это современные «Вьюга» и «Ледолом». МХАТ, за свой репертуар и прославленный «мхатовский психологизм» являющийся постоянной мишенью ультрапролетарских театров типа ТРАМ, тоже спешит объявить о своей причастности к советской тематике: «В ближайшем сезоне МХТ ставит “Хлеб” Киришона и “Дерзость” Погодина» (*Марков П. Задачи МХТ // Сов. театр*. № 11–12. С. 47).

Неудивительно, что у классических театров были проблемы с современным репертуаром: хороших пьес с «тематикой реконструктивного периода» просто не было. Это, с необходимыми оговорками, и вынуждена признать критика — она говорит о появлении в театрах, «наряду с социально значимыми пьесами, приспособленного репертуара» (Коллегия Наркомпроса о репертуаре гостеатров // *Сов. театр*. 1930. № 13–16. С. 7). Та же театральная критика отмечает, что большинство пьес, которые ставились в театрах, написаны по одной из трех схем: «вредительская» («Человек с портфелем», «Выстрел», «Темп»), «индустриальная» («Темп», «Нефть») и «колхозная» («Диктатура», «Хлеб», «Ярость»). В некоторых пьесах эти «схемы» соединяются («Темп»). Особенно много пьес дала «вредительская» схема. Примеры их приводит М. Янковский в статье «Драматургия на перевале»: кроме названных выше, это «Огненный мост», «Воздушный пирог», «Инженер Мерц», «Бубус», «Рельсы гудят», «Луна слева». Обращение молодых советских драматургов к теме «вредительства» не удивительно — политическая печать давала для нее богатый материал: только крупных политических процессов над «вредителями» в 1928–1931 гг. было несколько. Поэтому драматург, желающий быть современным, очень легко мог это сделать на теме «вредительства» и найти материал для своей пьесы в газетах.

Однако причину популярности «вредительской» тематики М. Янковский видит не в ее особой актуальности, а в драматургической простоте подобного сюжета: «“Вредительская схема” не случайно породила бесчисленное количество пьес. Внешняя, мелодраматическая сложность “вредительской” пьесы позволяет строить ее по старому канону, элементарно определив ее советское “место действия” и “индустриальную” счастливую развязку» (Янковский М. Драматургия на перевале // *ПуТ.* 1930. № 39. С. 2). И действительно, практически во всех пьесах этого времени основным событием и главной интригой сюжета является вредительская акция. М. Янковский характеризует схему «вредительского спектакля» так: «...мы строим, поднимаем производство, вредитель всяческих мастей нам мешает; мы учимся, как разглядеть его, мы уничтожаем его и тогда производство поднимаем». И делает вывод: «Проблема вредительства не снята с очереди, но уже политически неверно искать во вредительстве корень всех бед» (Там же).

Основные пьесы и наиболее популярные темы сезона 1929–1930 гг.: «Хлеб» (о хлебозаготовках и вредительстве) В. Киришона; «Линия огня» (об индустриализации и вредительстве) Н. Никитина; «Диктатура» (о коллективизации, сопротивлении кулачества, взаимоотношении города и деревни) украинского автора И. Микитенко; «Ярость» (о коллективизации, сопротивлении кулаков) Е. Яновского — пьеса, которую много ставят и даже пародируют; «Выстрел» (о вредительстве) А. Безыменского; «Темп» (об индустриализации и вредительстве) и «Дерзость» (о строительстве комсомольской бытовой коммуны) Н. Погодина; «Вьюга» (об индустриализации, сопротивлении уходящих классов и вредительстве) М. Шимкевича; «Табун знаменитостей» (о халтурщиках среди ударников) Е. Рындина; «Слоны идут» (об участии молодежи в социалистическом соревновании) И. Штока.

Несмотря на то что практически ни одна актуальная проблема современности не обойдена вниманием со стороны театра, далеко не все в произведениях современных драматургов устраивает критику. Претензии, которые она высказывает, относятся, во-первых, к тематике; во-вторых, к качеству самой драматургии. Не затронутые театром темы перечисляются на страницах соответствующих журналов: новая техника, социалистическое отношение к труду, ликвидация округов (*Боярский Я.* Советская драматургия в реконструктивный период // *Сов. театр.* 1930. № 13–16. С. 11); «проблема о базисе и надстройке», т. е. какие сдвиги происходят в сознании человека «на основе коллективизации», «на основе новой техники фабрик и заводов» — «...художника должна интересовать важнейшая проблема о базисе и надстройке» (*Боярский Я.* Искусство третьего года // *ПуТ.* 1930. № 52–53. С. 6).

В перечне незатронутых театром тем странно встретить именно последнюю — сдвиг в «надстройке», т. е. в сознании человека, под влиянием строительства социализма: буквально в каждой современной пьесе речь шла именно об этом. Так, например, главную тему «Пьесы о топоре» Н. Погодина «Рабочая газета» определяет как «идейный рост» неорганизованных рабочих «в процессе заводской работы», «перековка человека (поднятие его на высшую ступень)» (*Валерин С.* «Поэма о топоре»: Новая постановка театра Революции // *Раб. газ.* 1931. 12 февр. С. 4). И комедия «Темп» того же автора — об изменении в сознании отсталых рабочих, превращении их, под

влиянием производственной реконструкции, в носителей идей социалистического соревнования.

Тема «надстройки» и изменений в психике современного человека — главная и в «Шарманке». Эта тема заявлена уже на первых страницах пьесы — именно «надстройку» хочет приобрести в СССР Стерветсен: «Надстройка!! Мы ее хотим купить в вашем царстве...» (наст. изд., с. 201); и от нее же он отказывается в конце: «Это брак, а не надлежащая надстройка» (наст. изд., с. 238). Но Платонов видит проблему «надстройки» совершенно иначе, чем многие его коллеги по театральному цеху, — он соединяет в «Шарманке» две актуальные для драматургии темы, изменений в «надстройке» и «вредительства»: в кульминационной сцене бала с «испытанием новых форм еды» его участники едят «вредителей» — и становятся «вредными». Так необычно и даже полемично по отношению к установившимся драматургическим шаблонам решает Платонов поставленную перед театром задачу — показать изменения, которые происходят в психике современного человека.

В связи с актуальностью для театра этой задачи следует сказать о пьесе А. Афиногенова «Страх», написанной в конце 1930 г., — то есть в то же самое время, что и «Шарманка», и на ту же самую тему отрицательных изменений в «надстройке». Многие реплики героев «Страх» поражают даже больше, чем «Шарманки»: мысль о нравственном падении современного человека звучит здесь открытым текстом. Место действия пьесы — Институт физиологических стимулов, одна из сотрудниц которого, партийка Елена, предлагает организовать лабораторию по изучению поведения современного человека. В согласии с официальной точкой зрения, она убеждена: «Наша политика переделывает людей; умирают чувства, которые считались врожденными... Исчезают зависть, ревность, злоба, страх... растет коллективизм, энтузиазм, радость жизни — и мы помогаем росту этих новых стимулов...» (Афиногенов А. Страх. М.—Л., 1931. С. 20–21). Но у научного руководителя института Бородина иное мнение о современных людях: «Что сделалось с людьми <...>? Сыновья отказываются от матерей...» (Там же. С. 18); «Люди разлагаются на глазах — трупы отравляют воздух» (Там же. С. 56). Герман, один из учеников Бородина, поддерживает идею исследования: «Вскройте стимулы людского безумия» (Там же. С. 18). Бородин соглашается на эксперимент, предложенный Еленой: «Мы организуем лабораторию людского поведения. <...> Лаборатория докажет, что вся жизнь идет черт знает как, что мы в пропасть катимся» (Там же. С. 18). Герман уточняет: «Наша лаборатория людского поведения докажет, что система советского управления людьми никуда не годится <...>?» (Там же). В итоговом докладе о работе лаборатории Бородин говорит: «Мы решили <...> проанализировать, какие стимулы лежат в основе поведения современного человека <...> ...Общим стимулом поведения 80% всех обследованных является — страх <...> Молочник боится конфискации коровы, крестьянин — насильственной коллективизации, советский работник — непрерывных чисток, <...> работник техники — обвинения во вредительстве. Мы живем в эпоху великого страха. <...> Мы все кролики» (Там же. С. 66–67). Еще один свидетель эксперимента дополняет этот вывод: «Создается другая порода людей»

(Там же. С. 81). И важно, что в конце пьесы Бородин выступает с критикой своего доклада: после тюрьмы, которая последовала за его выступлением, ничего другого ему не остается. Слова о том, что «люди разлагаются на глазах», страна «катится в пропасть», а «система советского управления людьми никуда не годится», прозвучали.

Несмотря на неслыханную дерзость пьесы, театры стали активно ее ставить. Существует даже рассказ о том, как своей смелостью пьеса Афиногенова вернула на сцену уже снятые «Дни Турбиных»: когда в 1932 г. Сталин выслушал отчет Кагановича о просмотре им в Художественном театре пьесы Афиногенова «Страх», он сказал: «Если можно ставить “Страх”, то почему нельзя ставить “Дни Турбиных”?» (*Любимов Н. Неувядаемый цвет. Книга воспоминаний. Т. 1. М., 2000. С. 243*), — и отдал приказ о возвращении на сцену булгаковской пьесы.

Надо отдать должное современникам А. Платонова — некоторые из них допускали и смелую мысль, не укладывающуюся в общепринятые схемы; и высмеивание тенденций современной драматургии; и весьма едкие шутки в адрес тем «реконструктивного» периода. В связи с этим особого внимания заслуживает репертуар сатирических театров. От советской сатиры критика требует одного — чтобы эта сатира была дружелюбной: «...утвердить новую сатиру, сатиру не просто дружелюбную, но всеми своими корнями, всеми своими интересами и симпатиями уходящую в творческое дело пролетариата» (*Табун знаменитостей // ПуТ. 1930. № 60–61. С. 10. Подпись: С. Стр*). И часть комедий действительно такая — например, «Табун знаменитостей» Е. Рындина, которую в 1930 г. много ставят, в том числе ленинградский Театр комсомольской сатиры. Но не все авторы и не всегда следуют этому требованию: в отдельных пьесах, видимо, бывали, хотя и редкие, выходы в область политики. Так, в периодике упоминаются спектакли Театра сатиры (Ленинград) «Где зарыта собака» (классифицирован как среднее между политической сатирой и пародией на колхозные пьесы, в основном на пьесу «Ярость») и «Мой дом» (объект сатиры — дома коммуны; финал пьесы в критике назван вредительским, т. к. члены коммуны показаны голодающими).

Отмечая проявления независимости в театральной жизни 1930 г., нельзя забывать, что в Ленинграде существовал театр пародии «Кривое зеркало», — его часто упоминает ленинградский журнал «Рабочий и театр», как правило, в критическом плане. Театр возник в 1908 г., в 1920-е гг. возобновил свою деятельность. С самого основания «Кривого зеркала» его задачей была критика пошлости в театре. Эта же задача стояла перед театром и на рубеже 1920–1930-х гг. Вот названия некоторых пьес, которые в это время шли в «Кривом зеркале»: «Вернись, я все прошу!», «Сукины дети», «Любовь Аржаная».

Еще одно событие театральной и литературной жизни 1930–1931 гг. — дискуссия о творческом методе: «Проблемы творческого метода, волнующие сейчас литературу и драматургию, — вплотную поставлены и перед театром» (Перед лицом сезона [Ред. статья] // *Сов. театр. 1930. № 11–12. С. 1*). Своим ведущим методом театр, вслед за литературой, признает диалектико-материалистический, что в самом общем виде означает: изображать

действительность в ее диалектическом развитии. Авторы, пишущие на тему диалектико-материалистического метода, жонглируют понятиями «движение», «единство и борьба противоположностей», «переход количества в качество», «отрицание отрицаний» и цитируют Г. Гегеля и Ф. Энгельса. Драматурги стараются идти в ногу со временем и писать в согласии с требованиями метода, при этом наиболее легко дается им отражение одного закона диалектики — «борьба противоположностей». Такими «противоположностями» в пьесах конца 1920-х гг. становятся кулаки и колхозники, представители враждебных классов и передовые рабочие, которые пребывают в состоянии постоянной борьбы.

Театральную жизнь эпохи во многом характеризует внутреннее противостояние, даже борьба между некоторыми театрами, и прежде всего — между ТРАМОм и МХАТОм. Это противостояние постепенно входит в рамки дискуссии о творческом методе, в которой глава ТРАМ Адриан Пиотровский, по откликам в театральной печати, ведет себя «на правах заведующего диалектическим методом на театре» (*Рафаилович В. С* Энгельсом помолимся // *ПуТ*. 1930. № 54–55. С. 4). Об экспериментах Пиотровского пишут с иронией: «новая школа диалектики Пиотровского», «он возглавляет бунт против догматического театра, пляшет на развалинах МХТа» (Там же). Поиски трамбовской драматургии идут в основном в области формы: Пиотровский хочет ставить не пьесы, а «диалектические представления», которые делятся не на акты, а на «круги»; этих «кругов» — много; как результат — наплывы, многоплановость действия. Сторонники театра подают его эксперименты в положительном свете, но наиболее распространенная точка зрения на поиски ТРАМ в области применения диалектико-материалистического метода звучит приговором: формализм и механистичность (*Глебов Ан.* На фронте драматургии // *Сов. театр*. 1930. № 13–16. С. 39).

Дискуссия о диалектическом методе не могла пройти мимо Андрея Платонова — слишком много уделялось этому внимания. Шутки на темы диалектики прямым текстом звучат в рассказе «Отмежевавшийся Макар» (1930) и в повести «Ювенильное море» (1932). В «Шарманке» нет ни открытого обращения к теме, ни типичных для драматургии этого периода диалектических «драк» противоположных групп людей, но изображение действительности в диалектическом развитии там есть — по характеристике метода А. Афиногеновым: «Диалектический метод обязывает нас к изучению явлений в их движении, при котором индивидуальные векторы то и дело смещаются, обнаруживая новые свойства, новые стороны предмета, невидимые с неподвижным индивидуальным вектором» (*Афиногенов А.* Творческий метод театра // *Сов. театр*. 1930. № 11–12. С. 10). Именно так Платонов и пишет «Шарманку» — представляя явления в их движении. В качестве примера можно привести тему пищи, «вектор» которой сдвигается, указывая и на положение дел в области питания, и на тенденции современной политики, и на происходящие под ее влиянием изменения в «надстройке».

Несмотря на глубину и серьезность проблематики, «Шарманка» — комедия. Комедией ее называет сам Платонов на промежуточном этапе работы над пьесой (см. выше). И в этом «Шарманка» тоже отвечает тенденциям современной драматургии: большинство пьес того времени заявлены как

комедии, даже если их действие построено на трагических событиях — таких, как самоубийство в комедии А. Безыменского «Выстрел» или суд и ссылка в комедии Н. Погодина «Темп».

Заглавный образ пьесы — возможно, случайно — пронизан театральными контекстами времени. Так, на рубеже 1920–1930-х гг. в Ленинграде выступал дуэт под названием «Злободневная шарманка» — два актера, Смирнов и Вишневецкая, под аккомпанемент шарманки пели песни на современные темы (Эстрада // *РиТ*. 1930. № 37. Обложка. С. 4; *Морозов Ю.* Эстраду коллективизировать // *РиТ*. 1930. № 43. С. 6): первоначально Алеша с шарманкой и Мюд путешествовали вдвоем и тоже пели «на злобу дня» — «о пятилетке, об ударниках». Кроме того, одним из драматургических шаблонов времени было противопоставление нового строящегося мира — миру уходящему. Каждый получал свое звуковое сопровождение; например, в пьесе «Ярость», популярной в сезоне 1930 г., для нового строящегося мира (колхоз) это громкоговоритель, для мира уходящего (кулаки и подкулачники) — колокольный звон. В пьесе «Вьюга», действие которой происходит в городе Тарантасе на реке Вьюга, где строится тарантасский комбинат, «новому миру» (строители комбината) противопоставлен «мир уходящий» (лавочник, мельник, монах и т. п.), символом которого является шарманка: шарманка играет за сценой как музыкальное выражение старой жизни и ее лебединая песня.

Платонов, конечно, учитывал и те смыслы, которые стояли за образом шарманки и шарманщика в русской литературе, в основном негативные: автоматизация человеческой жизни, омертвление души, механизация поведения, бездуховность и бессодержательность культуры; шарманка как аллегория российской истории и пессимистическая метафора угасания цивилизации (см. об этом: *Яблоков Е.А.* Вечная музыка («Шарманочная» тема в русской литературе и пьесе А. Платонова «Шарманка») // Универсалии русской литературы. Сборник статей. ВГУ, 2009. С. 539–572). С мотивом аллегории цивилизации связан и образ шарманки в поэме С. Есенина «Страна негодяев» (1922–1923), на который Платонов тоже мог ориентироваться: «Старая гнусавая шарманка / Этот мир идейных дел и слов»; его он использует в статье 1938 г. «О “ликвидации” человечества»: «крутить шарманку цивилизации» (указ.: *Корниенко Н.В.* Комментарии // *Платонов А.* Дураки на периферии: Пьесы, сценарии. М., 2011. С. 692).

С. 195. *Шарманка* — старинный механический прибор для воспроизведения записанных на него музыкальных произведений; инструмент бродячих музыкантов, простой в употреблении. Представлял собой ящик; внутри в несколько рядов размещались трубки, меха и валик, на который было записано несколько мелодий. К валику прикреплялась ручка, расположенная у шарманки сбоку. Вращая ручку, шарманщик многократно воспроизводил одни и те же мелодии. Шарманщики бродили по городам и селам и зарабатывали себе на жизнь. В России шарманки появились в начале XIX в.; в 1920-е гг. ассоциировались с уходящей жизнью.

...кооперативные агенты-заготовители — люди, специально занимающиеся заготовкой продуктов потребления для реализации в потребкооперации;

см., например: «Свои заготовки Ростово-Нахичеванское ЕПО ведет через специальный штат агентов в районах (на базарах) Северного Кавказа» (*Сokolov Ф.* Мясное хозяйство Ростово-Нахичеванского ЕПО // *Союз потр.* 1928. № 1. С. 97).

Выдвиженец (-нка) — выходец из рабоче-крестьянской среды, выдвинутый на руководящую должность или ответственную работу для идеологического укрепления того или иного производственного участка. В 1930 г. в связи с чистой госаппарата «выдвижение» как мера по его оздоровлению усиленно пропагандировалась, а количество выдвиженцев в управляющих структурах возросло (см. об этом примеч. к с. 207).

Люди из кооперативного населения. — На рубеже 1920–1930-х гг. государственная торговля в стране осуществлялась через потребительские кооперативы, которые финансировались одновременно как государством, так и самим населением. Чтобы иметь преимущественное право на приобретение имеющихся в кооперативе товаров, нужно было стать его членом, внести «пай» определенного размера (подробнее об этом см. примеч. к с. 203), поэтому рядовые члены кооператива назывались «пайщиками». Работу кооператива организовывал аппарат кооперации (председатель, правление, кооперативное бюро, продавцы). Совокупность всех этих людей и составляла *кооперативное население*.

...культурработник с музыкой. — *Культработник* — человек, занимающийся культурно-массовой работой, преимущественно — вопросами политического воспитания населения. Большое значение в этой работе придавалось музыке: «Музыка является лучшим средством организации масс, воздействия на волю и чувства слушателей как через музыкальное содержание произведения, так и через текст. Музыка является не только развлечением, но и серьезным политическим орудием» (*Салтанов Ю.* Граммофон — на службу социалистическому строительству // *Дер. театр.* 1930. № 7. С. 21).

Мюд — аббревиатура названия дня молодежи: «Международный юношеский день». Международный юношеский день как праздник молодежи учрежден в 1915 г. и с тех пор отмечался ежегодно в первое воскресенье сентября; в преддверии празднования перед молодежью ставились определенные задачи. В 1930 г. отмечали XVI Мюд — 7 сентября: «...в первое воскресенье сентября празднуется МЮД. <...> Содержанием XVI МЮД является: защита Советского Союза от намерения империалистов помешать строительству социализма в СССР...» (Навстречу грядущим боям [Ред. статья] // *ЛГ.* 1930. 5 сент. С. 1).

Эдурд-Валькирия-Гансен Стерветсен... — *Валькирии* — персонажи скандинавской мифологии, сопровождавшие души павших в бою героев в царство мертвых. Имена «Валькирия» и «Стерветсен» Платонов использовал также в наброске «Как класс» — Валькирия Кирилловна Стерветсен (см. наст. изд., раздел «Наброски»).

...девушки-осоавиахимовки. — Осоавиахим — массовая политическая организация «Общество содействия обороне и авиационно-химическому строительству»; в своем окончательном виде возникла в 1927 г. из слияния двух обществ: «Авиахим» (Общество содействия авиации и химической обороне) и ОСО (Общество содействия обороне). Как отмечается в периодике

времени, «Осоавиахим представляет собой организацию пролетарской общест­венности, созданную в целях организованной массовой подготовки к оборо­не страны на общественных началах» (*Баранов А.* Профсоюзы и Осоавиахим // *Культ. рев.* 1929. № 13. С. 19). Основная цель Осоавиахима — массовое военное обучение молодежи. Осоавиахим проводил маневры, походы, воен­зированные выходы в поле. Особое значение придавалось вовлечению в Общество женщин — съезд Осоавиахима поставил задачу: довести удель­ный вес трудящихся женщин в рядах Общества к 1 февраля 1930 г. до 25 процентов.

Кольцевой почтальон — почтальон, рабочий маршрут которого пред­ставляет собой кольцо. Такой маршрут часто был у деревенского почтальона, так что существовало понятие «деревенской кольцевой почты».

...на флаге нарисовано кооперативное рукопожатье... — Создание по­требительской кооперации в СССР в 1920-е гг. проходило под лозунгом Ле­нина о том, что кооперация — это смычка рабочих и крестьян. Цель «смыч­ки» средства массовой информации формулируют тоже словами Ленина: «Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед...» (Смычка. 1925. № 1. С. 3). Общепринятое эмб­лематическое изображение той «смычки» — рукопожатие рабочего и кол­хозника: крестьянин (иногда с мешком муки) и рабочий (иногда — рядом с трактором) жмут друг другу руки, или просто две руки, пожимающие одна другую (см.: Смычка. 1925. № 6. С. 14).

С. 197. *На сцену выявляется механическая личность...* — Понятие «механическая личность» находилось на пересечении нескольких культурно-исторических контекстов конца 1920-х гг. Во-первых, в конце 1920-х гг. были созданы первые роботы, названные «механическими людьми»; сообще­ния о «механических людях» появлялись в советской периодике — с упоми­нанием изобретателя слова «робот» чешского писателя-фантаста К. Чапека: «Так назывались механические люди, которые — по Чапеку — взбунтова­лись против живых людей и всех их уничтожили. Техника последних месяцев осуществила первую часть комедийных предсказаний Чапека, создав такие механизмы, которые с известным основанием можно назвать механически­ми людьми» (*Дрожжин О.* Техника будущего // 30 дней. 1929. № 3. С. 74). Рядом с сообщением помещена фотография человека, гуляющего в сопро­вождении женщины, с подписью: «Инженер Робертс, прогуливающийся по улицам Лондона вместе с построенной им механической женщиной» (Там же).

Кроме того, понятие «механические граждане» — ставшее крылатым выражение М. Горького; вошло в список «новых слов» рубрики «Слово­строй» в журнале «30 дней», с такой характеристикой: «Механические граждане — выражение Горького в статье (Известия ЦИК СССР и ВЦИК, 1928) — о лицах, имеющих с Советским Союзом не органическую, а меха­ническую связь» (Словострой // 30 дней. 1931. № 1. С. 94). «Механических граждан» Горький упоминает и в ряде других своих статей, в том числе — в статье «Если враг не сдается — его уничтожают»: «Механические граждане злорадно подмечают мелкие ошибки» (*Горький М.* Если враг не сдается — его уничтожают // Правда. 1930. 15 ноября. С. 2).

И наконец, механические куклы большого размера — элемент агитационного театра кукол, получившего распространение сразу после революции. Использовались и в более поздние времена; в 1927 г. при праздновании десятилетия Октябрьской революции в демонстрации принимал участие грузовик с куклами «Англия», «Польша», «Америка», «Франция», «Гидра империализма». Такие куклы являлись аллегорическими фигурами с элементами «интерактивности»: «Как правило, аллегорические фигуры были подвижными, зачастую “вступали в диалог” со зрителями» (*Смирнова Н.И.* Советский театр кукол 1918–1932 гг. М., 1963. С. 149). К куклам большого размера прибегали и в более рядовых ситуациях повседневной жизни: «Опыт кукольников, успешно выступающих во время революционных празднеств и народных гуляний, используется в 20-е годы и при организации заводских и фабричных вечеров, карнавалов, при открытии городских парков культуры и отдыха» (Там же. С. 151).

... скоро будет социализм — тогда все обрадуются. — Окончание второго года первой пятилетки было ознаменовано заявлением на официальном уровне о вступлении страны в период социализма: «Тот факт, что мы вступили в период социализма, зажигает огнем сердца миллионов» (*Энштейн С.* Мы вступили в период социализма // Правда. 1930. 16 дек. С. 3); «Мы вступили уже в период социализма» (Решающая победа близка [Ред. статья] // Правда. 1930. 21 дек. С. 1). Мысль о близости социализма повторяется в печати в течение всего 1931 г.

Осталось идти нам немного: Построен счастливый наш дом... — О строительстве дома как метафоре строительства социализма см. примеч. к повести «Котлован»: *Сочинения, 4(1).* С. 529–531.

... у меня сердце заболело оттого, что я оторвалась от масс... — Оторваться от масс — одно из устойчивых выражений времени; употреблялось, в частности, И. Сталиным; например, в «Правде» крупными буквами напечатана такая цитата: «Не декретировать движения масс, не отрывать от масс, а двигаться вместе с массами и двигать их вперед, подводя их к нашим лозунгам и облегчая им убеждаться на своем собственном опыте в правильности наших лозунгов. *И. Сталин*» (Правда. 1930. 15 мая. С. 3).

С. 198. *Опportunка ~ Рвачка... Бес-прин-ципщина... Правый-левый элемент...* — наиболее распространенные на рубеже 1920–1930-х гг. обвинения идеологического порядка. Об *опportunизме* см. примеч. к повести «Ювенильное море»: *Сочинения, 4(1).* С. 613–614. *Рвачом* называли того, кто стремился извлечь из своей работы побольше личной выгоды, которую ставил выше общих интересов. Обвинение в *беспринципщине* появилось в ходе внутрипартийной борьбы за власть в ВКП(б) во второй половине 1920-х гг. — по отношению к тем деятелям партии, которые, под давлением обстоятельств этой борьбы, меняли свою точку зрения на вопрос о путях строительства социализма в СССР; обычно употреблялось вместе с обвинением в двурушничестве. Так, ряд членов партийного руководства — Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Г.Л. Пятаков, К.Б. Радек, Е.А. Преображенский и др. — в 1926–1927 гг. выступали с заявлениями против «генеральной линии» партии и объединялись в «блок» с Л.Д. Троцким, т. е. вели так называемую «фракционную политику», за что были исключены из партии. После исключения опубликовали

в печати заявления о признании своих ошибок и были восстановлены в правах членов ВКП(б). Однако вскоре после этого были обвинены в лживости и беспринципности. Вот как это описано в «Кратком курсе» истории ВКП(б): «...эти господа, еще до подачи своих заявлений, перестали быть политическим течением, готовым отстаивать перед народом свои взгляды, и превратились в безыдейную карьеристскую клику, готовую <...> восхвалять чуждые ей взгляды партии на глазах у всех. <...> Троцкистско-зиновьевские “активные деятели” оказались политическими мошенниками, политическими двурушниками. <...> Политические двурушники представляют беспринципную клику политических карьеристов, готовых опереться на кого угодно <...> для того, чтобы в “подходящий момент” вылезть вновь на политическую сцену» (*Краткий курс*. С. 277, 278). В феврале 1929 г. в беспринципности был обвинен Н.И. Бухарин (а также А.И. Рыков и М.П. Томский) — за то, что вел секретные переговоры с Л.Б. Каменевым. В 1930 г. это же обвинение выдвигается против М.Н. Рютина на том основании, что он «вчера обвинял партию в троцкизме», а сегодня — объединяется с троцкистами (Двурушников — вон из партии // *Крест. газ.* 1930. 1 ноября. С. 3). Список партийных деятелей, оказавшихся «беспринципниками» и «двурушниками» в своих политических взглядах, все время расширяется; официальная позиция «генеральной линии» по отношению к таким беспринципным членам партии жесткая: «...сейчас, когда имеется множество фактов двурушничества, предательства партии со стороны правых и “левых” оппортунистов (Рютин, Слепков, Нусинов, Каврайский). Мы будем еще решительнее бороться с оппортунистическими предателями, будем стаскивать маски с двурушников и гнать их вон из ленинской партии» (*Федотов В.* В полосе социализма // *Прожектор*. 1930. № 30. С. 3). Но постепенно обвинение в беспринципности и двурушничестве начинает употребляться и шире внутрипартийной борьбы — например, так говорят о тех культработниках и профсоюзных деятелях, которые только повторяют лозунги, но не ведут никакой работы в этом направлении: «такие культработники <...> являются настоящими двурушниками» (*Свенцицкий В.* Изгнать оппортунизм и двурушничество из культуры союзов // *Культ. рев.* 1930. № 34–35. С. 13). Во время процесса над «промышленной партией» (ноябрь – декабрь 1930 г.) обвинение в «двурушничестве» распространяется и на обвиняемых по этому делу: газеты выходят с лозунгом: «Долой двурушников, играющих на руку предателям и контрреволюционерам!» (*ВМ.* 1930. 13 ноября. С. 1). Правый-левый элемент — член образованного в 1930 г. оппозиционного партийного блока, в который входили две группы крупных партийных деятелей; во главе одной стояли С.И. Сырцов и В.В. Ломинадзе, которые критиковали сталинскую политику первой пятилетки «справа»; вторую возглавлял Л.А. Шацкий, критиковавший «генеральную линию» партии «слева». Этот оппозиционный блок И. Сталин охарактеризовал как «право-“левацкий”». 12 ноября 1930 г. выходит постановление об исключении из рядов ВКП(б) С.И. Сырцова и В.В. Ломинадзе; основание для исключения — обвинение в «формальном признании своих ошибок», что было названо «двурушнической тактикой» (О фракционной антипартийной работе Сырцова и Ломинадзе (Постановление бюро МК ВКП(б)) // *ВМ.* 1930. 12 ноября. С. 1). В декабре 1930 г.

Сырцов и Ломинадзе выводятся из состава ЦК, Шацкин — из состава ЦКК; исключение из руководства органов партии «“вождей” беспринципного и двурушнического, право-“левацкого” блока Сырцова, Ломинадзе, Шацкина» широко обсуждается на страницах печати (Против двурушнического капитулянтства // Правда. 1930. 2 дек. С. 1).

Отсталость... — Мысль об отсталости страны и ее старшего поколения — лейтмотив многих публикаций времени. Так, в статьях о советских детях подчеркивается их прогрессивность, которая особенно выделяется на фоне «отсталости» родителей: девочка-пионерка повесила на свой забор плакат: «Мама, не будь отсталой. Иди на перевыборы совета»; такие же передовые дети — и в казахском городе Чимкенте, о котором сказано: «В том далеком, отсталом городе...» (Львович Г. Дети и политика // Наши дост. 1929. № 4. С. 23). Резюме автора статьи о советских детях: «К чести наших детей надо сказать, что они уже хорошо понимают отсталость родителей» (Там же. С. 24).

...мы уже вступили в фундамент... — 17–21 декабря 1930 г. в Москве состоялся объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), на котором было принято решение о том, что наступающий 1931 г. «завершит построение фундамента социалистической экономики СССР» (К новым победам [Ред. статья] // Известия. 1930. 22 дек. С. 1). После пленума все газеты страны пишут о вступлении СССР в период социализма и о завершении в наступающем году построения «фундамента социалистической экономики»: «Мы уже вступили в период социализма», и в новом хозяйственном году «мы должны будем завершить построение фундамента социалистической экономики Советского Союза — такова основная задача этого третьего года» (Решающая победа близка [Ред. статья] // Правда. 1930. 21 дек. С. 1). Конец декабря 1930 г. проходит под лозунгом: «Третий год пятилетки должен завершить построение фундамента социалистической экономики СССР» (Правда. 1930. 23 дек. С. 3; 31 дек. С. 3). 1 января 1931 г. «Правда» выходит с рисунком В. Дени под названием «Генеральная линия»; на рисунке — лозунг: «Впереди — решающий, третий год, год завершения фундамента социалистической экономики». С 1 января 1931 г. все периодические издания пишут о вступлении СССР в период социализма и завершении его фундамента в наступившем году: «Великая советская страна вступила непосредственно в период социализма. <...> Третий год пятилетки в ходе борьбы за социализм является решающим годом, ибо мы ставим перед рабочим классом и трудящимися нашей страны величайшую задачу “завершить построение фундамента социалистической экономики СССР” (из резолюции декабрьского пленума ЦК и ЦКК) в условиях выполнения народно-хозяйственного плана на 1931 г.» (Мобилизуем творческую активность пролетариата на борьбу за социализм [Ред. статья] // Культ. рев. 1931. № 4. С. 1).

...Кузя, — ты ведь бедное железо ~ и тебя выдумал Алеша! — Железный (сначала — чугунный) Кузьма имеет в творчестве А. Платонова прообраз в лице механического медно-чугунного получеловека, изобретенного героем рассказа «Григорий с Умственного хутора» для замены старичка-регистратора бумаг, выполняющего механическую работу (см. наст. изд., с. 30).

...планового начала нету. — Плановость — черта социалистического ведения хозяйства, которая подчеркивалась как его преимущество: «Впервые в истории плановое хозяйство рождается в СССР. <...> ...Пролетарское государство <...> осуществляет плановым путем перестройку общественных отношений и развитие производительных сил. <...> Наши планы представляют активное трансформирующее начало, являясь планами социалистической перестройки общества. В наших планах (контрольные цифры, пятилетний план народного хозяйства, План генеральный) проектируются те изменения в области общественных отношений и те ступени развития производства, которых мы хотим достигнуть на протяжении намеченного срока» (Плановое хозяйство // *МСЭ*, 6. С. 575). *Плановое начало* распространялось и на такую творческую область, как театральные репертуары: «Социализм — это план и учет. Плановое начало, проникающее во все поры нашего строительства, должно проникнуть и в эту совершенно пока еще неорганизованную область. Плановое начало в руководстве созданием деревенского репертуара будет способствовать быстрому росту качества драматургической продукции для деревни» (*Циновский Л.Я.* За новый репертуар деревенского самодеятельного театра и за кадры // *Дер. театр*. 1930. № 1. С. 17).

С. 199. *Вы кто — ударники, или нет?* — *Ударник* — «сознательный пролетарий, оставивший точку зрения “своей колокольни” и переклотившийся на ускоренные темпы работы, темпы ударного характера» (Словострой // 30 дней. 1930. № 10–11. С. 137). Подробнее об ударниках см. примеч. к повести «Котлован»: *Сочинения*, 4(1). С. 573–574.

...они — *идиотизм деревенской жизни!*.. — Выражение «идиотизм деревенской жизни» принадлежит К. Марксу; употреблялось им неоднократно: «Буржуазия <...> создала огромные города <...> и вырвала таким образом часть населения из идиотизма деревенской жизни» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии. I. Буржуа и пролетарии). Выражение часто цитировалось в советской прессе — например, в статье о коллективизации: «25 млн. отдельных крестьянских дворов. <...> Казалось, что эта жуткая ледяная пустыня застойного “идиотизма деревенской жизни” потребует долгих лет для того, чтобы быть растопленной солнцем социализма» (*Шолов Д.* Построиться — и в бой! // *Дер. театр*. 1930. № 1. С. 1).

Сейте кенаф и клещевину... — На рубеже 1920–1930-х гг. в СССР активно пропагандируется культивация растений, ранее на территории страны не выращиваемых; среди них — кенаф и клещевина. Необходимость в посевах кенафа — «нового волокнистого растения, растущего в диком виде в Азии, Австралии и Африке и культивируемого в Персии, Китае и Индии» — объяснялась ростом потребления джутового волокна и покупкой его за границей, а также возможностью продавать кенаф за валюту: «Посевы кенафа расширяются с каждым годом. В 1928 г. под кенафом было 11000 га, в 1930 г. посевная площадь выросла до 36000 га. В последний год пятилетки урожай кенафа не только покрывает всю внутреннюю потребность джутовой промышленности, но и даст возможность вывозить волокно и за границу в обмен на золото и машины» (*Круглов Ф.* Советизированные чужестранцы // *Наши дост.* 1930. № 9. С. 72). То же самое говорилось и о клещевине: «Клещевина — масличное растение, семена которого имеют 50–60% масла,

широко применяемого за границей в промышленности, особенно в мыловаренной и технической. <...> В 1930 г. уже сделан первый промышленного значения посев клещевина на площади до 1000 га. В ближайшие годы клещевина получит несомненно большее распространение в сельском хозяйстве южных районов» (Там же. С. 72). Считалось, что кенаф и клещевина «в ближайшие годы должны сыграть крупную роль в народном хозяйстве. Эти чужестранцы, с успехом прививающиеся на советских полях, помогут стране освободить промышленность от заграничной зависимости» (Там же. С. 73).

Под-ку-лач-ни-ку, перегибщику, аллилуйщику, Дву-руш-нику, беспринципику.... — Распространенные политические обвинения на рубеже 1920–1930-х гг. *Подкулачник* — см. примеч. к повести «Котлован»: *Сочинения*, 4(1). С. 561. *Перегибщик* — обвинение в перегибах возникло в ходе коллективизации, по отношению к тем, кто, как считалось, «перегнул» линию партии в отношении середняка. После расправы с наиболее активными деятелями коллективизации страх перед данным обвинением возникал у деревенских работников и позже: «В борьбе против кулака ряд местных работников испугался, как бы не “перегнуть”. Они не поняли сути перегиба в отношении середняка и решили, что проведение твердой линии в отношении кулака тоже является перегибом» (Рындин К. Повысить боеспособность деревенской парторганизации // Массовик. 1930. № 36. С. 5). *Аллилуйщик* — см. примеч. к повести «Котлован»: *Сочинения*, 4(1). С. 563. *Двурушник, беспринципик* — см. примеч. к с. 198. *Темная сила* — как правило, обвинение в адрес представителей Церкви и верующих.

С. 200. *Все время в нем какие-то контровые лозунги бушуют.* — Проблема неправильных лозунгов, которые выдвигает та или иная группа людей, появляется в связи с некоторыми событиями литературной жизни (например, борьба 1930 г. РАПП с «Перевалом» и его лозунгами «нового гуманизма», «моцартианства» и «искренности творчества») или общественной — например, обвинениями в антисоветской деятельности: «В 1930 г. в г. Ростов-на-Дону ликвидирована группа служащих, вычищенных из советского аппарата по 1-й категории. Группа вела работу по созданию контрреволюционной повстанческой организации. <...> Лозунги организации: 1) долой коллективизацию; 2) предоставление всем избирательных прав; 3) свободная торговля; 4) свобода религии; 5) за Учредительное собрание» (Меморандум о ликвидации за последние два года наиболее серьезных контрреволюционных организаций // *Совершенно секретно*, 8(2). С. 1157). Примером лозунгов, получивших негативную окраску, может служить тезис Н. Бухарина о «врастании кулака в социализм» и его же призыв к крестьянам: «Обогащайтесь!» О враждебных лозунгах, исходящих от разных представителей населения, сообщается в прессе: «Поп Заболоцкой церкви <...> проводит в жизнь лозунг “Не ходите в колхозы”» (Михаильцев С. Кто мешает художественной работе в деревне // *Дер. театр*. 1930. № 1. С. 21).

Появляется Стерветсен и его дочь Серена ~ Иностранцы говорят по-русски ~ Мы хотим быть с вами... — С конца 1920-х гг. СССР посещает много иностранцев, поток которых увеличивается после учреждения в 1929 г. Интуриста. Приезжают как специалисты на работу, так и туристы. Об

увеличении иностранных визитеров в СССР свидетельствуют и очерки советских писателей: «СССР — страна строящегося социализма — привлекает к себе внимание всего мира. Паломничество в Россию увеличивается с каждым годом. <...> Посетители СССР разнородны. Недавно СССР посетила группа американских сенаторов, знакомящихся с экономическими возможностями и политическим строем Страны Советов» (*Паустовский К.* Открыватели СССР // 30 дней. 1930. № 9. С. 48). Советские очеркисты подчеркивают не только пользу иностранных специалистов для СССР, но и их собственную тягу к стране строящегося социализма: «За второй год пятилетки Советский Союз пригласил больше иностранных специалистов, чем за все десятилетие с 1920 г. <...> Поток рабочих и инженеров, едущих в Советский Союз, движется не одними материальными побуждениями. Стихийная тяга толкает рабочих в отечество пролетариата. Среди специалистов, едущих к нам, много живо интересующихся нашей стройкой» (*Перелешин Б.* Иноспециалисты // 30 дней. 1930. № 10–11. С. 52; 54). Посещают СССР и представители научного сообщества — например, на II международный почвенный конгресс, который проходит летом 1930 г. в Ленинграде и Москве, приехали «150 научных деятелей различных стран и народов», которые поехали затем и в Воронеж (*Черменский П.* Делегаты II международного почвенного конгресса в Воронеже // Хозяйство ЦЧО. 1930. № 6–7. С. 196). У иностранных ученых такого профиля есть дополнительный интерес к СССР — производительные силы страны: «...наше правительство настуже открывает двери представителям иностранной науки, желающим добровольно изучать производительные силы нашего Союза...» (Там же).

...у нас строится что-то такое!.. — Ср. сообщения в газетах, посвященные стройкам социализма: «Вырисовываются перед нами контуры строящегося социализма. Турксиб, невиданные доселе рекорды работ на Днепрострое, Сельмашстрой, Тракторострой, Магнитогорское строительство...» (*Альтман И.* ВКП(б) — знамя мирового Октября // *ВМ.* 1930. 6 ноября. С. 2).

С. 201. *...вы буржуазию, и еще раз полклясса, и еще крупный клясс четко послали на-фик!* — В результате революции был уничтожен промышленный торговый класс (буржуазия), наиболее зажиточная часть крестьянства (кулаки) и дворянство.

Кто эти люди — батраки авангарда? — Авангард — передовая, ведущая часть какой-либо общественной группы, класса. Понятие «авангард» в языке времени чаще всего употреблялось по отношению к партии большевиков, которую Ленин назвал «авангардом рабочего класса»: «Партия — это непосредственный правящий авангард пролетариата» (цит. по: *Сталин И.* К вопросам ленинизма // *Сталин.* С. 119). Значение слова «авангард» как синонима коммунистической партии закрепляется и в работах Сталина: «...налицо правильные отношения между авангардом и рабочими массами, между партией и классом» (Там же. С. 123).

А вам что здесь надо среди нашего класса? ~ Нам нужна ваша небесная радость земного труда... — Начавшийся в 1929 г. кризис западного мира положил начало Великой экономической депрессии 1930-х гг. Спад производства в собственных странах способствовал обращению западной интеллигенции к СССР, который демонстрировал модель экономического

развития, альтернативную капитализму, и заявлял о росте производственно-энтузиазма на предприятиях страны: «...волна производственного подъема охватывает все новые и новые фабрики и заводы» (*Порываев П.* Ударные цеха и заводы // *Наши дост.* 1930. № 3. С. 79). Этот трудовой энтузиазм советская пресса называла главной причиной интереса иностранцев к СССР: «Капитализм ищет энтузиастов, чтобы они спасли дряхлеющего хищника. <...> Совсем недавно один иностранный журналист сказал об СССР: если бы эта страна могла наладить экспорт “энтузиазма”, то всем государствам мира не хватило бы валюты для оплачивания этого ценнейшего и полезнейшего сырья, которым изобилует страна Советов» (*Зильперт Б.* Надо организовать энтузиазм // *ЮК.* 1929. № 19. С. 58).

У вас психия ударничества, на всех гражданских лицах находится энтузиазм... — О росте ударничества и энтузиазма на стройках первой пятилетки сообщает пресса: «Неисчерпаемый источник трудовой энергии, заключенный в миллионных массах трудящихся, выявляется с каждым днем в виде растущей волны социалистического соревнования и ударничества на фабриках и заводах, на колхозных полях» (Ударными колоннами вперед! [Ред. статья] // *Крест. газ.* (кооп.). 1930. 1 окт. С. 1).

У вас организована государственная тишина и сверху ее стоит... башня надлежащей души... ~ Это надстройка! — Надстройка — одна из составляющих двуединого понятия исторического материализма «базис и надстройка», введенного К. Марксом для характеристики той или иной общественно-экономической формации (см. об этом примеч. к повести «Котлован»: *Сочинения*, 4(1). С. 531). Данное понятие, как одно из основных в курсе «Исторического материализма», входило в многочисленные учебники по данному предмету: «В основу всех общественных отношений Маркс положил экономические отношения (базис), вернее — производственные отношения. “Совокупность производственных отношений, — говорит Маркс, — образует экономическую структуру общества, реальное основание (базис), на котором возвышается правовая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания”» (*Менделеев Я.* Исторический материализм. М.–Л., 1929. С. 92). *Надстройку* определяли как «идеологические отношения и воззрения людей», существующие в данном конкретном обществе (Там же. С. 15). В учебниках обычно перечислялись и те области, в которых эти «воззрения» проявлялись, т. е. конкретные виды «надстроек»: «Надстройки: политическая, правовая, социально-бытовая, мораль, искусство, религия, наука и философия» (Там же. С. 94).

У нас в Европе много нижнего вещества, но на башне угас огонь. Ветер шумит прямо в наше скучное сердце — и над ним нет надстройки воодушевления... — О перенасыщенности западного рынка товарами в период экономического кризиса, с одной стороны, и о депрессии среди населения капиталистического мира, с другой, много писали в советской прессе; об этом же говорил и Сталин на XVI съезде партии: «Нынешний экономический кризис есть кризис *перепроизводства*. Это значит, что произведено товаров больше, чем может поглотить рынок» (*Сталин И.* Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б) // *Сталин*. С. 346). «У них, у капиталистов, экономический кризис и упадок производства, <...> ухудшение материального

положения трудящихся, снижение заработной платы и рост безработицы, <...> растерянность и перспектива дальнейшего ухудшения положения». Депрессии на Западе противопоставлялся трудовой подъем в СССР: «У нас, в СССР, <...> рост трудового подъема рабочих и крестьян» (Там же. С. 395). Из противопоставления двух систем следовал вывод и о вырождении капиталистического мира, и о жизнестойкости социалистического: «Человечество разделено на два мира — один старый, задыхающийся в тисках своего собственного вырождения, и другой — расцветающий, дышащий творчеством и энтузиазмом строительства будущего» (Мировой кризис развивается // 30 дней. 1930. № 10–11. С. 33. Подпись: ЮР).

Кузя-то?! Он ведь нам подшефный элемент! — Подшефный — находящийся под чьим-то шефством. «Шефство — общественная деятельность по оказанию систематической товарищеской помощи кому-либо, чему-либо в производственном, культурном, политическом отношении» (ЯС. С. 666). Было введено в ходе «чистки» советского госаппарата, начавшейся в 1929 г., как мера по обеспечению рабочего контроля за деятельностью госорганов: «Это новое, весьма молодое движение рабочих масс. <...> XVI съезд охарактеризовал шефство как “одно из крупнейших завоеваний в области борьбы с бюрократизмом”. Шефство — одна из лучших форм массового контроля снизу над соваппаратом» (В развернутое наступление на бюрократизм [Ред. статья] // Правда. 1930. 2 сент. С. 1). Самая ранняя форма шефства — шефство рабочих над советскими учреждениями: «С осени 1929 г. началось шефство предприятий над советскими учреждениями. <...> Вскоре шефство <...> приобрело размах значительного движения» (Рубинштейн М. На упорную борьбу с бюрократизмом // ВМ. 1930. 8 сент. С. 2). Шефами были рабочие, подшефными — разные общественные структуры, список которых постепенно расширялся: «Шефство, это — контроль рабочих масс над учреждениями, широкая возможность привлечения трудящихся к повседневной работе управления государством. <...> В то время как шефство предприятий над госучреждениями имеет уже некоторую практику, шефство рабочих над научными учреждениями еще не проводится. <...> Развернем шефство рабочих над научными учреждениями» (Шпильберг П., Суботник С. Развернем шефство фабрик и заводов над научными учреждениями // Правда. 1930. 2 янв. С. 4).

Где у вас разрешается закупить надстройку? ~ Мы много дадим валюты! — О торговой предприимчивости приезжающих в СССР иностранцев говорилось и в очерках советских писателей: «В массе своей иностранные специалисты, приезжающие к нам из самой гущи буржуазного мира, заражены духом купли-продажи» (Перелешин Б. Иноспециалисты // 30 дней. 1930. № 10–11. С. 56).

У вас же есть база, живите пока на фундаменте... — 1931 г. объявлен годом завершения фундамента социалистической экономики (см. примеч. к с. 198). Ср. с записью реплики в записной книжке Платонова: «Ты же на фундаменте социализма живешь, гадина! Вот и дует в тебя круговой ветер» (Записные книжки. С. 79).

Папа римский... — Имеется в виду Папа Римский Пий XI, в феврале 1930 г. выступивший против гонений на церковь в СССР с лозунгом

«За защиту христианства в СССР» и назначивший на 19 марта 1930 г. общее моление в поддержку гонимых в СССР христиан. Выступление главы католической Церкви поддержали представители других религиозных конфессий, а в советской прессе объявили «крестовым походом против страны Советов», связали с делом «Промпартии» и назвали очередной попыткой интервенции: «Вот в чем секрет всяких обращений папы римского о помощи обиженным в Советском Союзе, о молении, которое назначено на 19 марта. <...> На 19 марта буржуазия, при содействии римской церкви, объявила крестовый поход против Советского Союза» (Дадим отпор черной реакции [Ред. статья] // *Культ. рев.* 1930. № 6. С. 2). В 1930 г. Папа Римский Пий XI еще несколько раз выступал против СССР, в частности — против советского экспорта, о чем сообщалось в прессе: «Прошло немного более года с тех пор, как глава католической церкви папа римский Пий XI обратился ко всем буржуазным правительствам об организации крестового похода против Страны Советов. <...> Официально папа выступил защитой якобы гонимого христианства. <...> Осенью 1930 года он выступил вторично. В его обращении к буржуазным правительствам он призывает к прямой войне против СССР, к запрещению ввоза советских товаров. <...> В своей рождественской речи папа опять разразился воинственными речами по нашему адресу» (*Бакал Б.* Годовщина папского крестового похода // *Безбожник.* 1931. № 4. С. 3). В течение всего 1930 г. журнал «Безбожник» публикует серию фоторепортажей под названиями «Ответ рабочих папе римскому» (*Безбожник.* 1930. № 6. С. 10–11); «Трудящиеся отвечают папе римскому» (*Безбожник.* 1930. № 7. С. 6); «Наш ответ папе римскому» (*Безбожник.* 1930. № 15–16. С. 13): рабочие сжигают и рубят иконы; бывший церковный колокол используется как сигнал для начала работ; ряженые устраивают антирелигиозные карнавалы и т. п. Отдельными изданиями выходят многочисленные карикатуры на Папу.

С. 202. *Ты хочешь закрыть у нас поддувало и сифон?! — Поддувало и сифон* — приспособления для создания и усиления тяги: поддувало — отверстие для усиления тяги внизу топки печи, горна самовара и пр.; сифон — «паровой струйный аппарат для усиления или создания тяги в топке паровоза во время его стоянки» (*ЖТ.* С. 392).

Купи тогда Европе установку. — *Установка*, или целевая установка — «такое установление, постановление, которое направлено к определенной цели» (*Селищев.* С. 139).

У нас есть одна только директивка... — *Директива* — руководящее указание партии или правительства к выполнению того или иного постановления или решения. Например, в сентябре 1929 г. принято Постановление ЦК ВКП(б) «О мерах по упорядочению управления производством и установлению единоначалия» (см. примеч. к с. 212), после чего дана директива о ее проработке на всех предприятиях. Однако эта директива выполнялась плохо, о чем свидетельствуют сообщения в газете: «...проработка директивы ЦК происходит при малом участии рабочих» (Невыполненная директива // *ВМ.* 1930. 13 марта. С. 1). Другой пример — на XVI съезде ВКП(б) принято решение о ликвидации округов и дана директива о перемещении руководящих работников из округов в районы, которая тоже выполнялась плохо —

ответственные работники не ехали в районы, о чем свидетельствовали сообщения в печати (Партийная директива выполняется очень медленно // *ВМ*. 1930. 2 сент. С. 1). В «Правде» была введена специальная рубрика «По следам директив», где рассматривалась судьба тех или иных директив партии — например, директивы «дешевые овощи — пролетарским центрам», выполнение которой, как свидетельствуют сообщения, срывалось (Правда. 1930. 13 марта. С. 5).

Надстройку экстремизма ты купишь после вдалеке. — О надстройке см. примеч. к С. 201. О стремлении ВКП(б) к распространению социалистических идей по всему миру косвенно свидетельствуют многие публикации в прессе; например, фоторепортаж под названием «Коммунизм завоюет мир», представляющий собой три фотографии на темы: «Есть уголки Ленина», «Есть заводы имени Ленина», «Есть города Ленина»; и четвертый — рисунок: земной шар — и подпись «И весь земной шар будет Ленинским» (Прожектор. 1930. № 3. С. 25). Или — стихи *Мих. Голодного* «Речь в ямбах о международном положении»: «Над миром Большевицкий сев, / В нем бродят ненависть и пламя. / <...> / Сев прорывается в Бомбее, / В огне Калькутты и Шанхая, / <...> / Куда ни взглянешь — наши всходы...» (Прожектор. 1930. № 19. С. 5). Призыв «К мировому Октябрю!» нередко вводит информацию о международном положении; например, подборку писем немецких рабочих в поддержку решений процесса над так называемой Промпартией: «Все рабочие нашего предприятия приветствуют ваше решение сразу же беспощадно расстрелять этих 48 саботажников» (К мировому Октябрю! // Прожектор. 1930. № 32. С. 12). Или праздничный номер журнала: «...наша партия, а с ней и многочисленные массы всех трудящихся пойдут вперед к новым победам <...>, к полной победе социализма сперва в СССР, а затем и в мировом масштабе» (Под знаменем Ленина — к мировому Октябрю [Ред. статья] // *На тр. фронте*. 1930. № 19–20).

У нас культурная революция... — *Культурная революция* — совокупность мероприятий по поднятию культурного уровня населения страны; часть триединой программы по построению социализма (индустриализация, коллективизация и культурная революция).

Кто нам сдастся, мы тому все прощаем. — Фраза перекликается с названием посвященной процессу над так называемой Промышленной партией статьи М. Горького «Если враг не сдастся, его уничтожают», с учетом итогов этого процесса. В статье Горький писал: «Внутри страны против нас хитрейшие враги организуют пищевой голод, кулаки терроризируют крестьян-активистов убийствами, различными подлостями <...> Отсюда следует естественный вывод: если враг не сдастся, его истребляют» (*Горький М.* Если враг не сдастся, его уничтожают // Правда. 1930. 15 ноября. С. 2). Все дни после публикации статьи газеты и журналы пестрят сообщениями о якобы совершенных обвиняемыми злодеяниях, среди которых — подготовка иностранной интервенции и войны против СССР; о собраниях трудящихся с требованием расстрела «предателей». 10 декабря 1930 г., в день вынесения приговора, «Правда» помещает последние слова подсудимых с полным признанием своей вины, а ниже — их просьбы о помиловании: «За последние три года я был злейшим, активнейшим врагом советской власти <...>

Теперь, сознавая свою ошибку, свои преступления и принося в них полное раскаяние, я разоружился до конца и склоняю свою голову перед волей пролетариата» (Л. Рамзин); «Я приношу полное раскаяние и прошу советскую власть пощадить меня» (В. Очкин) и др. (Последние слова подсудимых. Ходатайства подсудимых о помиловании // Правда. 1930. 10 дек. С. 7). После этого следует постановление ЦИК — о смягчении «меры социальной защиты», т. е. о помиловании.

Сыграйте фокс! ~ Советский механизм не смеет. — Фокстрот — танец, популярный в 1920–1930-е гг. В СССР считался буржуазной музыкой, враждебной рабочему классу и пролетарской культуре, о чем многократно упоминалось в прессе: «Фокстроты и такие песни как “Цыганочка”, “Кирпичики”, “Все выше” достались в наследство от мелкобуржуазной мещанской среды и ее быта. Они протаскивают в рабочую среду нездоровые, дряблые ощущения, алкоголем подогретую чувственность» (Дудель Д. Долой цыганщину из репертуаров кружков // *За пролет. муз.* 1930. № 2. С. 21). Вместе с романсом фокстрот являлся объектом идеологической борьбы как проявление «упадочных и разлагающих влияний в музыке» (Довести до конца борьбу с нэпманской музыкой [Ред. статья] // *За пролет. муз.* 1930. № 9. С. 1). Относился к так называемому «легкому жанру», для борьбы с которым и для пропаганды пролетарской музыкальной культуры была создана Всероссийская Ассоциация пролетарских музыкантов (ВАПМ) и общество «Музыка — массам». Фокстрот упоминался вместе с романсом, который получил название «цыганщина»: «нэпманская музыка (цыганщина, фокстрот)». Оба эти жанра были запрещены к исполнению: «...борьба с легким жанром принесла ряд побед: <...> прекращено издание сочинений нэпманских композиторов, запрещено исполнение <...>, ликвидирована частная лжекооперативная лавочка Ассоциации московских авторов, состоящая из фокстротчиков и цыганщиков...» (Довести до конца борьбу с нэпманской музыкой [Ред. статья] // *За пролет. муз.* 1930. № 9. С. 1). Проблема «легкой музыки» и фокстрота выходит на страницы газет: 2 июля 1930 г. в «Вечерней Москве» (С. 3) опубликована статья В. Блюма «Об одном левом загибе», 19 июля 1930 г. в «Комсомольской правде» — статья того же В. Блюма «Нужна ли нам музыка джаз-банда и фокстрота?», что вызывает дискуссию «Нужна ли нам “легкая музыка”» (ВМ. 1930. 1 сент. С. 2).

Мы закажем себе другого, а то Кузьма уже отстал чего-то от масс. — О выражении «отстать/оторваться от масс» см. примеч. к с. 197.

С. 203. ...что мы сегодня непайщикам даем. ~ Клей. — Пай — вносимая в капитал предприятия доля кого-либо из его участников; кооперативный пай — денежный взнос лиц, вступающих в члены кооперации. «В СССР пай — одна из форм накопления кооперативных средств, идущих на развитие кооперации» (Пай // МСЭ, 6. С. 235). Пайщик — владелец такого пая. Наличие вступительного пая для членов потребительской кооперации — принцип, введенный ее родоначальниками в Англии, так называемыми Рочдельскими пионерами (подробнее о Рочдельских кооперативах см. примеч. к повести «Котлован»: *Сочинения*, 4(1). С. 550), которые считали, что кооператив должен вести дело на собственные средства, собранные со своих членов в виде паев. Пропорционально размеру пая каждого «пайщика», а также

сумме их покупок распределялась и прибыль кооператива (Рочдельские принципы // *МСЭ*, 7. С. 438).

Потребительская кооперация в СССР (представленная сетью торговых точек и мест общественного питания) была организована иначе — прежде всего, она относилась к государственному сектору и вела дело на средства государства: «В настоящее время кооперация вместе с государственными предприятиями составляет социалистический сектор экономики СССР» (Кооперация в СССР // *МСЭ*, 4. С. 216). Несмотря на то что советскую кооперацию финансировало в основном государство, долевое участие населения в ее работе тоже предполагалось — в 1921 г. был введен обязательный паевой взнос. Цели потребительской кооперации в СССР декларировались так: она «имеет задачей организацию снабжения трудящегося населения предметами личного потребления и домашнего обихода на началах самостоятельности этого населения и участия его в составлении основных и оборотных средств для хозяйственных операций» (Кооперация потребительская СССР // *МСЭ*, 4. С. 219). Для большинства граждан страны членство в потребительской кооперации было делом скорее вынужденным, чем добровольным, — многие становились «пайщиками» поневоле. Свои «паевые обязательства» население выполняло плохо, поэтому подвергалось критике: «Рабочие и колхозники должны укреплять кооперацию, должны выполнять свои паевые обязательства. До сих пор государство финансировало работу по снабжению населения. Теперь государственные средства нужны на индустриализацию и коллективизацию. Снабжение населения должно вестись на средства самого населения, и оно должно эти средства дать кооперации» (*Гольдштейн С.* К мобилизации паевых средств в 1929/30 гг. // *Союз потр.* 1930. № 4. С. 20). При этом многократно подчеркивалось, что паевой капитал — это «источник привлечения средств населения на индустриализацию страны» (*Петрухин К.* За финансовый план, за мобилизацию средств // *Союз потр.* 1930. № 4. С. 14) и что потребсистема «становится одним из основных рычагов аккумуляции распыленных средств населения в целях ускорения индустриализации страны и реконструкции сельского хозяйства» (*Гольдштейн С.* К мобилизации паевых средств в 1929/30 г. // *Союз потр.* 1930. № 4. С. 17).

Размер пая и его погашение обсуждаются в печати. Что касается размера пая, то он был разным для разных категорий «пайщиков», среди которых встречались «льготники» с размером пая меньше установленной нормы: «Средний пай по Москве на 1 октября определяется в 8 руб. 17 коп. <...> Средний пай льготника — 3 руб. 50 коп.» (*Локерман А.* О дифференцированном пае в Московской кооперации // *Союз потр.* 1929. № 1. С. 87). Кроме того, в 1929 г. вводится еще и дифференцированный пай — в зависимости от дохода «пайщика» и его классовой принадлежности: «Установление дифференцированного пая избавляет потребкооперацию от уравнительного принципа рочдельской школы...» (*Хохлов И.* Дифференцированный пай и его значение в сельпо // *Союз потр.* 1929. № 2. С. 72).

Общая установка руководства страны была на максимальное расширение группы лиц, охваченных долевым участием в кооперативной собственности, то есть пайщиков, однако «непайщики» все-таки были. Пайщики потребкооперации в СССР, в отличие от «рочдельских пионеров», не имели

доли в прибыли. Преимущества, которые были у советских «пайщиков», касались льгот в получении товаров, а также в пользовании культурно-бытовыми услугами, оказываемыми потребкооперацией. Кроме того, пайщики получали больше продуктов, если таковые были в кооперативном магазине, о чем свидетельствуют документы, например, о выдаче масла рабочим Москвы: «рабочим-пайщикам — 200 г, не пайщикам — 100 г» (Спецсводка № 15 ИНФО ОГПУ о перебоях в снабжении промрайонов и городов (20 июня 1930 г.) // *Совершенно секретно*, 8(2). С. 984).

Книгу для чтения после букваря... — Книг «для чтения после букваря» на рубеже 1920–1930-х гг. существовало несколько: *Фридлянд Ф., Шалыт Е.* За работой. Первая книга для чтения после букваря. М.–Л., 1926; *Баршьева М.С.* Гудки. Первая книга для чтения после букваря. М.–Л., 1930; *Венгров Н.* Мы в школе. Первая книга после букваря. Новосибирск, 1930; *Чайкова Е.М.* За ударную работу. 1-я книга для чтения после букваря. М.–Л., 1931 и т. д. «Книга для чтения после букваря» была предметом ограниченного пользования не только в силу своей специфики, но и в силу территориального принципа некоторых учебных пособий. Неумение распределять товары по потребительским обществам в зависимости от реальной потребности населения, в результате чего во многие магазины поступало то, что там было не нужно, — часто критикуемая черта потребкооперации; например, в сельпо присылали спортивные перчатки, венские стулья, дорогие шелковые чулки и какао (Деревне — шелковые чулки и какао // *Крест. газ. (кооп.)*. 1930. 4 авг. С. 4. Подпись: *Ле-Ка*).

Утиль тоже насекомых продолжает отвергать. — Утиль, или утильсырье, сбор которого активно проводился в 1930 г., включал крапиву, рога, копыта, кость, щетину, конский волос, пух, перо, второстепенную пушнину (кошки, собаки) и пр. (подробно см. примеч. к повестям «Впрок» и «Котлован»: *Сочинения*, 4(1). С. 446–447, 475; 542, 576, 584).

Проверь мне через область телеграфом — не крадут ли в районе установок... — Несвоевременная пересылка всеми руководящими организациями нижестоящим директив центра была типичной чертой работы партийных, профсоюзных и кооперативных органов, о чем писали и в печати. Так, «задержка в окружных организациях директив центра» называлась одной из причин реорганизации административного деления страны, упразднения округов и переноса центра работы в более близкий район (Район — узловый центр [Ред. статья] // *Правда*. 1930. 16 июня. С. 1).

С. 204. *У нас финплан не выполняется...* — Невыполнение промфинплана — распространенная проблема первой пятилетки: «Необходимо констатировать, что выполнение промфинплана за первый квартал протекает далеко не удовлетворительно. <...> Волна величайшей заботы о выполнении плана прокатывается по заводам Советского Союза» (Выполнение промфинплана — под широчайший общественный контроль [Ред. статья] // *Правда*. 1930. 5 янв. С. 1). Невыполнение промфинплана отражается в лозунгах дня: «Мобилизуйте все силы на ликвидацию прорыва в промфинплане второго года» (*ВМ*. 1930. 8 сент. С. 1).

Ты поди у него на дирижабль пожертвование отбери... — Сбор денег на строительство советского дирижабля — одна из массовых кампаний

1930–1931 гг. История этой кампании такая. 10 сентября 1930 г. в Москву прилетел немецкий дирижабль «Граф Цеппелин», о чем сообщили почти все газеты и журналы, а газета «Правда» объявила о сборе средств на постройку дирижабля «Правда», к чему регулярно и призывала читателей: «Кампания за дело советского дирижаблестроения, поднятая “Правдой”, подхвачена всей советской печатью и общественностью. <...> “Правда” будет реять над советской землей» (*Зарзар В.* Строим дирижабль «Правда» // *Правда.* 1930. 7 ноября. С. 10); «Кино и театры должны включиться в кампанию за советское дирижаблестроение. <...> ОСОАВИАХИМ выпустил серию плакатов, значков, книг» (Строим дирижабль «Правда» // *Правда.* 1930. 23 ноября. С. 6). В конце 1930 г. выходит целая серия книг, посвященных дирижаблям: *Зарзар В.А.* Даешь советские дирижабли. М., 1930; *Стобровский Н.Г.* Воздушный корабль. М., 1930; *Семашко Н.А.* Даешь советский дирижабль. М., 1930 и др.

Грыбки ~ червяк начинают. Дозвольте скушать работникам прилавка — иль выдать массу! — Информация о многочисленных случаях порчи продуктов в кооперативах (при товарном голоде в стране) и о реализации их только после порчи — частая в периодике: в одном кооперативе (указан адрес) рыбу не выдавали пайщикам до тех пор, пока она не сгнила; та же история — с хлебом (Рыбу сгноили, а пайщикам не дали // *Крест. газ. (кооп.).* 1930. 12 июля. С. 6. Подпись: Р.). О работе другого кооператива такая информация: ехать сюда за мукой для некоторых 15–20 км, в очереди стоять день–два, а мука испорчена, так как неделями лежит под открытым небом под дождем (Дают испорченную муку // *Крест. газ. (кооп.).* 1930. 22 авг. С. 3. Подпись: *Облако*). Еще тревожные сообщения: в Уфимском округе огурцы в 750 бочках покрылись плесенью — нужно отправить на реализацию, иначе придется выбросить; поступают помидоры — нет тары; лежат на полу, портятся — райпо решило приготовить из них томат (Помидоры гниют на складах РайПО // *Крест. газ. (кооп.).* 1930. 7 окт. С. 5. Подпись: *С.Б.*).

Евсей ~ кампанию вышел проводить. — В кампанию по сбору средств на постройку советского дирижабля (см. примеч. выше) в обязательном порядке были включены кооперативы. 14 сентября 1930 г. призыв «Правды» подхватывает специальное издание «Крестьянской газеты», посвященное кооперативам: «“Правда” открыла сбор средств на постройку советских дирижаблей. <...> “Крестьянская газета” зовет своих читателей организовать сбор добровольных отчислений в фонд советского дирижаблестроения. Организуйте широчайший сбор добровольных отчислений в фонд советского дирижаблестроения. Создавайте группы содействия постройке советских дирижаблей. Сообщайте в газету о ходе кампании» (Над Страной советов должны летать советские дирижабли // *Крест. газ. (кооп.).* 1930. 14 сент. С. 2). Однако сбор средств проходил плохо, поэтому 1 октября 1930 г. «Крестьянская газета» в очередной раз ставит эту задачу: «Наша страна, осуществляющая лозунг “догнать и перегнать передовые капиталистические страны”, еще ничего не сделала в области дирижаблестроения. Напомнив об организованной «Правдой» кампании, «Крестьянская газета» адресно обращается к потребкооперации: «Вправе ли стоять в стороне от этого движения кооперация <...>? Ведь только один рубль, внесенный каждым пайщиком,

даст 50 млн. рублей для постройки советских дирижаблей. Это обстоятельство должны учесть все звенья потребительской кооперации от Центросоюза до низовки» (Нам нужны воздушные корабли — дирижабли // *Крест. газ. (кооп.)*. 1930. 1 окт. С. 5).

Он что, энтузиаст всякого строительства, что ли? ~ Сроду не видел энтузиаста! — Энтузиазм строителей социализма — одно из общих мест печати; утверждение об отсутствии у них энтузиазма обычно приписывали оппозиционерам: «...пролетариат с небывалым энтузиазмом строит новые заводы, фабрики, руководит колхозным строительством <...> Если, по мнению “право-левого” блока, у рабочих нет энтузиазма <...>, то мы показываем на Тракторострой <...> и говорим: где виданы такие темпы? Где и когда мир видел таких творцов, таких энтузиастов?» (*Альтман И. ВКП(б) — знамя мирового Октября // ВМ*. 1930. 6 ноября. С. 3).

С. 204–205. *Десять тысяч пайщиков объединяю, а все, как животные, — только есть хотят день и ночь.* — Перебои в продовольственном снабжении населения всех регионов страны, включая Москву, отсутствие в кооперативных магазинах даже таких необходимых продуктов, как хлеб, — постоянная тема периодики и сообщений ОГПУ о положении дел в стране: «Положение с снабжением основных промрайонов и городов напряженное» (Спецсводка № 30 ИНФО ОГПУ о переboях в снабжении промрайонов и городов // *Совершенно секретно*, 8(2). С. 1095); «Положение со снабжением г. Москвы основными нормированными продуктами не улучшается. <...> Очереди перед магазинами ЦРК, бесхозяйственность и нераспорядительность работников кооперации принимают систематический характер. <...> Очереди за мясом, собирающиеся с 4 утра, к открытию магазинов достигают 600 человек, за маслом у магазина № 170 — до 500 человек, за сахаром и за зеленью — до 250 человек» и т. д. (Спецсводка № 24 ИНФО ОГПУ о переboях в снабжении промрайонов и городов // Там же. С. 1052–1054). О том же пишут и сами рабочие: «Жить стало совсем невыносимо. <...> Купить нечего. Получаем ничтожную ставку, паек нам дают очень скудно: муки ржаной — 16 кг, мыла — 500 гр., сахару — 800 гр., пшени — 1 кило и ничего более — ни масла, ни мяса, ни рыбы, ничего положительно нег. <...> Жиров на взрослых совсем не дают. <...> ...Мы до того ослабли от недоедания, просто страдая идешь на работу. Хочется узнать — неужели везде так голодно» (Информация ОГПУ о письме работницы фабрики «Авангард» // Там же. С. 1119).

С. 205. *Это ты грибки мучаешь второй год? ~ Это не грибки, ~ это соя в виде грибов, а я ее замариновать приказал...* — В 1930 г. был большой урожай грибов. Крестьяне везли их в кооперацию, а кооператоры сваливали грибы в канавы, рвы и помойные ямы (Сотни тонн грибов выброшены в ямы // *Крест. газ. (кооп.)*. 1930. 29 сент. С. 1. Подпись: *Г.К. Л-кий*). При таком изобилии даров природы населению предлагалось использовать в пищу сою: об «исключительном значении сои в питании масс» в 1929–1930 гг. регулярно пишет пресса. В Москве организуется Институт сои, который предлагает рецепты блюд из сои (С выставок — на кухню // *Правда*. 1930. 2 авг. С. 5); рекламируются разные продукты из сои — кофе, сливки, сосиски и пр. (см. об этом примеч. к с. 215).

Надо бы нам спустить директиву какую-нибудь на лавочную периферию. — Об организации работы потребкооперации см. примеч. к с. 206.

Муд пытается вести за руку Кузьму, но туловище того не проходит в узину́ входа. ~ Кузьме здесь тесно. Ему тут узкое место. — Узкое место на языке первой пятилетки — экономическая трудность, невыполнение в срок задания, плана; отставание, например: транспортно-дорожная проблема — узкое место (Одно из узких мест [Ред. статья] // Правда. 1930. 13 марта. С. 1); «рабочая сила — узкое место» (Лесосплав не обеспечен рабочей силой // Правда. 1930. 20 апр. С. 4); «цветная металлургия не должна быть узким местом» (Правда. 1930. 1 июня. С. 1) и т. д.

В то же время «узкое место» — одно из основных понятий в полемике И. Сталина с Н. Бухариным по поводу темпов и методов индустриализации: Бухарин предлагал не создавать новых «узких мест» в промышленности повышением темпов ее развития, а Сталин и его фракция — активно преодолевать «узкие места»: «Партия отвергла теорию Бухарина — теорию “узких мест” и “реальных планов”, согласно которой реальность плана должна быть обеспечена ориентацией плановых предназначений по узким местам, определяемым физическими и социальными условиями проведения пятилетки. Партия предпочла этим теориям и рецептам стратегию решительного преодоления узких мест в самом начале, чтобы, вырвавшись из узких мест, повести народное хозяйство по более широкому и свободному руслу к социализму. <...> Мы не отрицаем существования целого ряда узких мест <...> Но <...> мы <...> властно раздвигаем и взрываем узкие места, активно преодолеваем их на каждом шагу. <...> Паникеры и оппортунисты <...> ищут обходных путей <...>, вместо того, чтобы активно бороться и преодолевать эти препятствия и противоречия <...> С нашей точки зрения, с точки зрения активной большевистской борьбы с препятствиями, — в том, что узкие места охватывают все основные отрасли, отражается лишь общая напряженность народно-хозяйственного плана» (*Кактынь Арт.* К преодолению “узких мест” // Правда. 1929. 3 ноября. С. 1).

С. 206. *...оставайтесь в нашей многолаводной системе...* — Лавка, или потребительская лавка, — иное название кооперативного магазина, например: «Продавец лавки № 1 наглым образом обсчитывает и обвешивает покупателей» (Такое правление не для пайщиков // *Крест. газ. (кооп.)*. 1930. 10 янв. С. 3. Подпись: *И.М.*). Система торговли в СССР была организована следующим образом: несколько потребительских лавок объединялись в потребительское общество (сокращенно ПО), а те в свою очередь — в Потребсоюзы, во главе которых стоял Центросоюз. Каждое ПО имело общее правление, общую систему закупок и пр. Тенденция первой половины 1930 г. заключалась в создании небольших потребительских обществ, объединяющих несколько лавок (3–5); такие ПО назывались «однолавками». Однако летом и осенью 1930 г., на фоне подготовки и проведения XVI съезда партии, проходит реорганизация всего аппарата управления в стране, в том числе — и реорганизация потребительских обществ (см. об этом примеч. к с. 216), которая состояла в замене так называемой «однолавки» — «многолавкой»: «Умирает однолавка. Рождается многолавка» (*Борисов.* Однолавка или многолавка? // *Крест. газ. (кооп.)*. 1930. 5 июня. С. 5). Вот примеры

данной реорганизации по одному Заволжскому краю летом 1930 г.: уже появились крупные ПО (например, Пугачевское райпо — 26 лавок), но оставались еще и мелкие (например, Головинское райпо — 4 лавки). Информация в печати о реорганизации того или иного ПО всегда заканчивалась выводом в пользу укрупненной многолавки: «Проводимая реорганизация низовой сети, вместо существующих 34 ПО <...>, с укрупнением их в 9 райсельпо, даст экономию в год на одном только управленческом аппарате в 72394 руб., или на 27 проц.» (Там же). Преимущества «укрупненной многолавки» подробно объяснялись: «Укрупненная многолавка сама непосредственно может получать товары с фабрик или заводов путем так называемого транзита. Когда сельские потребилки были малы и не имели крупного оборота, они нуждались в том, чтобы получаемые ими товары завозились на склады окружных союзов и там сортировались. Теперь этого не нужно, а упразднение окружных союзов даст 80 млн. руб. экономии» (Реорганизации кооперативной низовки // *Крест. газ. (кооп.)*. 1930. 24 июля. С. 4. Подпись: Г. Н.).

...как музыкальные силы. — Одна из директивных установок XVI съезда ВКП(б) по улучшению работы потребкооперации была направлена на развитие в кооперативах художественной самодеятельности: «Художественная самодеятельность должна помочь потребкооперации выполнить возложенные на нее крупнейшие и ответственнейшие задачи» (Соколов Н. Художественная самодеятельность и потребкооперация // *Дер. театр*. 1930. № 10. С. 13, 14). Потребкооперации вменялось в обязанность принимать на работу специалистов в области «художественного агитпропа».

С. 207. *В страну далекую ~ Бьется без ответа...* — Некоторые мотивы песни Мюд перекликаются со стихотворением из записной книжки Платонова, среди записей под названием «Турбина» (*Записные книжки*. С. 80).

...давай заготавливать массы в аппарат. ~ Нам и так одну выдвигенку Евдокию отгрузили уже! — О значении слова «выдвигенец (-нка)» см. примеч. к с. 195. На рубеже 1920–1930-х гг. вопрос о приеме «выдвигенцев» на работу в кооперативы поднимается в связи с «чисткой» аппарата потребкооперации, о которой было объявлено в начале 1930 г.: «Многочисленная армия кооперативных работников нуждается в оздоровлении. <...> Мы приступаем к проверке аппарата Центросоюза» (*Дыхне М.* Чистка аппарата потребкооперации // *Союз потр.* 1930. № 1. С. 18, 19). К середине 1930 г. «чистка» Центросоюза и всей системы потребкооперации завершилась с выводом о необходимости укреплять кооперативы «выдвигенцами» из рабочей среды: «Чистка аппарата <...> показала, что аппарат Центросоюза оказался громоздким и неповоротливым. Комиссия проделала огромную работу по реорганизации аппарата Центросоюза <...> В аппарат Центросоюза, для его укрепления классово-выдержанными кадрами, будет принято на ответственную и руководящую работу около 200 человек выдвигенцев, в число которых войдет 70 человек, работавших в бригадах по чистке аппарата» (*Холов И.* Чистка аппарата Центросоюза и подготовка кадров выдвигенцев // *Союз потр.* 1930. № 5. С. 54). Задачу принимать на работу «выдвигенцев» как особо важную в преддверии XVI съезда ВКП(б) ставит перед кооперативами председатель Центросоюза А. Бадаев: «...освежение аппарата на основе генеральной чистки всех его звеньев и развернутого выдвигенчества

<...> должно резко повысить боеспособность потребительской кооперации» (Бадаев А. Потребкооперация к 16 съезду ВКП(б) // *Союз потр.* 1930. № 5. С. 11).

С. 208. *Курица заявляет проклятье расточительству.* — *Расточительство* — один из недостатков в организации молодого советского хозяйства: «Использование в производстве материалов, оборудования, рабочего времени сплошь и рядом ведется *расточительно*. Мы <...> благодаря неправильному хранению и небрежной перевозке теряем большое количество материалов» (Крайнович Н. На борьбу с потерями в производстве // *Массовик.* 1930. № 1. С. 10); «Злостные расточители топлива» (*Раб. газ.* 1931. 28 янв. С. 3); «Суд над расточителями электроэнергии» (*Раб. газ.* 1931. 1 февр. С. 3).

С. 209. *А египетский голубь что нам сообщает? ~ это нам египетский пролетариат сводочку о достижениях прислал...* — *Египетский голубь* — порода голубей. Египет — на рубеже 1920–1930-х гг. английская колония; одна из стран, в которых проходило национально-освободительное движение, что придавало новостям из Египта революционный колорит: «Подъем национального движения может вызвать настоящую революцию. К этой революции ведет все растущее недовольство трудящихся страны <...> Рабочие и крестьяне в Александрии и Каире уже образовали антиимпериалистические комитеты с четкими революционными лозунгами. Они требуют свержения британского империализма и туземного феодализма» (Ермаков Н. Египет волнуется // *Огонек.* 1930. № 22. С. 1).

...береги голубя, как ты профсоюзную книжку бережешь! — Потеря профсоюзной книжки и партбилета считалась серьезным нарушением административного порядка.

...это интервенция!! — Тему готовящегося нападения на СССР с целью интервенции пресса поднимает постоянно; именно подготовкой интервенции объясняется заявление Папы Римского Пия XI в защиту христиан в СССР (февраль 1930 г.) и деятельность так называемой «Промпартии» (ноябрь 1930 г.). Так, в журнале «Безбожник» публикуются фотографии повешенных, с подписью: «Помните об интервенции: на фотографии — повешенные денкинцами рабочие. Подобные зверства несут нам интервенты, подготавливающие войну против СССР с благословения папы римского» (Синчеро. Ватикан и процесс Промпартии // *Безбожник.* 1931. № 2. С. 7). Срыв интервенции называют и положительным итогом процесса над «Промпартией»: «Процесс “промпартии” и ее ликвидация имели огромное значение для срыва нападения на нашу страну в 1930 г.» (Шестаков А. Суд над меньшевиками // *Огонек.* 1931. № 8. С. 10). Страх перед возможной интервенцией все время поддерживается: «Наши успехи не дают спать и иностранным капиталистам. <...> Опасность военного нападения на наш Советский Союз значительно выросла» (Фельдман М. На пороге четырнадцатого года // *Изда-читальня.* 1930. № 19–20. С. 18).

С. 210. *...весь аппарат взял себе установку на организацию мясных рачьих пучин...* — В связи с отсутствием товаров в потребительской кооперации, перед ней в 1930 г. была поставлена задача «наметить программу по использованию местных ресурсов» и таким образом «покрыть потребность» в товарах: «Покрыть потребность из местных ресурсов — наметить программу

по использованию местных ресурсов» (Мобилизовать массы на увеличение продовольственных ресурсов [Ред. статья] // Правда. 1930. 2 июня. С. 1). Согласно этому решению, кооперативы должны были планировать («брать установку») использование местных ресурсов в качестве пищевой базы: «В текущем году потребительская кооперация впервые <...> взялась за проведение кампании по изысканию местных продовольственных ресурсов <...> в дополнение к общегосударственному продовольственному фонду» (Кувшинников Я. Очередные задачи потребкооперации // Союз потр. 1930. № 5. С. 14). О «расширении базы снабжения» рабочих за счет создания потребкооперацией собственной промышленности на основе местных ресурсов говорит и председатель Центросоюза А. Бадаев накануне XVI съезда ВКП(б): «...кооперация должна добиваться расширения базы снабжения борьбой за создание и использование местных ресурсов» (Бадаев А. Потребкооперация к XVI съезду ВКП(б) // Союз потр. 1930. № 4. С. 6).

И население избалуется! Раз уж мы приучили его к одному сорту пицци — ему и хорошо! — Об отсутствии в кооперативных магазинах таких основных продуктов питания, как мясо, рыба, молоко и жиры; об однообразии и недоброкачественности блюд в общественных столовых, а также о росте недовольства населения таким положением дел, вплоть до забастовок, регулярно сообщается в сводках ОГПУ из разных регионов страны: «Недовольство населения усугубляется отсутствием в потребительской кооперации продуктов первой необходимости (мясо, растительное масло, крупа и т. д.)» (Справка ИНФО ОГПУ о продовольственных затруднениях на 5 июля 1930 г. // Совершенно секретно, 8(2). С. 997); «...Отсутствуют ряд важнейших продуктов питания. <...> Плохо налажена система общественного питания. <...> ...Пища крайне однообразна» (Спецсводка № 26 ИНФО ОГПУ // Там же. С. 1067).

...из буржуазных царств теперь может вся живность броситься в нашу республику: ведь там кризис... — Экономический кризис 1929–1933 гг. на Западе и в Америке был кризисом перепроизводства, что подчеркивалось в публикациях на тему кризиса — например, в докладе В.М. Молотова на XVI съезде ВКП(б): «Настоящий кризис является кризисом перепроизводства. Это значит, что продукция капиталистической промышленности не находит себе достаточного сбыта» (Правда. 1930. 8 июля. С. 1; Кризис углубляется [Ред. статья] // Правда. 1930. 18 июня. С. 1).

С. 211. *Это прорыв путины...* — Переносное значение слова «прорыв», в каком оно в основном и употреблялось в первую пятилетку, — «невыполнение в срок задания, плана; отставание»: «Мы знаем причины прорыва» (Правда. 1930. 9 февр. С. 5); «прорыв в выполнении промфинплана» (За ликвидацию прорыва [Ред. статья] // Культ. рев. 1930. № 4. С. 1); «Прорыв, прорыв! — кричат рупоры радио, и эти слова хватают за сердце старых горняков. Старые кадровики назначили день удара по прорыву» (Гиллер Э. Станко-строительный имени Ленина // Наши дост. 1931. № 1. С. 39) и т. д. *Путина* — время промыслового лова рыбы; таких периодов в году несколько, поэтому слово практически не сходило со страниц печати, формировало лозунги дня: «Выполнить и перевыполнить план весенней путины» (Правда. 1930. 11 марта. С. 5), «Правильное большевистское руководство должно

обеспечить успех путины» (Правда. 1930. 13 апр. С. 5) и т. п. Весной 1930 г. в «Правде» появляется регулярная рубрика: «Первая большевистская путина» (Правда. 1930. 7, 10, 13 апр. и др. С. 5). Проблема путины выходит на первую страницу газеты: «Путина разворачивается. Путина зовет. На помощь путине!» (На помощь большевистской путине! [Ред. статья] // Правда. 1930. 28 апр. С. 1). При этом ситуация с ловом рыбы почти всегда демонстрировала «прорыв»: «Первая пятилетка дала снижение лова почти во всех районах» (Правда. 1930. 9 мая. С. 5).

По мясу мы раком обойдемся, по маслу — ореховым соком, а по молоку — так мы дикий мед смешаем с муравьиной кислотой, и все. Наука теперь, говорят, этого достигла. — В связи с дефицитом в стране продовольствия, на рубеже 1920–1930-х гг. обсуждается возможность замены привычных продуктов питания новыми видами пищевого сырья. Возникает ряд институтов, проблематика которых находится в сфере «рационализации питания», например, Научно-исследовательский институт пищевкусовой промышленности в Москве: «Институт займется изысканием новых видов пищевого сырья, заменой одних видов другими» (*Маршак М.* Общественное питание в науке // *Общ. нит.* 1929. № 7. С. 5). Работы по расширению базы пищевой промышленности проходят и в лабораториях Осоавиахима: «Большое значение для населения всей страны имеют работы <...> по изучению и расширению сырьевой базы советской пищевой промышленности. Целый ряд совершенно новых в этом направлении исследований уже близки к окончанию, к ним относятся: использование в качестве питательных средств некоторых видов морских водорослей...» (ОСОАВИАХИМ на хозяйственной службе // *Наши дост.* 1930. № 3. С. 89. Подпись: *В. К-н*). Поиском «новых видов пищи» занялся и открытый в Москве Высший институт питания: «В Москве открылся Высший институт питания. <...> Ближайшей задачей института является изыскание и биологическая оценка новых видов пищи, замена одних продуктов другими. <...> Но мало открыть новые виды пищевого сырья, надо суметь его обработать» (*Загорская Ек.* Рациональное питание. Научный институт питания // *Наши дост.* 1931. № 1. С. 94). К таким новым видам пищи относятся и «масло из отходов ржи, пшеницы, кукурузы и ячменя» (Там же), способ добывать которое был открыт институтом как ответ на «жировой голод», обострившийся в 1930 г. Другое масло, предложенное институтом к употреблению, — из чертополоха: «Масло крестоцветных и сложноцветных — татарник, чертополох — в обработке лаборатории не уступает подсолнечному» (*Загорская Ек.* Рациональное питание. Научный институт питания // *Наши дост.* 1931. № 1. С. 94). Из всех этих разработок следует вывод о возможном расширении пищевой базы: «Мы не употребляем в пищу даже сотой доли растений, годных для питания в диком или культурном виде. К диким растениям как подсобному источнику питания прибегали в годы недородов, но пользоваться ими никто не умел <...> С осени 1930 г. над этим стала работать открытая в Ленинграде секция пищевого института» (*Загорская Ек.* Рациональное питание. Научный институт питания // *Наши дост.* 1931. № 1. С. 94). Одно из таких растений — лебеда: «Испытано 8 сортов садовой лебеды, — растения очень распространены по всему Союзу и отличаются прекрасным вкусом» (Там же. С. 95).

Дикий мед, наряду с саранчой (см. ниже) — пища Иоанна Крестителя.

...у нас тары нету! — Отсутствие тары — лейтмотив всех сообщений в прессе на тему заготовки товаров: нет тары, нет обручей для бочек, нет смолы у Волго-Каспийского треста (С астраханской бригадой по Москве // Правда. 1930. 11 марта. С. 5); «В порядке дня — тара» (Правда. 1930. 7 июня. С. 6) и т. д. Проблема тары приводит к тому, что осенью 1930 г. Центросоюз объявляет большую кампанию по ее сбору: «Центросоюз продлил объявленный с 10 по 25 сентября двухнедельник по сбору тары до 10 октября. Вся тара — твердая, мягкая, мешочная, мочальная, корзины, бочонки и т. д. должна быть взята на учет. Во всех торговых точках должно быть проверено наличие тары. Все эти мероприятия носят исключительно ударный характер, однако до сих пор ударная работа по проведению двухнедельника тары развертывается слабо» (Все силы на сбор и мобилизацию тары // *Крест. газ. (кооп.)*. 1930. 29 сент. С. 5).

Ссылка на отсутствие тары — распространенная отговорка кооперативов при отказе заготавливать продукты, которые, вероятно, все-таки были. Так, один кооператив отказался «заключить договор с сальским союзом охотников на снабжение совхоза рыбой. — Нам не надо, у нас тары нет...» (Микулина Е. Гречневая каша и промфинплан // *Общ. пит.* 1930. № 21–22. С. 18).

При этом вероятно, что тара в стране в целом и в кооперативах в частности все-таки была — в автографе, несколькими страницами ниже заявления героя об отсутствии тары, Платонов вычеркнул фрагмент, описывающий «районный ландшафт», который открывается после взрыва пушки и падения стены учреждения: «Две кооперативные лавки, одна против другой, горы различной тары (ящики, бочки), кучи убитой и обчищенной птицы» (А. Л. 46).

Еще летит туча целая!.. ~ Кто летит? ~ Гуси, воробьи, журавли, а низом — петухи мчатся... — Ср. с описанием в Псалтири, как Бог накормил свой народ, когда тот скитался по пустыне: «Он повелел облакам свыше и отверз двери неба, и одождил на них манну в пищу, и хлеб небесный дал им» (Пс. 77: 23–24); «и как пыль, одождил на них мясо, и как песок морской, птиц пернатых: поверг их среди стана их, около жилищ их...» (Пс. 77: 27–29).

Боже мой, боже мой!.. За что ты оставил меня на этом посту?! — Перефразировка евангельской цитаты: «Боже мой, Боже мой! Для чего ты меня оставил» (Мф. 27: 46).

Лучше б я перегибщиком был, и жил теперь на покое! — *Перегибщик* — человек, который допускает перегибы в своей деятельности; *перегиб* — нарушение правильной линии, вредная крайность (ЯС. С. 430); основное обвинение к проводникам коллективизации, за что виновные в перегибах получили наказание — тюремный срок или ссылку (см. об этом примеч. к повести «Котлован»: *Сочинения*, 4(1). С. 583–584).

С. 212. *В Осоавиахиме артиллерийский кружок ~ а в кружке пушка — разрешите пальнуть...* — Основная задача Осоавиахима — массовое военное обучение молодежи. Работа в Осоавиахиме была организована по кружкам: кружки военных знаний, стрелковый, пулеметный, кавалерийский, воздушно-химической обороны и др.: «Основным каналом массовой работы Осоавиахима в области военной подготовки трудящихся являются кружки

военных знаний и стрелковые кружки. Осоавиахим создал разветвленную сеть таких кружков (7270), вовлекая в них рабочий и крестьянский актив. <...> Кружки военных знаний дают теоретическую подготовку. Стрелковые кружки научают трудящихся владеть винтовкой» (*Зарзар В.* Осоавиахим — детище Октября. М., 1928. С. 38, 39).

Забыл про мое единоначалие, беспринципник дьявол какой!.. — Тезис о необходимости *единоначалия* — основной в Постановлении ЦК ВКП(б) «О мерах по упорядочению управления производством и установлению единоначалия» (опубликовано в «Правде» 7 сент. 1929 г.). В Постановлении говорилось о необходимости разграничивать полномочия между сторонами «треугольника» на предприятии (т. е. администрацией, парткомом и профкомом) и о непосредственной ответственности именно администрации, в лице директора, за выполнение промфинплана: «...необходимо исходить из того, что администрация (директор) непосредственно отвечает за выполнение промфинплана и всех производственных заданий». В обязанности же профсоюза, как напоминает Постановление, входила забота только о культурно-бытовых и экономических нуждах рабочих, а в обязанности парткома — контроль за выполнением директив партии (Постановление ЦК ВКП(б) о мерах по упорядочению управления производством и установлению единоначалия // *Правда.* 1929. 7 сент. С. 1).

К данному постановлению, в связи с плохим выполнением его на местах, в 1930–1931 гг. пресса возвращается постоянно, давая дополнительные инструкции по выполнению директивы «о единоначалии»: установить «ответственность каждого занятого в производстве — от директора до рядового рабочего — за порученное ему дело и обеспечить порядок, «который исключал бы безответственность, путаницу и фактическое безначалие в производстве» (Темп осуществления директивы партии о единоначалии недостаточен // *Массовик.* 1930. № 4. С. 19. Подпись: *Т. К.*).

С. 213. ...*давай рационализацию выдумаем, а то у тебя ненаучно как-то все ~ Рационализация ~ Пускай теперь наука трудится, а человек около нее как на курорте.* — *Идея рационализации* во всех сферах жизни и экономики СССР — одна из настойчиво предлагаемых мер по улучшению их функционирования: «Рационализаторская работа одновременно проходит на всей необъятной территории нашего Союза» (*Вараксин Д.* Обмен рационализаторским опытом // *Союз потр.* 1930. № 1. С. 56). Именно на рационализаторскую работу возлагались большие надежды по исправлению многочисленных недостатков в работе потребкооперации: «15 марта Центросоюзом созывается Всесоюзное совещание по рационализаторской работе потребкооперации. <...> Рационализаторы <...> должны являться авангардом в деле исправления недочетов в работе и выполнения задач, поставленных перед потребкооперацией...» (*Ветчинин И.* К Всесоюзному съезду рационализаторов // *Союз потр.* 1930. № 2. С. 75). В связи с тем значением, которое придавалось работе рационализаторов, кооперативам вменяется в обязанность приглашать их в штат и формировать рационализаторский аппарат — задача, которую на местах решать, как правило, отказывались, мотивируя другим требованием к ним же сокращать штат: «В ноябре в Коломенском союзе

о рационализаторе и думать не хотели. На вопрос о том, есть ли у вас рационализатор, представитель Коломенского союза сообщил: “Нет и не будет”. — Почему? “РКИ не разрешает штат раздувать”. Показываем распоряжение НКФ РСФСР, категорически требующее приглашение рационализаторов...» (Вараксин Д. Обмен рационализаторским опытом // *Союз потр.* 1930. № 1. С. 57). Вероятно, действительной причиной отказа принимать рационализаторов на работу была их бесполезность для кооперативов — вот примеры вопросов, которые решали там рационализаторы: «Рационализатор одного Союза пишет, что в своих исканиях пришел к выводу о ненужности десятой косточки на счетах» (Там же. С. 56); «над вопросом об уничтожении понижающего производительность труда шума при работе на счетах бьется сейчас десяток людей, много сделано предложений, но положительные результаты едва намечаются» (Там же. С. 57).

...ворота с надписью «Парк культуры и отдыха»... — Парки культуры и отдыха в первые послереволюционные десятилетия открываются в городах СССР в большом количестве; их значение растет: «Парк культуры и отдыха <...> стал одним из популярнейших культурно-политических центров» (Приблизить парк к фабрикам и заводам // *Массовик.* 1930. № 2. С. 22. Подпись: Б.). Основная функция, которую должны были выполнять Парки культуры и отдыха в ситуации государственной борьбы с религией, — воспитание масс. Кроме воспитательной, на парки культуры и отдыха возлагается и другая задача — правильно организовывать отдых рабочего человека и способствовать повышению производительности его труда: «Правильно организованный день отдыха играет огромную роль в деле восстановления рабочей энергии и дальнейшего повышения производительности труда. <...> Отдых <...> надо проводить организованно» (Глан Б. За организованный день отдыха // *Массовик.* 1930. № 15. С. 35). Парк культуры и отдыха становится обязательным элементом нового быта: «Октябрьская революция дала в руки рабочему классу не только политическую власть, но и все средства для поднятия культурного уровня рабочих и всех трудящихся. Одно из замечательнейших культурных учреждений Москвы — Парк культуры и отдыха — дает это могучее средство в руки трудящихся. <...> Парк культуры и отдыха прежде всего — массовая культурная организация не только для отдыха, но и школа, в которой учат, как отдыхать» (Рихтер Е. В походе на бескультурье // *Наши дост.* 1930. № 7. С. 77).

Четыре крупные девушки-осоавиахимовки несут двое носилок в учреждение ~ для них это общественная работа... — Одна из форм занятий Осоавиахима — проведение военных маневров: «Тактические занятия и выходы в поле, походы, участие в маневрах Красной армии, практические занятия на местности в составе целых отрядов являются следующей ступенью военной подготовки трудящихся. <...> Подготовка к массовой воздушнo-химической защите проводится Осоавиахимом в специальных авиахимкомандах и отрядах, которые строятся при фабриках и заводах по территориальному принципу» (Зарзар В. Осоавиахим — детище Октября. М., 1928. С. 39–40). Оказание помощи получившему химическое отравление — тема практических занятий таких кружков.

С. 214. *А они мне сказали, что ты оппортуни!* — Об оппортунизме см. примеч. к повести «Ювенильное море»: *Сочинения*, 4(1). С. 613–614. Обвинения в оппортунизме звучат и в адрес представителей потребкооперации: «Элементы правого уклона заложены в узком практицизме, ведомственности, скрываются под маской “защиты” интересов рабочего потребителя, но по сути дела за этими прикрытиями мы видим элементы открытого оппортунизма, который стремится ревизовать генеральную линию партии и решения XV съезда партии» (*Хохлов И.* О правом уклоне в потребительской кооперации // *Союз потр.* 1929. № 5. С. 7).

С. 215. *Из птичьего помета заграничные химики железо и сливки делают...* — Сообщения об использовании за границей отходов пищевой промышленности появляются в советской прессе: «За границей давно нашли пути использования отходов промышленности. В Америке в этой области уже далеко пошли. <...> Не только американцы, в этом деле достигли крупных результатов и немцы. Только у нас не поставлено использование отбросов» (*Волдинер М.* Учитесь использовать отбросы // *Правда.* 1930. 10 янв. С. 3).

Мы — научность, которая знает пищу. — О ведущей роли Европы и Америки в разработке новых видов пищевого сырья журналы и газеты СССР сообщают постоянно: «В 1929 г. комиссия советских инженеров ездила в Германию для ознакомления с фабриками, вырабатывающими продукты питания. На одной из фабрик комиссии был предложен завтрак. Завтрак составляли блюда, приготовленные из шоколада, кофе, молока и яиц. Одновременно были поданы такие же блюда из сои, и комиссия не сумела отличить соевые кушанья от природных — настолько велико было их сходство» (*Круглов Ф.* Советизированные чужестранцы // *Наши дост.* 1930. № 9. С. 68). В этой же статье упоминаются заводы в Германии, Японии, Китае и Дании, «делающие из сои муку, молоко, творог, сливки, кофе, сыр, сухари, консервы и т. д.» (Там же. С. 70). В другом журнале рассказывается о банкете для советских специалистов, устроенном директором одной из германских фабрик, «добывающей почти все продукты питания из одного основного продукта. Продукт этот — соя. <...> Европа и Америка уже поняли значение сои и начали культивировать ее у себя» (*Мар С.* Ешьте сою! // 30 дней. 1930. № 8. С. 71).

Мы с детства максимально любим кооперативность. — Родина потребительской кооперации — английский город Рочдель (см. примеч. к повести «Котлован»: *Сочинения*, 4(1). С. 550).

С. 216. *...когда мы вас догнали и перегнали!* — Распространенное в 1-ю пятилетку выражение «догнать и перегнать» впервые появилось в работе В. Ленина «Грозная катастрофа и как с ней бороться» (1917): «...либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также экономически» (*Ленин. ПСС*, 34. С. 198). Выражение регулярно появляется на страницах периодики: «Центральная идея пятилетнего плана — догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые страны современного капитализма» (В пятилетний поход! [Ред. статья] // 30 дней. 1929. № 6. С. 2); «Ленинская партия дала лозунг — в кратчайший срок догнать и перегнать капиталистические страны» (Победный марш социализма [Ред. статья] //

30 дней. 1929. № 5. С. 3) и др. Лозунг «Догнать и перегнать» дает название серии книг; на тему «догоним и перегоним» выпускаются плакаты.

Товарищи буржуи. Вы попали в самый расцвет реорганизации нашего аппарата. — Очередная реорганизация аппарата потребкооперации проходила летом и осенью 1930 г., в рамках решений пленума правления Центросоюзов СССР и РСФСР, итоги которого были сформулированы так: «Пленум признал необходимым реорганизовать все мелкие и средние потребобщества в крупную районную многолавку и упразднить среднее звено — окружной союз» (*Аксютя В.* Ударные темпы в работе потребкооперации // *Крест. газ. (кооп.)*. 1930. 3 июня. С. 5). Данная реорганизация потребсистемы проходила в рамках реорганизации всего аппарата управления в стране и была связана с решением о ликвидации округов, утвержденным XVI съездом ВКП(б): «Сейчас коренная реорганизация органов управления, с целью максимально-го приближения советского аппарата к массам и приведения его в полное соответствие с задачами реконструктивного периода, поставлена в порядок дня категорическим решением ВКП(б) о ликвидации округов и укреплении районов» (*Фиссон А.* Ликвидация округов и органы труда // *В. труда*. 1930. № 7–8. С. 3). Параллельно с XVI съездом ВКП(б) проходит кооперативный съезд, одним из вопросов которого стала реорганизация потребсистемы: «На основе реорганизации советского аппарата в данный момент происходит и реорганизация кооперативной системы. Сущность реорганизации — в устранении излишней звенности» (Доклад председателя Центросоюза тов. Бадаева на 2-м Всесоюзном съезде потребительской кооперации // *Крест. газ. (кооп.)*. 1930. 27 июля. С. 4). Кооперативный съезд принимает решение, которое становится лозунгом дня: «Не позднее 1 сентября закончить реорганизацию потребсистемы» (*Крест. газ. (кооп.)*. 1930. 4 авг. С. 3). Реорганизация кооперативной системы 1930 г. предполагала укрупнение потребительских обществ за счет объединения каждым из них большего количества магазинов (см. примеч. к с. 206) и упразднение окружного аппарата.

Пищи, говоришь, нет... — Об отсутствии продуктов питания в кооперативах многих районов страны — не только промышленных, но и сельскохозяйственных — сообщается в сводках ОГПУ за 1930 г.: «Ухудшение продовольственного снабжения, наличие очередей за продуктами <...>, недочеты в работе кооперации, а также ухудшение качества продуктов и промтоваров обуславливают недовольство рабочих работой. Характерно выступление старого рабочего на митинге в механическом цехе Сормовского завода, посвященном XVI партсъезду: "...прежде чем требовать с рабочего, надо его накормить, рабочий голодает, дети его голодают, нет ни черта..."» (Спецсводка № 10 ИНФО ОГПУ о перебоях в продовольствии городов и промрайонов (не ранее 21 мая 1930 г.) // *Совершенно секретно*, 8(2). С. 926); «В частных беседах, а также на собраниях <...> больше всего внимания уделяется вопросам продовольственных затруднений. ...Наряду с упреками по адресу кооперации, отдельные рабочие высказывают нарекания на советскую власть... "Советская власть для нас ничего хорошего не сделала. Приди в ЦРК [Центральный рабочий кооператив], в нем и пожрать нечего. Нет товаров, нет продуктов, а пай увеличивают"» (Там же. С. 927).

Мы организуем вечер испытания новых форм еды. ~ мы муку из рыбы сделаем, раков вытащим из воды, птичий помет обратим в химию, суп составим из сала от мертвых костей и квас заварим из дикого меда пополам с муравьиной кислотой ~ мы из лопухов блины такие испечем, что ты их будешь есть с энтузиазмом! — Ср. с обещаниями начинающего кооператора Андрея Бабичева, рисующего перспективы будущего кооперативного благополучия, из романа Ю. Олеши «Зависть» (1928): «Мы превратим ваши лужицы в сверкающие моря, щип разольем океаном, кашу насыплем курганами, глетчером поползет кисель! <...> ...Мы обещаем вам: <...> молоко будет тяжелое, как ртуть, и такое поплывет благоухание от супа, что станет завидно цветам на столах» (Олеши Ю. Зависть. М.—Л., 1928. С. 12).

С. 217. *Суп из крапивы готов, щип из кустарника с дубовым салом ~ котлеты из чернозема жарятся.* — Кризис в стране продуктов питания, кризис жиров и белков — одна из проблем, которые регулярно обсуждаются на страницах периодики рубежа 1920–1930-х гг. О исследованиях по замене одних продуктов питания другими см. примеч. к с. 211.

Отсутствие продовольственных продуктов в большинстве районов страны приводит к тому, что население вынуждено питаться лебедой и суррогатами, о чем свидетельствуют сводки ОГПУ — например, из Центрально-Черноземной области: «Острогожский округ. По Венделеевскому району 60% населения питается суррогатами» (Справка ИНФО ОГПУ о продовольственных затруднениях (на 19 мая 1930 г.) // *Совершенно секретно*, 8(2). С. 921). Из Башкирии: «...зарегистрированы факты голода и употребления в пищу лебеды» (Справка ИНФО ОГПУ о продовольственных затруднениях и голоде... (по материалам на 26 марта 1930 г.) // Там же. С. 881). С Северного Кавказа: «Население, не имеющее хлеба, питается травой и дикими лесными фруктами» (Справка ИНФО ОГПУ о продовольственных затруднениях (на 20 июня 1930 г.) // Там же. С. 977). Из Сибири: «Заболевания на почве недоедания и питания суррогатами принимают все большие размеры» (Там же. С. 979).

А что касается каши из саранчи... — Саранча (или акриды) и дикий мед — пища Иоанна Крестителя. У саранчи как возможной пищи был также близкий политический контекст лета 1930 г., связанный с преследованием оппозиции на XVI съезде партии. Одним из объектов нападок стал Н.П. Томский (о нем см. примеч. к с. 234), который пытался возражать на предъявленные ему обвинения. Вероятно, он говорил о своей возможной ссылке, потому что Сталин ответил ему в заключительном слове 2 июля 1930 г. так: «...разговоры т. Томского насчет того, что его хотят послать в пустыню Гоби и заставить есть дикий мед и акриды, есть пустые прибаутки провинциально-водевильного характера, не имеющие ничего общего с достоинством революционера...» (Сталин И. Заключительное слово // Правда. 1930. 3 июля. С. 1).

С. 218. *Для ясности перспективы ничего не будет? ~ Укус... — Укус — питье, предложенное Спасителю на кресте: «...дали Ему пить укуса...» (Мф. 27: 34); имеет прообраз в Ветхом Завете: «...и в жажде моей напоили меня укусом...» (Пс. 68: 22).*

Деревянный век... Что ж, это тоже приличная переходная эпоха была! — Переживаемый страной исторический этап считался переходным от капитализма к социализму: «В переходный период (переходный от капитализма к социализму) классы еще остаются и классовая борьба временами даже обостряется» (*Бухарин Н. Заметки экономиста // Правда. 1928. 30 сент. С. 2).*

...играет вальс «На сопках Маньчжурии». — «На сопках Маньчжурии» — популярный русский вальс начала XX в., посвящен погибшим в русско-японской войне 1904–1905 гг.; музыка И. Шатрова.

С. 219. *...мы должны испытать в глубине своих туловищ силу новой пищи...* — После разработки различными научно-исследовательскими институтами «новых видов пищи» (см. примеч. к с. 211) она испытывалась на различных категориях населения. Так, в статье о работе Научного института питания рассказывается об испытании новых форм еды сначала на животных, затем — на студентах-медиках и наконец — на пациентах психиатрической больницы им. Кашенко: «Все опыты института, прежде чем стать достоянием масс, долго и тщательно проверяются, каждый новый вид пищи испытывается сперва на животных, потом на людях. <...> После того, как опыты над животными дадут хорошие результаты, переходят к испытаниям пищи над людьми. Так, соевые блюда <...> долго испытывались над студентами-медиками. Потом опыты были перенесены в больницу им. Кашенко...» (*Загорская Ек. Рациональное питание. Научный институт питания // Наши дост. 1931. № 1. С. 95).*

Да здравствует пятилетка в 4 года! — Первая пятилетка началась в ноябре 1928 г. и должна была закончиться в конце 1933 г. Но уже в декабре 1929 г. съезд ударников призывает выполнить пятилетку в четыре года — «пятилетка в четыре года» становится лозунгом дня.

Алеша жмет рукой рукоятку одного деревянного грубого механизма ~ он аплодирует и кричит «ура». — Впервые упоминание аплодирующего устройства появилось у Платонова в повести «Впрок»; см. примеч. к повести «Впрок»: *Сочинения, 4(1). С. 452–453.*

Грохот неведомого механизма. ~ По столу на конвейере — медленно выплывает громадная деревянная чашка... — Введение системы конвейера в сферу подачи блюд в общественных столовых в 1930 г. было новым делом, которое рекламировалось как прогрессивное — например, о работе фабрики-кухни в Бауманском районе Москвы сказано так: нет очередей, так как «в подачу блюд введена система конвейера» (*Рихтер Е. Фабрика-кухня // Наши дост. 1931. № 1. С. 96).* Ввиду значения, которое придавалось механизации в общественном питании, изобретатели-самоучки тоже прилагали к этой сфере свои идеи, о чем сообщала периодика: «Изобретен автомат-столовая. <...> Полученный в кассе вместо чека особый металлический жетон посетитель опускает в отверстие, имеющееся в каждом столике, и через несколько секунд в середине стола вырастает указанное блюдо» (*Автомат-столовая // Общ. пит. 1930. № 17–18. С. 12. Подпись: БЭВ).*

С. 220. *...у нас говядина и капуста есть в республике. Может, лучше б кушать нормальные щи!* — Косвенными свидетельствами наличия в стране мяса и овощей являются многочисленные сообщения (как в прессе, так и в

сводках ОГПУ) об их порче на заготовительных пунктах и в кооперативах: «В Судорогском ЦРК <...> овощей сгнило 100 пудов моркови и свеклы. <...> ...Испортились (замерзли) два вагона картофеля, который затем поступил в продажу в Каменское ПО <...> На складе Нижмясоовощ, благодаря небрежному хранению, испорчено мяса на 15000 руб., в Молокосоюзе испорчено 87 кадок творога...» и т. д. (Справка ИНФО ОГПУ о фактах отрицательного характера в работе кооперации // *Совершенно секретно*, 8(2). С. 894). Вне кооперативного контекста тема продовольственного богатства страны звучит еще более очевидно: «Советский Союз богат рыбой» (*Паустовский К.* Разговор о рыбе // 30 дней. 1930. № 6. С. 22).

Это — саранча? Они едят вредителей. — Образ саранчи и прочих вредителей как возможной пищи находился в 1930 г. на пересечении нескольких контекстов — как исторических, так и культурных. Кроме того, данное предложение является парафразой одновременно нескольких крылатых выражений.

Во-первых, тема саранчи и других вредителей сельского хозяйства, а также необходимости их истребления в конце 1920-х гг. (как и всегда) поднимается в связи с вопросом о мерах по улучшению благосостояния страны: «Многим приходится читать и слышать о стихийном развитии саранчи, сусликов, мышей и других вредителей. <...> В серию первоочередных задач по улучшению благосостояния страны <...> была включена борьба с вредителями» (*Модестов В.* Вредители и борьба с ними в СССР // *Науки дост.* 1929. № 2. С. 39, 41). Эти же «вредители сельского хозяйства» в 1930 г. упоминаются в связи с «перебоями в снабжении» ряда районов СССР. Из-за этих перебоев население начинает употреблять в пищу сусликов, о чем свидетельствуют сводки ОГПУ: «В ряде сел Заветинского района беднота употребляет в пищу сусликов, что не исключает возможность заболевания чумой, т. к. среди сусликов обнаружен большой процент чумных» (Справка ИНФО ОГПУ о продовольственных затруднениях (на 15 июня 1930 г.) // *Совершенно секретно*, 8(2). С. 970).

Параллельно с развитием темы о вредителях сельского хозяйства понятие «вредители» постепенно, но все более и более настойчиво начинает переноситься на представителей разных слоев населения, и прежде всего интеллигенции, деятельность которых якобы наносит вред СССР. Переносное значение слова «вредители» актуализируется в 1928 г. в связи с «Шахтинским делом» (суд над «вредителями» в угледобывающей промышленности), а затем закрепляется в сознании людей даже больше, чем прямое: появляются «вредители» в разных сферах жизни, одновременно на них переносятся и конкретные образы вредителей: грызуны, суслики, мыши и пр. Из наиболее крупных дел времени о «вредителях» — следующие. 22 сентября 1930 г. — сенсационное сообщение в «Правде» и большая подборка материалов под общим названием: «Раскрыта контрреволюционная организация вредителей рабочего снабжения» (Правда. 1930. 22 сент. С. 3). То обстоятельство, что «организация» якобы орудовала в сфере продовольствия, особо подчеркивается, — этих людей называют «грызунами»: «На смену организации тайных заговоров <...> вышло вредительство. <...> Шахтинский процесс 1928 г. оказался лишь первой ласточкой. С тех пор раскрыты и ликвидированы

вредительские организации на транспорте... [и т. д., и т. п.]. Но самая гнусная, самая подлая вредительская контрреволюционная организация раскрыта недавно ОГПУ <...> на участке продовольственного снабжения рабочих и трудящихся масс нашей страны. <...> В Союзмясе, Союзрыбе, Союзконсерве, Союзплодоовощи <...> сидели агенты международного капитала. Враг <...> не мог оставить без внимания органы, заготавливающие и распределяющие продукты питания. <...> Вслед за раскрытием «грызунов» в Москве, они были обнаружены и в Харькове <...> Кучка старых промышленников и их слуг <...> умышленно выпускала консервы из требухи, губ и зубов, пытаясь отравить трудящихся ядом недоброкачественной продукции» (Фельдман М. На пороге четырнадцатого года // Изба-читальня. 1930. № 19–20. С. 13–15). Освещая эти события в прессе, сатирики на все лады обыгрывают образ вредителей-грызунов. Так, под эпиграфом: «ОГПУ раскрыта вредительская организация в мясном, рыбном и овощном деле», — следующий текст, принадлежащий писателю-пародисту А. Архангельскому, публикующемуся под псевдонимом «Архип»: «Бой продолжается <...> / Звериной злобою врагов / Окружена, — <...> / Берет подъем / Советская страна. <...> / Но там, / В укромных норах, <...> / Прислушайся, — / Мышиный слышен шорох. / Вредители орудут в тиши <...> / Они пытаются осуществить свой план: / Воюющей рыбою / Гнилым и тухлым мясом / Отравливать / Рабочих и крестьян. <...> / Вредители / Преграды нам готовят, / Но мы сметем их / С нашего пути» (О вредителях // Лапоть. 1930. № 20. С. 3. Подпись: *Архип*). В ноябре 1930 г. судят представителей технической интеллигенции (дело «Промпартии») якобы за развал уже всей промышленности, и они тоже получают определение «вредители»: «Вредители устраивают так, что материалы и машины, нужные одному заводу, посылаются в другой за тыс. километров» (Левин Е. О предателях, об изменниках // Знание — сила. 1931. № 1. С. 7); в марте 1931 г. — суд над так называемой «вредительской» организацией меньшевиков «Союзное бюро».

Широко известно выражения Т. Карлейля, которое, вероятнее всего, Платонов и перефразирует в словах «Они едят вредителей»: «Революция, подобно Сатурну, пожирает своих собственных детей». Данная фраза сказана о расправе над жирондистами во время французской революции, т. е. в ситуации, аналогичной 1920–1930-м гг. нашей истории.

И наконец, слова о новой «пище» представителей нового мира корреспондируют с евангельским текстом, который читают в Церкви перед таинством Причащения, — они ему противопоставлены: «Примите, ядите: сие есть Тело Мое» (Мф. 26: 26).

Верно, барышня. Мы вредителей прячем в себя. — Частичная автоцитата, отсылающая к повести «Котлован»: «Говядину в то краткое время ели как причастие — есть никто не хотел, но надо было спрятать плоть родной убоины в свое тело» (см.: *Сочинения*, 4(1). С. 140), — и, вероятно, парафраза евангельской цитаты: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» (Ин. 6: 56).

О вовлеченности всего народа в истребление «вредителей» много писала советская пресса, особенно в ноябре 1930 г., во время процесса над «Промпартией». На страницах периодики, в частности, газеты «Правда»,

публикуются многочисленные репортажи из разных городов страны о демонстрациях и собраниях трудящихся под лозунгами: «Задуть контрреволюционную гадину», «Вредителей расстрелять!», «Требуем расстрела!», «Смерть гадам, вредителям, агентам интервенции» и т. п. (Правда. 1930. 19, 20, 22, 26 ноября и др.). Каждый день «Правда» сообщает о ходе политического процесса и ответной реакции со стороны населения — например, в подборках материалов под названиями: «Грозной лавиной нарастают в стране Советов гнев и возмущение рабочих против вредителей и интервентов» и «Заслуженная награда — расстрел» (Правда. 1930. 19 ноября. С. 2). 26 ноября «Правда» помещает репортаж об огромной демонстрации в Москве, проиллюстрированный многочисленными фотографиями (Трудящиеся красной столицы готовы к защите социалистического отечества // Правда. 1930. 26 ноября. С. 1). Та же «Правда» публикует стихотворение А. Безыменского «Требуем!»: «Гнев наш! Ты будешь прост и неистов. <...> / Ставь резолюцию / Просто и кратко: / В ПАСПОРТЕ НА ЖИЗНЬ — / ОТКАЗАТЬ» (Безыменский А. Требуем! // Правда. 1930. 12 ноября. С. 3); высказывания деятелей западной культуры — «лучших представителей мировой литературы и искусства» — в поддержку СССР и ее внутренней борьбы (За защиту Советского Союза! // Правда. 1930. 23 ноября. С. 3).

Тогда вы будете вредным... — Перефразировано известное высказывание Людвига Фейербаха: «Человек есть то, что он ест». Высказывание вошло в «Справочник цитаты и афоризма», изданный в 1930 г., со следующим комментарием: «Афоризм этот принадлежит Людвигу Фейербаху и содержится в его рецензии о книге Малешотта “Популярное учение о питательных продуктах”». Людвиг Фейербах как идеолог атеизма пользовался в СССР официальным признанием. Многие свои антирелигиозные высказывания он строил на базе евангельских идей — возможно, и афоризм: «Человек есть то, что он ест», — создан с оглядкой на слова Спасителя: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем». Фраза «тогда вы будете вредным» констатирует реальность, противоположную той, которая выражена в словах молитв, читаемых перед причастием: «Божественное Тело и обожает мя, и питает».

С. 221. *...весь мир есть эксперимент божьих сил. ~ это религиозная пропаганда!* — Религия считалась в СССР едва ли не главным врагом и основным препятствием к строительству социализма: «Религия — один из главных и самых опасных врагов нового человека» (Беккер Мих. Поэты и религия // ЛГ. 1930. 6 янв. С. 3). Всякая религиозная пропаганда в стране была запрещена, антирелигиозной же придавалось большое значение: «Живое дело антирелигиозной пропаганды многие подменяют убийственными шаблонами. К числу таких шаблонов относится противопоставление иконе портрета Ленина» (Там же). В верующих видели основных противников советской власти: «...всякий верующий таит в себе активного или пассивного противника советской власти и всех ее мероприятий» (Завадовский Б. ВАРНИТСО и антирелигиозная пропаганда // ВАРНИТСО. 1930. № 2. С. 69). Из такого отношения к религии неизменно следовал вывод о борьбе с ней: «Мы не можем мыслить себе содействия социалистическому строительству СССР без активного участия в борьбе против религии во всех ее видах» (Там же).

С. 72). «Для широких масс трудящихся» по всей стране регулярно проводились антирелигиозные лекции (Антирелигиозная работа ВАРНИТСО // ВАРНИТСО. 1930. № 4. С. 92).

У нас всего много — у нас одна шестая земного глобуса... — По площади территория СССР занимала примерно одну шестую часть суши земного шара. Это обстоятельство часто упоминалось, в том числе в школьных учебниках.

Алеша включает некий деревянный аппарат ~ Аппарат режет хлеб на ломтики, и эти ломтики автоматически мажутся каким-то белым веществом; затем готовые бутерброды сошвыриваются лапой аппарата... — Образ технических изобретений в системе общественного питания впервые появляется в рассказе Платонова «Григорий с Умственного хутора»: «Григорий изобрел автоматические намазыватели масла на булки...» (наст. изд., с. 29).

Не будь беспринципником... — О появлении этого обвинения см. примеч. к с. 198.

Я люблю больше всего дирижабль. — После прилета 10 сентября 1930 г. дирижабля «Граф Цеппелин» в Москву была начата кампания по пропаганде советского дирижаблестроения. Значение дирижаблей для СССР подчеркивалось: «О значении дирижаблей для Советского Союза говорить особенно не приходится: при наших огромных строительствах они незаменимы. <...> У нас в Советском Союзе создан специальный комитет содействия развитию советского дирижаблестроения. Ему надо помочь. Для этого нужно: Рассказать о значении дирижаблей. <...> Всячески стараться познаться с воздухоплаванием практически. <...> Наконец, помочь сбору средств. <...> Советскому Союзу нужны свои дирижабли» (Даешь советский дирижабль // Знание — сила. 1930. № 10. С. 15. Подпись: *НБА*).

С. 222. *Он летун... —* *Летуном* назывался рабочий, который переходил с одного предприятия на другое «по рваческим побуждениям», особенно «в прорыв» или в «разгар выполнения промфинплана». Таким «летунам» отвечали сознательные рабочие: «В ответ летунам я закрепил себя в цехе до конца своей жизни» (*Ципкин Ив.* В Кольчугине // *Наши дост.* 1931. № 4. С. 28).

Ты единоличница!.. Ты думаешь, что у тебя есть душа... — Отсутствие души — один из тезисов антирелигиозной пропаганды: «И, наконец, вера в душу — основа всех надежд и упований верующего в загробную жизнь — тоже разоблачена наукой, которая блестящими трудами по изучению нервной системы доказала материальную обусловленность всей нашей душевной деятельности» (*Завадовский Б.* ВАРНИТСО и антирелигиозная пропаганда // ВАРНИТСО. № 2. С. 70). *Единоличники* — крестьяне, отказывающиеся вступать в колхозы и ведущие свое хозяйство самостоятельно, единолично. Наличие религиозных убеждений и твердость в вере обычно связывали с отказом вступать в колхоз: «Жизнь доказала, что переход от индивидуально-го хозяйства к коллективному определяет сдвиг в сознании батрака, бедняка и середняка, дает толчок к переходу от религиозного мировоззрения к безбожному. Бедняки и середняки, вступившие в колхозы, организуют массовое сожжение икон, закрывают церкви и используют молитвенные здания на

культнужды» (Безбожники, колхозное строительство и весенний сев // Избачительня. 1930. № 3–4. С. 43. Подпись: Н.З.)

...над Третьим Интернационалом... — Третий, или Коммунистический Интернационал (Коминтерн) появился после распада Второго Интернационала в начале Первой мировой войны, когда «все вожди Второго Интернационала стали на предательский путь социал-патриотизма и помогали гнать международный пролетариат в окопы убивать друг друга, во имя “защиты своей родины”» (Белл Т. Коминтерн // 30 дней. 1929. № 3. С. 4). «Развал Второго интернационала в 1914 г. <...> поставил перед международным пролетариатом вопрос о создании нового — Третьего интернационала» (Там же. С. 3). После победы Октябрьской революции 1917 г. на международном совещании революционных сил в Москве в 1919 г. Ленин предложил создать Третий Интернационал; это совещание и стало первым конгрессом Коминтерна. В 1929 г. отмечали десятую годовщину основания Коминтерна.

...вынимает папиросы «Тройка» и закуривает. — «Тройка» — одна из популярных марок папирос (и сигарет) в СССР, обычно — с изображением тройки лошадей на коробке.

Пью за все державы, где ~ пролетариат поднимает голову... — Нарастание революционного движения в странах развитого капитализма — одна из тем прессы на рубеже 1920–1930-х гг., о чем свидетельствует лозунг «Организуем силы для свержения капитализма» (Правда. 1930. 1 мая. С. 1) и сообщения: «В Малаге (Испания) к стачке строителей присоединились рабочие других профессий» (Правда. 1930. 11 окт. С. 2); «Стачка берлинских металлистов» (Правда. 1930. 19 окт. С. 2); «Рурские горняки готовятся к стачке» (Правда. 1930. 31 дек. С. 2) и т. д. Революционному движению в капиталистических странах посвящены разделы в докладах советских партийных деятелей — например, в докладе Л.М. Кагановича на II Московской областной партконференции: «Кризис мирового капитализма и новый революционный подъем» (Правда. 1930. 8 июня. С. 3); в докладе В.М. Молотова на XVI съезде партии: «Нарастание революционного подъема и борьба за большинство рабочего класса» (Правда. 1930. 8 июля. С. 3).

...за все опубликованные в местной прессе лозунги — ура! — Как центральная, так и местная пресса регулярно публиковала лозунги — краткие высказывания, выражающие основную руководящую идею и направление деятельности на ближайший период времени: «Развернем рабочую активность», «Сломаем кулацкий саботаж!» (Коммуна. 1929. 31 мая. С. 3); «Большевистскую самокритику сделаем более острой, настойчивой, глубокой» (Правда. 1929. 5 ноября), «С неослабеваемой энергией направлять самокритику против правых капитулянтов» (Правда. 1929. 19 ноября) и т. д.

Угостите этим ~ вашим демпингом... — Демпинг — продажа товаров на внешних рынках по ценам заведомо более низким, чем на внутреннем или мировом. Проблему демпинга в 1930–1931 гг. советская пресса регулярно поднимала в ответ на заявления Запада о «советском демпинге» и на попытки по этой причине ограничить торговлю с СССР. Так, французское правительство в 1930 г. издало декрет, запрещающий ввоз и провоз товаров, отправленных из СССР. Эту инициативу подхватили другие страны: «Правительства Румынии, Бельгии и Венгрии под давлением французского

правительства приняли решение о запрещении ввоза в эти страны товаров советского происхождения ввиду их якобы “бросовых цен”» (Поход против советского экспорта // *Крест. газ. (кооп.)*. 1930. 24 окт. С. 4). Такая политика Запада была названа «демпинговой “атакой” на СССР». Странам капитала со страниц советской прессы объясняется, какие трудности их ожидают в случае отказа от ввоза советских товаров (Еще раз о «демпинговой» кампании [Ред. статья] // *Правда*. 1930. 28 окт. С. 1). Вывод из проблемы «советского демпинга» — всегда один: «Мнимый советский демпинг является лишь прикрытием для подготовки войны против СССР» (Мировой кризис развивается // 30 дней. 1930. № 10–11. С. 39. Подпись: ЮР).

С. 223. ...это звучит как самотек... — *Самотек* — «ход какого-то дела, работы без плана, без руководства, стихийное осуществление чего-либо» (ЯС. С. 532). Одно из употребительных понятий времени — см., например, название редакционной статьи в газете «Труд»: «Самотеку противопоставить плановость» (Труд. 1930. 28 марта. С. 1); описание проблем в организации сельского хозяйства: «Осенний сев проходит самотеком» (Немедленно покончить с самотеком // *Крест. газ. (кооп.)*. 1930. 27 авг. С. 1. Подпись: *Зам. Наркомзем Гринько*); «...в результате оппортунистических надежд на самотек...» (Покончить с самотеком // *Крест. газ. (кооп.)*. 1930. 14 сент. С. 3) и т. д.

Дядь, дай кусочек! ~ Нам хоть невкусное... — О голоде после начала сплошной коллективизации свидетельствуют сводки ОГПУ, например, по Средне-Волжскому краю: «Нуждающиеся в хлебе употребляют в пищу лебеду, желуди и павший скот, а также семена, выданные на проведение сева. На почве голода отмечены случаи опухания и заболевания. По данным на 20 мая, по краю зарегистрировано 12 случаев голодной смерти» (Справка ИНФО ОГПУ о продзатруднениях по отдельным районам Союза (по материалам на 10 июня 1930 г.) // *Совершенно секретно*, 8(2). С. 962).

Чуждый мусорный голос взрослого за окном. Дозвольте жижку жевнуть! Я тоже был член. — *Чуждые люди* — те, кто по каким-то причинам (происхождение, взгляды и т. п.) не вписывался в строительство социализма. В 1929–1932 гг. проходит «чистка» советского аппарата (подробнее о ней см. примеч. к повести «Ювенильное море»: *Сочинения*, 4(1). С. 610–611), в ходе которой чуждый контингент «вычищался» (т. е. людей увольняли) и которая сильно затронула кооперацию. Пресса сообщает о таких результатах «чистки» кооперации, как десятки тысяч выброшенных за ее пределы бывших членов: «Чистка кооперативного аппарата выбросила за пределы кооперации десятки тысяч чуждых людей» (*Бадаев А.* Потребкооперация к XVI съезду ВКП(б) // *Союз потр.* 1930. № 5. С. 8).

С. 225. *Где у вас есть большевистская душа?.. Европа ведь скучает без нее и плачет...* — О любви международного пролетариата к СССР и о том, что СССР является его отечеством, в которое пролетариат всегда стремится, писали в прессе — вот, например, стихотворение немецкого поэта Иоганнеса Бехера «Пою пятилетку»: «Я посвящаю свой стих рабочим и крестьянам всего мира, Я будоражу их песней, кричу им: будьте готовы / Защищать отечество ваше, Советский Союз» (Прожектор. 1930. № 30. С. 5). Пресса сообщала и о стремлении иностранных рабочих приехать в СССР: «В этом году

в СССР снова потянутся сотни иностранных рабочих от станка, чтобы своими собственными глазами посмотреть на страну Советов, <...> засвидетельствовать чувства классовой солидарности и пролетарской связи...» (Юзефович И. О международной работе советских профсоюзов // Массовик. 1930. № 21. С. 28). Симпатии западных рабочих к СССР — тема периодики: «Во всем капиталистическом мире 1 мая рабочие выйдут на улицу продемонстрировать свою волю к борьбе за окончательное свержение буржуазии и свои симпатии к СССР» (На подъеме [Ред. статья] // На тр. фронте. 1930. № 11).

С. 226. ...где же у них надстройка? — О надстройке см. примеч. к с. 201.

...вы обрадуете всю Пан-Европу, если отпустите нам горячий дух из вашей государственной надстройки! — Пан-Европа — союз европейских государств, идея которого обсуждалась со второй половины 1920-х гг. при активном участии министра иностранных дел Франции А. Бриана, первым выступившего с проектом Пан-Европы как «объединения всех европейских государств <...> в один общий политико-экономический союз» — всех, за исключением СССР (Михайлович Н. Пан-Европа // МЖ. 1930. № 4. С. 66). Создатели Пан-Европы преследовали как экономические, так и политические цели. В качестве экономических назывались прежде всего «таможенное объединение европейских стран» (Там же) и противостояние все увеличивающемуся американскому экспорту на европейский рынок. Но не менее важной считалась и политическая цель — помешать проникновению в Европу коммунистических идей из СССР. Эту задачу наиболее последовательно выражал один из идеологов Пан-Европы, граф Р.Н. Куденхове-Калерги, который писал: «Поскольку открытой целью Советского Союза <...> является революционизирование и советизация всего человечества <...>, коммунистическая революция во всем мире <...> — обеспечение мира на Западе должно быть главной целью всей европейской политики» (цит. по: Михайлович Н. Пан-Европа // МЖ. 1930. № 4. С. 71). Тем не менее СССР в 1930 г. тоже пытался стать членом пан-европейского союза — вероятно, после определенного давления в марте 1930 г. А. Бриан выдвинул проект нового европейского пакта, в котором были уже «все европейские государства, включая и Советский Союз» (Проект нового европейского пакта // Правда. 1930. 31 марта. С. 1). Однако этот новый проект с членством СССР не прошел, и в мае 1930 г. СССР не получил приглашения на первую пан-европейскую конференцию в Женеве. О том, что борьба с СССР — главная цель образования Пан-Европы, писали советские газеты: «...практический смысл бриановской Пан-Европы заключается в борьбе против САСШ и еще больше — в борьбе против Советского Союза» (Подготовка войны под флагом пацифизма [Ред. статья] // Правда. 1930. 8 июня. С. 1). В публикациях на тему пан-европейского союза не оставлена без внимания и проблема советского экспорта, который объявляется серьезной причиной неприятностей с Пан-Европой: «Центр тяжести <...> переносится в плоскость борьбы с советской экономикой. В практике наших торговых взаимоотношений мы уже знаем случаи <...> выступлений против отдельных категорий советского экспорта» (Михайлович Н. Пан-Европа // МЖ. 1930. № 4. С. 74).

Установок на энтузиазм у нас много, почти что затоваривание получилось... — Выполнение первой пятилетки (1928–1932) было «под угрозой»; план не выполнялся на всех участках социалистического строительства, о чем регулярно била тревогу пресса, и расчет делался только на энтузиазм масс, о чем тоже свидетельствовала пресса, например, в статье В. Василевского: «Энтузиазм преодолел все преграды» (*На тр. фронте*. 1930. № 19–20). «Установок на энтузиазм» было много, о них регулярно писали и призывали внедрять повсеместно — это соцсоревнование, ударничество, производственные коммуну, рабочее шефство, общественный буксир, рабочее рационализаторство, встречный промфинплан и пр.: «Невиданные темпы социалистической стройки идут нога в ногу с необычайным подъемом и энтузиазмом рабочих масс, собственными руками строящих бесклассовое общество. За последний год пролетариат Советского Союза выдвинул новые формы социалистического труда, осуществив на деле ленинские указания о соцсоревновании и широко развернув такие формы работы, как ударничество и производственные коммуну» (Вопросы труда перед XVI съездом партии [Ред. статья] // *На тр. фронте*. 1930. № 16); «Неисчерпаема инициатива рабочей массы в деле помощи социалистическому строительству. Все новые и новые идеи рождаются в рабочей массе», одна из них — брать на «общественный буксир» отстающих, «общественный буксир — новая форма инициативы рабочей массы, новый метод соцсоревнования. Применение его к отстающим предприятиям приносит большую пользу не только тому, кого “тянут”, но и тому, кто “тянет”» (*Мещераков Т.* Новый почин донбасских рабочих // *На тр. фронте*. 1930. № 17); «На нашем заводе впервые в СССР проработка конкретных цифр вылилась в новую массовую форму — встречный промфинплан» (*Крохин К.* Энтузиасты социалистического труда // *На тр. фронте*. 1930. № 25). Эти «установки на энтузиазм» отражаются и в лозунгах дня: «Соцсоревнование — мощный рычаг в деле выполнения промфинплана» (*На тр. фронте*. 1930. № 21); «Дорогу общественному буксиру» (*На тр. фронте*. 1930. № 17), «Изобретательство на службу социализму» (*На тр. фронте*. 1930. № 25).

С. 228. *У нас на Западе тихо стало в сердце ~ Бедная интеллигенция желает вашу душу. Мы просим подешевле, у нас кризис...* — Экономический кризис 1929–1933 гг. начался в Америке, затем охватил страны Западной Европы; советская пресса называла его «прогрессирующим кризисом капитализма». Кризис привел к безработице и снижению уровня производства во всех капиталистических странах, чему советская пресса всегда противопоставляла рост производства в СССР: «В первом квартале 1930 года снижению уровня производства в САСШ на 11 процентов, в Германии на 8, 4 процента, в Англии на ½ процента противостоит рост производства в СССР на 32 процента» (Мировой кризис развивается // 30 дней. 1930. № 10–11. С. 39. Подпись: ЮР). Хозяйственный рост СССР в обстановке общего экономического кризиса капиталистических стран постоянно подчеркивается: «Самым характерным фактом для нынешнего международного положения является огромный хозяйственный рост СССР в обстановке общего экономического кризиса, начавшегося в самой могучей капиталистической стране — Северо-Американских Соединенных Штатах. <...> Неслыханный

в истории темп экономического развития здесь, глубокий неизлечимый экономический кризис там. <...> СССР победоносно идет вперед. <...> А экономический кризис на Западе <...> расширяется и углубляется дальше, превращается в мировой кризис. <...> Растущий экономический кризис <...> прямо толкает массы в капиталистических странах к стихийным революционным выступлениям...» (Теснее сомкнуть ряды! [Ред. статья] // Правда. 1930. 1 мая. С. 1). Сравнение того, что происходило «у них» и «у нас», неизменно показывало: у них — растет экономический кризис и безнадежность, у нас — трудовой энтузиазм масс двигает стройку нового советского общества (Кризис капитализма и победоносное строительство социализма [Ред. статья] // Правда. 1931. 8 янв. С. 1).

У нас ведь контроль рублем... — Понятие «контроль рублем» появилось в марте 1931 г. и относилось к регулированию хозяйственных отношений между предприятиями и выполнению ими обязательств перед Госбанком за взятые кредиты: в качестве реакции на многочисленные нарушения этого рода 20 марта 1931 г. Совнарком вынес специальное постановление об изменении в системе кредитования предприятий; суть изменений касалась «контроля рублем» предприятий со стороны Госбанка. Постановление предписывало Госбанку «обеспечить контроль рублем за ходом выполнения планов производства и обращения товаров», ввести «финансовый контроль над работой кредитуемых банком хозяйственных предприятий. В руках Госбанка могущественное орудие этого контроля — РУБЛЬ» (Контролировать рублем промфинплан [Ред. статья] // Раб. газ. 1931. 23 марта. С. 1). С этого времени «контроль рублем» становится лозунгом дня.

С капитализмом нужно соглашение... — Обвинения в уступках капитализму относились к Н. Бухарину и другим представителям так называемого «правого уклона» в партии: правыми называли тех, кто преклонялся перед капитализмом, стремился укрепить его позиции в Стране Советов, требуя уступок частному капиталу. Н. Бухарин, например, выступал за ликвидацию монополии внешней торговли, выдвинул теорию «мирного вставания буржуазии в социализм, дополнив ее “новым” лозунгом — “Обогащайтесь”» (Краткий курс. С. 262). Много внимания позиции лидеров «правого уклона» «тт. Бухарина, Рыкова и Томского» по отношению к капитализму уделяет Сталин в отчетном докладе на XVI съезде ВКП(б) летом 1930 г.: «...беда правых уклонистов в том, что <...> они не хотят признавать <...> развернутого наступления социализма на капитализм. <...> Они думают, что капиталистические элементы либо сами отомрут, либо будут вращаться в социализм» и т. д. (Сталин И. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) // Сталин. С. 420).

Нам весь Кузбасс дешевле и скорее обойдется... — Кузбасс — Кузнецкий угольный бассейн, одно из мест добычи угля с дореволюционных времен. В первую пятилетку действующие шахты региона были реконструированы и построено много новых; начато строительство Урало-Кузнецкого комбината и Кузнецкого металлургического комбината, которому посвящено стихотворение В. Маяковского «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и людях Кузнецка» (1929).

С. 229. *Бюрократизм... Двинем его на капитализм — и фашистам конец.* — *Бюрократизм* — регулярно обсуждаемая на страницах периодики черта работы советского госаппарата; борьба с бюрократизмом составляла предмет специальных постановлений ВКП(б): «Партия организовала <...> широкую кампанию за борьбу против бюрократизма...» (*Сталин И.* Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) // *Сталин.* С. 392). Другая актуальная тема времени — советский экспорт на Запад и задача его расширения. При этом проблема советского экспорта и в западной, и в советской прессе увязывалась с борьбой двух социально-экономических систем — капитализма и социализма — и попытками СССР оказать влияние на западный мир в направлении его революционизации (см. об этом ниже), о чем косвенно свидетельствовали и речи Сталина: «Говорят, <...> что делу налаживания “нормальных” отношений мешает пропаганда русских большевиков» (Там же. С. 359). *Двинем его...* — распространенный оборот времени: «...двинем вперед индустриализацию нашей страны и перестройку нашего сельского хозяйства...» (*Цихон А.М.* О мероприятиях по подготовке квалифицированной рабочей силы // *Известия.* 1931. 11 янв. С. 2); отождествление капитализма с *фашизмом* — идеологический штамп.

А то они нашего деревянного леса испугались, упрощенцы-черти! — Советский экспорт — одна из проблем международной политики на рубеже 1920–1930-х гг.: «Буржуазная печать и правительство выдумывают насквозь лживую и лицемерную версию о том, что якобы советский экспорт товаров является главнейшей причиной всех бедствий, постигших трудящихся капиталистического окружения» (Мировой кризис развивается // 30 дней. 1930. № 10–11. С. 39. Подпись: *ЮР*). Главной статьёй советского экспорта был лес — он и вызывал основные претензии: СССР продавал лес западным странам дешево — по более низким ценам, чем их собственные лесопромышленники, что привело к обвинению СССР в демпинге (о демпинге см. примеч. к с. 222) и запретам на торговлю со страной строящегося социализма. Кроме того, на Западе было объявлено, что лес в СССР заготавливается трудом заключенных. На это обвинение советская пресса отвечает: «Буржуазная печать пишет <...> о применяемом якобы в Советском Союзе “принудительном труде”». Главным образом капиталистическая пресса ведет кампанию против нашего экспорта леса и с этой целью доказывает, что лесозаготовки на севере Советского Союза проводятся “с помощью рабского труда”. Подобно тому, как кампанию о “советском демпинге” пытались использовать в своих интересах крупные промышленники аграрных стран Европы, так же и сказку о “принудительном труде” выдумывают в своих интересах шведские и финские лесопромышленники» (Сказка о принудительном труде // *Прожектор.* 1931. № 5. С. 12).

Пусть бы радовались, что мы им живую древесину отпускаем... — Об отказе покупать советский лес заявляла не только Европа, но и Америка, о чем свидетельствуют сообщения в прессе: «25 июля товарищ министра финансов САСШ Лоумен запретил ввоз в Америку советской древесины. 2 августа Лоумен снял наложенный им запрет» (Нужна полная ясность [Ред. статья] // *Правда.* 1930. 10 авг. С. 1). Но в сообщениях из Америки упоминается и другая опасность от продажи советской древесины: в той же статье

о деятельности Амторга (торговое представительство СССР в Америке) опровергается утверждение западной печати, что «агенты Москвы» содействуют распространению в капиталистических странах «бациллы коммунизма» и что Амторг финансирует революционное движение в САСШ (Нужна полная ясность [Ред. статья] // Правда. 1930. 10 авг. С. 1), — что, однако, косвенно указывало на такую возможность.

С. 230. ...*продать свою душу ради Эсесер?! Эх, погублю я себя для социализма...* — Экспорт из СССР и необходимость его расширения, ради получения необходимой стройкам социализма валюты, — актуальная проблема первой пятилетки. Одним из путей такого расширения назывался поиск новых экспортных товаров: «Необходимо проявить максимум энергии и инициативы для изыскания новых экспортных товаров» (ВСНХ о новых источниках экспорта // Известия. 1930. 2 янв. С. 3). Главная газета страны тоже призывает: «Подтянуться на фронте экспорта» (Правда. 1930. 13 мая. С. 1). Призывы расширять экспорт и изыскивать валютные резервы на строительство социализма переходят в лозунги дня: «Расширение экспорта — рычаг для выполнения пятилетки в четыре года», «Организуем соцсоревнование за перевыполнение экспортных планов» (Правда. 1930. 3 янв. С. 5) и т. п.

С. 231. ...*я прошу воодушевить Европу всем сердцем вашей культуры.* — Экономический кризис на Западе стал поводом для призывов к рабоче-крестьянским массам СССР — своим энтузиазмом воодушевить пролетариат капиталистических стран: «Необходимо всколыхнуть широчайшие пласты нашего рабоче-крестьянского авангарда — низового актива, чтобы он был застрельщиком в деле создания мирового творческого энтузиазма масс» (Догнать и перегнать // 30 дней. 1929. № 8. С. 53).

С. 233. *Меня командируйте... Я в культэстафете была...* — *Культэстафета* — одна из социальных инициатив по борьбе с неграмотностью; проходила в рамках другого явления общественной жизни времени — так называемого «культпохода», который, в свою очередь, являлся комплексом мер по борьбе с неграмотностью.

Сообщения о культэстафете появляются летом 1930 г. — она была предложена для повышения массовости «культпохода» и организации в связи с этим соцсоревнования: «Культэстафета — новая форма организации масс для участия в культурном строительстве, выдвинутая комсомолом» (Двухсоттысячный отряд культэстафеты // ВМ. 1930. 26 июля. С. 1); «Культэстафета — это широкий культпоход. Его цель — мобилизация всей общественности на борьбу с неграмотностью» (Милов. Культэстафета в действии // Культпоход. 1930. № 6–7. С. 15).

Согласно информации в прессе, проходила культэстафета так: на предприятиях, в школах и пр. организациях, где были желающие бороться с неграмотностью, комсомольцы разъясняли значение для этой цели эстафеты. Затем назначались направления работы, которые назывались «маршрутами»; их было четыре — шесть. Обязательные — «ликбез», «всеобуч», «политехнизация школы» и «за подготовку кадров». Для деревни последний заменялся «маршрутом», который назывался «за поворот массовой политпросветработы лицом к колхозному движению». Далее проводился районный «митинг-старт»,

на котором раздавались задания по «маршрутам» (например, выявить неграмотных; подсчитать детей, которым пора учиться, и разместить их по школам; собрать учебники и т. д.). После чего участники эстафеты «стартовали», соревнуясь в результатах своей работы. Такой опыт борьбы с неграмотностью предлагалось распространить по всей стране: «Опыт московской культэстафеты должен быть использован по всему Союзу» (*Миров. Культэстафета в действии // Культпоход. 1930. № 6–7. С. 15; Двухсоттысячный отряд культэстафеты // ВМ. 1930. 26 июля. С. 1*).

Наиболее частые сообщения о культэстафете приходятся на июль – сентябрь 1930 г.; например, сообщение сентября 1930 г. о том, что переходящее знамя культэстафеты находится в Хамовническом районе, который идет в культэстафете одним из первых: в отряды культармейцев вовлечено свыше 8 тыс. человек, из них около 3 тыс. рабочих; культармейцы выявили не охваченных школой ребят и разместили их по школам; ведется работа по всеобучу — почти все школы стали работать; работа по ликбезу — размещено по школам 4 тыс. неграмотных; проводится сбор букварей и учебных пособий (*Культэстафета в действии // Культпоход. 1930. № 8. С. 19. Подпись: Р-вич*). Или сообщение о том, что нарком просвещения А.С. Бубнов в борьбе за ликвидацию неграмотности призывает «использовать новые формы культработы, и в первую очередь культэстафету» (*Ударный квартал культурной революции (Из обращения наркома просвещения тов. А.С. Бубнова) // Правда. 1930. 11 окт. С. 2*). Но постепенно упоминания о культэстафете становятся более редкими и негативными: так, 12 октября 1930 г. в газете «Правда» помещен «выговор» областного штаба культэстафеты ее участникам за неявку на заседание (*Приказ областного штаба культэстафеты // Правда. 1930. 12 окт. С. 6*). В конце 1930 г. подводят итоги первого этапа культэстафеты: «Культэстафета <...> — детище культпохода <...> социалистическое соревнование и ударничество стали ее основным содержанием. <...> Три месяца культэстафеты дали интересный материал о совместной, бок-о-бок работе на культурном фронте квалифицированных специалистов, педагогов и врачей с рядовыми малограмотными рабочими, домашними хозяйками, учащейся молодежью» (*Хейфец Б. Эстафета культурной революции // Труд. 1930. 30 ноября. С. 5*). После первого этапа культэстафеты предполагалось провести второй: «Второй этап культэстафеты будет практическим осуществлением единого плана культработы и культстроительства» (*Хейфец Б. Эстафета культурной революции (оконч.) // Труд. 1930. 2 дек. С. 3*). Однако второго этапа, похоже, не получилось. В начале 1931 г. в журнале «Культурная революция» еще публикуется серия отчетов о культэстафете в разных городах: в Москве (Сокольники) летом 1930 г. (*Анчарова М. Старт дан // Культ. рев. 1931. № 1. С. 29; Львович М. Культэстафета в Сокольниках // Там же. С. 30*); в Омске, где культэстафета «стартовала» 1 ноября 1930 г. (*Демидов И. Культэстафета в Омске // Культ. рев. 1931. № 3. С. 24*) и др. В 1931 г. упоминания о ней почти полностью исчезают.

Я безумно люблю соревнование с Европой!.. — О лозунге «Догнать и перегнать в техническом отношении передовые западные страны» как идее соревнования с Европой см. примеч. к с. 216. Идея этого соревнования организует экономические новости в периодике — так, в журнале «30 дней»

появляется рубрика, посвященная успехам социалистического строительства («За 30 дней»), с двумя колонками: «В СССР» и «На Западе». Даже информация о социалистическом соревновании внутри СССР подается с точки зрения соревнования с Европой, и ей предшествует лозунг «Догнать и обогнать!»: «Социалистическое соревнование охватывает все новые и новые участки нашего хозяйственного фронта» (Догнать и обогнать! // 30 дней. 1929. № 5. С. 72).

...пусть они дадут нам Алешу! ~ Алеша всю вашу Европу расстроит — вот что! — Ср. опубликованные в «Правде», в рамках кампании по защите процесса Промпартии устами западной интеллигенции, стихи венгерского поэта А. Гидаша — его ответ на вопрос: «Что я буду делать, если империалисты нападут на Советский Союз»: «А буду за границей я: все лампы продырявлю я, / Заткну газопроводы я, сломаю газомеры я, / Взорву котлы кипящие <...>, все гайки я повывинчу, / Все оси я повыкручу, все рельсы я повырою...» и т. д. (За защиту Советского Союза! // Правда. 1930. 23 ноября. С. 3).

С. 234. *Бойтсся ~ сползти со своих убеждений в уклон.* — Борьба партии с уклонами — тема лозунгов: «Борьба с уклонами от ленинской линии — важнейшая задача партии» (Правда. 1930. 9 янв. С. 3). Главной опасностью в это время считался правый уклон.

Никого нету ~ Один товарищ Угланов Михаил Палыч!.. — *Угланов Михаил Палыч* — «собирабельная личность»: *Угланов* Николай Александрович и *Томский Михаил Павлович* вместе с Бухариным считались лидерами «правого уклона» и в качестве таковых стали главной мишенью критики на состоявшемся летом 1930 г. XVI съезде партии. *Угланов* Николай Александрович (1886–1937) принадлежал к верхушке Московской партийной организации (в 1924–1928 гг. был ее 1-м секретарем), в 1928–1929 гг. поддерживавшей группу Бухарина–Рыкова: на страницах московской партийной печати утверждалась необходимость уступок кулачеству и нецелесообразность обложения его налогом, преждевременность строительства тяжелой индустрии (*Угланов* выступил против строительства Днепростроя), с требованием развивать легкую промышленность. В 1930 г. потерял свой пост. *Томский* Михаил Павлович (1880–1936) — член Политбюро, в 1920-е гг. возглавлял профсоюзы. Снят с поста главы ВЦСПС в 1929 г.

У нас Евдокия без нагрузки ходит. — *Нагрузка* — общественное поручение, работа на благо общества, выполняемая бесплатно; нагрузкой, как правило, называлась «очередная работа партийца или партийки» (*Селищев*. С. 103).

С. 235. *Что вы дадите Эсесеру на нашу надстройку? ~ Сколько нам заплатите наличными за производство революции?* — Об ориентации СССР на ускорение мировой революции свидетельствует пресса — например, рисунок в газете «Правда» (1930. 1 мая. С. 1): рабочий со знаменем, на котором написано: «Да здравствует мировая революция! Да здравствует СССР!»; лозунг «За темпы ускорения мировой революции» (Правда. 1930. 18 июня. С. 7).

...купить за идею гужетранспорт. — *Гужетранспорт* — конный транспорт.

Покая хочу. — Ср.: «Я не хочу истины, я хочу покоя» (Розанов В. Опавшие листья. Цит. по: Корниенко Н. История текста и биография А.П. Платонова (1926–1946) // Здесь и теперь. 1993. № 1. С. 146).

С. 236. *Попадавай теперь заявление, что ты осознал свою ошибку.* — Публикация заявлений граждан с признанием своих ошибок — частая в прессе времени: «Я сознаюсь во всех своих ошибках, которые я наделал по малосознательности. Я даю слово никогда их не повторять. Прошу принять меня в свои ряды, я охотно буду переносить все трудности на передовом фронте, а если нужно, то и на военном» (Раич А. Метод конкретных ударов // Правда. 1930. 20 окт. С. 5).

Этот неофициальный музыкант оказался примиренцем... — Обвинение в примиренчестве с каким-то общественным пороком — распространенное: «Партия сосредоточила огонь на борьбе с правым уклоном и примиренчеством к нему» (За генеральную линию [Ред. статья] // В. труда. 1930. № 6. С. 1).

С. 238. *Я сознаю себя ошибочником, двурушником, присмиренцем и еще механистом...* — Обвинения «ошибочник» не существовало, хотя в совершении ошибок обвиняли многих; об обвинении в *двурушничестве* см. примеч. к с. 198; «присмиренец» — переделанное Платоновым обвинение «примиренец»; Платонов повторяет его в рассказе «Заблуждение на родине компота» (лето 1931 г.), в котором он использовал некоторые темы и имена персонажей пьесы «Шарманка»; о *механистах* см. примеч. к повести «Ювенильное море»: *Сочинения*, 4(1). С. 645.

Это брак, а не надлежащая надстройка. Нам полезны лишь горячие, беззаветные герои! — Фрагмент, в который входит данная фраза, Платонов сократил — его полный текст был такой: «Это брак, а не надлежащая надстройка Советского Союза. Правых, левых мне брать не указано: они уже, я бы сказал, заготовлены. Нам полезны лишь горячие, беззаветные герои!» (А. Л. 97). О расправе сторонников «генеральной линии» над «правыми и левыми» в периодике сообщалось регулярно: «Конец троцкизма — бесславный конец выброшенных в мусорный ящик истории контрреволюционеров. <...> Партия разбила и правый оппортунизм <...> Партия разоблачила “леваков”, этих новых подпевал троцкизма...» (Альтман И. ВКП(б) — знамя мирового Октября // ВМ. 1930. 6 ноября. С. 2).

С. 239. *...я заявление напишу, что отрекаюсь от ошибок...* — См. покаянные речи Н. Угланова, М. Томского, А. Рыкова на XVI съезде партии: «Наша неправильная, небошевистская позиция», «...Я сознаю, что я ошибался... Уклон, который мы представляем, является на данном этапе нашего социалистического развития наиболее опасным»; «...мы были хвостистами»; «Я поддерживал ошибочную теорию Бухарина об организованном капитализме. Разделяя эти взгляды, я допустил антипартийные фракционные методы борьбы» (Речь тов. Угланова // Правда. 1930. 1 июля. С. 5). См. также заявление В. Ермилова, в котором он указывает на свои девять ошибок и отрекается от них: «Эти, а также другие, менее существенные ошибки я считаю ошибками объективно-правого оппортунистического порядка» (Ермилов В. Письмо в редакцию // Правда. 1930. 3 ноября. С. 5).

С. 240. *Кто отопрет мне двери ~ И где ты, мой товарищ, / Увы — не знаю я!* — Песня старика-прочего в Чевенгуре: «Кто отопрет мне двери, / Чужие птицы, звери?.. / И где ты, мой родитель, / Увы — не знаю я!..» (*Архив*, 2. С. 392).

С. 241. *Доколе, господи!..* — Часто встречающееся в псалмах обращение к Богу: «Доколе, Господи, будешь гневаться?», «Доколе, Господи, <...> будет пылать ярость твоя?» (Пс. 6: 4; 12: 22; 73: 10; 78: 5; 88: 47 и др.).

ОБЪЯВЛЕНИЕ О СМЕРТИ (с. 244). — *Архив*, 1. С. 202–237. Публикация Д. Московской.

Источники текста:

A — автограф (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 242. Л. 1; ед. хр. 243. Л. 1–47).

M1 — неполная машинопись с правкой автора и редакторскими пометами; отсутствуют с. 17–29 (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 246. Л. 1–25).

M2 — машинопись в составе *CP*, с двумя слоями авторской правки (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 245. Л. 1–38).

CP — составная рукопись пьесы «Высокое напряжение» с авторской правкой (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 245. Л. 1–50).

A1 — автограф «4-го действия», неполный; отсутствуют с. 7, 9–11, 13–14 (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 244. Л. 1–54).

M3 — машинопись с авторской правкой и редакторскими пометами (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 252. Л. 1–54).

M4 — машинопись с авторской правкой и редакторскими пометами (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 254. Л. 1–49).

Авторская датировка: 3–13 августа 1931 г.

Печатается по автографу с внесением исправлений по *M1* и *M2*.

К источникам текста трехактной пьесы «Объявление о смерти» относятся автограф и два экземпляра машинописи одной закладки. На титульном листе автографа — датирующая запись: «3–13 августа 1931 г.» Автограф выполнен карандашом на листах разного формата, при его написании использованы более ранние черновые наброски; итоговая правка внесена химическим карандашом. Сохранились два экземпляра машинописи, сделанной непосредственно с автографа, *M1* и *M2*: в *M1* отсутствуют с. 17–29, а *M2* дошла полностью и находится в составе новой редакции пьесы — «Высокое напряжение» (см. наст. изд., раздел «Редакции»), полный текст которой представляет собой составную рукопись (*CP*), включающую несколько источников: *M2*, вклеенные в нее фрагменты неизвестной машинописи с другими эпизодами, чем в трехактном «Объявлении о смерти», и рукописные вставки. Верхняя часть первого листа *M1* и *M2* со старым заглавием пьесы оторвана и от руки вписано новое — «Высокое напряжение» (см. об этом ниже). *M1* и *M2* содержат общую правку, относящуюся к первой редакции пьесы «Объявление о смерти»; кроме того, в *M2* есть второй слой правки, вызванной переделкой «Объявления о смерти» в «Высокое напряжение». Текст подклеенной к *M2* (в составе *CP*) неизвестной машинописи имеет ряд

общих фрагментов с *А1* — автографом под названием «4-е действие» (см. наст. изд., раздел «Редакции»): эта машинопись была сделана, вероятно, с не сохранившейся машинописи автографа «4-го действия», после внесения в нее правки. *М3* выполнена с машинописи, идентичной *СР*; напечатана без названия; название «Почтальон» вписано от руки; *М3* имеет авторскую правку и редакторские пометы красным карандашом. *М4*, под названием «Почтальон», сделана с *М3*, с учетом правки в ней; к *М4* приложен титульный лист с вписанным от руки названием «Высокое напряжение» и со штампом Главреперткомма; нумерация страниц: 109–156.

Работе над автографом предшествовали черновые наброски, выполненные простым карандашом на тетрадных листах в линейку, вероятно, летом 1931 г.: наброски фабулы, варианты сюжетов и названий, реплики, социально-психологические характеристики действующих лиц: «1) Производственный риск. 2) “Нас всех уволят, мы умрем с голоду, мы — старый мир” Я разучился, я забыл технику Я забыл формулу энергии mv^2 »; «Отчего мы не поддаемся действительности, но покоряемся любой технике, фантазии, мечте»; «Смерть Абраментова: “Я слишком *[умен]*, чтобы верить, я слишком несчастен, чтобы жить” Абраментова убивает Мешков»; «3 инженера / друга Инженер — пожилой человек — дочь Мешкова — Мария», «Коммунист — директор Девлетов»; «мы не рвачи, нам не надо особой зарплаты, особого пайка»; «Ударник Пужаков — от него отмежевать все вредное»; «Жмяков — ветхий»; «Только одна свобода — свобода исчезновения...»; «Мешков — обнаженный социально»; «Абраментов: обращение к Дзержинскому (портрету) “Ты меня ругал, я тебя уважал, в конце пятилетки я попрошусь к стенке” <...> Лозунг: Потворствуй»; «Сюжет: Кукуевская катастрофа»; «Сюжетный чертеж: Приезд Мешкова. Две инж<енерные> школы: большевистская и традиционная (вольтова дуга). <...> Победа ударников <...> Изобретение Мешковым оптического трансформатора света в ток», «Отчаяние Мешкова. Снижение его. Отчаяние. Старый мир инженеров. Разрыв Мешкова со всеми друзьями. Мешков один. Бред. Объявление», «Телефон. (Или — Достоинство человека)». Под названием «Паровоз» в набросках представлен список персонажей, среди которых «инженер старый», «коммунист-директор», некоторые детали сюжета: сначала Платонов планировал написать пьесу об инженерах-железнодорожниках (см.: *Архив*, I. С. 191–194). К этим наброскам содержательно примыкает заметка в записной книжке: «Инженер, умерший в <онце> концов от сознания ненужности, неспособности (молодые лучше) и т. д., давший объявление о своей смерти» (*Записные книжки*. С. 73). На таких же тетрадных листах в линейку, какие были использованы для черновых набросков, написано несколько незавершенных сцен и эпизодов, уже непосредственно связанных с событиями пьесы (см.: *Архив*, I. С. 194–202); фрагменты этих сцен в виде вставок вошли в первое действие автографа пьесы «Объявление о смерти».

Первое действие автографа составлено из нескольких источников, отличающихся бумагой и орудием письма; среди них есть восемь вставок, помеченных буквами в алфавитном порядке (А, Б, В, Г, Д, Е, Ж), и одна без буквенного обозначения — фрагменты написанных ранее сцен (см. выше). На этих вставках Мешков именовался Михаилом, а не Иваном; Крашени-

на — Безгубновой; Девлетов — Ильей Васильевичем, а не Григорьевичем. Абраментов по профессии был инженером-путейцем, что комментирует вариант фабулы черновых набросков, обозначенный записью «Кукуевская катастрофа» (см. выше), — она отсылает к событиям железнодорожной катастрофы 1882 г., когда в районе деревни Кукуевка из-за ошибки машиниста в размытый ливнем котлован под железнодорожным полотном рухнул поезд. При работе над вторым действием Платонов уже не использует старых набросков; о планировании деталей сюжета по ходу письма свидетельствуют зачеркнутые маргиналии, например: «Тушат станцию д<ля> экономии тока» (Л. 23), «Про Расопова раньше сказать, что он аварийный» (Л. 39). В исправлениях второго и третьего действий преобладает процессуальная правка; вставки, имеющие буквенное обозначение, здесь тоже есть, но они сделаны уже при работе над текстом пьесы и не имеют алфавитного порядка: вставки «Р», «У», «Х» (второе действие), «С» (третье действие). По завершении работы писатель внес в автограф сквозную правку химическим карандашом: в авторские ремарки первого действия вписал новые предметные детали — на этом этапе работы над автографом появился «телефонный аппарат», а на стене между чертежей машинных установок и портретом Дзержинского — телефонный номер «4–81». По нему Мешков будет дозваниваться в редакцию заводской газеты, чтобы дать объявление о собственной смерти. Тогда же была оформлена титульная страница: пьеса получила название («Объявление о смерти») и датировку; на тетрадном листе в линейку той же фактуры, что черновые наброски, составлен список «действующих лиц», в котором персонажи названы по именам, отчествам и фамилиям, соответствующим окончательному тексту пьесы (подробнее см.: *Архив*, 1. С. 178–181, 196–202). Одна из особенностей автографа и сделанной с него машинописи (*M1*, *M2*) — смешение понятий «акт» и «действие»: после названия «Объявление о смерти» указано: «Пьеса в 3-х действиях», которые далее именуются: «1-е действие», «2 акт», «3-й акт» (см. транскрипцию автографа пьесы: *Архив*, 1. С. 203–236); это смешение проявилось и в последующих редакциях пьесы.

При подготовке текста пьесы к публикации были унифицированы названия ее частей: «2 акт» и «3-й акт» исправлены на «Действие II» и «Действие III».

Автограф был отдан машинистке для перепечатки, вероятно, после возвращения Платонова из длительной командировки по Средневожскому краю (см. об этом. вступ. статью к коммент. тома: *Сочинения*, 4(1). С. 366–367). *M1* и *M2* могут быть третьим и четвертым экземпляром полученной от нее машинописи. Первое известное свидетельство о пьесе «Объявление о смерти» — творческий вечер А. Платонова 1 февраля 1932 г., на котором речь шла о пьесе именно с этим названием (см.: *Воспоминания*. С. 304). Правка в *M1* и *M2* вносилась уже после 1 февраля — это понятно по тому, что она коснулась прежде всего названия: часть верхнего поля *M1* и *M2* со старым названием оторвана и черными чернилами вписано: «Высокое напряженье. Пьеса в 3 действиях»; черными чернилами проведена и основная правка. Затронувшая название правка была внесена в период со 2 февраля до 9 марта — в левом поле *M1* фиолетовыми чернилами не установленным лицом сделана запись о времени представления машинописи: «9/III» и указаны

адресаты: «Т. т. Исбаху <и> Ставскому»; в правом поле *M1* в углу непосредственно под линией отрыва теми же фиолетовыми чернилами — подпись Платонова. На последнем листе *M1* им сделана приписка: «пр<оезд> Худ<о>жественного> Театра д. 2 кв. 14. Если в пьесе есть небольшие погрешности и ошибки, то их можно исправить. Автор это сделает» (Л. 38). *M2* был, вероятно, вторым машинописным экземпляром пьесы, переданным на рецензирование писателям-рапповцам В.П. Ставскому и А.А. Исбаху: низ последней страницы *M2* (Л. 38) оборван, неровный край сохранил фрагмент адреса автора: «проезд <Художественного театра>».

Правка в *M1* и *M2*, относящаяся к первой редакции пьесы, носит уточняющий стилевой характер. В список действующих лиц вписаны «громкоговорящие телефоны»; реплика Девлетова: «Я знаю, товарищ», исправлена на: «Я это знаю, товарищи» (*M1*, *M2*. Л. 8); в авторской ремарке «Сильно бьют молота; стекла дребезжат. Тихо» вписано: «...стекла дребезжат. Затем — тихо» (*M1*, *M2*. Л. 10); в монологе Мешкова: «Спит новый человек ~ любит что-то далекое и меняет на это далекое свою молодость», уточнено: «свою текущую молодость» (*M1*, *M2*. Л. 11); в ремарку: «Абраментов хватает Крашенина, приподнимает его и швыряет», — добавлено: «...и сокрушающе швыряет» (*M1*, *M2*. Л. 14); в реплике Жмякова: «Оркестр прибыл, товарищи, — двадцать три человека», добавлено: «...двадцать три человека состава» (*M1*. Л. 18; *M2*. Л. 31); в финальной речи Девлетова определение социализма «широк» заменено на «велик» (*M1*. Л. 25; *M2*. Л. 38). Драматургически яркие и многозначительные штрихи внесены в многословный, нервный и остроумный монолог Жмякова за пультом во втором акте: «Отчего он не горит-то? Советская власть, наверное, виновата?.. Нет? ~ Может, и вода засохла?» — добавлено: «...Значит, вам порох надо давать! Нет? ~ Может и вода засохла?» (*M1*, *M2*. Л. 16); в надгробной речи Пужакова в третьем действии: «Что ж ты, Семен, — навсегда?» — уточнено: «...навсегда, стало быть, уморился?» (*M1*. Л. 17; *M2*. Л. 30); в обращение Пужакова к погибшему Расповову: «Да теперь вместо тебя нужно жить...» — дописано: «— опять мне забота» (*M1*. Л. 18; *M2*. Л. 31).

Часть правки «Объявления о смерти», из-за отсутствия в *M1* нескольких страниц, можно восстановить только по *M2*: в реплику Жмякова: «Пожарную!.. Огонь на пульте... Жертвы?» — добавлено: «Какие жертвы?» (*M2*. Л. 29); уточнены обстоятельства действия: «Радио играет по-прежнему» — «Обеденное радио...» (*M2*. Л. 27–28); «Мешков (Абраментову)» — «... (Абраментову — уныло)» (*M2*. Л. 25). Наибольшей правке подверглись реплики Жмякова; так, восклицание: «А!.. Да. Что? Вам двести киловатт на кирпичные пресса?.. Пошли к черту!» — получает продолжение: «Потушите последнюю лампу над своей башкой! (Кладет трубку)»; реплика: «Петя?!.. Нет? А кто ты?» — уточняется: «...А кто ты такой?» (*M2*. Л. 17).

Новая редакция пьесы «Высокое напряжение», текст которой отличен от первоначального «Объявления о смерти», появляется после публикации 23 апреля 1932 г. Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», которое изменило расстановку сил на литературном фронте, создав ощущение обновления литературной политики.

О появлении новой редакции свидетельствует стенограмма обсуждения пьесы А. Платонова «Высокое напряжение», уже в 4-х действиях, на заседании Худполитсовета Московского драматического театра б. Корш 5 июня 1932 г., после возвращения Платонова из командировки в Ленинград и на Свирьстрой (стенограмму обсуждения см.: *Корниенко Н.* Борьба за постановку пьесы «Высокое напряжение» // *Страна философов*, 2011. С. 610–624). Автограф под названием «4-е действие» (A1) дает представление о содержании заключительного действия указанной редакции.

Этот автограф выполнен простым и химическим карандашами на оборотах четвертого экземпляра машинописи повести «Ювенильное море» (завершена в апреле 1932 г.) и на бланках ВСНХ РСФСР «Служебная записка»; сохранился не полностью. Машинопись «Ювенильного моря» позволяет конкретизировать нижнюю границу создания A1: не ранее начала мая 1932 г. Зеркально воспроизведенная Платоновым надпись «Служебная записка 1932» на обороте бланка (Л. 23) указывает предельную верхнюю границу — 1932 г.

В A1 появляются новые действующие лица: почтальон, присвоивший себе радиопульт для подключения завода к «общепролетарскому силовому кольцу», и инженер Брекхиус, по директиве ЦК партии и постановлению Коллегии Наркомтяжпрома прибывший, чтобы забрать новый турбогенератор в сто тысяч киловольт-ампер и передать его на завод «машин, управляющих климатом, — в целях сельского хозяйства, здравоохранения и обороны»; ряд принципиально новых сцен. Это исполненные едкой сатиры гротескные сцены: «исправление» Пужаковым «контуженного лица» Жмякова в «большевистское», сопровождающееся «удлинением», по инициативе Жмякова, поцелуем и замечанием Пужакова: «Ну, дай я тебя поцелую теперь, раз ты мордой быть перестал!»; явление инженера Чреватова с его ударной бригадой, отсыпавшейся после многодневного непрерывного монтажа трансформатора и оглушительно храпящей в рупоры громкоговорителей; вход «торжественных» делегатов, представителей счетного аппарата объединения, пришедших приветствовать героический труд и разрезающих с помощью женских маникюрных ножниц красную ленту на не желающем работать турбогенераторе; хитроумный запуск заводских установок инженером-ударником Крашенной, «возбудившей» заглохший генератор с помощью электрической батарейки от ручного фонарика.

Высказывания участников обсуждения на заседании Худполитсовета 5 июня 1932 г., где упоминались батарейка, «которая намагничивается», кольцо высокого напряжения, радиопульт, позволяют оценить общее содержание четвертого действия представленной на обсуждение пьесы как соответствующее основным событиям A1. В то же время нельзя уверенно утверждать, что 5 июня на суд «рабочей критики» был представлен текст «Высокого напряжения» с четвертым действием по A1. Не исключено, что существовала другая версия этого действия (см. об этом ниже).

Обсуждение пьесы 5 июня 1932 г. впервые сосредоточилось на ее эстетических достоинствах. А.А. Караваева сочла «Объявление о смерти» «несравненно выше “Последнего решительного”» Вс. Вишневского (*Страна философов*, 2011. С. 616). Д.Л. Тальников отметил нестандартность

произведения: «...пьеса условного реализма, не бытовая, но и не схематическая <...>. Ее условные образы, вместе с тем реалистические, полны художественной типичности и значимости идеологической. Это пьеса идей, идеологических образов-знаков, социально-обнаженных идей, показанных в экспрессионистическом напряжении» (Там же. С. 618). Платонов пояснил свой замысел: «Эта пьеса не будущего в современной технике. Пульс такой есть на ленинградском Электротэке, в Донбассе. Кольца высокого напряжения уже имеются в ряде районов. Условия т. Сталина: овладение техникой, отношение к старой интеллигенции и использование новых кадров автор пытается художественно изобразить. Нет технической перегрузки. Техника дана как проявление социального чувства» (Там же). С единогласным решением о переработке четвертого действия пьеса была принята к постановке. Ознакомившийся со стенограммой обсуждения, 26 июля того же года Л.М. Леонов дал свою рекомендацию: «Всячески поддерживаю необходимость постановки пьесы А. Платонова» (Там же. С. 619).

Итогом этой переработки, вероятно, явилась *СР* — новая редакция пьесы «Высокое напряжение» в трех действиях (или актах); рядом с названием пьесы «Высокое напряжение» на первом листе *СР* стоит авторский псевдоним: «Николай Вермо» — это имя главного героя повести «Ювенильное море». Работа над повестью завершилась к маю 1932 г.; на оборотах одной из машинописей повести выполнен автограф: «4-е действие».

Текст *СР* явился творческим ответом Платонова на замечания, высказанные в ходе обсуждения 5 июня: от четвертого действия он отказался, сохранив некоторые его эпизоды и образы. Фрагменты существовавшей к тому моменту неизвестной машинописи четвертого действия, а также рукописный текст были вклеены в *М2* в качестве вставок, помеченных буквами, что превращало четырехактное «Высокое напряжение» (в которое превратилось «Объявление о смерти») в текст нового трехактного «Высокого напряжения» (наст. изд., с. 353–384). Текст машинописных вставок *СР* имеет ряд отличий от *А1*. Например, диалог «Илья Григорьевич — как ты мне посоветуешь ~ Это прямо сукин сын стал!» в *А1* является финальным и завершает собой пьесу, тогда как в машинописной вставке *СР* он предшествует развязке — разоблачению почтальона и обнаружению роковой задержки телеграфного сообщения, повлекшей гибель людей. Другой пример расхождения в финале: «Пужаков. И тебя, конечно. А ты кто же особенный? Ты теперь отмучился. Пой песню. Жмяков. Я пел не от радости. Песня моя спета, и наступает жизнь» (*А1*. Л. 54). В машинописной вставке «Ч» в *СР* соответствующий эпизод звучит иначе, а вычеркнутый фрагмент близок, но не идентичен *А1*: «Пужаков. Пускай пишут, пускай поздравляют, пускай обижаются, товарищ Девлетов. Все равно всем известно, что мы люди нежные и культурные... [*Эх, Владимир Петрович, ты бы хоть спел что-нибудь... Жмяков. — Я пел не от радости, Петр Митрофанович. Песня моя спета, и наступает жизнь.*.]» (Л. 36а – 36а об.); авторская ремарка: «Почтальон, бормоча, уходит» после слов Пужакова: «Ну до чего ж наш пролетарият сердцем возгордился! Это прямо сукин сын стал!» — отсутствует в *СР*, но есть в *А1*. Все эти и другие примеры подтверждают существование неизвестной машинописи четвертого действия пьесы «Высокое напряжение».

Нижней датой работы над этой редакцией является 5 июня 1932 г., верхняя устанавливается по тексту письма Платонова В.Э. Мейерхольду от 21 июля 1932 г.: «...посылаю Вам рукопись пьесы “Высокое напряжение”. Эта рукопись — один из 4-х вариантов» (*Письма*. С. 318). Письма лета 1932 г. Вс. Мейерхольду, А.М. Горькому, М.Э. Казакову (*Письма*. С. 318–325) свидетельствуют о том, что к этому времени Платонов действительно располагал несколькими вариантами пьесы, из которых уверенно можно назвать три: трехактное «Объявление о смерти», или оно же с новым названием «Высокое напряжение»; не дошедшее до настоящего времени «Высокое напряжение» в 4-х действиях, а также трехактное «Высокое напряжение» на основе *СР*. 26 июля одна из редакций пьесы была переслана А.М. Горькому с просьбой решить судьбу ее постановки: «...посылается Вам моя пьеса “Высокое напряжение” <...>. Я не стал бы Вас затруднять своей просьбой о прочтении, если бы у меня оставался другой какой-либо выход... Когда-то — в 1928 г. — Вы мне рекомендовали писать пьесы» (*Письма*. С. 320–321). Горький пьесу прочитал и дал положительный отзыв: «Уверенно судить о достоинствах Вашей пьесы мешает мне плохое знание среды и отношений, изображенных Вами. А рассматривая пьесу с ее литературной, формальной стороны, нахожу ее своеобразной, интересной и достойной сцены. Недостатками являются: обилие монологов, покойники и гроба на сцене, слишком аллегорически назойливо сделанный Мешков с его “самоубийством”, которое у Вас похоже на “жертвенный отказ индивидуалиста от самого себя”. Забыл сказать: очень хороший язык» (Горький и советские писатели: неизданная переписка. Литературное наследство. Т. 70. М., 1963. С. 314).

Ни одна из четырех редакций пьесы так и не дошла до постановки в 1932 г., а в 1933–1934 гг. они дали пучок новых редакций, восходящих к «Объявлению о смерти». На 1933 г. приходится многочисленные неудачные попытки Платонова опубликовать пьесу. Внутренние отзывы на «Высокое напряжение» были получены редакцией организованного по инициативе А.М. Горького в 1933 г. альманаха «Год XVI» от В.В. Ермилова: «Я за печатание пьесы А. Платонова. Только невозможно, чтобы Абраментов был бывшим белогвардейцем — это необходимо автору исправить»; от А.А. Фадеева: «Туманна нудным философствованием и “остранением” жизни людей. Ощущение такое, точно все происходит во сне. Пьесу следовало бы переработать»; от Вс.В. Иванова: «За печатание» (*РГАЛИ*. Ф. 622. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 235, 237). 28 сентября 1933 г. Главрепертком представил в ГИХЛ запретительный отзыв на «Высокое напряжение» своего политредактора (подпись «Чекист»). Автор отзыва не согласен прежде всего с темой жертвенности в пьесе: «Я могу говорить только о главных людях — героях данного произведения. <...> Почему инженеры Мешков и Жмяков остались бессемейными и одинокими, <...> почему по отношению к ним, по-видимому, было какое-то безразличие в момент, когда стране остро нужны квалифицированные специалисты именно в области инженерно-технической? Почему так странно раскрыт инженер Абраментов, как от вредителя пришел он к подлинной любви к социализму, загорелся героическим энтузиазмом, жертвой которого он и пал? Наконец, почему мы так мало бережем людей, почему, действительно, наши достижения сплошь на жертвенности, а ведь

под знаком жертвенности раскрыта вся пьеса. <...> ...Вся эта история с показом на глазах у зрителя — что на страдания обрекают лучших, преданных строителей социализма. Я был всегда против таких пьес, поэтому и сейчас возражаю против разрешения этой вещи...» (полный текст отзыва см.: *Московская Д. С.* К хронике работы над пьесой «Высокое напряжение» // *Страна философов*, 2017. С. 426). На машинописи пьесы (РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 1. Ед. хр. 2312. Л. 4) стоит помета Платонова: «Экземпляр не окончательно выправленный: будет выправлен по получении хорошего экземпляра. Есть пропуски и не совсем понятные ситуации», и резолюция редактора: «Не приемлемо. 29/09–33».

Очередная редакция пьесы носит название «Почтальон» (МЗ) — это трехактная пьеса, источником для которой стала *СР*. Время ее создания — предположительно конец 1933 или начало 1934 г. Пьеса напечатана без названия: машинописный текст начинается со списка действующих лиц, над которым от руки вписаны два названия: «Почтальон» и «Высокое напряжение»; последнее зачеркнуто. Изменен возраст главного героя Абраментова: 37 на 45 лет; в реплике Девлетова: «Я это знаю, товарищи. Поэтому я и зову вас к нам. Человек должен перестать быть сиротой...» — далее вычеркнуто «это нужно для пятилетки» и заменено на «а вы не притворяйтесь убогими»; ремарка после имени Абраментова («трогает ладонью волосы Крашениной») исправлена: «(наклоняется ухом к груди Крашениной)». Подверглась редактированию высказавшая замечание представителя ВЦСПС Никифорова на Худполитсовете сцена ревности — ремарка «Внезапно бьет Крашенину в голову» удалена; слова: «Снимай юбку, мокрая говядина, буду смотреть, что ты делала», — заменены на: «Докажи мне, что ты любишь меня одного на свете! Ведь терпенья нету — душа в груди болит»; приказ: «Снимай сейчас же!.. Обезличку, сволочь, на мужьев ввела», — стал больше похож на мольбу: «Докажи сейчас же!.. Иль я для тебя обезличкой стал?!». Небольшое уточнение реплики работницы, разносящей обеды, придает новой оттенок понятию «инженер старой школы»: к вопросу «Что ж вы блюда-то не едите? Остынут ведь, а мне выговор будет, что инженеров невкусно кормлю» добавлено восклицание «У-у, блаженные!». В более ранних текстах пьесы (*А*, *М1*, *М2*, *СР*) способ спасения Расопова был необычным: Пужаков и Крашенина пытаются перебить запекшиеся зажимы контактной шины выстрелами из пистолета, которые оказались холостыми: «Пужаков (бросая револьвер). Брак продукции: будь ты проклят!..» В *МЗ* тема промышленного брака развита и названо место получения негодного оружия: «Достань револьвер! Дай чего-нибудь... Пужаков (роясь в карманах своей прозодежды). Обожди! Я в Осоавиахиме вчерашний день на проверку взял. (Достаёт два-три маленьких револьвера. Один подает Крашениной, другой берет себе.)». Реакция Пужакова на гневную речь Девлетова в адрес Мешкова («Ты социализм хочешь кончить...»): «Тише, директор», — дополнена: «Чего ты человека калечишь?». Наибольшей корректировке подвергся образ почтальона. Меняется его речевое поведение, он становится говорливее и еще более самоуверен. Вопрос: «Кто тут будет инженер... Крашенинова ~ Жмяков ~ Кто это такой — вы или нет?» — дополняется требованием: «Отвечайте последовательно!». В реплику: «Чего ты нервничаешь? Аппарат твой цел!

Я изучил его по инструкции», — вписано: «и ничуть не испортил»; к словам: «Ты думаешь — я попка?! Ты думаешь — я просто себе гуща масс?!» — добавлено: «Нисколько! Сейчас я тебе электричество по радио включил — только и всего. Нам понятно». Почтальон входит «с громадной, набитой сумкой на животе», вид которой уточняется: «точно в сумке лежит сундучок или шарманка». Негромкая музыка, которой ознаменовывается его появление, в новой редакции «приближается» и «постепенно» смолкает. Ремарка: «Уходит, сделав какие-то манипуляции в глубине своей сумки, начинает играть негромкая радиомызыка», — конкретизируется: «сразу начинает играть», и дается характеристика музыки — это «марш: звуки явно происходят из сумки». К причинам особого пристрастия почтальона к звукам: «А я люблю радионауку и технику и сделал свой радиоприемник, чтоб была мне музыка, когда мне скучно! Я уж пятый день хожу под марш!» — присовокуплено: «когда я нервничаю или когда мне скучно». В новой редакции подчеркнуто сюжетное значение присвоенного почтальоном радиопульта: без него задержалось подключение к общепролетарскому кольцу завода, выходящего из прорыва с опорой на исключительно внутренние, технические и человеческие резервы. С этой целью в первоначальный текст депеши Девлетова из Москвы: «Подготовьтесь приему тока с республиканского кольца высокого напряжения. Девлетов», — перед фамилией автора депеши вписано: «Устанавливайте новый радиопульт»; к реплике Жмякова: «Милый товарищ, у нас давно все готово. Еще не действует это общепролетарское кольцо высокого напряжения!» — добавлено: «и не получен этот радиопульт!» Текст телеграммы Брекчиуса: «Сего числа три фазы вашего завода введены в контакт с высоковольтной магистралью республики. Энергетический резерв страны распоряжении завода. Включайте нагрузку республиканское кольцо», — дополнен его приказом, конкретизирующим важное назначение радиопульта: «Включайтесь на расстоянии. Инструкция при аппарате». Редакция МЗ под названием «Почтальон» объясняет производственную катастрофу широко понятым «браком» продукции, явившимся следствием некомпетентности и безответственности средних, больших исполнителей задания общегосударственной важности. Эти «массы» нашли символически-обобщенное выражение в образе любителя музыки, почтальона. Принципиально новая акцентировка событий производственного сюжета далека от первоначального замысла «Объявления о смерти» с ключевым для него идейным и производственным конфликтом инженеров старой школы с коммунистами-ударниками. «Почтальон» (МЗ) отвечал новым обстоятельствам как биографии автора, так и общественно-политическим реалиям жизни страны.

«Высокое напряжение», или «Почтальон» (в это время Платонов дает пьесе то одно, то другое название), сохраняет свою актуальность до середины 1934 г., когда благодаря поддержке Горького в жизни Платонова-писателя наметилось некоторое улучшение. Он был включен в писательскую бригаду для поездки в Туркменистан, и 26 марта 1934 г., накануне отъезда, подписал договор с ГИХЛ на издание «Высокого напряжения» (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 9). Об этом договоре свидетельствует машинопись пьесы, сохранившаяся в архиве писателя, — М4, выполненная с МЗ. М4 имеет титульный лист со штампом Главреперткома и записью ГИХЛ,

название пьесы написано от руки: «Высокое напряжение» (позднее исправлено Платоновым на «Почтальон»); название на первом листе машинописи — «Почтальон» — зачеркнуто; нумерация страниц *М4* начинается со 109 заканчивается 156. Штамп на титульном листе *М4* показывает, что 25 марта 1934 г. пьеса прошла цензуру Главреперткома и получила статус «без литеры для публикации». На титульном листе *М4* стоит резолюция «В набор» с подписью Г.К. Булгакова и датой: 4 апреля 1934 г. 12 апреля в письме жене из Ашхабада в Москву Платонов сообщил, что два экземпляра пьесы в окончательной, обработанной им редакции находятся в секретариате исполняющего обязанности Председателя Главреперткома О.С. Литовского (*Письма*. С. 353). Пьеса была получена главной редакцией ГИХЛ, и 3 мая 1934 г. Платонову выдали справку: «Пьеса Платонова “Высокое напряжение” не литерована, а разрешена только к печати. Секретарь Г.Р.И. — А. Пшенина. 3/У-34 г.» (*РГАЛИ*. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 5118. Л. 37. Разыскание Р.Е. Клементьева).

М4 сохранила авторскую правку и пометы цензора красным карандашом. Правя *М4*, писатель увеличил на одно десятилетие возраст Мешкова и Жмякова, теперь они пятидесятилетние уроженцы 1884 г., на пять лет старше Абраментова (1889 г. р.). На их фоне 25-летняя Крашенина (1909 г. р.) и 35-летний Девлетов (как и автор пьесы, 1899 г. р.) много моложе. Удлиняется и время действия — события занимают не 2–3, а 5–6 дней; конкретизируется год: «в 1932 или 1933 году». Уточняются адресаты острых в политическом отношении реплик. Размышления Мешкова в экспозиции: «Нужно скончаться... Я мелочь, прослойка...» — дополняются восклицаниями: «Что я такое?», «Пора в землю. На покой». Реплика Жмякова за пультом: «Я говорю!.. Я! Что вы там молчите», — уточнена: «как раскаявшиеся оппортунисты»; его реакция на требование перевода напряжения на кирпичные пресса: «Пошли вы к черту! Потушите последнюю лампу над своей башкой», — дополнена предупреждением: «иначе я вас арестую». В признании Девлетова при получении поздравительной телеграммы: «Значит, — мерзавец, товарищи, это — я!» — «мерзавец» исправлен на «негодяй». Подвергся правке монолог Девлетова, комментирующий попытку самоубийства Мешкова: негодная «тварь» стала негодным «человеком»; «говно» заменено на «дерьмо», «несчастный мир» — на «погибающий, обглоданный хищниками мир». В реплике Девлетова на слова Абраментова о его одиночестве: «Не говорите мне пустяками», — «пустяки» исправлены на «ерунду». Меняется реакция Жмякова на телеграмму Брекчиуса: он повышает ответственность руководителя за свои решения, для чего к монологу: «Люблю я вас, Брекчиус!» — добавлено: «Ну кто же по почте посылает столь нежные аппараты: дурак Вы, Брекчиус!» Свое мнение о Брекчиусе высказывает и почтальон. Его реплика: «...у нас электричество в проволоке опоздало и аппараты Бодо перестали активничать», — дополнена словами: «А Брекчиус, понятное дело, что — дурак. Да ведь дураков теперь много — это пережитки и объедки капитализма: куда их сразу денешь?» Возрастает общественно-политический градус сюжетобразующего события. В монологе Жмякова: «Мы сейчас включились в республиканское кольцо высокого напряжения. Останавливайте турбогенератор, тушите дизель, командуйте дежурного

монтера на главный трансформатор завода!» — «завод» заменен на «республику».

11 июля 1934 г. Главрепертком получил экземпляр пьесы (РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 2. Ед. хр. 687. Л. 1–57). Мнение цензоров остается неизвестным, опубликована пьеса не была и оказалась в тематическом плане ГИХЛ на 1935 г. (дата составления плана — 1934 г.) в разделе «В каком положении» с указанием: «У автора на перераб<отке>» (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 55. Разыскание Н.В. Корниенко). Результатом этой переработки стала машинопись с авторской правкой карандашом и чернилами (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 253. Л. 1–86), соответствующей рукописным вставкам в *М4*, где вычленяются два направления редактирования. Одно, выполненное карандашом, предлагает название «Происшествие в первой пятилетке» и сохраняет текст *М4* неизменным. Правка чернилами предлагает сокращение текста до одного эпизода, завершающегося сном утомленной сверхурочной работой Крашениной в комнате Мешкова. Карандашная помета на полях первого листа «все нужно» восстанавливает сокращения, произведенные чернилами.

Очередная редакция пьесы «Огни пульта» (печатается в 5 т. наст. изд.) была сделана на базе «Почтальона», но значительно отличается от него. Крайней нижней датой начала работы над «Огнями пульта» (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 257) можно считать июль – август 1934 г. В этот период к сотрудничеству в работе над пьесой был привлечен П.С. Сухотин. Писатель-драматург, коллега Платонова по секции писателей-краеведов ВССП в 1931 г., он, подобно Платонову, имел опыт работы в писательских бригадах на заводах Ленинграда. Из письма К.А. Большакова Сухотину от 24 октября 1934 г., где сообщается: «Платонову я передал, и он просил написать, что без тебя он с пьесой ничего не предпримет» (РГАЛИ. Ф. 1709. Оп. 1. Ед. хр. 118. Л. 3), следует, что к этому моменту пьеса была написана. Сухотин в подготовке текста участия не принимал — авторизованная машинопись, трансформирующая «Почтальон» в «Огни пульта», сохранила только платоновскую правку (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 247).

Новые упоминания о «Высоком напряжении» были обнаружены среди документов 1939 г. Это соглашение на публикацию в журнале «Индустрия социализма» рассказов «Высокое напряжение» (1, 5 п. л.) и «Почтальон» (1, 5 п. л.), которые Платонов обязался сдать не позднее 15 мая 1939 г. и 15 июня 1939 г. соответственно (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 38). Наконец, 18 июня 1941 г. борьба Платонова за постановку «Высокого напряжения» закончилась резолюцией Комитета по делам искусства: «Идея пьесы — борьба новаторов на производстве — не раскрыта» (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 25).

Сюжет и конфликтология «Объявления о смерти» отвечают общественно-политической обстановке в стране после апрельской (1929) XVI конференции ВКП(б). Выбор Ленинградского металлургического завода (ЛМЗ) в качестве драматической сцены более чем закономерен для Платонова — автора не только конструкции паровой турбины внутреннего преобразования (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 4, 8), но и написанного в конце

1930 г. сценария «Турбинщики» (см. примеч. к сценарию «Турбинщики», с. 752–773 наст. изд.), посвященного ЛМЗ. Не ослабевающий интерес писателя к Металлическому заводу можно объяснить тем, что в 1930 г. это был единственный в СССР современный машиностроительный завод, от успехов которого зависело «раскрепощение социализма от европейской “зависимости”» (ЛГ. 1930. 13 июля. С. 3), а с ним и выполнение первой пятилетки, наметившей фантастическое увеличение мощности электростанций с 500 тыс. до 3,5 млн кВт. Лозунг «догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны» к третьему, решающему году пятилетки приобрел оттенок апокалиптический: «Наша задача — догнать и перегнать передовые капиталистические страны, ибо не догнать — значит погибать» (ЛГ. 1930. 30 июня. С. 1). Однако выполнение плана пятилетки оказалось на грани срыва, вина за который была возложена на многочисленные «политические и вредительские организации». Самым громким из этих судебных «дел» и наиболее близким к тематике пьесы стал показательный процесс над Промпартией (конец 1930 г.), на котором было заявлено, что «вредители» сумели проникнуть даже в недра ВСНХ и Госплана. Бывший глава Госплана Г.М. Кржижановский объяснил срыв темпов электрификации ставкой вредителей на «минимализм» в энергетике и доверчивостью служащих, не знавших «наших особых шансов социалистической реконструкции». Максимализм как форма вредительства «лагеря леваков» не представлялся опасным. «Тактика максимализма не могла проводиться с той последовательностью, с какой проводились минималистские установки» (Кржижановский Г.М. Вредительство в энергетике // Плановое хозяйство. 1930. № 10–11. С. 13).

Ленинградский металлический завод славился производственными традициями, высококвалифицированными рабочими, блестящим высшим инженерно-техническим составом, не пожелавшим после революции покинуть Родину, чтобы своим опытом и знаниями послужить обновленной стране. Прототипами инженеров «старой школы» в «Объявлении о смерти» послужили директор ЛМЗ до 1930 г. Александр Юльевич Винблад; заведующий турбинным цехом Василий Иванович Андреев; инженеры С.А. Бобровцов, И.И. Кириллов, М.Я. Бень, Ф. Кравченко, Б.В. Шестакович (многие из этих имен сохранились в записной книжке писателя; см.: *Записные книжки*. С. 60–61, 338–343). О высоком профессиональном уровне и трудовой квалификации этих специалистов сообщают личные учетные карточки, сохранившиеся в архиве ЛМЗ, и справки ФСБ (подробнее см.: *Московская Д.С.* Первая редакция пьесы «Высокое напряжение»: «Объявление о смерти» // *Архив*, 1. С. 182–185). Пробразом инженера Ольги Крашениной, которая предстает изнуренной сверхурочным дежурством, дремлющей и видящей во сне сбой в работе экономайзера, является первая женщина-турбостроитель Надежда Дмитриевна Гончарова (1886–?), с 1914 г. работавшая на заводе «Экономайзер», с 1923 г. на Металлическом заводе, а в 1929–1931 гг. служившая старшим инженером в турбинной группе объединения «Котлотурбина», оставаясь в той же производственной сфере, что и инженеры Первого паротурбинного цеха ЛМЗ (подробнее см.: *Московская Д.С.* Мужчины и женщины в пьесе «Объявление о смерти» // *Страна философов*, 2017. С. 224–231).

В ходе неоднократных поездок в Ленинград в 1929–1931 гг. Платонов стал свидетелем развернувшейся на ЛМЗ борьбы за выполнение энергетической программы пятилетки. Ее старт был дан 21 декабря 1929 г. на большом митинге в заводском клубе, бывшей даче «царского сатрапа» Дурново на Тимофеевской (Ватутина) улице, где по инициативе парткома ЛМЗ было решено присвоить заводу имя Сталина. Тогда же в ответ на Постановление ЦК ВКП(б) «О социалистическом соревновании фабрик и заводов» от 9 мая 1929 г. секретарь парткома П.П. Семячкин призвал заводчан к соревнованию до войны мы имели продукции в размере 5,9 тыс. кВт. <...> в этом году должны дать — Вы слышите, сталинцы!!! — 200 тыс. кВт, а в 30–31 г. 567 тыс. кВт. Таково задание правительства. Ни одного киловатта меньше. Страна требует больше. Мы ставим перед собою задание найти возможности к выпуску 700–800 тысяч киловатт турбин в будущем году» (ЛГ. 1930. 24 июля. С. 1). Однако за первые три месяца хозяйственного 1930 г., начинавшегося 1 ноября 1929 г., производственный план ЛМЗ по паровым турбинам был выполнен лишь на 56%.

В начале 1930 г. ЛМЗ посетила правительственная комиссия. Секретарь парткома Семячкин представил членам комиссии Серго Орджоникидзе и С.М. Кирову инспирированную им «коллективную записку», подписанную руководством турбинного и котельного цехов. Изучив ее, комиссия пришла к выводу о возможности завода не только справиться с планом в 185 тыс. кВт по турбостроению, но и увеличить его до 200 тыс. кВт. Несмотря на сопротивление заводоуправления, встречный план был признан реальным и принят к выполнению: «...мы, рабочие и инженерно-технический персонал турбинного цеха Ленинградского Металлического завода им. т. Сталина, перед лицом всех трудящихся СССР — даем твердое пролетарское слово полностью ликвидировать имеющийся у нас прорыв по турбостроению к 1-му мая 1930 года. <...> Борьбу за промфинплан в своем цеху отныне считаем боевым революционным делом и для выполнения его объявляем себя поголовно мобилизованными» (Ленинградская правда. 1930. 6 февр. С. 3). События января – октября 1930 г., когда на ЛМЗ развернулась и достигла апофеоза борьба за выход из прорыва, легли в основу сначала киносценария «Турбинщики», а затем пьесы «Объявления о смерти».

В январе 1930 г. началась сборка 22-тысячной турбины, которую строители обязались сдать с опережением на два месяца. В последние дни перед испытанием турбины рабочие не покидали цех. Особым упорством отличались бригада С.Н. Тимофеева, работавшая над сборкой коробок и клапанов, и бригада П.Е. Хинейко, трудившаяся на сборке турбин. Биография С.Н. Тимофеева дает представление о рабочих «старой школы» (подробнее см.: *Сергеев Н.С. Турбинный дед. Л., 1966*), выведенных в «Объявлении о смерти» в образах Пужакова и Распопова. Турбина была собрана «всего за 6 месяцев, тогда как такие же стандартные машины даже на Западе делаются в 9–10 мес.»; к 4 апреля 1930 г. завод уже рапортовал о завершении работы над 22-тысячной турбиной, а рабочие Хинейко, Тимофеев и др. делились в заводской многоотражке впечатлениями об ударном труде (ЛГ. 1930. 17 апр. С. 1, 2). 2 июля 1930 г. в докладе на XVI съезде ВКП(б) председатель ВСНХ СССР С. Орджоникидзе высоко оценил инициативу парткома ЛМЗ им. Сталина

и лично Семячкина: «...секретарь ячейки <...> тов. Семечкин, который тогда дал нам эту записку, обязан принять все меры, чтобы все коммунисты этого завода во что бы то ни стало добились 700–800 тыс. Какой громадной силой, каким громадным двигателем на заводах являются наши партийные ячейки, это еще раз подтверждается этим примером» (ПГ. 1930. 13 июля. С. 3).

В сентябре 1930 г., когда стало ясно, что промфинплан 1929/30 г. не выполняется, ЦК ВКП(б) обратился ко всем партийным, профсоюзным и комсомольским организациям страны, потребовав перехода на более высокую ступень социалистического соревнования, к «встречным промфинпланам» (Обращение ЦК ВКП(б) от 3 сентября 1930 г. М., 1930. С. 4). Если до Обращения предложения о повышении промфинплана являлись похвальными инициативами, то после его публикации перевыполнение намеченного стало обязательным, а выдвижение встречных трактовалось как «важнейшее средство борьбы с контрреволюционным вредительством» (Там же. С. 49). В новой политической обстановке 15 сентября 1930 г. президиум ВСНХ утвердил «встречный» ЛМЗ. Заводская многотиражка посетовала, что «при доработке вопроса в Ленинграде» решено было, «несмотря на всю реальность цифры 80000 остановиться на 7000 кВт» (ПГ. 1930. 19 сент. С. 1). В следующем номере газеты лозунгом «Нанесем сокрушительный удар оппортунистам» заводской треугольник призывал мобилизовать все силы для выполнения встречного промфинплана в 700 тыс. кВт, утвержденного «вопреки явно оппортунистическому противодействию “Котлотурбины”, вопреки трехмесячной безобразнейшей волоките» (ПГ. 1930. 23 сент. С. 1). «Это была третья победа нашей общественности над техническим консерватизмом старых специалистов, а также над руководством Маштреста и Леноблсовнархоза», — написал в своих воспоминаниях секретарь парткома Семячкин (данные из архива ЛМЗ).

Как результат завышенных планов — ударничество с нарушением техники безопасности и условий труда, что привело к росту случаев производственного травматизма. Один из них, зафиксированный в заводском архиве, имел место 31 августа 1930 г. П.Е. Хинейко, бригадир по сборке роторов паровых турбин, во время работы увидел на валу соринку, которая могла дать заدير вала и повредить машину. Хинейко хотел ее сбросить, но пресс зажал пальцы бригадира между двумя дисками. Предлагаемые меры спасти руку грозили порчей вала. Несмотря на боль и потерю крови рабочий, забываясь о том, чтобы сохранить машину, предложил нагреть диск до 118 градусов: когда он расширится от нагрева, его легче будет снять, что предохранит вал от порчи. При нагреве диска боль еще более усилилась. Многотиражка писала: рабочий «Хинейко рискует потерять руку, для того чтобы промфинплан не потерял диск» (ПГ. 1930. 30 сент. С. 2). В марте 1931 г. в журнале «Ленинград» были опубликованы стихи, написанные рабочим-ударником Зерновым и посвященные подвигу Хинейко: «На небе качаясь уходит заря, / Веселой бригадой идут слесаря. / <...> Бригаде вставать на работу пора / С двенадцати ночи и до утра. <...> / Товарищ Хинейко! Налево смотри... / Левую руку скорей убери! / Но диск навернулся уже, дрожа, / И левую руку тисками зажал <...> / Он говорит: “Не испортить деталь!” / Левую руку

Хинейко не жаль. <...> / Каплет густая и темная кровь, / Но диск не испорчен и к сроку готов...» (Ленинград. 1931. № 3. С. 7).

1 июля 1931 г. под общим заголовком «Победа» вышел ежедневный ударный бюллетень, орган парткома и завкома ЛМЗ с рапортом, адресованным ЦК ВКП(б), — о выполнении ЛМЗ им. Сталина пятилетки в 2 года и 9 месяцев. «Успехи завода им. Сталина лишний раз свидетельствуют о реальности встречного плана в 800 000 кВт и обеспечивают не только его выполнение, но и перевыполнение», — рапортовали партком и завком завода. 3 сентября 1931 г. состоялось первое награждение высокими правительственными наградами работников ЛМЗ: 14 рабочих и служащих административно-технического персонала «за выдающиеся заслуги в деле строительства завода крупных паровых и гидравлических турбин» удостоились орденов Ленина и Трудового Красного знамени. Среди награжденных были и получившие в борьбе за встречный план производственные травмы Тимофеев и Хинейко (Правда. 1931. 5 сент.).

Образы и мотивы «Объявления о смерти» эмоционально связаны и с литературной жизнью 1930–1931 гг. Резонансным событием 1930 г. стало самоубийство Владимира Маяковского, последовавшее вскоре после его вступления в РАПП 6 февраля 1930 г. Поэт вступал в Ассоциацию, чтобы «соединиться с нами», — вспоминал Либединский (*Либединский Ю. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. М., 1980. С. 314, 315*). Но передовица «На литературном посту» указывала, что вступление таких «представителей революционного попутничества, как Маяковский, Луговской и Багрицкий», в РАПП «отнюдь не означает, что они стали пролетарскими писателями. Им еще предстоит сложная и трудная работа над собой для того, чтобы стать пролетарскими писателями, и напостовское, большевистское ядро пролетарской литературы должно оказывать всяческую помощь им в этом отношении» (*На лит. посту. 1930. № 4. С. 4*). Смысл «всяческой помощи» раскрылся в отзыве А.П. Селивановского на поэму «Во весь голос»; в этом отзыве «приближающийся к пролетарскому миропониманию» Маяковский был уличен в «рассудочности» при попытке «пробиться к подлинно пролетарской поэзии» (*Селивановский А. Пролетарская поэзия на переломе // На лит. посту. 1930. № 5–6. С. 7*). Вступление Маяковского в РАПП оттолкнуло от него бывших друзей-рефовцев, что, как считал Либединский, создало у поэта ощущение одиночества, которое тот переносил «особенно трагически». 8 февраля 1930 г. в «Комсомольской правде» появилось стихотворение Семена Кирсанова «Цена руки» в защиту Маяковского, в котором были строки об одиночестве поэта: «Пемзой грызть! / Бензином кисть облить», если «друг, / вчера нуждаясь / в друге» сегодня «руки не подает». Современники ставили в связь вступление Маяковского в РАПП и его трагическую гибель, и раповцы, понимая это, пытались «снять с себя ответственность за эту страшную и <...> невозполнимую утрату» (*Либединский Ю. Указ. соч. С. 315*). В книге-очерке «Поиски оптимизма», вышедшей из печати в мае 1931 г. одновременно со вторым дополненным изданием брошюры Л. Авербаха «Памяти Маяковского», В. Шкловский цитировал высказывание работницы-текстильщицы по поводу гибели поэта: «это несчастный случай на производстве» (*Шкловский В. Поиски оптимизма. М., 1931. С. 13*). Причиной «производственной

аварии» Шкловский считал отклонение поэтического курса Маяковского в сторону «изготовления лирических стихов». Самоубийство поэта трактовалось им как «отравление» собственным непролетарским прошлым. В 1931 г., спустя год после смерти Маяковского, страна и литературное сообщество вспоминают поэта. В многочисленных публикациях о Маяковском постоянно возникает тема отношения поэзии Маяковского к поэзии пролетарской. Маяковского называют «союзником пролетариата» (От футуризма к пролетарской поэзии [Ред. статья] // *ЛГ*. 1931. 14 апр. С. 1), но не пролетарием: «...на протяжении всего своего творческого пути Маяковский идет по линии приближения к пролетариату» (Памяти Владимира Маяковского // *ЛГ*. 1931. 19 апр. С. 2. Подпись: *Д.К.*). Эти детали литературного контекста отразились в образах как погибшего «товарища пролетариата» Абраментова, так и планирующего самоубийство Мешкова.

Платонова, как и Маяковского, события литературной и общественной жизни 1929–1931 гг. «били кирпичами по голове» и «гнали» (слова из реплик Абраментова) в сторону Ассоциации пролетарских писателей. 29 января 1929 г. Платонов подал заявление о вступлении в МАПП. Было ли оно поддержано — неизвестно, однако фигурантами драматических событий в жизни писателя лета 1931 г. (см. об этом примеч. к повести «Впрок»: *Сочинения*, 4(1). С. 401–407) оказались все те члены правления РАПП, что и у Маяковского: Авербах, Селивановский, Ермилов. Всего три журнальных номера «На литературном посту» начала 1930 г. отделяли разгром автора «Усомнившегося Макара» (см. примеч. к рассказу «Усомнившийся Макар», с. 530 наст. изд.) от разноса автора «Клопа», учиненного Селивановским. Политическое преследование, в которое переродилась напостовская критика, создало широкий социально-психологический контекст, выведший производственный конфликт «Объявления о смерти» из круга собственно заводской тематики и обративший его к актуальной проблеме эпохи реконструкции — к «интеллигентской» теме первой пятилетки.

Вопрос о месте и роли представителей умственного труда в социалистическом строительстве стал предметом литературно-художественной рефлексии на фоне Шахтинского процесса. Формирование в общественном сознании образа «контрреволюционера-вредителя», начавшееся в марте 1928 г. (Шахтинский процесс), отвечало запросу на расправу с «буржуазными элементами», все еще занимавшими руководящие посты на производстве. Архитектоника произведений о представителях умственного труда конца 1920-х гг. определялась острым спором двух социальных групп, разделенных отношением к социалистическому строительству. Кульминационным моментом сюжета являлся суд — буквальный, с участием представителей милиции, как в пьесе «Рельсы гудят» (1928) В. Киршона; или психологический, под действием страха неизбежной кары, как в пьесе А. Афиногенова «Страх» (конец 1930 г., поставлена в 1931 г.). После XVI партконференции, объявившей о начале тотальной реконструкции хозяйственной жизни страны, РАПП призвала писателей отказаться от «политически вялых и неинтересных изображений» профессоров-вредителей и от «патетических» им проклятий (Процесс промпартии и литература // *На лит. посту*. 1931. № 1. С. 46), если они не «содействуют воспитанию “бойцов из стали и бетона”» (Там же). Тема

интеллигенции остро звучала в горьковской публицистике рубежа 1930-х гг., в которой демонстративно схлестнуты основные социальные типы первой пятилетки: «великие люди», «гуманисты», «солитеры», с одной стороны, и «безрукие, безглазые полипы», народная масса — с другой. Гуманист-интеллигент в горьковском изображении был из тех «старых гуманистов, любителей народа, справедливости», которые в новых условиях способны стать вредителями.

В начале 1931 г. ряд произведений об интеллигентах попадает под обстрел РАПП. Так, РАПП признала политически неверной атмосферу интеллигентского «извинения за свое существование», переживание социального «неудобства» в рассказе Е.И. Габриловича «История дня» (*Зелинский К. Что делать, или О новой теории социальной обреченности // На лит. посту. 1931. № 2. С. 35*). Критику насторожила готовность интеллигента «сорваться», т. е. предать пролетариат, что вело к неизбежному выводу: «Ты обречена, интеллигенция, на гибель» (Там же. С. 36–37). Разгрому подвергся роман Пантелеймона Романова «Товарищ Кисляков» (1930). В рецензии на роман «подхалим и подлец» Кисляков трактовался как «типичный советский интеллигент» (*На лит. посту. 1930. № 19. С. 91*). Этим и другим произведениям — «Рождению героя» (1930) Ю. Либединского, «Болтовне» (1930) Л. Овалова и др. — противопоставлялись произведения рабочих-ударников, которые подвели литературу к осуществлению лозунга «превращения труда из зазорного и тяжелого бремени <...> в дело славы, в дело доблести героизма» (*Встречный промфинплан литературы // На лит. посту. 1931. № 1. С. 41*).

Отношение к инженерно-технической интеллигенции немного изменилось после речи И. Сталина на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного развития», посвященной поискам новых организационных источников производственных успехов. После Шахтинского дела и процесса над «Промпартией» (организацией, якобы «возглавляемой буржуазными и реакционными профессорами и инженерами») Сталин впервые предложил дифференцированно относиться к «вчерашним вредителям — бороться со “спецееством”». Тактика Сталина выразилась в призыве «изменить отношение к инженерно-техническим силам старой школы, проявлять к ним побольше внимания и заботы» (*Правда. 1931. 5 июля. С. 1*). По воспоминаниям инженера ЛМЗ Кириллова, вторая половина 1931 г. многим подарила надежду, что волна репрессий спадает. Но спустя всего две недели после публикации сталинской речи та же газета откликнулась на нее двусмысленной статьей главы ОГПУ В.Р. Менжинского «Два слова о Дзержинском» (*Правда. 1931. 20 июля. С. 3*). Автор статьи утверждал, что «слова Сталина о старой технической интеллигенции и о нашем подходе к ней» свидетельствуют о «живучести тактики Дзержинского» на новом этапе классовой борьбы. Сущность этого «живучего» подхода он описывал на конкретных примерах этой тактики: в период нэпа Дзержинский «проводил соответствующую линию по отношению к старым специалистам и <...> заставлял ОГПУ помогать ему в ее проведении». Он «широко использовал ОГПУ для защиты специалистов от всякого рода притеснений». С этим опытом Дзержинский пришел в ВСНХ, где противился прямым атакам

на меньшевиков: «Сейчас они бессильны, до поры до времени оставьте их в покое, пусть они работают, я сужу о них по их работе». В статье Менжинского нашла отражение новая линия партии на спецов: с одной стороны, это был курс на сотрудничество и использование опыта спеца; с другой, звучал призыв к терпению, но когда «запахнет вредительством», раскрыть его — в шахтах, на Металлическом заводе, в Академическом институте или в литературно-художественной деятельности. В черновых набросках к «Объявлению о смерти» сохранился платоновский комментарий к возрастающей в эпоху реконструкции роли карательных органов: «Встает. Подходит к портрету Дзержинского. Наблюдает портрет. Говорит в портрет. Абраментов. — Ты ругал меня в НКПС'е, взял в ВСНХ, там опять крыль». Однако глобальное уничтожение вредоносной классовой прослойки — старой интеллигенции — было неизбежным и без участия ОГПУ, в связи с еще одним положением сталинской речи о создании новой научно-технической интеллигенции из среды пролетариата и установкой на уничтожение классов во второй пятилетке. И эта идея также нашла отражение в предшествующих пьесе набросках: «Абраментов: обращение к Дзержинскому (портрету). Ты меня ругал, я тебя уважал, в конце пятилетки я попрошусь к стенке».

Платонов развивал в «Объявлении о смерти» заданные политическими реалиями времени темы социалистического соревнования на крупном промышленном предприятии, борьбы за темпы, воссоздавал атмосферу высокого трудового напряжения и подвига, рисовал образы инженерно-технической интеллигенции, комсомольцев-ударников, простых рабочих и преданных партии и правительству руководителей. Он учитывал мобилизационные лозунги руководителей РАПП, социально-психологические концепции очерков Горького, использовал сюжетно-композиционные решения своих современников-писателей, но оставался независим, создавая в «Объявлении о смерти» собственный обобщенно-символический образ эпохи.

С. 244. *Я мелочь, прослойка, двусмысленный элемент и прочий пустяк...* — «Дифференциация классов возникает в силу общественного разделения труда и собственности на средства производства» (*Ленин В.И. Великий почин // Ленин. ПСС, 39. С. 15*). В годы «великого перелома» «прослойка» понималась в первую очередь количественно, как «часть» классового целого. Например, В.П. Ильенков, рассказывая рапповскому молодняку о своем новом романе «Ведущая ось», именовал руководителя завода представителем «большой прослойки нашей партии, ведущей огромную работу в нашей стране, — прослойки хозяйственников — партийцев» (Смена. 1932. Янв. С. 45). В речи одного из фигурантов по делу «Промпартии» Л. Рамзина интеллигентская «прослойка» характеризуется качественно, как враждебная пролетариату «каста»: «Я хотел, чтобы в результате теперешнего процесса “Промпартии” на тяжелом и позорном прошлом всей интеллигенции как кастовой, обособленной прослойки можно было поставить раз и навсегда крест» (Правда. 1930. 26 ноября. С. 2). Слово «пустяк» с политическим подтекстом завуалированного вредительства употреблено в статье В. Дятлова «Больше внимания тактике классового врага», где классовым врагом назван автор «Впрок»: о политическом верхоглядстве редакторов «Красной Нови»

Дятлов сказал, используя выражение М. Салтыкова-Щедрина: «Дреманным оком ровно ничего не видел, а недреманным видел пустяки» (Правда. 1931. 18 июня. С. 2).

С. 245. *...устал от исторической необходимости. Я живу и все время чувствую какой-то вечный вечер.* — Отчужденность интеллигенции от проблем социалистического строительства — одна из тем времени: так, интеллигенцию призывают «не наблюдать со стороны — отдать все силы социалистической стройке» (ПГ. 1930. 11 ноября. С. 1); под лозунгом: «Кто не с нами, тот против нас», — в Ленинграде проходит демонстрация дружбы между рабочими и инженерно-техническим составом заводов (Ленинградская правда. 1930. 30 янв. С. 3); К. Зелинский в статье «Что делать, или О новой теории социальной обреченности» пишет о самоощущении интеллигенции: «Я знаю попутчиков, которые с отчаянием переживают свое интеллигентское происхождение. <...> Другие говорят: — Ликвидируйте интеллигенцию как класс. Ликвидируйте нас. Мы просим это сделать как можно скорее» (На лит. посту. 1931. № 2. С. 35–39). Мотив «усталости» интеллигента-индивидуалиста звучит в статье М. Горького «О солитере» в связи со смертью В. Маяковского: «Застрелился Маяковский — почему? <...> Маяковский сам объяснил, почему он решил умереть. <...> ...Каждый человек имеет право умереть раньше срока, назначенного природой его организму, если он чувствует, что смертельно устал» (Наши дост. 1930. № 6. С. 4–5).

Может быть, ты — мерзавец? — По слухам, ходившим в писательской среде, Сталин назвал «мерзавцем» Платонова за повесть «Впрок» (Андрей Платонов в документах ОГПУ. С. 851).

Ты сочувствуешь социализму или нет? — Тема сочувствия интеллигентов, особенно вернувшихся из заграницы, социализму — одна из акцентированных в ходе процесса по делу «Промпартии». Так, подсудимый К. Ситнин, вернувшийся в СССР в 1928 г. из заграницы, сообщал, что он, как человек «с большим национальным оттенком, любящий свою страну <...>, считал, что для России в настоящий период власти, которая может ее двинуть вперед как страну, как нацию, лучше, чем советская власть быть не может. <...> ...Поэтому я считал <...>, что это для меня наиболее приемлемая власть» (Процесс Промпартии. М., 1931. С. 249).

С. 246. *А что ты делал в Австралии? ~ Сторожил пчелиные пастбища от саранчи.* — Охрана пастбищ пчел от «саранчи» в «пустыне» как факт биографии Абраментова — возможная отсылка к роману С. Буданцева «Саранча» (1928), главный герой которого, Михаил Михайлович Крейслер, «попутчик революции и спец», после пяти лет прозябания в Персии возвращается на родину и находит приют в пустыне на границе Азербайджана, где становится уполномоченным по борьбе с саранчой.

...революция всегда приходит в нищей одежде, а контрреволюция обязательно в галстуке?! — Ср.: «Конечно, “революцию не делают в белых перчатках”, классовая борьба, дорогие товарищи, — не “Невский проспект”» (Зелинский К. Что делать, или О новой теории социальной обреченности // На лит. посту. 1931. № 2. С. 35). Источник цитаты — заголовок статьи В.И. Ленина «“Революционеры” в белых перчатках» (1905). Разоблачение, срывание фальшивых масок — лозунг РАПП.

Это — идет культработа в нашем прекрасном рабочем клубе. — О значении и формах *культработы* на предприятиях страны см. примеч. к повести «Котлован»: *Сочинения, 4(1)*. С. 549. Рабочий клуб — типичное место проведения культуры.

Клуб ЛМЗ находился на территории завода в бывшем дворце (даче), принадлежавшем царскому министру П.Н. Дурново (1842–1915) — архитектурном шедевре с великолепным фонтаном, созданным в 1780 г. архитектором Н.А. Львовым, и классицистическим садом, план которого в разное время разрабатывали архитекторы А.А. Михайлов, Р.Р. Генрихсен, Д.И. Йенсен, А.Ф. Видов, А.П. Гемилиан. Обширный сад имел прямоугольную форму со стороны дворца и полукруглую со стороны набережной Невы. На прилегающей к дворцу территории, за городской чертой, в 1852 г. купцом 1-й гильдии Сергеем Нефедьевичем Растеряевым был основан Металлический завод. Остатки двухэтажной барской усадьбы с колоннами сохранились на территории ЛМЗ в перестроенном виде вплоть до 1970-х гг., пока взрыв в соседнем цехе не уничтожил следы вельможного житья. После революции дача Дурново превратилась в рабочий клуб им. Сталина. В этом саду проходили репетиции духового оркестра ЛМЗ, состав которого являлся частью заводского коллектива. Однако работа клуба не во всем удовлетворяла партком и завком. В «Полюстровском гиганте» в 1930 г. велся «обстрел» клуба им. Сталина, заводчане «крепко похлестали администрацию и актив клуба» за отставание программы от клубов Ленинграда, где создавались агитбригады, «ставящие целью углубление политической и общественной работы путем организации самостоятельных постановок различных жанров». Газета рекомендовала распространить опыт ленинградских клубов на цеха ЛМЗ и для «большого воздействия и большего привлечения рабочих» пользоваться «всеми средствами приемов выразительности: светом, музыкой, полотнами, красками и т. д.» (ПГ. 1930. 15 янв. С. 4).

Я понял давно — нельзя победить изнутри почти единодушную страну. — О признании успехов страны и единодушия пролетариата см. речи обвиняемых по делу Промпартии Н. Чарновского и И. Калининкова: «Я чувствовал, что наша вредительская работа с каждым днем делается все безнадежнее и безрезультатнее» (Процесс Промпартии. М., 1931. С. 206); «...жизнь народного хозяйства Советского Союза <...> все больше и больше убеждала нас в неизбежном крахе контрреволюционной работы. Невиданная по своим размерам во всем мире и непонятная для мировой буржуазии пятилетка успешно и с большим превышением уже выполнена. <...> Этот успех был достигнут благодаря упорной энергии пролетариата» (Там же. С. 111).

С. 247. *Ни капитализма, стервец, не спас, и социализму, наверное, плохо помогает. —* Аполитичность и нейтралитет в вопросах строительства социализма — качества, отрицательные с точки зрения идеологии времени: аполитичность вменялась в вину обвиняемым по делу Промпартии: «...недостаточно отказаться от принципа аполитичности, который <...> привел нас к контрреволюционной деятельности. <...> я призываю вас, инженеры, которые еще находятся под прикрытием лояльности и аполитичности, без колебания встать в ряды честных работников советской власти» (Процесс промпартии. С. 11). Нейтралитет в битве за социализм рассматривался

рапповскими критиками как признак равнодушия, которое срастается с вредительством: «Разве не о фактах классовой борьбы говорю я, утверждая, что “равнодушие” Всеволода Иванова срастается <...> с теми потенциально шахтинскими слоями, “механическими гражданами”, которые могут стать <...> удобным оружием для <...> контрреволюционера» (*Эльсберг Ж. Вынужденная реплика // На лит. посту. 1930. № 7. С. 79*).

Опять, наверно, авария. Пускай, — там есть сменный инженер... — Ситуация выхода из «прорывов» 1929 и 1930 гг. требовала особого графика работы (несколько смен) и штата сменного персонала, время выхода которого на работу устанавливалось заранее. Если в 1928 г. на ЛМЗ действовала пятидневная непрерывная неделя, семичасовой рабочий день, сменная станочная работа и двусменная работа слесарных работ и испытательной станции (Архив ЛМЗ), то в период выхода из прорыва 1929 г. и строительства 22-тысячной турбины, «когда темпы работы увеличивались с каждым днем, с каждым часом», достигнув в феврале месяце неслыханного размера, ударные бригады перешли на непрерывный рабочий день, работая в три смены, методом сквозных бригад: «Работали мы по 30 час. не покладая рук, зная, что работа важная и нужная. Мы работали с 25 марта с 8 утра до 26-го 3-х часов дня, не уходя с завода, несмотря на усталость, энергия не покидала нас»; «Турбину собирали напряженно в три смены. Было затрачено 1000 сверхурочных часов. При большом напряжении и энергии». «Старался не поддаваться усталости, иначе бы не сумел справиться с работой, — вспоминал Хинейко. — Вместе со мной напряженно работали рабочие бригады. <...> Инженер Бень и мастер Тимофеев ночами без отдыха работали с нами. Таких темпов работы не было никогда». «Рабочие не считались с усталостью, как говорит мастер Тимофеев, они всячески боролись со сном и физическим переутомлением, доходили до обморочного состояния, но работу продолжали. <...> Темпы турбиной, взятые в последние 2 мес., — это именно те темпы, которые нужны социалистическому производству», — заключал корреспондент многотиражки (*ПГ. 1930. 17 апр. С. 2*). После озвученного с трибуны партсъезда встречного плана ЛМЗ в 800 тыс. кВт, партком завода был связан обязательством добиться от рабочих и ИТР неперемennого его выполнения. Одним из способов было перевести весь завод в режим работы методом сквозных бригад. Под заголовком «Близок час» на первой полосе заводской многотиражки публиковались призывы: «Перевести завод на три смены. Изжить прогулы и опоздания и простои. Обеспечить бесперебойное снабжение завода. Выявим и используем все резервы завода» (*ПГ. 1930. 24 июля. С. 1*).

Я просто спал и ничего не слышал... — Заводские инженеры безотлучно пребывали на предприятии, проживая в доме для инженеров ЛМЗ рядом с административным корпусом, по адресу: Полюстровская набережная, д. 23. Мешков как технический работник, проживающий на территории завода, в период «тревоги» должен был явиться на место аварии, а его отсутствие могло быть воспринято как прогул, недопустимый в период борьбы за «встречный», когда партком и завком следили за графиком работы сотрудников. Списки прогульщиков в марте 1931 г. публиковал орган парткома и завкома завода «Ежедневный ударный бюллетень», после объявленной

1 марта 1931 г. борьбы за 800000 кВт помещавший в титульной строке после даты номер очередного по счету «дня тревоги».

...я и так на заем на двухмесячный оклад подписался... — Под лозунгом «Не погибнуть, а победить» на ЛМЗ был объявлен заем на «пятилетку в четыре года» и дано обязательство собрать для страны 369 000 руб. (ПГ. 1930. 30 июня. С. 1). Заводская газета публиковала отчеты и интервью с заемщиками, а также фотографии тех, кто отказался сделать взнос.

С. 248. *Сладко спят гуманисты на свете...* — Разоблачение «лозунга “гуманизма”, являющегося контрответом на лозунг партии о ликвидации кулачества как класса» (Ко всем членам РАПП // *На лит. посту.* 1930. № 13–14. С. 2), — одна из задач, которую ставил перед собой РАПП. Гуманизм воспринимался «напостовцами» как скрытая форма вредительства: «Бедный гуманист не только охвачен нежностью к классовому врагу, для него несчастье, горе, чуть ли не ореолом святости должно окружить человека. <...> Много ли этой гуманностью сделаешь? Выстроишь ли социализм в варварски отсталой <...> стране жалостью, телячьей “нежностью”, хлопкой гуманностью? <...> У нас гуманизм не может привести к узкой тропинке толстовского “все люди — братья”, ибо не все люди — братья <...>, главное заключается в том, что проповедь гуманизма сейчас, в момент ликвидации кулачества и обостренной классовой борьбы, — эта проповедь объективно вредна, так как она является проповедью классового мира, проповедью строительства социализма в союзе с кулаком. <...> Она способна организовать психику советского читателя в иную, противоположную сторону» (*Серебрянский М.* Эпоха и ее «ровесники» // *На лит. посту.* 1930. № 5–6. С. 21–23). Оттенок двуличия вкладывал в понятие «гуманист» журнал «Наши достижения»: «...память воскрешает трагическую историю <...> гнусное равнодушие христиан “культурной” Европы <...> позорнейший акт грабежа самодержавным правительством церковных имуществ Армении... Удивительно быстро и ловко забывают факты такого рода господ “гуманисты”» (*Горький М.* По Союзу Советов // *Наши дост.* 1929. № 1. С. 31). Л. Авербах считал «тоскливый гуманизм» оборотной стороной «скепсиса безнадежного отрицания окружающего» (*Авербах Л.* Памяти Маяковского // *На лит. посту.* 1930. № 9. С. 7).

Компрессорная — совокупность устройств, необходимых для получения сжатого воздуха или другого газа. Компрессорные установки обслуживают машиностроительные заводы, доменные и сталелитейные цеха и пр.

Я ударник и боюсь ослабеть... — О движении ударников см. примеч. к повести «Котлован»: *Сочинения*, 4(1). С. 573–574). 30 января 1930 г. «Ленинградская правда» сообщила о «Ленинском наборе 100000 ударников» по всем заводам города во исполнение лозунга «Пятилетка в четыре года». Однако, как писала заводская газета, в целом «имеющиеся результаты охвата ударничеством по заводу говорят за то, что с этой задачей мы еще не вполне справились: только 86% рабочих охвачено ударничеством, 72% коммунистов и 100% комсомольцев. <...> Мы обязаны добиться того, чтобы все рабочие нашего завода вошли в ударные бригады. Без наличия этого фактора, без поднятия всех поголовно рабочих на борьбу за свой рабочий промфинплан мы его не выполним. По примеру борьбы за встречный промфинплан

800000 кВт., учтя его опыт и с такой же энергией и волей, мы должны составить новый максимальный промфинплан на квартал октябрь – декабрь месяца 1930 г., объявив его ударным кварталом. Долг каждого рабочего, инженерно-технического работника и служащего завода Сталина отдать все свои силы на борьбу за советское турбостроение, за освобождение нашей страны от иностранной зависимости. <...> Да здравствует ударный квартал. Да здравствуют максимальные темпы индустриализации страны. Да здравствует советское социалистическое турбостроение...» Передовица была подписана Парткомом, завкомом, заводоуправлением и Комитетом ВЛКСМ (*ПГ*. 1930. 30 сент. С. 1). За полгода до этого газета сообщала: «Огромное движение ударничества, поголовно охватившее всех рабочих и инженерно-технический персонал Металлического завода им. тов. Сталина в борьбе за выполнение в наикратчайший срок 2-го года пятилетнего плана и особенно по выпуску крупнейших турбин в 22000 кВт, активное и решительное участие рабочих в проводимых партией и правительством кампаниях <...> показывают на деле преданность рабочего класса идеалам коммунизма» (От коммунистических цехов — к коммунистическому заводу // *ПГ*. 1930. 23 февр. С. 4).

С. 249. *Человек должен перестать быть сиротой — это нужно для пятилетки...* — В речи Л.К. Рамзина было высказано пожелание, «чтобы в результате теперешнего процесса “Промпартии” <...> все инженеры, как один, вошли в дружную семью пролетариата» (*Правда*. 1930. 26 ноября. С. 2). Речь Сталина на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г., где была дана установка на проявление заботы о спецах, стала сигналом к ослаблению репрессий против технической интеллигенции и допустила возможность «усыновления» ее пролетариатом.

Закрытый распределитель — 1930 г. стал первым годом, когда сказались последствия сельскохозяйственного кризиса, вызванного насильственной коллективизацией. В июле 1930 г. введена карточная система на мясо; в список нормированных продуктов питания для жителей Ленинграда входили хлеб, рыба, крупа, растительное масло, сахар. Продукты ненормированные, на которые карточки не были предусмотрены, — сыр, колбаса, конфеты — в кооперативах отсутствовали неделями. Согласно Постановлению Совета народных комиссаров от 8 августа 1930 г. «О мерах по улучшению работы потребительской кооперации», предполагалось создавать, помимо магазинов и лавок, «простейшего типа распределители, в частности, закрытые распределители» (Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1930 год. С. 806–814). К 7 октября 1930 г. на ЛМЗ уже функционировали распределители для рабочих. Корреспондент заводской многотиражки в статье «К вопросу о закрытых распределителях» сообщал о недовольстве рабочих работой коопбюро, которому поручено прикрепление рабочих: отсутствие продуктовых магазинов требовало ежедневного посещения закрытых распределителей, расположенных далеко от завода (*ПГ*. 1930. 7 окт. С. 1). 15 декабря 1930 г. ЦК ВКП(б) приняло постановление «О рабочем снабжении», внесшее «индустриальный прагматизм» в принципы снабжения: «Выделить на каждом предприятии ударников и снабжать их полностью и в первую очередь продуктами питания и мануфактурой». Неударников (летунов) предлагалось разбить на категории в зависимости от продолжительности

работы на предприятии и снабжать продуктами и жилищем во вторую и третью очередь и по урезанной норме (Осокина Е. За фасадом сталинского изобилия. М., 1999. С. 71–85). В 1931 г. появились специальные постановления о снабжении интеллигенции: предполагалось, что в городах она будет снабжаться по нормам рабочих того списка, к которому относился город их проживания. В лучшем положении были специалисты, работавшие на промышленных предприятиях (в ведомственных школах, больницах и т. д.): они пользовались льготами этих предприятий. О закрытых распределителях (ЗРК) на предприятиях см. также примеч. к рассказу «Человек нашего времени», с. 582 наст. изд.

С. 250. *Трест «Точная механика»...* — Трест точной механики (1928–1931), затем Государственный Московский трест точной механики (1931–1933) — вероятно, один из поставщиков ЛМЗ. В период борьбы за встречный план партком ЛМЗ следил за поставщиками, срывающими ударные темпы работы турбинной мастерской. В «Полюстровском гиганте» и «Ударном бюллетене» регулярно появлялись статьи с заглавиями: «Кто создает нам прорыв?», «Безобразная работа Котлотурбины тормозит выполнение программы котельной мастерской», «Заводы — поставщики задерживают детали».

Я все бригады, все механизмы вижу во сне. — Призыв к бдительности во всех областях общественной жизни, как производственной, так и политической, звучал в публицистике рубежа 1930-х гг. Ср.: «...процесс промпартии еще раз ясно показал нам, насколько необходима <...> упорная борьба за <...> обострение <...> политической злободневности и зоркости литературы» (Процесс промпартии и литература // *На лит. посту.* 1931. № 1. С. 46).

С. 252. *Клапан* — запорно-регулирующее механическое приспособление, служащее для пропуска, перекрывания или регулировки поступления жидкостей, паров или газов по трубопроводу.

Экономайзер — элемент котлоагрегата, теплообменник, в котором вода перед подачей в котел подогревается уходящими из него газами.

Неужели я отстал, неужели я дурак? — 3 июня 1931 г. в выступлении В. Киришона на пленуме МАПП прозвучала грубая критика в адрес Платонова, с использованием ненормативной лексики: «Перед нами, тт., идейное вредительство. Вредительство на литературном фронте. <...> Вот характерный и показательный пример откровенной вылазки классового врага. Я говорю о рассказе Платонова “Впрок”. <...> Кадры колхозные, как он изобразил их! Дурак на дураке, идиот на идиоте» (ИМЛИ. Ф. 158. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 5–8). О других эпитетах в адрес Платонова за повесть «Впрок» см. примеч. к повести: *Сочинения*, 4(1). С. 400–412.

Щепчет чего-то во сне... — Ср. с юмористическим сюжетом из выдержавшей несколько переизданий книги А. Кручениных о Ленине: «Если Пушкин во сне сочинял и декламировал стихи, то подсознательное Ленина было иного порядка. Об этом интересно рассказывает Н. Крупская: “Ильич метался. Он просил Бронского разузнать, нельзя ли как-нибудь через контрабандиста пробраться через Германию в Россию. <...> Ильич не спал ночи напролет.

Раз ночью говорит: Знаешь, я могу поехать с паспортом немого шведа. Я посмеялась: Не выйдет, можно во сне проговориться. Приснятся ночью кадеты, будешь сквозь сон говорить: сволочь, сволочь. Вот и узнают, что не швед!» (*Крученых А. Приемы ленинской речи. К изучению языка Ленина. М., 1928. С. 46.*)

...чем пахнет от особого человека ~ А от меня? — Ср. с пародией на Г.К. Никифорова коллеги Платонова по ленинградской командировке на Зиновьевскую бумажную фабрику А.А. Архангельского: «Когда приехала к нам Файка Покровская со своим папашей, то, осмотрев своими рабочими глазами со всех сторон, сказал я себе: хотя фигура у нее интеллигентная и красоты она неопишущей, но дух от нее идет наш, пролетарский» (*Архангельский А.А. Женщина и социализм // На лит. посту. 1930. № 7. С. 74.*)

С. 254. *Обезличку ~ на мужьев ввела.* — Понятие «обезлички» — одно из центральных в речи И. Сталина на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства», в которой он сформулировал «шесть условий развития нашей промышленности», третье из которых — «ликвидировать обезличку» (*Сталин. С. 456*). Подхваченный и растиражированный прессой призыв «ликвидировать обезличку» нашел разнообразное отражение в публицистике времени. Говорилось о ликвидации «обезлички паровозов», о вреде «обезлички мастеров» и пр. Напостовцы писали об опасности «поверхностной декламации» в изображении героев производства (Речь тов. Сталина и задачи РАПП // *На лит. посту. 1931. № 24. С. 3*). Обезличкой в производственном очерке критики РАПП называли случаи, когда писатель не отвечал их требованию показать «живого человека как конкретную социальную личность», то есть как человека, «прикрепленного» к своему классу.

А я думал — новый человек весь чистый... — Противопоставление чистоты нового человека и «грязи старого общества» — один из образов в публицистике времени; см., например, в статье о смерти В. Маяковского: «Очистить себя от всей грязи старого общества и придти к внутреннему ощущению вельния пролетариата как величайшей своей индивидуальной свободы — к этому шел и во многом уже пришел Маяковский» (*На лит. посту. 1930. № 9. С. 6*).

С. 255. *Турбогенератор* — устройство, состоящее из синхронного генератора и паровой или газовой турбины, выполняющей роль привода, предназначенное для преобразования механической энергии вращения турбины в электрическую посредством магнитного поля ротора в статоре. У синхронных турбогенераторов с внешним возбуждением напряжение тока в обмотках ротора создает возбудитель — небольшой генератор на валу турбогенератора.

В империализме даже дрова горят, а у нас такая особая точка, что все гаснет! — Возможная отсылка к делу о вредительстве в топливной промышленности (одно из отраслевых дел «Промпартии»). Дробление антрацитовой плиты на части различного размера, ведшее к неполноценному сгоранию и теплоотдаче, стало одним из пунктов обвинения в ходе процесса над Промпартией. Объяснение, что неправильное дробление обусловлено высокой твердостью донбасской плиты в сравнении с пенсильванским углем не являлось вредительством, принято не было (Процесс Промпартии. С. 323).

Дутье на полный форс — вдувание воздуха или других газов под усиленным давлением в промышленные печи, доменные установки и т. п. для ускорения проходящих в них процессов.

Шуровка — перемешивание в топке горящего топлива.

С. 255–256. *Колокольчики ~ звенят.* — романс на стихи С.Г. Скитальца (1901), известный в различных перепевах.

С. 256. *Их паровоз летит вперед, а нам всем остановка!..* — Иронический парафраз начальных строк припева песни «Паровоз»; в песеннике 1930 г. — в разделе пионерских песен: «Наш паровоз вперед летит, / Коммуна — остановка, / Иного нет у нас пути, / В руках у нас винтовка» (Песенник. «Красное знамя». М.: Дешевая библиотека Госиздата, 1930. С. 50).

Фидер — кабельная линия, которая подключает оборудование к электростанциям или подстанциям.

...режим пик на вольтах и амперах. — *Пик* — максимальный уровень работы или выхода энергии; «резать пик» — перераспределять напряжение в цепях защиты электронных приборов от перенапряжений в сети.

С. 257. *Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора!..* — Первые строки стихотворения Ф. Тютчева. В дискуссиях о лирике 1930–1931 гг. утверждалось, что «что темы строительства исключают индивидуальное ощущение, лирическую поэзию», а имена Тютчева и Фета открывали галерею русских и советских поэтов, наиболее чуждых пафосу реконструктивного периода (указ. Н. Корниенко: *Платонов А.* Ноев ковчег. М., 2006. С. 437).

С. 258. *Шихта шлакуется!* — *Шихта* — смесь сырых материалов для переработки. Шлаковаться — засоряться шлаками.

...если сожжем, — нам будет лет десять ~ перечень есть... — Речь идет о перечне статей, разбиравших на категории преступные деяния и указывающие наказания за них, предусмотренные Уголовным кодексом РСФСР, принятым в 1926 г. и введенным в действие с 1 января 1927 г. Согласно этому перечню, 10 лет давали за статью 58-1 — контрреволюционная деятельность; за статью 58-1а — измена Родине — полагался расстрел с конфискацией имущества или 10 лет с конфискацией имущества.

С. 259. *Ведь пять лет по перечню.* — Согласно 79 статье Уголовного кодекса РСФСР в редакции 1926 г., преступник, допустивший умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежащего государственным учреждениям или предприятиям, а также общественным (кооперативным, профессиональным и т. п.) организациям, в том числе электропроводов, средств связи и т. п., за которым последовала приостановка или перерыв производства, или причинен другой тяжелый ущерб государству, подлежал лишению свободы со строгой изоляцией на срок до пяти лет с конфискацией имущества или без таковой.

Машины ведь нейтральны в классовой борьбе... — Ср. в выступлении Маяковского на втором пленуме правления РАПП: «Вопрос о техницизме нужно ставить, но нужно ставить так — в чьих руках машина, на кого работает» (Речь В. Маяковского на конференции МАППа // *На лит. посту.* 1930. № 19. С. 66–69). В своем письме (1931) в ЛОКАФ Платонов описывает интересующую его тему как соединение техники с классовой идеей: «...самое

мощное “техническое” вооружение Красной Армии состоит не в механизмах, а в классовой идее, владеющей вооруженным пролетариатом; эта классовая идея, воодушевленная интернациональным сознанием, помноженная на технику в прямом смысле, делает из Красной Армии силу, исторически беспримерную и абсолютно непобедимую. Это помножение духа на технику, взятое в процессе роста, и составляет тему» (*Московская Д.С.* К хронике работы над пьесой «Высокое напряжение» // *Страна философов*, 2017. С. 422).

С. 260. *Где мы теперь, кто нам сжимает пальцы?* — Искаженная цитата из романа А. Вертинского «Лиловый негр», посвященного актрисе Вере Холодной: «Где Вы теперь? Кто Вам целует пальцы?» (1916). В 1930 г. имя Вертинского — одно из упоминаемых в ходе борьбы с «цыганщиной» (см. об этом также примеч. в повести «Котлован»: *Сочинения*, 4(1). С. 549).

С. 261. *Нам остается лишь мари Шопена ~ разлуку сыграют.* — «Траурный марш» Ф. Шопена с конца XIX и. вошел в ритуал гражданской панихиды, после 1917 г. — в обряд «красных похорон». *Разлука* — исполняемая под шарманку печальная городская песня: «Разлука ты разлука, / Чужая сторона. / Никто нас не разлучит, / Лишь мать, сыра земля».

Я хочу быть товарищем пролетариата... — Ср. с выражением «мнимое дружье пролетариата» в письме 1903 г. В. Ленина Г. Плеханову в связи публикацией последним статьи «Еще раз о ростовской стачке». Повторно употреблено А.В. Луначарским в работе «Что такое пролетарская литература и возможна ли она?» (1914). В переносном смысле выражение использовано в пьесе К.А. Тренева «Любовь Яровая» (1927), в призыве «деятеля тыла» Аркадия Елисадова: «Отдадим народу все силы, ибо наука была белая рабыня капитала, теперь она — красный товарищ пролетариата» (*Тренев К.* *Любовь Яровая.* Пугачевщина. М., 1927. С. 127). В финале *Любовь Яровая*, отвечая комиссару Кошкину, назвавшему Яровую верным товарищем, возвращает выражению буквальный смысл: «Я только с нынешнего дня верный товарищ» (Там же. С. 212). Ср.: «Инженерство Ленинграда протянуло руку дружбы рабочему классу. Рабочий класс жмет протянутую руку специалиста <...>. — Давайте вместе работать над созданием социалистического общества. <...> Кто не с нами, тот против нас» (Ленинградская правда. 1930. 30 янв. С. 3).

С. 262. *Гибель богов!* — «Гибель богов» — опера Р. Вагнера, завершающая музыкальную тетралогия «Кольцо Нибелунгов», написанную на сюжеты германо-скандинавских мифов.

С. 263. *Остынут ведь, а мне выговор будет, что инженеров невкусно кормлю!* — В 1930 г. в связи с переходом на 7-часовой рабочий день остро стал вопрос питания заводчан: «На фоне великого размаха социалистической стройки, которую мы сейчас переживаем, такой могучий рычаг переустройства быта, как общественное питание, приобретает чрезвычайно большое значение», — отмечала заводская газета ЛМЗ. Многотиражка пестрила заголовками: «Лицом к столовой и буфету», «Только кисель да винегрет», в статьях столовским блюдам давались неслестные отзывы рабочих: «Плохие обеды и грязь». О результатах проверки столовой и буфета бригадой по смотру общественного питания газета информировала обществен-

ность: «По раскладке котлеты должны быть весом 125–130 г и к ним 20 г картофеля, но кладут на глазок, когда взвесили, оказалось, конечно, меньше 110–115 г, также и картофель. <...> Качество обедов, по словам зав. столовой, зависит от качества плохих продуктов, например, компот 3 сорта» и пр. (ПГ. 1930. 28 апр. С. 3).

С. 263. *Они взбираются ~ наверх, к пламени. ~ Мы так разъединим. Здесь не очень жарко.* — Самоотверженная борьба людей с пожаром — типичная ситуация времени и одна из тем публицистики: ср. описание борьбы с пожаром на нефтепромыслах Баку в очерке Горького «По Союзу Советов»: «Я никогда не видел, чтоб огонь гасили так яростно, с такой бесстрашной дерзостью, с таким пренебрежением к боли ожогов. <...> Незаметно было испуга <...> быстрота, с которой рабочие бросились на огонь, ловкость, <...> это было ново для меня и очень удивительно» (*Наши дост.* 1929. № 1. С. 20).

С. 265. *...надо погоревать. Так стоять — неприлично.* — Ср.: «Мы, однако, не принадлежим к числу тех, которые немедленно зачисляют умершего писателя <...> в лик поэтических святых. <...> У гроба Маяковского хотелось не плакать, а полемизировать» (*Авербах Л.* Памяти Маяковского // *На лит. посту.* 1930. № 9. С. 5). Горький иронично остраивает прощание с погибшим Маяковским, приводя в «Наших достижениях» рассказ восьмилетнего подростка, присутствовавшего на прощании с любимым поэтом: «Один раз ко мне прибегает мой товарищ Эдя. Это было 14 апр. 1930 г. Он говорит: Маяковский застрелился, увезли в больницу. Карета помощи. На другой день в газ. “Раб. Моск.” мы прочли: “Тело Маяковского находится в клубе ФОСП. Москва улица Воровского д. 52”. Мы конечно пошли. — Пришли. — Смотрим. — Много народу. — Встали в очередь. — Наконец пришли в зал. Смотрим. Нос красный. А в боку у ног Маяковского стоит комсомолец на почетном карауле, а у бока стоит художник и лепит Маяковского. Конец”. — Это курьезно», — заключает Горький (*Горький М.* Публицистические статьи. М., 1933. С. 177).

С. 266–267. *Правильно все напечатали: Иван Васильевич Мешков, да? И умер?* — Ср. определение, данное писателям-попутчикам в духе рапповского шельмования в выступлении В.А. Герасимовой на пленуме РАПП в декабре 1931 г.: «Часть молодых писателей, членов РАПП и коммунистов, попала в так называемую группу “живых мертвецов” и т. д. Это ни в коей мере не значит, что имеющиеся у этих товарищей ошибки надо замалчивать, а не подвергать самой резчайшей критике, и это совсем не значит, что писателей, которым следует отводить заслуженное место “живых мертвецов”, не имеется, но значит, что основные установки критики должны идти по другой линии. Потому что вопрос идет об основной массе писателей, а не о Замятине, Пильняке, Правдухиных, Платоновых и прочих, с кем нужно вести резчайшую, разоблачительную и до конца борьбу» (*ИМЛИ.* Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 3–4).

С. 268. *Я врагом не был. ~ я дурак новой жизни, — я стесняюсь жить...* — Ср. оценку покаянных речей оппортунистов, данную Сталиным в заключительном слове по политическому отчету ЦК XVI съезду ВКП(б) 2 июля 1930 г.: «Чего требует съезд от бывших лидеров правой оппозиции?

Может быть, раскаяния, самобичевания? Конечно, нет! <...> Они болеют той же болезнью, которой болел известный чеховский герой Беликов, учитель греческого языка, “человек в футляре”. <...> Он боялся, как чумы, всего нового, всего того, что выходит из обычного круга серой обывательской жизни. Открыли новую столовую, — у Беликова уже тревога: “оно, конечно, может быть, и хорошо иметь столовую, но смотрите, как бы чего не вышло”. Организовали драматический кружок, открыли читальню, — Беликов опять в тревоге: “драматический кружок, новая читальня, — для чего бы это? Смотрите, как бы чего не вышло”. <...> Правда, потом, через год, <...> всякому дураку становится ясно, что тараканья опасность не стоит и выеденного яйца» (Сталин. С. 436–437).

С. 270. *В отпуск ~ на курорт! ~ Надо прекратить эту психологию на заводе!* — Поворот в отношении к технической интеллигенции дореволюционной школы в сторону большей заботы о ней — тема речи И. Сталина на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства»: «По-иному ставится также вопрос об отношении к старой, буржуазной производственно-технической интеллигенции. <...> ...Наше отношение к ней должно выражаться <...> в политике привлечения и заботы о ней. <...> ...Изменить отношение к инженерно-техническим силам старой школы, проявить к ним побольше внимания и заботы...» (Сталин. С. 459, 461).

С. 271. *...невежда хулиганит финкой, а интеллигент умом.* — Ср.: «Философ мыслит силлогизмами и понятиями, а поэт — образами и картинками» (Плеханов Г.В. Сочинения. Т. X. М.–Л., 1925. С. 207). Афоризм Плеханова цитировался Л. Тимофеевым в статье «Встречный промфинплан пролетарской литературы» (На лит. посту. 1931. № 1. С. 42).

СЦЕНАРИИ

В 1928–1930 гг. Платонов продолжил писать сценарии, несмотря на первые разочарования, связанные с работой в кино в 1927 г.: авторский вариант сценария «Песчаная учительница», даже после многочисленных переделок в 1927 г., был отклонен (см.: Сочинения, 2. С. 742–745; 752–758); 28 апреля 1927 г. датируется документ об устройстве Платонова на службу в «Совкино» на должность ответственного секретаря планово-технической части производственно-художественного отдела, однако по невыясненным причинам приказ о назначении был отменен (РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 10. Ед. хр. 1091. Разыскание Н.В. Корниенко).

К 1928 г. относится начало работы над либретто «Епифанские шлюзы» (опубл.: Сочинения, 2. С. 336–358). В перечне тем для плана «Совкино» на 28/29 и 29/30 гг., сохранившемся в фонде Главискусства, среди «Исторических тем до XIX в.» значится: «29. Крестьяне на постройке шлюзов в XVIII веке (Епифанские шлюзы)» (РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 357. Л. 67). Летом 1928 г. экранизация повести была включена в план ленинградской фабрики «Совкино» в раздел «Исторические и историко-революционные

темы. / а. Прошлое низовых классов»: «“Епифанские шлюзы” По роману <sic!> Платонова. Картина начала рабочего класса в России. Петр I строил шлюзы, понуждая к работе на них крестьянство» (Ленинградская газета Кино. 1928. 15 июля. С. 6). По времени этот план совпал с развернувшейся в кинематографических кругах кампанией против обилия исторических картин и экранизаций литературных произведений. В результате планы кинофабрик были пересмотрены: экранизаций меньше не стало, но исторические постановки, если они не касались истории революции и Гражданской войны, были по большей части исключены из производственных планов (подробно см.: *Клементьев Р.Е.* Несостоявшаяся экранизация повести А. Платонова «Епифанские шлюзы» // *Вестник КГУ.* 2018. Т. 24. № 4. С. 120–124).

В эти годы за Платоновым закрепился статус писателя-сценариста. В 1929 г. он был официально приглашен для участия в Первом всесоюзном совещании сценаристов, проходившем с 25 по 27 марта. В протоколе от 6 марта 1929 г. заседания комиссии по организации совещания Платонов упомянут в списке приглашенных писателей среди представителей «Совкино» (*РГАЛИ.* Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 364. Л. 1 об.). В сохранившейся стенограмме совещания упоминаний о Платонове нет.

Возможно, в эти годы Платонов работал над сценарием по «Рассказу о потухшей лампе Ильича». Известно, что рукопись под названием «Лампочка Ильича» находилась у рецензента сценарного отдела 1-й фабрики «Совкино» в промежутке с 15 сентября по 1 октября 1929 г. (*РГАЛИ.* Ф. 2498. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 43). В это же время в плане по культурфильмам фабрики «Межрабпомфильм» на 1929/1930 гг. стояла картина «Лампочка Ильича (по электрофикации)» (Кино. 1929. 17 сент. С. 7). В настоящий момент не удалось точно установить, связаны ли эти упоминания с рассказом Платонова, и если да, то повлияла ли на судьбу возможного фильма напечатанная в «Вечерней Москве» 28 сентября 1929 г. статья В. Стрельниковой, в которой критиковался в том числе и «Рассказ о потухшей лампе Ильича».

В кинематографической среде не осталась незамеченной развернувшаяся в 1931 г. кампания против повести «Впрок». Осуждение недопустимого сатирического метода при изображении коллективизации в платоновской повести фактически совпало с резкой критикой сатирических фильмов. Под «обстрел» попали прежде всего короткометражные фильмы А. Медведкина («Дурень, ты дурень!», «Фрукты-овощи» и др.) и фильм на колхозную тематику «Никита Иванович и социализм» режиссера А. Маковского, в кампании против которого упоминалась и повесть Платонова как похожий случай «вредительства» в литературе (см.: *Клементьев Р.Е.* Кинообщественность в кампании 1931 года против повести А. Платонова «Впрок» // *Дом Бурганова. Пространство культуры.* 2018. № 4. С. 95–106).

К настоящему времени мы не располагаем документами о работе Платонова над новыми сценариями с лета 1931 г. и до второй половины 30-х гг. Вероятно, как и в случае с литературными редакциями, с писателем перестали сотрудничать и кинофабрики. Тем более примечателен факт вступления Платонова в киносекцию Всероскомдрама с 1 сентября 1931 г. (*Московская Д.С.* К хронике работы над пьесой «Высокое напряжение» // *Страна философов,* 2017. С. 423).

Знаковым событием для советского кино в 1928 г. стало Всесоюзное партийное совещание по кинематографии при ЦК ВКП(б), которое состоялось 15–21 марта и было призвано обозначить пути дальнейшего развития советского кино. По сути, главной задачей совещания стала перестройка кинопроизводства, которое с трудом отказывалось от коммерческой направленности, продиктованной нэпом. Кино должно было наконец стать полноценным идеологическим инструментом и эффективно работать на помощь в глобальных проектах строительства мощного советского государства. Среди проблем, требующих немедленного решения, назывался кризис в сценарной отрасли и трудности взаимодействия писателей с кинопроизводством (см. стенограммы совещания в изд.: Пути кино. Первое всесоюзное партийное совещание по делам кино. М., 1929).

Работа по исполнению постановлений киносовещания велась в нескольких направлениях. Полностью брался под контроль прокат: сокращался выпуск импортных фильмов, заново оценивался с идеологической точки зрения и значительно сокращался корпус картин, разрешенных в прошлые годы; под строгий контроль были взяты составление планов кинофабрик, заказ и принятие сценариев. На деле это лишь усугубляло одну из основных проблем, тормозивших развитие советского кино, — сценарный кризис, бороться с которым призывали всю вторую половину 1920-х гг. На протяжении 1928–1931 гг. на помощь в решении сценарного вопроса продолжали привлекаться советские литераторы: в качестве сценаристов пытаются работать такие писатели, как А. Толстой, А. Серафимович, Вс. Иванов, А. Мариенгоф, Н. Эрдман, В. Лидин, и многие другие. Однако заметных улучшений в киноотрасли не происходило. К концу 1920-х гг. все чаще раздавались голоса, что все попытки призыва писателей в кино проваливаются, что в основной массе писатели, пытающиеся работать в кино, делают это крайне непрофессионально и выдают либретто и сценарии, непригодные для постановки, т. к. не понимают специфики экранного искусства и т. д. Предлагались иные формы работы кинофабрик с писателями, например, поручить им лишь функции фабулистов, т. е. авторов, от которых требовались бы только краткие изложения сюжетов, — так называемые «темы» и, максимум, либретто, т. е. сжатый пересказ событий фильма в последовательности предполагаемых ключевых сцен.

Между тем многочисленные материалы периодики о проблемах сценаристов, общественные обсуждения сценарного кризиса, в том числе на Первом всесоюзном совещании сценаристов в 1929 г., рисуют более сложную картину положения в сценарном деле. Штатные сценаристы кинофабрик обвинялись в кастовости, попытках сохранить узкий круг сценаристов-профессионалов советского кино. Таким образом, сценарная отрасль оставалась закрытой, в том числе для писателей, независимо от качества создаваемых ими сценариев. Полным хаосом, в котором практически ни один сценарий не принимался к постановке, оборачивалось наличие обязательной цепочки (по разным данным, от 8 до 15) инстанций, которые оценивали сценарии на самих кинофабриках и в вышестоящих организациях. Переделок в сценарии требовало множество людей, в том числе некомпетентных в вопросах кинематографа, не имеющих соответствующих знаний и навыков и не несущих

ответственности за свои решения. Общим местом претензий становились бесконечные перечни проблем или тем, которые сценарист не осветил (а обязательно «должен был») в своем произведении. Первоначальные замыслы менялись до неузнаваемости, но в итоге почти неизбежно отклонялись.

Для перелома ситуации с недостатком сценариев объявлялись необходимыми такие меры, как вовлечение сторонних сценаристов, особенно писателей, в работу кинофабрик, их тесное взаимодействие с режиссерами и постановочными коллективами, сокращение числа принимающих сценарии организаций, максимальное снятие вопросов по идеологическому и тематическому наполнению сценария еще на стадии его заказа автору. В том числе для этого к концу 1929 г. была проведена работа по пересмотру метода планирования кинофабрик. Вместо существовавшей до этого момента практики, когда в производственно-тематический план включались конкретные сценарии, которые достаточно произвольно распределялись по тематическим категориям, был создан так называемый план сценарных заказов. В нем отдельными позициями становились утвержденные заранее темы, актуальные для текущего момента социалистического строительства. Сценарист мог выбрать для себя подходящую тему, оставаясь в рамках которой он был волен в выборе жанра, художественного оформления и т. д. Для облегчения работы сценаристов планировалось создать должность специальных референтов, которые бы собирали к каждой теме материалы из периодики и книг.

Начало 1930 г., на который пришлось создание двух публикуемых в настоящем томе киносценариев — «Машинист» и «Турбинщики», — было отмечено возросшей критикой деятельности «Совкино». Поднимается вопрос о назревшей необходимости его реорганизации. «Совкино», прежде всего, ставилось в вину невыполнение плана по количеству выпускаемых картин, их низкое качество, а также отставание тематики фильмов от потребностей социалистического строительства, пренебрежение идеологической составляющей или ее нивелирование. В феврале 1930 г. «Совкино» было ликвидировано, вместо него создается «Союзкино». Также активно обсуждается положение дел в кинематографии в целом. Комиссия РКИ РСФСР проверила деятельность предприятий отрасли и подготовила проект по созданию единой киноорганизации — «Всесоюзкино» (единое подчинение). Материалы по вопросу создания всесоюзного кинообъединения начинают печататься в прессе (см., например: Задачи АРПК в реконструктивный период // Кино. 1930. 11 янв. С. 4; Объединить кинодело // Там же. С. 5).

Все, чем в эти годы жила советская страна, касалось и кинематографии. Для верного отображения действительности кинематографисты, и прежде всего сценаристы и примкнувшие к ним писатели должны были самолично наблюдать происходившие в стране процессы: «Фабрики должны направить законтрактованных сценаристов и литераторов в районы крупного строительства для получения необходимых тем и сценарного материала» (Кино. 1930. 25 янв. С. 1).

В феврале 1930 г. газета «Кино» в редакционной статье «Бьем тревогу» в очередной раз поднимала вопрос о необходимости выполнения плана по выпуску кинокартин, его срыв во многом объяснялся продолжающимся сценарным кризисом, и вновь одним из выходов называлось привлечение

к работе писательских организаций: «Писательские организации ВАПП и др. могут и должны принять участие в смягчении сценарного кризиса, выделив из своего состава лучших работников для помощи кинопроизводству» (Кино. 1930. 1 февр. С. 1). ВАПП (с 1928 г. — РАПП) предлагалось срочно создать комитет литературных и киноорганизаций для содействия в изжитии сценарного кризиса, а «фабрикам предложено в срочном порядке провести в жизнь постановление первой московской рабочей конференции о прикреплении режиссеров и сценаристов к крупнейшим заводам и фабрикам Москвы и Ленинграда для того, чтобы связать основных художественных работников с пролетарской общественностью» (Как изжить сценарный кризис // Кино. 1930. 1 февр. С. 1).

Однако призывы о выполнении плана помогали мало. В марте 1930 г. страсти по поводу промфинплана все более накаляются. В материале «О громе, который грянул (Киносовещание в редакции “Комсомольской правды”») констатируется факт прорыва на фронте кинематографии (Кино. 1930. 10 марта. С. 1). «Кинематография делается без плана и перспективы», — гласил другой материал о проблеме устаревания тем сценариев к моменту выхода картин и о сложной иерархии инстанций, по которым приходится проводить сценарии, прежде чем начнется производство (Там же). Газеты и журналы по вопросам кино пестрели характерными заголовками: «На кинопроизводстве неблагополучно! Вся общественность на борьбу за выполнение промфинплана», «Начать решительную борьбу за выполнение промфинплана», «Прорыв на кинофабриках» — в большинстве статей главной причиной прорыва называлось отсутствие сценариев (Кино. 1930. 10 марта. С. 4).

В качестве одной из необходимых и потенциально действенных мер называют привлечение к отбору и обсуждению сценариев главных потребителей будущей кинопродукции — рабочих. Ряд предложений предполагал участие рабочих в творческом процессе. Например, говорилось о необходимости такой практики: «1. Обсуждение рабочими сценария или либретто и выбор своих представителей для последующей работы со сценаристом на основе резолюции собрания и при постоянной консультации рабочих. 2. Читка окончательного проработанного таким образом сценария и предварительный разбор плана оформления картины» (Иванов Ф. Всю работу над фильмом — под рабочий контроль // Кино. 1930. 25 февр. С. 2).

Охватившее страну движение ударничества коснулось и кинофабрик. Так, в начале 1930 г. на кинофабрике «Востоккино» организуется первая ударная постановочная бригада во главе с режиссером М. Вернером, которая объявила о постановке картины «Железная бригада». Фильм должен был рассказывать «о не знающих преград энтузиастах, о строителях, рабочих-металлистах». Члены съемочной группы рассказывали о своем замысле в газете «Кино»: «Образцы, которые предстоит воплотить на экране, нам близки, и двигающие ими силы нам понятны. Для нас эти образцы не абстракция, а конкретные живые люди. Зараженные их примером, мы, как и они, постановили образовать *первую ударную постановочную бригаду*. Ударная бригада будет снимать фильму об ударной бригаде» (Кино. 1930. 11 янв. С. 1). Фильм планировалось снимать на керченском заводе им. Войкова. Съемочная группа приехала на завод, где С. Ермолинский зачитал свой сценарий

на специальном заседании культактива при участии рабочих, высказавших многочисленные замечания и советы и обещавших всячески содействовать в съемках (Слушайте голос героя... // Кино. 1930. 25 февр. С. 2). Работа над фильмом, которая велась под контролем и при тесном участии рабочих завода, завершилась к концу октября.

Заметное место в советском кино в конце 1920-х – начале 1930-х гг. занимали деревенская и производственная темы. Лишь в конце 1929 г. вышла «Генеральная линия» С. Эйзенштейна, снимавшаяся еще с 1926 г. «Главная картина о советской деревне», во многом не оправдала многолетнего ожидания, ее название сменилось на более скромное «Старое и новое». Большое внимание общественности привлек фильм А. Довженко «Земля» (1930), показ деревни в котором стал предметом множества споров и оживленных дискуссий. Среди других фильмов о деревне: «Железная лошадь» (1928); «Кривой Рог» (1928); «Третья молодость» (1928); «Колхоз» (1930) — политпросветфильм о переходе от единоличного хозяйства к коллективному; «Коллективистическая весна» (1930); «Никита Иванович и социализм» (1931) — запрещенный сатирический фильм о кулаке, ставшем во главе колхоза, и др.

В 1928–1930 гг. вышли такие производственные картины, как «Герои Домны» (1928); «Знойный принц» / «Ночная смена» (1928) — о жизни заводской молодежи; «Рельсы гудят» (1929, сценарий В. Киришона) — о вредительстве старых спецов на паровозоремонтном заводе; «Контакт» (1930) — о противостоянии старого и молодого поколений рабочих; «Сто двадцать тысяч в год» (1929) — о девушке-изобретательнице, объявленной сумасшедшей; «Веселая война» (1930) — о соревновании изобретателей; «Секрет рапида» (1930) — о старом рабочем, скрывающем секрет высококачественной стали, и др.

1930 год стал переломным на пути запоздалого перехода советского кино к звуковому формату. Печать регулярно поднимала вопрос о звуке в кино уже в течение нескольких лет. Знаменитый манифест С. Эйзенштейна, В. Пудовкина и Г. Александрова «Будущее звуковой фильмы. Заявка» вышел еще в 1928 г. (Советский экран. 1928. № 32. С. 5). В 1929 г. появилась монография В. Сольского «Звучащее кино» и т. д. В 1930 г., когда отставание от Запада в развитии звука в кино только увеличивалось, — в СССР не было снято еще ни одной полноценной звуковой картины — печать, как никогда прежде, бросает все силы на то, чтобы приблизить начало звуковой эры кино в Советском Союзе. Без технических, теоретических, агитационных материалов по звуковому кино в 1930 г. не обходится почти ни один номер киноизданий, статьи о звуке в кино регулярно появляются и в центральной прессе (см., например: *Оболенский Л.* Практика звукового кино // Кино и жизнь. 1930. № 20 (июль). С. 17–18; Звукомолчащее кино [Редакционная статья] // Кино и жизнь. 1930. № 24 (август). С. 1–18; Когда же звуковое кино делается достоянием широких масс в СССР? // Известия. 1930. 25 авг. С. 3; и др.). 7 августа московская Ассоциация работников революционной кинематографии (АРПК) созывает первое широкое совещание по звуковому кино (материалы Первой всесоюзной звуковой производственно-технической конференции печатаются в номерах газеты «Кино» от 30 августа и 5 сентября). В 1930 г. выходит первый советский звуковой фильм —

документальная «Симфония Донбасса». Первый звуковой художественный фильм «Путевка в жизнь» появился только в 1931 г. Нему кино в СССР в 1930 г. полное исчезновение пока не грозило. Препятствия технического характера, скорое устранение которых еще не предвиделось, позволяли сценаристам и другим киноработникам еще долго работать в «немом» формате. Сценарии Платонова 1930 г. «Машинист» и «Турбинщики» также писались согласно эстетике пока еще актуального немого кино, хотя и сам Платонов видел в молчании экрана «временный технический недостаток» и ожидал, когда он зазвучит (статья «Великая Глухая», с. 324–326 наст. изд.).

МАШИНИСТ (Либретто) (с. 275). — Новый мир. 1991. № 1. С. 136–145. Публикация Н. Корниенко.

Датируется июнем – июлем 1930 г.

Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 95. Л. 1–36).

Автограф выполнен карандашом в общей тетради с грифом Каменской бумажной фабрики. В тетрадь с автографом вложено несколько листов разного формата, на оборотах которых сохранилась машинопись рассказа, предположительно написанного Платоновым (опубликовано: *Корниенко Н.В.* Киносценарии в творческой истории «Котлована» // *Котлован*. С. 361–363). С помощью этих вставок писатель доработал текст — выправил кульминационный эпизод встречи экскаватора и сделал несколько уточнений в финальной части либретто (см. динамическую транскрипцию либретто: Там же. С. 357–360). На вставках выполнен титульный лист со списком действующих лиц, а также сопроводительное письмо в сценарный отдел фабрики «Совкино»:

«Посылая при этом либретто <пропуск>, сообщая следующее.

1. Место натуральных съемок, удовлетворяющее содержанию либретто, это пойма р. Тихой Сосны, между гг. Острогжском и Коротояком (120 км от г. Воронежа, где имеется производственная база Совкино, 700 км от Москвы); в этом же месте работает экскаватор. Местные организации и начальник осушительных работ, в ведении которых находится экскаватор, пойдут навстречу Совкино в деле организации съемок.

2. Либретто написано без подразделения на части или эпизоды. Это подразделение лучше сделать в сценарии, а лучше — совсем не делать и дать картину одним потоком.

3. Если будут указания в отношении исправления либретто, то желательно, для ускорения всей работы, эти исправления вносить не в либретто, а прямо в сценарий. Ибо обычно бывает так, что либретто несколько раз переделывается, а затем пишется сценарий, в котором бывают уже совершенно новые изменения, не предугаданные в либретто, и повторная работа над либретто вся пропадает, — к невыгоде всех работающих и при огромной потере времени.

4. В части засъемок электростанции, паровозного завода и нек<оторых> др<угих> частей картины — съемки могут быть организованы как в Москве, так и в Воронеже, где есть паровозоремонтный завод.

Мой адрес есть в договоре» (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 95. Л. 3–4).

Упомянутый в письме договор не выявлен.

Работая над автографом либретто, Платонов вносил незначительную синхронную правку. Несколько эпизодов вызвали видимые затруднения. Платонов долго подбирал варианты развития действия после аварии на заводе (Котлован. С. 350). Эпизод вручения колхозникам «новой собственности» (экскаватора) также создавался в поисках вариантов (Там же. С. 359). Не сразу возникла и финальная сцена с «коллективным» поцелуем (Там же. С. 360–361). Дорабатывая ее, Платонов предусмотрительно оставил указание режиссеру о недопустимости ассоциаций со «знаменитым кончовочным поцелуем» — традиционным объектом советской кинокритики (см., например: Арнольди Э. Поцелуй в диафрагму. М.–Л., 1928. С. 24–28).

Список действующих лиц также оформился не сразу: сначала набросок действующих лиц появляется в верхнем углу первого тетрадного листа автографа; затем, в расширенном варианте, — на обложке тетради, и только после этого был вынесен на отдельный лист (см. Котлован. С. 345–346).

На листе с окончательным списком действующих лиц Платоновым оставлена помета для машинистки: «5 экз<емпляров> на одной стороне листа» (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 95. Л. 2). Ни один из этих экземпляров машинописи в настоящее время не обнаружен. Сохранились лишь три машинописных копии письма в сценарный отдел «Совкино», которые были использованы Платоновым позже в качестве черновиков при работе над повестью «Котлован» (ИРЛИ. Ф. 780. Ед. хр. 7. Л. 113 об., 114 об., 115 об.).

Очевидно, Платонов не сразу определился с заглавием будущего фильма: в письме в сценарный отдел (см. выше) он оставил пропуск на месте предполагаемого названия. На титульном листе со списком действующих лиц по верхнему краю надписано: «Заголовок», а ниже оставлено место, куда вписано женой писателя Марией Александровной — «Машинист».

В авторском примечании к либретто (с. 279 наст. изд.), а также в письме Платонова в сценарный отдел «Совкино» указано место «натурных съемок, удовлетворяющее содержанию либретто»: пойма реки Тихой Сосны, между городами Острогжск и Коротояк (Центрально-Черноземная область). Район поймы Тихой Сосны упоминается и в сохранившихся черновых материалах к либретто (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 5–7). Записи выполнены в такой же тетради с грифом Каменской писчебумажной фабрики, что и автограф либретто. Эти материалы Платонов планировал перевести в очерк: в заголовке «Материалы для либретто (по Тихой Сосне)» он вычеркивает «либретто» и надписывает «очерка» (Там же. Л. 6). В тетради содержится краткая справка Платонова о социально-экономическом и почвенном состоянии местности для обоснования регулировочно-осушительных работ в пойме Тихой Сосны (приведенные в справке данные датируются второй половиной 1929 г.). Зафиксированное в этих материалах бедственное положение в долине реки отразится в реалиях художественного пространства либретто — в изображении колхоза «Генеральная линия» (испарения болот, «мокрая пойма», остров посреди нее и др.):

«х) Заболочено 20 тыс. га.

х) Стоимость рег<улировочно>-осуш<ительных> <работ> ~ 20 р. (макс.) на 1 га.

х) Площ<адь> воздействия проекта — мин. 15 тыс. га.

х) Возможн<ый> доход 1400 тыс. руб.

Тепер<ешний> доход 100 тыс. руб.

х) Осуш<ение> ~ 10 т. га даст ~ 400 т. руб. в год.

х) При коренном улучшении производ<ительность> заливных лугов вырастет в 2½ раза — по данным Никольск<ого> опытного луга Ворон<ежского> округа.

х) Мел<иоративные> тов<арищест>ва обязались поставить 20.070 трудодней.

х) 6666 т/д уже затрачено (на 1928 г.).

х) В долине Т<ихой> С<осны> много погребных торфов.

х) Среди поймы песчаные острова, иногда сыпучие. В урочище Дальний мел<иоративные> т<оварищест>ва укрепл<ают> о<стро>ва посад<ками> сосн<ы> и шел<юги>.

х) Почвы дол<ины> Т<ихой> С<осны>, обогащаемые ежегодными наносами с черноземн<ых> водоразделов (ил, делювиальные сносы), очень богаты, особо благоприятны для луг<овых> раст<ений> и для огородных культур. При этом все почвы богаты известковыми солями.

х) За 15 лет пойменные леса Т<ихой> С<осны> ухудшились так: пони<ение> прироста, верба выжила ольху, суховершинность.

х) Прирост древесины по р<егулировочно>-<осушительным> работам увеличится на 20% против настоящего.

х) Переузина.

х) Запас торфа в дол<ине> Т<ихой> С<осны> — ~ 5 мл<н> метр.³ <> его хватит на весь округ лет на 50 — на осн<овную> пром<ышленность> и все коммунальн<ое> потребл<ение><,> 300 га торфа равно 20×300=6000 га леса.

х) Все жители поймы больны маляр<ией> 100%; но долина Т<ихой> С<осны> — центр округа-края в промышленном отношении» (Там же. Л. 6–7).

На отдельном тетрадном листе сохранились относящиеся к замыслу либретто записи, в которых также угадываются реалии района Тихой Сосны:

«Богатая луг<овая> долина.

Бедн<ые> деревни.

Постр<ойка> дамбы поперек долины.

Река умирает.

Луга уничтожаются.

Деревни нищают.

Скот дохнет.

Продукции нет.

Город строится.

Очереди у магазинов.

Партия мобилизует рабочих в деревню.

Энтузиаст доверчивый: он одарен счастьем.

Местный энтузиаст» (Там же. Л. 5).

В 1924–1926 гг. осушение поймы Тихой Сосны входило в круг основных задач Платонова, руководившего общественно-мелиоративными работами в Воронежской губернии (см.: Антонова. С. 443, 444, 450, 455, 469, 478–480 и др.). Борьба с заболоченностью и ее последствиями становится одной из постоянных тем публицистики Платонова этого периода: «Об организации мелиоративного дела в Воронежской губернии» (1923), «Новый способ борьбы с малярией посредством рыб» (1923), «Мелиоративные работы в нашей губернии» (1924), «Огни Волховстроя» (1924) и др.

Работа над либретто «Машинист» непосредственно примыкает к истории создания повестей «Впрок», «Котлован», рассказа «Факт». Многие из документальных материалов собиралась Платоновым, по всей вероятности, в ходе его поездок по районам Центрально-Черноземной области в 1929–1930 гг. (в записных книжках этого периода запечатлены реалии Воронежского, Острогжского, Коротояжского и других районов; некоторые записи использованы Платоновым при написании либретто — см. *Записные книжки*. С. 24, 30, 34). Во время одной из поездок Платонов, очевидно, посещал Воронежский паровозоремонтный завод им. Ф.Э. Дзержинского, который упомянут в письме в «Совкино» как возможное место для съемки «электростанции, паровозного завода и некоторых др. частей картины» (см. выше). Паровозоремонтный завод и электростанция, описание которых отражено в либретто, тесно связаны с биографией Платонова. В 1919 г. писатель работал на электростанции при Воронежских железнодорожных мастерских (в 1928 г. были преобразованы в Воронежский паровозоремонтный завод). На этом заводе работал отец Платонова, Платон Фирсович Климентов. В 1930 г. он занимал должность слесаря колесного цеха (подробней см.: Ласунский О. Житель родного города. Воронежские годы Андрея Платонова. 1899–1926. Воронеж, 2007. С. 18–19; Антонова Е. «Происхождение мастера»: Платон Фирсович Климентов // *Страна философов*, 2017. С. 327–335). Воронежский паровозоремонтный завод стал местом действия близкого по времени создания рассказа «Факт» (с. 88–97 наст. изд.).

В поездках по области Платонов, вероятно, посетил хорошо знакомый ему район Тихой Сосны, где обсудил с местным руководством возможность проведения съемок — см. его уточнение в письме в «Совкино»: «...в этом месте работает экскаватор. Местные организации и начальник осушительных работ, в ведении которых находится экскаватор, пойдут навстречу Совкино в деле организации съемок».

В повести «Впрок» (и вошедших в нее очерках «По Тихой Сосне», «Реки и заболачивание пойм» и др.) Платоновым акцентируется особый статус района Тихой Сосны (пойма которой «после осушения станет экономической базой округа»). В эпизоде посещения главным героем «дружно-трудящейся долины» Тихой Сосны намечен будущий сюжет «Машиниста»: с помощью техники (экскаватора) человек «отвоевывает» у природы культурное пространство (*Сочинения*, 4(1). С. 60–62).

Истоки сюжета с экскаватором напрямую связаны с биографией Платонова. В 1924 г. под его руководством разрабатывался проект строительства и использования плавучей «землечерпалки» в долине Тихой Сосны (см.: Антонова Е. Окружение Платонова: мелиораторы братья Зенкевичи // *Страна*

философов, 2017. С. 378–389). В 1929 г. работы по осушению поймы Тихой Сосны (проводимые уже без участия Платонова) по-прежнему сохраняли свою актуальность: «...в общей сложности в округе образовалось 20 000 гектаров болот <...> уничтожение пастбищ повлекло за собой гибель скота, отличавшегося особой молочностью. Помимо этого болота стали рассадником малярии и эпизоотических заболеваний. Сейчас, по данным бактериологической станции, все население заражено малярией; смертность, особенно среди детей, превышает все другие районы округа; ежегодно гибнет на 500 000 р<ублей> скота от различных болезней. Население обеднело, значительный процент его стал заниматься отхожими промыслами, чего раньше никогда не было» (Очистка Тихой Сосны // *Нов. жизнь*. 1929. 16 февр. С. 5; подпись: З<енкевич А.>). Наряду с этим отмечались успехи в работе экскаватора: «С 1927 года на реке Тихая Сосна работает экскаватор — паровая лопата, переконструированный с сухопутного на плавучий. <...> По настоящее время расчищена и углублена река от впадения в Дон на 9 километров вверх по течению, с целым рядом других подсобных работ и сооружений. Проведенные работы дали положительные результаты: ниже Коротоякской железнодорожной ветки вполне обеспечен сток воды, выше — на ближайших к полотну железной дороги участках, несмотря на особо дождливое лето, снят урожай сена, а площадь “Серпухов” используется под огородные культуры» (Там же).

К концу 1929 г. основные работы с использованием экскаватора были завершены. По сообщению местной газеты, к этому времени экскаватор прорыл «спрямляющий» канал (перешедшая на страницы «Машиниста» реалья: «новая, геометрически точная река») «длиною в 3 версты 310 сажен, на пути пересек 3 извилины реки, выбрал, по предварительным подсчетам, 5078 куб. земли»; в результате «в главных чертах произошла и осушка обширного болота свыше 20000 гектар» (*Склобовский*. Экскаватор в пойме Тихой Сосны // *Нов. жизнь*. 1929. 5 дек. С. 4).

В либретто «Машинист» тема экскаватора входит в контекст осени 1929 – весны 1930 г., связанный с новым этапом индустриализации и массовым участием рабочих в коллективизации деревни. Импульсом для подъема этого движения стали решения Пленума ЦК ВКП(б) (ноябрь 1929 г.) о поддержке «массовой инициативы» рабочих фабрик и заводов, усилении шефской работы по коллективизации деревни и отправке пролетариев «на колхозное строительство» (*КПСС в резолюциях*, 5. С. 28–39). Эти решения воплотились в масштабной кампании по выезду ударных рабочих бригад в деревни (см. примеч. к с. 284 наст. изд.).

В сюжете, посвященном «подшефному колхозу», отразились и другие исторические события, связанные с началом форсирования коллективизации и объявленной «ликвидацией кулачества как класса» (см. примеч. к повести «Котлован»: *Сочинения 4(1)*. С. 561 и др.). Острогжский район был одним из первых районов сплошной коллективизации. В феврале 1930 г., по сообщениям газет, в нем было коллективизировано 99% всех земель крестьянского пользования (*Колхоз*. 1930. № 6. С. 28; *Нов. жизнь*. 1930. 25 февр. С. 4 и др.). По официальным данным областного Земельного управления, на 1 марта 1930 г. в Острогжском районе было коллективизировано 96,3%

всех крестьянских хозяйств; обобществлено 97% пашенных земель (*Рябинин Е.И.* В два года (О коллективизации ЦЧО). Воронеж, 1930. С. 14). Борьба с кулачеством объявлялась здесь, как и в других районах сплошной коллективизации, первоочередной задачей: «Ликвидация кулачества на долгий срок не должна затягиваться. Ее нужно закончить в ближайшие недели и даже дни» (Форсировать ликвидацию кулачества как класса // *Нов. жизнь.* 1930. 8 февр. С. 1). Факты арестов, насильственного изъятия имущества, скота, кормовых и семенных запасов выдавались в печати за образцово-показательную работу — ср., например: «Колхоз “Потудань”, организованный полтора года назад, уже проделал крупную работу и добился достижений. Лошади уже все обобществлены и стоят в общих конюшнях, коровы, свиньи также обобществлены, корма для скота собраны и сложены в общие сараи» (Там, где есть руководство // *Нов. жизнь.* 1930. 27 февр. С. 3).

Образ «колхоза имени Генеральной Линии», включенный в либретто «Машинист» в тему индустриализации, разрабатывался, возможно, под влиянием кинематографического контекста. В октябре 1929 г. на экраны страны вышел фильм С. Эйзенштейна и Г. Александрова «Генеральная Линия» (в прокат вышел под названием «Старое и новое»). Выпуск картины, как и трехлетняя история ее создания, широко освещался в советской печати с 1926 по 1930 г. При разработке «монументальной» деревенской картины, посвященной «генеральной линии XIV партсъезда ВКП(б) — линии коллективизации деревни», Эйзенштейна вдохновляли передовые научные идеи и организации, в частности «Аниковская опытная генетическая станция — единственная в мире государственная лаборатория по вопросам улучшения породы» (*Эйзенштейн С., Александров Г.* Восторженные будни: К выпуску картины «Генеральная линия» // *Рабочая Москва.* 1929. 22 февр.), где и велись съемки образцового совхоза. Отживающие крестьянские хозяйства уступают в картине Эйзенштейна место «фабрикам улучшенной породы»: «Племхозы. Совхозы. Селекцией, отбором перерождают зерно, творят новую корову, повышают удой. Культурной пропагандой, реальной помощью, скрестив мужика с наукой, родят новый вид человека. Человека-коллективиста. Человека-коллективизатора» (*Эйзенштейн С., Александров Г.* Эксперимент, понятный миллионам // *Советский экран.* 1929. № 6. С. 6–7). Замысел Платонова, основанный на показе результатов регулировочно-осушительных работ в пойме Тихой Сосны, создавал полемический фон к пафосу нашуемшей картины Эйзенштейна и продолжал диалог писателя с режиссером — см. примеч. к рассказу «Надлежащие мероприятия (Святочный рассказ к 10-й годовщине)» (*Сочинения, 2.* С. 723–725).

В 1930 г. советские кинофабрики участвовали в политической жизни страны, ориентируясь на актуальнейшие агитационно-пропагандистские задачи — «доказать крестьянину выгоду коллективного способа ведения хозяйства» (*Чейлышко В.* Боевая задача дня // *Кинофронт.* 1930. 5 февраля. С. 1; приложение); решить «проблему организации рабочей силы в колхозе» (*Кациграс А.* Весенний сев и кино // *Кино и жизнь.* 1930. № 5. С. 3); «помочь реконструкции всего уклада нашей жизни на новой социалистической основе» (Кино в общую систему политпросветработы // *Кино.* 1930. 15 июля. С. 2); и т. п. Руководство киноотрасли обращалось с призывами к пролетар-

ским писательским организациям, рабкорам, селькорам; в районы сплошной коллективизации и капитального строительства направлялись группы сценаристов (см. с. 736–737 наст. изд.).

Возможно, откликаясь на очередную кризисную ситуацию в кинематографе, Платонов предпринял попытку укрепить сотрудничество с «Совкино». Известно, что в 1929 г. писатель еще поддерживал связь с кинофабрикой: в Москве велись переговоры об авторских правах на его сценарий «Песчаная учительница», в Ленинграде рассматривалась возможность постановки «Епифанских шлюзов» (см. с. 733–734 наст. изд.).

Летом 1930 г., уезжая в поездку на Среднюю Волгу, Платонов напоминает жене о либретто (в письме от 8 августа) — видимо, имея в виду «Машиниста»: «Отослала ли ты либретто? Если нет, то поспеши» (*Письма*, с. 276). Неизвестно, отправила ли Мария Александровна либретто на кинофабрику, дальнейшая история замысла не документирована.

С. 275. Либретто — Под либретто в кинематографии понималось подробное изложение фабульной основы будущего фильма, без учета разбивки на кадры, монтажа, зрительного оформления сцен и пр. (в отличие от кинематографического сценария). Платонов создает либретто, учитывая особенности кинематографа и приближая тем самым свой текст к киносценарным разработкам.

Машинный зал электростанции. Два турбогенератора. — Турбогенератор — генератор электрического тока, приводимый во вращение паровой турбиной; предназначен для преобразования механической энергии в электрическую. На электростанции Воронежского паровозоремонтного завода было установлено три турбогенератора с паровыми турбинами; один из них, теплофикационный мощностью 2420 кВт, был построен в 1930 г. (*Шелудько В.Н.* Воронежский паровозоремонтный завод им. Ф.Э. Дзержинского. М., 1931. С. 55).

Амперметр — прибор для измерения силы тока в электрических цепях.

Таблички: «Литейный», «Сборный», «Кузнечный», «Колесный», «Токарный». — Названия цехов паровозоремонтного завода. В 1930 г. на Воронежском заводе работали колесный, литейный, сборный, кузнечный, котельный, токарный, инструментальный, слесарный, ремонтно-строительный, механический, электросварочный и трубный цеха.

Коллектор — цилиндрическая деталь генератора, обеспечивающая подачу электричества из одной части цепи в другую.

Динамо-машина — здесь: то же, что турбогенератор (см. примеч. выше).

Токособирательные щетки — скользящие контакты, прижатые во время работы к вращающемуся коллектору; с их помощью снимается и передается по цепи электрический ток.

Машинист берет наждачный лист и, прижав его к вращающемуся коллектору, уменьшает пламя, бьющее из-под щеток. — Искрения из-под щеток могут возникать из-за неровностей или загрязнений на поверхности коллектора. Такие искрения устраняются с помощью механического шлифования коллектора.

Паровозный бандаж — специальное устройство (стальное кольцо, надеваемое на паровозное колесо) для увеличения прочности и уменьшения износа колеса.

Фасад электростанции. Черная доска на фасаде. На доске написано: «Наш завод работает на плуху. За полугодие промфинплан выполнен на 85%. Здесь делают узкое место и организуют социалистическое горе». — *Черная доска* — стенд с информацией о недостатках в работе предприятия, нарушениях трудовой дисциплины и пр.; активно использовался в первую пятилетку наряду с другими средствами «общественного воздействия» на рабочих (подробней см. примеч. к повести «Котлован»: *Сочинения*, 4(1). С. 523–524). *Плюха* (простореч.) — пощечина. *Промфинплан* — промышленно-финансовый план — основной плановый документ предприятий в период первой пятилетки. Весной 1930 г. заводская газета с тревогой писала о выполнении промфинплана Воронежским паровозоремонтным заводом: «На работу доведения промфинплана нужно сейчас же бросить больше работников с тем, чтобы быстрее протолкнуть ее в цехах. Иначе к 1 мая мы дадим новый прорыв и, не выполнив мартовского обещания, займем место на черной доске» (Добиться перелома // *Резец*. 1930. 19 апр. С. 1). О борьбе за выполнение плана на Воронежском паровозоремонтном заводе в 1930 г. см. также примеч. к рассказу «Факт», с. 558–559 наст. изд.

С. 276. *Взрыв напряженного синего (если можно это сделать) пламени.* — Первые цветные киноизображения создавались на рубеже XIX–XX вв. с помощью ручного раскрашивания пленки. Более совершенные технологии, разрабатывавшиеся с начала века, были основаны на химической обработке пленки (тонирование, вирирование); они придавали оттенок цвета всему кадру. В 1930 г. эти методы продолжали использоваться.

...закрывает вентилем паропровод в турбину, которая вращала вышедший генератор. — В либретто описывается действие паровой турбины, над усовершенствованной конструкцией которой Платонов работал в 1924–1925 гг. (см.: *Антонова*. С. 424, 426, 430, 454).

Котельная. Батарея котлов. Над одной топкой загорается красная лампа. Она освещает табличку: «Держать предельное давление». — На электростанции Воронежского паровозоремонтного завода работала котельная, в которой находились «два котла, каждый с поверхностью нагрева 400 кв. м и три котла по 180 кв. м»; давление в котлах составляло «13 атмосфер, температура перегрева — 350°». Выработываемый в котельной пар расходовался на различные цели, в том числе для питания турбогенераторов (*Шелудько В.Н.* Воронежский паровозоремонтный завод им. Ф.Э. Дзержинского. М., 1931. С. 55–56).

...нагреты докрасна (сделать это натуральным цветом, если можно)... — См. примеч. выше.

С. 277. *Ступай баланс нажми.* — *Баланс* (тепловой баланс) — автоматический предохранитель от излишнего давления пара в котле, уравнивает поступающее в котельный агрегат количество пара и его расход.

С. 278. *...они перематывают якоря генераторов...* — *Якорь* — часть генератора, в обмотке которой при вращении индуцируется электродвижущая сила.

Тендер паровоза — вагон специальной конструкции, предназначенный для размещения запасов топлива, воды, смазочных материалов, инструмента.

Предзавкома — председатель заводского комитета — профсоюзного органа на предприятии (подробно см. примеч. к повести «Котлован»: *Сочинения*, 4(1). С. 526).

«Кто сжег генератор? Какой полугод остановил весь завод на 14 часов? Показать его на усмотрение масс!» — С 1927 по 1930 г. на Воронежском паровозоремонтном заводе проводились работы по его соединению с Острогожской и Воронежской городской электростанциями. Благодаря такому «кустованию» создавалось «взаимное резервирование», достигалась бесперебойная работа всех трех электростанций (*Шелудько В.Н.* Воронежский паровозоремонтный завод им. Ф.Э. Дзержинского. М., 1931. С. 55–57). Тема аварии и последующего разбирательства включает либретто «Машинист» в контекст кампании разоблачения классового врага на производстве (началась после процесса 1928 г. над вредителями в промышленности — «Шахтинского дела»). В коллективе Воронежского паровозоремонтного завода борьба с «вредителями» велась с осени 1929 г. Об одной из таких вредительских «вылазок» писалось: «10 января 1930 г. в котельном цехе <...> крошечный гад совершил вылазку — изрубил кромку в капитально отремонтированном котле <...> Этот вредительский акт свидетельствует о том, что среди рабочих Воронежского паровозоремонтного завода затесался этот предательский элемент. Наша задача дня заключается в том, чтобы найти это исчадие — сжечь его проклятием и пепел его развеять по ветру <...> Нашим ответом на вредительские действия будет сверхпрограммный паровоз» (Классовый враг совершил новую наглую вредительскую вылазку на нашем заводе! // *Резец*. 1930. 16 янв. С. 1).

С. 279. *При въезде в деревню вывеска* — «Колхоз имени Генеральной Линии». — Деталь перешла позже в повесть «Котлован» — см.: *Сочинения*, 4(1). С. 119.

Около некоторых изб стоят прислоненные новые тесовые гробы. У других изб мужики только делают гробы. — Сюжет о «заготовке» гробов получил развитие в повести «Котлован» (*Сочинения*, 4(1). С. 111–112, 123, 132, 140, 146).

Недалеко от деревни видна железнодорожная дамба, пересекающая всю речную пойму поперек. — В 1897 г. акционерным обществом Юго-Восточных железных дорог была введена в эксплуатацию семиверстовая железнодорожная ветка от станции Копанице до города Коротояк; при ее сооружении была построена дамба, пересекающая всю пойму Тихой Сосны.

На воротах вывеска: «РСФСР. Организационный Двор» — Ср. в «Котловане»: *Сочинения*, 4(1). С. 128–130, 135.

С. 279–280. *Активист включает радио. ~ Активист прекращает управление радиомузыкой. Мужики враз замирают на своих местах. «Снабжение энтузиазмом закончено».* — См. примеч. к повести «Впрок»: *Сочинения*, 4(1). С. 481.

С. 280. *По этой колее ползет длинная череда тараканов, покидающих колхоз.* — Исследователи крестьянского быта отмечали, что наличие тараканов в избах считалось признаком достатка жильцов: «...с зажиточностью

повышается и богатство тараканами и клопами» (*Тарадин И.* Золотое дно: экономика, история, культура и быт волости ЦЧО. Воронеж, 1928. С. 118). Отсутствие тараканов связывалось с отсутствием пищи, в первую очередь хлеба, в бедных семьях: «Возможно, что недостаток пищи и, главным образом, черного хлеба в этих семьях настолько велик, что отбросов почти не остается, а ими и питаются тараканы, очень лакомые до хлеба; быть может, и жилища бедняков наиболее холодны, а холод тараканы выносят очень плохо. Как бы то ни было, но отсутствие тараканов в крестьянской избе служит уже намеком на большую бедность хозяев» (*Шингарев А.И.* Вымирающая деревня: Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. СПб., 1907. С. 54). См. зарисовку в другом либретто Платонова — «Епифанские шлюзы» (1928): «Тараканы бегут по стене за икону. Один пришлый замечает их, идет к иконам и достает оттуда каравай хлеба» (*Сочинения*, 2. С. 349).

В руках у него бумажные таблички и номерки. ~ Подходит к плетню. Вешает на него тоже ярлычок: «Временная единоличная огорожа № 73. На учете топливного утиля». — С февраля 1930 г. местным исполкомам в обязательном порядке предписывалось вести учет имущества единоличных хозяйств, во избежание распродажи или ликвидации его владельцами (до вынесения исполкомами решения о конфискации хозяйства или аресте собственников). Соответствующая инструкция ЦИК предписывала: «Должно быть обращено сугубое внимание всех исполкомов на то, чтобы кулацкие элементы не успели до конфискации ликвидировать свое имущество (брать немедленно на учет), а также на строгий учет и правильное использование конфискуемого у кулаков имущества» (Политбюро и крестьянство: Высылка, спецпоселение. 1930–1940 гг. Кн. 1. М., 2005. С. 62–66).

Видит петуха, поглядывающего на Активиста из-за лопуха. Бросается на петуха. ~ Активист глядит на полет петуха в бинокль. — См. переработку этого эпизода в «Котловане»: Сочинения, 4(1). С. 97, 124–126.

С. 281. *Смазочные трубки* — Устройство для централизованной смазки ходовой части паровоза.

Юз — здесь: скольжение колес по рельсам.

С. 282. *Середняк берет лукошко с печки, выходит во двор и сыплет мусор из лукошка по земле, как раньше он сыпал зерно курам. — Намек на отсутствие зерна у крестьян (об изъятии у сельского населения зерна см.: Трагедия советской деревни, 1. С. 695–699; Совершенно секретно, 8(1). С. 677–678; Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. Т. 1. Кн. 1. М., 2011. С. 170–171).*

Бедняк поднимает рубаху на своем животе: «Это не жир, а старость — у меня водянка, и я вскоре скончаюсь!» — Водянка — «Болезнь, состоящая в ненормальном скоплении в полостях тела жидкой части крови и лимфы» (Ушаков). В начале 1930 г. заболевание прогрессировало в пораженных продовольственными затруднениями районах СССР, распространяясь среди самых бедных слоев населения на фоне длительного недоедания и употребления в пищу суррогатов. В Центрально-Черноземной области наиболее пострадавшим от голода стал Острогожский округ. К лету 1930 г. здесь многократно фиксировались случаи голодного опухания и смерти

крестьян (см.: Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. Т. 1. Кн. 1. М., 2011. С. 171, 174–177).

С. 283. ...кулаки на великие деньги продали землю инженер-буржуйам под эту дамбу. А река загородилась и умерла — и стали мы гибнуть в болотах. — В действительности строительство дамбы не являлось основной причиной заболачивания долины реки Тихой Сосны. Об этом свидетельствует подготовленная самим Платоновым в 1925 г. служебная записка «Характер отложений, слагающих пойму реки Тихая Сосна» (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 1–4; см. также историю «затухания речного потока» Тихой Сосны в повести «Впрок»). В либретто «Машинист» Платоновым воспроизведена другая версия; в местной печати она излагалась в следующем виде: «В восьмидесятых годах прошлого столетия в угоду заводчику Петрову, по ходатайству Коротоякского земства, была проложена железнодорожная ветка Коротояк–Копанище. При постройке никто не думал о том вреде, который принесет она не только отдельным хозяйствам, но и всему району, расположенному вверх по реке Тихой Сосне. Чтобы удешевить строительство, вместо двух мостов, требовавшихся по условиям местности, выстроили только один, да и то с недостаточной пропускной способностью, два русла соединили в одно, отчего луга, лежащие по пойме реки, начали постепенно заболачиваться и в наше время представляют собой непроходимые, заросшие камышом и осокой болота, площадью в две с половиной тысячи гектаров. Этот узел, в свою очередь, способствовал заболачиванию всей местности, где протекает Тихая Сосна, вследствие чего в общей сложности в округе образовалось 20000 гектаров болот» (Очистка Тихой Сосны // *Нов. жизнь*. 1929. 16 февр. С. 5. Подпись: *Зенкевич А.*>).

Но теперь мы кулаков посадили на бревна и отправили жить на середину болот! — О репрессивных мерах по выселению кулаков см. примеч. к повестям «Впрок», «Котлован»: *Сочинения*, 4(1). С. 443, 565 и др. Сюжет постройки плотов для кулаков разрабатывался также в повести «Котлован» — см.: *Сочинения*, 4(1). С. 137.

С. 285. ...Активист видит, что на Оргдворе кроме машиниста и Кузьмы стоят десять–двенадцать рабочих. — К посевной кампании 1930 г. под лозунгами усиления темпа индустриализации и коллективизации развернулись массовые выезды рабочих бригад в деревню. Рабочие оказывали помощь местному активу в организации колхозов, руководстве сельхозработами; ремонтировали технику, инвентарь, проводили агитационные, культурно-просветительские мероприятия — см.: Помогаем строить новую деревню // *Гудок*. 17 ноября. С. 4; За пролетарское руководство деревней // *Гудок*. 1929. 22 ноября С. 1; Рабочие бригады выезжают на село // *Коммуна*. 1930. 15 янв. С. 2; На фронт коллективизации (Рабочие бригады отправились в колхозы) // *Беднота*. 1930. 1 февр. С. 4. Пошлем лучших рабочих для работы в деревню // *Нов. жизнь*. 1930. 15 февр. С. 6; Рабочие — на помощь деревне // *Нов. жизнь*. 1930. 23 марта. С. 3; и др. Рабочие Воронежского паровозоремонтного завода включились в это движение в декабре 1929 г. (см.: Рапорт рабочих Воронежского паровозоремонтного завода им. Дзержинского пленуму обкома ВКП(б), ЦК союза железнодорожников, «Гудку» и редакции воронежской газеты «Коммуна» // *Гудок*. 1929. 14 дек. С. 2).

С. 285–286. *Паровозоремонтный завод. Главные ворота. На воротах громадный плакат: «Товарищи! Сегодня начинается сверхурочный добровольный труд для постройки землечерпательной машины, чтобы осушить болота в подшефном колхозе имени Генеральной Линии».* — Шефство рабочих над колхозами широко практиковалось с 1929 г. как форма контроля и помощи крестьянам в производственном, политическом, культурном отношении. В рамках этой работы, при выполнении «ударных» программ, массово выдвигались и воплощались в жизнь лозунги о сверхурочной работе для технической поддержки подшефных колхозов — см.: «Рабочие товарного цеха главных Калужских мастерских решили отработать 4 часа для приобретения трактора, который будет отдан той деревне, где бригады железнодорожников организуют колхоз» (На покупку трактора для колхоза // Гудок. 1929. 31 окт. С. 4); «На ст. Бисертский Завод Московско-Казанской железнодорожники в течение 4 месяцев работали сверхурочно и на заработанные деньги купили трактор для подшефной деревни» // *Образцов, Шурупов.* Рабочий подарок // Гудок. 1929. 2 ноября. С. 4); «...паровозники депо Лиски Ю.-Восточной решили организовать тракторную колонну из 5 тракторов для коллективных хозяйств района. Для покупки тракторов решено отработать три дня сверхурочно» (*Альбицкий В.* Подшефным крестьянам // Там же); «...отремонтируем сверх нормы один паровоз, выпустим 10 вагонов из конвенционного осмотра, а на заработанные деньги купим трактор для нового колхоза» (*Новый С.* Рабочий подарок // Гудок. 1929. 17 ноября. С. 4) и др. Воронежский паровозоремонтный завод вел шефскую работу с 1929 г.: «Мы организовали в этом году колхоз с 18 хозяйствами и семенное товарищество с 364 хозяйствами <...> Сейчас проводим коренную перестройку шефской работы. Переносим ее в цеха. В самую гущу рабочей массы. Создали кружок колхозного строительства. Беседами, лекциями о колхозном строительстве думаем охватить всех рабочих, связанных с деревней <...> Даем обещание в два года провести сплошную коллективизацию подшефного сельсовета» (Рапорт рабочих Воронежского паровозоремонтного завода имени Дзержинского пленуму Обкома ВКП(б) // *Резец.* 1929. 17 дек. С. 1).

С. 287. *Плавучий экскаватор стоит собранный на воде. Труба его дымится. Кови поднят.* — Прототипом машины являлся сухопутный экскаватор производства американской компании Marion Steam Shovel (модель № 31), перестроенный в 1926 г. по проекту самого Платонова для работ по осушению поймы реки Тихой Сосны. Новая конструкция предусматривала перенос экскаватора с гусеничного хода на специальный понтон с металлическим корпусом (подробней см.: *Антонова Е.* Окружение Платонова: мелиораторы братья Зенкевичи // *Страна философов, 2017.* С. 378–389).

С. 287–288. *Экскаватор взрывается в болотную чащу ~ оставляя за собой след в виде новой, геометрически точной реки.* — Ср. мотив преобразования болота в цивилизацию в статье Платонова «Огни Волховстроя» (1924): «Раньше тут было болото, теперь — проспекты, улицы, следы летних цветов, пение и грохот работы» (*Сочинения, 1(2).* С. 280).

Под руководством Кузьмы все члены колхоза работают по живому в воде. ~ Бабы ходят с корзинами из болота на берег и возвращаются обратно. — Летом 1925 г. бригада мелиораторов под руководством Платонова

работала в районе поймы Тихой Сосны. Наблюдавший за этими работами В. Шкловский записал: «На работе у Тихой Сосны занято около 1400 человек. Работали в воде по грудь» (цит. по: *Галушкин А.Ю.* К истории личных и творческих взаимоотношений А.П. Платонова и В.Б. Шкловского // *Воспоминания.* С. 177). Эта деталь была использована Платоновым в либретто «Епифанские шлюзы»: «Река с заболоченной поймой. <...> Сотни рабочих стоят по живот в воде и роют дно реки. Другие рабочие бродят меж берегом и середины реки с плетеными корзинами на плечах: в них они относят вырытый грунт на берег» (*Сочинения, 2.* С. 349).

С. 288. *Впереди шествия флаг. Близ флага — Кузьма. Под флагом два колхозника несут на носилках рупор радиогромкоговорителя и принадлежности для радиоприема. Задние несут на шестах антенну. Баба волочит по береговой воде провод заземления.* — Ироническое описание торжественного шествия с радио, напоминающего крестный ход, встречается в одном из не дошедших рассказов Платонова весны 1930 г. (см. фрагмент рассказа под названием «<Первое мая>», с. 413 наст. изд.). Описанная конструкция радио схожа с самодельными громкоговорящими «радиопередвижками», имевшими большую популярность в конце 1920-х гг. среди радиолюбителей. В специализированных изданиях время от времени публиковались подробные инструкции и советы по их изготовлению: см., например: *Кубаркин Л., Эгерт А.* Радиопередвижки // *Радиолюбитель.* 1928. № 3–4. С. 101; *Аркадьев М.* Выбор радиопередвижки // *Радио всем.* 1928. № 10. С. 259–264).

Причальные брусья — приспособления для смягчения ударов при швартовке.

С. 289. ...*покатная душа!* — *Покатный* — хороший, покладистый.

С. 290. «*Записывайся к нам в колхозные матеря!*» — Основной формой детских учреждений в колхозах являлись ясли на весенне-летний период, за детьми в них присматривали, как правило, сами матери — см., например: «Матери дежурят в яслях поочередно. Этой работы они не любят — среди коммунарок-крестьянок не удалось до сих пор найти ни одной, которая взялась бы за ясли специально, как, например, берутся за коров, кур, огород. Ведает этой работой жена агронома, и приходится думать о найме специалистки “ребятницы” в помощь ей» (*Третьяков С.* Колхозный очерк // 30 дней. 1929. № 1. С. 18). В 1930 г. активно велась работа по переводу колхозных яслей на постоянную основу и открытию новых детских учреждений с привлечением женщин-воспитательниц (см. примеч. к повести «Впрок»: *Сочинения, 4(1).* С. 469).

ТУРБИНЩИКИ (Кинематографический очерк) (с. 291). — *Архив, 1.* С. 153–177. Публикация А. Гущиной.

Датируется концом 1930 г.

Печатается по автографу (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 84 об. – 47 об.).

Единственный источник текста, которым мы располагаем на сегодняшний день, — неполный автограф, выполненный карандашом на оборотных

сторонах сшитой и переплетенной машинописи повести «Эфирный тракт». В левом верхнем углу первого листа помечено: «Сценарий. Андр. Платонов». Традиционная помета для машинистки о количестве экземпляров отсутствует, что не исключает перевода текста в машинопись, как в случае, например, с автографом либретто «Епифанские шлюзы» (см.: *Сочинения*, 2. С. 759). Каждый отдельный «кадр» сценария Платонов обозначил в начале строчки двумя короткими вертикальными чертами. Последний, не полностью заполненный лист — с. 38 по авторской нумерации — кончается знаком нового кадра и сноской: «[Продолжение см. отдельные листы со стр. 39]». Сценарий введен в научный оборот Н.В. Корниенко: *Киносценарии в творческой истории «Котлована» // Котлован*. С. 323–363; [Комментарии к 5-й записной книжке, 1930 г.] // *Записные книжки*. С. 338–345.

Автограф имеет обильную правку, сделанную в основном по ходу работы. Два крупных фрагмента с дополнительными техническими подробностями вставлены в эпизод вывода из строя турбины на мельнице Чаева: «Щит водослива опускается. ~ дожимает винт щитового затвора» (Л. 80 об.); «Вода режет в плотине ~ Вал турбины изгибается» (Л. 79 об.).

В ряде случаев Платонов особо тщательно работал над репликами персонажей. Например, слова Череватова, объясняющего причину изношенности турбины на кулацкой мельнице, имели несколько незавершенных вариантов: «Я говорил, нельзя перегружать машину» / «Жадно велишь грузить, Чаев, — говорит Череватов. — А турбину делали подешевле» / «Грузишь машину» / «Жадно велишь грузить, Чаев, — говорит Череватов, — много зерна». Окончательный вариант: «Твоя жадность больше мощности машины, Чаев. День и ночь везем перегрузку, а зерно сырое: ты машину оскорбляешь» (Л. 82 об. – 81 об.). Несколько раз правится реплика сторожа в сцене с дерущимся раненым рабочим: «“Чудён рабочий человек, даром, что горемыка / “Дерется, горемыка, значит, будет жив”». Окончательный вариант: «Кругом в беде, а сам дерется, — значит, жив будет» (Л. 77 об.).

Ряд исправлений связан с изменениями в именовании некоторых персонажей, имевших реальных прототипов: так, в сцене первого появления изобретателя Витмана вычеркнута первоначальная фраза с настоящим именем изобретателя: «Рядом с Череватовым сидит его друг [*Нейман (изобретатель, лицо историческое, покинувший завод в результате травли вредителей; Неймана придется «инсценировать»*)] — изобретатель Витман (подобное лицо действительно было на заводе, но в результате травли вредителей этот человек ушел с завода)» (Л. 73 об.). Вычеркиваются и фамилии партийных функционеров завода: «Секретарь партколлектива [*Темячкин*] и секретарь ячейки турбинной [*Июкин А*]» (Л. 72 об.).

По ходу работы над текстом несколько начатых сцен были вычеркнуты: начало сцены в Плановом бюро, перед эпизодом приезда Череватова и партийных секретарей завода на квартиру Витмана:

«Стрешнев выходит из кабинета Боровщикова.

Идет по лестнице в плановое бюро.

Плановое бюро

По лестнице идут вверх, спускаются вниз бригадиры с чертежами и наборами в руках.

Один бригадир останавливает поднимающегося Стрешнева.

Бригадир жестоко спорит со Стрешневым, предъявляя документы и эскизы.

Стрешнев, еле ответив, проходит наверх, в бюро.

Плановое бюро: человек десять–пятнадцать планировщиков; около планировщиков группами стоят бригады и мастеровые. Все спорят. Впечатление суety» (Л. 69 об. – 68 об.).

Разговор в квартире Витмана первоначально завершался путешествием Витмана и его гостей на лодке по Неве к трубам выбросов электростанции. После слов «Все пришедшие усаживаются за стол» (с. 302 наст. изд.) было:

«Но Витман встает, надевает шапку, и все уходит за ним.

Ночь над Ленинградом.

Облака вспыхивают отражением электрических разрядов трамвайных дуг.

Четверо людей сходят по трапу к лодочной пристани.

Четверо едут на лодке по Неве или одному из каналов (этот эпизод можно снять и в Москве, около Москворецкого моста, у станции МОГЭСа).

Отверстие в набережной, откуда исходит конденсационная вода от турбин. Из отверстия с громадной силой и скоростью вырывается водопад, и теплый пар восходит над ним.

Четыре человека подъезжают в лодке к водопаду» (Л. 68 об. – 67 об.).

Вычеркнув этот эпизод, Платонов пишет продолжение разговора в комнате Витмана, куда, очевидно, для иллюстрации рассказа Витмана, вставляются кадры выброса горячей воды от электростанций в реку и поясняющий титр (с. 302 наст. изд.).

Автограф содержит несколько записей, не являющихся частью текста. Нельзя однозначно утверждать, были они внесены после завершения сценария или появлялись в процессе работы. Часть этих помет — указания для доработки текста: например, на левом поле л. 69 об. рядом со словами «Кабинет начальника турбинной» стоит знак вопроса и приписка «Согл<асовать> выше»; на полях сцены в квартире Витмана: «Выше: некот<орые> станки стоят б<ез> рабочих» (Л. 68 об.); знак вопроса и слово «переделать» — рядом с титром о потерях тепла от электростанций (Л. 67 об.) и др. Некоторые пометы, вероятно, уточняют смысловую нагрузку эпизодов. Например: «Раскулачивание 20 л<ет> назад» на полях, в конце эпизода затопления турбины кулака Чаева (Л. 78 об.). Данная запись, скорее всего, более поздняя, т. к. карандаш здесь более острый, чем в основном тексте страницы. На л. 66 об. находятся не являющиеся частью текста слова «при империализме», вписанные между строк после сцены, в которой Череватов безрезультатно указывает Боровщикову на непролетарское прошлое Чаева и Щекотулова, и перед новым эпизодом в турбинной (Л. 66 об.; с. 303 наст. изд.). Полную динамическую транскрипцию «Турбинщиков» см.: *Архив*, I. С. 153–177.

При подготовке текста сценария к публикации сделаны следующие исправления:

«Щекотулов поднимается на stand. / Берет два пустых ведра у комсомольца. ~ Щекотулов снимает перед инженерами шапку. ~ Щекотулов несет

два ведра воды по лесенке на станд. ~ Внизу, вне станда, стоит Чаев у носилок с бронзовыми отливками». — В автографе данный фрагмент содержит незавершенную правку: в первых двух случаях фамилия *Щекотулов* исправлена на *Чаев*, что противоречит последующим кадрам. В настоящем издании эта правка отменена (наст. изд., с. 305–306).

«Червячный винт из особой стали — заменить его нечем». — В автографе слово «особой» зачеркнуто, после него стоит знак вставки, но новый вариант не вписан; над «нечем» стоит знак вопроса. В настоящем издании эта незавершенная правка отменена (наст. изд., с. 311).

Окончание сценария к настоящему моменту не выявлено, но на его завершение указывает ряд фактов, например, ответ Платонова на анкету журнала «На литературном посту» «Какой нам нужен писатель» от 27 июня 1931 г. Отвечая на вопрос «Что вы написали в последние два года?», Платонов среди прочих произведений назвал и «сценарий о лен-инградском» заводе им. Сталина» (*Воспоминания*. С. 286). По неизвестной причине название сценария в анкете жирно вычеркнуто. Возможный след дальнейшей судьбы «Турбинщиков» содержится в протоколе заседания краеведческой секции ВССП от 8 декабря 1931 г., на котором обсуждалась организация вечера для «читки т. Платоновым написанного им сценария, о котором он указывает в своем заявлении» (*Московская Д.С. К хронике работы над пьесой «Высокое напряжение» // Страна философов, 2017. С. 423*).

Фильм о Ленинградском металлическом заводе им. Сталина (ЛМЗ) был включен в тематический план кинофабрики «Культурфильм», она же — 3-я московская кинофабрика «Союзкино» («Совкино» до февраля 1930 г.). Написание сценария закрепили за Платоновым: в официальном письме из отдела по производству фильмов «Союзкино» директору фабрики «Культурфильм» «тов. Смирнову» по поводу тематического плана культурфильмов на 1931 г. и состояния сценарного портфеля говорилось, что отдел «считает необходимым закрепить <...> следующие темы и предлагает <...> приступить к обеспечению их сценарными заготовками». В разделе полнометражных агитпропфильмов под номером 5 значится тема «Турбостроение», рядом с ней от руки вписано: «Платонов». В пояснении к теме значится: «Гигант советского машиностроения в Ленинграде Завод им. Сталина. Основной акцент это показать гигант, как завод Втуз. В остальном согласиться с установкой ф<абри>ки» (*РГАЛИ*. Ф. 2498. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 173–173 об.).

Фабрика «Культурфильм» находилась в Москве по адресу 1-й Брянский пер., д. 11. В записной книжке с «турбинными» заметками Платонова сохранилась выполненная чернилами запись телефона бухгалтерии фабрики: «3 Кинофабрика, 68-22 / Савостьянов 375 руб.» (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 53; *Записные книжки*. С. 66). Последняя запись здесь, вероятно, связана с выплатой за работу Платонова для этой кинофабрики.

В сценарии в той или иной форме отразились следующие пункты плана фабрики «Культурфильм» на 1930/31 г.: «1. Пятилетка. 2. Новые формы соцсоревнования. 3. Ударные бригады. 4. Единоначалие. <...> 11. Изобретательство в СССР. 12. Вредительство. <...> 15. Производство электроэнергии. <...> 28. Турбина» (*РГАЛИ*. Ф. 2498. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 14).

Точно известно, что кинофабрика отказалась от сценария Платонова не позднее апреля 1931 г., согласно сведениям из агентурного донесения в ОГПУ от 6 мая 1931 г.: «Вообще, сказал ЗЕЛИНСКИЙ, у ПЛАТОНОВА множество рукописей, которые никогда не смогут быть напечатаны. Замечу, что мне лично известны две таких рукописи: колхозные очерки, отвергнутые “Федерацией” и “Октябрем”, и сценарий, отвергнутый ф<абри>кой Культурфильм — его можно найти в делах фабрики» (*Платонов в документах ОГПУ*. С. 851). Какого рода материалы оставались в архиве кинофабрики, неизвестно, выявить их к настоящему моменту не удалось.

Фильм об ЛМЗ стоял в конце 1930 г. и в планах ленинградской фабрики «Союзкино». Об этом говорится в заметке газеты «Кадр», многотиражке ленинградской кинофабрики, в конце 1930 г.: «...в производственный план фабрики включена тема большой картины “Завод – ВТУЗ” — при разработке которого в основном будут использованы материалы завода им. Сталина. Вся работа по плану проводится нами совместно с Облсовнархозом» (Фабрика отвечает Сталинцам // Кадр. 1930. 24 дек. С. 3). Это был ответ на заметку «“Великий немой” должен заговорить о кадрах», напечатанную в «Полостровском гиганте» (заводская газета ЛМЗ) (ПГ. 1930. 26 ноября. С. 3). Как значилось в плане, именно акцент на статусе ЛМЗ как завода-втуза (т. е. совмещающего производство с высшим техническим учебным заведением) был рекомендован для переработки закрепленного за Платоновым сценария на 3-й московской кинофабрике. Возможно, на ленинградскую фабрику тему передали после отказа от сотрудничества с Платоновым на фабрике «Культурфильм» в Москве, но не исключена и одновременная разработка двух кинокартин одной тематики, что иногда случалось из-за несогласованности действий разных кинофабрик.

Написанию сценария предшествовало составление плана-заявки. В нем, излагая сюжет, Платонов задает несколько иное развитие темы, чем то, которое она получит в «Турбинщиках». Адресат в заявке не указан, нет и пометы для машинистки о количестве экземпляров.

«План полнометражной кинокартины “Гигант советского турбостроения” (условное название), предполагаемой к постановке на основе матерьялов Турбинной Мастерской Металлического Завода им. т. Сталина в Ленинграде.

Общее замечание. Полнометражный киноочерк должен обладать композиционной структурой. Сделать его в виде хроникального обозрения нельзя и не надо, ибо он тогда не даст того результата, на который рассчитан (воспитание рабочего зрителя на показе образцовой работы гигантского завода крупного машиностроения). Для хроникального обозрения, кроме того, не нужно писать сценария, а следует прямо заснять главные моменты работы, учебы, быта завода и затем смонтировать картину из заснятого матерьяла.

Для картины с документальной основой, но в которой все факты композиционно организованы, требуется около половины всего содержания инсценировать, т. е. отступить от правил построения чисто документальных фильмов. Матерьял, с которым я ознакомился на Заводе, к тому же не позволяет использовать его чисто документальным способом».

Далее вычеркнуто:

«Краткое изложение темы картины. Тема картины соответствует ходу фактов на Турбозаводе.»

3–4 года назад на месте нынешнего турбинного гиганта была полукустарная мастерская, выпускавшая машины ничтожной мощности. До революции эта жалкая мастерская строила маленькие турбины — мощностью в несколько десятков лошадиных сил — для кулацких мельниц. Еще и теперь можно встретить где-нибудь в далеком колхозе водяную мельницу, сконфискованную у кулака, с гидравлической турбиной, на которой написано: “С.-П.-Б. Метал. Завод”. Нынешний турбозавод в свое дореволюционное время вооружил кулаков машиной — для более выгодной и надежной эксплуатации большинства крестьянства.

Но та давняя маленькая турбина, “бабушка” советской турбины, производила не только кулацкие барыши, но также и первых рабочих из батраков.

Сильнейшая эксплуатация механика-батрака, работающего на кулацкой турбине, вызывает бегство его в Петербург. Здесь он, пережив красногвардейцем революцию, поступает на Металлический Завод и работает на нем весь восстановительный период. Накануне пятилетки он — уже кадровый, квалифицированный мастерской — вносит предложение: построить новый турбинный цех» (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 28а. Л. 1–2; опубл.: *Архив, 1*. С. 152–153).

Турбинное производство было хорошо знакомо Платонову. Он не просто разбирался в этом, — одним из его собственных изобретений была особая конструкция паровой турбины внутреннего парообразования (см. фото чертежа турбины из архива писателя в изд.: *Письма*, вклейка между с. 192–193). Платонов вел переписку с Комитетом по делам изобретений ВСНХ для получения заявочного свидетельства на эту турбину в течение 1924 г. Окончательное положительное решение о выдаче свидетельства было принято в начале 1925 г. (см. об этом: *Антонова*. С. 300–487).

Санкт-Петербургский металлический завод (впоследствии — Ленинградский металлический завод, специализировавшийся на крупном машиностроении) основан в 1857 г. купцом С.Н. Растеряевым. 1904 г. положил начало турбостроению в России: по приобретенной у французской компании лицензии завод стал выпускать турбины малой мощности. К 1907 г. на основе улучшенного французского технического проекта была изготовлена паровая турбина повышенной мощности — 200 кВт. Дальнейшие турбинные разработки продолжились уже после Гражданской войны. В 1924 г. ЛМЗ выпустил первую советскую паровую турбину мощностью в 2 МВт, а уже в 1926 г. — в 10 МВт. Изготовление мощных усовершенствованных турбин проходило под руководством мастера С.Н. Тимофеева, одного из старейших работников ЛМЗ (упоминается в записной книжке Платонова). В 1930 г. открылось первое в стране высшее техническое училище при заводе — втуз Ленинградского металлического завода, что предусматривалось постановлением ЦК о подготовке технических кадров: «...организовать <...> предприятия-школы, в которых сочеталась бы подготовка кадров <...> с постоянной работой на производстве» (*КПСС в резолюциях, 5*. С. 22). См. также материалы официального сайта ЛМЗ: lmz-150.ru.

Точными сведениями о времени и продолжительности пребывания Платонова на ЛМЗ мы не располагаем. Один из связанных с ЛМЗ документов — лист газеты «Полостровский гигант», сохранившийся в фонде Платонова в РГАЛИ. (Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 66; впервые указано Е. Антоновой). Фрагмент представляет собой первые две страницы газеты от 19 марта 1930 г. без каких-либо помет. Прямых отсылок к сюжету сценария тексты этого номера не содержат, а дата выпуска не может служить ориентиром датировки поездки Платонова на ЛМЗ.

Последнее по хронологии реальное событие, отраженное в сценарии, — сборка турбины в 11 тыс. кВт комсомольской бригадой П.И. Старосельцева (см. об этом ниже) — относится к концу сентября 1930 г. Точно известно, что в октябре — начале ноября 1930 г. Платонов работал в писательской бригаде на бумажной фабрике им. Зиновьева в Ленинграде (см. с. 814–816 наст. изд.). Не исключено, что как раз в эти дни Платонов посещал и ЛМЗ. Именно на это может указывать факт, что в записной книжке, почти полностью заполненной данными об ЛМЗ и турбинном производстве, есть заметки, связанные с бумажной фабрикой, часть из которых Е. Антонова датирует 22 октября 1930 г. (с. 815–817 наст. изд.).

Скорее всего, к пребыванию Платонова на ЛМЗ относится и агентурное донесение ОГПУ от 10 декабря 1930 г., в котором о Платонове сообщалось: «Недавно он ездил с писательской бригадой в Ленинград на электрозавод. Приехал очень приподнятый, много рассказывал хорошего, причем говорил с увлечением не только о материальном производстве, но и об организации партийной и профессиональной, об общественном росте рабочего» (*Платонов в документах ОГПУ*. С. 849–850). Ленинградский металлический завод, изготавливавший турбины для электростанций, в данном случае вполне мог быть ошибочно назван электрозаводом, а пересказ слов Платонова о заводе явно перекликается с событиями на ЛМЗ, в том числе отраженными в сценарии.

«Турбинная» записная книжка Платонова (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 2. Ед. хр. 6; *Записные книжки*. С. 58–67) — один из главных документов творческой истории «Турбинщиков». Заполнялась она, очевидно, непосредственно на заводе или по свежим впечатлениям от его посещения. Источниками информации, вероятно, послужили не столько события, виденные Платоновым на заводе лично, сколько общение с работниками ЛМЗ, в том числе партийными, и материалы заводской многотиражки, т. к. факты, нашедшие отражение в сюжете сценария имели место в довольно большой промежуток времени (см. об этом ниже). Заполняя книжку, Платонов, похоже, сознательно набирает материал для сценария. На это указывает оговорка к одной из первых записей: «Это возникнет в долготу времени постановки картины» (*Записные книжки*. С. 58); а также неиспользованный «кадр»: «Восход солнца (оно бежит, его свет над стеклянной крышей цеха)» (*Записные книжки*. С. 65). Среди временных примет записной книжки — многочисленные записи об ЛМЗ как заводе-втузе. Втуз был открыт на ЛМЗ 15 мая 1930 г., следовательно, книжка заполнялась не ранее этого времени.

Вероятно, принципиальной стала смена первоначального заглавия из заявки — «Гигант советского турбостроения» — на «Турбинщики», ведь

центром повествования должны были стать именно рабочие в процессе их профессионального и политического роста. На это указывает и ряд записей, в которых Платонов сформулировал для себя художественные задачи сценария: «Особый упор на подготовке кадров: завод делает два предмета: турбины и людей — квалифицированных и классово высокосознательных» (*Записные книжки*. С. 58); «Общая идея: пот, ум, машина, — т. е. переход от муск<ульного> напр<ажения>, собственно ударничества, к рационализации-изобретательству и закрепление его в машинах. Так из мускулов рождается культура. Происхождение новой культуры из ударничества. Новая молодежь и старики. <...> Быстрота рождения турбины из отливки и перерождение чернорабочего в инженера, в классово сознательного, цивилизованного человека» (*Записные книжки*. С. 65).

Многие реальные события, изображенные в сценарии, никак не отмечены в записных книжках Платонова, по крайней мере в сохранившихся. Есть вероятность, что Платонов мог также получить материалы о событиях на ЛМЗ от кинофабрики. Еще в конце 1929 г. в новой схеме планирования кинопроизводства (план сценарных заказов) предполагалось ввести обязательный сбор специальными людьми материалов по той или иной сценарной теме — так называемые референтские папки, содержащие вырезки из периодики и книг, фотографии и т. п., которые затем передавались сценаристу, закрепленному за данной темой. Упоминания о референтских папках есть и в немногочисленных сохранившихся документах фабрики «Культурфильм» (см.: *РГАЛИ*. Ф. 2498. Оп. 1. Ед. хр. 27). Не исключено, что подобную папку по теме «Турбостроение» передали Платонову, и именно из нее упомянутый выше лист газеты «Полюстровский гигант» мог попасть в архив писателя.

В экспозиции сценария Платонов обыгрывает историю турбостроения в России, включив «бабушку советской турбины» в классический колхозный сюжет, разыгрываемый традиционными типажам батрака, кулака и подкулачника. Последним двум были отведены роли «штатных» вредителей на заводе.

В современной заводской части сценария Платонов отказывается от прямого хроникального изложения, соответствующего строгому «ходу фактов на Турбозаводе», как первоначально предполагалось в заявке. Вместо этого он соединяет события из нескольких временных пластов: 1. Имевшая место на заводе в 1926–1928 гг. история изобретателя Неймана (в сценарии — Витмана). 2. Время, когда начальником турбинного цеха был С.А. Бобровщиков, и его конфликты, в том числе с изобретателем В.Н. Николаевым. 3. Досрочная сборка 22/24-тысячной турбины в январе – апреле 1930 г. 4. История с травмой бригадира П.Е. Хинейко, потерявшего два пальца при сборке турбины 31 августа 1930 г. 5. События последних дней сентября 1930 г., связанные со сборкой первой комсомольской 11-тысячной турбины бригадой П.И. Старосельцева и перевыполнением ЛМЗ промфинплана второго года пятилетки.

Самый ранний временной пласт, включенный Платоновым в современную заводскую часть сценария, — история травли и ухода с завода изобретателя XII отделения (котельный цех) Неймана. В середине 1928 г. газета

«Полюстровский гигант» в материале за подписью «Прохожий» сообщала о печальном исходе начавшейся еще в 1926 г. истории противостояния изобретателя Неймана и заводской администрации: «Наконец-то цеховой администрации XII отд. удалось добиться того, что мастер Нейман ушел с Металлического завода. Избавились, наконец, от “назойливого изобретателя”, которому завод обязан многими усовершенствованиями и изобретениями в XII отделении. <...> Несмотря на то, что Нейман безусловно приносил пользу нашему заводу, цехадминистрация относилась к его изобретениям в высшей степени недружелюбно. <...> И чем дальше работал т. Нейман, чем больше он делал предложений, стараясь исправлять и совершенствовать производство, тем все злее и придирчивее относилась к нему цеховая администрация. И, наконец, как ловкий маневр, было предложено т. Нейману <...> перейти в производственный отдел. Этот переход был бы равносильен уходу с завода, так как т. Нейману там делать было бы абсолютно нечего. Т. Нейман ушел из завода. Теперь администрация, наверно, ликует. Теперь она радостно потирает руки. Выжили, добились своего. Ну, а как отзовется это на производстве? Неужели на нашем заводе очень много хороших мастеров, таких, как Нейман? <...> Заводуправление привыкло с пеной у рта защищать плохеньких мастеров, а ценных работников не бережет» (Выжили изобретателя // ПГ. 1928. 15 июня. С. 3; см. также: Фактики из практики // ПГ. 1929. 18 окт. С. 2).

Перемещая данный сюжет в 1930 г., Платонов несколько дистанцируется от конкретных фактов, меняет фамилию персонажа, который становится Витманом, и актуализирует направление его изобретательских поисков в сторону рационального использования тепла, образующегося при работе электростанций.

Имя прототипа второго изобретателя «Турбинщиков», мастера Василия Николаевича Николаева, постоянно появляется в материалах «Полюстровского гиганта» на протяжении 1929 г., в связи с различными историями противодействия его рационализаторской и изобретательской деятельности в пору его работы во II отделении завода и затем в связи с работой в лопаточной мастерской I (турбинного) отделения. Не закончились злоключения изобретателя даже к середине 1930 г. — 30 июня в заводской газете появляется статья о мастере Николаеве: «Фрезеровщик Николаев не маньяк, не сумасшедший, а полезный рационализатор. Очистим дорогу рабочим изобретателям» (ПГ. 1930. 30 июня. С. 3). По-видимому, из этого текста Платонов позаимствовал следующие факты: попытки представить Николаева безумным изобретателем, описание изобретенного им станка для обработки турбинных лопаток, история вредительства, с подсыпанными в станок Николаева металлической стружкой и наждаком, и т. д.

Роль главного администратора-вредителя отведена в сценарии начальнику турбинной мастерской инженеру Боровщикову. У Боровщикова был реальный прототип, занимавший ту же должность, в фамилии которого Платонов лишь убрал одну букву, остроумно сохранив при этом отсылку к животному миру, — зав. турбинной мастерской С.А. Бобровщиков. Из номера в номер заводской газеты за 1929 г. его фамилия возникает в различных материалах с жалобами на те или иные явления в работе подчиненного ему

турбинного цеха. Писали об отказах Бобровщикова в содействии изобретателям, «мариновании» рабочих предложений, о плохой работе лопаточной мастерской и т. д. Темпы сборки турбин — главной продукции завода, игравшей ключевую роль в электрификации страны — их качество, низкая мощность, отсутствие многих деталей и станков для их производства, сделанных в СССР, случаи аварий турбин, уже отправленных на электростанции, и т. д. — все это постоянно повышало градус недовольства работой цеха. Поиск виновных, реальных или мнимых, очевидно, начался в связи с приходом на завод в конце августа 1929 г. на должность агитпропа парткома Павла Петровича Семячкина (ПГ. 1929. 31 авг. С. 4). У Платонова он появляется в сценарии в образе секретаря партколлектива Темячкина. Созвучную реальному лицу фамилию Платонов в автографе сценария вычеркивает, а персонажа оставляет периферийным. Однако именно с появлением на заводе Семячкина многие рабочие впоследствии связывали начало различных интриг, вылившихся в том числе в аресты ряда старейших инженеров ЛМЗ (см.: *Московская Д.С.* Первая редакция пьесы «Высокое напряжение»: «Объявление о смерти» // *Архив*, 1. С. 181–185). Уже в следующем номере заводской газеты появляются материалы за подписью Семячкина, а также объявляется о начале «чистки» заводского коллектива с 24 сентября (ПГ. 1929. 18 сент. С. 1). В последующих номерах продолжается критика Бобровщикова, которому, в числе других лиц завода, также припоминается поездка за границу для пополнения инженерного опыта, не имевшая никаких практических последствий. В конце октября сообщалось, что «по выяснению всех обнаруженных безобразий в производстве турбинного цеха в настоящее время комиссия РКИ закончила следствие» (ПГ. 1929. 30 окт. С. 4). 2 декабря вышел материал о результатах проверки РКИ турбинной мастерской — в связи с заключением Ленинградского Областного Отдела РКИ по обследованию турбинной мастерской, Бобровщику был объявлен выговор «за слабое руководство работой мастерской, за непринятие мер к качественному улучшению работы, плохую постановку дела в лопаточной мастерской, на что им не обращалось должного внимания, значительное допущение роста сверхурочных часов, непоявление должного внимания при сборке Киевской турбины и турбины № 11025 (химуголь)» (ПГ. 1929. 2 дек. С. 1). Однако выговором дело не ограничилось: «В дополнение к решению бюро жалоб Лен. Обл. РКИ от 27 ноября 1929 г. Лен. Облотд. РКИ, учитывая обостренное взаимоотношение среди адм.-тех. персонала турбинной мастерской, предлагает в месячный срок освободить тов. Бобровщикова от должности зав. турбинной мастерской, не возражая против использования его на заводе на другой работе» (ПГ. 1929. 14 дек. С. 2). За две недели до этого заметка в газете «Правда» о результатах проверки РКИ турбинного цеха ЛМЗ заканчивалась более зловещей формулировкой: «Материалы о небрежном отношении инженерно-технического персонала к качеству продукции переданы судебным органам» (За качество! Отсутствие чертежей, установка забракованных лопаток... // *Правда*. 1929. 1 дек. С. 5).

26 декабря 1929 г. Бобровщикова арестовали, 3 апреля 1931 г. приговорили к 10 годам лагерей. В 1932 г. его досрочно освободили, приговор признали условным. 23 ноября 1937 г. — повторный арест. Расстрелян 18 января

1938 г. (по материалам базы репрессированных на сайте lists.memo.ru. Указано Е.В. Антоновой). Своеобразный эмоциональный итог деятельности Бобровщикова на ЛМЗ подвела в конце лета 1930 г. газета «Правда»: «На заводе было засилие старого инженерства. Заведующий турбинным цехом Бобровщиков открыто воевал с немногочисленной группкой студентов — птенцов советской инженерии, давил их силой своего авторитета. Подхалимы и вредители, объединившиеся вокруг Бобровщикова, глумились над молодежью, травили ее как могли <...> ...Честные инженеры разоблачали вредителей, постепенно тускнел авторитет Бобровщикова, и беспокойно чувствовали себя его друзья и соратники. Правда, еще некоторое время они продолжали орудовать. Давались чертежи на несуществующие заказы. Для выполнения нужных заказов не хватало материалов. Зато поступали материалы, в которых не нуждался завод. Продолжалась вредительская свистопляска. На холостом ходу гремели цехи, но уже чувствовалось, что вредителям приходит конец, каюк, гроб... Кончилось все это тем, что угодил Бобровщиков в Соловки, его компания частично разделила участь своего лидера, а частично была выброшена за ворота завода... Посвежело в воздухе, легче стало работать честному инженерству, расправила крылья молодежь, поползла вверх кривая выпуска продукции...» (Крэн Н. Новый советский инженер: Советская инженерия в борьбе за встречный // Правда. 1930. 31 авг. С. 4).

Судя по логике развития сюжета, сценарий должен был закончиться изгнанием и, возможно, арестом Боровщикова и его приспешников, последней каплей для чего могла послужить некая серьезная авария, начинающаяся в последних кадрах сохранившегося текста. Вероятный эпилог: открытие втуза и утверждение встречного промфинплана завода на третий год пятилетки.

С уходом Бобровщикова на ЛМЗ начинается форсированное «выпрямление» работы в соответствии с генеральной линией партии, инициированное П.П. Семячкиным. В это же время ЛМЗ официально присваивается имя Сталина по инициативе партийного и заводского комитетов, обратившихся с данной просьбой в Ленсовет от имени рабочих, о чем в последний день 1929 г. сообщил «Полюстровский гигант» в заметке под лозунгом «Имя вождя оправдаем!» (ЛГ. 1929. 31 дек. С. 1).

В 1930 г. на ЛМЗ проходила ударная битва за мощные советские турбины, строительство которых обеспечивало выполнение промфинплана во второй год пятилетки. В сценах сборки и испытания «комсомольской» турбины Платонов объединил три широко освещавшихся в печати события, произошедших на ЛМЗ в 1930 г. В феврале – апреле 1930 г. завод также ударными темпами работал над досрочным выпуском первой советской турбины мощностью 24 тыс. кВт (в части источников указывается также мощность 22 тыс. кВт). В помощь рабочим ЛМЗ на завод были приглашены два инженера-консультанта, в том числе описанный Платоновым в сценарии англичанин Анис. Поставленный срок сборки турбины в четыре месяца вместо десяти при недостатке необходимого технического и материального обеспечения вызывал сомнения английских специалистов. Работа над турбиной проходила под руководством старого заслуженного мастера С.Н. Тимофеева, сборку ротора осуществляла бригада во главе с П.Е. Хинейко (обе фамилии есть в записной книжке Платонова). Несмотря на все

трудности, после многих суток непрерывной напряженной работы турбина была собрана и испытана в начале апреля 1930 г. (см. подробный очерк об этом: *Галин Б. Турбина 108 // Правда. 1930. 1 мая. С. 3; также в отд. изд.: Галин Б. Турбина 108. М., 1931).*

14 апреля рабкоры ЛМЗ, в связи с успешной сборкой и испытанием 24-тысячной турбины отправили телеграмму Сталину: «Дорогой тов. Сталин! Рабочие нашего завода, не раз доказывавшие свою величайшую преданность генеральной линии партии, героическим напряжением своих сил выпустили эту турбину за два месяца до назначенного срока. Мы заявляем ЦК партии, что лозунг “догнать и перегнать” рабочими Металлического завода вполне усвоен и что они считают его своевременным и совершенно необходимым. Вместе с тем металлисты заверяют ЦК в том, что, поставив себе задачей выполнение пятилетки в четыре года, они приложат все усилия к тому, чтобы практически реализовать этот лозунг, одновременно ведя беспощадную борьбу со всеми правооппортунистическими уклонами и левыми загибами» (*Известия. 1930. 15 апр. С. 2; также опубл.: ПГ. 1930. 17 апр. С. 1* — текст несколько отличается, а материалы номера указывают мощность турбины в 22 000 кВт). Машинописная копия оригинала телеграммы, хранящаяся в архиве Сталина, характерно отличается по тексту многократным обращением на «ты»: «...завком <и> рабкория Ленинградского металлического завода крупного машиностроения твоего имени поздравляет тебя...» В конце — прямая просьба, выполнение которой автоматически запускало волну публикаций в печати об успехах ЛМЗ: «Просим тебя ответить на эту телеграмму <в> заводскую печатную газету Полюстровский гигант» (цит. по фото из архива Сталина на сайте sovdoc.rusarchives.ru; *РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2917. Л. 1).*

Сталин отправляет ответную телеграмму 21 апреля 1930 г.: «Телеграмма завкома и рабкоров вашего завода получил. Поздравляю с досрочным выпуском первой в СССР мощной турбины. Желаю дальнейших успехов в борьбе за укрепление рабочего государства, в борьбе за полную победу социализма. Братский привет рабочим и руководителям завода» (опубл.: *ПГ. 1930. 23 апр. С. 1; Ленинградская правда. 1930. 23 апр. С. 1; Правда. 1930. 24 апр. С. 1).*

После показательного досрочного выпуска 22/24-тысячной турбины комсомольский и партийный актив ЛМЗ во главе с Семячкиным развернул кампанию по выдвижению встречного промфинплана завода на третий год пятилетки в размере 800 тыс. кВт. Для сравнения: во второй год пятилетки, заканчивавшийся сентябрем 1930 г., завод должен был построить турбины общей мощностью 200 тыс. кВт, а первоначальный проект плана на третий год составлял 567 тыс. кВт. Встречный промфинплан на третий год пятилетки (который первоначально начинался с октября 1930 г., но затем был сдвинут на начало 1931 г., а октябрь – декабрь 1930 г. были объявлены особым ударным кварталом) по выпуску турбин общей мощностью в 800 тыс. кВт был поддержан высшим руководством страны в лице Кирова и Орджоникидзе, посетивших завод в апреле 1930 г. и ознакомившихся с проектом встречного производственного плана, представленного Семячкиным (см. подробно:

Московская Д.С. «Несчастный случай на производстве...»: Владимир Маяковский в событиях и образах пьесы Андрея Платонова «Высокое напряжение» // Творчество В.В. Маяковского: Вып. 2. М., 2014. С. 279–301). 9 июля 1930 г. Семячкин выступил на XVI съезде партии с речью о встречном промфинплане ЛМЗ (см.: *XVI Съезд ВКП(б)*. С. 534–536). О выдвигании встречного плана в 800 тыс. кВт см. также: *Расчистить путь встречному промфинплану! 800 или 567?* // *Правда*. 1930. 26 авг. С. 4.

Однако даже выполнение задания второго года пятилетки можно было обеспечить только предельным напряжением сил рабочих и инженеров, которым, вопреки официальному переходу на 7-часовой рабочий день, нередко приходилось работать непрерывно по несколько суток, чтобы успеть сдать в срок очередной заказ. Требование к скорости, естественно, не ослабляло требований к качеству. В таких условиях травматизм был неизбежен. Сцена с окровавленной рукой Череватова в «Турбинщиках», по-видимому, отсылает к ставшей широко известной производственной травме бригадира по сборке роторов паровых турбин П.Е. Хинейко, упоминаемого в записной книжке Платонова. Несчастный случай произошел, согласно документам заводского архива, 31 августа 1930 г. (разыскание Д.С. Московской; в печатных источниках встречается также дата 1 августа). Не желая портить ротор безопасным освобождением зажатой руки, Хинейко сохраняет машину невредимой ценой потери двух пальцев (см. подробно: *Московская Д.С.* Указ. соч., с. 282–283; примеч. к пьесе «Объявление о смерти», с. 718 наст. изд.). Описание поступка П.Е. Хинейко встречается в центральной печати и позже, например, в связи с награждением его и ряда других рабочих ЛМЗ орденом Ленина и Трудового Красного знамени (см.: *Известия*. 1931. 5 сент. С. 3).

Хронику ударной работы комсомольской бригады ЛМЗ под руководством Петра Ивановича Старосельцева (выведен в сценарии Платонова под настоящей фамилией, упоминается в записной книжке) зафиксировала книга С. Липшица «Станд регистрирует победы» (Л.: ОГИЗ, Молодая гвардия. 1931). Бригада помогала в работе ЛМЗ над первой турбиной в 24 тыс. кВт в первом квартале 1930 г. Затем комсомольцы добились самостоятельного выполнения заказов на сборку турбин: в мае – июне бригада успешно собирает турбину на 3 тыс. кВт, в июне – августе турбину мощностью 5 тыс. кВт. После этого руководство завода нехотя доверяет бригаде Старосельцева сборку еще более мощной машины — той самой «комсомольской одиннадцатитысячной», о которой написал в «Турбинщиках» Платонов.

Над турбиной в 11 тыс. кВт комсомольцы ударно работали в сентябре 1930 г., когда выполнение ЛМЗ плана второго года пятилетки оказалось под угрозой. Заводская многотиражка перечисляла требовавшие срочного решения проблемы, которые отметил и Платонов в «Турбинщиках»: на заводе не доставало литья, поковок, диафрагм и т. д. (Кто мешает работе турбинной // *ПГ*. 1930. 10 сент. С. 2).

В это же время важной инициативой ЛМЗ во всесоюзном масштабе стало объявление 1 октября 1930 г. Днем ударника (*ПГ*. 1930. 10 сент. С. 1; *Репорт рабочих пяти заводов Ленинграда* // *Правда*. 1930. 7 ноября. С. 5).

15 сентября Президиум ВСНХ утвердил встречный промфинплан завода, активно продвигавшийся Семячкиным с весны 1930 г., — цифра в 800 тыс. кВт стала официальным заданием ЛМЗ на третий год пятилетки. На заводе была введена четвертая рабочая смена: «Завод не будет стоять ни часа» (ПГ. 1930. 19 сент. С. 1).

23 сентября заводская газета била тревогу: «Турбинная! Восемь дней осталось до конца года — партия и правительство приказали дать 200 тыс. клв. — Не выполнить программу — сорвать дело пятилетки» (ПГ. 1930. 23 сент. С. 2). Вся надежда на выполнение плана возлагалась в последних числах сентября именно на турбину комсомольской бригады Старосельцева, но завершение ее сборки задерживалось: «На станде нет комсомольской турбины в 11.000 клв, решающей выполнение программы в 200.000 клв» (На станде нет «комсомолки» // ПГ. 1930. 23 сент. С. 2). Выпуск данной турбины позже 30 сентября означал бы, что до выполнения плана ЛМЗ не хватило 2 тыс. кВт. 27 сентября «Полюстровский гигант» вышел с заголовком «Тревога: В турбинной прорыв. Сталинцы обязаны отдать свой долг стране в 2 000.000 кВт <Вероятно, ошибка — должно быть 2000 кВт>» (ПГ. 1930. 27 сент. С. 1). Сцены «Турбинщиков» в Планово-распределительном бюро отображают реальную проблему, которую пришлось решать комсомольской бригаде: неверно распланированное бюро обработка вала турбины в 11 тыс. кВт была скорректирована по инициативе комсомольцев, напрямую решавших производственные вопросы с бригадами и мастерами. Руководство турбинного цеха и планового бюро комсомолцы призвали заменить: «...те, кто так распланировал обработку вала, чтобы план оказался сорван, те, кто молчаливо соглашался с этим — плановое бюро 1 отд. и завцехом Васильев не справляются с темпами работы, и очевидно не справятся с еще большими темпами будущего года. Руководство 1 отд. должно быть обновлено. Из ПРБ должны быть вычищены те, кто не умеет работать по-большевистски, те, кто беспомощно путается под ногами великой социалистической стройки» (ПГ. 1930. 27 сент. С. 2). См. также записи Платонова, сделанные, вероятно, в связи с теми же событиями: «Все коммунисты и комсомолцы д<олжны> стать планировщиками, тогда промфинплан будет доведен до станка и не будет простоев. / Бригада контроля и темпов; она занимается и планировочной работой...» (Записные книжки. С. 63).

Сборка и испытание «комсомольской одиннадцатитысячной» турбины прошли успешно и в нужный заводу срок. 30 сентября 1930 г. «Правда» сообщила, что 28 сентября ЛМЗ выполнил план на 103% (Правда. 1930. 30 сент. С. 1). «Полюстровский гигант» в тот же день рапортовал: «Впервые в истории ВЛКСМ комсомолцы решали исход хозяйственного боя» (ПГ. 1930. 30 сент. С. 8).

За последние три месяца 1930 г., объявленные ударным кварталом между вторым и третьим годом пятилетки, ЛМЗ выпустил турбины общей мощностью более 94 тыс. кВт, т. е. почти половину от задания всего второго года пятилетки. К середине 1931 г. ЛМЗ выполнил задание в 420 тыс. кВт, изначально запланированных заводу на всю пятилетку, и таким образом завершил пятилетку в два с половиной года.

3 сентября 1931 г. за успехи 1930–1931 гг. несколько работников ЛМЗ, в том числе лица, ставшие прототипами героев «Турбинщиков» или упомянутые в записной книжке Платонова, были награждены орденом Ленина и Трудового Красного знамени. Среди награжденных были директор ЛМЗ И.Н. Пенкин, технический директор завода инженер В.И. Андреев, секретарь парткома П.П. Семячкин, а также С.Н. Тимофеев, П.И. Старосельцев, В.Н. Николаев и др. П.Е. Хинейко также был награжден орденом Трудового Красного знамени (Правда. 1931. 5 сент. С. 4). О событиях на Ленинградском металлическом заводе и их отражении в произведениях Платонова см. также примеч. к пьесе «Объявление о смерти», с. 715–719, 724–727 и др. наст. изд.

Массовые кампании по привлечению на объекты социалистического строительства работников искусств не могли оставить в стороне ЛМЗ. Например, еще в 1929 г., чтобы «отразить в опере бурную и многообразную современную жизнь завода», на ЛМЗ приезжали писатель и драматург Б. Лавренев, композитор В. Дешевов и режиссер Г. Радлов: «Нам нужно запечатлеть как можно больше трудовых производственных процессов, ритм звуков, видеть и слышать, даже ощущать жизнь завода, чтобы потом верно отразить это в своем произведении...» (*Кузнецов А.* Писатель, режиссер и композитор посетили наш завод // *ПГ.* 1929. 15 мая. С. 2).

Сохранились свидетельства о работе писателей на ЛМЗ в сентябре – декабре 1930 г. Так, Елизавета Полонская поделилась своими впечатлениями и опытом «писательского ударничества» в «Литературной газете»: «В конце сентября я мобилизовалась по ФОСП на металлический завод имени Сталина и проработала там несколько дней в редакции газеты “Полюстровский гигант”. Я написала большую статью для заводской газеты, сделала два стихотворения по заданию местных рабкоров (для стенновок), сочинила семнадцать четверостиший-подписей к серии карикатур “Борьба за восемьсот тысяч киловатт” и принимала участие в выдумывании лозунгов и шапок. Пригодилось ли все это газете — судить не мне. Для себя я получила очень многое: зарядку бодрости и энергии. Благодаря усиленным темпам последних дней завод блестяще выполнил программу второго года пятилетки» (*Полонская Е.* Фабрика и завод не экзотика // *ЛГ.* 1930. 29 ноября. С. 2). 15 ноября 1930 г. на ЛМЗ состоялся литературный вечер для рабкоров и ударников с участием писателей, в том числе Ю. Либединского и М. Зощенко (*ПГ.* 1930. 15 ноября. С. 4).

Большой очерк об ЛМЗ и истории утверждения встречного плана напечатал в декабрьском номере горьковский журнал «Наши достижения» (номер телефона редакции журнала есть и в «турбинной» записной книжке Платонова). Автор очерка, Андрей Спасский, приводит следующий факт: «На заводе им. Сталина работает мой товарищ. Он — писатель, но пошел на завод подручным слесарем, учеником: “Подышать рабочим воздухом”» (*Спасский А.* Встречный // *Наши дост.* 1930. № 12. С. 19. Указано Н.В. Умрюхиной).

Отражению успехов ЛМЗ должно было помочь и движение по призыву ударников в литературу: 19 октября 1930 г. в заводской газете появилось

обращение к рабочим о записи в литгруппу. В свою очередь, пролетарские писатели, «ударники литературы», призывались «на посты в цеха и к станкам» (ЛГ. 1930. 19 окт. С. 2).

Внимание писателей к событиям на ЛМЗ, рабкоровское движение и призыв ударников в литературу на самом заводе привели в последующие годы к появлению ряда художественных и очерковых произведений: пьеса Гр. Лыткина «Турбина № 108» (Л., 1931); поэма И. Садофьева «Турбинный доктор»; стихи А. Безыменского, рабочего-ударника Р. Зернова и т. д. Очевидно, рассказом о сборке турбины комсомольской бригадой Старосельцева вдохновлялись П. Серебряков и Е. Тарвид при создании пьесы «Энтузиасты», о которой «Литературная газета» писала: «...производительная комедия о комсомольской бригаде, досрочно изготовившей турбину, местами не лишена изобретательности и юмористического текста. Но вообще там много фальши, натянутости, высокопарного энтузиазма. <...> Энтузиасты остроумны, шутят и с большим аппетитом строят свою турбину» (Юзовский Ю. Театр родился: Спектакли студии Симонова // ЛГ. 1932. 11 июля. С. 4).

В 1931 г. вышло несколько документально-очерковых книг об ЛМЗ, в которых отразились в том числе те же события, что и в «Турбинщиках» Платонова: *Жестев М.* Люди на станде. Л., 1931; *Литиц С.* Станд регистрирует победы. Л., 1931; *Черняк Л.* Коммунистический цех. Л., 1931; *Сергеев Н.* Газета-ударник. Л., 1931 (о роли газеты «Полюстровский гигант» в успехах завода); *Дружинин В.* Университет у станка. М.–Л., 1931 (об организации учебного процесса во втузе ЛМЗ) и др.

Посещали завод и кинематографисты. В начале 1930 г. газеты объявляли: «отные отделения Совкино на местах устанавливают кинонаблюдение за основными объектами пятилетки» (Кино. 1930. 25 февр. С. 1). Это делалось согласно циркуляру НКП РСФСР от 22 февраля «с указанием на необходимость киносъемок предприятий и отдельных групп, отличившихся в соцсоревновании» (Летопись российского кино. 1930–1945. М., 2007. С. 17–18, со ссылкой на Бюллетень НКП РСФСР. 1930. № 10. С. 13–14). Журнал «Кино и жизнь» в № 8 и 9 за март 1930 г. в рубрике, где печатались кадры из хроники «Союзкиножурнала», поместил несколько фотографий работы ЛМЗ. Выпуски «Союзкиножурнала» № 28 и 64 за 1930 г. содержали сюжеты о сборке турбин на ЛМЗ.

В 1931 г. на студии «Союзкино» был снят небольшой хроникальный фильм об ЛМЗ «800 000 киловатт» (режиссер Самгин). Его копия сохранилась в архиве кинофотодокументов в Красногорске (РГАКФД). Большим событием советского кино в 1932 г. стал посвященный Ленинградскому металлическому заводу и его встречному промфинплану звуковой фильм режиссеров Ф. Эрмлера и С. Юткевича «Встречный», песня из которого «Нас утро встречает прохладой...» («Песня о встречном») на музыку Д. Шостаковича и слова Б. Корнилова обрела всенародную популярность.

С. 291. *Кинематографический очерк.* — В заявке и в подзаголовке сценария Платонов определил жанр «Турбинщиков» как киноочерк, планируя совмещение фактов и инсценировки. Против подобных жанровых смешений

выступали в середине 1930 г. А. Роом и Ип. Соколов. В статье «Против эклектизма, против путаницы» они писали: «Сейчас никто, кроме “лефов” не смешивает специфику романа и газеты. Смешение методов культурфильмы и киноискусства есть вредный и ненужный эклектизм» (Кино. 1930. 5 июня. С. 4). 11 августа 1930 г. в Доме Печати состоялось обсуждение, посвященное определению жанра киноочерка. Об этом написала газета «Кино»: «Спор в Доме Печати свелся к оценке документального метода. Этому много содействовало вступительное слово О.М. Брика, причислившего кино-очерк как жанр к чисто документальным фильмам». Однако автор газетного материала Б. Дунаевский высказал несогласие с этой точкой зрения и призвал «произвести оценку определения и сущности киноочерка по аналогии с литературой»: «В литературе <...> очерк является художественным произведением, в основу которого положен подлинный факт. Это отнюдь не значит, что очерк накрепко привязан и подчинен факту, легшему в его основу. Наоборот, очерк направляет, ставит его в определенную политическую, экономическую, социальную связь, вскрывает сущность освещаемого факта. Уже то, что очерк является художественным произведением, определяет то обстоятельство, что факт в очерке направлен, целеустремлен. Судя по высказанному на вечере в Доме Печати, наши киноработники далеко не всегда правильно оценивают специфику кино-очерка. Поэтому часто под видом очерка выступают учебные, хроникальные по существу фильмы <...>. Поэтому же, вместо споров о кино-очерке по существу, вечер в Доме Печати был посвящен критике и защите документального метода. А между тем документальный метод — это не основа построения очерка, это лишь один из способов его построения». Автор высказался о необходимости создания такого кино-очерка, чтобы он «сам по себе захватывал зрителя, как это делает с читателем хороший очерк в литературе, <...> чтобы одновременно получилась живая картина и не была искажена действительность» (Дунаевский Б. Документален ли кино-очерк? // Кино. 1930. 25 авг. С. 3).

Жанровое обозначение «киноочерк» носили картины разнообразного содержания: «Пять минут» / «Пять минут, которые потрясли мир» (1928) (похороны Ленина и остановка «трудящимися всего мира» заводов и транспорта в знак траура); этнографический очерк «Соль Сванетии» (1930) М. Калатозова об «отсталом» родовом строе горцев и экономических преобразованиях в их жизни с приходом советской власти; «Перекоп» («Песня о Перекопе») (1930), освещавший юбилей соответствующего исторического события в нескольких разрозненных эпизодах с установкой на документальность, в том числе рассказ о восстановлении завода рабочими и др.

...фаэтон... — легкий экипаж с откидным верхом.

...рушка и сукновальня... — Рушка — обычно пророрушка — сельскохозяйственная машина для шелушения зерна. Сукновальня — машина для обработки, «валяния» простейших тканей.

С. 293. ...табличка на верхнем поясе турбины: «С.П.Б. Металлической заводъ. Турбина по системъ Френсиса в 44 ¼ лош. силъ выпуск № 1». — Турбина — вариант написания слова «турбина», который зафиксирован, например, в Словаре Брокгауза и Эфрона. Платонов, возможно, переписал

надпись с одной из виденных им дореволюционных турбин. *Турбина по системе Френсиса* — радиально-осевой тип турбин, изобретенный американским инженером Джеймсом Френсисом (1815–1892). Это самый старый и простой в конструкции тип гидротурбин.

А это, Федор Федорыч, однажды дедушка русского флота был, так вам бабушка русских турбин попалась... — См. в записной книжке: «“Дедушка русского флота”? — это турб<ина> № 1, 1924 г., в 75 л. с. — “фитюлька”, бабушка совет<ских> вод<яных> турбин» (*Записные книжки*. С. 60).

Череватов вытирает руки концами. — Имеются в виду обтирочные концы.

С. 296. *Нечто вроде испытательного станда. На станде готовая турбина.* — *Станд* — устаревший вариант слова *стенд*, активно использовавшийся в 1920 – 1930-х гг. в периодике, в том числе в «Полуостровском гиганте», заводской газете ЛМЗ, а также в специальной литературе. См., например, в книге Н. Сергеева, рабкора ЛМЗ: «Станд — специальная установка, где целиком собранная турбина испытывается в условиях ее полной нагрузки» (*Сергеев Н.* Газета-ударник. Л., 1931. С. 32). В настоящем издании сохранено историческое написание *станд*, использованное Платоновым в автографе сценария.

С. 299. *К станку Витмана подходит инженер Стрешнев (вредитель).* — Вредитель Стрешнев, инициировавший увольнение Витмана в сценарии, имел реального прототипа, работавшего на заводе. Наряду с Бобровщиковым Стрешнев упоминается на страницах «Полуостровского гиганта» как вредитель, тормозивший развитие завода и выполнение плана. Платонов вывел его в «Турбинщиках» под настоящей фамилией. Однако на данный момент подробности деятельности Стрешнева, факт участия в травле Неймана (прототипа Витмана) или иные его «вредительские» действия не выявлены.

Зачем конденсаторы? Они превращают тепло в воду, они требуют станков, металла и рабочих... А у нас всего мало, наша страна ледяная, нам нужно тепло! Бросьте делать конденсаторы, теплофикационные турбины дешевле и вдвое полезней: они дадут нам миллионы рублей! — Призывы использовать для отопления пар и горячую воду, образующиеся в процессе работы электростанций, не раз звучали на страницах газет и технических журналов: «Кто бывал на паросиловых установках, тот часто замечал, что над зданием почти всегда стоит облако белого пара. Это отработанный пар, из которого выжали определенную единицу рабочей силы и выбрасывают в атмосферу. Над вопросом использования отработанного, или “мятого” пара много работала человеческая мысль, и в данное время еще встает вопрос о необходимости широкого использования пара. В Москве, например, проводились работы над тем, чтобы отработанный пар с МОГЭСа пустить на отопление целого городского квартала. В некоторых случаях получали благоприятные результаты: “мятый” пар широко применялся на практике, заставив его снова служить» (*Смирнов А.* Пар, дающий миллионы // *Изобретатель*. 1929. № 8. С. 14). О том же писала газета «Известия» в августе 1930 г.:

«Вместо расхода топлива и на отопление и на получение энергии мы будем сжигать топливо для получения энергии, а *отработавший пар и горячую воду* выпустим не в реку или пруд, а дадим потребителю тепла». Постановлением СТО (Совет труда и обороны) от 26 июня 1930 г. «О теплофикации и о тепло-электроцентралях» ВСНХ СССР было предложено «немедленно организовать производство оборудования для тепло-электроцентралей и теплофикационных сетей, обязав при этом объединение “Котлотурбина” немедленно приступить к производству котлов высокого давления и турбин, дающих возможность использовать отработавшее тепло» (*Брауде А.* Теплофикация и тепло-электроцентрали // *Известия.* 1930. 4 авг. С. 4).

С. 300. ...*рачьа чума изобретательства...* — Всячески поддерживаемое в печати движение рабочего изобретательства в эти годы приобрело массовый характер. При этом появлялись и принимались совершенно разные по качеству изобретения, как действительно помогавшие сэкономить большие средства на производстве, так и сомнительной ценности — ведь за каждое принятое изобретение платились деньги, иногда немалые. Так, например, в конце 1929 г. критиковалась работа центрального бюро содействия изобретательству: утверждалось, что более 90% полезных изобретений находятся «под сукном», а принимаемые предложения нередко далеки от пользы для индустриализации страны: «...9 тыс. руб., например, выдано изобретателям “нотодержателя и скрипкоддержателя”, 5 тыс. руб. выдано изобретателю “маски для постановки голоса”. Наряду с этим действительно ценные для промышленности изобретения продвигались в жизнь слабо, и бюро не проявляло должной энергии в этом деле» (ЦБСИ нужно реорганизовать // *Известия.* 1929. 3 дек. С. 4).

...*не осуществлю лозунг единоначалия!..* — Постановление ЦК о единоначалии принято 7 сентября 1929 г. (*Правда.* 1929. 7 сент. С. 1; *Этчин А.* О единоначалии. М., 1930). Подробнее см. примеч. к «Шарманке», с. 685 наст. изд.

Лопаточная мастерская в турбинной. — *Лопатка* — важнейшая деталь турбины. Именно некачественное изготовление турбинных лопаток называлось основной причиной большинства аварий турбин: «Несколько изготовленных заводом крупных машин при испытании потерпели аварии, и их пришлось переделывать. <...> Выяснилось, что лопатки для турбин изготовлялись неточно. Несмотря на это, они все же ставились на турбины, что в конечном счете приводило к авариям» (За мощную советскую турбину // *Правда.* 1930. 7 февр. С. 5). Главной причиной недоброкачества лопаток считалось халатное отношение к их производству: «По заводу гуляла поговорка: “на производстве лопаток могут работать рязанские бабы”. К сожалению, это распространенное мнение не пошатнулось и после аварий» (Причины пяти аварий (Письмо ударников лопаточного цеха) // Там же). Партийный идеолог и инициатор встречного производственного плана ЛМЗ П.П. Семячкин также обратил внимание на проблемы лопаточного производства в речи на XVI партсъезде в июле 1930 г.: «...Я хочу сказать еще о лопаточном деле. Это — самая ответственная деталь в турбинах. Во всех зарубежных заводах проектируется двойная лопаточная программа, а мы,

производя 200 тыс. киловатт паротурбин, лопаток производим только на 120 тыс. квт. Если случится какая-нибудь авария турбин, то мы не сумеем снабжать лопатками аварийные турбины, ибо запасных лопаток у нас нет. Лопаточную мастерскую завода сделали так, что она является одним из самых узких мест в турбостроении СССР. Все это характеризует непродуманность плана работ» (Речь тов. Семякина // Правда. 1930. 12 июля. С. 5). Однако уже к концу июля завод заявил об успешном решении данной проблемы: «За небольшой срок завод преодолел ряд трудностей, наладив собственное производство лопаток типа Вестгауза для турбин. В связи с этими успехами по производству лопаток мы сделали крупнейший шаг к полному освобождению от капиталистической зависимости» (Борьба за крупное турбостроение // Правда. 1930. 27 июля. С. 4).

С. 300–301. *Фрезеровка лопаток для паровых турбин ~ Разность и выгода производства бьют в глаза...* — Описание станка для обработки лопаток, очевидно, взято Платоновым из статьи о В.Н. Николаеве из заводской газеты: «Раньше постепенность операций была такая: сначала фрезеровка боков, затем внутренности, поверхности и лишь затем хвостов и головок лопаток. Это давало много браку. Приходилось подпиливать готовые лопатки слесарям, и все-таки получалось плохо. <...> Особенно много браку давала фрезеровка хвостов и головок с 2-х раз (сначала одну сторону, затем другую). Тов. Николаев предложил производить работу в обратном порядке: Сначала прямо с бруска фрезеровать хвосты и головки особо изобретенным им шпиндельным прибором, бравшим одновременно обе стороны, затем фрезеровать комбинированными фрезами одновременно бока и внутренности лопаток, ставя их головками в вилки предложенных им приборов, чем исключался брак и тут, затем уже фрезеровать поверхность, опять-таки ставя лопатку в вилки. Кроме того тов. Николаев предложил все три последних операции производить сразу комбинированием фрез на одной оправке и разом обрабатывать по восемь лопаток вместо одной, как это было до сих пор, при помощи еще одного прибора. Все эти приборы своей простотой и ясностью должны были быть понятны каждому, колоссальная выгода, даваемая ими, режет глаз...» (Фрезеровщик Николаев не маньяк, не сумасшедший, а полезный рационализатор // ПГ. 1930. 30 июня. С. 3).

С. 301. *...нам негде ставить заграничные станки!* — Одним из серьезных недостатков работы промышленных предприятий считалась зависимость от заграничного оборудования, — как объективная, ввиду отсутствия отечественных аналогов, так и мнимая, когда руководство не прилагало усилий, чтобы использовать рабочие предложения, а закупало под любым предлогом заграничные станки: «Многочисленные факты явно раздутых требований на импортное оборудование, без попыток использовать внутренние ресурсы промышленности, являются одним из самых ярких примеров бюрократического отношения хозяйственных руководителей к своим обязанностям и зачастую отражают оппортунистическое неверие в возможности социалистической индустрии. Между тем, нередко, явно несостоятельны попытки оправдать невыполнение промышленных заданий недостаточностью импорта. Если бы наши партийные, профессиональные и хозяйственные организа-

ции по примеру некоторых заводов, как ленинградский металлический завод им. Сталина (расширение турбостроения), проявили действительную инициативу в деле использования производственных ресурсов наших заводов, то промышленность получила бы дополнительные возможности не только для выполнения, но и значительного перевыполнения плана» (Кино в помощь выполнению программы третьего года пятилетки. М., 1930. С. 7–8).

С. 302. *Третья часть энергии электростанций сбрасывается в реки. ~ в силу, изменяющую мещанский семейный быт в общественный.* — Тема рационального использования пара, вырабатываемого электростанциями, нашла отражение, например, в научно-популярном короткометражном фильме студии Украинфильм «Использование пара от турбин» (1931).

С. 303. *Человек десять–пятнадцать проходят мимо них на завод ~ В их рядах идут Чаев и Щекотулов.* — Описывая приход на завод кулака Чаева и подкулачника Щекотулова, которые далее сознательно вредят на производстве, Платонов вводит в сценарий популярную в литературе и периодике времени тему проникновения на заводы «чуждых элементов» для ведения подрывной деятельности против советской промышленности. Так, в книге А. Деева «Враги пятилетки» из серии «Как работать заводской ячейке ВЛКСМ» об этом писалось: «Осколки разбитых вдребезги классов пытаются пробиться в наши ряды, чтобы притаиться, отсидеться. Нередко они приходят с затаенной мечтой — помешать нашему строительству. Этот приток — неизбежный процесс в эпоху ликвидации классов. Выбитые со своих позиций, чуждые нам элементы устремляются туда, где, по их мнению, можно укрыться от классовых битв. Таким укромным уголком они считают фабрику, завод, колхоз, учреждение. Прикрывшись здесь почетным званием рабочего, <...> они надеются отсидеться здесь, как в крепости. <...> Заводские организации “Котлоаппарата” насчитали в цехах до 4% торговцев, кулаков, сыновей бывших помещиков, попов. Добавим, что это 4% *учтенных*. А не *учтенных*, не выявленных? <...> Что им нужно на заводе? Одни распродали свое имущество (не ожидая раскулачивания) и теперь, прикрывшись заводской прозодеждой, будут жить припеваючи, работая спустя рукава, питая надежды на “лучшее будущее”. Другие, оставшись “не у дел”, прямо ставят своей задачей — вредить, вести разлагающую работу» (Деев А. Враги пятилетки (Вредители в цеху). М.–Л.: Молодая гвардия. 1930. С. 16–18).

С. 304. *Комсомольская бригада Старосельцева работает непрерывно 48-й час, дабы выпустить турбину в 11 тысяч киловатт и перевыполнить план.* — В связи с награждением бригадира комсомольской бригады ЛМЗ по сборке турбин П.И. Старосельцева в числе других работников завода орденом Ленина и Трудового Красного знамени газета «Правда» так написала о нем: «Петра Старосельцева вырастил и воспитал ленинский комсомол. Он — организатор и бригадир первой комсомольской бригады турбинщиков. Старосельцев самостоятельно руководил сборкой турбины в 11 тыс. клвт. Когда комсомольцам, под руководством Старосельцева поручили сборку этой турбины, немало раздавалось голосов сомнения. Но бригада решила доказать, что комсомольцы могут не только хорошо собрать турбину, но выпустить ее раньше срока. И турбина была выпущена досрочно. Под руководством

Старосельцева комсомольская бригада собрала еще две турбины мощностью по 24 тыс. квт. каждая. <...> Петр Старосельцев пользуется большим авторитетом не только среди молодежи, но и среди взрослых рабочих завода. Сейчас он выдвинут на руководящую работу в цеховое планировочно-распределительное бюро» (Правда. 1931. 5 сент. С. 4).

Комсомолец, что стоит с ведрами воды, хватает одно ведро. / Подбегает с ведром к забывшемуся комсомольцу. / Выливает на уснувшего воду. / Уснувший взбадривается, мотает головой и смеется; дожсимает гайку ключом. — См. более позднюю запись в записной книжке 1931 г.: «48 часов бесперывн<ой> работы на ремонте: рабочие падают от сна и усталости, но их отливают водой, они встают и смеются» (Записные книжки. С. 72).

Крановщик-комсомолец с кимовским значком... — КИМ — Коммунистический Интернационал Молодежи. Кимовский значок вручался, как правило, лучшим комсомольским агитаторам.

С. 310. *...и с ним английский специалист Анис. — Анис — реальный инженер, работавший на заводе консультантом, неоднократно упоминается в периодике времени в связи с ЛМЗ. См. в записной книжке Платонова: «Анис (англичанин) — мастер иностранец»; «Рабочий ответил англичанину Анису: / — Нам ждать некогда: мы — большевики. / Анис сомневался в сроках» (Записные книжки. С. 61, 63).*

«Сомнения англичанина» стали расхожим мотивом при описании постройки турбин на ЛМЗ, в том числе в художественных произведениях. Например, в стихотворении ленинградского ударника Р. Зернова «Турбина», о котором так написал рецензент «Литературной газеты»: «Для англичанина-инженера, технического консультанта СССР — это «монгольская Азия», неумелая и косная. «Он знает проклятую фразу одну: / С Европой тягаться вам ли? / Если работу ребятам не взять, / То — брови сдвигает гуще — / Холодную фразу бросает опять, / Что в Англии делают лучше». И когда поставленный лицом к лицу с угрозой прорыва рабочий коллектив решает нажать, английский спец уходит, отработав положенные часы, домой, уверенный в провале попытки короткими ударами сбить прорыв. Он уходит, но коллектив не расколотый, но подогретый его словами, не собирается отступать. И потому, что рабочие работали для себя, для своей пятитетки, оказались разбитыми скептические выкладки буржуазного специалиста. Поставленный лицом к лицу с фактом скептик вынужден был «впервые сказать»: «...Да... Хорошо... / В Англии так не умеют»» (Сурков Ал. Поэзия социалистического труда // ЛГ. 1932. 29 июля. С. 3).

С. 311. *Череватов прощупывает весь ротор, все лопатки, все строение, которое окружает их. / Выбрасывает из-под ротора четыре смятых гайки и разводной ключ. — См. в записной книжке: «При испытаниях бывали случаи вредительства: в корпусе гайки, лезвие ножа и пр. <...> Комсомольск<ая> бригада перед сдачей турбины 24 тыс. квт. Обнаружено лезвие конца на стенде. Аварию избегли, благодаря предусмотрительности рабочих стенда» (Записные книжки. С. 62).*

Заводы, обслуживающие турбинную, не дают литья и поковок. Станки прекращают ход. — Поковка — промежуточная заготовка для изготовления

детали. О необходимости срочной постройки в Ленинграде металлургического завода для бесперебойного обеспечения предприятий стальным литьем и поковками постоянно писалось в статьях об ЛМЗ. См., например: Рабочие металлического завода им. Сталина о советском турбостроении // Правда. 1930. 23 июля. С. 2.

Стройка нового чугунолитейного завода ~ срывается... — См. в записной книжке: «Турбинщики работали на котловане чугуно-лит<ейного> завода, от ктр. зависит подача литья, когда не хватало землекопов» (*Записные книжки*. С. 63).

С. 314. *Планово-распределительное бюро*. — Большая доля ответственности за прорывы в турбостроении возлагалась на Плановое бюро ЛМЗ. В начале 1930 г., после Бобровщикова, зав. турбинным цехом стал «тов. Васильев». Он считал, что основная причина производственных неувязок — в несвоевременной подготовке деталей. Но главной причиной, тормозящей производство, он называл отсутствие плановости: «О плохой работе планового бюро говорят и многие рабочие. <...> ...Работники планового бюро неудачно подобраны, мало подготовлены к своей задаче. Плохо поставлено чертежное дело. В цехе нет склада чертежей отдельных деталей, чертежей часто не хватает» (В ответ на обращение ЦК ВКП(б) рабочие изучают и устраняют конкретные причины прорывов. Пример турбинного цеха ленинградского металлического завода им. тов. Сталина // Правда. 1930. 7 февр. С. 5).

СТАТЬИ

<ПРОТИВ ХАЛТУРНЫХ СУДЕЙ (Ответ В. Стрельниковой)> (с. 319). — ЛГ. 1929. 14 окт. С. 2.

Источники текста:

ЧА — черновой автограф (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 383. Л. 1–4 об.).

СР — составная рукопись (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 384. Л. 1–9. С. 1–9).

М1 — машинопись (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 385. Л. 1–5).

М2 — неполная машинопись, отсутствует с. 1 (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 385. Л. 6–9).

Литературная газета. 1929. 14 окт. С. 2.

Датируется первой половиной октября 1929 г.

Печатается по составной рукописи.

Сохранилось два авторизованных источника текста статьи: черновой автограф (карандаш) с большой правкой и выполненная на его основе составная рукопись, в создании которой принимали участие В. Келлер (основной текст, черные чернила), Г.З. Литвин-Молотов (пометы и вставка, карандаш) и А. Платонов (вставки и общая редактура, карандаш). Сделанные с СР машинописи не авторизованы. М1 — с правкой Марии Александровны и ее же имитацией подписи Платонова на последней странице. В М2 отсутствует первая страница.

История появления всех источников текста связана с подготовкой ответа на политические обвинения в адрес Платонова, прозвучавшие в статье В. Стрельниковой «“Разоблачители социализма”. О подпольщиках» (*ВМ*. 1929. 28 сент. С. 3). Появление этой статьи связано с развернувшейся в сентябре кампанией разоблачения Б. Пильняка и Е. Замятина за публикацию их, как утверждалось, антисоветских произведений в эмигрантских изданиях. Этот поступок руководителей двух отделений попутнического ВСП (ленинградского и московского) дал старт новому витку борьбы с «попутчиками революции», завершившемся отстранением Пильняка от руководства московским отделением ВСП и превращением «аполитичного» ВСП в ВССП. Кампания стартовала в начале сентября; в газете печатаются заявления и резолюции писательских организаций и объединений, литературных кружков с осуждением «отступников» и требованиями наказать «изменников революции», публично «отмежеваться от фальшивой, двусмысленной пильняковщины, объединиться вокруг пролетарской литературы» (резолюция группы «Кузница»); на пленуме РАПП 20 сентября прозвучало предложение с требованием выслать Пильняка и Замятина за пределы СССР и т. п. (см. публикации в *ЛГ* со 2 по 30 сент.). Газета «Вечерняя Москва» также приняла самое активное участие в этой кампании статьями ведущих литературных критиков газеты В. Млечина и Н. Оружейникова, сделавших акцент на значении «дела» Пильняка для всех писателей и необходимости «чистки» писательских рядов от всего антисоветского и реакционного: «Б. Пильняк революцию мыслит по-“сменовеховски” как веку в национальном развитии России, как процесс, знаменующий дальнейшее укрепление России хотя бы и в новых социалистических одеждах. Подлинная классовая суть революционных процессов поэтому ему чужда и отталкивает его. <...> Где гарантия, что история Пильняка и Замятина не может повториться. Если из дела Пильняка не будет извлечен урок, если с первых же шагов над здоровой самокритикой будет преобладать цеховая самокритика <...> — эта история научит малому» (*Оружейников Н.* В чем гвоздь? // *ВМ*. 1929. 14 сент. С. 3. См. там же: *Млечин В.* Не союз писателей, а союз советских писателей // 16 сент. С. 3).

Статья В. Стрельниковой является в некотором смысле образцовым примером требуемой нецеховой критики — «критики масс», направленной не столько на самого Пильняка, сколько на опасное проявление «пильняковщины» в современной литературе. Соавторство Пильняка и Платонова (опубликованный в «Новом мире» рассказ «Че-Че-О») давало живой материал для заявленной газетой темы недостаточной критики только Пильняка. Обозреватель газеты В. Стрельникова никогда до того не писала на литературные темы; главными темами ее статей были вопросы московской промышленности, жизнь предприятый, снабжение населения товарами. Для критики Платонова она избрала не рассказ «Че-Че-О», а книгу «Епифанские шляузы», начав свою статью с представления позиции так называемой рабочей критики — мнения работницы московской фабрики о «деле» Пильняка и «Епифанских шляузах», книжке, которая «“отшибла” у этой работницы желание подписываться на заем». Говоря о «родственности мировоззрений» Пильняка и Платонова в том, что касается «схожести Октябрьской револю-

ции с Петровской эпохой», критик настаивала, что в исторической («Епифанские шлюзы») и современной («Город Градов») повестях Платонов идет значительно дальше Пильняка: «Этой затрепанной и дешевой исторической аналогии Андрей Платонов сообщил, однако, много своеобразия, — он взял ее в таком разрезе: дутые прожекты Петра и дутые прожекты Октябрьской революции». Стрельникова отказывается признавать «Город Градов» советским сатирическим текстом, направленным на разоблачение бюрократизма, и прямо указывает на внутренние, политические и эстетические, связи и переклички повести о современности с историческими «Епифанскими шлюзами». Критик обратила внимание на схожесть решения Платоновым производственной темой: каналы проектируются, строятся, но не работают; электростанции строятся и тут же сжигаются и т. п. Удар по Платонову был зол, но в меткости ему не откажешь, особенно в контексте современной борьбы с «правой опасностью» и «правым уклоном» в партии, программой индустриализации и выполнением принятого пятилетнего плана. Платонов был прочитан зоркими глазами. «Ряд персонажей, — резюмировала Стрельникова, — по-разному выражают его основную мысль: ориентация коммунистической партии, строящей в СССР социализм, на пролетариат и трудовое крестьянство, — ориентация вздорная: не таков в нашей стране народ, чтобы на него ориентироваться. Эта мысль доведена до полной прозрачности в эпизоде с гидротехническими работами города Градова. <...> Андрей Платонов смотрит на бюрократизм с полной безнадежностью, ибо считает, что бюрократизм породила сама «советизация как начало гармонизации вселенной»». Стрельникова квалифицировала подобный масштаб идеологических просчетов Платонова как взгляд классового врага и фашиста. Это были серьезные политические обвинения.

Не ответить на них Платонов просто не мог. Во-первых, потому, что подобных публичных обвинений в его адрес еще не было. Во-вторых, политический характер обвинений осложнял решение главного вопроса, которым был занят Платонов летом – осенью 1929 г., — публикации романа «Чевенгур»: отказывается от романа издательство «Федерация»; 19 августа он обращается за помощью к Горькому; 18 сентября датируется письмо Горького с отказом от поддержки публикации романа (см.: *Письма*. С. 264–266), а 22 сентября выходит «Вечерняя Москва» со статьей Стрельниковой.

Платонов пишет письмо в редакцию «Вечерней газеты» — эмоциональное и дерзкое, не стесняясь в выражениях в адрес автора статьи (см. наст. изд., раздел «Редакции», с. 344–345). О том, что письмо адресовалось в «Вечернюю Москву», свидетельствует в черновом автографе сокращенный фрагмент с упоминанием В. Млечина как члена редколлегии не только «Вечерней Москвы», но и издательства «Молодая гвардия», где публиковалась книга «Епифанские шлюзы»: «Что вам нужно, Стрельникова? — зачем вы подводите Млечина, секретаря той газеты, в которой вы работаете? Ведь Млечин был зав. редотделом Молодой Гвардии, — именно при нем выпущена моя книга, и он должен бы тогда читать рукопись, а теперь соответственно выправить статью Стрельниковой, когда она пишет наоборот. Почему этого не сделано?» (Л. 2; см. динамическую транскрипцию автографа: Автограф

ответа Платонова критику В. Стрельниковой. К вопросу об атрибуции статьи «Против халтурных судей». Статья и публикация Н. Корниенко // *Страна философов*, 2003. С. 721–723).

Черновик письма Платонов отдает не машинистке, а своему редактору Г.З. Литвину-Молотову. Опытной редакторской рукой Литвин-Молотов вносит одно исправление (из фразы «Б. Пильняк лишь литературно выправил и идеологически улучшил его» вычеркивает ее вторую часть) и отмечает лишь один фрагмент, не вызывающий у него сомнения и возражения: «Рассказ написан давно и плохо, но он написан о классовой борьбе». Участие Молотова в истории с созданием «Ответа Стрельниковой» объясняется не только тем, что книга «Епифанские шлюзы», ставшая главным объектом обвинений критика «Вечерней Москвы», вышла в курируемом им издательстве и при его прямой поддержке. В эти месяцы принимается решение о включении романа «Чевенгур» в план издательства «Молодая гвардия» на 1930 г.

Решение о создании на основе черновика письма нового текста, скорее всего, принималось совместно со своим редактором, а к работе над ним привлекается В. Келлер, в эти годы тесно общавшийся с Платоновым и Литвиным-Молотовым. В. Келлер, входивший в близкий круг Платонова, еще в 1923 г. уехал из Воронежа в Москву, где к этому времени получил высшее экономическое образование, печатал в центральных журналах статьи по вопросам политэкономии социализма и капитализма, в 1928 г. защитил диссертацию на тему «Англо-американская школа политической экономии» (см.: *Антонова Е.* Окружение Андрея Платонова: Владимир Келлер // Из истории Воронежского края. Вып. 23. Воронеж, 2016. С. 117–127). Именно Келлером, с опорой на *ЧА*, выполнена основная часть *СП*. Практически на каждой из девяти страниц *СП* он оставлял место для дополнительных вставок. На некоторых страницах имеются пометы для Платонова («Затем — из Вас»), чтобы тот поработал над страницей: вписал своей текст или развил какое-то положение; вставил цитаты из «Города Градова»; перенес из *ЧА* отмеченный Молотовым фрагмент. Полемика со Стрельниковой по вопросам политической экономии социализма полностью выполнена Келлером — с опорой на самые авторитетные издания: первое собрание сочинений Ленина в 20 тт., авторитетный «Ленинский сборник», последнее издание «Анти-Дюринга» Ф. Энгельса, новейшие публикации журнала «Летописи марксизма (Записки института К. Маркса и Ф. Энгельса)», постановления партийных конференций и пленумов.

Подготовленный Келлером текст сначала читал Литвин-Молотов и внес лишь одно добавление, дописав незавершенный Келлером (он оставил чистое место на странице) пересказ известного высказывания Ленина о бюрократизме: «...что мы освободимся сразу от бюрократизма ~ т. Яковлев в своем докладе на XVI партконференции» (С. 8). В остальном текст Келлера Молотов принял.

Окончательную правку *СП* проводил Платонов. На первой странице он вписывает в оставленный Келлером небольшой пробел фразу: «Стрельникова пыталась меня “разоблачить” ~ липа Стрельниковой будет наружи».

Страница четвертая была заполнена Келлером лишь на треть. Стрельникова мастерски повержена им с опорой на цитаты из Энгельса и Ленина, а сам этот фрагмент венчает вопрос: «Как обозвать после этого Стрельникову?» Платонову оставлено место для ответа на вопрос. Платонов сначала вписывает ответ на вопрос, используя образ «литературной девушки»: «Не иначе, как только девушкой в литературе». Затем вычеркивает и вопрос, и свой ответ и пишет новый абзац: «Стало быть, по Стрельниковой, диалектика есть фашизм. ~ не обижая ее душу». На с. 6 в ответ на заключенную в помете Келлера просьбу («Затем — из Вас») Платонов на обороте листа пишет большой фрагмент об электрификации, в котором язвительно высмеивает язык обвинений, брошенных в адрес рассказа «О потухшей лампе Ильича»: «Электрификацией он нам заниматься не советует ~ т.к. электрическая мельница работала дешевле кулацких ветряков» (С. 6 об.). На с. 7 Платонов вносит уточнение в историю станции; после «...станция вновь отстроена» сверху вписывается: «(это так в действительности и случилось)». На этой же странице платоновский значок «н/об.» появляется сверху записи Келлера: «Относительно Ч.Ч.О. ... нельзя». Платонов вычеркивает незавершенную фразу Келлера, отсылающую к черновому автографу, и на обороте листа полностью восстанавливает по *ЧА* данный фрагмент: «Относительно Че-Че-О заявляю следующее. Б.А. Пильняк Че-Че-О не писал. ~ Б. Пильняка нужно обвинять в другом, а за Че-Че-О нельзя».

На последней странице Платонов внесет небольшую стилевую и смысловую правку во фразу «но без ошибок здесь не обойдешься»: к «ошибкам» добавлено «и ранений», а вводным «вероятно» («здесь, вероятно...») вносится рефлексия в однозначный характер обвинений Стрельниковой. Скорее всего, на завершающем этапе Платонов вписывает на верхнем поле первой страницы обращение к редактору: «Товарищ редактор. Настоятельно прошу напечатать нижеследующее».

Со сводной рукописи были сделаны три машинописи, две из них (*M1* и *M2*) сохранились, первый экземпляр ушел в редакцию «Литературной газеты», где ответ Платонова, написанный как письмо в редакцию, получил свое название и был отредактирован. Эмоциональные платоновские характеристики заменили на нейтральные: «рассказ, на который клеветает Стрельникова» превратился в «рассказ, на который указывает...»; вместо «ложь № 1» и «ложь № 2» появились «неправда № 1» и «неправда № 2»; «популярный фашист Фридрих Энгельс» превратился в «популярного марксиста Энгельса», «изолгавшийся автор» — в «недобросовестного автора», «неопрятные литературные юбки» — в «литературные приемы» и т. п. Был проведен ряд сокращений. Похоже, что Платонов не вычитывал готовившийся к публикации текст, в который перекочевали ошибки машинистки и к тому же были допущены другие ошибки: так, вместо «Епифанские шлюзы» появились «Епифановские шлюзы», вместо 16-й партконференции, ссылки на которую даются в тексте статьи, — 15-я партконференция.

Статья печаталась в разделе «Трибуна писателя», специально открытом для выяснения отношений писателей и критиков. Публикация статьи сопровождалась примечанием «От редакции»: «Отмечая, что в рассказах Андрея

Платонова, бичующих бюрократизм, писатель этот не всегда видит и понимает действительные пути и формы борьбы с бюрократизмом, редакция считает, что данная В. Стрельниковой характеристика этого писателя как враждебного нам, как “подпильячника” *неправильна*, — и потому печатает ответную статью Андрея Платонова».

В «Вечерней Москве» оперативно отреагировали на выступление «Литературной газеты» и напечатали в разделе «Литературная страница» небольшой отклик «Признанные ошибки надо исправлять», в котором В. Стрельникова подчеркнула своевременность выступления газеты с критикой мировоззренческих ошибок Платонова: «Собственно говоря, и признание самого Андр. Платонова, и примечание редакции достаточно убедительно подтверждают правильность нашего выступления, сигнализирующего опасные тенденции в творчестве т. Платонова. Если писатель признает наличие “грубых и опасных ошибок” в своем творчестве, то значительная часть нашей задачи выполнена. Надо лишь, чтобы за декларативным признанием ошибок “вообще” последовало искоренение их, выпрямление своего творчества в определенных пунктах» (Признанные ошибки надо исправлять. По поводу статьи Андр. Платонова в «Лит. газете» // *ВМ.* 1929. 2 ноября. С. 3. Подпись: В. С.).

Единственным откликом на развернувшуюся полемику является статья Я. Черняка «Сатирический реализм Андрея Платонова». Опытный редактор и издатель Я. Черняк внимательно прочитал статью Платонова, сопутствующие ей материалы — примечание редакции, заключение Стрельниковой — и дал общую оценку сложившейся ситуации, увидев в ней тревожный симптом литературной жизни: «Это не первый случай, когда автор, преодолевая естественную сдержанность, оказывается в необходимости вступать в пререкания с критикой, безответственность которой соревнуется только со скорописью. До каких же пор литературные отделы наших газет да некоторых журналов будут потакать этому постыдному порядку взаимоотношений в литературной среде? Когда же перестанут литературные кроты и суслики подрывать серьезнейшие из задач коммунистической критики...» Перейдя от оценки общей литературной ситуации к фигуре Платонова, Черняк защищал «молодого писателя», «писателя-рабочего», не скупясь на эпитеты и характеристики критиков популярной газеты: «Письмо Андрея Платонова, напечатанное в “Трибуне писателя”, поучительно не только тем, что оно с большой доказательностью демонстрирует перед нами большие стороны современной критики и свидетельствует об опасной трещине, о разрыве, возникающем между писателем и его современником. Еще больший интерес представляет самый предмет спора. Писателю, разделяющему коммунистическое мировоззрение, талантливость и серьезность работы которого совершенно очевидны, на основании частью непонятых, частью искаженно воспринятых и неправильно истолкованных элементов его произведений, бросается обвинение в том, что он “враг социализма”, “противник электрофикации и фашист”, как формулирует смысл критической статьи А. Платонов. Столь чудовищное обвинение, разумеется, обязывает автора рассказов немедленно и точно объясниться. Из объяснений же совершенно недвусмысленно выясняется, что рецензент

несостоятелен ни в политической, ни в художественной части своих высказываний, что он облыжно обвиняет писателя и вводит советскую общественность в заблуждение. Спустя несколько дней после появления обширного письма, основанного на точном и не допускающем кривотолков материале, газета в нескольких строчках буквально “отписывается” от серьезных вопросов, поставленных автором его рецензенту! А письмо Платонова ведь свидетельствует и о политической зрелости его автора, и о строгой обоснованности его суждений, о продуманности и теоретической вооруженности его мировоззрения, наконец, оно открыто признавало ошибки, неизбежные во всякой писательской работе, тем более в работе писателя-рабочего, овладевающего грандиозным культурным методологическим и творческим аппаратом революционной эпохи. Особенно характерно, что бюрократическая отписка газеты последовала по спору, в большой мере относящемуся к вопросам борьбы с... бюрократизмом. Это — одна из тем Платонова» (*Черняк Я. Сатирический реализм Андрея Платонова. [Машинопись] // РГАЛИ. Ф. 2208. Оп. 2. Ед. хр. 10. Л. 27–29*).

Статья Черняка была написана, скорее всего, в ноябре 1929 г. и готовилась к публикации в «Новом мире» вместе с рассказом Платонова «Путешествие в 1920 году» (отрывок из романа «Чевенгур»). Публикации не состоялись, возможно, в связи с ситуацией вокруг рассказа «Усомнившийся Макар» и обсуждением мировоззренческих ошибок Платонова на страницах газеты «Правда» в декабре 1929 г. (см. примеч. к рассказу, с. 530–531 наст. изд.).

С. 319. «Современная борьба с бюрократизмом основана отчасти на непонимании вещей», стр. 125. — Здесь и далее сноски на цитируемый текст даются по сборнику «Епифанские шлюзы» (М.: Молодая гвардия, 1927). Неточная цитата; в источнике: «борьба с бюрократией» (С. 125).

Пусть Стрельникова познакомится, например, с известным выступлением Слепкова! — Отсылка к публикации в «Комсомольской правде», где под общей шапкой «Оппортунизм в вопросах самокритики. Как “защитники” самокритики “защищали” самокритику» печатались два текста, датированные июнем 1928 г.: «Тезисы тов. А. Слепкова о самокритике» и письмо И. Сталина «Членам кружка по партстроительству при Комакадемии» (Ж. пр. 1929. 19 апр. С. 2). Слепков Александр Николаевич (1899–1937; репрессирован) — партийный журналист, работал в газетах «Правда», «Комсомольская правда», журнале «Большевик»; последователь Н.И. Бухарина. В июне 1928 г. Слепков выступил с изложением тезисов о самокритике на кружке по партстроительству при Комакадемии. Тезисы Слепкова получили свое распространение в московских кругах, на что указывается в редакционной статье и в письме Сталина. Поддерживая партийный лозунг самокритики, Слепков отметил особенность современного этапа, когда «самокритика из ограничиваемого принципа внутривнутрипартийной и пролетарской, советской демократии становится теперь коммунистическим лозунгом массового действия» и «в обстановке развертывающейся “самокритики” необходимо с достаточной отчетливостью определить, какая “самокритика” нам не нужна и вредна».

Как вредную тенденцию Слепков квалифицировал опасность перерождения самокритики в голую схоластику, ее «исключительно обличительный характер», превращение лозунга «самокритики» в сведение счетов, имеющего целью «сознательное и необоснованное “угробление” враждебных персонажей или организаций, “самокритика”, включающая элементы провокации» и т. п. В письме Сталина указывалось, что тезисы Слепкова «а) не совпадают с позицией ЦК по вопросу о лозунге самокритики, б) они “исправляют”, “дополняют” и, естественно, ухудшают ее в угоду бюрократическим элементам наших учреждений и организаций». Именно отсутствие в тезисах Слепкова темы борьбы с бюрократизмом квалифицировалось Сталиным как грубейшая политическая ошибка, цель которой «подорвать революционное значение самокритики, помогать бюрократам, старающимся отписаться от самокритики ввиду связанных с нею “опасностей”».

Показано, что губерния эта крестьянская, что в городе пролетариата нет, что живут там служащие и хлебные скупщики (это подчеркнуто неоднократно — стр. 112, 113, 114 и 168)... — Ссылка на следующие фрагменты повести: «Вокруг города жили слободы; исконные градовцы называли слобожан нахальщиками, ибо слобожане бросали пахотное дело и стремились стать служилыми чиновниками, а в междуцарствие свое — пока им должностей не выходило — занимались чинкой сапог, смолокурством, перепродажей ржаного зерна и прочим незнатным занятием» (С. 112); «Живут в таких домах служащие люди и хлебные скупщики» (С. 113); «Торговали по малости, без риска, но прочно сбывая хлеб насущный» (С. 114); «Градовгород, как не имеющий никакого промышленного значения, с населением, занятым преимущественно сельским хозяйством и службою в учреждениях, перечеислить в заштатные города, учредив в нем сельсовет...» (С. 168).

...что редко где было столько черносотенцев, как в Градове (стр. 111)... — Ссылка на следующий фрагмент повести: «В редких пунктах Российской империи было столько черносотенцев, как в Градове. Одних мошей Градов имел трое...» (С. 111).

Однако Ленин видел корень бюрократизма именно в «распыленности мелкого производителя» («О продналоге», собр. соч., т. XVIII, ч. I). — Цитируется не доклад В.И. Ленина на X съезде РКП(б) о замене разверстки продналогом (печатался под названием «О продналоге»), а написанная после съезда статья «О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия)» (вышла брошюрой в 1921 г.); статья цитируется по первому Собранию сочинений В.И. Ленина (1921–1927); в источнике: «У нас другой экономический корень бюрократизма: раздробленность, распыленность мелкого производителя, его нищета, некультурность, бездорожье, неграмотность, отсутствие *оборота* между земледелием и промышленностью, отсутствие связи и взаимодействия между ними. В громадной степени это — результат гражданской войны» (Ленин Н. (В. Ульянов). Собр. соч.: Т. XVIII. Ч. I. М.—Л.: Госиздат, 1925. С. 206. Далее цитаты со ссылкой на собрание сочинений В.И. Ленина даются по данному изданию с указанием тома и страницы).

Он же говорил, что «внизу — сотни тысяч старых чиновников, полученных от царя и от буржуазного общества, работающих сознательно,

отчасти бессознательно против нас» (том XX, ч. II). — Ошибка в ссылке. В т. 20, ч. 2 (М.–Л.: Госиздат, 1926) печаталось приветственное письмо Ленина IV конгрессу Коминтерна (С. 524). Здесь цитируется фрагмент о государственном аппарате из доклада Ленина «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции» на IV конгрессе Коминтерна (13 ноября 1922 г.): «Наверху мы имеем, я не знаю сколько, но я думаю, во всяком случае, только несколько тысяч, максимум несколько десятков тысяч своих. Но внизу — сотни тысяч старых чиновников, полученных от царя и от буржуазного общества, работающих сознательно, отчасти бессознательно против нас» (Т. XVIII. Ч. II. С. 97).

...ноябрьский пленум ЦК повторил: «Теперешний советский аппарат еще сильно пропитан элементами старого чиновничества и остатками ранее господствующих классов». — Цитируется одна из резолюций ноябрьского пленума ЦК ВКП(б); в источнике: «Теперешний советский аппарат еще сильно пропитан элементами старого чиновничества и остатками ранее господствующих классов, в которых еще живет ненависть к советскому строю» (О вербовке рабочих и регулировании роста партии (Резолюция по докладу тов. Молотова, принятая единогласно пленумом ЦК ВКП(б) 24 ноября 1928 г.) // Известия. 1928. 25 ноября. С. 2).

С. 320. *...а губерния постановляет: «Город Градов, как не имеющий никакого промышленного значения, перечислить в заштатные города, учредив в нем сельсовет» (стр. 168).* — Этот фрагмент в СР вписан Платоновым, возможно, по памяти. В источнике: «Градов-город, как не имеющий никакого промышленного значения, с населением, занятым преимущественно сельским хозяйством и службою в учреждениях, перечислить в заштатные города, учредив в нем сельсовет, переместив таковой из села Малые Вершины».

«Взаимодействие тел природы, — как мертвой, так и живой, — включает в себя гармонию (слушайте, Стрельникова! — А. П.), и коллизию, и борьбу, и кооперацию» (письмо к Лаврову). — Цитата дается по первой публикации на русском языке письма Ф. Энгельса П.Л. Лаврову от 12 ноября 1875 г.; в источнике: «Взаимодействие тел природы, — как мертвой, так и живой, — включает в себя и гармонию, и коллизию, и борьбу, и кооперацию» (Письма К. Маркса и Ф. Энгельса к П. Л. Лаврову // Летописи марксизма (Записки Института К. Маркса и Ф. Энгельса). Кн. 5. М., 1928. С. 35).

О будущем обществе Энгельс пишет именно как об обществе, «способном гармонически приводить в движение свои производительные силы» («Анти-Дюринг», изд. 1928 г., стр. 282). — Вольное цитирование, с изменением контекста высказывания; в источнике (раздел «Политическая экономия», глава «Производство»): «Только общество, способное гармонически приводить в движение свои производительные силы, согласно единому общему плану, в состоянии организовать их так, что будет возможно равномерно распределить крупное производство по всей стране, в полном соответствии с его собственным развитием и сохранением и развитием прочих элементов производства. Таким образом, устранение противоречия между городом и деревней не только возможно, но оно стало просто необходимым...» (Энгельс Ф. Анти-Дюринг / под ред. Д. Рязанова. М.–Л.: Госиздат, 1928. С. 282).

...есть именно закон, направленный «против революционного движения рабочих (частью и крестьян)» (Ленин)... — Приведены слова из статьи «О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия)»; в источнике: «Какковы экономические корни бюрократизма? Главным образом эти корни двойкие: с одной стороны, развитая буржуазия именно против революционного движения рабочих (частью и крестьян) нуждается в бюрократическом аппарате ...» (Т. XVIII. Ч. I. С. 206).

С. 321. XVI партконференция прямо указала, что стоящие перед ней задачи «не могут быть решены без действительного улучшения госаппарата», «без самого решительного изгнания из аппарата чиновников» и т. д., «без устранения форм управления, отживших и не удовлетворяющих потребностям советской страны» (резолуция по докладу т. Яковлева). — Яковлев Яков Аркадьевич (наст. фам. Эпштейн; 1896–1938; репрессирован) партийный и государственный деятель, член ЦК ВКП(б), в разные годы занимал руководящие должности в советском и партийном аппарате. С 1926 г. — зам. наркома РКИ, с декабря 1929 г. возглавил Наркомат земледела СССР. На XVI партконференции (23–29 апреля 1929 г.) выступал с докладом «Итоги и ближайшие задачи борьбы с бюрократизмом»; тезисы его доклада и резолюция по докладу печатались во всех центральных газетах; см.: Резолюция XVI Всесоюзной партконференции, утвержденные пленумом ЦК 29 апреля 1929 г. // Известия. 1929. 1 мая. С. 5. В цитате допущена неточность; в источнике: «улучшения государственного аппарата».

Рассказ написан давно и плохо... — Речь идет о «Рассказе о потухшей лампе Ильича»; в составе книги «Епифанские шлюзы» печатался под названием «О потухшей лампе Ильича». Рассказ написан в 1926 г., в его основу положены реальные события, связанные со строительством под руководством Платонова электростанции в селе Рогачевка (см. примеч. к рассказу: Сочинения, I(1). С. 523–525).

С. 322. ...то из них «посыплется» что-нибудь вроде «отрицания закономерности обострения классовой борьбы в настоящий период». — Отсылка к одному из самых острых положений внутрипартийной борьбы 1928–1929 гг. по вопросу обострения классовой борьбы в реконструктивный период. Этот вопрос обсуждался на июльском пленуме 1928 г. и апрельском пленуме 1929 г.; см.: «...продвижение к социализму не может не вести к сопротивлению эксплуататорских элементов этому продвижению, а сопротивление эксплуататоров не может не вести к неизбежному обострению классовой борьбы» (Сталин И. Об индустриализации и хлебной проблеме. Речь 9 июля 1928 г. // Сталин, 11. С. 172); «Уничтожение классов путем потухания классовой борьбы и вставания капиталистов в социализм, — такова формула Бухарина. <...> Бухаринская теория вставания кулаков в социализм представляет, таким образом, отход от марксистско-ленинской теории классовой борьбы» (Сталин И. О правом уклоне в ВКП(б). Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. // Сталин, 12. С. 88).

Б.А. Пильняк «Че-Че-О» не писал. Написан он мною единолично. — Подробно об этом см. примеч. к рассказу «Че-Че-О», с. 470–472 наст. изд.

Ленин говорил, что борьба с бюрократизмом потребует десятилетий, а тот, кто будет заявлять, что мы освободимся сразу от бюрократизма,

если примем платформу антибюрократическую, будет шарлатаном, охочим до хороших слов. — Близкий к тексту пересказ фрагмента из речи Ленина на заседании фракции РКП(б) Всероссийского съезда горнорабочих (23 января 1921 г.); ср.: «Борьба с бюрократизмом потребует десятилетий. Это труднейшая борьба, и всякий, кто будет говорить вам, что мы освободимся сразу от бюрократизма, если примем платформы антибюрократические, будет просто шарлатаном, охочим до хороших слов. Крайности бюрократизма надо исправлять сейчас» (Т. XX (доп.). Ч. II. С. 443).

Об этом напомнил т. Яковлев в своем докладе на XVI партконференции. — См. выше примеч. к с. 321.

С. 323. ...не мешаает узнать, как крыл бюрократизм Владимир Ильич (например, в записке А.Д. Цюрупе в VIII ленинском сборнике)... — Ссылка на одно из авторитетных изданий наследия В.И. Ленина. «Ленинский сборник» выходил с 1924 г., издавался Институтом Ленина при ЦК РКП(б). В 8-м «Ленинском сборнике» впервые были собраны записки и письма Ленина о борьбе с бюрократизмом, составившие раздел «В.И. Ленин об улучшении госаппарата и борьбе с бюрократизмом и волокитой. Письма и заметки 1917–1922 гг.». В сборнике печаталось несколько писем и записок Ленина А.Д. Цюрупе (1870–1928), в 1922–1923 гг. — нарком РКИ. Все письма и записки Цюрупе посвящены проблемам советского госаппарата, борьбе с бюрократизмом и волокитой: «Нас затягивает поганое бюрократическое болото в писании бумажек, говорение о декретах, писание декретов, и в этом бумажном море тонет живая работа. Умные саботажники умышленно нас затягивают в это бумажное болото» (письмо от 21 января 1922 г.); «Изучать людей, искать умелых работников. В этом суть теперь; все приказы и постановления — грязные бумажки без этого» (письмо от 20 февраля 1922 г.); «Все у нас потонуло в паршивом бюрократическом болоте “ведомств”. Большой авторитет, ум, рука нужны для повседневной борьбы с этим. Ведомства — говно; декреты — говно. Искать людей, проверять работу — в этом все» (записка от 21 февраля 1922 г.) // Ленинский сборник. VIII. М.–Л., [1928]. С. 60, 63, 65).

...узнать, что Ленин желал Рабкрину: «Оставить позади себя то качество... которое мы можем назвать смешным жеманством или смешным важничаньем и которое до последней степени на руку всей нашей бюрократии, как советской, так и партийной» (из статьи «Лучше меньше, да лучше»). — Статья Ленина «Лучше меньше, да лучше» (2 марта 1923) посвящена реорганизации Рабкрин; в источнике: «Наш новый Рабкрин, надемся, оставит позади себя то качество, которое французы называют *prudegie*, которое мы можем назвать смешным жеманством или смешным важничаньем и которое до последней степени на руку всей нашей бюрократии, как советской, так и партийной» (Т. XIII. Ч. II. С. 132).

ВЕЛИКАЯ ГЛУХАЯ (с. 324). — Русская речь. 1988. № 4. С. 53–55.
Публикация М. Анд. Платоновой. Подготовка текста Н. Корниенко.
Датируется июлем 1930 г.

Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 1–5. С. 1–3, 5–6; ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 387. Л. 1. С. 4).

Автограф выполнен карандашом на оборотах первой редакции машинописи «Впрок» (использованы с. 102, 120, 105, 104, 113) и, скорее всего, не перепечатывался. Об этом свидетельствуют отсутствие на первой странице автографа пометы для машинистки, а на последней — характерной для завершенных произведений записи «Конец» и авторской подписи «А. Платонов». Нельзя исключить, что Платонов планировал продолжение статьи, хотя финальный вопрос: «За кем же идти — за “старыми” рапповцами или за “блоком”?» — носит отчасти риторический характер, потому что ответ на него в статье уже дан. К тому же ситуация вокруг сформулированного вопроса развивалась летом и осенью 1930 г. столь стремительно, что вряд ли Платонов, работавший в это время над «Котлованом», мог полностью погрузиться в детали борьбы внутри пролетарского лагеря. При отсутствии формальных признаков завершения работы над текстом статья обладает целостностью и завершенностью.

Статья явилась откликом на идущую в пролетарском литературном лагере борьбу, которая в 1928 г. вылилась в открытое противостояние руководства ВАПП и «напостовского меньшинства» и в 1930 г. переросла в дискуссию о творческом методе пролетарской литературы. Основным разработчиком художественной платформы пролетарской литературы с 1923 г. являлся прозаик Ю. Либединский (см. его доклад «Художественная платформа ВАПП» и заключительное слово на Первом съезде пролетарских писателей в 1928 г.: *Либединский Ю.* Еще о художественной платформе РАППа (Политический смысл дискуссии по творческим вопросам) // *На лит. посту.* 1929. № 1. С. 26–29; см. также: *Либединский Ю.* Генеральная задача пролетарской литературы (Доклад на II расширенном пленуме РАПП, сентябрь 1929 г.) // Там же. 1930. № 1. С. 19–28; № 2. С. 5–14).

Базовые положения художественной платформы ВАПП (с 1928 г. — РАПП): «диалектико-материалистический метод в литературе», установка на реализм, «учеба у Л. Толстого», психологизм, концепция «живого человека», «теория непосредственных впечатлений», отрицание романтизма (лозунг «Долой Шиллера!») — нашли освещение в сборнике «Творческие пути пролетарской литературы» (М.–Л.: ГИЗ, 1928), в статьях журнала «На литературном посту» и книгах; см.: *Ермилов В.* За живого человека в литературе. М.: Федерация, 1928; *Фадеев А.* Столбовая дорога пролетарской революции. Л.: Прибой, 1929; *Селивановский А.* В литературных боях. М.: Московский рабочий, 1930; Творческая дискуссия в РАППе. Сб. стенограмм и материалов III областной конференции ЛАПП (15–21 мая 1930). Л.: Прибой, 1930 и др.

В 1928 г. в адрес съезда пролетарских писателей было направлено письмо, подписанное А. Безыменским, Г. Горбачевым и С. Родовым, в котором было заявлено: «Напостовское меньшинство ВАПП есть идейно-творческое течение внутри ВАПП, которое отстаивает свое право на пропаганду своих идей и право на критику как линии и деятельности ВАППа в целом, так и деятельности и творчества отдельных писателей» (цит. по: Удар за ударом. Удар второй. М.–Л., 1930. С. 280).

В докладе на сентябрьском пленуме РАПП (1929) Либединский практически отмахнулся от атакующих его и редколлегию «На литературном посту» оппонентов: «Мы, руководство РАПП, наивно считали, что столбовая дорога, которая намечена тов. Фадеевым, намечена <...> не только для нас, а это есть путь, по которому пойдет пролетарское движение. Но вот находятся люди, которые считают, что это не так, и которые провозгласили лозунг — долой со столбовой дороги! Нужна другая дорога» (*На лит. посту*. 1930. № 2. С. 5–14).

Оппозицию руководству РАПП в 1930 г. составляли представители самых разных «левых» групп: писатели и критики ЛАПП (Г. Горбачев, Е. Мустангова, А. Горелов, А. Прокофьев, А. Каменгулов, В. Саянов, Я. Ильин, Л. Грабарь), ленинградская «военная группа» во главе с Вс. Вишневым, критики и литературоведы подсекции коммунистической критики института ЛИЯ Комакадемии и Института красной профессуры И. Беспалов (в 1929–1930 гг. редактор журнала «Печать и революция»), И. Нусинов, М. Гельфанд, А. Зонин, В. Кин, Б. Ольховый (в 1929 г. — редактор журнала «Молодая гвардия», с марта 1930 — главный редактор «Литературной газеты»); бывший редактор «Комсомольской правды», в 1930-м — редактор журнала «Молодая гвардия» журналист Т. Костров; критики А. Бек, Л. Тоом, П. Кикодзе, а также бывшие напостовцы, ранее отстраненные от руководства ВАПП (С. Родов, Г. Лелевич). Ключевой фигурой и лидером оппозиции являлся самый влиятельный и политически авторитетный комсомольский поэт А. Безыменский; под его редакцией в 1929 г. вышел второй выпуск альманаха «Удар» (под названием «Удар за ударом» и с подзаголовком «Второй удар»), в статьях которого художественная платформа и позиция руководителей РАПП квалифицировалась на политически актуальном языке как «правый уклон». На эстетическом направлении «удар» наносился прежде всего по «идеалистическим» лозунгам «углубленного психологизма» и «реалистического показа личности», концепции «живого человека», «психологической школе Либединского и Фадеева», влекущими пролетарскую литературу «на дорожки мелкобуржуазного душеустройства»; руководство РАПП обвинялось в некритическом отношении к классике и учебе преимущественно у представителей буржуазно-дворянского, классического реализма, в недооценке ими революционного наследия русской литературы и т. п. «“Живой человек”, учеба у классиков, реализм — определяют пути формирования стиля пролетарской литературы. Нет, отвечаем мы. Эта формула повернута в прошлое. Это проповедь эпигонства и школярства, а не творческой работы» (*Костров Т. О реализме, «живом человеке» и стиле пролетарской литературы. Бригада товарища Ермилова по пути в Рим // ЛГ. 1930. 31 марта. С. 1*). С этого номера ЛГ ее редактором становится Б. Ольховый, а статьей журналиста Кострова на страницах газеты открывается дискуссия о творческом методе пролетарской литературы. Наступательную позицию «напостовского меньшинства» в марте благословила «Правда», открыв страницу «Литературный фронт» статьей, в которой указывалось на «недопустимую групповщину» в публикациях журнала «На литературном посту» и прозвучал призыв к руководству РАПП консолидировать «коммунистические литературные силы», развернув «смелую большевистскую самокритику» (*Чернявский Л.*

За проверку выполнения // Правда. 9 марта. С. 4). Опубликованная на этой странице статья В. Ермилова «О настроениях мелкобуржуазной “левизны” в художественной литературе», в которой содержались критические высказывания о пьесе Безыменского «Выстрел», сопровождалась примечанием «От редакции»: «Ряд положений, выдвинутых в статье тов. В. Ермилова о пьесе “Выстрел”, является спорным. Автор недооценивает положительное значение пьесы тов. Безыменского» (Там же).

В апреле–мае 1930 г. дискуссия о творческом методе пролетарской литературы вышла на первый план литературной борьбы: «На литературном фронте происходят “большие” события. Отгремели дискуссии о переверзевщине, о “Перевале”. В жестокой “схватке” сцепились между собою представители “живого человека” и их противники. В принципиальные споры и групповые схватки вовлечен почти весь писательский мир. Кое-где (в особенности в Ленинграде) литературные организации в своих спорах апеллируют к рабочим массам в лице их литературных кружков» (*Баранчиков П.* Сигналы «Литературного цеха» // Известия. 1930. 25 мая. С. 4; см. также: В спорах о творческом методе. На диспуте в Ленинграде // *ЛГ.* 1930. 12 мая. С. 1). До этого руководители РАПП и «напостовское меньшинство» обменивались неллицеприятными отзывами друг на друга на страницах своих изданий. На новый уровень противостояние перешло в мае 1930 г. на 3-й конференции ЛАПП, к которой оппозиционеры тщательно подготовились, проведя, с одной стороны, масштабную кампанию по пропаганде политически актуальной комедии А. Безыменского «Выстрел», а с другой — развернув на страницах центральных газет и в изданном к конференции сборнике статей («К творческим разногласиям в РАПП») критику романа Ю. Либединского «Рождение героя» и в целом художественной платформы РАПП. От руководства РАПП в конференции ЛАПП приняли участие Ю. Либединский, А. Фадеев, В. Ермилов, В. Киршон. Позиции руководителей РАПП и оппозиционного «блока» широко освещались в ленинградской и московской печати; оппозиционеры печатались в ленинградских газетах, московских «Правде», «Известиях», «Комсомольской правде», «Литературной газете», в журналах «Молодая гвардия», «Печать и революция», «Звезда», «Жизнь искусства»; выпускали свои выступления отдельными брошюрами и сборниками статей (см.: К творческим разногласиям в РАПП. Сб. статей. К 3-й обл. конференции ЛАПП. Л.: Прибой, 1930; *Камегулов А.* На литературном фронте. Сб. статей на методологические темы. Л.: Прибой, 1930; *Гельфанд М.* О творческом методе пролетарской литературы и об ошибках напостовцев. Сб. статей. М.: Федерация, 1930; и др.).

Несмотря на резолюции, принятые на ленинградской конференции, призывающие к консолидации пролетарского литературного движения, примирения не наступило. Развернувшееся на конференции столкновение обрело новое дыхание, едва ли не главными становятся чисто политические обвинения, актуальные для 1930 г.: «На литературном фронте во всю ширь развертываются ожесточенные бои. В основном сейчас мы имеем борьбу двух направлений, двух творческих методов. Одно с наибольшей выпуклостью представлено тов. Безыменским, другое — тов. Либединским. На путях овладения методом диалектического материализма и тот, и другой имеют

ошибки. Либединский в своем творчестве скатывается к голому психологизму, у Безыменского — налет некоторого схематизма. Главную опасность представляет психологизм Либединского, объективно отражающий правую опасность внутри пролетарского лагеря, ибо он уводит от классовой борьбы в “мир” психоанализа, пассивности, созерцательности, “подсознательного”. Творчество Безыменского, несмотря на большую политическую его ценность и актуальность, содержит в себе отдельные элементы, объективно отражающие “левую” опасность в пролетарской литературе. Признавая их обоих пролетарскими писателями, мы отмечаем ошибки и недостатки в их методах и мировоззрении. Мы за решительную, непримиримую борьбу на два фронта. Мы против правых тенденций как главной опасности в данное время, мы против “левых” тенденций» (*Пир С., Чернооков Б.* Борьба на два фронта. К вопросу литературной политики // *К. пр.* 1930. 17 мая. С. 2, 5). И все-таки «наибольшая опасность» — «справа» (Там же), что вписывалось в политический контекст реконструктивного периода и звучало в полном согласии с главными лозунгами 1930 г.; ср.: «Крепче ударим на два фронта: против правого оппортунизма — главной опасности настоящего периода и “левых” полутроцкистских извращений линии партии» (Ленинградская правда. 1930. 12 апр. С. 5); «Под знаком решительной борьбы на два фронта проходит подготовка к XVI съезду» (Правда. 1930. 1 июня С. 3). В резолюции расширенного пленума ВОАПП, состоявшегося после конференции ЛАПП (26–29 мая), отмечалось, что «представителям так называемого “блока” (группа Беспалова — Горбачева — Безыменского)», выдвинувших против руководства РАПП литературно-политические обвинения, «пленум напоминает о решении Всесоюзного съезда пролетарских писателей, запрещающем образование литературно-политических фракций внутри организаций ВОАПП, и предупреждает так называемый “блок” о грозящей ему опасности превратиться в группу, противостоящую литературно-политической линии ВОАПП» (*ЛГ.* 26 мая. С. 1). Оппоненты ответили руководству РАПП своей декларацией, усилив политический смысл прежних обвинений в адрес сторонников «метода психологизма», ведущего к игнорированию классового подхода к человеку, «к идеалистическим ошибкам, забвению важнейших практических задач реконструктивного периода» и т. п. (О творческом методе пролетарской литературы. Декларация, оглашенная т. Вишневым на областной конференции РАПП от имени 16 литкружков // *ЛГ.* 26 мая. С. 2). Позицию оппонентов руководства РАПП на ленинградской конференции поддержал журнал «Печать и революция», отметив в редакционной статье, что «целиком и полностью» поддерживает «меньшинство» (На переломе (К итогам конференции ЛАПП) // *Печать и революция.* 1930. № 5–6. С. 13), и напечатав в майско-июньском номере журнала цикл статей на тему грубейших политических ошибок, допущенных теоретиками «так называемого психологического реализма», который «может объективно привести не к созданию классово-действенной актуальной литературы борющегося класса, а в лучшем случае — к беспартийной литературе...» (*Камегулов А.* Письмо к товарищам // Там же. С. 38), но чаще приводит в «идеалистическое болото», выход из которого лишь один: «...болезнь надо душить в зародыше, мы

сторонники радикальных методов лечения...» (*Гельфанд М. К критике творческой платформы напостовства*) (Там же. С. 61, 68).

После майской конференции оппозиция заявила о себе как о самостоятельной литературной группе в пролетарской литературе, а в августе определилась с названием — «Литературный фронт»; до этого во всех документах ВАПП/РАПП и статьях оппозиционеры именовались «напостовским меньшинством», с весны 1930 г. — «блоком», «левым блоком», «беспринципным блоком» (*Либединский Ю. За большевизацию ЛАПП // ЛГ. 1930. 12 мая. С. 2*). Дискуссия продолжалась все лето и осень и закончилась в ноябре. Группа «Литфронт» была распущена в конце 1930 г.; 29 декабря «Литературная газета» напечатала статью Ю. Либединского «О моих ошибках в статье “Художественная платформа РАПП”» (см.: *Шешуков С. Неистовые ревнители. Из истории литературной борьбы 20-х годов. М., 1970. С. 273–292; Быстрова О., Кутейникова А. «Литературный фронт»: хроника противостояния // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 2. М., 2012. С. 789–813*).

Статья Платонова написана в июле 1930 г., когда противостояние двух лагерей внутри РАПП достигло наивысшего напряжения, что нашло яркое отражение в выступлении А. Безыменского на XVI съезде ВКП(б) (26 июня – 13 июля). Безыменский участвовал в предсъездовской кампании, опубликовав в «Правде» стихотворение «Мамаево побоище», посвященное разгрому всех представителей «правых», сомневающих в выбранном партией темпе индустриализации (Правда. 15 июня. С. 2), в дни съезда в «Правде» (5 июля) печатается его стихотворное разоблачение М.П. Томского и т. п. В своей речи Безыменский призвал участников партийного съезда обратить внимание на «опасности, которые существуют не только вне, но и внутри пролетарской литературы», и на повесть Либединского, которая «сигнализирует большую опасность для пролетарских писателей скатиться к интеллигентскому психокопанию» и т. п. Прозаическая часть речи завершилась «поэтическим рапортом о положении в пролетарской литературе». Эмоциональный, прерываемый аплодисментами «поэтический рапорт» представлял собой текст, который соединял восхваление генеральной линии партии («Товарищ съезд! / Я работник РАППа, / Но я прежде всего большевик. / Большевик — / он вилять не привык!») с обличением ее врагов и перемежался прозаическими вставками из статей «отступника» и «троцкиста» А. Воронского, выступлений Ю. Либединского и других идеологов художественной платформы РАПП: «А писатель / родной без сомненья / Нам в “Рождение героя” принес / расслонявленные / размышленья / Над проблемою женских волос. / *Голоса*: Правильно! (*Аплодисменты всего съезда*). / А иные / честнейшие сознались, / Говоря о других и себе, / Что, мол, / действенный САМОАНАЛИЗ / Нам дороже, / Чем преданность борьбе. <...> Знай нас, Партия наша! Веди нас! / Наше слово тебе / и сердца! / Мы / за боевую партийность / Будем биться / до конца. <...> (*Бурные аплодисменты*)» (Выступление тов. Безыменского // Правда. 1930. 6 июля. С. 4; ЛГ. 10 июля. С. 3; К. *нр.* 5 июля. С. 3. Под заглавием «Рапорт XVI съезду»). Выступления на партийном съезде от руководства РАПП В. Киршона и А. Серафимовича не имели такого отклика, как речь Безыменского. После партийного съезда

руководство РАПП принимает обращение «Ко всем членам РАПП» (ЛГ. 25 июля. С. 2) с призывом к консолидации пролетарской литературы; начинается новый этап выяснения отношений, в газетах и журналах печатаются письма членов РАПП, областных писательских организаций (см.: *Пир С., Трифонов Н.* Два фронта борьбы в литературе. На новом этапе творческой дискуссии в РАПП // *К. пр.* 29 авг. С. 2–3; 30 авг. С. 2).

С. 324. *За временный технический недостаток — беззвучность — кино было некогда прозвано Великим Немым ~ хотя кино и заговорило... — «Немым» кино было недолго, уже в 1927 г. в Америке кино «заговорило» (кинокартина «Певец джаза»), и началась эпоха звукового кино. В СССР звуковое кино разрабатывалось в специальной лаборатории звукового кино, созданной в 1928 г. на базе Всесоюзного электротехнического института, вопросы звука в кино широко обсуждались в среде советских кинематографистов; в 1928–1929 гг. проходили дискуссии о звуке в кино, о месте звука в монтажной фразе, о монтаже как ядре эстетики немого кино и о будущем «звуковой фильма»; регулярно сообщалось о начале съемок «первой советской звуковой художественной фильма» (см.: *Кауфман Н.* Звучащее кино // *МГ.* 1929. № 20. С. 68–69; О работе звукового отделения Ленинградской кинофабрики // Печать и революция. 1930. № 5–6. С. 129–130).*

*...большинство картин ничего не говорит напряженному сознанию современного человека — они немые абсолютно, а не технически. — С началом 1930 г. вопрос кризиса в современной кинематографии широко обсуждался на совещаниях в Совкино и в печати. Положение признавали «угрожающим», указывалось на «чрезвычайное отставание кинематографии от требований и запросов партии и государства»: «Реконструкция — сама по себе, кинематограф — сам по себе» (*Лебедев Н.* Кино в реконструктивный период (В порядке постановки вопроса) // *Правда.* 1930. 2 марта. С. 5). Резко снизилось количество выпускаемых фильмов; приводились впечатляющие цифры: за первый квартал 1929/30 г. запрещено в Совкино — 55% сценариев, в Восток-кино — 55%, в Межрабпом-Фильм был представлен лишь один сценарий, и тот забракован (см.: За реконструкцию советской кинематографии [Ред. статья] // *На лит. посту.* 1930. № 2. С. 2–3). На самых разных совещаниях постоянно говорили о «кинохалтуре» и констатировали очередной сценарный кризис (большинство сценариев отклонялось Главреперткомом из-за их тематики): «Самой характерной и общей чертой для всей советской кинопродукции за последний период, — сказал тов. Бляхин, — является отставание кино от темпов социалистического строительства, отставание от бурно растущих культурных запросов рабоче-крестьянских масс, от запросов и требований промышленности и сельского хозяйства. <...> Кино чрезвычайно поверхностно и неграмотно освещает социально-политические и экономические процессы, происходящие в СССР, обывательски опшляет современную революционную тематику. <...> Кинопродукция прошлого и текущего года имеет также значительные провалы и с формально-художественной стороны. Часть фильм оказалась малодоступной или совершенно непонятной для массового зрителя и в большинстве аполитичной. Значительное количество картин по-прежнему представляет из себя чрезвычайно серую,*

политически малоценную кинопродукцию, что несомненно обеспечивает успех заграничной кинохалтуре» (*Крупнов А.* Кино отстает от темпов и запросов культурной революции. На докладе т. Бляхина в президиуме Главискусства // *ЛГ.* 1930. 12 мая. С. 1; см. также: *Михайлов А.* Воинствующая ограниченность (Уроки одной кинодискуссии) // *На лит. посту.* 1930. № 3. С. 56–62). Подробно об отношении Платонова в 1930 г. с современной кинематографией см. вступит. статью к разделу «Сценарии», с. 733–736 наст. изд.

...создание таких маточных мест социализма, как Магнитогорско-Кузнецкий комбинат... — Речь идет о двух крупнейших металлургических заводах — Магнитогорском и Кузнецком; их строительство входило в пятилетний план развития промышленности, в котором на первом месте стояло создание в стране тяжелой промышленности, так как «без развития тяжелой промышленности мы не можем построить никакой промышленности, не можем провести никакой индустриализации» (*Сталин И.* Год великого перелома // *Сталин, 12.* С. 121). Образ из повести «Котлован» («маточное место для дома будущей жизни», см.: *Сочинения, 4(1).* С. 117) используется для обозначения высокого статуса Магнитогорско-Кузнецкого комбината, о котором много писалось в предсъездовской периодике; см.: заводы «представляют собой решительный сдвиг вперед по пути создания мощной металлургической базы на Востоке, строятся в буквальном смысле в глуши, где нет не только промышленного пролетариата, но вообще нет вблизи населенных центров»; «в 1932/33 году должны дать одну треть намеченной к этому времени выплавки чугуна всего Советского Союза», заводы «являются центральным местом нашей пятилетки и одной из основных предпосылок осуществления ее» (*Бирман С.* Все силы на постройку новых металлургических гигантов // *Правда.* 1930. 8 июня. С. 2. См. там же: На строительстве двух гигантов. Магнитогорскстрой и Кузнецкстрой [Ред. статья] // 21 июня. С. 1). Об этих заводах также шла речь в докладе Сталина на XVI съезде ВКП(б), подчеркивалось, что 1930 г. проходит «под знаком превращения нашей страны из аграрной в индустриальную», а будущие металлургические заводы являются «базой», на которую «опирается» не только вся промышленность, но и все народное хозяйство страны: «Этой базой должен быть Урало-Кузнецкий комбинат, соединение кузнецкого коксующегося угля с уральской рудой» (*Правда.* 29 июня. С. 4; *Сталин, 12.* С. 324). Сразу после съезда разворачивается движение в поддержку строительства «нового гиганта», газеты сообщают об ударных бригадах, отправляющихся в Магнитогорск, о обязательствах Магнитогорскстроя не снижать темпа строительства и т. п. См. рубрики в «Комсомольской правде»: «Лучшие бригады — новому гиганту», «Опыт Сталинградского тракторного — Магнитогорскстрою», «Лучших — в Магнитогорск» (8 июля. С. 3); «Рождение гиганта», «К 1 октября 1931 г. задымят первые домны Магнитогорска» (14 июля. С. 3) и др.

...социалистическая, всемирная, вековая литература не может создаваться интеллигентски-парцеллярным способом. — То есть старым способом, индивидуальным, характерным для прошлого (в экономике — когда доминировало мелкое раздробленное крестьянское хозяйство, от фр. *parcelle* часть, частица). Здесь и далее развиваются идеи «производственничества», изложенные Платоновым в статье «Фабрика литературы» (подробно об этом

см. примеч. к статье: *Сочинения*, 2. С. 361–362, 768–769); в 1929 и 1930 гг. идеи «производственничества» обретут новую жизнь в движении писателей на фабрики, заводы и в колхозы: «Писатель вынужден был выйти из своего кабинета и принять участие в непосредственной жизни производства» (*Перцов В.* Писатель на производстве // *На лит. посту.* 1930. № 23–24. С. 9. Подробно см. вступит. статью к коммент. тома: *Сочинения*, 4(1). С. 356–359).

С. 325. Но оглушение иногда происходит и по другой причине. А именно — от излишнего оглашения («Рождение героя» и «Выстрел»). — Именно на этих двух произведениях противоборствующие лагеря весь 1930 г. доказывали, с одной стороны, порочность идеологической платформы и художественного метода друг друга, с другой — свою верность диалектическому методу и главным лозунгам реконструктивного периода.

Роман Юрия Либединского «Рождение героя» печатался в журнале «Октябрь» (1930. № 1–2; отдельное издание: *Либединский Ю.* Рождение героя. ЛАПП–Прибой, 1930). В романе нашли художественное воплощение основные положения художественной платформы ВАППа, прежде всего, теория «непосредственных впечатлений» и «живого человека». Развитие сюжета в романе и начинается с описания «непосредственных впечатлений» главного героя как самых истинных и не зависящих от его сознания и классовых взглядов: старый большевик Степан Григорьевич Шорохов, вдовец, отец четверых детей, начальник одного из партийных учреждений, весной влюбляется в свою свояченицу комсомолку Любу — младшую сестру умершей жены Наташи, и эта власть весны и тела, «немые побуждения тела, освобождающегося от контроля рассудка» (*Либединский Ю.* Рождение героя. Л.: ЛАПП–Прибой, 1930. С. 11), «мучительная и бессмысленная сила» любви полностью поглощают его, а сознание героя не в силах справиться с нахлынувшей на него страстью; он сходится с юной Любой, затем женится на ней — вопреки голосу разума, воспоминаниям об умершей жене и совести (дети) и т. п. Описание нравственных и идеологических мучений Шорохова составляет основное содержание романа; именно через мучительный самоанализ Шорохов приходит к пониманию ошибочности своего поступка и расстается с Любой, которая к тому же оказывается, в отличие от ее старшей сестры партийки Наташи, чистой мещанкой. В конце романа мы видим Шорохова «новым, только что родившимся» человеком.

Критики «блока» рассматривала роман «Рождение героя» как ярчайший пример произведения, в котором проявились все идеологические пороки художественной платформы РАПП и рекламируемого Либединским творческого метода пролетарской литературы; писатель последовательно обвинялся в том, что он отказался рассматривать человека «в общественно-классовом разрезе» и впал в зависимость от толстовской идеи самосовершенствования и поиска гармонии между чувством и сознанием: «В стране идет “последний и решительный бой с русским капитализмом”. В движении приведены десятки миллионов людей. История лепится в их руках. Дни, месяцы и годы доведены до предельной емкости... А где-то вдалеке — и в стороне — задумчиво шагает советский писатель, весь погруженный в разрешение “проблемы молодой свояченицы”, сосредоточенно расставляющий в разных бытовых комбинациях несколько “живых людей”, заслонивших от него эпоху,

величайшую в истории человечества. И нас хотят уверить, что это столбовая дорога пролетарской литературы!» (*Костров Т. Рождение героя? // ЛГ. 1930. 24 марта. С. 2*); «Самый метод психологического реализма (один из возможных, конечно, методов работы пролетписателя) необходимо отодвинуть на задний план, как метод, наименее пригодный для задач “обслуживать” настоятельные сегодняшние нужды классовой борьбы пролетариата. Творческая практика психологизма доказала это непрерываемо (“Тихий Дон”, “Последний из Удэге”, “Рождение героя”»)» (*Безыменский А. О творческой установке // ЛГ. 1930. 14 апр. С. 2*); «Все вопросы он сводит к проблеме душеустройства раздираемого надвое интеллигента, к проблеме гармоничного человека. Интеллигентское душеустройство — такова в конечном счете проблема всех проблем “Рождения героя”. Самоощупывание, самообнюхивание, самовыслушивание терзаемой противоречиями души — этим, собственно говоря, занимается Либединский на всем протяжении своего романа» (*Том Л. Непрожеванный Гегель // Там же. С. 2*); «путанный quasi-пролетарский роман» (*Тарасов-Родионов А. Мертворожденный герой // Там же. 21 апр. С. 3*); «Показ душеустраивающегося интеллигента — таков удел попутничества» (*Бек А. «Зло огромное» // К. пр. 1930. 6 мая. С. 4*); «Такой подход законен с точки зрения художника-идеалиста, но нетерпим, совершенно нетерпим для материалиста-диалектика» (*Мазнин Д. «Рождение героя» и наш метод (Против идеалистических тенденций в творческом методе пролетарской литературы) // На лит. посту. 1930. № 13–14. С. 90*). Художественный метод Либединского квалифицировался критиками «блока» как «неправильный метод», тяготеющий к методу таких «психологистов», как Вс. Иванов и Л. Леонов (*Кикодзе Пл. Рождение большевика (О новом романе Ю. Либединского «Рождение героя») // К. пр. 13 апр. С. 3*); «метод статического психологизма», «метод изошренного в себе копания», основной порок которого виделся «в непонимании диалектики единства субъекта и объекта» (*Горелов Ан. Литературная робинзонада // Ленинградская правда. 22 апр. С. 4*). Критические замечания в адрес романа не раз звучали и от близкой Либединскому критики. Так, В. Ермилов, ведущий разработчик концепции «живого человека», ошибкой Либединского считал не саму линию Шорохова, а то, что «“любовная” линия, долженствующая, как бытовая тропинка, вести к главной широкой дороге — к детской проблеме, на которой вскрывается несостоятельность и вредность старой семьи, — эта боковая тропинка разрослась и расширилась так, что она затрудняет восприятие замысла» и «читатель начинает воспринимать “любовную” линию если не как самодовлеющую, то почти как равноправную...» (*Ермилов В. «Рождение героя» Ю. Либединского // На лит. посту. 1930. № 12 (июнь). С. 24*).

Пьеса ведущего комсомольского поэта А. Безыменского «*Выстрел*» начала печататься фрагментами в «Комсомольской правде» (см.: *К. пр. 1929. 13 авг. С. 3*); в феврале журнал «На литературном посту» сообщал, что А. Безыменский закончил пьесу «*Выстрел*» для театра Вс. Мейерхольда (Над чем работают писатели // *На лит. посту. 1929. № 3 (февр.). С. 77*; см. также об окончании работы над пьесой: Над чем работают писатели // Там же. 1929. № 11–12. С. 114). В течение всего 1929 г. «Литературная газета» анонсировала работу Безыменского, первой сообщила, что поэт закончил комедию

в стихах «Выстрел», и дала высокую оценку идеологической актуальности и новаторской форме пьесы (см.: Новые пьесы. «Выстрел» А. Безыменского // ЛГ. 1929. 3 июня. С. 3). Полностью комедия «Выстрел» опубликована в журнале «Молодая гвардия» в 1929 г. (№ 15–17), отдельное издание (*Безыменский А. Выстрел. М.—Л.: ГИЗ, 1930*) вышло в декабре 1929 г. (см.: Вышли из печати // ЛГ. 1929. 16 дек. С. 4).

Комедия «Выстрел» посвящена борьбе, развернувшейся на одном предприятии, в трамвайном парке, между ударной комсомольской бригадой и оппозиционерами всей мастей: старыми городскими и троцкистами, входящими в партком предприятия современными «правыми уклонистами», «загримированными кулаками», бюрократами, вредителями и шпионами; пьеса пронизана текущей современностью, прямыми отсылками к лозунгам о самокритике, призывам к выявлению правых уклонистов на местах и т. п.

Уже в конце 1929 г. «Выстрел» был поставлен в театре Вс. Мейерхольда, музыку к спектаклю написал Д. Шостакович (см.: «Выстрел» в Гостеатре им. Мейерхольда // ЛГ. 1929. 23 дек. С. 4) и в ленинградском ТРАМ; было выпущено специальное издание пьесы для всех театров рабочей молодежи. О постановках «Выстрела» писали ленинградские и московские газеты и журналы, театральным постановкам комедии посвящены статьи в ноябрьских и декабрьских номерах журнала «Жизнь искусства»; отзывы были восторженны: «Если появление “Выстрела” в печати есть победа пролетарской литературы, то постановка пьесы у Мейерхольда и в Ленинградском ТРАМе — это победа революционной и пролетарской (ТРАМ) драматургии» (*Горбачев Г. Победа революционного искусства // Жизнь искусства. 1929. № 52. С. 6–7*); «Автор сам назвал своего врага: “Выстрел” беспощадно бьет по застаревшим принципам бытового психологического театра, противопоставляя ему жанр идеологической драмы нашего времени» (*Блюменфельд В. В борьбе за идеологическую драму («Выстрел» Безыменского, полемика вокруг него и спектакля Мейерхольда) // Там же. С. 8–9*); «“Выстрел” явление не столько театральное, сколько политическое. “Выстрел” бросил на сцену огонь и порох классовой борьбы, которая развертывается сегодня. <...> На советской сцене этот спектакль — один из самых действенных спектаклей. Театр Мейерхольда стал огромной электростанцией, которая питает массы током ненависти ко всему, что мешает проводить генеральную линию партии и строить социализм. Зритель уносит из театра могучий заряд пафоса и воли к борьбе и строительству. <...> ...Мы слышим незабываемый призыв к классовой бдительности» (*Киш Г. «Выстрел» и его эхо. Заметки зрителя // К. пр. 1930. 22 янв. С. 5*. См. также о постановках пьесы в театрах Пролеткульта Иваново-Вознесенка: *Марков Н. Рабочий зритель о «Выстреле» // Там же. 1930. 10 янв. С. 5*). Газета «Правда» назвала пьесу Безыменского «выдающимся событием не только театральным, но и литературным»: «Пьеса смелого захвата материала и смелого анализа»; «богатый рабочий типаж», «тепло показан крепкий партиец Граевский», «живая ударная пьеса» и т. п. (*Попов-Дубовский В. «Выстрел» и «Командарм 2» // Правда. 1930. 19 марта. С. 4*). Высокую оценку «Выстрелу» дала комсомольская критика, развернув подготовку к проведению большого диспута о «Выстреле» в Политехническом музее (см.: *К. пр. 1930. 15 марта. С. 3*).

Анализу пьесы посвящена большая статья критика Комакадемии и одного из ведущих теоретиков «блока» И. Беспалова «“Выстрел” и цель. О пьесе Безыменского», в которой объяснялась специфика жанра пьесы — публицистическая сатира, говорилось об актуальности и политической значимости выхода в свет «Выстрела»: «Автор говорит прямо и открыто о своих политических тенденциях. Тезисы пьесы не только развертываются в образах, но и доказываются последними. Эта особенность поэтического акта, откровенность политической тенденции не недостаток пьесы, а свойство ее жанра. В наше время, когда литература ползучего бытовизма, пересказывающая жизнь, но не осуждающая и не поднимающая ее, провозглашается как норма художественности, пьеса Безыменского — свидетельство того, что есть нормы, не нормы пассивного созерцания и ложного объективизма, а нормы активного вмешательства в жизнь» (МГ. 1929. № 21 (ноябрь). С. 73). Похвалив пьесу за то, что ее рационалистичность освобождает писателя «от необходимости мотивировки подсознательным поведением героев» и приводит «к четкой расстановке людей и их действий в произведении», критик не мог не заметить последствий метода Безыменского, когда рационалистичность оборачивается мертвой схемой: «К сожалению, этого не избежал и Безыменский. Действующие лица выступают у него героями и злодеями не в силу логики действий и обстоятельств, не в силу внутренних законов пьесы, а благодаря рационалистическому предписанию. Злодеи сами свидетельствуют о своем отчаянном вредительстве, герои самоуверенно провозглашают свое превосходство» (Там же. С. 74). Но это критическое замечание оправдывалось выбранным жанром и тем, что пьеса «тов. Безыменского острополитическая» (Там же. С. 74–75). Как отмечали оппоненты, Беспалов склонен недостатки «Выстрела» признать достоинствами и не замечать, что борьба Безыменского с психологизмом ведет к «схематическому упрощенству», «комсомольскому авангардизму» и «чацкизму»: «...светлый коллективный образ передовика-комсомольца в окружении пошлости и пошляков, травящих бригаду, в окружении “звериных харь”. <...> Тов. Безыменскому явно не хватает диалектики, умения мыслить конкретно. Он склонен мыслить антитезами: здесь — светлые комсомольцы, там — темные пошляки; здесь — сознательные рабочие, там — несознательные рабочие, здесь — “да”, а там — “нет”...» (Ермилов В. О настроениях мелкобуржуазной «левизны» в художественной литературе // *На лит. посту*. 1930. № 4. С. 10–11. См. также: Селивановский А. Оппортунизм под «левой маской» // Там же. 1930. № 1. С. 22–32).

Они напечатаны на двух сторонах одной монеты, как нигилизм и гуманизм (совершенно правильная и диалектическая фраза т. Авербаха). — Отсылка к следующему определению из статьи Л. Авербаха «О целостных масштабах и частных Макарах»: «Нигилизм — это <...> оборотная сторона медали, имеющей на своей лицевой стороне “гуманизм”» (Октябрь. 1929. № 11; Правда. 1929. 3 дек.; подробно об этом см. примеч. к рассказу «Усомнившийся Макар», с. 530–532 наст. изд.). Нигилизм в данном высказывании относится к пьесе Безыменского, а гуманизм — к роману Либединского.

Один рабочий человек, прочтя «Рождение героя», объяснил тему сочинения лучше и резче Радека... — Привлечение рабочих заводов к оценке

произведений современных писателей отвечало программным положениям как РАПП, так и их оппонентов. Эта установка была близка А. Платонову, что нашло отражение как в данной статье, так и в других его произведениях. Суждения рабочих о романе Либединского приведены в статье рабочего В. Наливакина о диспуте, проходившем в 12 мая в Ленинградском Доме печати: «...я, рабочий Ижорского завода, с высокой кафедры Ленинградского Дома печати открыто заявил, что нам “Рождение героя”, каким он родился у т. Либединского, не надо; нам надо, чтобы родился такой герой, где бы мы видели непосредственно в данной обстановке самого себя». В статье приводятся суждения и других участников диспута: «...один рабочий выразился так: <...> Я прочел о грязной жизни партийца Шорохова <...>. Прочел я просто о случае с одним коммунистом, который стоит в стороне от борьбы и социалистического строительства». И резюме автора статьи, представляющего рабочую критику: «И я смотрю, прав рабочий, потому что рабочий хочет видеть сейчас то, за что он борется, на что он отдает все свои силы, чтобы преодолеть все трудности, стоящие на его пути. А тут на пути вам “Рождение героя” — Юрия Либединского. Читай и наслаждайся психологическим реализмом, — перерождением психологии “коммуниста”. <...> Так вот, т. Либединский, ваш роман до рабочего не дошел и ваша формулировка не оправдана» (*Наливакин В.* Опять и еще о «Рождении героя» // *ЛГ.* 1930. 9 июня. С. 2).

Радек Карл Бернгардович (1885–1939; репрессирован) — партийный деятель, публицист, активный участник партийных и литературных дискуссий 1920-х гг.; в декабре 1927 г. исключен из партии как сторонник Л. Троцкого и сослан; в 1929 г. публично «отмежевался» от Троцкого, вернулся в Москву. Речь идет о его статье в газете «Известия». Статья посвящена роману Либединского «Рождение героя», в теме и содержании которого Радек усмотрел «грозное предупреждение» и идеологическую опасность для всей пролетарской литературы. Статья написана в дни партийного съезда, проникнута его пафосом побед в реконструктивный период и, безусловно, учитывает поддержку «Правдой» Безыменского: «Живем мы во время, наиболее напряженное, наиболее насыщенное содержанием — после Октябрьской революции и гражданской войны. <...> Не было еще никогда в истории человечества перелома, подобного тому, который должен совершиться в мышлении и жизни крестьянских масс, когда они решаются перейти от своего карликового хозяйства к коллективному. <...> Писатели пытаются понять и изобразить тот великий труд мысли, который должен был проделать Петр Великий, чтобы решиться на путешествие из Московской Византии в Голландию. Где художник, который изобразит путешествие нашего крестьянина из средневековья в страну коллективизации? В промышленности мысль бьется над громадными строительными планами их осуществления. Миллионы новых рабочих приходят из деревни в город, где должны переплавляться в фабричном котле из крестьян в промышленных пролетариев» и т. п. (*Радек К.* Опасный симптом (Заметки читателя) // *Известия.* 1930. 4 июля. С. 4). В этом политическом контексте роман «Рождение героя» с доминирующей в его содержании «половой проблематикой» рассматривается Радеком как рецидив знаменитой и скандальной «санинщины» (по названию

широко обсуждаемого в 1910-е гг. романа М.П. Арцыбашева «Санин») и оценивается «с точки зрения общественной» как вредное произведение. В заключение статьи Радек отмечает проявившийся в дискуссии о творческом методе пролетарской литературы «симптом опасной болезни, переживаемой нашими литературными кругами»: распад на группы и «групповую и кликовую солидарность», проявившуюся в некритическом отношении к роману близкой к Либединскому критики, занятой не самокритикой, а «смешной попыткой втирания очков» — объявлением абсолютно «мещанской книги» образцом для пролетарской молодежи: «Против этого должны ополчиться все, кому действительно дорого развитие нашей пролетарской литературы» (Там же).

С. 326. *Социальная вредность «Выстрела» не так ясна, но это потому, что в «Выстреле» нет населения ~ надо иметь неослабный корректив своим чувствам в массах людей.* — Данная оценка напрямую корреспондирует с оценкой пьесы «Выстрел», представленной в коллективном отзыве кружка рабочей критики «Рост». В начале отзыва сказано, что комедия «Выстрел» является «нужным произведением пролетарской литературы», отмечены такие ценные ее качества, как «актуальность, политическая заостренность и выдержанность», однако далее практически весь отзыв составляют серьезные возражения и жесткие оценки произведения Безыменского: «Вместе с тем мы должны отвергнуть стремление Безыменского провозгласить творческий метод “Выстрела” столбовой дорогой пролетарской литературы. Генеральная творческая линия пролетарской литературы реконструктивного периода еще не найдена нашими художниками, в том числе Безыменским. Основной порок “Выстрела” заключается в том, что идеи, выражаемые поэтому, не настолько глубоко проникли в его плоть и кровь, чтобы он мог выражать их именно, как художник, чтобы он сумел воплотить их в полнокровные художественные образы. Действующие лица “Выстрела” являются не живыми образами, а ходячими схемами, афоризмами и монологами на двух ногах. Особенно неудачны образы рабочих, получившиеся на редкость бесцветными. Пролетарский коллектив дан как сплошная, одноликая, серая масса. <...> В комедии явно чувствуется художественное влияние “Горе от ума”, и речи передовых рабочих напоминают часто монологи современного ком-Чацкого в каком-нибудь советском салоне. Порочность творческого метода “Выстрела” заключается в том, что писатель исходит не от сложного многообразия реальной действительности, а от рассудочной схемы: это, в частности, сказывается в отрицании сложности внутренней жизни человека, в изображении его, как голый мыслительной машины. Художественная неудача “Выстрела” очень поучительна в том смысле, что она лишний раз подтверждает необходимость овладения методом диалектического материализма (свободного и от “психокопания”) и от рассудочного схематизма), который является единственно правильным творческим методом пролетарской литературы» (Рабочие обсуждают // ЛГ. 1930. 24 марта. С. 3). В примечании «От редакции» отмечается, что она «не согласна с рядом положений отзыва». В этом же разделе ЛГ, где напечатан отзыв рабочих, — «В спорах о творческом методе пролетарской литературы. На комсомольском диспуте о “Выстреле”»,

в основном представлены положительные оценки пьесы Безыменского (Ф. Кона, В. Маяковского, Б. Ольхового).

РЕДАКЦИИ

ЧЕ-ЧЕ-О (Областные организационно-философские очерки) (с. 329). — Новый мир. 1928. № 12. С. 249–258. Под названием: «Че-Че-О (Областные организационно-философские очерки)». Подпись: *Андрей Платонов, Бор. Пильняк.*

Авторская датировка: 20 сентября 1928 г.

Печатается по *НМ* с исправлением опечаток и ошибок (см. об этом с. 474 наст. изд.).

<ПРОТИВ ХАЛТУРНЫХ СУДЕЙ> (с. 344). — *Страна философов*, 2003. С. 721–722. Публикация Н. Корниенко.

Датируется первой половиной октября 1929 г.

Печатается по автографу (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 383. Л. 1–4 об.).

<ФРАГМЕНТЫ РАННЕЙ РЕДАКЦИИ ПЬЕСЫ «ШАРМАНКА»> (с. 346). — Публикуется впервые.

Датируется концом 1930 г.

Печатается по автографу (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 239. Л. 23 об., 26, 33 об. – 34, 35, 39–39 об., 41, 41 об., 44, 45, 45–45 об., 47, 50).

<НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЙ ФРАГМЕНТ> «ВСТ<АВКА> В “ШАРМАНКАУ”» (с. 350). — *Архив*, 1. С. 246–248. Публикация Н. Дужиной.

Датируется 1931 г.

Печатается по автографу (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 239. Л. 103–104).

ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ (с. 353). — Современная драматургия. 1984. № 3. С. 163–181. Публикация М. Андр. Платоновой.

Датируется временем не ранее середины июня 1932 г.

Печатается по составной рукописи (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 245. Л. 1–50).

<ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ> ДЕЙСТВИЕ IV (с. 385). — Публикуется впервые.

Датируется концом мая 1932 г.

Печатается по автографу (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 244. Л. 1–54).

НАБРОСКИ

НАУКА, ТЕХНИКА И МАСТЕРСТВО (с. 401). — Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Библиографии. СПб.: Наука, 1995. С. 225–227. Публикация Е. Колесниковой.

Датируется 1929 г.

Печатается по автографу (ИРЛИ. Ф. 780. Ед. хр. 16. Л. 1–4).

Текст написан фиолетовыми чернилами на листах из общей тетради в клетку с красным обрезом (внешние углы листов закругленные); запись на одной стороне листа.

С. 401. *В деревенской жизни, как известно еще со времен Маркса, много идиотства.* — Аллюзия на широко известное выражение из «Манифеста коммунистической партии» (см. примеч. к пьесе «Шарманка», с. 667 наст. изд.).

Пугавкин — Эту же фамилию носит один из персонажей рассказа «Московское общество потребителей литературы» (1927; см.: *Сочинения*, 2. С. 261–266), представленный там как «изобретатель сернокислового водорода».

Станки, каждый из которых производит одну какую-нибудь деталь машины, следует поставить по хатам крестьян... — Отголосок идеи подобной организации производства см. в рассказе «Усомнившийся Макар»: «Пуškai бы лучше дома работали, а харчи можно по дворам гужом развозить!» (наст. изд., с. 47).

С. 402. *...проект использования торфа на болоте...* — Тема модернизации торфоразработок представлена также в очерке Платонова «Вольтова дуга» (см. с. 101–103 наст. изд.).

...нефтяные двигатели Дизеля... — Дизель Рудольф Кристиан Карл (1858–1913), немецкий инженер и изобретатель, создатель двигателя, получившего по его фамилии наименование дизельного.

<НАБРОСКИ В ТЕТРАДИ. 1929–1930>

Публикуемые наброски написаны на листах общей тетради в линейку; большая часть этих листов хранится внутри твердой обложки-переплета данной тетради (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 54). Хотя обложка с прилегающими форзацами сохранилась, все листы утратили как соединение с ней, так и свой первоначальный порядок. Архивная нумерация, проставленная формально, без внимания к различию сюжетов набросков, закрепила неверное расположение разъединенных и перепутанных листов тетради.

Тетрадь была изготовлена государственным трестом «Київ-друк» так же, как и тетрадь, в которой был выполнен автограф повести «Впрок». Тетради относятся к одной серии и визуально отличаются лишь оформлением обложки. Благодаря гораздо лучшей сохранности тетради со «Впрок» можно установить, что подобные тетради содержали 100 листов — 5 блоков, скрепленных двумя металлическими скрепками, по 20 листов в каждом. Из этого следует, что тетрадь с набросками к настоящему времени утратила около $\frac{3}{4}$ своего первоначального объема. Более детальное изучение обеих тетрадей, включая измерение отдельных параметров, позволяет предположить, что целостность тетради с набросками нарушил сам Платонов. В частности, на вынутых из нее чистых листах (9 двойных листов единым блоком)

была дописана заключительная часть автографа «Впрок». Кроме того, на листах той же тетради был написан очерк «Факт» и экспозиция неосуществленного либретто «Два красноармейца в старых шинелях...» (в настоящее время хранятся отдельно).

Первоначальный последовательный порядок листов, остающихся внутри обложки, для большинства из них возможно установить по движению сюжетов и по результатам выявления разделенных двойных листов: «Изобретатели и аварийцы» (Л. 2, 3, 1), «В осеннее время шли по дороге...» (Л. 4–5), «Ветер-пахарь <1>» (Л. 9, 15–19), «Ветер-пахарь <2>» (Л. 10, 6–8, 11–14, 20). Наброски на л. 4–20 составляют единую тематическую группу; фрагмент «Изобретатели и аварийцы» был написан немного ранее них, а набросок «Макарий Пономарев работал на заводе...» (Л. 21–22) и записи на двух последних листах (Л. 23–24; см. примеч. к наброску «В тюрьму привели человека...», с. 803 наст. изд.), по всей видимости, существенно позднее. На основании этой хронологии набросок либретто, примыкающий к основной группе текстов, но находящийся вне обложки тетради, при публикации помещается перед наброском «Макарий Пономарев...».

На заднем форзаце тетради с набросками (Л. 25) Платонов для удобства работы воспроизвел 15 записей из своей записной книжки (см.: *Корниенко Н.В.* Киносценарии в творческой истории «Котлована» // *Котлован*. С. 337–338). Две из них использованы затем в наброске «Ветер-пахарь <1>» и в экспозиции либретто «Два красноармейца в старых шинелях...» (см. ниже с. 800, 802 наст. изд.), одна — в очерке «Факт» («Как же толстый арбуз может расти на тонкой жилке»). Как известно, Платонов зачеркивал подобные записи, найдя им применение в каком-либо своем тексте. На форзаце зачеркнуты записи, использованные в текстах, находящихся на данный момент вне тетради с набросками, — экспозиции либретто и очерке «Факт».

Большая часть набросков, включая экспозицию либретто, посвящена поиску подходов к теме имущественного расслоения в деревне, еще не подвергающейся активной коллективизации, и осмыслению возможностей изменения ситуации путем внедрения каких-либо технических изобретений. В качестве главного действующего лица выступает красноармеец, прибывший в армии к жизни «в классовом товариществе пролетариата» и не желающий мириться с диктатом кулачества по возвращении домой. От наброска к наброску Платонов подходит к теме строительства «ветроплуга»; в наброске «Ветер-пахарь <2>» эта тема выходит на первый план и даже увязывается с биографией рассказчика.

Очевидно, что замысел подобного произведения о красноармейце утратил свою актуальность самое позднее в ноябре 1929 г., после принятия государственного курса на полную ликвидацию кулачества.

Фамилия главного героя набросков о красноармейце «Силайлов» эпизодически использована позднее в бедняцкой хронике «Впрок»; тема «ветроплуга» реализована Платоновым в рассказе военного времени «Ветер-хлебопашец».

ИЗОБРЕТАТЕЛИ И АВАРИЙЦЫ (с. 403). — *Котлован*. С. 334–335. Публикация Н. Корниенко.

Датируется началом – серединой 1929 г.

Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 2–3).

С. 403. ...изобретателя Уатта... — Джеймс Уатт (1736–1819), шотландский инженер, изобретатель-механик.

«В ОСЕННЕЕ ВРЕМЯ ШЛИ ПО ДОРОГЕ...» (с. 403). — *Котлован*. С. 326. Публикация Н. Корниенко.

Датируется началом – серединой 1929 г.

Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 4–5).

ВЕТЕР-ПАХАРЬ <1> (с. 404). — *Котлован*. С. 328–330. Публикация Н. Корниенко.

Датируется началом – серединой 1929 г.

Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 9, 15–19).

С. 405. — *Дядь, почем угля продавал? — Чартак! — ответил черный человек из своего хворостяного кузова. — Чартак — вероятно, искаженное четвертак, т. е. 25 копеек. В диалоге использована запись из записной книжки Платонова: «— Сколько стоят угля? — Чартак!» (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 8 об.)*. Запись повторена также на форзаце тетради (Л. 25).

С. 406. ...Силайлов долго глядел на сельсоветскую мельницу ~ Бери, если... — Заключительный, вычеркнутый, фрагмент свидетельствует, что далее в произведении планировалось развитие темы «ветроплуга», см. примеч. к наброску «Ветер-пахарь <2>».

ВЕТЕР-ПАХАРЬ <2> (с. 406). — *Котлован*. С. 330–332. Публикация Н. Корниенко.

Датируется началом – серединой 1929 г.

Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 10, 6–8, 11–14, 20).

Незавершенный рассказ представляет собой кардинальную переработку наброска «Ветер-пахарь <1>». Текст содержит значительное количество отсылок к реальной мелиоративной деятельности самого Платонова в первой половине 1920-х гг.

С. 406. ...председатель Воронежского Губисполкома тов. Новиков ~ передал мне модель сложной ветряной мельницы, высотой в полметра. — *Новиков Иван Федосеевич (1887–1938), председатель Воронежского губисполкома в 1921–1922 гг. В апреле 1922 г. воронежский журналист Л. Стальский (Н. Жайворонков) в статье «Что делает губкомгидро» (опубл. 11 апр.) сообщал о деятельности возглавляемой Платоновым губернской комиссии по гидрофикации: «Комгидро постаралось привлечь к работе на пользу мужика не только воду, но и ветер. Уже изготовлена, по замыслу предгубисполкома т. Новикова, модель передвижного американского ветряка, при помощи которого можно будет и пахать, и составы таскать, и всякую крестьянскую работу делать» (Антонова. С. 380). Вслед за Стальским и сам Платонов в статье «На фронте зноя» (опубл. 26 апр. 1922 г.) озвучил планы губкомгидро по сооружению двух универсальных подвижных ветростанций,*

«которые не только будут работать под орошением, но и пахать, но и молотить зерно и вообще обслуживать энергией сельское хозяйство» (*Сочинения*, 1(2). С. 214–215). Описываемая в наброске конструкция «ветроплуга» представляет собой пахотную лебедку, приводимую в действие при помощи ветродвигателя. В советской России сходная идея буксирования плуга, но с помощью электролебедок, установленных по краям поля, была реализована рабочими 1-й Петроградской электростанции в 1919 г. С осени 1920 г. работа по конструированию оборудования для электропахоты велась уже на государственном уровне. Осуществлением плана по изготовлению электропахотных машин занималась Чрезвычайная комиссия по изготовлению электропахотных орудий «Электроплуг». 22 октября 1921 г. на опытном поле с.-х. Академии им. Тимирязева в присутствии В.И. Ленина была произведена показательная пахота восьмилемешным балансирным электроплугом, сконструированным группой инженеров Главсельмаша. Платонов также рассматривал возможность электропахоты в статье «Два плана великих работ» (опубл. 22 июля 1923 г.): «...самую выгодную и легкую пахоту можно устроить так. Работает водная электрическая станция (на реке). Электрическая сила подается по проводам в поле, где электрические лебедки тянут поочередно огромный многолемешный плуг. Выходит дело, река пашет. Это и есть лучшая и самая дешевая пахота» (*Антонова*. С. 645–646).

Только что кончилась война с Польшей... — Советско-польская война 1919–1920 гг. завершилась после ратификации Рижского мирного договора, подписанного 18 марта 1921 г.

С. 408. *Мы читали доклады в залах, где сидели агрономы ~ но агрономы в то время слишком любили лошадей и навоз...* — Столкновения с приверженцами консервативной агрономии являлись одной из составляющих мелиоративной деятельности самого Платонова. См. об этом примеч. к рассказу «Областные организационно-философские очерки», с. 501–502 наст. изд.

Удобрять же поля можно и фосфоритами, которые у нас в Нижнедевицком уезде наружи земли лежат. — Разработка фосфоритов в Нижнедевицком уезде Воронежской губернии входила в планы губкомгидро в 1922 г., о чем Платонов сообщал в статье «Схватка с засухой» (см.: *Антонова*. С. 619–620).

...стали заниматься машинным орошением огородов близ нашего города... — Летом 1922 г. губкомгидро под руководством Платонова осуществляла орошение выделенного ей для этой цели участка, а в 1923 г., уже как отделение гидрофикации ГЗУ, принимала заявки на огородное орошение от населения (см.: *Сочинения*, 1(2). С. 411–412; *Антонова*. С. 385–386, 388, 390, 398).

...мы начали постройку одной деревенской электрической станции... — Очередной отголосок реальной деятельности Платонова в 1923–1926 гг. Самой известной из трех построенных им сельских электростанций являлась электростанция в селе Рогачевка (см.: *Сочинения*, 1(2). С. 466–468; *Антонова*. С. 428–430, 432, 437, 439, 446, 449, 460–462).

«ДВА КРАСНОАРМЕЙЦА В СТАРЫХ ШИНЕЛЯХ...» (с. 409). — *Котлован*. С. 326–328. Публикация Н. Корниенко.

Датируется началом – серединой 1929 г.

Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 1–4).

Текст написан на обеих сторонах листов, вынутых из тетради с набросками, страницы имеют авторскую нумерацию 1–7.

В данном наброске Платоновым использованы записи одной из его записных книжек: «Оч<ерк> (Либр<етто>) 2 демобилизованных кр<асноармей>ца продают свои плетни от бедности»; «Кулаки не давали бедноте воды в колодце» (*Записные книжки*. С. 32–33; *ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 28, 55). Вторая из этих записей присутствует также на форзаце тетради с набросками (Л. 25).

«МАКАРИЙ ПОНОМАРЕВ РАБОТАЛ НА ЗАВОДЕ...» (с. 411). — *Котлован*. С. 335. Публикация Н. Корниенко.

Датируется концом 1929 – началом 1930 г.

Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 21–22).

Прообразом завода, на котором трудится династия Пономаревых, является Паровозоремонтный завод им. Ф.Э. Дзержинского (до апреля 1929 г. — Воронежские железнодорожные мастерские), где большую часть жизни проработал отец писателя П.Ф. Климентов. Пономарев-отец получил имя деда Платонова по отцовской линии — Фирс.

<ПЕРВОЕ МАЯ> (с. 413). — Публикуется впервые.

Печатается по машинописи (*ИРЛИ*. Ф. 780. Ед. хр. 7. Л. 128 об.).

Датируется весной 1930 г.

Вторая страница машинописи неизвестного рассказа на тему коллективизации (начало и конец утрачены) сохранилась благодаря тому, что чистый оборот листа был использован при написании повести «Котлован». По стилю текст напоминает радиорассказы, сочинявшиеся Платоновым для крестьянского радио.

Похожее радиоществие изображено в либретто «Машинист» (см. с. 288 наст. изд.). Размышления на тему радиотрансляции, осуществляемой в движении, зафиксированы также в записной книжке Платонова: «Радиотрансляция <...> по дугам лошадей во время пахоты; у колхозников наушники; на одной подводе везут приемн<ое> трансляц<ионное> устройство БЧН» (*Записные книжки*. С. 29; *ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 13).

ОДИН НА СВЕТЕ (с. 414). — *Вьюгин Ю.* Андрей Платонов: Поэтика загадки. СПб., 2004. Приложение 2.

Датируется весной 1930 г.

Печатается по автографу (*ИРЛИ*. Ф. 780. Ед. хр. 17. Л. 1–1 об.).

Набросок использован при работе над повестью «Котлован» (см.: *Сочинения*, 4(1). С. 69, 71).

«НА ГЛИНИСТОМ БУГРЕ...» (с. 415). — *Архив*, 1. С. 245–246. Публикация Н.И. Дужиной.

Печатается по автографу (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 2. Ед. хр. 43. Л. 1–2).

Датируется весной 1930 г.

Набросок использован при работе над повестью «Котлован» (см.: *Сочинения*, 4(1). С. 69).

С. 415. ...служить в Комитет Уставов ~ в комитетском журнале «Оформление». ~ политики Комитета Согласований... — Данные названия упоминаются в наброске «Смысл жизни (Новелла)», находящемся в составе бумаги автографа повести «Котлован» (ИРЛИ. Ф. 780. Ед. хр. 7. Л. 18 об.): «Смысл жизни. (Новелла). / Сюжет не нов, / Повторено страданье. / Н. Вошиков, 1867 / орган печати [«Форма»] [«Оформление»] «Оформление» / [Комитет стандартов] Комитет уставов / Комитет согласований».

«В ТЮРЬМУ ПРИВЕЛИ ЧЕЛОВЕКА...» (с. 417). — *Котлован*. С. 336–337. Публикация Н. Корниенко.

Печатается по автографу (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 9–10).

Датируется второй половиной 1930 г.

Текст написан на обороте с. 118, 117 машинописи 1-й редакции повести «Впрок».

Персонаж по фамилии Череватов известен как действующее лицо кинематографического очерка «Турбинщики», однако у Платонова возникали и другие замыслы, связанные с этим героем; в частности, записи о Череватове содержатся на листах из тетради с набросками (см. примеч., с. 798–799 наст. изд.). Это список действующих лиц, где данная фамилия, возможно, появляется впервые: «1. [Щеватый] Череватов, лет тридцати. 2. Его товарищ — Люднов. 3. Девушка. 4. Супоев. Время — индустриализация. Место — большой новый советский город, типа Сталинграда, Комбайна и т. п.» (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 24). На другой странице тетради начало первого акта пьесы (большой частью зачеркнуто): «1-й акт. (Камера советского домзака. Четыре кровати заняты заключенными. Пятая свободна. Впускают Череватова). [1-й заключенный. — И ты попал в бочку социализма? / 2-й заключенный. — Ты кто — троцкист, что ль? / 3-й заключенный. — Едва ли. У него на лице сомненья нет, он другой какой-то. / 1-й заключенный. — Наверно, пролетариат обидел, стервец!]

Несколько записей о Череватове обнаруживается в записной книжке Платонова: «Череватов / Люднов / Тюрьма / Люднов»; «Череватов не помнил женщин, но воображал своих детей, и шел по пыли дороги, глядя, как чужие женщины утирают задницы неизвестным детям»; «Без родни, без людей время Череватова делалось бесконечным томлением в природе...»; «Череватов есть на свете! Он — всюду, он — масса!»; «Череватов несколько раз умирал, но оживал»; «Для Череватова всюду враги! — враги по природе и классу»; «У турбины Череватов: — Ты — приличный человек, — сказал [Евсейч] Кузява»; «Череватов — неприятный, вопреки “приятной” традиции»; «Два года или около был Череватов глупым ото всего»; «Череватов — “машина”, в смысле реализма <...>»; «Нужен “Череватов” всему миру, всему коммунизму!»; «Череватов — большевик» (*Записные книжки*. С. 68, 70, 72–75; ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 2, 3–3 об., 8, 13 об., 16, 19, 20–20 об., 22–23). Насколько можно понять, записи о Череватове относятся к разработке

неизвестного произведения, действующими лицами которого являлись также персонажи Жовов, Кузява и Борисевкин.

Видоизмененная на Чреватов, фамилия появляется также в первом варианте 4-го действия пьесы «Высокое напряжение» (см. наст. изд., раздел «Редакции»).

ИНТЕРВЬЮ (с. 418). — Публикуется впервые.

Датируется осенью 1930 г.

Печатается по автографу (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 29 об.).

Набросок выполнен на обороте одного из листов машинописи первой редакции повести «Впрок»; тематически связан с поездкой Платонова в Средневолжский край летом 1930 г. (об этой поездке см. примеч. к очерку «За большевистского счетовода в колхозе!», с. 586–588 наст. изд.).

С. 418. «Джон Диры» — тракторы американского производства (см. примеч. к очерку «По заволжским МТС», с. 607 наст. изд.).

Зябка — Зяблевая вспашка.

КАК КЛАСС (с. 419). — Публикуется впервые.

Датируется 1930 г.

Печатается по автографу (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 4).

С. 419. *Как класс* — выражение из речи И. Сталина на конференции аграрников-марксистов в декабре 1929 г.: «...слоमितь кулачество и ликвидировать его как класс...» (*Сталин И. К вопросам аграрной политики в СССР // Сталин. С. 315*), ставшее лозунгом коллективизации в 1930 г.

...отдел журнала с ликвидационно-прорывочным назначением... — Кампания по ликвидации прорывов на производстве, в которую были включены писатели и работники искусства, проходила осенью 1930 г. Результаты их участия в ликвидации прорывов на производстве освещаются в печати: «Во все концы Союза поехали ударные бригады на ликвидацию прорывов. <...> Спускались в шахты, выступали в избах-читальнях, в полях, выступали в цехах, среди станков, машин, организовывали субботники и сами принимали в них активное участие. Участвовали во всех кампаниях, помогали в выпуске стенгазет, организовывали митинги. <...> Ударники-актеры сами писали материал на местные темы. <...> Результаты бригад — огромны» (*Актеры в бригадах, строящих социализм // Рабис. 1930. № 40. С. 3. Подпись: Молодой*).

...прорывочные явления в литературе нашей... — Ср. речь А. Безыменского на XVI съезде ВКП(б): «Мы сигналим с поста боевого / Где напор большевистский жив, / Что на стройке художественного слова — ПРОРЫВ» (*Речи рапповцев на XVI съезде // На лит. посту. 1930. № 13–14. С. 19*).

Валькирия... Стерветсен... — Два этих имени войдут в состав имени героя пьесы «Шарманка» (конец 1930 – начало 1931 г.): Эдуард-Валькирия-Гансен Стерветсен.

РАЗРУШЕНИЕ ИДИОТИЗМА (с. 420). — Публикуется впервые.
Датируется 1930 г.
Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 1).

ЗАПИСКИ ОРГАНИЗОВАННОГО ЧЕЛОВЕКА (с. 421). — Публикуется впервые.

Датируется 1930 г.

Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 3).

До заглавия наброска на листе вписано и вычеркнуто: «История есть бюрократическое учреждение. Это вне сомнения».

«В 1918–20 ГОДАХ В ОДНОМ ПРОВИНЦИАЛЬНОМ СОВЕТСКОМ ГОРОДЕ...» (с. 422) — Публикуется впервые.

Датируется 1930–1931 гг.

Печатается по автографу (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 2. Ед. хр. 43. Л. 3–4).

Экспозиция произведения на автобиографическую тему, возможно, один из начальных этапов работы над «Техническим романом»; написана на обороте листов машинописи рассказа «Первый Иван». В тексте появляется, но затем вычеркивается фамилия Череватов, известная по сценарию «Турбинщики», наброскам и записям Платонова 1930–1931 гг. (см. примеч. к наброску «В тюрьму привели человека...», с. 803–804 наст. изд.).

С. 422. *В 1918–20 годах в одном провинциальном советском городе существовал железнодорожный политехникум.* — Речь идет о воронежском железнодорожном политехникуме, в котором сам Платонов учился с 1919 по начало 1921 г.

...был похож на ту бурсу, которая описана Гоголем... — Бурса, общежитие учащихся; в России под названием бурсы было известно прежде всего специальное общежитие при Киевско-братском училище, возникшем в 1-й половине XVII в. (впоследствии Киевская духовная академия), позже название бурсы перешло на все общежития при духовных учебных заведениях. Платонов, вероятно, имеет в виду описание бурсаков из рассказа Н. Гоголя «Вий», бурсаками также были Остап и Андрей, сыновья Тараса Бульбы.

...Деникин, Мамонтов, Шкуро — рвались через этот город на Москву... — Перечисленные белогвардейские военачальники А.И. Деникин, К.К. Мамонтов, А.Г. Шкуро имели непосредственное отношение к военным действиям в Воронежском укрепленном районе в 1919 г.

...и он в 1926 году умер в Ленинграде лет двадцати пяти от роду, вероятно от утомления. — Платонов приписывает герою состояние близкое собственному на момент переезда в Москву. Заполняя в июне 1926 г. необходимую для зачисления на должность в ЦК «Всеработземлес» анкету, в графе «Состояние вашего здоровья» он написал «Здоров, некоторое переутомление как результат руководства общественно-мелиоративных работ» (Антонова Е., Аронов Л. Первый год московской жизни А. Платонова // Страна философов, 2003. С. 645).

«СКУДНАЯ ПУСТОШЬ...» (с. 423). — *Архив, 1*. С. 256–258. Публикация Н. Дужиной.

Датируется 1931 г.

Печатается по автографу (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 1–4).

Фрагменты наброска использованы в повести «Ювенильное море» (1932).

С. 423. *Босталоева... Вермо...* — будущие герои повести «Ювенильное море» (1932).

Возвратиться раньше хотя бы фундамента социализма я не могу. — Построение фундамента социализма — задача 1931 г., который назывался «третьим, решающим годом пятилетки» (см. об этом примеч. к пьесе «Шарманка», с. 666).

Является профессор Умрицев ~ Интергом... — Умрицев — один из героев повести «Ювенильное море»; Интергом — имя героини пьесы «14 Красных избушек».

«ОКОЛИЦА УСАДЬБЫ СОВХОЗА...» (с. 425). — *Архив, 1*. С. 259–260). Публикация Н. Дужиной.

Датируется 1931 г.

Печатается по автографу (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 5–7).

Большая часть наброска вошла в повесть «Ювенильное море» (1932).

С. 425. *Умрицев ~ Федератовна...* — Умрицев, Федератовна — будущие герои повести «Ювенильное море» (см.: *Сочинения. 4(1)*. С. 188, 189 и др.).

БЕГЛЕЦ ИЗДАЛЕКА (с. 427). — Публикуется впервые.

Датируется началом 1930-х гг.

Печатается по автографу (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 2. Ед. хр. 46. Л. 1–3).

Набросок выполнен на оборотах первой редакции повести «Впрок».

С. 427. *По Лиговке ходили всемирные женщины, утешительницы всех безнадежных или неорганизованных людей.* — Лиговская улица — одно из наиболее известных «злочных» мест Ленинграда и даже страны: «Лиговка — район хулиганов, проституток и шинкарей в Ленинграде» (*Николаев Н. Почему мы пьем // ЮК. 1929. № 1*. С. 68).

ЧЕЛОВЕК НАШЕГО ВРЕМЕНИ (с. 429). — *Архив, 1*. С. 261–262. Публикация Н. Дужиной.

Датируется началом 1930-х гг.

Печатается по автографу (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 1–1 об.).

Название наброска Платонов использует в 1934 г. для одного из рассказов (с. 123 наст. изд.), в которые он переделает повесть «Ювенильное море» (1932).

«ПРОФЕССОР-ХИРУРГ...» (с. 430). — *Страна философов, 2011*. С. 491–494. Публикация Н. Умрюхиной.

Датируется началом 1930-х гг.

Печатается по автографу (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 265. Л. 1–10).

Материал к датировке наброска представляет школьная тетрадь, в которой выполнен автограф (карандаш). На обложке тетради напечатаны «Задачи», «Формы и средства технической пропаганды среди детей». Эти тексты позволяют установить нижнюю границу датировки фрагмента. Проект постановления ЦК ВКП(б) о технической пропаганде и ее организации был обсужден на заседании Политбюро 5 августа 1931 г. и опубликован через три дня в «Правде». Цитаты из докладной записки Бухарина (напечатанной в том же номере газеты) приводятся на обложке тетради, выпущенной, по всей видимости, к началу учебного года.

Список действующих лиц пьесы и текст наброска свидетельствуют о связи платоновского замысла с темой медицины и авиации. Идея поддержания деятельности сердца с помощью искусственного кровообращения, возникшая еще в XIX в., получила разработку в отечественной медицинской науке в начале XX в. Ученик И.П. Павлова, известный физиолог А.А. Кулябко (1866–1930) в 1902 г. провел серию опытов, при которых восстанавливалось биение сердца, изолированного от умершего организма. У Кулябко было немало учеников и последователей: Ф. Андреев, А. Смирнов, С. Брюхоненко, Н. Терebinский и др. Под руководством С. Брюхоненко (1890–1960) в Московском химико-фармацевтическом институте был изобретен аппарат для искусственного кровообращения — автожектор. Это изобретение дало возможность проводить операции на временно остановленном сердце. Брюхоненко стал основателем новой медицинской дисциплины — реаниматологии.

Статьи об «искусственном сердце» публиковались на страницах массовых литературных, технических и сельскохозяйственных журналов — см., например: *Василевский Л.* Между жизнью и смертью // 30 дней. 1929. № 2. С. 86–87; *Рожанский.* Что такое жизнь (Беседа четвертая) // Путь северокавказского хлебороба. 1930. № 2. С. 16; *Громов А.М.* Борьба со смертью // На досуге. Батрацкий литературный журнал. 1930. № 9. С. 17–18. Медицинские эксперименты этого времени нашли отражение в литературе, например, в научно-фантастических романах А.Р. Беляева.

С. 430. *Апалитыч* — образовано от *Ипполитович*; один из постоянных персонажей ранней прозы Платонова, в том числе герой одноименного рассказа (см. примеч. к рассказу «Апалитыч»: *Сочинения*, 1(1). С. 574–575).

ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ

О МАШИННОМ ПОЛИВЕ ПОЛЕЙ В РАЙОНАХ МТС (с. 435). — Публикуется впервые.

Источники текста:

М1 — машинопись с авторской правкой чернилами и карандашом (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 1–8).

М2 — машинопись с авторской правкой карандашом (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 9–16).

Датируется осенью 1930, 1931 г.

Печатается по *M2* с исправлением опечаток по *M1*.

Статья-проект «О машинном поливе полей в районах МТС» была написана в связи с поездкой Платонова в Средневолжский край летом 1930 г. (об этой поездке см. примеч. к очерку «За большевистского счетовода в колхозе!», с. 586–588 наст. изд.); автограф ее утрачен.

M1 дважды правилась чернилами; первый раз правка была проведена насыщенными черными чернилами, скорее всего, сразу после перепечатки текста. Вероятно, затем статья предлагалась к публикации, о чем свидетельствуют входящий номер и дата на первой странице («№ 1286 3/1–31 г.»). Второй раз правка осуществлялась одновременно с исправлением нумерации страниц с 1–8 на 11–18, жидкими черными чернилами, приобретшими со временем коричневатый оттенок. После второй правки с *M1* была выполнена *M2*, учитывающая все сделанные исправления. Вторая правка имела целью встроить статью в некое произведение о Кашкарове, герое рассказа «Кухонный мужик Советского Союза». По сути, статья была превращена в письмо Кашкарова: текст в целом был взят в кавычки, после заключительного предложения появилось указание «К сему — автор Кашкаров». При этом, однако, не была вычеркнута расположенная ниже подпись «А. Платонов», т. е. текст оказался «надстроенным» лишь с начала, написание новой заключительной части на данном этапе не предполагалось.

В ходе правки было проведено упрощение лексики соответственно уровню подразумеваемого автора письма. Например, слово «инициаторам» было заменено на «первым работникам», «отрицательной» на «скверной», «консервативной» на «застарелой», «радикальной защиты» на «полной защиты», «представляли из себя» на «имели вид», «относительную засуху» на «небольшую засуху» и т. п. В текст были введены указания на непосредственную принадлежность Кашкарова к группе «молодых советских техников», боровшихся с засухой в 1922 г.: ко второму абзацу было сделано дополнение «В той оросительной бригаде был и я, поэтому я знаю это дело»; вместо «Это твердое убеждение вынесли техники <...> когда их героическое напряжение дало» стало «Это твердое убеждение вынесли все мы <...> когда наше героическое напряжение дало»; вместо «те техники, о которых шла речь выше» стало «те техники, с которыми я работал 1 ½ года». Предложения об опытах по экстенсивному орошению полей также звучало от первого лица: «я предлагаю следующее» вместо «мы предлагаем следующее», «я предлагаю создать» вместо «мы предлагаем создать», «должна, по-моему» вместо «должна, по нашему мнению», «я прошу в 1931 году поставить» вместо «мы предлагаем на 1931 год поставить».

M2 появилась в результате перепечатки *M1* со всеми ее исправлениями, включая неизвестную, добавленную в начале, часть, занявшую страницы 1–9 и верхнюю часть страницы 10. По прошествии некоторого времени добавленная часть была отъединена, вплоть до того, что от страницы 10 была оторвана верхняя половина. Нумерация страниц в сохранившейся части *M2*, начиная со 2-й страницы, исправлена карандашом на 2–8. Карандашом же были выполнены отдельные исправления, в частности — вычеркнуто

упоминание об «авторе» Кашкарове, при этом подпись «А. Платонов» оставлена в неприкосновенности. Таким образом текст был снова превращен в статью.

Между тем очередная правка *М1*, также выполненная карандашом, пошла в противоположном направлении. Все еще сохранявшееся в конце текста указание на авторство Платонова было вычеркнуто, затем по центру карандашом была изображена звездочка, рядом знак раздела «III», ниже вписано и вычеркнуто: «Сейчас июль месяц 1931 года», затем вписано: «Зима давно миновала. Сейчас июль месяц 1931 года. После нескольких месяцев разлуки я снова приехал к тов. Кашкарову». В итоге было вычеркнуто и это последнее добавление, однако в несколько измененном виде оно известно как 1-й абзац заключительной части рассказа «Кухонный мужик...» Упоминание о миновавшей зиме свидетельствует, что именно в это время года развивались события 1-й части сконструированного текста, как, кстати, и происходит в рассказе «Кухонный мужик...». Таким образом, вероятность использования, условно говоря, ранней редакции «Кухонного мужика...» в качестве части, предваряющей письмо Кашкарова об организации орошения в районах МТС, очень велика. Однако на настоящее время какие-либо рукописи «Кухонного мужика...», подтверждающие данную версию, исследователям не известны (см. примеч. к рассказу, с. 571–572 наст. изд.).

Излагая свой проект в конце 1930 г., Платонов призывал начать его осуществление уже в 1931 г.: «...мы предлагаем следующее. Поставить в 1931-м году <...> широкие опыты», «мы предлагаем на 1931 год поставить в виде опыта» (*М1*. Л. 4, 8). Как уже говорилось, в ходе правки *М1* «мы» было заменено на «я», но отсылка к сельскохозяйственному сезону 1931 г. осталась без изменения и была перенесена в *М2*. Если сохранение даты «1931 г.» при этой правке не является недосмотром, можно предположить, что первая попытка слияния статьи с каким-то рассказом о Кашкарове произошла еще до утраты актуальности планирования на 1931 г. Это, в свою очередь, указывает на то, что ранняя редакция «Кухонного мужика...» (если присоединяемой частью была она) написана не позднее начала 1931 г.

Указания на 1931 г. в обеих машинописях убираются лишь позже, карандашом. В итоге окончательный вариант одних и тех же фраз в *М1* и *М2* не совпадает: «...я предлагаю следующее. Поставить в ближайшем году <...> широкие опыты» (*М1*. Л. 4) / «...я предлагаю следующее. Поставить ближайшим летом <...> широкие опыты» (*М2*. Л. 12); «я прошу поставить в виде опыта» (*М1*. Л. 8) / «я прошу в 1932 г. поставить в виде опыта» (*М2*. Л. 16). Из добавленного в *М2* указания на 1932 г. следует, что подобное исправление, с расчетом на наступающий сельскохозяйственный сезон 1932 г., могло быть сделано не позднее конца 1931 г.

С. 435. *В 1922 г., после великой засухи 21-го года, группа молодых советских техников ~ найти действительные способы против засухи.* — Здесь и далее Платонов ссылается на собственный опыт мелиоративных работ в 1922–1924 гг.

С. 436. *...уже применяли в 1923 г. деревянные трубы...* — Строительство деревянных гидротехнических машин и приспособлений занимало

Платонова со второй половины 1921 г. Упоминания о деревянных гидропередачах (лотках) встречаются в его статьях «Электрический ток на службе орошения» (1921), «Вниманию X губсъезда Советов» (1921), «Об “утопии”» (1921), «К борьбе со смертью» (1922), «О ликвидации катастроф сельского хозяйства» (1923) (см.: Антонова. С. 572–573, 594–598, 604–605; Сочинения, 1(2). С. 244–247).

С. 438. ...*Ошибки искусственного орошения прошлого времени обычно начинались с проектировки гигантских плотин и мощных водоподъемных станций на пустом месте...* — В М1 первоначальный вариант этого же фрагмента («Ошибки искусственного орошения прошлого времени обычно начинались с проектировки бетонных каналов и сооружения мощных водоподъемных станций на пустом месте») после правки карандашом приобрел следующий вид: «Ошибки искусственного орошения прошлого времени обычно начинались с проектировки чуть ли не бетонных каналов и сооружения мощных водоподъемных станций или гигантских плотин. Для этого нужны миллионы» (Л. 4).

Гигантские оросительные системы, включающие бетонные каналы (они же «водоснабжающие галереи»), плотины в устьях крупнейших рек страны и водоподъемные станции, фигурировали в собственном проекте Платонова 1921 г., см. описание «гидрофикационных систем» в его статье «Гидрофикация (система искусственного орошения полей посредством рек)» (1921; см.: Антонова. С. 562–569).

С. 438. *Трактороцентр* — Всесоюзный центр машинно-тракторных станций, смешанное акционерное общество.

ПОЛУМЕТРО (В порядке предложения — о радикальном улучшении трамвайного сообщения в Москве и в других городах с перегруженным движением) (с. 441). — Публикуется впервые. Подпись: *Инж<енеры> П. Климентов и А. Платонов.*

Источники текста:

Автограф (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 10–16).

Машинопись с авторской правкой (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 4–9).

Датируется второй половиной 1931 г.

Печатается по машинописи.

В верхнем левом углу первого листа автографа указание для машинистки: «2 экз<емпляра> на одной стор<оне> листа». Места для рисунков к проекту в автографе лишь обозначены; рисунки были выполнены отдельно и затем прикреплены к листам машинописи в предназначенном для этого месте (Л. 5а, 7а). Черновые наброски этих рисунков сохранились на страницах одной из записных книжек писателя (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 20–21). На последнем листе машинописи проекта Платоновым вписан домашний адрес: «Москва, проезд Худ<ожественного> театра, д. 2, кв. 14» (по этому адресу писатель проживал до лета 1932 г.).

Датировка проекта основывается на времени переезда в Москву Петра Климентова, который начал работать в столице с середины 1931 г. (см. примеч.

к статье «Овладеем техникой вольтовой дуги», с. 813 наст. изд.). Примерно в это же время в центральной печати было определено заявлено о необходимости строительства в Москве метрополитена. В июне 1931 г. пленум ЦК ВКП(б) поручил московским властям за три–четыре месяца составить проект строительства метро и привлечь к этому делу лучших специалистов. Положение о государственном строительстве московского метрополитена было утверждено постановлением СНК от 13 октября 1931 г.; 13 ноября Совет труда и обороны включил Метрострой в список ударных строек (*Нойтату Д.* Московское метро: от первых планов до великой стройки сталинизма (1897–1935). М., 2013. С. 102–112). Разработанный братьями проект, как и сообщается непосредственно в его тексте, был нацелен на улучшение трамвайного движения «в переходное время», от начала строительства до запуска метро в эксплуатацию. Серьезными проблемами эксплуатации московского трамвая на тот момент являлись: нерегулярность движения, перуплотненность трамвайного пути, перенаполненность вагонов. По данным журнала «Коммунальное хозяйство», на рубеже 1930–1931 гг. количество пассажиров на один вагоно-день составляло 2100 человек; количество вагонов в движении на 1 км пути в Москве было в 1,5 раза больше, чем в Берлине, и в 2,5 раза больше, чем в Лондоне; в год через пункт трамвайной сети Москвы проходило 293 тыс. вагонов, против 100 тыс. в Берлине. С середины 1920-х гг. подвижной состав увеличился на 75%, а количество путей лишь на 18%, что, вкупе с отсутствием порядка в уличном движении, приводило к рекордным задержкам (*Леонгардт Ю., Тюриков М.* // Коммунальное хозяйство. 1931. № 1. С. 15–16).

Сведений о том, в какую именно организацию был представлен проект полуметро, не имеется.

С. 443. ...*вместо рельсов типа «Феникс»...* — желобчатый трамвайный рельс.

Реборда бандаж — выступающий край на ободке колеса, предохраняющий его от схода с рельса.

С. 444. ...*на Садовой — между Триумфальной и Кудринской...* — речь идет об улицах Садовая Триумфальная, Большая Садовая и Садовая Кудринская, являющихся частью Садового кольца в Москве.

АВТОМОБИЛЬНАЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ТРАНСМИССИЯ (В порядке предложения) (с. 446). — Публикуется впервые. Подпись: *Инж<енеры> — П.К. и А.П.*

Источники текста:

M1 — машинопись с авторской правкой (*ИМЛИ.* Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 120. Л. 1–5).

M2 — машинопись с авторской правкой (*ИМЛИ.* Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 120. Л. 6–10).

Датируется концом 1931 – началом 1932 г.

Печатается по *M1* с учетом авторской правки *M2*.

Машинописи относятся к разным закладкам; в левом верхнем углу первой страницы *M1* красным карандашом вписана размашистая резолюция: «В машбюро, 5 экземпляров», рядом с неразборчивой подписью дата, предположительно «11/Л». В нижней части первой страницы *M2* входящий номер 10-0-26 с указанием даты «7/VI 1933», что свидетельствует об актуальности этого проекта для Платонова вплоть до середины 1933 г.

M2 была выполнена с учетом исправлений *M1*, однако позже Платонов возвращался к *M1* и внес в нее некоторые дополнительные уточнения. В *M2* имеется всего пять случаев смысловой правки: дописано последнее предложение 1-й сноски и добавлены все упоминания о «трансформационной системе» и «трансформаторах».

На последней странице *M1* первоначально указан адрес: проезд Художественного театра, д. 2, кв. 14; позднее исправлен чернилами на: Тверской бульвар, д. 25, кв. 27. В машинописи более позднего времени — *M2*, сразу указан второй адрес проживания. В квартиру на Тверском бульваре Платонов переехал не ранее июня 1932 г., что и является отправной точкой для датировки проекта.

С. 446. *Дифференциал, диффер* — механизм в составе трансмиссий транспортных и (реже) технологических машин по передаче мощности посредством вращения с одновременным делением единого потока мощности на два дифференциально связанных или суммированием двух независимых потоков мощности в один.

Конус — система сцепления.

ОВЛАДЕЕМ ТЕХНИКОЙ ВОЛЬТОВОЙ ДУГИ! (В порядке предложения) (с. 450). — Публикуется впервые. Подпись: *Инж<енеры> — П. Климентов и А. Платонов.*

Датируется весной 1932 г.

Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 1–3).

Автограф выполнен черными чернилами на листах бумаги в клетку; в верхнем левом углу 1-го листа запись для машинистки «2 экз<емпляра>».

Первоначально статья назвалась «Развернуть технику электрической дуги!»; заглавие было скорректировано в соответствии с широко известным лозунгом, выдвинутым И. Сталиным в феврале 1931 г. на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности: «Большевики должны овладеть техникой. Пора большевикам самим стать специалистами. Техника в период реконструкции решает всё» (*Сталин, 13*. С. 41). Аналогичное исправление было сделано и в предпоследнем абзаце статьи: «возможность в недалеком будущем развернуть технику вольтовой дуги полным фронтом» изменено на «возможность в недалеком будущем овладеть техникой вольтовой дуги и развернуть ее полным фронтом».

Статья тематически перекликается с финалом повести «Ювенильное море» (завершена в апреле 1932 г.). Помимо этого, датирующим признаком является упоминание о возможности использовать изобретение на строи-

тельстве Дворца Советов в Москве на месте храма Христа Спасителя. Храм был взорван 5 декабря 1931 г., а в феврале 1932 г. были подведены результаты всесоюзного открытого конкурса проектов Дворца — лучшими были признаны проекты Б. Иофана, И. Жолтовского и американца Г. Гамильтона, после чего началась работа по составлению окончательного проекта (см. сообщения об этом в газетах «Правда», «Известия» от 29 февраля 1932 г.).

Немногом ранее Платонов опробовал тему вольтовой дуги в одноименном рассказе (см. с. 98 наст. изд.), доверив разработку идеи электрику, названному лишь инициалом «К.», первой буквой собственной родовой фамилии «Климентов». В 1933–1934 гг. тема разрезания различных материалов при помощи электричества, так или иначе, снова и снова дает о себе знать в техническом творчестве Платонова, см. проекты и предложения «Электричество — на службу Северу» (*РГАЛИ*. Ф. 2124. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 17–23), «Отчет об эксперименте по разрезанию льда электрической энергией через нихромное сопротивление» (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 138. Л. 4–10), «Два интересных проекта. Изобретения т. Джафарбаева» (*Антонова Е. А. Платонов — инженер треста «Росметровес» // Страна философов, 2000. С. 799–800*). Практическим воплощением этой идеи, в широком смысле слова, стало одно из совместных с братом Петром изобретений Платонова: в июне 1933 г. они получили от Комитета по изобретательству при СТО справку о первенстве заявки на пильное устройство для распиловки при помощи нагрева электрическим током, а в 1934 г. по этой заявке было выдано авторское свидетельство № 38234 на «приспособление для подвода тока к электрическому нагревательному сопротивлению» (Там же. С. 789, 802).

С. 450. *Полиметаллы* — полиметаллические, комплексные руды, содержащие целый ряд химических элементов, среди которых важнейшими являются свинец и цинк.

Дробовое бурение — вид вращательного бурения с применением дроби в качестве истирающего материала.

Предложение же наше не есть результат выдумки, а наблюдение и обобщение коллективного опыта ряда работ, где мы были участниками или руководителями. — Неизвестно, на чем конкретно основано данное утверждение. Возможно, в большей степени здесь подразумевается практический опыт Петра Климентова, который в 1930–1931 гг. обучался в Ленинградском геологоразведочном институте ускоренной подготовки (при Ленинградском горном институте), а также в мае – декабре 1931 г., одновременно с занятиями в институте, работал по совместительству в горном отделе Московского научного института по удобрениям в должности начальника разведочной партии.

С. 451. *Керн* — образец породы, извлеченной из скважины, часто представляет собой цилиндрическую колонку.

Рватель — приспособление, обеспечивающее отделение керна от массива породы.

Дворец Советов — неосуществленный строительный проект, административное здание, место сессий Верховного Совета СССР. Должен был стать главной высоткой Москвы и самым высоким зданием мира. Строительство велось на месте взорванного храма Христа Спасителя в 1930-е гг.

С. 452. *Шпур* — цилиндрическая горная выработка диаметром до 75 мм, глубиной до 5 м. Шпурсы используются для размещения в них взрывчатых веществ, установки крепи, а также в гидротехническом и дорожном строительстве.

КОЛЛЕКТИВНОЕ

Публикуемые в этом разделе заметки написаны Платоновым во время творческой командировки на Писчебумажную фабрику им. Зиновьева (основана в 1882 г.; до 1919 г. — Голодаевская фабрика; позднее, в ноябре 1932 г., фабрике было присвоено имя М. Горького), находившуюся в Ленинграде по адресу: остров Голодай, ул. Уральская, 13. Опубликованы в фабричной многотиражке «Голос бумажника».

Эта поездка состоялась в рамках «мобилизации писателей для ликвидации прорывов в бумажной промышленности», а в более широком смысле явилась откликом ВССП на призыв ЦК ВКП(б) о мобилизации писателей «на фронт борьбы за выполнение промфинплана». Руководила писателями мобилизационная комиссия ВССП, а сама работа объявлялась «ударной и ответственной, от которой не может уклоняться ни один член Союза».

Как сообщила «Литературная газета», мобилизационная комиссия, избранная 19 сентября, «срочно разослала 500 извещений-повесток писателям для привлечения их к работе по ликвидации прорыва. В комиссию явилось 19 писателей, изъявивших желание поехать на предприятия. К 23 сентября уже были составлены списки мобилизованных писателей» (Союз писателей мобилизуется. На собрании актива ВССП // *ЛГ*. 29 сент. 1930. С. 1).

Предполагалось, что писатели, приехавшие на фабрику, должны будут установить причины «прорывов» в ее работе и содействовать их устранению «без утраты своего писательского лица». Писателям предлагалось вести работу по следующим «основным линиям»: а) устройство литературных выступлений, как момент, завязывающий отношения с рабочей массой; б) культурной работы на всех ее секторах, в частности участие в стенных газетах, в работах ударных бригад и вовлечение ударников в литературную работу; в) по линии борьбы за промфинплан в ее основных и наиболее ответственных показателях; г) в сводках полученных и проработанных материалов, обнимающих работу отдельных цехов, заводов и целых отдельных отраслей» (*Московская Д.* К истории производственного очерка (1929–1930) // *Текстологический временник. Русская литература XX в.: вопросы текстологии и источниковедения.* Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 823).

Помимо Платонова, членами данной бригады были поэт С. Городецкий, исторический романист А. Виноградов и пародист А. Архангельский, ведший в этой поездке дневник (*РГАЛИ*. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 4–12; опубл.: *Антонова Е.* Писатели на ликвидации прорыва (по дневниковым записям А.Г. Архангельского // *Текстологический временник. Русская литература XX в.: вопросы текстологии и источниковедения.* Кн. 3. М., 2018. С. 436–447). Благодаря этому дневнику выясняются некоторые подробности деятельности бригады.

Архангельский, Городецкий и Виноградов, сопровождаемые поначалу писателем Н. Шкляром в качестве руководителя, прибыли в Ленинград 11 октября и провели первые дни в организационной неразберихе. В дневнике Архангельского сообщение о приезде Платонова добавлено постфактум к записям от 12 октября, но, возможно, Платонов появился лишь после 14-го (см. об этом: Антонова Е. Указ. соч. С. 438). Из письма членов бригады в правление ВССП от 21 октября следует, что Платонов вообще не входил в первоначальный состав бригады, а выехал в Ленинград вместо Вс. Иванова (см.: Московская Д. Указ. соч. С. 817). Возвращение писателей в Москву также произошло в разное время: Виноградов уехал обратно практически сразу, Городецкий — 25 октября, Платонов — 3 ноября. Архангельский, возможно, оставался до формального конца срока (10 ноября); последняя запись в его дневнике относится к 7 ноября (Антонова Е. Указ. соч. С. 438, 443, 446).

Дневник свидетельствует, что писатели появлялись на фабрике в относительно свободном режиме, независимо друг от друга, и имели возможность заниматься в Ленинграде какими-то другими, собственными, издательскими и личными, делами. Возможно, Платонов использовал эту возможность еще и для посещения Ленинградского металлического завода (см. прим. к сценарию «Турбинщики», с. 757 наст. изд.). Помимо изучения производственного процесса и подготовки материалов для фабричной многотиражки «Голос бумажника», московские писатели (Архангельский и Платонов) 28 октября провели на фабрике занятие литкружка, на котором беседовали о призыве ударников в литературу, а 30 октября выступили на общефабричном вечере с участием писателей Ленинграда (Антонова Е. Указ. соч. С. 444–445). Из-за плохой организации командировки писатели на всем ее протяжении находились в сложном финансовом положении, вплоть до того что Платонов, к которому неожиданно приехали жена и сын, был вынужден продать свою куртку.

Во время командировки в записной книжке Платонова появились следующие записи, использованные им в статьях, подготовленных для «Голоса бумажника» (далее записи сгруппированы постранично):

«Бумфабр<ика>

Цех рацион<ализа>ции вместо БРИЗов.

Узкоколейка в 27 мм вместо 35 мм, за отсутствием рельсов.

Ликвидационно-прорывочная артель»;

«Реконструкция.

Папмашина в склад-вокзал<е>, — стоит.

Где роллы, 2 бум<ажные> маш<ины>

Капит<альные> затраты на установку не окупятся. Нет <нрзб> <вокзал> капит<альных> затрат»;

«Хранится сясьская целлюлоза на дворе безобразно.

Манометр на пап-машине (Помстрой) не у места. Машинист его не видит. Было пред<ельное> давл<ение>, больше 300, а норм<альный> пред<сел> 200, могло бы разорвать».

«При установках новых машин много неполадок — от частой смены главн<ых> механиков, технич<еская> дезорганизация производства»;

«Лаборатория? Плохо работ<ает>.

Проектбюро Иванов

Штаты безобразно раздуты и раздуваются (план<ово>-орг<анизационно>-руков<одящий> персонал);

«У частника было 2 инж<енера> на всей фабрике, а теперь стало 40! Себестоимость сжирается.

Трубопровод др<евесно>масс<ного> завода.

Представ<итель> Всебумпрома советовал деревян<ный> тр<убо-провод>»;

«Крепк<ую> рабоч<ую> бригаду д<ля> проверки всего дела реконструкции Всебумпрома и т. д.

Корректировать план реконструкции рабочими предложениями.

Рабочие предложения — в основу плана реконструкции);

«Раб<очее> изобретательство

Всех предл<ожений> ~ 800 за год

Самотек — 200

В мес<яц> потерь — 338 предл<ожений>

По встреч<ному> промфинплану — 245 (коллек<ивных>)

Паросило<овое> отделение

Бункер — д<ля> подачи угля наверх — запас 4 топок. 2 недели срок опытов, экономия 14 т<ысяч> руб.»;

«Технич<еское> оформлен<ие> раб<очих> предлож<ений>.

Отстает организация.

Сквозная технич<еская> бригада из техн<ических> работников; положит<ельность> этого факта чрезвычайна. Группы проектировщиков по отдельн<ым> группам вопросов);

«Др<евесно>масс<ный> зав<од> — нет запасн<ых> обмоток на эл<ект>ро>мотор на случай аварии.

Рельсы есть 27 мм, нужны 35 мм; можно верхнее полотно перестроить — участить шпалы и костыльное крепление» (*Записные книжки*. С. 63–66; *ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 17–20, 36 об., 37 об.).

Данные записи нашли свое применение также и в итоговом отчете писательской бригады (см.: *Московская Д.* Указ. соч. С. 817–819).

УПОРЯДОЧИМ ВНУТРИФАБРИЧНЫЙ ТРАНСПОРТ (В порядке предложения) (с. 455). — Голос бумажника. 1930. 25 окт. С. 1. Подпись: *Бригадир-такелажник Ромашкин; Московская бригада Союза писателей.*

Датируется 22–23 октября 1930 г.

Заметка написана по результатам «обследования» фабрики, проведенного писателями в сопровождении работников фабрики 22 октября, см. запись в дневнике Архангельского: «Я и Платонов <...>. С утра начали работу по проверке выполнения рабочих предложений. Бригадою в 7 человек отправились на фабрику. Обошли: паросиловое отделение <...>, древесномассный завод <...>, производственный отдел <...>. Городецкий ездил со сквозной бригадой на “Печатный Двор”, где зинovieвцев кроют за скверное качество

бумаги. Взяли материал для следующего номера “Голоса бумажника”» (*Антонова Е. Писатели на ликвидации прорыва. С. 441*).

Хотя публикация имеет коллективную подпись, авторство Платонова подтверждается его записной книжкой (см. выше с. 815–816) и сообщением дневника Архангельского от 23 октября: «Закончил стихи для очередного № газеты. Городецкий дал стихи о рулоне и о поездке на “Печатный двор”. Платонов — о рабочих предложениях» (*Антонова Е. Указ. соч. С. 442*). Все перечисленные Архангельским произведения были опубликованы в одном и том же номере многотиражки от 25 октября (№ 44).

С. 455. *Дефибрерный камень* — абразивный камень цилиндрической формы, основная часть дефибрера, машины для истирания древесины в процессе изготовления бумаги.

Древесномассный завод — служит для производства белой древесной массы, получаемой за счет истирания древесных балансов на керамических камнях в дефибрерах.

<ПРОРЫВ ПРОДОЛЖАЕТСЯ> (с. 457). — Голос бумажника. 1930. 30 окт. С. 2. Подпись: *Рабкоровская бригада и бригада Союза писателей*. Датируется 24–28 октября 1930 г.

Публикация не имела единого заголовка в традиционном его понимании; все ее части объединялись «шапкой» из лозунга: «Довольно мариновать рабочие предложения. Выполняя их, мы снизим себестоимость».

Активное участие Платонова в подготовке данного текста подтверждается сообщением дневника Архангельского от 24 октября: «Платонов пришел в два часа и с места в карьер приступил к работе по рационализации и реконструкции» (*Антонова Е. Указ. соч. С. 443*). Также в публикуемом тексте получают развитие некоторые записи Платонова из записной книжки, заполнявшейся им во время данной командировки (см. выше с. 816).

С. 458. *Начнем с котлов «Шкода»...* — Речь идет об оборудовании, поставленном на фабрику чешской компанией «Шкода».

С. 459. *ИТР* — инженерно-технические работники.

...инженер Хлебников на древесномассном заводе... — заведующий древесномассного завода инженер А.А. Хлебников.

БРИЗ — бюро рационализации и изобретений.

<ТЕХНИЧЕСКИЙ ГЕНИЙ ИЗ ВСЕБУМПРОМА> (с. 461). — Голос бумажника. 1930. 3 ноября. С. 3. Подпись: *Объединенная бригада рабкоров фабрики и Союза писателей*.

Датируется 30 октября – 2 ноября 1930 г.

Публикация не имела единого заголовка в традиционном его понимании; все ее части объединялись «шапкой» из лозунга: «Ведомственный

бюрократический способ реконструкции ведет к потерям десятков тысяч рублей. Необходимо провести реконструкцию самой реконструкции».

Активное участие Платонова в подготовке данного текста подтверждается его записной книжкой (см. выше с. 816).

С. 461. *Всебумпром* — Всероссийское объединение бумажной, целлюлозной и древесномассной промышленности ВСНХ РСФСР, существовало с января 1930 г.; в марте 1931 г. окончательно вошло в состав объединения Союзбумага ВСНХ СССР.

С. 462. *...брали завод на руки и переносили все постройки в другой район.* — Событие, на которое ссылается Платонов, не выявлено. Сюжет о постоянном перемещении домов с места на место во время субботников содержится в романе «Чевенгур».

Папмашина — она же папочная машина, в процессе изготовления бумаги осуществляет обезвоживание древесной массы.

Ролл — машина для размола волокнистых материалов при изготовлении бумаги.

С. 463. *Бумстрой* — Государственный трест по строительству и проектированию предприятий бумажной промышленности ВСНХ РСФСР (1929–1931).

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.П. ПЛАТОНОВА*

- «14 Красных избушек» – 4(2): 806
«Автодор в деревне Увязке» – 4(2): 63–65, 539–541
«Автомобильная электрическая трансмиссия (В порядке предложения)» – 4(2): 446–449, 811–812
«Административное естествознание» – 4(1): 483; 4(2): 474
«Антисексус» – 4(1): 395; 4(2): 621
«Апалитыч» – 4(2): 807
«Беглец издалека» – 4(1): 375, 652; 4(2): 427–428, 806
«Бессмертие» – 4(1): 415; 4(2): 535, 536
«Борьба мозгов» – 4(1): 546
«Борьба с пустыней» – 4(2): 545
«В 1918–20 годах в одном провинциальном советском городе...» – 4(2): 422, 805
«В окрестностях одной тюрьмы...» – 4(2): 488, 644
«В осеннее время шли по дороге...» – 4(2): 403–404, 799, 800
«В поисках будущего (Путешествие на Каменскую писчебумажную фабрику)» – 4(1): 351, 363, 505; 4(2): 33–42, 516–523, 562, 574, 575, 595
«В тюрьму привели человека...» – 4(2): 417, 799, 803–805
«В чем свобода» – 4(1): 525, 532
«Великая Глухая» – 4(1): 356, 375, 418, 652; 4(2): 324–326, 739, 783–797
«Великий работник (о развитии в России взрывной культуры)» – 4(2): 516
«Ветер-пахарь <1>» – 4(1): 469; 4(2): 404–406, 573, 799, 800
«Ветер-пахарь <2>» – 4(1): 469; 4(2): 406–409, 573, 799–801
«Ветер-хлебопашец» – 4(2): 799
«Внимание X губсъезда Советов (К 4-му пункту повестки дня)» – 4(2): 810
«Война» – 4(1): 503, 506; 4(2): 638
«Вольтова дуга (Рассказ об ударниках-изобретателях)» – 4(1): 362–363, 639; 4(2): 98–103, 568–571, 798
«Восьмеро неимущих» – 4(2): 60–63, 539
«Впрок (Бедняцкая хроника)» – 4(1): 7–68, 249–329, 348, 349, 354–356, 361–363, 365, 367, 369, 370, 374–504, 566, 600, 617, 628, 645, 652; 4(2): 483, 509, 513, 514, 532, 534–536, 546, 547, 556, 572, 585, 589, 603, 646, 676, 690, 720, 722, 723, 728, 734, 742, 747, 749, 751, 784, 798, 799, 803, 804, 806
«Вселенной» – 4(1): 607
«Высокое напряжение» – см. «Объявление о смерти»
«Г.М. Скрынко» – 4(1): 362, 379
«Гидрофикация» – 4(1): 621
«Гидрофикация и электрификация» – 4(2): 547
«Гидрофикация (система искусственного орошения полей посредством рек)» – 4(2): 810
«Город Градов» – 4(1): 395, 396, 416, 422, 429, 483, 497, 503, 505, 539; 4(2): 319, 322, 344, 471, 473–475, 490, 498, 499, 507, 545, 557, 597, 614, 622, 638, 641, 642, 644, 775, 776
«Государственный житель» – 4(1): 597; 4(2): 530, 622, 638

* Курсивом обозначены произведения, упоминаемые только в комментариях.

- «Григорий с Умственного хутора (Эпизод)» – 4(1): 377, 451; 4(2): 23–32, 512–516, 548, 666, 694
- «Два интересных проекта. Изобретения т. Джафарбаева» – 4(2): 813
- «Два красноармейца в старых шинелях...» – 4(1): 469; 4(2): 409–411, 799, 801–802
- «Два плана великих работ» – 4(2): 801
- «Двое людей» – 4(1): 350
- «Демьян Фомич» – 4(2): 646
- «Дирижабль» – 4(1): 367
- «Дураки на периферии» – 4(1): 350, 373, 483, 623; 4(2): 155–194, 473, 509, 511, 541, 613–646
- «Душевная ночь» – 4(2): 646
- «Епифанские шлюзы» – 4(1): 395; 4(2): 321, 322, 344, 495, 498, 575, 775
- «Епифанские шлюзы» (либретто) – 4(2): 733, 734, 745, 748, 751, 752
- «Жажда ничего (Видения истории)» – 4(2): 642
- «Жизнь до конца» – 4(2): 505
- «За большевистского счетовода в колхозе! (Заметки разъездного корреспондента)» – 4(1): 356, 469, 476, 621; 4(2): 136–142, 572, 586–600, 602, 606, 612, 804, 808
- «Заблуждение на родине компота» – 4(1): 362, 366, 375, 652; 4(2): 111–116, 573–576, 704
- «Записки организованного человека» – 4(2): 421, 805
- «И слушайте теперь краткий рассказ про Филата-батрака» – 4(1): 376; 4(2): 585
- «Иван Жох» – 4(1): 625
- «Иван Митрич» – 4(2): 646
- «Изобретатели и аварийцы» – 4(2): 403, 799–800
- «Интервью» – 4(1): 363; 4(2): 418, 804
- «История иерея Прокопия Жабрина» – 4(2): 632
- «К борьбе со смертью» – 4(2): 810
- «К звездным товарищам» – 4(1): 607
- «Как класс» – 4(2): 419, 575, 662, 804
- «Клуб-школа» – 4(2): 622
- «Коммунист принадлежит будущему» – 4(1): 474
- «Котлован» – 4(1): 69–173, 330–341, 348, 353, 355, 356, 362, 475, 483, 491, 504–586, 647, 652; 4(2): 517, 560, 564, 594, 664, 667, 668, 670, 674, 684, 687, 692, 724, 726, 731, 740, 742, 743, 746–749, 784, 790, 802, 803
- «Круговорот. Как делается “Крестьянская Радиогазета”» – 4(1): 349, 376; 4(2): 133–135, 524, 539, 541, 583–586
- «Культура пролетариата» – 4(1): 524, 525, 546, 547, 607; 4(2): 622
- «Кухонный мужик Советского Союза» – 4(1): 363, 373, 629; 4(2): 104–110, 556, 571–573, 808, 809
- «Ленин» – 4(1): 525
- «Лунные изыскания» – 4(1): 607; 4(2): 575, 582
- «МТС – в первые ряды организаторов колхозного строительства» – см. «По заволжским МТС (Заметки разъездного корреспондента)»
- «Мавра Кузьминишина» – 4(1): 539, 623
- «Май» – 4(1): 516
- «Макарий Пономарев работал на заводе...» – 4(2): 411–412, 799, 802
- «Македонский офицер» – 4(1): 587, 594
- «Масло розы» – 4(1): 378, 392; 4(2): 646
- «Машинист» – 4(1): 356, 374, 497, 555; 4(2): 275–290, 736, 739–751, 802
- «Мелиоративное достижение» – 4(1): 497
- «Мелиоративные работы в нашей губернии» – 4(1): 497, 537; 4(2): 742
- «Московское общество потребителей литературы» – 4(2): 798

- «На глинистом бугре...» – 4(1): 505, 506; 4(2): 415–416, 802–803
- «На родине компота» – 4(2): 574
- «На фронте зноя» – 4(2): 516, 547, 800
- «Надлежащие мероприятия (Социальная сатира наших дней)» – 4(1): 483, 522; 4(2): 474, 640–641
- «Надлежащие мероприятия (Святочный рассказ к 10-й годовщине)» – 4(1): 422, 481, 503; 4(2): 508, 744
- «Наследник Ленина» – 4(1): 377
- «Наука, техника и мастерство» – 4(2): 401–402, 797–798
- «Невозможное» – 4(1): 638, 640; 4(2): 509, 580
- «Новое евангелие» – 4(2): 578
- «Новый способ борьбы с малярией посредством рыб» – 4(2): 742
- «Нормализованный работник» – 4(2): 621
- «Нужная родина» – 4(2): 536
- «О губернском институте труда» – 4(2): 621
- «<О конкурсах газеты "Репейник">» – 4(2): 621
- «О ликвидации катастроф сельского хозяйства» – 4(2): 516, 547, 810
- «О "ликвидации" человечества» – 4(2): 661
- «О любви» – 4(2): 622
- «О машинном поливе полей в районах МТС» – 4(2): 435–440, 572, 807–810
- «О науке» – 4(1): 546
- «О нашей религии» – 4(1): 532
- «О неувязках и неполадках (От нашего специального корреспондента)» – 4(2): 151–152, 610–613
- «О постройке нового человека» – 4(1): 505
- «О потухшей лампе Ильича» – см. «Рассказ о потухшей лампе Ильича»
- «Об институте труда в Москве и о зоркой мысли, берегущей тело человека и одолевающей время» – 4(2): 621
- «Об организации мелиоративного дела в Воронежской губернии» – 4(2): 742
- «Об улучшениях климата» – 4(2): 579
- «Об "утопии"» – 4(2): 810
- «Областные организационно-философские очерки» – 4(1): 350, 363, 396, 402, 418, 427, 451, 466, 480, 483, 503, 584; 4(2): 7–22, 329–343, 470–512, 514, 541, 557, 626–629, 797, 801
- «Объявление о смерти» – 4(1): 348, 362, 366, 373, 587, 593, 594, 596; 4(2): 244–271, 353–398, 571, 577, 705–733, 763, 765, 797, 804
- «Овладеем техникой вольтовой дуги! (В порядке предложения)» – 4(1): 639; 4(2): 450–452, 569, 577, 811–814
- «Огни Волховстроя» – 4(1): 497, 505; 4(2): 742, 750
- «Огни пульта» – см. «Объявление о смерти»
- «Один на свете» – 4(1): 505–507; 4(2): 414, 802
- «Околица усадьбы совхоза...» – 4(2): 425–426, 806
- «Отмежевавшийся Макар» – 4(2): 71–73, 526, 533, 542–544, 660
- «Отчет об эксперименте по разрезанию льда электрической энергией через нихромное сопротивление» – 4(2): 813
- «<Первое мая>» – 4(2): 413, 751, 802
- «"Первый Иван" (Заметки о техническом творчестве трудящихся людей)» – 4(1): 354, 362, 363, 375, 376, 379, 504; 4(2): 74–87, 534, 544–556, 805
- «Песчаная учительница» – 4(1): 620; 4(2): 548, 640
- «Песчаная учительница» (сценарий) – 4(1): 505; 4(2): 733, 745
- «Питомник нового человека» – 4(1): 477; 4(2): 498, 622
- «По заволжским МТС (Заметки разъездного корреспондента)» –

- 4(1): 356, 373, 452, 458; 4(2): 143–150, 587, 596, 600–610, 804
- «Познаны нами тайны Вселенной...» – 4(1): 607
- «Полуметр (В порядке предложения — о радикальном улучшении трамвайного сообщения в Москве и в других городах с перегруженным движением)» – 4(2): 441–445, 810–811
- «Послушайте рассказ, как стали жить восьмеро бедняков из деревни Крохово, не ожидая исполнения пятилетнего плана» – см. «Восьмеро неимущих»
- «Послушайте рассказ о том, как жили-были 52 лодыря-кулака в одной небольшой деревне» – 4(2): 68–70, 541–542
- «Послушайте рассказ об одном мужике, который перехитрил целое государство» – 4(1): 376; 4(2): 585
- «Послушайте рассказ про истинное происшествие с Пашкой-дураком...» – 4(1): 391
- «Потомки солнца» – 4(2): 580
- «Потомок рыбака» – 4(1): 350
- «Почему мы, городские рабочие, – коммунисты» – 4(1): 431, 500
- «Почтальон» – см. «Объявление о смерти»
- «Поэзия рабочих и крестьян» – 4(1): 547
- «Приключение» – 4(1): 350
- «Приключения Баклажанова» – 4(2): 575, 580
- «Происхождение мастера» – 4(1): 350; 4(2): 478, 536
- «Пролетарская поэзия» – 4(1): 526
- «<Прорыв продолжается>» – 4(2): 457–460, 817
- «<Против халтурных судей>» – см. «<Против халтурных судей (Ответ В. Стрельниковой)>»
- «<Против халтурных судей (Ответ В. Стрельниковой)>» – 4(1): 352, 479; 4(2): 319–323, 344–345, 472, 482, 530, 773–783, 797
- «Профессор-хирург...» – 4(2): 430–432, 806–807
- «Путешествие в 1920 году» – 4(2): 779
- «Путь в Чевенгур» – 4(2): 470
- «Рабочее братство» – 4(1): 527
- «Разрушение идиотизма» – 4(2): 420, 805
- «Рассказ о многих интересных вещах» – 4(2): 547, 575
- «Рассказ о потухшей лампе Ильича» – 4(2): 573, 734, 777, 782
- «<Рассказы про население в сельских местностях>» – 4(1): 349, 373; 4(2): 60–67, 539–541
- «Ребенок в Чевенгуре» – 4(1): 352
- «Революция “духа”» – 4(1): 525
- «Результаты искусственного оплодотворения» – 4(2): 582
- «Река Воронеж, ее настоящее и будущее» – 4(1): 537
- «Ремонт земли» – 4(2): 550
- «Родоначальники нации, или Беспочвенные происшествия» – 4(1): 378; 4(2): 638
- «Русский воин» – 4(1): 362, 373
- «Сатана мысли» – 4(2): 578, 580
- «Свет и социализм» – 4(1): 546, 629, 637; 4(2): 580
- «Симфония сознания» – 4(2): 622
- «Сила сил» – 4(1): 525
- «Скудная пустошь...» – 4(2): 423–424, 806
- «Служебно-сочувствующий» – 4(2): 65–67, 541
- «Слушайте теперь небольшой рассказ о том, как активный крестьянин, под названием Макар Ганушкин, возвратился в свою деревню после того, как он в качестве выдвиженца приблизил городские учреждения к социализму, и о том, как он отдыхал в деревне от делов» – см. «Отмежевавшийся Макар»
- «Смерть Копенкина» – 4(1): 352
- «Смысл жизни» – 4(1): 505; 4(2): 803
- «Сокровенный человек» – 4(1): 356, 367, 452, 498, 503; 4(2): 557

- «Сочельник коммунизма» – 4(1): 350
- «Степное дело» – см. «Ювенильное море (Море юности)»
- «Столица обновленной земли» – 4(2): 581
- «Строители страны» – 4(1): 477; 4(2): 510
- «Стройматериалы и оборудование» – 4(1): 587, 596–599, 604
- «Схватка с засухой» – 4(2): 547, 801
- «Технический гений из Всебумпрома» – 4(2): 461–463, 817–818
- «Технический роман» – 4(1): 367; 4(2): 805
- «Товарищ пролетариата» – 4(1): 363; 4(2): 117–122, 576–581
- «Топот» – 4(1): 516
- «Турбинщики» – 4(1): 356, 359, 366, 369, 373; 4(2): 291–316, 716, 717, 736, 739, 751–773, 803, 805, 815
- «Упорядочим внутрифабричный транспорт (В порядке предложения)» – 4(2): 455–456, 816–817
- «Усомнившийся Макар» – 4(1): 348, 349, 352, 353, 380, 402, 403, 408, 415, 416, 488, 527; 4(2): 43–59, 513, 523–538, 542–544, 548, 585, 720, 779, 798
- «Фабрика литературы» – 4(1): 395; 4(2): 790
- «Факт (Очерк про двух отсталых рабочих)» – 4(1): 356, 362; 4(2): 88–97, 556–568, 596, 742, 746, 799
- «Фро» – 4(2): 536
- «Характер отложений, слагающих пойму реки Тихая Сосна» – 4(1): 496, 497; 4(2): 749
- «Че-Че-О» – см. «Областные организационно-философские очерки»
- «Че-Че-О (Областные организационно-философские очерки)» – см. «Областные организационно-философские очерки»
- «Чевенгур» – 4(1): 350, 352, 452, 603, 609; 4(2): 477, 496, 498, 508, 509, 511, 625, 629, 640, 642, 644, 775, 776, 779, 818
- «Человек нашего времени» – 4(1): 348, 363, 587, 594, 596; 4(2): 123–129, 581–583, 728
- «Человек нашего времени» (набросок) – 4(2): 429, 806
- «Человек, укравший установку» – см. «Шарманка»
- «Чульдик и Етишка» – 4(2): 646
- «Шарманка» – 4(1): 360–362, 366, 367, 375, 471, 596, 625, 641, 646; 4(2): 195–243, 346–352, 513, 573–576, 646–705, 769, 797, 798, 804
- «Экономик Магов» – 4(1): 539; 4(2): 622, 629
- «Электрификация (Общие понятия)» – 4(1): 629; 4(2): 556
- «Электрификация деревень» – 4(1): 629; 4(2): 556
- «Электрификация нашего края» – 4(1): 433
- «Электрический ток на службе орошения» – 4(2): 810
- «Электрическое орошение почвы» – 4(2): 545–547, 554
- «Электрическое увлажнение корневых систем и корнеобитательного слоя почвы» – 4(2): 547
- «Электричество – на службу Северу» – 4(2): 813
- «Эфирный тракт» – 4(1): 378, 395, 618, 639; 4(2): 483, 508, 578, 620, 752
- «Ювенильное море (Море юности)» – 4(1): 174–246, 348, 363, 368–370, 372, 373, 537, 539, 587–652; 4(2): 511, 566, 571, 576, 581, 660, 687, 696, 709, 710, 806, 812
- «Ямская слобода» – 4(1): 377, 492; 4(2): 496, 575, 640

СЛОВАРЬ ЯЗЫКА ЭПОХИ

- Авангард* (термин военного обихода) – передовой отряд; часто о партии, «авангарде рабочего класса» (Ленин).
- Актив бедноты, активист* – наиболее бедная часть деревенского населения, активно участвовавшая в раскулачивании.
- Аллилуйщик* (от церк.-слав. «аллилуйя»), или *лакировщик* – преимущественно о тех членах партии, которые «славят» существующее положение вещей, забывая о классовой борьбе.
- Базис* – понятие исторического материализма, часть двуединого общественно-экономического понятия «базис и надстройка», введенного К. Марксом; базисом общества называется экономическая структура той или иной общественно-экономической формации (капитализма, социализма и пр.), материальные отношения, в которые люди вступают в процессе производства.
- Встречный, или встречный промфинплан* – план, принимаемый коллективом того или иного предприятия или отдельным работником, превышающий официальное задание данному коллективу или работнику; обязательная инициатива всех предприятий.
- Выдвиженец* – выходец из рабоче-крестьянской среды, выдвинутый на руководящую должность или ответственную работу для идеологического укрепления данного производственного участка.
- Генеральная линия (партии)* – курс на индустриализацию страны и социалистическое переустройство деревни; политика и тактика ВКП(б).
- Гнилой либерализм* – выражение М.Е. Салтыкова-Щедрина, означает беспринципность, примиренчество и попустительство; после употребления И. Сталиным в статье «О некоторых вопросах истории большевизма» (1931) получило дополнительное значение лояльного отношения к представителям иных взглядов и чуждых классов.
- Год великого перелома* – название первого года первой пятилетки (1929) и одноименной статьи И. Сталина, посвященной 12-й годовщине революции.
- Губисполком* – губернский исполнительный комитет, орган Советской власти в губерниях после революции; волость и губерния – единицы административно-территориального деления, упраздненные в 1929 г. в ходе административно-территориальной реформы.
- Двадцатипятипятисотники* – рабочие, посланные на проведение и укрепление коллективизации; решение принято на ноябрьском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП(б); «25 тысяч рабочих в колхозы» – один из лозунгов дня.
- Дело Союзного бюро РСДРП(м)* – суд над группой старых социал-демократов, 1–9 марта 1931 г.
- Дело «Трудовой крестьянской партии»* – процесс 1930–1932 гг.

против ученых-аграрников, среди которых – экономисты А.В. Чайнов и Н.Д. Кондратьев; открытого суда над ними не было.

Диалектический материализм – учение К. Маркса и Ф. Энгельса о законах развития природы, общества и мышления, соединившее диалектику Гегеля с материализмом и признающее материю единственной основой мира; считался мировоззрением пролетариата и основой диалектико-материалистического стиля пролетарской литературы.

Директива – руководящее указание вышестоящего органа; один из типов официальных распоряжений по вопросам проводимой политики.

Догнать и перегнать – понятие, обозначающее соревнование с капиталистическими странами; выражение взято у Ленина: «Либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их экономически». Постоянная рубрика в периодической печати; то же, что и «кто – кого».

Дома-коммуны – тип нового жилья для рабочих, дома-гиганты с организацией быта на социалистических началах.

Единоличник – крестьянин, ведущий хозяйство единолично или только со своей семьей.

Единоначалие – главное понятие Постановления ЦК ВКП(б) «О мерах по упорядочению управления производством и установлению единоначалия» (Правда. 1929. 7 сент.), цель которого – разграничить функции и обязанности директора, завкома и партийной ячейки предприятия и установить личную

ответственность директора за выполнение плана.

Заборные книжки – введенные в 1929 г. карточки на наиболее дефицитные товары.

Займ (заем), займ индустриализации, заем на пятилетку в 4 года – взятие денег государством у населения в долг на определенные цели и на определенных условиях.

Закрытый распределитель – кооперативный магазин при предприятии или учреждении для снабжения прикрепленных к этому магазину пайщиков продуктами и промышленными товарами.

«Идиотизм деревенской жизни» – выражение К. Маркса; часто цитировалось применительно к сельскому населению страны.

Изба-читальня – место проведения культурной революции в деревне; устраивалась в одном из лучших домов, часто отнятом у зажиточных крестьян, или в закрытой церкви. Во главе избы-читальни стоял избач. В обязанности избы-читальни входило проведение культурно-просветительной и агитационной работы среди населения; формами этой работы являлись кружки (наиболее распространенные – по ликвидации безграмотности, антирелигиозный, санитарный, военных знаний, спортивный, драматический); лекции и беседы по вопросам текущей политики, а также проработка партийных решений и постановлений; агитация за колхоз; участие в проведении текущих кампаний (хлебозаготовок, уборочной кампании и т. д.). В избе-читальне должны

были быть свежие газеты, политическая литература, радиостановка.

Интервенция – вмешательство иностранных государств во внутренние дела какой-то страны (в данном случае, СССР); угроза интервенции – тема всех политических процессов конца 1920-х – 1930-х гг.

Кадры – понятие заменило такие слова, как специалист, работник, рабочий, служащий, техник и т. д. Проблеме подготовки новых советских кадров посвящен ноябрьский 1929 г. пленум ЦК ВКП(б); форма борьбы за кадры – сокращение обучения в вузе до 4-х лет.

Кампания – активная работа, проводимая для решения какой-либо общественно-политической или хозяйственной задачи; но сила временный характер.

Клуб и красный уголок – места проведения культурно-просветительной и воспитательной работы с массами, с целью повышения уровня их политической грамотности, социальной активности и социалистической сознательности. Красные уголки устраивались в местах постоянного пребывания людей – как на производстве, так и в рабочих общежитиях. Красный уголок должен был отражать наиболее важные моменты политической жизни страны, работы профсоюза, предприятия и т. д.; здесь обязательно было радио, стенгазета и стол, на котором лежали газеты, журналы, «Кодекс Законов о труде» и прочая общественно-политическая литература, а также одобренные (в отличие от карт) игры, например шашки и шахматы; в

красном уголке проводились громкие читки и беседы. Назван по аналогии и в противовес традиционному «красному углу» – месту в русском доме, где висели иконы.

Кулак – богатый крестьянин-собственник, использующий наемный труд; представитель деревенской буржуазии, лишенный избирательных прав.

Культработа – составляющая программы культурной революции; рассматривалась как средство воспитания человека в духе сознательного строителя социализма. Формы культработы: производственные вечера, выставки, беседы и пр. Вопросы культурно-политической работы: подготовка специалистов; соцсоревнование, ударничество; борьба за промфинплан; снижение себестоимости, социалистическая перестройка быта, интернациональное воспитание, борьба за генеральную линию партии и пр.

Культурная революция – направление государственной политики, цель которой – воспитание и образование масс; часть программы первой пятилетки: индустриализация, коллективизация и культурная революция.

Лавкомы (лавочные комиссии) – органы рабочего контроля за деятельностью кооперативов.

Легкая кавалерия – добровольные отряды молодежи по проверке различных организаций и борьбе с недостатками и пороками общества, прежде всего – бюрократизмом; существовало выражение «налеты легкой кавалерии».

Летун – рабочий или служащий, часто меняющий работу из лич-

ных интересов; уходил (сбегал) с предприятия по «врачевским» побуждениям – в прорыв (невыполнение плана в срок) или наоборот, в разгар выполнения промфинплана.

Лжеударник – тот работник, кто подменяет классовые интересы интересами личного характера.

Ликбез – сеть организаций по обучению чтению и письму неграмотного населения, а также сама эта деятельность.

Ликвидационно-прорывочные бригады – бригады, цель деятельности которых – ликвидация прорыва на производстве; к ним относились и писательские бригады осени 1930 г.

Ликвидация кулачества как класса – основное направление государственной политики в деревне в первой половине 1930 г., начало которой положено речью И. Сталина на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. «К вопросам аграрной политики в СССР».

Лицом к производству – с конца 1929 г. основной лозунг профсоюзов; провозглашен в письме ВЦСПС «За поворот профсоюзов лицом к производству. За решительную перестройку форм и методов работы профсоюзов, ко всем работникам и работникам» (Правда. 1929. 6 сент.)

Лозунг – краткий призыв к какой-либо деятельности, выражающий руководящую для времени или определенной группы населения идею.

Машинно-тракторные станции (МТС) – государственные сельскохозяйственные предприятия с собственным парком тракторов и других сельскохозяйственных машин, обслуживающие

колхозы (по преимуществу данного района) на договорных началах; один из элементов перестройки деревни на социалистических началах.

Месячник тревоги – кампания по борьбе с нарушением трудовой дисциплины; впервые объявлен на Октябрьской железной дороге в августе 1930 г. как метод ликвидации прорывов на хозяйственном фронте; выражение было широко распространено.

Механисты – группа советских философов середины 1920-х – начала 1930-х гг., последователи философского направления «механицизм», в основе которого лежит понимание мира как механизма; их взгляды становятся синонимом мировоззрения, противоположного диалектическому материализму. «Механист» – один из политических ярлыков времени.

Механические граждане – выражение А.М. Горького о людях, имеющих с СССР не органическую, а механическую связь.

МЮД – Международный юношеский день, ежегодный праздник; установлен в 1915 г. социалистическим конгрессом молодежи в Берне. Празднование МЮД в 1915 г. сводилось к выступлению молодежи против войны; с 1919 праздновали в первое воскресенье сентября.

Надстройка – понятие исторического материализма, часть двуединого общественно-экономического понятия «базис и надстройка», введенного К. Марксом; надстройкой называется совокупность идеологических отношений, взглядов и учреждений определенного общества.

Непрерывка – непрерывная трудовая неделя, без традиционных выходных дней; решение о введении непрерывной трудовой недели принято на ноябрьском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП(б).

Обезличка – отсутствие личной ответственности работника за проделанную работу; «ликвидировать обезличку» – одна из идей речи И. Сталина на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. «Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства». Понятие «обезлички» впервые появилось применительно к железнодорожному транспорту и означало кратковременное пребывание на данном паровозе (обезличенная езда) часто меняющихся машинистов.

Обновленческая церковь – движение по модернизации Православия; возникло после Февральской революции 1917 г., после Октябрьской революции 1917 г. поддерживалось борющимися с религией государством.

Обострение классовой борьбы – тезис И. Сталина о периоде перехода от капитализма к социализму.

Обколхозивание – включение в колхоз всех жителей деревни; считалось левым загибом в коллективизации.

Октябрины – гражданский обряд наречения имени, торжество по случаю рождения ребенка; введено как элемент нового быта, в противовес крестинам.

Операционный год – то же, что хозяйственный год; начинался 1 октября и заканчивался 30 сентября следующего года. В 1930 г. начало операционного года перенесено на 1 января 1931 г.

Оппортунизм – распространенное политическое обвинение времени; «оррортунус» в переводе с латинского означает «благоприятный», «удобный»; в конце 1920-х – начале 1930-х гг. *оппортунистами* назывались люди, партии, группы, неспособные на решительные революционные действия; широко употреблялось понятие «оппортунизм Бухарина», который видели в положении о затухании классовой борьбы при диктатуре пролетариата, в идее о «врастании кулака в социализм», в отрицании неизбежности классовой борьбы в деревне.

Оппортунизм на практике – одно из политических обвинений, означавшее миролюбивые чувства к кулаку, недооценку работы среди бедноты и батрачества, подавление инициативы бедняцких масс.

Орабочивание – продвижение рабочих в аппарат.

Отпускной талон – справка, удостоверяющая личность проживающих в сельской местности и не имеющих паспортов граждан, при выезде их на короткий срок, с указанием цели выезда и разрешения на него.

Отходники (сезонники) – крестьяне, уходящие из деревни в город на дополнительные заработки.

Пайщики – лица с долевым участием в собственности потребительской кооперации.

Первая пятилетка, пятилетка в 4 года – 1928–1932 гг.

Перегиб – вредная крайность в проведении генеральной линии партии.

Переходная эпоха – период между капитализмом и социализмом.

План – намеченные хозяйственными и правительственными учреждениями СССР размеры и направления хозяйственно-культурного развития на будущее: на год («контрольные цифры»), на 3–5 лет («перспективный план»), на 10 лет («генеральный план»).

Подкулачник – крестьянин, действующий в интересах кулака.

Производственное совещание – регулярно проводимые совещания с участием рабочих, которые вносят свои предложения по улучшению производства, повышению производительности труда и выполнению промфинплана. Наряду с ударничеством и соцсоревнованием новая социалистическая форма труда.

Промфинплан – промышленно-финансовый план, по которому ведутся все финансовые операции промышленности (расходы на строительство, кредитные дела, распределение прибыли и т. д.); составлялся перед началом каждого хозяйственного года, утверждался центральными хозорганами.

Промпартия, дело Промышленной партии – судебный процесс по делу о вредительстве в промышленности и на транспорте, 25 ноября – 7 декабря 1930 г.

Прорыв – невыполнение тем или иным предприятием в срок задания, плана; отставание.

Рабочий редакционный совет – форма участия рабочих-передовиков, представителей фабрик и заводов в редакционно-издательской работе. Первый рабочий редсовет организован в 1929 г. при Государственном издательстве.

Раскулачивание – лишение кулаков земли и средств производства в процессе ликвидации кулачества как класса; часто сопровождалось выселением в отдаленные районы страны.

Рвач – тот, кто работает ради высокой зарплаты и стремится извлечь как можно больше личных выгод; один из устойчивых ярлыков времени.

Режим экономии – вынужденная государственная политика, направленная на экономию средств и ресурсов, с целью скопления их для подъема индустрии; началась с «Обращения ЦК ВКП(б)» от 25 апреля 1926 г. «О борьбе за режим экономии».

Реконструктивный период – название одного из этапов построения социализма в СССР, которому предшествовал восстановительный период. Охватывал первую пятилетку; задачи по реконструкции народного хозяйства ставились и на вторую пятилетку.

Самокритика – критика недостатков собственной работы и работы своих организаций и ведомств; один из лозунгов дня. Призыв к развитию самокритики – в обращении ЦК ВКП(б) от 3 июня 1928 г. «О самокритике».

Самообложение – вид сельскохозяйственного налога, шел на удовлетворение местных нужд деревни; его размер устанавливался государством.

Самотек – отсутствие должного внимания и руководства со стороны соответствующих органов; *самотеком* – без санкции и предписания сверху. Негативную окраску понятие «самотек» приобрело прежде всего пото-

му, что его связывали с идеями Н. Бухарина о социалистическом преобразовании деревни – так называемой «теорией самотека» в социалистическом строительстве: при капитализме индустрия развивалась на капиталистической базе, а деревня шла за городом самотеком, стихийно изменяясь по образу и подобию капиталистического города; сейчас деревня, мелкокрестьянское хозяйство также должны пойти за социалистическим городом – в порядке самотека. Этой теории посвящен раздел речи Сталина на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. «К вопросам аграрной политики в СССР», положившей начало переходу к «сплошной коллективизации», – «Теория “самотека” в социалистическом строительстве». Сталин называет теорию «самотека» в социалистическом строительстве антимарксистской.

Сдельщина – оплата труда по количеству и качеству проделанной работы.

Сельсовет – орган советской власти в деревне; главной обязанностью сельсовета был сбор сельскохозяйственного налога; выбирался гражданами, не лишенными избирательных прав.

Соревнование – одна из форм социалистического труда, соревнование по производительности труда между предприятиями, цехами, бригадами и отдельными рабочими; введено в мае 1929 г.

Сплошная коллективизация – объединение в колхозы основной массы крестьян-единоличников, увеличение числа коллективных крестьянских хозяйств и охват ими всей сельскохозяйственной территории страны.

Темпы – быстрота выполнения работы. Общепринятое эмблематическое изображение темпов при соревновании между предприятиями, цехами, бригадами и пр.: аэроплан, паровоз, велосипед, всадник, вол, черепашка, улитка.

Техника в реконструктивный период решает все; Лицом к технике – лозунги, основанные на словах И. Сталина на Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г.

Третий решающий – название третьего года пятилетки, 1931-го; он же – год завершения фундамента социалистической экономики.

Треугольник – общее название руководителей предприятия: директор, секретарь парторганизации и секретарь профсоюзной организации.

Ударничество – наряду с соцсоревнованием, новая форма социалистического труда, повышающая его производительность; предполагало работу в ускоренном темпе. Ударник – сознательный пролетарий, переключившийся на ускоренные темпы работы, темпы ударного характера.

Узкое место – участок социалистического строительства, на котором не выполнялся план; отстающий сектор народного хозяйства.

Уклон (правый, левый) – отход от генеральной линии партии: правый (поблажки кулаку) и «левый» (раскулачивание середняка); название левого уклона обычно бралось в кавычки.

Уполномоченный – лицо, действующее на основании полномочий.

Установка, целевая установка – постановление, направленность к определенной цели; ориентация на что-либо.

Хвостизм – идеология и тактика приспособленчества, пассивности; отсутствие инициативы и творческой активности, нежелание проводить в жизнь директивы руководящих органов и вести за собой массы; один из политических ярлыков времени («быть/плестись в хвосте требований жизни/масс») и одно из распространенных политических обвинений.

Хлебозаготовки – государственная кампания по изъятию хлеба у сельского населения.

Худполитсовет – художественно-политический совет, орган контроля за репертуаром театров, цирков и др. учреждений массового развлечения; создавался с участием рабочих шефствующего над данным учреждением культуры предприятия.

Черная доска – доска (как правило, в красном уголке) с информацией о нарушителях трудовой дисциплины и недостатках работы на данном предприятии; одно из средств общественного воздействия на отстающих рабочих и стимуляции производительности труда.

Чистка – кампания по масштабной проверке общественных, административных и хозяйственных организаций (партии, советского аппарата, колхозов) с целью освобождения их от вредных и чуждых элементов.

Шахтинское дело (Дело об экономической контрреволюции на Донбассе) – судебно-политический процесс над специалистами угольной промышленности СССР, 18 мая – 6 июля 1928 г.

Шесть условий тов. Сталина (новые условия развития промышленности) – сформулированы в речи «Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства» на совещании хозяйственников, 22–23 июня 1931 г.

XVI съезд ВКП(б) – 26 июня – 13 июля 1930 г.

Шефство – общественная деятельность по оказанию товарищеской помощи кому-либо в производственном, культурном, политическом отношении; форма рабочего контроля над каким-либо ведомством или организацией; получило широкое распространение в ходе чистки госаппарата 1929–1931/2 гг.

Ячейка – первичная партийная организация на предприятии.

Для составления «Словаря языка эпохи» использованы следующие издания:

Мокшенок В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998.

Селищев А.М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком (1917–1926). М., 2013.

Материалы раздела «Словострой» журнала «30 дней», 1930–1931.

СЛОВАРЬ АББРЕВИАТУР

- АМО* – Автомобильное московское общество.
- Амторг* – акционерное общество по торговле с Америкой.
- АПО* – агитационно-пропагандистский отдел.
- АПП* – Ассоциация пролетарских писателей.
- АРРК* – Ассоциация работников революционной кинематографии.
- АССР* – Автономная советская социалистическая республика.
- БДТ* – Большой драматический театр.
- ВАПМ* – Всероссийская ассоциация пролетарских музыкантов.
- ВАПП* – Всероссийская ассоциация пролетарских писателей.
- ВАРНИТСО* – Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству.
- ВКП(б)* – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков).
- ВКХ* – Воронежское коммунальное хозяйство.
- ВЛКСМ* – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи.
- ВОАПП* – Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей.
- Волисполком, ВИК* – волостной исполнительный комитет.
- ВОКП* – Всероссийское общество крестьянских писателей.
- ВОУНБ* – Воронежская областная универсальная научная библиотека.
- Всероскомдрам* – Всероссийское общество советских композиторов и драматургов.
- ВСНХ* – Высший совет народного хозяйства.
- ВСП* – Всероссийский союз писателей.
- ВССП* – Всероссийский союз советских писателей.
- ВТУЗ* – высшее техническое учебное заведение.
- ВЦИК* – Всероссийский центральный исполнительный комитет.
- ВЦСПС* – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов.
- ВЧК, ЧК* – Всероссийская чрезвычайная комиссия (по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией).
- ГАХН* – Государственная академия художественных наук.
- ГЖД* – городская железная дорога.
- ГИК* – городской исполнительный комитет.
- ГИСХМ* – Государственный институт сельскохозяйственной мелиорации.
- ГИХЛ* – Государственное издательство художественной литературы.
- Главлит* – Главное управление по делам литературы и издательств при Наркомпросе.
- Главнаука* – Главное управление научными учреждениями при Наркомпросе.
- Главрепертком, ГРК* – Главный комитет по контролю за репертуаром.
- Главсельмаш* – Главное управление сельскохозяйственного машиностроения при Наркомате тяжелой промышленности.
- Главсоюзстрах* – Главное управление социального страхования.
- Госиздат, ГИЗ* – Главное управление государственным издательством при Наркомпросе.

- Госорганы* – органы государственной власти.
- Госплан* – Государственная комиссия по планированию.
- Госстрах* – Главное управление государственного страхования.
- ГОЭЛРО* – Государственный план электрификации России.
- ГПУ* – Государственное политическое управление.
- Губздравотдел* – губернский отдел здравоохранения.
- Губземуправление, ГубЗУ, ГЗУ* – губернское земельное управление.
- Губисполком* – губернский исполнительный комитет.
- Губком* – губернский комитет (партии).
- Губкоммунхоз* – губернское коммунальное хозяйство.
- Губмелиоратор* – губернский мелиоратор.
- Губ-облсовет* – губернский областной совет.
- Губоно* – губернский отдел народного образования.
- Губполитпросвет* – губернский политико-просветительный комитет при Наркомпросе.
- ГЭС* – гидроэлектростанция.
- Деткомиссия* – Комиссия при ВЦИК по улучшению жизни детей.
- ЕПО* – единое потребительское общество.
- Завком, ФЗК* – заводской комитет (профсоюза); фабрично-заводской комитет.
- ЗАГС* – отдел записи актов гражданского состояния.
- ЗРК* – закрытый рабочий кооператив.
- ИНФО* – Информационный отдел (ОГПУ).
- Исполком* – исполнительный комитет.
- ИТР* – инженерно-технический работник.
- Казкрайком* – Казахский краевой комитет (партии).
- КАССР* – Казахская автономная социалистическая советская республика.
- КЗОТ* – Кодекс законов о труде.
- КИМ* – Коммунистический интернационал молодежи.
- Колхозцентр, КХЦ* – Союз сельскохозяйственных коллективов СССР.
- Комакадемия* – Коммунистическая академия.
- Коминтерн* – Коммунистический интернационал.
- КПСС* – Коммунистическая партия Советского Союза.
- КрайВЭО* – Краевое отделение Всесоюзного электротехнического объединения.
- Крайисполком* – Краевой исполнительный комитет.
- Крайком* – Краевой комитет (партии).
- Культпросветработа* – культурно-просветительная работа.
- Лавком* – лавочная комиссия.
- ЛАПП* – Ленинградская ассоциация пролетарских писателей.
- Лектесырье* – лекарственное и техническое сырье.
- ЛЕФ* – Левый фронт искусств.
- ЛИЯ* – Институт литературы, искусства и языка Коммунистической академии.
- ЛМЗ* – Ленинградский металлический завод крупного машиностроения.
- ЛОКАФ* – Литературное объединение Красной Армии и Флота.
- МАПП* – Московская ассоциация пролетарских писателей.
- МГК* – Московский городской комитет (партии).
- МГСПС* – театр им. Московского губернского/городского совета профессиональных союзов, позже – театр им. Моссовета.

- Медсантруд* – профсоюз работников медико-санитарного труда.
- Межреспубликанский фильм* – «Международная рабочая помощь», советско-германская киноорганизация.
- Местком* – местный комитет (профсоюза).
- МК* – Московский областной комитет (партии).
- МКХ* – Московское коммунальное хозяйство.
- МОГЭС* – Московская государственная электростанция.
- МОНО* – Московский отдел народного образования.
- Моссельпром* – Московское губернское объединение предприятий по переработке продуктов сельскохозяйственной промышленности.
- МСПО* – Московский союз потребительских обществ.
- МТС* – Машинно-тракторная станция.
- МХАТ, МХТ* – Московский художественный академический театр.
- МЮД* – Международный юношеский день.
- Нарком* – народный комиссар.
- Наркомат, НК* – народный комиссариат.
- Наркомат РКИ, НК РКИ* – Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции.
- Наркомздрав* – Народный комиссариат здравоохранения.
- Наркомзем, НКЗ* – Народный комиссариат земледелия.
- Наркомпочтель, НКПиТ, НКПТ* – Народный комиссариат почт и телеграфов.
- Наркомпрос, НКП* – Народный комиссариат просвещения.
- Наркомсобес* – Народный комиссариат социального обеспечения.
- Наркомтруд, НКТ* – Народный комиссариат труда.
- Наркомфин, НКФ* – Народный комиссариат финансов.
- Наркомюст, НКЮ* – Народный комиссариат юстиции.
- Нарпит* – профсоюз работников народного питания и общежитий.
- НИИ* – научно-исследовательский институт.
- НКВД* – Народный комиссариат внутренних дел.
- НКПС* – Народный комиссариат путей сообщения.
- НОТ* – научная организация труда.
- НТО* – Научно-технический отдел (ВСНХ).
- Нэп* – новая экономическая политика.
- ОблКК, КК* – Областная контрольная комиссия, контрольная комиссия.
- Облплан* – Областная плановая комиссия.
- ОГИЗ* – Объединение государственных издательств.
- ОГПУ, ГПУ* – Объединенное государственное политическое управление.
- ОДГБ* – Общество друзей газеты «Безбожник».
- ОДД* – Общество «Друг детей».
- ОДН* – Общество «Долой неграмотность».
- ОДР* – Общество друзей радио.
- Окветотдел* – окружной ветеринарный отдел.
- ОкрЗУ* – окружное земельное управление.
- Окрисполком* – окружной исполнительный комитет.
- Окрпрофсовет* – окружной совет профсоюзов.
- ОСО* – Особое совещание (при ОГПУ).
- Осоавиахим* – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству.
- ОСПК* – Общество советских писателей-краеведов.
- Охматмлад* – Отдел охраны материнства и младенчества при Наркомздраве.

- Партлиния* – линия партии.
- ПК* – партколлегия (при ЦКК РКИ).
- ПО* – потребительское общество.
- ПОМГОЛ* – Помощь голодающим Поволжья.
- Потребкооперация* – потребительская кооперация.
- ПП* – Полномочное представительство (ОГПУ).
- Профинтерн* – Красный интернационал профсоюзов.
- Рабземлес* – профсоюз работников земли и леса.
- Рабис* – профсоюз работников искусства.
- Рабредсовет* – рабочий редакционный совет.
- Рабфак* – рабочий факультет.
- Райвик, РВИК* – районно-волостной исполнительный комитет.
- Райколхозсоюз* – районный союз сельскохозяйственных коллективов.
- Райком* – районный комитет (партии).
- РайПО, райпо* – районное потребительское общество.
- Райсельпо* – районное сельское потребительское общество.
- РАПП* – Российская ассоциация пролетарских писателей.
- РГАКФД* – Российский государственный архив кинофотодокументов.
- РИК* – районный исполнительный комитет.
- РК* – районный комитет (партии).
- РКИ, Рабкрин* – Рабоче-крестьянская инспекция.
- РКК* – районная контрольная комиссия.
- РККА* – Рабоче-крестьянская Красная армия.
- РККФ* – Рабоче-крестьянский Красный флот.
- РКП(б)* – Российская коммунистическая партия (большевиков).
- РОКК* – Российское общество Красного Креста.
- Росметрорес* – трест РСФСР по производству весоизмерительных приборов.
- РОСТА* – Российское телеграфное агентство.
- РСДРП(м)* – Российская социал-демократическая рабочая партия (меньшевиков).
- САСШ* – Северо-Американские Соединенные Штаты.
- СВБ* – Союз воинствующих безбожников.
- Селькор* – сельский корреспондент.
- Сельсовет* – сельский совет.
- Сельхозкооперация* – сельскохозяйственная кооперация.
- Совнарком, СНК* – Совет народных комиссаров.
- Совторгфлот* – «Советский торговый флот», акционерное общество.
- Соцстрах* – социальное страхование.
- Союз совторгслужащих* – профсоюз служащих советской торговли.
- Союзсельстрой* – Всесоюзное объединение сельскохозяйственного строительства.
- ССП* – Союз советских писателей.
- СССР* – Союз Советских Социалистических Республик.
- СТО* – Совет труда и обороны.
- Техмасс* – «Техника – массам», добровольное общество.
- ТО* – Транспортный отдел (ОГПУ).
- Трактороцентр* – «Всесоюзный центр машинно-тракторных станций», акционерное общество.
- ТРАМ* – Театр рабочей молодежи.
- ТСОЗ, ТОЗ, СОЗ* – Товарищество по совместной обработке земли.
- УК* – Уголовный кодекс.
- Уком* – уездный комитет (партии).
- Укрсовхозобъединение* – Украинское объединение совхозов.

ФЗУ – фабрично-заводское ученичество.

ФОСП – Федерация объединений советских писателей.

ФСБ – Федеральная служба безопасности.

Хлебопродукт – акционерное общество торговли хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами.

Хлебоцентр – Всесоюзный Центр кооперации по производству, переработке и сбыту зерновых и масличных культур.

Худполитсовет – художественно-политический совет.

ЦАГИ – Центральный аэрогидродинамический институт.

ЦБК – Центральное бюро краеведения.

ЦБРИЗ, БРИЗ – Центральное бюро рационализаторства и изобретательства.

ЦБСИ – Центральное бюро содействия изобретательству.

ЦДС – Центральный дом специалистов.

ЦЕКУБУ – Центральная комиссия по улучшению быта ученых.

Центрожилсоюз – Центральный союз жилищной кооперации.

Центросоюз – Всероссийский центральный союз потребительских обществ.

ЦИК – Центральный исполнительный комитет.

ЦИТ – Центральный институт труда.

ЦК – Центральный комитет.

ЦКК – Центральная контрольная комиссия.

ЦРК – Центральный рабочий кооператив.

ЦС – Центральный совет.

ЦСУ – Центральное статистическое управление.

Цустрах – Центральное управление социального страхования.

ЦЧО – Центрально-Черноземная область.

ШКМ – школа крестьянской/колхозной молодежи.

ЭКОСО – Экономический совет.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Повесть «Впрок». Автограф. <i>ИМЛИ</i>	4(1) 9
Повесть «Впрок». Машинопись с авторской правкой и пометами редактора. <i>ИМЛИ</i>	4(1) 42
Журнал «Красная новь» с пометами И.В. Сталина. <i>РГАСПИ</i>	4(1) 65
Критические статьи о повести «Впрок». 1931–1932	4(1) 67
Повесть «Котлован». Автограф. <i>ИРЛИ</i>	4(1) 70
Повесть «Котлован». Автограф. <i>ИРЛИ</i>	4(1) .. 116
Повесть «Котлован». Рукописная вставка в машинопись. <i>ИРЛИ</i>	4(1) .. 172
Повесть «Ювенильное море». Автограф. <i>ИМЛИ</i>	4(1) .. 175
Повесть «Ювенильное море». Автограф. <i>ИМЛИ</i>	4(1) .. 202
Повесть «Ювенильное море». Автограф. <i>ИМЛИ</i>	4(1) .. 206
Повесть «Ювенильное море». Автограф. <i>ИМЛИ</i>	4(1) .. 243
Повесть «Впрок». Автограф. <i>ИМЛИ</i>	4(1) .. 251
Иллюстрации к рассказу А. Платонова «Г.М. Скрынко», опубликованному в журнале «Прожектор»	4(1) .. 268
Серия «Социалистическое строительство». Анонс о выходе книги А. Платонова «ЦЧО» на последней странице книги А.Н. Новикова «Гоночное поле»	4(1) .. 296
Повесть «Впрок». Автограф. <i>ИМЛИ</i>	4(1) .. 314
Страницы записной книжки. 1930. Автограф. <i>ИМЛИ</i>	4(1) .. 342
Рассказ «Усомнившийся Макар». Составная рукопись. <i>ИМЛИ</i>	4(2) 49
Воронежский паровозоремонтный завод им. Ф.Э. Дзержинского. Бригада литейного цеха. Начало 1930-х гг. <i>ВОУНБ им. И.С. Никитина</i>	4(2) .. 130
Очерк А. Платонова в журнале «На стройке МТС»	4(2) .. 144
Пьеса «Дураки на периферии». Машинопись. <i>ИМЛИ</i>	4(2) .. 158
Пьеса «Шарманка». Автограф. <i>ИМЛИ</i>	4(2) .. 196
Ленинградский металлический завод им. И.В. Сталина. Рабочий клуб ЛМЗ. Бригадир комсомольской бригады П. Старосельцев. 1930. <i>Музей ЛМЗ</i>	4(2) .. 272
Статья «О машинном поливе полей в районах МТС». Машинопись. <i>РГАЛИ</i>	4(2) .. 437
Технический проект «Полуметро». <i>РГАЛИ</i>	4(2) .. 442
Газета «Голос бумажника». Объявления о работе бригады писателей. Октябрь 1930 г.	4(2) .. 464

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КОЛЛЕКТИВ 4(1–2) ТОМА

4(1) том

Тексты и комментарии разделов «**Повести**» и «**Редакции**» подготовили:

- «Впрок (Бедняцкая хроника)» – *Н.В. Умрюхина.*
- «Котлован» – *Н.И. Дужина.*
- «Ювенильное море (Море юности)» – *Н.И. Дужина.*

4(2) том

Тексты и комментарии раздела «**Рассказы и очерки**» подготовили:

- «Областные организационно-философские очерки» – *Н.В. Корниенко.*
- «Григорий с Умственного хутора (Эпизод)» – *Е.В. Антонова.*
- «В поисках будущего (Путешествие на Каменскую писчебумажную фабрику)» – *Н.И. Дужина.*
- «Усомнившийся Макар» – *Е.В. Антонова.*
- <Рассказы про население в сельских местностях>
 - «Восьмеро неимущих» – *Е.В. Антонова.*
 - «Автодор в деревне Увязке» – *Н.И. Дужина.*
 - «Служебно-сочувствующий» – *Н.И. Дужина.*
- «Послушайте рассказ о том, как жили-были 52 лодыря-кулака в одной небольшой деревне» – *Е.В. Антонова.*
- «Отмежевавшийся Макар» – *Е.В. Антонова.*
- «Первый Иван» (Заметки о техническом творчестве трудящихся людей)» – *Б. Дооге, Е.В. Антонова.*
- «Факт (Очерк про двух отсталых рабочих)» – *Н.В. Умрюхина.*
- «Вольтова дуга (Рассказ об ударниках-изобретателях)» – *Н.И. Дужина.*
- «Кухонный мужик Советского Союза» – *Е.В. Антонова.*
- «Заблуждение на родине компота» – *Н.И. Дужина.*
- «Товарищ пролетариата» – *Е.А. Рожнецева.*
- «Человек нашего времени» – *Н.И. Дужина.*

Тексты и комментарии раздела «**Заметки и корреспонденции**» подготовили:

- «Круговорот. Как делается “Крестьянская Радиогазета”» – *Е.В. Антонова.*
- «За большевистского счетовода в колхозе! (Заметки разъездного корреспондента)» – *Н.В. Умрюхина.*
- «По заволжским МТС (Заметки разъездного корреспондента)» – *Н.В. Умрюхина.*
- «О неувязках и неполадках (От нашего специального корреспондента)» – *Е.В. Антонова.*

Тексты и комментарии раздела «**Пьесы**» подготовили:

- «Дураки на периферии» – *М.В. Осипенко.*
- «Шарманка» – *Н.И. Дужина.*
- «Объявление о смерти» – *Д.С. Московская.*

Тексты и комментарии раздела «**Сценарии**» подготовили:

«Машинист» – *М.В. Осипенко*.

«Турбинщики» – *Р.Е. Клементьев*.

Тексты и комментарии раздела «**Статьи**» подготовила *Н.В. Корниенко*.

Тексты раздела «**Редакции**» подготовили:

«Че-Че-О (Областные организационно-философские очерки)» – *Н.В. Корниенко*.

<Против халтурных судей> – *Н.В. Корниенко*.

<Фрагменты ранней редакции пьесы «Шарманка»>;

<Неиспользованный фрагмент> «Вст<авка в “Шарманку”» – *Н.И. Дужина*.

«Высокое напряжение»; <Высокое напряжение> Действие IV – *Д.С. Москвская*.

Тексты и комментарии раздела «**Наброски**» подготовили:

«Наука, техника и мастерство» – *Е.В. Антонова*.

<Наброски в тетради. 1929–1930> – *Е.В. Антонова*.

<Первое мая> – *Е.В. Антонова*.

«Один на свете» – *Н.И. Дужина*.

«На глинистом бугре...» – *Н.И. Дужина*.

«В тюрьму привели человека...» – *Е.В. Антонова*.

«Интервью» – *Е.В. Антонова*.

«Как класс» – *Н.И. Дужина*.

«Разрушение идиотизма» – *Н.В. Корниенко*.

«Записки организованного человека» – *Н.В. Корниенко*.

«В 1918–20 годах в одном провинциальном советском городе...» – *Е.В. Антонова*.

«Скудная пустошь...» – *Н.И. Дужина*.

«Околица усадьбы совхоза...» – *Н.И. Дужина*.

«Беглец издалека» – *Р.Е. Клементьев*.

«Человек нашего времени» – *Н.И. Дужина*.

«Профессор-хирург...» – *Н.В. Умрюхина*.

Тексты и комментарии разделов «**Технические проекты**» и «**Коллективное**» подготовила *Е.В. Антонова*.

Вступительная статья к комментариям тома написана *Н.И. Дужиной*.

Вступительная статья к разделу «Сценарии» написана *Р.Е. Клементьевым*.

Словарь языка эпохи и словарь аббревиатур составлены *Н.И. Дужиной*.

Указатель произведений А.П. Платонова составлен *Н.В. Умрюхиной*.

Рецензенты тома 4(1): *А.С. Акимова, А.П. Зименков, М.И. Щербакова*.

Рецензенты тома 4(2): *О.Я. Алексеева, Е.Г. Падерина, С.Р. Федякин*.

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ

Областные организационно-философские очерки.....	7*	470
Григорий с Умственного хутора (Эпизод).....	23	512
В поисках будущего (Путешествие на Каменскую писчебумажную фабрику).....	33	516
Усомнившийся Макар.....	43	523
<Рассказы про население в сельских местностях>		
Восьмеро неимущих.....	60	539
Автодор в деревне Увязке.....	63	539
Служебно-сочувствующий.....	65	541
Послушайте рассказ о том, как жили-были 52 лодыря-кулака в одной небольшой деревне.....	68	541
Отмежевавшийся Макар.....	71	542
«Первый Иван» (Заметки о техническом творчестве трудящихся людей).....	74	544
Факт (Очерк про двух отсталых рабочих).....	88	556
Вольтова дуга (Рассказ об ударниках-изобретателях).....	98	568
Кухонный мужик Советского Союза.....	104	571
Заблуждение на родине компота.....	111	573
Товарищ пролетариата.....	117	576
Человек нашего времени.....	123	581

ЗАМЕТКИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

Круговорот. Как делается «Крестьянская Радиогазета».....	133	583
За большевистского счетовода в колхозе! (Заметки разъездного корреспондента).....	136	586
По заволжским МТС (Заметки разъездного корреспондента).....	143	600
О неувязках и неполадках (От нашего специального корреспондента).....	151	610

ПЬЕСЫ

Дураки на периферии.....	155	613
Шарманка.....	195	646
Объявление о смерти.....	244	705

СЦЕНАРИИ

Машинист (Либретто).....	275	739
Турбинчики (Кинематографический очерк).....	291	751

* В первом столбике указана страница текста, во втором – страница комментариев.

СТАТЬИ

<Против халтурных судей (Ответ В. Стрельниковой)>	319 .. 773
Великая Глухая.....	324 .. 783

РЕДАКЦИИ

Че-Че-О (Областные организационно-философские очерки)	329 .. 797
<Против халтурных судей>	344 .. 797
<Фрагменты ранней редакции пьесы «Шарманка»>	346 .. 797
<Неиспользованный фрагмент> «Вст<авка> в “Шарманку”».....	350 .. 797
Высокое напряжение.....	353 .. 797
<Высокое напряжени> Действие IV	385 .. 797

НАБРОСКИ

Наука, техника и мастерство	401 .. 797
<Наброски в тетради. 1929–1930>.....	403 .. 798
Изобретатели и аварийцы	403 .. 799
«В осеннее время шли по дороге...»	403 .. 800
Ветер-пахарь <1>	404 .. 800
Ветер-пахарь <2>	406 .. 800
«Два красноармейца в старых шинелях...».....	409 .. 801
«Макарий Пономарев работал на заводе...».....	411 .. 802
<Первое мая>.....	413 .. 802
Один на свете	414 .. 802
«На глинистом бугре...»	415 .. 802
«В тюрьму привели человека...»	417 .. 803
Интервью	418 .. 804
Как класс.....	419 .. 804
Разрушение идиотизма.....	420 .. 805
Записки организованного человека	421 .. 805
«В 1918–20 годах в одном провинциальном советском городе...».....	422 .. 805
«Скудная пустошь...»	423 .. 806
«Околица усадьбы совхоза...».....	425 .. 806
Беглец издалека	427 .. 806
Человек нашего времени.....	429 .. 806
«Профессор-хирург...»	430 .. 806

ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ

О машинном поливе полей в районах МТС	435 .. 807
Полуметро (В порядке предложения – о радикальном улучшении трамвайного сообщения в Москве и в других городах с перегруженным движением)	441 .. 810
Автомобильная электрическая трансмиссия (В порядке предложения)	446 .. 811
Овладеем техникой вольтовой дуги! (В порядке предложения).....	450 .. 812

КОЛЛЕКТИВНОЕ

Упорядочим внутрифабричный транспорт (В порядке предложения)	455 .. 816
<Прорыв продолжается>.....	457 .. 817
<Технический гений из Всебумпрома>.....	461 .. 817

КОММЕНТАРИИ

Условные сокращения.....	467
Рассказы и очерки	470
Заметки и корреспонденции	583
Пьесы	613
Сценарии.....	733
Статьи	773
Редакции	797
Наброски.....	797
Технические проекты.....	807
Коллективное.....	814
Указатель произведений А.П. Платонова	819
Словарь языка эпохи	824
Словарь аббревиатур.....	832
Список иллюстраций.....	837
Исследовательский коллектив 4-го тома.....	838

*Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН*

Андрей Платонович Платонов

СОЧИНЕНИЯ

Научное издание

Том четвертый

Книга вторая

1928–1932

Рассказы. Пьесы. Сценарии. Статьи

Технический редактор А.В. Лавочкина
Корректор В.И. Мартынюк

Подписано в печать 11.11.2019. Формат 60×90^{1/16}. Гарнитура Таймс
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 53,0. Тираж 1000 экз. Заказ 118

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25-а
тел. (495) 691–23–01, 690–05–61

Отпечатано в ФГУП “Издательство “Наука” (Типография “Наука”)
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6

ISBN 978-5-8208-0598-0

9 785920 805980

